

ББК 81.081
Г 12

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 96-04-16117

Гак В. Г.

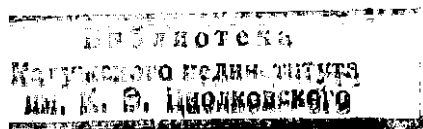
Языковые преобразования. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — 768 с., 1 ил.

ISBN 5-7859-0063-7

В монографии исследуются проблемы языковых преобразований, являются причины, формы и сферы их применения в языке. Показываются их универсальность и вместе с тем применимость в разных сферах языковой структуры и аспектах языковой реализации. В связи с основной задачей рассматриваются детали проблемы организации высказывания, теории номинации, вариативности, симметрии/асимметрии в языке и другие общелингвистические вопросы.

ББК 81.031

393266

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavice@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства Школа «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0063-7

9 785785 900639 >

© В. Г. Гак, 1998

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

ЧАСТЬ I НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ В КОНЦЕ XX ВЕКА

Глава I. О плюрализме в лингвистических теориях	1
Подтверждения	
А. Пластичность человеческого мышления	
1. Онтологические и прагматические логические классы	
2. Несимметричная анафора и местоименный перебой	
Б. Многоаспектность объекта	
1. Истина и люди	
2. Судьба и мудрость	
Глава II. Логическое исчисление в лингвистике	11
Приложения	
1. Фонетические преобразования	
2. Морфологические типы	
3. Типы синтаксической связи	
4. Порядок слов во французском языке	
5. Об исчислении лексико-синтаксических синонимов. Выражение локальных отношений	
6. Поле неопределенности	
7. Исчисление языковых форм при сопоставлении. Глагольные времена во французском и русском языках	
8. Исчисление теоретических решений	
Глава III. Использование идеи симметрии/асимметрии в лингвистике	
Приложения	
1. Предикативные отношения в свете языковой асимметрии	10
2. Фразеологические единицы в свете асимметрии языкового знака	
3. Асимметрия в социолингвистике	
4. Асимметрия в лингвострановедении	
5. Компенсация асимметрии. Вид в русском языке	
Глава IV. Языкознание и другие науки. Язык, орудие и товар	11
Глава V. Функциональный подход к явлениям языка	11
1. К типологии функциональных подходов к изучению языка	
2. Семантическая структура языковой единицы и типология функций	

ЧАСТЬ II

ОТ СИТУАЦИИ К ВЫСКАЗЫВАНИЮ

(образительная функция языка, иконизм)

Глава I. Проблемы ономазиологии	199
Глава II. О двух типах знаков в языке (высказывание и слово) . .	205
Глава III. О соотношении языка и действительности	210
Глава IV. К диалектике семантических отношений в языке	224
Глава V. Высказывание и ситуация	243
Глава VI. К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур) . . .	264
Глава VII. К проблеме семантической синтагматики	272
Глава VIII. О моделях языкового синтеза	298
Глава IX. Типология лингвистических номинаций	310

ЧАСТЬ III

ВИДЫ ЯЗЫКОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Глава I. Языковая вариативность в свете общей теории вариативности	
Приложение	
Людическая функция языка как источник вариативности	371
Глава II. Общая типология форм языковых преобразований	374
Глава III. Транспозиции	382
1. Типология контекстуальных языковых преобразований при переводе	382
2. Номинализация сказуемого и устранение субъекта	395
Глава IV. Актантные трансформации	409
1. Трансформации с актантами и соотношение между структурой высказывания и структурой ситуации	
2. Использование лексических средств при синтаксических трансформациях	≡
3. Коммуникативные трансформации и системность средств логического выделения во французском языке	432
4. Номинация действия	446
Глава V. Лексико-семантические преобразования	453
1. К проблеме общих семантических законов	453
2. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания	466
3. Метафора: универсальное и специфическое	480
Приложение. Семантические основы парафазии в нормальной речи	498
Глава VI. Количественные преобразования	512
Семантическая экономия и избыточность как средство преодоления интерференции при переводе	

ЧАСТЬ IV

ФАКТОРЫ И СФЕРЫ РЕАЛИЗАЦИИ
ЯЗЫКОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Глава I. Повторная номинация	
1. Повторная номинация и ее стилистическое использование . .	
2. Повторная номинация, ее структурно-организующие и стилистические функции в тексте	536
3. Повторная номинация на уровне предложения	545
Глава II. Прагматика и языковое варьирование	554
1. Прагматика, узус и грамматика речи	554
2. Сопоставительная прагматика	566
3. Человек в языке. Говорящий и пространство ситуации. Языковое поведение	≡ ^
Глава III. Варьирование номинаций в диахронии и синхронии . . .	≡ ^
1. К эволюции способов речевой номинации. Древнерусский и современный русский язык	≡ ^
2. О сравнительной динамике исторического развития языков Старофранцузский и современный французский языки	≡ ^
3. К проблеме сопоставительного типологического анализа речевого акта и текста	629
4. О прогрессе в языке	639
Глава IV. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста . .	645
1. Синтаксис эмоций и оценок	645
2. Нулевая степень письма	659
Глава V. Преобразования в лексико-семантических полях	662
1. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля)	662
2. Пространство вне пространства	670
3. Пространство времени	678
4. Речевые рефлексии с речевыми словами	685
Глава VI. Семантические преобразования этимонов	691
1. Этимолого-синтаксические поля в лексике	691
2. Понятие «рука» и его отражение в русском языке	701
3. Понятие «голова» и его отражение в русском языке	710
Глава VII. Общая реалья и разные языки	720
1. «Сноха» (по материалам Atlas linguarum Europae)	720
2. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами)	730
Глава VIII. Преобразования в свете литературного воздействия . .	745
1. Новаторство, заимствование, совпадение	745
2. Литературные варианты и особенности национальной культуры (Лафонтен и Крылов)	^ ≡

ЧАСТЬ II
ОТ СИТУАЦИИ К ВЫСКАЗЫВАНИЮ
(отобразительная функция языка, иконизм)

Глава I. Проблемы ономазиологии	199
Глава II. О двух типах знаков в языке (высказывание и слово)	205
Глава III. О соотношении языка и действительности	210
Глава IV. К диалектике семантических отношений в языке	224
Глава V. Высказывание и ситуация	243
Глава VI. К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур)	264
Глава VII. К проблеме семантической синтагматики	272
Глава VIII. О моделях языкового синтеза	298
Глава IX. Типология лингвистических номинаций	310

ЧАСТЬ III
ВИДЫ ЯЗЫКОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Глава I. Языковая вариативность в свете общей теории вариативности	367
Приложение	
Людическая функция языка как источник вариативности	371
Глава II. Общая типология форм языковых преобразований	374
Глава III. Транспозиции	382
1. Типология контекстуальных языковых преобразований при переводе	382
2. Номинализация сказуемого и устранение субъекта	395
Глава IV. Актантные трансформации	409
1. Трансформации с актантами и соотношение между структурой высказывания и структурой ситуации	409
2. Использование лексических средств при синтаксических трансформациях	418
3. Коммуникативные трансформации и системность средств логического выделения во французском языке	432
4. Номинация действия	446
Глава V. Лексико-семантические преобразования	453
1. К проблеме общих семантических законов	453
2. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания	466
3. Метафора: универсальное и специфическое	480
Приложение. Семантические основы парафразы в нормальной речи	498
Глава VI. Количественные преобразования	512
Семантическая экономия и избыточность как средство преодоления интерференции при переводе	512

ЧАСТЬ IV
ФАКТОРЫ И СФЕРЫ РЕАЛИЗАЦИИ
ЯЗЫКОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Глава I. Повторная номинация	524
1. Повторная номинация и ее стилистическое использование	524
2. Повторная номинация, ее структурно-организующие и стилистические функции в тексте	536
3. Повторная номинация на уровне предложения	545
Глава II. Прагматика и языковое варьирование	554
1. Прагматика, узус и грамматика речи	554
2. Сопоставительная прагматика	566
3. Человек в языке. Говорящий и пространство ситуации. Языковое поведение	578
Глава III. Варьирование номинаций в диахронии и синхронии	587
1. К эволюции способов речевой номинации. Древнерусский и современный русский язык	587
2. О сравнительной динамике исторического развития языков. Старофранцузский и современный французский языки	607
3. К проблеме сопоставительного типологического анализа речевого акта и текста	629
4. О прогрессе в языке	639
Глава IV. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста	645
1. Синтаксис эмоций и оценок	645
2. Нулевая степень письма	659
Глава V. Преобразования в лексико-семантических полях	662
1. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля)	662
2. Пространство вне пространства	670
3. Пространство времени	678
4. Речевые рефлексии с речевыми словами	685
Глава VI. Семантические преобразования этимонов	691
1. Этимолого-синтаксические поля в лексике	691
2. Понятие «рука» и его отражение в русском языке	701
3. Понятие «голова» и его отражение в русском языке	710
Глава VII. Общая реалья и разные языки	720
1. «Сноха» (по материалам Atlas linguarum Europae)	720
2. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами)	730
Глава VIII. Преобразования в свете литературного воздействия	745
1. Новаторство, заимствование, совпадение	745
2. Литературные варианты и особенности национальной культуры (Лафонтен и Крылов)	754

АНИЮ
(именим)

.....	199
..... (имени и слово).....	205
.....ности.....	210
..... в языке.....	224
.....	243
..... (соматическая структур).....	264
.....ности.....	272
.....	298
.....	310

АВОВАНИЙ

.....	367
.....	371
..... преобразованиями.....	374
.....	382
.....	382
.....	395
.....	409
..... между	409
.....	418
..... средств	432
.....	446
.....	453
.....	453
.....	466
.....	480
..... в нормальной речи	498
.....	512

Сб

ЧА

СФ

К П

а .

е

е

и

ПРЕДИСЛОВИЕ

Базовой единицей устройства и функционирования языка является отношение между элементом плана выражения и элементом плана содержания, то есть отношение номинации (референции). В процессе развития и функционирования языка постоянно происходят изменения в отношениях номинации. Реноминация (изменение соотносительности между элементами планов выражения и содержания) имеет место при переходе от одного языкового состояния или языка к другому: в историческом развитии языка, при переводе или сопоставлении языков, при литературном творчестве и формировании вариантов языка, социолектов и языковых стилей. Реноминация проявляется в двух основных аспектах: изменение означаемого при сохранении означаемого (изменение отношений номинации, ономаσιологический аспект) и изменение означаемого при сохранении означаемого (изменение отношений референции, семасиологический аспект). Языковые преобразования — сердцевина развития и функционирования языка — подробно исследуются при изучении различных аспектов существования языка. Однако, несмотря на обилие ценных конкретных наблюдений, до сего времени нет опыта создания *общей типологии языковых преобразований*. Между тем, и в истории языка, и в литературном творчестве, и в переводе, — всюду, где речь идет о переходе от одного способа обозначения к другому, мы сталкиваемся с одними и теми же типами языковых преобразований, имеющими универсальный характер. Более того, в семасиологическом аспекте (изменение означаемого) и в ономаσιологическом (изменение означаемого) обнаруживаются аналогичные формы преобразований. Эти формы преобразований можно *логически исчислить*, можно, по-видимому, разработать общую их типологию, на фоне которой будет более наглядно проявляться универсальное и специфическое в языке. Общая типология языковых преобразований позволит дополнительно пролить свет на такие общие проблемы языкознания как причины изменений и вариативности в языке, соотношение между формами языка и формами мышления, соотношение между языком и действительностью, взаимодействие между разными уровнями языковой системы и др.

Итак, цель книги — попытаться восполнить пробел в лингвистической науке, изложить, с одной стороны, факторы и назначение языковых преобразований, с другой — представить опыт логического ис-

числения всех возможных преобразований и построения их типологии. В книге подвергается анализу *динамический аспект* языка. Материалом исследования являются факты прежде всего русского и французского языков с привлечением данных некоторых других.

Язык изучается в четырех аспектах: в его структуре и реализации, во времени и пространстве. В каждом из этих аспектов отмечаются одни и те же общие типы реноминации. Они обнаруживаются как в семасиологическом плане (изменение значений языковых единиц), так и в ономасиологическом (использование разных единиц для выражения одного и того же значения, для выполнения одной и той же функции). Преобразования отмечаются как внутри языка, так и при переходе от одного языка к другому (при заимствовании, при переводе).

Дидро приписывают фразу «Задача ученого состоит в том, чтобы видеть сходство, где простой ум [то есть человек, далекий от науки. — В. Г.] видит одно различие, и видеть различие в том, где простой ум видит одно лишь сходство». Одной из наших задач будет показать общее в самых разнообразных проявлениях языковых преобразований.

Помимо теоретической значимости разработка общей типологии языковых преобразований может иметь и практическое назначение для более полного описания и выявления процессов, происходящих в истории языка, в функционировании языка, упрочить основу для теории и практики перевода, лексикографии, стилистического анализа текста и т. п.

В главе I рассматриваются существенные для исследуемой проблемы некоторые общие вопросы лингвистической методологии так, как они ставятся в конце XX века. Основные разделы посвящены соответственно общим проблемам теории языковых преобразований, типологии языковых преобразований и сферам проявления и использования языковых преобразований. Во многих случаях рассуждения теоретического порядка иллюстрируются материалами особых глав, подробно описывающих конкретный языковой материал.

В книге использованы материалы некоторых прежних публикаций автора.

ЧАСТЬ I

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ В КОНЦЕ XX ВЕКА

ГЛАВА I

О ПЛЮРАЛИЗМЕ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ*

Конец XX века ознаменовался многочисленными попытками осмыслить состояние и методологию современной науки, ее достижения и перспективы, в том числе и в области языкознания. Проводились конференции на эту тему (например, «Лингвистика на исходе XX века», 1995), выпускались специальные труды («Язык и наука конца XX века». М., 1995). Подробно описываются различные теории и теоретические парадигмы, сменяющие друг друга. Но пожалуй, наиболее существенное отличие новых тенденций заключается не в системе конкретных понятий и подходов, используемых в той или иной теории, но в общих положениях, касающихся теории познания. Во всех разделах языкознания проявляется большое разнообразие мнений и теорий при истолковании одних и тех же фактов, при освещении одних и тех же объектов науки. Современная методология науки склонна видеть в этом плюрализме мнений не слабость науки и недостаток научных исследований, а их достоинство. «Пролиферация теорий благотворна для науки, в то время как их единообразие ослабляет ее критическую силу» (Фейерабенд 1986, 142). И тот же автор подчеркивает: «В единстве мнений нуждается церковь, испуганные или корыстные жертвы некоторых [...] мифов либо слабовольные и добровольные последователи какого-либо тирана. Для объективного познания необходимо разнообразие мнений. И метод, поощряющий такое разнообразие, является единственным, совместимым с гуманистической позицией» (Там же, 179).

Аналогичную мысль высказал еще Дж. С. Милль, писавший: «Плюрализм мнений, воплощающий в себе свободу мышления, есть необходимое условие истинны» (Mill 1909, 222). Догматическое научное образование, подчеркивал он, несовместимо с гуманистическим мировоззрением (цит. по: Карсавин 1987, 16).

Показательно, как изменилось в нашей стране отношение к научному плюрализму за какие-нибудь десять лет. И. Т. Карсавин в книге

* Впервые опубликовано в разных вариантах: *Филологические науки*, 1997, № 6; О причинах различных теоретических толкований языковых фактов // *Иностранные языки в школе*, 1986, № 2.

«Теория познания в плену анархии» резко критикует Фейерабенда, упрекая его в том, что он применил к науке получившую широкую известность методологическую максиму «все дозволено» (anything does) (Карсавин 1987, 20). Он обвиняет его в гносеологической анархии, говоря, что «тенденция к мировоззренческому плюрализму, к уравниванию между собой разных и даже противоположных идеологий, форм культуры очень характерна для буржуазной философии» (Там же, 7).

Однако, В. В. Ильин (Ильин 1994) различает в истории научной методологии 3 этапа: классический, неклассический (современный) и неонеклассический, формирующийся в наши дни и определяющий науку будущего.

Сущностно-отличительным признаком современной науки он считает «включенность субъективной деятельности в тело знания» (Ильин 1994, 64). Дифференциальные признаки различных этапов теории познания и эпистемологии он выводит из этого основного признака.

Классической науке была свойственна имперсональность (стремление избежать субъективных пристрастий), надличностные понятия и термины, абсолютизм, кумулятивизм.

Для неклассического периода характерен персонализм (признание личности как самотворящей стихии), отрицание монизма, допущение множественности субъективных потенциалов, самодеятельность познавателя, разрушающая модель зеркального копирования действительности. Широко утверждается идея дополнительности субъекта и объекта познания, восходящая к теории Бора. Если в классической науке единой и единственной сущности соответствовала единая и единственная истина (Там же, 70), то в неклассической различные ракурсы видения системы не сводятся к одному и единственному ракурсу, ибо сосредоточение на одном факторе делает невозможным одновременное изучение других. Современная наука придает особое значение полилогу взглядов на одну и ту же реальность. Помимо персонализма и плюрализма взглядов В. В. Ильин отмечает такие компоненты современной теории познания как вероятностный характер знания (абсолютная точность и строгость его недостижимы) и формирование интертеории, которая предполагает исходно плюралистическую, пролиферационную установку (теория разветвляется как пучок относительно самостоятельных моделей-описаний предметной области). При этом ставка делается не на конфронтацию, а на координацию подходов, которая обеспечивает объемное и объективное видение, в частности за счет перебора логически и фактически допустимых альтернатив (Там же, 85).

Неонеклассический подход ставит в центр научного творчества человека, в связи с чем важное значение приобретают креативизм, аксиология науки, телеономия (подчинение целесообразности).

В заключение (Там же, 122) автор выделяет следующие методы порождения теоретического знания:

— принцип терпимости (толерантность к продуктам научного творчества);

- принцип идиосинкразии к инакомыслию (признание многообразия взглядов нормальным, освобождение от теоретического фанатизма);
- принцип условности (относительность собственных результатов);
- принцип аполитичности (запрет на использование идеологии, мифологем, ориентации на общественные предрассудки);
- принцип инактивности (политическая абстиненция, объяснение, а не изменение мира);
- принцип гуманизма (человек — цель; общество — средство).

Из этих шести принципов первые три непосредственно касаются внутренней методологии науки. Последние три принципа имеют в виду социологическую роль науки и исследователя; они прямого отношения к нашим проблемам не имеют, и мы рассматривать их не будем.

Итак, в разнообразии научных мнений, в том числе и в сфере лингвистики, следует видеть не «анархию» в теории познания, не проявление субъективизма исследователей, но отражение свойств самых языковых фактов и явлений, а также отражение свойств человека-исследователя.

Причины плюрализма в лингвистике. Ниже мы подробнее рассмотрим причины различных теоретических толкований языковых фактов.

В лингвистических трудах с теоретическим плюрализмом мы встречаемся на каждом шагу. Постоянно обнаруживаются расхождения в классификациях, в терминологическом обозначении понятий, в теоретическом объяснении одних и тех же языковых явлений. Одно и то же слово по-разному представлено в разных словарях. Даже самая обширная описательная «практическая» грамматика языка основывается на определенной лингвистической теории: номенклатура частей речи, грамматических категорий, используемая терминология представляют собой результат определенного теоретического осмысления языковых фактов — сравнения, классификации и других мыслительных процессов, составляющих сущность научного познания. И если мы порой не видим теории в «практических» грамматиках, то только в силу привычности понятий, образующих их основу. В связи с развитием общего и частного языкознания наблюдается появление все новых и новых теорий, касающихся тех или иных фактов языка. Иногда авторы двигаются в противоположном направлении. Вот характерный пример.

Традиционные французские грамматики определяли слова типа *mon*, *moi*, *ton*, *ta*, *vois*, *se*, *ce*, *celui* и т. п. как местоименные прилагательные (*adjectifs pronominiaux*), составляющие особую группу среди прилагательных, в последние десятилетия они стали исключаться из класса прилагательных и выделяться в особый функциональный класс — детерминативов. В русской грамматике слова *мой*, *твой*, *этот* и т. п. традиционно относились к местоимениям (см., например, «Грамматика русского языка», 1952, т. 1, 387), хотя и отмечались различия между местоимениями-прилагательными и местоимениями-существительными.

ми. В «Русской грамматике» — 80 (ч. 1, 542) эти слова под названием *местоименные прилагательные* отделены от местоимений как части речи и включены в класс прилагательных в качестве особой семантической группы наряду с качественными, относительными и порядковыми прилагательными.

Нередко лингвисты возвращаются к классификациям и определениям, от которых, казалось бы, уже отказались. Так, французская грамматическая традиция рассматривала форму *il ferait* как условное наклонение. Под влиянием работ Г. Гийома ее стали интерпретировать как особое предположительное (гипотетическое) будущее время в составе индикатива. Но снова появляются работы, выделяющие эту форму в особое косвенное наклонение — условное или потенциальное.

Плюрализм в лингвистике не только возможен, но и неизбежен.

Как и всякая другая наука, лингвистика преследует двоякую задачу: описание явлений, фактов языка и постижение сущности этих явлений, то есть определение их значимости, их положения в системе языка, их природы и закономерностей их функционирования. Изучая разнообразные формы проявления языковых фактов, наука стремится вскрыть их сущность, их внутреннее содержание. Но путь от «видимых» явлений к «невидимой» сущности непрост: исследователи сталкиваются здесь с рядом факторов, которые осложняют поиски научного решения, делают данное научное осмысление не единственно возможным.

Факторы, вызывающие к жизни плюрализм интерпретации, можно разбить на две группы:

— объективные факторы, касающиеся объекта исследования, или внутренние по отношению к объекту;

— субъективные факторы, касающиеся субъекта исследования, самого исследователя, внешние по отношению к объекту лингвистического анализа.

Среди *объективных* факторов можно отметить:

- 1) недискретность многих языковых явлений;
- 2) асимметрию, свойственную языковым знакам;
- 3) многоаспектность языковых явлений.

Недискретность языковых явлений обнаруживаются в частом отсутствии жестких разграничительных линий между ними, что создает объективные трудности для их различения и классификаций. Во многих случаях анализируемые языковые явления образуют своего рода спектр, где между отрезками четко различающихся цветов находятся переходные зоны, которые трудно приписать определенному цвету.

Факты языка формируют некоторый континуум — цепь постепенных переходов; крайние звенья этой цепи четко различаются между собой, но они связаны зоной постепенных переходов, где невозможно раз и навсегда провести разграничительные линии. Исходя из того

или иного фактора исследователи проводят эти линии по-разному, различным образом строят классификации внутри этого континуума, вследствие чего различно определяется природа одних и тех же фактов и формулируются разные теоретические решения.

Язык, как и другие явления действительности, может изучаться в четырех аспектах: во времени и в пространстве, в структуре и в функционировании.

Недискретный, континуальный характер языковых явлений, при котором между явными, четко различающимися элементами имеется промежуточный слой, в котором наблюдается постепенный переход от одного элемента к другому, может проявляться во всех отмеченных четырех аспектах.

Во *временном* аспекте континуальность проявляется наиболее наглядно в периодизации истории языка.

Языковое развитие идет непрерывно и при этом неравномерно: значительные изменения в сфере фонологии или бурное развитие словарного состава языка не обязательно сопровождаются столь же существенными сдвигами в грамматическом строе языка, и наоборот. В связи с этим возникают различные мнения по вопросу о периодизации истории языка, и нередко периоды определяются не только на основе фактов внутренней эволюции языкового строя, но в еще большей степени исходя из явлений внешней истории языка, которые оказывают влияние на функционирование языка, а через него и на развитие его строя. Так, начало периода старофранцузского языка одни авторы связывают с началом правления Карла Великого (768 г.), другие — с распадом империи Карла Великого и выделением французского государства (843 г.), третьи (А. Доза) — даже с воцарением династии Капетингов (987 г.). Любая из этих «точных» дат оказывается неточной: новый этап в развитии языка охватывает длительный отрезок времени, и любая привязка его к определенному историческому событию окажется условной. Но без подобных условных вех обойтись нельзя.

Континуум языковых фактов наблюдается и в *пространственном* аспекте, в связи с чем во многих случаях оказывается затруднительным проведение границ между диалектами, вариантами языка, выделение и классификация самих языков. Ввиду несовпадения изоглосс, при выделении и классификации диалектов, иногда и языков, в качестве идентифицирующего принимают какой-либо определенный признак, чаще всего фонетический. Естественно, что при обращении к другим признакам границы диалектов и их классификация будут определены иначе. Нередко и в этом случае оказываются решающими факты внешней лингвистики — государственные границы, наличие литературной формы языка и пр. Например, каталанский язык структурно близок к окситанскому (провансальскому), но они не только считаются разными языками, но причисляются к разным языковым группам (соответственно к иберо-романским и галло-роман-

ским), поскольку в течение веков первый находился в орбите испанского языка, второй — в сфере влияния французского.

Вообще романские языки четко различаются на уровне литературных форм: перелетев из Парижа в Лиссабон или в Рим, мы сразу чувствуем, что попадаем в сферу иного языка. Но на уровне сельских диалектов зона романских языков (Romania) похожа на ковер, в котором один цвет постепенно и незаметно переходит в другой. Если идти пешком по деревням, где сохранились диалектные особенности, то будет незаметно, как валлонский диалект Бельгии перейдет в пикардский во Франции, последний в нормандский, нормандский в западные и далее в юго-западные диалекты французского языка, затем наступит область гасконского диалекта, являющегося промежуточным между окситанским и испанским языком и, наконец, через испанские диалекты Арагона, Кастилии, Кантабрии и Астурии мы войдем в зону галисийского языка, который занимает промежуточное положение между испанским и португальским языками. Не случайно ученым, занимавшимся классификацией романских языков и диалектов, приходилось вводить специальные названия для таких промежуточных явлений в романских языках. Например, Асколи выделил франко-провансальский язык, объединяющий признаки французского и провансальского, Амадо Алонсо ввел понятие о языках-мостах (lenguas-puentes), занимающих промежуточное положение между испанским и окситанским (провансальским). Неясна и граница между диалектами во многих случаях. Так, между северно-французскими и южно-французскими диалектами диалектологи выделяют промежуточную зону (le croissant «полумесяц»), переходную между двумя ареалами. В силу пространственной недискретности определение самого числа романских языков дает основание для различных решений.

В аспекте функционирования можно отметить в первую очередь зыбкость границ между стилистическими уровнями (регистрами) речи. Последние также образуют континуум. Например, во французском языке между диалектами и литературным языком располагаются промежуточные формы: «офранцузенный» диалект и региональный литературный язык. Таким образом, в языке образуется система из четырех уровней: литературный (кодифицированный) французский язык — региональный литературный язык — «офранцузенный» диалект (dialecte francisé) — собственно диалект.

Во французском языке Канады исследователи обнаруживают семь разновидностей речи: французский литературный, франко-канадский, ориентирующийся на норму Франции, франко-канадский литературный, франко-канадский обиходный, франко-канадский фамильярный, франко-канадский простонародный, франко-канадское просторечие («жуаль»), причем трудно найти определенные черты, отличающие данную разновидность от соседней (La norme linguistique 1983, 685). Французское просторечие отличается весьма заметно от литера-

турной книжно-письменной речи, но между ними находится разговорная речь, объединяемая с иими многими разнообразными переходами. Нередко различия между регистрами носят только количественный характер, проявляясь в степени употребления определенных форм. Вот, например, процентное распределение разных типов вопросительных конструкций при выражении специального вопроса с переходным глаголом в разных регистрах французского языка:

Тип конструкции	Просторечие	Нормализованный язык разговорный	Нормализованный язык книжный
I. Только вопросительные слова:			
(1) в препозиции: Où tu vas? Où Jean va?	36	46	10
(2) в постпозиции: Tu vas où? Jean va où?	12	33	25
II. Вопросительные частицы:			
(8) <i>est-ce que</i> : Où est-ce que tu vas? Où est-ce que Jean va?	8	12	3
(4) <i>que</i> : Où qu'tu vas?	26	—	—
(5) <i>c'est que</i> : Où c'est qu'tu vas?	3	4	—
(6) <i>que c'est que</i> : Où que c'est que tu vas?	6	—	—
III. Инверсия:			
(7) <i>простая</i> : Où vas-tu?	—	3	47
(8) Où sont passés mes cigares?	9	2	12
(9) <i>сложная</i> : Où Jean va-t-il?	—	—	3

Специфическими являются конструкции 4, 6 для просторечия и 9 для книжной речи, отчасти — 7. Остальные примерно в равной мере охватывают соседние регистры: просторечие и разговорную речь (1, 3, 5), разговорную речь и книжную (2), наблюдается даже случай поляризации: конструкция 8 в большей степени свойственна просторечию и книжной речи, чем разговорной. (Там же, 677).

Еще более значительные колебания между уровнями речи наблюдаются в сфере лексики. Одно и то же слово разными словарями причисляется к разным социофункциональным разновидностям речи (арго, просторечие, разговорная речь, общезыковая норма), границы между стилистическими регистрами оказываются расплывчатыми. Ввиду этого в последние десятилетия во Франции появились словари, представляющие стилистически сниженную лексику в целом, без разделения на разговорную речь, просторечие, арго (Caradec F. Dictionnaire du français argotique et populaire. P., 1977; Cellard J., Rey F. Dictionnaire du français non conventionnel. P., 1980).

Недискретность в высшей степени свойственна и структурному аспекту языка. Языковые структуры образуют ряды, в которых лишь крайние элементы явным образом отличаются друг от друга, но эти моменты связаны промежуточными явлениями, так что нередко

трудно провести между ними четкие границы. Например, между одним словом, составляющим один член предложения (*читаю*) и двумя, образующими два члена предложения (*читаю книгу*), находится цепь промежуточных явлений: аналитическая морфологическая форма слова (*буду читать*), два слова, составляющие один аналитический член предложения (*хочу читать*), так что границы слова и члена предложения могут определяться по-разному. *Стану читать* и *начну читать* занимают место, по-видимому, между *буду читать* и *хочу читать*, причем приходится специально определять, почему *стану читать* нельзя рассматривать как аналитическую форму глагола, подобную *буду читать* (Виноградов, 570).

Прямое дополнение отличается от косвенного во французском языке пятью основными признаками, которые мы здесь перечислять не будем. Любая конструкция, имеющая все эти пять признаков, является прямопереходной, не обладающая ни одним из них — косвенно-переходной, или обстоятельственной. Но обнаруживаются случаи, когда конструкция обладает только признаком 1, или 1 и 2, или 1, 2 и 3, 1, 2, 3 и 4, 2, 3, 4 и 5 и т. п. В таком случае образуется континуум форм, внутри которого можно провести классификационные линии по-разному.

Это можно представить следующей таблицей:

Языковой элемент	Признаки					
	1	2	3	4	5	
A	+	+	+	+	+	прямое дополнение
B	+	+	+	+	-	
C	+	+	+	-	-	промежуточные случаи
D	-	+	+	+	+	
E	+	-	-	-	-	
F	-	-	-	-	-	непрямое дополнение

Такое постепенное нарастание признаков имеет место при переходе от причастия к прилагательному, от пассивной конструкции к именному сказуемому и во многих других звеньях языковой системы. Приведем еще один пример, касающийся лексики.

Во французском языке в одном семантическом гнезде могут объединяться основы с историческими или живыми чередованиями звуков, свойственными этому языку (*cheval лошадь* — *chevaucher ехать верхом*), собственно французские основы и основы, заимствованные из латинского, других романских или греческого языка (*cheval* — *cavalerie кавалерия*, *équestre конный*, *hippique конный*). При наличии различных основ говорят о лексическом супплетивизме. Однако провести точную границу между чередованиями (вариантами одной основы) и супплетивизмом (разными основами) далеко не просто. Возьмем следующие пары со звуком **[a]** в одной из основ: (1) *nous savons* — *je sais* (*мы знаем* — *я знаю*); (2) *bas* — *baissier* (*низкий* — *понизить*); *clarté* — *clair*

(*ясность* — *ясный*); *amour* — *aimer* (*любовь* — *любить*); *marin* — *mer* (*морьяк* — *море*); (3) *facteur* — *fait* (*фактор* — *факт*); (4) *taciturne* — *se taire* (*молчаливый* — *молчать*); (5) *aqueux* — *eau* (*водянистый* — *вода*); (6) *manuel* — *chirographaire* (*ручной* — *рукописный*).

В первом случае — несомненное чередование внутри глагольной основы, в последнем — несомненный супплетивизм: второе прилагательное восходит к греческому корню *chiro* — *рука*. В примерах (2) — (6) пары слов восходят к одному и тому же латинскому корню, но имеет место нарастание фонетических расхождений: в (2) — то же соотношение, что в (1), но в сфере словообразования. Соотношения типа (3) и (4) встречаются в ряде гнезд (*lacté* — *lait*, *pacifier* — *paix*), они обычно рассматриваются как супплетивизм, поскольку формы с *-act-* и *-ac-* заимствованы из латыни. Но если исходить только из происхождения слова, то следует видеть супплетивизм основ и в формах *clarté* и *amour*, поскольку они взяты соответственно из латинского и провансальского языков. Чисто исторический подход не согласуется с ситуацией внутри современного языка. Случай (5) относится к супплетивизму, поскольку латинская основа *aqu(a)* стала неузнаваемой в *eau*. Таким образом, случаи (4), (3) и частично (2) ставят вопросы, так что если рассматривать факты в синхронном плане, то нельзя провести бесспорную границу между вариантами основы (чередованием) и двумя разными основами (супплетивизмом).

С аналогичной проблемой мы сталкиваемся и в русском языке, где фонетические чередования, свойственные русскому языку, пересекаются с чередованиями между русским и старославянским языками. Так же как и во французском языке, возникает вопрос о различии между собственно словообразованием и супплетивизмом, при котором некоторые элементы ряда оказываются заимствованными из другого языка (старославянского). Например, формы с полногласием и неполногласием могут рассматриваться как принадлежности к одному и тому же или к разным словообразовательным гнездам.

Вторая причина сложностей теоретического осмысления языкового материала заключается в *асимметрии*, то есть в несоответствии плана выражения (форм) и плана содержания (значений). Подробнее проблема симметрии/асимметрии в языке будет рассмотрена в гл. III. Здесь же ограничимся некоторыми примерами: в простом времени (i) *mange* форма и содержание структурно параллельны, в сложном времени (ii) *a mangé* форма состоит из двух элементов и имеет признаки словосочетания; возникает вопрос, действительно ли это сочетание является морфологической формой глагола или же объединением глагола и причастия. В последнем случае логически следует вывод об отсутствии такого глагольного времени в системе языка. Относительно простой формы подобного вопроса не возникает. Сравним семантически равнозначные формы лат. *amari* и франц. *être aimé* — *быть любимым*. Латинский глагол несомненно представляет собой морфологическую форму пассива. Во французском языке аналогичное значение

выражается сочетанием двух элементов, и сразу же возникает вопрос, является ли это сочетание морфологической формой или синтаксической перифразой; если это перифраза, то пассивного залога как морфологической формы в языке нет. Именно так решали данный вопрос некоторые французские лингвисты. Различие форм во многом определяет различную интерпретацию германского и романского будущего времени. Французское будущее время (*il fera* и английское (*he*) *will do* имеют примерно одинаковый диапазон значений. Французская глагольная форма является синтетической, это несомненно морфологическая форма глагола (хотя можно спорить относительно ее основного значения). Аналитический характер английской формы дает право рассматривать ее не как форму будущего времени, но как перифразу с модальным значением.

Любой случай асимметрии дает основания для множественности теоретических решений. С. Цвейг писал о Данте: «Божественность природы заключается для Данте в ее стройности. И поэтому он делает в своей «Комедии» невероятную, небывалую в поэзии попытку привести мир к одной схеме». Лингвисты тоже порой считают, что совершенство природы языка заключается в стройности и полагают исследование завершенным, если удастся языковую стихию отобразить в виде определенной симметричной схемы, заполнить в ней «пустые клетки» и т. п. Однако язык представляет собой чрезвычайно «асимметричное» явление, ввиду асимметрии одно и то же языковое явление может получить несколько разных теоретических толкований, число которых, однако, всякий раз ограничивается природой данного конкретного объекта.

Например, в русском языке система глагольных времен обнаруживает асимметрию:

несоверш. вид	<i>читал</i>	<i>читаю</i>	<i>буду читать</i>
соверш. вид	<i>прочитал</i>	—	<i>прочитаю</i>

Форма *прочитаю* получила в науке тройную интерпретацию: 1) она рассматривается как будущее время, но при этом допускается асимметрия: два времени в одном виде, три в другом; в несовершенном виде обнаруживается «пустая клетка» — отсутствует настоящее время; 2) она рассматривается как форма настоящего-будущего; в этом случае асимметрия принимает форму многозначности: одна форма реализует два значения; 3) она рассматривается как реализация двух омонимов: формы настоящего и формы будущего времени. В этом случае пустая клетка схемы заполняется, но асимметрия сохраняется: различия в значениях не подкрепляются различиями форм.

Рассмотрим другой пример. Сравнивая пары *clou* — *clouer* и *billet* — *billetter* мы без труда выделяем в глаголах основу, равную существительному (*clou-*, *billet-*) и флексию инфинитива, символизирующую глагольную парадигму. Однако в глаголе *pianoter* при вычитании флексии *-er* остается основа *pianot-*, не совпадающая с исходным существительным (*piano*).

Как трактовать такой процесс словообразования? Здесь логически возможны три решения, и все они предлагались в науке. Можно считать *pianot-* словообразовательной основой, но при этом придется признать, что данное существительное имеет две формы основы: *piano-* и *pianot-*, что нарушает симметричное соотношение формы и содержания. Можно считать *-t-* частью показателя инфинитива *-er*, но отсюда вытекает, что у глагола 1 группы есть два варианта инфинитивной флексии: *-er* и *-ter*. И в этом случае одно и то же значение выражается в разных формах. Есть еще третье решение: считать, что *-t-* не принадлежит ни к основе, ни к аффиксу, но является особым элементом, вставляющимся в слово при его образовании, — интерфиксом. Но при этом придется признать, что в языке имеются формы, лишенные собственного значения, это тоже вид асимметрии.

Аналогичное явление рассматривалось в русском словообразовании. Наименования жителя типа: *волгоградец*, *лондонец*, *парижанин* являются морфологически прозрачными, симметрично сформированными. Они состоят из основы (*Волгоград*, *Париж*) и суффикса *-ец*, *-анин*. Однако в наименованиях *орл-овец*, *ялт-ин-ец*, *харьков-ч-анин* между основой и суффиксом появляется дополнительный элемент *-ов-*, *-ин-*, *-ч-*. Этот элемент в теории русского словообразования получал тройную интерпретацию:

— его присоединяют к основе, в связи с чем признается существование двух основ: краткой и расширенной: *ор(е)л-* и *орлов-*; последняя употребляется в производных словах: *орловский*, *орловец*. В этом случае признается асимметрия основы;

— его включают в суффикс, в связи с чем признается наличие двух форм суффикса — краткой и расширенной: *-ец* и *-овец*, *-инец*; *-анин* и *-чанин*. Асимметрия в этом случае усматривается у суффикса;

— его считают «вводным элементом», «интерфиксом»: *-ов-*, *-ин-*, *-ч-*, не принадлежащим ни к основе, ни к суффиксу, при таком решении носителем асимметрии является сам этот элемент.

Стремление видеть обязательно стройность в структуре языка побуждает ученых предлагать разные решения одних и тех же проблем. Но французском языке возникли две параллельные формы на базе инфинитива: *aimer* + *ai* > *aimerai* и *aimer* + *(av)ais* > *aimerai*. Традиционная грамматика трактует их «несимметрично», относя первую к индикативу (будущее время), вторую — к условному наклонению (настоящее время этого наклонения). Г. Гийом представил временные формы французского языка в более симметричной схеме:

действие	время		
	прошедшее	настоящее	будущее
совершенное	chant-ai	chant-e	chanter-ai
совершаемое	chant-ais		chanter-ais

Согласно этой концепции, *chanterais* включается в индикатив в качестве одного из будущих времен. При этом устанавливается (правда,

только для 1-3 лиц глаголов I группы) симметрия форм и значений: основа *chant-* выражает настоящее время и прошедшее, основа *chanter-* — будущее, морфема *-ai* — совершенное действие, морфема *-ais* — совершаемое.

Другой французский лингвист, А. Ивон, дал тоже вполне симметричную, но совсем иную интерпретацию французских глагольных форм, которая становится особенно наглядной, если взять форму I л. множ. числа.

Ее можно представить следующей схемой:

время	наклонение	
	индикатив - \emptyset	предположительное - <i>er</i>
настоящее - \emptyset	chantons (chant- \emptyset - \emptyset -ons)	chanterons (chant-er- \emptyset -ons)
прошедшее - <i>i</i>	chantions (chant-i-ons)	chanterions (chant-er-i-ons)

Устанавливается симметрия форм и значений: морфеме *-i* приписывается значение прошедшего времени, морфеме *-er* — значение предположительного наклонения (*le suppositif*). Значения настоящего времени индикатива немаркированы (знак \emptyset). Традиционное будущее время переносится из индикатива вместе с *conditionnel* в особое предположительное наклонение, а сама форма *conditionnel* считается формой прошедшего времени, а не будущего, как в теории Гийома. Пример ясно показывает, как ориентация на стройность языковой системы и установление полной симметрии форм и значений может привести к совершенно различной теоретической интерпретации одних и тех же фактов.

Полиаспектность объекта — третье обстоятельство, обуславливающее разнообразие теоретических решений, — состоит в том, что сам исследуемый объект имеет множество граней, связей, проявлений. Любой научный анализ является углублением нашего представления об объекте, но вместе с тем и абстрагированием от некоторых его свойств. В процессе научного познания делается упор на определенную грань объекта, что позволяет углубленно изучить данный аспект явления, но вместе с тем делает возможными различные решения. Многие расхождения в интерпретации языковых явлений, о которых шла речь выше, определяются тем, что само явление многогранно. Так, местоименные прилагательные совмещают формальные грамматические признаки прилагательных и семантические признаки местоимений, что позволяет их классифицировать по-разному. Будущее время выражает действие проблематичное, которое еще не совершилось. Вследствие этого оно несет в себе определенную модальную окраску. Это заставляет видеть в форме будущего времени то временную форму индикатива, то предположительное наклонение.

Мы постарались показать, что разнообразие теоретических трактовок обусловлено объективными факторами устройства и функционирования языка, при этом различные теоретические решения дополняют друг друга, раскрывая различные объективно существующие аспекты предмета.

Различные интерпретации акцентируют то или иное свойство языкового явления, способствуют расширению и углублению знания о нем. При этом следует подчеркнуть, что число разнообразных теоретических интерпретаций, касающихся определенного языкового явления, не бесконечно: оно определяется самой спецификой данного явления. Поэтому иногда решения дублируют друг друга, хотя авторы и прибегают к различным терминологическим обозначениям. Так, мы видели, что проблема словообразования с интерфиксом может иметь только три решения, будущее время во французском языке может трактоваться только двояко (время или модальность), тогда как условное наклонение может быть интерпретировано четырьмя разными способами. По вопросу о французском частичном артикле можно предложить лишь четыре решения, относительно французского ослагательного наклонения — пять, и так далее. Аналогично и в других языках по разным явлениям можно логически исчислить возможные решения и интерпретации. С другой стороны, не всегда предлагаемые решения оказываются одинаково убедительными с точки зрения фундаментальных теоретических положений используемой лингвистической теории. Это также ограничивает возможности теоретических разногласий.

Расхождения в терминологии также могут объясняться тем, что, формируя термин, авторы берут за основу различные признаки одного и того же явления.

Этимологически термин может обозначать либо собственные признаки языкового явления (семантические, формальные или функциональные), либо его положение по отношению к другим явлениям (в синтагматике или парадигматике). При синтагматической основе наименования указывается сочетаемость данного элемента с другим либо его позиция по отношению к другому элементу; при парадигматическом обозначении отмечается позиция данного элемента в условном парадигматическом ряду. Эти типы номинации причудливо объединяются в терминологических системах. Если взять систему обозначения частей речи, то мы увидим, что некоторые части речи получили свое название по содержанию (*существительное* — субстантив — обозначение субстанции), другие — по функции (*союз* — калька с *coniunctio* — соединение; функция союза — соединять слова и предложения), третья — по синтаксическим связям (*предлог*, *прилагательное*, *наречие*). В глагольной системе одни времена (настоящее время, имперфект и др.) названы исходя из значения форм, другие (сложное будущее в русском языке, простое и сложное прошедшее во французском) — исходя из формы, третьи — по их положению в парадигма-

тическом ряду (Futurum I, II в немецком языке). В русской грамматике все падежи получили семантические обозначения (именительный, дательный и т. п.), кроме предложного, названного так по его синтаксическому признаку (он всегда употребляется с предлогом).

Примерами чисто формальных лингвистических терминов могут быть *ing-form* в английском языке, формы *en-R* во французском (для обозначения будущего времени и условного наклонения), эловое причастие в славянском языкознании и т. п.

Способы терминологического обозначения различны по степени мотивированности и информативности. Наименее информативными являются обозначения, указывающие лишь на положение формы в парадигматическом ряду (например, *Partizip I, II*), наиболее информативны содержательные обозначения, прямо указывающие на значение языковой формы. Однако именно такие номинации являются наиболее уязвимыми и часто подвергаются пересмотру. Это объясняется тем, что асимметричная языковая форма может иметь ряд значений, так что используемое обозначение лишь частично охватывает его семантику. Отсюда возникает стремление заменить содержательное обозначение формальным, способным охватить все употребления данной языковой формы. Наименования причастий прошедшего и настоящего времени (*Present, Past participle; Participe présent, passé*) как будто отражают содержательную сторону соответствующих форм. Но эти определения оказываются неточными: у непереходных глаголов эти формы показывают одновременность/предшествование, у переходных — активность/пассивность (ср. франц. *aggravant — aggravé* и *lisant — lu*). Поэтому в некоторых грамматиках их начинают называть на немецкий лад: причастие I и II, исходя из формального их расположения в парадигме. Так же для практического удобства в русских грамматиках иногда обозначаются цифрами падежные формы (N_1 — именительный, N_2 — родительный и т. д.) и формы спряжения: 1 форма — 1 л. ед. числа, 4 форма — 1 л. мн. числа и т. п.).

Недостатком формально-парадигматического обозначения является то, что парадигма может строиться по-разному, произвольно. Так, во французских грамматиках русского языка часто в парадигмах склонения существительного винительный падеж занимает не четвертое место, а второе, сразу после именительного. Цифровое обозначение в этом случае может меняться.

К формально мотивированному термину приходится обращаться при неясности семантической сущности формы, при объединении ряда омонимических форм (так, англ. *ing-form* охватывает герундий, причастие, отглагольное существительное), а также в том случае, когда традиционное обозначение не раскрывает сущности языковой формы и, демотивируясь, становится затруднительным для усваивания. Например, в прежних французских грамматиках два прошедших времени имели содержательные обозначения: *прошедшее определенное* (*je fis*) и *прошедшее неопределенное* (*j'ai fait*). Но трудно было понять, в чем состоит эта определенность и неопределенность дейст-

вия (характерно, что в испанской грамматической традиции форма, аналогичная первой, *hice* называется «прошедшим неопределенным» — *Preterito indefinido*). Поэтому они уступили место номинациям, основанным на внешней форме грамматического времени: *прошедшее простое* и *прошедшее сложное*. Это внесло, однако, алогичность в систему наименований прошедших времен во французской грамматике, ибо в ней имеются два других сложных времени (*plus-que-parfait, passé antérieur*) и другое простое (*imparfait*), которые именуются по своим значениям.

Между содержательным и формальным обозначениями нередко выявляются отношения обратной пропорциональности: обозначение, мотивированное формой, легко для усвоения, охватывает все случаи употребления языкового факта, но не дает информации о его сущности, о его семантике или функции. Обозначение, мотивированное содержанием (функцией) глубже отражает сущность объекта, но может оказаться, ввиду многозначности или полифункциональности объекта, в определенных случаях неподходящим, ложным и даже вводящим в заблуждение. В этом случае обозначение демотивируется. Широта терминологического обозначения обратно пропорциональна его содержательности.

Таким образом, недискретность, свойственная многим языковым фактам, их полиаспектность, а также частая асимметрия, отход от взаимоднозначного соотношения формы и содержания в языке стимулирует теоретический плюрализм в языкознании. Однако признаки закономерности теоретического плюрализма отнюдь не ведет к философской анархии (не «все дозволено» = не «все годится») так как разнообразие точек зрения на объект не бесконечно: число и характер интерпретации определяется самим данным объектом, их, следовательно, можно логически исчислить и предсказать. По каждой проблеме может быть лишь ограниченное число решений, определяемых характером самого объекта, и нередко некоторые интерпретации оказываются квазиплюралистическими: они в иной терминологии лишь повторяют уже высказывавшуюся в науке теорию. Проблема логического исчисления в лингвистике будет более подробно рассмотрена в гл. II.

Из субъективных факторов особое значение для возникновения плюрализма в теоретическом истолковании языковых явлений имеют два, связанные оба с особенностями человеческого мышления:

1) — нежесткий, расплывчатый характер понятий, которыми оперируют люди;

2) — избирательность субъекта познания по отношению к объекту; избирательность человеческого мышления и восприятия, тесно связанная с прагматизмом, с интересами и потребностями человека в момент речи, в любой данный момент.

Первая особенность мышления — нежесткость, расплывчатость понятий — соотносится нередко с первым объективным фактором —

недискретностью, континуальным характером самих явлений, отображаемых мышлением. Вторая соотносится со вторым и третьим объективными факторами: многоаспектностью объекта и асимметрией языковых знаков.

Слова *субъективность*, *субъективный* имеют в речевой практике два значения: 1) не соответствующий объективной реальности, предвзятый; 2) присущий только данному субъекту (Ожегов—Шведова 1992, 804). Мы употребляем эти термины во втором значении: *субъективный* — отражающий объективно какие-то стороны объекта, но отличный от восприятия другого субъекта.

Нечеткие понятия. В современной лингвистике уже прочно укрепилось представление, что человек мыслит нечеткими, расплывчатыми понятиями. В научном анализе вследствие этого следует исходить из существования нечетких множеств. Это было обосновано в работах Л. Заде, который подчеркивал, что элементы нечеткой логики и приблизительных способов рассуждений более подходят для гуманистических систем, нежели обычные численные методы анализа (Заде 1976, 5). В качестве примера он привел понятия, связанные с возрастом. Границы между понятиями «очень молодой», «молодой», «старый» нежестки, разные носители языка устанавливают их по-разному. Р. Г. Пиотровский наглядно показал это, сопоставляя понятия русского языка, относящиеся к возрасту. Значения слов *младенческий*, *детский*, *отроческий*, *юношеский*, *молодой*, *среднего возраста*, *старый* имеют колеблющиеся границы, перекрывают друг друга (Пиотровский 1975, 209). Аналогичное явление имеет место и во французском языке (Гак 1966, 31).

Нечеткие множества и соответствующие им расплывчатые понятия представляют собой динамическое явление. Они могут подвергаться операции сгущения, уменьшающей их нечеткость, и размывания, увеличивающей их (Пиотровский 1975, 213). В языковом оформлении расплывчатых понятий большую роль играют «аппроксиматоры», выражающие приблизительность, такие слова как *более или менее*, *примерно*, *наверное* и тому подобные квантификаторы и модальные слова.

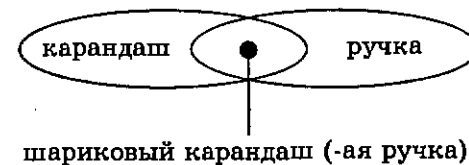
С расплывчатыми понятиями лингвисты столкнулись еще в начале века, когда стали изучать способы обозначения различных объектов в романских диалектах. Тогда впервые А. Цаунером (Zauner) был применен к анализу названий термин *ономасиология*, определенный им как исследование того, какие наименования имеются в том или ином языке для обозначения определенного понятия. Однако вскоре выяснилось, что сама исходная точка исследования — понятие — оказывается чем-то нечетким, ибо понятия, вырабатываемые в обычном сознании людей и отражаемые в обиходном языке, отличаются от научных понятий, которым стремятся дать четкие границы и определения.

Они представляют собой «понятия с твердым ядром и нечеткими границами» (Quadri 1952, 99). Вокруг относительно постоянного ядра

данного понятия образуются сильно изменяющиеся элементы представлений и ощущений. Действительно, например, опыт, произведенный Р. Г. Пиотровским по разграничению понятий «утро», «день», «вечер», «ночь», показал, что в отношении какого-то часа у испытуемых расхождения нет (например, все 100% опрошенных определили полночь — 0 часов — как ночь), в то время как по поводу некоторых других периодов суток был значительный разброс мнений (например, 4 часа одни определили как ночь, другие как утро). Момент 0 часов составил, таким образом, ядро понятия «ночь», тогда как 8-4-5 часов образовали нечеткую периферию понятия, постепенно переходящую в понятие «утро».

Положение о том, что обычные понятия содержат твердое ядро и нечеткие границы, является первостепенным для истолкования языковой семантики. Благодаря наличию твердого ядра в понятии и, следовательно, в значении слова осуществляется взаимопонимание людей, говорящих на одном языке. Нечеткость границ понятия (и значения слова или грамматической формы) позволяет языку нормально функционировать как средству общения. Язык должен быть организован так, чтобы на нем можно было бы все сказать, выразить даже то, для чего нет специального обозначения в языке.

Нежесткость границ понятий позволяет подвести объект под данное понятие, если говорящий не знает точной формы обозначения понятия или если такого обозначения вообще еще нет. Например, когда появилась шариковая ручка в виде карандаша с колпачком (товарный знак — «бик»), занявшая промежуточное положение между ручкой и карандашом, то для ее обозначения использовались номиналы *карандаш* или *ручка*. Г. Пауль говорил, что значение слова *растягивается*, чтобы слово могло обозначить новый предмет. Именно такой процесс имел место и в данном случае:

Понятие «карандаш» или «ручка» растягивается, чтобы можно было схватить новый предмет и обозначить его одним из двух данных слов. Изменение значения слова часто связано с подобным «его растягиванием», что позволяет подвести под соответствующее понятие новый предмет. Нежесткость границ понятий, лежащих в основе языковых форм, является и основой языкового художественного творчества.

Избирательность. Прагматический характер процесса формирования понятий и наименования. Известно, что объекты избираются в соответствии с потребностями животных (Поннер 1983, 26). Согласно своим потребностям *his et nunc* смотрит на предметы объективного мира и человек. В одном и том же объекте выделяются различ-

ные черты в зависимости от отношения к нему наблюдателя. Наблюдение, восприятие всегда носят избирательный характер, и один и тот же молодой человек в университете воспринимается как студент, для своих соучеников он будет приятелем, другом, однокурсником и т. д., в транспорте он окажется пассажиром, придя домой — сыном или братом, для соседки — сыном соседа и т. п. В зависимости от этого он подводится под различные понятия и в речи получает различные обозначения. Даже когда мы употребляем слово, казалось бы, в его одном и том же значении, мы можем иметь в виду различные свойства обозначаемого им предмета в зависимости от конкретной «потребности» или конкретного «интереса» по отношению к данному предмету.

Слово *окно* определяется в словаре Ожегова—Шведовой так: «отверстие в стене для света и воздуха, а также рама со стеклом, закрывающая это отверстие». Когда мы говорим *В этой комнате много окон и трудно расставить мебель*, то имеется в виду только «отверстие в стене», вопрос света и воздуха нас не интересует. Однако фраза *Она подошла к окну, чтобы прочитывать письмо* показывает, что через окно в комнату проникает свет; фразы *Здесь душно, открой окно* и *Не стой у окна: дует* подчеркивают, что через окно в комнату входит воздух и это может быть хорошо или плохо для человека. Фраза *Мальчишки, играя в мяч, разбили окно* отражает признак окна: его стекла; предложение *Окна покрасили в зеленый цвет* соотносится уже с другим его признаком — рамами, а *Это окно покрасили белым* снова возвращает нас к стеклам. Фраза *На окнах стояли цветы* указывает уже не на само окно, а на связанный с ним соседний предмет — подоконник, так же как и *Он сел на окно*. Окно связывает помещение с внешним миром, что отражается во фразах: *Посмотри в окно: почему такой шум на улице; Кто-то постучал в окно; Он выбросил это в окно* (= на двор, на улицу).

Каждый раз воспринимающий и говорящий субъект выделяет определенные аспекты, свойства объекта; другие его свойства остаются «в тени», так как они не представляют практического интереса в данный момент. Невозможно говорить, однако, об изменении значения слова *окно* в приведенных выше фразах: референтное отношение остается одним повсюду, но это выделение разных аспектов предмета при его обозначении содержит в зародыше возможность изменения значения слова, это как бы «предполисемия слова». Об этом свидетельствует то, что данное слово в разных контекстах можно заменить синонимами внутри данного языка (ср. *стекло, рама, подоконник*) или разными эквивалентами при переводе на другой язык (ср. франц. *vitre* 'стекло (оконное)'; *croisée* 'рама (оконная)' и т. п.). Кроме того в каждом употреблении слово имеет различную дистрибуцию и выбор глагола или прилагательного может свидетельствовать, какой аспект окна имеется в виду. Например, *большие окна, слишком маленькое окно* указывают на окно как на источник света, прилагательное цвета

показывает, что речь идет о раме, глаголы *открывать, закрывать* показывают, что имеется в виду связь с внешним миром и т. п.

На основе выделения различных аспектов предметов формируются производные значения слова, которые реализуются в собственной полисемии слова, в его дериватах и во фразеологических единицах. Так, *окно в расписании* восходит к основной характеристике окна — «отверстие в стене», «разрыв в сплошной поверхности (стены)», так же как и значения слова *окно* — «просвет для пропуска воды в дамбе»; *окно в мир* (или *окно в Европу*) символизируют другой аспект окна, «связь с внешним миром».

Избирательность, прагматичность (зависимость от конкретных условий и интересов) и пластичность (легкость перехода от одного аспекта объекта к другому) человеческого восприятия касается и объектов исследования в науке. Способность исследователя выделять разные черты у изучаемого объекта, по-разному группировать, классифицировать объекты также является одним из важных факторов научного плюрализма.

К. Поппер отмечал, что наблюдение всегда носит избирательный характер. В процессе научного анализа осуществляется взаимодействие субъекта и объекта, исследователь неизбежно выделяет некоторые стороны объекта, на основании которых он производит классификацию и теоретическую интерпретацию, отвлекаясь от других свойств или отводя этим свойствам второстепенное значение. Многие расхождения в лингвистике связаны с тем, что различные теории выводят на первый план разные объективно существующие черты предмета. Поступая таким образом, ученый действует не вполне произвольно. «Для ученого, — отмечает Поппер, — точка зрения задана его теоретическими интересами, исследуемой проблемой, принятыми теориями, системами координат, его «горизонтом ожидания»» (Поппер, 261).

Но следует подчеркнуть, что эта избирательность не бесконечна, она зависит от свойств самого объекта, от его отношений к другому объекту и к наблюдателю. Следовательно, во многих случаях можно заранее определить, логически исчислить все возможные паузные интерпретации данного объекта исходя из свойств самого объекта. Выше мы видели, что по вопросу о форме *приду* в русском языке может быть три мнения, то же и относительно элемента *-ч-* в *харьковчанин*. В отношении формы *conditionnel* во французском языке может быть только четыре решения, сослагательного наклонения (*subjonctif*) — пять, частичного артикля (*du*) — четыре и т. д.

Разнообразие научных мнений — объективная данность, в нем не следует видеть ни «анархии», ни проявления пустого субъективизма исследователей, но отражение свойств самих фактов и явлений, если речь идет о лингвистике, а также свойств человека-исследователя. Произвол и «анархия» устраняются благодаря исчислимости вариантов научных решений.

Мы рассмотрим далее некоторые дополнительные свидетельства нежесткости, пластичности мышления человека в момент речетворчества, его языкового мышления.

ПОДТВЕРЖДЕНИЯ

А. ПЛАСТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

1. Онтологические и прагматические логические классы*

В логических и лингво-семантических работах обычно речь идет об онтологических классах и отражающих их понятиях. Такие классы и понятия заранее даны говорящим, либо они формируются в результате целенаправленной умственной деятельности человека (например, в научной работе). Но в реальной речи, в дискурсе говорящий постоянно формирует в своем сознании классы объектов *ad hoc*. Эта способность является ярким свидетельством того, что человек мыслит расплывчатыми, нежестко очерченными понятиями, он постоянно их формирует, изменяет их границы, даже не именуя эти понятия и соответствующие им классы явлений действительности.

Класс — понятие о множестве или совокупности предметов, имеющих общие признаки. Формирование мыслительных классов играет огромную роль в познавательной деятельности человека. Фактически акт познания начинается со сравнения объектов, выделения у них определенных признаков и группировки их согласно этим признакам. Так образуются классы или множества предметов, внутри которых каждый отдельный предмет выступает как элемент класса (множества). Учение о классах занимает видное место в логической науке, тем более что класс является базой для формирования понятия. В логике различаются по объему классы конечные и бесконечные (закрытые и открытые), по количеству входящих в них элементов — простые, сингулярные (единичные) и пустые. Классы формируются в сознании человека двояким образом: дедуктивно — подразделением множества на подмножества, объединяемые общим признаком (или признаками), и индуктивно — путем объединения предметов, обладающих общими признаками, их сведения в класс. Класс является сформировавшимся в нашем сознании, если он отражен в понятии, получившем языковое обозначение. Поскольку элементы класса объединяются на основании определенного признака, то всем элементам класса можно предсказать одинаковые свойства. Отсюда следует обратный вывод: элементы, которым можно предсказать одни и те же свойства, образуют класс. Класс, следовательно, отожд-

* Впервые опубликовано: Онтологические и прагматические логические классы в тексте // Язык как коммуникативная деятельность человека: Сб. М., 1987.

ствляется с пропозициональной функцией. Именно пропозиция дает классу содержательное определение. Понятие, таким образом, формируется на основании суждений (*Бакрадзе*, 95).

Так как один и тот же предмет обладает многими свойствами, его можно относить к разным классам, в связи с этим возникает вопрос о том, на основании каких признаков следует проводить выделение классов и классификации. Вследствие этого в логике различают естественные классы, выделяемые на основании существенных признаков, и искусственные или вспомогательные классы (классификации), выводимые на основе несущественных, произвольно избранных признаков (*Кондаков* 1975, 247). Однако провести четкую границу между существенными и несущественными признаками непросто, ибо сам признак вычленяется в объекте в зависимости от практических потребностей субъекта, от его точки зрения и наблюдения. Поэтому логики различают безотносительно существенные и относительно существенные признаки понятия (а следовательно, и классов предметов). Первые существенны для предмета независимо от того, в какой связи берется предмет или с какой точки зрения он рассматривается, вторые обусловлены определенными связями и отношениями (*Войшвилло*, 152). Помимо существенных признаков выделяются случайные, обусловленные внешними обстоятельствами.

Итак, признаки и свойства присущи предмету объективно, но выделение их, «обращение внимания» на них зависит от субъекта, от его восприятия, его практических задач и т. п. Практика людей может быть коллективной, свойственной всему данному коллективу, и индивидуальной, связанной с конкретными лицами, с конкретным временем и местом. В силу этого следует различать два типа логических классов: онтологические и прагматические классы.

Онтологические классы объективируют существенные, независимые от конкретных субъектов, признаки предметов. В них отражаются структурно-генетические связи между предметами. Что касается предметов внешнего мира, то сюда относятся таксономические классы, отображающие устройство мира вообще, независимо от отдельных воспринимающих субъектов, например, «растения» — «животные» — «минералы» и т. п., с дальнейшими иерархическими делениями внутри. По мере развития наук эти классы выделяются все более детально и четко на основании раскрываемых все более существенных признаков. В онтологических классах может быть представлено и отношение людей, но это целевое отношение носит не индивидуальный, но коллективный характер (например, деление животных на диких и домашних). В этом случае за основу деления берется существенный относительный признак.

В сфере артефактов онтологические классы определяются в основном целью их создания. Так выделяются, например, классы «средства транспорта», «жилища», «одежда», «посуда» и т. п. Однако и артефакты в практической жизни могут быть использованы в порядке переноса функции вне своего основного назначения. Например, балл-

мак может быть использован для заколачивания гвоздя в стену, для нанесения удара человеку или, наконец, путем постукивания по предсудательскому столу, для водворения порядка в аудитории. В этом случае на первый план выступают потенциальные свойства предмета, о которых мы будем говорить дальше. На основании этих свойств-признаков данный предмет включается в иные классы предметов.

Прагматические классы отражают группировки предметов в конкретных ситуациях, в зависимости от восприятия субъекта, от их поведения или использования данными субъектами в данный момент и в данном месте. Они образуются либо путем ограничения онтологического класса (например, в данном случае речь идет не о всех домашних животных, но о части их), либо путем пересечения онтологических классов, когда элементы разных онтологических классов объединяются на основании каких-либо иных, пусть даже самых субъективных и временных, признаков. Например, «дом», «дерево», «троллейбус» относятся к различным онтологическим классам, но если в конкретных условиях, взглянув в окно, некто скажет: *Я вижу улицу с домами и деревьями, по которой едет троллейбус*, то эти три элемента образуют новый класс — класс «предметы, видимые данным человеком в данный момент». Таким образом, если в онтологическом аспекте различаются понятия (классы) сравнимые и несравнимые (Асмус, 88), то в прагматическом аспекте любые классы могут оказаться сравнимыми и входить в более широкое множество. Прагматические классы образуются на основе обобщения любых признаков, которые существенны для воспринимающего лица (ego), здесь (hic), и сейчас (nunc).

Понятие класса, отражающее родовидовые отношения соответственно (иерархия «быть»), существенно отличается от понятия целостности, отражающего отношения целого и части (иерархия «иметь») (Горский 1975, 296). В конкретных условиях, при пересечении ряда частей целого, реализуются одновременно оба типа отношений: отношение целое — часть между целым и совокупностью его частей и отношение род — вид между неназванным понятием (классом) «части целого» и отдельными частями. Рассмотрим пример: *К дому помещика Грябова подкатила прекрасная коляска с каучуковыми шинами, толстым кучером и бархатным сиденьем* (Чехов, Дочь Альбиона). Каждый из трех однородных членов указывает на часть целого — коляски (с кучером), но вместе, несмотря на онтологическую разнородность, они образуют класс предметов, выделяемый на основе признака «прекрасность коляски».

Онтологические классы обычно получают терминологическое определение, прагматические классы в тексте либо вообще не получают определения, либо получают определение, которое в логике именуется «неявным» (Горский 1958, 78). В отличие от онтологических классов прагматические классы эфемерны: они возникают для данного случая и распадаются, когда данная конкретная ситуация уходит в прошлое. Если мысль, отражающая признаки онтологического клас-

са, представляет собой оформленное понятие, то мысль, отражающая признаки прагматического класса часто выступает как недостаточно оформленное и лингвистически незакрепленное своего рода «предпонятие» (иногда его называют концептом). Итак, в прагматических классах стираются или нейтрализуются некоторые черты, которые логики выводят для научно определяемых онтологических классов.

Соотношение онтологического и прагматического классов в известной мере аналогично соотношению языка и речи, системного и контекстуального значения слова. При переходе к прагматическим классам от онтологических имеет место актуализация последних, при этом онтологические классы могут сохранять свой объем, либо сужать его, либо образовывать новые, уже только прагматические, классы путем пересечения и перераспределения своих элементов.

Формирование прагматических классов — постоянное проявление человеческого мышления в действии, оно отражается в актах речи. Изучение этого явления в текстах представляет интерес как в философском, так и в лингвистическом отношении. В первом случае мы наглядно прослеживаем процесс выделения признаков, объединение предметов по этим признакам, формирование класса и, наконец, отвлечение его в виде понятия. В лингвистическом аспекте заслуживает внимания выявление языковых средств обозначения формирующихся классов, их соотношения с их элементами, их обозначения. Это тем более важно, что эти средства нередко относятся к разным участкам языковой системы, и новая точка зрения побуждает группировать известные языковые факты под новым — уже функциональным — углом зрения. Ниже мы рассмотрим три проблемы, связанные с формированием прагматических классов: 1) *способы формирования класса*; 2) *средства выражения включения элемента в класс*; 3) *способы обозначения класса*.

1. Можно выделить четыре основных способа формирования класса предметов в тексте: деление целого (множества) на классы (подмножества); перечисление элементов, образующих класс; характер предикатов, обозначающих свойства предметов; обобщающие слова. Характерными способами организации класса в тексте являются отдельные члены (с союзами и без них), семантика предикатов, обобщающие слова, в ряде случаев — общая структура текста.

Противопоставление элементов внутри множества, лежащее в основе разбиения его на классы, обычно выражается противопоставленными союзами (*а, но, тогда как* и т. п.). При этом отмечается два варианта: обобщенное описание класса с помощью определенных предикатов либо описание его путем перечисления входящих в него элементов. Вот пример обобщенного описания: — *Дед, зачем ты пьешь из лампадки? — удивился Егорушка. — Кто пьет из ведра, а не из лампадки* (Чехов, Степь). С точки зрения отвечающего (Пантелей), люди делятся на два класса: «пьющие из ведра» и «пьющие из лампадки». Это может относиться ко всему человечеству, и в таком случае классы являются бесконечными, но говорящий мог иметь

в виду только данную группу людей, и в этом случае классы — конечны, причем второй из них («пьющие из лампадки») единичный (он представлен самим Пантелеем).

Разбиение на классы может производиться путем перечисления элементов, входящих в них: — *Господа дома?.. — Никак нет-с. Барыня с детьми в гости поехали, а барин с мамзелью-гувернанткой рыбу ловят-с* (Чехов, Дочь Альбиона). Здесь общий класс «господа» распределяется на два подкласса, отличительные признаки которых выражаются в предикатах. Подобное разбиение встречается чаще.

Внутренняя организация классов в тексте может быть самой различной. Прежде всего различаются, как мы видели, классы конечные и бесконечные. Вот пример конечного класса, охватывающего все свои элементы путем их перечисления: *Дымов выхватил из рук Емельяна ложку и швырнул ее далеко в сторону. Кирюха, Вася и Степка вскочили и побежали искать ее* (Чехов, Степь). Предикат, выражающий признак «вскочить и побежать искать ложку», свойственен трем элементам, образующим класс, и все они здесь перечислены.

Бесконечный характер класса обозначается специальными индикаторами: *и так далее, и другие, например*, и т. п. Эти индикаторы, характерные для научного стиля, в художественной речи малоупотребительны, поскольку она часто не нуждается в большой точности и предпочитает при описании прибегать к примерам. В художественной речи часто имеет место нейтрализация способов выражения конечности и бесконечности класса, «непрозрачность» текста в этом отношении. Только обращение к описываемой действительности позволяет уточнить характер класса: *Кузнечики, сверчки, скрипачи и медведки затянули в траве свою скрипучую монотонную музыку* (Чехов, Степь). Здесь перечисленные стрекошечьи насекомые образуют единый класс, но мы не можем сказать, исчерпан ли этот класс в данной ситуации или нет. Неопределенность числа элементов класса может графически обозначаться многоточием: *И — опять бегут мимо бурьян, холмы, грачи...* (Чехов, Степь). Здесь обозначены элементы класса предметов, проносящихся перед глазами путников.

Анализ материала разных языков позволяет выдвинуть предположение, что бессоюзное перечисление ориентировано на выражение бесконечного класса (как в последнем примере), тогда как союзное (с союзом *и*) — на выражение конечного класса. Но в тексте это соответствие часто нарушается. Прагматический класс потому и является прагматическим, что его состав зависит от конкретной ситуации, которая может быть неполно отражена в художественном тексте, так что некоторые аспекты ситуации остаются «за кадром». Для художественного текста часто важна не полнота описания, не указание на то, является ли класс открытым или закрытым, но важны отдельные штрихи, обозначение наиболее представительных элементов класса, который может иметь сам по себе более широкие или неопределенные границы. Союз *и* обозначает окончание перечисления, но почему

закончилось перечисление (потому ли, что исчерпывается класс, или потому, что исчерпываются примеры элементов) — остается неясным вне ситуации и контекста. В двух случаях этот союз часто используется для выражения бесконечности класса предметов: а) при употреблении союза с каждым упоминаемым членом класса: *Чихают и мушкетеры, и полицейские, и иногда даже и тайные советники* (Чехов, Смерть чиновника). Синтаксическое средство здесь дублируется лексическим: указываются крайние элементы класса (от мужиков до тайных советников), сам же класс, естественно, не исчерпывается теми указанными элементами; б) попарное соединение союзом *и* элементов класса; эти элементы выбираются как бы наугад, в качестве примеров, что подтверждает бесконечный характер самого множества: *Все оперетки и оперы, мазурки и вальсы, марши и галопы, сочиненные когда-нибудь на свете, не считая торжественных ораторий, печальных кантат, рапсодий, менуэтов, полонезов и песен, — все эти классы, виды и роды музыкальных произведений ... пыжились заявить о себе здесь...* (Федин, Города и годы). Прагматический класс образуют здесь музыкальные произведения, исполнявшиеся в парке на горе Эрланген, но приведены лишь некоторые элементы класса, связанные попарно союзом *и*; бесконечный характер класса подчеркивается индикатором добавления *не считая*.

В качестве индикатора незавершенности перечня элементов класса может выступать обобщающее слово: говорящий прекращает перечень видовых понятий и использует родовое, охватывающее все упомянутые видовые и другие, входящие в тот же класс. Пример подобной функции обобщающего слова можно видеть в последней цитате (*все эти классы, виды и роды музыкальных произведений*). Другой пример: *Сжатая рожь, бурьян, молочай, дикая конопля — все, побуревшее от зноя ... оживало, чтоб вновь расцвести* (Чехов, Степь). Вряд ли флора степи ограничивается четырьмя упомянутыми растениями: это подчеркивается обобщающим словом *все (побуревшее от зноя)*.

Выше отмечалось, что прагматический класс определяется не столько наименованием, сколько общностью предикатного признака, приписываемого его разным элементам. Во всех приведенных выше примерах обозначения элементов выступали в синтаксической функции однородных подлежащих. Однако одинаковые предикаты могут конституировать в прагматический класс не только субъекты, но и объекты действия: *Мой сын Лев — вор! Отца обворовал, тетку обворовал, знакомых обворовал... Часы украл, три костюма, белье, мушкетера, ложки серебряные* (Федин, Города и годы). В первом указывании глагол указывает на класс объектов — обворованных людей, во втором — на класс объектов — украденные вещи.

Класс может охватывать предметы, к которым прилагаются различные предикаты, но которые объединяются предикатом более высокого порядка; этот последний может не быть выражен в тексте: *Над дорожкой с веселым криком носились старички, в траве перекликались мушкетеры, где-то далеко влево плакали чибисы* (Чехов, Степь). Ста

рички, суслики, чибисы характеризуются своими специфическими предикатами, но их объединяет то, что в данный момент они являются предметом восприятия одних и тех же людей; это именно и обуславливает их включение в общий прагматический класс.

Над прагматическими классами, так же как и над онтологическими, могут совершаться действия сложения, пересечения и другие. Нередко прагматические классы имеют весьма сложную структуру. Рассмотрим пример: *Для разнообразия мелькает в бурьяне белый череп или булыжник; вырастет на мгновение серая каменная баба или высохшая ветла с синей ракшей на верхней ветке, перебежит дорогу суслик, и — опять бегут мимо глаз бурьян, холмы, грачи...* (Чехов, Степь). Здесь выделяются два класса воспринимаемых предметов: появляющиеся эпизодически и присутствующие постоянно; первый класс разбивается на три подкласса: мелькающие лежащие предметы (*череп, булыжник*), вертикальные предметы (*баба, ветла*) и движущиеся (подкласс состоит из одного элемента — *суслика*). Но оба класса объединяются в один сверхкласс, в одно сверхмножество предметов, видимых проезжающим.

2. Что касается способов включения элементов в класс, то в этом отношении прагматические классы также проявляют специфику по сравнению с онтологическими. В высказываниях, отражающих онтологические классификации, включение репрезентируется структурой с глаголом-связкой *быть* и его аналогами (*собака — млекопитающее*). Кроме того каждый язык обладает, помимо связок, широким спектром средств, указывающих на включение элемента в класс; это — глаголы включения (*входить в состав, быть в числе*), принадлежности и отношения (*принадлежать, относиться к*), предложные конструкции (*один из, среди ... имеются..., среди...мы видим...*) и другие. Включение может быть «перевернутым»: вначале указывается класс, затем, в качестве примера, называются его элементы (операторы: *состоять из, включать, например и т. п.*): *Существуют морские млекопитающие, например, кит и дельфин*. Контекстуальное включение в прагматический класс может, естественно, осуществляться с помощью тех же средств, например, с эллипсисом глагола-связки: — *Вы тутешние?.. — Не, из Глинова. Мы глиновские* (Чехов, Степь); с индикатором *один из*: *...С громом покатила по почтовому тракту безрессорная ошарпанная бречка, одна из тех допотопных бречек...* (Чехов, Степь).

Но спецификой прагматических классов в этом плане является то, что, поскольку часто в контексте такой класс не называется, но лишь характеризуется через предикаты, включение в него осуществляется путем соотнесенности с высказыванием, характеризующим данный класс. При этом включаемый элемент может быть соотнесен с одним из аргументов высказывания (субъект, объект) либо с его предикатом. В качестве индикаторов включения используются слова, выражающие идентичность, комитативность, подобие. Например: — *Тут*

из нашей деревни бабы работают, так вот я с ними (Чехов, Егорь). Комитатив с *ними* указывает на включение Пелагеи в класс «женщины, из деревни, работающие в данном месте». Другой пример: *У многих русских рек, наподобие Волги, один берег горный, другой луговой; у Исты тоже* (Тургенев, Ермолай и мельничиха). В этой фразе предстает два оператора включения: слова *наподобие*, соотносящее включаемый элемент с носителем предиктируемого признака (*многие русские реки*), и *тоже*, соотносящее новый элемент с предикатом, характеризующим класс.

8. Остается рассмотреть последний вопрос — способ *речевого наименования прагматического класса*. Необходимо подчеркнуть еще раз отличие онтологических классов от прагматических. Первые имеют определения в виде субстантивной номинации, выражающей понятие, охватывающее данный класс. Вторые часто не имеют определений, но формируются благодаря единству предикатов, приписываемых разным объектам. Определение онтологического класса в идеале является дефиницией. Определение прагматического класса редко бывает дефиницией, а зачастую такой класс определения как такового не имеет, но его можно вывести из контекста.

Наименование класса может отсутствовать в тексте и устанавливаться только благодаря контексту и ситуации. *Рыбы в Исте бездна, особенно голавлей [...]. Маленькие кулички-песочники со свистом перелетают вдоль каменистых берегов [...]; дикие утки выплывают на середину прудов и осторожно озираются; цапли торчат в тени, в кувшиках, под обрывами...* (Тургенев, Ермолай и мельничиха). Обозначения *кулички, утки, цапли* отражают класс, наименования которого в тексте нет, но оно может быть восстановлено по ситуации: «водоплавающая птица, живущая в данной реке».

Нередко классу дается косвенное, неявное обозначение. Поскольку элементы класса обозначаются через предикаты, то и их общий знаменатель — родовое понятие — также может быть выражен путем предиктирования более общего признака. Обобщающий предикат может быть представлен в отдельном высказывании, которое может располагаться до или после перечисления элементов класса. Например: *Только одно мое (окно) не украшено сверточками с сыром и колбасой, горшочками со сметаной и простоквашей, кастрюльками, ложечниками, густозеленым луком и ядрено-малиновой редиской* (Федотин, Города и годы). Предикат *украшено*, употребленный метафорически, объединяет все далее перечисляемые элементы в класс «предметы, находящиеся на окнах». В тексте: *Заметил ли Андрей, что на солдатках зеленовато-серые мундиры в матовых пуговицах, ранцы из оленьей шкуры, каски в холщовых чехлах и патронташи по обе стороны живота? Заметил ли, что солдаты в походной форме?* (Федотин, Города и годы) перечисляемые существительные обозначают элементы класса «принадлежности походной формы», что расшифровывается в включительной фразе.

Если элементы класса обычно обозначаются существительными, то общее обозначение прагматического класса нередко принимает транспонированную форму; в приведенном выше примере оно выражено глагольной формой (*украшено*), в следующем — прилагательным: *Сам знаешь, человек я балованный... Мне чтоб и кровать была, и чай хороший, и разговоры деликатные* (Чехов, Егерь). Здесь элементы класса обозначаются существительными, которые являются первичным средством номинации предметов, тогда как класс «проявления балованности», образуемый ими, обозначен прилагательным.

Нередко класс обозначается отглагольным существительным или же существительным, соотносящимся с глаголом. Элементы класса выражают частные проявления того, что обозначено данным обобщающим словом. Например: *Во всех многочисленных делах, за которые он (отец Христофор) брался на своем веку, его прельщало не столько само дело, сколько суета и общение с людьми, присущие всякому предприятию. Так, в настоящей поездке его интересовали не столько шерсть, Варламов и цены, сколько длинный путь, дорожные разговоры, спанье под бричкой, еда не вовремя...* (Чехов, Степь). «Само дело» и «суета» образуют путем противопоставления два класса, каждый из которых объединяет ряд элементов, не исчерпывающих, однако, эти классы. Между элементами этих прагматических классов нет никакой заранее данной онтологической смежности (ср. *шерсть* и *Варламов; еда не вовремя* и *спанье под бричкой*), она устанавливается только данной конкретной ситуацией.

Итак, особенностью прагматических классов в плане содержания является частое объединение в них элементов онтологически отдаленных или даже несовместимых классов, их эфемерность, частое образование их на основе восприятия, чувств, действий конкретного лица в конкретной ситуации. В плане выражения для них характерно косвенное (неявное, метонимическое, транспонированное) обозначение класса в целом и выделение элементов класса на основе пропозиции.

Способность оперировать прагматическими классами *ad hoc*, легко создающимися и столь же быстро исчезающими из сознания, когда в них отпала необходимость, представляет собой уже свидетельство безграничной гибкости, пластичности человеческого мышления. Изучение прагматических классов представляет несомненный интерес для анализа семантической и формальной структуры текста.

2. Несимметричная анафора и местоименный перебой

Человек не только легко и гибко формирует понятия в своем сознании, он также свободно создает связи между ними в речи. Об этом свидетельствуют частое отсутствие средств связи в тексте, что насколько не мешает пониманию, а также несимметричная анафора и местоименный перебой.

Обычно местоименная анафора бывает симметричной: форма местоимения по грамматическим категориям соответствует форме репрезентируемого имени, но нередко местоимение, особенно в разговорной речи, соотносится формально не с существительным, которое оно должно было бы замещать, а с другим словом. Это обстоятельство лишь раз показывает нежесткость понятий, которыми оперирует человек, и лабильность, легкость перехода от одного понятия к другому в силу метонимических и иных ассоциаций. Сравним примеры:

«Вчера я встретил Машину сестру. Она выглядела печальной.

«Юно, что местоимение *она* репрезентирует существительное *сестру*, а не прилагательное *Машину*. Здесь анафора полностью симметрична, адекватна своему antecedенту. Но в примере:

«Он взял Машину книгу. Она была недовольна.

местоимение *она* соотносится не с существительным *книгу*, а с прилагательным *Машину*.

Анафора несимметрична, неадекватна, и тем не менее фраза выглядит приемлемой. Подобные факты показывают, что при построении и интерпретации высказываний говорящие ориентируются не только на формальные связи, но в большей степени на смысловые. Если в первом предложении семантическим центром словосочетания-antecedента является существительное, то во втором таким центром оказывается прилагательное, неодушевленное существительное семантически зависимо от этого прилагательного, которое можно заменить предложно-именным оборотом (*Я взял у Маши книгу*).

Другой тип несимметричной анафоры образуется, когда наименование лиц метонимически заменяется обозначением места, где эти лица находятся. Например: *Au couvent, ils ne font que prier В монастыре они только и делают, что молятся*. Местоимение *они* (во французском *ils* — мужского рода) семантически связано с понятием «монастырь» и совокупно с ним толкуется как обозначение монахов.

Особенно часто встречается такая ассоциативная анафора при переходе от единицы к классу, от целого к части и наоборот. Говорящий как бы держит в сознании два понятия одновременно: понятие предмета и класса, в который он входит. Например: *Он купил «тойоту»*, потому что *они* выносливые.

К несимметричной анафоре примыкает явление *местоименного перебора*, когда один и тот же объект репрезентируется местоимениями разного лица. Ярким примером подобного перебора начинается знаменитая «Песнь Песней» царя Соломона (гл. 1) в Синодальном переводе Библии.

(1) Да лобзает он меня лобзанием уст своих!
Ибо ласки твои лучше вина.

(2) От благовоения мастей твоих имя твое,
Как разлитое миро; поэтому девицы любят тебя!

- (3) Влеку меня, мы побежим за тобою; — царь ввел меня в чертоги свои, — будем восхищаться и радоваться тобою, превозносить ласки твои больше, нежели вино; достойно любят тебя!

Во всех предложениях невеста обращается к своему жениху. Но в первой фразе жених обозначен местоимением третьего лица, во второй и дальше — второго. В третьем стихе — если мы обозначает любовную пару, то странной выглядит фраза: *мы* (то есть я и ты) *побежим за тобою* (то есть жених должен бежать сам за собой), если *мы* обозначает невесту и ее подружек, то становится неясной ситуация в стихе (3), так как вряд ли подружки должны присутствовать при ласках жениха. В этом же стихе жених обозначен уже в третьем лице (*царь*). Девушка постоянно меняет угол зрения, но переход от одного понятия к другому, местоименный перебой, вызывающий разночтения у современных переводчиков, не мешал адекватному пониманию текста у людей той эпохи, хорошо знакомых с ситуацией.

В старых переводах Библии (например, в английском издании короля Якова), как и в русском Синодальном, сохраняется полностью перебой местоимений. Современные переводы, стремящиеся сделать текст максимально ясным для читателя, стараются снять эту «непоследовательность», все дают во втором лице¹: например, французский перевод 1989 г. (на «обиходный французский язык»; параллельно дан дословный русский перевод):

(2) Embrasse-moi
embrasse-moi donc!
Ton amour m'enivre
plus que le vin,	Поцелуй меня,
поцелуй же меня!
Твоя любовь меня опьяняет
больше, чем вино,
(3) plus que la senteur
de ton huile parfumée.
Tu es séduisant
comme un parfum raffiné;
il n'est pas étonnant
que toutes les filles
soient amoureuses de toi!	больше, чем аромат
твоих умящений.
Ты привлекателен,
как тонкое благовоние;
не удивительно,
что все девушки
любят тебя.
(4) Prends-moi par la main,
entraîne-moi et courons.
Tu es mon roi,
conduis-moi dans ta chambre,
rends-nous follement heureux
tous les deux,
célébrons ton amour
plus enivrant que le vin.	Бери меня за руку,
влеки меня и побежим
ты мой царь,
веди меня в твои покои,
сделай нас безумно счастливыми
обоих,
восславим твою любовь,
что пьянит больше вина.

¹ В русском Синодальном переводе опущена вводная фраза «Песни»: *Песнь Песней Соломона*, поэтому нумерация стихов не совпадает.

В современном русском переводе И. Дьяконова:

- (2) — Пусть уста его меня поцелуют!
— Ибо лучше вина твои ласки!
- (3) Из-за добрых твоих умящений
прозрачный елей — твое имя, —
Потому тебя девушки любят.
- (4) — Влеку меня! С тобой побежим мы!
— Ввел царь меня в свои покои!
— Мы рады, мы с тобой повеселимся,
Больше вина твои ласки славим —
Справедливо тебя полюбили!

Курсивом выделены хоровые партии. Если это так, то текст становится яснее и местоименный перебой почти устраняется. Но судя по французскому переводу, вся тирада принадлежит невесте, и в этом случае в русской версии местоименный перебой имеет место и он свидетельствует о скольжении говорящего от одного понятия к другому при обозначении одного и того же объекта. Перебой ликвидируется или заменой грамматического лица (как во французском тексте), что позволяет приписать все высказывания одному говорящему (невесте), либо разделением текста между разными говорящими (невеста и хор), как это сделано у Дьяконова.

Б. МНОГОАСПЕКТНОСТЬ ОБЪЕКТА

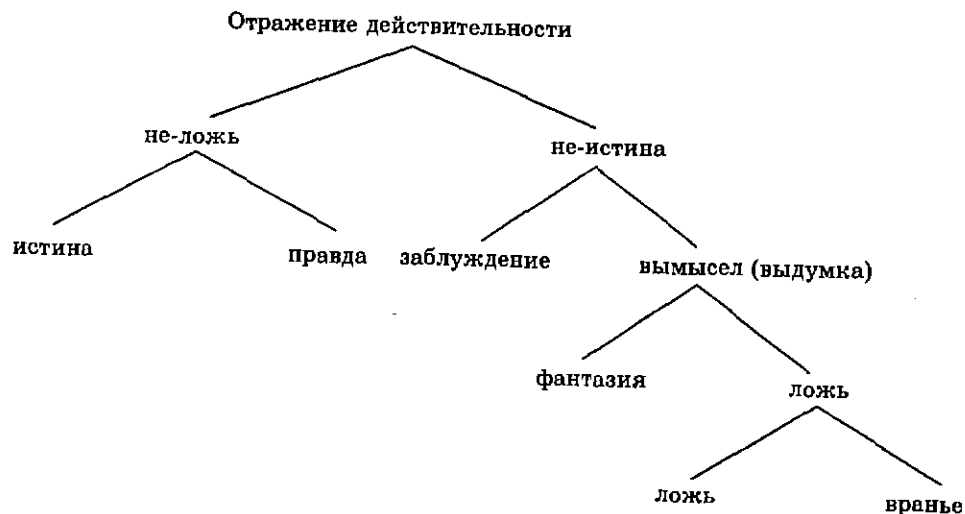
Выше отмечалось, что различия в номинациях, изменение относительной номинации объясняются изменением взгляда именуемого субъекта на именуемый объект. В дальнейшем эта проблема будет неоднократно обсуждаться. Но представляет интерес рассмотреть эту субъективность людей по отношению к объективному миру несколько шире, выйдя за пределы собственно номинаций и истолкования их. Каждый объект, каждое понятие обладает бесконечным числом связей с другими объектами и понятиями. Чтобы яснее это показать, мы возьмем в качестве примера не конкретные артефакты, но отвлеченные понятия. У этих понятий каждый говорящий может актуализировать привлекающие его черты, связи с другими понятиями и явлениями, дать свою оценку. Это наглядно показывает, как формируется многообразие взглядов на одно и то же явление. В качестве объекта подобного анализа будут рассмотрены понятия «истина» и «судьба», а в качестве материала используются народные пословицы и афоризмы, иллюстрирующие их.

1. Истина и люди

Пословицы, афоризмы, суждения мыслителей разных стран, касающиеся истины, представляют собой корпус высказываний, анализ которых дает возможность выявить, какие стороны этого концепта отражаются в сознании людей, и тем самым полнее раскрыть его содержание и роль, представить «портрет» истины. Прежде всего обнаруживается неравномерное членение нозического поля «истина» в разных языках. Так, французскому *vérité* или английскому *truth* в русском соответствуют два слова: *истина* и *правда*. Эти термины охватывают пересекающиеся понятия, но все же между ними можно провести различие, которое заключается, в частности, в том, что истина относится к модальности *de re*, указывая на верное отражение объективной действительности в сознании человека, тогда как правда входит в сферу модальности *de dicto*, показывая соответствие сказанного действительности. Это различие проявляется в употреблении обоих слов, в значениях их производных и образуемых ими словосочетаний: *изрекать истину и говорить правду, истинный друг и правдивый друг* и т. д.

По большей части истина характеризуется — эксплицитно или имплицитно — в оппозиции ко лжи. Рассмотрим в общих чертах типы лжи, точнее не-истины, в их соотношении с истиной (см. схему).

Представленные на схеме понятия различаются по четырем дифференциальным признакам: 1) «отражение действительности»; не-ложь — адекватное, не-истина — неадекватное; 2) «намеренность, контролируемость»; истина характеризуется ненамеренностью (ее можно открыть, но нельзя придумать, создать), также и заблуждение — не-истина ненамеренная, неконтролируемая, результат не злого умысла, а незнания; заблуждение не придумывают; выдумке же

намеренна, контролируемость; ложь, фантазию придумывают; 3) «отношение к сокрытию истины» (эта оппозиция касается выдумки): выдумка, направленная на сокрытие истины, — ложь; выдумка, не имеющая целью скрыть истину, — фантазия. К фантазии относятся фикция, утопия, искусство и т. п. Она может изобретаться ради поиска истины, ради ее смягчения, а также использоваться в людической функции. Некоторые исследователи отмечают параллелизм различий между истиной и правдой, ложью (в узком смысле слова) и враньем. Мы видим постепенность перехода от истины к лжи. Истина и заблуждение имеют общий признак — ненамеренность. Фантазию связывает с заблуждением отсутствие намерения нанести ущерб истине.

Афоризмы, пословицы и т. п. имеют следующие семантические особенности: 1) нередко по одному и тому же вопросу они реализуют диаметрально противоположные суждения; 2) они содержат не аналитические определения, но оценочно-характеризующие; в них нельзя найти строгого определения того, что такое истина, но можно обнаружить отношение людей к этому понятию; 3) они оторваны от конкретного контекста, носят обобщенный характер, в них наблюдается нейтрализация значений слов и форм; поэтому не будет проводиться различия между *истиной* и *правдой*, также будут рассматриваться совместно виды не-истины (*ложь, заблуждение*). Несмотря на различные формы высказываний, определяемое местом, временем, индивидуальным стилем автора, во многих случаях они совпадают по смыслу. Можно выделить следующие параметры истины:

1. Общая значимость истины.

Истина — самое ценное и полезное в жизни людей: *Правда дороже золота* (русская пословица); *Замалчивать истину — все равно что замалчивать золото* (армянская пословица). Стремление к истине — неотъемлемое и важнейшее побуждение человека: *В нас существует потребность истины, и это и есть первая истина, к которой мы должны прийти* (Гренье); *Всеми силами души нужно стремиться к истине* (Платон). Истина превыше всего, выше любых чувств: *Годы постепенно учат всякого человека, что только истина чудесна* (Мерклинк); *Платон мне друг, но истина мне больший друг* (Аристотель). Истина — в основе всего лучшего: *Там нет величия, где нет истины* (Лессинг). Истина, даже неприятная, необходима и полезна. Она исправляет, лечит: *Нельзя обижаться на истину* (Платон); *Я предпочитаю вредную истину полезному заблуждению: истина лечит болезнь, которую она могла бы причинить* (Гете); *Истина — это удар ножом, который может очистить рану, вскрыть нарыв и перевязать ее* (Лавинья).

2. Сила истины.

Здесь выявляются два аспекта: собственная сила истины, ее преобладание перед не-истинной и значение истины как основы силы человека и общества.

Истина всесильна, неистребима: *Истина иногда затмевается, но никогда не гаснет* (Тит Ливий). Она сильнее лжи: *Истина поднимается над ложью, как масло всплывает над водой* (Страпарола); *Явилась истина, и ложь рассеивается, как легкий дым* (арабская пословица).

Истину одолеть невозможно: *Истина сама себя защитит без труда* (Цицерон); *Истина быстро повергает то, что ей сопротивляется* (Али); *Истина в пути, и ничто ее не остановит* (Золя). Насилием истину истребить невозможно: *Истина и свобода тем замечательны, что все, что делают для них и против них, им служит в равной степени* (Гюго).

Истина сильна не только сама по себе. Она дает силу людям: *Только истина может противостоять несправедливости. Истина и любовь* (Жамю); *Общество сильно только тогда, когда оно ставит истину под яркий свет солнца* (Золя); *Нация умирает, когда дух справедливости и истины уходит от нее* (Польян). Приверженность истине — основное условие душевного комфорта человека: *Не только сама истина дает уверенность, но и одно искание ее дает покой* (Паскаль).

Однако поведение и отношения людей накладывают ограничения на возможности истины: *Истина — факел, горящий в тумане, но не разгоняющий его* (Вольтер). Также не может быть решен спор между насилием и истиной: *Никакое насилие не может ослабить истину, оно лишь способствует ее возвышению. Никакой свет истины не способен остановить насилие, он может лишь разжечь его еще больше* (Паскаль).

3. Истина и время.

Здесь отмечается ряд аспектов. Истина обладает вечностью: *Истина существует вечно* (Паскаль); *Сила истины в том, что она длится* (египетская пословица). Истина развивается и проявляется со временем: *Истина и утро становятся светом со временем* (эфиопская пословица). Время работает на истину: *Истина — дочь времени* (Авл Геллий); *Истина может ждать, так как у нее впереди долгая жизнь* (Шопенгауэр); *Время точит заблуждение и полирует истину* (де Леви). Но вечность истины, ее долгая жизнь имеют и отрицательную сторону: она может не проявляться в нужный момент, может запаздывать. Это выражено в известной русской пословице: *Бог правду видит, да не скоро скажет*. Польский автор М. Яструн пишет: *Должна ли истина быть вдовой времени?* (то есть данная истина нередко объявляется тогда, когда время уже ушло).

4. Истина и нравственность.

Человеческое общество живет преимущественно в обстановке догм, устарелых традиций, неискренности. Истина нарушает привычные установления и мнения и часто нежелательна: *Как ни редко встречается истина, предложение всегда превышает спрос* (Г. Шоу); *У старого заблуждения больше друзей, чем у новой истины* (датская пословица). Истина изображается как нечто, причиняющее боль, неприят-

ное ощущение. Ее сравнивают с кинжалом, с острым ножом — «правда глаза колет» и т. п.: *Нет ничего более горького, чем истина* (еврейская пословица); *Истина для ушей — то же, что дым для глаз и уксус для зубов* (немецкая пословица); *Нет истины и розы без шипов* (английская пословица); *Истина всегда бесстыдна* (Стриндберг). Даже если истина — свет, то это свет ослепляющий, непереносимый: *Истина, как и свет, ослепляет* (Жамю); *Истина подобна солнцу: она позволяет видеть все, но не дает смотреть на себя* (Гюго). Люди не выносят истины: *Кто хочет высказать истину, находит двери закрытыми* (датская пословица); *Истина порождает ненависть* (Торенций). Не всегда следует говорить правду (истину): *Истина не всегда выигрывает от того, что показывает свое лицо* (Пиндар); *Не всякую истину следует говорить* (Бомарше). Говорить истину подчас опасно: *Кто говорит правду, должен держать ногу в стремях* (турецкая пословица); *У истины расцарапано лицо* (английская пословица); *Свечеч истинны часто обжигает руку того, кто его несет* (Буаст). Лучше всего не говорить истины: *У мудреца два языка — один, чтобы говорить истину, другой — чтобы говорить то, что уместно* (Еврипид). Нормальный человек не станет «резать правду-матку»: *Трое говорят истину: дураки, дети и пьяные* (немецкая пословица). Итак, истина обращается против человека, высказавшего ее, и только социально неполноценные лица могут рискнуть сказать правду. Как же в таком случае пропагандировать истину? К. Чапек предлагает такой рецепт: *Истину нужно продвигать контрабандой, ее нужно распространять обрывками, капля здесь, капля там, чтобы люди к ней привыкли. Но только не сразу, не единым ударом.*

Как все же люди воспринимают истину, когда она высказывается? Здесь возможны разные варианты. Прежде всего, непривычная истина шокирует: *Люди так мало привыкли к правде, что малейшая истина, даже плоско изложенная, начинает походить на наглость* (Вандерем). Или ее принимают за ложь: *Если вы хотите, чтобы вас воспринимали лжецом, говорите всегда правду* (С. С. Смит). И наконец, новую истину стараются дискредитировать, объявляя ее известной: *Когда открывается новая, поразительная истина, люди сперва говорят: «это неправда», потом: «это противоречит религии» и наконец: «это старая истина»* (Лайель). В заключение этого раздела отметим, что истина способна вызывать и положительные реакции: *Истина никогда не бывает безотрадной* (Ранке). Истина воспринимается в динамике: поначалу она отвергается, но со временем она становится приемлемой: *Истина подобна помуту гиены: свежая — она черная, потом она светлеет* (пословица бамбара).

5. Прагматика истины.

Хотя некоторые великие умы говорили, что ради истины достойно принять смерть, в обыденной жизни люди более прагматичны и склонны предпочитать полезную ложь бесполезной истине: *Я люблю истину. Я думаю, что человечество нуждается в ней; но оно нуждается еще больше во лжи* (Франс); *Истина — величайшая драгоцен-*

ность; ее нужно экономить (Твен); Человек пользуется истиной, пока она ему нужна (Гете). Неразумным людям она вообще не нужна: Истина для глупцов — то же, что факел среди тумана: он светится, не разгоняя его (Буаст). С истиной следует обращаться осторожно: Если бы у меня рука была полна истинами, я бы поостерегся ее открыть (Фонтенель). Истина может принести вред: Лучше ложь, приносящая добро, чем истина, несущая зло (персидская пословица); Если говорить правду, можно проиграть свою игру (французская пословица); Кто громко говорит правду, тот рискует остаться без приюта (скандинавская пословица); С правдой можно пойти далеко, даже в тюрьму (польская пословица). И вообще: От истины не насыщаешься, от лжи — задыхаешься (польская пословица). Поэтому: Истина — собака, которую отправляют на псарню, ложь имеет право устраиваться у очага (Шекспир). Но все же истина опасна не абсолютно: Истина, хотя она и горькая, проглатывается (испанская пословица); Никто не умирает нынче от смертельных истин: есть слишком много противоядий (Ницше). Истина в конце концов оказывается полезней лжи: С ложью можно уйти далеко, но без надежды вернуться (еврейская пословица).

6. Истина и свобода.

Эти понятия взаимообусловлены: Где истина не свободна, там свобода не истинна (Превьер). Истина — условие свободы, путь к свободе: И познаете истину, и истина сделает вас свободными (Иоан. 8, 32). С другой стороны, свобода — условие существования истины, которая может проявляться полностью только в условиях свободы: Раб не имеет права высказать истину, если она не по вкусу его хозяевам (Еврипид). В условиях свободы истина торжествует: Когда истина свободна и заблуждение — тоже, то побеждает не заблуждение (Мартен дю Гар).

7. Качества истины.

Истину следует отличать от правдоподобия: Правдоподобие — самый большой враг истины (Серже); Настоящая истина невероятна (Достоевский); Истина не приносит столько добра, сколько ее видимость приносит зла (Ларошфуко). Истина должна быть полной: Если в книге 80% правды, значит, она на 100% лжива (Ростан). Истина сохраняет свои качества лишь при наличии меры: У истины, как и у религии, два врага: слишком много и слишком мало (Батлер).

Выше отмечалось, что истина едина и вечна. Однако не все авторы согласны с этим, они подчеркивают относительный характер истины. Относительность может быть индивидуальной, зависеть от точки зрения: Истина калейдоскопична и изменяется согласно той точке зрения, с которой на нее смотрят (Милль); Если была бы только одна истина, невозможно было бы написать 100 картин на один и тот же сюжет (Пикассо). Но вместе с тем эти различные истины объединяются общей «гиперистиной»: Истины, которые кажутся нам различными, подобны бесчисленным листьям, которые представляются разными на одном и том же дереве (Ганди).

Временная относительность: У истин нет Мафусаилова века. Истина нормальной комплекции живет обычно 17, 18, от силы 20 лет, редко больше (Ибсен). Пространственная и этническая: Какую истину ограничивают эти горы? И какая ложь существует по ту сторону гор? (Монтень); Истина по эту сторону Пиренеев — заблуждение по ту (Паскаль). Истина по-разному соединяется с ложью: Истина у всех народов одна и та же, но у всякого народа есть своя особая ложь, которую он именуется своими идеалами (Ромен Роллан). В определенном контексте истина становится ложью: Политика — последовательность следствий: всякая изолированная истина превращается в ложь в социальном аспекте (Фьеве).

8. Выражение истины.

Основной вопрос здесь — проблема «нагой истины»: следует ли истину смягчать, приукрашивать или нет. Нередко подчеркивается необходимость или целесообразность определенной словесной упаковки истины, умения «истину царям с улыбкой говорить»: Истину нужно показывать не голой, а в рубашке (испанская пословица); Бывают обстоятельства, когда истина не должна показываться с открытым лицом (Пиндар); Правду надо говорить с шуткой (армянская пословица); Когда ты бросаешь стрелу истины, намочи ее острие в медь (арабская пословица). Если истину нельзя приукрасить, ее надо представить хотя бы в выгодном свете: Истину, как и драгоценность, не нужно приукрашивать, но ее следует располагать так, чтобы она была выгодно освещена (Сантаяна). Однако не меньше голосов раздается и против приукрашивания истины: Нагота — лучшее украшение истины (М. Фуллер); Единственная вещь, которую нельзя украсить, не убивая ее, это истина (Ростан). Украшение истины вызвано тем, что люди не в состоянии выдержать ее: Ясно помятая истина не может больше быть изложена искренне (Пруст).

Ясность и простота — достоинства истины: Слова истины просты (Эсхил); Если хотите избавиться от истины, задушите ее словами (Гете). Но простота и ясность могут обернуться против истины: Истина часто бывает настолько проста, что в нее не верят (Лавальд); Слишком ясная истина вскоре перестает быть плодотворной (Лебон). Истину следует преподносить спокойно: Истина страдает больше от одержимости своих сторонников, чем от аргументов своих противников (Пенн).

9. Истина и деятельность.

Истина должна быть основой деятельности человека: Наивысшее отношение к истине выражается в ее применении (Эмерсон). Истина страдает прежде всего от бездействия: Не заблуждение противится прогрессу истины, а вялость, упорство, дух рутинности — все, что ведет к бездействию (Тьюрго).

В прагматических целях человек склонен исказить истину в своих интересах и оценивать ее по практическим результатам: Истина — то, что ведет к цели (Калейб); Успех — знак истины (Моррао); Никогда не изменяй правде, изменяй правду (Лец). Иск-

жение истины недопустимо: *Человек должен переделывать себя ради истины, истина же не может переделываться в угоду человеку. Единственное, что я требую от политиков, это то, чтобы они ограничились изменением мира без изменения истины* (Польян).

10. Поиски истины.

Это — важнейшая задача, стоящая перед человеком, смысл его жизни. Поиск истины даже важнее самой истины: *Истина состоит в том, чтобы всегда искать истину* (Роллан); *В стремлении к истине главная суть заключается не в том, чтобы найти ее, а в том, чтобы ее искать* (Нордау); Человек заслуживает поощрения, даже если его поиски истины оказались безрезультатными или сопровождались ошибками: *Можно требовать, чтобы я искал истину, но не того, чтобы я нашел ее* (Дидро); *Желание постичь истину — заслуга даже тогда, когда на пути к ней заблуждаются* (Лихтенберг). Поиски истины связаны с личным участием искателя: *Истина устремляется лишь навстречу тому, кто ищет* (Минуций); *Не думай, что истина может быть обнаружена кем-то другим* (Жид); *Истина внутри нас, она не приходит извне* (Браунинг). Поиск истины — сложное дело, поскольку истина неочевидна: *Тысячи путей ведут к заблуждению, к истине — только один* (Руссо); *Истинное слишком просто: идти к нему надо всегда через сложное* (Ж. Санд); *Именно самые простые истины человек постигает позже всего* (Фейербах).

Истина ощущается как нечто, лежащее внизу, в глубине, скрытое от чужих взоров: *Легче обнаружить заблуждение, чем найти истину; заблуждение лежит на поверхности, истина — в глубине* (Гете). *Истина лежит на дне колодца* (греческая пословица). Эта пословица дала производные с дополнительными значениями: *Истина — не красавица, спрятанная на дне колодца, но робкая птица, которую можно поймать только хитростью* (Дж. Кондар); *Истина — дама, которую охотно опускают на дно колодца после того, как ее вытащили оттуда* (Дарк).

Поскольку истина часто связана с открытием тяжелых сторон жизни, то ее постижению способствует переживание, страдание: *Каждая слеза открывает смертному какую-либо истину* (Фосколо). Истина — редкость, она тонет среди заблуждений: *Заблуждение — это правило, истина есть случайное порождение заблуждения* (Дюамель). Поэтому: *То, что мы называем истиной, есть лишь устранение заблуждений* (Клемансо).

Средство достижения истины — обсуждение: *В спорах рождается истина* (французская пословица); *Спор — решето истины* (Гуаццо). Но в споре следует соблюдать меру: *В излишних спорах теряется истина* (Публий Сир). Ожесточение мешает истине: *Будь другом истины до мученичества, но не будь ее защитником до нетерпимости* (Пифагор).

11. Истина и не-истина.

Существует три типа не-истины: ложь, заблуждение, фантазия (утопия, фикция, искусство).

Соотношение между истиной и не-истиной сложно. Отмечается как поллярность этих явлений, так и отсутствие жестких границ между ними.

Истина объективна и абсолютна: *Истина существует, изобретают только ложь* (Брак); *Рождается новый Бог. Другие умирают. Истина ни пришла, ни ушла. Только заблуждение изменилось* (Павсоа).

Однако: *Один волосок отделяет истину от лжи* (персидская поговорка). Нередко им дают сходные характеристики: *У истины один глаз, у лжи много* (санскритская пословица); *У истины — много лиц, у лжи — только одно* (Шеаде). Различить их нелегко: *Бывает важная истина и правдивая ложь* (английская пословица); *Во всяком заблуждении есть зерно истины, так же как и во всякой истине есть зерно заблуждения* (Рюккерт). Истина и ложь могут «работать» друг на друга. Зерна истины делают заблуждение более опасным: *Заблуждение тем опаснее, чем больше истины оно содержит в себе* (Амьоль); *Лжи не было бы, если бы истина не делала ее правдоподобной* (арабская пословица). В то же время не-истина, гиперболлизированная, может сделать ее более ощутимой: *Истина, как свет, ослепляет. Напротив, ложь — прекрасные сумерки, которые подчеркивают каждый предмет* (Камю). Истина может происходить от заблуждения, и заблуждение — от истины. Последнее имеет место при злоупотреблении истиной или ее несвоевременности: *Много заблуждений рождается от злоупотреблений истиной* (Вольтер); *Нередко заблуждение — та же истина, которой, однако, не дали созреть* (Ж. Ромэн); *Утопии часто оказываются лишь преждевременно высказанными истинами* (Ламартин).

Вместе с тем заблуждение может способствовать появлению истины: *Лгите, чтобы найти правду* (испанская пословица); *Шуба истинны имеет подкладку из лжи* (датская пословица); *Утраченные иллюзии суть обретенные истины* (Мультидули).

Заблуждение со временем может стать истиной: *Судьба новой истины такова: в начале своего существования она всегда кажется ложью* (О. Гексли); *Все великие истины поначалу являются святошеством* (Дж. Б. Шоу). Фантазия может способствовать принятию истины: *У нас есть искусство, чтобы не умереть от истины* (Минцго).

12. Критерий истины. Прямое (словарное) определение истины — соответствие нашего представления действительности — не может дать окончательного ответа на наш вопрос, поскольку, согласно закону дополненности, возможен ряд индивидуальных отражений, соотносящихся с одной и той же реальностью.

В Евангелии от Иоанна читаем: *Иисус отвечал: ...Я на то родился на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего. Пилат сказал Ему: что истина?* (Иоан. 18, 37–38). Вопрос Пилата вызван, по видимому, тем, что, как римлянин, он желал бы улышаться прямое,

даже юридическое, определение истины, тогда как Христос дал относительное определение в соответствии со своим учением. Его высказывание выражает причинно-следственное отношение: «тот, кто придерживается истины, является последователем Христа». Но такое отношение может быть представлено в виде предложения тождества: «Носители истины — последователи Христа». Любое же предложение тождества может подвергаться обратимости без изменения семантических отношений, но с изменением тема-рематической структуры, что не всегда осознается: «Последователи Христа — носители истины». В таком случае единственным критерием истины оказывается приверженность к определенному лицу, имя которого выступает как знак, этикетка истины. Такую эволюцию прodelывает понимание истины во многих доктринах: религиозных, научных, политических. Имя руководителя и его высказывания становятся при этом единственным критерием истинности, истина получает не содержательное, а относительное определение. Более истинным оказывается не то, что сказано, а кем сказано. Может быть, в свете этого и следует понимать слова одного из персонажей Достоевского: *Если истина вне Христа, то я бы согласился лучше остаться с Христом, чем с истиной*, — хотя к подлинному учению Христа это не относится, поскольку: *Истина — приказ не командира, а разума* (Чапек). Постоянно существует возможность субъективации истины, когда она ставится в зависимость от отдельного человека, будь то какой-либо авторитет или сам данный индивидуум. В связи с этим и возникает предостережение: *Мы не можем отдать истину человеку, который хочет решить, как она должна выглядеть* (Бьерлинг). В таком случае оказывается, что истина — это то, что мы считаем истиной, и можно прийти к пессимистическому выводу: *Истина состоит в том, что нет истины* (Неруда).

2. Судьба и мудрость

Мудрость определяется как суждение, основанное на знании жизни, глубоком понимании вещей, на опыте. Она отражается в речевых произведениях двоякого рода: коллективная мудрость представлена в пословицах, поговорках, «индивидуальная» — в крылатых словах, изречениях, максимах, в художественных и философских произведениях. Невозможно провести четкую границу между этими двумя типами речевых произведений. С одной стороны, многие крылатые слова и цитаты из произведений, распространяясь, приобретают статус пословиц, с другой стороны, нередко авторы в своих высказываниях перефразируют народные пословицы, откликаются на анонимную народную мудрость. Поэтому ниже мы не будем проводить различие между двумя типами высказываний.

Анализ пословиц, афоризмов и т. п., касающихся судьбы, позволяет выявить, что думают люди о таком понятии, как судьба, как они

относятся к ней, какое место уделяют они ей в своем бытии. Это дает возможность, в свою очередь, проанализировать понятие судьбы в онтологическом и функциональном аспектах. Онтологический аспект касается природы самого понятия «судьба», функциональный — ее роли в жизни людей.

Нами было проанализировано несколько десятков высказываний о судьбе, взятых из разнообразных сборников пословиц, афоризмов, сказок на разных языках. Мы воздержимся от подробных библиографических ссылок, ограничившись указанием на авторство высказывания, тем более что нередко в разных источниках представлены одни и те же изречения. Исследовались различные слова-понятия, относящиеся к лексическому полю судьбы: *судьба, рок, участь, доля, предназначение, провидение, фортуна, случай* и др.

С самого начала следует оговорить, что, быть может, высшая мудрость людей заключается именно в том, что о предмете высказываются нередко противоположные, взаимоисключающие суждения, которые применяются в качестве рекомендаций в зависимости от конкретных жизненных ситуаций. Поэтому не следует удивляться тому, что мы подчас будем сталкиваться с изречениями противоположного содержания.

Прежде чем перейти к анализу изречений, рассмотрим общую структуру понятия «судьба».

Судьба есть движение жизни, изменение в положении человека. Это изменение может быть зависимо или независимо от чьей-либо воли (соответственно — несвободно или свободно). В свою очередь, источником (источником) воли, определяющей путь и его изменения, может быть сам человек или нечто, постороннее ему. Источником изменений, находящимся вне человека, может быть божество или иной распорядитель судеб либо ни от кого не зависимый рок, предназначение, куда даже боги не смеют вмешиваться. Пересечение этих двух факторов (свобода и воля) представлено таблицей.

свобода	источник воли	
	сам человек	вне человека
свобода (возможность выбора)	(1) «человек — хозяин своей судьбы»	(2) «все от бога»
несвобода (отсутствие выбора)	(3) «лови случай» (случайность)	(4) «судьбу не изменишь» (фатум)

Схема показывает четыре варианта соотношения свободы и воли в сфере судьбы.

(1) Полная свобода человека, полная зависимость его судьбы от его воли.

(2) Зависимость судьбы человека от предначертаний божества. Здесь бог делает выбор, от которого зависит судьба человека. Однако в этом случае человек может частично влиять на свою судьбу, так

как он своим поведением, своими заслугами или мольбой может повлиять на решения бога. Судьба библейского Иова — пример такой частичной зависимости судьбы человека от него самого.

(3) Возможность изменения не зависит ни от человека, ни от божества, это — случай. Однако и здесь судьба частично зависит от самого человека, так как в его власти воспользоваться случаем или упустить его.

(4) Полная несвобода человека, абсолютная детерминированность его судьбы, которая не зависит ни от кого, целиком представляя собой предустановление, над которым и боги не властны. Это близко к понятиям «фатум», «рок».

Таким образом, в представлении людей судьба может быть полностью зависимой от человека (1), частично зависимой (2), (3) и абсолютно независимой (4).

Анализ высказываний, касающихся судьбы, позволяет выявить как общие представления о судьбе, так и различные ее аспекты, которые могут быть представлены в виде оппозиций. Среди последних отметим следующие: 1) судьба и воля; 2) постоянство/изменчивость судьбы; 3) счастливая/несчастливая судьба; 4) справедливая/несправедливая судьба; 5) отношение человека к судьбе: исправимость/неисправимость ее; 6) способы изменения судьбы: активный/пассивный.

Что касается общей характеристики судьбы, то отмечается прежде всего всеобщая вера людей в судьбу, чувство судьбы свойственно всякому человеку: *Фортуна — божество, которое никогда не знало неверующих* (Сенак).

Судьба представляется как обязательный компонент переживаемых событий. Это особенно свойственно религиозному сознанию. В сказках «1001 ночи» постоянны ссылки на судьбу. В комедии Теренция «Евнух» Херея, подстроивший с помощью раба Парменона интригу, после ее благополучного завершения восклицает: *С кого начать? Кого хвалить? Того ли, кто совет мне дал? Себя ли за решительность? Судьбу ли, что направила все к лучшему и к стати нам? Отца ль за снисходительность? ...* Характерно, что успех дела он приписывает не только непосредственно протагонистам, но и судьбе.

Человек ощущает судьбу, как проявление произвола высших сил. Древние часто сранивали судьбу с игрой богов: *Боги нами играют, как люди мячом* (Плавт); *Людскими делами играет власть богов* (Овидий); *О Фортуна! Кто из бессмертных и смертных жестоко тебя! Ты рада играть человеком* (Горацій).

В связи с этим возникает вопрос о постижимости судьбы. Суждения здесь противоречивы. С одной стороны, философ Грасиан говорит: *Знай свою судьбу, вопрошай Минерву*, то есть учитывай возможности, поступай мудро. Но чаще подчеркивается непостижимость судьбы для человека: *Судьба — закон, значение которого нам неизвестно, так как от нас ускользает огромное количество данных* (Галиени). Вследствие своей непостижимости судьба представляется как результат действия слепых и враждебных сил: *Тайный враг пу-*

шает нашу судьбу, не щадя ни хороших, ни дурных (Кохановский). Рассмотрим теперь указанные оппозиции.

1. Судьба и воля, желания человека.

Это — основной вопрос, мы не раз вернемся к нему. Здесь отражены те стороны судьбы, которые представлены в приведенной выше схеме. Отметим следующие аспекты:

а) Подчеркивается расхождение между судьбой и волей (желаниями) человека. Еще древнеримский автор Сирус сказал: *У человека и судьбы разные планы; Наша судьба и наши желания почти никогда не действуют согласованно* (Моруа).

б) Судьба часто интерпретируется как неизбежность, против которой бесполезно бороться, судьба неотделима от самого человека. *Воснушки неотделимы от кожи, как судьба от человека* (мальгашская пословица); *Иди куда хочешь, но умри там, где должен* (французская пословица); *Встречаешь часто свою судьбу на дороге, по которой пошел, чтобы избежать ее* (Лафонтен).

в) Подчеркивается зависимость человека, невозможность для него управлять своей судьбой: *Звезды управляют человеком, а звездами управляет бог* (латинское изречение); *Твое дело — хорошо играть роль, которую тебе доверили. Выбор же этой роли — дело другого* (Эпиктет).

Воле того, сами желания человека определяются как независимые от него самого, как предначертанные теми силами, от которых зависит его судьба: *Влечение сердца — это голос рока* (Шиллер). Тут мы видим крайнее представление о всеилии судьбы: если судьба совпадает с желаниями человека, то это потому, что сами желания навязаны судьбой.

2. Постоянство/изменчивость судьбы.

Многие высказывания подчеркивают постоянство, неизменность судьбы, невозможность переделать ее. *Нельзя ничего изменить в своей судьбе* (Эзоп); *Продолжительность жизни, дела, богатство, знания, смерть, — все предопределено уже в утробе матери* (древнеиндийская мудрость); *Человек несет свою судьбу привязанной к шее* (Коран).

Судьба относится к людям неравномерно: одни получают счастливую судьбу, другие — несчастливую. *Иному судьба — мать, иному — мачеха* (русская пословица); *Одному крест судьба нести дает, другому — диадему* (Ювенал).

Эта неравномерность также постоянна. Люди со счастливой судьбой — всегда счастливы, с несчастливой — всегда несчастливы. Иногда это постоянство судьбы объясняется характером самого человека (который, впрочем, дается ему тоже от Бога): *Небо, создавая людей, дает каждому согласно его склонностям. Оно добавляет тому, кто уже имеет, и опрокидывает то, что и так склонено* (Конфуций). Однако чаще это различие представлено как произвол высших сил: *Обычно счастье приходит к счастливому, несчастье — к несчастному* (Ларошфуко); *Фортуна обращает все к пользе того, кому она*

благоприятствует (Он же). Эта мысль отражается в пословицах разных народов: *Брось везучего человека в Нил, и он выплывет с рыбой во рту* (египетская пословица); *Для счастливицков и сам петух не сется* (греческая пословица).

Но человек не мог бы жить и действовать в условиях строгой детерминированности, не оставляющей места для его инициативы. Отсюда — вера в изменчивость судьбы. Для обозначения неизменности судьбы употребляют часто термины *рок*, *предназначение*, для обозначения ее изменчивости — *Фортуна*, *удача*, *случай*.

Отмечается два вида изменения судьбы: случай, как единичное отступление от хода судьбы, и перемена — перелом.

Английский писатель XIX в. Рассел, говоря о судьбе, отмечает: *Кое-какое место следует оставить и для случая*. Но более существенной является вера в общую переменчивость судьбы. *Колесо Фортуны вертится быстрее, чем мельничное* (Сервантес); *Фортуна обладает блеском стекла, но и такой же хрупкостью* (Корнель). Переменчивость судьбы касается отдельного человека: *Кого судьба одевает, того она и раздевает* (арабская пословица); *Фортуна устает нести на своей спине все время одного и того же человека* (Грасиан). Отсюда — важный вывод: если у человека счастливая судьба, он не должен успокаиваться: *В момент благосклонности Фортуны готовься к ее ударам* (Монтень).

3. Счастливая/несчастливая судьба.

Выше уже говорилось о неодинаковости судьбы, которая может быть хорошей и плохой. Обычно люди вспоминают о судьбе, когда они считают ее несчастливой: *Всякий плачется на свою судьбу* (Цицерон); *Никто не доволен своей судьбой* (французская пословица). Однако *Силу судьбы признают только несчастные, ибо счастливые все свои успехи приписывают своему благоразумию или своим заслугам* (Свифт). Неодинаковое распределение благ судьбой обычно объясняют тем, что судьба «слепая». Но здесь сразу возникает уточнение: *Судьба кажется слепой лишь тем, к кому она неблагоприятна* (Ларошфуко).

4. Справедливая/несправедливая судьба.

Судьба связывается с качествами человека. Часто высказывается мнение, что, поскольку судьба слепа, хорошая судьба достается недостойным. *Я знаю много людей разного рода, которые не соответствуют своей судьбе* (Аполлинер). Но если в этом высказывании утверждается, что судьба может не соответствовать разным по своим качествам людям, то нередко подчеркивается, что хорошая судьба достается недостойным людям либо людям, которые не нуждаются в ее благоденствиях: *Жребий всегда падает на того, кто его не ждет* (Цвейг); *Человечество всегда предоставляет наилучшие шансы дуракам* (Сю); *Судьба и женщины благосклонны к дуракам* (французская пословица); *Сколько бодрых жизнь поблекла, сколько низких рок падит* (Шиллер). Правда, иногда допускается и торжество справедливости: *Хотя Фортуна и бесстыдна, иногда она краснеет при виде достоинств* (Оксеншерн).

Следовательно, все же признается, что судьба может зависеть от качеств человека, от его собственных действий. Среди этих качеств — условия рождения человека, его характер, его ум. В данном случае речь идет не о том, что человек — строитель своей судьбы, но лишь о том, что его качества могут быть объективными предпосылками его судьбы: *Мудрый человек сам творит свою судьбу* (Плавт); *Судьба человека — чаще всего в его характере* (Непот). Постоянно подчеркивается зависимость судьбы от действий самого человека: *Каждый — сын своих дел* (Сервантес); *Все хорошее и плохое, что вы делаете, вы делаете самому себе* (Коран); *Человек сам дает розги, которыми его высекут* (французская пословица); *Шипы, которые мне достаются, идут от куста, который я посадил* (Байрон); *На уморизну мы Фортуне тароваты, а поглядишь, так сами виноваты* (Крылов). Итак, судьба может быть и справедливой, и несправедливой.

5. Отношение человека к судьбе: исправимость/неисправимость судьбы; смирение/противоборство. Разумеется, основной проблемой судьбы является отношение человека к своей судьбе. Здесь также можно выделить ряд аспектов.

Прежде всего возникает вопрос, следует ли человеку вообще задумываться над своей судьбой. Во-первых, мысль о своей судьбе для человека мучительна. *На свою судьбу смотреть в упор так же невозможно, как на солнце, хотя она — серая* (Барбюс). С другой стороны, человека упрекают в том, что он излишне размышляет над своей судьбой: *Люди больше размышляют над своей судьбой, чем расплачиваются ею* (Терив). Во всяком случае, *Человек наиболее счастлив тогда, когда ему можно не думать о своей судьбе* (Сиоран).

Человек не мог бы нормально жить без оптимизма, без уверенности, что можно преодолеть и неприятные стороны судьбы. Эта вера породила понятие провидения, которое заботится о человеке, устраняя отрицательные эффекты судьбы. Таким образом, для преодоления трудностей судьба дает и средства: *Когда Бог дает черствый хлеб, он дает и крепкие зубы* (немецкая пословица). Та же мысль, но в противоположной форме, выражена в персидской пословице: *Кто дал мне зубы, даст мне и хлеб*. И вообще: *Когда одна дверь закрывается, то открывается другая* (Сервантес).

Однако человек не должен полностью уповать на провидение, он сам должен действовать разумно: *Всякий пьяный шкипер уповает на провидение, но провидение иногда направляет корабли пьяных шкиперов на скалы* (Шоу); *Если вы сами прыгаете в колодец, провидение обязано вас вытаскивать оттуда* (персидская пословица), и вообще, если с человеком случается что-либо неприятное, то ему прежде всего нужно подумать, правильно ли он поступил сам: *Мудрец извиняется с себя за свои ошибки, глупец — с других* (китайская пословица).

Человеческая мудрость указывает на два отношения к судьбе, которые можно определить как реэмиграцию, покорность судьбе и противостояние, противоборство с судьбой. Особенно много — у

разных народов и в разных эпохах — высказываний, отражающих обреченность, невозможность исправить или изменить судьбу. *Что написано на лбу, то не может быть стерто рукой человека* (арабская пословица); *Напрасно человек сопротивляется своей судьбе* (Ренье); *Судьба кладет два пальца на глаза человека, два — на уши и пятый — на язык, говоря: «Молчи!»* (арабская пословица); *Судьба всесильна, и никто в этом мире не является хозяином жизни* (Акция); *Всякий человек, считающий себя свободным, есть игрушка темных и жестоких сил, которым невозможно сопротивляться; нужно лишь смиренно подчиняться тому, что судьба решила нам навязать* (Гофман).

Ввиду этой силы и непреборимости судьбы бесполезно бороться с ней. Самое мудрое — проявить пассивность, ожидая свою судьбу: *Незачем вставать утром, если тебе не сопутствует удача* (баскская пословица); *Фортуна приходит во время сна* (Тимотей); *Человеку, которому суждено счастье, незачем торопиться быть счастливым* (французская пословица); *К судьбе нужно относиться как к здоровью: пользоваться, пока она благоприятна, терпеть — когда она неблагоприятна* (Ларошфуко).

Всякое сопротивление судьбе — бессмысленно. Эта мысль в классической форме была высказана еще Сенекой: *Согласного судьба ведет, несогласного тащит насильно*. Ту же идею повторил Наполеон: *Мудростью и хорошей политикой является делать то, что повелевает судьба, и идти туда, куда увлекает нас неодолимый ход событий*.

Бессмысленно уклоняться от судьбы или пытаться изменить ее: *Если Фортуна не идет вам навстречу, то вы не догоните ее и галопом* (сербская пословица); *Пойдешь быстро, схватишь беду, пойдешь медленно, беда тебя схватит* (русская пословица). Судьбу можно нейтрализовать именно тем, что ей не сопротивляешься: *Протянуть руку навстречу судьбе — лучший способ смягчить ее суровость* (Оксеншерн).

Как же следует относиться к резигнации, к покорности судьбе? Какие хорошие стороны находят в ней, если ее так упорно пропагандируют?

Во-первых, покорность судьбе изображается как дело, достойное человека, ибо она представляет собой исполнение воли высших сил, проявление веры в бога и благочестия человека.

Во-вторых, покорность судьбе, способность переносить ее удары свидетельствует о стойкости характера, которая также является добродетелью. В любом случае следует вести себя ровно, не радуясь счастью, не печальясь при невзгодах. Не следует искушать судьбу: *Если Фортуна тебе улыбнется, бойся гордости, если она отвернулась от тебя, бойся уныния* (Периандр); *Стойкость характера нужна не в меньшей степени и при благоприятной судьбе: Нужна большая добродетель, чтобы перенести счастливую судьбу, чем несчастливую* (Ларошфуко). *Хорошей судьбе следовать труднее, чем несчастливой. Если феи украсили вашу колыбель, будьте осторожны* (Ален). Разу-

меется, покорность судьбе приятна, если она благоприятна: *Хорошая судьба делает сладостной покорность судьбе* (Ромен).

Из многих приведенных выше цитат можно сделать вывод, что покорность судьбе приводит к бездействию. Но это не всегда так. Знание судьбы, упование на нее может, напротив, стимулировать смелое поведение человека. Известная пословица гласит: *Кому суждено быть повешенным, тот не потонет*. И если, предположим, человек знает или предполагает это, то он может смело вести себя на море. Поэтому фатализм не обязательно обрекает человека на бездействие, напротив, он может побуждать его к отважным поступкам. Египетский писатель Абдух замечает: *Фатализм, лишенный досадного оттенка произвола, побуждает человека к бесстрашию, отваге, храбрости и доблести*.

В противоположность смирению, во все эпохи человеческой истории высказывалась мысль об активном вмешательстве человека в свою судьбу. Отношению к судьбе — принимать ее как она есть или же сопротивляться ей — посвящен и знаменитый монолог Гамлета: *Быть или не быть — таков вопрос; Что благородней духом — покоряться Працам и стрелам яростной судьбы? Иль, ополчась на море смут, сразить их Противоборством?* (перев. М. Лозинского). Ситуация в эпоху Шекспира не была очень точной, и, быть может, возможно такое чтение: *Быть или не быть... Вопрос таков: что благородней духом* и т. д. В этом случае окажется, что основной вопрос, волнующий Гамлета, заключается не в выборе между жизнью и смертью, но также и в том, следует ли принять судьбу такой, как она есть, или же пытаться изменить ее. Здесь снова возникает вопрос, которого мы касались выше: почему смирение перед судьбой должно рассматриваться как «благородство духа»? Видимо, Гамлет усматривал в этом проявление стойкости и мужества человека. Такая точка зрения все шире распространялась в эпоху Возрождения, о чем свидетельствует и изречение английского историка XVII в. Фуллера: *Препятствие судьбы — пробный камень для мужественного человека*.

8. Способы изменения судьбы.

Противоположное резигнации отношение к судьбе — вера в возможность переделать ее, влиять на нее. Эта возможность проявляется в двух формах: 1) судьба человека зависит одновременно и от высших сил и от него самого; Макиавелли говорил, что человеческая судьба наполовину определяется богом и наполовину — самим человеком; 2) судьба зависит от самого человека, только он должен воздействовать на свою судьбу.

Это воздействие может иметь двоякий характер:

- а) пассивный, который состоит в изменении мнения о судьбе, следовательно, в обретении счастья; часто подчеркивается (вспомните знаменитую сказку о рубашке), что счастье заключается не в реальном обладании объектами, а в отношении человека к своей судьбе;
- б) активный, который состоит в том, что человек берет судьбу в свои руки, активно воздействуя на нее.

Многие высказывания подчеркивают первый путь воздействия на судьбу. Известны слова Марка Аврелия: *Если хочешь, чтобы предметы изменились, измени свое мнение о них. Гораздо важнее не судьба человека, а то, как он сам ее воспринимает* (Гумбольдт). Как крайний способ преодоления неблагоприятной судьбы предлагают подвергнуть ее презрению и осмеянию и тем самым устранить ее из сферы своего сознания: *Нет такой судьбы, которую нельзя было бы преодолеть с помощью презрения* (Камю); *Когда еще делать каламбуры, как не перед лицом фатальности* (Жижду).

Что касается активного воздействия человека на свою судьбу, то здесь выявляется ряд вариантов.

Во-первых, вмешательство человека в свою судьбу выражается в том, чтобы не упустить благоприятный случай. Инициатива человека здесь состоит не в том, чтобы создать обстоятельства, а в том, чтобы воспользоваться ими: *Фортуна, так же как и любовь, имеет свой благоприятный час* (Сент-Эвремон); *Если Фортуна стучится в дверь, открывайте, не мешкая* (английская пословица); *Фортуна является с улыбкой на устах, с обнаженной грудью, но является она только один раз* (Боккаччо).

Во-вторых, поскольку, как отмечалось выше, судьба может зависеть от характера человека, человек может притягивать благоприятную судьбу своим веселым, добрым нравом: *Счастье приходит в дом, где слышится смех* (японская пословица); *Смею думать, что внутренняя радость обладает некоей тайной силой, позволяющей судьбу делать более благоприятной для человека* (Декарт).

В-третьих, человек может строить свою судьбу непосредственно своими активными действиями. Важнейшим качеством при этом оказывается смелость: *Смелость — половина счастья* (башкирская пословица); *Счастье всегда на стороне отважных* (русская пословица); *Фортуна улыбается отважным* (французская пословица).

В активном воздействии человека на судьбу различается два оттенка. В первом случае деятельность человека интерпретируется как содействие тому, что предустановлено свыше. Человек должен помогать своей судьбе, разделяя ответственность с богом: *Не судьба нам помогает, а мы сами помогаем ей* (Хосров); *Не только судьба поворачивается к нам спиной, но и мы к ней* (Пети-Сени); *У Фортуны руки не длинные, она берет только тех, кто привязывается к ней* (Монтень); *Когда люди тянутся к жизни, судьба вынуждена им ответить* (Аш-Шаби); *Победа достается от бога, но воин должен сражаться из всех сил* (индусская пословица); *Проси у бога хорошего урожая, но не переставай пахать* (словенская пословица); *Бог помогает тому, кто сам себе помогает* (Варрон); *Бог хороший мастер, но он любит, чтобы ему помогали* (баскская пословица); *Бог помогает моряку в буре, но рулевой должен стоять за рулем* (немецкая пословица). Во всех этих высказываниях мы видим макиавеллиевский принцип разделения ответственности за судьбу между богом и человеком.

Человек может исправлять свою судьбу. Еще у древних римлян было в ходу выражение «исправлять искусством судьбу». Например, у Горация: *...Искусством готов победить он Фортуны или у Теренция: Людская жизнь, что в кости все равно играть. Чего желаешь больше, то не выпадает, что выпало — исправь, да поискуснее*. Во французском языке выражение «поправить фортуны» приобрело значение «плутовать в игре».

В пределах своей судьбы человек может варьировать: *Мы не выбираем формы нашей судьбы, но можем придать ей определенное содержание. Тот, кто ищет приключений, найдет их в меру своей храбрости, тот же, кто ищет жертвенности, будет принесен в жертву в меру его чистоты* (Хаммаршельд); *Человек, что бы об этом ни говорилось, хозяин своей судьбы. Из того, что ему дано, он всегда может сделать кое-что* (Гренье).

Во втором случае участию внешних сил в судьбе человека придает-ся меньшее значение либо оно совсем отрицается, все ставится в зависимость от самого человека. Эта точка зрения отложилась в таких высказываниях: *Каждый человек — творец своей судьбы* (Саллюстий); *Люди — часто хозяева своей судьбы; в том, что мы рабы, виноваты, милый Брут, не звезды, а мы сами* (Шекспир). Эта мысль все больше утверждается в XIX—XX вв.: *Судьба не случайность, а предмет выбора, ее не ожидают, а завоевывают* (Брайан); *Свободный выбор, который человек осуществляет относительно самого себя, полностью совпадает с тем, что называется его судьбой* (Сартр); *Мы будем иметь ту судьбу, которую мы заслужим* (Эйнштейн); *Судьбу человека определяет, точнее, на нее указывает его собственная самооценка* (Торо).

Если судьба во многом зависит от человека, то решающим фактором является выбор решений. В этом выборе и проявляется человеческая мудрость, однако она приходит к человеку лишь с опытом жизни. Поэтому *Нужно было бы родиться стариком и начинать с мудрости, чтобы решать свою судьбу* (Бландиана). Но поскольку это невозможно, судьба человека становится ясной для него самого лишь под конец жизни, когда его будущее превращается в прошлое: *Трагедия смерти заключается в том, что она превращает жизнь в судьбу* (Мальро).

ГЛАВА II

ЛОГИЧЕСКОЕ ИСЧИСЛЕНИЕ В ЛИНГВИСТИКЕ

Современная лингвистика стремится быть точной наукой, использующей математические методы. Однако точность в лингвистике не зависит (или не всегда зависит) от числа цифр после запятой в статистических выкладках. В очень многих случаях лингвистические исследования могут удовлетворяться «симптоматической статистикой» (термин В. Г. Адмони), которая формируется в понятиях «чаще»/«реже»; «больше»/«меньше». Точная же цифра может зависеть от конкретных особенностей стиля, жанра, содержания и т. д. материала. Для выявления самых общих тенденций, свойственных языку, достаточно небольшого материала. Трубецкой писал, что сравнительная частотность фонем языка может быть определена на основании подсчетов тысячи взятых подряд фонем любого текста (Трубецкой 1960, 286–299).

Сопоставление одной страницы художественного текста с ее литературным переводом на другой язык позволяет выявить основные типичные (и типологические) расхождения между двумя языками в сфере лексики и грамматики, если даже в данном отрывке они представлены единичными случаями.

Представляется, что подлинная точность в лингвистических исследованиях заключается не только в определении частотности явления, но в выявлении и учете *всех* форм существования данного явления, *всех* существующих способов выражения какого-либо значения в изучаемом языке.

Решить эту проблему можно с помощью логического исчисления. Логическое исчисление — способ изучения какой-либо области объективного мира, при котором входящим в эту область предметам, признакам предметов приписывается определенный формальный знак, затем с помощью определенных операций над этими знаками достигается исчерпывающе точное описание данной области. Логическое исчисление позволяет выявить все возможные реализации элементов данной области, произвести их классификацию (разбиение на подклассы) и составить в нужных случаях алгоритм их преобразования. По сути дела принципами логического исчисления широко пользовались (может быть, неявным образом) и в традиционной лингвис-

тике, и особенно в структурной лингвистике и лингвистической типологии. Так, ярким примером логического исчисления является труд Теньера (Теньер 1980). О важности исчисления в лингвистической теории писал Л. Ельмслев (Ельмслев, 275)

Формальным приемом при исчислении является использование формул, матриц, граф, таблиц, дихотомических деревьев и т. п., позволяющих наглядно представить возможные варианты явления, «пустые клетки», объясняющиеся несовместимостью признаков.

Далее мы не раз будем обращаться к приему логического исчисления, но в его упрощенной форме. Логическое исчисление использует дедуктивный метод исследования, который проверяется индуктивно: выявив логически все теоретически возможные формы, исследователь стремится найти их в реальной изучаемой им области явлений.

Метод логического исчисления, который позволяет почти автоматически получить все возможные формы существования и образования явлений, может быть применен как к выявлению самих фактов языка, так и определению различных теоретических интерпретаций одного и того же языкового явления.

Рассмотрим примеры из разных аспектов языка.

Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка // НЛ, вып. I. М., 1960.
Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988.
Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Фонетические преобразования

Эти преобразования, подробно описанные и изученные на материале разных языков, могут быть *качественными и количественными*. Мы рассмотрим один из случаев количественных преобразований, которые могут заключаться в добавлении или устранении звука в слове. Релевантными оказываются три позиции звука в слове: начальная, срединная или конечная. Таким образом исчисляются шесть базовых типов количественных изменений:

Тип изменения	Место звука в слове		
	начало	середина	конец
добавление	протеза	эпентеза	эпитеза
устранение	афереза	синкопа	апокопа

Разумеется, каждый из базовых типов может иметь подвиды. Например, синкопа повторяемого слога образует гаплоглогию. Количественные изменения могут происходить одновременно с качественными

ми, например, дифтонгизация или стяжение дифтонгов, когда изменяется количество звуков в слове, но одновременно и качество звука (например, ai > e) и т. д.

Многие языки мира не допускают последовательности двух согласных в начале слова, в конце его, а иногда и в середине. Устранение неудобного в данной позиции звукосочетания достигается одним из указанных выше базовым способом.

Латинско-греческое schola «школа» оказалось труднопроизносимым в ряде языков (сочетание [sk] в начале):

Протеза представлена в испанском escuela;

Эпентеза в йоруба: sùkùrù (< англ. school с переходом l > r);

Афереза в финском: koulu.

В русском и французском языках трудным для произношения является сочетание конечного взрывного согласного с плавным: [тр], [кл] и т. п. Типологически возможными здесь являются три приема — эпентеза, эпитеза, апокопа:

Эпентеза типична для русского языка (вставляется редуцированный звук): театр[э]р (ср. болгарское театър); спектакль[э]ль;

Эпитеза характерна для французского языка (добавляется [э]): théâtre [teatrэ];

Апокопа свойственна обоим языкам: русск. простор. рубль < рубль; франц. разг. [kat] < quatre «четыре».

Таким образом, мы исчислили две «минитипологии» разбиения звукосочетаний в начале и в конце слова (добавление гласного — протеза и эпитеза — разбивает стечение согласных, включая их в разные слоги).

Остается проиллюстрировать синкопу. Это тоже частое явление в динамической фонологии: например, устранение первой согласной сочетания: йоруба fidi «поле» < англ. field; русск. разг. сейчас > [сичас] (опущение [й]).

Примером количественно-качественной трансформации (стяжения) может быть преобразование schola в нем. Schule, подобное же стяжение (после синкопы [и]) имеет место в русск. разг. [щас] < сейчас.

Этот небольшой пример подтверждает ценность логического исчисления: оно упорядочивает факты, дает перечень всех возможных решений, показывая вместе с ним невозможность иных форм решений данного языкового факта.

2. Морфологические типы

В истории типологии большое внимание уделялось определению языковых типов на основании особенностей их морфологии. В самом общем плане способы выражения грамматического значения могут быть исчислены следующим образом.

Данное значение может быть выражено в слове материально или не выражено в нем. В последнем случае оно определяется по окруже-

нию, связи данного слова с другими словами. Такой прием называется изоляцией (аморфность, аналитизм).

Данное значение материально выражается в слове, что манифестируется в изменении слова. Изменение в свою очередь может проявляться в добавлении нового элемента (грамматического показателя) к основе слова либо в замене такого элемента другим из одной и той же грамматической парадигмы. Эти два приема называются соответственно агглютинацией и флексией. Обозначая основу слова знаком А, а грамматические показатели — знаками а и б, мы получим три варианта способов грамматического выражения:

исходная форма	производная форма	
А	А	изоляция
А	А + а	агглютинация
А + а	А + б	флексия

Это можно проиллюстрировать примерами образования множественного числа в романских языках (итал. il caso; испан. el caso; франц. le cas «случай»; итал., испан. la casa «дом»).

	единственное число	множественное число
итал.	il caso	la casa i casi
испан.	el caso	la casa los casos
франц.	le cas	le case les cas

В итальянском слове происходит замена последней морфемы (-о, -а), которая синкретично выражает род и число. Это характерный случай флексии.

В испанском слове исходная форма (caso, casa) остается неизменной, но во множественном числе в обоих родах добавляется морфема (агглютинат) -s, показатель множественного числа. В данном случае имеет место агглютинация.

Различна и природа окончаний -о, -а в двух языках. Если в итальянском они обозначают род и число, то в испанском — только род, и структурно форму следует анализировать так: cas (основа) + о (род) + s (число).

Во французском языке представлен аморфный, изолирующий тип. Число существительного определяется только благодаря окружению, здесь — по форме артикля.

Таковы три основных исчисляемых формы грамматического выражения. В. Гумбольдт был прав, выделяя три класса языков (по морфологической структуре): изолирующие, агглютинирующие и флективные. Таких классов три и только три. Разумеется, по несколько другому, более абстрактному, признаку (выраженность или невыраженность категории в форме слова) их можно свести к двум: аналитизм (категория не выражена — изоляция) и синтетизм (категория выражена: агглютинация и флексия). Это — только формально-морфологическая типология, в дальнейшем были предложены

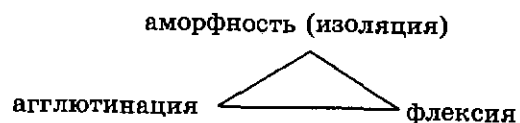
более сложные многомерные морфолого-типологические классификации, принимающие во внимание одновременно ряд факторов.

Разумеется, классическая трехчленная типология Гумбольдта может получать дальнейшее уточнение и ставить ряд проблем, но ее основа представляется неопровержимой, поскольку она базируется фактически на логическом исчислении.

Синтетические (агглютинативные и флективные) элементы могут занимать начальное, срединное и конечное положение в слове. Такими, например, инфиксы (срединные агглютинативные элементы) и внутренние флексии. В качестве внутренних «прилеп» (агглютинатов) могут выступать не только морфологические показатели, но и слова, находящиеся в синтаксических отношениях с другими словами, как это имеет место в инкорпорирующих языках. Поэтому, по-видимому, Гумбольдт был прав, рассматривая инкорпорацию как вариант агглютинации, а не как совершенно отдельный морфологический тип, однопорядковый с остальными тремя.

Нередко грамматическая форма образуется путем сочетания отмеченных основных морфологических типов. Например, греческий имперфект образуется по схеме: начальный агглютинат + основа + флексия, а аорист по схеме: начальный агглютинат + основа + срединный агглютинат + флексия.

Соотношение между тремя основными морфологическими типами можно представить в виде треугольника:

Может быть, эти три типа следует располагать не на трех, а на двух «этажах». На первом уровне имеет место противопоставление аналитические (аморфные, изолирующие) / синтетические языки (так предлагал А. В. Шлегель). На втором — противопоставление внутри синтетических языков агглютинации и флексии.

Грани между морфологическими типами не являются жесткими, и схема позволяет логически исчислить, где могут возникнуть спорные вопросы. Переходные сомнительные моменты могут иметь место между изоляцией и двумя другими типами и между агглютинацией и флексией.

1. *Агглютинация/флексия*. Границы между этими двумя типами становятся трудноопределимыми в силу двух факторов: а) наличия нулевой флексии; б) изменений на морфемном шве.

а) Наличие нулевой флексии. Это осложняет отличие агглютинации от флексии. Можно было бы, например, в приведенном выше испанском примере считать отсутствие показателя множественного числа нулевой флексией, и тогда парадигма *el caso — los casos* могла бы быть сочтена флективной. Но этому препятствует то, что в испанской

словоформе каждая из двух грамматических категорий имеет отдельный и более или менее постоянный репрезентант в плане выражения. Род, за некоторыми исключениями, выражается чередованием *o/a*, множественное число — звуком *s*, в то время как в русском *стол/столы* отсутствие грамматического показателя в единственном числе указывает сразу на три категории: род, падеж и число, подобно *-ы* во множественном числе, и поэтому представляет собой нулевую флексию.

б) Изменения на морфемном шве. Для агглютинации характерны четкое разграничение между морфемами при их объединении в форме слова, их постоянная звуковая форма (с учетом явлений сингармонизма и некоторых случаев ассимиляции и диссимиляции). Флексия характеризуется не только многозначностью на семантическом уровне, но и наличием алломорфов, фузией — взаимопроникновением основы и флексии вследствие изменений на морфемном шве. В агглютинативных языках (тюркских, финно-угорских) встречаются факты таких изменений, и, если они заходят далеко, то типологически такой язык приближается к флективным.

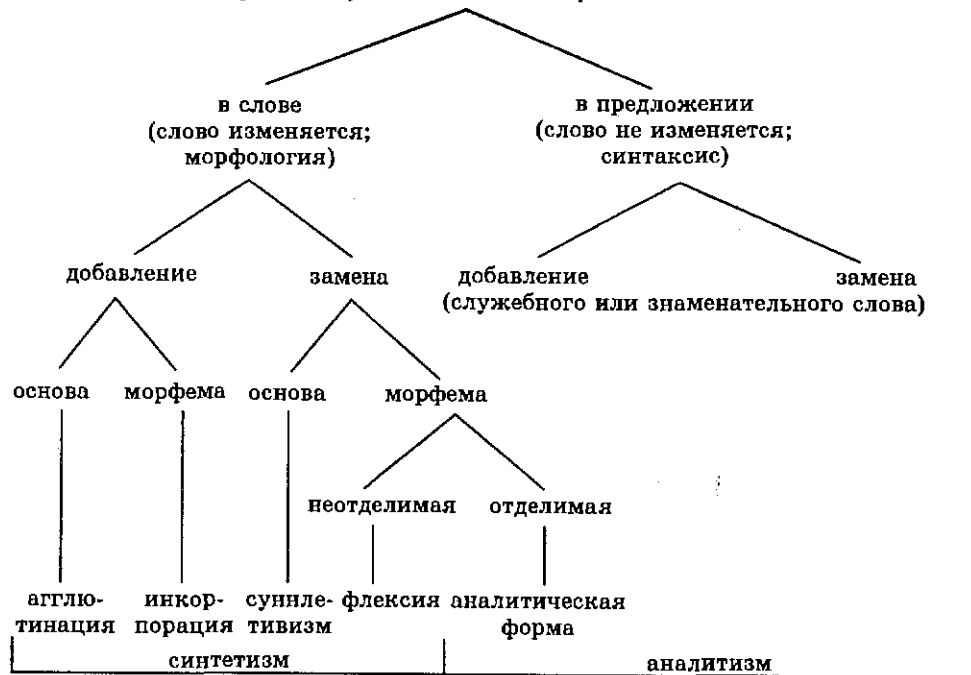
2. *Агглютинация + флексия/аморфность*. Нет жестких граней между агглютинацией (флексией) и изоляцией, иначе говоря, между синтетизмом или аналитизмом. В связи с наличием во многих языках аналитических (членимых) форм слов (вроде русского *буду читать*) возникает вопрос, представляет ли данный элемент часть аналитической морфологической словоформы или же отдельное, пусть служебное, слово, специально существующее для выражения данного грамматического значения. В первом случае мы имеем флективный способ выражения, во втором — аморфный.

Мы привели эти известные факты, чтобы еще раз подчеркнуть, что и в данном случае приходится иметь дело с нежесткими границами между явлениями и отражающими их научными понятиями, и вместе с тем чтобы показать, что можно заранее логически определить, где находятся «болевы точки», неизбежно вызывающие трудности теоретической интерпретации.

В целом исчисляемые типы средств выражения морфологических категорий могут быть представлены схемой на с. 66.

Термины «синтетизм» и «аналитизм» употреблены в данном случае в их традиционном понимании. Аналитизм трактуется при этом: 1) как неизменяемость слов, при которой соответствующее значение грамматического характера выражается служебным или знаменательным словом, изменением дистрибуции основного слова: ср. франц. *Ce livre interesse Paul* «Эта книга интересуется Поля», *Ce livre appartient à Paul* «Эта книга принадлежит Полю»; 2) как членимость грамматической словоформы: ср. русск. *буду читать* или франц. *il a fait* он сделал, где *буду* и *a* рассматриваются обычно как морфемно-компоненты грамматической формы, несмотря на их отделимость от основной части глагола. Другой — семиотической — концепции аналитических форм мы коснемся в главе III.

Средства грамматического выражения

3. Типы синтаксической связи

Предположим, что А — главный член словосочетания (синтагмы), В — второстепенный, зависимый, X — характерное средство связи между ними (это может быть морфема, служебное слово, знаменательное слово). Логически исчислимые типы сочетаний этих трех элементов покажут исчерпывающим образом все возможные типы выражения синтаксической связи двух слов. Оговоримся сразу, что речь идет о грамматическом аспекте связи, именно так определяются здесь главный и второстепенный члены синтагмы. Нередко семантический аспект расходится с грамматическим: грамматически господствующим оказывается семантически второстепенный член словосочетания. Например, в *после двух дней отдыха...*; *стакан молока* грамматически господствующие слова *после двух дней*, *стакан*, выражая лишь меру (времени или объема), семантически уточняют то, что выражено грамматически зависимым словом. Но эта проблема более подробно будет рассмотрена ниже.

Итак, в структурном аспекте могут быть исчислены следующие базовые типы синтаксической связи (в ряде случаев будет дана их внутренняя дифференциация, их варианты).

1. А + В. Нулевой тип. Связываемые компоненты (А и В) не изменяются. Связующий специальный элемент отсутствует. Отношение между компонентами выражается их соположением. В русском языке так связываются наречие и глагол, наречие и существительное (*идти быстро*; *комната наверху*), во французском — также и глагол с дополнением (*écrite une lettre* «читать книгу»). В некоторых случаях этот способ называется примыканием.

Варианты этого типа связи определяются:

а) контактным/дистантным положением компонентов, возможностью интеркаляции слов между ними (речь пойдет не об однородных членах предложения).

б) взаиморасположением главного и зависимого компонента. Ср. англ. *stone wall* и франц. *papier cadeau*.

2. А(x) + В(x). Морфологический тип: отношение между словами выражается изменением одного из них либо обоих. Различаются три подтипа:

а) изменение только зависимого члена (А + Вх). Такая форма связи называется иногда управлением. Ср. русск. *дать книгу брату*; *книга брата*; *помощь брату*;

б) изменение только главного члена (Ах + В). Этот подтип проявляется в изафете, когда в определительной группе семантически главный член получает соответствующий показатель, а зависимый остается неизменным. Например, тур. *türk dil-i* «турецкий язык».

В глагольной группе такой формой связи является объектное спряжение: например, в венгерском языке (пример из *Балашша* 1951, 260):

látok egy házat	«я вижу (какой-то) дом»
látom azt a házat	«я вижу этот дом»

И вообще любой случай, когда глагол изменяется в зависимости от дополнения, в котором данное значение не выражено. Так, в языке фула при выражении *Он дает книгу брату* слово, означающее «брат», остается неизменным, а характер дополнения («адресат») выражается особой морфемой, включаемой в глагол. Ср.: *Mi sōdī deftere* «я купил книгу» и *Mi sōdanī koto an deftere* «я купил книгу брату»;

в) изменение касается обоих компонентов, причем в них выражается одна и та же грамматическая категория (Ах + Вх). Таков прием согласования. В русском языке он применяется в глагольной и в именной группах: *широкая улица*; *справедливый судья*; *пассажиры ждут*; *я читаю* (в последнем случае первый компонент не принимает специальной морфемы, но использует форму, совместимую семантически с формой лица второго компонента: ср. *Ты читаешь*).

Во многих языках глагол может согласовываться и с дополнением. В русском языке к такому явлению приближаются сочетания с глаголами, обладающими префиксами *на-*, *по-* и др., обозначающими

неопределенную множественность объекта. Аналогичное значение в существительном выражается родительным падежом мн. числа.

Ср.: *он купил книгу* (определенную или неопределенную);
он купил книги (определенные или неопределенные);
он накупил книг (неопределенное множество).

Также: *Он наговорил дерзостей; Он наделал ошибок* и т. п. Во всех этих случаях неопределенное множество объектов выражается дважды: деривационной морфемой *на-* в глаголе и грамматической в существительном.

3. $A + x + B$. Аналитический тип: связь обозначена особым служебным элементом, соединяющим два слова, но морфологически не входящим в их состав.

В зависимости от изменяемости компонентов выделяется четыре подтипа:

а) $A + x + B$. Два не зависящих морфологически друг от друга компонента соединяются служебным словом: фр. *vivre à Moscou* «жить в Москве».

б) $Ax + x + B$. Изменяется главный член, зависимый остается неизменным.

в) $A + x + Bx$. Наряду с присутствием связующего служебного элемента изменяется зависимый компонент. Это характерно для русского языка: *жить в Москве*.

г) $Ax + x + Bx$. Изменяются оба компонента, которые при этом связываются служебным словом.

Второй и четвертый подтипы, теоретически возможные, нам не встретились.

Варианты определяются следующими факторами:

а) взаиморасположением x и B :

Элемент x может предшествовать B , образуя предлог: *Он приехал через два года; Он приехал спустя два года; ради Христа*.

Элемент x следует за B , образуя послелог: *Он приехал два года спустя; Христа ради* (любопытно, что такие употребления в словарях называются предлогами).

б) характером связующего элемента:

а) таким элементом является специализированное служебное слово, *un homme de courage* «смелый, мужественный человек»;

б) таким элементом является знаменательное слово, используемое в связующей функции. Оно при этом десемантизируется, утрачивает частично свое значение: *Un homme plein de courage* «мужественный человек» (букв. «человек, полный мужества»).

Разумеется, в типах 2 и 3 так же, как и в типе 1, могут быть варианты, связанные со взаиморасположением или дистантностью A и B .

Выявив логически возможные типы связи, мы можем определить их представленность в любом языке, что особенно существенно для контрастивных исследований. Например:

	франц. яз.	русск. яз.
1. $A + B$	++	+
2. $Ax + B$	—	—
$A + Bx$	—	++
$Ax + Bx$	+	+
3. $A + x + B$	+	(+)
$Ax + x + B$	—	—
$A + x + Bx$	—	++
$Ax + x + Bx$	—	—

Знак ++ указывает на относительную частотность данной структуры по сравнению с другим языком. Знак (+) обозначает, что данная структура не типична в данном языке и встречается скорее как исключение (например, русск. *пойти в кино*, с несклоняемыми именами). Видно, что в русском языке структуры средств связи более разнообразны; меньшая распространенность структур с Bx во французском свидетельствует о его аналитизме. Две формулы: $Ax + x + B$ и $Ax + x + Bx$ не встретились нам в наших материалах. Если они не присутствуют ни в одном языке, то следует определить те факторы, которые мешают им реализоваться.

Мы привели пример исчисления универсальных форм, касающихся всех языков. Рассмотрим некоторые факты, ограничивающиеся одним языком.

4. Порядок слов во французском языке*

Порядок слов является излюбленной темой типологических исследований, в которых особенно четко применяется метод логического исчисления. Предложение из двух членов S и V имеет два возможных варианта: SV и VS ; предложение из трех компонентов имеет 6 возможных вариантов: SVO , OVS , OSV , VSO , SOV , VOS . Далее изучаются возможные в данном языке словопорядки, их частотность, семантические и стилистические условия их реализации. Однако во французском языке проблема порядка слов осложняется, и в этом отношении он проявляет большое своеобразие по сравнению со многими языками Европы. Это своеобразие состоит в двух структурных факторах, которые накладывают ограничение на реализацию многих словопорядков.

1. Связанный и расчлененный порядок слов. Французское слово входит в предложение не непосредственно, но как член определенной синтаксической группы. Порядок слов в предложении складывается из размещения синтаксических групп, а не отдельных слов. Наиболее важными для общего порядка слов являются группы: $S—V$, $V—O$, определяемое — определяющее. Синтаксические группы

* Более подробный вариант опубликован в: Очерки типологии порядка слов. М., 1989.

французского языка характеризуется тремя тенденциями: а) прогрессивной последовательностью внутри группы (зависимый член следует за главным); б) ограничением разрыва группы, дистаксии (подробнее см. ниже); в) полнотой синтаксической группы (при отсутствии лексического выражения именного компонента он заменяется местоименным субститутом).

Для нас здесь существенными являются первые две тенденции.

В предложении структуры S—V инверсия в принципе возможна, так как перестановка не нарушает целостности синтаксической группы: *Hernani entre — Entre Hernani* «Входит Эрнани» (сценическая ремарка). Однако в трехчленной последовательности S—V—O, образующейся из соединения групп S—V и V—O, большинство перестановок невозможны, ибо нарушится внутренняя целостность групп: или S окажется между V и O, или O — между S и V. Поэтому из шести логически исчисляемых словоупорядков с тремя компонентами:

SVO	<i>Петр читает книгу</i>	OVS	<i>Книгу читает Петр</i>
OSV	<i>Книгу Петр читает</i>	VSO	<i>Читает Петр книгу</i>
SOV	<i>Петр книгу читает</i>	VOS	<i>Читает книгу Петр,</i>

которые свободно реализуются в русском языке (мы отвлекаемся от стилистических ограничений и эффектов), во французском возможны только два — со средним положением глагола-сказуемого: доминантный с прогрессивным порядком компонентов SVO *Pierre lit un livre* «Петр читает книгу» и рецессивный, с регрессивным порядком, встречающийся только в вопросительно-восклицательном предложении OVS *Quel livre lit Pierre* «Какую книгу читает Петр?».

В условиях расчлененного синтаксиса возможность варьирования порядка слов становится почти беспредельной: знаменательное слово может занимать почти любое место в предложении. Расчленение достигается обособлением, и основной принцип расчлененного синтаксиса состоит в том, что обособленный член предложения может свободно перемещаться по фразе. Например, необособленное обстоятельство занимает обычно последнее место: *Pierre a rencontré sa sœur à Paris*. При обособлении оно может легко перемещаться: *A Paris, Pierre a rencontré sa sœur*; *Pierre, à Paris, a rencontré sa sœur*; *Pierre a rencontré, à Paris, sa sœur*. Обособление именного члена, которое всегда выражается интонационно, сопровождается местоименной субституцией и использованием эмфатических конструкций, если оно приводит к нарушению валентных связей глагола и сплоченности синтаксических групп. Так, в предложении *Balzac a écrit ce roman en 1834* нельзя переместить ни подлежащее, ни дополнение, поскольку их перемещение вызвало бы разрыв групп SV или VO, которые утратили бы свою полноту. Поэтому S или O репрезентируется при глаголе служебным приглагольным местоимением, соответствующая группа вновь обретает полноту, валентные связи глагола восполняются, а существительное, получив статус обособленного члена предложения, может перемещаться по

фразе. Благодаря перестановке таких обособленных членов (во французской грамматике их называют «сегментами») предложение получает необыкновенную гибкость и может выражать любые нюансы коммуникативного задания. В расчлененном синтаксисе, в отличие от связанного, становятся возможными все шесть словоупорядков: SVO: *Pierre, il a lu ce roman* «Петр [он] прочел этот роман»; OVS: *Ce roman, il l'a lu, Pierre* «Этот роман [он его] прочитал Петр»; OSV: *Ce roman, Pierre, il l'a lu* «Этот роман Пьер [он его] прочитал»; VSO: *Il l'a lu, Pierre, ce roman* «[он его] прочитал Петр этот роман»; SOV: *Pierre, ce roman, il l'a lu* «Петр этот роман [он его] прочитал»; VOS: *Il l'a lu, ce roman, Pierre* «[он его] прочитал, этот роман, Петр».

Однако явления расчлененного синтаксиса нельзя ставить в один ряд в системе языка с явлениями синтаксиса связанного. Во-первых, они стилистически отмечены, свойственны разговорной речи, иногда даже просторечию. Во-вторых, в них наблюдается некоторое стирание синтаксических признаков членов предложения. Именные члены предложения во французском языке выделяются на основании трех признаков: а) отсутствие/наличие предлога (ср. *Je vois Pierre, Pierre —* прямое дополнение; *Je parle à Pierre, Pierre —* косвенное); б) порядок слов (*Pierre voit Jean, Pierre — S, Jean — O*); в) местоименная субституция, в *Il le voit, il — S, le — O*. При расчленении местоименное перестает быть релевантным признаком, предлог также может отсутствовать при начальном положении сегмента, синтаксическая функция которого обозначается лишь опосредованно, через местоименный субститут (ср.: *Pierre, je ne le vois plus* «Петр, я его больше не вижу»; *Pierre, je ne lui parle plus* «Петр, я с ним больше не говорю»). Такой сегмент приближается к «именительному темы» в русском языке. Таким образом, единый член предложения при расчленении расщепляется на две субстанции, из которых одна — местоимение — обозначает только функцию, а другая — сегмент — выражает лишь семантику, при отсутствии характерных для языка признаков члена предложения.

2. Различие между порядком *знаменательных* и *служебных* слов. Это различие является, по-видимому, языковой универсалией. А. Сешез писал, что если синтаксис знаменательных слов представляет собою соединение слов, то синтаксис служебных — конструкцию [Séchehaye]. Служебные слова заранее определенным образом присоединяются к знаменательным в качестве клитик и должны занимать определенное место. Действительно, если наречие может предшествовать глаголу (*Он впереди идет*) или следовать за ним (*Он идет впереди*), то аналогичный ему по форме и значению предлог может только предшествовать глаголу (*Он идет впереди нас*). Русское местоименное прилагательное, представляющее собой знаменательное слово, может занимать любое место в отношении существительного и даже отделяться от него (*Я ему дал свою книгу; Книгу свою я ему дал; Я знаю этого человека; Человек этот мне не знаком*), тогда как соответствующие по смыслу французские детерминативы, которые являются

служебными словами, всегда предшествуют существительному (mon livre; cet homme).

Грамматической особенностью французского языка является наличие служебных местоимений. Как и в других романских языках, во французском имеется два ряда местоимений: самостоятельные (автономные) и служебные (приглагольные). К последним относятся личные je, tu, il, me, te, le и др., адвербиальные en, y, возвратное se, указательное ce, вопросительное que, относительные que, qui. Эти местоимения, кроме последних трех, представляют собой синтаксические клитики и могут стоять только непосредственно перед или после глагольной формы. От глагола их могут отделять только другие такие же местоимения или отрицательная частица ne. Местоположение этих местоимений определяется весьма жесткими правилами, которые иногда прямо противоположны правилам размещения соответствующих знаменательных членов предложения. Факторы инверсии подлежащего, выраженного существительным и местоимением, также прямо противоположны в ряде случаев. Например, можно сказать только Je vois Pierre «Я вижу Пьера» (невозможно *Je Pierre vois, ибо приглагольное местоимение je неотделимо от глагола), но с местоимением — только Je le vois «Я его вижу» (невозможно *Je vois le). Инверсия при вопросе возможна с местоимением: Viendra-t-il? «Придет ли он?», но невозможна с существительным: *Viendra Pierre? Приглагольные местоимения образуют с глаголом единое фонетическое и синтаксическое целое, и включение безударного местоимения не разрывает единство синтаксической группы S—V. Ввиду специфики приглагольных местоимений, число исчисляемых словоупотреблений значительно увеличивается. Однако вследствие ряда ограничений, о которых упоминалось выше, некоторые «теоретически» предлагаемые словоупотребления оказываются практически невозможными. Приведем матрицы двухкомпонентных (SV) и трехкомпонентных (SVO) словоупотреблений во французском языке. Заглавной буквой обозначаются S и O, выраженные существительным, строчной — s и o, выраженные приглагольными клитиками.

Для двучленных предложений исчисляются 4 словоупотребления:

1. SV Pierre vient	sV il vient
2. VS où va Pierre?	Vs Viendra-t-il?

Все они реализуются. Разумеется, конкретная возможность использования того или иного словоупотребления и его частотность определяются рядом факторов: стилистическим уровнем, коммуникативным содержанием высказывания, его грамматическими особенностями. Мы здесь не будем останавливаться на этих моментах.

В трехчленных структурах приглагольные местоимения могут указывать на субъект (Il voit Jean), на объект (Pierre le voit) или на субъект и объект одновременно (Il le voit). Общее число теоретически исчисляемых словоупотреблений увеличивается до 24:

	a = s	b = o	c = s, o
1. <u>SVQ</u>	1a. <u>sVQ</u>	1b. [SVo]	1c. [sVo]
2. <u>QVS</u>	2a. <u>Qvs</u>	2b. * oVS	2c. oVs
3. <u>OSV</u>	3a. <u>OsV</u>	3b. * oSV	3c. * osV
4. <u>VSO</u>	4a. <u>VsO</u>	4b. [VSo]	4c. [Vso]
5. <u>SOV</u>	5a. [sOV]	5b. <u>SoV</u>	5c. <u>soV</u>
6. <u>VOS</u>	6a. [VOs]	6b. [VoS]	6c. [Vos]

Однако из этих 24 словоупотреблений 8 заключенных в скобки оказываются невозможными в силу отмеченных выше факторов.

а) Местоименный объект не может находиться после глагола. Он может занимать это место только в императиве: Prends-le «возьми это». Но французский императив всегда употребляется без подлежащего и не может образовать трехчленную структуру. Этот фактор делает невозможными словоупотребления 1b, 6b, 6c, 6s, 4c.

б) Местоименное подлежащее не может отделяться от глагола существительным дополнением. Это правило устраняет словоупотребления 5a и 6a.

в) Сочетание этих двух факторов делает невозможной реализацию словоупотребления 4b.

Обычный порядок клитик: субъект + объект + глагол: je le voit «я его вижу». Только объектное служебное относительное местоимение que может отходить от этого и указанных выше правил, делая возможными отмеченные звездочкой словоупотребления 2b, 3b и 3c: le travail que fait Paul; le travail que Paul fait; le travail qu'il fait «работа, которую делает Петр (Петр делает, он делает)».

Из оставшихся 16 словоупотреблений 9 оказываются ограниченными: они могут использоваться в разговорной небрежной речи, при стилизации (архаизации), а также в экстралингвистических языковых условиях (реклама, устойчивые реплики и т. п.). И только 7 подчеркнутых словоупотреблений нейтральны или более или менее нейтральны.

Рассмотренный пример позволяет видеть общий алгоритм логического исчисления вариантов в определенной сфере языка:

1) Выявление всех теоретически возможных вариантов (их в данном случае 24).

2) Устранение вариантов, практически невозможных в силу ограничений, накладываемых другими обязательными правилами языка (8).

3) Выявление вариантов, которые могут быть реализованы лишь в ограниченных структурных или стилистических условиях. Эти варианты находятся на грани возможного и невозможного (9).

4) Определение свободно реализуемых основных вариантов (7).

В функциональном аспекте для возможных вариантов следует определить конкретные факторы, допускающие их употребление. В отношении свободно реализуемых вариантов определяется их относительная частота и тип предложений, в которых они могут реализовываться. Например, словоупотребления 2, 2a, 4a свойственны вопросительным-восклицательным предложениям: Quel âge a Marie; Quel âge a-t-elle;

Pierre aime-t-il se peindre. И только 4 словопорядка оказываются наиболее частотными, структурно неограниченными и стилистически нейтральными: 1, 1a, 5b, 5c: Pierre lit un livre; Il lit un livre; Pierre le lit; Il le lit.

Таблица показывает, что наибольшее число императивных запретов связано с клитиками, и это лишний раз свидетельствует о том, что синтагмы со служебными словами «конструируются», а не формируются свободно.

Постепенный переход от абсолютного запрета — через сомнительные структуры и структуры с ограниченной реализацией — к совершенно свободно реализуемым наиболее частотным структурам свидетельствует о нежесткости граней между языковыми явлениями; различные словопорядки во французском языке создают континуум, в котором подчас трудно провести грань между допустимым и запрещенным.

Приведенные выше примеры логического исчисления касались структуры или структурно-семантического аспекта языка. Однако этот прием может и должен шире использоваться в ономаσιологическом аспекте, когда выявляются способы выражения определенного значения, используемые в языке.

5. Об исчислении лексико-синтаксических синонимов. Выражение локальных отношений*

Семантический синтаксис, исходящий из положения об отобразительной функции синтаксических форм, предполагает, что всякая синтаксическая структура призвана описывать прежде всего определенный тип отношений действительности, и напротив, каждый тип отношений действительности находит свое предпочтительное выражение в определенной синтаксической структуре. При таком параллелизме формы и содержания образуется первичная функция синтаксической структуры и, с другой стороны, уже в ономаσιологическом аспекте, первичная форма для выражения данного отношения. Однако в силу известной асимметрии плана выражения и плана содержания в языке, данная форма может приспособляться для передачи иных значений (отношений), в связи с чем мы будем говорить о вторичных функциях синтаксической структуры, тогда как для выражения интересующего нас значения приспособляются иные структуры, выступающие как вторичные формы выражения данного значения. Подобная асимметрия представляет собой универсальное явление в языках, позволяющее в пределах ограниченного набора структур варьировать и умножать до бесконечности номинативные возможности языка.

Значение синтаксической структуры определяется взаимодействием значения синтаксических средств (позиций, отношений, форм свя-

зи), лексического наполнения и интонации. Вследствие этого следует различать (мы отвлекаемся здесь от интонации) модели структурные, семантические и структурно-семантические. В первом случае учитываются только внешние особенности структур, во втором — только содержание — тип описываемой ситуации, в последнем принимаются во внимание и структура и семантика, и конструкция и типовое (категориальное) лексическое наполнение конструкции.

Сколько бы ни был вариативен синтаксис в семасиологическом и ономаσιологическом плане, его вариативность не беспредельна: волкий язык манипулирует определенным комплексом синтаксических структур и семантических классов слов. Это предопределяет возможность логически исчислить, прогнозировать все вероятные типовые семантические модификации структурных моделей (то есть образование их вторичных функций) и, с другой стороны, набор синтаксических средств, способных выразить данное значение, формирование вторичных форм для его передачи.

Лексико-синтаксическая синонимия — более широкое понятие, чем собственно синтаксическая синонимия. Она основывается не на идентичности синтаксических отношений и лексем, но на идентичности отображаемых в высказывании отношений действительности, на идентичности типовых ситуаций. При лексико-синтаксической синонимии допускается замена не только служебных слов, выполняющих связующую функцию (предлоги, союзы), но и знаменательных слов, репрезентирующих определенные смысловые отношения. Обычно при изучении синтаксической синонимии исходят из того, что отношения выражаются синтаксическими средствами (к которым относят и служебные слова). Лексико-синтаксическая синонимия основывается на том, что многие отношения могут выражаться лексически, полнозначными словами, что позволяет провести более глубокую реорганизацию синтаксического строя предложения.

При формировании вторичных функций синтаксической структуры (в семасиологическом аспекте) сама структурная модель остается неизменной, но заменяются лексические классы в определенных синтаксических позициях. При образовании лексико-синтаксических синонимов, иначе говоря — вторичных форм для выражения данного содержания, остаются неизменными, напротив, основные лексемы, но изменяется структурная модель предложения. Мы проанализируем эти процессы на примере структур, выражающих локальную характеристику предмета и действия.

Исходная семантическая модель локальных отношений может быть репрезентирована формулой $A + R + B$, где A — локализуемый предмет, B — локализатор, в отношении которого определяется положение A , R — локальное отношение. Ядерной синтаксической моделью, реализующей эту семантическую модель, в русском языке является структура: Подлежащее (S) + Глагол (V) + Предлог (pr) + Обстоятельство места (L , синтаксически оно включает в себя предлог): *Петр был в библиотеке; Они прогулялись (по парку до озера). Суще-*

* Впервые опубликовано: Язык, система и функционирование. М., 1988.

ствительное в функции подлежащего при этом относится к классу предметных имен, второе существительное, образующее обстоятельство места, также обозначает предмет, характеризующийся пространственными параметрами. Вторичные функции этой модели образуются автоматически при замене этих существительных (одного или обоих вместе) именами других семантических классов. Так, если в позиции *L* находится существительное, выражающее прямо или метонимически время, то вся модель обозначает временную характеристику действия (*Они прогуливались по парку до обеда*), если оно прямо или метонимически обозначает род занятий, то оно формирует классификационный предикат (*Он долго был у него в помощниках; Петя ходит в школу = Петя — ученик*), если оно прямо или метонимически обозначает состояние (часто это — абстрактные имена), то оно образует предикат состояния: *Петр был в отчаянии; Деревья стояли в цвету; и т. д.* Если *A* выражено абстрактным существительным, то модель выражает состояние *B*: *Ярость кипела в этом человеке (= Этот человек был сильно разъярен)*. Имеет значение и семантическое отношение между двумя существительными; если, например, они относятся как целое и часть, то образуется предикат, квалифицирующий подлежащее: *Пальцы были в чернилах*. Вторичные функции модели реализуются далеко не со всеми глаголами, способными выступать в этой модели в ее первичной функции. Единая структурная модель $N_1 + V + \text{pr} + N_2$ разделяется на ряд структурно-семантических моделей: локальную, темпоральную, классификационную, квалификативную и др., в зависимости от лексико-семантического заполнения позиций. Подставляя в каждую позицию существительные разных семантических классов, можно определить все возможные субмодели внутри одной структурной модели в данном языке.

Для исчисления типов лексико-синтаксических синонимов следует применить противоположную процедуру, которая состоит в том, что локализатор *B* помещается не в обычную для него позицию обстоятельства, но в иные позиции в предложении. Традиционный синтаксис выделяет пять основных членов предложения: подлежащее, сказуемое, дополнение, определение, обстоятельство. Вторичные формы или способы выражения локальных отношений создаются путем постановки *B* в четыре первых синтаксических позиции. Это универсальные приемы, и языки различаются лишь частотой и конкретными формами использования их. Следовательно, уже теперь мы можем полагать, что в пределах простого предложения может быть только четыре основных способа косвенного выражения локальных отношений. Однако, прежде чем рассмотреть их подробнее, остановимся на основных семантических и структурных особенностях предложений локализации.

В плане содержания различаются два основных типа локальных предложений в соответствии с семантикой глагола и локализатора: предложения, выражающие местонахождение (интралокальные, эссивные): *Петя сидит дома*, и предложения, выражающие перемеще-

ние (транслокальные, лативные): *Петя идет в школу*. Каждое из них может иметь производный каузативный вариант, при котором локализация *A* по отношению к *B* выступает как результат участия другого субъекта в данной ситуации. На синтаксическом уровне имя локализуемого объекта оформляется в виде дополнения. Каузирующее участие может проявляться в воздействии (фактивная каузация), восприятии (перцептивная каузация), суждении (когнитивная каузация), желании (волитивная каузация) или говорении (локутивная каузация), к этому может добавляться и выражение чувства (сенситивная каузация). Таким образом, помимо действия каузирования может охватываться все виды модуса. В русском простом предложении свободно реализуется лишь фактивная каузация: *Петю держат дома; Петю ведут (или: отправляют) в школу*. При перцептивной каузации, в силу специфической семантики глаголов восприятия, синкретично реализуются два значения: локализация *A* и локализация каузатора: *Я не видел тебя в институте (= я не видел тебя, когда я был в институте или я не видел, чтобы ты был в институте)*. Впрочем, возможна и каузация одного *A*: *Зайдя к нему, он нашел его в постели (= он увидел, что тот еще в постели)*. Остальные типы каузации, возможные в других языках, для русского языка не характерны, невозможны либо стилистически маргинальны, и соответствующие значения выражаются в рамках сложного предложения. Ср.: **Я полагал его в Москве (= Я полагал, что он в Москве)*, когнитивная каузация и т. п.

Динамические локальные ситуации имеют инкоативный вариант (вступление в контакт) и терминативный вариант (прекращение контакта). Так образуются шесть основных типов локальных ситуаций, которые могут быть обозначены следующими основными глаголами:

	местонахождение	перемещение	
		инкоативное	терминативное
собственная локализация	<i>находиться</i>	<i>попасть</i>	<i>выпасть</i>
каузирующая локализация	<i>держать</i>	<i>прийти</i>	<i>уйти</i>
		<i>помещать</i>	<i>убирать</i>
		<i>привезти</i>	<i>увезти</i>

Глаголы движения типа *идти, бежать, лететь* и т. п. могут соотноситься с ситуацией местонахождения (*Он идет по улице*) и с ситуацией перемещения (*Он идет на улицу*). Инкоативные и терминативные варианты при них выражаются предлогами: *Он идет в дом, Он идет из дома*.

Основные локальные значения в русском языке выражаются глаголами, предлогами (иногда с помощью падежных форм). Если глагол достаточно дифференцирует в своей семантике местоположение и перемещение, то предлог и флексия могут не различать их: *Лампа висит над столом* и *Повесить лампу над столом*. Эта избыточность предлога при выражении значений «где?» и «куда?» позволяет неко-

торым языкам (например, французскому) вообще не различать этих понятий в предлогах и наречиях.

Наряду с общими локальными отношениями выделяются частные, отражающие конкретные пространственные связи предметов. В лингвистической литературе их иногда обозначают терминами, заимствованными из грамматики финно-угорских языков, где они выражаются падежными окончаниями (инессив, адессив, абессив и т. п.), но мы, для простоты изложения, будем их символизировать русскими предлогами и наречиями: «внутри», «внутрь», «снаружи», «наружу», «над», «под» и т. п. Эти частные локальные отношения, или позиции, не представляют бесконечного разнообразия и в общей грамматике сводятся в довольно стройную систему.

Частные локальные отношения связывают две субстанции: локализуемую (А) и локализирующую (В), и они могут быть выражены любым средством, показывающим связь двух субстанций. В русском языке к таким средствам относятся предлоги (и предложные предложения), флексии, глаголы и глагольные префиксы. Глагол, связывая синтаксически подлежащее и дополнение, обозначает тем самым отношение между субстанциями, предлог также связывает два существительных; эта глубинная функциональная аналогия предлога и глагола, не раз отмечавшаяся в языкознании, позволяет один и тот же тип отношений выразить в языковом функционировании служебным словом — предлогом или полнозначным словом — глаголом.

Особо следует коснуться наречий. Основной формой выражения локализатора (В) является существительное с предлогом, который указывает на частное локальное отношение (*у дома, рядом с домом, за домом* и т. п.). В традиционной грамматике такой пространственный локализатор классифицируется как обстоятельство, что создает впечатление, что основной формой выражения его является наречие (типа *там, туда, далеко* и т. п.). Между тем именно имя является основной и независимой, первичной формой выражения локализации. Всякий раз, когда необходимо локализовать предмет впервые, независимо от контекста или ситуации, прибегают к существительному с предлогом: *Троллейбус идет в парк; — Где находится ваш институт? — Он находится напротив бассейна.* Наречие места всегда выступает как вторичное средство обозначения пространства в условиях дейксиса или анафоры. Ср.: *Он идет туда; — Вы знаете, где бассейн? Так вот, наш институт находится напротив.* Таким образом, обстоятельство места является по своей сущности субстантивной категорией, подобно дополнению, его следует относить к актантам, а не к сирконстантам.

Основным способом выражения локальных отношений, как отмечалось, является структура: $A_s + V + \text{pr} (R) + B_l$ в ней локализуемый объект (А) оформляется синтаксически как подлежащее (s), локализатор как обстоятельство места (l), частное пространственное отношение (R) выражено предлогом, иногда с поддержкой флексии слова, обозначающего В. Глагол не участвует в выражении частных локаль-

ных значений, но он может указывать на общее локальное отношение: местонахождение или перемещение: *Они были в кино; Он идет в кино* и т. п. Эта основная структура в русском языке может иметь две модификации. В единичных случаях частное локальное отношение выражено флексией, без участия предлога: *Он шел по полю.* Гораздо чаще наблюдается двойное выражение локальных отношений: предлогом и префиксом в глаголе: *Он перешел через поле; Он вошел в дом; Он вышел из дома* и т. п. Основа глагола, не участвующая в выражении локального отношения, используется для обозначения способа передвижения или других свойств А. Ср.: *Машина выехала из города; Зерно высыпалось из мешка; Вода вылилась из бутылки; Змея выползла из норы.* В некоторых ситуациях это уточнение избыточно, так как показывает диспозициональный предикат А, входящий в пресуппозицию говорящих, в других же оно существенно, например: *Он пришел, а не приехал.* Основная модель может подвергаться усечению, если В ясно из ситуации. В этом случае R выражается наречием (*Он шел позади*) или префиксом (*Он вышел*).

Вторичные (синонимические) способы образуются, как отмечалось, постановкой В в несвойственную ему позицию.

1. В — дополнение (обычно прямое, реже косвенное, без предлога). В этой модели локальное отношение (R) выражено самой основой глагола, который включает в себя значение предлога. Предлог становится излишним, и используется конструкция с дополнением: $A_s + V_r + B_o$. Определенным предлогам соответствуют определенные семантические группы глаголов, они выражают те же позиции:

- (1) в (где?) — *занимать*;
- (2) в (куда?) — *посещать*;
- (3) под — *поддерживать*;
- (4) на — *венчать*;
- (5) из — *оставить, бросить*;
- (6) через — *пересекать, переходить*;
- (7) вокруг — *окружать, обступать, объезжать, окаймлять*;
- (8) между — *разделять, соединять*;
- (9) до — *достигать* (с косвенным дополнением);
- (10) по — *обойти, объехать*;
- (11) мимо — *миновать*;
- (12) вдоль — *окаймлять, охватывать*.

Например (авторские примеры взяты из МАС): (1) *Стол занимает угол* (= стоит в углу) *комнаты*; (2) *Вновь я посетил* (= приехал в тот уголок земли... (Пушкин)); (3) *Вершину дворца венчал* (= на вершине дворца был) *великолепно набранный колоссальный карниз* (Тоголь); (4) *В пути оба собеседника сошли. Их места заняли* (= на их места сели) *мужчина и женщина...* (Полевой); (5) *Она почувствовала, что навсегда бросает место* (= уезжает из того места), *где...* (Горький); (6) *Она быстро перешла* (через) *комнату* (Тургенев); *Морщина пересекала лоб* (= проходила по лбу) *Геorgia*; (7) *Ребята обступили автомобиль* (= стали вокруг автомобиля) (Полторац-

кий); *Овальный пруд обступили кольцом* (= вокруг овального пруда росли) *старые ветлы* (А. Толстой); *Окружить город возами сена* (= поставить вокруг города возы сена) (Пушкин); (8) *Узкое ущелье разделяло* (= пролегалo между) *две деревни* (= пролегалo между двумя деревнями); (9) *Они достигли вершины* (= дошли до вершины) *горы*; (10) *Обошедший все дороги* (= прошедший по всем дорогам) (Гончаров); (11) *Он миновал две-три избы* (= проехал мимо двух-трех изб) *и очутился перед садом* (Федин) (12) *Широкая плотина охватила озеро* (= шла вдоль озера с южной стороны) (Мельников-Печерский).

Значение глагола не сводится к одной лишь локализации, хотя он и содержит соответствующую сему, которая иногда материально выражена префиксом (*об-, за-, пере-, раз-, про-*). Он добавляет свое собственное значение, которое дополняется и значением конструкции: переходная конструкция создает впечатление о более активном воздействии на *B*, чем более пассивная обстоятельственная конструкция. Метафоризм особенно чувствуется при *A* неодушевленном, которое в этой конструкции выступает как производитель действия, например, *Морщина пересекала лоб*. Ср., также: *деревья росли вокруг дома* и *деревья обступили дом*; во втором случае чувствуется динамизм: к оттенку местонахождения добавляется оттенок перемещения. Каждая из двух конструкций — обстоятельственная и транзитивная (объектная) — сопровождается своими стилистическими эффектами и возможностью углубить описание. Лексико-синтаксические синонимы, как и всякие синонимы, характеризуются различиями внутри общего.

2. *B* — подлежащее. Общая формула: $B_s + V_{tr} + A_o$. Эта конструкция, которую можно назвать подлежащей или субъектной, поскольку *B* выступает в ней в функции подлежащего, выступает нередко как конверсивное преобразование предыдущей. И здесь определенным предлогам соответствуют определенные семантические типы глаголов, выражающих локальное отношение:

- (1) в (где?) — *содержать, заключать, вмещать, охватывать*
- (2) в, на (куда?) — *собирать, принимать*
- (3) за — *скрывать, загоразивать, застирать*
- (4) из, от — *испускать, издавать, распространять*

Например: (1) *Письмо заключало* (= в письме были) *только следующие слова* (Пушкин); *Овощи содержат* (= в овощах есть) *витамины*; (2) *Конференция собрала* (= на конференцию приехало) *двести делегатов*; *Кубань приняла массу* (= в Кубань влилась масса) *паводка* (Мезенцев); (3) *Я его не видел, так как его скрывал правый борт* (= так как он стоял за правым бортом) (Диковский); (4) *Гиацинты изливали* (= от гиацинтов исходил) *сильный запах* (Гончаров).

В этих моделях используются в основном глаголы включения и исключения. Сравним фразы: *Солнце* (A_s) *скрылось за тучей* (B_l) и *Туча* (B_l) *затянула солнце* (A_o). Они указывают на разный источник движения: в первом случае создается впечатление о движении солн-

ца, в другом — о движении тучи. Но выражаемое локальное отношение в обоих предложениях одно и то же: солнце располагается за тучей. Подлежащее в этих моделях почти всегда выражено именем неодушевленным, что нередко усиливает анимистический характер конструкции, приравнивающей неодушевленный предмет к активному деятелю. Три конструкции: обстоятельственная (B_l), объективная (B_o) и субъектная подлежащая (B_s) образуют шкалу возрастания активности и убывания локальности. Подлежащая конструкция нередко оказывается синкретичной, так как подлежащее совмещает в себе признаки субъекта и локализатора. Предложение *Гиацинты издавали сильный запах* можно интерпретировать не только как выражение локального предиката (*От гиацинтов исходил сильный запах*), но и квалификативного (*Гиацинты сильно пахли, имели сильный запах*).

3. *B* — сказуемое. В этой, предикатно-локальной, модели *R* выражено эксплицитно префиксом либо — имплицитно — самой словообразовательной моделью в составе глагола. Основа глагола указывает на *A* или на *B*. В связи с тем, что предлог оказывается излишним (*R* выражается в самом глаголе), модель имеет прямопереходную конструкцию. В зависимости от семантики глагольной основы различаются две субмодели: $S + V(RA) + B$ и $S + V(RB) + A$. Обе они выражают в основном вступление в контакт или выход из него (инхотивную и терминативную локализацию). В русском языке эта модель используется сравнительно мало, хотя в специальной технической речи несколько больше.

Примеры: 1) основа глагола — *A* (локализуемый объект): *зарыбить пруд* (= пустить рыбу в пруд); *обезжирить вещество* (= удалить жир из вещества); *потрошить куриц* (= удалить потроха из курицы); 2) основа глагола — *B* (локализатор): *заземлять* (= присоединять к земле); *прилуниться* (= сесть на луну); *скучить* (= собрать в кучу). В этих глаголах — которые называют глаголами с инкорпорированными актантами — локальное значение также ослабляется, проявляются элементы синкретизма. Например, глагол *скучить* можно интерпретировать не только в локальном аспекте: «собрать в кучу», но и в квалификативном: «превратить в кучу, расположить в виде кучи».

4. *B* — определение. Локализатор представлен в определении к *A*. Этот прием часто наблюдается при замене придаточного предложения или причастного оборота предложным оборотом или прилагательным: *Путешествие, которое он совершил по Африке* ↔ *Его путешествие по Африке* ↔ *Его африканское путешествие*. Предложный оборот и прилагательное совмещают в себе значения локализации и квалификации объекта, причем оттенок локализации может совсем ослабнуть.

Особый случай превращения *B* в определение представляет собой устранение двойного обстоятельства. Нередко в русском языке локализация выражается двумя однородными членами, которые соотносятся между собой как часть и целое либо как обладаемое и облада-

тель. Например: *Он учится в Москве в университете; Возьму эту девушку к себе в дом* (Тургенев). Компонент, обозначающий более широкое понятие (целое, обладатель) может быть заменен прилагательным: *Он учится в Московском университете; Возьму эту девушку в свой дом.*

Средства выражения локальных отношений образуют своего рода парадигму, синонимическое поле. В центре этого поля находится ядерная структура, в которой все компоненты ситуации представлены отдельными элементами и которая вследствие этого дает возможность обозначить локальные отношения с максимальной дифференциацией. Ядерная структура (модель) имеет модификации, которые образуются вследствие итеративного выражения локального отношения либо вследствие опущения локализатора. Далее следуют четыре вторичных модели, где локализатор выступает в нетипичной для него синтаксической функции: объектно-локативная, субъектно-локативная, предикатно-локативная и определительно-локативная. Наиболее близка к ядерной объектно-локативная, определительно-локативная находится на периферии поля. Во всех этих конструкциях глубинная семантическая структура сходна: она отражает определенные локальные отношения. Но ее «поверхностные» манифестации разнообразны. Особенностью вторичных форм является то, что они метафоричны, образованы путем переноса, и, как при всякой метафоре, сквозь новое значение (локальное) в них проглядывает исходное, первое значение. Это создает условия для синкретизма значений и вместе с тем делает семантико-синтаксический анализ особенно сложным.

6. Поле неопределенноличности*

Поле неопределенного лица имеет универсальный характер в том смысле, что всякий язык должен иметь способы обозначения действия, исходящего не только от определенного лица, известного говорящим, но и от неопределенного лица, которое им не известно. Многие лингвисты подчеркивали, что язык, как полноценное средство общения, должен быть устроен так, чтобы на нем можно было бы сказать что угодно, обо всем, даже о том, для чего нет готового названия и что не ясно для самих говорящих. Если бы язык не давал возможности говорить о неизвестном, то он не мог бы служить орудием познания. Не случайно поэтому во всех языках мира существуют особые местоименные формы (неопределенные местоимения), указывающие на неясный, неизвестный или неназываемый референт либо на отсутствие референта. Категория лица в глаголе в известной степени параллельна категории лица местоимений, и среди форм глаго-

* Впервые опубликовано: Теория функциональной грамматики. Персональность. Каузальность. СПб., 1991.

ла нередко обнаруживаются такие, что используются для указания на неопределенное лицо.

Однако нас интересует здесь не неопределенное лицо вообще, которое может выступать, например, как объект действия (*послать письмо кому-нибудь, оказаться рядом с кем-нибудь*), но неопределенное лицо деятеля (*кто-то послал письмо; кто-нибудь сядет здесь*). Лицо деятеля может выражаться различным способом: отдельным словом-существительным, местоимением или глагольной флексией. В связи с этим возникает вопрос, не раз обсуждавшийся в языкознании, насколько категория лица морфологически необходима, существовавшая для глагола. Древние индоевропейские языки, обладавшие разветвленной системой спряжения, свидетельствовали в пользу обязательности глагольного выражения лица. Однако изучение современных индоевропейских языков (например, английского, скандинавских), где сохранились лишь отдельные реликты морфологического спряжения и центр тяжести в выражении лица деятеля переносится на сочетаемость финитной формы глагола с подлежащим (в том числе и с местоимением), а также многие из языков Африки и Дальнего Востока, где глагол не обнаруживает никаких форм личного спряжения, поколебало веру в обязательность морфологической категории лица в глаголе. Категория лица, рассматриваемая нередко как одна из базовых категорий предикации, принадлежит предложению, реализуется на уровне синтаксиса в обязательной или возможной связи финитной формы глагола со словом, указывающим на субъект, будь то существительное, самостоятельное или служебное местоимение. Таким образом, выявляются четыре способа возможного выражения лица деятеля:

- а) морфологический — в глагольной флексии: *говорю, говоришь;*
- б) синтаксический — по связи со служебным местоимением, которое, имея грамматические признаки служебного слова, тем не менее морфологически не входит в состав глагольной формы: франц. *je parle, tu parle(s), il parle;*
- в) синтаксический — по связи с самостоятельным местоимением или существительным-подлежащим: *я, ты говорил; Маша говорила;*
- г) синтаксико-контекстуальный, когда лицо определяется не по непосредственной связи глагольной формы с подлежащим, а на основании более широкого контекста или ситуации, например: *Пришла и села. Счастлива и тревожен, мечтательный твой повторяю стих* (Фет). Лишь посессив *твой* анафорически указывает на то, что *пришла и села* относятся ко второму лицу (поэт обращается к Музе).

Этот краткий общий обзор способов выражения лица деятеля показывает, что по сути дела выражение категории лица не является прерогативой глагола: эта категория проявляется в высказывании в целом и лишь может в тех или иных языках в тех или иных случаях конденсироваться в пределах морфологической формы глагола, образуя лично-спрягательные формы.

Поэтому и на способы выражения неопределенноличности следует смотреть широко, не замыкаясь рамками глагольного спряжения, но выявляя разнообразные пути реализации этого значения в предложении.

Функционально-семантический анализ категории предусматривает следующие задачи:

1) изучение категории в плане выражения, то есть выявление различных типов ее выражения, составление инвентаря способов выражения данного значения с разграничением ядерных и периферийных форм;

2) изучение категории в плане содержания, то есть составление инвентаря частных значений, субкатегорий внутри данной категории, также с различением ядерных и периферийных значений; при этом прослеживаются случаи, где данная семантическая категория стыкуется или сливается со смежными категориями;

3) выявление соотношения между формами и значениями;

4) если исследование носит сопоставительно-типологический характер — определение соотношенности ядерных и периферийных форм между языками.

В рамках настоящей работы представляется возможным лишь наметить пути разрешения этих проблем, в частности, первых двух. Но вначале остановимся на структуре категории лица и месте неопределенноличности в этой структуре.

Как известно, Бенвенист определял категорию лица у глаголов и местоимений как наложение двух корреляций: личности (противопоставление 1 и 2 лица 3-му) и субъективности (противопоставление 1 и 2 лица). Третье лицо для него не лицо, поскольку оно носит характер субститута, о неопределенном значении лица он ничего не говорит, хотя именно этому значению трудно приписать роль субститута (Бенвенист 1974, 290).

В. В. Виноградов рассматривает значения лица у глагола как шкалу, идущую от наименее многозначной формы (1 лица) через семантически более растяжимые формы 2 и 3 лица, далее — через неопределенно-личное значение — к устранению лица и безличности (Виноградов 1947, 458–463). Несколько модифицируя шкалу В. В. Виноградова, можно представить процесс обобщения и устранения лица деятеля следующим образом: 1) конкретно-личный субъект (с внутренней градацией от единичности к множественности); 2) совокупный субъект (*мы с тобой*); 3) собирательный субъект (*группа студентов*); 4) неопределенно-личный субъект (*стучат*); 5) обобщенно-личный субъект; 6) неопределенно-указательный субъект (*это*); 7) устраняемый субъект (*стучит!*); 8) безличность (бессубъектность: *светает*). Неопределенно-личный субъект занимает определенное место на этой шкале устранения и обобщения лица. При всей его неопределенности, по определению В. В. Виноградова, в нем сохраняется прямое или скрытое отношение к производителю действия, каковым является одушевлен-

ное существо. Одушевленный субстрат неопределенно-личных форм подтверждается двумя фактами: а) возможностью замены их пассивными конструкциями с устраненным субъектом (*поле вспахали — поле вспахано*) (пример В. В. Виноградова); б) тем обстоятельством, что в языках, где существуют особые местоимения неопределенного лица (фр. *on*, нем. — *man*), последние восходят к слову 'человек'.

Французский исследователь Ж. Муанье, развивая теорию Г. Гийома, также рассматривает неопределенно-личную форму как безграничное расширение семантики конкретного лица (*je, tu, il...*) (Moignet, 87–97; *Guillaume*, 117–119).

Категория лица, будь то в глаголе или в местоимении, делится на две субкатегории: лицо одушевленного референта и лицо референта неодушевленного (в последнем случае можно говорить о лице лишь в формально-грамматическом плане). К одушевленному лицу относятся 1 и 2 лица, 3 лицо, указывающее на одушевленный референт, неопределенное лицо, обобщенное лицо и в некоторых употреблениях указательное лицо; к неодушевленному «лицу» относятся многие употребления местоимений 3 лица, а также указательных, устраненное лицо (*стучит!*), к нему примыкает безличность.

Формы одушевленного лица (глаголов и местоимений) образуют систему, основной оппозицией внутри которой является противопоставление определенного/неопределенного лица, а при нейтрализации образуется обобщенное лицо. Для большей четкости в приводимой ниже схеме мы используем формы и французских местоимений.

Оппозиция	определенное лицо (я, ты, он...; je, tu, il)	неопределенное лицо (on)
Нейтрализация	Обобщенное лицо	

Схема показывает возможные сдвиги в значении форм лица, в частности, неопределенного. Как и в других сферах грамматики, здесь возможны сдвиги двойного плана:

а) данная форма приобретает значение своего парадигматического противочлена или, напротив, образуется путем переосмысления форм противочленов. Так, французское неопределенное местоимение *on* может употребляться в значении любого определенного лица, вместо *je* «я», *tu* «ты» и особенно *nous* «мы», в связи с чем создаются различные стилистические эффекты. С другой стороны, форма выражения неопределенного лица в русском языке возникла путем переосмысления формы определенного 3 л. мн. числа (*они стучат* → *стучат*).

б) Форма приобретает обобщенное значение при семантической нейтрализации. Обычно в языковой системе отсутствуют специальные формы, отражающие снятие оппозиции при семантической нейтрализации, и с этой целью используются некоторые формы, выражающие в своих первичных функциях оппозицию. Схема показывает, что обобщенно-личное значение может выражаться как путем переосмыс-

ления определенно-личного значения (например, это типично для русского языка, где формы 2 лица грамматикализировались в этом значении: *Что посеешь, то и пожнешь*), так и путем переосмысления формы неопределенно-личного значения (это характерно для французского языка, где местоимение *он* наряду с неопределенно-личным значением закономерно выражает и обобщенно-личное значение: *On récolte ce qu'on a semé*).

При анализе семантики неопределенно-личных форм мы будем постоянно сталкиваться с фактами их сближения либо с конкретными, либо с обобщенно-личными формами.

Типология средств выражения неопределенности. Средства выражения неопределенности образуют функционально-семантическое поле. Следует различать центр и периферию поля в онтологическом и функциональном аспектах. Онтологический центр поля образуется элементом, который является специально созданным для выражения данного значения, и не представляет собой результата переосмысления каких-либо противочленов парадигмы. Функциональный центр поля образуется элементом, наиболее употребительным в данной функции и имеющим наименьшую стилистическую отмеченность. Онтологический и функциональный центры могут совпадать или расходиться.

Что касается элементов функционального поля, то они могут быть выявлены в результате совмещения методов дедукции и индукции. В первом случае средства, выражающие данное значение, исчисляются логически с охватом разных уровней языковой системы. Во втором, следуя от языка к языку, мы обнаруживаем все новые способы выражения данного значения. Оба метода дополняют друг друга. Дедуктивно установленные факты проверяются индуктивно, на материале иностранных языков, тогда как индуктивно выявленные способы выражения данного значения не бесконечны, они определяются в конце концов системой языка.

Функциональные центры поля неопределенности в разных языках могут быть весьма различными. Например, в русском это 6-я форма глагола без местоимения *говорят*, в английском — пассивный залог, во французском и немецком — специальные неопределенные местоимения *он*, *тап*, в испанском и итальянском — возвратно-пассивные формы. Однако показательно, что сопоставление переводов неопределенно-личных конструкций с одного языка на другой обнаруживает одни и те же либо однотипные способы выражения этого значения, которые в разных языках различаются лишь частотностью, конкретными факторами использования и некоторыми конструктивными особенностями. Так, во французском и в английском языках неопределенноличность может быть выражена также 6 формой глагола (но с обязательным для этих языков местоимением), в испанском — неопределенным местоимением *уно*, в разных языках с помощью пассива и т. п. См. по этому поводу неопределенно-личные параллели: немецко-русские (*Федоров и др.*, 146–188), французско-не-

мецкие (*François*, 37–73), англо-французские (*Vinai et al.*, 135–136), французско-русские (*Гак и др.*, 51–63), русско-французские (*Гак*, 208–217).

В выражении неопределенности используются средства разных языковых уровней: лексики, морфологии, синтаксиса.

Онтологическим центром выражения неопределенности являются сочетания типа *какой-то человек*, *один человек*, *люди*, а также неопределенные местоимения. К последним относятся русские *кто-то*, *кто-нибудь*, *кое-кто*, *некто*, французские *он*, *quiconque*, *quel qu'un*, немецкие *man*, *jemand*, испанские *уно*, *alguno*, английские *оnе*, *somebody*, *anybody* и т. п. Нельзя не заметить, что первообразных неопределенных местоимений нет: во всех языках они представляют собой вторичные формы, образовавшиеся путем переосмысления или модификации слов иного значения. Чаще всего в основе неопределенно-личных местоимений лежат следующие формы:

— местоимение 'кто'. Во многих языках мира (в том числе в русском, французском, венгерском) это местоимение имеет слитное вопросительно-относительно-неопределенное значение, которое уточняется на основании контекста и способа детерминации. Вопросительное местоимение показывает, что референт подлежит детерминации и смысловой источник следует обычно за местоимением (*Кто там? — Петр*). Относительное местоимение осуществляет детерминацию референта на основе анафорической связи с антецедентом и нередко поэтому следует за своим смысловым источником (*Я вижу того [человека], кто приходил сюда вчера*). При неопределенном употреблении детерминация референта вытекает из ситуации. Неопределенноличное значение нередко реализуется в дистрибутивном употреблении: *Сидящие — кто опустил голову, кто обхватил ее руками* (А. Н. Толстой). Аналогичные значения имеет и французское местоимение *qui*. В русском языке *кто* может приобретать неопределенноличное значение в условном предложении: *если кто придет...* Поскольку значение неопределенности уже заложено в глубинной семантике местоимения 'кто', то неудивительно, что во многих языках именно оно формирует ряды неопределенных местоимений с разными оттенками значения при помощи различных модальных, количественных или указательных частиц; ср. русск. *кто* — кто-то, кто-нибудь; франц. *qui* — *quiconque*, англ. *who* — *whoever* и т. п.;

— количественное числительное 'один'. К нему восходят русские неопределенно-личные формы *один... другой*, разговорное *приходил тут один* (человек)... франц. *quelqu'un*, англ. *оnе*, исп. *уно* (*уна*).

— слово 'человек' и его метонимические заместители типа 'тело', 'голова'; напр., франц. *он* (восходит к лат. *homo* 'человек'), нем. *тап* (тот же корень, что *Манп* 'человек'), так же как и *jemand*, *niemand*, англ. *somebody*, *anybody* и др.

Вторичные способы выражения неопределенности образуются за счет переосмысления отдельных категорий слов, гла-

гольных форм, а также использования некоторых синтаксических конструкций.

На фоне существующих неопределенных местоимений типа *кто-то, кто-нибудь* использование с неопределенно-личным значением существительных *человек, люди* выступает как функционально вторичная форма. Например: *Всякий раз можно было со стороны подумать, что люди забывали (= кто-нибудь забывал) открыть трубу* (Твардовский).

Для выражения неопределенного лица используются переносно некоторые формы глагола. Так, в русском (латинском и многих других языках) в качестве основного средства выражения неопределенноличности выступает форма 3 л. мн. числа без подлежащего (*Звонят*). В тех случаях, где обязательно употребление личного местоимения, последнее также может переносно использоваться для выражения неопределенного лица, например, англ. they: *They say our generation was born so old that it can never get any older* (Galsworthy) «Говорят, что наше поколение родилось таким старым, что уже больше не сможет постареть».

Наиболее разнообразны синтетические средства выражения неопределенноличности. Они связаны с устранением указания на семантическое лицо деятеля. Неопределенным деятель оказывается в двух случаях: или когда он действительно неизвестен, или когда он известен, но по тем или иным причинам не называется. Устранение лица деятеля достигается двумя основными способами: уменьшением валентности глагольного узла и номинализацией процесса.

А. Конструкции, связанные с уменьшением валентности глагольного узла (при этом устраняется субъектная валентность):

1) Пассивная конструкция — один из наиболее частых способов выражения неопределенноличности: *Книга обсуждена* (= книгу обсудили); *На этом заводе перевыполнен* (= перевыполнили) *план*; *Я уже начинал думать, не устроена ли в этой печи какая-нибудь штука, вроде тех, что делали мастера в старину* (Твардовский). Использование пассивных конструкций для выражения неопределенноличности — характерная черта английского языка: *Его ранили* — He was wounded. В английском языке точкой отсчета при пассиве может быть не только прямой объект, но и адресат: *Мне показали дорогу* — I was shown the way. В русском языке двучленный пассив часто используется при рематизации действия и тематизации семантического субъекта: *Этот вопрос не был понят* (= не поняли); *Когда дом будет построен* (= построят), *мы будем жить в нем*.

2) Возвратно-пассивная конструкция: *Строится* (= строят) *радиоцентр*; *Вопрос обсуждается* (= обсуждают) *на собрании*. Этот прием неопределенного лица особенно характерен для испанского и итальянского языков. Ср.: *Здесь говорят по-русски*; Ici, on parle français; Man spricht deutsch; Se abla español; Si parla italiano.

3) Возвратно-каузативная конструкция. В ней возвратное местоимение также понижает валентность глагольного узла на один актант. Эта конструкция весьма распространена во французском языке, особенно в разговорной речи, причем точкой отсчета (темой) может быть как семантический объект, так и семантический адресат: *Ему отказали, что...* — Il s'est laissé dire que...; *Ему отказали в американской визе* — Il s'est vu refuser le visa américain; *Его схватили, когда он выходил из кино* — Il s'est fait attraper en sortant du cinéma.

4) Безличная конструкция. В русском языке она особенно характерна при отрицании: *Ничего не ожидается* (= не ожидают); *Никакой беседы не велось* (= не вели); *Других кандидатур не называлось* (= не называли); *Про батарею Тушина было забыто* (= забыли); *Что тут можно было* (= могли) *еще сделать?*

Безличная конструкция, как, впрочем, показывают и русские приведенные примеры, нередко сочетается с возвратной или пассивной. В частности, переходные глаголы, благодаря пассивной или возвратной диатезе, утрачивают валентность и приобретают способность принимать безличную форму. Например, безлично-возвратная конструкция во французском языке: *Il se vend des journaux ici* (= On vend des journaux). *Здесь продаются* (= продают) *газеты*. Безлично-пассивные конструкции характерны для немецкого языка: *Nebenan wurde geflüstert* (Seghers). *Рядом зашептались* (пример взят из Федорова и др.)

Б. Номинализация. Инфинитив и отглагольное существительное выражают действие, отвлеченное от конкретного деятеля. Их использование создает условия для устранения семантического субъекта и, следовательно, для выражения неопределенного значения. Например: *Если подумать...* (= если бы подумали). Что касается полной, то есть субстантивной, номинализации, то возможны три ее структурных разновидности:

а) номинативное предложение или такое предложение, в котором номинализованный элемент выполняет функцию сказуемого: *Звонок!* (= звонят); *Эти машины — производство нашего завода* (= производят на нашем заводе); *Женщины всюду помехи* (= мешают);

б) субъектная номинализация, при которой номинализованный элемент выполняет функцию подлежащего. Позиция сказуемого, свободная от лексического значения, заполняется глаголом, обозначающим бытие в общем виде, фазисы действия; нередко при этом используются глаголы движения в переносном значении; согласно общему правилу русского языка в настоящем времени глагол может быть опущен. Например: *Там стрельба* (= там стреляют); *Произошла ошибка* (= ошиблись); *Раздался крик* (= кто-то крикнул); *Бой шел всю ночь* (= сражались всю ночь); *Работа кончилась* (= кончили работать); *Как только разговор заходил об этом* (= как только начинали об этом говорить); *В соседней комнате слышался смех* (= кто-то смеялся); *Имеются возражения* (= кто-то возражает); *Поступило несколько предложений* (кто-то внес предложения); *Вслед за тем раздалась свистки, крики, ударил колокол и возник топот* (Мартынов).

В этом предложении можно предполагать дистрибутивные неопределенные лица: *кто-то засвистел, кто-то ударил в колокол* и т. п.

К предложениям подобного рода примыкают безличные предложения в отрицательной форме: *Помощи не последовало* (никто не помог); *Снег, выпавший на незамерзшую землю, держался только в садиках и палисадничках, где не было ходьбы* (Твардовский; = где не ходили);

в) объектная номинализация, при которой номинализованный элемент, обозначающий процесс, синтаксически оформлен как второстепенный член предложения: дополнение или обстоятельство. Позиция сказуемого в этом случае заполнена также глаголами бытия, местонахождения, но кроме того выражением «быть предметом» чего-либо и, особенно, центростремительными глаголами типа 'иметь', 'испытывать' и т. п. например: *Они получают помощь* (= им помогают); *Я получил приглашение* (= меня пригласили); *Он вызвал аплодисменты* (= ему аплодировали); *А я больше всего не терплю быть объектом жалости и насмешки* (Твардовский; = когда меня жалеют...); *Они подвергались преследованиям* (= их преследовали); *Дом находился под наблюдением* (= за домом наблюдали).

Особенностью всех случаев выражения неопределенноличности с помощью номинализованных структур является то, что существительное выражает в них антропоморфный процесс (состояние), т. е. действие или состояние, свойственное живому существу, а реальный семантический субъект действия не указан. Ср. выше в примерах: *ошибка, крик, разговор, возражения, приглашение, аплодисменты, жалость* и т. п. — все это действия и чувства людей.

Таким образом, на глубинном уровне семантической структуры неопределенно-личное предложение представляет собой сочетание антропоморфного процесса с неопределенным субъектом. Такая интерпретация неопределенноличности позволяет еще больше расширить круг структур, выражающих это значение. К таким структурам относятся:

— Конструкции с глаголами-конверсивами. Фраза *Петр получил книгу* может быть интерпретирована как неопределенно-личная на глубинном уровне: *Петру прислали книгу*. Равным образом предложение *О Гайдаре бродит по нашей стране много легенд* (Паустовский) также можно рассматривать как трансформ неопределенно-личного *О Гайдаре рассказывают много легенд*. Фраза *Грибов не попадает* является трансформацией неопределенно-личного предложения *Грибов не находят*.

— Особый случай актантной трансформации неопределенно-личного предложения — возведение обстоятельства места в подлежащее, которое при этом выступает как местонахождение определенной группы действующих лиц. Ср.: *В классе шумят* и *Класс шумит*. В первом предложении — неопределенно-личный субъект, во втором слово *класс* может интерпретироваться как указание на совокупность шумящих субъектов или местонахождение их. В отличие от этого фраза *Лес шумит* не может интерпретироваться таким образом, ибо

лес в данном случае реальный и прямой носитель действия. Разумеется, здесь нелегко провести границу между личным и неопределенно-личным значениями на глубинном уровне. Ср. *На совете обсудили диссертацию* и *Совет обсудил диссертацию*; второе предложение может рассматриваться как самостоятельное личное предложение, а не как трансформ неопределенно-личного.

— Метонимические описания. Нередко личные предложения представляют собой трансформации предложений, которые на глубинном уровне имеют структуру неопределенно-личных. Например, в высказывании *Время от времени за изгородью щелкал бич* сам по себе бич щелкать не мог, это предложение является трансформом фразы *Время от времени за изгородью щелкали бичом* или *кто-то щелкал бичом*. Субъект действия метонимически заменен орудием действия. Аналогичный пример: *Телефон кончил надрываться* (= Перестали звонить по телефону).

Различение определенно-личных и неопределенно-личных предложений определяется нередко ситуацией и тем, как говорящие представляют себе трансформационную историю данного высказывания, то есть мыслят они или нет наличие на глубинном уровне неопределенного действующего лица. Например, фраза *Больные животные изолируются от здоровых* является определенно-личной, если сами животные распределяются таким образом, но неопределенно-личной, если кто-то изолирует одних от других. Фраза: *Лучшие сыры — из этого района* может интерпретироваться как неопределенно-личная по своей глубинной семантике, если предполагается у нее семантический субстрат типа *Лучшие сыры делаются в этом районе* или *доставляются из этого района*.

Предложение *В углу стоял стол* описывает положение неодушевленного предмета, однако в предложении *В угол был поставлен стол* положение предмета изображается как результат деятельности неопределенных лиц; первое может рассматриваться как определенно-личное, второе — как неопределенно-личное. Разумеется, провести четкую разграничительную линию между типами высказываний во всех случаях невозможно. Так, во фразе: *Мне отвели квартиру через дорогу от школы. Изба разгорожена на две комнаты* (Твардовский) можно видеть и простое описание положения неодушевленного предмета (и это семантически личное предложение), и результат деятельности каких-то людей (и в этом случае можно усматривать неопределенно-личный субстрат в высказывании).

Обзор типов средств выражения неопределенноличности показывает, что это значение передается прежде всего элементами, содержащими сему неопределенности (неопределенные местоимения, существительные общего значения), затем — переносно некоторыми глагольными и местоименными формами (главным образом 3-го л. множ. числа, как наиболее общими по значению), затем с помощью синтаксических конструкций и морфологических средств (пассив и др., инфинитив, отглагольное существительное), способствующих устранению

нию лица деятеля из поверхностной структуры высказывания, и, наконец, личными предложениями с неустраненным субъектом, имеющими на глубинном уровне субстрат с неопределенно-личным субъектом. В последнем случае — который находится на самой периферии поля выражения неопределенноличности — неопределенноличность смыкается с определенноличностью.

Семантическая типология неопределенноличности. Как отмечалось выше, неопределенно-личное значение неоднородно, примыкая, с одной стороны, к значению определенного лица и, с другой, к обобщенному лицу. Сближение неопределенноличности с «соседними» значениями может стимулироваться как формальными, так и собственно семантическими причинами.

Формальное сближение неопределенноличности с определенноличностью часто наблюдается в русском языке, поскольку одна и та же форма типа *говорили* может выступать и как сказуемое неопределенно-личного предложения, и как сказуемое неполного двусоставного предложения с опущенным подлежащим. Ср. *Петр неожиданно исчез. Говорили, что он уехал в другой город* (неопределенно-личное предложение), но: *Гости расселись по креслам. Говорили о том о сем* (личное бесподлежащее предложение).

Семантико-стилистическое сближение двух значений наблюдается часто в том случае, когда говорящий, в силу тех или иных причин, «маскирует» себя для другого участника события, избирая неопределенно-личную форму выражения вместо более конкретной. Например: — *Да никто тебя не гонит. Тебя просят, братец* (Тендряков). В этом типичном для многих языков случае употребления неопределенной формы вместо конкретной при выражении приказа говорящий как бы отстраняет приказание от конкретного носителя, делая его или более категоричным или, наоборот, более мягким.

Во многих случаях неопределенноличность сближается с обобщенноличностью. Здесь также действуют формальные и семантико-стилистические факторы. Формальные причины такого сближения ярко проявляются во французском и немецком языках, где одна и та же форма *он* (*il*) служит для выражения обоих значений. Различие между неопределенным и обобщенным значениями определяется следующими факторами. Предложения с обобщенным лицом обычно выражают универсальное высказывание, с неопределенным — частное высказывание. Поэтому абсолютное время связано с обобщенным значением, частное время (например, прошедшее) — с неопределенным. Ср. *Это едят без хлеба* (обобщенно-личное значение) и *Это ели без хлеба* (неопределенно-личное). Обобщенному значению свойственны оттенки долженствования, возможности (всякий человек должен или может в данных условиях поступать таким образом). Среди лексических средств синонимом форм неопределенноличности является местоимение *кто-то*, синонимами обобщенно-личных форм — *каждый, всякий, все*.

Семантическим центром значения неопределенноличности следует считать местоимение *какой-то* с конкретно-референтным статусом, то есть обозначающим определенный, но неизвестный говорящим объект (субъект действия). Говорящий либо не может, либо не хочет квалифицировать его (*Падучева*, 211). Большую определенность несут в себе местоимения слабой определенности (*один, кое-какой*). Напротив, синхронические местоимения (*какой-нибудь*) обладают меньшей степенью референционной привязанности. Однако эта сеть неопределенных местоимений: *один — какой-то — какой-нибудь*, способных выступать в функции деятеля и, следовательно, формировать неопределенное лицо, оказывается слишком «редкой», она может не отражать все типы неопределенноличности.

Грамматическое неопределенное лицо может указывать на различную степень референтности субъекта.

1. Субъект действия может быть единичным и конкретно-референтным, но он оформляется неопределенным лицом, в силу того что он неизвестен говорящему или собеседнику. Неизвестность может быть двоякого рода: неизвестность самого лица или неизвестность его имени. В этом случае можно говорить о денотативной или номинативной неопределенности. Неизвестность может быть отмечена с позиции собеседника, но и с позиции говорящего тоже. В связи с этим выявляются различные подтипы неопределенноличности. Рассмотрим пример:

— *Вот тоже вчера приходил человек... приходил человек, так и как просил...* (Твардовский). Говорящему этот человек был известен, возможно, он знал и его имя, но он обозначает его как неопределенное лицо (= вчера тоже приходили) с точки зрения собеседника. Другой пример:

Дверь на веранду была запертой... В одном окне дома показалось бледное строгое лицо со слабой прозрачной бородкой, и жестом руки мне было указано (= мне указали), что нужно обойти кругом (Твардовский). В данном случае, субъект также конкретно-референтен, он представляет собой для говорящего единичное, вполне конкретное лицо. Но он не знаком говорящему, который не знает его имени. Поэтому использовано пассивное предложение с неопределенно-личным значением. В обоих случаях мы имеем дело с номинативной неопределенностью; лицо вполне ясно для говорящего, но он не называет его или не считает нужным назвать его. Аналогичный пример:

— *Не могут, — коротко сказал он... Я стоял у порога и сестра моя бы у самого стола на свободном стуле, если бы меня пригласили* (Твардовский). Здесь опять-таки речь идет о вполне определенном человеке, которого, однако, говорящий не называет.

2. Неопределенноличность может указывать на определенную в данной ситуации группу людей. Такая неопределенность приближается к номинативной, поскольку эту группу людей можно было бы обозначить именем нарицательным. Например: *В кузове устроивались* (Тендряков). Здесь речь идет о пассажирах и можно было бы

неопределенно-личное предложение заменить личным: *Пассажиры устраивались в кузове. Аналогичный пример: Первый раз застряли на десятом километре* (Тендряков). И здесь можно было бы употребить определенно-личное предложение: *Первый раз путники застряли на десятом километре*.

3. Неопределенноличность указывает на неопределенный элемент определенного множества лиц, участвующих в данном событии. Например: *Только если уж слишком была невыносима шутка, когда толкали его под руку* (Гоголь). В предыдущем контексте указана определенная группа лиц — чиновники, служившие с Акакием Акакиевичем. Однако каждый раз его «толкали под руку» один из них, не уточняемый в контексте. В эту же рубрику входят и такие примеры, как *Кто-то толкнул его в толпе*.

4. Неопределенноличность указывает на ряд неопределенных лиц внутри определенного множества лиц.

Например: *А были печники, причинявшие хозяевам, чем-нибудь не угодившим им, большие тревоги и неудобства. Вмазывалось, например, где-нибудь в дымоходе бутылочное горлышко — и печь поет на всякие унывные голоса*. (Твардовский). Неопределенно-личное по значению предложение *Вмазывалось...* указывает на некоторых из печников. Другой пример: *Подрыли, подложили пару камней, покрикивая для бодрости, вытолкнули (машину) на дорогу*. Здесь неопределенно-личное значение охватывает часть известного множества — пассажиров грузовика, о которых шла речь ранее.

5. Неопределенноличность указывает на некоторых лиц из слабоопределенного множества участников события. Нередко группа определяется лишь на основании более или менее замкнутого пространства.

Родильнице предоставили на выбор любое имя из трех, какое она захочет выбрать (Гоголь) или: *Другого имени дать было никак невозможно* (Гоголь). Хотя в повести Гоголя перечисляются лица, стоявшие у постели «родильницы», но все же остается неопределенным, кто именно из них предложил имена.

Шинель Акакия Акакиевича служила тоже предметом насмешек чиновникам; от нее отнимали даже благородное имя шинели и называли ее капотом (Гоголь). Здесь группа также сравнительно слабо определена. Это могли быть непосредственные сослуживцы Вапшачкина, чиновники из других канцелярий и др.

Множество неопределенных субъектов может формироваться не только в пространстве, но и во времени:

Сколько ни переменялось разных директоров и начальников, его видели все время в одном и том же месте (Гоголь). В данном случае речь идет о замкнутом пространстве (департаменте), но изменяющемся по составу во времени.

6. Неопределенноличность может указывать на определенное лицо из неопределенной, «размытой» группы лиц.

Посылали с его внуком из четвертого класса записку — не удостоил ответом (Твардовский). Разумеется, отдал распоряжение об

отправке записки кто-то один, но остается неясным состав множества, в которое входило это лицо.

— *А если дойдет, что вы печи кладете? — Это пусть доходит* (Твардовский). Скорее всего, здесь речь идет об одном «доносчике», но общий круг подобных лиц остается неясен.

Эту печь трудно, почти невозможно было затопить. Как только отваживались затопить голландку... нужно было открывать форточки и двери от дыма (Твардовский). В данном случае неопределенноличность указывает на кого-то из неясно ограниченного круга людей.

Этот пример сближается с выражением случайного деятеля. По отношению к действию референт может быть случайным и закономерным. Оба они — и референт случайного действия, и закономерный референт определенного действия — могут быть обозначены с помощью неопределенного лица.

Он имеет особенное искусство, ходя по улице, поспевать под окно именно в то самое время, когда из него выбрасывали всякую дрянь (Гоголь). Форма *выбрасывали* указывает здесь на исполнителя случайного действия.

7. Неопределенноличность может указывать на закономерного, обязательного участника события. В силу этой обязательности лицо может оставаться неуточненным. Например: *Если бы соразмерно с рвением давали ему награды* (Гоголь). Дает награды начальство, и этот закономерный актант остается без особого обозначения в контексте. Такое использование неопределенноличности ведет к речевой экономии: ясный из ситуации деятель специально не указывается.

8. Неопределенноличность может указывать на типичное поведение субъекта в данной ситуации и используется для выражения примера: *Это было точь-в-точь как таскают «кошкой» ведро, оставшееся в колоде* (Твардовский).

9. И, наконец, неопределенноличность может указывать на действие, ощущения и восприятия любого лица, оказывающегося в такой же ситуации. Особенно это характерно для глаголов восприятия, наименования и т. п. *На лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву* (Гоголь). Неопределенно-личное выражение подчеркивает, что всякий человек, посмотревший на лицо персонажа, мог испытать такое же впечатление. В известных оборотах типа *Его зовут Михаил* неопределенно-личная конструкция подчеркивает, что любой человек может называть данного человека таким именем.

В последних двух своих проявлениях неопределенноличность в наибольшей степени приближается к обобщенноличности.

Итак, значение неопределенноличности в каждом случае определяется рядом факторов. Прежде всего необходимо различать номинативную и денотативную неопределенноличность. Денотативная неопределенноличность обуславливается взаимоотношением известности множества (класса) и единицы. В одних случаях форма неопределенноличности указывает на определенную единицу неопределенного

множества, в другом, напротив, на неопределенную единицу определенного множества. Очертания множества могут быть размытыми или довольно четкими. Характер множества может определяться локализацией элементов его в пространстве и во времени. Наконец, неопределенноличность может образоваться в результате устранения типичного в данных обстоятельствах субъекта.

В заключение мы остановимся еще на двух характерных случаях употребления неопределенноличности. Неопределенно-личное обозначение в принципе является семантически более широким, нежели личное. Между неопределенным лицом (*говорят*) и определенным (*он говорит, мы говорим*) устанавливаются гипер-гипонимические отношения. В связи с этим формы неопределенноличности несут и текстообразующую функцию. После того как лицо названо, его можно не называть либо обозначить формой неопределенноличности, подобно тому как при повторной лексической номинации гипоним может уступить место гиперониму. Такой прием организации текста характерен, в частности, для французского языка. Поэтому довольно часто при повторном обозначении субъектов или в том случае, когда субъект (особенно множественный) ясен для ситуации, используется неопределенно-личная форма, которая соответствует определенному лицу и нередко переводится конкретно-личным подлежащим. Например, Флобер рассказывает, как Шарль и Эмма готовились к свадьбе, и продолжает рассказ неопределенно-личным предложением: *On avait invité tous parents de deux familles* «Шарль и Эмма созвали всю свою родню» (русский перевод допускает лексический повтор, который снимается во французском тексте благодаря использованию неопределенно-личного *on*). Такое контекстуальное неопределенное лицо фактически является мнимонеопределенным, оно заменяет конкретное лицо или семантически сближается с ним.

Характерной особенностью неопределенноличности является контекстуальное скольжение референта, с которым связываются эти формы. Например: *...Или даже, когда не о чем говорить, пересказывая вечный анекдот о коменданте, которому пришлось сказать, что подрублен хвост у лошади Фальконетова монумента* (Гоголь). Здесь следуют друг за другом две неопределенно-личных конструкции: *пришли сказать и подрублен хвост (= подрубили хвост) у лошади*, которые соотносятся с разными реальными субъектами. С подобным скольжением референта неопределенно-личных форм в тексте мы встречаемся довольно часто, хотя не всегда это так очевидно, как в рассмотренном случае. Например: *Впрочем, нельзя сказать, чтобы не было к нему никакого внимания. Один директор... приказал дать ему что-нибудь поважнее, чем обыкновенное переписыванье; именно из готового уже дела велено было ему сделать какое-то отношение в другое присутственное место; ... Это задало ему такую работу, что он вспотел совершенно... С тех пор оставили его навсегда переписывать* (Гоголь). Субъект первой фразы может быть соотнесен с директором (в тексте не только конкретное лицо может предше-

вать неопределенному, но и неопределенное может затем конкретизироваться). Неопределенный субъект второго предложения (*велено было*) относится к какому-нибудь чиновнику, действовавшему по указанию директора. И, наконец, неопределенный субъект третьей, по-любой фразы соотнесен с более широким референтом (*все начальники*). Таким образом, неопределенное лицо столь же переменчиво в отношении своих референтных связей, как и конкретное лицо, выражаемое, например, местоимениями.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.; Л., 1974.

Гак В. Г. Русский язык в сопоставлении с французским. М., 1975.

Гак В. Г., Ройзенблит Е. Б. Очерк по сопоставительному изучению французского и русского языков. М., 1965.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.

Федоров А. В., Кузнецова Н. Н., Морозова Е. Н., Цыганова И. А. Немецко-русские языковые параллели. М., 1961.

Русская грамматика. Т. 11. М., 1980. (Все примеры, авторы которых не указаны, взяты из этой работы).

François J. Analyse énonciative des équivalents allemands du pronom indéfini *on* // Recherches en pragma-sémantique. P., 1984, p. 37-73.

Guillaume G. Leçons de linguistique, 1948-1949. Série C, 3. Québec; Paris, 1973.

Moignet G. Etudes de psycho-systématique française. P., 1974.

Vinay J.-P., Darbelnet I. Stylistique comparée du français et de l'anglais. P., 1958.

7. Исчисление языковых форм при сопоставлении.

Глагольные времена во французском и русском языках

В предыдущих параграфах рассматривалось использование логического исчисления для определения языковых форм внутри одного языка в структурном и ономазиологическом аспектах. Но прием логического исчисления может быть эффективно применен и в сопоставительных исследованиях. Он позволяет определить, какие формы в одном языке могут соответствовать формам другого языка в пределах одного понятийного (ноэтического поля).

Возьмем, к примеру, глагольные времена индикатива во французском и русском языках.

В современном русском языке имеется три временных формы в неопределенном виде и две — в совершенном. Поскольку в сопоставлении в данном случае мы исходим из формального признака, форм-

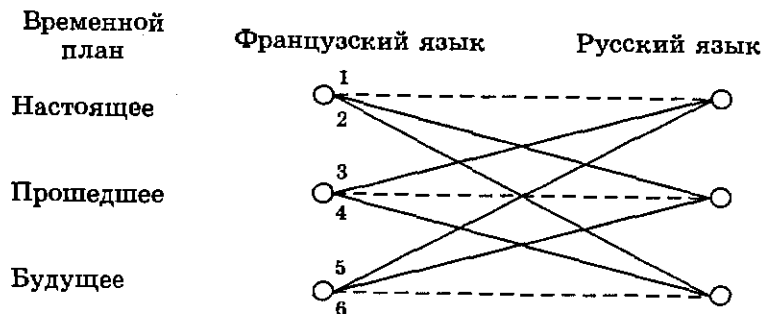
рочитаю мы рассматриваем как будущее время совершенного ви-
хотя по поводу нее в грамматике предлагались иные решения.

Для французского языка мы ограничимся восемью традиционно
почаемыми в индикатив временными формами, четырьмя просты-
и соответствующими им четырьмя сложными:

Présent	Passé composé
Imparfait	Plus-que-parfait
Passé simple	Passé antérieur
Futur simple	Futur antérieur

Эти восемь времен распределяются по трем временным планам: на-
ящего, прошедшего и будущего. Поскольку русские временные
рмы обслуживают также эти три временных плана, целесообразно
чать исчисление возможных соответствий временных форм двух
ыков исходя из них.

В пределах трех временных планов возможны 3 типа схождения и
типов расхождений.

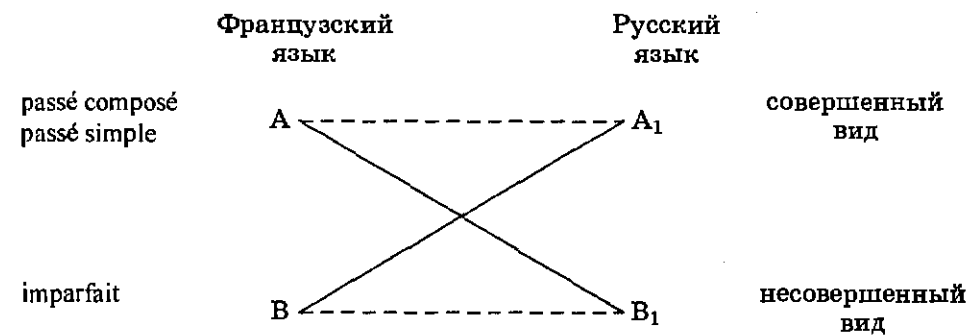
Пунктиром обозначены схождения, сплошной косой чертой расхо-
ждения. Далее рассматриваются все виды расхождений и даются
ичины этих расхождений и условия, стимулирующие их реализа-
ю.

Поскольку в обоих языках представлены все три временных плана,
условия прямого использования, согласно их парадигматическому
ачению, расхождения могут возникать лишь в переносном значе-
и, при отступлении от их первоначального парадигматического
ачения.

Расхождения в использовании временных форм могут возникать
и выражении обобщенного вневременного значения, при транспо-
ции временных форм в иной временной план и в случае формально-
амматических запретов в одном из сравниваемых языков.

При анализе каждого из 6 логически возможных типов расхожде-
й подробно рассматриваются синтагматические факторы, опреде-
ются семантико-стилистические эффекты переноса формы в другой
ан. (См. подробнее: Гак В. Г. Сравнительная типология француз-
ого и русского языков. М., 1989.)

Наличие в русском языке категории вида делает необходимым ис-
числение соответствий внутри каждого временного плана. Здесь так-
же можно логически исчислить варианты соотношений. Рассмотрим
план прошедшего времени, наиболее сложный для анализа. В ру-
ском языке этот план отображается двумя формами (прошедшее вре-
мя несовершенного и совершенного вида), во французском — пятью.
Русской категории вида во французском соответствует в некоторой
степени категория ограниченности/неограниченности действия во
времени, в которой многие лингвисты видят категорию глагольного
вида в этом языке. Эта категория выражается оппозицией: ограни-
ченное время действия (passé composé) — неограниченное (imparfait). В
большинстве случаев первая субкатегория аналогична в контексте со-
вершенному виду, вторая — несовершенному. Наличие двух субкате-
горий внутри сопоставляемых категорий двух языков позволяет ис-
числить четыре и только четыре варианта соответствий:

Соответствия AA, BB являются симметричными, на них падает до
90% всех случаев употребления этих форм в текстах. Соотношения
AB и BA — асимметричны, они объясняются специфическими значе-
ниями форм и их синтагматическим окружением.

Согласно этому принципу исчисляются возможные варианты соот-
ветствий и для других категорий морфологии и синтаксиса.

8. Исчисление теоретических решений

Логически исчислять можно не только сами факты языка в разных
аспектах, но и теоретические объяснения этих фактов. Поскольку
всякое теоретическое объяснение представляет собой научную абст-
ракцию и берет за основу в качестве ведущего определенный признак
объекта, определенное отношение его к другим объектам. Но по-
скольку количество релевантных признаков в свете данной системы у
объекта ограничено, то и разнообразие теоретических интерпретаций
тоже неизбежно ограничено. Таким образом, неизбежен плюрализм в
лингвистике, но неизбежна вместе с тем и ограниченность этого плю-

зма, который поддается исчислению. Вследствие этого анархии в ней нет: в ней не «все возможно», но лишь то, что определяется теми объектами. Разумеется, открытие новых объектов, новых аспектов у объекта, новых связей позволяет разрабатывать новые теории этого объекта. Поскольку всякая теория есть результат взаимодействия объекта с субъектом, то иногда (но не всегда) смена научной парадигмы, смена системы научных понятий, через которую пропускается знание об объекте, также может привести к возникновению принципиально новой теории. Но это тоже отнюдь не открывает дверь новой анархии.

Мы раньше приводили примеры исчисления теоретических точек зрения на одни и те же факты языка. В качестве примера была взята проблема интерфикса в словообразовании (иногда и в словоизменении), которая может теоретически решаться тремя и только тремя способами.

Но вот проблема элемента **n*- в формах *к нему*, с ним может иметь место два решения. Хотя исторически *n*- является частью старых слов *кэн*, *сэн*, которые сохраняли полную форму с *n*- перед гласным, в современном языке оно воспринимается исключительно как часть местоимения, не имеющая никакого морфологического отношения к предлогу, о чем свидетельствует и правильное написание. Следовательно, теоретических решений может быть только два: 1) *n*- — часть основы местоимения, которое, таким образом, имеет две формы основы — *ему* и *нему*, *ей* и *ней*; вторая форма, с *n*-, реализуется в определенных синтагматических условиях; 2) *n*- — не входящий морфологически в структуру местоимения элемент, типа *интерфикса* (полным интерфиксом он не может быть признан, так как он не находится в середине слова).

Приведем еще примеры логического исчисления теоретических решений языкового факта.

Во многих языках образуются номинации, состоящие из двух (иногда и больше) существительных без предлога типа *диван-застава*, *выставка-продажа* и т. п. Их иногда называют биномами, но этикетка ничего не говорит об их природе, об их отношении к той или иной части речи. Таких образований много в современном французском языке (*robe sport*, *parier cadeau*, *positron clé*). Группа $N_1 + N_2$ может быть интерпретирована четырьмя способами и только четырьмя:

1. $N_1 + N_2$ — два слова, словосочетание.
 1. $N_1 + N_2$ — существительное + прилагательное.
 2. $N_1 + N_2$ — существительное + существительное в приложении (или в функции прилагательного).

2. $N_1 + N_2$ — одно слово, существительное.

1. $N_1 + N_2$ — сложное слово.

2. $N_1 + N_2$ — производное, где N_2 — аффикс.

Все четыре решения предлагались в науке, по крайней мере для французского языка, и однако это не значит, что все виды «бинама»

должны трактоваться единообразно внутри данного языка. Целый ряд факторов (семантических, структурно-грамматических, орфографических) побуждают принять то или иное решение в каждом отдельном случае (или в каждой группе случаев). Но важно иметь представление о возможности различных интерпретаций и о необходимой ограниченности этого разнообразия.

Условное наклонение во французском языке (*conditionnel*). Формы так называемого условного наклонения французского языка (*il ferait*) представляют один из традиционных дискуссионных вопросов во французской теоретической грамматике. Сложность этой проблемы заключается в том, что эта форма совмещает два значения: косвенного наклонения (обусловленного действия) и индикатива (будущее в прошедшем). Оно обычно сопоставляется с другой формой глагола, произведенной от инфинитива: *il fera*, которое выражает будущее время, но, как и любая форма будущего времени, может указывать на предположительность действия. Итак, имеются три объекта: *il aimerait* с модальным значением (условное наклонение); *il aimerait* с временным значением (будущее в прошедшем индикатива); *il aimera* (будущее время с оттенком предположения). В зависимости от того, как определяется соотношение между реально существующими значениями этих форм (модальным и темпоральным) и какое из двух значений интерпретируется как основное, логически возможны, для *conditionnel*, три решения, а с введением формы *il aimera* — четыре:

Значение в семантической структуре формы *il aimerait*

	модальное	темпоральное
A	+ (основное)	— (второстепенное)
B	+ (равное)	+ (равное)
C	— (второстепенное)	+ (основное)

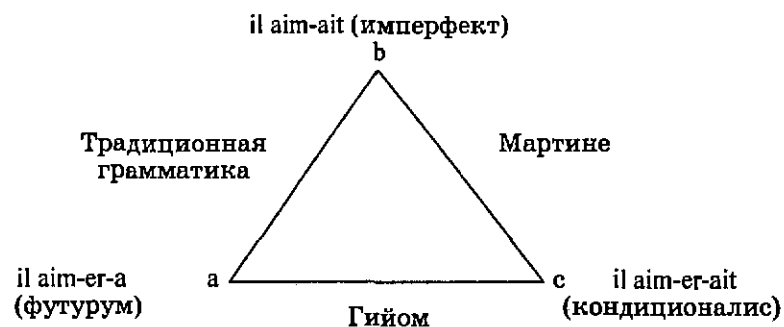
В теории A *il aimerait* интерпретируется как условное наклонение. Темпоральное значение признается второстепенным, реализующимся в определенных контекстуальных условиях. Такой точки зрения придерживалась до последнего времени традиционная французская грамматика. Ее разделяли многие видные французские лингвисты: Брюно, Доза и др.

В теории B оба значения формы признаются основными и, следовательно, независимыми друг от друга. В таком случае приходится признавать наличие грамматической омонимии: существование в парадигме французского глагола двух омонимичных форм, занимающих, однако, разные места в этой парадигме: условного наклонения и будущего в прошедшем индикатива. Такое решение представлено в грамматике Larousse (1964).

В теории C основным значением формы признается временное, она рассматривается как время индикатива (будущее предположительное). Такое теоретическое решение предложил Г. Гийом, и сейчас оно

очень распространено во французской лингвистике, хотя появляются все новые работы, возвращающиеся — в трактовке *conditionnel* — к теории А.

Но принципиально новых решений не было (да и не может быть) предложено в пределах отмеченных двух свойств грамматического объекта (эвентуальность + будущее время). Например, А. Мартине в своей «Grammaire fonctionnelle» (1979) определил *il ferait* как категорию «сдвинутого видения» (*vision décalée*), которая выражает предстоящее действие при переносе точки отсчета в прошлое. Модальное значение (выражение ирреальности), по его мнению, — производное от этого основного. Но это значит, что форма *il aimerait* выводится из категории наклонения и данная теория представляет собой вариант теории С с той разницей, что Гийом считал ведущим темпоральным значением в этой форме будущее, а Мартине — относительное в плане прошедшего. Но несомненно, что основная трудность решения проблемы состоит в том, что ряд глагольных форм совмещают в себе модальное и временное значение, образуют пересекающиеся поля с неопределенными границами, которые можно классифицировать по-разному. *Conditionnel* этимологически представляет объединение инфинитива с окончаниями имперфекта, тогда как будущее время — инфинитив с окончаниями презенса. Но имперфект, обозначая не-настоящее время, относясь к плану прошлого, содержит элемент неопределенности, что способствует развитию в нем целой серии модальных употреблений. Он обозначает действие «сдвинутое» или могущее быть «сдвинутым» в ирреальность. Мартине сближает *conditionnel* с имперфектом, принимая за основу классификации эту связь условного наклонения и имперфекта. Гийом, напротив, актуализирует соотношенность *conditionnel* с будущим временем и включает его в индикатив, как второе, гипотетическое, будущее. Схематически это можно представить так:

Традиционная грамматика объединяла имперфект и футурум в индикативе, противопоставляя их (по модальности) кондиционалису. Гийом включал все три формы в индикатив, противопоставляя футурум и кондиционалис как будущее время — имперфекту (прошедшему). Мартине не признает индикатива особым наклонением, он счи-

тает кондиционалис категорией, отдельной от времени (футурума и имперфекта), но подчеркивает связь его с имперфектом.

Если обратиться к форме *il aime*, то можно исчислить четвертое решение (D). Если Гийом, беря за основу временные значения форм *il aimerait*, приближал последнюю к первой и обе включал в индикатив, то французский лингвист А. Ивон исходил из противоположной возможности: сочтя основным значением формы *il aime* модальное (предположение, эвентуальность), он сблизил ее с *il aimerait*, объединив обе формы в предположительное наклонение (*le suppositif*). Таким образом, с учетом футурума и его возможного объединения в одну категорию с кондиционалисом, можно логически исчислить четыре допустимых классификации форм и решения проблемы:

формы	A	B	C	D
<i>il aimerait</i> (модальное)	условное (<i>conditionnel</i>)	условное	индикатив	предположи- тельное (<i>suppositif</i>)
<i>il aimerait</i> (темпоральное)		индикатив		
<i>il aimera</i>	индикатив			

Объем индикатива расширяется или сужается в зависимости от теоретической интерпретации: в теории С он охватывает 3 формы, в В — 2 формы, в А — 1 форму, в D — ни одной. Аналогичным образом (но в противоположном направлении) изменяется и объем косвенного наклонения.

Рассмотренные примеры показывают, что в научных теориях неизбежен плюрализм, но нет и анархии, так как возможность решений ограничена свойствами самого объекта.

ГЛАВА III

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИДЕИ

СИММЕТРИИ/АСИММЕТРИИ В ЛИНГВИСТИКЕ*

В разделе I отмечались три основных фактора плюрализма в языкознании: недискретность многих языковых фактов, их многоаспектность и асимметрия в структуре и функционировании языкового знака. В данном разделе будет подробнее рассмотрена проблема асимметрии языкового знака.

Асимметрия играет огромную роль в жизни языка и составляет одну из основных трудностей для теоретического осмысления языковых фактов. Можно сказать без преувеличения, что если бы не было языковой асимметрии, то отпала бы в значительной степени потребность в теоретическом языкознании и споры в этой науке были бы водены до минимума.

С. Карцевский был, пожалуй, первым, кто в своей статье «Об асимметричном дуализме языкового знака» (1929) воспользовался терминами *симметрия* и *асимметрия* в приложении к языку. Он отделил характернейший тип лингвистической асимметрии — многозначность/синонимия языковых явлений, — происходящий вследствие расхождения плана выражения и плана содержания. Но если за сорок лет тому назад применение термина «асимметрия» к фактам языка могло казаться метафорой, то развитие языкознания за последние полстолетия не только характеризуется все более широким использованием терминологической пары *симметрия/асимметрия*, но и осознанием этих категорий как отражения фундаментальных черт строения и функционирования языка. И вообще, понятие симметрии в науке XX в. выступает как один из важнейших методологических элементов исследования и принципов построения научной теории. По выражению акад. В. И. Вернадского, этот принцип «охватывает и охватывает все новые отрасли нашей науки»¹.

* Первый вариант в ст.: Об использовании идеи симметрии в языкознании. Лексическая и грамматическая семантика романских языков. Калинин, 30.

¹ Об общеметодологическом значении понятия симметрии/асимметрии см.: Манцев Ю. А. Симметрия природы и природа симметрии. М., 1974;

Симметрия — это упорядоченность, регулярность, единообразие предметов и явлений объективного мира. Это понятие однопорядковое с такими понятиями, как закономерность, сохранение, инвариантность. Симметрия есть проявление устойчивости, равновесия в состоянии.

Асимметрия — противоположное понятие. Оно отражает нарушение упорядоченности, регулярности, разнообразие. В асимметрии проявляются нарушения равновесия и устойчивости, связанные с изменением в организации системы, составных частей целого.

Понятие симметрии/асимметрии из понятия частной науки превратилось в одну из всеобщих категорий познания, применимую в разных областях. В науке не раз наблюдались примеры перехода категорий частных отраслей знания во всеобщие, общеметодологические. Так, понятие информации, разработанное в кибернетике, распространилось на лингвистику, биологию и другие науки. Лингвистика сама способствовала формированию ряда общеметодологических понятий. Такие понятия как система/реализация системы, парадигматика/синтагматика впервые были глубоко разработаны на материале языкознания, став затем общеметодологическими категориями.

Проследив историю научного понятия симметрии/асимметрии, мы можем увидеть, как по мере перехода его во все новые области знания изменялось и углублялось понимание самой этой категории. Гегель говорил, что «история вопроса есть теория этого вопроса», и это положение хорошо подтверждается развитием идеи симметрии.

Хотя само понятие симметрии было знакомо уже мыслителям античности, оно впервые полно, именно как научное понятие, было рассмотрено в XIX в. на материале кристаллографии. Именно здесь оно стало научным. Одним из важнейших методологических достижений кристаллографов в этой области было исчисление типов симметрии. В 1890 г. русский ученый Е. С. Федоров установил, что все возможные сочетания элементов симметрии в пространстве сводятся к 230 группам, и все новые виды кристаллов до сих пор распределяются по этим группам. Если перенести этот подход на языковой материал, то несомненно, что лингвисты в конце концов развивая сравнительно-типологические исследования, выведут несколько десятков или сотен универсальных соответствий, определяющих структуру явлений в языках мира.

Не менее важно и осуществленное в кристаллографии исчисление типов асимметрии. Исследование кристаллов показало, что если встряхнуть кристаллическую решетку, то наблюдаются отклонения от симметрии двух видов: появление вакантных мест и перемещение (дислокация) — замена одного шарика другим. Нельзя не вспомнить по этому поводу хорошо известные языковые явления. Ведь и в об-

Готт В. С. Философские проблемы современной физики. М., 1972 (особенно гл. V); Принцип симметрии. М. 1978. Определения и общетеоретические толкования взяты из этих работ.

ласти языка все изменения сводятся к устранению или замене элементов, к количественным или качественным преобразованиям. При этом это наблюдается и в аспекте парадигматики, и в аспекте синтагматики. Например, в парадигматике: выпадение из фонологической системы французского языка палатализованного [λ], замена в фонологической системе того же языка вследствие дезаффрикатизации фонем [ts], [dz] фонемами [ʃ], [ʒ]. В синтагматике: ср. *orega* → *œuvrē*, где [e] и [a] отпали, а [o] и [p] заменены иными фонемами. Изучение симметрии в кристаллографии показало важность асимметрии — то, что в порядке суть элементы беспорядка, а в беспорядке — свой порядок.

Однако симметрия, разработанная в кристаллографии, есть прежде всего симметрия статическая, касающаяся одного объекта. Это — структурная симметрия, при которой рассматриваются соотношения признаков, составных частей данного объекта.

Перенос идеи симметрии в геометрию раскрыл новые аспекты этого научного понятия. Здесь внимание исследователей прежде всего было обращено на сохранение/несохранение симметричных отношений при деформациях, сдвигах структуры, при отображении одной фигуры в другую (например, преобразование квадрата в косоугольный параллелограмм и сохранение при этом симметричных отношений). Таким образом возникла идея геометрической симметрии — симметрии подобия фигур, созданных в результате преобразования одной в другую. Если фигуру (например, квадрат) отразить в разных плоскостях, по-разному повернуть, «транслировать», то создаются новые фигуры, связанные с исходной гомологичными отношениями. Итак, геометрическая симметрия показывает соотношение двух разных объектов, выявляет степень неизменности их признаков и соотношений их элементов.

Дальнейшим этапом в развитии идей симметрии было применение их к физике. Физика — наука о динамических процессах, и здесь идея симметрии получила динамическое толкование. Знаменитый французский физик П. Кюри сказал: «Каждый физик ежедневно пользуется в более или менее явной форме понятием симметрии» (мы видим далее, что то же можно сказать и о всяком лингвисте). Кюри вывел идею симметрии с причинно-следственными отношениями и с сохранением и изменением при движении. Так, если частица сохраняет свой заряд, то это будет проявлением симметрии. Таким образом, третий аспект асимметрии — динамический (сохранение у объекта некоторых признаков и свойств). Вместе с тем Кюри показал, что именно асимметрия творит явления¹. Подтверждение этого положения мы находим и в языкознании. Латинский глагол *amare* дал в итальянском языке *amare*. Отвлекаясь от особенностей произношения фонологическая долгота в латыни и позиционная в итальянском сло-

¹ Мы здесь не останавливаемся на обсуждаемой в науке проблеме различия асимметрии и диссимметрии (термин, употребленный П. Кюри).

ве), можно считать, что здесь проявляется сохранение структуры объекта, то есть динамическая симметрия. Если бы все латинские слова сохранили в такой же степени свои значения и звучания на территории современной Италии, то итальянского языка не было бы. Лишь изменения — асимметрические явления — создали тот феномен, каким предстает итальянский язык.

Итак, история изучения симметрии позволяет выделить три типа симметрии.

1. Статическая симметрия отдельного объекта: А.
2. Гомологическая симметрия — отношение двух объектов: А ↔ В.
3. Динамическая симметрия при развитии объектов: А ↔ А₁.

Рассмотрим, как эти три общих типа симметрии/асимметрии могут быть приложены к формам языка.

* * *

Статическая симметрия отдельного объекта. В приложении к языку это означает изучение отдельного языка, сохранение аналогичных признаков и элементов в звеньях его системы, регулярность. Правда, язык отличается от таких объектов как, например, кристаллы, и анализ отдельного языка предполагает его изучение не только в его устройстве, но и в его функционировании.

Гомологическая асимметрия сопоставляемых объектов. Этот аспект симметрии в языкознании проявляется при сравнении языков. Сравнение одного языка с другим можно сопоставить с отображением геометрических фигур. Если пропорции сохраняются, говорят о гомоморфизме. Также, сравнивая языки, можно устанавливать большую или меньшую степень гомоморфизма, то есть симметрии соотношений.

Сравниваться могут: один язык в разных его синхронных срезах, язык-источник и образовавшийся от него язык, родственные языки, неродственные языки. Во всех случаях сравнение может касаться структуры/системы или функционирования языка.

В качестве примера рассмотрим системы времен индикатива в разных языках.

латинский язык		французский язык		русский язык	
<i>infectum</i>	<i>perfectum</i>	<i>простые времена</i>	<i>сложные времена</i>	<i>несов. вид</i>	<i>сов. вид</i>
Præsens	Perfectum	Présent	Passé composé	настоящее	—
Imperfectum	Plusquamperfectum	Imparfait	Plus-que-parfait	прошедшее	прошедшее
		Passé simple	Passé antérieur		
Futurum I	Futurum II	Futur simple	Futur antérieur	будущее	будущее

Мы видим, что во всех трех языках (испанский и итальянский здесь подобны французскому) имеются элементы гомоморфизма, симметрии. Прежде всего различаются формы видовой сущности: перфект и инфект в латыни, простые и сложные времена в романских (многие исследователи французского языка видят в этой оппозиции оппозицию совершенного/несовершенного вида), несовершенный и совершенный вид в русском. Каждая система содержит три временных плана: прошедшее, настоящее, будущее время. Каждому времени в одном видовом столбце соответствует форма другого столбца. Но на этом симметрия (гомоморфизм) заканчивается. В латинском языке в каждом ряду — по три формы, в романских — по четыре, в русском — две или три, в зависимости от вида (напомним, что форма типа *прочту* трактуется как будущее время или как настоящее-будущее). Но западнороманские системы, гомоморфные в плане структуры, не симметричны в аспекте функционирования, так как простое прошедшее, несмотря на структурное подобие, используется в этих языках по-разному.

Можно отметить, что древнерусская система времен была гомоморфна современной романской. В ней различались простые времена: настоящее, имперфект, аорист, будущее и сложные: перфект, давно-прошедшее, предбудущее. Недоставало только сложной формы, соответствующей аористу (типа франц. *passé antérieur*), для полного подобия.

Тем не менее, если системы времен трех западнороманских языков проявляют подобие в индикативе, то в конъюнктиве испанская не гомологична двум другим, поскольку обладает формой будущего времени.

Рассмотрим пример гомологической симметрии в области лексики романских языков. Будем полагать, что языки проявляют гомологическую симметрию, если данное понятие в них выражается одним и тем же этимологом, который был представлен и в латинском языке (закономерными фонетическими расхождениями в этом случае можно пренебречь). Фр. *ap*, исп. *año*, ит. *anno*, рум. *an* из лат. *annus* дают пример такой симметрии.

Симметрия нарушается в синтагматическом аспекте, если простому слову одного языка соответствует аффиксальное или сложное от того же корня в другом. Значительно чаще обнаруживается парадигматическая асимметрия: одно и то же в этимологическом отношении слово приобрело разные значения в разных языках и, напротив, одно и то же значение выражается разными по происхождению словами. Например, семасиологический аспект асимметрии: фр. *plat* «блюдо», исп. *plato* «тарелка»; ономазиологическая асимметрия: фр. *acheter* «покупать» противопоставлено исп. *comprar*, рум. *a cumpăra*.

Составим таблицу соответствий¹:

¹ Взято 50 наиболее употребительных слов-понятий в порядке алфавита французского языка (выбор французского языка связан с техническими, а не принципиальными соображениями). Более подробно подобное исследование проведено на материале 1000 слов по пяти романским языкам (четыре ука-

французский	испанский	итальянский	румынский	латинский
âge	edad	età	etate, virstă	aestas, -tis
aider	ayudar	aiutare	a ajuta	adjuvare
aimer	amar, querer	amare	a iubi	amare
aller	ir	andare	a merge	ire
alors	entonces	allora	pe atunci	tum, tunc
и т. д.				

В ряде случаев наблюдается гомоморфизм во всех языках, включая латынь, иногда языки расходятся, группируясь по-разному. Нередко разные номинации отражают различные свойства объектов: фр. *assiette* «тарелка» названа по функции (то, на что кладут пищу), исп. *plato*, ит. *piatto* — по форме (плоский предмет), рум. *farfurie* — по материалу (фарфор).

Можно определить степень лексической близости языков, степень симметрии. По нашим подсчетам, гомоморфизм для всех четырех языков наблюдается в 24% всех случаев, для трех — в 30%, для двух — в 34%, в 12% — полная асимметрия (не совпадают номинации всех четырех языков). Чаще всего объединяется с каким-либо языком итальянский, затем испанский, в меньшей степени — французский, реже всего — румынский. Таким образом, наименее специфична лексика средиземноморских языков — итальянского, испанского; наиболее специфична она у периферийных языков — французского и румынского. Это подчеркивается и парными отношениями между языками. Чаще всего гомология охватывает итальянский и испанский языки, затем следуют пары по мере убывания: фр. — ит., фр. — исп., ит. — рум., исп. — рум. и, наконец, фр. — рум. Приводимые данные интересны тем, что не принимается во внимание этимология слов, номинация оказывается специфичной, даже если она восходит к латыни (ср. франц. *appeler* наряду с *llamar, chiamare, achema*). Асимметрия может быть вызвана разными причинами. В румынском она часто связана с использованием нелатинского этимона (см. в нашем примере глагол *a iubi*), во французском — со специфическим переосмыслением латинских слов. О семиотической асимметрии в романских языках говорить не приходится в данном случае, ибо были отобраны слова, обозначающие понятия, известные всем европейским народам. Однако этот тип асимметрии может наблюдаться в случае так называемой безэквивалентной лексики, а также между романскими и латинским языками. Естественно, что в последнем мы не находим соответствий французским словам *appartement, autobus, avion*.

При сопоставлении языков в аспекте функционирования асимметрия проявляется в том, что речевые соответствия не аналогичны системным. Это наглядно вскрывается при переводе. Всякое отклонение

данных плюс португальский) с логическим исчислением всех 52 возможных типов соответствий. См. *Typologie des divergences lexicales entre les langues romanes dans l'optique onomasiologique* // *Panorama der Lexikalischen Semantik*. Tübingen, 1995.

от системных соответствий при переводе относится к явлениям асимметрии. Например, настоящее время существует во всех языках, но французскому настоящему времени в русских текстах нередко соответствует будущее (при выражении вневременного действия) или прошедшее (при так называемом «историческом настоящем»).

Динамическая симметрия. Она проявляется в сохранении форм и отношений при развитии языка, в сохранении пропорциональности значений и форм при словообразовании и в других случаях образования одной формы языка от другой. Асимметрия выражается в нарушении этих соответствий. Она может наблюдаться при переходе от латыни к современным романским языкам, от одного романского или нероманского языка к другому романскому (проблема языковых контактов), при анализе различных областей внутриязыковой динамики (формирование переносных значений слов и грамматических форм, образование фразеологизмов, грамматикализация, лексикализация и другие явления). Иллюстрации найти несложно, необходимо лишь подчеркнуть, что развитие языка идет не только в одном направлении — в сторону установления симметрии. Разумеется, в языке происходит постоянная дифференциация значений слов и форм, снятие омонимии, редукция многозначности и т. п. Но наряду с этим наблюдается широкое варьирование средств выражения, возникновение новых омонимов, аналитических конструкций и способов выражения, а также других фактов асимметрии.

Итак, статическая симметрия касается отдельного языка, любого явления любого уровня языка, рассматриваемого в синхронном плане внутри данного языка.

Гомологическая симметрия (симметрия переноса) касается явлений двух языков, при их контрастивном изучении или при переводе. Она также проявляется при сопоставлении двух временных срезов одного и того же языка, при сопоставлении различных территориальных или функциональных разновидностей языка.

Динамическая симметрия касается развития отдельных явлений языка.

Гомологическая симметрия ориентирована на пространственную координату даже при изучении разных временных срезов одного языка, поскольку они берутся в этом случае как два синхронно соположенных языковых состояния.

Динамическая симметрия ориентирована на временную координату.

Ниже мы рассмотрим более подробно проблемы статической симметрии, которая является методологической и фактуальной базой для двух других.

Статическая симметрия/асимметрия

В синхронном плане статическая асимметрия отдельного объекта проявляется в аспекте системы, структуры и функциони-

рования. Понятие асимметрии пероплетается с понятием ядра и периферии в языке. Само разделение языковых фактов на ядерные и периферийные возможно лишь при наличии асимметрии в устройстве языка.

Асимметрия системы проявляется в следующих фактах:

а) неравномерное развитие аналогичных звеньев системы. Например, во французском индикативе имеется, согласно традиционной грамматике, восемь времен, тогда как в конъюнктиве — всего четыре. Португальский язык проявляет здесь большую симметричность, ибо обладает в конъюнктиве и будущим временем. Разумеется, различие временных форм двух наклонений французского языка объяснимо семантикой этих явлений, но с точки зрения формы асимметрия налицо. В области лексики проявления системной асимметрии многочисленны и разнообразны. Неодинаково развиты звенья одной и той же семантической группы. Например, не раз отмечалось, что в пределах одного семантического поля положительные и отрицательные синонимы развиты по-разному: синонимов со значением «быстрый» больше, чем со значением «медленный»;

б) неполнота системы. Асимметрия включает в себя и неравномерное развитие микропарадигм, т. е. парадигм одного слова. Например, некоторые глаголы не имеют всех форм лица и времени, некоторые прилагательные употребляются только в одном роде;

в) неоднородность звеньев системы, наличие ядра (центра) и периферии среди явлений, принадлежащих к одному классу. В свою очередь соотношение центр ↔ периферия обнаруживается на структурном, категориально-семантическом и функциональном уровнях.

В структурном аспекте: центр — господствующие модели словоизменения, сочетания слов, главные элементы в лексико-семантических группах; периферия — отклонение от этих моделей. Во французском языке образование множественного числа путем прибавления -s (в письменной речи) относится к ядру языковой системы, образования типа *œil—yeux, travail—travaux* — к ее периферии.

В категориально-семантическом аспекте: центр — типовые формы и значения, периферия — промежуточные. Ядерные элементы обладают основными признаками данной категории, периферийные занимают промежуточное положение между этой категорией и другими. Среди форм глагола центральной является спрягаемая личная форма, неличные (инфинитив, причастие, герундий) относятся к периферии и сочетают свойства глагола со свойствами других частей речи.

Среди времен индикатива французского языка *présent, imparfait, futur, passé composé* и другие образуют ядро. К периферии относятся импедатные формы и перифразы, занимающие промежуточное положение между морфологической формой и синтаксическим сочетанием.

ядро	периферия	
	«ближайшая»	«отдаленная»
présent	passé immédiat	être en train de faire qch
passé composé, etc.	futur immédiat	commencer par faire qch, etc.

В отношении имедиатных форм возможен вопрос, составляют ли они морфологические формы глагола или нет. Перифразы типа être en train de faire qch не образуют морфологических аналитических форм, но могут изучаться как периферийные глагольные средства выражения вида и времени.

В функциональном аспекте: центр — употребительные формы, периферия — менее употребительные, нечастотные явления. В этом смысле в системе времен к периферии можно отнести imparfait du subjonctif (имперфект конъюнктива), formes surcomposées (сверхсложные времена).

Асимметрия структуры проявляется в расхождении означающего и означаемого.

Наиболее подробная типология асимметрии структуры была разработана Ш. Балли (Балли, 158–209). Проблема симметрии/асимметрии в плане структуры сводится к соотношению означающего и означаемого. Если между ними взаимнооднозначные отношения, то сохраняется симметрия, нарушение взаимнооднозначных отношений приводит к асимметрии.

Балли не пользуется терминами симметрия/асимметрия, те явления, о которых говорилось выше он называет аналитизмом/синтетизмом. И рассматриваемые им примеры аналитизма и синтетизма являются также и проявлением симметрии и асимметрии.

Балли отмечает два основных типа отступления от взаимнооднозначных отношений между формой и содержанием (то есть асимметрии в нашей системе понятий): нелинейность (дистаксию) и полисемию.

Нелинейность есть расхождение между формой и содержанием на синтагматической оси. Он отмечает 10 типов нелинейности (дистаксии).

1) Фракционированный знак — распределение одного означаемого между несколькими означающими. Эти означающие Балли называет псевдоозначающими, поскольку каждый из элементов, составляющих фракционированный знак, не имеет собственного значения и приобретает его только в составе целого. В качестве примера он приводит речения, состоящие из нескольких элементов (например, фр. tout à fait наряду с complètement: оба значат «полностью, совсем»), фразеологизмы. Сюда же, по-видимому, следует отнести и так называемые аналитические морфологические формы типа *буду читать* (ср. прочту).

2) Совмещение означаемых — противоположное предыдущему явление, когда одно неразложимое означающее охватывает несколько значений, которые, в свою очередь, имеют собственные ассоциации в

парадигматическом плане. Сюда входит и совмещение лексического значения со словообразовательным (ср. jument «кобыла» и an-casse «осл-ица»; русский и французский языки здесь параллельны), и совмещение ряда грамматических значений (в русск. книгу флексия -у указывает одновременно на род, число и падеж), и совмещение лексического и грамматических значений (фр. va! «иди» совмещает значения глагола «идти», императива и 2 лица ед. числа).

3) Обязательный грамматический плеоназм, при котором одно и то же понятие выражается в одной и той же синтагме несколько раз. Например, в *маленькая беленькая кошечка* значение женского рода и уменьшительности выражается трижды. В словосочетаниях *подойти к окну; отойти от окна* направление движения выражено дважды: в глаголе и в предлоге (в сочетании с флексией существительного).

4) Произвольное взаимное обусловливание, которое заключается в том, что в синтагме следует употреблять только один знак, исключая другие того же значения. Речь идет, таким образом, о «взаимной подгонке» на синтагматической оси знаков, выбранных из соответствующих парадигматических классов. Например, фр. valide — validité, но ingrat — ingratitude (суффиксы -ité и -itude выражают отвлеченное значение и образуют существительные от прилагательных, но здесь взаимозаменять их нельзя).

Так же образуются и словосочетания, ср. *читать лекцию, но делать доклад*, и грамматические формы: il parle, но il finit.

5) Подразумеваемый знак — восстанавливаемый без помощи речи по ассоциации с другим лингвистическим типом, где этот знак имеет эксплицитную форму и такое же значение: лат. Paulus aeger «Павел болен» подразумевает связку, которая становится эксплицитной в Paulus aeger est.

6) Эллипсис — подразумеваемый знак в речи, который представлен в контексте: *У госпожи X. два мальчика; один шести лет, другой четырех*. Здесь слова *мальчик* и *лет* в последующих синтагмах восстанавливаются из первой части фразы.

7) Нулевой знак — отсутствие положительного означающего, который должен был бы иметь место на основании аналогии с другими синтагмами, где знак того же значения имеет эксплицитную форму: lav-age стир-к-а, но ход + Ø, от стирать и ходить. Аналогичные явления часты в морфологии: стол + Ø — столы (ср. книга — книги), возможны в синтаксисе: Павел + Ø болен.

8) Гипостаз — отсутствие знака при транспозиции; ср. la vérité и le vrai (из прилагательного vrai «истинный»; оба существительных обозначают «истина»).

9) Разъединение — разделение двух элементов знака другим знаком в речевой цепи: Ne parle pas! — элементы отрицания разделены глаголом; j'ai beaucoup souffert «я много страдал», где элементы сложной глагольной формы разделены наречием.

10) Антиципация — случай, когда знак, необходимый для понимания или характеристики другого, предшествует последнему: *Велико было мое удивление.*

Полисемия, по Балли, есть мнемонический коррелят нелинейности. Она имеет два аспекта: многозначность, когда одно означаемое имеет несколько значений, и многовыразимость, — когда одно означаемое выражается несколькими означаемыми. Крайними проявлениями этих двух процессов являются соответственно омонимия и замещение.

11) Омонимию Балли обнаруживает на лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях. Он даже делает попытку найти ее на фонологическом уровне (например, русск. [Ø] в *фигура* и *все*; по-видимому франц. [œ] в *pleurer* и *gêver*).

12) Замещение состоит в наличии знаков, которые имеют общее означаемое, но разные означающие, роль которых определяется произвольным выбором. Классический случай замещения — морфологический супплетивизм: *je vais — nous allons — j'irai; я иду — я шел.*

Ценность анализа Балли заключается в стремлении определить все виды языковой асимметрии и показать, что они обнаруживаются на всех уровнях, во всех аспектах языковой системы — от фонологии до синтаксиса, снизу доверху.

Вместе с тем типология Балли в недостаточной мере логически исчислена. Некоторые типы синтетизма (напомним, что так Балли называет явления, к которым мы прилагаем термин «асимметрия») относятся к сфере языка, к устройству языковых знаков, другие — к речи, шире — к взаимодействию знаков между собой.

К таким относится произвольное взаимное обусловливание (4), которое является производным от омонимии (11) в широком смысле, предполагающей также и алломорфы. Антиципация (10) также переводит нас в сферу речи. Разъединение (9) является следствием фракционирования, расчленения знака. Типы 5, 6, 7, 8 основываются все на фундаментальном отношении невыраженного означающего и определенного означаемого, одни из них относятся к сфере языка = системы, другие к речевой реализации. Обязательный плеоназм (3) встречается не только в сфере грамматического или лексического согласования. То, о чем говорит Балли — это частный случай «пустого» означающего, которое не имеет собственного значения, это — форма без значения, подобно тому как нулевой знак есть значение без формы. Любой знак в условиях плеоназма превращается в «пустой» знак. Знак утрачивает значение либо сам по себе, исторически, либо в силу своей синтагматической позиции и взаимодействия с другими знаками.

Резюмируя, можно отметить, что в своей типологии Балли отмечает фактически шесть фундаментальных типов асимметрии (синтетизма, по его терминологии):

- фракционированный знак
- совмещение означаемых
- «пустой» знак

— нулевой знак

— омонимия

— синонимия (в том числе замещение).

Эти шесть фундаментальных типов исчисляются логически.

Как известно, знак характеризуется двумя типами отношений: парадигматическими и синтагматическими. Кроме того, в процессе развития языка или пользования языком знак может оказаться неполным, утратить одну из своих сторон — план содержания или план выражения, — так что остается невыраженным один из компонентов семиотического акта. Такой тип асимметрии можно назвать семиотическим.

Асимметрия форм (Ф) и содержания (С) проявляется в трех аспектах: синтагматическом, парадигматическом и семиотическом. Она выражается в том, что число элементов плана выражения (означающих) и плана содержания (означаемых) не совпадает: либо первых оказывается больше, чем вторых (Ф > С), либо наоборот (С > Ф). Так образуется шесть типов асимметрии:

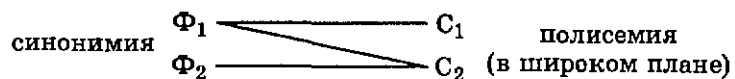
Соотношение Ф и С	Виды асимметрии		
	А. Парадигматическая	В. Синтагматическая	С. Семиотическая
Ф < С	1. $\frac{\Phi}{C_1 \text{ или } C_2}$ полисемичная форма	3. $\frac{\Phi}{C_1 + C_2}$ слитная форма	5. $\frac{-}{C}$ нулевая форма
Ф > С	2. $\frac{\Phi_1 \text{ или } \Phi_2}{C}$ синонимичная форма	4. $\frac{\Phi_1 + \Phi_2}{C}$ аналитическая форма	6. $\frac{\Phi}{-}$ «пустая» форма

Эти виды асимметрии обнаруживаются на всех уровнях языковой системы, где имеются двуплановые единицы (объединяюще форму и содержание).

I. Парадигматический план. При симметрических отношениях между единицами плана выражения и плана содержания устанавливаются взаимнооднозначные отношения: данной форме всегда соответствует только одно значение и данное значение всегда выражается только одной формой:

план выражения Φ_1 ————— C_1 план содержания
 Φ_2 ————— C_2

При нарушении симметрии в парадигматическом плане возникают два типа асимметрии: полисемия и синонимия:

Выявляются два основных типа асимметрии — ономаσιологическая синонимия (ряд означающих при одном означаемом) и семасиологическая полисемия (ряд означаемых при одном означающем). Этот тип асимметрии широко представлен на всех уровнях разных языков, его считают даже характерной чертой, отличающей естественные языки от искусственных знаковых систем. Именно об этом типе асимметрии и говорил прежде всего Карцевский. Омонимия проявляется в лексике, в морфологии (ср. фр. -s — показатель мн. ч. имен и 2-го л. ед. ч. глаголов: *des femmes, tu fermes*), в словообразовании *hauteur* и *travailleur*, в синтаксисе. Полисемия — в узком смысле слова многозначность — еще более распространенное явление, и мы не будем давать здесь иллюстраций. Характерным для языка является особый ряд парадигматической семасиологической асимметрии — синкретизм, выражающийся в том, что одновременно реализуются разные значения одной и той же единицы. Например, в сочетании *le train de Moscou* предлог *de* выражает одновременно и определительные, и локальные отношения (ср. *поезд из Москвы* и *московский поезд*). *Plus-que-parfait* нередко реализует одновременно значения предшествования во времени и видовой завершенности действия.

Синонимия хорошо исследована в разных разделах языка, и мы не будем здесь рассматривать ее.

В сфере орфографии полисемия проявляется в использовании одной буквы для обозначения разных звуков и функций: *б* — [б] и [п] в русском языке, во французском *s* — [s], [z] или непроизносимая буква, обозначающая множественное число имен существительных.

Полисемия имеет ряд проявлений:

— омонимия, совпадение в одной форме разных значений. Например, фр. морфема *-s* — знак второго лица глагола (*tu marches*) или мн. числа имени (*des marches*);

— полисемия в узком смысле термина, многозначность формы. *Он едет* (наст. вр.) обозначает и будущее действие: *Он едет завтра в Смоленск*;

— семантический синкретизм формы, проявляющийся в том, что в контексте реализуется сразу два значения формы, которые в других случаях могут различаться. Например, фр. *plus-que-parfait* выражает предшествование другому действию в прошлом или завершенность действия в прошлом. Во многих случаях оба эти значения выявляются одновременно. Синкретизм — наименее четкое проявление полисемии формы, омонимия — наиболее резкое.

Синонимия, выражение одного значения с помощью разных форм, может иметь также различные проявления:

— дополнительная дистрибуция грамматических форм. При этом синонимические формы не могут заменять друг друга, их употребле-

ние определяется правилом, которое Балли называл «произвольное взаимное обусловливание». Например, из синонимичных фр. алломорфов *-er, -ir* первый употребляется с глаголами I группы, второй — с глаголами II группы (*parler, finir*);

— взаимозаменяемые формы. Их употребление обусловлено парадигматически. Взаимозамена синонимов иногда не ведет или почти не ведет к изменению значения: *commencer à* или *de faire qch*. В других же случаях синонимы при совпадении общего значения различаются некоторыми оттенками: *Il part demain* и *Il partira demain*;

— параллельные средства выражения, то есть различные способы выражения определенного значения, независимо от того, каким грамматическими или лексическими средствами это достигается (омонимия в широком значении).

II. Синтагматический план. Симметрия предполагает, что в речевой цепи план выражения и план содержания членятся параллельно, так что число означающих и означаемых совпадает:

план выражения	Φ_1	+	Φ_2	+	Φ_3 и т. д.
план содержания	C_1	+	C_2	+	C_3 и т. д.

Например, в словоформе *nationales* «национальные» ж. р. каждому значению соответствует свой элемент в плане выражения:

лексическое значение	прилагательное	ж. род	мн. число
<i>nation-</i>	<i>-al-</i>	<i>-e-</i>	<i>-s</i>

При нарушении параллелизма в синтагматическом аспекте возникают два типа асимметрии:

слитная форма	Φ_1	+	$\Phi_2 + \Phi_3$	аналитическая форма
	$C_1 + C_2$		C_3	

В слитной форме совместно выражаются значения, которые в других случаях выражаются отдельно. Например, в форме *nation-aux* (м. р.) сегмент *-aux* выражает три значения: «прилагательное + род + число», которые в *nation-al-e-s* выражены отдельно. Слитные формы французские лингвисты называли «совмещением означаемых» (*le cumul*, III. Балли) или «амальгамами» (А. Мартине). Слитные формы могут касаться:

— выражения грамматических категорий, см. пример с *nation-aux*;

— последовательности служебных слов; в *à la* значения предлога и артикля выражаются отдельно; в *au* оба эти значения нерасчленимо выражаются в одной фонеме [o];

— выражения лексического и грамматического значения в слове; в *il parl-a, il fin-it* лексическое и грамматическое значения выражены раздельно; но в *il sut, il fit* невозможно видеть основу в *-s-, -f-, a* в *-ut-, -it* — грамматические форманты. Здесь *su-, fi-* совмещенно выражают лексическое значение и значение *passé simple*.

В аналитической форме одно общее значение выражается совокупностью отделимых элементов. Значение времени в *je parlai* выражается синтетически, в *j'ai parlé* — аналитически, сочетанием вспомогательного глагола и причастия.

III. Семиотический план. Симметрия в семиотическом аспекте состоит во взаимосвязи определенной формы и содержания.

Ф — С

При отсутствии одной из этих сторон симметрия нарушается и образуются две формы асимметрии:

нулевая форма $\emptyset - C$
пустая форма $F - \emptyset$

Нулевая форма характеризуется отсутствием специального показателя. В орфографии такую форму можно усматривать в случаях, когда слово пишется сокращенно, но читается полностью. Например, *г-н Иванов* (будет произнесено «господин»); причем это даже не речевое сокращение, а языковое, поскольку уже вошло в обязательный узус. Нулевые формы распространены в языке, они позволяют более экономно выражать грамматические значения. Можно отметить их разновидности:

— нулевая морфема в морфологии; ср. *je parle — nous parlons; regarde! и regardez!* Принадлежность к части речи может выражаться лишь окружением; ср. *travailler durement и travailler dur;*

— эллипсис и подразумеваемый знак в синтаксисе. Ср. *Il a deux enfants, l'un de dix ans, l'autre de sept.*

Пустая форма. Если данная форма не связывается с каким-либо элементом действительности, то она подвергается десемантизации, утрачивает свое содержание. Она приобретает структурное назначение, как элемент морфологической и синтаксической формы. В орфографии примером нулевой формы могут служить непроизносимые буквы, если они не выступают как диакритики. Например, *h* во французском *homme человек*. Напротив, русский *ь* не является нулевой формой, так как он выполняет диакритическую функцию, указывая на палатализацию согласной.

Нулевые формы широко используются в морфологии («нулевые морфемы») и в синтаксисе («эллипсисы»).

Можно различать несколько разновидностей пустых форм:

— инфиксы и приращения в морфологии и словообразовании. Таков элемент *-iss-* у фр. глаголов II группы; элемент *-t-* и др. при образовании глаголов *numéro — numéroté;*

— незначачие служебные слова, например, многие фр. предлоги при инфинитиве;

— всякий избыточно употребляемый элемент речи, который имеет тенденцию превратиться в десемантизированный нулевой знак.

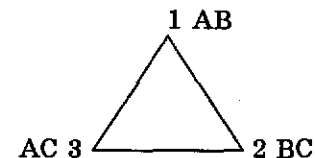
Разграничение этих явлений ставит сложные теоретические вопросы. Например, сегмент *-issons* в *nous finissons* может быть интерпретирован как алломорф к *-ons* либо как сочетание инфикса («пустой прокладки») *-iss-* с морфом *-ons* (*nous parlons*).

Асимметрия функционирования проявляется в том, что языковая форма используется нерегулярно для выражения одного и того же значения, и в том, что она используется для выражения разных значений. Функциональная асимметрия сближается с парадигматической полисемией, но не идентична ей, ибо в процессе функционирования реализуются значения, не предусмотренные парадигматически значением форм. Функциональная симметрия проявляется в использовании слов и форм в их первичных значениях, асимметрия — во вторичных функциях, в функции обобщения (генерализации), транспозиции (переносного употребления), десемантизации.

Функциональная асимметрия проявляется также в неравномерности использования форм и слов, так что следует различать не только структурное ядро и периферию, но и функциональное ядро и периферию. *Passé immédiat* относится к периферии французских временных форм с точки зрения системы, но к ядру — в аспекте употребления. *Passé antérieur* входит в структурное ядро, но занимает периферийное место по употребительности.

Подробнее типология функций в связи с функциональной асимметрией будет рассмотрена во II части.

Частичная симметрия / асимметрия. Нередко один из сравниваемых элементов симметричен одной своей частью с другим, а другой частью — с третьим. Таким образом, взятые отдельно два элемента одновременно и симметричны и асимметричны. Особенно ярко это проявляется в случае тройственной симметрии / асимметрии. Три сравниваемых образующих микросистему элемента дают такое соотношение:

По признаку А элементы 1 и 3 объединяются (симметричны), но противопоставляются элементу 2. Элементы 2 и 3 симметричны по признаку С, отличаясь этим от А; элементы 1 и 2 объединены признаком В, который отсутствует у С. Художники нередко используют такой тип симметрии / асимметрии в композиции своих картин.

В «Троице» А. Рублева 1-й и 2-й ангелы объединены поворотом тела в правую сторону, тогда как правый ангел повернут в левую. Напротив, по повороту головы (в правую сторону) средний и левый ангелы противопоставлены правому. Наконец, левый и правый ангелы расположены совершенно симметрично, обернувшись друг к другу, в то время как средний ангел выделяется из этой симметрии.

Частичная симметрия может быть неполной в том случае, когда «симметрический треугольник» не замыкается и два элемента из трех не связываются исключительным («эксклюзивным») признаком, так что элементы множества из трех единиц дифференцируются не по трем, но по двум признакам. Это может быть представлено следующими формулами:

Частичная полная симметрия:

$$(1) AB + (2) AC + (3) BC$$

Частичная неполная симметрия:

$$(1) AB + (2) A + (3) B$$

Недостает третьего компонента, который связал бы элементы (2) и (3) в отличие от (A).

На известной картине Ж.-Ф. Милле «Собирательницы колосьев» изображены три крестьянки. Первые две (1, 2) согнулись над полем (объединяющий признак — A), третья (3) стоит выпрямившись. Вместе с тем у женщин (1) и (3) — зеленые косынки (признак — B), тогда как у женщины (2) — красная. Нет особого общего признака у женщин (2) и (3), если не считать пучок соломы у них в руках, которого не видно у женщины (1)¹.

В структуре языка можно найти немало категорий, связанных между собой подобными отношениями частичной симметрии — полной и неполной.

Фразеологические единицы выделяются на основании единства трех признаков: а) полилексикальность (больше одного слова), которая отличает их от слова в переносном употреблении; б) идиоматичность, отграничивающая их от аналитического словосочетания; в) узуальность, отличающая их от индивидуально-авторского речения. Каждая из этих трех «соседних» с фразеологизмом категорий отличается от двух других:

¹ Возможно, в теории живописи имеется специальное наименование для подобного рода композиций.

Это пример полной частичной симметрии (AB—AC—BC) между тремя языковыми категориями (аналитическое словосочетание, авторское образное выражение, лексическая метафора).

Примером неполной частичной симметрии может служить категория артикля во французском языке, включающая три элемента: определенный, неопределенный и частичный артикли. Значение диокретности объединяет определенный артикль (le) с неопределенным (un); значение неопределенности объединяет неопределенный артикль (un) с частичным (du).

Другой пример — три основных прошедших времени того же языка. Видовое значение объединяет Passé composé и Passé simple в отличие от Imparfait, но значение актуальности объединяет Passé composé с Imparfait, противопоставляя их Passé simple.

Причины возникновения асимметрии. Нам остается сказать несколько слов о причинах асимметрии в языке. Асимметрия — явление вечное и универсальное, и к ней поэтому нужно относиться не как к «болезни» языка, к недостатку языка как орудия общения, но как к важнейшему компоненту языковой системы, связанному с самим устройством и функционированием языка. Прежде всего следует обратить внимание на симметрию в самой асимметрии. Омонимия — резкое проявление асимметрии, но она вместе с тем представляет собой проявление инвариантности в плане выражения. В истории языка наблюдались часто случаи устранения омонимии, но наряду с этим и случаи омонимизации, не вызванной действиями фонетических законов. Например, вопреки фонетическим законам старофр. *cusin* «комар» и *cousin* «двоюродный брат» совпали в современном языке в одном слове. Современный технический язык дает обилие умышленно вводимых омонимов; так, в радиотехнике различные устройства получают названия CIRE, CID, TAM-TAM и даже STRADIVARIUS. Видимо, инвариант формы здесь превалирует над различием в содержании. Синонимия, напротив, — господство единства содержания над различиями форм. И здесь проявляется тенденция к инвариантности. Расхождения в оттенках значения синонимов, отмечаемые в словарях, часто нейтрализуются в речи, о чем писали исследователи французской лексики.

Иногда высказывается мнение, что возникновение такого вида асимметрии как многозначность обуславливается неспособностью человеческого мозга усваивать слишком много знаков: особое слово для каждого понятия. Но человек без особой сложности усваивает и два и три языка, то есть, он способен запоминать несколько знаков для одного и того же понятия.

Асимметрия объясняется в первую очередь не тем, что говорящие ограничивают количество элементов плана выражения или плана содержания, не имея возможности или желания удерживать большое число их в памяти. Основная причина асимметрии в том, что люди оперируют понятиями с расплывчатыми границами, хотя и с четким ядром. Это позволяет обозначать словесно любой объект, даже такой,

для которого в языке нет особого наименования. Но эта важнейшая задача коммуникации осуществляется ценой нечеткости границ значения языковых элементов (слов, грамматических форм).

Основной единицей развития семантической структуры языка является отношение номинации, которое связывает обозначающее и обозначаемое. Возможны изменения на уровне денотатов, но еще чаще наблюдаются они в значениях сигнификатов, причем у глаголов, отвлеченных существительных, прилагательных границы сигнификатов особенно зыбки, и это приводит к легкости сдвигов их значений. Все частные изменения значений слов, вариации в их употреблении определяются нечеткостью границ понятий, недискретностью ряда даже дискретных объектов, с которыми соотносится ряд слов, а также же общелогическими отношениями понятий (подчинение или включение, соподчинение, пересечение, отношение целого и части и другие). Неизбывность асимметрии, которая является движущей силой развития языка, определяется в первую очередь особенностями мышления и психологии самого именуемого — человека. Вяч. Вс. Иванов связывает склонность человека к асимметрии асимметричностью полушарий головного мозга.

Симметрия и асимметрия находятся в состоянии неустойчивого равновесия. Постоянно происходит движение от одного явления к другому и обратно. Симметрия создает удобство своим единообразием. Поэтому имеет место выравнивание по аналогии, которое приводит к устранению асимметричных форм. Обычно симметричные формы более мотивированны, они легче воспринимаются и употребляются и вытесняют немотивированные асимметричные формы, которые носят не классифицирующий, но индивидуализирующий характер. Это ярко проявляется, например, в истории терминов родства, где прозрачные симметричные формы, такие как фр. beau-père, belle-mère, англ. father (mother)-in-law; нем. Schwiegervater, Schwiegermutter оказываются более устойчивыми, чем русские *тесть*, *теща*; *свекор*, *свекровь*, которые часто в речи заменяются симметричными аналитическими обозначениями *отец (мать) жены*; *отец (мать) мужа*. Во французском языке числительные 70, 80, 90 (soixante-dix, quatre-vingt, quatre-vingt-dix) выпадают из общей схемы. Остальные десятки (30, 40, 50) образуются по модели: числительное + суфф. -ante: trente, quarante, cinquante. Это создает неудобства, трудности для понимания, и в речи авиадиспетчеров, например, «нерегулярные» формы заменяются «регулярными», симметричными: septante, octante, nonante.

С другой стороны, и симметрия может уступать место асимметрии. Так, нет ничего более симметричного, мотивированного в языке, чем химическая терминология. Но нередко широко известные вещества в речи именуется менее громоздкими и легко идентифицирующимися обозначениями: *аспирин* вместо *ацетилсалициловая кислота*; *тол*, *тротил* вместо *тринитротолуол* и т. п.

И, наконец, в языке развиваются средства для компенсации отсутствующих симметричных форм. Так, отсутствующее деепричастие от

глагола *писать* может быть заменено предложным оборотом *во время письма* или деепричастием от синонимического или смежного по значению глагола: *сочиняя письмо, составляя документ* вместо **пиша письмо, документ*.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Предикативные отношения в свете языковой асимметрии*

Предикативные отношения дают яркий пример асимметричных отношений в языке. Однако, прежде чем приступить к их анализу, необходимо сделать два уточнения, первое из которых касается уровня анализа высказывания, а второе — используемой терминологии.

Структура высказывания характеризуется взаимопроникновением и взаимозависимостью трех уровней: логико-семантического, логико-коммуникативного и структурно-синтаксического.

На семантическом уровне различаются семантический субъект, или агенс, и семантический предикат, выражающий процесс (действие или состояние, соотносящееся с агенсом). На этом уровне высказывание отвечает на вопрос: *о чем оно говорит? что говорится в нем?*

На логико-коммуникативном уровне различаются логический субъект, или тема, и логический предикат, или рема. Эти два элемента отражают информационную значимость высказывания, которое отвечает на вопрос: *зачем, с какой целью сказана фраза?*

На синтаксическом уровне различаются синтаксические субъект и предикат — подлежащее и сказуемое — два основных члена структуры предложения. На этом уровне анализ предложения показывает, как оно сделано. *Что? Зачем? и Как?* суть три символа трех уровней анализа высказывания.

В ядерных предложениях и вообще в большинстве высказываний эти три уровня совпадают, три плана симметричны и анализ высказывания не представляет трудности. Так, в предложении *Поезд пришел* слово *поезд* обозначает одновременно агенс, тему и синтаксическое подлежащее, тогда как *пришел* выражает действие, рему и грамматическое сказуемое. Но во французском предложении *Il est arrivé un train* «пришел поезд» наблюдается расхождение между тремя уровнями структуры: *поезд* репрезентирует семантический субъект (агенса), безличное местоимение *il* символизирует грамматическое подлежащее, тогда как тема выражается элементом *il arrive*. В высказывании *Мы ждем прибытия поезда* имеется только одно грамматическое подлежащее (*мы*) и одно грамматическое сказуемое (*ждем*), но два семантических предиката, выражающих действие (*ждем* и *прибытия*), ка-

* Впервые опубликовано: Les relations prédicatives à la lumière de l'asymétrie linguistique // Relations inter- et intra-prédicatives. Lausanne, 1993.

ждое со своим агенсом (семантическим субъектом: *мы* и *поезда*). В данном случае мы оставим в стороне коммуникативный уровень, чтобы обратить больше внимания на соотношение между семантической и синтаксической структурой высказывания.

Что касается терминологии, то следует отметить, что русская грамматическая терминология имеет то преимущество, что она обладает двумя сериями терминов, относящихся к логико-грамматическому анализу предложения. Первая серия, образованная с помощью дословного перевода латинских терминов, касается собственно грамматики. Это такие термины как *предложение*, *подлежащее*, *сказуемое* (кальки латинских терминов: *proposito*, *subiectum*, *praedicatum*). Вторая серия, представляющая собой заимствование тех же терминов (*пропозиция*, *субъект*, *предикат*) относится к сфере логики. Хотя границы между логикой и грамматикой не всегда достаточно ясны и между этими «сиамскими сестрами» происходит интенсивный обмен понятиями и терминами, двойная терминология позволяет в русском языке еще четче, чем, например, во французском, различать отмеченные выше два плана структуры высказывания. Термин *пропозиция* — относящийся к логико-семантическому уровню — обозначает семантический инвариант, общий знаменатель всех грамматических вариантов, соотносящихся с одной и той же действительностью, то, о чем идет речь, *диктум* в терминологии Ш. Балли. Таким образом последовательности:

Le train arrive

l'arrivée du train

On voit le train arriver

Nous attendons l'arrivée du train —

содержат одну и ту же пропозицию *le train + arriver* (поезд + прибыть).

Термин *предложение* применяется к синтаксическому уровню высказывания. Также следует различать *пропозициональность*, которая охватывает отношение между семантическим субъектом и предикатом (агенсом и процессом) независимо от формы их языкового выражения, и *предикативность*, которая составляет грамматическую основу высказывания, связывает грамматические подлежащее и сказуемое и выражается в категориях предикативности — времени и наклонения. В принципе пропозициональность и предикативность совпадают, но так как предикативность представляет собой логико-грамматическую категорию, она может приобретать определенную независимость и не соответствовать отношениям между агенсом и процессом. Между обоими планами — логико-семантическим и структурно-синтаксическим — могут устанавливаться отношения симметрии, когда агенс и грамматическое подлежащее совпадают, и асимметрии, когда эти две сущности расходятся.

Асимметрия может быть связана со структурными изменениями предложения. Эти преобразования включают два основных типа: транспозицию и опущение (качественное и количественное преобразование). Транспозиция заключается в том, что процесс выражается

не глаголом, а иной частью речи, чаще всего — существительным. Всякая номинализация приводит к логико-грамматической асимметрии, которая проявляется во внутрипредикативных и межпредикативных отношениях. Мы рассмотрим вначале последствия номинализации для внутрипредикативных отношений, затем ее отражение в межпредикативных отношениях.

Что касается внутрипредикативных отношений во фразе, то следует различать два основных типа номинализации в зависимости от функции, выполняемой номинализированным членом предложения в синтаксической структуре последнего: объектную номинализацию, когда он выступает в синтаксической функции дополнения глагола, и субъектную, когда он является синтаксическим подлежащим предложения. К последнему типу следует относить и случаи, когда номинализированный член занимает место предикатива при глаголе-связке.

В обоих случаях имеет место осложнение структуры предложения: член предложения замещается синтагмой (словосочетанием), так что предикативные отношения устанавливаются не между семантическим субъектом и предикатом в целом, но между субъектом и частью предиката, либо между двумя частями предиката.

Номинализированный член может быть получен путем образования существительного от глагола, чаще всего при помощи суффиксации (*прибыть* — *прибытие*), либо представлять собой речевой супплетив к глаголу, когда он происходит от другого корня (*говорить* — *слова*; *думать* — *мысль*).

Объектная номинализация заключается в замене глагола глагольно-именным сочетанием, включающим глагол-оператор, призванный выражать глагольные категории (время, наклонение, залог и т. п.) и существительного, семантически соответствующего номинализованному глаголу:

Петр перевел французский роман → *Петр сделал перевод французского романа*.

Мы видим здесь асимметрию: на семантическом уровне предикативные отношения устанавливаются между *Петр* и *переводить*, а на формальном они связывают подлежащее (*Петр*) и только часть сказуемого (*сделал*), тогда как собственно семантическая часть предиката, описывающая само действие, представлена как грамматическое дополнение. Элемент *перевод* выполняет формально функцию актанта, но это ложный актант, поскольку он семантически обозначает не аргумент предиката, но сам предикат (действие). Это видно из нижеследующих схем (знак = символизирует внутрипредикативные грамматические отношения):

Симметричные отношения: *Петр* = *перевел* (книгу)

Асимметричные отношения: *Петр* = *сделал* → *перевод* (книгу)

Объектная номинализация представляет собой явление, характерное не только для литературного языка, для научного или административного стиля. Она свойственна всем стилям и всем эпохам развития языка. Сопоставление старофранцузских текстов с их переводами на современный язык убедительно показывает, что наряду с многочисленными фактами замены простых глаголов аналитическими словосочетаниями наблюдается немало противоположных случаев, когда глагольно-именная синтагма заменяется одним глаголом. Например:

Li Grieu lor firent une assaillie (Villehardouin).
Les Grecs les attaquerent (перевод Г. Париса).

То же самое наблюдается при сравнении древнерусского текста с его современным переводом (примеры и переводы взяты из «Изборника». М., БВЛ, 1969):

Тутъ животъ свой сконча → *Тут и умер.*
Войны много творяше → *Много воевал.*
Теорятъ куплю → *Торгуют.*
Ловы двялъ → *Охотился.*

Объектная номинализация очень часта в разговорной русской речи и в просторечии (примеры взяты из «Тихого Дона» Шолохова):

Ты своему куреню голова, с тобой я и разговор имею (= я и разговариваю).

Глагол *быть*, употребляющийся в предложной конструкции с «ложным» актантом, обычно опускается в настоящем времени:

Ты никак с покупкой? (= Ты что-то купил).

Субъектная номинализация также состоит в замене глагола аналитической глагольно-именной синтагмой, но с тем условием, что номинализованный элемент выполняет функцию синтаксического подлежащего. Таким образом семантический предикат оказывается на уровне форм расчлененным на две части, из которых одна (семантическая часть) образует синтаксическое подлежащее, а другая, состоящая из глагола-оператора, формирует синтаксический предикат предложения, выражающий категории времени, наклонения и т. п. При этом внутрипредикативные отношения объединяют не предикат и субъект, а две части одного и того же семантического предиката. Асимметрия в этом случае более глубока, чем при объектной номинализации:

Симметричные отношения: *(Люди) = работают все еще*

Асимметричные отношения: *Работа = продолжается*

В последней структуре место подлежащего занято словом, выражающим семантический предикат, сам процесс (*работа*), тогда как

место грамматического предиката занято глаголом-оператором (*продолжаться*), который лишь вербализует отглагольное существительное, выражая предикативные категории (время, наклонение) и некоторые дополнительные свойства действия (здесь — его длительность, фазу продолжения). В качестве глаголов-операторов чаще всего используют глаголы общего значения (*быть*), фазовые глаголы (*начинаться, продолжаться, оканчиваться*), глаголы движения (*идти*) и другие, способные обозначить процесс или его фазу.

Семантический субъект (агенс) при субъектной номинализации выражается посессивом, личным местоимением или существительным в генитиве. Но эта конструкция используется в русском языке прежде всего для устранения субъекта, либо для описания процесса при неопределенном или отсутствующем субъекте. В силу этого она нередко выступает как эквивалент французских предложений с неопределенно-личным или безличным местоимением (*on, il*).

Il pleut — *Дождь идет.*

On travaille avec succès — *Работа идет успешно.*

К субъектной номинализации примыкает конструкция, в которой номинализованный элемент выступает в функции предикатива при глаголе-связке (опускаемой в настоящем времени):

Это мое мнение — *Я так думаю.*

Субъектная номинализация свойственна всем языкам, но в русском она более частотна, чем во французском, особенно в разговорной речи и просторечии. Вот некоторые примеры (также взятые из Шолохова):

Не видать тебе Гришки! Вот мой сказ! (= Это я тебе говорю).

Нет у ей жизни! (= Она не может больше жить).

Мочи моей нет (= Я больше не могу).

Сну нет. Сон от меня отходит (= Я не могу заснуть).

В отрицательной форме предложение принимает безличную форму. Последний пример показывает возможность варьирования структур. Нередко предложение с номинализацией следует за обычной синонимичной по смыслу фразой для варьирования и, следовательно, усиления выразительности:

Не могу заснуть. Сон нейдет (= Я не могу заснуть).

Нередко опускается указание на субъект (*у меня, мой* и т. п.):

Нужда есть — *ко мне пришел бы* (= Если ты нуждаешься в чем-либо...).

Номинализация дает возможность получить безличное предложение, в котором номинализованный компонент выполняет функцию не подлежащего, а дополнения:

С работой у меня нынче не заладилось (= Работа у меня нынче не клеится).

В качестве номинализованного компонента может быть употреблено не только отглагольное имя действия, но и любое существительное, обозначающее другой актант глагола: орудие, часть тела, проявление данного действия, например:

Он шел тяжело — Его походка была тяжелой — Шаги его были тяжелыми.

Здесь слова *шаг, походка* соответствуют глаголу *идти*.

Слеза его прошибла (= Он заплакал).

Существительное *слеза* представляет собой номинализованное соответствие глаголу *плакать*.

Наряду с именем деятеля любые другие актантные имена, такие как имена объекта, адресата, орудия, места и др., могут быть использованы для номинализации предиката. Вот пример номинализации с именем деятеля: *On dansait sur la plage du village... Anne et Christophe s'assirent et regardèrent les danseurs* (R. Rolland). Имя деятеля *danseurs* репрезентирует предикат, включенный в другую фразу (*ils regardèrent les gens qui dansaient*).

Сложное сказуемое, состоящее из модального глагола и инфинитива основного глагола, позволяет получить несколько различных номинализаций, поскольку предикативное противопоставление может разделять элементы фразы в разных ее местах. Например, во фразе *Он (=) хотел (=) учиться* можно установить внутрипредикативное отношение между первым и вторым компонентами высказывания:

У него (=) было желание учиться

или между вторым и третьим:

Его желание (=) было учиться.

Последний вариант употребляется преимущественно, когда речь идет о субъективной позиции действующего лица, о модусе:

Он мечтает побывать в Крыму — Его мечта — побывать в Крыму.

Я вам советую поторопиться — Мой вам совет — поторопиться.

Также и при опущении агенса:

Если есть сомнение (= если ты сомневаешься) — воздержись!

Можно было бы подробно обсуждать факторы, стимулирующие употребление номинализованных структур и их семантико-стилистические эффекты. Мы остановимся лишь на некоторых из них. Номинализация позволяет варьировать способы выражения, все типы номинализации делают фразу более гибкой, увеличивая ее трансформационные возможности. Например, высказывание *Он оторопел* не может само по себе быть подвергнуто трансформации пассивизации, которая становится, однако, возможной благодаря субъектной номинализации: *Оторопь его взяла*.

Субъектная номинализация в русском языке часто используется для деперсонализации высказывания, устранения указания на говорящего или действующее лицо. Поэтому она часто используется в речи, обращенной к старшим по положению. Вот пример из романа К. Симонова «Солдатами не рождаются»:

А как вы считаете, товарищ капитан, — помолчав спросил первый, — будет нам, например, сегодня награда? (= мы будем награждены?)

Показательно, что во французском переводе используются не номинализованные формы с грамматическим подлежащим:

Et-ce que nous allons tous être comme qui dirait récompensés aujourd'hui? (букв. «Будем ли мы, так сказать, вознаграждены сегодня?»)

При устранении субъекта и избыточных маркеров лица выражение становится более отмеченным, вследствие чего оно приобретает менее категорический характер. Показательно, что номинализованные структуры нередко завершают реплики, как это показывают приведенные выше примеры (*Вот мой сказ* и т. п.).

Субъектная номинализация, еще в большей степени, чем объектная, представляет собой род грамматической метафоры, подкрепленной метафорой лексической. Грамматическая метафоризация состоит в использовании слова, обозначающего действие, в функции синтаксического субъекта (подлежащего); лексическая метафоризация проявляется в употреблении глаголов в переносном значении, например, глаголов движения (*идти* и др.) для обозначения процесса в общем смысле.

Внутрипредикативные отношения могут быть симметричными и асимметричными, в зависимости от соотношения между грамматической и семантической предикативностью. Симметрия имеет место в том случае, если грамматическая предикативность соответствует семантической пропозиции. Так, симметричную структуру имеет высказывание *Я услышал его*, поскольку оно содержит одну форму предикативности и одну семантическую пропозицию (*я = услышал*). То же самое можно сказать и относительно высказывания *Я услышал о том, что он приехал*, которое содержит два предикативных отношения и две пропозиции (*я = услышал; он = приехал*). Напротив, высказывание *Я услышал о его приезде* явным образом асимметрично, потому что оно включает две семантические пропозиции (*я = услышал* и *он = приехал*), но только одну грамматическую предикативность (*я = услышал*).

Таким образом, симметричными являются структуры монопредикативные и монопропозиционные или полипредикативные и полипропозиционные. Это можно видеть из следующей таблицы:

Семантический аспект (семантическая пропозиция)	грамматический аспект (грамматическое предложение)	
	полипредикативность	монопредикативность
полипропозициональность	(1) сложное предложение	(2) полупредикативность (3) свернутая предикативность
монопредикативность	∅	(4) скрытая предикативность (5) простое предложение

Видны два полюса симметрии (1) и (5), а также промежуточные асимметричные формы: (2), (3), (4). Так выявляются пять уровней,

между которыми нет четких разграничительных линий. Каждый уровень включает целую гамму форм, переход от простого предложения к сложному является недискретным и градуальным. Рассмотрим эти категории.

(1) Полипредикативные и полипропозициональные структуры. Они содержат две (и более) семантических пропозиций, каждой из которых соответствует свое грамматическое предложение. Таковы сложные и соположенные предложения. Синтаксические связи здесь менее жесткие. Выявляется целая гамма все более конденсированных форм (в качестве примера взяты способы выражения причинных отношений).

а) Два независимых предложения:

Петр заболел. Работа остановилась.

б) Два соположенных предложения внутри сложного (бессоюзная связь):

Петр заболел; работа остановилась.

в) Сочинение:

Петр заболел, и работа остановилась.

г) Подчинение:

Так как Петр заболел, работа остановилась.

(2) Осложненные предложения. Они образуют полипропозициональную, но монопредикативную структуру. Одна из пропозиций репрезентирована глаголом в личной форме, с полной выраженной предикативностью, другая — неличной формой глагола, синтаксически зависимой от личной формы глагола и не обладающей всеми категориями предикации. Таковы инфинитивные, герундиальные (деепричастные), причастные конструкции, некоторые виды обособления с опущением глагола. Так как неличные формы глагола не имеют всех предикативных категорий (они не имеют наклонения, абсолютного времени, но имеют только относительное время), такой тип предикативности называется полупредикативностью. Синтаксические связи в этом случае более жесткие, чем в предыдущем, но внутри группы можно различить определенную градацию форм.

а) Более близки к категории (1) абсолютные конструкции, обладающие субъектом, отличным от субъекта главной части:

Le travail s'est arrêté, Pierre était tombé malade.

Таковы же и «инфинитивные предложения»:

Je vois Pierre travailler.

В русском языке подобные конструкции отсутствуют и соответствующие зависимые комплексы переводятся придаточными предложениями: *Работа остановилась, потому что Пьер заболел; Я вижу, как Пьер работает.*

б) Объектный инфинитив, при котором субъект встроенного предложения не совпадает с субъектом матричного:

Иван приказал Петру работать.

в) Субъектный инфинитив и другие неличные формы, имеющие тот же субъект, что и матричное предложение:

Будучи больным, он остановил свою работу.

Петр согласился работать завтра.

г) Обособление при опущении глагола:

Malade, Pierre a arrêté son travail.

Пьер, больной, прервал свою работу.

(8) Высказывания со свернутой предикативностью. Они также полипропозициональны, но монопредикативны, так как одна грамматическая предикативность охватывает две или больше семантических пропозиции. В этот разряд входит номинализация. Встроенный элемент сохраняет свою процессуальную семантику, но его предикативные категории сведлись к нулю. Синтаксические связи в этом случае оказываются еще более жесткими, сгущенными. Если инфинитив соотносится с тем же субъектом, что и личная форма глагола (если нет специального иного уточнения), то отглагольное существительное утрачивает это свойство и реальный субъект подсказывается ситуацией. Ср.:

Петр хочет ликвидировать эту фирму (скорее всего речь идет о нем как об исполнителе желания) и *Петр хочет ликвидации этой фирмы* (исполнитель неизвестен: речь может идти о фирме самого Петра или другого лица).

Категории наклонения и времени могут быть выражены только лексическими средствами: *Его возможная поездка в Париж; Его неизбежная поездка в Париж.*

Следы предикативности в номинализованном члене сохраняются лишь на лексическом уровне, благодаря соотносительности с личной формой глагола.

Следы первоначальной предикативности исчезают все больше при переходе от одной структуры к другой.

а) Номинализованный член предложения, вводимый предлогом, сохраняет больше автономии и предикативных черт:

Работа остановилась из-за болезни Петра.

Обстоятельство *из-за болезни Петра* легко трансформируется в придаточное предложение (*из-за того, что заболел Петр*), что подчеркивает его способность выражать отдельную пропозицию.

б) Если номинализованный элемент включается в основную структуру матричного предложения, то две пропозиции сливаются еще больше:

Болезнь помешала Петру закончить работу.

в) Номинализованный элемент в функции дополнения к глаголу представляет особый случай, трудный для анализа. Во многих случаях он может чередоваться с инфинитивом:

Механизм заработал; Он начал работать; Он начал работу.

В первом случае характеристика действия (его начало), выраженная «ффиксом, неотделима от выражения самого действия. Во втором элитность между действием и его характеристикой менее сильная, но личная форма глагола продолжает выражать характеристику действия, обозначенного инфинитивом. Наконец, в последнем предложении

нии два элемента более независимы один от другого, поскольку отглагольное существительное обладает большей автономией по отношению к глаголу, чем инфинитив.

Конструкция *Он начал работать* кажется асимметричной по своей сути, поскольку основная идея выражена формально зависимым членом (инфинитивом), тогда как дополнительное значение (начальная фаза действия) — синтаксически господствующим членом.

Формально само действие представлено как актанта другого глагола, обозначающего свойство этого самого действия.

Глаголы с предикатными актантами (этот вопрос будет подробнее рассмотрен в другом месте) принадлежат к четырем семантическим группам и выражают:

а) особенности действия: фазу (*начинать, продолжать, кончить*), темп (*торопиться*), возможность осуществления (*суметь*, фр. *réussir à*), интенсивность (фр. *se tuer à faire qch*);

б) отношение деятеля к действию; сюда входят различные модальные значения (*хотеть, мочь*; фр. *savoir, s'étonner de* и т. п.);

в) соотношение между двумя действиями (*finir par faire qch*);

г) отношение другого субъекта к данному действию (*помогать, мешать*).

Многие из этих глаголов указывают на интенцию действующего лица. Логически интенция модального характера (*хотеть, мочь*) или физического (*начать, продолжать*) предшествует действию или в крайнем случае совпадает с его началом и поэтому закономерно может быть выражена, предваряя указание на основное действие.

Таким образом, возможны две интерпретации конструкции *личная форма + инфинитив*:

1) Это глагол с актанта, выраженным инфинитивом и указывающим на отдельный процесс. В этом случае наблюдается двойная асимметрия: два процесса (*начинать* и *работать*), предполагающие две пропозиции, оформлены в виде одной грамматической предикации. Кроме того, второй процесс (*работать*) выражен не личной формой глагола, а инфинитивом, представляющим собой форму неполной номинализации.

2) Это выражение действия с его характеристикой. В этом случае общая структура высказывания симметрична (одна предикативность и одна пропозиция), но внутренняя структура предикативного ядра асимметрична: характеристика действия выражена господствующим членом (личной формой глагола), само действие — зависимым — инфинитивом, к чему добавляется и второй случай асимметрии: действие выражено формой номинализации. Таким образом в данной интерпретации одно симметричное отношение компенсируется двумя случаями асимметрии.

Последний тип особенно очевиден, когда речь идет о субъективных характеристиках действия:

Он любит читать ↔ *Он читает с удовольствием.*

Он спешил закончить работу ↔ *Он поспешно заканчивал работу.*

н. (4) Высказывания со скрытой предикацией.

Этот тип предикативности имплицитен, его следы обнаруживаются в непроцессных словах: конкретных существительных, прилагательных. Например:

Работа прекратилась из-за Петра.

Здесь перед нами косвенный тип номинализации, получаемый вследствие транспозиции глагола, а вследствие его опущения. Включенное предложение репрезентировано в составе матричного одним из его актантов, символизирующим всю ситуацию. Только контекст или ситуация позволяют восстановить вторую предикацию полностью (*из-за того, что Петр заболел, уехал, отказался работать* и т. п.).

Скрытый предикат представлен прилагательным в случае опущения глагола 'быть':

Эти свирепые животные опасны (= так как эти животные свирепые, они опасны) или:

Семейному человеку трудно прожить на эту зарплату (= если человек имеет семью, ему трудно...). Возможность скрытой предикативности осложняет анализ высказывания, особенно если оно содержит глагол, способный присоединять предикативный актанта (см. предыдущий пункт). Если во фразе *Он кончил читать (писать) книгу* усматривается две семантических пропозиции (*Он = кончил ∅; он = читал книгу*), то можно логически видеть две пропозиции и во фразе *Он кончил книгу* с невыраженным вторым предикатом (*Он = кончил; Он = ∅ книгу*).

Равным образом фраза *Я слышал о нем* может быть интерпретирована как асимметричное по структуре высказывание, содержащее две пропозиции:

Я слышал, что он за человек или:

Я слышал, где он теперь.

Также и приведенное выше предложение *Я услышал его* может иметь две интерпретации. В нем можно видеть одну пропозицию, если оно означает *Я услышал его голос*, или две, если оно возводится к фразе *Я услышал, как он пел/что он говорил*. В этом случае высказывание следует считать асимметричным в структурном отношении, однако если слово «голос» интерпретируется как метонимическое обозначение процесса «говорить» или «петь», это дополнение к глаголу можно рассматривать как процессное, и в этом случае обе интерпретации совпадают. Трансформационная грамматика допускает различные интерпретации одной и той же структуры в зависимости от ее трансформационной истории. Можно полагать, что все подобные акты-объекты таких глаголов составляют отдельную пропозицию.

Воле того, все анафорические элементы могут быть интерпретированы как остатки предикаций, встроенных в матричное предложение: *Я знаю это = Я знаю, что произошло; Я его вижу = Я вижу человека, о котором ты говоришь* и т. п. Это делает еще более неопределенными разграничительные линии между одной предикативностью и двумя, из которых одна является скрытой.

Предикат состоит из двух компонентов: грамматического, который выражает предикативные категории: время, наклонение и т. п., и лексического, отражающего процессный характер означаемого, последнее выражается преимущественно глаголом или отглагольным существительным.

Переходя от одного уровня к другому, мы видим, как сначала выветривается грамматический компонент, затем лексический и предикативный элемент мало-помалу уступает место непредикативному.

Структуры	Компоненты предикативности	
	грамматический	лексический
(1)	+	+
(2)	(+)	+
(3)	—	+
(4)	—	—

В структуре (1) предикат, выраженный лексемой, обозначающей процесс, обладает всеми предикативными категориями. Структура (2), сохраняя полностью глагольную лексему, не обладает всеми предикативными категориями. В структуре (3) сохраняется лексический компонент, поскольку употребляемое существительное образовано от глагола, но глагольные категории полностью отсутствуют. В структуре (4) — скрытой предикации — отсутствуют не только глагольные категории, но и сама лексема не указывает на процесс.

(5) Монопредикативные и монопозиционные высказывания характеризуются структурной симметрией, например: *Петр заболел; Работа остановилась.*

Симметричные структуры не представляют никакой трудности для лингвистического анализа.

Но всякий раз, когда обнаруживается факт асимметрии, то есть расхождение между планом выражения и планом содержания, приходится углублять теорию и находить решения при классификации фактов. Асимметричные предикативные структуры чрезвычайно разнообразны и вместе с тем употребительны. Включение одной пропозиции в структуру другой позволяет выразить ряд семантических пропозиций в рамках одной предикативной структуры, добиться большей компактности средств выражения, вариативности способов выражения, опущения избыточных, повторяющихся элементов значения. Номинализованный способ выражения, будь то прямой или косвенный, всегда имеет более обобщенное значение, чем глагольный. Но с другой стороны, эта компактность, экономность выражения нередко приводит к семантической неполноте, непрозрачности и даже к двусмысленности. Иногда только контекст или ситуация позволяют уточнить смысл предложения.

Ввиду разнообразия элементов, выражающих включенное высказывание, не следует придерживаться исключительно модели Н. Хомского, которая носит слишком морфологический характер, оперируя преимущественно с прямыми дериватами существительных от глаголов, что

позволяет объяснить лишь наиболее простые и прозрачные номинализации. С другой стороны, модель Хомского является преимущественно семасиологической. Она показывает, что можно произвести с данной структурой, показывает соответствующие фильтры и т. п. Но в языковой реальности говорящие следуют скорее противоположному подходу, семасиологическому: они ставят перед собой вопрос, как сформулировать желательное высказывание, как преодолеть запретительные фильтры. Мы видели, что в сфере выражения предикативности с этой целью широко прибегают к супплетивным формам, к опущениям, к косвенным средствам выражения. Трансформация — эффективный эпистемологический прием, но в действительности глагол транспонируется довольно редко. Часто номинализация используется непосредственно. Человеческому мышлению свойственна способность представлять любой элемент действительности в форме субстантивного понятия, поскольку именно в этой форме понятие может наилучшим образом закрепиться в сознании. Говорящий активно пользуется этой особенностью субстантивации, и не случайно номинализованные включенные элементы часто выражают тему высказывания.

Предикативные отношения в предложении дают яркий пример языковой асимметрии и континуума языковых форм.

2. Фразеологические единицы в свете асимметрии языкового знака*

Выше отмечалось, что фразеологическая единица характеризуется не с одной какой-либо стороны, но отличается от номинативных единиц других типов тремя аспектами, одновременное взаимодействие которых и создает специфику ФЕ. Она характеризуется со стороны формы (неоднородность), содержания (переносный характер значения) и функционирования (общезыковая употребительность).

Эти свойства ФЕ обусловлены тем, что в ее основе лежит совмещение двух типов асимметрии: парадигматической и синтагматической. В многокомпонентности проявляется синтагматическая асимметрия, а идиоматичности — парадигматическая. Это можно резюмировать следующим образом:

Вид асимметрии
отсутствие асимметрии

парадигматическая асимметрия
синтагматическая асимметрия
парадигматическая +
+ синтагматическая ассиметрия

Тип номинативных единиц
слово или словосочетание
в прямом значении
слово в переносном значении
аналитическое словосочетание
фразеологическая единица

* Расширенный вариант: Труды Самаркандского университета им. А. Навои. Вып. 277. Вопросы фразеологии. Самарканд, 1976.

Приведем пример из французского языка.

Парадигматика (значение)	Синтагматика (форма)	
	симметрия (синтетическая форма)	асимметрия (аналитическая форма)
симметрия (прямое значение)	promener (1) se promener	faire une promenade (= se promener)
асимметрия (переносное значение)	promener (2) перен. ~ sa main sur qch	envoyer promener qn

Глагол *promener* в прямом значении (1) значит «водить гулять»; *se promener* — «гулять». В переносном значении (2) он означает «водить, двигать чем-либо по чему-либо». *Promener sa main sur qch* *привести рукой по чему-л.* Это словосочетание не является фразеологизмом: в нем только глагол *promener* получает переносное значение. Перенос значения рассматривается как парадигматическая асимметрия (ср. русск. *водить гулять* подходит для перевода *promener* (1) и не подходит для *promener* (2)).

Faire une promenade (бука. «совершать прогулку») является неидиоматическим словосочетанием, равнозначным глаголу *se promener* «гулять». В нем сочетание двух элементов передает значение одного глагола. Это аналитическое выражение, отражающее синтагматическую асимметрию. Выражение *envoyer promener qn* (бука. «отправить кого-л. погулять») значит «отделаться от кого-л., прогнать, послать к черту» и является одновременно и двухкомпонентным и идиоматическим. Оно совмещает синтагматическую и парадигматическую асимметрию и из всех приведенных единиц только оно является фразеологизмом.

3. Асимметрия в социолингвистике*

Отношение между социумом и идиомом, который в нем используется, можно интерпретировать как отношение между функцией и средством и *mutatis mutandis* рассматривая идиом как означающее, а социум как означаемое. В принципе отношения между идиомом и социумом могут быть взаимно-однозначными, когда, например, в данной стране используется только данный язык и данный язык используется только в данной стране. Но такое явление чрезвычайно редко, если оно вообще существует. Обычно в одном социуме используется ряд идиом, тогда как один идиом может обслуживать ряд социумов. В этих случаях образуется своего рода асимметрия, сопоставимая с синонимией (возможность выбора среди ряда идиом внутри одного социума) и многозначностью (полифункциональностью — использование идиома в ряде социумов).

* Опубликовано в расширенном виде: Проблема соотношения между родственными языковыми образованиями в функциональном аспекте // Типология сходств и различий близкородственных языков. Кишинев, 1976.

Если в одном социуме используется ряд идиом, то возникают отношения парадигматической или синтагматической асимметрии. При парадигматической асимметрии социум (или даже отдельный человек) использует два и больше языков в разных функциях (вертикальное многоязычие). Например, эльзасцы во Франции в качестве языка бытового общения могут пользоваться эльзасским диалектом немецкого языка, тогда как в публичном общении они обычно используют французский язык. При синтагматической асимметрии два идиома осуществляют в пределах одного социума, выполняя, каждый в своем ареале, одинаковый набор функций. Таково, например, положение французского и нидерландского языков в Бельгии, немецкого, французского и итальянского языков в Швейцарии, где языки разделены лингвистическими границами, так что фактически в этих странах мы имеем дело с горизонтальным многоязычием, с двойным одноязычием в Бельгии и с тройным — в Швейцарии. Разработку в этом направлении можно продолжать дальше, выявляя разновидности асимметричных отношений и их переплетений при изучении языковой ситуации в разных обществах.

4. Асимметрия в лингвострановедении*

«Пространство культуры». В истории науки было немало попыток дать общее определение культуры, но они оказывались не вполне удовлетворительными ввиду расплывчатости и многомерности явлений, которые подводились под понятие культуры. Поэтому следует уточнить, что нами включается в понятие культуры, что входит в «пространство культуры».

Культура в отличие от природы — природы — включает в себя все то, что создано человеком. Чаще всего культуру делят на материальную и духовную. Материальная культура охватывает сферу материальной деятельности человека (орудия труда, жилища, одежда, средства транспорта и т. п.), духовная культура включает то, что относится к сфере сознания (нравственность, воспитание и просвещение, право, искусство, философия, мифология, религия и т. п.). Но именно эта популярная первичная классификация явлений культуры и приводит к запутыванию проблемы. В любой из отмеченных сфер можно найти элементы как материальной, так и духовной деятельности людей. Например, всякая одежда материальна, но в системе одежды в определенном обществе и в определенную эпоху проявляются и многие факты духовного характера (мода, символизация видов одежды, совместимость предметов одежды, синтагматика и парадигматика в одежде и т. п.). В свою очередь воспитание, обычно относи-

* Статья представляет собой в основном доклад на Международной конференции. См.: Диалог двух культур: Франция и Россия: Тезисы докладов Международной конференции 12–13 апреля 1994 г. Н. Новгород, 1994.

мое к духовной культуре, предполагает определенные материальные факты: воспитательно-учебные заведения, их оборудование и т. п. Ввиду этого представляется целесообразным различать сферы культуры — разные сферы жизни общества — и аспекты, проявляющиеся в разных сферах и отражающие продукты духовной или материальной деятельности людей. К сферам культуры относятся явления, перечисленные выше, и многие другие: общественное устройство, искусства, религия, право, жилище, одежда, питание и т. д. В каждой из сфер культуры можно различать четыре аспекта: артефакты (материальные продукты деятельности человека; формы организации, которые также представляют собой результат деятельности человека); идеологию (совокупность представлений, верований, символов и т. п., касающихся данной сферы культуры); поведение (общественно установленные действия и реакции членов социума). В истории культурологии были предложения различать три аспекта: институты, технологию и идеологию. С ними соотносимы выделяемые нами организация, артефакты и идеология. Но представляется целесообразным, особенно в виду предмета данного исследования, дополнить эти три аспекта сфер культуры четвертым — поведением. В некоторых культуроведческих построениях, особенно среди американских бихевиористов, предлагалась теория, согласно которой различаются и противопоставляются в их соотношениях три сущности: язык — культура — поведение. Такое противопоставление нам представляется неправомерным, так как социально обозначенное поведение человека представляет собой составную часть культурного пространства.

Однако поведение представляет собой не сферу культуры, а аспект, присущий всякой сфере культуры.

Соотношение сфер и аспектов культуры может быть представлено следующей схемой:

Культура

Аспекты	Сферы					
	искусство	религия	право	питание	одежда	и т. п.
артефакты						
организация						
идеология						
поведение						

Сферы в данной схеме намеренно представлены не в системном порядке. Границы между аспектами нечетки: например, ритуалы могут частично входить в аспект «организация», частично — в аспект «поведение». Но в целом схема дает представление о «пространстве культуры», то есть о том, какие явления входят в это обширное понятие.

Например, в сфере «религия» к артефактам относятся культовые сооружения, культовая утварь. Организация в этой сфере включает собственно иерархическую организацию данной религии в определенной стране, взаимоотношение государства, школы и церкви, а если в

стране несколько значительных вероисповеданий, то и взаимоотношение между различными конфессиями. К аспекту «организация» относится организация религиозной жизни в течение года (праздники, посты и т. п.), виды ритуалов (например, религиозное бракосочетание, похороны и т. п.), а также организацию каждого отдельного богослужения. Идеология в сфере религии — совокупность догм, вероучения, верования. И, наконец, поведение в этой сфере касается различных символических жестов, одеяния правоверных верующих, поведения в храмах и т. п. Например, католики крестятся не так, как православные, по-разному ведут себя представители этих конфессий, входя в храм. У христиан принято, чтобы мужчина, входя в храм, снимал головной убор, в некоторых других религиях, наоборот, он обязан входить в святое место в головном уборе, в русских православных храмах верующие во время литургии стоят, в католических — они сидят и прежде, чем сесть, входящий совершает коленопреклонение и т. д.

Аналогичные аспекты можно выделить и в сфере питания, и одежды. Например, артефакты в сфере питания — продовольственные продукты, кухонная утварь, оборудование, служащее для приготовления пищи, организация — распределение форм принятия пищи в течение года и в течение суток; идеологическая сторона представлена в том случае, когда прием пищи связан с какими-либо символами и обрядами: свадебный обед, деловой обед, поминки и т. п. К идеологическому аспекту относятся пищевые табу и предпочтения. И, наконец, поведение касается раскладки людей за столом, поведения в момент приема пищи и т. п.

Остается нам рассмотреть вопрос о соотношении языка и культуры, который широко обсуждался в науке.

В свете изложенного выше язык не должен противопоставляться культуре как нечто внешнее, он сам является одной из сфер культуры, поскольку он — создание человека. В языке имеются и элементы «натуры», природы, например, звуковой аппарат, управляющая речью доля мозга и др., но каждая сфера культуры отражает в конечном счете определенную естественную потребность человека и имеет в глубине биологическое обоснование.

Принадлежность языка к культуре подтверждается тем, что как в плане содержания, так и в плане выражения он является творением определенного человеческого общества, социальной сущностью.

В сфере языка также можно выделить те четыре культурных аспекта, о которых шла речь.

В аспект артефактов языка включаются разнообразные явления: слова и прочие языковые формы в их звуковой и письменной оболочке; недаром Витгенштейн, а за ним и Росси-Ланди и некоторые другие философы и лингвисты уподобляли элементы языка орудиям, разрабатывая орудийную теорию устройства языка и его функционирования. С другой стороны к артефактам (технологии) языковой сферы культуры относится все то, что способствует усвоению, правиль-

ному функционированию, совершенствованию языка: лингвистическую печатную продукцию (словари и т. п.), аудиовизуальные средства и т. п. Организационный аспект языковой сферы культуры проявляется в формах обучения языку и формах пользования речью (организация публичных выступлений, формы использования языка в информационных целях: устная и печатная пресса и многое другое). Идеологическая сторона языка отражается, так же как и технологическая, в двух моментах: в устройстве самого языка (семантический аспект языковых форм) и во взглядах общества на свой язык, в аксиологических моментах, в использовании языка в юридической функции и т. п. И наконец, поведенческий аспект в сфере языка состоит в следующих сторонах, которым, собственно, и посвящается основное содержание раздела:

- 1) вербальные реакции в конкретных культурных сферах и условиях;
- 2) общие тенденции (константы) языкового поведения, которые проявляются независимо от культурной сферы и отражают как общие закономерности построения высказывания на данном языке, так и свойственные данному социуму правила речеведения.

Наряду с вербальными реакциями имеют место и невербальные. Невербальное поведение — это жесты и поступки, не сопровождающиеся обязательным высказыванием. Вербальные реакции суть фразы, реплики, произносимые в определенной ситуации.

Тенденции речевого поведения представляют особый интерес в интеркультурном плане, так как знание их делает речь иностранца не только правильной, но и аутентичной: он ведет себя в диалоге и строит свою речь так, как это сделал бы в данной ситуации носитель языка. Правила речевого поведения формулируются не в жестких терминах, как грамматические правила, но скорее как тенденции, выявляемые с помощью приема симптоматической статистики (в терминах «больше»/«меньше», «чаще»/«реже»). Они относятся к области грамматики речи.

Асимметрия в сфере культурем. Итак, культура может рассматриваться как совокупность определенных знаков (культурем). Всякий знак представляет собой связь двух сторон — формальной (M) и содержательной (S), и он соотносится с определенным элементом действительности для выражения и обозначения некоторой реалии — предмета или ситуации (R). Мы будем принимать во внимание только те культуремы, которые имеют языковое выражение (устное или письменное). В таких культуремах языковой знак (M + S) является обозначающим, а реалия (R) — обозначаемым. Под реалиями понимаются все относящиеся к культуре: предметы, функции, обычаи, факты поведения и т. п.

Подобно значимым единицам языка, культуремы могут сопоставляться на уровнях их структурных компонентов: форм (M), содержания (S) и реалий (R). На этом основании можно логически исчислить

все важнейшие типы соотношения культурем, совпадающих или расходящихся в разных культурах.

Прежде чем перейти к анализу этих типов соотношений, необходимо остановиться на двух проблемах. Первая — это соотношение самих реалий в двух языках, вторая — способы выражения.

Что касается самих фактов культуры, то логически исчисляются четыре типа соотношения между ними:

Типы соотношений	Россия	Франция
1.	+	—
2.	—	+
3.	+	+
4.	—	—

В первом случае реалия, свойственная русской культуре, отсутствует во Франции, во втором — наоборот. В последнем данная реалия отсутствует в обеих культурах и она не представляет интереса для сопоставления. Третий тип кажется наиболее простым: реалия существует в обеих цивилизациях. Но это как раз наиболее сложный случай, так как сходные на первый взгляд реалии могут расходиться в частностях, которые оказываются релевантными в определенных ситуациях (образуются как бы «ложные друзья» на уровне реалий). Здесь возможны внутри одной реалии расхождения трех видов:

а) Устройство и функции реалий не совпадают в двух культурах. Например, понятие «мэрия» используется в обеих культурах, но парижская и московская мэрии различаются по функциям, системе избрания и т. п. Фактически обе эти реалии являются гипореалиями по отношению к гиперреалии «выборный орган городского самоуправления», несмотря на сходство наименований и основных функций.

б) Сочетаемость реалий различна в разных культурах. Примером может быть форма благодарности за угощение. В русском обычае принято говорить «Спасибо!» в конце еды, вставая из-за стола, во французском такая формула не используется, но гость выражает свою благодарность, расхваливая блюда «по мере их поступления» (см. Гак 1992, 83).

в) Различна частотность сходных реалий.

Расхождение культурем объясняется внешними и внутриязыковыми причинами. К внешним относятся исторические, этнопсихологические, климатические и тому подобные факторы. Среди языковых факторов характерными являются ситуативные номинации, о которых речь будет идти ниже, а также специфичные виды некоторых реалий. Например, особенности французского языка способствуют распространению некоторых видов языковых игр, в том числе и телевизионных, мало используемых или совсем не используемых в России. Такая французская реалия, как ежегодные соревнования по прописанию, проводимые журналистом Пиво, мало вероятна в России ввиду меньшей прихотливости русской орфографии. Даже француз-

ские кроссворды делаются не так, как русские, что в значительной степени объясняется особенностями языков.

Для определения культурыемы большое значение имеет ее распространенность. Несомненными культурами являются те, которые свойственны только одному социуму. Есть реалии, которые присущи ряду социумов, но отсутствуют в одном из сопоставляемых. Например, до перестройки экономической жизни в СССР с его социалистическим укладом отсутствовали многие реалии (в организации банковского дела, торговли и т. п.), которые были свойственны Франции, но имелись и в других европейских странах. Такие реалии можно назвать частными (они характерны для группы стран, но отсутствуют в своей стране).

Культурыемы легко заимствуются из одной культуры в другую. Банкоматы, электронные карточки, «Макдоналдсы» и многие другие явления, которые несколько лет назад были неизвестны в практической жизни в России и могли рассматриваться как зарубежные реалии, в настоящее время привились и в нашей стране. Следует ли подобные явления относить к объектам лингвострановедения? Являются ли для французов русской реалией такие элементы русской кухни, как блины, пирожки, уже широко известные во Франции и чьи русские названия уже утвердились во французских словарях?

Другая проблема, по поводу которой могут быть разные мнения, касается различного наименования одних и тех же реалий в двух языках или различного членения реалий. Например, Первая Мировая война во французском языке имеет, помимо обозначения la Première Guerre mondiale разговорное обозначение la Grande guerre, букв. «Великая война». Следует ли это второе обозначение считать лингвострановедческим явлением или только лингвистическим? Разумеется, коннотации, которые эта война вызывает в сознании французов и русских, различны. В сознании русских людей она была перекрыта еще более жестокой и затяжной Гражданской войной, затем несравненно более тяжелой Отечественной. Именно эта война, а не первая мировая получила в русском языке название «Великой». В сознании французов первая мировая война осталась самой крупной из всех, которые они вели в XX веке, она окончилась для них победоносно, и до сих пор день перемирия (11 ноября) является официальным французским праздником. Но эти особенности, которые полезно знать, относятся к самому объекту, вернее к его восприятию национальным сознанием, тогда как сама реальность присутствует в обеих культурах: нельзя сказать, что первая мировая война — специфически французская культураема. Или же культуруему здесь надо видеть не в самом историческом факте, а в ассоциациях, которые она оставила в сознании двух народов.

Различия в наименовании одних и тех же реалий часто объясняются разной внутренней формой наименования, принятой в разных языках. Внутренняя форма представляет собой признак объекта, взятый за основу наименования. Вечный огонь на могиле Неизвестного солдата зажигают для увековечения памяти погибших в войне. В рус-

ском языке в качестве основы наименования был взят признак «вечный», во французском — признак «память» la Flamme du souvenir (букв. «пламя памяти»). Кроме того эту реалию называют la Flamme de l'Arc de Triomphe (по месторасположению) или сокращенно la flamme. Мы не будем останавливаться здесь на вопросе, почему в русском языке было избрано понятие «огонь», тогда как во французском «пламя», но считать это французское наименование полезно, потому что дословный перевод с русского le feu éternel мог бы оказаться двусмысленным, поскольку во французской религиозной традиции это словосочетание означает «адский огонь, вечные мучения». (В свою очередь feu d'enfer (букв. «адский огонь» значит «сильный огонь».) Разумеется, контрастные ассоциации между двумя «вечными огнями» несколько различаются. Французская могила неизвестного солдата стала алтарем национального патриотизма, здесь устанавливаются для прощания тела умерших видных военачальников, мимо нее маршируют победоносные войска. В свою очередь, к московскому вечному огню у могилы неизвестного солдата приезжают молодожены. Но сама реальность аналогична и различие между языками состоит в способе наименования.

Само по себе различие в наименовании не дает основания для выделения разных культурных реалий. Такие расхождения часто относятся к специфике языкового членения мира, но не к различиям культуры. Вряд ли можно считать культуруемой тот факт, что во французском языке одним словом verre обозначается то, что в русском двумя — *стакан* и *рюмка*, или то, что одному слову *космонавт* во французском соответствуют два: *cosmonaute*, *astronaute*. Аналогично можно было бы видеть культуруемы в том факте, что одному слову *палец* во французском соответствуют два: *doigt* и *orteil* (на ноге). Культурную значимость понятия «пальцы» можно усматривать во внеязыковом плане: на разных пальцах в двух цивилизациях носят обручальное кольцо, по-разному их загибают при счете, но к лингвострановедению в собственном смысле это не имеет отношения: это касается национальных особенностей поведения в конкретной ситуации.

Сказанное выше показывает, что само понятие культурыемы как объекта лингвострановедения требует уточнения. Решающим являлось не способ обозначения, но конкретное устройство и функционирование данной реалии и наличие связанных с ней определенных ассоциаций в сознании носителей языка.

При сопоставлении культурем двух языков обнаруживаются факты симметрии и асимметрии. В первом случае функции и значения совпадают, аналогичными являются и способы наименования данной реалии (прагмемы). Такие факты не представляют трудностей в изучении чужой культуры и отражающего ее языка.

Трудности лингвострановедческого характера могут возникнуть при асимметрии — несходстве самих явлений или их наименований. С точки зрения структуры знака асимметрия может проявляться в трех планах: семиотическом, парадигматическом и синтагматическом на каждом уровне знаковой структуры (R, S и M).

А. Асимметрия в семиотическом плане заключается в отсутствии одного из компонентов знакового отношения: обозначаемого или обозначающего. Здесь возможны два случая.

1) Данная реалия присутствует только в одной из сопоставляемых культур, в другой культуре и, следовательно, в другом языке она не имеет специального обозначения (в случае необходимости обозначение заимствуется из другого языка либо используется дословный или объяснительный перевод). К таким реалиям относятся многие виды пицци, одежды, формы организации быта и др. Например: *fondue* — блюдо из плавленого сыра с вином, в которое обмакивают кусочки хлеба; *aigé* — место для отдыха, куда съезжают с автострады; *fin de série* (в магазинах одежды) «остаток серии», товар заканчивающегося сезона; *livres d'analogues* (в аптеках) «книга аналогов», по которым можно установить французский аналог нужного лекарства (в российских аптеках почему-то такие справочники не используются; это можно рассматривать как реалию частотности). У входа французских кинотеатров можно было видеть объявление *Spectacle permanent* — демонстрация фильмов без перерыва или *Le grand film passe vers 18 heures* — основной фильм начинается в 18 часов. Для понимания этих обозначений нужно было знать, что фильмы могут демонстрироваться без перерыва и что между сеансами основного фильма показываются киножурналы и т. п. Иногда названия подобных реалий прозрачны по своей форме и позволяют иностранцу сразу же опознать реалию, отсутствующую в его собственном социуме. Уличный знак *Stationnement alterné semi-mensuel 16-31; 1-15* понимается без труда: в первой половине месяца машину следует ставить на правой стороне улицы, во второй — на левой. Более трудны для понимания обозначения переносного характера, где проявляется идиоматическая связь обозначающего и обозначаемого: знак *Fin de zone bleue* букв. «конец голубой зоны» окажется непонятным, если иностранный водитель не знает, что «голубой зоной» во Франции называют зону с ограниченными временем стоянки автомобилей. Подобные случаи относятся к этнокультурным лакунам (см. *Муравьев*).

К таким реалиям относились многие предметы быта, достопримечательности и т. п., которые, однако, в течение времени получили русские наименования, например: *Le Louvre* Лувр; *Notre-Dame de Paris* Собор Парижской Богоматери (перевод неточный, но укоренившийся в русском языке; правильное: Парижский Собор Богоматери); *каматбер*, *рокфор* (сорта сыра) и т. п.

2) Данная реалия присутствует в обеих культурах, но в одной из них она лексически не обозначается, тогда как в другой она получает часто ситуативное обозначение. Такой тип можно отнести к лакунам номинации. Французская культурная среда вообще более «информативна», чем русская, в том смысле, что там часто обозначаются объекты, которые существуют и в России, но не имеют специального обозначения. Например, эскалаторы в метро существуют и в Париже, и в Москве (еще чаще, чем в Париже). Но перед парижским эскала-

тором можно видеть надпись *Escalier roulant* (или *mécanique*). На стоянке такси в Париже также можно видеть надпись *Tête de station* «начало стоянки», тогда как в русском обиходе используется знак «Т» или «Такси» без уточнения начала стоянки (это ясно само собой).

Два типа соотношения (S_1 — совпадение; S_2 — расхождение) на трех уровнях семиотической структуры позволяют исчислить шесть общих типов расхождений в выделении и в наименовании реалий:

1. R (1) — S (1) — M (2)
2. R (1) — S (2) — M (2)
3. R (1) — S (2) — M (1)
4. R (2) — S (1) — M (2)
5. R (2) — S (1) — M (1)
6. R (2) — S (2) — M (1)

Два из восьми логически исчислимых типов: R (1) — S (1) — M (1) — полное совпадение и R (2) — S (2) — M (2) — полное расхождение не представляют в данном случае интереса для анализа.

Б. Парадигматическая асимметрия обнаруживается в тех случаях, когда в двух культурах присутствует и обозначаемое и обозначающее, но имеется расхождение на одном из уровней знаковых отношений: на уровне реалий, значений или самих знаков. Здесь также можно различать ряд случаев. Знак (1) показывает совпадение в двух языках, знак (2) — расхождение.

1) R (1) — S (1) — M (2). В этом случае расхождение между двумя языками выражается только в форме номинации. Функция и значение номинации параллельны. Различие в номинации проявляется в ее внутренней форме или в ее структуре. Первое мы видели на примере обозначения могилы Неизвестного солдата. Приведем еще пример. Высококвалифицированное швейное искусство призвано устанавливать моду и производить модные вещи. Во французском наименовании за основу взято понятие «швейное искусство» — *la haute couture*, в русском — понятие «мода» — *высокая мода*.

При одной и той же внутренней форме возможны расхождения номинаций во внешней форме, например, *Objets trouvés* и бюро (стол) находок. Особенно характерны ситуативные номинации (*Гак* 1974). В русском языке, ввиду наличия падежных окончаний, номинация как правило содержит и предлог, поскольку в речи существительное выступает в предложно-падежной форме при указании на назначение или местонахождение объекта. Во французском языке предлог может быть опущен и ситуативное обозначение принимает форму номинативного предложения, указывающего на наличие предмета. Так, в магазинах назначение отдела в русском языке будет обозначено формулами: *Товары для детей*, *Товары для мужчин*, тогда как по-французски достаточной формулой будет *Enfants*, *Hommes*. На вокзале: *Trains de banlieue* К пригородным поездам, на платной автостраде: *Poids-lourds* Для грузовых машин; в парикмахерской: *Messieurs* Мужской зал.

2) R (1) — S (2) — M (2). Сходные функции осуществляются при помощи разных реалий или сходные предметы при помощи слов с разным объемом значения. Например, чтобы перекусить «на ходу» москвич покупает пирожок, ватрушку, тогда как парижанин — *beignet* (оладью с запеченным ломтиком яблока), сэндвич или *hot-dog*. Знание таких функциональных аналогий может оказаться полезным практически и при переводе. В практике перевода может возникнуть потребность в адаптации (*Vinay, Darbelnet, 258–267*), то есть замене реалий одной страны функционально подобной реалией другой страны. Например, во фразе из чеховского «Крыжовника» *Он читал одни только объявления о том, что продаются столько-то десятин пашни* слово *десятина* переведена во французском издании словом *arpent* (старинная французская мера площади, вдвое меньше десятины). Поскольку точное количество земли здесь не имеет значения, русская реалия заменяется французской для сохранения привычных для французского читателя предметных отношений.

Аналогичное знаковое отношение обнаруживается и при использовании в одной и той же функции обозначений, различающихся по объему значения. Например, *Complet!* может быть равнозначным русскому и «Мест нет» (в автобусе) и «Все билеты проданы» (в театре). Русскому выражению *Вербное воскресенье* соответствует французское *Dimanche des Rameaux*, где *Rameaux* обозначает ветки вообще, а не только вербы.

3) R (1) — S (2) — M (1). Подобное соотношение может проявляться в том случае, когда заимствованное слово употребляется в более узком (или широком) значении, чем в исходном языке. Например, русское *ателье* является гипонимом по отношению к французскому *atelier*, и при обозначении пошивочного ателье два языка используют термины разного объема значения.

Мы рассматривали случаи, когда по-разному обозначаются или реализуются сходные функции. Перейдем к тем фактам, когда речь идет о разных функциях или о разном устройстве реалий (R2).

4) R (2) — S (1) — M (2). В данном случае наблюдается функциональное или конструктивное различие сходных реалий. Можно различать два подтипа таких расхождений. Сходные на уровне гиперонимии реалии различаются по конкретному устройству и функции. Так, во Франции и в России используются многообразные проездные билеты (S1). Но *carte orange* (месячный билет с правом проезда и на пригородных поездах за особую плату) и *coupon jaune* (недельный проездной билет) не соответствуют точно русскому проездному билету. При сходстве общего понятия французские и русские реалии отличаются по способу приобретения и использования. Французское *cartet de tickets*, хотя и переводится «билетная книжечка», представляет собой не книжечку с отрывными билетами, а стопку из десяти отдельных билетов. И здесь общее понятие (S1) охватывает предметы, устроенные и используемые различным образом (R2).

Немало подобных асимметричных структур встречается среди политических реалий. Например, Национальное Собрание во Франции

и Государственная Дума в России совпадают на уровне гиперреалий (S1), общего значения («нижняя палата законодательного органа страны»), но различаются по способу формирования, своим конкретным функциям и т. п.

Указанные знаковые отношения могут быть причиной ошибок при переводе, когда внутри одной гиперреалии производится перенос с одной частной реалии на другую. Такое явление нередко обнаруживается при переводе элементов, относящихся к церковной обрядности: переводчики подгоняют католические реалии к православным, и наоборот. Например, слово *ostensoir*, обозначающее в католическом обряде сосуд в виде звезды или башенки, в котором во время религиозных процессий выносятся гостии или мощи (Христианство, 291), во француско-русских словарях переводилось словами *дарохранительница* или *дароносица*. Это неправильно, поскольку последним двум предметам, имеющим иное назначение и используемым в обеих конфессиях, соответствуют французские наименования: *tabernacle* и *custode*, тогда как для перевода *ostensoir* в русском языке используется заимствованный термин *монстранция* (*монстранца*). Лексикографы переводили, исходя из принадлежности этих трех реалий к общей гиперреалии «священные сосуды» (S1), игнорируя различия между ними.

Другой случай, пожалуй, еще более распространенный, имеет место тогда, когда одни и те же объекты в разных культурах могут получать разную функциональную нагрузку либо иметь различные коннотации. Омела (*le gui*) и верба (*le saule*) известны и в русской и во французской флоре, но они играют различную роль в народной символике, в бытовой обрядности. Во Франции омела связывается с религиозными представлениями древних галлов, в настоящее время — с празднованием нового года. Верба в России используется в религиозной символике (*Вербное воскресенье*) и воспринимается как символ наступающей весны.

5) R(2) — S(1) — M(1). Этот случай подобен предыдущему с той разницей, что он касается заимствованных или интернациональных слов. Такие слова выражают одно и то же общее понятие, но реальная реализация этого понятия в двух социумах не совпадает в подробностях. Еще акад. Л. В. Щерба говорил, что «наш *прокурор* не то же самое, что прокурор в буржуазных странах, но тем не менее, мы переводим его словом *procureur*, и так в бесконечном ряде случаев» (Щерба, 8).

И действительно, таких случаев немало: слова *мэр* и *maire*, *солдат* и *soldat*, *сенат* и *sénat* сходны по форме и выражают общее понятие (соответственно «выборный глава города», «рядовой воин», «верхняя палата законодательного собрания»), но в действительности обозначаемые ими реалии имеют множество различий, и неправильно было бы думать, что вербовка и служба русского и французского солдата проходит одинаково, что одинаковы прерогативы и способ формирования французского и русского сената и т. п. Здесь мы имеем дело о «ложными друзьями» лингвострановедения.

6) R(2) — S(2) — M(1*). Знаком * отмечается не формальное этимологическое совпадение слов, как в случае с *ателле* или *солдат*, а использование слов, которые в прямом значении в двух языках эквивалентны, но в реальности выражают разные понятия и указывают на разные реалии. В течение многих лет французско-русские словари переводили la Semaine de la Passion как *Страстная неделя*, превращая это выражение в синоним словосочетания la Semaine sainte (букв. «Святая неделя»). Между тем выражение la Semaine de la Passion, несмотря на его буквальное значение («Страстная неделя»), обозначает не Страстную неделю, но неделю, предшествующую Страстной. Здесь мы имеем два типа межъязыковой асимметрии: разные значения выражения «Страстная неделя» в двух языках (межъязыковая многозначность) и обозначение Страстной недели разными выражениями (межъязыковая синонимия).

В. Асимметрия в синтагматическом плане заключается в том, что предметный ряд в своей континуальности делится различно в двух социумах. Два смежных явления, составляющие части одного процесса, могут обозначаться одним термином в одном социуме и различаться разными наименованиями в другом. Показательным примером такого рода может являться религиозный термин *Снятие с креста*. Ему во французском языке соответствуют два выражения: La Descente de Croix (тело Иисуса, поддерживаемое Иосифом Аримафейским, в вертикальном положении спускается с креста) и la Déposition de Croix (тело Иисуса лежит у основания креста). Следующий этап (Иисус лежит на смертном одре) называется одинаково в двух языках — *Оплакивание Déploration*. Таким образом, два этапа, которые по-французски называются различно, в русских религиозных реалиях объединяются единым обозначением. Между тем эти различия существенны, ибо указанные термины используются в качестве названий картин. Так, Ван дер Вейден, Рубенс, Рембрандт изображали descente de Croix, в то время как на картинах Фра Анджелико, Тициана, Веронезе, Караваджо мы видим déposition de Croix. По-русски все эти картины носят одно и то же название: *Снятие с креста*. Поэтому при переводе с русского на французский необходимо знать изображаемую ситуацию.

Таковы основные типы знаковых отношений в структуре культур, имеющих языковое выражение, а также типы межъязыковых расхождений в этой сфере. Подобного рода семиотический подход позволяет более точно и всесторонне сопоставлять реалии двух культур и их словесные обозначения.

Гак В. Г. Ситуативные обозначения в страноведческом аспекте // Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка иностранцам. М., 1974.

Гак В. Г. Сопоставительная прагматика. ФН, 1992, № 3.

Муравьев В. Л. Проблемы возникновения этнографических лакун. Владимир, 1980.

Христианство: Словарь. М., 1994.

Щерба Л. В. Предисловие ко второму изданию Русско-французского словаря. М., 1969.

Vinay J.-P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. P., 1958.

5. Компенсация асимметрии. Вид в русском языке*

В любой грамматической категории встречаются формальные лакуны, асимметрия форм. Некоторые глаголы дефективны: не имеют предусмотренной системой форм. В таком случае может возникнуть вопрос о компенсации — поиске средств для выражения нужного значения. Так, глагол *победить* не употребляется в 1 лице ед. числа, и если нужно выразить данное значение, приходится прибегать к различным перифразам, синонимам и т. п. Например: *Если я одержу победу, буду победителем, выиграю* и т. д.

Особенно часто приходится искать средства компенсации для выражения видовых значений, поскольку в русском языке многие глаголы не имеют видовых пар. Можно, например, отметить такую особенность русской речи: основной, стилистически нейтральный глагол имеет обе видовые формы, тогда как его просторечные эмоционально окрашенные синонимы обладают только одной видовой формой. Например:

убивать/убить, но только СВ: *укокошить, угрохать, уложить* (на месте), *пристукнуть, пришить, кокнуть*;

напиваться/напиться, но только СВ: *клякнуться, подвыпить, наклюкаться, налимониться, назюзюкаться, нализаться, нарезаться; красть/украсть*, но только СВ: *свистнуть, слямзить, сбондить*.

Стремясь преодолеть асимметрию, говорящий может совершать ошибки.

Асимметрия может проявляться на уровне формы, содержания или функционирования.

Асимметрия на уровне формы имеет место в том случае, когда в языке нет соответствующей видовой формы. Например, на заседании Госдумы (в мае 1997 г.) председательствующий сделал замечание одному активному депутату: *Угомонитесь*, (имя рек)!, на что тот ему ответил репликой: *Угомониться будете вы*. В данном случае говорящий хотел использовать «реплику-эхо», часто звучащую в ответе на замечание (например: *Замолчите! — Замолчите сами!*). Ему нужно было употребить ту же форму: *угомониться*, но форма совершенного вида с глаголом *быть* не употребляется, а несовершенного вида

* Иной вариант: Функциональные видовые пары в русском языке // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1966.

(*угомоняться) этот глагол не имеет. Говорящий мог выйти из положения с помощью модального слова. Модальные глаголы, подчеркивающие интенцию действия, употребляются с глаголами обоих видов. Например: *Угомониться следует (нужно) вам!*

Асимметрия на уровне значения обнаруживается в том случае, когда форма соотносительного вида в языке имеется, но она не обладает нужным значением. Глаголы, особенно многозначные, в разных видах имеют нередко различную структуру значений. В передаче по радио журналист вел беседу с супружеской парой русских староверов из США, побывавших на исторической родине. Жена сказала: — *Те люди, которые нас вызвали* (очевидно, вместо *пригласили*), *с нами очень хорошо обратились*. Согласно словарю МАС, глагол *обратиться* имеет 4 значения, которые не воспроизводятся в форме СВ. Данное значение «вести себя по отношению к кому-л., чему-л.» входит в их число. Преодолеть асимметрию в данном случае можно с помощью синонимической замены, употребив глагол: *отнеслись к нам, обошлись с нами, приняли нас* и т. п.

Заметим, что в первом случае синонимическая замена была невозможна из-за необходимости употребить «реплику-эхо».

Асимметрия значения может проявляться в том, что вообще глагол имеет обе формы вида в данном значении, но в конкретном словосочетании одна из форм неупотребительна.

Между одним видным деятелем культуры и интервьюировавшим его журналистом произошел такой диалог:

— Вам выказали свое почтение монархи и президенты многих стран...

— Я часто повторяю, что короли — тоже люди, тем более, что со многими я был знаком до того, как они понесли корону.

Глагол *понести* входит в целый ряд речений, в которых он чередуется с формой НСВ *нести*: *(по)нести наказание; (по)нести потери* и др. Однако со словом *корона* обычно употребляется форма ненаправленного движения: *носить корону*. Начинательное значение не может здесь быть выражено глаголом *понести*. Опять же в этом случае следовало использовать синонимическое средство выражения: *надели корону; стали королями* и т. п.

И, наконец, асимметрия функционирования выступает в том случае, когда существуют обе формы вида, именующие одинаковое значение, но одна из них гораздо менее употребительна. В русском языке это довольно частое явление. Нередко только одна видовая форма сопровождается в словарях подробной разработкой и примерами, тогда как в отношении другой лексикограф ограничивается отсылкой к другому виду, не приводя никаких примеров, по-видимому из-за того, что такие примеры найти непросто. Например, для глагола *уцепиться* словари дают НСВ *уцепляться*, тогда как форма *цепляться* рассматривается как глагол, не имеющий видовой пары. Однако, в реальной речи скажут: *Чтобы не упасть в реку, дети уцепились за ветки* (СВ) и *...цеплялись* (НСВ — а не *уцеплялись*) *за ветки*. Форма

уцепляться в ССРЛЯ трактуется как редкая и не сопровождается примерами. Таким образом, если в грамматической системе устанавливается соотношение *уцепляться* (НСВ) — *уцепиться* (СВ), то в реальной речи говорящие используют пару: *цепляться* (НСВ) — *уцепиться* (СВ). Асимметрия достигается не с помощью синонимической замены, но использованием другой формы того же глагола (*цепляться* вместо *уцепляться*).

Итак, существует два общих способа компенсации асимметрии. Первый способ — замена данной лексемы другой, которая может употребляться в нужной видовой форме (*отнестись к* вместо *обратиться к*). Сюда относится, в частности, и замена глагола глагольным словосочетанием: *восторгаться* (НСВ) — *прийти в восторг* (СВ).

В этом случае наряду с формальными видовыми парами образуются речевые, функциональные видовые пары: *цепляться* — *уцепиться*; *восторгаться* — *прийти в восторг*. Правда, симметрия восстанавливается в речи ценой установления асимметрии на уровне системы, так как один вид обслуживается одной формой, а другой — двумя

НСВ	СВ	
восторгаться		}
приходить в восторг	прийти в восторг	

Второй способ — сохранение лексемы, при условии ее постановки в окружение, позволяющее выразить нужное видовое значение. Мы видели это выше на примере использования модальной формы для выражения несовершенного вида.

В языке существует целая система индикаторов СВ и НСВ. Например, для выражения повторяемости действия (НСВ) вместо *каждый день* можно употребить оборот *дня не проходит*, который допускает использование формы СВ. Например: *Он напивается* (НСВ) *каждый день* — *Дня не проходит, чтобы он не напился* (СВ). В последнюю конструкцию можно поместить глагол СВ, не имеющий видовой пары (НСВ): *Дня не проходит, чтобы он не нализался*. Для преодоления видовой асимметрии используются разнообразные обстоятельственные обороты, придаточные предложения, слово *бывало* и другие средства.

Рассмотрим подробнее эти приемы:

В исследованиях по глагольному виду упор делается обычно на изучении значений видовых форм и условий их употребления. Анализ касается, следовательно, преимущественно функционально-семасиологического аспекта. В новейших трудах по аспектологии, в рамках функциональной грамматики, наметился и ономазиологический подход к изучению видовых форм — от выражаемого значения к способам выражения (Теория функциональной грамматики 1987). Тем не менее контекстуальные и ситуативные корреляции способов выражения значений совершенного и несовершенного видов, так же как и

способы компенсации отсутствующих или малоупотребительных форм, рассматриваются недостаточно.

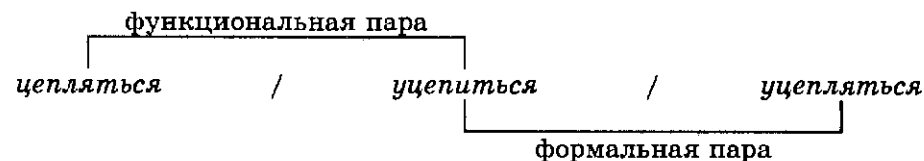
Приведенный пример с глаголом *уцепиться* далеко не единичен. Рассмотрим, например, глагол *переменить*. Словарь ОШ не дает к нему коррелята несовершенного вида (форма *переменять* в нем отсутствует). МАС указывает два: *менять* и *переменять*, однако ни одного примера на *переменять* не приводится, что можно интерпретировать как малоупотребительность формы. Так же можно трактовать и отсутствие этой формы в ОШ. Возможно, что и в том факте, что *переменить* имеет в МАС два значения (тогда как *переменять* — только одно), можно тоже видеть своего рода асимметрию, уже семантического порядка: форма НСВ оказывается менее значимой в языке, чем форма СВ у данного глагола. Действительно, если попытаться поставить в ситуацию несовершенного вида высказывание, приводимое в словарях с глаголом *переменить*, то форма *переменять* окажется невозможной или же менее приемлемой, чем безпрефиксный глагол *менять*.

Например: *Она переменяла постельное белье*, но вряд ли удачной будет фраза в ситуации с несовершенным видом: *Она переменяет (?) постельное белье по субботам* (нормально: *меняет*). МАС отмечает как видовую пару и *менять/переменить* и *переменять/переменить*. Однако второй вариант не подходит примерам, цитируемым в этом словаре или в ОШ (в нашей статье исходные примеры взяты или адаптированы из словарей МАС и ОШ): *Переменить книгу в библиотеке*, но: *Каждую неделю она ходит в библиотеку менять (переменять?) книгу*; *Переменить работу*, но: *Он часто меняет (переменяет?) работу*; *Переменить колесо*, но: *Машина в порядке, не надо менять (переменять?) колесо*; *Мама, перемени мне повязку*, но: *До понедельника можно не менять (переменять?) повязку*. То же касается и возвратной формы *переменяться/перемениться*. ОШ приводит без всяких комментариев *переменяться* в качестве коррелята НСВ к *перемениться*. Но его трудно приспособить к примерам, приводимым при форме СВ: *Погода переменялась*, но: *В тот год погода часто менялась (переменялась?)*. МАС отмечает три значения для формы НСВ. Первое определяет как соответствие НСВ первому значению *перемениться* 'стать иным, измениться' и // разг. 'смениться другим'. Но вряд ли можно к примерам: *Тема разговора переменялась*; *Жизнь переменялась // Директор школы переменялся* предложить варианты НСВ с *переменяться*: *То и дело переменялась (?) тема разговора*; *Повсюду быстро переменялась (?) жизнь*; *В этой школе директора переменяются (?) каждый год*. Во всяком случае, *меняться* в этих контекстах выглядит более естественным. То же касается и третьего значения глагола *перемениться* 'поменяться друг с другом' (разг.), к которому МАС дает в качестве параллели НСВ *переменяться*: «Катюша быстро переменялась местами с Нехлюдовым»; ср. *В этой игре участники переменяются местами* (не лучше ли *меняются, обмениваются?*). Представляется, что даже в разговорной речи в этих контекстах *меняться* более приемлемо, чем *переменяться*. Выделяемое в

МАС второе значение глагола *переменяться* 'чередоваться', не имеющее соответствия у перфективного *перемениться*, иллюстрируется цитатами из Аксакова и Гаршина и носит несколько устаревший характер. Показательно, что в ОШ это значение у глагола не выделяется. Равным образом и многие приводимые в словарях примеры с глаголом *сменять*, определяемым как имперфективный коррелят к *сменить*, при трансформации в высказывание, соотносящееся с имперфективной ситуацией, легче допускают *менять*, нежели *сменять*. Например: *Сменить фамилию* и *Никто не в праве произвольно менять (сменять?) фамилию*. МАС дает видовую пару *переменить(ся)/перемять(ся)*, но и здесь возможность употребления формы НСВ является ограниченной, ср.: *Складки перемялись*; *Перемять траву* и *При небрежном хранении складки одежды переминались (?)*; *Каждый год прохожие переминали (?) всю траву на газоне*.

Можно отметить два типа расхождений между структурными и функциональными видовыми парами.

В первом случае в языке существует триада: отдельный безпрефиксный глагол НСВ и префиксальная видовая пара НСВ/СВ, где обычно несовершенный вид образован суффиксально от совершенного вида. В речи в качестве наиболее узуальной пары функционирует беспривставочный глагол НСВ и образованный от него приставочный СВ. Что касается приставочного глагола НСВ, то он выступает как менее употребительный стилистически отмеченный вариант, порой архаический, порой разговорный. Это соотношение может быть представлено такой схемой:

Во втором случае приставочный глагол СВ рассматривается как перфективный коррелят к беспривставочному глаголу НСВ. Но этот последний имеет особый имперфективный вариант, образованный путем суффиксации. Так трактует, например, МАС глаголы *менять*, *переменить*, *переменять*:

В обоих случаях беспривставочная и приставочная форма НСВ выступают как синонимы, но неравнофункциональные, поскольку возможности их реализации в речи не одинаковы. Положение осложняется еще более, когда беспривставочный глагол НСВ имеет «свой соб-

ственный» префиксальный перфективный вариант, например *поме-
нять* при *менять*. Образуются синонимические пары как в НСВ, так
и в СВ. В существующих толковых словарях русского языка недоста-
точно обращается внимание на возможное расхождение между ком-
понентами формальной видовой пары в речевой реализации.

Рассмотренный случай — лишь одно из проявлений функциональ-
ных видových пар. Нередко к данному глаголу невозможно подобрать
однокоренной коррелят с противоположным видовым значением. Но
язык устроен таким образом, чтобы на нем было возможно выразить
все, даже то, для чего нет готовых слов или форм. Перефразируя сло-
ва поэта, можно сказать, что «улица не должна корчиться безъязы-
кая, так чтобы ей нечем было кричать и разговаривать». Ниже будут
рассмотрены некоторые типы функциональных видových коррелятов,
выходящих за рамки однокоренных глаголов.

Основное значение вида состоит в выражении предельности/непре-
дельности (лимитативности/нелимитативности) действия. Следова-
тельно, необходимо рассмотреть формы выражения при переходе от
предельного действия к неопредельному и обратно, иначе говоря, от
НСВ к СВ и от СВ к НСВ. Для более полного исследования этого во-
проса было бы естественно исходить из инвентаря подзначений НСВ
и СВ, прослеживая, как каждое из них выражается в случае отсутст-
вия лексического видového коррелята. Но рамки статьи не позволяют
провести подобный анализ и мы ограничимся самыми общими на-
блюдениями.

Следует различать функциональные пары и компенсационные
средства при выражении вида. Последние позволяют использовать
данную видовую форму при обозначении ситуации, которая обычно
отображается формой противоположного вида.

Отмечаются три типа функциональных видových пар:

1) бесприставочный непарный глагол/приставочный глагол. Такой
тип проиллюстрирован выше.

2) глагол/глагольно-именное сочетание, которое может употреб-
ляться в двух видах: *закласть/отдавать* (*отдать*) *на заклатие*.

3) два глагольно-именных сочетания, образующие функциональ-
ную (речевую) видовую пару: *сажать пятна / посадить пятно* (с
семельфактивным оттенком). Тот факт, что эти словосочетания со-
ставляют речевую видовую пару, подтверждается, в частности, тем,
что они могут соответствовать двум видам синонимичного глагола (ср.
пятнать/запятнать) либо переводиться одним глаголом на другой
язык (например, франц. *tâcher*).

В первых двух случаях в качестве видových коррелятов могут быть
использованы соответствующие формы синонимичных глаголов или
словосочетаний. Так, для глагола *очнуться* имперфективным соответ-
ствием может стать выражение *приходить в чувство (в себя)*. Глагол
очутиться не имеет формы НСВ, но его имперфективной параллелью
может быть форма СВ от его синонима *оказываться/оказаться*:
Очутиться в неловком положении (СВ) → *Всякий раз, когда он ока-*

зывается в неловком положении (НСВ)... В свою очередь в некоторых
ситуациях перфективным соответствием для *оказаться* может стать
форма НСВ от его другого синонима *обнаруживаться/обнаружиться*:
В кошельке не оказалось денег → *Всякий раз, когда в кошельке не
обнаруживается денег*... Таким образом, формируются «многоступен-
чатые» видовые корреляции в речевой реализации (горизонтальные
линии отмечают формально-функциональные пары, косые — функ-
циональные):

СВ	НСВ
<i>очутиться</i> _____	нет
<i>оказаться</i> _____	<i>оказываться</i>
<i>обнаружиться</i> _____	<i>обнаруживаться</i>

Если у глаголов *очнуться* и *очутиться* нет вообще коррелирую-
щих форм вида (в данном случае НСВ), то глаголы *оказаться* и *обна-
ружиться* обладают обеими формами, и тем не менее в речи иногда
используются в качестве видových соответствий компоненты различ-
ных формальных пар. Так, существуют видовые пары: глагол *холо-
дать/похолодать* и синонимичное ему словосочетание *становить-
ся/стать* холоднее, но в речи более узуальной представляется без-
личная пара *становится холоднее / похолодало*, чем *холодает/похо-
лодало*.

Помимо собственно глагольных форм вида язык располагает це-
лым рядом средств, позволяющих выразить необходимое видовое зна-
чение. Такие видовые значения как предельность/непредельность,
точность/длительность, однократность/повторяемость и другие
фактически выражаются предложением в целом. Конечно, наличие в
русском языке сложной и разветвленной морфологической категории
глагольного вида побуждает исследователя сосредоточить внимание
прежде всего на глаголе. Между тем значение вида выражается в
«пространстве» предложения в целом, что имеет место, в частности, в
языках, где нет морфологического глагольного вида. Вид — обяза-
тельная характеристика процесса, и если в языке нет морфологиче-
ского вида, то он проявляется как лексико-семантическая категория,
выражаемая в предложении единицами разных уровней. Видовое
значение реализуется в высказывании взаимодействием значения за-
лога со значением глагольного времени и распространителей глагола
(обстоятельств, дополнений). В выражении видových значений участ-
вуют: а) семантика глагола (его предельность/непредельность);
б) формы глагольного времени; в) глагольные аффиксы (префиксы,
суффиксы); г) сочетания глагола с инфинитивом, существительным,
наречием; д) модальные формы, относящиеся к глаголу; е) формы
существительного, относящегося к глаголу (число), и определение к
нему. В случае отсутствия языковой пары в языке соответствующее
нужное значение может быть выражено с помощью указанных
средств. В аспектологических трудах тщательно изучаются лексико-

грамматические средства, позволяющие той или иной видовой форме реализовать свойственные ей значения, например, актуализаторы *все еще, долго* и т. п. при формах НСВ и т. д. (Бондарко 1983; Теория функциональной грамматики 1987). В этих случаях имеет место семантическое согласование обстоятельственного актуализатора и видовой формы — изучение этого факта позволяет тонко дифференцировать значение формы каждого вида. Здесь ставится несколько иная задача: выявить некоторые средства компенсации, позволяющие на уровне высказывания обозначить ситуацию, обычно выражаемую соответственно формами НСВ и СВ при отсутствии морфологических форм последних у данных глаголов. Примеры можно классифицировать и анализировать по двум принципам: либо по типу используемых средств при переходе от ситуации НСВ к ситуации СВ или обратно, либо по частным значениям НСВ и СВ. Мы будем следовать в основном первому принципу.

Переход СВ → НСВ. В этом случае речь идет о переходе от перфективной ситуации к имперфективной, когда отсутствует форма НСВ и соответствующего глагола. Переход к имперфективной ситуации обычно связан с выражением длительности, узуальности, повторности действия.

Первый способ имперфективации (не глагола, а высказывания) — употребление словосочетания, по значению равнозначного глаголу СВ. Об этом говорилось выше. Приведем еще некоторые примеры. *Сегодня утром он пробежался немного, чтобы размяться*. Чтобы перевести действие в НСВ, представив его, например, как узуальное, можно использовать словосочетание *делать/сделать пробежку*: *По утрам, чтобы размяться, он делает небольшую пробежку*. Глагол *обанкротиться* ранее имел форму НСВ: *банкротиться*, которая приводится в ССРЛЯ (2-е изд.) с пометой *устар.* и иллюстрируется двумя примерами. Как же теперь можно было бы передать смысл цитаты из Златовратского [*Он*] *пять раз банкротился?* Естественнее всего так: *Он пять раз становился (был, объявлял себя) банкротом, терпел крах*, во всяком случае — с помощью словосочетания. Словосочетания позволяют выразить неоднократное, инхоативное или терминативное действие, передаваемое одновидовым глаголом совершенного вида: *замечтаться* → *погружаться в мечты*; *закричать* → *поднимать крик*; *отработать* → *кончать работу* и т. д.

Имперфективация часто оказывается возможной с помощью глагола в настоящем-будущем времени СВ, но при наличии некоторых актуализаторов, подчеркивающих, что речь идет о повторяющемся, узуальном или длительном действии. К операторам имперфективации относятся кванторы всеобщности и неединичности: *всегда; никогда; дня не проходит, чтобы; бывало; всякий раз, когда; не раз; не один раз* и др. Например, тот же глагол *очнуться* может быть поставлен в ситуацию имперфективности для выражения многократного или узуального действия с помощью подобных операторов: *Всякий раз, когда больной очнется, ему дают поесть. Она расплакалась* → *Каждый*

раз, когда она расплачется, он начинает ее успокаивать. В зависимости от конкретных условий возможен выбор между словосочетанием и оператором с настоящим-будущим временем: *В два часа ровно отзвенел звонок* → *В два часа ровно звонок переставал звенеть*; *Когда звонок отзвонит, ребята собираются в классе*.

Участие формы СВ в выражении имперфективного значения подчеркивается словом *бывало*, которое усиливает узуальный смысл высказывания: *Отзвучали соловьиные трели* → *И когда, бывало, отзвучат соловьиные трели...*; *Дети нагулялись* → *Бывало, дети нагуляются и...*; *Он надавал ей книг* → *Когда она приходила, он, бывало, надавал ей книг и она уходила с полными руками*. Словари приводят видовую пару *вывихивать/вывихнуть*, однако ни одного примера к форме НСВ ни в одном словаре не дается. И в самом деле, эта форма не очень употребительна, ее предпочтительно заменять формой СВ. Сравним указанный глагол и *ломать/сломать*. Последний легко употребляется в НСВ: *Он три раза ломал эту ногу; Чтобы люди не ломали ноги, снег посыпали песком* и т. п. Но фразы *Он три раза вывихивал эту ногу; Чтобы люди не вывихивали ноги...* очевидно менее приемлемы, хотя можно, наверное, сказать: *Он три раза вывихнул эту ногу или Чтобы никто не вывихнул себе ногу, переходя по этим мосткам...* Операторы многократности способствуют нейтрализации оппозиции видовых форм: *Он три раза (с)ломал эту ногу*, что дает возможность употребить глагол *вывихнуть* в форме СВ. Экспрессивные глаголы, описывающие единичное действие, вообще часто не имеют формы НСВ. Глагол *угрохать* существует только в форме СВ, *ухлопывать/ухлопать* имеет обе формы, но НСВ является менее употребительной. Однако итеративное действие, обычно передаваемое формой НСВ, в этих случаях может быть выражено с помощью указанных операторов: *Вчера киллеры опять ухлопали какого-то банкира* → *Недели не проходит, чтобы киллеры не ухлопали каково-нибудь банкира* (ср. *Каждую неделю киллеры ухлопывают какого-то банкира?*).

Последний пример показывает между прочим, что формирование имперфективного значения с глаголом СВ способствует использованию последнего в придаточных времени, цели, следствия, условия. Зависимый характер пропозиции благоприятствует нейтрализации значения форм СВ, которые употребляются в общефактическом смысле. Например: *Он догулялся до болезни* → *Он гуляет столько, что заболевает*; *Во время работы мы три раза передохнули немного* → *Во время работы мы три раза сделали перерыв, чтобы немного передохнуть*; глагол *передыхать* вряд ли здесь приемлем: *Во время работы мы три раза передыхали (?) немного*; *Если она заплачет, он начинает ее успокаивать*.

Переходу от перфективной к имперфективной ситуации способствуют также модальные глаголы, глаголы, показывающие способность к действию, достижение его. Например: *Соснуть часок* → *Каждый день ему удавалось соснуть часок*; *Она проплакала всю ночь* → *Ей*

доводилось проплакать всю ночь; *Вздремнуть перед работой* → *Он каждый раз старался (Он любит) вздремнуть перед работой; Передохнуть во время работы* → *Во время работы нам удается передохнуть (мы передышаем) пару раз.*

Переход НСВ → СВ. Этот переход обычно связан с ограничением неопределенного действия во времени. Это ограничение может затрагивать действие во всех его фазах: в начале, в процессе протекания и в конце, в связи с чем образуются инхоативный, ограничительный и терминативный аспекты процесса. В таком языке как французский, где существуют в плане прошедшего линейное (длительное) и точечные (ограничительные) времена (соответственно имперфект и простое или сложное прошедшие), достаточно поставить неопределенный глагол в точечное время, чтобы он смог приобрести одно из трех упомянутых фазовых значений. *Chanter* 'петь' в форме простого прошедшего *il chanta* может значить 'он запел', 'он пропел (какое-то время)' и 'он спел'. В русском языке соответствующие значения передаются формами вида и способами действия. Но вид и способы действия выражаются аффиксами, которые являются менее регулярным средством выражения значений, чем грамматические флексии. От многих глаголов НСВ не образуются формы СВ, а если и образуются, то остаются малоупотребительными. Поэтому для выражения перфективного значения действия используются компенсационные средства, прежде всего словосочетания. Чаще всего речь идет о выражении инхоативного оттенка процесса, и здесь широко употребительным является глагол *стать*, который может фигурировать отдельно, в сочетании с инфинитивом, существительным или прилагательным. Например: *Она является ведущим специалистом в этой области* → *Она стала ведущим специалистом в этой области; Эта река впадает в море* → *После сооружения канала эта река стала впадать в море; Земля принадлежит государству* → *Земля стала принадлежать государству (стала собственностью государства); Владеть чем-л.* → *стать владельцем чего-л.; Сын походит на отца* → *Сын стал похож на отца.* Последний пример показывает, что при перфективации процесса происходит некоторая нейтрализация инхоативного и терминативного значений; перфективация означает перелом в процессе, который можно трактовать как завершение предыдущей фазы развития либо как начало новой фазы. Инхоативность выражается также глаголом *начать*: *подпевать* → *начать подпевать*, а также глагольно-именными сочетаниями с предлогом и без предлога, в которых начинательное значение передается соответственно глаголами типа *попасть, вступить, войти* и др., обозначающими переход в новую позицию, и *приобрести, получить*, обозначающими приобретение нового объекта: *зависеть* → *попасть в зависимость; походить на что-л.* → *приобрести сходство с чем-л.; владеть чем-л.* → *вступить во владение чем-л.; Это значит очень много в жизни людей* → *Это стало много значить (приобрело большое значение) в жизни людей.*

Значение ограниченного действия может быть выражено разнообразными средствами, в частности глаголами ограничительного способа действия: *учительствовать* → *поработать (проработать) учителем какое-то время.* Во многих случаях в качестве компенсационных средств могут быть использованы разнообразные перифразы: *бездействовать (НСВ)* → *ничего не сделать (СВ); подражать* → *сделать как...; подражать в игре известному артисту* → *(постараться) сыграть как...* Нередко перфективация достигается с помощью синонимов: *Мне это стоило очень дорого* → *Мне это обошлось очень дорого* и конверсивных глаголов или глагольных словосочетаний: *значить, иметь значение* → *придавать/придать значение; Его обещание для них мало значит* → *Его обещанию они не придали значения.*

Во многих случаях компенсационные средства приобретают узусальность и выступают как супплетивные формы выражения соответствующих видовых значений.

Изучение компенсационных средств языка представляет собой важный аспект грамматики речи.

Бондарко А. В. Принципы функциональной семантики и вопросы аспектологии. Л., 1983.

Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л., 1987.

Французско-русский словарь активного типа / Под ред. В. Г. Гака и Ж. Триомфа. М., 1991.

ГЛАВА IV

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ДРУГИЕ НАУКИ.
ЯЗЫК, ОРУДИЕ И ТОВАР*

«Сциентологи отмечают, — писал известный теоретик науки Б. Г. Кузнецов, — что особенностью науки XX века является стремление обобщения данных различных наук, поиск инвариантов, определяющих уже не модусы бытия, но бытия в целом, как субстанции. Это — общее определение каких угодно модусов, каких угодно преобразований, каких угодно предикатов (...) Так образуется меганаука, занимающаяся решением наиболее общих проблем современной науки» (Кузнецов, 14). Глубокие мысли об использовании в языкознании высказывал А. Ф. Лосев (Лосев, 1990).

Хотя лингвистика относится к одной из древнейших отраслей знания, вряд ли какая-нибудь другая наука так много спорила о природе своего объекта. Не раз лингвисты экстраполировали определения и законы других наук в сферу языка, как это имело место в XIX веке в отношении биологии, а в наше время в отношении математической теории множеств, кибернетики или теории информации. Языкознание изучает свой объект в трех аспектах: в его структуре, в его функционировании и в его развитии. В каждом из трех аспектов можно найти аналогии между языком и объектами иных наук.

Большой интерес для объяснения эволюции языка может представить флуктуационная теория И. Пригожина (Пригожин, Стенгерс, 1986). Эта теория объясняет эволюцию неравновесных систем, которым свойственна разупорядоченность, неустойчивость, разнообразие, повышенная чувствительность к ходу времени, в которых малый сигнал на входе может вызвать сколь угодно сильный отклик на выходе. Подсистемы такой системы постоянно флуктуируют. Отдельная флуктуация может стать настолько сильной, что существовавшая организация изменяется. В этот переломный момент — момент бифуркации — невозможно предсказать, в каком направлении будет развиваться система дальше (Тоффлер 1996, 16–17). Язык вполне соответствует такой диссипативной структуре: он представляет собой нежесткую систему, весьма слабо упорядоченную (в речи постоянно имеют

место изменения в произношении, ошибки (или изменения) в употреблении грамматических форм и слов, разнообразие индивидуально-территориального и функционально-стилистического характера). Язык очень чувствителен к изменению окружающего мира во времени и сам непрестанно изменяется. Небольшое «возмущение», отдельная инновация может привести к большим изменениям в структуре. Например, появление талантливого писателя или автора-создателя грамматики или перевода может привести к письменной фиксации языка, к упрочению определенной литературной нормы, что в свою очередь может оказаться чрезвычайно важным для дальнейшей эволюции структуры языка. Для диссипативных структур характерна, как это установил Пригожин, возможность возникновения порядка из беспорядка в результате процесса самоорганизации. Конечно, в эволюции языков, особенно литературных, огромную роль играет кодификация, нормализация и другие подобные общественные процессы. Но несмотря на это, полной упорядоченности в употреблении языковых средств всеми членами коллектива достичь невозможно именно в силу принципиальной нежесткости языка в ее структуре и употреблении.

Флуктуационные процессы особенно характерны для геологии, и именно на материале этой науки они были впервые раскрыты. Но речь не идет о разработке какой-то «геологической лингвистики», подобно уже существующей математической лингвистике.

Поскольку язык представляет собой общественное явление, возникли тенденции сопоставить его с некоторыми сторонами общественной жизни. Так, институциональный характер языка, в котором большое значение имеет явление нормы, натолкнуло лингвистов на сравнение языка с правовыми установлениями. Сравнению языка с правом большое внимание уделяли итальянские ученые (Devoto 1958; G. Nencioni 1962). Это, по-видимому, не случайно: в Италии была жива традиция древнеримской юриспруденции и права.

Язык — орудие общения, средство выражения мысли, накопления и передачи информации, он служит «продолжением» человеческого мозга, подобно тому как материальные орудия являются «продолжением» человеческих рук, ног, органов чувств, и орудийный характер языка побудил многих исследователей подходить к его элементам как к материальным продуктам труда. Так возникло в современной филологии языка направление, пытающееся анализировать устройство и функционирование языка в терминах политической экономии. «Встреча» лингвистики и политэкономии произошла не внезапно, она исподволь подготавливалась с обеих сторон.

В 1960-е годы за рубежом нередко лингвистику называли sciencopilot, «наукой-лоцманом, наукой, прокладывающей путь», поскольку в ней были впервые сформулированы многие понятия, проникшие затем в другие общественные науки (структура и система, система и ее реализация, парадигматический и синтагматический план и др.). Это объясняется, по-видимому, тем, что лингвистика оперирует объектами, более легко выделяемыми и обозримыми во времени и пространстве,

* Впервые опубликовано: Язык, орудие и товар. НДВШ, ФН, 1971, № 6.

нежели история, право, политэкономия, искусствоведение. И в XIX веке языкознание выступало нередко как своеобразное опытное поле, где выковывались и проверялись новые методологические идеи.

К. Маркс в своих экономических трудах обращался к фактам языка, чтобы пояснить некоторые определения и закономерности политической экономии (Маркс и Энгельс: т. 12, с. 711; т. 23, с. 84).

С другой стороны, и лингвисты находили параллели между категориями языкознания и политэкономии. Вводя понятие *valeur* («значимость», «ценность», «стоимость»), Ф. де Соссюр сопоставлял лингвистику с экономической наукой (Соссюр 1933, 87, 88).

В настоящее время разработка аналогии между понятиями лингвистики и политэкономии ведется также в двух направлениях. С одной стороны, исходя из того, что в стоимостном уравнении товар выступает как знак стоимости другого товара, многие социологи переносят разработанное в лингвистике понятие знака на товары, стремясь выявить у них даже синтагматические и парадигматические отношения (Lefebvre, 336). В общей форме параллелизм политэкономических и лингвистических понятий представлен в книге М. Фуко «Слова и вещи» (Foucault). С другой стороны, лингвисты и философы языка стремятся приложить категории экономики к анализу языка. Это направление особенно активно разрабатывалось в англосаксонских странах (например, Ryle 1961; Zipf 1945). Эта попытка в развернутой и углубленной форме представлена в работах итальянского лингвиста Ф. Росси-Ланди, особенно в его книге «Язык как труд и как рынок» (Rossi-Landi, 1968). Мы рассмотрим проблему «язык, орудие и товар» на примере анализа его книги.

Книга объединяет шесть статей, из которых большинство было опубликовано в итальянских журналах в 1965–1967 гг. В свете нашей проблемы наибольший интерес представляет первый очерк, давший заглавие всей книге, и пятый — «Опыт гомологической схемы производства», опубликованный впервые. Они в концентрированной форме излагают проблемы, интересующие автора: применение к анализу языка категорий товарного производства и разработка гомологии между продуктами материального труда и единицами языка/речи.

Мы рассмотрим вначале проблему «язык — товар и рынок», затем «язык — орудие и труд» так, как это представлено в данной книге.

Следует отметить, что автор стремится основываться на положениях марксизма. Он не раз обращается к трудам Маркса.

Росси-Ланди исходит из того положения, что слова, как единицы языка-системы, являются продуктами языкового труда. Эти продукты служат материалом и орудием в ходе дальнейшего языкового труда, с помощью которого производятся сообщения — орудия, используемые для передачи информации в процессе коммуникации.

Он подчеркивает, что язык, как и материальный труд, отличает человека от животного, причем и материальные предметы (орудия), и языковые «орудия» являются продуктами общественного труда. Он резко отвергает теории «естественности» языка и вместе с тем бихе-

вмористские теории языка как поведения. Он отмечает, что все фантазии, касающиеся природы и происхождения языка, снимаются, если вспомнить слова Маркса о том, что язык, как и сознание, возникает из потребности, из необходимости вступить в отношения с другими людьми. И если только труд может удовлетворить потребности человека, то только сложный языковой труд может удовлетворить потребности выражения мысли и коммуникации. Языковой труд (*linguaggio*) и язык как продукт его (*lingua*) формируются в динамике, в процессе установления отношений труда и производства.

Разумеется, после успехов социологической школы в лингвистике для языковедов и философов стало ясно, что язык — продукт общества, но многие из них, как отмечает Росси-Ланди, скрыто или явно проводят ту мысль, что если продукт языкового труда (*lingua*) носит общественный характер, то сам этот труд — индивидуален. В связи с этим Росси-Ланди критикует как «конвенциональную» теорию языка (Ж. Вандриес), так и индивидуалистические теории, восходящие к различным толкованиям соссюровского понятия «речи» (*parole*). Проводя аналогию с материальным трудом, Росси-Ланди отмечает, что ошибка, касающаяся индивидуальной речи (а определенный индивидуальный вклад в языковой труд несомненно имеет место), происходит от того, что данное слово употребляется единичным «работником», подобно тому как отдельно взятый рабочий с помощью общественно значимых орудий и в социальной среде производит такую-то пару башмаков. Данный акт работы (обработка, *lavorazione*) является индивидуальным, но модель этого вида работы социальна. Вне общности, вне своего социального характера речь не могла бы осуществиться. Развивая эту аналогию, автор приходит к понятию «общей речи» (*parlare comune*) как совокупности моделей «языкового труда», принятых в данном коллективе. Сами индивидуальные особенности и инновации в языке становятся возможными лишь потому, что уже установлено взаимопонимание на деле. Лишь субъекты могут различаться друг от друга. Можно сказать, что язык существует для других людей и только поэтому начинает существовать для меня самого. Росси-Ланди критикует и рассуждения англосаксонских философов (например, Райля), которые сопоставляли язык-систему с капиталом, а в использовании языка видели только обмен сообщениями, который они сравнивали с обменом товарами, то есть с торговлей, тогда как понятие лингвистического труда, благодаря которому существуют предметы обмена, у них выпадало. Такую точку зрения Росси-Ланди не без основания называет «лингвистическим меркантилизмом» (с. 15).

Если говорящие не осознают языкового труда, то это происходит потому, что обучение языку состоит в обучении пользованию словами, но не производству их, и для говорящего язык существует как бы сам собой. Языковая производственная деятельность сознается лишь в особых случаях: когда сопоставляются разные языки (при переводе или изучении чужого языка), когда обработка речи становится само-

целью (например, в поэтическом языке), при научном изучении языка и в случае нарушений его функционирования (лингвистическая психопатология). В естественных условиях говорящие пользуются языком как данным, но это лишь псевдоестественность. Строя фразы, люди не создают слов, а используют слова, языковые формы и правила, но в этом процессе речи для говорящего не имеет значения, что слова суть продукты овеществленного труда, подобно тому как при еде безразлично, что хлеб есть результат овеществленного труда крестьянина, мельника и т. п.

Идя дальше в гомологической интерпретации продуктов физического и лингвистического труда, автор приходит к поискам капитала в лингвистической сфере. Он считает, что язык-система может быть сопоставлен с постоянным капиталом, включающим языковые материалы (единицы языка) и «орудия» (*strumenti*), под которыми понимаются правила пользования этими единицами и их сочетаниями. Языковой переменный капитал состоит из производителей, то есть говорящих (с. 24). Язык-система дает постоянный капитал для последующего языкового труда, капитал, который сам по себе мертв без присоединения творческой силы людей. Только при соединении этих двух элементов порождаются продукты лингвистического труда — сообщения (*messaggi*), орудия, которыми люди удовлетворяют свои потребности в области выражения мыслей и информации.

В процессе общения слова и высказывания, по мнению Росси-Ланди, становятся «товаром», а языковой коллектив, порождающий эти слова и сообщения, которые в нем циркулируют и «обмениваются», сравнивается с рынком. В связи с этим Росси-Ланди подробно останавливается на применимости понятий потребительной и меновой стоимости к явлениям языка, причем он приводит различие между неполными знаками — словами и выражениями — и полными знаками — высказываниями-сообщениями. В связи с тем, что элементы языка призваны удовлетворять определенную потребность людей (общение, выражение мыслей), они обладают потребительной стоимостью. Их положение внутри системы языка определяет их стоимость («значимость» — *valore*), которая является результатом затраченного труда. При этом на уровне отдельного слова лингвистический труд заключается в семантизации, в создании слова как единства означающего и означаемого (с. 37). Стоимость слова (*valore*) зависит от подразделения семантического поля, от выделения в сознании говорящих тех оппозиций, на базе которых формируются семантические компоненты, составляющие значение слова. Естественно, чем сложнее семантическая структура слова, тем больше «лингвистического труда» пришлось затратить на его создание. На уровне высказывания лингвистический труд проявляется в сочетании слов и других элементов, причем Росси-Ланди рассматривает стоимостные различия «стандартной продукции» (например, высказывания типа *дай мне воды*) и единичных продуктов-высказываний (например, строки из Данте с тем же словом *вода*). Что касается меновой стоимости, то

Росси-Ланди сопоставляет со стоимостным уравнением x товара A — y товара B «уравнение лингвистической стоимости»: A есть B , где A и B — два слова, а *есть* — слово, обозначающее операцию над ними. Росси-Ланди считает, что слово приобретает здесь меновую стоимость, так как оно включается в высказывание, предназначенное для передачи другому. Поскольку, по мнению Росси-Ланди, B репрезентирует меновую стоимость A , он закономерно приходит к обнаружению «дефекта» в *linguaggio*. В функции денег, по его мнению, выступает известный член ряда определений; например, слово *искусство* в определении В. Кроче: *искусство есть интуиция, искусство есть чувство, переданное в образах* и т. д.

Таков вкратце ход рассуждений автора, в процессе которых он распространяет на язык основные понятия товарного производства, рынка и т. п.

Следует сказать, что исходные положения Росси-Ланди представляют несомненный интерес. Такова идея «лингвистического труда», создающего слова-понятия и высказывания-сообщения, а также подчеркивание параллелизма и неотрывности языкового и неязыкового труда. Плодотворны соображения о самом характере языкового труда, который незаметен в процессе бытового общения, но превращается в подлинные «муки слова», когда нужно, например, создать терминологическое обозначение для нового понятия либо нетривиальным образом выразить новую мысль, либо дать определение слову в словаре.

Вместе с тем дальнейшая «гомология» между языковыми единицами и товаром представляется неубедительной, и сам автор говорит, например, что понятие денег в применении к языку необычно (*suona insolito*, с. 131) и его нелегко разработать; однако он тут же дает новую интерпретацию этой «гомологии», не более убедительную, чем та, что была изложена нами выше. Можно согласиться с тем, что, являясь продуктом человеческого лингвистического труда, слова и высказывания обладают стоимостью (они продукт труда) и потребительной стоимостью (они действительно призваны удовлетворять различные потребности людей: выражать, обозначать, информировать, характеризовать, передавать просьбу или приказание и т. п.). Верно, что они создаются для того, чтобы быть переданными другому и «потребленными», то есть понятными. Верно, что языковые единицы мертвы без пользующихся ими, подобно тому как мертвы машины и орудия без человеческого труда. Но не всякий продукт человеческого труда — товар. Если товар — это продукт, удовлетворяющий потребности человека и предназначенный для продажи, то к языковым единицам подходит лишь первая часть этого определения. Ошибка Росси-Ланди состоит в том, что за общностью терминов «обмен» (*scambio*) и «предназначенность продукта для другого индивида» он не видит существенных различий товарного и языкового «обмена». В процессе оборота материальных продуктов один товар обменивается на другой или его денежный эквивалент, и с помощью этого обмена человек удовлетворяет свои потребности. В процессе речевого обмена выска-

зывание-сообщение передается другому человеку не в обмен на другое сообщение (если только это не вопрос), но «в обмен» на его реакцию, либо для «потребления» собеседником информации. Поэтому передачу и обмен высказываний можно скорее уподобить передаче и «нетоварному» обмену орудий и других материальных предметов (например, мы подаем хлеб или молоток человеку, чтобы побудить его к определенным действиям, а не для того, чтобы получить взамен иной предмет). Выглядит наивной попытка обнаружить «меновую стоимость» в высказываниях типа *A есть B*. Такие словесные уравнения можно найти только в словарных определениях. В обычных же фразах уравниваются не слова, «продукты языкового труда», а обозначаемые ими денотаты (мы имеем в виду сказать «существо Петр есть человек», а не «слово *Петр* есть слово *человек*»). Предметно-логические отношения Росси-Ланди заменяет здесь языковыми.

Рассмотрение лингвистических явлений в политэкономическом аспекте приводит Росси-Ланди к проблеме «языкового отчуждения» производителей в современном обществе. Этот вопрос широко обсуждается в зарубежной социологической литературе.

* * *

Перейдем ко второй проблеме: язык-орудие. Поскольку материальный и языковой труд гомологичны, то должны быть гомологичны и продукты этих двух видов человеческого труда, что, разумеется, не означает тождества. Для общего обозначения материальных предметов и языковых единиц как продуктов труда Росси-Ланди пользуется термином «артефакт», то есть нечто, не существующее в природе и возникшее благодаря пронизанному волей и намерением действию человека. Артефакты — результаты не физиологической, а социальной деятельности (с. 145); так, следы, оставленные человеком на песке, к ним не относятся. Между материальными и языковыми продуктами Росси-Ланди усматривает двоякую гомологию: историко-генетическую и логико-структурную. Первая проявляется как в филогенетическом, так и в онтогенетическом планах. Как материальные продукты, так и язык являются именно теми элементами, которые отделяют человека от мира животных. Языковые и неязыковые артефакты производятся одновременно: нет цивилизации с материальными орудиями, но без языка, и наоборот. Человек не мог бы производить продукты без общения с другими людьми, и, с другой стороны, языковое общение предполагает реальный мир предметов, с которыми соотносится речь: поэтому речь вытекает из способности различать вещи и оперировать над ними (с. 154). В онтогенетическом плане характерно, что ребенок не может научиться говорить, если он при этом не учится различать предметы, манипулировать с ними. Развитие манипулятивных способностей (хватательные и другие движения) идет у ребенка параллельно с упражнением органов речи, и таким

образом он готовится к трудовой и речевой деятельности, включалось в социально-естественный мир своего рода.

Логико-структурная гомология двух типов артефактов заключается в подобии их внутреннего строения и использования. Оба типа продуктов (орудий) состоят из префабрикатов, которые соединяются для создания нового функционально полноценного орудия, причем единично функционирует не так, как его отдельные части.

Сравнение языковых единиц и материальных предметов (орудий) не является новой моделью. Подобные положения не раз высказывали многие философы и лингвисты, в частности представители оксфордско-кэмбриджской школы (Витгенштейн, Мур, Райл, Остин и др.). Два момента, однако, отделяют точку зрения Росси-Ланди от взглядов этих философов. Прежде всего — и с ним нельзя не согласиться — он критикует их гомологию между языком и орудием в историко-генетическом плане. Философы оксфордско-кэмбриджской школы остановились лишь на употреблении готовых слов и выражений и не перешли к понятию общественно-значимого лингвистического труда, лежащего у истоков «языковых орудий» (с. 158). Отсюда у Витгенштейна и его последователей настойчивое изучение языка как логико-лингвистического явления, в отрыве от его социальной функции и развития общества.

Второе критическое замечание Росси-Ланди в адрес этих философов касается логико-структурного аспекта гомологии. Они сопоставляли с орудием слово, что, по мнению Росси-Ланди, неверно, так как орудием пользуются как некоей цельностью, части которой нас не интересуют специально, и в языковой сфере для осуществления цели передачи и выражения мысли пользуются не словами, а высказываниями, состоящими из одного или нескольких слов. Таким образом, полному орудию материальной сферы в языке соответствует высказывание, тогда как слово следует сопоставить с отделимой частью орудия, имеющей специальную функцию.

Далее Росси-Ланди приводит набросок гомологической схемы производства материальных и языковых продуктов (с. 165–173). Он исходит при этом из разработанной в лингвистике теории, согласно которой элементы структуры образуют определенную систему уровней, причем расчленение единицы данного уровня на составные части ведет к ее разрушению. Росси-Ланди выделяет десять уровней, стремясь установить на каждой гомологию артефактов обоих типов. Производство в обеих сферах идет не в одном направлении, а по кругу: от простого к более сложному и наоборот. Так, из частей создаются сложные машины, которые используются для производства элементов низшего уровня, подобно тому как с помощью цепи рассуждений уточняется значение отдельного слова. В обеих сферах диалектика заключается в том, что сложные единицы состоят из более простых частей, которые они сами призваны производить. Изложим кратко характеристику выделяемых уровней в структуре артефактов (*Я* — сфера языковых, *М* — сфера материальных продуктов).

I. Уровень, предшествующий изготовлению и значению (*nivello del prelaborato come presignificante*). Я: звуковой и графический материал, в котором выделяются «различительные черты» (уровень фонем и графем, «второго членения», по А. Мартине). М: различение природных материалов, получаемое путем ограниченного числа операций, таких как резание, соединение, изгибание и т. п.

II. Уровень исходных полуфабрикатов. Я: монемы и другие значимые элементы, предшествующие слову («первое членение» А. Мартине). М: неотъемлемые элементы объектов, имеющие свое назначение, функцию (например, носок, затылок и отверстие в головке молотка).

III. Уровень полных и отделимых частей. Я: слова, фразеологические выражения. М: составные части орудия, отделяемые друг от друга (головка и ручка молотка).

IV. Уровень пригодных к использованию орудий. Я: простые высказывания-сообщения (*Вода горячая. Идет дождь. Ты идешь сюда?*). М: орудия для самостоятельного, но простого использования (молоток, табурет, обувь и т. п.).

V. Уровень агрегатов. Я: сложные и взаимосвязанные высказывания (*Рим — столица Италии, имеет более двух миллионов жителей*). М: предметы, имеющие различные назначения и состоящие из соединенных элементов, которые могут употребляться самостоятельно (костюм, состоящий из пиджака и брюк, и т. п.).

Далее Росси-Ланди выделяет еще пять уровней большей сложности: уровень механизма, сложного и самодовлеющего механизма, целостного механизма, неповторимой продукции и глобальной продукции. В языке этим уровням соответствуют все более сложные типы сообщений: от силлогизмов — через различные жанры и «коды» — к индивидуальному речевому творчеству и ко «всей языковой продукции данной языковой общности». Нетрудно заметить схематизм этого изложения. В первых пяти уровнях Росси-Ланди применяет к материальным орудиям положения анализа, добытые в лингвистике. В последующих же уровнях он делает обратный шаг: исходит из структуры механизмов и пытается найти им гомологию в языке. В самых общих своих чертах, однако, гомологическая схема заслуживает внимания. Действительно, как языковые, так и материальные продукты проходят через различные уровни сложности. Если А. Мартине выделил два членения (II и III уровни Росси-Ланди), а Э. Бенвенист — первые четыре, то в настоящее время лингвисты, изучающие организацию текста, стремятся выявить структуру уровней, располагающихся выше отдельного высказывания. Водораздел в обоих случаях проходит между III и IV уровнями. На первых уровнях объекты производятся не ради самих себя, а для производства орудий более высокого уровня, хотя мы знаем функцию этих объектов. На IV уровне элементы производятся уже не ради производства более сложного элемента, но ради потребления. Здесь, однако, возникает проблема соотношения слова и орудия. Не претендуя на решение этого слож-

нейшего вопроса, требующего специального исследования, мы хотели бы высказать некоторые замечания.

Известно, что в политэкономии различаются продукты, предназначенные для удовлетворения личных потребностей людей (пища, одежда), и продукты, служащие для производственных нужд (орудия, машины). Разумеется, незыблемой грани между этими видами продуктов нет. Росси-Ланди сравнивает орудие в целом с высказыванием, его часть — со словом. Верно, что только высказывание, а не отдельно взятое слово способно удовлетворить потребность человека в выражении мыслей или передаче информации. Но отдельно взятый инструмент не способен сам по себе удовлетворить непроизводственную, личную потребность человека. Так, нож, если только мы не смотрим на него как на предмет искусства, не может быть «потреблен» непосредственно (например, съеден и т. п.). Он «потребляется», вступая в определенные отношения с другими объектами. Например, он режет яблоко или хлеб, и лишь продукт, образуемый в результате такого сочетания орудия с объектами, может в конечном счете стать предметом потребления. Таким образом, не отдельно взятый объект, а их сочетание во многих случаях обеспечивает осуществление человеческой потребности. Это признает и сам Росси-Ланди, отмечая, что на уровне реальных вещей объекты вступают в отношения с иными объектами, образуя с ними «высказывания», правильность или неправильность которых определяется правильным или неправильным применением вещей (с. 23–24).

Следовательно, можно сделать вывод, что во многих случаях орудие следует сопоставлять не с высказыванием, а с элементом высказывания — со словом. Подобно тому как орудие не может быть использовано вне действия, процесса, так и слово употребляется в высказывании, обозначающем определенное событие, процесс. Слово вне контекста может быть многозначным (полифункциональным), и то, какое из его значений реализуется в контексте, определяется самим высказыванием, которое для говорящего всегда однозначно. Орудие также потенциально может обладать многими функциями, но, вступая в контакт с другими объектами в процессе целенаправленного действия человека, оно реализует лишь одну из своих потенциальных функций в действии, которое для действующего всегда «однозначно». Гомология слова и орудия, языковых и неязыковых артефактов станет еще более очевидной, если логико-структурная гомология Росси-Ланди будет дополнена функциональной. Попытаемся сделать это.

И лингвисты, и философы все более склоняются к тому, чтобы рассматривать язык как орудие, в его целевой функции. «Сам по себе язык является средством производства, возможно, первым из них», — пишет Дж. Бернал (*Бернал*, 47). Витгенштейн, считавший вначале, что язык представляет собой образ действительности, в последних своих работах отмечает, что язык является средством осуществления различных потребностей человеческого организма. Язык больше по-

хож на ящик с инструментами, чем на фотопленку (Wittgenstein, 12; Хилл, 470).

Материальный предмет создается для осуществления определенной функции и имеет свое назначение. Языковой элемент создается для удовлетворения потребности в номинации. Назначение слова — обозначить определенный предмет, становясь его знаковым заместителем. Сколько ни спорить по вопросу о значении слова, несомненно, что в конечном итоге значение слова определяется тем, что слово способно обозначить. Если материальный и языковой объекты создаются для осуществления некоторой функции, то они должны обладать функциональной гомологией. Типология употреблений орудия должна соответствовать типологии употреблений (номинаций) языковых средств. Сущность и характеристики предмета определяются его назначением.

Но в практической жизни людей возможно изменение первоначального, основного назначения предмета, его использования в несобственной функции. Таким образом, можно различать первичную функцию предмета, ради которой он был создан, и его вторичную функцию, которая развивается на основе определенных, но не обязательно самых существенных, свойств самого предмета. Аналогичным образом и языковой элемент, создаваемый для определенной номинативной потребности, может приспособливаться для обозначения других объектов. Таким образом, и материальным и языковым продуктам свойственна прямая и переносная (первичная и вторичная) функции. Вторичную функцию отнюдь не следует рассматривать как отклонение от нормального порядка вещей, она необходима, ибо переносные функции артефактов отражают свойство человека приспособливаться к различным условиям внешнего мира, без чего он не мог бы успешно эволюционировать.

Потребности человека настолько разнообразны и непредвидимы, что он не мог бы осуществлять их, если бы всеми своими материальными и языковыми продуктами пользовался только в их единственной функции. К тому же он должен был бы иметь огромное число орудий, постоянно держать их при себе (держать языковые единицы в своей памяти), что, естественно, излишне затрудняло бы его руки и мозг. Перенос функции артефакта позволяет человеку максимальным образом удовлетворять свои потребности. Так, например, пиджак служит одеждой, однако, если, гуляя по лесу, мы захотим присесть на землю и у нас нет с собой специальной подстилки, то мы можем с этой целью использовать пиджак, исходя из его свойств (размеры, плотность материи и т. п.). Равным образом, если в обыденном разговоре нам надо обозначить объект, который не имеет специального обозначения в языке либо наименование которого мы забыли, то мы можем приспособить другое слово, несколько изменив тем самым его значение, и если собеседник нас понял, то цель наша будет достигнута.

Представляется возможным сделать набросок функциональной типологии, пригодной для языковых и неязыковых продуктов. В самом

общем плане отношение «языковой знак Я — денотат» гомологично отношению «материальный предмет М — функция». Мы будем исходить из определений, разработанных в лингвистике, и рассмотрим следующие типологические оппозиции:

1. Обособление/совпадение функций различных артефактов. Я: языковая синонимия. М: использование разных орудий в одной функции (молоток или топор для забивания кольев).

2. Единичность/множественность функций артефакта. Я: языковая полисемия. М: полифункциональность орудия (топор, используемый для рубки, может быть употреблен для забивания).

3. Специализация/широта функции. Я: слова с узким и широким значением (*идти* и *ехать* в сравнении с *передвигаться*). М: предметы с узкой и широкой функцией (ср. мелкая и глубокая тарелка, служащие соответственно для принятия твердой и жидкой пищи, и миска, из которой едят любую пищу). При возможности выбора использование типа артефакта определяется нормой употребления или укусом, привычками коллектива, внешними по отношению к самому артефакту. Так, *идти* и *ехать* в русском языке употребляются чаще, чем обобщенное *передвигаться*; различные виды тарелок в современной городской цивилизации — чаще, чем «недифференцированная» миска.

4. Прямая/переносная функция артефакта. Эта оппозиция рассматривалась выше. Я: переносное использование слов и грамматических форм. М: использование предметов в их несобственном назначении. Переносное использование имеет место в двух случаях: 1) в данном обществе нет особого артефакта для выполнения новой функции; 2) для функции Ф2 есть специальный артефакт А2, но по некоторым причинам используется артефакт А1, что приводит к функциональной синонимии. Использование артефакта в новой функции может быть окказиональным (в том числе нормативным и ненормативным), узуальным, и оно может, наконец, привести к расщеплению А1 на два взаимозаменяемых объекта, поскольку для выполнения функции Ф2 некоторые свойства А1 оказываются необязательными, и наоборот, требуются некоторые новые свойства, не обязательные для функции Ф1. Так, в области материальных предметов тарелка может быть использована вне своей первоначальной функции как пепельница (окказиональное и, видимо, ненормативное употребление), как подставка для цветочных горшков (более узуальное использование, не вызывающее нарушения нормы) и, наконец, как настенное украшение (здесь фактически создается новый предмет с новой структурой, не взаимозаменяемый с обычной обеденной тарелкой). Равным образом и языковые единицы используются для обозначения новых денотатов окказионально (авторская метафора, соответствующая или не соответствующая норме языка), узуально (языковая метафора), и, наконец, перенос может приводить к созданию нового слова, не взаимозаменяемого с исходным, что сопровождается и морфологическими различиями (ср. *носик* и *носок* в современном употреблении).

б. Самостоятельность/связанность употребления. Возможны два случая.

а) Индивидуальная связанность. *Я*: фразеологизация слова. *М*: использование предмета, имеющего самостоятельную функцию, в комплексе с другим предметом, причем совокупно они выполняют общую функцию. Степень растворения артефакта в целом различна: он может сохранять способность выполнять свою функцию в составе комплекса; он может, наконец, утратить способность употребляться вне комплекса ввиду забвения его первоначальной функции. Если мы вернемся к примеру с тарелкой, то, например, мелкая тарелка, подаваемая как подставка при глубокой, составляет единое целое с ней, но она может быть вычленена из этого комплекса и использована отдельно. Хлястик же, некогда имевший самостоятельную функцию, утратил ее, превратившись в орнаментальную деталь одежды, нормативную для некоторых ее фасонов, и отдельного назначения не имеет. В области языка элементы фразеологических комплексов могут сохранять способность употребляться самостоятельно (*сидеть на хлебе и воде*), но могут, полностью утратив свое значение, выступать только в составе целого (*ни зги не видно*).

б) Функциональная (служебная) связанность. Артефакт, не способный выполнять свою функцию вне целого, выступает как деталь, необходимая для организации целого, не утрачивая, однако, своей структурной отдельности. *Я*: служебные слова, используемые для построения высказывания, соединения слов и предложений в нем; различные вводные элементы, служащие для начала и поддержания коммуникации, и т. п. *М*: предметы, имеющие служебное назначение, например, скрепы, благодаря которым части соединяются в целое (гвозди, скобы, крючки, пуговицы и т. п.); ручки, обеспечивающие манипулирование предметом, и т. п. Случаи а) и б) связаны многообразными переходами и промежуточными явлениями.

Функциональная связанность может приводить к полной утрате собственной первоначальной функции артефакта (к десемантизации слова). *Я*: французские предлоги *de* и *à* созрывают полноту своих значений в *de Paris à Marseille от Парижа до Марселя*, но они утрачивают его и нередко превращаются в простые знаки связи (и даже семантически избыточные в конструкциях с инфинитивом: *aimer (à) faire qch; commencer de (à) faire qch*. *М*: пуговица на борту пиджака сохраняет свое назначение (служит для застегивания); пуговица на обшлаге рукава, некогда служившая для пристегивания длинных рукавов при работе, в настоящее время утратила свою функцию и представляет собой не обязательную деталь одежды, служащую для украшения.

В обеих сферах артефактов можно выделить еще ряд других функционально-типологических оппозиций, например практическое/эстетическое использование объекта, актуальная/неактуальная (архаическая) функция, использование своего или заимствованного предмета (заимствованные слова в языке, импортные предметы в мире вещей), простые и конструктивно сложные артефакты и т. п.

В заключение можно сказать, что если гомология между языковой деятельностью (*langage*) и рынком, между единицами языка (*langue*) и товарами не представляется убедительной и вызывает многие возражения, то сопоставление *langage* с трудовой деятельностью, а языковых единиц с предметами материального производства, в частности с орудиями, несущими определенную функцию, открывает интересные перспективы, особенно если это сопоставление проводить не только в структурном, но и в функциональном аспекте. Структурная и функциональная гомология языковых и материальных продуктов отражает единство происхождения и развития материальной и духовной жизни человечества, подчеркивает связь языка с действительностью. Разработка трудовой теории языка, сопоставление языка с миром материальных орудий (напомним, что это не означает их отождествления) представляет несомненный лингвистический и общепhilosophический интерес.

Аналогия между языковыми формами и материальными объектами обнаруживается в двух аспектах: во внутренней структуре этих и в первом взгляд разнородных явлений и в отношениях между явлениями (элементами) внутри образуемой ими системы.

Первый аспект был рассмотрен выше. Отношение языковая форма/значение во многих аспектах аналогично отношению вещь/назначение. Это не случайно, ибо значение языковой формы и есть ее назначение. Назначением языковой формы является обозначение объекта внеязыковой действительности, его свойств и отношений. Объем того, что данный языковой элемент может обозначать, на что он может указывать, и составляет его значение. Как мы видели, типы отношений между означающим и означаемым в языке находят соответствие в отношениях между вещами (орудиями), служащими человеку. В этом проявляется глубинное единство всего сущего.

Это единство находит свое проявление на уровне отношений между элементами системы. Соссюр в свое время установил два типа таких отношений: парадигматические (ассоциативные) и синтагматические. Впоследствии Якобсон, Ельмслев, Мартине давали этим двум типам отношений другие обозначения, но сущность оставалась одной и той же, ибо эти типы отношений отражают две фундаментальные формы мыслительной деятельности (объединение по подобию и по смежности) и — более того — две основных формы организации сущего. Не случайно понятия «парадигматика» и «синтагматика» были успешно использованы в целом ряде общественных наук (история, антропология, искусствоведение и др.). Два указанных типа отношений объединяют и материальные предметы, среди которых человеку приходится делать выбор так же, как он делает выбор среди языковых форм, строя высказывание. Здесь проявляются общие семиотические законы.

Этот параллелизм различных семиотических систем был подчеркнут Р. Бартом в его книге «Нулевая степень письма» (*Barthes, 134-135*). Он показывает, что одежда, питание, мебель, архитектура образуют

системы, состоящие из определенных функциональных классов объектов (это системные, парадигматические отношения). Предметы из разных классов сочетаются, образуя синтагматические отношения. Рассмотрим это подробнее. Предположим дано предложение, состоящее из трех элементов: S—V—O. Каждая из трех позиций может быть занята словом определенного класса с учетом его сочетаемости с другими словами. Например: *Кошка съела мясо*.

Выбор находится на пересечении парадигматических и синтагматических отношений. Первую и третью позицию могут занимать лишь существительные, вторую — глагол. Обычная фраза не может состоять из сочетания трех элементов одного и того же класса (например: *съела, съела, съела* или *мясо, мясо, мясо*). Но конкретное слово может быть выбрано только с учетом парадигматической совместимости на формальном и семантическом уровнях. Например, слово *кошка* можно заменить словом из того же парадигматического класса: *Собака съела мясо*. Слово *Петя* входит в тот же парадигматический класс, но оно формально-грамматически несовместимо с глаголом в форме женского рода. Слово *молоко* входит в один парадигматический класс со словом *мясо*, но оно лексически несовместимо с глаголом *съела*. Слово *яблоко* несовместимо семантически (ситуационно) со словом *кошка*. Между всеми тремя компонентами должна быть совместимость на трех уровнях: грамматическом, лексическом, семантическом.

Одежду человека можно представить схематически как совокупность трех компонентов: головной убор — одежда (тела) — обувь. Они образуют семиотически законченное «материальное высказывание». Каждый компонент представляет собой парадигматический класс (класс головных уборов, обуви, одежды), из которых человек делает выбор. Как и в случае с языковым высказыванием, практическая цель не может быть достигнута употреблением объекта из одного класса во всех трех позициях: человек не может одеться при помощи трех шляп или трех костюмов. Подобно тому как в предложении центральной частью является глагол, так и в комплекте одежды основной является центральная часть, особенно та, что покрывает нижнюю часть тела. Не случайно древнерусское слово *пъртъ* (мн. *пърты*), обозначавшее платье, одежду в целом (это значение сохранилось в *портной мастер* — «шьющий любую нательную одежду»), сохранилось в слове *порты* (*портки*), означающее «штаны» как важнейшую часть одежды (Черных 1993, II, 59). Вместе с этим, подобно тому как в предложении может отсутствовать какой-либо компонент, так и в наборе одежды может отсутствовать, например, головной убор или обувь. Но самое существенное — синтагматические отношения между компонентами одежды. Они выбираются не только по парадигматическим (функциональным) критериям, таким как погода, пол, характер деятельности человека и т. п., но с обязательным учетом синтагматической совместимости. Как и в сфере языковых элементов, здесь выбор зависит от национальных, социофункциональных и индивидуальных

установок и предпочтений. Роль нормы в известной мере играет здесь мода (в широком понимании этого слова). Подобно тому, как позиция во фразе может быть занята одним простым элементом или сложным словосочетанием, например, *Он перевел книгу* и *Он сделал перевод этой книги*, так и «позиция» в одежде также может быть репрезентирована одним «сплошным» элементом (например, *женское платье*) или сложным (например, *женский костюм из пиджака и юбки*).

Аналогичным образом можно проанализировать и систему питания, где выбор блюд зависит от парадигматических и синтагматических факторов. Например, русский обед состоит обычно из трех блюд, французский тоже, с той разницей, что суп заменяется закуской (*entrée*). Основным блюдом является второе (не случайно по-французски оно называется *plat de résistance* «блюдо, придающее выносливость, силу»). Но трудно представить себе обед, состоящий из трех супов или трех компотов или даже из трех вторых блюд. Для каждого блюда имеется свой парадигматический класс, элементы которого формируются по целевому назначению (например, плотное или легкое блюдо, мясное или вегетарианское и т. п.), согласно национальным, социальным или индивидуальным привычкам. Но при выборе блюда учитывается и его синтагматическая совместимость с блюдами из другого парадигматического класса. Подобно тому, как во фразе слова расставляются в определенном порядке, который может изменяться в силу ряда причин, так и блюда следуют в определенном порядке. Фраза находит здесь полную аналогию.

Бернал Д. Наука в истории общества. М., 1956.

Кузнецов Б. Г. Современная наука и философия. М., 1981.

Лосев А. Ф. О применении в языкознании современных общенаучных понятий // *Res philologica*. М., 1990.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12. Илл в «Капитале» К. Маркса: «Определение предметов потребления как стоимостей есть общественный продукт людей не в меньшей степени, чем, например, язык» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 84).

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933, с. 87, 88. Характерно, что сравнение слова («означающего»), утратившего первоначальное содержание, с названием монет, утративших отношения стоимостей, встречается и в лингвистических работах (см.: Соссюр Ф. де. Указ. соч., с. 117), и в политэкономических (см.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 57, примеч.; т. 23, с. 110).

Хилл Т. И. Современные теории познания. М., 1965.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993.

Barthes S. Le degré zéro de l'écriture. P., 1965.

Devoto G. Un nuovo incontro fra lingua e diritto // *Lingua nostra*, vol. XIX, Firenze, 1958; *Nencioni G.* Ancora di lingua e diritto // *Lingua nostra*, vol. XXIII, 1962.

Lefebvre H. Le langage et la société. Paris, 1966, с. 336 и след. Эти сопоставления, однако, не выглядят убедительными. Что касается тенденции рассматривать деньги как знаки, то еще К. Маркс предупреждал об ошибочности считать деньги только знаками (См.: *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 23).

Foucault M. Les mots et les choses. P., 1966.

Rossi-Landi F. Il linguaggio come lavoro e come mercato. Milano, 1968.

Ryle G. Use, Usage and Meaning // *Proceedings of the Aristotelian Society*, Supplement, vol. XXV, 1961;

Wittgenstein L. Philosophical Investigations. N. Y., 1953.

Zipf G. K. The Repetition of Words, Time-Perspective and Semantic Balance // *The Journal of General Psychology*, XXXII, 1945.

ГЛАВА V

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИСТОРИИ ЯЗЫКА

1. К типологии функциональных подходов к изучению языка*

Подлинное познание неотделимо от проверки теории практикой. В связи с этим языковедение все большее внимание уделяет использованию языковых фактов и структур в практике человеческого общения, в условиях функционирования их. Отсюда интерес к функциональному аспекту языка, к изучению речи (дискурса), речевого поведения человека и к поведению (функционированию) языковых явлений в реальных актах коммуникации, в речи, в текстах. Целый ряд научных направлений, получивших развитие в последнее время, связан с этим стремлением исследовать язык в его конкретной реализации. Среди этих направлений: социолингвистика, лингвистика текста, лингвистическая прагматика и то, которое называется функциональной лингвистикой или функциональной грамматикой.

Обращение к функциональному подходу к языку в наши дни является не случайным, но должно рассматриваться как совершенно закономерный этап в развитии языковедческой науки.

Однако, как это нередко бывает, ключевой термин, отражающий новый поворот в развитии науки, приобретает чрезвычайно широкое значение, используется в самых различных случаях, заменяя даже иной раз — как престижный термин — существующие обозначения. Еще А. Мартине в своем лингвистическом словаре (1968 г.) отмечал четыре значения у слова «функция» в лингвистических работах (*La linguistique*, 103–106). Современные французские лингвисты отмечают, например, что *fonctionnel* нередко употребляется вместо *communicatif*, *notionnel*, *réalisation* (Costes). В конкретных лингвистических трудах и анализе материала за общим термином «функциональный», «функциональный подход» могут скрываться весьма различные оппозиции понятий. Ознакомление с лингвистической литературой позволяет выявить следующие различные соотношения функционального с его противочленами в оппозициях. Функциональное определяется как

* Впервые опубликовано: Проблемы функциональной грамматики. М., 1986.

1) узуальное в противоположность общему; 2) актуализированное (речевое) в противоположность языковому (системному); 3) ономаσιологическое в противоположность семасиологическому; 4) частотно-количественное в противоположность структурному; 5) формально-грамматическое в противоположность лексико-семантическому; 6) семантическое в противоположность формально-структурному; 7) синтаксическое в противоположность морфологическому или лексическому; 8) позиционно-ролевое в противоположность семантическому. Функциональное также определяется по-разному в зависимости от языкового уровня, являющегося объектом анализа: фонологического, лексического, грамматического.

В связи с многозначностью, которую термин *функциональный* приобрел в современном языкознании, назрела необходимость в разработке общей типологии функциональных подходов в изучении языка, в частности, его грамматики. Нашей задачей является, следовательно, не выделение какого-либо понимания термина «функциональный» в качестве «единственно правильного», но напротив, выявление разных возможных видов функциональных подходов, попытка их логического анализа и исчисления. В языкознании различаются прежде всего функции языка в целом (например, образительно-экспрессивная и коммуникативная функции) и функции языковых элементов. Ниже будет идти речь о функциях языковых элементов (слов, грамматических форм и т. п.).

Понятие функции в науке определяется по-разному. Но для различных определений можно найти единый инвариант, который сводится к тому, что *функция рассматривается как целевое назначение определенного элемента*, объекта. В «Философской энциклопедии» функция определяется как «способ поведения, присущий какому-либо объекту и способствующий сохранению существования этого объекта или той системы, в которую он входит в качестве элемента» (Никитин, 419). Для языка функция в конечном счете связывается с коммуникацией, ибо лишь благодаря коммуникации язык продолжает существовать и развиваться.

Анализируя высказывания теоретиков функционального подхода в науке (Марков), можно сделать следующие общие выводы относительно этого подхода.

1. Функциональный подход исследует объекты в их отношении к среде, отношение между объектом, являющимся субстратом или носителем функции, и средой. Функция элемента (объекта) определяется его ролью в системе. Поэтому изучение функционирования позволяет лучше понять внутреннее устройство объекта. Функционирование есть прежде всего движение. Известны слова Ф. Энгельса о том, что «о телах вне движения, вне всякого отношения к другим телам ничего нельзя сказать». Между прочим, значение изучения функционирования для исследования языка ощущал и Ф. де Соссюр. Он писал: «Язык (в общении) это корабль в море, не на верфи: невозможно заранее по форме его корпуса определить, каков будет его ход...

А изучать корабль как таковой должно только как корабль на плаву» (Cahiers..., 25). В лингвистике функциональный подход есть прежде всего подход *коммуникативный*.

2. Функциональный подход, исследуя отношение объектов к среде, изучает их роль в контексте целого. Следовательно, нужно говорить о функции части *по отношению к целому*, например, о функции данной детали в моторе, мотора в автомашине, автомашины в жизни человека. Обратное соотношение — целое — часть — описывается не как функция, но как влияние, воздействие. Таким образом, следует отличать функцию от воздействия.

3. Понятие функции связано с понятием целевого назначения, независимо от того, создается ли это назначение природой или человеком. Следует, таким образом, различать понятия *функция, использование и эффект*. Функция структурно обусловлена: объект возникает или создается с определенной целью, благодаря достижению которой сохраняется объект или система в целом. Но назначение может меняться. В таком случае следует говорить о *вторичной, переносной* функции объекта. Например, первичной функцией пуговиц является застегивание одежды. Но иногда они нашиваются для украшения платья, и в этом случае они выступают в переносной, вторичной функции. *Использование* (употребление) отличается от функции *непредусмотренностью системой*, но сближается с функцией целенаправленности действия, в которой проявляется функция. Использование носит нерегулярный, факультативный характер. Например, в известном ленинском примере со стаканом использование стакана для питья есть его употребление в его первичной функции. Но употребление его для того, чтобы держать пойманную бабочку или в качестве пресс-папье относится уже к собственно употреблению, но не к функции стакана. И, наконец, *эффект* характеризуется *нецеленаправленностью*. Французский автор так иллюстрирует различие между интересующими нас тремя понятиями (La linguistique, 105): функция аркбутана — поддержание стен здания, его использование для залезания на крышу есть его употребление, тот факт, что аркбутан может отбрасывать тень, — его эффект. К этому можно добавить, что использование аркбутана в качестве декоративного элемента здания может быть отнесено к его вторичной функции. Развивая эту идею, можно сказать, что все эти три идеи, основываясь на каузальных отношениях, различаются по двум критериям: интенциональность (специальное назначение) и регулярность употребления:

	функция	употребление	эффект
интенциональность	+	+	—
регулярность	+	—	—

Функцию характеризует интенциональность (намеренность) и регулярность (постоянство) ее проявления. Употреблению свойственна также интенциональность, но оно не предусмотрено системой. И, на-

конец, эффект не зависит от намерения и он окказионален. В языке проявляется различие между этими тремя явлениями. Так, в лексикологии различают значение слова (это не что иное, как его функция, предусмотренная системой языка), его употребление и эффекты стиля, которые могут реализовываться помимо намерения говорящего.

Отличие функции от употребления и эффекта лежит, по-видимому, в основе различия семантики и прагматики языкового высказывания. При анализе языковых фактов также целесообразно различать функции (первичные и вторичные), употребление и эффекты. Следует отметить, однако, что при частоте и регулярности явления употребление может перейти в одну из функций языкового факта, нарочитое создание эффекта также может перевести эффект в употребление или в функцию.

4. Между системой и функцией — диалектические соотношения. Функция проистекает из системного положения данного объекта (элемента), функциональный подход, как отмечалось выше, позволяет во многих случаях лучше определить положение предмета в системе, внутреннее устройство предмета и всей системы, в которую он входит. Вместе с тем один лишь функциональный подход, в отрыве от системно-структурного, не может дать адекватного представления о системе и устройстве объекта. К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Свойства данной вещи не возникают из ее отношений к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении» (Маркс, 67). Не случайно многие теоретики, говорящие о функциональном подходе, указывают, что при нем структура объекта нередко полагается как «черный ящик». Концентрируя внимание исследователя на общности функций, функциональный подход может привести к разрушению барьеров между отраслями внутри данной науки, даже между отраслями знаний. Но при всем этом функциональный подход нередко оказывается единственным способом обойти внутреннюю сложность предмета, объекта исследования. Ведь при функциональном подходе в его чистом виде исследователь ставит вопрос не о том, как собственно устроен предмет, но о том, для чего он служит, каково его назначение. Таким образом, у функционального подхода имеются и свои сложности и слабые стороны, о которых не следует забывать: этот подход, с одной стороны, способствует раскрытию сущности объекта, с другой — он может быть использован и вне задачи раскрытия внутренней структуры объекта. Поэтому функциональный подход должен базироваться на системном подходе и дополнять его. При чисто функциональном подходе снимаются особенности внутреннего строения объекта. Например, в своем функциональном анализе языка А. Мартине «потерял» такую важнейшую единицу языковой структуры, какой является слово, ибо слово функционально (в том аспекте, в котором рассматривал это Мартине) подобно части слова (морфеме), словосочетанию. При функционально-ономасиологическом подходе, о чем мы подробнее будем говорить ниже, стираются грани между уровнями языковой структуры.

Для построения более или менее полной типологии объекта необходимо учитывать различные его объективно существующие аспекты, ибо каждый из этих аспектов может быть основанием для своей типологии. Для выявления типов языковых функций, вернее, типов функциональных подходов, наибольшее значение имеют следующие аспекты функции: *объем языковой единицы* (носителя функции) и *объем среды*, в которой функционирует единица, соотношение *функции и семантики* языковой единицы, *ономасиологический или семасиологический* подход к соотношению предмета и его функции, *соотношение языка и говорящего субъекта*. В каждом из этих аспектов выявляется ряд типов функционального подхода.

1. Функция и семантика языковой единицы. В понимании функции в лингвистике проявляется прежде всего различие в том, что функция противопоставляется семантике языковой единицы или же охватывает ее. В последнем случае трактовка функции может принимать асемантический характер. Наиболее явно это проявилось в теориях, восходящих к Блумфилду, который считал функциональным только грамматическое, противопоставляемое им семантическому. Так, служебные слова он называл «функциональными» словами, полагая, что они лишены собственно семантического содержания и выполняют лишь структурно-организующую роль.

В синтаксических исследованиях также нередко функциональное противопоставляется семантическому (значению). Такое понимание функции реализуется, по сути дела, в классической теории членов предложения. Г. А. Золотова в своих работах по функциональному синтаксису русского языка также исходит из тройного противопоставления: форма — значение — функция.

Между тем существует и иная точка зрения, при которой функциональное не противопоставляется семантическому, само значение языковых единиц трактуется как их функция. Наиболее явно такое понимание функции представлено в трудах Пражской лингвистической школы. В отличие от Ельмслева, который, придавая понятию функции в языке математическую трактовку, определял ее как зависимость, функция в понимании лингвистов Пражской школы обозначает *цель, задачу*, назначение языкового элемента. Так В. Скаличка пишет: «В понимании наших лингвистов термин “функция” употребляется тогда, когда речь идет о значении (функция слова, предложения) или о структуре смысловых единиц (функция фонемы)» (Вахек, 249). Следовательно, в этой интерпретации функция отражает любое назначение элемента языка. Функция может быть как *семантической*, если данный языковой знак используется для обозначения предметов, связей, отношений объективной действительности, так и *асемантической*, если языковой элемент выполняет только структурную функцию. В речи слово может обладать одновременно рядом функций: собственно семантической, номинативной и синтаксической, строевой. В свою очередь синтаксическая функция слова в предложении может иметь семантический и асемантический харак-

тер. В своем семантическом аспекте синтаксическая функция указывает на роль элемента ситуации, обозначаемого данным словом, в структуре ситуации в целом, отображаемой данным высказыванием. Асемантический аспект синтаксической функции проявляется в организующей роли данного члена предложения в предложении.

2. Объем языковой единицы-носителя функции и объем среды, в которой рассматривается функционирование единицы. Как отмечалось выше, функция отражает поведение части в целом, элемента-субстрата функции в среде. Усложнение элемента и расширение среды, в которой функционирует элемент, образует основной параметр в типологии языковых функций. В зависимости от объема элемента и объема среды можно различать следующие типы функциональных подходов.

1) Элемент — субстрат функции — слово, среда его функционирования — предложение. Здесь в свою очередь различается два варианта в подходе:

а) изучаются средства, позволяющие слову выполнять определенную функцию в предложении. В этом случае возможны два вида оппозиций:

— лексика (субстрат функций) — грамматика (функциональное). Такого взгляда, как отмечалось выше, придерживался Блумфилд.

— морфология (субстрат функций) — синтаксис (функциональное). Такая оппозиция обнаруживается у французского грамматиста Ж. Гугнейма (*Gougenheim*).

б) изучается роль слова в предложении, выявляются различные роли (функции), которые слова могут выполнять в предложении. К такому позиционно-ролевому пониманию функции относится традиционная теория членов предложения в ее различных вариантах. Функциональная грамматика А. Мартине сводится также по сути дела к выделению членов предложения. Функциональными монемами он называет, например, предлоги и артикли, указывающие на функцию существительного в предложении, оформляющие его как член предложения. При таком подходе семантика и функция слова в предложении противопоставляются, о чем говорилось выше.

2) Носитель функции — слово, словосочетание, грамматическая категория, предложение, — словом, любой элемент языка; среда функционирования — внеязыковая ситуация, прежде всего денотативная, то есть событие, описываемое высказыванием. При этом подходе выделяется ряд вариантов:

а) исследуется грамматическая категория в ситуации, выявляются частные ситуации, с которыми соотносится данная грамматическая категория с ее субкатегориями. Обозначение таких частных ситуаций интерпретируется как функция категорий. При этом понятие функций получает семантическую трактовку;

б) исследуется предложение в ситуации. В этом случае функция получает ряд различных интерпретаций:

— функциональным аспектом предложения является его актуальное членение, отражающее информативный аспект высказывания;

— функцией предложения является его роль в тексте;

— функцией предложения оказывается указание на описываемую им ситуацию.

Таким образом, формируются три варианта функционального синтаксиса: коммуникативный синтаксис (актуальное членение), грамматика текста, семантический (ситуативный) синтаксис;

в) в более общем плане под функциональным понимается актуализация любых единиц. Таким образом, субстратом функции при этом подходе выступает языковая система в целом, во всех ее элементах, функцией оказывается речевая реализация этих элементов и языковой системы в целом. Например, контекстуально-ситуативное значение слова в конкретном высказывании трактуется как функция слова, в отличие от его значения, определяемого его местом в лексической системе данного языка (*Nagy*).

3. Носитель функции — любая единица языка, но преимущественно высказывание; среда функционирования — более расширенная — охватывает не только предметную ситуацию, но и все аспекты речевого акта. Здесь можно различить три подхода более частного характера:

а) функция — соотносительность высказывания с различными параметрами и аспектами акта речи. К таким аспектам относятся, например:

— характер отношений между говорящими (профессиональные, неофициальные, деловые);

— социальные роли и статус говорящих (например: начальник/подчиненный);

— обстановка, в которой осуществляется речевой акт;

— канал передачи сообщения (устная речь, письменная речь);

— коммуникативная задача в акте речи (просьба, информация, приказ, обещание и т. д.);

— порядок актов речи, влияющий на выбор средств выражения;

— синтаксический контекст (ср. *Могу я выйти? — Да, но: Разрешите выйти. — Пожалуйста*);

— предмет, референция акта речи.

В данном случае функциональная грамматика призвана показать, какие языковые средства соотносятся с теми или иными сторонами акта речи.

В современной лингвистике стремятся определить общую структуру акта речи. И хотя она еще не разработана во всех деталях, можно в речевом акте выделить следующие основные компоненты: 1) говорящий; 2) адресат; 3) исходный материал высказывания (пресуппозиция говорящих); 4) цель сообщения; 5) развитие, внутренняя организация речевого акта; 6) контекст и ситуация общения. Каждый из этих аспектов акта речи может подразделяться на более частные элементы. Например, внутренняя организация акта речи предполагает использование элементов, обозначающих вступление в речевое дейст-

вие, его продолжение или прекращение. К ним относятся обращение, глаголы речи, некоторые междометия и речевые стереотипы (*эй!*; *послушайте*; *скажите, пожалуйста*; *ну, ну, продолжайте*; *у меня все* и т. п.), а также элементы, отмечающие внутреннее членение сообщения (*во-первых, далее* и т. п.). Функциональный подход в данном случае заключается в том, чтобы выявить разнообразные языковые элементы, «речевые слова» или «индикаторы», которые выражают отмеченные речевые категории, выделяемые и отражающие различные аспекты акта речи;

б) функциональное — узус, обычные, общепринятые, узуальные способы выражения в определенных условиях общения, в типизированных проявлениях человеческой практики. При подобном функциональном подходе изучается, например, какие языковые средства используются для выражения приветствия, благодарности, при общении на почте, в транспорте, на собрании, в магазинах и т. п.;

в) функция — прагматическое значение высказывания, не вытекающее непосредственно из его семантики (*Larreya, 22*). Например, функцией предложения «У вас есть часы?» является не осведомление о том, является ли адресат собственником часов, но запрос информации о времени. В данном случае задачу функционального лингвистического анализа усматривают в выявлении путей формирования подобных прагматических значений высказывания.

3. Функциональный подход к явлениям языка иногда интерпретируется как изучение поведения носителя языка в акте речи. При этом имеет место логическая инверсия: исследуется не отношение языковых фактов друг к другу или же их отношение к описываемой действительности, но отношение говорящего к языку, его функция в самом акте речи.

4. Семасиологический и ономасиологический аспекты в функциональном подходе. Типы функционального подхода могут различаться в зависимости от того, следуем ли мы по направлению от формы к содержанию (семасиологический подход) либо от содержания к форме (ономасиологический подход).

1) При семасиологическом подходе исследуются функции языковых форм, причем выявляется три направления внутри функционально-семасиологического подхода:

— функциональный анализ заключается в изучении поведения языковых элементов в речи, выявлении их сочетаемости, их частотности;

— функциональный анализ заключается в установлении значений данного языкового элемента в речи. По сути дела все описанные выше варианты функционального подхода являются семасиологическими;

— функциональный анализ состоит в установлении общей типологии функций языковых элементов, в свете которой и определяются функции конкретных единиц языка. При этом подходе разрабатывается целевой взгляд на функцию, обоснованный Пражской школой. Любое назначение элемента в языке составляет его функцию. Языко-

вой элемент может, следовательно, выполнять функцию семантическую, указывая на элемент внеязыковой действительности, или асемантическую — дистинктивную или строевую, организующую. Фонемы обладают только асемантической функцией (если отвлечься от их использования в звукоподражаниях и в звуковой символике), лексемы, морфемы, синтаксемы, интонемы могут обладать как семантической, так и асемантической функциями. В свете целевого понимания функций следует различать первичные и вторичные функции языковых элементов. У двуязычных лингвистических единиц первичная функция семантическая и проявляется в оппозиции. Она отвечает на вопрос, с какой целью, для чего прежде всего в языке существует данный элемент. Например, у форм числа первичной функцией является различение единичности и множественности, что проявляется в оппозиции. У форм времени — различение действия в прошлом, настоящем или будущем, — в зависимости от системы времен в данном языке. У глаголов *идти* и *ехать* — различение способов передвижения (пешком или в транспорте). Однако, ввиду асимметрии плана выражения и плана содержания, свойственного языковым явлениям, последние могут приобретать новые, вторичные функции. В этом случае языковой элемент либо приобретает обобщенное значение, при котором стирается оппозиция, либо используется в значении своего противочлена по парадигме, либо, наконец, утрачивает непосредственную соотнесенность с действительностью. Таким образом формируются три вторичных функции: функция генерализации, транспозиции и десемантизации. При генерализации, как отмечалось выше, языковой элемент употребляется с обобщенным значением. Значения противочленов нейтрализуются. Например, показатели числа выступают в функции генерализации в универсальных высказываниях: *Собака — лучший друг человека*. В этом случае можно было бы употребить и форму множественного числа (*Собаки — лучшие друзья людей*) без изменения значения высказывания. Форма времени генерализуется в абсолютном значении (*Дважды два — четыре*), причем и здесь возможно употребление разных парадигматически различающихся форм (ср. будущее время: *Дважды два будет четыре*). При транспозиции языковой элемент употребляется в функции (значении) своего противочлена. При этом также имеет место нейтрализация форм, не сопровождающаяся, однако, как в случае генерализации, семантической нейтрализацией. Транспозиции имеет место, например, при употреблении формы настоящего времени в плане прошедшего (так называемое «настоящее историческое»). И, наконец, при десемантизации языковой элемент не несет собственной семантической нагрузки, но выступает лишь как способ организации языкового знака или в качестве дистинктивного элемента. Например, категория рода выступает в первичной семантической функции у существительных одушевленных, где она различает при оппозиции форм пол одушевленного существа. Она выступает в функции генерализации при обобщении (например, *тов. Иванова — преподаватель фи-*

зики, не — преподавательница). Но та же категория рода выступает в асемантической функции у существительных неодушевленных, служа или для оформления означаемого данного имени или для отличия его от другого (ср. франц. *le livre книга, la livre фунт*). Не всякий языковой элемент обладает перечисленными четырьмя общими функциями (первичной семантической в оппозиции, функциями вторичными — генерализации, транспозиции, десемантизации), в целом в языке эти функции выделяются достаточно четко. Изложенный функциональный подход позволяет рационально представить сложный и пестрый языковой материал, прогнозировать употребление языковых элементов.

2) При ономасиологическом подходе конструируется функционально-ономасиологическая грамматика языка. В этом случае рассматривается использование языковых форм для выражения определенных значений. Функциональное, следовательно, соотносится с понятийным. В современном языкознании существует тенденция именно ономасиологическую точку зрения считать функциональной, хотя это и не точно, поскольку, как мы попытались показать выше, функциональный подход может разрабатываться и в семасиологическом аспекте. Элементы функционального подхода обнаруживаются в любом описании языка при изложении синонимических средств выражения. Но впервые, как определенный целенаправленный подход, она была представлена и разработана в книге Ф. Брюно «*La pensée et la langue*» (1922 г.), где систематически изложены способы выражения во французском языке различных общих понятий и отношений. Брюно называл свою «грамматику» «идеологической», по аналогии с «идеологическими» словарями, представляющими лексические средства языка на основе общности выражаемых ими значений. Ономасиологическая грамматика не является грамматикой в собственном смысле этого слова. Недаром критики Брюно называли его «пораженцем в грамматике». Ономасиологический подход в конечном итоге, если он проведен до своего логического конца, стирает грани между уровнями языка, показывая, как средства разных уровней дополняют друг друга и взаимодействуют друг с другом при выражении определенных значений. Это взаимодействие принимает форму собственно взаимодействия или компенсации. Ономасиологическая грамматика разрабатывается в теории лексико-семантических или функциональных полей. Она может принимать различные модификации в зависимости от того, как решаются исследователем проблемы, возникающие перед ним в плане выражения и в плане содержания. В плане выражения основная проблема сводится к учету элементов различных уровней. Можно построить ономасиологическую функциональную грамматику, ограничивающуюся фактами одной морфологии, либо одного только синтаксиса, либо грамматическими средствами в целом. Но можно при ономасиологическом описании языка принимать во внимание средства всех уровней языка. В этом случае грамматика перестает быть грамматикой в собственном смысле термина и пре-

вращается в функционально-ономасиологическое описание языка. Следует отметить, однако, что расширение материала — закономерное явление при ономасиологическом подходе, поскольку он принципиально безразличен к статусу используемых для выражения данного значения средств в системе языка. Ономасиологическое описание в своем наиболее полном виде естественно становится междуровневым.

Другая проблема ономасиологического функционального описания языка заключается в способе выделения и наименования понятий (понятийных категорий, «идей»), лежащих в основе описания. Здесь опять-таки описание может быть частным, касающимся некоторых значений, выделяющихся, например, в морфологической системе данного языка, и полным, охватывающим максимально широкий круг значений, выражаемых средствами грамматики, словообразования, интонации и лексическими категориями. Для выявления этих понятий целесообразно сочетание методов индуктивных (сопоставление языков на уровне речи, внутриязыковое перефразирование) и дедуктивных (анализ общих мыслительных категорий и онтологических категорий мира).

Наш обзор типов функциональных подходов к изучению языка и построению функциональной грамматики показывает, что в этой области, как и во многих других областях языкознания, нет единой точки зрения. Но ее и не может быть, так как исследуемый объект обладает множеством различных характеристик и при различных описаниях за основу берутся определенные объективно существующие характеристики объекта. Поэтому для полного и всестороннего описания языка необходимо сочетание различных функциональных подходов. Закономерно, следовательно, появление различных «функциональных грамматик». Лишь их совокупность даст адекватное представление о функционировании такого сложного и многопланового явления, каким представляется естественный человеческий язык.

Вахк И. Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 67.

Марков Ю. Г. Функциональный подход в современном научном познании. Новосибирск, 1982.

Никитин Е. Функция // Философская энциклопедия, т. 5. М., 1970.

«Cahiers Ferdinand de Saussure», 15. Genève, 1957.

Coste D. Communicatif, fonctionnel, notionnel et quelques autres // Le Français dans le monde, 1980, № 153.

Gougenheim G. Système grammatical de la langue française. P., 1966.

La Linguistique. Guide alphabétique sous la dir. de A. Martinet. P., 1948.

Larreya P. Enoncés performatifs. Présupposition. Eléments de sémantique et de pragmatique. P., 1979, p. 22.

Nagy G. Abriss einer funktionellen Semantik. Budapest, 1973.

2. Семантическая структура языковой единицы и типология функций*

Наряду с объективным фактором (сложностью изучаемого явления) в разнообразии теорий и мнений большую роль играет и субъективный фактор, в частности понимание внутренней структуры значения. При анализе многозначных грамматических форм возникает вопрос, в каком соотношении находятся их значения. Здесь возможны три точки зрения, которые условно можно назвать плюралистской, унитарной и функциональной.

Плюралистская точка зрения исходит из того, что в каждом из своих отдельных значений языковая форма образует особую единицу (грамматическая омонимия).

Унитарная (глобалистская) теория считает, что все значения и употребления данной формы сводятся к единому общему значению (моносемия).

Функциональная точка зрения признает различие разных значений, которые несводимы к одному общему значению, хотя и могут вытекать одно из другого (полисемия).

Многие различия в трактовке одних и тех же явлений языка связаны именно с тем, из какой из этих концепций структуры значения исходят авторы. С этим связаны, например, известные споры о природе французского сослагательного наклонения. Разумеется, языковые факты неоднородны: в одних случаях более правильно отражает объективное положение дел плюралистская концепция, в других — унитарная, в третьих — функциональная. Но принципиальное допущение моносемии или полисемии при интерпретации, в частности, грамматического значения — один из важных спорных вопросов общей грамматики. Если Якобсон стремился обнаружить у грамматических форм единое общее значение, то Курилович, исходя из функциональной концепции, полагал, что следует различать прежде всего первичные и вторичные семантические функции (*Курилович*). Он считал необоснованным стремление искать во что бы то ни стало общее значение у каждого языкового элемента. Известен его пример со словом *осел*, первичным значением которого является «такое-то животное», а вторичным — «глупый или упрямый человек». В общем значении этого слова сохранилось бы лишь понятие «глупое или упрямое живое существо», что противоречит представлению носителей языка. Е. Курилович считает, что полезность и применимость общих значений к конкретным языковым проблемам еще предстоит решить.

Обе точки зрения — унитарная и функциональная — ставят свои трудности. При функциональном подходе приходится различать выделяемые значения и определять, какое из них является первичным,

* Впервые опубликовано: «О грамматическом значении и его объяснении» // ИЯШ, 1974, № 6.

а какое — вторичным, производным. Кроме того, здесь приходится решать вопрос о различии между омонимией и полисемией. При «унитарном» подходе наиболее сложным оказывается само определение «глобального» значения, которое должно охватить все без исключения употребления данной формы. Некоторые сторонники этой теории считают даже, что если у формы нельзя выделить единого значения, то она не образует грамматической категории. Они считают определение значения недостаточным, если оно не покрывает всех употреблений данной грамматической формы. Но стремление охватить единым определением все разнообразные употребления грамматической формы приводит к тому, что это определение либо отражает случайные, побочные значения (как это видно на примере слова *осел*), либо становится абстрактным, произвольным и просто бессодержательным, непригодным для практического использования. В самом деле, что, например, можно извлечь из таких определений, как то, что французский *subjonctif* выражает «аффективность», «психический динамизм» или «жизненный порыв»? (А ведь такие «общие» определения давались ему во французской грамматике.)

Тенденция искать единый общий знаменатель для языковой формы свойственна разным направлениям в лингвистике, но в особенности она характерна для так называемого психологического направления, представленного во французской грамматике прежде всего трудами Гийома и Дамурета — Пишона. Эти авторы стремятся дать общее семантическое обоснование различным употреблениям грамматической формы: и тем, где она значима и отражает определенные явления действительности, и тем, где она утратила значимость, превратившись в «пустую» форму. Характерный пример такого подхода мы находим у Дамурета и Пишона. Известно, что категория рода значима у одушевленных имен, где она отражает различия пола, и незначима у неодушевленных, где она является формальным признаком согласования. Желая найти общий семантический знаменатель для этой формы, они вводят категорию *sexuisemblance* («полоподобие»), заявляя, что род неодушевленных существительных также устанавливается приравниванием соответствующих предметов к существам мужского или женского пола. Они объясняют мужской род таких слов как *moteur* (мотор) или *remorqueur* (буксир) тем, что эти слова обозначают «самодетельные объекты», тогда как *moissonneuse* (жнейка) и *batteuse* (молотилка) — женского рода, так как соответствующие машины «остаются пассивными до тех пор, пока их не приведет в действие посторонняя сила» (*Damourette*, 380).

Если даже оставить в стороне анекдотический характер подобных объяснений, то следует подчеркнуть, что такое стремление совместить несовместимое приводит к искажению представления о специфике данной грамматической формы. С одной стороны, термин «полоподобие» не подходит к одушевленным именам, где, при наличии оппозиции, форма рода отражает непосредственно различия пола. С другой стороны, он не подходит и к неодушевленным именам, ибо у соответ-

ствующих предметов никакого «полоподобия» нет. В лучшем случае здесь можно было бы говорить об обратном воздействии формы на содержание, при котором — в связи с некоторым олицетворением — не грамматический род устанавливается исходя из пола объекта, а, наоборот, «пол» приписывается объекту исходя из грамматического рода слова. Таким образом, поиски семантического инварианта приводят к тому, что значимое трактуется как не вполне значимое, и к тому, что незначимое трактуется как значимое.

Чрезмерное увлечение поисками «глобальных» значений не только искажает реальную значимость отдельных грамматических категорий, но и наносит грамматической науке более значительный ущерб. Через всю историю грамматики проходит борьба между менталистским (реалистическим) и антименталистским (формалистическим) подходом к истолкованию грамматических явлений. В первом случае в грамматических формах подчеркивается содержательная сторона, их соотносённость с элементами мышления и описываемой действительности. Антименталисты считают, что в грамматических формах незачем искать внелингвистический субстрат и их следует объяснять, исходя из их связи с другими языковыми формами.

Факты языка противоречивы и дают основания для обеих точек зрения. Так, при менталистском подходе подлежащее может быть определено как член предложения, обозначающий реального носителя действия или состояния. С формальной точки зрения оно определяется как слово, имеющее такую-то грамматическую форму (например, в русском языке именительный падеж) и соотносящееся со сказуемым (имеющим также определенную форму). Первое определение подходит к предложениям типа *Человек идет*, но не годится для предложений типа *Работа идет*, где подлежащее выражает не субъект действия, а само действие, тогда как сказуемое выражает ход этого действия. Второе определение охватывает оба типа фраз (они имеют одинаковую формальную структуру), но дает им формальное поверхностное объяснение, не связывая факты языка с описываемой действительностью даже там, где это возможно. Так выявляются односторонность и неполнота обоих подходов. Менталистский — более глубок, он имеет материалистическую основу, но не может объяснить всех фактов языка. Формальный охватывает более широкий круг явлений, но дает неполное объяснение. Однако мы не можем отказываться от семантического, менталистского подхода и должны увязывать факты языка с фактами экстралингвистической действительности всякий раз, когда это окажется возможным, тем более что семантический подход облегчает практическое освоение языка. Между тем поиски глобальных значений у грамматических категорий приводят нередко к созданию воображаемых категорий, к наделению морфем мнимым значением, не соответствующим их реальной функции, и в конце концов компрометируют самую суть менталистского подхода, так что некоторые грамматисты обращаются к формальным методам как к более «точным и объективным». «Как правило, все попытки вывести

употребления определенной морфемы из ее «фундаментального» или «первоначального» значения оканчиваются неудачей», — пишет известный французский грамматист Р.-Л. Вагнер, сам склоняющийся в пользу формально-структурных методов (Wagner, 93).

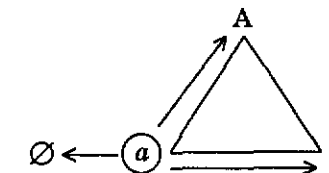
Сказанное выше подтверждает, что при анализе значения грамматической категории наиболее целесообразно исходить из ее полифункциональности. Грамматическая многозначность была предметом многих глубоких исследований в нашем языкознании. В порядке обобщения можно подчеркнуть, что, как бы ни были разнообразны значения полифункциональных грамматических категорий, их можно свести к нескольким основным типам. Продолжая идеи Куриловича, мы постараемся логически исчислить эти функции. Разные функции грамматических форм могут противопоставляться:

а) как значимые (отсылающие к элементам объективной действительности, например род у одушевленных имен, число у счисляемых имен) и незначимые (род у неодушевленных имен, число у несчисляемых);

б) как первичные и вторичные. Первичные проявляются, как отмечали Е. Курилович и де Бур, независимо от контекста и окружения, это — парадигматические значения форм; вторичные представляют собой переосмысление (транспозицию) и проявляются в определенном лексико-грамматическом окружении. Пересечение двух противопоставлений образует три разновидности (типа) функций грамматических элементов:

	<i>Первичные функции</i>	<i>Вторичные функции</i>
<i>Значимые</i>	в оппозиции	при транспозиции
<i>Незначимые</i>	—	при десемантизации

Логически исчислить типы функций можно исходя и из других предпосылок. Языковое значение, будь то лексическое или грамматическое, выявляется в оппозиции внутри общего более широкого понятия. Например, значение глаголов *идти* и *ехать* внутри общего значения «передвигаться»; значение единственного и множественного числа — внутри значения «весь данный класс объектов». Частные значения (*a*, *b*) отображают соподчиненные видовые понятия внутри родового (A):

Форма *a* может иметь тройкий перенос: она может приобрести общее значение A (функция обобщения, семантическая нейтрализация); приобрести значение противочлена *b* (функция транспозиции, семантический перенос) и, наконец, утратить всякое значение, то есть со-

отнесенность с внеязыковой действительностью (служебная функция, десемантизация).

Первичная значимая функция проявляется прежде всего в оппозиции (например, у категории числа: *стол* — *столы*, у категории времени: *читал* — *читаю* — *буду читать*). Однако формы, выступающие в оппозиции, могут нейтрализоваться в семантическом плане, приобретая обобщенное значение (ср. *человек смертен* — *люди смертны*; так называемое настоящее абсолютное в системе времен и т. п.). При семантической транспозиции изменение значения может быть внутрикатегориальным (данная грамматическая форма употребляется в значении другого члена той же оппозиции, например, использование настоящего или будущего времени в функции прошедшего, так называемое настоящее или будущее историческое) или межкатегориальным, когда данная форма употребляется в значении иной грамматической категории (например, использование некоторых форм прошедшего или будущего времени по французскому языку не во временном, но в модальном значении, в частности использование имперфекта в значении условного наклонения, будущего времени в значении императива). В незначимой функции грамматический элемент десемантизируется, он перестает соотноситься с каким-либо элементом действительности или с какой-либо категорией мысли. В такой функции он может либо быть только формальным, либо нести при этом еще и различительную функцию (например, род у неодушевленных существительных может способствовать различению значения слов, ср.: *la physique* — *физика* и *le physique* — *внешний облик*). Мы видим, что грамматический элемент, отходя от своего первичного значения, может либо переосмыслиться, либо десемантизироваться. Перенос (семантическая транспозиция) и утрата значения (десемантизация) — два общих возможных пути развития любого языкового элемента (слова, словосочетания, словообразовательной или грамматической морфемы). Наличие у грамматической формы нескольких различных функций, в том числе значимых и незначимых, которые невозможно свести к одному «общему семантическому знаменателю», отнюдь не должна ставить под вопрос существование грамматической категории. Это мы видим на примере таких категорий как род, число, время, лицо. Функциональный подход может дополнительно осветить некоторые из спорных вопросов грамматики и «реабилитировать» некоторые категории, вызывающие сомнения у грамматистов.

При анализе грамматических значений форм необходимо принимать во внимание подвижность этих значений, а также полифункциональность грамматических форм. При анализе и объяснении не надо видеть самоцель в классификациях и определениях (мы наблюдали, что последние неизбежно односторонне и не полностью отражают значения форм), но делать упор на выявление различных функций форм. При этом целесообразно не просто перечислять значения (функции) формы, как это нередко делается, но различать первичные и производные, значимые и незначимые функции. Это важно

потому, что объяснение должно быть различным в зависимости от того, с каким типом функции мы имеем дело. Первичной функции может быть дано общее определение, вне связи с контекстуальными условиями. При анализе производных значений следует уточнять те лексические и грамматические факторы, которые приводят к переосмыслению значения данной формы. Разграничение значимых и незначимых функций также весьма важно, ибо оно позволяет обходиться без поисков «общих значений» у различных употреблений одной и той же формы.

В заключение подчеркнем еще раз, что во многих случаях значение грамматической формы несводимо к одному общему знаменателю, но представляет собой фактически определенную систему значений и функций. В разнообразии теоретических определений и классификаций следует видеть не произвольные построения лингвистов, но результаты стремления отразить разные стороны этого сложного явления.

Курилович Е. Заметки о значении слова; Деривация лексическая и деривация синтаксическая // *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962.

Damourette J., Pichon E. Essai de grammaire, v. 1. P., 1911, p. 380.

Wagner R.-L. La grammaire française. La grammaire moderne. Voies d'approche. Attitude des grammairiens. P., 1973, p. 93.

ЧАСТЬ II

ОТ СИТУАЦИИ
К ВЫСКАЗЫВАНИЮ

(ОТОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА)

ГЛАВА I

ПРОБЛЕМЫ ОНОМАСИОЛОГИИ*

Ономасиология — семантическое изучение наименований, номинаций. Она идет от предмета (понятия) к наименованиям, их обозначениям. Многие идеи, относящиеся к этой отрасли лингвистики, были высказаны до появления самого термина *ономасиология*. Среди основоположников этой науки можно указать Ф. Дица, затронувшего проблемы ономасиологии в своих работах о словообразовании в романских языках, а также А. Дарместетера, изучавшего приспособление слов к выражению новых понятий. Большой вклад в развитие этого направления внес академик М. М. Покровский, который писал в 1898 году, что семантика ставит перед собой две задачи: 1) изучение судьбы слова, обозначающего определенное понятие в различных языках; 2) изучение способов выражения данного понятия в разных языках. Это разделение задач четко указывает на различие между семасиологией и ономасиологией.

Ономасиология как наука ставит ряд первостепенных проблем:

1. Соотношение между ономасиологией и семасиологией. В отношении этой проблемы в науке предлагались три решения:

а) ономасиология не является семантической наукой в собственном смысле слова. Семантика изучает значение слова и его развитие; семасиология имеет дело не со значением, а с обозначением, то есть с лексическим элементом с уже определенным значением применяется для обозначения объекта. Правда, если исследовать выбор наименования (номинации), сопоставляя с возможными другими обозначениями одного объекта, то неизбежно выявляются семантические особенности слов и других форм обозначения;

б) Ономасиология подчиняется семасиологии, поскольку, чтобы использовать слово для обозначения, нужно сначала знать его значение.

в) Ономасиология и семасиология дополняют друг друга, соединяясь в рамках общей семантики. Не только семасиология определяет, как было отмечено выше, ономасиологические (номинативные) возможности слова, но само значение является абстракцией от денота-

* Опубликовано: *Problèmes d'onomasiologie // Kaleidoskop der Lexikalischen Semantik*. Tübingen, 1997.

ивных возможностей самого слова. Л. Витгенштейн говорил, что значение слова в конечном счете определяется тем, что оно способно обозначать. Если новый объект А начинает регулярно обозначаться словом В, то это значит, что данное слово расширило свое значение либо приобрело новый метафорический смысл.

2. Соотношение между ономаσιологией и функциональной лингвистикой. Все чаще говорят, что ономаσιология прежде всего и представляет функциональную лингвистику. Все чаще появляются исследования, в которых ономаσιологический анализ именуется функциональным. Но подлинно функциональным является в первую очередь ономаσιологический подход, потому что он изучает функции языковых форм. И если ономаσιологический подход трактуют как функциональный, то это, по-видимому, потому, что он делает упор на коммуникативную значимость языковых форм.

3. Основная трудность ономаσιологического анализа состоит в определении объема понятия, которое принимается за исходное; с этой целью используются различные приемы. Прежде всего, объект (понятие) берется в экстралингвистическом мире — так поступали первые ономаσιологи, изучавшие обозначения одних и тех же объектов в романских языках и диалектах. Второй способ заключается в изучении значений самих языковых форм. И, наконец, третий прием, подходов, в частности, для контрастивных штудий, состоит в том, что в качестве отправного момента берется слово третьего языка и затем изучаются эквиваленты его слов и грамматических форм в сопоставляемых языках. Нередко оказывается полезным обращение к данным других наук. Так, ономаσιологическое изучение способов обозначения звуков не сможет обойтись без данных акустики и т. п.

Наибольшую трудность в ономаσιологических исследованиях составляет самый характер понятий, которые кладутся в основу анализа. Один из основоположников ономаσιологии Яберг подчеркивал в своих «Основах ономаσιологии» (Grundfragen der Onomasiologie), что исследованию подвергались «народные» понятия с твердым ядром и нежными границами (Populärbegriff mit einem festen Kern und unscharfen Grenzen). Но как известно, современная логика показала, что не только «народным» понятиям свойственна такая структура, но что человеку свойственно вообще оперировать расплывчатыми понятиями, имеющими четкое ядро и нечеткие границы. Человек не мог бы общаться мыслить иначе: с понятиями, имеющими всегда четкие границы, оказался бы парализован в языковом отношении. Твердое ядро, известное всем носителям языка, обеспечивает взаимопонимание, тогда как неясные границы понятий позволяют найти обозначения для разных предметов, обеспечивая таким образом коммуникацию.

4. Ономаσιология, язык, система и речь. Долгое время ономаσιологические исследования были ограничены уровнем языка-системы; следовались способы обозначения понятия или предмета в лексической системе такого-то языка. Но всякий акт речи является ономаσιологическим, так как в нем дается обозначение фрагменту ситуа-

ции, описываемой данным высказыванием. Поэтому целесообразно различать два уровня в ономаσιологии: ономаσιологию на уровне языка-системы, когда за основу берется означаемое, чтобы определить его означающее, и ономаσιология на уровне речи, в реализации; в этом случае исходят от денотата (представления о конкретном предмете), чтобы определить его обозначение. Ономаσιология на уровне речи сближается с теорией текста, с прагматикой. На уровне речи важнейшую роль при обозначении играет говорящий, именуемый субъект.

Отношения между означаемым (референт в языке-системе) и его означающим, с одной стороны, и отношения между ситуативным речевым референтом и номинацией — с другой, далеко не симметричны. Так, на уровне системы, русскому слову *рука* «вся верхняя конечность» во французском языке соответствуют два эквивалента: *bras* и *main*. Но в реальном тексте слову *bras* может соответствовать не только *рука*, но также *плечо*, *локоть*, тогда как слову *main* не только *рука*, но также *пальцы*, *ладонь*.

Мы встречаемся здесь с тройным уровнем межязыковых соответствий: ономаσιология на уровне речи — русское широкозначное слово (*рука*) соответствует более узкому *bras* или *main*, которые, в свою очередь, могут переводиться французскими словами еще более узкого значения (*плечо*, *локоть* и др.).

Ономаσιологические исследования на уровне речи побуждают различать три этапа в развитии этой науки.

На первом этапе ономаσιологические штудии были исключительно лексическими, они были посвящены отдельным объектам или понятиям полям (термины родства, части тела и т. п.).

Начало второго этапа можно отнести к деятельности Пражской школы, которая стала изучать лексические номинации в рамках высказывания. Матезиус провел различие между функциональной ономаσιологией, то есть наименованием внеязыковых объектов, и функциональным синтаксисом, который определяет объединение номинаций в рамках высказывания. Но этот подход оказался недостаточным, так как сама синтаксическая структура отображает отношения между объектами внеязыкового мира. Грамматические формы — это тоже языковые знаки.

На третьем этапе расширяется сфера приложения ономаσιологического подхода: речь идет уже не об обозначении только объектов, но также отношении и типов процессов. Высказывание в целом интерпретируется как языковой знак на уровне речи. В настоящее время ономаσιология разделилась на два направления: с одной стороны, она сближается с теорией номинации, с другой — с грамматикой кодирования, «активной» грамматикой, основанной трудами Ф. Брюно, Шюперсена, Шербы.

Ономаσιологические исследования особенно эффективны при сопоставлении способов обозначения одной и той же реалии в разных языках. Такова была, впрочем, цель первых ономаσιологов, изучав-

ших романские говоры. Сравнение позволяет выявить типы расхождений между номинациями, которые могут касаться трех аспектов фонетической формы, морфологической формы (включая деривацию) и внутреннюю форму номинации.

Типы расхождений в области фонетики и морфологии мы здесь рассматривать не будем.

Что касается внутренней формы, то она представляет бóльший интерес. Согласно В. Гумбольдту, внутренняя форма — это отличительный признак, который говорящий избирает в процессе номинации.

Избираемые отличительные черты могут быть весьма различны, но можно все же установить определенную их типологию, исходя из различных параметров. Разумеется, в первом приближении эта типология может быть лишь весьма абстрактной.

Прежде всего можно выделить два типа согласно логическим иерархиям «быть» и «иметь», которые объединяют предметы соответственно на основе сходства в парадигматические классы (поля Грира) и синтагматические (поля Парцига). Различительные признаки первого типа можно назвать независимыми или собственными, второго — относительными. Внутренняя форма может проистекать от первого признака (форма, размер) или от второго (назначение).

Другая типология внутренних форм может быть предложена, исходя из изложенной более ста лет тому назад теории А. Дарместетера, касающейся форм развития значения слов. Этот ученый выделил два типа семантического развития: радиацию (параллельность) и сцепление (последовательность).

Эти две формы отношений определяют и структуру ситуации, и структуру текста, они имеют универсальный характер. События могут сосуществовать во времени и пространстве или же образовывать последовательности. Радиация и конкатенация может связывать внутреннюю форму номинаций одного и того же предмета в разных языках.

Например, в самолете можно видеть объявление *Застегнуть привязные ремни*. По-английски привязные ремни именуются *seat belts* «ремни на сиденьях», по-французски *ceintures de sécurité* «ремни для безопасности». Внутренняя форма каждого из этих обозначений отражает одну из объективно существующих характеристик объекта (местонахождение, способ употребления, назначение), которые одновременно сосуществуют в нем. Это пример радиации. Каждый язык выбрал один из этих признаков, чтобы обозначить предмет, оставив в стороне два других, которые, однако, подсказываются ситуацией.

Также в самолете в инструкциях по безопасности речь идет о плавательном спасательном жилете, который по-английски именуется *life jacket*, а по-немецки *Schwimmvest* и который следует надевать, для спасения своей жизни во время катастрофы. В этом случае три отобранных в разных языках при номинации признака образуют конкатенацию: плавать — спасать — жизнь. Каждая из номинаций отражает один из этапов процесса, остальные подсказываются ситуацией. Так, немецкое обозначение («плавательная куртка») не говорит, что этот

жилет предназначен для спасения жизни, английское и русское — что его надо надеть, чтобы плавать. Приведенные примеры наглядно показывают избирательность говорящих при формировании номинации.

До сих пор мы говорили о фактах ономазиологии на уровне языка-системы. Но, как все явления семантики, она должна рассматриваться и на уровне речи. Говорящие творят акт ономазиологии, номинации в каждом акте речи, так как они должны обозначить, наименовать предмет, действие, качество, представленные в данном отрезке ситуации. Эти акты номинации эфемерны, номинации исчезают с окончанием высказывания, но тем не менее они показательны для общей теории ономазиологии, так же как и для структуры языка. Равница между ономазиологическим актом в языке и в речи заключается в том, что первый нередко приводит к изданию новых номинаций, а второй использует обычно слова, существующие в языке.

Можно разработать типологию номинаций для человека согласно их внутренней форме. Человека в речи можно обозначить именем собственным, по полу, возрасту, занятию и т. п. (это будет рассмотрено подробнее дальше).

Предметы также могут быть обозначены разным способом: прямым именем нарицательным, гиперонимом, оценочным обозначением, местоимением. Каждый язык отдает предпочтение определенным типам номинаций. Сопоставление переводов и наблюдение за разговорной речью позволяют выявить показательные различия во внутренней форме используемых номинаций. Так, французский язык употребляет чаще, чем русский, гиперонимические, местоименные, относительные номинации, зависящие от знания ситуации, русские деноминации тоже независимы от контекста и ситуации.

Номинация действия может осуществляться непосредственно, глаголом либо отглагольным существительным, или через упоминание актанта, связанного с данным действием.

В тексте выбор номинации может зависеть от взаимодействия ее с другими обозначениями. Здесь различаются три типа номинаций: независимая, синтагматически обусловленная и повторная, которые будут рассматриваться более подробно в других главах.

Внутренняя форма номинации ситуации (высказывания) определяется отбором элементов ситуации и отношений между ними. Существенным моментом в формировании номинации-высказывания является проблема экономии и избыточности. Так же, как и при выборе внутренней формы слова, некоторые различительные черты и характеристики могут быть опущены, остаться на уровне глубинной структуры, другие, напротив, выводятся в поверхностную структуру высказывания.

При описании (обозначении) одной и той же ситуации экономия и избыточность распределяются между языками различным образом.

Известный дорожный знак интерпретировался ранее по-русски фразой *Тише ход. Дорожные работы*, по-французски *Ralentir — Travaux*

en cours (букв. Замедлить (ход). Идут работы), по-английски: Slow. Men at work (букв. Медленно. Люди за работой). Ситуация, обозначенная второй частью формулы, включает четыре элемента: (1) Люди + (2) работы + (3) ремонтные + (4) производимые.

Французская формула актуализирует элемент (2) и (4), русский — (2) и (3), английский — (1) и (2). Элемент (2) является константой всех средств выражения, остальные — факультативны, они легко выводятся из ситуации. Работу производят люди, поэтому элемент (1) вытекает из (2), конкретная ситуация имплицитно включает элементы (3) и (4).

Центральным вопросом ономазиологии как на уровне языковой системы, так и на уровне речи является внутренняя форма. Она выступает как связующее звено между предметом и его обозначением в речи, между ситуацией и высказыванием.

ГЛАВА II

О ДВУХ ТИПАХ ЗНАКОВ В ЯЗЫКЕ*

(высказывание и слово)

При интерпретации языка как семиотической системы знаком в языке обычно считают слово (устойчивое словосочетание), морфему, графему (в письменной форме языка). Остается открытым вопрос о возможности трактовки как знаков синтаксических конструкций, интонации, различных средств связи. Наиболее репрезентативной знаковой единицей в языке считается слово.

Особенность языкового знака видят, по сравнению со знаковыми единицами иных семиотических систем (например, системы дорожной сигнализации), в асимметрии знака, несовпадении плана выражения и плана содержания. Однако более внимательный анализ показывает, что при сравнении естественных языков с другими знаковыми системами сопоставляются единицы разных планов. Так, например, в системе знаков уличного движения знаком считается сложное обозначение, характеризующееся определенными фигурами, формой, цветом, полосами, цифровыми или буквенными обозначениями и элементами, которые в других сочетаниях могут фигурировать в других знаках. Дорожный знак всегда однозначен, он непосредственно указывает на отрезок объективной реальности (ситуацию). В языке такому сложному знаку, соотносящемуся с ситуацией, являющемуся законченным продуктом семиотического акта, соответствует не слово, но предложение, точнее — высказывание. Аналогом слова в системе дорожных знаков могут считаться изображения, фигуры, одним словом, части знака. Не случайно языковая интерпретация дорожного знака представляет собой номинативное (*Дети*) или глагольное предложение (*Движение запрещено*).

Уже это сопоставление показывает, что в семиотических системах следует различать два типа знака: полный знак, представляющий собой законченный продукт семиозиса (семиотического акта), непосредственно и однозначно указывающий на ситуацию, и частичный знак, составляющий элемент полного знака, хотя и имеющий отдельный

* Впервые опубликовано: Язык как знаковая система особого рода. М., 1967.

референт. Обнаруживается ряд аналогичных черт в структуре полного знака в системе знаков дорожной сигнализации и в естественном языке. Дорожный знак состоит из обозначений предметов, иконического или символического характера, а также категориальных символов («указание», «запрещение» и т. п.), значение которых можно сопоставить со значением индикатива и императива — двух основных модальностей простого предложения. Со своей стороны, фигуры, изображения, входящие в знаки (пешеход, велосипед и др.), сопоставимы с отдельно взятыми словами; они дают лишь приблизительные указания на предметы и могут переходить из одного полного знака в другой, не будучи в состоянии самостоятельно соотноситься с ситуацией.

Основные типологические особенности полного и частичного знака могут быть определены следующим образом.

Полный знак: законченный продукт семиозиса, непосредственно соотносится с ситуацией (то есть обладает предикативностью), однозначен, референт полного знака объективен по отношению к данной знаковой системе.

Частичный знак: «полуфабрикат», используемый для построения полного знака, с ситуацией соотносится не непосредственно, но лишь путем включения его в полный знак, многозначен, референт частичного знака представляет собой результат условного членения внутри данной знаковой системы.

В языке полный знак — высказывание, частичный знак — слово.

Бенвенист считает, что предложение содержит знаки, но само знаком не является, так как не обладает виртуальным значением, не может быть потенциальным членом единицы более высокого уровня, не может быть поставлено в пропозициональную функцию. И, наконец, в отличие от других языковых элементов, предложения не могут быть пересчитаны, ибо число их бесконечно. Однако высказывание полностью соответствует определению знака как чувственно воспринимаемого элемента, представляющего другой элемент в коммуникации и познавательной деятельности человека (Резников). Предложениям соответствуют разные высказывания. Подобно всякому знаку, высказывание имеет обобщающий характер, поскольку оно указывает не на все детали и элементы ситуации, но лишь на некоторые, служащие опорой при наименовании и понимании. Обобщающее свойство высказывания проявляется и в его относительной устойчивости, ибо в сходных ситуациях используются сходные или однотипные предложения. Прочие качества предложения (высказывания), отмеченные Бенвенистом, такие как его актуальность, а не виртуальность, его предикативность, связаны именно с тем, что оно представляет собой выражение законченного семиотического акта (предикативность оказывается знаком соотносительности высказывания с определенной ситуацией).

С другой стороны, знак-слово не обладает некоторыми важными характеристиками знака как единицы семиотической системы. Ос-

новная функция знака — различительная — в нем реализуется не полностью вследствие многозначности, типичной для слова. Характерная черта знака — замещение элемента действительности, также осуществляется словом не непосредственно, но через включение его в высказывание.

Используя терминологию Бейссанса, Прието предлагает сохранить термин *знак* за словом (и соответственно, за значимой частью дорожного сигнала), а высказывание, как и дорожный сигнал в целом, обозначать термином *сема*. Это предложение не представляется удачным ввиду того значения, которое термин *сема* приобрел в современном языкознании (элементарная единица плана содержания), а также непривычного использования слова *знак* для обозначения «части знака» в неязыковых семиотических системах. Но разграничение двух типов знака — полного (результат законченного акта семиозиса) и частичного (полуфабрикат полных знаков), представляется необходимым. В связи с этим предлагалось обозначать высказывание как «сверхзнак» или сложный знак (Моулз, Лефевр), либо называть высказывание знаком, а слово и т. п. «подзнаком» («гипосемой») (Лучиди, Де Мауро, Пальяро). Учитывая принципиальное соотношение между целым и частью, при котором, включаясь в целое, части приобретают новые свойства, которыми они обладают вне целого лишь потенциально, следует полноценным знаком в языке признать высказывание, а слово трактовать как «субзнак», строительный материал для знака.

Высказывание как единица языка относится к уровню интеграции всех прочих выделяемых уровней, планов и аспектов, на котором, по выражению Карцевского, переплавляются единицы всех других уровней. Этот уровень коммуникации называют лексическим (Карцевский), семиотическим (Ельмслев), символическим (Сепир), категориальным (Бенвенист), семантическим (Холлидей).

Полагают, что высказывания не могут считаться знаками, так как их безграничное количество не дает возможности образовать систему, высказывания находятся за пределами системы знаков в силу своей численной неограниченности. Однако понятие системы знаков можно трактовать двояко. Следует различать внешнюю и внутреннюю системность знаковых систем. Внешняя системность отражает системные отношения, присущие самим референтам предметной области, охватываемой данной знаковой системой. Это наблюдается в некоторых областях науки и техники с ограниченным числом поддающихся систематизации референтов. Внутренняя системность знаков заключается в том, что они состоят из определенного набора единиц низшего уровня, находящихся между собой в парадигматических и синтагматических отношениях. Такая формальная системность позволяет конструировать новые знаки из частичных, что особенно важно для знаковых систем с нефиксированными предметными областями. Высказыванию свойственна именно такая внутренняя системность. Подобно всякому другому знаку, оно характеризуется значением, то есть отношением к референту, и смыслом — способом представления рефе-

рента в знаке. Следовательно, внутренней формой обладает не только частичный знак — слово, но и полный знак — высказывание.

Если сравнивать в натуральном языке и других семиотических системах сопоставимые явления, то следует признать, что с точки зрения внутреннего строения частичные знаки языка не отличаются от частичных знаков иных развитых систем, так же как полные знаки языка сами по себе аналогичны полным знакам других семиотических систем. Языковой знак не имеет, следовательно, особой специфики по сравнению с другим знаком. Однако язык в целом, как семиотическая система, имеет существенные отличия от других знаковых систем как в плане выражения, так и в плане содержания.

Полный знак может представлять собой единое неразложимое целое (такие знаки характерны для систем с небольшим числом фиксированных значений). Полный знак может представлять собой объединение выделимых черт (фигур), которые могут в иных комбинациях включаться в другие полные знаки, но самостоятельно не указывают ни на какой фрагмент объективной реальности и, следовательно, не имеют знаковой природы (таковы световые сигналы, состоящие из сочетания огней разного цвета). И, наконец, полный знак может представлять собой комбинацию частичных знаков, состоящих из незначковых единиц-фигур. В системе знаков уличного движения обнаруживаются все три вида полных знаков, причем преобладают, по видимому, знаки второго типа. В естественном языке полные знаки, за редким исключением, относятся к третьей группе, что является важной типологической характеристикой языка как знаковой системы.

Экономия языка заключается в том, что из небольшого числа незначащих односторонних единиц, обладающих лишь смысловозначительной функцией (фонем), складываются двусторонние асимметричные частичные знаки, число которых ограничено, но может быть расширено. Из этих асимметричных частичных знаков, характеризующихся многозначностью, складывается неограниченное число односторонних полных знаков-высказываний.

В свете сказанного предметом изучения лингвистики является процесс построения полных знаков из частичных. Вследствие асимметрии последних, в естественном языке структура и реализация не совпадают, в связи с чем полное описание языка должно включать три грамматики: грамматику структуры (описание отношений между означаемым и означающим), пассивную грамматику реализации (правила интерпретации звуковых форм) и активную грамматику реализации (правила выбора оптимальной формы выражения при организации сообщения).

С точки зрения плана содержания особенностью языка является то, что «на нем можно все сказать» (Мартине). Он представляет собой знаковую систему с неограниченным числом референтов. Следовательно, основная особенность языка лежит не в сфере его плана выражения, но в сфере его плана содержания. В знаковых системах с ограниченным, фиксированным числом сообщений не приходится

встречаться с ситуациями, не предусмотренными знаковой системой, так как каждой ситуации соответствует определенное означающее. Поэтому роль пользующегося такой знаковой системой сводится к идентификации, и в акте номинации устанавливаются отношения между двумя элементами — означающим и означаемым. Естественный язык имеет дело с неограниченным числом нечетко отграничивающихся друг от друга означаемых. Поэтому в основе наименования здесь лежит процесс классификации, связанный с формированием понятий, суждений (Остин). В акте номинации обозначаемый предмет подводится под определенное понятие, с которым сопоставляется наименование. В связи с этим в обозначаемом вычленяются две стороны: экстралингвистический реальный предмет (денотат) и отражаемое в формах языка абстрактное понятие о предмете (сигнификат). Одно понятие может охватывать разные предметы, которые в иных случаях подводятся под разные понятия. С другой стороны, один и тот же предмет может подводиться под разные понятия. Здесь вступают в действие логические отношения между понятиями, что делает номинацию сложной и разнообразной. В этом взаимодействии означаемых, их включении и пересечении и усматривается специфика языковой знаковой системы среди других семиотических систем (Прието). Особности плана выражения и плана содержания обуславливают гибкость языка и множественность форм отображения ситуации в языке, что лежит в основе стилистических дифференциаций, столь характерных для естественных языков.

ГЛАВА III

О СООТНОШЕНИИ ЯЗЫКА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ*

В зависимости от того, насколько принимается во внимание связь языка с мышлением и внелингвистической действительностью, можно выделить ряд тенденций в подходе к изучению языка: изучение языка вне его связи с мышлением и действительностью, его изучение в соотношении с формами и законами мышления, его изучение в непосредственном соотнесении с действительностью, минуя мышление, и, наконец, изучение языка в его соотношении с мышлением и действительностью одновременно.

Подход к языку как к самодовлеющей системе оппозиций, изучаемой «в себе и для себя», свойственен некоторым направлениям структурализма. Он способствовал более точному и углубленному изучению единиц языковой системы, их дистрибуции, их модификации, взаимоотношению между ними. Однако антименталистические направления современного структурализма все ярче проявляют свою ограниченность и подвергаются все большей критике не только в нашей стране, но и за рубежом.

Исследование языка в его соотношении с мышлением широко представлено в истории языкознания. Слово при этом рассматривается в соотношении с обозначаемым им понятием, предложение сопоставляется с различными формами суждений. Такой подход позволяет вскрыть диалектическое единство языка и мышления, и именно этому подходу языкознание обязано своими наибольшими достижениями¹. Поскольку понятия не возникают сами собой, но представляют результаты, в которых обобщаются данные опыта, изучение языковых форм в соотношении с понятиями и суждениями вместе с тем показывает, каким образом сама действительность отражается в идеальной стороне языковых единиц. Однако проблема «язык и мышление» не покрывает собой полностью проблемы «язык и действитель-

ность»¹. Помимо общетеоретического интереса, важность исследования отношения языковых форм к действительности обуславливается тем, что говорящий в каждом акте речи заново обобщает и организует данные конкретного опыта, ввиду чего один и тот же отрезок действительности может быть обозначен с помощью различных языковых форм.

В связи с тенденцией слишком прямолинейно переносить на язык определения и свойства искусственных семиотических систем, в последнее время возникают антименталистические попытки соотносить языковые формы с действительностью непосредственно, не обращаясь к мышлению². Это, однако, противоречит самой сущности естественного языка.

Основное отличие языка от искусственных семиотических систем заключается в том, что язык представляет собой знаковую систему, с помощью которой возможно делать неограниченное число сообщений³. Искусственные знаковые системы обслуживают ограниченное число различающихся сообщений, каждой ситуации здесь соответствует определенное, заранее данное обозначение и не предусматриваются ситуации, для которых в коде нет обозначений. В акте номинации устанавливается соответствие между двумя элементами: наименованием (N) и именуемым («номинатом» — R). Естественный язык должен быть устроен так, чтобы на нем можно было бы «все сказать»⁴, даже то, для чего в коде нет фиксированного обозначения. В связи с этим в основе наименования здесь лежит процесс классификации, связанный с формированием понятий⁵. При конкретном наименовании объект, на основании выделения в нем некоторых признаков, подводится под определенное понятие, с которым и сопоставляется обозначение. Только естественным языкам свойственно классифицирующее «вторжение» мышления в каждый семиотический акт. В связи с этим в номинате выделяются две стороны: экстралингвистический объект — денотат (D) и отражаемое в формах языка понятие — сигнификат (S). Таким образом, в естественных языках в процессе наименования устанавливается соотношение трех сторон:

¹ Этой проблеме уделяется все большее внимание и даже краткие руководства по лингвистике считают своим долгом на ней особо останавливаться (см., например: *Moulin G. Clefs pour la linguistique*. P., 1968, гл. «La langue et la réalité non linguistique»).

² См. критику этих положений в ст.: *Ломтев Т. П. Принцип отражения и его значение для теоретической грамматики // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания*. М., 1970, с. 264–265.

³ См.: *Жинкин Н. И. Четыре коммуникативные системы и четыре языка // Теоретические проблемы прикладной лингвистики*. М., 1965.

⁴ *Маршине А. О книге «Основы лингвистической теории» Л. Ельмслова // Новое в лингвистике*, I. М., 1960, с. 452. Аналогичные идеи высказывались Л. В. Щербой.

⁵ *Austin J.-L. Comment parler? // «Langages»*, 1966, 2, с. 78–79; *Абасов В. И. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания*. М., 1970.

* Впервые опубликовано: *Вопросы языкознания*, 1972, № 5.

¹ Анализ различных аспектов проблемы дан в работах: *Язык и мышление*. М., 1967; *Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления*. М., 1971.

наименования (номинации) (N), сигнификата (S) и денотата (D), что отражается в известном «семантическом треугольнике», символизирующем смысловую структуру слова и других языковых элементов.

Для того чтобы ответить на вопрос, как пользуются языком люди, как он функционирует, чтобы вскрыть языковую интуицию говорящих, нужно изучать язык в его непосредственной реализации, при учете взаимосвязи всех сторон «семантического треугольника»: язык — мышление — экстралингвистическая ситуация. В центре внимания исследователя в этом случае оказывается проблема номинации в широком плане — изучение того, как ситуация в целом и ее элементы получают языковое обозначение.

Проблема «слова и вещи» является одной из генеральных тем мирового языкознания. Но вопрос этот обычно остается в сфере языковой системы: исследуется, как вообще обозначается в том или ином языке тот или иной предмет, какие элементы объективной реальности отображаются (избираются и закрепляются) в значениях слов и грамматических форм данного языка (с этим аспектом исследования связаны в конечном счете проблемы этнолингвистики, языкового «членения» или «видения» мира, гипотеза Сепира — Уорфа и др.). Однако в связи с тем, что язык есть практическое сознание, то есть сознание, формирующееся в процессе конкретной деятельности людей, языковую номинацию следует изучать и в конкретных актах коммуникации, в связи с отношениями между предметами, процессами, качествами, выделяемыми человеческим сознанием при конкретном контакте с действительностью и обозначаемыми средствами языка.

Общие проблемы отношения языка и действительности не раз освещались с различных точек зрения¹. Однако самые общие закономерности организации речи в связи с закономерностями объективного мира не выявлены с необходимой ясностью. Между тем, аналогичная проблема приобретает все большее значение и в современной логике, стремящейся изучать структуру мышления в ее соответствии структуре бытия.

Включение слов в речь в акте коммуникации не сводится лишь к объединению их в знаковую ситуацию, охватывающую отношение знака к предмету (номинативный или денотативный аспект) и отношение человека к предмету, степень его информированности (модальный и логико-коммуникативный аспекты). Актуализированное предложение, рассматриваемое не только как определенная синтаксическая модель, но во всех указанных аспектах, составляет речевое высказывание.

В настоящей главе рассматриваются некоторые вопросы, связанные с отношением структуры высказывания к обозначаемому отрезку действительности. Изучение вопроса об отношении языковых форм и

действительности не только в плане языковой системы, но и в конкретных речевых актах становится необходимым еще и в связи с тем, что в процессе актуализации, при переходе от уровня языка-системы к уровню речи изменяются некоторые существенные аспекты знаковых отношений в языке, которые касаются структуры самих этих отношений, объема знака и отношений наименования.

Структура знаковых отношений. Как соотносится отмеченная выше тройственная смысловая структура слова с бинарной структурой знакового отношения, которое обычно интерпретируется как связь между означающим и означаемым? Относительно природы означаемого высказывались разные мнения. Соссюр отождествлял означаемое с понятием (concept), то есть с сигнификатом (франц. *signifié*). Между тем в логике и общей семиотике знак определяется нередко как материальный объект, символически отсылающий к «обозначенному им предмету, явлению, действию или событию, свойству, связи или отношению предметов, явлений, действий или событий»¹, то есть второй элемент знакового отношения трактуется как предмет, а не как понятие — мысленный конструкт, иначе говоря, как денотат. Характерно, что в работах по логике этот элемент именуется обычно не «означаемым», но «обозначаемым», что лексически калькирует латинские *designatum* или *denotatum*². Указанные расхождения являются не просто расхождениями терминологического или концептуального порядка. В них отражается внутренний противоречивый характер самих знаковых отношений в языке. В системе, на уровне языка, знаковые отношения объединяют языковой элемент (имя) и понятие — сигнификат, под которое подводится соответствующий класс предметов. Иначе быть и не может, поскольку в отвлечении от конкретной реальности и вне конкретного акта коммуникации имя может быть сопоставлено только с представлениями и понятиями о материальных предметах, связях между ними и т. п. В конкретном акте коммуникации положение меняется. Здесь имя используется для наименования элементов объективной реальности. В акте номинации устанавливается связь между наименованием, выражающим определенное понятие, и предметом (денотатом). Итак, если на уровне языка знаковые отношения представляют собой соотнесенность: наименование ↔ сигнификат/денотат, то на уровне речи лингвистический знак характеризуются уже отношением: наименование/сигнификат ↔ денотат³.

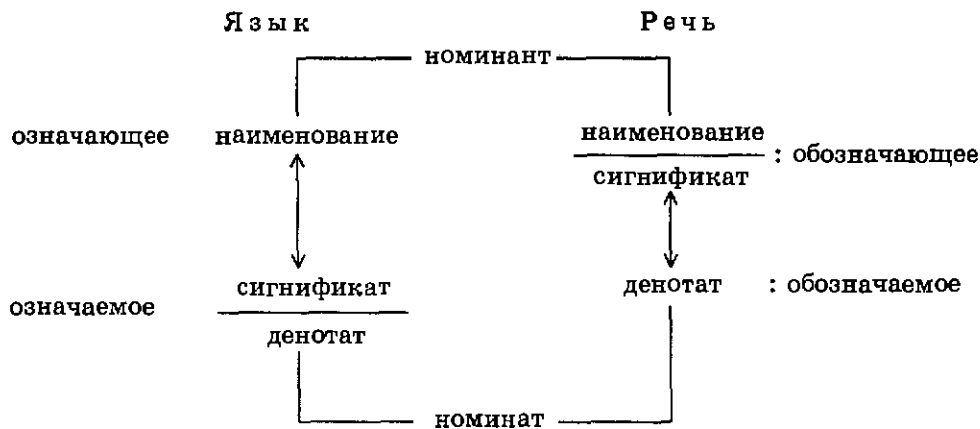
Для различения двух типов знаковых отношений было бы целесообразно ввести и соответствующие терминологические различия. Для двух элементов знаковых отношений в системе можно оставить термин «означающее» (*signifiant*) — «означаемое» (*signifié*, сигнификат).

¹ См., например: Филлин Ф. П. О некоторых философских вопросах языкознания // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970, с. 8–13; Клаус Г. Сила слова. М., 1967; Urban W. M. Language and reality. London, 1939; Quine W. Word and object. Cambridge, 1960, и др.

¹ Кондаков Н. И. Логический словарь. М., 1971, с. 160.

² См., например: Зиновьев А. А. Логика науки. М., 1971, с. 33.

³ Сходную мысль высказывает В. М. Солнцев в статье: Знаковость языка и марксистско-ленинская теория познания // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания, 1970, с. 223.

Элементы знакового отношения в реализации можно назвать терминами «обозначающее» — «обозначаемое» (денотат)¹. Могут представиться случаи, когда различие сигнификата и денотата оказывается несущественным. И тогда можно было бы применять термины более широкого объема, например, номинант (означающее или обозначающее) и номинат (ознаемое или обозначаемое).

Рассмотренная трансформация в природе знаковых отношений и составляет сущность актуализации в процессе перехода от языка к речи. Многие споры в языкознании объяснялись тем, что недостаточно учитывалась эта двойственная природа знаковых отношений в языке. Так, известные расхождения между Соссюром и Бенвенистом в трактовке произвольности языкового знака вызваны, по-видимому, тем, что первый видел в знаковом отношении прежде всего связь языковой формы с сигнификатом, второй же подключал и денотат. Не говоря прямо о специфике языкового знака на уровне языка и на уровне речи, лингвисты вынуждены были эмпирически при рассмотрении различных аспектов слова вводить дифференцирующие понятия: языковая и контекстуальная сининимия, значение и употребление слова и т. п. Важность различения значения и обозначения отмечал и Э. Косериу: «Конкретное обозначение (определенного объекта) есть факт «речи», тогда как значение есть факт «языка» (технических средств речи)². Отношения значения постоянны для данного синхронного среза языка (слово связано с определенным набором понятий). Отношения обозначения непостоянны, ибо в акте коммуникации один и тот же денотат может быть подведен под разные понятия и, следовательно, получать различные обозначения.

Объем знака. Рассматриваемый в языковой системе, лингвистический знак ограничивается пределами слова, словосочетания,

¹ См.: Вепров А. А. Семиотика и ее основные проблемы, М., 1968, с. 65–66.

² Coseriu E. Structure lexicale et enseignement du vocabulaire // Les théories linguistiques et leurs applications. Strasbourg, 1967, с. 43.

морфемы и других значимых элементов языка, которые соотносятся с определенными сигнификатами. На уровне речи, в реализации границы знака модифицируются. Знак в этом случае создается в результате семиотического акта, то есть установления соответствия между языковыми формами и отрезком экстралингвистической действительности. Но законченным продуктом семиотического акта является не отдельно взятое слово, но актуализованное предложение — высказывание, которое может состоять как из одного, так и из нескольких слов. В речи не слово, но высказывание выступает как подлинный полноценный лингвистический знак. Слово же, включенное в высказывание, оказывается частью знака. В связи с этим внутри высказывания слово может претерпевать различные семантические трансформации, изменять свое значение, подвергаться семантической нейтрализации, десемантизации и т. п.

Таким образом, различается два типа знаков в речи: «полный» («продикативный», «пропозитивный») знак, представляющий собой законченный акт семиозиса в языковой системе, и «частичный» («номинативный», «лексический») знак, являющийся строительным материалом для высказывания. Обозначаемым высказывания является соответствующая ему ситуация сообщения, речевая ситуация во всей совокупности ее аспектов, основное ядро которой — ее денотативная сторона (описываемые предметы и связи между ними)¹.

Отношения наименования. Отношение наименования по-разному проявляется в системе языка и в его реализации. В первом случае это отношение, связывающее имя и предмет, характеризуется тем, что одно и то же имя может указывать, в силу своей многозначности, на ряд разнородных предметов. В реализации отношение наименования характеризуется тем, что один и тот же предмет может иметь ряд разных имен, тогда как данное имя называет лишь один предмет². Поскольку один и тот же элемент действительности может получить несколько наименований, отношение языка к действительности сводится во многом к проблеме выбора наименования и выявлению закономерностей в построении языкового знака. Проблема отношения языка к действительности в плане реализации языковых средств выражения включает следующие три аспекта, на которых мы вкратце остановимся: а) внешнелингвистическая основа номинации, иначе говоря — проблема «внутренней формы» наименования, то есть

¹ См. подробнее: Prieto L. Messages et signaux. Paris, 1966 и другие его работы; Лурия Е. La communication et l'articulation linguistique. Bruxelles-Paris, 1967 и другие его работы; Гак В. Г. О двух типах знаков в языке (высказывание и слово) // Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода», М., 1967; «Общее языкознание» под ред. Б. А. Серебrenникова, М., 1970, с. 152–155. Если признавать наличие у актуализованного предложения (высказывания) номинативного аспекта, то слово и предложение следует различать не как номинацию и коммуникацию, но как «некоммуникативную» (или «докоммуникативную») номинацию и коммуникативную номинацию.

² Карпан Р. Значение и необходимость. М., 1959, с. 157.

выбора признака, выступающего в качестве исходной точки в акте наименования объекта; б) соотношение между структурой высказывания и структурой обозначаемого им отрезка действительности; в) типология номинаций, то есть соотношение различных структурных и семантических типов номинации.

Внешнелингвистическая основа номинации. Любой предмет, как известно, характеризуется множеством признаков, свойств, отношений. Их невозможно, да практически и не нужно выделять все в процессе наименования, и предмет называется по какому-либо одному или нескольким бросающимся в глаза признакам, которые репрезентируют весь предмет. Беря за основу наименования разные признаки, можно для одного и того же класса предметов образовать различные наименования, которые, совпадая по объему обозначаемого понятия, будут расходиться по этому признаку, положенному в основу наименования. Это обстоятельство было со всей глубиной отмечено в свое время еще В. Гумбольдтом, назвавшим этот признак, лежащий в основе названия, «внутренней формой». Признаки предмета, которые могут быть положены в основу наименования, неисчислимы и разнообразны. Однако в соответствии с положениями современной логики их можно разделить на две основные группы: собственные признаки предмета (качества, свойства, количества) и относительные признаки предмета, отражающие их связи с иными объектами (функция, пространственные и временные отношения и т. п.). Отражение этих признаков в значении слов формирует два основных типа сем: описательные семы (они отражают качества, свойства, величину) и относительные. В основу наименования может браться любой из двух признаков. Так, в русском языке «детский стульчик» назван по относительному признаку (назначение предмета), в основе английского наименования *high chair* (буквально «высокий стул») лежит собственный признак, отличающий данный предмет от других предметов того же класса. В данном примере различие внутренней формы (признака) не связано с различием классификации. Однако в языковой системе ряды наименований создаются исходя из классификаций, в основе которых лежит выделение либо собственных признаков, либо относительных признаков, либо обоих типов признаков одновременно. Например, в словарном определении слова «стул» обнаруживается сочетание описательной семы («род мебели, обычно со спинкой» — указание на устройство предмета) и относительной («предназначенный для сидения одного человека» — указание на функцию предмета). Приводя примеры расхождения во внутренней форме при наименовании одних и тех же явлений, В. Гумбольдт сделал еще одно важное замечание: говоря о внутренней форме языка, он подчеркивал, что «необходимо отыскать общий источник отдельных своеобразий, соединить разрозненные части в ор-

ганическое целое»¹. Определенная внутренняя форма характеризует не только отдельные слова или группы слов данного языка, она проявляется как некая более общая установка в формировании отдельных наименований и высказываний, в целом связанная с наличием в данном языке определенных единиц низшего уровня, для слова — словообразовательных моделей. Сопоставление способов формирования французской и русской научно-технической терминологии показывает, что при создании терминов, соотносящихся с одним и тем же денотатом, в русском языке в качестве основы наименования берутся функция объекта либо его пространственные отношения. Во французском языке терминологические наименования образуются значительно чаще путем метафорического переноса, так что при наименовании принимаются во внимание внешние свойства предмета. Это связано с преимущественным развитием отглагольного словообразования в русском языке и отыменного — во французском.

Отбор определенных черт обозначаемой действительности имеет место не только при формировании лексических обозначений, то есть слов и словосочетаний, но и при образовании высказывания, являющегося целостным обозначением отрезка действительности. Здесь также говорящий может брать в основу наименования различные признаки, свойственные обозначаемым предметам, различные отношения, отмечаемые между ними, в связи с чем одна и та же ситуация может получать ряд наименований. Выбор этих наименований не вполне случаен, но подчиняется определенным закономерностям, причем отбор наименований зависит в значительной степени от тех коммуникативных средств, которыми располагает данный язык. В силу своих языковых установок, говорящий для обозначения в речи элементов экстралингвистической действительности отбирает такие черты, которые покрываются существующими в языке словами-понятиями, и такие связи, которые выражаются стереотипными для данного языка конструкциями.

Нередко в одной и той же ситуации (контексте) можно назвать лицо или предмет по его разным признакам, без искажения общей информации (неназываемый признак предполагается известным участникам коммуникации). При этом можно обнаружить определенные тенденции в каждом языке. Так, в русском тексте при возможности выбора, лицо обозначается через имя собственное, тогда как во французском — значительно чаще с помощью местоимений или слов, отражающих связи между участниками ситуации (родственные отношения и т. п.). В этом проявляется ориентация французских номинаций на относительные признаки предметов.

Наименования различной внутренней формы могут получать не только субстанции, но и качества, и действия. Так, исследование по-

¹ Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях, I, 3-е изд. М., 1964, с. 90.

казывает, что при формировании высказывания движение обозначается во французском языке преимущественно по его направлению, в русском — по способу передвижения или по обоим признакам сразу (например, франц. *Il est venu* и русск. *Он пришел* или *Он приехал*). Это соответствие не случайно, оно представляет собой частное проявление более широкой закономерности в обозначении действия-процесса вообще. Среди различных аспектов, которыми может характеризоваться действие, наиболее важными являются: внутренняя характеристика действия (способ его выполнения — описательный признак) и отношение действия к другой субстанции (относительный признак). Первый аспект образует семантический субстрат многих безобъектных глаголов, второй лежит в основе семантики объектных глаголов, показывающих отношение между двумя субстанциями. В русском предложении действие нередко обозначается по обоим этим аспектам, во французском — обычно лишь по одному из них, причем ведущим оказывается отношение субъекта к другой субстанции, в то время как в русском — способ совершения действия. Ориентация французского высказывания на преимущественное выражение отношений между субстанциями приводит к широкому использованию транзитивных конструкций с переходными глаголами.

Соотношение между структурой высказывания и структурой обозначаемого отрезка действительности. Лингвисты, изучающие использование языковых средств в ситуации (*langage en situation*) и вне ситуации (*langage hors situation*), выдвигают как общее правило положение о том, что «чем больше информации несет в себе ситуация, тем меньше имеется необходимости в использовании языковых средств»¹. Однако анализ материала показывает, что это общее положение далеко не абсолютно. Даже самое «ситуативное» высказывание содержит в себе семантически избыточные элементы, да к тому же говорящие на разных языках подвергают супрессии различные стороны описываемой ситуации. Фраза *На дворе гроза собирается* (Чехов) переведена на французский язык *Le temps est à l'orage* (буквально: «Погода к грозе»). В русском высказывании избыточно указание на место действия (*на дворе*), так как гроза в прямом смысле может бушевать лишь вне здания, во французском слово *temps* «погода», ибо гроза по природе своей есть явление погоды. Можно сказать, что без семантической избыточности невозможно построить ни одной полноценной фразы, но эта избыточность различна в разных языках, а это связано с тем, что в каждом языке проявляются особые закономерности в соотношении между структурой высказывания и структурой действительности.

Семантическую структуру высказывания составляет совокупность элементарных смыслов или сем, соответствующих различительным чертам, которые говорящий выделяет в описываемой ситуации. Анализ семантической структуры высказывания показывает, что языко-

вые формы при реализации в речи очень точно, но по-разному (и в этом состоит одна из сторон специфики языков) реагируют на физическую природу описываемых явлений.

Возьмем три простейших высказывания: (1) *Он сел на стул*; (2) *Он сел на пол*; (3) *Он сел на поезд*. Если рассматривать номинации этих высказываний в парадигматическом плане, то есть с точки зрения отношения наименования к обозначаемым элементам действительности, то первое и второе высказывания противопоставляются третьему, так как в них глагол *сесть* обозначает то самое реальное действие («занять сидячее положение»), для наименования которого и служит в русском языке прежде всего этот глагол, тогда как в ситуации (3) различительная черта «занять сидячее положение» передованта, и глагол *сесть* здесь имеет иное значение: «занять место, расположиться где-либо для поездки», причем безразлично, будет ли субъект ехать сидя или стоя. Однако при попытке описать те же ситуации средствами другого языка, мы увидим иную классификацию высказываний. Так, по-английски или по-французски первая ситуация может, а третья должна быть обозначена без помощи глагола «сесть», глаголом «брать», обозначающим вступление в контакт в самой общей форме: (1) *He took a chair, Il a pris une chaise*; (3) *He took a train, Il a pris le train*. Во втором высказывании такая замена невозможна, беземы «сидячее положение», выраженной в глаголе или другой части речи, эта ситуация описана быть не может.

Эти возможные расхождения в способах первой и второй ситуации объясняются тем, что несмотря на идентичность физического действия, структура ситуации, то есть прежде всего отношение между предметами, действиями, признаками, неоднородна в этих случаях, что может отразиться на формировании высказывания.

Поскольку стул есть прежде всего орудие для сидения, то связь между действием «сесть» и предметом «стул» характерна и заранее известна говорящим. Если описывается такая само собой разумеющаяся связь, то сема «садиться» может быть опущена. Во втором случае отношение между действием «сесть» и предметом «пол» слабое, нехарактерно и поэтому оно должно найти специфическое лексическое выражение в высказывании, с тем чтобы сообщаемая информация не оказалась бы искаженной.

В третьей ситуации «сесть в поезд», где действие «занять сидячее положение» безразлично для говорящих, глагол *сесть* используется в фигуральном смысле и, как и всякий перенос, может не воспроизводиться дословно при переводе на другой язык.

Таким образом, по отношению к определенной различительной черте можно выделить три типа ситуаций: а) однозначная, неальтернативная ситуация, с устойчивыми предметными отношениями (1), при которых эта различительная черта обязательно присутствует в ситуации и ясна для говорящих; б) двузначная, альтернативная ситуация (1/0), в которой данная черта может присутствовать или от-

¹ «La linguistique», guide alphabétique sous la direction d'André Martinet. P., 1969, с. 69.

сутствовать; в) «незначательная» ситуация (0), где данная черта нерелевантна.

Устойчивые свойства и отношения предметов могут быть освещены с точки зрения понятия диспозиционального предиката, разрабатываемого в современной логике и отражающего характерные физические свойства предметов в определенных условиях.

В связи с тем, что языковой знак, подобно любой другой знаковой единице, служит для устранения неопределенности, его дистриктивная функция проявляется прежде всего в условиях альтернативной ситуации и неустойчивых предметных отношений. Семантическая структура высказывания (в отношении данной различительной черты) остается всегда идентичной, и типология номинаций сводится лишь к внешней форме наименования (оппозиция: слово — словосочетание; глагол — имя — прилагательное; знаменательное слово — служебное слово — морфема и т. п.).

При описании *н*е *з*н *а*ч *а*ц *и*х предметных отношений данная черта в ситуации не различается, соответствующая сема устраняется и языковой знак претерпевает переосмысление.

При описании *у*с *т*о *й*ч *и*в *ы*х предметных отношений данная черта утрачивает различительную функцию, в связи с чем соответствующая сема (и ее словесное выражение) может опускаться и создается условие для семантической типологии номинаций (избыточность выражения).

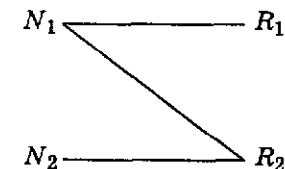
Приведенные примеры показывают, во-первых, влияние структуры ситуации на структуру высказывания; во-вторых, они подтверждают возможность разных типологических решений в структурной организации высказывания и выявляют характер этих типологических решений. Сравнивая русские высказывания *Он садится на стул* и *Он садится на пол*, мы обнаруживаем, что ведущим фактором в выборе наименования являются парадигматические отношения. Оба действия одинаковы в отношении отбираемой различительной черты и получают одинаковое наименование («садиться»), независимо от окружения. Во французских высказываниях *Je prends une chaise* и *Je m'assois sur le plancher* одни и те же физические действия обозначены различными лексическими единицами в связи с различием отражения предметных отношений и ориентацией выбора на синтагматические связи между номинациями. Таким образом, наименование может ориентироваться на парадигматические отношения между именем и денотатом, и в этом случае влияние структуры ситуации на структуру высказывания ограничено. Наименование, с другой стороны, может ориентироваться на синтагматические отношения между ним и другими номинациями высказывания, и в этом случае структура ситуации оказывается определяющей.

Семантическая типология номинаций. В лингвистике последних лет активно разрабатывалась структурная типология номинаций: обозначение одного и того же элемента плана содержания единицами разных уровней: морфемой, словом, словосочетанием.

Структурная типология исходит из неизменности означаемого. Однако изучение номинаций в речи позволяет установить семантическую их типологию, предполагающую различие означаемых.

Поскольку при наименовании в речи один и тот же объект может подводиться исходя из выделяемых в нем признаков под разные понятия (в связи с чем создаются разные означаемые), семантические отношения между номинациями соответствуют таким отношениям между понятиями, как включение, пересечение, исключение и т. п. Два разных наименования одного и того же денотата могут соотноситься как конкретное и абстрактное (отношение включения), прямое и переносное, метонимическое или метафорическое (отношение пересечения), они могут различаться по избираемой семантической оси (отношение исключения) и т. п. Но самым общим аспектом семантической типологии наименований является различие прямых номинаций (в широком смысле этого термина) и косвенных, что непосредственно вытекает из представления о языке как об орудии общения. Если рассматривать язык с функциональной точки зрения, как орудие общения, то использование слов, грамматических форм и конструкций можно сопоставить, *mutatis mutandis*, с использованием материальных орудий. Создаваемое для удовлетворения определенной потребности, орудие может быть в случае необходимости использовано в иной, несобственной функции. Слово (конструкция) возникает также для удовлетворения определенной потребности: потребности обозначения предметов (качеств, процессов) либо связей между ними. Однако как звуковая оболочка слова, так и обозначаемый им предмет имеет бесконечное количество свойств, связей, взаимоотношений с остальным миром. В связи с этим языковой элемент может претерпевать те же изменения, что и другие человеческие орудия: употребляться в несобственной функции.

Поясним это следующей схемой. Предположим, языковая форма N_1 создается для обозначения номината R_1 , тогда как N_2 призвано обозначать R :

Между языковыми формами N_1 и N_2 , как и между обозначаемыми предметами или понятиями R_1 и R_2 , могут существовать самые различные реальные связи, в силу чего наименование N_1 начинает использоваться для обозначения R_2 . Отношения N_1R_1 и N_2R_2 суть прямые (первичные) номинации; отношение N_1R_2 — косвенная (трансформированная) номинация. Косвенная номинация проявляется в семасиологическом плане ($R_1N_1R_2$: наименование N_1 используется для обозначения R_2 вместо того, чтобы обо-

значать только R_1) и в ономазиологическом плане ($N_1R_2N_2$: для обозначения R_2 используется N_1 вместо N_2).

Разрыв отношения прямой номинации N_1R_1 может проявляться как в парадигматическом, так и в синтагматическом плане. В первом случае образуются переносные употребления слов (N_1R_2). Во втором случае происходит десемантизация: элемент N_1 утрачивает способность самостоятельно обозначать какой-либо элемент действительности и соотносится с последней, лишь образуя сочетание с другим прямым обозначением ($N_1N_2 \leftrightarrow R_2$). Соединение этих двух типов косвенной номинации ведет к созданию фразеологизмов ($N_1N_2 \leftrightarrow R_3$).

Косвенные номинации обнаруживаются на всех уровнях языковой системы: в лексике (использование слов в метафорическом или метонимическом значении, десемантизация и фразеологизация), в морфологии (использование частей речи и их категорий в несобственном значении) и, наконец, в синтаксисе (изменение актантной структуры предложения, употребление сочинения вместо подчинения и наоборот и т. п.). «все типы предложений, по крайней мере в их генезисе, представляли языковые модели конкретных ситуаций»¹. Так, модель V (безличный глагол) отражала процесс, воспринимаемый как бес-субъектный, состояние окружающей действительности (*Дождит*), модель S + V — состояние или безобъектное действие субъекта (*Он задрожал, Он путешествует*), модель S + V + O — активное действие, переходящее на объект (*Он схватил камень; Он сделал нож*). В дальнейшем модели приобрели более обобщенное значение и стали использоваться одна вместо другой. Так, вторая стала употребляться вместо первой (*Дождь идет*), третья вместо второй (*Он совершает путешествие; Его охватила дрожь*). Характерно, что несобственное использование синтаксической модели сопровождается переносным употреблением грамматических форм и слов, входящих в высказывание. В последних примерах позиция существительного занята обозначениями процесса (*дождь, путешествие, дрожь*), тогда как в позиции предиката находится глагол в переносном употреблении (*идет, охватила*) или в полуслужебном (*совершает*). С развитием языка косвенные номинации могут стать единственным способом обозначения данного отрезка действительности.

Каждый язык по-своему использует прямые и косвенные номинации. Сопоставление средств обозначения во французском и русском языке показывает более выраженную тенденцию французского языка к использованию косвенных наименований: использование абстрактного наименования там, где следовало бы употребить конкретное, частое обращение к метафорическим и метонимическим обозначениям, употребление частей речи в их вторичных функциях, переносное использование грамматических категорий (времени, числа и др.), актантные трансформации (использование в функции подлежащего сло-

ва, обозначающего объект, который по своей природе не может нести функцию активного производителя действия).

Различение первичных и вторичных номинаций позволяет решить традиционный спор о соотношении языка и действительности, о том, являются ли языковые формы (морфологические категории, синтаксические конструкции) гомоморфным отображением внеязыковой ситуации, или же они представляют собой лишь формальные средства организации высказывания. Известно, что однозначный ответ на этот вопрос не выдерживал давления фактов.

Следует полагать, что прямые номинации гомоморфно отражают действительность, тогда как косвенные таким свойством не обладают. Они носят метафорический, переносный характер. Однако переход от прямых наименований к косвенным происходит в результате семантико-грамматических трансформаций, которые могут быть предметом исследования.

Критикуя гипотезу Сепира — Уорфа, обычно отмечают, что различное членение мира в лексике разных языков не может быть доказательством различного «мышления» или «миропонимания» народов, говорящих на сравниваемых языках, ибо если значения отдельных слов и не совпадают, то в совокупности лексико-семантические системы языков покрывают друг друга. Это объяснение справедливо, но недостаточно. Оно остается на уровне сигнификатов и языковых форм, рассматриваемых вне их употребления в речи. Его следует дополнить анализом на уровне конкретных актов коммуникации. Ведь слова существуют в языке не сами по себе, но как строительный материал для высказываний, как средство обозначения понятий, предметов, связей между ними в условиях знаковой ситуации. Приведенные выше примеры показывают, что в высказывании происходит нейтрализация слов с разным объемом значения и с разной внутренней формой (ср. *сесть (на)* и *взять, приходить* и *прибывать*). Таким образом, различия между словами, существенные с точки зрения статики, структуры словаря, оказываются несущественными с точки зрения динамики, языковой реализации. В свете реализации семантические различия между словами оказываются второстепенными и на первый план выдвигается их денотативная функция — способность указывать на определенный элемент ситуации. Различия в обозначениях одних и тех же предметов и ситуаций выступают прежде всего как различия в способе построения знака-высказывания (выбор признака, который кладется в основу наименования), а не как различия в формах мышления лиц, говорящих на данных языках.

¹ Общее языкознание. М., 1970, с. 57.

ГЛАВА IV

К ДИАЛЕКТИКЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЯЗЫКЕ*

Семантические отношения в языке (рассматриваемые как отношения номинации, то есть в плане отношения языковых единиц к их референтам) характеризуются внутренней противоречивостью. С одной стороны, им свойственна устойчивость: слово, морфема обозначают определенный предмет, класс предметов или тип отношений. С другой стороны, они отличаются большой подвижностью: языковые формы легко меняют свою референционную соотношенность, порой и вообще утрачивают всякую связь с каким-либо референтом. Лингвистическая наука не могла не отозваться на это объективное положение вещей. Устойчивость и подвижность значения слов находятся в центре внимания языковедов, тем более, что можно сказать, что если бы этой семантической асимметрии не существовало, то в значительной степени отпали бы многие трудности в теоретическом и практическом изучении языков. Двойственный характер семантических отношений отражается в используемых определениях. Так, семантическая устойчивость языковых единиц описывается в таких терминах как «инвариант значения слова», «основное или общее значение», «этимологическое значение», «промежуточное звено в развитии многозначности» и т. п. Семантическая изменчивость отражается в таких понятиях как лексико-семантический вариант слова, употребление слова, концептуальное значение, оттенок значения и др.

Значение языковых единиц может рассматриваться в трех аспектах: парадигматическом (отношения этих единиц с другими в парадигматических рядах и семантических группировках), синтагматическом (связь этих единиц с другими в речи) и денотативном (их отношение к обозначаемым ими элементам действительности). Разумеется, значимость слов и грамматических форм определяется их положением в парадигме, в семантическом поле, она модифицируется также в контекстуальных связях с другими единицами языка. Но здесь уместно понимать термин *определяется* в его этимологическом

* Впервые опубликовано: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.

значении: языковые элементы, составляющие парадигматический ряд, взаимно устанавливают «предел» своих значений. Оба эти параметра значения слова (или грамматической формы) — парадигматический и синтагматический — являются производными от третьего, основного, параметра, — денотативного, который обуславливается отношением языкового элемента к внеязыковым объектам. Взаимодействуя с другими элементами в синтагматическом или парадигматическом аспекте, данный языковый элемент не перестает иметь необходимость обозначать нечто, соотноситься с определенным референтом¹.

Важность коммуникативной функции языка побуждает некоторых философов языка и лингвистов недооценивать экспрессивную, отобразительную функцию языка. Так, если в своем «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейн интерпретировал язык как образ действительности, в основе которого лежит прямая связь между именем и обозначаемым предметом, то в «Философских исследованиях» он развивает концепцию, согласно которой значение слова определяется не его связью с предметом, но его употреблением. При этом понятие значения слова оказывается ненужным, и язык в целом уподобляется ящику с инструментами. Ясно, что при таком взгляде проблема гносеологического аспекта языка снимается: не возникает же вопроса об отражении действительности в гносеологическом аспекте в структуре молотка, пилы и других орудий, с которыми Витгенштейн сравнивает слова человеческого языка². Несомненно, между материальными орудиями и некоторыми элементами языка существует определенная аналогия в структурном и функциональном плане, и изучение языка в его орудийном аспекте открывает интересные перспективы, проливая свет на многие языковые явления³.

Однако было бы неверно не видеть и принципиальных различий. Язык является не обычным орудием, дополняющим естественные свойства человека (например, память), он — непосредственная действительность мысли, он необходим в отражающей деятельности сознания. Строение орудия теснейшим образом связано с его назначением, соответственно и язык должен быть устроен так, чтобы иметь способность выражать мысли и понятия, которые в человеческом сознании отражают действительность. И хотя язык соотносится с действительностью лишь через посредство мышления, он не мог бы осуществлять своей «орудийной», коммуникативной функции, если бы не обладал

¹ Ср. «Отождествление значения со взаимоотношениями между знаками есть следствие того, что значения, как правило, системны, так что значения элементов системы зависят от ее структуры в целом. Но неопозитивисты гипертрофировали данный факт, и это привело к забвению того тривиального обстоятельства, что знаки перестают быть знаками, когда они семантически не интерпретированы, то есть лишены значений» (Нарский 1969: 121).

² Эволюция взглядов Витгенштейна на обыкновенный язык исследуется во многих работах; см., например, Козлова 1971; Шалом 1966.

³ Более подробно этот вопрос рассматривался нами в статье «Язык, орудие и товар» (Гак 1971).

экспрессивной функцией, но имел бы способности определенным образом отображать реальность (хотя этот процесс отображения никоим образом не следует понимать так прямолинейно, как это представлялось автору «Логико-философского трактата»).

Чем далее развивается современная семантика, тем все более подтверждается, что ее проблемы не могут быть решены без обращения к объективной реальности, явления которой отражаются в сознании человека и обозначаются средствами языка. В 70-е годы в нашей стране появился ряд работ — статей и даже отдельных книг, посвященных проблемам связи языка с мышлением и действительностью, разрабатывающих семантику отображения в лингвистическом, философском и психолингвистическом планах (см. *Панфилов 1971; Кацнельсон 1972; Мигурин 1973*). Однако этот сложный вопрос нуждается в дальнейших исследованиях, и прежде всего в выяснении того, каким образом формируется и функционирует это диалектическое соотношение устойчивости и изменчивости семантической стороны лингвистических единиц. Подобно тому как устойчивость, передаваемая наследственностью, и изменчивость являются условием развития биологических видов, так и одновременная устойчивость и изменчивость семантических отношений необходима для функционирования и развития естественного языка.

Отличительная особенность естественных языков состоит в том, что они представляют собой знаковую систему с неограниченным числом сообщений¹. Совокупность языковых знаков не замкнута заранее никакой предметной областью и обладает возможностью к неограниченному расширению и «впитыванию» новых значений (*Баженов, Бирюков 1967*). Эта универсальность языка в плане выражения, его способность именовать что угодно, передать любую информацию является столь же необходимой для эволюции человека как биологического вида, как и его способность постоянно совершенствовать орудия, приспособляясь к окружающему миру. Из этого фундаментального свойства языка вытекают такие его особенности, как асимметрия знака, проявляющаяся в отсутствии обязательного взаимно-однозначного отношения между означающим и означаемым.

В искусственных знаковых системах, имеющих дело с ограниченным числом сообщений, акт номинации сводится к идентификации, а самое наименование имеет статус имени собственного. Естественный язык не может состоять из единичных имен не только в силу особенностей плана выражения (это привело бы к обилию знаков, непосильному для человеческой памяти), но главным образом, в силу особенностей плана содержания (объекты, подлежащие наименованию, заранее неопределимы ни в количественном, ни в качественном отношении). В связи с этим возможность языкового обозначения любых

¹ См. *Хоккет 1970*; рассматривая различные признаки языка, Хоккет приходит к выводу, что именно открытость в первую очередь создает его специфику.

демотатов обеспечивается наличием заранее известной всем говорящим на данном языке общей сети имен-понятий различных уровней абстракции, под которые в речи могут быть подведены обозначаемые демотаты. Эта сеть понятий не должны быть ни слишком частой, ни слишком редкой (немыслим язык, в котором были бы представлены лишь одни общие наименования типа *существо, действовать и т. п.*)¹. В естественном языке процесс наименования неизбежно связан с актом классификации: если нужно обозначить некий объект X, для которого в языке нет обозначения, то он на основании выделяемых в нем признаков подводится под понятия «А» или «В», для которых язык имеет специальные обозначения, и получает соответствующее наименование. Но при этом происходит «подгонка» самих слов к реальности: они то опускают кое-что из своего первоначального значения, то, напротив, кое-что добавляют к нему².

Таким образом, если устойчивость семантической стороны языковых единиц обеспечивает взаимопонимание лиц, пользующихся данным языком, то изменчивость их значения обеспечивает выполнение языком его коммуникативной функции. При этом, если в некоторых знаковых системах отношение знаков к вещам может устанавливаться без посредства сознания (*Кондаков 1971, 161*), то в естественном языке отношение наименования обязательно опосредуется сознанием. С помощью имен-понятий строится актуализированное высказывание, которое представляет собой результат конкретного семиотического акта и, в силу своей единичности, сходно по статусу с именем собственным.

Итак, диалектическое соотношение устойчивости и изменчивости семантических связей лингвистических единиц является фактом, необходимо присущим языку. Но как оно формируется? Ниже мы излагаем попытку осветить этот вопрос, глубокий анализ которого невозможен без широкого привлечения данных логики, психологии, теории информации и ряда других наук.

Есть определенная аналогия между материальной и духовной деятельностью человека, процессом производства материальных благ и процессом создания духовных ценностей при отражении сознанием человека внешнего мира. Процесс производства, как известно, включает три элемента: труд человека, средства труда, предметы труда. Произведенный продукт при этом будет зависеть не только от объекта и средств труда, но и от самой деятельности человека, в том числе и от его субъективных качеств. Формирование значений слов или

¹ Характерно, что количество слов в разных языках, в обществах с одинаковым уровнем развития цивилизации, примерно одинаково.

² Так, например, Г. Пауль объясняет ошибки, совершаемые в процессе говорения, особенно детьми при усвоении языка (*Пауль 1960, 106*). Но ошибка представляет собой лишь чрезмерное «растяжение» при той взаимной подгонке элементов языка и элементов ситуации, которая имеет место постоянно и в правильной речи.

грамматических категорий, «изобретение» наименования для какого-либо объекта представляют собой продукты мыслительной деятельности человека. Последняя также включает в себя те же три элемента: 1) мыслительный труд субъекта, дающего обозначение объекту; 2) средства, используемые для номинации, то есть языковые средства, находящиеся в распоряжении именуемого субъекта; 3) предмет номинации, то есть тот экстралингвистический объект, которому дается наименование.

Хотя три элемента, участвующие в актах номинации, а следовательно и в формировании семантической стороны языковых единиц (именующий субъект, языковой материал, именуемый объект), теснейшим образом взаимосвязаны между собой, так что нередко трудно решить, что принадлежит каждому из них, постараемся осветить их специфическую роль в формировании семантической стороны языка и, в частности, в той диалектике устойчивого и изменчивого, о которой говорилось выше. Особое внимание представляется целесообразным обратить на формирование изменчивости семантических связей языковых форм. Специфические стороны, связанные с ролью именуемого лица (номинатора) изучаются теорией познания, логикой и психологией, которые исследуют мыслительные процессы с разных сторон. Языковой материал (номинанты) является предметом изучения лингвистики. И, наконец, многие вопросы, связанные с материальными объектами, получающими обозначение в словах и предложениях (номинантами), изучаются физикой. Подобно тому, как современная логика все более стремится отразить логику физического мира (Уемов 1963, 73), так и языкознание должно включать в свой предмет изучение того, каким образом в формах языка отображаются закономерности внешнего мира.

Именующий субъект (номинатор). При анализе семантики в денотативном аспекте основным теоретическим вопросом является диалектическое взаимодействие субъекта и объекта. Между тем, этой проблеме все еще не уделяется должного внимания, и в различных семантических «треугольниках» и «трапециях», изображающих семантическую структуру слова и других значительных единиц языка, указание на именуемый объект вообще отсутствует (одно из немногих исключений — Клаус 1967, 16–17). Возможно, это не случайно, так как изучение слова в языковой системе как готового обозначения может быть отделено от его носителя, тогда как при анализе языковых форм в их использовании в речи, так же как и при исследовании генезиса номинаций, отрыв от именуемого лица невозможен. Философы, психологи подчеркивают активный характер мыслительной деятельности человека, его активность в процессе познания. Активный характер любого отражающего субъекта подчеркивают и психологи. «Биологическое отражение нельзя представлять себе в виде результата, зависящего только от внешнего воздействия. Активность биологического отражения может быть правильно осмыслена только на основе учета диалектики внешнего и внутреннего, при опреде-

ляющей роли внутреннего, ибо активность есть свойство не внешней среды, а именно живой системы» (Дубровский 1971, 177). Содержание образа отражения обусловлено взаимодействием субъекта и объекта (Урсул 1971, 98). Активность отражающего и именуемого субъекта по отношению к объекту проявляется в следующих трех аспектах: 1) на уровне языка в формировании объема значений языковых единиц (слов и грамматических форм), то есть элементов плана содержания; 2) на уровне языка в образовании способов выражения этих значений, то есть элементов плана выражения (внутренней формы слова); 3) на уровне речи в способе обозначения экстралингвистических элементов (референтов) в конкретных речевых актах.

1. Значения слов и грамматических форм определяются теми понятиями, которые лежат в их основе, сами же понятия формируются человеческим сознанием на базе отбора определенных черт при восприятии объектов действительности¹. Активность субъекта проявляется прежде всего в отборе тех черт объекта или объектов, которые он вкладывает в основу классификации. В языковом коллективе отбор признаков объектов носит общественный характер, он закрепляется установкой, приводящей к тому, что и в других случаях отбираются сходные признаки. Различительные черты, выделяемые сознанием в объектах при их наименовании порождают в конечном счете дифференциальные семы в семантической структуре единицы. Рассмотрим некоторые примеры.

Проводя разграничительные классификационные линии, человек сталкивается с двумя типами объектов. В первом случае перед ним ряд дискретных объектов и их надлежит сгруппировать определенным образом, причем они различаются или сближаются между собой равными признаками. Во втором случае предстоит отображению недискретные, переходящие друг в друга явления (в отличие от первых, которые можно назвать групповыми, эти объекты можно назвать скалярными). В обоих случаях выбор признаков оказывается решающим для формирования значений языковых единиц.

Возьмем группу орудий для земляных работ и рассмотрим их наименование во французском и русском языках. Эти орудия можно различать, например, по двум признакам (параметрам): по форме рабочей части (А), где дифференцируется рабочая часть широкой формы (преимущественно округлой) — А₁, с загнутыми краями — А₂ и суженной формы — А₃ (мы отвлекаемся здесь от других особенностей устройства этих предметов: длина ручки, материал рабочей части и др.), и по назначению: орудия (В), где различаются: сгребание — В₁ и копание земли — В₂. Некоторые из этих признаков несовместимы, например, А₂ и В₂: загнутые края не позволяют копать землю; А₃ и В₁: узкая рабочая часть неудобна для сгребания земли. Таких предметов в данных коллективах не производится, так что существующие

¹ О селективной и классифицирующей работе сознания и ее отражения в лексико-семантической системе языка см. Абаев 1970.

варианты этой группы орудий обладают признаками: A_1V_1 , A_2V_1 , A_1V_2 , A_3V_3 . Эти четыре типа предметов именуются лицами, говорящими по-русски и по-французски, и группируются следующим образом:

Назначение	Форма рабочей части		
	суженная A_3	широкая A_1	с загнутыми краями A_2
сгребание V_1		лопата pelle	совок pelle
копание V_2	заступ	лопата	
	bêche	bêche	

Мы видим, что в русском языке в качестве ведущего признака выделяется прежде всего форма орудия, тогда как во французском различительный признак берется его назначение. Вследствие выделения разных признаков у одних и тех же объектов, образуются разные по объему классы этих объектов и наименования, обозначающие эти классы, различаются по объему своих значений.

Так, класс «лопата» объединяет подклассы A_1V_1 и A_1V_2 , тогда как класс «совок» — только A_2V_1 . Видны и несовпадения объемов классов в русском и французском языках. При необходимости обозначить некоторый предмет, например, A_1V_2 , он получает наименование *лопата* в русском языке и *pelle* во французском на основании разных своих признаков. Различия объема значений этих слов могут остаться незамеченными при обозначении предметов типа A_1V_2 . Однако они сразу же выявляются при необходимости создать частное обозначение либо при нейтрализации тех различительных черт, которые лежат в их основе. Всякое разделение диалектически может перерастать в объединение. Большая широкая лопата с загнутыми краями, в которой нейтрализуются признаки, разделяющие собственно лопату и совок (A_1 и A_2) в русском языке получает название *совковая лопата*. Саперная лопата, которая служит одновременно и для расчистки земли и для ее перекапывания, и которая, следовательно, объединяет признаки V_1 и V_2 , называется по-французски *pelle-bêche*.

Специфические признаки предмета ярко выступают при использовании слова в переносном значении. В прямом значении слова отражаемые в наименовании признаки предмета не всегда выступают со всей очевидностью, ибо данный предмет обладает множеством признаков, и слово обозначает его как нечто целое со всей совокупностью признаков. При переносном значении, как и при всякой деривации, актуализируются лишь некоторые признаки обозначаемого словом явления, на основании которых и производится сближение двух разных явлений. Фигуральное выражение *загрести деньги лопатой* переводится на французский язык *ramasser l'argent à la pelle*, что вполне

логично, так как в данном случае может идти речь лишь об орудии типа A_1V_1 (с широкой рабочей частью; годном для сгребания). Однако в выражении *борода лопатой* актуализируется только один признак: широкая полукруглая форма рабочей части. Поскольку фр. *pelle* и *bêche* специально не указывают на такую форму предмета, они здесь употреблены быть не могут и указанное русское выражение должно переводиться с использованием иного слова, например: *barbe en éventail* букв. «борода веером».

Активный отбор признаков имеет место и при формировании понятий скалярного типа (возраст, цвета спектра и т. п.). Так, в ряду интенсивности температуры русский и французский языки различают уровни:

	холодный		теплый	горячий
froid		tiède		chaud

Определения не совпадают по объему, в связи с чем фр. *chaud* может соответствовать русск. *горячий* и *теплый*: *de l'eau chaude* — *горячая вода*, *le temps chaud* — *теплая погода*. При этом основной раздел проходит в месте, отмеченном двойной чертой. В русском языке *теплый* трактуется как «не холодный», тогда как во французском *tiède* означает скорее «не горячий». И это разграничение подтверждается переносными употреблениями слов: ср. русск. *теплые чувства* и фр. *sentiment tiède*, что значит «прохладное, холодноватое чувство».

Выбор различных признаков действий, субстанций, качеств лежит и в основе формирования грамматических категорий. Всякий процесс может (и должен) характеризоваться с точки зрения времени его протекания. Это время может устанавливаться по отношению к моменту речи (абсолютное грамматическое время), к другому действию (относительное время) и по отношению к осуществлению самого действия (этот признак лежит в основе фазисных и некоторых других значений категории вида). Русский язык «отобрал» первый и третий из этих признаков развертывания действия во времени, которые и сформировали в нем категории времени и вида. Французский язык фиксировал первый и второй признаки в грамматических категориях глагола. Третий оказывается в нем сопутствующим¹.

В чем причины подобных языковых различий, которые широко изучались и комментировались в лингвистике, особенно в связи с гипотезой Сепира — Уорфа? Защищая примат действительности по отношению к языку, некоторые авторы отмечают, что если языки «членият мир» по-разному, то это объясняется прежде всего социальным опытом носителей данного языка и, следовательно, в конечном счете условиями жизни людей, говорящих на данном языке. Аргументируя точку зрения, ссылаются на такие факты как множество различных наименований снега у эскимосов, дифференциация оттенков коричне-

¹ См. многочисленные примеры подобной избирательности в разных языках (Серебрянников 1955).

вого и желтого цвета у кочевых народов пустынь, богатство словаря рыбной ловли у приморских народов и т. п. (см., например, Шафф 1966, 172–173). Представляется, однако, что подобное объяснение упрощает истинное положение вещей и освещает лишь небольшую часть всех межъязыковых расхождений. Здесь необходимо различать два случая.

Выделение признаков и дифференциация понятий могут быть обусловлены внеязыковыми причинами, в частности, условиями жизни данного народа. К таким случаям относятся все отмеченные выше примеры. Можно добавить и другие факты подобного рода. Так, в языке франкоканадцев значительно больше наименований разновидностей снега, чем в языке жителей Франции. Это наглядно показывает, что один и тот же язык по-разному реагирует на различную действительность. Э. Косериу отметил, что у древних греков и римлян было две системы обозначения цветов; каждый из основных цветов: белый, черный, красный и др. имели две разновидности — с блеском и без блеска (Косериу 1964). В дальнейшем цветовая система романских языков формировалась под влиянием пришедших с севера германцев и противопоставление цветов с блеском и без блеска, характерное для древних народов средиземноморья, исчезло. Вполне понятно, что это может быть связано с объективно различными условиями восприятия цвета. В языках некоторых африканских народов, не знавших колесного транспорта, нет глагола *везти*, но зато лексически тонко дифференцируются оттенки действия *нести* («нести на плече», «нести на голове», «нести на спине» и т. п.). В подобных случаях можно было бы говорить об однозначной причинно-следственной связи между окружающей действительностью и значением языковых единиц.

Однако в подавляющем большинстве случаев выделение понятий и «членение» мира социально и исторически не обусловлено и выступает как известная случайность. Живущие в сходных условиях народы, говорящие на разных языках, проводят классификации на основании реально существующих, но различных признаков. Так, различие между *ехать* и *идти* почему-то отсутствует в романских языках, хотя средства транспорта в истории этих народов не переставали развиваться, более того, различие между *porter* «нести» и *vehere* «везти», бывшее в латинском языке, исчезло во французском и испанском языках. Эти функциональные различия не детерминированы внешними причинами. Но к процессу наименования следует подойти с точки зрения не механического, а диалектического детерминизма, допускающего одно-многочисленные отношения между причиной и следствием, так что «эффект воздействия определяется причинами, преломившимися сквозь призму окружающих условий и специфических для данного явления внутренних особенностей» (Ярошевский 1960: 465; Степанов 1970).

Проблема принимает, следовательно, иной поворот; различие рецензий в сфере лингвистических значений и номинаций не опроверга-

ет тезиса о детерминированности языковых явлений, поскольку, как мы видели выше, спецификой формирования языковых значений является взаимодействие субъекта с объектом и зависимость их от установки субъекта. Здесь детерминизм проявляется в том, что разные признаки, на основании которых произведены классификации, сформированы в значения и смыслы (внутренняя форма наименований), реально присущи объективному миру, а также в том, что различия в выделении этих признаков обуславливаются взаимодействием объектов с воспринимающими и осмысляющими их субъектами. Активное участие субъекта в акте номинации определяет эти внешне недетерминированные, но внутренне детерминированные результаты в семантической структуре языка, как это имеет место и при создании материальных орудий¹.

2. Выбор признаков объекта, производимый номинатором, отражаясь, как отмечалось, не только на значении языковых элементов, но и на способе их обозначения, на их внутренней форме. Наименования с одним и тем же объемом значения могут расходиться по своей внутренней форме именно в силу различия выделяемых в предмете признаков, например: фр. *papier peint* и англ. *wall paper* «обои» (букв. «раскрашенная бумага» и «настенная бумага»). Два языка фиксируют в наименованиях объективно существующие, но разные признаки предмета: обои действительно обычно представляют собой раскрашенную бумагу, предназначенную для оклейки стен. Натюрморт по-французски именуется *nature morte* букв. «мертвая природа», а по-английски *still life* букв. «неподвижная жизнь». Нередко объем значения и способ обозначения взаимосвязаны. Так, русское слово *обои* имеет иную внутреннюю форму, чем указанные французское и английское наименования, но вместе с тем и более широкое значение, так как может обозначать и матерчатую обивку стен (фр. *tapisserie*).

3. Выбор признаков объекта определяет семантические отношения языковых единиц не только как компонентов языковой системы, но еще в большей степени их семантические отношения в речи, то есть отношения наименования, связывающие языковой элемент и номинат в конкретных речевых актах. В зависимости от того, какие признаки говорящий выделяет у данного лица, его можно назвать, например, «молодым человеком», «студентом», «сыном соседки» и т. п.

Игнорирование роли именуемого субъекта приводит к неточной трактовке языковых явлений. Так, критикуя соссоровское положение о произвольности знака, С. Н. Мигирин пишет, что наличие в одном языке ряда обозначений для одного и того же явления (например, *ломака*, *лесник*, *хозяин*, *мохнатый* для обозначения медведя) не свидетельствует о произвольности знака, так как выбрать в качестве

¹ Вариантность материальных орудий различных человеческих коллективов (жилища, одежда, утварь и т. п.) определяется как различиями условий жизни, так и недетерминированным внешними условиями выбором (конкретный фасон предмета и пр.).

представителя предмета можно только тот признак, который уже обозначен в языке (Мигирин 1973, 9). В подтверждение он ссылается на известное положение Л. Фейербаха, получившее отражение в трудах В. И. Ленина, о том что название есть «отличительный знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы представить его себе в его тотальности» (Ленин, т. 29, 74). Разумеется, возможность создания наименования обуславливается наличием таких-то слов и форм с их значениями в данном языке. Наименование не является полностью произвольным по отношению к данному языку, подобно тому как материальный продукт зависит от используемого материала. Наименование не является полностью произвольным по отношению к данному предмету, поскольку в его основу кладется признак, реально существующий либо усматриваемый субъектом в данном объекте. Но в приведенной цитате из философских тетрадей В. И. Ленина имеется важный момент, мимо которого не следует проходить. Там сказано, «признак, который я делаю представителем предмета» (а не, например, который делается...). Местоимение я здесь, по-видимому, не просто употреблено в обобщающем значении, но призвано подчеркнуть творческий момент в деятельности именуемого лица (будь то индивидуальное лицо внутри коллектива либо данный языковой коллектив по отношению к другому). Творческое начало проявляется в отборе признака, и в этом источник известной произвольности означающего по отношению к означаемому. Итак, произвольность заключается в возможности выбора в пределах средств, предоставляемых языком, и свойств, характеризующих объект.

Отбор признака при номинации объясняет разнообразие языковых единиц в семантическом плане, но он не определяет сам по себе то диалектическое движение между устойчивостью и изменчивостью семантических отношений, о котором говорилось в начале статьи. Эта диалектика семантических отношений определяется спецификой языковых форм и взаимодействием субъекта с объектом.

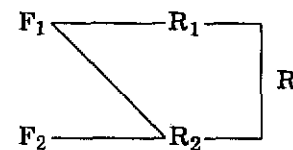
Языковые формы (номинанты). Языковые формы, с их вложившимися значениями представляют собой прежде всего фактор устойчивости в языке. Давая наименования новым объектам, осуществляя их группировку и классификацию, говорящий субъект пользуется теми элементами плана выражения и плана содержания, которые уже представлены в данном языке. В. Н. Мигирин прав, подчеркивая, что наличные языковые формы уже известным образом определяют, какие признаки субъект может выделить у объекта. Опыты Д. Н. Узнадзе по исследованию психологических основ наименования показали, что слово не случайно связывается с объектом, но опирается на соответствие, в котором встречается значение слова и осмысление объекта говорящим (Узнадзе 1966, 23–24, 438). Использование знакомых языковых форм для наименования новых предметов и ситуаций соответствует фундаментальной черте человеческой психики, состоящей в том, что человек способен воспринимать новую

информацию только на основе уже имеющейся некоторой информации. Человек не способен воспринимать ничего абсолютно нового. Прежнее наименование, ассоциирующееся с некоторыми уже известными представлениями, оказывается тем мостиком, который человеческое сознание перебрасывает от известного к неизвестному.

Использование известных форм для выражения нового содержания принимает двоякую форму. Оно происходит либо путем их использования в целостном виде способом переосмысления (например, метафора), либо путем их реорганизации (составление новых единиц из готовых элементов по определенным моделям — как в словообразовании, так и в синтаксисе). Обращение нового содержания в старые одежды свойственно всем употреблениям языка, даже научной речи. Исследования философов, посвященные изменению значения научных понятий, показали, что употребление старого термина с новым значением (метафора в широком смысле термина) в науке является необходимым, ибо оно позволяет в определенной мере выразить новое через известное, метафора не только не запутывает научные представления, но способствует уточнению их (см. Пахомов 1973, 140).

Однако устойчивость языковых форм диалектически предполагает и изменчивость семантических отношений. Приспособление прежней языковой формы для обозначения нового объекта ведет к реинтерпретации ее, к изменению ее значения.

Появление новых, вторичных значений у слов и грамматических формантов определяется логическими отношениями между понятиями. Отношения включения лежат в основе нейтрализации, отношения пересечения понятий — в основе семантического переноса. Возьмем две формы (F_1 и F_2), которые соотносятся с двумя референтами (R_1 и R_2), различающимися по определенному признаку, который и лежит в основе оппозиции форм F_1 и F_2 , и входящими в класс R .

Если форма F_1 соотносится с референтом R_1 , а форма F_2 с референтом R_2 , то они используются в своих первичных функциях (прямая номинация). Например, в своих первичных функциях используются формы числа в *один человек, много людей*; глаголы *идти* и *ехать* во фразе: *Здесь нельзя ни пройти, ни проехать*.

Если одна из форм оппозиции охватывает оба референта R_1 и R_2 или, точнее, обозначает в целом весь класс R , то перед нами нейтрализация, расширение значения. Семантическое различие форм исчезает, поскольку они соотносятся с одинаковым референтом, и они оказываются синонимичными (различия между ними, если они есть, относятся уже к стилистическому уровню, а не к собственно семанти-

ческому), например, *Человек смертен* и *Люди смертны; Вот едет (идет) поезд*.

Если одна из форм (например, F_1) используется для обозначения иного референта (например R_2), то имеет место семантический перенос (метафора в широком смысле), основанный на пересечении понятий. При этом формируются новые значения слов и форм или их стилистические употребления, например: *Ну, я поехал* (разг. вместо *пошел*; *снега* вместо *снег*).

И наконец, форма может утратить связь с референтом, десемантизироваться, превратившись в элемент внешней формы единицы другого уровня. Такова роль мн. числа в *pluralia tantum* (*белила, похороны*), глагола *идти* в позиции предиката при процессных существительных (*Работа идет; Идет заседание*).

Таким образом, как и все сущее, лингвистическая единица может в семантическом отношении претерпевать два типа изменений: превращаться в другую единицу того же класса (изменение значения) либо перестать существовать как единица данного семантического класса (десемантизация).

Наряду с тремя общими формами изменения семантических отношений в парадигматическом плане, имеет место и асимметрия в синтагматическом плане, которая проявляется в том, что сложное образование ($F_1 + F_2$) соотносится не с несколькими (в данном случае с двумя), но с одним референтом. Элементы такого образования превращаются, если использовать терминологию Ш. Балли, в псевдо-означающие (настоящим означающим является их совокупность). Здесь возможны два случая.

1. Синтагматическая асимметрия сочетается с парадигматической асимметрией, заключающейся в десемантизации одного из компонентов и сохранении значения другого. В этом случае создается аналитическая конструкция грамматической формы или слова: *буду читать; прийти в отчаяние*.

2. Синтагматическая асимметрия сочетается с парадигматической, заключающейся в переносе значения компонентов. В этом случае образуется фразеологическое словосочетание: *идти на поводу у кого-л.*

Таким образом, на семиотическом уровне подтверждается давнее наблюдение В. Н. Ярцевой о двух возможных путях развития словосочетаний: их превращения в аналитическую форму или во фразеологическое речение (Ярцева 1952).

Всеобщий характер и большая легкость изменения семантических отношений обуславливаются не только необходимостью перебросить мостик известного к неизвестному, но и глубинным характером отношения между знаком и референтом. Хотя и имеется значительная аналогия между гносеологическим образом и языковым обозначением, между ними имеется и существенное различие. Общими чертами, свойственными как гносеологическому, так и языковому отображению, можно считать их вторичный характер по отношению к объекту, избирательность при отображении, сохранение отпечатков (запо-

минание) (Тюхтин 1972, 96-100). Существенное различие состоит в том, что гносеологический образ характеризуется структурным соответствием оригиналу, тогда как языковое отображение — знак — таким свойством не обладает и не может обладать. Знак сам по себе не обязан нести информацию о содержании, структуре и свойстве предмета (Урсул 1971, 99). Он не связан с обозначаемым причинными отношениями. Именно поэтому в основу формирования знаков могут быть положены несущественные, случайные признаки предметов, которые имеют значение лишь для классификации. Именно поэтому знак может легко менять свой референт, что создает изменчивость семантических отношений.

Однако решающую роль в изменении семантических связей играет характер именуемого объекта и его взаимодействие с субъектом.

Именуемый объект (номинат) и его взаимодействие с субъектом. Всякий предмет обладает неисчерпаемым числом свойств, отношений к другим предметам. Обозначая предмет с помощью языковых форм, мы обозначаем его в его целостности, со всеми его свойствами и отношениями. На этом зиждется устойчивость значения языковых единиц. Однако обнаружение свойств предметов представляет возможность, проявление которой зависит в равной степени как от самого объекта, так и от той системы, с которой взаимодействует объект. В связи с этим процесс восприятия объекта развивается не как простое выделение и последующее суммирование отдельных признаков предмета. При выделении предмета, его идентификации, происходит поворачивание его разными сторонами. Человек видит эти разные стороны, но не все в одинаковой степени отчетливо, постепенно происходит затухание одних признаков и проявление других, в связи с практическим освоением предмета *hic et nunc* (Колерс 1970, 71). Человеческое восприятие есть редуктор разнообразия. Согласно Гегелю, название есть нечто всеобщее, принадлежит мышлению, делает многообразное простым.

«Упрощение многообразия» при восприятии, формировании понятия, и следовательно, образовании названия может идти по двум направлениям. Во-первых, оно проявляется в том, что отмечаются лишь некоторые общие черты у бесконечно разнообразных представителей данного класса объектов. Например, собаки, как особи, могут быть бесконечно разнообразны. Воспринимая их, человек отвлекается от менее существенных различительных черт и объединяет их в своем представлении в одну группу, которой и дает наименование. Здесь редуцируется разнообразие экземпляров. Во-вторых, редукция разнообразия может затрагивать лишь один объект и проявляться в отвлечении от других его черт и отборе, в качестве одной из его черт, черты, обладающей диагностической силой. В данном случае редуцируется разнообразие проявлений одних и тех же экземпляров. Но поскольку проявления могут у объекта быть самыми разнообразными, так как он «поворачивается» к воспринимающему лицу своими разными сторонами, то за одним и тем же обозначением могут скрываться

ся различные аспекты поведения данного объекта. Эти признаки объекта, имеющие второстепенное значение для его общей идентификации, но сменяющие друг друга при восприятии его, в семантической структуре языкового элемента, обозначающего его, отражаются в виде потенциальных сем, дополняющих его основные дифференцирующие семы. Эти семы могут актуализироваться, выйти на передний план в зависимости от восприятия и осмысления объекта.

Итак, если идентичность именуемого объекта (предмета, действия, качества) обуславливает устойчивость значения обозначающего его языкового элемента, то различные аспекты его восприятия обуславливают изменчивое, относительное в его семантике. Что касается этих аспектов, то они выделяются, как отмечалось выше, в связи с практическим освоением данного объекта. Приведем некоторые примеры.

Собака как «домашнее животное, родственное волку», сохраняет свою сущность. Но человек может отмечать ее различные качества (доброта, преданность, злость, грубый лай, неприхотливость и т. п.), назначения (охота, охрана и др.). Любое из этих качеств или отношений может актуализироваться в конкретных ситуациях. Оно может символизироваться в различных употреблениях этого слова, в связи с чем отражающие эти качества семы выявляются, особенно в переносных и фразеологически связанных употреблениях, когда речь идет не о самой собаке, так что обозначающее ее слово указывает на одно из реальных или предполагаемых свойств животного. Ср. *с собаками не сыщешь* (актуализируется сема, символизирующая охотничьи достоинства собаки), *собачья преданность*; *погода такая, что хозяин собаку не выпустит* (обращение хозяина с животным) и т. п.

Глагол *есть* значит 'принимать пищу', но само это действие связано с рядом явлений, которые могут отмечаться при восприятии процесса еды: при еде уничтожается то, что едят; едят, чтобы питаться, а это в свою очередь является первым условием существования; каждое существо употребляет в пищу определенные продукты; при еде нарушается целостность съедяемого; зубы вонзаются в живое существо при еде, причиняют ему боль и т. п. В конкретных условиях действие может повернуться к говорящему любой своей гранью, сема, отражающая эту грань, может актуализироваться, другие семы «погашаются», в связи с чем слово приобретает новый оттенок значения. *Мальчик съел все яблоки* (= уничтожил); *Слон ест охотно яблоки* (= принимает в пищу); *Он сегодня еще не ел* (не питался). Здесь, может быть, еще не следует говорить об оттенках значения глагола. Это одно значение, хотя и с разными «поворотами». Но в соответствующих контекстах глагол может создавать на базе потенциальных сем уже новые оттенки значения, например: *В этом году яблоки не уродились, гусеницы все съели* (= уничтожили); *Он не ест мяса* (= не принимает в пищу); *Ты не умеешь есть* (= вести себя за столом). Если же субъект или объект не соответствуют прямой ситуации «питаться чем-либо», то глагол получает особые переносные значения, которые могут быть возведены к потенциальным семам, отра-

жающим различные стороны реального действия, например: *Кислота ест посуду* (= нарушает целостность), *дым ест глаза* (= причиняет физическую боль); *Его тоска ест* (= причиняет нравственное мучение) и т. д.

Актуализация и погашение сем показывают филиацию значений в слове. В приведенных двух примерах переходы значений нерегулярны: они объясняются конкретными свойствами данных объектов, процессов. Однако в языке обнаруживаются регулярные переходы значений, обусловленные типичными аспектами в восприятии объектов и их связей¹. Характерно, что говорящие не отдают себе отчета в изменении семантических отношений между словом и обозначаемым объектом и изменения значений не фиксируются даже в словарях, настолько они представляются естественными, само собой разумеющимися. Например, наука и пособие по данной науке, урок, посвященный данной дисциплине (*изучать историю, у него нет истории, он ушел с истории*), часть тела — заболевание (*он ушиб голову, дай-те мне что-нибудь от головы*) и др.

Таким образом, сдвиги в значении слова могут быть двоякими: переносы, резкие изменения семантического отношения в результате сближения двух разных понятий (обычно это переносы метафорического характера), и *переходы*, малозаметные изменения семантического отношения, проистекающие вследствие того, что обозначаемое данным словом явление предстает в своих разных аспектах. В первом случае действие именуемого лица более намеренно и менее независимо от характера объекта. Во втором случае изменение семантического отношения происходит в результате неосознанного (субъектом) взаимодействия субъекта и объекта.

Изменение семантического отношения происходит и в результате взаимодействия языковой формы (номинанта) с объектом номинации (номинатом). Форма сохраняет полностью свое значение, если та различительная черта, которая была положена в основу при ее создании, присуща тому объекту, к которому прилагается данная форма. Если же она используется для обозначения объекта, лишённого данной черты, то сема, соответствующая этой черте, погашается и устраняется из семантической структуры слова, которое подвергается переосмыслению.

Прилагательное *прозрачный* значит, как это и подтверждается его внутренней формой, 'пропускающий свет', 'не препятствующий видению'. Оно сохраняет это первичное значение, если прилагается к словам, обозначающим объекты, сквозь которые действительно можно видеть, получать зрительные восприятия: *прозрачное стекло, прозрачная вода в реке*. Если оно сопровождает существительные, обозначающие объекты, не связанные со зрительным восприятием, то данная сема устраняется и слово получает обобщенное значение отню-

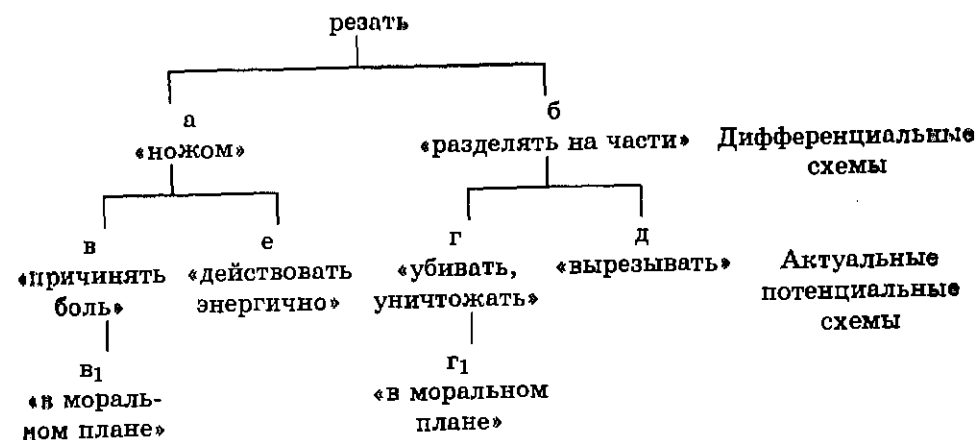
¹ См. описание типов такой многозначности: Апресян 1971.

сительного характера («не создающий преграды для понимания»): *прозрачный стиль, прозрачный намек.*

Глагол *резать* в своем значении определяется: «действуя чем-л. острым, разделять на части», что можно представить как сочетание двух сем: описательной (а), характеризующей способ действия («действовать чем-л. острым») и относительной (б), показывающей характер воздействия на объект («разделять на части»). В своем первичном значении глагол может сочетаться лишь со словами, обозначающими объекты, обладающими диспозициональным предикатом «способность быть разделенным на части при помощи острого орудия», например: *резать мясо, резать металл.* При сочетании с названиями предметов, не обладающих такими качествами, глагол формирует переносные либо бессмысленные сочетания: *резать воду, резать время.* При устранении семы а образуется значение «делить на части»: *Дорога режет поле,* при устранении семы б — значение «нарушать целостность режущим инструментом, не обязательно деля предмет на части»: *Резать нарыв.*

Могут актуализироваться и потенциальные семы, отражающие отношение действия к его разным актантам либо его внутреннюю характеристику. Так, действие режущим инструментом над одушевленным объектом причиняет последнему боль (потенциальная сема в), которая, согласно общему семантическому закону, может переноситься, как и всякое чувство, из физического плана в моральный (сема в₁). Актуализация этих сем при погашении сем а и б приводит к метафорическим переосмыслениям: *яркий свет резал глаза* (сема в), *стыд резал сердце* (сема в₁). Нарушение целостности живого существа может привести к его гибели в физическом смысле (сема г) или моральном (сема г₁), откуда возможность словосочетаний: *резать поросенка и он меня без ножа режет.* При рассечении неодушевленных предметов, с другой стороны, может из одной из частей создаваться новый предмет (сема д). Это значение реализуется в сочетаниях: *резать по дереву, резать фигурки из дерева.* Специфический характер выполнения действия (режут, рубят, как правило, быстро, энергично, тогда как, например, пилят медленно) создает потенциальную сему е «действовать энергично», которая актуализируется в переносном значении «говорить не стесняясь»: *резать правду-матку.* Таким образом, различные характерные черты процесса, которые могут быть отмечены при его восприятии, приводят к тому, что глагол получает сложную семантическую структуру, которую можно представить следующим образом (см. схему на следующей странице).

Семантическое отношение может модифицироваться не только вследствие изменений референта при неизменности языковой формы. Постоянная замена орудий для выполнения одной и той же функции — характерная черта человека. В языковом плане это выражается в частой смене означаемого при неизменности означаемого. Но все же подобные случаи (если не учитывать чисто фонетических изменений формы знаков) значительно реже, чем изменение означаемых

или изменение означающих и означаемых одновременно. Мы видели, что три фактора взаимодействуют при функционировании семантических отношений: именуемый субъект, языковая форма, именуемый объект. Во всех трех типах взаимодействия (субъект — объект, субъект — имя, имя — объект) отмечается определенное соотношение устойчивости и изменчивости (подчеркнем еще раз, что все три элемента теснейшим образом взаимосвязаны и выделение одной из сторон «треугольника» здесь производится в порядке научного абстрагирования).

В количественном отношении наиболее часто изменчивость наблюдается в отношении субъект — объект (субъект отображает все новые свойства объекта в каждом новом высказывании), наименее часто в отношении субъект — имя (субъект не часто дает новое название известному объекту независимо от выделения в нем каких-то новых черт). Однако в качественном отношении изменения, связанные с различиями в восприятии субъектом объекта, оказываются наименее глубокими, тогда как изменения, затрагивающие имя, наиболее существенно образом отзываются на семантических отношениях в языке. Хотя каждый из трех элементов вносит свою долю устойчивости и изменчивости, наиболее сильным фактором устойчивости оказывается имя, наиболее значительным фактором изменчивости — взаимодействие субъекта с объектом при восприятии первым второго. Такова в общих чертах диалектика семантических отношений в языке, которая заслуживает более глубокого исследования с привлечением данных философии, психологии и физики.

Абаев В. И. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка // Ленинизм и теоретические проблемы языковедения. М., 1970.

Апресян Ю. Д. О регулярной многозначности // Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1971, т. XXX, вып. 6.

- Баженов Л. Б., Бирюков Б. В. Семиотика и некоторые аспекты проблемы языка и мышления // Язык и мышление. М., 1967.
- Дубровский Д. И. Психические явления и мозг. М., 1971.
- Гак В. Г. Язык, орудие и товар // Филологические науки, 1971, № 6.
- Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Клаус Г. Сила слова. М., 1967.
- Козлова М. С. Философия и язык. М., 1972.
- Кондаков Н. И. Логический словарь. М., 1971.
- Колерс П. некоторые психологические аспекты распознавания образов // Распознавание образов. М., 1970.
- Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания. М., 1973.
- Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29.
- Мигирин В. Н. Язык как система категорий отображения. Кишинев, 1973.
- Нарский И. С. Диалектическое противоречие и логика познания. М., 1969.
- Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971.
- Пахомов Б. Я. Проблема изменения значения научных понятий // Вопросы философии, 1973, № 1.
- Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
- Серебрянников Б. А. К проблеме типов лексической и грамматической абстракции // Вопросы грамматического строя. М., 1955.
- Степанов Ю. С. Принцип детерминизма в современном языкознании // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.
- Тюхтин В. С. Отражение, системы, кибернетика. М., 1972.
- Хоккет Ч. Проблема языковых универсалий // Новое в лингвистике, вып. V. М., 1970.
- Уемов А. И. Вещи, свойства, отношения. М., 1963.
- Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., 1966.
- Урсул А. Д. Информация. М., 1971.
- Ярошевский М. Детерминизм // Философская энциклопедия, т. I. М., 1960.
- Ярцева В. Н. Пути развития словосочетания // Вопросы грамматического строя и словарного состава языка, ч. I. Л., 1951.
- Coseriu E. Pour une sémantique diachronique structurale // Travaux de linguistique et de littérature, v. II. Strasbourg, 1964.
- Schaff A. Langage et réalité // Problèmes du langage. Diogène, 1966.
- Shalom A. De la langue comme image, à la langue comme outil // Langages, 1966, № 2.

ГЛАВА V

ВЫСКАЗЫВАНИЕ И СИТУАЦИЯ*

Высказывание. Широкое использование в современных лингвистических работах термина *высказывание*, который нередко вытесняет термины *предложение* или *фраза* объясняется, по-видимому, тем, что лингвистика все большее внимание уделяет некоторым новым аспектам изучения языка. Среди новых направлений, пользующихся этим термином, можно отметить, в частности, лингвистику речи или ситуативную лингвистику (изучение языковых форм в их реализации, на уровне речи), психолингвистику (порождение речи), трансформационную и генеративную грамматику (преобразование языковых единиц, перефразирование). В последнем случае на использование термина *высказывание* оказала влияние математическая логика. Хотя в математической логике нет однозначного определения высказывания, можно заключить, что если термины традиционной логики *суждение* или *предложение* делают упор на внутренней структуре сообщения (связь субъекта и предиката), то высказывание отражает отношение сообщения к действительности в плане его истинного значения (истинность, ложность, необходимость, возможность и т. п.)¹.

В лингвистических словарях высказыванию дается широкое определение (любое сообщение, обладающее смысловой целостностью²), причем не уточняются структурные пределы высказывания и его отличия от смежных понятий.

Прежде всего, следует различать высказывание в статическом плане (результат использования языка, реализованный текст) и в динамическом (акт индивидуального пользования языком, производства текста). Французские лингвисты для этих двух понятий используют термины *énoncé* и *énonciation*³. Если пытаться найти для этих аспектов

* Впервые опубликовано: Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973.

¹ См.: Философская энциклопедия. М., 1960, т. 1, с. 312—33; Кондаков Н. И. Логический словарь. М., 1971, с. 89—92.

² См. Марузо. Словарь лингвистических терминов. М., 1960, с. 65; Ахманова О. С. Лингвистический словарь. М., 1966, с. 94.

³ Dubois J. Énoncé et énonciation // Langages, № 13, mars 1969, с. 100; T. Todorov. Problèmes de l'énonciation // Langages. № 17, mars 1970, с. 3.

высказывания однокоренные русские термины, то можно было бы говорить о высказывании (в собственном смысле слова) и, по примеру А. А. Потебни, о «процессе сказывания» или «сказывании»¹.

Что касается отличия высказывания от предложения, то нет еще теории, определяющей высказывание на основе четких лингвистических критериев. Некоторые авторы вообще считают положительным тот факт, что намеренно не определяется объем высказывания, которое может соответствовать одному или нескольким предложениям².

Разграничение понятий высказывания и предложения шло по пути уточнения либо формальных границ, либо содержательной стороны этих языковых единиц. Первая точка зрения представлена в работах, ориентированных на машинный перевод, где высказывание определяется как расстояние между паузами³. Хэррис также видит различие двух понятий в объеме обозначаемого ими отрезка речи (высказывание может состоять из отдельных слов и незаконченных предложений)⁴. О соотношении высказывания с ситуацией он ничего не говорит. Иное понимание высказывания разрабатывалось учеными Пражской школы, которые в высказывании видели функциональную единицу, соответствующую предложению как единице структурной. В определении В. Скалички представляется ценной мысль о высказывании как о семиотической языковой единице, что же касается объема высказывания, то он допускает здесь такую же неопределенность, как и Хэррис, говоря, что высказывание может иметь различный объем — от одного слова до романа в 600 страниц⁵. Естественно, что столь неопределенное по объему понятие не могло стать операционной единицей лингвистического исследования. Характерно, что даже авторы, считающие, что высказывания могут состоять из нескольких предложений⁶, в практическом анализе материала пользуются лишь высказываниями-предложениями. В чехословацкой лингвистике наметилось стремление разграничить разные типы высказываний. Так, К. Хаусенблас⁷ различает в речевом акте (discours) боль-

¹ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958, т. 1-2, с. 70.

² Linguistique Guide alphabétique sous la direction de A. Martinet. Paris, Denoël, 1969, с. 87.

³ См., например, Мартельянов Ю. С. Понятие высказывания и синтагматический анализ // Тезисы совещания по математической лингвистике, апрель 1959, с. 50.

⁴ Хэррис Э. Метод в структуральной лингвистике // Звегинцев В. А. ИЯ, ч. II. М., 1965, с. 217-218.

⁵ См. Важек Н. Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964, с. 48. Близкую точку зрения обнаруживает В. Хоржейши: V. Horjesi. Les plans linguistiques et la structure de l'énoncé // Philologica Pragensia, v. IV, 1961, p. 194.

⁶ Например: «Последовательность предложений (phrases) составляет высказывание (énoncé), которое превращается в речь (discours), когда мы стремимся сформулировать правила сцепления этих последовательностей предложений». Sumpf J. et Duboi J. Problèmes de l'analyse du discours. Langages, 13, mars, 1969, с. 3.

⁷ Hausenblas K. On the Characterisation and Classification of Discourses. TLP, Prague, 1964, p. 171.

шое высказывание (énonciation) и малое (utterance), равное по объему предложению (сложному, простому или неполному). От предложения высказывание отличается тем, что характеризуется со стороны зависимости/независимости, то есть степени связи с ситуацией, что проявляется в неполноте внешнего выражения.

Еще более четко, как со стороны объема, так и со стороны содержания, определяют высказывание Трика, Докулил и Данеш, развивающие учение В. Матезиуса. Подобно последнему, они различают предложение как простейшее языковое проявление, связанное с определенной ситуацией, и как обычную типизированную грамматическую форму этого проявления. Во избежание терминологической путаницы они предлагают употреблять в первом случае, в соответствии с традицией, восходящей к Матезиусу, термин *высказывание*¹.

Такое понимание высказывания по сути дела совпадает с «фразой» С. Карцевского, которая не имеет собственной, отличной от предложения, грамматической структуры и представляет собой результат актуализации предложения, его приспособления к определенной реальности. Последнее достигается с помощью интонации и грамматических актуализаторов (местоимения, артикли и т. п.)². В одной из своих более поздних работ Ф. Данеш³, развивая идеи В. Матезиуса, различает в предложении три стороны: 1) единичный и индивидуальный акт речи (speech-event), 2) минимальное коммуникативное целое (utterance), 3) абстрактная структура, составной элемент грамматической системы языка (sentence-pattern). К речи принадлежит speech-event, при отвлечении от всего индивидуального в нем — образуется utterance, а на третьем уровне абстракция — sentence pattern. Высказывание (utterance) имеет конкретное лексическое наполнение и некоторые элементы модальности. Анализ высказывания принимает во внимание неграмматические, но системные средства его организации (актуальное членение, интонацию, эмфазис, модальность), которые Данеш, вслед за Уорсом включает в число «супрасинтаксических» средств. Данеш ставит вопрос о разработке особой отрасли лингвистики — теории высказывания, отличной от синтаксиса предложения.

С методологической точки зрения различие высказывания и предложения вполне оправданно, так как не только частные понятия науки, но и сами научные дисциплины могут различаться не только объектом исследования, но и аспектом, в котором исследуется один и тот же объект.

Наиболее целесообразно, как нам представляется, использовать термин *высказывание* в понимании, близком к определению Матезиуса и его последователей, как функциональную единицу, равноценную предложению, но отличающуюся от последнего тем, что анализ этой единицы преследует цель не вскрыть ее общую абстрактную

¹ Важек Й. Указ. соч., с. 165.

² Karcewski S. Sur la phonologie de la phrase. TCLP, № 4, 1931, p. 190.

³ Daneš F. A Three-Level Approach to Syntax. TLP, Prague, 1964, p. 227-230.

схему синтаксической организации, но показать, как она связана с ситуацией, какими средствами и как эта последняя описывается. В связи с изложенным возникают два вопроса: а) какое место занимает высказывание в иерархии языковых единиц; б) в каких конститутивных элементах высказывания проявляется его связь с ситуацией.

В лингвистике обсуждается вопрос о том, является ли предложение-высказывание единицей языка и языковым знаком. Э. Бенвенист считает, что предложение содержит знаки, но само знаком не является, так как оно не обладает виртуальным значением, но может быть поставлено в «пропозициональную» функцию в понимании Б. Рассела. И, наконец, в отличие от других языковых элементов-единиц (фонемы, морфемы, лексемы), предложения не могут быть пересчитаны: число их бесконечно¹.

Утверждение Бенвениста вызывает ряд возражений. Общее определение знака гласит, что знак есть чувственно воспринимаемый элемент, представляющий другой элемент в коммуникации и познавательной деятельности человека². Высказывание полностью соответствует этому определению. В процессе коммуникации оно репрезентирует определенный внешний элемент — отрезок ситуации.

Оно имеет и различительную функцию: разным ситуациям соответствуют и разные высказывания. Высказывание, подобно всякому знаку, обобщает, поскольку оно указывает не на все элементы и детали ситуации, а только на некоторые, служащие опорой для наименования и понимания. Обобщающее свойство высказывания проявляется и в его относительной устойчивости. В однотипных и сходных ситуациях говорящие используют однотипные и сходные высказывания. Последние приобретают порой такую устойчивость, что превращаются в стереотипные формулы, близкие к фразеологизмам (формулы приветствия, обращения, вступления в коммуникацию и т. п.). Разумеется, верно, что число высказываний безгранично. Но это определяется безграничным числом их референтов, то есть неограниченным числом ситуаций и возможностью их варьирования. Бенвенист утверждает, что предложение (высказывание) находится за пределами системы знаков. Но само понятие знаковой системы можно трактовать по-разному. Системность знаков можно трактовать как отражение системных отношений, присущих референтам определенной предметной области, обозначаемым данной совокупностью знаков. Подобного рода системность свойственна фиксированным предметным областям (например, некоторые сферы науки или техники с ограниченным числом поддающихся систематизации референтов). Помимо такой внешней системности, знаки могут обладать внутренней системностью, которая заключается в том, что они состоят из особого набора единиц низшего уровня, между которыми отмечаются синтагматические и парадигматические отношения. Формальная системность

¹ Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа // НЛ, вып. IV. М., 1965.

² См.: Резников Л. О. Гносеологические основы семиотики. Л., 1964.

дает возможность конструировать новые знаки, что особенно важно для нефиксированных предметных областей. Высказыванию свойственна именно такая внутренняя формальная системность; подобно всякому другому знаку оно характеризуется значением — то есть отношением к референту и смыслом, или способом представления референта в знаке.

Таким образом, несмотря на все различия между высказыванием и иными языковыми знаками, различия, которые правильно отмечает Бенвенист, высказывание является знаком. Отличительные качества высказывания связаны с характером обозначаемого (ситуации): предикативность — отличительное свойство высказывания — есть показатель соотношенности его с ситуацией, и, естественно, обладать ею может только высказывание — единица, референтом которой является не абстрагированный элемент ситуации (как у слова), а сама ситуация. Модальность отражает также специфические элементы ситуации: позиции говорящих в речи, их отношения к сообщению и ситуации.

Знаковый характер высказывания подтверждается и сравнением языка с другими семиотическими системами. Так, в системе дорожной сигнализации мы называем знаком сложное обозначение определенной ситуации, состоящее из обозначений предметов, а также категориальных символов («указание», «запрещение» и т. п.), значение которых можно сопоставить с индикативом и императивом — двумя основными модальностями простого предложения. Такой знак представляет собой продукт законченного семиотического акта, и его аналогом в языке является не отдельно взятое слово, но высказывание¹. Используя терминологию Бюиссанса, Прието предлагает термин *знак* сохранить за словом (и, соответственно, значимой частью дорожного сигнала), а высказывание, так же как и дорожный знак в целом, обозначить термином *сема*. Это предложение не представляется удачным ввиду того значения, которое термин *сема* приобрел в современном языкознании («элементарная единица плана содержания»), а также непривычного использования слова *знак* для обозначения «части знака» в неязыковых семиотических системах. Но разграничение двух типов знаковых единиц — полной, представляющей собой результат акта семиозиса, и частичной, являющейся «полуфабрикатом» для полных знаков, представляется необходимым².

В связи с этим некоторые лингвисты склонны обозначать высказывания как «сверх-знаки»³ или сложные знаки.

¹ Ср. Prieto L. Messages et signes. P., 1961, p. 39–40 (note).

² Различие между «полными» и «частичными» знаками не следует понимать формально. Одинокое слово может стать «полным» знаком, если оно составляет предложение («Привет!», «Огонь!»), тогда как лишенное предикативности словосочетание представляет собой частичный знак. «Полноту» знака составляет предикация, соотносящая языковую форму с ситуацией и имеющая определенное языковое выражение (финитный глагол, интонация и др.).

³ Термин А. Моля. См.: Moles A. Information sémantique et information esthétique. Paris, 1950; см. также: Lefebvre H. Le langage et la société. P., 1966, p. 54.

Такая трактовка соотношения высказывания, с одной стороны, и морфем, синтаксем и лексем — с другой, допустима, если считать слова и морфемы самостоятельными знаками коммуникации и видеть в высказывании лишь сочетание этих знаков. Между тем, в языковой реализации, в речи не только часть определяет целое, но целое определяет часть. Здесь проявляется общее соотношение между целым и его элементами: сочетаясь в целое, части не остаются неизменными, но приобретают новые свойства, которыми вне целого они обладают лишь потенциально. Части выступают как элементы целого¹. Попадая в высказывание, слово утрачивает свои контуры, оно превращается в часть фразы, трансформируется в новую единицу — элемент высказывания, с помощью которого высказывание описывает ситуацию². Эта трансформация слова (единицы низшего уровня) под влиянием высказывания (единицы высшего уровня) проявляется в известных сдвигах значения слова в речи («контекстуальные значения»), в случаях его десемантизации (более частых, чем это обычно отмечают), в создании фразеологизмов. Если с точки зрения языковой статики основными элементами языка являются слова, морфемы, синтаксические конструкции, с помощью которых строятся высказывания, то с точки зрения динамики языка — речи — картина представляется как раз обратной. Важнейшей единицей является высказывание, поскольку именно оно является коммуникативно значимым, имеет точный референт — ситуацию — не представляющий собой результат условного языкового членения. По отношению к высказыванию слова, морфемы и тому подобные элементы, служат строительным материалом. Взятые в отдельности, они лишены коммуникативной функции и прямой соотносительности с объективной реальностью. Эти элементы лишь приблизительно намекают на определенный сектор опыта, являясь лишь «техническим средством (expédient), причем они могут взаимозаменяться с другими элементами и объединяться с ними в единую открытую систему употребления. В связи с этим именно с точки зрения реального функционирования языка знаком в языке следует считать высказывание. Более обоснованной, следовательно, представляется точка зрения некоторых итальянских лингвистов, определяющих высказывание (frase) как знак, а слова как «подзнаки» (dposema, nottesegno)³.

¹ См. Вальт Л. О. Соотношение структуры и элементов // Вопросы философии, 1963, № 5, с. 45.

² Karcevski S. Sur la phonologie de la phrase, p. 224, 227.

³ См. Lucidi M. La lingua è... // Cultura neolatina. Roma, 1946-1947; De Mauro. Introduzione alla semantica. Bari, 1965, p. 205. Приоритету высказывания над словом в разных сферах функционирования языка посвятил специальное исследование А. Пальяро (Pagliaro A. La parola e l'immagine. Napoli, 1957.) Предшествование высказывания отдельному слову в плане глоттогенеза неоднократно подчеркивалось в лингвистике. Ср. В. Гумбольдт (Предисловие к «Языку кави»), Э. Кассирер (Philosophie der symbolischen Formen, I, S. 244). И. И. Мещанинов также отмечал, что процесс наименования был одновременно и процессом

Данные психологии также подтверждают относительную независимость высказывания от входящих в его состав отдельных слов, в частности, независимость запоминания мысли от слов. Развивая взгляды Л. С. Выготского, А. А. Леонтьев пишет: «В речевой деятельности существует еще более высокий уровень — уровень спонтанной речи, когда мы, не сознавая слова, включаем его со всем его объективным содержанием в более сложную структурную единицу — предложение и непосредственно воспринимаем смысл целого предложения»¹.

К какому же уровню следует относить высказывание как единицу языка?

Уровни (ярусы, планы) в языке выделяются с точки зрения разных подходов к описанию языка. С точки зрения взаимосвязи языковых структур с неязыковыми Хэллидей выделил три основных уровня: субстанциональный (связь языковых форм с материальной звуковой субстанцией); формальный (уровень внутриязыковых единиц и категорий) и семантический (связь языковых форм с внеязыковой ситуацией)².

С точки зрения этапов членения речевого потока различают фонемный, морфологический, лексический, синтаксический уровни, в основном соответствующие основным подсистемам языка³.

С точки зрения взаимосвязи элементов языка различают синтагматический и парадигматический план.

И, наконец, с точки зрения реализации различаются уровни системы языка, нормы языка, нормы речи и индивидуальной речи.

Разрабатывая теорию высказывания, чешские лингвисты двойным образом решали вопрос о том, к какому уровню оно относится. О. Лешка различает два ряда соотносительных уровней: уровни абстрактных структур и уровни манифестации этих структур, на которых располагаются соответствующие структурные и функциональные единицы:

текст	— энунциация
предложение	— высказывание
слово	— наименование ⁴

создания предложений. (Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М., 1945, с. 200). Ср. также критику Е. Куриловичем восходящего к аристотелевой логике «ошибочного мнения, будто предложения строятся из отдельных слов»: Курилович Е. Очерки по лингвистике, с. 18.

¹ Леонтьев А. А. Язык и психология. М., 1966, с. 39. См. также ниже данные экспериментального исследования механизмов речи, подтверждающего приоритет целостного высказывания над отдельными словами.

² См. Halliday M. A. K. Categories of the Theory of Grammar // Word, v. 17, № 8, 1961. Id. Linguistique générale et linguistique appliquée // Etudes de linguistique appliquée 1, Paris, 1962, p. 6-7.

³ Эти уровни с предельной ясностью определены в указанной работе Ю. Бенвениста.

⁴ Лешка Л. Иерархия ярусов строя языка и их перекрывание: Тезисы доклада, прочитанного на советско-чехословацком симпозиуме на тему: «Еди-

С другой стороны, Трнка вводит высказывание в особый суперсинтаксический уровень, который он помещает над фонологическим, морфологическим и лексическим¹. Основная ошибка чешских лингвистов, по нашему мнению, заключается в том, что как бы они ни ставили высказывание по отношению к предложению — параллельно с ним (Лешка) или над ним (Трнка) — они рассматривают высказывание прежде всего как единицу синтаксического порядка. Это логично вытекает из того, что, начиная еще с Матезиуса, пражские языковеды отграничивали высказывание от предложения прежде всего на основании тех сторон в его организации, которые в конечном счете связаны с его синтаксической структурой (актуальное членение, прономинальная субстанция и др.). Однако специфика высказывания, как высшего уровня номинации, не связана лишь с синтаксическими особенностями предложения, но охватывает и всю его лексическую организацию во взаимодействии с синтаксической. Система внутренних структурных правил высказывания, о которых писали сами пражцы², распространяется на все уровни языка. С. Карцевский в указанной выше работе высказывание («фразу», по его терминологии) относит к «лексическому» уровню, который располагается над фонологическим, морфологическим и синтаксическим и в котором переплавляются слова и конструкции. Если термин, предложенный Карцевским, не вполне удачен, то сама мысль о «переплавке» в нем единиц различных уровней заслуживает внимания.

Значения форм и слов определяется на основании различных приемов (дистрибуции, трансформация) и др., так или иначе восходящих к анализу синтагматических или парадигматических отношений. Значение высказываний определяется непосредственно связью его с данной ситуацией, на основании анализа отношений между планом выражения и планом содержания. Высказывание находится, таким образом, на уровне интеграции всех различных других уровней, выделяемых в процессе анализа языка, на уровне завершеного семиотического акта (семиозиса). Такой уровень называли семиотическим (Ельмслев), символическим (Сепир, Гринберг)³, видимо, сходное содержание вкладывает Бенвенист в понятие «категорематический» уровень и Хэллидей в «семантический» уровень⁴. По отношению к

ницы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие». М., 1967, с. 5.

¹ Trnka B. On the linguistic sign and the multilevel organisation of language. TLP, Prague, 1964, p. 38. Сходной точки зрения придерживается и Хоржэйши, предлагающий выделить особый «энунциативный» уровень (см. цит. раб. с. 196).

² Daneš, о. с., p. 227; Вахек И. Указ. соч., с. 266–267.

³ См.: Успенский Б. А. Структурная типология. М., 1965, с. 31.

⁴ Трнка (в указ. выше работе) считает также, что на уровне высказывания снимается дихотомия язык/речь. Мы полагаем, однако, целесообразным относить высказывание к речи, как к сфере реализации языка в соприкосновении с ситуацией.

высказыванию, как к единице этого уровня, слово, морфемы, конструкции, интонационная структура — суть фигуры — асимметричные многозначные элементы знакового типа¹. Если слова и грамматические элементы обычно бывают многозначными, то высказывание всегда однозначно, хотя одна и та же внеязыковая ситуация может быть обозначена рядом синонимических знаков-высказываний. Гибкость языка обеспечивается тем, что с помощью многозначных элементов низшего уровня может быть создан ряд однозначных, но синонимических между собой элементов высшего уровня.

На основании вышеизложенного можно отметить следующие особенности семиотического уровня: а) связь с ситуацией, б) взаимодействие всех внутриязыковых уровней, в) возможность множественного отображения одной и той же ситуации, в связи с чем первостепенное значение приобретает проблема выбора.

* * *

Ситуация. Референтом высказывания является ситуация, то есть совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего и объективной действительности в момент «сказывания» и обуславливающих в определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого высказывания. Аспекты ситуации многообразны, и необходимость их отражения порождает различные специфические функции языка. Известно, что Р. Якобсон различал шесть основных языковых функций: денотативную, эмотивную, конативную, фатическую, метаязыковую и поэтическую. Эти компоненты коммуникации неравноценны в различных актах коммуникации. Так, возможны акты речи без специальных фатических или метаязыковых компонентов. В других случаях на первый план выходит поэтическая функция. Но наиболее существенной является денотативная функция, отражающая связь высказывания с референтом, ибо нельзя говорить, не говоря о чем-то. И даже в тех случаях, когда люди говорят не для того, чтобы передать информацию, но для поддержания самого общения, они все-таки говорят о чем-либо. Структура денотата составляет ядро речевой ситуации. Было бы неверно, однако, видеть знаковую, номинативную функцию высказывания (предложения) лишь в отражении структуры денотата и противопоставлять ее коммуникативной функции как «незнаковой». Высказывание обозначает не только предметные отношения, как они представляются говорящему, но и информированность собеседников (отражаемую актуальным членением) и позицию говорящего (отражаемую категориями модальности). Характерно, что некоторые проявления актуального членения и модальности могут быть обозначены графически (знаки препинания, выделения). Интонация логического выделения также выполняет

¹ Ср. «Слова — фрагменты суждений, а не идеи»: Séchehaye A. Essai sur la structure logique de la phrase. P., 1950, p. 117.

функцию обозначения. Волею точно было бы видеть во всех аспектах структуры высказывания номинативную функцию, различая внутренне денотативную и коммуникативно-модальную.

Общая структура ситуации. Ситуация есть отрезок, часть отражаемой в языке действительности, то есть движущейся материи. В объективной реальности человеческое сознание выделяет прежде всего устойчивые объекты — субстанции. Но взятый в отдельности материальный объект не образует еще ситуации: о нем нельзя сказать, что он существует. Ситуация образуется в результате координации материальных объектов и их состояний. Существуют две общие формы такой координации, пространство и время. «Пространство — это совокупность отношений, выражающих координацию сосуществующих объектов, их расположение друг относительно друга и относительную величину (расстояние и ориентация); время — совокупность отношений, выражающих координацию сменяющихся друг друга состояний (явлений), — их последовательность и длительность»¹.

Подобная структура ситуации (объекты-субстанции + координация их состояний или отношения между ними) объясняет наличие в естественных языках двух взаимно противопоставленных основных разновидностей языковых элементов — имени и глагола. Имя выражает субстанции, глаголы в принципе — координации. Это противопоставление может относиться к разным уровням. В одних языках оно носит отчетливый морфологический характер, в других оно проявляется на синтаксическом уровне — в различии между синтаксическим субъектом и предикатом².

Но сама координация, как мы видели, может носить временной или пространственный характер. В первом случае воспринимающий ситуацию человек отмечает изменения в состояниях объекта и явлениях, замечает, как изменяется объект. Это состояние объекта может отмечаться как противопоставление (замещение) его возможному другому состоянию. Например, говоря *собака легла*, мы отмечаем изменение в ее состоянии (ранее она могла стоять, сидеть или бежать). Говоря *собака спит*, мы отмечаем ее состояние как противопоставление другому возможному состоянию (...*спит*, а не *бодрствует*).

При пространственной координации данный объект определяется не по отношению к своему иному потенциальному состоянию, а по отношению к другому объекту. Например: *Собака находится возле будки*, *Собака принадлежит Павлу* — в обоих случаях отмечается связь между данным и каким-то иным объектом. Временная и пространственная координации — единственный способ включить объект в ситуацию, заставить его «существовать». Но вместе с тем между ними имеется важное различие. Временная координация устанавливает отно-

¹ Физический энциклопедический словарь. М., 1965, т. 4, с. 227. См.: Философия естествознания. М., 1966, с. 139.

² Hockett Ch. T. The problem of Universals in Language // Universals of Language. Cambridge (Mass.), 1963, p. 18.

шения между состояниями данного объекта, вне связи его с другими объектами. Пространственная координация обязательно требует наличия второго объекта, относительно которого характеризуется первый.

Это фундаментальное различие ситуаций отразилось в формах мышления и в формах языка. В логике различаются два типа предикатов: одноместные предикаты-свойства (функция от одной переменной) и многоместные предикаты-отношения (функция от двух и более переменных)¹. Что касается форм языка, то, как отмечает Ч. Хоккетт в той же статье, можно предполагать, что во всех языках имеется различие между предикациями с одним референтом (объектом), типа *Mary is singing*, и с двумя референтами, типа *John struck Bill*. Предположительную оговорку Хоккетта можно снять, поскольку различие этих двух типов предикаций связано с общим различием временных и пространственных координаций.

Разумеется в каждой реальной ситуации обнаруживаются и временные, и пространственные координации, но, строя высказывание, говорящий может выделять какой-либо определенный тип координации, либо оба типа одновременно в разных соотношениях. В связи с этим можно различить три типа ситуации:

- а) ситуация-манифестация (проявление) с преобладанием временной координации;
- б) ситуация-отношение с преобладанием пространственной координации;
- в) смешанные ситуации, в которых представлены — в разных пропорциях — оба типа координации.

В лингвистическом плане первый тип ситуация-проявление выражается в сказуемых — непереходных глаголах, обозначающих характеристику, действие или состояние: «человек спит», «ест». В наиболее общей форме ситуация-проявление выражается в глаголе *быть*, который является субстратом всех остальных непереходных предикатов.

Ситуация-отношение лингвистически выражается в переходных и обстоятельственных сказуемых: *Дело касается его*, *Он имеет друзей*. Наиболее общей формой выражения отношения является глагол *иметь*.

Смешанный тип координации выражается глаголами, которые могут употребляться без объекта, но в данном случае не имеют таковой. Например: «Собака лежит у будки», «Он идет к дому», «Мальчик читает книгу», «Мастер красит забор».

Оба основных типа ситуации могут восприниматься в статике или в динамике, в связи с чем формируются четыре основных лексико-семантических типа предиката:

	Манифестация (субъект)	Отношение (субъект и объект)
Статика	быть	иметь
Динамика	идти	делать

¹ См.: Горский Д. П. Логика. М., 1963, с. 36, 46.

Таблица показывает семантическую родственность предикатов соседних полей. Не случайно глагол *иметь* рассматривают как связку, перевернутый глагол *быть*. Глаголы *идти* и *делать* оба процессуальны и могут взаимозаменяться при погашении объективной валентности у глагола *делать* (ср. *делаться* и *происходить*).

Различие между временной и пространственной осями восприятия координаций реальности весьма существенно, так как даже при обозначении одних и тех же элементов ситуации, в зависимости от индивидуальной психологической установки либо от стереотипных установок данного языка говорящие могут обращать внимание либо на отношения объектов, либо на их проявление. Объекты-субстанции и координации образуют элементы ситуации. Любую координацию — временную или пространственную — мы называем процессом. Процесс, таким образом — основной динамический элемент ситуации, и «слова, обозначающие процессы, как правило, обозначают и те ситуации, которые возникают в результате этих процессов»¹.

Это понимание процесса шире того, которое придается ему некоторыми авторами, противопоставляющими процесс как изменение в состоянии субстанций самому состоянию этих субстанций (вне идеи изменения). В этом случае процесс понимается лишь как манифестация (проявление). Например, Бюиссано к «процессам» относит действие и становление (*Je l'en informai; Mon cheval devient vieux*), а связи и стечения обстоятельств относит к «состояниям» (*Cela vous concerne; Mon père est malade*)².

В других работах, напротив, процесс отождествляется с действием и, следовательно, с простым глагольным сказуемым. В иных случаях, напротив, «процесс определяется, как изменение самого субъекта, протекающее внутри него («существовать», «спать», «сердиться») и противопоставляется активным действиям и движениям»³. При восприятии и описании процесса получаемая информация перерабатывается и упорядочивается с помощью лингвистических категорий, для которых язык создал типизированные средства выражения. Можно отметить следующие аспекты и связи процесса:

— Внутреннее содержание процесса: манифестация или отношение в их разнообразных модификациях и сочетаниях; обычно выражается глагольной лексикой, иногда — в сочетании с обстоятельствами.

— Отношение процесса к субстанции, принимаемой за исходную точку процесса. Эта субстанция образует грамматический субъект (resp. подлежащее), по отношению к которому номинант-процесс выступает как предикат (сказуемое).

¹ Мартине А. Структурные вариации в языке // ИЛ, вып. IV. М., 1965, с. 450.

² Buysens E. Les langages et le discours. Essai de linguistique fonctionnelle dans le cadre de sémiologie, Bruxelles, 1943.

³ См., например, Сильницкий Г. Г. Семантические классы глаголов и их роль в типологической семасиологии // Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1966, с. 252.

— Отношение процесса к другим субстанциям (при ситуационном отношении). Лингвистически эти субстанции выступают в форме дополнений или предметных обстоятельств.

— Отношение к процессу со стороны участников коммуникации.

— Отношение процесса во времени к моменту речи.

— Отношение процесса к его результату, внутреннему пределу. Последние три отношения в языке отражаются в категориях модальности, времени и вида, которые обычно выражаются с помощью морфологических средств.

— Отношение способа осуществления процесса с точки зрения качественно-количественной стороны к другим возможным способам, лежащее в основе обстоятельства образа действия (resp. наречия).

— Отношение процесса к другим процессам. Оно лежит в основе логико-грамматических отношений причины, условия, следствия, цели и т. п.; основным средством выражения их является придаточное предложение.

Смысловое различие трех типов обстоятельств (внутреннее — качественно-количественное, отношение к другим субстанциям и отношение к другим процессам) определяет различие основных структур, олукающих для их выражения (наречия, предложные обороты с существительными, придаточные предложения). В процессе развития и использования языка происходят постоянные взаимозамены и сдвиги средств выражения. В связи с этим классификация компонентов ситуации неизбежно отличается от классификации членов предложения, хотя и лежит в ее основе. В последней решающую роль играют формальные критерии, в связи с чем прямое дополнение отделяется от косвенных, а обстоятельства группируются несколько иначе.

Отношение высказывания к ситуации. Пути «перевода действительности в язык» не раз изучались в лингвистике. Во Франции наиболее подробно эти вопросы — с большим или меньшим уклоном в сторону логики или психологии — были рассмотрены в трудах А. Сешё, Ж. Галише, Г. Гийома¹. Хотя в этих концепциях есть отдельные положительные элементы (например, выделение «онтологического плана» у Галише, понятие *subdictivité* — общих категорий, на фоне которых конкретизируются частные понятия, у Гийома и другие), в целом все они страдают умозрительностью и не опираются на данные современной психологии, без которых невозможно постичь этот процесс.

Экспериментальные исследования вскрывают ряд важных сторон в «механизмах речи». Основываясь на материалистической теории отражения, Н. И. Жинкин² различает в формировании речи два основных этапа. Воспринимаемая и обозначаемая в сообщении ситуация

¹ См.: Séchehaye A. Essai sur la structure logique de la phrase, P., 1950; Galichet G. Essai de grammaire psychologique. P., 1947; Guillaume G. Langage et science du langage. P., 1964.

² См.: Жинкин Н. И. Механизмы речи, М., 1958; его же. О кодовых пороках во внутренней речи // ВЯ. 1964, № 6.

отображается вначале с помощью особого языка внутренней речи: предметно-схемного или предметно-изобразительного языка. Этот язык непроизносим, в нем имеются только изображения, где элементы ситуации даны одновременно, а не во временной последовательности. Знак этого «языка» представляет собой означаемое натурального языка. Этот внутренний вид лишен избыточности. Таким образом, сущностью процесса мышления является конструирование, посредством которого производится отбор как содержания, так и языковых средств из необозримого множества элементов ситуации и языка. При переходе от предметного кода к естественному языку выявляются особые закономерности фонетической организации речи, а также отбора слов и конструкций. Нас интересуют последние два момента. Элементы предметного кода выступают в качестве сигналов, «замещающих» слова естественного языка. Эти элементы образны, не нормализованы, неясны по своим очертаниям и вообще являются смысловыми субстратами слов. При переходе от предметного кода внутренней речи к естественному языку слова выступают не только как наименования предметов. «Они не только именуют уже выделенные отношения в явлениях, а и производят самый процесс выделения отношений»¹. Экспериментальным путем устанавливается, что одни и те же предметные отношения могут быть выражены в разных словах. В связи с этим при формировании высказывания выступают особого рода правила, регулирующие критерий истинности и ложности и устанавливающие семантическую идентичность возможных форм высказывания, с одной стороны, и, с другой, регулирующие отбор высказывания, единственный в данной ситуации. Опыты показали большую вариантность средств языка в связи с возможностью замен слов-понятий при описании одной и той же ситуации. Например: *вкусный стол и вкусная пища, Я вижу, что человек скачет на лошади и Я вижу, что всадник идет галопом*. Но одним из наиболее примечательных выводов из экспериментального изучения речи является то, что «синтаксическая схема объединения слов ... проявлялась сразу, мгновенно, как неразложимое целое», по принципу «все или ничего». Составляя предложение из россыпи слов, испытуемые ждали, когда «всплывет» подходящая конструкция. Это наводит на мысль, что при формировании высказывания достаточно определить синтаксическую функцию какого-либо одного слова (нередко — первого), чтобы весь остальной синтаксический рисунок предложения явился сразу.

Из описанных опытов можно сделать три важных вывода.

а) Одна и та же ситуация (предметные отношения) может быть описана разным способом.

б) Способ описания ситуации происходит путем выделения и наименования ее элементов в процессе формирования высказывания.

в) Синтаксическая конструкция не является просто механическим объединением слов по правилам грамматики: она целостно отражает структуру ситуации такой, какой мы ее себе представляем. Это еще раз подтверждает, что при формировании высказывания не конструкция создается из слов, но слова подбираются к конструкции, *вернее*, идет процесс взаимной «подгонки» слов и конструкции¹.

Особенность соотношения языковой формы и ситуации заключается в том, что один и тот же объект может отражаться несколькими эквивалентными формами. Эквивалентность форм доказывается также и тем, что от одной формы к другой можно перейти, следуя определенным правилам трансформации (переключения)². Это совпадает с представлениями материалистической теории информации³. Содержание информации может оставаться неизменным, тогда как форма отражения определяется спецификой отражающей системы. Отражающая система может быть изоморфной (адекватной) или гомоморфной (приблизительной) моделью системы объектов. Языковая система относится к гомоморфным моделям, которые отражают объекты приблизительно, ориентируясь лишь на некоторые более или менее произвольно выбираемые элементы. Различия в описании ситуации проявляются в выделении разных элементов, разных сторон этих элементов и разной группировки элементов.

Выступая как наименование целой ситуации, высказывание является номинацией особого рода, весьма отличной от лексической номинации. Осуществляясь в условиях конкретной коммуникации, высказывание как номинативная единица приближается по многим своим признакам к ситуативным дейктическим элементам языка⁴. Основные черты высказывания:

— Ситуативность. Анализ разговорной речи показал, что в реальной коммуникации прямая номинация часто не имеет места и заменяется указанием⁵. Ситуативность проявляется не только в наличии местоимений и артиклей, что обычно отмечается исследователями, но и в употреблении некоторых разрядов знаменательных слов, смысл которых зависит от ситуации. Характерно, что при обычном

¹ Эксперименты американских исследователей также подтверждают глобальное появление в сознании говорящего общей структуры высказывания, в которой «подбираются слова». См. Миллер Д. А. Речь и язык // Экспериментальная психология. М., 1958, с. 367; Penfield W., Roberts L. Speech and brain mechanism. Princeton, 1959. Ср. описание синтаксических реализаций семантической структуры сообщения в статье К. Пала «О некоторых проблемах актуального членения» («Prague Studies in Mathematical Linguistics», 1, 1966).

² См.: Шаумян С. К. Структурная лингвистика. М., 1965, с. 353.

³ См.: Философия естествознания. М., 1966, с. 395–398.

⁴ О номинативных особенностях дейктиков см.: Кацнельсон С. Д. Содержание слова. Значение и обозначение. М., 1965, с. 5–6.

⁵ См. например, Gougenheim G. Les enseignements de la statistique du vocabulaire // Etudes de linguistique appliquée, № 2, P. 1963.

© Гук В. Г.

¹ Жинкин Н. И. Механизмы речи, с. 361.

изучении этих слов на «уровне языка» как словарных единиц исследователи просто не замечали их ситуативного характера.

— Избирательность. Высказывание не может дать полного описания данного отрезка действительности со всеми его элементами, характеристиками, связями, отношениями. В каждом конкретном случае «язык дает грубые приближения к действительности»¹. Формируя предметно-логическую схему ситуации, говорящий может отбирать и группировать по-своему ее элементы. Это, как отмечалось выше, позволяет описывать одну и ту же ситуацию разными способами. В этом отборе проявляется избирательная деятельность отдельного индивида и каждого языка. Избирательность может касаться обозначения отдельного элемента действительности. Возьмем простейшую ситуацию: «автомобиль переезжает через мост». Она может быть выражена по-русски и по-французски фразами: *Вон машина идет по мосту* и *Voilà une voiture qui passe par le pont*. Автомобиль движется иначе, чем, например, человек; эта особенность ситуации эксплицитно выражена в русской фразе глаголом *ехать* (противопоставленным глаголу *идти*). Во французской фразе этот элемент ситуации остается имплицитным. Здесь одно и то же явление (движение машины) обозначается на основании отражения разных его свойств (способ движения в одном случае и направление в другом).

Избирательность может выражаться и в выборе схемы всего высказывания. Предложения *Бабочки летят на огонь* и *Огонь привлекает бабочек* описывают одну и ту же ситуацию, но по-разному изображают направленность процесса. В первом случае «инициатором» действия представлены бабочки, во втором — *огонь*, притягивающий бабочек. Таким образом, наименование отрезков действительности и их дальнейшая аранжировка непосредственно связаны с тем, как мы представляем эту действительность.

— Компрессия и избыточность. В формировании высказывания большую роль играет пресуппозиция — совокупность предварительных знаний собеседников о предмете речи. Исследователи отмечают обычно двойную роль пресуппозиции². Она предопределяет самое появление высказывания. Так, чтобы сказать *Откройте дверь*, нужно знать, что дверь закрыта и что в помещении находится лицо, способное открыть его. Она предопределяет истинность или ложность высказывания. Рассматривая фразы *Волк упал*, *Волк развелся*, мы определяем, пишет Филмор, являются ли они «странными» или нет, скорее на основании того, что мы знаем о живом существе, обозначаемом словом *волк* нежели тем, что нам известно о лингвистических свойствах слова *волк*. Но пресуппозиция играет и еще одну важную роль в организации высказывания, позволяя устранить семантиче-

ские компоненты высказывания, известные из ситуации собеседникам. Так, знание того, что стол обычно занимает вертикальное положение (*стоит*), позволяет нам опускать соответствующую сему, и сформировать два синонимических высказывания: *Стол стоит у окна* и *Стол находится у окна*. Таким образом ориентировка на ситуацию и пресуппозиция позволяют прибегнуть к компрессии или же сохранить избыточность. В высказываниях может иметь место словесная компрессия (опущение целых номинаций), семическая компрессия (опущение сем в номинациях) и структурная компрессия (опущение связанных элементов).

— Направленность. Высказывание может соотноситься с говорящим (в этом случае говорят об авторизации или эгоцентризме) либо с другим лицом, заинтересованным данным сообщением. Эгоцентризм, никак не обнаруживающийся при анализе синтаксических конструкций предложения, нередко определяет структуру данного высказывания, настолько пронизывая его, что можно различать эгоцентрические и неэгоцентрические построения высказывания. Возьмем, к примеру, причастность индивидуума к описываемым событиям, так называемый «третий синтаксический план» у И. Польдауфа. Гид может сказать экскурсантам в музее: «Это картина художника А, рядом с ней — картина художника В» или: «Перед вами картина А, рядом с ней вы видите картину В». В первом случае ситуация представлена как не связанная с собеседниками, во втором случае — с их точки зрения.

— Информативность. В высказывании отражается характер той информации, которая запрашивается или сообщается при разговоре. Средства выражения информативности различны: вопросительные конструкции, выделение, актуальное членение предложения.

— Эфемерность. Высказывание обозначает конкретную ситуацию в определенный момент. Всякий раз оно заново организуется (хотя по одним и тем же принципам) и не закрепляется в языке. Вследствие этого в другом случае аналогичная ситуация может быть обозначена высказыванием иной структуры.

— Уровневая интеграция. Случайность наименования проявляется не только в относительно произвольном выборе номинанта (обозначаемого элемента ситуации и его аспекта), но и в случайном выборе номинанта, то есть формы обозначения. Один и тот же элемент ситуации может быть обозначен языковыми единицами разных уровней. В структуре высказывания прослеживается взаимодействие абстрактной синтаксической структуры предложения с семантической структурой и актуальным членением высказывания. Это взаимодействие приводит к нейтрализации отдельных языковых элементов в высказывании.

Если слова-наименования взятые в отдельности, не совпадают по объему, то, обозначая (разным способом и с разных сторон) один и тот же элемент в ситуации, они совпадают функционально. Это характерное обстоятельство связано с тем, что при интеграции слова в

¹ Б. Рассел. Человеческое познание. М., 1957, с. 94.

² См.: Ducrot O. Le roi de France est sage // Implication logique et présupposition linguistique. Etudes de linguistique appliquée, № 4, P., 1966; Fillmore Ch. J. Verbes de jugement. Essai de description sémantique // Langages, № 17, mars 1970.

высказывание происходит процесс нейтрализации. При включении слова в словосочетание или в предложение реализуются не все значения слова, а только то, которое непосредственно связано с указанием на данный объект. Таким образом, два разных слова с различными значениями могут быть использованы для обозначения одного и того же элемента объективной реальности, который находится как бы на пересечении проекций их значений. Разумеется, необходимо, чтобы в значениях обоих слов был какой-либо общий элемент. С точки зрения словарных значений различными являются слова *человек* и *глаз*. Но между ними есть отношения целого и части, что обуславливает возможность их нейтрализации в некоторых контекстах: *Человек уставился на дверь; Его глаза уставились на дверь*. При изучении структуры высказывания речевая нейтрализация приобретает первостепенное значение. Речевые соответствия могут отражать различные стороны одного и того же элемента ситуации, вследствие чего подлинный инвариант высказываний устанавливается лишь на уровне ситуации (денотатов).

Внутренняя форма высказывания. Тот факт, что один и тот же элемент ситуации порождает различные способы его обозначения, В. Гумбольдт пытался объяснить при помощи «внутренней формы» языка. Он отмечал, что «слово не является эквивалентом чувственно воспринимаемого предмета, но пониманием его, закрепляемым в языке посредством найденного для него слова... Язык обозначает не сами предметы, а понятия, который дух независимо от них образует в процессе языкотворчества. И именно об этом образовании понятий, которое следует рассматривать как глубоко внутренний процесс, опережающий чувство артикуляции (разрядка моя. — В. Г.), и идет в данном случае речь»¹. Согласно Гумбольдту, внутренняя форма — не только нечто, свойственное единичному наименованию, но некое однообразие, однородность, наблюдаемые во всех проявлениях языка. Поэтому и суть усвоения языка Гумбольдт видел не столько в овладении звуками, внешними формами слова и правилами синтаксиса, сколько в овладении его внутренней формой.

Проблема «внутренней формы» языка получает материалистическое истолкование в исследованиях советских психологов, в частности, в свете теории установки Д. Н. Узнадзе. Установка — неизменная «промежуточная переменная» между стимулом и реакцией — представляет собой специфическое целостное отражение объекта в субъекте при воздействии первого на второе. Она определяется так же, как «настройка воспринимающего организма», обуславливающая в значительной степени его поведение, и отражает состояние носителя информации в момент его готовности к действию². И. Т. Бжалава

¹ Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // *Звегинцев В. А.* ИЯ, ч. I. М., 1964, с. 102.

² См.: *Бжалава И. Т.* Психология установки и кибернетика. М., 1966, с. 31, 110, 112, 229, 236.

отмечает следующие особенности установки: хроническое действие (то есть неоднократное проявление ее в аналогичных ситуациях), бессознательность (оставаясь вне сферы сознания, установка решающим образом влияет на содержание и ход осуществления сознания), непрерывность (она не угасает через промежутки времени и проявляется каждый раз с прежней силой), стабильность (она не ослабляется при регулярном повторении), генерализация (она распространяется на разные объекты). Вместе с тем установке могут быть свойственны динамичность (возможность быстрого появления новой установки), пластичность (старая установка не сразу уступает место новой) и другие свойства¹. Уже эти определения и свойства установки наводят на мысль о ее значении в процессе отражения ситуации в высказывании и формировании специфики языка.

С помощью ряда опытов Д. Н. Узнадзе выявил роль установки в процессе номинации и формировании внутренней формы слова². В различии наименований лежит разность отражения, но само по себе отражение — вторичное явление, его характер определяется той установкой, которая была свойственна воспринимающему субъекту в момент наименования. Таким образом, внутренняя форма слова создается установкой. Но установка, как отмечалось выше, есть целостная реакция субъекта на объект, поэтому и усвоение языка есть не механическое запоминание слов и форм, но процесс преобразования одного субъекта как целого³. В результате многократного воздействия слов и форм происходит фиксация соответствующей установки, которая определяет целостный подход к построению фраз и создает алгоритм речевой деятельности человека. В реализации установки проявляются и субъективный момент (случайность), и объективный (в наименовании отражается то, что есть в объекте, но могут браться за основу наименования его разные стороны). При таком понимании субъективности речи можно согласиться с А. Пальяро, который определял речь как «субъективный момент в языке, особую установку системы языка при ее функционировании»⁴.

Установка — явление индивидуальной психики, но вместе с тем она лежит в основе создания привычек и стереотипов. Человек не может самостоятельно и оригинально перерабатывать все встречающиеся в жизни ситуации. Это тем более свойственно обыденному речевому общению, при котором достаточно в общем виде указать на ситуацию и ее элементы. Если принять во внимание социальный характер акта речи, то станет понятной тенденция языковой установки к превращению в стереотип. Постепенно у всех членов данного язы-

¹ Бжалава И. Т. Указ. соч., с. 90–92.

² См.: *Узнадзе Д. Н.* Психологические основы наименования. Внутренняя форма языка // Психологические исследования. М., 1966.

³ Указ. соч., с. 440.

⁴ *Pagliari A.* Glottologia, Parte speciale, Linguistica della «parole». Roma, 1955. Цит. по ст. *Coseriu E.* Determinacion y entomo..., p. 29.

кового коллектива создаются стереотипные установки, которые определяют единообразный способ членить объективную реальность и те черты, которые воспринимающий в первую очередь замечает в предметах и ситуациях и кладет в основу наименования. Стереотипы значительно облегчают процесс общения. Однако они не устраняют полностью возможность индивидуальных установок, и различие между первыми и вторыми и создает психолингвистическую основу для литературного и языкового творчества.

Проблему внутренней формы и различия языков обычно рассматривали с точки зрения отдельного слова. Между тем, в силу того, что установка определяет целостный подход к построению фраз, следует говорить и о «внутренней форме» высказывания. Отмечаются следующие особенности внутренней формы высказывания по сравнению с внутренней формой слова.

1) Слово может быть мотивированным или немотивированным. Высказывание, как все сложные единицы языка, почти всегда мотивировано, и, следовательно, обладает внутренней формой.

2) Внутренняя форма слова устойчива. В процессе коммуникации говорящий сравнительно редко создает новые частичные номинации (неологизмы) с новой внутренней формой, обычно он использует уже готовые лексические единицы с уже данной внутренней формой. Внутренняя форма высказывания — подвижна, она заново создается в каждом новом акте коммуникации.

3) Внутренняя форма слова может основываться лишь на одном из признаков объекта. Внутренняя форма высказывания обычно содержит указания на признаки ряда элементов ситуации и соотношения между ними. Внутренняя форма высказывания отражает: а) отбор обозначаемых элементов ситуации; б) способ обозначения этих элементов; в) тип устанавливаемых отношений между ними.

Традиционный наивный взгляд на языки утверждал, что различие между языками сводится к смене названий одних и тех же предметов.

Более глубокое изучение соотношения между словами разных языков показало, что словари разных языков делят по-разному континуумы объективной реальности. Так, русскому «рука» соответствуют французские *main* и *bras*, на разные участки разными языками делится спектр, время дня и т. п. Семантические сферы даже сходных по основному значению слов в разных языках не идентичны. «Каждому языку соответствует своя особая организация данных опыта», — отмечает А. Мартине¹. Однако своеобразное «видение мира» определяется не только разным членением и разной классификацией данных опыта.

Огромное значение имеет то обстоятельство, что при описании действительности говорящие на разных языках, в силу установки, отражают разный опыт. Это проявляется в отборе разных элементов и наименовании последних, исходя из их разных аспектов. Именно

вследствие этого одни и те же формальные средства (слова, конструкции) по-разному используются в разных языках. Отмеченные различия обнаруживаются сразу, как только от сравнения отдельных слов и форм мы переходим к сравнению целых высказываний.

Внутренняя форма, избирательность языка связана с вероятностным характером языковой системы, которая, как известно, свойственна и его внешней звуковой форме.

В области звуковой системы ни один язык не реализует всех возможных противопоставлений, ограничиваясь некоторым набором дифференциальных признаков — особым в каждом языке. Чрезвычайное нагромождение этих признаков осложнило бы систему и затруднило бы пользование языком¹. Точно так же и при номинации язык не выделяет всех возможных свойств, аспектов, качеств денотата. Каждый язык ограничивается и здесь, в области внутренней формы, определенным набором дифференциальных признаков, так что один и тот же денотат может обозначаться на основании разных признаков разными словами. Отбор этих признаков, исключительно важный с точки зрения формы языка, оказывается несущественным с точки зрения идентификации денотатов в процессе общения. Исследование закономерностей отбора этих признаков необходимо для создания полной модели языкового синтеза.

¹ Jakobson R. Essais de linguistique générale. P., 1966, p. 201.

¹ Мартине А. Основы общей лингвистики // НЛ, вып. III. М., 1963, с. 375.

ГЛАВА VI

К ПРОБЛЕМЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

(семантическая интерпретация «глубинных»
и «поверхностных» структур)

Общая семиотика определяет семантику как отношение знаков к внешним объектам, а синтаксис — как отношение одних знаков к другим. Отсюда нередко делают вывод, что семантическое начало в языке представлено лишь лексическими единицами, указывающими на элементы экстралингвистической реальности (предметы, процессы и т. п.), тогда как на долю синтаксических категорий и конструкций выпадает структурная организация высказывания. Такая точка зрения была свойственна, по сути дела, и В. Матезиусу, различавшему функциональную ономотологию (наименование отобранных элементов действительности) и функциональный синтаксис (организация этих наименований в высказывание)¹. Между тем анализ взаимодействия лексем в процессе анализа или синтеза высказывания, проделанный Д. Катцем, И. Федором и другими лингвистами, показал роль семантики в организации предложения. У. Вайнрайх справедливо отметил, что приведенное выше определение различия семантики и синтаксиса годится лишь для искусственных семиотических систем. В естественных языках, отмечает он, семантические отношения являются также отношениями между символами². Продолжая эту мысль, можно сказать, что, с другой стороны, в естественных языках и синтаксические отношения предстают как отношения к внешним объектам, то есть семантически. Слово и синтаксическая конструкция выполняют при построении высказывания по-разному и в разной степени и номинативную и организующую задачу. Особенность семантики предложения по сравнению с семантикой слова заключается в том, что референтом предложения является не отдельный элемент действительности, но отрезок ситуации в целом.

¹ См.: Матезиус В. О системном грамматическом анализе // Пражский лингвистический кружок. М., 1967, с. 228.

² Weinreich U. Explorations in Semantic Theory // Current Trends in Linguistics, v. III. The Hague, 1966, с. 468.

Соотношение между синтаксисом и семантикой, проблема семантического в синтаксисе представляет собой один из наиболее сложных и спорных вопросов общего языкознания. Н. Хомский в некоторых своих работах защищал идею «асемантизма» синтаксиса. Он определял предложение как «асемантическую фразовую структуру», отмечая, что в сочетании N и V тщетно было бы искать значение «действие — действие», и приводя в качестве доказательства такие высказывания, как *Джон получил письмо* или *Бой кончился*, где, действительно, подлежащее трудно интерпретировать как реальный производитель действия¹.

Противоположную точку зрения обосновывает Р. Якобсон, подчеркивающий «иконический» характер синтаксиса. В синтаксисе, утверждает он, имеются образы-диаграммы, воспроизводящие отношения между предметами (последовательность событий, их относительная важность и т. п.)². В теоретическом плане изобразительный характер структуры предложения обосновывал Л. Витгенштейн³. Противоречиво трактует семантическую природу синтаксических категорий Л. Теньер⁴. Рассматривая вслед за А. Сешез⁵ предложение как изображение «маленькой драмы» со своим действием, действующими лицами («актантами») и обстоятельствами («сирконстантами»), он вместе с тем трактует актанты и сирконстанты как формальные категории синтаксиса, так что при неизменных предметных отношениях одно и то же имя рассматривается в зависимости от его синтаксической функции то как актант (*Le blé manquait à l'armée*), то как сирконстант (*L'armée manquait de blé*).

Различия во взглядах у разных авторов на соотношение структуры предложения и структуры обозначаемого им отрезка действительности, противоречивые суждения по этому вопросу у одних и тех же лингвистов объясняются, по-видимому, неоднородным характером самих синтаксических структур. Эта неоднородность побудила Н. Хомского, по примеру Ч. Хоукета, различать «глубинные» и «поверхностные» структуры в синтаксисе. Однако оба типа структур Хомский склонен интерпретировать не в семантическом плане (по способу отображения действительности), но лишь как структурные значения, причем «поверхностные» структуры выводятся путем правил трансформации из «глубинных». Г. Хельбиг, разъясняя теорию Хомского, отмечает, что глубинные структуры выражают семантическое содержание предложения, в то время как поверхностные опре-

¹ Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике, вып. II. М.: Л., 1962, с. 315.

² Jakobson R. A la recherche de l'essence du langage // Problèmes du langage. Paris, 1960.

³ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958.

⁴ Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale. P., 1959.

⁵ Séchehaye A. Essai sur la structure logique de la phrase. P., 1950, с. 55.

деляют его форму¹. При этом он, однако, не уточняет характер отношения глубинных структур к описываемой ситуации. А. К. Жолковский и И. А. Мельчук правильно констатируют в высказываниях *партизанская атака, атака партизан, партизаны атакуют* разный «поверхностный» синтаксис при общем «глубинном»². Но если даже предположить, что наиболее адекватно отображает ситуацию последнее высказывание, то остается неясным, является столь же «семантической» структура *бой окончился* или *дождь идет*.

С семантической точки зрения имеется различие не только между разными структурами (например, предикативной и атрибутивной, активной и пассивной и т. п.), но и внутри одной и той же структуры в зависимости от ее конкретного лексико-семантического наполнения.

Различие между глубинными и поверхностными структурами следует проводить не только на формальном, но и на семантическом уровне.

Глубинную структуру при этом определим как лексико-синтаксическую структуру, изоморфную ситуации. Синтаксические категории (члены предложения) соответствуют реальным функциям субстанций и признаков в процессе. Отношения между членами предложения «иконически» отображают реальные отношения между элементами процесса. В поверхностных структурах синтаксические функции в значительной степени утрачивают свой изобразительный характер, все больше приобретая чисто строевое, организующее значение. Различение двух уровней в использовании синтаксических средств позволяет преодолеть антиномию содержательного и формального в синтаксисе.

Если рассматривать высказывание как означающее по отношению к отрезку ситуации, то глубинные структуры представляют собой прямые номинации, где элементы означающего используются в своих прямых значениях и первичных функциях, для выражения которых они и были сформированы в языке, а поверхностные структуры — косвенные номинации, элементы которых используются в переносном значении, в производной, вторичной функции.

Глубинный или поверхностный характер синтаксической структуры определяется на основании сопоставления ее со структурой описываемой ею ситуации. В связи с этим необходимо уточнить второй член сравнения — структуру ситуации. А.-Ж. Греймас стремится показать, что в «актантах» отражаются объективные элементы ситуаций. Анализируя структуру типичнейших ситуаций на основе литературоведческих работ В. Проппа и Э. Сурио, он фиксирует систему из трех пар

¹ Хельбиг Г. Учение Хэрриса — Хомского о трансформации в языке // Иностранные языки в школе, 1966, № 6, с. 38.

² Жолковский А. К., Мельчук И. А. О системе семантического синтеза // Научно-техн. информация, 1967, № 2.

взаимно противопоставленных актантов: субъект/объект; отправитель/адресат; помощник/противодействитель¹. Однако при более внимательном анализе этот список реальных актантов (субстантивных элементов ситуации) оказывается неполным и выделяются следующие семь реальных актантов: 1) субъект (отправитель); 2) объект; 3) адресат; 4) субстанция, содействующая или препятствующая осуществлению процесса (инициатор, орудие, причина); 5) пространственный конкретизатор (местопребывание, исходная или конечная точка движения); 6) временной конкретизатор; 7) субстанция, которой принадлежит либо часть которой составляет субъект или объект. Реальным актантам соответствуют синтаксические актанты (члены предложения): подлежащее (S), прямое дополнение (Od), косвенное дополнение (Oi), орудийное дополнение или обстоятельство причины (Cc), обстоятельство места (Cl), обстоятельство времени (Ct), дополнение к имени (Cn). Соответствие реального и синтаксического актантов создает прямую номинацию (глубинную структуру). Если же член предложения оформляет несвойственный актант (например, подлежащее обозначает не реальный субъект действия, а реальное место действия), то он используется в переносной функции, образуя поверхностную структуру, которую можно интерпретировать как семантическую и синтаксическую трансформацию прямого обозначения (глубинной структуры).

Можно отметить следующие признаки глубинной структуры на семантическом уровне (то есть признаки близости синтаксической структуры высказывания его семантической структуре):

1. Использование синтаксических категорий в их первичной функции. Использование в качестве подлежащего слова, обозначающего объект реального действия, адресат, причину или место действия, есть признак трансформации.

2. Одушевленность подлежащего при переходном глаголе. Употребление в функции подлежащего отглагольного существительного либо неодушевленного подлежащего при активном сказуемом представляет собой трансформацию глубинной структуры.

3. Простое обозначение процесса. Аналитическое сказуемое, транспонирующее семантему, обозначающую процесс, в существительное, прилагательное или наречие, является признаком трансформированности структуры.

4. Центробежная ориентация предиката при одушевленном субъекте. Центростремительная ориентация процесса, обозначенная пассивом либо глаголами типа *получить*, свойственна трансформированным структурам.

5. Прямое обозначение субъекта и предиката. Синтаксической трансформации нередко сопутствует семантическая, в связи с чем метафорический характер глагола либо метонимический характер под-

¹ Greimas A.-J. Sémantique structurale. P., 1966.

лежащего (например, обозначение части вместо целого) свидетельствует об отходе от прямого обозначения ситуации.

Существуют три основных пути трансформации и перехода от глубинной структуры (прямая номинация) к поверхностной структуре (косвенная номинация): а) изменение конфигурации актантов; б) развертывание формы выражения предиката; в) добавление и устранение актантов.

Изменение конфигурации актантов. Синтаксические актанты, объединяющиеся вокруг глагольного ядра, образуют определенную конфигурацию, которая путем взаимозамены актантов может изменяться без ущерба для общей информации высказывания. Если при этой замене затрагивается субъект, то имеет место субъектно-объектная трансформация, изменяющая ориентацию процесса. При этом в функции подлежащего при переходном глаголе может быть использовано обозначение субстанции, не являющейся реальным производителем описываемого действия. Изменение конфигурации актантов отражается на структуре глагольного ядра.

При субъектно-объектных трансформациях в функции подлежащего может выступать обозначение любого другого из семи реальных актантов. Например (для большей наглядности русские высказывания сопоставляются с французскими, которые сопровождаются дословными переводами):

Формальное подлежащее обозначает причину, орудие действия: *Из-за непогоды завтраки у фонтана прекратились* → *Le temps interrompit les goûters de la fontaine* (Rolland) ('Плохая погода прекратила завтраки у фонтана'); *Вдруг он хлопнул меня кулаком по плечу* → *Son poing, soudain, bouscula mon épaule* (Saint-Exupéry) ('Его кулак толкнул мое плечо').

Подлежащее обозначает реальное обстоятельство места: *Из паровоза капала горячая вода* (Паустовский) → *La locomotive laissait tomber une eau chaude* ('Паровоз ронял горячую воду').

Подлежащее обозначает субстанцию, связанную с реальным носителем действия как целое с частью: *Раздались первые звуки танго* → *Le tango étalait ses premières mesures* (Chabrol) ('Танго расставляло свои первые такты').

Подлежащее обозначает реального адресата действия: *Ему ударили камнем в грудь* → *Il reçut une pierre dans la poitrine* (Maugiac) ('Он получил камень в грудь').

Особенности расстановки актантов отражают характер логической связи между обозначаемыми субстанциями, общий способ представления процесса.

В свете сказанного приводимая Хомским фраза *Джон получил письмо* должна быть отнесена к числу трансформированных, поскольку она характеризуется центростремительной ориентацией сказуемого, причем подлежащее обозначает не реального носителя дей-

ствия, но реального адресата того же действия. Это высказывание может рассматриваться как трансформация глубинной структуры *Джону прислали письмо*.

Развертывание предиката. Замена глагола глагольной и аналитической структурой, состоящей из глагола-предикатора и полуслужебной функции и отглагольного существительного, повышает трансформационную гибкость предложения, так как, не изменяя семантики высказывания, увеличивает валентность глагола, а следовательно, и возможность изменения конфигурации актантов. Отглагольное существительное (N) может выступать в функции подлежащего (Ns) или дополнений (No). Пример развертывания:

процесс	глагол	аналитическая структура
бессубъектный	V дождит	Ns+V дождь идет
средний	S+V он гуляет	S+V+No он совершает прогулку
активный	S+V+Od он пригласил Павла	S+V+No+Oi он послал приглашение Павлу

С помощью аналитической структуры бессубъектный процесс изображается как субъектный. Среднее неориентированное действие представлено в виде активного действия, реальный объект активного действия принимает форму определения или косвенного дополнения. Вместе с тем в функции подлежащего и дополнения, которые в глубинных структурах оформляют реальные субъект и объект, выступают наименования самих процессов, тогда как позиция наименования процесса (сказуемое) занимает глаголом-предикатором, указывающим на процесс в самой общей форме, но не на данный конкретный процесс, описываемый в высказывании. Глагол-предикатор выражает процесс в общей форме (*происходить, иметь место, идти, вестись* и т. п.) либо фазы процесса (*начинать, -ся, кончать, -ся*). Фраза, приводимая Хомским, *Бой кончился* является трансформированной структурой, так как позиция подлежащего в ней занята отглагольным существительным, обозначающим сам процесс, а позиция сказуемого — глаголом, обозначающим в общей форме одну из фаз процесса. Исходной глубинной структурой этого высказывания должен быть глагол без указанного конкретного субъекта (нечто вроде **Кончили биться*), а формула трансформации: $V \rightarrow Ns+V$.

Дополнительный актант. Дополнительный актант представляет собой указание на субстанцию, ясную из ситуации. Обозначению этого актанта может быть опущено без ущерба для объема информации. В качестве дополнительного актанта может выступать обозначение ситуации в самой общей форме (*это, мир*), обобщенное обозначение деятеля (*люди, все*), обозначение участников речи или дей-

ствия, а также элементов ситуации, находящихся в устойчивых отношениях с другими уже наименованными элементами. Вот, например, при переводе русских фраз на французский язык появляются новые актанты, не добавляющие, однако, ничего нового в общую информацию, заключенную в высказывании: *Был виден кусочек неба (Аксенов) → Je voyais un coin de ciel* (букв. 'Я видел кусочек неба'); *В печке гудело (Чехов) → Le vent hurlait dans la cheminée* (букв. 'Ветер гудел в печке'); *vent* подсказывается ситуацией (если субъект специально не указан, то вызвать гудение может только движение воздуха — ветер). Поскольку дополнительный актант семантически избыточен, его включение в состав предложения (или, наоборот, его опущение) вызывается конструктивными потребностями.

С помощью трех указанных приемов трансформации языка решают целый ряд семантико-синтаксических задач. Так, изменение конфигурации актантов позволяет устранять синтаксическую инверсию членов предложения и устанавливать параллелизм между актуальным членением и синтаксической структурой предложения (синтаксическое подлежащее совпадает с логическим субъектом — «данным»). Развертывание предиката дает возможность заменить безличную и неопределенно-личную конструкцию личным двусоставным предложением (ср.: *...Пахнет... → Стоит запах...; Вчера собрались → Вчера состоялось собрание*), характеризовать действие с помощью определения, относящегося к существительному (**Он интересно предложил → Он внес интересное предложение*), заменить пассив активом (*быть презираемым → терпеть презрение*) и вообще увеличить число трансформов одной и той же исходной структуры. Так, если предложение с простым активным сказуемым может иметь лишь одну субъектно-объектную трансформацию: *Он пригласил Павла → Павел был приглашен им*, то при введении аналитической структуры появившийся новый актант — *приглашение* — также может выступить в функции подлежащего, что увеличивает число возможных трансформаций: *Он послал приглашение Павлу → Павел получил его приглашение → Его приглашение получено Павлом → К Павлу пришло от него приглашение*.

С помощью дополнительного актанта избегаются нежелательные инверсии подлежащего, безличные обороты, а также формируется транзитивная конструкция, что существенно, например, для французского языка.

Трансформированные структуры играют столь значительную роль в языке, что нередко вытесняют глубинные структуры, которые могут быть получены лишь путем обратной трансформации. В некоторых языках определенные ситуации могут быть выражены лишь с помощью трансформированных структур, подобно тому как некоторые понятия в языках могут выражаться лишь лексемами, используемыми в переносном значении. Так, если в русском и французском

языках бессубъектный процесс часто обозначается личным предложением, то в языке йоруба, например, безличные предложения отсутствуют вообще и бессубъектные процессы обозначаются метафорически двусоставными предложениями: *Холодно → Холод взял* (ср. русск. *Стоит холод*); *Темно → Земля темная* (ср. русск. *Наступила темнота*).

Различные средства трансформаций по-разному используются в разных языках. Так, сопоставление русского и французского языков показывает, что последнему в целом свойственно более частое использование поверхностных, трансформированных структур, где семантическая сторона оказывается затупеванной.

В заключение отметим еще раз, что, стремясь показать «асемантичность» синтаксических конструкций, Хомский оперировал трансформированными структурами, не адекватными структуре описываемых ими ситуаций. Эти структуры, однако, путем закономерных трансформаций могут быть сведены к глубинным, семантическим, структурам, изоморфно отображающим действительность. Синтаксические структуры могут быть, следовательно, и асемантичны и полностью семантичны.

ГЛАВА VII

К ПРОБЛЕМЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ
СИНТАГМАТИКИ*

Применение методов структурного анализа к изучению различных аспектов языка обнаруживает одну характерную особенность. В области синтаксиса структурализм обратился прежде всего к методам, отражавшим синтагматические отношения элементов синтаксической структуры. Таковы анализ по непосредственно составляющим, дистрибутивный метод и другие. Лишь только обращение к трансформационному анализу подготовило почву для исследования парадигматических связей между синтаксическими структурами. В области лексики структурализм, напротив, занялся прежде всего анализом парадигматических отношений. Таково было изучение семантических полей, стремление определить лексический состав языка как систему лексико-семантических групп. Подобное направление структурных методов при анализе синтаксиса и лексики следует признать неслучайным, если в семантике видеть прежде всего отношение символов к внешним объектам, а в синтаксисе — отношение между символами в высказывании. Однако такое определение семантики и синтаксиса, уместное для общей семиотики, не является, как верно отмечает У. Вейнрейх¹, вполне подходящим для естественных языков. В естественных языках синтаксис семантивен, то есть его категории и элементы соотносятся определенным образом с внешними объектами, а семиотика синтаксична, то есть отражает отношения между символами-обозначениями. В связи с этим на втором этапе развития структурных методов в языкознании наблюдается стремление исследовать отражение парадигматических отношений в синтаксисе² и сигматических отношений в семантике. Именно последний аспект будет интересовать нас в этой главе.

* Впервые опубликовано: Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972.

¹ Weinreich U. Explorations in Semantic Theory // Current Trends in Linguistics, vol. III. The Hague, 1966, с. 468.

² Опыт исследования парадигматических отношений в синтаксисе представлен, например, в работах С. К. Шаумяна и П. А. Соболевой, В. Г. Адмони, Н. Ю. Шведовой.

Семантическая синтагматика стала предметом специального внимания со стороны лингвистов разных стран.

Пожалуй, одна из наиболее ранних существенных попыток вскрыть взаимодействие элементов высказывания на семантическом уровне дана в известных работах Дж. Катца, Й. Фодора, П. Постала, стремившихся дополнить порождающую грамматику Н. Хомского семантическим анализом¹. Положительной чертой этой теории является стремление ликвидировать разрыв между синтаксисом и семантикой и включить последнюю в рамки порождающего описания языка. Вместе с тем теория эта вызывает ряд существенных замечаний². Катц и Фодор развивают свою теорию преимущественно в пассивном плане. Семантическую теорию они определяют как теорию способности говорящего интерпретировать фразы языка и главным образом интересуются путями снятия двусмысленности. Они ограничивают себя рамками собственной структуры высказывания, не обращая ни к контексту, ни к ситуации, ни к отношениям лексем с экстралингвистическим миром. Такой подход недостаточен при изучении семантического синтеза. Здесь важно выявить, в какой степени, в каких деталях и с какой мерой обобщения ситуация отражается в формах языка, и выход в план реальности становится необходимым. «Правила проекции», регулирующие семантическую синтагматику, разработаны у Катца и Фодора недостаточно глубоко, что усиленно подчеркивает У. Вейнрейх. Развивая выдвинутые им ранее идеи³, Вейнрейх предложил «новую семантическую теорию»⁴. Задачу семантической теории он видит в том, чтобы показать, как значение предложения определенной структуры может быть выведено из значения его частей. Семантическая структура высказывания сводится к совокупности его семантических компонентов. Теория Вейнрейха в большей степени, нежели теория Катца — Фодора, ориентирована на кодирование (активный план). Вейнрейх значительно углубляет собственно синтагматический аспект семантической теории и отмечает ряд правил, определяющих взаимодействие компонентов высказывания на семантическом уровне.

Отмечая, что одной из ошибок Катца и Фодора является то, что у них «семантика начинается там, где кончается синтаксис», Вейнрейх убедительно показал взаимопроникновение синтаксиса и семантики в

¹ Katz J. J., Fodor J. A. The Structure of Semantic Theory // Language, 39, 2, 1963; *Они же*. Structure d'une théorie sémantique avec applications au français // Cahiers de lexicologie, 1966-II. P., 1966; Katz J. J., Postal P. M. An Integrated Theory of Linguistic Description. Cambridge (Mass), 1964; Katz J. J. The Philosophy of Language. N. Y.; L., 1966.

² См. также критику Ц. Тодорова: Todorov T. Recherches sémantiques // Langues. P., 1966, № 1, с. 34-37.

³ Weinreich U. On the Semantic Structure of Language // Universals of Language. Cambridge (Mass), 1963.

⁴ Weinreich U. Explorations in Semantic Theory // Current Trends in Linguistics, v. III. The Hague, 1966.

языке. Однако он впал в противоположную ошибку, недооценивая собственную внесинтагматическую сторону лексических номинаций и превращая семантику лишь в часть синтаксической порождающей модели¹. Он проходит мимо закономерностей номинации, не учитывая возможности и необходимости разработки теории порождения разных способов выражения одного и того же значения. По сути эта «порождающая семантика» так же оторвана от ситуации, от обозначаемого, как и теория Катца — Фодора.

Итак, основным недостатком теоретических построений американских структуралистов в области семантической синтагматики является рассмотрение отношений между семантемами «в себе», в отрыве от отношений между элементами экстралингвистической действительности, обозначенными соответствующими словами. Аналогичную ошибку совершала и традиционная теория словосочетаний, полагавшая, что достаточно изучить формальную дистрибуцию лексем, чтобы вскрыть закономерности сочетания слов в высказывании.

Язык функционирует отнюдь не «для себя» или «в себе». Он служит для наименования экстралингвистической реальности, отражаемой в сознании говорящих. Известный семантический треугольник отражает три стороны в функционировании языка: языковые формы, мышление, действительность. Чтобы постичь закономерности сочетания слов, необходимо анализировать, как взаимодействуют три уровня: уровень действительности, уровень мышления (план содержания, по терминологии Л. Ельмслева) и уровень языка (план выражения).

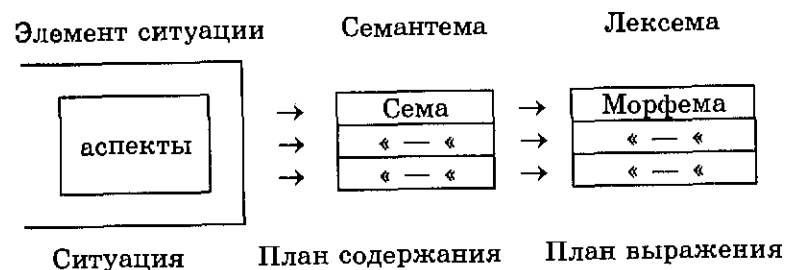
На первом уровне выделяются подлежащие обозначению элементы ситуации, которые характеризуются определенными свойствами (аспектами). Внутри каждого аспекта определяется различительная черта. Один или несколько аспектов избираются как обладающие наибольшей информативной и диагностической силой и отражаются в наименовании. Так, некоторое движение можно определить по направлению или способу передвижения или по обоим аспектам одновременно. В повседневном общении, в силу речевых установок, отбор аспектов и, следовательно, наименование происходят бессознательно.

Отражение элемента ситуации в плане содержания образует семантему, отражение аспекта — семантическую категорию, а отражение отличительной черты данного аспекта — семантический компонент, или сему. В плане выражения семантеме соответствует лексема, тогда как сема может быть репрезентирована морфемой. Так, в глаголе *приходить* префикс *при-* репрезентирует сему «приближение» (семантическая категория — направление движения), корневая морфема *-ход-* — сему «пешком» (семантическая категория — на-

¹ В этой связи уместно напомнить определение П. Зиффа: «Значение — это несинтаксическая регулярность» (Ziff P. *Semantic Analysis*. Ithaca; N. Y. 1962, с. 146).

правление движения), которые отражают соответствующие аспекты данного процесса. По отношению к семе семантическая категория выступает как «сверхсема» или «архисема»¹.

Возможно и синкретическое обозначение двух сем в одной морфеме. Соотношение уровней и процесс номинации может быть представлено схемой:

Компоненты семантем представляют собой результат последних данных опыта. Предшествующие членения и дифференциации в семантике не эксплицируются, но они имплицитно представлены в ней и могут обнаруживаться при взаимодействии номинаций. Такие скрытые компоненты и являются «сверхсемами» («архисемами»), которые относятся к эксплицированным компонентам как родовые понятия к видовым. Например, в слове *волк* имплицитно содержится семма «одушевленное существо», в слове *приходить* — сема «действие». Сверхсеммы отличаются свойством, которое Г. Гийом назвал «подводимостью», *subductivité*². Они мысленно предшествуют более конкретным семам, которые «подводятся» под них. Представляя собой узловые пункты классификаций, «сверхсеммы» выполняют организующую функцию в высказывании.

Таким образом, семантема обладает иерархической организацией и включает «архисемы» (общие семы родового значения), дифференцирующие семы видового значения и потенциальные семы, отражающие побочные характеристики обозначаемого объекта.

Если слово перестает отражать данный аспект элемента ситуации [а], то соответствующая сема «а» исчезает из семантического состава лексемы и последняя семантически опрощается. Возведение потенциальной семы в ранг дифференцирующей составляет семантическое содержание процесса переноса значения слов.

Рассмотрим в качестве примера некоторые дистрибуции (Т) глагола *прийти*, реализующие его различные значения в зависимости от характера субъекта действия (С).

Т₁. С — одушевленный субъект, способный самостоятельно передвигаться пешком: *Мальчик пришел домой из школы*. Здесь отмеча-

¹ Термин Б. Потье, см.: Pottier B. *La définition sémantique dans les dictionnaires // Travaux de linguistique et de littérature*. III. Strasbourg, 1965.

² Guillaume G. *Langage et science du langage*. P., 1964, с. 78.

ется прежде всего архисема (Д) «движение», включающая две указанные выше дифференциальные семы: (б) «приближение» в семантической категории «направление движения» и (в) «движение пешком» в категории «способ передвижения». Кроме того, оппозиции типа *Он пришел в милицию* и *Его привели в милицию* обнаруживает у глагола *прийти* сему (a_1) «самостоятельность действия», которая не входит в архисему «движение», так как свойственна глаголам и другим семантическим группам. Семантическая структура данного значения глагола *прийти* может быть представлена семантической формулой (СФ) $a_1Д(б·в)$. Разумеется, другие оппозиции могли бы выявить новые дифференциальные семы (ср. *Он пришел* и *Он притащился*), но мы на них останавливаться не будем. С другой стороны, у глагола *прийти* можно отметить потенциальную сему (П) «появление», ибо приход кого-либо куда-либо означает вместе с тем прекращение его отсутствия в данном месте, начало его пребывания там.

В зависимости от ситуации (что может проявляться в более широком контексте) любая из отмеченных сем может актуализироваться, выйти на первый план, включиться в рему высказывания, тогда как другие семы, отражающие уже известные или безразличные для говорящих аспекты явления, теряют коммуникативную значимость, отходят на второй план («погащаются») и могут совсем исчезнуть из семантической структуры слова. Так, в высказывании *Сегодня мальчик впервые самостоятельно пришел из школы* актуализируется сема (a_1) «самостоятельность действия». Во фразе *Сегодня он приехал из школы, а не пришел* на первый план выходит сема (в) «способ передвижения». В предложении *Он уже пришел из школы?* коммуникативную значимость приобретает сема (б) «прибытие» (собеседникам, по-видимому, известно, что обычно путь совершается пешком). При безразличии к способу передвижения сема (в) устраняется и глагол *прийти* становится синонимом глагола *прибыть*: *Начальник уже пришел?*

T_2 . С — неодушевленный субъект, способный передвигаться самостоятельно: *Поезд пришел на станцию, Вода пришла на поля*. Здесь устраняется сема (в) «способ передвижения». СФ: $a_1Д(б)$.

T_3 . С — неодушевленный субъект, не способный передвигаться самостоятельно: *Пришло письмо, Пришли боеприпасы*. Сема (a_1) уступает место семе (a_2) «несамостоятельное действие». СФ: $a_2Д(б)$.

T_4 . С — неодушевленный непредметный субъект, который не может перемещаться в пространстве, но способен развиваться во времени: *Пришло время обедать, Пришла война, Пришла беда, Весна пришла*. Глагол *прийти* здесь утрачивает сему (б), а с нею и архисему (Д) «движение», в нем актуализируется сема (П) «появление», «возникновение», «наступление», находившаяся в латентном состоянии в отмеченных выше употреблениях слова. Сема (П) становится носителем основного значения глагола. СФ: $a_1 П$.

При метафоризации подлежащего (*Весна пришла уже на поля Украинны*) восстанавливается сема (б), и СФ глагола становится такой

как в дистрибуции T_2 (событие изображается как пространственно-временное передвижение весны по стране).

Переносный характер значения глагола в T_1 более подчеркнут, чем в T_2 или в T_3 , так как ведущей семой становится уже не «движение», но «возникновение».

Во всех случаях семантическая структура данного значения слова определяется реальными свойствами самих элементов ситуации и важностью этих свойств для говорящих в момент речи: если глагол сочетается с субъектом, не способным по самой своей природе осуществить данный аспект действия, то соответствующая сема опускается и семантическая формула глагола трансформируется.

Семантическая структура лексики в некотором отношении аналогична грамматической структуре языка: членение словарного состава на грамматические классы (части речи) и на семантические классы (лексико-семантические группы слов) подчиняется некоторым общим принципам.

Каждая часть речи характеризуется совокупностью грамматических категорий, которые в свою очередь делятся на субкатегории, объединяющие ряд элементарных значений (семантических компонентов). Например, глагол характеризуется категориями лица, залога, времени и др. Последняя имеет ряд субкатегорий, внутри которых различаются некоторые значения. Значение каждой глагольной формы можно представить как сочетание компонентов, относящихся к разным субкатегориям и категориям. Ср. две схемы (рис. 1, рис. 2).

Среди категорий, определяющих семантическую структуру класса, есть такие, которые свойственны не только данному классу, но и другим классам (например, число у глаголов), но есть такие, которые являются существенными для данного класса, так что самый класс определяется сочетанием этих категорий. Так, глагол определяется прежде всего сочетанием категории времени (субкатегория: отношение к моменту речи) и наклонения. При отсутствии этих категорий возникают промежуточные междуклассные образования (неличные формы глагола) и создаются условия для перехода данной формы в другой класс. Также в лексическом классе имеются ведущие категории (например, для ЛСГ «движение»: направление движения и способ передвижения), при отсутствии которых слово имеет тенденцию к переходу в другую ЛСГ.

После краткого анализа семантической парадигматики можно перейти к непосредственным проблемам семантической синтагматики.

Лексическая сторона организации высказывания не сводится к грамматическому комбинированию выбранных лексем. Речь представляет собой ряд последовательных выборов, в которой всякий избираемый лексический элемент определяется не только его прагматическими отношениями, но его связями с окружающими словами. Нередко синтагматические отношения определяют выбор внутри данного парадигматического класса.

Словарный состав языка

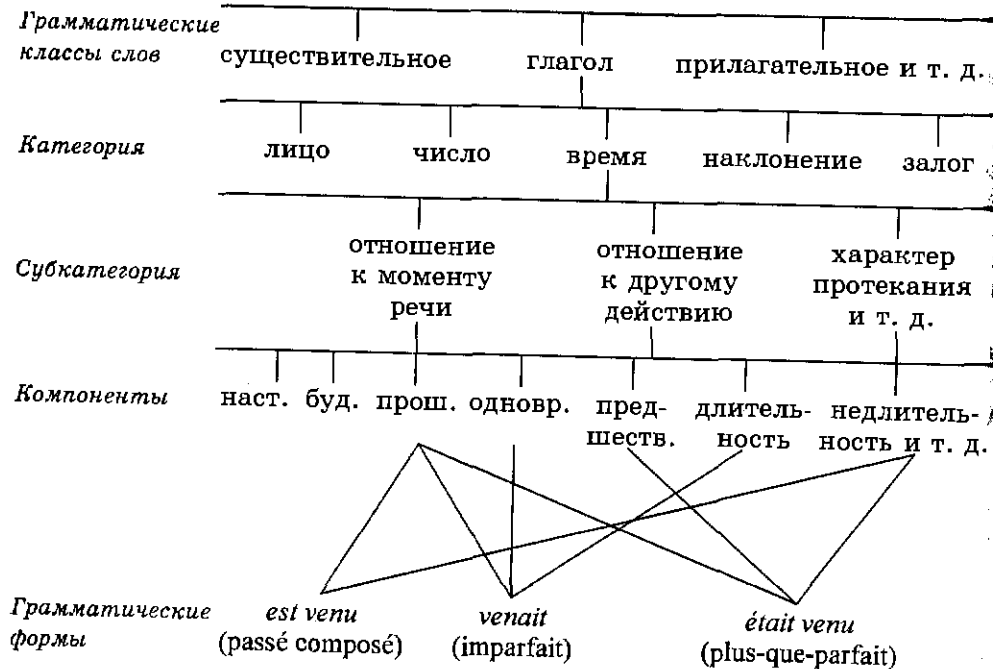

Рис. 1

Словарный состав языка

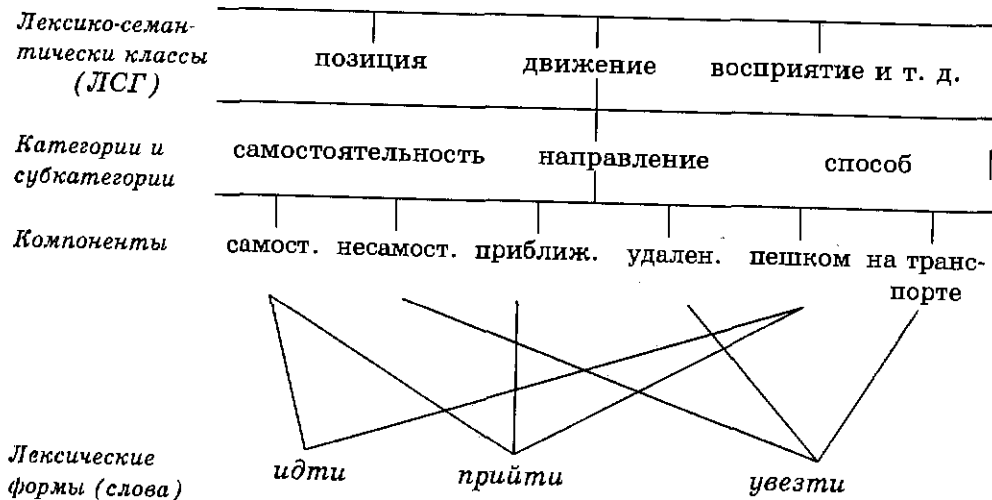

Рис. 2

Правильная организация высказывания предполагает, следовательно, соблюдение законов сочетания слов.

Закономерности сочетания слов на уровне лексем стали предметом подробнейших исследований в советской лингвистике и породили целую отрасль языкознания — фразеологию.

Однако разработка проблем семантического синтеза ставит вопрос об изучении законов сочетаемости слов не только на лексическом, но и на семантическом уровне. А это сводится к изучению законов зависимости номинации от других номинаций окружения.

Можно отметить три типа зависимости номинации на семантическом уровне от окружения:

А. Синтагматически обусловленная номинация (то есть номинация, зависящая от окружающих номинаций высказывания);

Б. Ситуационно обусловленная номинация (то есть номинация, зависящая от знания данной ситуации собеседниками);

В. Повторная номинация (то есть номинация, зависящая от предшествовавшего наименования того же элемента ситуации).

В настоящей статье мы рассмотрим закономерности синтагматически обусловленной номинации.

Основной закон семантического сочетания слов сводится к тому, что для того, чтобы два слова составили правильное сочетание, они должны иметь, помимо специфических, различающих их сем, одну общую сему. Такую общую сему французские авторы (Б. Потье, А. Греймас и др.) называют классемой. Классемы итеративны, то есть в данном сообщении они встречаются неоднократно (по меньшей мере дважды), благодаря чему и осуществляют связь наименований на расстоянии. А. Греймас так изображает связь различительных сем (N_2 и N_1) и классем (Cs_1) внутри семантической последовательности (Nq)¹:

$Sq = N_2Cs_1 + N_1Cs_1 = (N_2 + N_1) Cs_1$. Например, если слово *простуженный* может характеризовать одушевленные лица, то сочетание *простуженная женщина* следует формуле $(N_2 + N_1)Cs_1$, где Cs_1 — сема одушевленности, а N_2 и N_1 собственные семантемы указанных слов. Сочетание же *простуженный стул* не является правильным, поскольку во второй семантеме отсутствует классема «одушевленность». Общий список «классем» не составлен, но к ним обычно относят семантические компоненты общего значения, представленные в словах различных лексико-семантических групп, такие как одушевленность/неодушевленность; человеческое существо/животное; мужской пол/женский пол; взрослая особь/молодая особь; материальность/нематериальность; счисляемость/несчисляемость; действие/состояние; переходность/непереходность действия и т. п. Нетрудно заметить, что эти классемы соответствуют преимущественно крупным группировкам внутри частей речи, так называемым «подклассам» слов, специфика которых проявляется в определенных морфологических, син-

¹ Greimas A.-J. *Sémantique structurale*. P., 1966, с. 53.

таксических и словообразовательных особенностях. Такие абстрагированные классемы выполняют важную роль в семантической структуре слова, они шире конкретных сем, составляющих его собственное значение, и даже во многих словарных определениях предшествуют последним¹.

Несомненно, «классемы» имеют большое значение в синтагматической организации семантической стороны высказывания. Им приписывается двойная функция: связывающая и классифицирующая. Если, однако, в «классемах» видеть прежде всего связующий элемент речи, то отмеченное выше понимание их оказывается слишком узким и не объясняет многих случаев семантической связи.

В реальной речи в роли связующего семантического компонента может выступать не только категориальный компонент вроде тех, что перечислены выше, но любая архисема, всякий компонент, общий по меньшей мере двум семантемам. Классификационная функция подобного рода сем отходит на второй план, иногда оказывается незначительной, и термин «классема» в этих условиях себя не оправдывает. В такой итеративной функции может оказаться любая сема; мы будем называть ее не «классема», а «связующий семантический компонент» («синтагема»). Связующая роль такого компонента проявляется в том, что он обнаруживается в синтаксических группах: субъект — глагол; глагол — объект; определяемое — определение. При этом слова-акциденции (глаголы, прилагательные) подбираются к словам-субстанциям (существительные), даже если это противоречит формальным грамматическим отношениям зависимости (например, в группе «глагол + дополнение»).

Наряду с общими синтагмемами (классемами), охватывающими ряд ЛСГ, в роли синтагмемы могут выступать категориальные архисемы, ограничивающиеся одной ЛСГ. Например, в ЛСГ «движение» выделяется ряд синтагмем, связанных с характером и способом передвижения, которые вступают в действие всякий раз, в зависимости от характера субъекта. Здесь уже сами одушевленные субъекты проявляют неоднородность. Например:

лететь + существо, передвигающееся по воздуху;

ползти + существо, передвигающееся на земле без участия ног.

Если нужно обозначить ситуацию: «Змея приблизилась к норе», «Птица приблизилась к своему гнезду», то синтагмемы в семантемах «змея» (передвигается ползком) и «птица» (передвигается летя) предопределяют соответствующие синтагмемы в глаголах: *Змея подползла к норе*, *Птица прилетела к гнезду*.

Синтагмемы могут иметь ограниченное употребление и проявляться только в одном сочетании. Примером может являться выражение интенсивности. Например, интенсивность цвета может обозначиться при помощи эксплицитного или имплицитного сравнения с предметом, принимаемым в данном обществе за эталон этого цвета:

Красный цвет — предмет красного цвета (*кровь*)
 Голубой цвет — предмет голубого цвета (*небо*)
 Белый цвет — предмет белого цвета (*снег*)
 Рыжий цвет — предмет рыжего цвета (*огонь*)
 Желтый цвет — предмет желтого цвета (*лимон*),

откуда обозначения: *крово-красный, небесно-голубой, белоснежный, лимонно-рыжий, лимонно-желтый*. Сема «такой-то цвет» присутствует в обеих частях сложного обозначения.

Итеративность обозначения подтверждает, что перед нами синтагмемы. Это становится особенно ясно при сравнении с синонимичными высказываниями: *темно-красный, ярко-голубой, ярко-рыжий, светло-желтый*, где определяющая часть сложного обозначения не имеет частной синтагмемы цвета, в связи с чем одно и то же обозначение итеративности может присоединиться к совершенно различным цветам.

Во многих случаях компоненты устойчивых словосочетаний являются синтагмемами. Например, словосочетание *сенсационная статья* является устойчивым, привычным, в то время как, например, сочетание *сенсационный закон* — таковым не является. Семический анализ дает объяснение этому обстоятельству. *Статья* — часть газеты и, следовательно, согласно общему семиотическому закону *pars pro toto*, может вбирать в себя те же компоненты, что и семантема «газета». На основании определений «Словаря русского языка» и словаря Le Petit Larousse, *газета* может интерпретироваться как объединение сем: «периодическое издание» (а) + «сообщать» (б) + «новости» (в). *Статья*, определяемая как «небольшое газетное сочинение» (г) включает компоненты (б) и (в). *Сенсация* в «Словаре русского языка» определяется как «сообщение (известие) (б), производящее ошеломляющее впечатление (д)». Таким образом, все словосочетание *сенсационная статья* содержит следующие семы: [сообщение (б) + ошеломляющее впечатление (д)] + [небольшое сочинение (г) + сообщать (б) + новости (в)]. В обеих частях словосочетания имеется общий компонент «сообщать» (б), который и выступает здесь в качестве синтагмемы.

В функционировании синтагмем проявляются как внелингвистические, так и внутриязыковые факторы.

Зависимость синтагмем от внутриязыковых факторов состоит в том, что их проявление связано в конечном счете со способом членения данного внеязыкового континуума формами языка. Эти формы подтверждают зависимость синтагматических отношений от парадигматических.

Громкий звук, издаваемый гнущейся мачтой, физически отличается от звука, издаваемого человеком или животным. В русском языке это различие выражено в противопоставлении глаголов *скрипеть* и *кричать*. Последний содержит сему «отношение к одушевленному существу» и употребляется (в прямом значении) исключительно с соответствующим подлежащим: *птицы кричат, человек кричит* и т. п. Во французском языке указанное различие осталось невыраженным,

¹ См. Pottier В. Указ. соч.

в связи с чем глагол *crier* сему одушевленности не содержит и может сочетаться как с одушевленными, так и с неодушевленными субъектами: *le mât crie* 'мачта скрипит', *les gonds de la porte crient* 'скрипят дверные петли' и т. п. Причем в этом случае речь не идет о переносном значении (в словаре Робера, например, такой пометы нет, хотя он обычно отмечает расширительные и метафорические употребления).

Что касается внелингвистических факторов, то закономерности синтагматически обусловленной номинации во многом зависят от характера отношений и свойств описываемых предметов.

Семантическую структуру высказывания составляет совокупность сем, соответствующих различительным чертам, выделяемым говорящими в описываемой ситуации. По отношению к данной различительной черте можно выделить три типа ситуаций:

1 — однозначная неальтернативная ситуация с устойчивыми предметными отношениями (данная различительная черта обязательно присутствует в ситуации и ясна для собеседников).

10 — двузначная альтернативная ситуация (различительная черта может присутствовать или отсутствовать);

0 — незначащая ситуация (данная различительная черта не является релевантной).

Особенно большое влияние на формирование высказывания оказывают такие устойчивые предметные отношения, как род — вид (иерархия «быть»), принадлежности, целого и части, содержащего и содержимого (иерархия «иметь»). Устойчивые свойства объектов могут быть подведены под разрабатываемое в современной логике понятие диспозиционального предиката¹, который отражает предрасположенность вещи проявлять себя определенным образом в определенных условиях. Так, в ситуации «движение» рыба *плывет*, змея *ползет*, птица *летает*; в ситуации «занимать положение» дом обычно *стоит* (вертикальная позиция), книга — на столе — *лежит*, картина — на стене — *висит*. Обычный способ существования дерева определяется глаголом *расти*, животных — *водиться*, огня — *гореть*, в ситуации «производить» гнездо *вьют*, письмо *пишут*, пироги *пекут* и т. п. Разные глаголы отмечают реальные различия физических действий и состояний, вытекающих из природы предмета и являющихся конкретизацией более общих процессов: «двигаться», «существовать», «производить».

Поскольку языковой знак, как и всякая иная семиотическая единица, служит для различения и устранения неопределенности², он сохраняет полноту своей дистриктивной функции только в условиях двузначной ситуации. Здесь сема, соответствующая необходимой различительной черте, является обязательной, а слово, содержащее эту сему, сохраняет полноту значения. При этом семантическая структура высказывания остается одинаковой во всех языках, и ти-

¹ Войшвилло Е. К. Понятие. М., 1967, с. 133–161.

² Prieto L. Messages et signaux. Ch. II. P., 1966.

логические различия могут касаться лишь внешней формы обозначения:

Она стояла неподвижно на берегу *Elle était debout, immobile, au bord de l'eau.*
(Паустовский)

Различительная черта ситуации «вертикальное положение» является обязательной для полноты передачи информации (субъект мог бы занимать иную позицию). Соответствующая сема выражена глаголом в русском тексте и наречием — во французском.

В однозначной ситуации данная черта утрачивает различительную функцию и соответствующая сема может присутствовать или быть опущена без ущерба для общей информации высказывания:

Кухня его стояла на выезде *Sa forge était à la sortie du village.*
(Паустовский).

Разные возможности описания одной и той же ситуации лежат в основе семантической типологии. Последняя касается объема избыточного обозначения (во французском тексте его объем шире, чем в русском), а также отношения средств выражения к информации, заключенной в высказывании (избыточность сем: «вертикальное положение», предполагаемое диспозиционным предикатом субъекта, дополнительно эксплицировано в сказуемом). Итеративность сем в высказывании выступает как формальный способ организации предложения на семантическом уровне и может интерпретироваться как семантическое согласование, в принципе подобное грамматическому согласованию. Однако избыточный характер одной из сем приводит к тому, что соответствующее слово начинает нести лишь строевую функцию и встает на путь десемантизации.

При описании ситуации, в которой данная различительная черта оказывается нерелевантной, соответствующая сема становится неуместной, и слово может быть употреблено лишь при условии устранения данной семы, что означает изменение его значения:

Стоял холодный день (Паустовский). *La journée était froide*

В этой ситуации черта «вертикальное положение» несовместима с природой субъекта, глагол *стоять* фактически лишен соответствующей семы, используется метафорически как знак предикации. Перенос значения слова также может быть связан с его десемантизацией.

При отражении устойчивых (неальтернативных) предметных отношений данное слово сохраняет полноту значения, но оказывается избыточным.

При отражении неустойчивых (альтернативных) предметных отношений слово сохраняет полноту значения и оказывается необходимым.

При отражении нейтральных предметных отношений слово преосмысливается и оказывается избыточным.

Примеры показывают три случая реализации компонента (а), могущего выступать в функции синтагмемы в сочетании двух слов M_1 и M_2 : 1) M_1 (а) + M_2 (а); 2) M_1 (а) + M_2 ; 3) M_1 (а) + M_2 (а).

1) M_1 (а) + M_2 (а). Наличие одной и той же семы в двух членах синтагмы выступает как своеобразное семантическое согласование¹ — семантически зависимого и семантически господствующего членов, причем синтагма является формальным средством этого согласования на семантическом уровне (в плане содержания). Подобно грамматическому, семантическое согласование есть формальное средство организации высказывания, достигшее, однако, значительно меньшей формализации.

Устойчивые предметные отношения могут быть выражены как с помощью семантического согласования, так и без него, что отмечается как при внутриязыковых, так и при межъязыковых сопоставлениях. Как и во всяком согласовании, здесь имеется избыточность средств выражения, которая, однако, способствует помехоустойчивости. Семантическое согласование имеет и еще одно важное последствие. Поскольку в одном из двух случаев сема употребляется не по соображениям смысла (значение словосочетания ясно и без нее), она начинает нести строевую, организующую нагрузку, в связи с чем в ряде случаев соответствующее слово склоняется к десемантизации и служебности. Итак, семантическое согласование — один из источников служебности.

2) M_1 (а) + M_2 . Опускание общего компонента в одном из слагаемых означает семантическое несогласование. Например: *Змея приближается к норе, Птица приближается к гнезду* (вместо: *Змея ползет... Птица летит...*). Здесь мы встречаемся с явлением семантической экономии. Отметим, что опускание синтагмемы и несогласование возможно лишь в случае устойчивых предметных отношений. Так, шкаф обычно занимает вертикальное положение. В предложении *Возле стены стоял шкаф* следует видеть семантическое согласование, так как семантема глагола выражает то, что говорящим заранее известно об обычном положении данного предмета. Они одну и ту же информацию получают дважды. В предложении *Возле стены находился шкаф* согласования нет, что никак не отражается на значении высказывания. Однако, если речь идет о таком положении предмета, которое заранее предвидеть невозможно (то есть о необычном положении какого-либо предмета, либо о предмете, который по природе может занимать разные положения), то в высказывании нет семантического согласования и устранение семы ведет к обобщению описания, то есть к изменению содержания высказывания. Напри-

¹ Термин употребляется Л. и А. Вундхеймерами в статье: Некоторые понятия логики в применении к синтаксису // Машинный перевод. М., 1957, с. 274.

мер, фразы *Старый шкаф лежал у стены* или *Девушка стояла на берегу реки* не могут быть преобразованы в высказывания *Старый шкаф находился у стены* или *Девушка была на берегу реки* без искажения содержания. Таким образом, следует различать обобщение способа описания в плане выражения (несогласование) и обобщение самого описания в плане содержания (то есть устранение из описания некоторой информации).

Обобщение способа описания приводит к тому, что семантема, лишая конкретизирующих компонентов, становится абстрактной и способной к употреблению в самых различных контекстах. Такое расширение значения и употребления семантемы может быть связано с дальнейшим опустошением ее собственного содержания и десемантизацией. Несогласование — также один из источников служебности.

3) M_1 (а) + M_2 (а). Наличие в пределах синтагмы компонентов, несовместимых с точки зрения реальных предметных отношений, означает рассогласование. Если повтор семы (согласование) и ее отсутствие (несогласование) не отражаются на значениях сочетающихся слов, то комбинация противоположных (или ненужных) компонентов приводит к тому, что либо у слова M_2 возникает сема (а), либо у слова M_1 угасает сема (а). В обоих случаях постепенно восстанавливается совместимость семантем, рассогласование переходит в согласование либо в несогласование. С точки зрения компонента «протяженность во времени» (а), существительные можно разделить на две группы: обладающие таким компонентом (*путешествие, война, урок*) и не обладающие им (*дом, стол, Пушкин*). Первые могут сочетаться с другими словами, сордержажими (а): *во время путешествия (войны, урока), путешествие (урок) затягивается* и т. п. Вторые не сочетаются с компонентом (а): *во время дома, стол затягивается* не соответствуют нормам русского языка. Предлог *после* также содержит временной компонент, однако он может соединяться со словами обеих групп, причем происходит перенос компонента (а) в те слова, которые его не имели, вследствие чего эти слова приобретают значение «временная протяженность» и выступают как метонимические обозначения определенного отрезка времени. Например: *После дома ребенку трудно привыкать к интернату* (то есть после «пробы в доме») или *Развитие русского языка после Пушкина*. Сема (а), внесенная во второе слово, превращается в синтагмему, устанавливая семантическое согласование. Перенос семантического компонента из одного слова в другое ведет к контекстуальному изменению значения последнего слова. Если в слове закрепляются оба контекстуальных значения, оно становится многозначным (например, *обед*: «определенная пища» и «время принятия пищи»¹).

Несовместимость сем может привести к угасанию «лишней семы» у одного из слов в синтагме. Глагол *идти* значит «передвигаться»,

¹ Ср.: Покровский М. М. О методах семасиологии // Избранные работы по лингвистике. М., 1959, с. 29.

ступаая ногами». Это значение можно представить как сочетание двух сем: архисемы (А) «двигаться» и дифференцирующей семы (б), «ступаая ногами», то есть не очень быстро. В сочетании с названиями существ, которые «двигаются, ступая ногами» и потенциально обладают семой (б), последняя выполняет роль синтагмемы: *Человек (б) идет* (а, б). Слово *время* не содержит семы (б) и никакой другой семы, сопоставимой или противопоставимой семе (б), поскольку «время» — неодушевленное существо, обладающее каким-либо органом передвижения, а абстрактное понятие. Поэтому в сочетании *Время идет* семантема «идет» утрачивает компонент (б) («передвигаться, ступая ногами»).

Более того, лишенная поддержки дифференцирующей семы (б), архисема (а) еще более обобщается и уступает место архисеме более высокого уровня (А) — «проходить, разворачиваться во времени». Компонентный состав семантемы «идти» изменяется, слово переосмысливается и обозначает лишь факт протекания процесса в самом общем виде.

Устраняемая сема исчезает не сразу, она долгое время остается в «скрытом», потенциальном положении, готовая в любой момент перейти в эксплицитное состояние. На этом основаны игра слов, различные метафорические употребления слова.

В силу универсального семантического закона группового перераспределения значений, который Ульман, вслед за Швобом и Мильорини, называет «радиацией синонимов»¹, слова в своем семантическом развитии следуют за общим словом той же семантической оси. Вслед за глаголом *идти* к словам, обозначающим время, притягиваются другие глаголы движения: *бежать* / «двигаться», (а) «перебирая ногами» (б) + «быстро» (в); *лететь* / «двигаться» (а) + «с помощью крыльев» (б) и другие. Поскольку несовместимые с понятием времени семы ряда (б) «способ движения» устраняются, а сема (а) обобщается, то дифференцирующей и значащей оказывается сема (в), которая в прямом значении этих глаголов остается потенциальной (*лететь* или *ползти* можно быстро или медленно). Слова группы перераспределяются по новой семантической оси, исходя из новых значений, основанных на семе (в), сохранившейся или «всплывшей»:

	Характер движения [дифференциальная сема (б), устранимая]	Интенсивность движения [потенциальная сема (в), ставшая дифференцирующей]
<i>идти</i>	перебирая ногами	нормальный темп
<i>бежать</i>	перебирая ногами	быстро
<i>лететь</i>	в воздухе	очень быстро
<i>ползти</i>	всем телом	медленно
<i>тянуться</i>	вереницей	медленно
<i>течь</i>	потоком	медленно

¹ *Ullmann S. Semantic Universals // Universals of Language. Cambridge (Mass.), 1963, с. 182.*

Ср. *воды идут (летят)*; *часы ползут (тянутся)*, *время течет* и т. д. При этом глагол *идти*, не обладающий даже дифференцирующей семой (в), подвергается здесь десемантизации и превращается в формальный показатель предикативности, который может быть без ущерба для передачи информации устранен из высказывания и заменен служебными элементами (предлогом): *Пока шла война → Во время войны*, *Прошло два года → два года спустя*.

Другой пример. Термины родства в русском языке наряду с дифференциальными семами содержат потенциальную сему «возраст», которая определяется привычными фактами действительности. Так, *дед* и *бабка* обычно «старые люди», *мать* и *отец* «старше Его», *дядя* и *тетя* обычно «старше Его», хотя в некоторых случаях могут оказаться и моложе и т. п. В разговорной речи при обращении к неродственникам, когда прямая дифференциальная сема родства устраняется, русские термины родства используются переносно и распределяются по потенциальным семам: *дед* и *бабка* обозначают старого человека, *мамаши* и *папаша* — лицо старше говорящего; *дяденька* и *тетенька* — взрослых людей по отношению к детям; *сын* или *дочка* — лиц младше говорящего, *браток* или *сестренка* — лиц одного с ним возраста. Любопытно, что, например, во французском языке такое употребление терминов родства не получило столь широкого использования.

Устранение семантического компонента при рассогласовании, так же как и его отсутствие при несогласовании, приводит к десемантизации и является еще одним источником служебности в языке. Разница заключается в том, что во втором случае, в связи с переносом семы другого члена синтагмы в данную семантему, последняя проходит через этап более или менее выраженной метафоризации.

Изложенное выше показывает, что возможность выбора слова в зависимости от семантического окружения в процессе номинации подчиняется одному из трех условий:

- а) наличие общей семы (синтагмемы) в обоих членах словосочетания;
- б) отсутствие в одном из членов словосочетания сем, противоречащих семам другого члена;
- в) погашение в одном из членов словосочетания сем, противоречащих семам другого члена, либо перенос из одной семантемы в другую недостающих сем.

Если не ограничивать значение слова его понятийным ядром, то и функционально-стилистическую окраску следует включить в семантическую структуру слова. Понятийно-логическая основа значения слова, экспрессивная и стилистическая окраска представляют собой три параметра, определяющие выбор средства выражения в условиях синонимии¹. В любом параметре синонимы различаются наличием или отсутствием в семантеме дополнительных конкретизирующих

¹ Выделяемая нами экспрессивная и стилистическая окраски совпадают с собственно-эмоциональной окраской и социальной окраской Ш. Балли: *Валли Ш. Французская стилистика. М., 1961, с. 199–201.*

сем. Включение дополнительного компонента ведет к семантической трансформации: сужению, конкретизации слова, его снятие — к нейтрализации значения слова. Если дополнительный компонент противоречит условиям контекста и семантической синтагматики, происходит сдвиг значения. При повторном использовании семы в высказывании наблюдается соответственно собственно семантическое (идеографическое), экспрессивно-эмоциональное или функционально-стилистическое согласование. Образуется девять способов обозначения различающихся своей семантической структурой:

Семантические процессы	Аспекты значения слова		
	Понятийное ядро	Экспрессивная окраска	Функционально-стилистическая окраска
Конкретизация (согласование)	конкретное	экспрессивное	специальное
Нейтрализация (несогласование)	абстрактное	логическое	общее
Перенос (рассогласование)	переносное	экспрессивная транспозиция	стилистическая транспозиция

Ниже будет рассматриваться преимущественно семантическое согласование идеографического характера (в пределах понятийного ядра).

Изучение проблем семантической синтагматики ставит вопрос о типологии семантического согласования и его значении для функционирования языка.

Выше отмечалось, что сама возможность семантического согласования зависит от характера описываемых предметных отношений.

При обозначении двузначных альтернативных ситуаций семантическое согласование не имеет места.

При обозначении «незначущих» ситуаций, где данная различительная черта оказывается нерелевантной, семантическое согласование также не имеет места и может быть прослежено лишь типологическое различие в использовании прямых и переносных средств обозначения.

Лишь только при обозначении однозначных, неальтернативных ситуаций возможен выбор средств выражения (с семантическим согласованием и без него).

Сравним два семантически идентичных высказывания: *Когда птицы улетают из лесу...* (Паустовский) и *Quand les oiseaux quittent la forêt* — в отношении того, как отражаются в них три аспекта ситуации: (а) «способность передвигаться по воздуху»; (б) «множественность субъекта действия»; (в) «отдаление от какого-либо места». Их семантическая структура такова:

I. Птиц-ы у-лета-ют из лесу.
(а·б) (в·а·б) (в)

II. Les oiseaux quitt(ent)¹ la forêt.
(а) В

Отмечается прежде всего возможность функциональной равноценности единиц различных уровней языковой структуры: значение (в) в одном случае выражается префиксом и служебным словом, в другом — корневой морфемой. При идентичности передаваемой информации различна семантико-грамматическая организация предложений. В первом предложении все три выделяемых аспекта ситуации обозначаются дважды, в двух разных компонентах предложения, что внешне выражается в согласовании этих компонентов. Повторно аспект (б) выражен формально в грамматическом согласовании (наличие флексии множественного числа у подлежащего и сказуемого). Повторно аспект (а) выражен в семантическом согласовании: диспозициональный предикат субъекта (обычный способ передвижения птицы — летание) повторен в корневой морфеме глагола *улетать*. Пример показывает, что семантическое согласование, так же как и грамматическое, отнюдь не обязательно для построения высказывания. Так же как и грамматическое, семантическое согласование относится к структуре языка, к способу построения языкового знака — предложению.

Возможность выбора средств при реализации одной и той же задачи создает основу для типологии, в том числе и для типологии в области семантической синтагматики. Последняя сводится к выраженности или невыраженности языковыми средствами определенного аспекта при обозначении однозначных предметных отношений. Эксплицитное выражение различительной черты, ясной из ситуации, порождает семантическую избыточность, итеративность сем, выступающую как семантическое согласование. Опущение этих необязательных для информации сем приводит к использованию языковых единиц с более широким значением. Так, в нашем примере, отсутствие во французском высказывании согласования по аспекту (а) позволяет употребить вместо более конкретного и сложного по своей семантической структуре глагола *улетать* (семантическая структура (а·б)) более простой и отвлеченный глагол *quitter* с семантической структурой (в). Неповторение семы (б) приводит к использованию грамматической формы без конкретизирующей категории числа. И, наконец, отказ от повторного обозначения аспекта (в) позволяет обойтись без предлога и использовать прямопереходную конструкцию — наиболее обобщенный из всех типов грамматической связи V — N.

Лингвистический анализ показывает, что во французском высказывании, например, в целом чаще, чем в русском, опускаются указания на очевидные различительные черты реальности. Рассмотрим в

¹ Окончание мн. числа — *ent* является орфографическим и в устной речи не звучит.

качестве примера обозначение движения во французском и русском языках в различных ситуациях.

I. *Одинаковые действия при ситуациях разного типа*

1. Амбивалентная (альтернативная) ситуация (1/0)

S_1	V_1	
Дети <i>Les enfants</i>	подползали <i>rampaient</i>	к краю обрыва <i>jusqu'au bord de la pic</i>

2. Моновалентная (неальтернативная) ситуация (1)

S_2	V_1	
Змея <i>Le serpent</i>	подползла <i>s'est approché</i>	к норе <i>de son trou</i>

Здесь действие (V_1) физически остается тем же в обеих ситуациях: (дети, как и змея, передвигались на животе, без помощи рук и ног), для его обозначения в русском и французском языках существуют соответственно глаголы *ползти* и *rampier*. Однако ситуации отношения действия к его субъекту различны. Субъект первого высказывания (дети) может передвигаться разными способами («амбивалентная ситуация»), так что уточнение способа передвижения оказывается необходимым. Для субъекта второго действия (змея) указанный способ передвижения является типичным («моновалентная ситуация»), в связи с чем указание на способ передвижения оказывается по сути дела излишним.

В русском языке для обозначения этих двух физически сходных действий употребляется один и тот же глагол ($V_1 = V_1$), несмотря на различия предметных отношений. Во французских предложениях для обозначения физически сходных действий избираются разные глаголы ($V_1 \neq V_1$) именно в силу различия структуры описываемых событий.

Таким образом, русский язык в данном случае при выборе наименования ориентируется на природу обозначаемого элемента ситуации (действия), в то время как французский язык исходит из характера отношений между этим элементом (действием) и другим элементом (субъектом действия).

II. *Разные действия при одинаковой (моновалентной) ситуации*

1.

S_1	V_1	
Птица <i>L'oiseau</i>	вылетела <i>est sorti</i>	из гнезда <i>de son nid</i>

2.

S_2	V_2	
Змея <i>Le serpent</i>	выползла <i>est sorti</i>	из норы <i>de son trou</i>

Обозначаемые движения в обоих случаях различны по своей природе (по способу передвижения): *птица летает, змея ползает*. Но в каждый раз тип ситуации остается тем же, поскольку способ передвижения является диспозициональным предикатом субъекта. Французское высказывание в связи с этим не уточняет способа движения, которое всякий раз отмечается в русском предложении. Таким образом, для обозначения двух физически различающихся процессов русский язык использует разные наименования ($V_1 \neq V_2$), в то время как французский язык — одинаковые наименования ($V_1 = V_2$). Здесь, как и в первом случае, при выборе наименования во французском высказывании превалируют синтагматические отношения (характер связи между обозначаемыми объектами), тогда как в русском — парадигматические (собственная природа предмета). Именно независимость наименований друг от друга в высказывании и порождает согласование, в котором следует видеть независимое отражение одной и той же черты действительности в двух связанных между собой наименованиях. В русском языке семантическое согласование используется значительно шире, чем во французском, и наблюдается при различных синтаксических связях.

$N_1 + N_2$. Два существительных могут быть связаны либо непосредственно, как определяемое и определяющее, либо через глагол — как подложка и дополнение. Термины *котенок, щенок* и т. п. могут быть интерпретированы как сочетание родовой сверхсемьи (A) «детеныш» с дифференциальными семами a_1 «кошка», a_2 «собака» и др. Если N_1 не содержит семы (a), то N_2 в обоих языках — русском и французском — имеет семантическую структуру (Aa). Если же в N_1 присутствует сема (a), то в N_2 она сохраняется в русском высказывании и опускается во французском.

Семантические формулы:

При N_1 : нуль русск. $N_1(-) + N_2(Aa)$
 франц. $N_1(-) + N_2(Aa)$

При N_1 : a русск. $N_1(a) + N_2(Aa)$
 франц. $N_1(a) + N_2(A)$

Например:

Мальчик (-) играет с котенком (Aa₁)

L'enfant (-) joue avec un chaton (Aa₁)

Или:

Кошка (a₁) кормит котят (Aa₁)

La chatte (a₁) allaite ses petits (A).

$N + V$. Семантическое согласование глагола с подлежащим в русском языке широко распространено при обозначении движений, подожжения в пространстве, наличия или отсутствия субъекта. Выше приводились примеры подобного согласования. Корневые морфемы глагола выбираются в зависимости от природы подлежащего.

Семантические формулы:
русск. N (a) + V (a); франц. N (a) + V (—)

Вот один из показательных примеров:

<i>Женщина (a) вышла (a₁) из комнаты</i>	<i>La femme (a₁) est sortie de sa chambre</i>
<i>Машина (a₂) выехала (a₂) из города</i>	<i>La voiture (a₂) est sortie de la ville</i>
<i>Эта река (a₃) вытекает (a₃) из озера</i>	<i>Cette rivie/re (a₃) sort d'un lac</i> и т. д.

При переводе с русского на французский часто наблюдается расхождение, например:

<i>В прохладных комнатах дул (a) ветер (a) (Паустовский)</i>	<i>Le vent (a) courant dans les pièces fraîches</i>
--	---

В русском тексте движение ветра обозначается глаголом дуть, который в своем прямом смысле обозначает именно движение воздуха (ветра), во французском — глаголом souffler 'бежать', который может обозначать быстрое движение любого субъекта.

V + N. В этом случае согласования, типичном для русского языка, также наблюдается специализация корневых морфем: русск. V (a) + N (a); франц. V + N (a). Например:

<i>Он и стихи (a) пишет (a) (Толстой)</i>	<i>Il fait aussi des vers (a)</i>
<i>Какой-то проказник нарисовал (a₁) карикатуру (a₂) (Чехов)</i>	<i>Je ne sais quel plaisant fit une caricature (a₁).</i>

В русском высказывании значение «создавать» передается лексемами, указывающими на характер тех физических действий, которые необходимы для создания данных объектов (*стихи пишут, карикатуры рисуют*), в то время как во французском процесс обозначен в самой общей форме (*faire* 'делать').

Семантическое согласование отмечается также в группах V + D, N + A, реже в A + D. Мы видели, что оно, подобно грамматическому согласованию, может иметь различный удельный вес в языке (в аспекте его реализации). Каково же назначение этого лингвистического явления?

Прежде всего путем семантического согласования язык может выражать целый ряд отношений, которые не получили в нем специализированного грамматического выражения.

Приведенные выше примеры показывают (это подтверждается и исследованием широкого языкового материала), что в русском языке непереходный глагол семантически согласуется с подлежащим, а переходный глагол — с дополнением. В области грамматики мы встречаемся со сходным явлением в эргативной конструкции предложения, где непереходный глагол морфологически ориентирован на субъект действия (состояния), а переходный глагол — на объект действия. Такую же ориентацию проявляют и отглагольные имена дейст-

вий: *Ребенок плачет — Плач ребенка; Мать воспитывает ребенка — Воспитание ребенка.* (При трансформации непереходной конструкции образуется оборот с genetivus subjectivus, при трансформации переходной конструкции — оборот с genetivus objectivus¹.)

Эти особенности иногда объясняют первоначальной слабой дифференцированностью имени и глагола, субъектных и объектных отношений. Между тем субстанции-актанты, связанные с действием, могут определяться и классифицироваться под углом зрения различных признаков их функций в процессе. Рассмотрим два типа процессов: 1) A + V; 2) B + V + C.

В первом случае некая субстанция A является производителем действия или носителем состояния, не затрагивающего другой субстанции. Во втором — субстанция B является производителем активного действия, в результате которого создается, изменяется или уничтожается другая субстанция C. Если классифицировать эти три субстанции на основании их активного или пассивного участия в процессе, то A и B будут противопоставляться C, что и отражается в различии подлежащего (s) и дополнения (o) в номинативном строе предложения: 1) A_s + V_i; 2) B₁ + V_t + C_o.

Однако если мы рассмотрим эти две субстанции с точки зрения их роли в конкретном осуществлении процесса, то наша классификация изменится. Конкретная форма процесса в первом случае зависит от характера субъекта; например, процесс «движение» принимает физически различную форму в зависимости от того, кто или что движется (*рыба плавает, змея ползает, птица летает* и т. д.); конкретная форма позиции зависит от природы самого предмета (*книга лежит на столе; приемник стоит на столе* и т. д.), форма существования зависит также от природы субъекта (*человек живет, огонь горит, ветер дует, молния сверкает* и т. п.). Во втором случае (при двух актантах) форма осуществления процесса зависит в большей степени от объекта действия, а не от субъекта. Например, физически различается процесс создания при разных типах создаваемых жилищ. Ср.: *строить дом, рыть нору, вить гнездо* и т. п. Различается и процесс уничтожения, ср. *разрушить дом, убить животное, срубить лес, стереть написанное* и т. п. С точки зрения взаимосвязи с природой процесса актанты A и C будут противостоять актанту B, что по сути дела и отражается в эргативной конструкции предложения, где A и C оформляются так называемым абсолютным падежом, а B — эргативным: 1) A_{abs} + V_i; 2) B_{erg} + V_t + C_{abs}. Поэтому и при трансформациях глагола и имя действия, когда устраняется актант B, имя ориентируется на актант C. Таким образом, номинативная и эргативная конструкции предложения различаются не как отражения разных этапов в развитии мышления. Каждая из них формализует определенные объектив-

¹ Чисовава А. С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках // Эргативная конструкция в языках различных типов. М., 1967, с. 29.

ные различия действительности, различно осуществляющие, иногда совпадающие аспекты одной и той же действительности. Аналогичным образом, категории вида и времени отражают различные аспекты протекания действия во времени. Но в тех языках, где грамматическая категория вида не существует, видовые оттенки в случае необходимости выражаются лексическими средствами. Также и в языках номинативного строя объективно существующая обусловленность характера процесса природой его субъекта при непереходном действии или его объекта при переходном действии выражается лексически — с помощью семантического согласования, которое проявляется в том, что основа непереходного глагола выбирается в зависимости от природы субъекта, а основа переходного глагола — в зависимости от природы объекта. Сходные ономастические интенции могут реализовываться в разных языках с помощью средств, относящихся к разным уровням языковой системы.

Значительно чаще итеративность сем используется для решения различных конструктивных задач при организации предложения. Лексема, содержащая сему, уже выраженную в другом компоненте высказывания, становится избыточной с точки зрения выражения соответствующей информации. У такой лексемы на первый план выступают строевые функции, в то время как ее собственное семантическое содержание бледнеет, стирается. В том случае, когда какое-либо отношение в предложении невозможно выразить одними лишь средствами морфологии, служебными словами либо лексемами абстрактного значения, язык обращается к лексемам конкретного значения, используя их в условиях семантического согласования и семантической избыточности. Строевое использование семантической итеративности (синтагмем) наблюдается во всех звеньях синтаксиса, при оформлении разных членов предложения.

Формирование определения (характеристики субстанции)
 Определяющая функция одного существительного по отношению к другому выражается морфемой (например, русский родительный или дательный падеж), служебным словом (например, французские предлоги *de, à*), транспозицией существительного в прилагательное. Например: *трехдневная поездка un voyage de 3 jours; сторублевый костюм un complet de 100 roubles* и т. д. Однако в ряде случаев в силу определенных лексико-стилистических условий, такая структура определения оказывается невозможной (или нежелательной), и в качестве связующего средства используются слова, содержащие сему, общую с определяющей или определяемой лексемой, согласно формулам:

а) $N_1 + r(a) + N_2(a)$; б) $N_1(a) + r(a) + N_2$, где N_1 — определяемое существительное, N_2 — определяющее существительное; r — связующее слово, (а) — синтагмама. Например:

а) $N_1 + r(a) + N_2 (a)$.

Двадцатидевятидневная поездка → поездка длившаяся (а) (продолжавшаяся, занявшая) двадцать девять дней (а). В последнем случае вводится глагольная форма (*длиться* и т. п.), содержащая се-

«продолжительность (во времени)», представленную также и в определяющем компоненте («столько-то дней»).

Стовосемнадцатирублевый костюм → костюм, стоивший (а) сто восемнадцать рублей (а). Связующая глагольная лексема содержит понятие «цена», представленное в определяющем существительном.

В качестве связующего десемантизированного элемента может выступать и существительное, которое содержит сему, оказывающуюся архисемой по отношению к семе определяющего существительного: а) $N_1 + N_2(a)$. Например: *он — инженер (а) по профессии (А)*; *латыши (а) по национальности (А)*; *зерна горькие (а) на вкус (А)* и т. п. б) $N_1 + r(a) + N_2$.

Речь при открытии выставки → речь (а), произнесенная (а) при открытии выставки. Письмо президенту республики → Письмо (а), направленное (а) президенту республики. Вспомним слова Толстого... → Вспомним слова (а), сказанные (а) Толстым. Глагольные лексемы семантически обозначают именно то физическое действие, которое необходимо для того, чтобы соответствующий объект стал существующим (*речь произносят, слова говорят, письмо, чтобы стать письмом, должно быть направлено кому-то*).

В русском языке, с целью полупредикативного выделения, прилагательное выносится в постпозицию по отношению к существительному ($N + A$). Однако такая позиция не согласуется с господствующей тенденцией к препозиции прилагательного ($A + N$). Противоречие между коммуникативным заданием и устоявшимися формами русской речи разрешается с помощью введения семантически избыточности связующего существительного (r), дублирующего сему прилагательного архисемой: $N + A(a) + r(A)$, причем прилагательное синтаксически «переадресуется» и вместо первого существительного (N) согласуется со вторым (r). Таким образом, прилагательное следует за существительным, которое оно семантически квалифицирует (что требуется согласно коммуникативному заданию), и предшествует существительному, к которому оно относится грамматически (что требуется согласно нормам языка). Например: *Она купила голубое платье → ... платье голубое → ... платье голубого (а) цвета (А)*. *Это был высокий человек → ... человек высокий → ... человек высокого (а) роста (А)*. Связующие лексемы *цвет, рост* в общей форме обозначают те признаки, которые конкретизируются соответствующими прилагательными (*голубой, высокий*).

Формирование обстоятельства (характеристики действия)
 В случае необходимости характеристика действия может быть выражена прилагательным, причем в качестве элемента, связывающего V и A , используется существительное, содержащее общую сему с глаголом (существительное находится в тавтологических отношениях с глаголом, либо обозначает часть тела или орудие, органически связанное с действием, обозначенным глаголом). Например: *жить лихорадочно → жить (а) лихорадочной жизнью (а)*; *идти быстро*

→ идти (а) быстрым шагом (а). Такие структуры особенно типичны для французской речи. Семантическая структура оборота может быть представлена формулой: V (а) + N (а) + А.

Формирование предиката. Сказуемое не всегда может быть выражено глаголами, обозначающими процесс в самой общей форме («быть», «производить», «находиться», «двигаться» и т. п.). Не всегда указание на действие, даже совершенно ясное из ситуации, не может быть опущено, как это имеет место, например, в структурах с нулевым предикатом (*Кто — куда, а я — в сберкассе*). Глагол, семантически не необходимый, является необходимым как выразитель предикативных признаков.

Сравним: *Vous venez (а) du Midi? (Courtade). Вы едете (б) с юга?* Во французском высказывании сказуемое указывает только на направление движения (а). Способ передвижения ясен (разговор происходит в поезде). В русском — глаголом обозначается только способ передвижения (б), его направление обозначается предлогом с, а также ситуацией (поезд идет с юга в Париж). По сути дела обе семы глаголов здесь избыточны, можно было бы сказать в данной ситуации без ущерба для полноты информации: *Вы — с юга?* или *Вы — в Париж?* Но во французском языке пропуск сказуемого недопустим по конструктивным соображениям (глагол здесь — обязателен), в русском — по причинам стилистического порядка (слишком отрывистая речь не всегда оказывается достаточно «вежливой»). Конструктивно необходимое сказуемое формируется на основе избыточных сем, различных в разных языках.

Служебный характер сказуемого и избыточность данных сем подтверждается тем, что при переходе от одного языка к другому сема, берущаяся в основу сказуемого, может заменяться и меняться направленность семантического согласования. Например:

В овраге блестело (б) битое (а) Il était jonché (а) de tessons (а)
стекло (б) (Паустовский). brillants (б).

Выделяем здесь две семы: (а) «мелкие части» и (б) «блеск». В русском предложении в качестве семантической базы сказуемого избрана сема (б) (глагол *блестеть*), во французском сема (а) (глагол *joncher* 'усеивать', 'усыпать'). В обоих случаях сема избыточна, так как она представлена в существительных (осколки стекла обычно блестят и рассыпаны по занимаемой ими поверхности). Семантическая избыточность в сказуемом — частое явление при организации русского предложения. Мы видели выше, при анализе семантического согласования, что такая избыточность во французском предложении часто отсутствует.

Переход от односоставного предложения к двусоставному. Этот процесс представляет собой одно из характерных явлений синтаксиса многих языков. Переход осуществляется путем использования служебного подлежащего (лат. *pluit* → фр. *il pleut*, либо

служебного сказуемого (*дождит* → *дождь идет*). Однако это формальное подлежащее может быть создано путем введения существительного, содержащего сему, общую с семой глагола: $V_{\text{нпр}} \rightarrow N(a) + V(a)$. Например: *гремит* → *гремит гром*; *моросило* → *моросил дождь*. Аналогично односоставное номинативное предложение может быть преобразовано в двусоставное путем введения глагола-сказуемого, семантически дублирующего существительное, например: *Ветер* → *Дует ветер*.

Переход от непереходной конструкции к переходной. Эта конструктивная задача решается путем использования в качестве дополнения существительного, которое относится к подлежащему как часть к целому и к тому же является естественным объектом обозначенного действия. $N_1(a) + V_i \rightarrow N_1(a) + V_i + N_2(a)$. Например: *Магазин закрывался* (Аксенов). *Le magasin (а) fermait ses portes (а)*. Просодические закономерности французского языка делают нежелательным обрыв фразы на глаголе (*Le magasin fermait*). Вводится формальное дополнение (*ses portes* 'двери'), которое ничего не вносит нового в информацию высказывания, так как, во-первых, двери представляют собой обязательную часть магазина, а, во-вторых, говоря о том, что магазин закрывается, мы имеем в виду прежде всего, что закрывают его двери.

Итак, изучение синтагматики на семантическом уровне сводится к выявлению итеративных сем (синтагмем) и определению их функций в организации высказывания. Повторение сем (семантическое согласование) во многих случаях оказывается обязательным для правильного кодирования и декодирования сообщения. Принадлежит вместе с тем к внешним формальным приемам языка, повтор сем, при обозначении неальтернативных ситуаций, выступает как важное конструктивное средство построения речи, подобное по функции другим синтагматическим средствам языка. Анализ семантической синтагматики раскрывает закономерности организации речи в их отношении к закономерностям объективного мира.

→ идти (а) быстрым шагом (а). Такие структуры особенно типичны для французской речи. Семантическая структура оборота может быть представлена формулой: V (а) + N (а) + А.

Формирование предиката. Сказуемое не всегда может быть выражено глаголами, обозначающими процесс в самой общей форме («быть», «производить», «находиться», «двигаться» и т. п.). Не всегда указание на действие, даже совершенно ясное из ситуации, может быть опущено, как это имеет место, например, в структурах с нулевым предикатом (*Кто — куда, а я — в сберкассе*). Глагол, семантически не необходимый, является необходимым как выразитель предикативных признаков.

Сравним: *Vous venez (а) du Midi? (Courtade). Вы едете (б) с юга?* Во французском высказывании сказуемое указывает только на направление движения (а). Способ передвижения ясен (разговор происходит в поезде). В русском — глаголом обозначается только способ передвижения (б), его направление обозначается предлогом с, а также ситуацией (поезд идет с юга в Париж). По сути дела обе семы глаголов здесь избыточны, можно было бы сказать в данной ситуации без ущерба для полноты информации: *Вы — с юга?* или *Вы — в Париж?* Но во французском языке пропуск сказуемого недопустим по конструктивным соображениям (глагол здесь — обязателен), в русском — по причинам стилистического порядка (слишком отрывистая речь не всегда оказывается достаточно «вежливой»). Конструктивно необходимое сказуемое формируется на основе избыточных сем, различных в разных языках.

Служебный характер сказуемого и избыточность данных сем подтверждается тем, что при переходе от одного языка к другому сема, берущаяся в основу сказуемого, может заменяться и меняться направленность семантического согласования. Например:

*В овраге блестело (б) битое (а)
стекло (б) (Паустовский).*

*Il était jonché (а) de tessons (а)
brillants (б).*

Выделяем здесь две семы: (а) «мелкие части» и (б) «блеск». В русском предложении в качестве семантической базы сказуемого избрана сема (б) (глагол *блестеть*), во французском сема (а) (глагол *joncher* 'усеивать', 'усыпать'). В обоих случаях сема избыточна, так как она представлена в существительных (осколки стекла обычно блестят и рассыпаны по занимаемой ими поверхности). Семантическая избыточность в сказуемом — частое явление при организации русского предложения. Мы видели выше, при анализе семантического согласования, что такая избыточность во французском предложении часто отсутствует.

Переход от односоставного предложения к двусоставному. Этот процесс представляет собой одно из характерных явлений синтаксиса многих языков. Переход осуществляется путем использования служебного подлежащего (лат. *pluit* → фр. *il pleut*, либо

служебного сказуемого (*дождит* → *дождь идет*). Однако это формальное подлежащее может быть создано путем введения существительного, содержащего сему, общую с семой глагола: $V_{\text{нпр}} \rightarrow N(a) + V(a)$. Например: *гремит* → *гремит гром*; *моросило* → *моросил дождь*. Аналогично односоставное номинативное предложение может быть преобразовано в двусоставное путем введения глагола-сказуемого, семантически дублирующего существительное, например: *Ветер* → *Дует ветер*.

Переход от непереходной конструкции к переходной. Эта конструктивная задача решается путем использования в качестве дополнения существительного, которое относится к подлежащему как часть к целому и к тому же является естественным объектом обозначенного действия. $N_1(a) + V_i \rightarrow N_1(a) + V_i + N_2(n)$. Например: *Магазин закрывался (Аксенов). Le magasin (а) fermait ses portes (а).* Просодические закономерности французского языка делают нежелательным обрыв фразы на глаголе (*Le magasin fermait*). Вводится формальное дополнение (*ses portes* 'двери'), которое ничего не вносит нового в информацию высказывания, так как, во-первых, двери представляют собой обязательную часть магазина, а, во-вторых, говоря о том, что магазин закрывается, мы имеем в виду прежде всего, что закрывают его двери.

Итак, изучение синтагматики на семантическом уровне сводится к выявлению итеративных сем (синтагмем) и определению их функций в организации высказывания. Повторение сем (семантическое согласование) во многих случаях оказывается обязательным для правильного кодирования и декодирования сообщения. Принадлежит вместе с тем к внешним формальным приемам языка, повтор сем, при обозначении неальтернативных ситуаций, выступает как важное конструктивное средство построения речи, подобное по функции другим синтагматическим средствам языка. Анализ семантической синтагматики раскрывает закономерности организации речи в их отношении к закономерностям объективного мира.

ГЛАВА VIII

О МОДЕЛЯХ ЯЗЫКОВОГО СИНТЕЗА*

Современное языкознание большое внимание уделяет разработке моделей речевой деятельности, то есть таких теоретических описаний языка, которые отражали бы способность понимать и создавать правильные высказывания на данном языке. Для овладения языком особое значение имеют модели синтеза, раскрывающие пути формирования правильных высказываний. «В центре внимания нынешних исследований, — пишет Н. Хомский, — находится то, что можно назвать творческим аспектом языка на уровне его повседневного использования»¹. Он справедливо замечает, что лингвистические описания обычно проходили мимо этого аспекта языка. Даже в самой строгой и подробной грамматике «самые существенные закономерности языка... не сформулированы явно, и природа данных, позволяющих добиться желаемых результатов, остается совершенно нераскрытой»².

Стремясь восполнить отмеченный пробел, Н. Хомский, ссылаясь на идеи В. Гумбольдта о созидательной форме языка, наметил основы порождающей грамматики, которая, по его замыслу, должна в конечном итоге моделировать интуицию говорящего³. Однако порождающая грамматика Н. Хомского далеко отстоит от сути идей Гумбольдта. Критики совершенно правильно указывали, что подобная трансформационная грамматика не может показать динамический характер языка, но показывает лишь взаимосвязь статических структур⁴.

* Впервые опубликовано: Иностранные языки в школе, 1969, № 4.

¹ Chomsky N. De quelques constantes à la théorie linguistique // Problèmes du langage, Coll. Diogène. P., 1966, p. 14.

² Хомский Н. Логические основы лингвистической теории. // Новое в лингвистике, вып. IV, 1965, с. 473.

³ Об идеях Н. Хомского см.: Хельбиг Г. Учение Хэрриса и Хомского о трансформации в языке // Иностранные языки в школе, 1966, № 5, 6.

⁴ См.: Данеш Фр., Вахек Й. Пражские исследования в области структурной грамматики на современном этапе. Пражский лингвистический кружок. М., 1967, с. 335. В порождающей грамматике Хомского отсутствуют исходный пункт (образование понятий) и конечный пункт (соотнесение высказывания с действительностью) творческого языкового процесса. См.: Звегинцев В. А. Новые черты современного языкознания // Новое в лингвистике, вып. IV. М., 1965, с. 393.

слабостью «порождающей грамматики» Н. Хомского является отход от гумбольдтовской идеи «принципов образования понятий». Как признает сам автор, в ней обходятся общие вопросы семантики и структуры названий. Но даже если учесть дальнейшее развитие теории, сделанное самим Хомским, если даже включить в порождающую грамматику семантическую часть, как это сделали последователи Хомского¹, то все же она не станет адекватным описанием интуиции говорящего «на уровне повседневного использования языка».

Основной недостаток теории Хомского состоял в том, что, изучая структуру языка, он игнорировал реализацию этой структуры в условиях конкретного общения, то есть выбор, производимый говорящими из различных синонимических средств выражения, допускаемых системой данного языка. Э. Косериу совершенно правильно отмечает: «Нельзя говорить на языке, только зная его систему: нужно знать нормы применения этой системы, согласно ситуациям и контекстам»². Невнимание к всестороннему изучению речи, к реализации языка побудило Н. И. Жинкина сказать: «До недавнего времени говорящий человек был вне поля зрения как психологии, так и лингвистики. Исследуя историю и современную систему данного национального языка, лингвистика оставляет в стороне вопрос о том, как реализуется эта система, как говорят на этом языке люди. Это относится ко всем аспектам языка»³.

Таким образом, полная модель языкового синтеза должна охватывать как структуру языка, так и ее реализацию, то есть объяснять не только правильную организацию языковых форм, но и их правильное, уместное употребление в акте коммуникации.

В настоящее время лингвисты все более определенно подчеркивают, что вариантность средств выражения одного и того же содержания является одной из важнейших универсальных особенностей языков. Одной и той же «семантической интенции» соответствует ряд синонимических решений (то есть ряд наименований), среди которых говорящий в каждом конкретном случае должен сделать выбор⁴.

Следовательно, полная модель языкового синтеза на уровне речи должна включать:

- а) перечень всех способов выражения определенного значения;
- б) установление соотношения между этими синонимичными средствами выражения. Переход от одной языковой формы к другой можно рассматривать как трансформацию первой. Следовательно, второй

¹ См.: Chomsky N. Topics in Theory of Generative Grammar // Current Trends in Linguistics. The Hague, 1966; Weinreich U. Explorations in Semantic Theory // Ibid.; Katz J., Fodor A. The Structure of a Semantic Theory // Language, vol. 39, 1963, № 2.

² Coseriu E. Structure lexicale et enseignement du vocabulaire // Langues vivantes en Europe. Les théories linguistiques et leurs applications. AIDELA, 1967, p. 42.

³ Жинкин Н. И. О кодовых переходах внутренней речи // Вопросы языкознания, 1964, № 6, с. 28–29.

⁴ См.: Pottier B. Présentation de la linguistique. Fondements d'une théorie. P., 1967, p. 68.

задачей модели синтеза является исчисление трансформаций языковых средств, могущих иметь место при выражении определенного содержания;

в) установление закономерности выбора конкретных языковых средств из числа допустимых системой и нормой языка в условиях данного контекста и ситуации.

Освещение этих трех моментов даст ответ на вопрос, как говорить на данном языке люди.

Люди говорят о чем-то. Следовательно, исходным пунктом в построении каждого высказывания является осознание отрезка действительности, и в каждом высказывании отражается взаимодействие трех сторон известного семантического треугольника: объективной действительности (описываемая ситуация), мышления (отражение действительности в понятиях и связях между ними) и языка (используемые языковые формы).

В связи с этим языковые модели синтеза, призванные имитировать интуицию говорящего и имеющие в качестве конечной точки определенное высказывание — текст, в зависимости от того, что берется за исходную точку при построении данного высказывания, могут принадлежать к одному из трех типов:

а) Структурная модель, ограничивающаяся сферой языковых форм. Исходным пунктом в ней служит языковая форма.

б) Семантическая модель, отражающая связь языковых форм с категориями времени. Она за исходный пункт берет определенное значение либо совокупность значений.

в) Ситуационная модель, охватывающая все три стороны семантического треугольника. Исходным пунктом при этом оказывается сама ситуация.

Развивая иную терминологию, употребляющуюся в лингвистической литературе, все три типа моделей можно соответственно обозначить как модель *текст — текст* («перевод текста в другой текст»), модель *смысл — текст* («перевод смысла в текст») и модель *ситуация — текст* («перевод ситуации в текст»). История языкознания последних лет показывает, что лингвисты прежде всего занялись структурной моделью, затем перешли к семантической и лишь только подошли к разработке ситуационной модели синтеза речи. Это вполне логично, так как структурная модель более легка для изучения и подвергается наибольшей формализации, тогда как ситуационная модель, наиболее полная из трех, должна учитывать взаимодействие формализации в наименьшей степени.

Рассмотрим значение каждой из трех моделей для практического овладения языком и его преподавания.

Структурная модель (*текст — текст*). По сути ей была аналогична порождающая грамматика Н. Хомского. Подробно описана, однако, она не была. Наиболее тщательную разработку элементов такой модели дает аппликативная порождающая модель С. К. Шау-

мяна и П. А. Соболевой¹. С помощью графов этой модели можно автоматически получить все возможные трансформации и синонимические конструкции. Например, в трехчленном комплексе:

N_1 (снег)	V (занести)	N_2 (дорога)
-----------------	------------------	-------------------

Каждому из субстантивных членов можно придать функцию подлежащего (s) или дополнения (o).

$N_1^s - V - N_2^o$	Снег занес дорогу
$N_1^o - V - N_2^s$	Снегом занесена дорога
$N_1^o - V - N_2^s$	Снегом занесло дорогу
$N_1^s - V - N_2^s$	(не реализуется)

Заменяя глагол аналитическим сочетанием (*переводить* → *сделать перевод*), можно увеличить число трансформов²:

Он перевел книгу	$(N_1^s - V - N_2^o)$
Он сделал перевод книги	$(N_1^s - V - N_2^o)$
Им переведена книга	$(N_1^o - V - N_2^s)$
Им сделан перевод книги	$(N_1^o - V - N_2^o)$

Структурная модель показывает гибкость языка, дает исчисление возможных синонимических структур, позволяет определить степень расхождения синонимов. Использование элементов этой модели при обучении языку может принести несомненную пользу. Но эта модель ограничивается пределами одного уровня языка. Показывая синонимичность языковых структур в отвлеченной форме, она не соотносит эти синонимические ряды с определенным значением. Ограниченность этой модели связана с суженным пониманием трансформации, которая определяется как инвариантное соотношение между двумя комплексами, характеризующимися неизменностью лексем и непосредственностью синтаксических связей. В этой модели исключаются из числа трансформов (синонимических преобразований), несмотря на их смысловую идентичность, такие пары, как *Он продал машину приятелю* — *Приятель купил у него машину*; *Книга пленяет нас юмором* — *Юмор книги пленяет нас* на том основании, что в первом случае не тождественны лексемы *продал/купил*, а во втором изменены синтаксические связи (вместо *книга — пленяет, юмор — пленяет*)³. Ввиду того, что модель *текст — текст* не может объяснить всех различных способов выражения одного и того же

¹ См.: Шаумян С. К., Соболева П. А. Аппликативная порождающая модель и исчисление трансформаций в русском языке. М., 1963.

² Подробнее об этом см.: Гак В. Г. Использование лексических средств в синтаксических трансформациях // НДВШ, 1965, № 4.

³ См.: Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966, с. 155, 157-158.

значения, в последнее время в лингвистике стала активно разрабатываться семантическая модель¹.

Семантическая модель (смысл — смысл), восходящая к идеям Л. В. Щербы, О. Есперсена, Ф. Брюно, показывает, каким образом некоторое значение выражается в данном языке. Исходным пунктом модели являются элементы смысла — семы или семантические компоненты, которые могут выражаться при помощи средств, относящихся к разным языковым уровням.

Особенное внимание уделяется способам выражения значений общего характера, присоединяемых к конкретным значениям. Их некоторые авторы называют семантическими «параметрами» (например, залог, каузативность, интенсивность, начало действия, состояние и т. п.). Снятие ограничения неизменности лексем при трансформациях позволяет расширять круг возможных трансформов и установить отношения трансформации там, где структурная модель не давала возможности сделать это. Один и тот же семантический параметр может выражаться в одном случае морфологически, в другом — синтаксически (в словосочетании), в третьем — синкретически — в значении самой корневой морфемы. Например, значение интенсивности: *очень большой* → *огромный*. Ввиду того, что в качестве инварианта выступают не слова (лексемы), а смысловые единицы (семантемы), при трансформациях становятся возможными разные перифразы (*погаснуть* → *перестать гореть*; *отчаяться* → *прийти в отчаяние*; *учиться* → *ходить в школу* и т. п.). Семантический угол зрения позволяет видеть общее в различном. Так, разные глаголы при разных существительных могут выражать одни и те же общие категориальные значения. Сравним две серии словосочетаний:

зажечь огонь — *Огонь горит* — *потушить огонь*.
запеть песню — *Песня звучит* — *прекратить песню*.

Глаголы первых словосочетаний обозначают возникновение того, что обозначено существительным, глаголы вторых — существование, глаголы третьих — уничтожение той же субстанции.

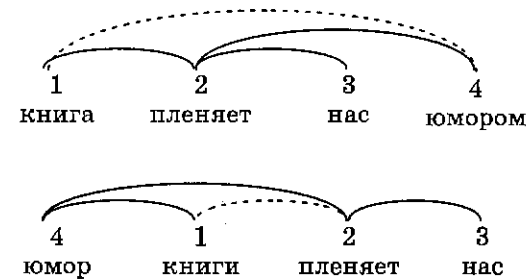
Корневые морфемы, различающиеся дополнительными значениями грамматического характера, выступают как лексические супплетивные пары. Например:

А содержит (включает) В
в А содержится (входит) В.

Глаголы *включать* и *входить* здесь различаются только выражением субъектно-объектных отношений, подобно формам глагола *содержать* и *содержаться*. Равным образом и приведенная пара глаголов *продать* и *купить* выступает как супплетивная пара с разнонаправленной валентностью, так что переход от *А продал нечто В* к *А*

получил нечто В подобен переходу от активного залога к пассивному, на что указывал еще О. Есперсен.

В семантической модели при трансформациях снимается и требование сохранения непосредственных синтаксических связей. Структура предложения характеризуется не только определенными синтаксическими связями между его членами, но и определенными семантическими отношениями между ними (такими как целое — часть; субъект — его характерный признак или действие; содержащее — содержимое и т. п.). При неизменности этих семантических отношений синтаксические связи между членами предложения могут подвергаться изменениям без ущерба для смысловой инвариантности высказывания. Так, с точки зрения формально-синтаксической инвариантности, невозможно объяснить семантическую однозначность приведенных выше предложений *Книга пленяет нас юмором* и *Юмор книги пленяет нас*. Между тем слова *книга* и *юмор* связаны отношениями целого и части (признака), в силу чего они вместе выступают как расчлененное выражение одного понятия и каждое из этих слов соотносывается семантически с тем же словом, с которым другое связано синтаксически.

Сплошной чертой обозначены синтаксические отношения, пунктиром — семантические. В последней фразе целое (*книга*) через свою часть (*юмор*) вступает в семантическое отношение с предикатом. В обоих предложениях элементы 1—2—4 связаны между собой, что допускает их трансформируемость с той разницей, что в первом случае, например, между элементами 1 и 2 связь синтаксическая, а во втором — семантическая¹. При допущении лексических замен, замен слов словосочетаниями, изменений синтаксических связей можно получить любые преобразования, находящиеся в закономерных соответствиях между собой. Так, любой трехместный предикат может давать по меньшей мере три синонима-трансформа, причем каждое существительное может выступать в функции подлежащего. Например:

А^S получил посылку (В) от С
к А пришла посылка (В^S) от С
(к) А прислал посылку (В) С^S

¹ Ср. несколько иное объяснение этого примера: Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967, с. 160.

¹ См.: Мельчук И. А. К построению действующей модели языка // Проблемы языковедения: Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов. М., 1967.

или:

Я (A^s) узнал эту новость (B) от него (C).

Мне (A) эта новость (B^s) стала известна от него (C).

Мне (A) сообщил эту новость (B) он (C^s).

Семантическая модель открывает широкие перспективы для изучения языка в активном плане. Она вскрывает сходство элементарных смыслов там, где оно затушено различием материальной оболочки. Она наглядно показывает, что многие аффиксы и знаменательные слова — компоненты словосочетаний несут вспомогательную функцию, обозначая лишь определенный семантический параметр основного значения.

Она показывает взаимопроникновение и взаимозамену средств различных уровней языка при выражении определенного значения. Введение в преподавание семантического подхода к языковым фактам способствует преодолению буквализмов и постижению специфики изучаемого языка.

Однако как во внутриязыковом, так и в межъязыковом планах наблюдаются преобразования средств выражения, которые не могут быть объяснены с помощью трансформаций, основанных на инвариантности сем.

В условиях конкретного речевого акта при обозначении какого-либо элемента или отрезка действительности изменения могут касаться не только форм выражения одних и тех же категорий, но и использования при организации высказывания различных смысловых категорий.

Например, инвариантность предложений *Он сюда редко приходит* и *Он здесь редко бывает* не может быть установлена на семантическом уровне, так как они различаются набором элементарных смыслов (сем): значения «приближение» и «движение пешком», выражаемые глаголом *приходить*, отсутствуют во втором предложении. Адекватность приведенных высказываний устанавливается лишь на уровне самой ситуации, являющейся исходным пунктом при построении всякого отрезка речи. Подобно тому как ограниченность структурной модели (неизменность лексем и синтаксических связей) заставила обратиться к семантической модели, так, в свою очередь, ограниченность семантической модели (неизменность сем при обозначении ситуации) делает необходимой разработку такой модели употребления языка, исходным пунктом которой является сама ситуация.

Ситуационная модель (*ситуация — текст*). Прежде чем говорить об этой модели, необходимо уточнить понятие ситуации. Термину «ситуация» в лингвистике даются различные толкования, которые можно свести в общих чертах в две группы и условно обозначить как «речевая ситуация» и «предметная ситуация». В первом случае под ситуацией понимается обстановка и условия коммуникации, отношение говорящего к адресату и окружению, общая направленность высказывания. Именно в этом смысле использует этот термин Дж. Ферс, выделяя случаи, где язык образует стереотипные фор-

мы выражения¹. Изучение высказываний в условиях подобных ситуаций имеет большое практическое значение. Такие ситуативные высказывания обычно представлены в разговорниках, пособиях по бытовой речи и тому подобной литературе. Они представляют большой интерес также в плане этнолингвистики и социолингвистики². Однако для изучения внутренней организации и моделирования высказываний «речевая ситуация» имеет ограниченный интерес, так как нацеливает на поиски глобальных формул, соответствующих конкретным условиям и задачам общения.

Впечатительно большой интерес для вскрытия внутреннего механизма языка имеет изучение построения высказываний с точки зрения «предметных ситуаций». В этом случае под ситуацией понимаются предметные отношения: предметы и связи между ними, описываемые в высказывании. Изучение таких ситуаций, являющихся конечным инвариантом синонимических высказываний, направляет исследователя на поиск всевозможных изменений высказывания в пределах общего содержания. Если подходить к этим двум пониманиям ситуации с точки зрения компонентов коммуникации и функций языка в изложении Р. Якобсона³, то предметная ситуация охватывает основную, денотативную, функцию, в то время как «речевая ситуация» — остальные функции языка. Итак, ситуативная модель языка в его реализации должна показать, каким образом формируется наименование ситуаций и их элементов в конкретных актах речи. Именно такой подход, а не порождающая грамматика Н. Хомского, соответствует гумбольдтовской идее языковой динамики.

Гумбольдт неоднократно подчеркивал, что «язык следует рассматривать не как мертвый продукт, но как создающийся процесс»⁴. «Воспрерывная деятельность духа», стремящаяся превратить звук в выражение мысли, проявляется в каждом акте речевой деятельности. Для иллюстрации «внутренней формы» Гумбольдт пользовался затверженными наименованиями (например, *слон* — в санскрите «двуаубий» или «снабженный рукой»), которые представляют собой *ergon* — результат языкового развития. В самом же деле — и это вытекает из самого учения Гумбольдта — с особой внутренней формой языка, с его избирательностью мы встречаемся в каждом обозначении объективной реальности, в каждом речевом акте. «Внутренняя форма», создающая неповторимое своеобразие языка, проявляется не только в структуре, но и в способах использования языка — в речи. Предложению (высказывание) можно интерпретировать как обозначение, на-

¹ См.: Ферс Дж. Р. Техника семантики // Новое в лингвистике, вып. II. М., 1962, с. 292–295.

² См.: Cohen M. Pour une sociologie du langage. P., 1956, p. 227–269.

³ См.: Jakobson R. Linguistics and Poetics // Style in Language, MIT, 1960.

⁴ Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях, т. I. М., 1864, с. 90.

именование определенной ситуации. Обозначаемые предметы обладают множеством признаков и связаны определенными отношениями. Все эти признаки и отношения не могут быть отражены при построении высказывания. Да в этом и нет необходимости, так как в условиях бытового общения нужные предметы и отношения могут быть названы по минимальному числу черт, которые говорящий отбирает и кладет в основу наименования. К тому же эти черты могут быть различными, вследствие чего одна и та же ситуация может быть описана при помощи сочетания разных элементарных смыслов (сем). Это наглядно показывает сопоставление даже элементарных морфологических форм двух языковых знаков, используемых в условиях одной и той же ситуации. Показательный пример приводит Дж. Кэтфорд¹. Одна и та же ситуация — сообщение женщины о своем приходе туда, где ее ожидали, может быть выражена по-английски и по-русски соответственно фразами: I have arrived — Я пришла. Эта ситуация содержит много различных элементов: время, место, имя, возраст женщины и т. п. Но лишь немногие из них лингвистически релевантны, то есть вводятся в высказывание, причем в разных языках набор релевантных черт различен. Оба высказывания в совокупности отражают 7 черт, из них английское — 4, русское — 6, причем совпадающих черт только 3. Остальные смыслы остаются в невыраженном состоянии. Каждый язык отбирает из всех возможных черт определенные, которые с большей или меньшей обязательностью выражаются при построении высказывания на этом языке.

С аналогичным явлением мы сталкиваемся при отборе лексем. Например, всякое перемещение характеризуется способом движения и направлением этого движения. В конкретной ситуации движение может быть обозначено либо по первому из этих признаков (*Он идет к нам*), либо по второму (*Он приближается к нам*), либо по обоим (*Он подходит к нам*). Здесь тоже у каждого языка могут быть обнаружены свои предпочтения. Так, французский язык обозначает движение чаще всего вторым способом (по направлению), в то время как русский — первым или третьим. Например (все примеры здесь и далее взяты из опубликованных переводов):

Ils traversèrent le pont (Courtade) — Они перешли через мост.

Было у него странное обыкновение — ходить по нашим квартирам (Чехов) — Il avait l'étrange habitude de visiter nos demeures.

Vous venez du midi? (Courtade) — Вы едете с юга? (Французские глаголы traverser, visiter, venir не содержат указания на способ передвижения.)

Не выраженные в сказуемом значения либо передаются иными средствами (например, направления — предлогами), либо ясно вытекают из самой ситуации. Разные признаки могут быть положены и при наименовании в речи лица, предмета, особенно при повторном указании на него. Например:

Маркович ушел вместе с Борей.
Маркович надел сапоги ... Мама ... перекрестила Борю ... Она просила Марковича, чтобы он смотрел за Борей (Паустовский)
Et son ami, ayant tourné la tête, une tête grisonne, grogna... (Maupassant)

Markovitch partit en ville en emmenant Boria. Le Monténégrin avait mis des bottes ... Maman bénit son fils ... Elle supplia l'étudiant de veiller sur lui.

Форестье злобно уставился на него...

В русских высказываниях дается конкретное указание на лицо (собственное имя). Во французских — признаки более общего характера (например, национальность — Monténégrin, занятие — étudiant, отношение данного лица к действителю: son fils, son ami).

При оформлении высказывания в целом также могут быть обозначены или не обозначены некоторые элементы ситуации. Так, четыре различных значения: «состояние», «движение», «восприятие», «активное действие» — могут в условиях конкретной ситуации перекрывать друг друга, и, следовательно, эта ситуация может быть описана при помощи любого из них. Любое восприятие предполагает воспринимающего субъекта, любой результат-состояние — предшествующее действие. Если некоторый предмет лежит на столе, то это значит, что некто видит, что этот предмет лежит на столе, и что некто положил его на стол. Поэтому в одной и той же ситуации вместо *Книга лежит на столе* (состояние) можно сказать *Я вижу книгу на столе* (восприятие) либо *Книгу положили на стол* (активное действие). Также: *Он сюда не приходит* (движение), *Он здесь не бывает* (бытие), *Я его здесь не вижу* (восприятие), *Его сюда не приглашают* (активное действие).

Ввиду того, что воспринимающий субъект заранее подразумевается, при описании восприятия указание на него может быть введено в предложение либо опущено без всякого ущерба для объема информации. Однако сравнение показывает, что говорящий по-французски чаще, чем говорящий по-русски, склонен вводить это избыточное указание на воспринимающий субъект. Например:

Il perçut le bruit d'un torrent
Иногда вот так вот, как сейчас,
лежишь ночью, а на улице где-то
прозвенел трамвай (Бондарев).
Paulé ... voyait à travers la vitre quelques
sapindes d'arbres (Mauriac).

Послышался шум горного потока.
Quelquefois, la nuit, quand je suis couché,
comme maintenant, j'entends la cloche
d'un tramway dans la rue.
За окном, точно призраки, стояли
деревья.

Введение указания на воспринимающий субъект влечет за собой употребление переходного глагола иной семантики, нежели непереходный глагол параллельных предложений. Расхождение семантической структуры предложений, различие выражаемых ими элементарных смыслов не мешают им быть эквивалентными обозначениями одной и той же ситуации.

¹ См.: Catford J. C. A Linguistic Theory of Translation. Oxford, 1965, p. 39.

Нередко одна и та же ситуация во французском тексте представлена как результат активного воздействия лица на некоторый предмет, а в русском — как состояние (местонахождение) этого предмета.

Gде же ключ? (Чехов) — *Où est-ce que j'ai mis la clé?*

J'ai vu une allusion là où il n'en mettait aucune (Mauriac) — *Я усмотрела намека там, где никакого намека и не было.*

И эта особенность в отборе обозначаемых элементов ситуации приводит к употреблению непереходных глаголов в русском языке и переходных — во французском.

За исходный пункт высказывания (подлежащее) могут быть приняты разные субстанции, отмечаемые в ситуации. Это также изменяет семантическую структуру глагольного узла.

Les bombardements tuent en priorité les gens qui habitent près de la gare (Courtade).

De l'autre côté de la route, ... le lac étalait sa surface glacée et recouverte de neige (Hériat).

На тротуарах лежали теневые пятна от парусиновых тентов (Шолохов).

Во время бомбежек погибают прежде всего те, кто живет подле сортировочных станций.

По ту сторону дороги простиралась застывшая, покрытая снегом поверхность озера.

Les stores laissaient tomber sur le trottoir des taches d'ombres.

Глагольные семантемы в парах *убивать* (tuer) — *погибать*; *расстилать* (étaler) — *простираться*; *иметь* (avoir) — *быть*; *отбрасывать* (laisser tomber) — *лежать* различаются только параметром «каузация действия». Однако характерно, что во всех четырех случаях эта сема вводится в глагол французского высказывания и не выражена специально в русском предложении. Это подчеркивает тот факт, что при описании ситуаций языки могут выбирать их разные элементы и аспекты.

Если две первые модели — структурная и семантическая — показывают, как устроен язык, то только последняя — ситуативная — может показать, как пользуются им говорящие в конкретных актах коммуникации. Она же раскрывает и закономерности отбора средств выражения среди синонимичных форм. Приведенные примеры показывают, что в основе формирования высказывания лежит отбор элементов ситуации (объектов, их признаки и действие), причем в основу наименования каждого из этих элементов ситуации кладется какой-либо его признак. Этот отбор элементов ситуации и признаков этих элементов определяет отбор сем, составляющих семантическую структуру высказывания. Отбор элементов ситуации и, следовательно, значений не вполне случаен, но подчиняется известным закономерностям, определяемым стереотипными установками, свойственными субъектам, говорящим на данном языке. Отобранные семы сочетаются и словесно выражаются согласно закономерностям структу-

ры данного языка. Знание того, какие аспекты действительности следует брать за основу наименования при построении высказывания, обеспечивает аутентичность владения языком и составляет так называемое «чувство языка». Изучение закономерностей соотношения между лексико-грамматической структурой высказывания и структурой обозначаемого этим высказыванием отрезка действительности входит в компетенцию особого аспекта изучения языка, который может быть назван ситуативной лингвистикой.

ГЛАВА IX

ТИПОЛОГИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
НОМИНАЦИЙ*

Прежде, чем приступить к изложению типологии лингвистических номинаций, необходимо уточнить два термина, содержащиеся в заглавии: понятие типологии, вернее подход к типологическому изучению объекта, и понятие номинации.

Понятие тип используется нами в его обычном научном значении — как модель (образец), которой соответствует определенная группа явлений, а типология — как выявление и упорядочение различных типов существования объекта, но в подходе и методе типологического анализа представляется необходимым подчеркнуть следующие три момента.

Любое явление, типы существования которого исследуются, характеризуется многими свойствами, аспектами, объективно ему присущими, и различные типы могут быть выделены в отношении каждого из этих аспектов. Поэтому одну общую типологию для данного явления построить невозможно, она отразит лишь одну — быть может, одну из существенных, — но лишь одну сторону объекта. Например, общая типология языков может разрабатываться, исходя из их социальной функции или же из их внутренней структуры, причем каждый аспект структуры языка дает основание для построения специфической типологии (морфологическая типология языков, их синтаксическая типология, фонологическая, при которой языки делятся на вокалические и консонантные и т. п.). Первой задачей типологического анализа является, таким образом, установление «типологии типологий», то есть определение тех разнообразных типологических описаний, которые можно создать в отношении данного объекта и которые непосредственным образом вытекают из природы изучаемого явления, отражая его различные стороны.

Следовательно, в отношении лингвистических номинаций может быть разработан ряд различных типологических классификаций.

Второй весьма существенный момент типологического исследования — необходимость применения *логического исчисления*. Это каса-

ется как выявления разновидностей самих типологий (в нашем примере: А, В, С, D ...), так и выявления разных типов внутри данной типологии. Разновидности типологии исчисляются на основе существенных признаков объекта. Следовательно, для создания всеобъемлющей типологии необходим анализ структуры и функционирования объекта. Типы внутри данного типологического ответвления также исчисляются исходя из специфики соответствующего аспекта объекта, точнее, исходя из тех признаков внутри данного аспекта, которые принимаются во внимание при разработке типологии. В различных морфологических классификациях языков неизменно выделялись аналитические (изолирующие), агглютинативные и флективные языки. Это не случайно. Если морфология — наука об изменении слова, то она должна прежде всего различать изменяемость слова (его частей) при выражении грамматических категорий. Здесь логически исчисляются три возможных варианта: 1) X—X: слово остается как таковое неизменным, грамматические значения его выражаются вне его пределов (служебными словами, окружением слова, его местом в предложении и т. п.); 2) X—Xa: для выражения нового грамматического значения добавляется особый элемент *a*; 3) Xa—Xb: при выражении грамматического значения элемент *a* в одной форме замещается элементом *b* в другой. Этим трем возможным приемам и соответствуют отмеченные морфологические типы языков. Другие типы, которые вводились в морфологическую классификацию разными авторами, либо представляют собой комбинированные формы из этих трех, либо выделяются при введении дополнительно других признаков (как в классификации Э. Сепира).

Третий вопрос, с которым приходится сталкиваться в типологических исследованиях, заключается в правомерности иерархического подхода к выделяемым типам. По-видимому, на этот вопрос нельзя дать однозначного ответа, он зависит от конкретного исследуемого явления. Среди обнаруживаемых типов можно выделить более часто встречающиеся (доминантные) и менее обычные (рецессивные), более совершенные (прогрессивные) и менее совершенные (консервативные), исходные (ядерные) и производные (трансформированные). Типы языков с точки зрения их внутреннего устройства не могут описываться в терминах прогресса. Они не могут классифицироваться на исходные и производные. Но среди них могут различаться более и менее распространенные. Типы языковых элементов (слов, слов, предложений и т. п.) также не могут расцениваться с качественной точки зрения, но среди них могут выявляться не только доминантные и рецессивные типы, но исходные и производные типы. С другой стороны, в функциональной типологии языков можно говорить о прогрессивных и консервативных типах: несомненно, литературный язык, являющийся средством официального общения, является функционально более развитым, нежели бесписьменный язык, используемый лишь в бытовой сфере общения.

* Впервые опубликовано: Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977.

Это небольшое вступление об общих принципах типологического исследования побуждает устанавливать не одну, но ряд типологических номинаций. Как показывает пример с языком, различные типологии, касающиеся одного и того же объекта могут исходить либо из его функций (функциональная типология), либо из особенностей его структуры. Поэтому необходим анализ структуры номинации, ибо каждая существенная сторона этой структуры должна быть отражена в соответствующем типологическом описании. Необходимо также рассмотреть возможности исчислять типы номинаций в пределах каждого типологического аспекта. Здесь исследователь сталкивается со значительными трудностями, ибо различные аспекты переплетаются и взаимодействуют между собой, так что создается сложная, нередко запутанная картина, при которой одни и те же факты приходится рассматривать в разных типологических ракурсах. Поскольку номинация представляет собой внутриязыковое явление, среди ее типов могут различаться доминантные и рецессивные (в том или ином языке), а также ядерные (первичные) и производные. В качественном отношении они не характеризуются.

Номинация, как и многие другие лингвистические термины, принадлежит к числу многозначных. Уже словарь лингвистических терминов О. С. Ахмановой отмечает три значения у этого термина. Это не удивительно, ибо общая асимметрия лингвистического знака полностью распространяется и на терминологию, как распространяется асимметрия (в широком плане) на все, к чему мысленно или практически прикасается человек.

Среди различных употреблений термина «номинация» отметим следующие наиболее частые оппозиции.

Он может употребляться в динамическом аспекте, обозначая процесс наименования, и в статическом, обозначая результат, само наименование. Такое «смещение» относится к одному из наиболее распространенных видов регулярной лексической полисемии. Он свойственен самым разнообразным языкам (возможно, это универсалия) и проявляется как в терминологии, так и в бытовом употреблении слов. Разве мы не употребляем слова *определение*, *сочетание* (в лингвистике), *спряжение* и многие-многие другие как для обозначения процесса, действия, так и для обозначения результата, объекта. (Ср. *Определение этого понятия сталкивается со значительными трудностями* и *Мне непонятно это определение*). В технической деятельности человека различие между процессом и результатом во многих случаях оказывается существенным, и техническая терминология стремится (но не всегда последовательно) при помощи аффиксов отразить его (ср. русск. *строительство*, *стройка* — процесс; *строение*, *постройка* — результат; *рыбная ловля* — процесс; *улов* — результат; *конструирование* и *конструкция* и т. п.). В мыслительной деятельности и без того нечеткие грани между процессом и результатом стираются еще больше, и без ущерба для понимания один и тот же термин может употребляться в обоих смыслах. Можно отметить, что разли-

чие в обозначении процесса и результата в русской терминологии выражается заметнее, чем в терминологии, образованной от латыни, благодаря возможности образования отглагольных имен от основ несовершенного и совершенного вида. Так, если в русском языке можно установить различие между терминами *именование* (процесс) и *наименование* (скорее, результат), то в латинском *nominatio* оба значения сосуществуют. Мы будем использовать термин *номинация* в обоих значениях, как для обозначения способа именования, так и для обозначения формы наименования.

Термин *номинация* может употребляться для обозначения отношения или же для обозначения самого звукового комплекса, при помощи которого производится обозначение. В этом аспекте этот термин можно сопоставить с однопорядковым термином *знак*, который используется либо для обозначения отношения между означающим и означаемым, либо для обозначения одного лишь означающего. Однако этот разнобой в использовании термина также не вносит особой путаницы в лингвистические исследования, поскольку и он обусловлен одним из обычных для человеческого ума проявлений синкретизма — синкретизма отношения и носителя данного отношения (и в бытовом языке многие слова с релятивным значением используются как автономные обозначения объектов, например, *мать*, *соседка*, *учитель*, так что действительные слова, показывающие отношения вроде *мой*, *наш* и т. п. в речи становятся ненужными). Хотя, как это отмечается далее, номинация есть отношение, мы будем использовать этот термин и для обозначения одного из членов отношения — лингвистического средства обозначения.

И, наконец, последнее противопоставление: широкое или узкое понимание термина номинация. В отличие от двух предыдущих этот вопрос для построения типологии существенен, так как самый инвентарь типов зависит от того, что включается в исследуемое явление. В узком употреблении номинация понимается как обозначение предметов с помощью отдельных слов или словосочетаний. В этом проявляется этимологическое значение термина: *nominatio* — «наименование, дача имени». Поскольку именуются прежде всего предметы, лица, то и номинация связывалась с обозначением субстанциальных или мыслимых таковыми объектов. Поэтому проблема номинации рассматривалась преимущественно на примерах, взятых из области имен существительных, и особенно имен собственных.

Отношение имя существительное — предмет образует *ядерный, основной тип номинации*. Расширение понятия лингвистической номинации идет как за счет более широкого понимания ее содержательного аспекта, так и по линии более широкого понимания средств номинации в их формально-структурном аспекте. Так, в круг номинаций подключаются многие явления, которые по отношению к связи имя существительное — предмет могут рассматриваться как периферийные, производные разновидности номинаций.

В содержательном аспекте возникает вопрос о том, можно ли рассматривать как номинацию выражение несубстанциональных элементов действительности: качеств, отношений, процессов, действий, событий, психических состояний, чувств и переживаний говорящего в момент речи и так далее. В логике по этому поводу ведутся споры. Фреге, внесший большой вклад в философский анализ номинации (именования) различал три типа имен: собственные имена (обозначения конкретных предметов), имена функций (отношений, качеств) и предложения, которые он считал именами истины и лжи. Такое понимание предложения соответствовало общей теории референции у Фреге, который видел в ней прежде всего значение истинности. Но подобно тому как отдельное имя, которое может анализироваться со стороны референции, является при этом именем определенного предмета — существующего или мыслимого, — так и предложение не только выражает истину или ложь, но обозначает определенное событие, которое, следовательно, является именуемым в имени-предложении.

Все выделяемые человеческим сознанием несубстанциональные элементы действительности получают языковое обозначение. Причем, поскольку между отражением вещи, свойства и отношения в человеческом сознании непроходимых граней нет (Уемов 1963), свойства, качества, отношения, процессы могут опредмечиваться в сознании и получать обозначение именами существительными, как и предметы.

Остается вопрос о том, можно ли относить к номинации процесс обозначения психических состояний, эмоций, субъективных переживаний говорящего в момент речи, всего того, что обозначается термином *модальность* в широком плане. Бытовое употребление слов *обозначение, именование* некоторым образом сопротивляется расширенному пониманию термина номинации. Мы говорим об *обозначении* предметов (качеств, действий), но о *выражении* понятий, мыслей, чувств. Таким образом, *обозначается* все материально осязаемое (или приравняемое к таковому), *выражается* относящееся к нематериальному миру чувств и мыслей. Однако, понятия и мысли суть отражение в человеческом сознании элементов экстралингвистического мира, и поэтому, выражая понятия и мысли, слова и предложения вместе с тем обозначают предметы и события, на которые направлены эти понятия и мысли. Что касается чувств и эмоций, то современные исследования в области психологии показывают огромную роль эмоций в познавательной деятельности человека и отражающей деятельности его сознания (Шингаров 1974). Они в свою очередь поддаются осознанию, определениям и классификациям (правда, со времен «Этики» Спинозы в этой области сделано мало), могут иметь словесное обозначение и говорящий может обозначить свои переживания и оценки словесно или же с помощью междометий и интонации. Это дает основание считать, что и модально-эмоциональные явления также получают языковое обозначение.

Таким образом, в аспекте содержания мы трактуем понятие номинации в широком плане, как обозначение всего отраженного (или от-

ражаемого) и познаваемого человеческим сознанием, всего сущего или мыслимого: предметов, лиц, действий, качеств, отношений и событий.

Рассмотрим теперь *формальный аспект* номинации. Обычно к номинативным средствам языка относят лексические единицы — слова и словосочетания, — причем преимущественно субстантивного характера. Расширенное понимание языковой номинации дает основание расширить и круг средств с номинативной функцией. В лингвистических трудах иногда говорится, что грамматические средства отличаются от лексических тем, что они не обладают номинативной функцией. Это верно, если под номинативной функцией понимать способность самостоятельно обозначать объект (например: *Что это за дерево? Сосна. Что он делает? Чертит*). Подобного рода самостоятельность сводится к способности формировать отдельное высказывание, быть грамматическим минимумом предложения, то есть в конечном счете определяется структурно-грамматическими свойствами языкового элемента. Если же под номинативной функцией понимать способность соотноситься с элементом внеязыковой действительности, то такой функцией обладают многие служебные слова и грамматические форманты в ряде своих употреблений. Особенность их заключается в том, что они не могут выступать в качестве номинативных средств самостоятельно, но лишь в составе слова, словосочетания или предложения.

Предположим, человек ищет предмет на шкафу и не может его найти. Ему говорят: *Ты посмотри не на шкафу, а в шкафу*. Здесь предлоги *на* и *в* (и только они) обозначают пространственные отношения. То же значение можно было бы выразить и знаменательным оловом — наречием: *Если ты на шкафу не нашел, посмотри внутри*. Наречие *внутри* и предлог в данном случае обозначают одно и то же локальное отношение. Различие заключается в способе обозначения. Предлог обозначает это отношение не самостоятельно (нельзя сказать **посмотри в*), но лишь в сочетании с существительным, наречие — самостоятельно, без существительного, при этом оно приобретает дейктический, местоименный характер. Благодаря этому обстоятельству оно может обозначить ту же локализацию и по отношению к другим предметам, тогда как предлог требует обязательно указания на предмет (ср. *книга в портфеле*, но: *она внутри*).

Пол лица может быть обозначен лексически (*летчик — мужчина; женщина — летчик*) и суффиксально (*летчик — летчица*). В речи оба способа могут взаимозаменяться. Так, увидев вдалеке фигуру в комбинезоне, мы можем спросить: *Кто это: летчик или летчица?* и получить ответ: *Это летчица* или *Это женщина*. Различие в номинациях заключается в том, что суффикс, подобно предлогу, не может обозначать объект самостоятельно (нельзя сказать **это -чица*), но употребляется вместе с обозначениями других, известных и не запрашиваемых в данном случае, признаков объекта, тогда как знаме-

нательное слово (*женщина*) может указывать на данный признак самостоятельно и отдельно от обозначения других признаков.

Таким образом, тезис о том, что грамматические средства отличаются от лексических отсутствием номинативной функции, представляется неточным. Разумеется, в ряде случаев грамматические средства выполняют чисто структурную роль и не несут номинативной функции, но они могут и обладать функцией номинации, но несамостоятельной, связанной (в большинстве случаев это — их *raison d'être*). Выявляются следующие соотношения между лексикой, грамматикой и способностью к номинации:

самостоятельная номинативная функция	— лексика
несамостоятельная номинативная функция	— грамматика
отсутствие номинативной функции	— грамматика

Как мы видим, несамостоятельность формальная связана с неотдельностью семантической: грамматическое средство (словообразовательное, словоизменительное, служебное слово) может указывать на данный признак объекта только при условии указания на иной его какой-нибудь признак.

В свете вышеизложенного к номинативным средствам языка следует отнести и синтаксические средства, если они выступают в своей значимой функции. Семантический линейный аспект имеет даже порядок слов.

Еще Соссюр отмечал, что отличительной стороной знака является его произвольность и линейность (Соссюр 1933, 347). Это определение уже заставляло видеть в линейности речи вынужденную ее сторону и ставило ее в ряд формальных признаков. Теньер прямо противопоставил структурный (многомерный) порядок, отражающий семантические отношения, линейному, одномерному (Tesnière 1959, 21). Еще более определенно подчеркивали формальный характер линейности речи лингвисты, придерживавшиеся дистрибутивных методов. Однако такой односторонний взгляд на способ расположения элементов в языковой цепи и, в частности, на порядок слов неправилен. Порядок слов может быть семантическим, отражать определенные отношения между элементами объективной действительности, и тогда он выполняет номинативную функцию, но он может быть асемантическим и иметь чисто структурное, строевое назначение. Порядок слов семантический, если последовательность элементов в речи отражает последовательность событий. На этот иконический характер порядка слов указывал Якобсон (Jakobson 1966, 27). Во фразе *Пришел, увидел, победил* последовательность слов соответствует последовательности событий. То же самое наблюдается в обычных повседневных высказываниях: *Он встал, позавтракал и отправился в институт*. Несомненно, и в этом случае нередко употребляются особые служебные слова или глагольные формы, показывающие соответствующие отно-

шения: *В 8 часов он отправился в институт, до этого он успел позавтракать и прочитать газету*.

Порядок слов выполняет также номинативную функцию, если он соответствует последовательности получения информации. Поэтому нормальным порядком оказывается такой, при котором тема предшествует реме: *Я еду в Ленинград*. Иной порядок оказывается отмеченным и служит для выражения экспрессивных оттенков и других целей (*В Ленинград я еду; Я в Ленинград еду*).

Особенностью порядка слов как номинативного средства является его связанность: он используется только в составе фразы. В этом он подобен другим грамматическим средствам номинации.

Исследования последних лет в области интонации показали, что в каждом языке определенные интонационные контуры закономерно связаны с обозначением определенного коммуникативного задания или эмоционального состояния (сообщение, вопрос, импликация и т. п.). Их также можно причислить к связанным средствам номинации.

Итак, к средствам номинации относятся не только лексические единицы, но любые не подвергшиеся десемантизации элементы языковой системы, независимо от того, каков их статус в структуре языка, и служащие для обозначения объектов, связей, качеств, отношений. Глубинная идентичность значимых элементов разного уровня проявляется, в частности, в том, что один и тот же экстралингвистический элемент может обозначаться разными средствами — знаменательными и служебными словами или грамматическими формантами — как внутри отдельного языка, так и при переходе от одного языка к другому.

* * *

Номинация есть процесс и результат наименования, при котором языковые элементы соотносятся с обозначаемыми ими объектами. В логике отношение между именем и обозначаемым им объектом изучается теорией референции. Действительно, и номинация и референция имеют дело с одним и тем же явлением: отношением имени к обозначаемому объекту, и различие между этими понятиями, по видимому, заключается в направлении анализа. Теория референции ориентируется в семасиологическом плане, стремясь выяснить, на что указывает данное имя, каково его значение. Отсюда и основные проблемы этой теории: идентичность (равнозначность) имен, проблема предметности референта, его существования. Теория номинации ориентирована в ономасиологическом плане: она рассматривает преимущественно, как объекты получают свои названия.

Особенностью отношения наименования является то, что имя может иметь в конкретном случае лишь одно значение, тогда как один и тот же предмет может получать ряд наименований. Возможность употребления ряда имен при обозначении одного и того же объекта ставит вопрос о том, каким образом различные имена оказываются

идентичными. Как известно, одним из первых дал ясный ответ на этот вопрос Г. Фреге. Сравнивая два имени *Венера* и *вечерняя звезда* обозначающие одну и ту же планету, он предложил в семантической структуре наименования различать значение — предмет, который обозначается именем, и смысл — информация, которая заключена в имени. В данном случае *Венера* представляет собой собственное имя планеты, которое не сообщает никакой информации о ней, если только не принимать во внимание происхождение этого наименования (планета была названа по имени богини Венеры, так как древние сочли ее самой красивой из планет). Название *Вечерняя звезда* сообщает определенную информацию о планете, которая становится видимой после захода солнца. Это наименование информативно, так как оно отражает один из признаков обозначаемого предмета и сообщает о нем. Собственное имя не информирует о свойствах предмета внутри данного класса предметов (если только это не специально придуманная кличка), поскольку его связь с именуемым объектом не определяется каким-либо свойством последнего. Таким образом, идентичность имен устанавливается на уровне значения, из различия на уровне смысла. Различие их определяется теми разными признаками, которые выделяются говорящим при наименовании. Эту возможность давать одному предмету разные по смыслу наименования в пределах одного языка или разных языков еще раньше подметил В. Гумбольдт, который назвал признак, по которому производится наименование, внутренней формой слова.

При номинации субъект отбирает в объекте один или ряд признаков, которые и кладутся в основу наименования. Различение смысла и значения очень важно для создания типологии номинаций, ибо для обозначения одного и того же предмета могут быть созданы номинации различных типов в зависимости от того, на какие признаки денотата они опираются.

Однако, одно только это различие, отмеченное Фреге, не охватывает всех разнообразий наименований, с которыми приходится сталкиваться при анализе человеческой речи. Фреге, его последователи и критики сопоставляли лишь равнообъемные номинации, которые и вне текста отсылают к одному и тому же референту. Действительно, *Венера* и *вечерняя звезда*, *Вальтер Скотт* и *автор Веверлея* взаимозаменяемые наименования, отношения между ними суть отношения тождества.

Но в реальной речи для обозначения одного и того же объекта нередко используются обозначения разного объема. Так, в биографии Пушкина могут чередоваться и прямое обозначение — имя собственное (*Пушкин*), и единичные описательные обозначения (*автор «Евгения Онегина»*, *основоположник русского литературного языка*) и обозначения широкого объема, которые могут относиться не только к этому поэту (*писатель, поэт, автор*).

Таким образом, в структуре наименований следует различать: 1) значение (по Фреге, то есть соотношенность с определенным объек-

том); 2) смысл (по Фреге, то есть внутренняя форма обозначения); 3) объем (то есть объем понятия, под которое подводится данный объект). Вполне понятно, что смысл и объем номинации тесно связаны друг с другом, ибо их формирование зависит от выделяемых в объекте признаков. Но они и неравнозначны, ибо одно и то же понятие может обозначаться наименованиями разной внутренней формы. Например, бумажные обои во французском языке обозначаются по общему виду (*papier peint*, буквально «раскрашенная бумага»), по английски — по назначению (*wall paper*, то есть «настенная бумага»). Таким образом, типология номинаций может основываться на анализе значения (то есть характера обозначаемого объекта), на анализе смысла (то есть внутренней формы наименования) и на анализе объема обозначаемого (то есть собственно семантической стороны номинации).

Правда, соотношение между этими тремя компонентами номинации различно в речи и в языковой системе. В речевой номинации существенны все три компонента, причем второй (выделяемый признак) и третий (объем) нередко взаимообусловлены и совмещаются. В языковой системе обозначаемое предопределено объемом понятия, выражаемого данным наименованием. Внутренняя форма, обычно присутствующая в речевой номинации, не всегда актуализирована в системно-языковой (у многих слов внутренняя форма стерлась, не выявляется).

Теория Фреге (как и многие другие логико-семантические теории) обнаруживает еще одну слабость при ее использовании в целях лингвистического анализа. Это — недостаточное внимание к роли субъекта номинации в акте наименования. Отчасти это объяснимо объективными условиями: логика и лингвистика имеют различные задачи. Логика изучает общие закономерности человеческого мышления, формирования понятий, общие закономерности толкования понятий и может (а во многих случаях и должна) игнорировать национальные и индивидуальные особенности. Лингвистика, изучая формирование номинации в языке-системе, не может не принимать во внимание национальные специфические особенности (в этом одна из ее основных задач), изучая наименования объектов в речи, она не может не учитывать все конкретные условия номинации, связанные с ситуацией общения. Надо отметить однако, что в последние десятилетия логика, развиваясь, все больше стремится отразить физику мира, прагматику человеческого бытия, показать не только как устроены суждения, но и то, в каких условиях и для чего они осуществляются. С этим связано внимание к таким понятиям как пресуппозиция, «логика возможных миров» и т. п.

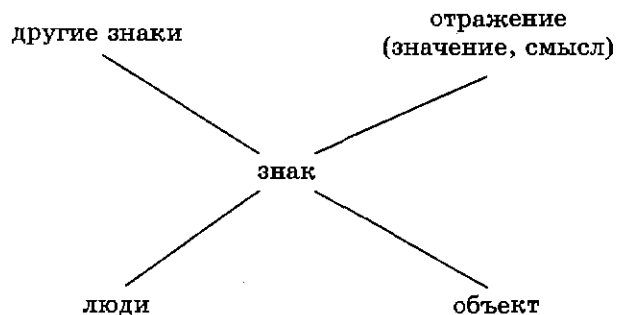
Объединяя два логических равенства Фреге *Венера* — *утренняя звезда* и *Венера* — *вечерняя звезда*, можно получить равенство:

утренняя звезда — вечерняя звезда

Л. Линский правильно отмечает, что эти наименования не идентичны (Linsky 1974, 176), хотя оба относятся к планете Венера, по-

сколько первое обозначает эту планету, когда она видима утром, перед восходом солнца, а второе — в вечернее время, после заката. Взаимозаменять эти два наименования можно, только если человек путает утро с вечером. Человеку, встающему утром ото сна можно сказать: *Посмотри туда, где встает солнце, и ты увидишь Венеру* (или *утреннюю звезду*), но не: *ты увидишь вечернюю звезду*. По мнению Линского, ни Фреге, ни Куайн не дают удовлетворительного объяснения этому феномену. Дело здесь, по-видимому, в том, что хотя обе номинации соотносятся с одним референтом (имея, следовательно, — по Фреге — одно и то же значение), их смыслы, то есть передаваемая ими информация об этом предмете настолько различны, что они не могут заменять друг друга в одинаковых условиях и контекстах. Здесь наглядно проявляется зависимость номинации от тех, кто дает объекту имя, от практической деятельности людей, от прагматики человеческой жизни.

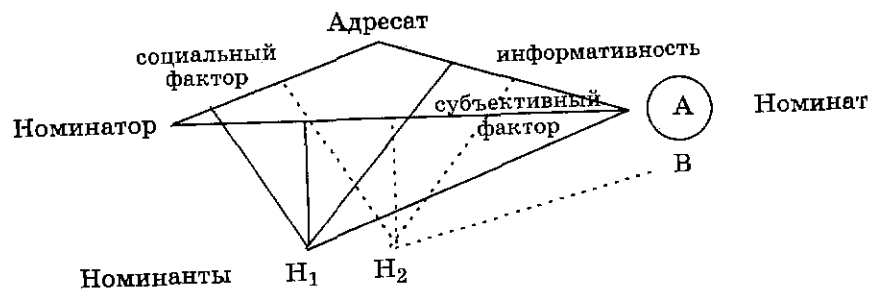
Традиционный логический треугольник, репрезентирующий семантическую структуру слова, объединяет имя, выражаемое им понятие и обозначаемый объект. Рассматривая акт номинации таким как он есть необходимо добавить еще один компонент: именующий субъект. Впервые в явном виде сделал это Г. Клаус в своей схеме (Клаус 1967, 17):

Однако именующий субъект называет в акте речи данный объект не «для себя», а для собеседника, в связи с чем при выборе названия проявляется социальный фактор — взаимоотношения между собеседниками и условия общения. Таким образом, элемент «люди» распадается на отношение «говорящий — адресат».

Итак, именующий субъект именуется объект для слушающего, используя определенный способ наименования и выбирая данную номинацию среди других, которые для этой цели могут быть использованы из средств данного языка. Основными компонентами акта номинации являются: именуемый субъект (номинатор), наименование (номинант), именуемый объект (номинат), слушающий (и условия общения). Мы умышленно не пользуемся здесь пока такими терминами как денотат, десигнат, сигнификат, референт, имеющими отношение к номинации, ввиду их различного употребления в научной

литературе (к ним мы вернемся ниже). Схематически акт номинации может быть представлен следующим образом:

Используемый номинант (H_1) является объединением проекций отношения номинатора и адресата (социальный фактор), отношения номинатора к номинату (субъективный фактор), отношения адресата к номинату (информации адресата о номинате), признаков номината (внутренняя форма), причем выбор производится на фоне других возможных наименований (H_2).

Каждый из этих аспектов акта номинации может быть выделен в качестве особого типологического параметра, стать предметом типологической разработки. К ним следует добавить параметры: внешняя форма, функция и иерархия номинаций.

Таким образом, формируется «типология типологий» номинации по следующим аспектам:

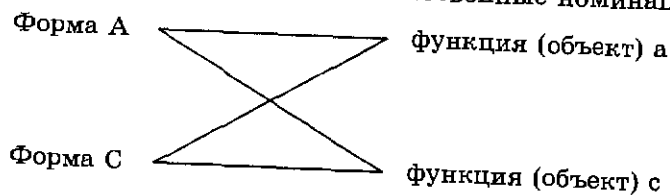
1. Иерархия номинаций.
2. Функция номинации.
3. Именуемый объект (номинант).
4. Структура (внешняя форма) наименования.
5. Способ наименования (в том числе внутренняя форма).
6. Именующий субъект (в том числе социальный аспект, информативный аспект и субъективное отношение субъекта к объекту).
7. Соотношение номинации с другими в парадигматическом аспекте.
8. Соотношение номинации с другими в синтагматическом аспекте.

Рассмотрим последовательно типы номинаций по этим параметрам.

Иерархия номинаций. Выше отмечалось, что качественная иерархия (различение более и менее развитых типов) к номинациям неприложима, количественная иерархия (доминантные и рецессивные типы) может рассматриваться только в отношении какого-либо определенного языка; в общем плане можно рассматривать иерархические типы только в функционально-генетическом аспекте, различая исходные и производные типы, *первичные и вторичные*.

Если рассматривать язык в духе Пражской лингвистической школы, как целенаправленное орудие, то следует признать, что у каждого языкового элемента имеется своя основная функция, для выражения которой он был создан (под функцией понимается обозначение,

выполняемая структурная задача и т. п.), и следовательно, для выражения каждой функции в языке существует основное средство. Эту основную функцию Е. Курилович называет первичной, она свойственна данному языковому элементу как элементу системы и проявляется в неспецифическом окружении (Курилович 1967, 59, 182). Форма, которая используется в своей первичной функции для обозначения данного объекта в данных условиях, может быть названа основной формой или, в используемых нами терминах, первичной или прямой номинацией. Однако, в силу языковой асимметрии, одна и та же форма может приспособляться для обозначения иных объектов или выполнения иных функций, в то время как, с другой стороны, данный объект может получать иное наименование. Так обозначаются — в семасиологическом аспекте — вторичные функции, а в ономасиологическом — вторичные или косвенные номинации:

Отношение $A \rightarrow a$, $C \rightarrow c$ есть отношение первичной функции для элементов А и С. Отношение $a \rightarrow A$, $c \rightarrow C$ есть отношение прямой номинации. Однако отношения $A \rightarrow c$ или $C \rightarrow a$ представляют вторичные функции элементов А и С, отношения $c \rightarrow A$, $a \rightarrow C$ репрезентируют косвенные номинации объектов с и а.

В связи с различием прямых и косвенных номинаций возникает четыре вопроса: 1) чем объясняется появление косвенных номинаций; 2) какие основные типы можно среди них выделить; 3) как они выявляются в речи; 4) какую функцию выполняют они в языке в целом.

1) Появление вторичных функций языковых элементов, а следовательно, и косвенных номинаций, связано с общей асимметрией языкового знака, которая в свою очередь может рассматриваться как частное проявление общей свойственной человеку тенденции к переносному использованию всего того, что он создает, к использованию орудий и других артефактов в несобственной функции. В использовании языковых форм в несобственной функции проявляются особенности каждого из трех компонентов акта номинации: номинатора, номинатива, номинантов. Перенос функции имеет место, во-первых, потому, что средства номинации (номинанты) ограничены в своем количестве, тогда как объекты, подлежащие номинации бесчисленны. Однако этот обычно отмечаемый фактор не является даже основным. В любом языке имеются неиспользованные фонологические возможности для создания новых обозначений (например, в русском языке слоги *пар, вар, дар, жар* закреплены за определенными значениями, тогда как *гар, сар, зар* остаются «неиспользованными»), также неисчерпанными остаются возможности человеческой памяти усваивать но-

вые номинации (так, человек без труда усваивает два, а то и больше слов, запоминая несколько наименований для одних и тех же объектов). Более существенным для переноса является неопределенность самих объектов, их недискретный характер, в связи с чем в практической жизни создаются трудности для проведения граней между объектами, их классификации, что и обуславливает «сползание» наименования к обозначению иного объекта. Люди имеют дело с двумя типами объектов: дискретными и недискретными. Во втором случае разграничительные линии условны, подвижны, могут перемещаться, вследствие чего изменяется и наименование объекта. К таким объектам относятся, например, время суток, цвета спектра, шкала возраста, качества и многие другие. Та часть суток, которая по-русски называется *вечер*, по-английски может быть названа «ночью» (ср. *at night ночью* или *вечером*), время, которое называется *ночь*, по-французски может быть названо «утром» (ср. *час ночи* и *une heure du matin*). Но и у дискретных объектов ограничивающие их линии не всегда достаточно четки и ясны. Взятый сам по себе, со стороны своих границ, такой объект есть нечто дискретное. Взятый же со стороны его взаимосвязи с другими объектами, он выступает как непрерывное с другими объектами (Готт, Недзельский 1975, 26). То же касается и качеств, и процессов. Взятая сама по себе какая-нибудь мотыга представляет несомненно дискретный объект. Но если мы соберем все разновидности мотыг, сапок, поллоков, лопат, грабель и прочего садового инвентаря, то они образуют недискретный ряд, в котором одно орудие будет незаметно «переходить» в другое, так что во многих случаях мы затруднимся провести четкие границы, будем ошибаться в классификации объектов, а следовательно, и в их наименовании. Не случайно один и тот же ряд подобных объектов получает различное членение и систему наименований в разных языках. Так создаются объективные условия для появления новых номинативных функций у слов, обозначающих и единично дискретные предметы. Но если отмеченные факторы (особенности номинантов и номинатов) создают условия для изменения функций языковых элементов (слов, грамматических форм), то решающим фактором является деятельность самого субъекта номинации. Человеку во многих случаях удобнее пользоваться прежним орудием в новой функции, исходя, конечно, из особенностей орудия или сходства функции, чем создавать новое. Так и в области номинации субъект склонен использовать существующие языковые элементы для обозначения новых объектов, опираясь на некоторые сходные черты самих объектов, на взаимосвязи между ними. Так создаются многочисленные метонимические и метафорические переносы. В настоящее время в науке господствует мнение, что метафоры не только характерны, обычны, «нормальные» для человеческого сознания, но и необходимы и неизбежны: «Жить под угрозой метафор — естественное человеческое состояние» (Greimas 1970, 14).

2) Сколь бы ни были разнообразны вторичные функции языковых элементов, лежащие в основе вторичных номинаций, они поддаются

логическому исчислению. Расхождение означающих (Ф — форма) означаемых (С — содержание) может происходить в трех планах:

— синтагматическом, при котором членение речевой цепи не одинаково для плана выражения и для плана содержания (число единиц в двух планах не совпадает);

— парадигматическом, при котором членение внутри поля обозначения и поля средств выражения не совпадает (число означающих означаемых оказывается различным);

— семиотическом, при котором отсутствует выражение одной из сторон знака: означающего или означаемого.

В каждом из трех планов возможны два расхождения — в семиотическом аспекте (от формы к содержанию) и ономазиологическом (от содержания к форме); исчисляется для языка в целом 6 типов асимметрии, которые, разумеется, реализуются не для всякого типа номинантов.

Из шести основных типов асимметрии два (синтагматическое и ономазиологическое) касаются внешней формы обозначения, остальные четыре — содержательной стороны.

Что касается внешней формы, то косвенная номинация заключается в замене прямой (собственной) номинации либо развернутой формой (например, использование словосочетания вместо отдельного слова), либо конденсированной (свернутой) формой (использование слова вместо словосочетания, словосочетания вместо предложения). Конкретные проявления конденсации и развертывания будут рассмотрены в разделе о внешней форме номинации.

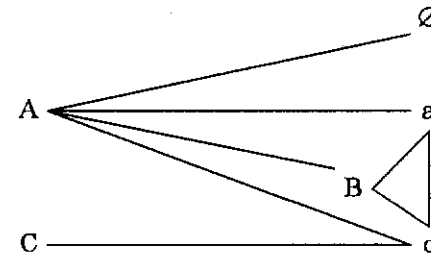
Что касается содержательной стороны, то в ономазиологическом аспекте косвенная номинация создается за счет синонимии и эллипсиса. У говорящего имеется две возможности: либо вместо прямого выбрать иное обозначение, предоставляемое системой языка (здесь исчисляются два варианта, о которых будет сказано ниже), либо — в некоторых условиях — не обозначать данный элемент совсем (без ущерба для информативной стороны речи).

В семиотическом плане, следовательно, отход от прямой номинации имеет два проявления: использование «пустых форм», то есть обязательных, незначащих слов (семантическая избыточность) и неопределенное обозначение того, что может (а иногда и должно) быть обозначено исходя из ситуации (семантическая экономия). Семиотический план находится на пересечении синтагматики и парадигматики, причем эти аспекты как бы компенсируют друг друга: десемантизация в парадигматическом плане сочетается с конденсацией в синтагматическом. Например, во фразе *Le ciel était clair et constellé d'étoiles* (Clavel) причастие *constellé* оказывается семантически избыточным, так как его значение содержится в слове *étoiles* (французский словарь определяет *constellé* как «*parsemé d'étoiles*», то есть «усеянный звездами»). Но использование этой пустой формы привело к развертыванию внешней формы определения (*le ciel étoilé — constellé d'étoiles*). С другой стороны,

семантический эллипсис типа разговорного русского *У него давление вместо высокого давление*) связано с структурной конденсацией.

Рассмотрим процесс формирования основных семантических типов номинантов.

Первичная функция языкового элемента проявляется в оппозиции с другим элементом, входящим в один парадигматический класс с ним. Вторичная функция проявляется в том, что либо снимаются противопоставления между противочленами (генерализация или семантическая нейтрализация), либо один противочлен употребляется в функции другого (транспозиция), либо данный элемент утрачивает значение (десемантизация), переходя в разряд строевых служебных элементов. Возвращаясь к приведенной выше схеме, три функции можно представить следующим образом

Предположим, что языковые элементы А и С указывают на объекты а и с, находящиеся в оппозиции, то есть различающиеся каким-либо признаком внутри класса объектов В. Отношения $A \rightarrow a$ и $C \rightarrow c$, как отмечалось, символизируют первичные функции соответствующих форм и прямые номинации соответствующих объектов. Если языковая форма А используется для обозначения всего класса В в условиях снятия противопоставления между а и с, то мы получаем семантическую нейтрализацию или генерализацию. Если А используется для обозначения не а, но его противочлена с, то перед нами — транспозиция, если же А утрачивает связь с денотатом, сопоставимым с а и с, если он указывает на пустое место (\emptyset), то мы сталкиваемся с десемантизацией.

На семантическом уровне генерализацию можно интерпретировать как устранение дифференциальной семы ($Ba \rightarrow B$), транспозицию как замену одной дифференциальной семы другой ($Ba \rightarrow Bc$), десемантизацию как устранение даже родовой архисемы ($B \rightarrow \emptyset$). Три отмеченных типа вторичных функций знака подтверждаются исчислением и на семиотическом уровне. Все отношения между знаками, соотносящимися с одним обозначаемым, сводятся к двум типам: включению и пересечению. Отношения включения порождают семантическую генерализацию (или обратное ей явление — конкретизацию), отношения пересечения — транспозицию. Утрата обозначаемым соотносительности с обозначаемым и, следовательно, знаковой функции приводит к десемантизации.

Три отмеченные функции свойственны и лексическим и грамматическим элементам. Так оппозиция *прийти/приехать* снимается в фразе *Отец уже пришел домой с работы* (способ передвижения здесь нерелевантен), глагол *прийти* используется в функции генерализации (вместо *прибыл*). В разговорном речении *Вот мы и приехали* (вместо *пришли*) один глагол употребляется вместо другого, выполняя функцию транспозиции. В сочетаниях с отвлеченным существительным *прийти* показывает приобретение субъектом какого-либо свойства, состояния (*прийти в ярость, в отчаяние*), он здесь десемантизируется и выступает как вербализатор существительного (ср. *разговариваться, отчаяться*). В одушевленных именах *le secrétaire, la secrétaire, секретарь, секретарша* форма рода значима, используется в своей первичной функции — для указания на пол лица. В предложении *Мария Ивановна — опытный учитель* последнее слово выступает в функции генерализации (оппозиция по полу здесь нейтрализуется), а существительных неодушевленных форма рода десемантизирована. Однако, выступая в десемантизированной функции языковой элемент может вместе с тем выполнять и дистриктивную функцию, служа различению, подобно фонеме, значений слов и форм. Во французских словах *la physique физика* и *le physique внешний облик* категория рода незначима и вместе с тем благодаря ей различаются значения двух слов. Сравнение сочетаний *прийти в негодность (= испортиться)* и *привести в негодность (= испортить)* показывает, что глаголы *прийти/привести* не только выполняют строевую функцию вербализации, но и служат различению залогового значения выражения.

Трем типам вторичных функций языковых элементов соответствуют и три типа косвенных номинаций, в связи с чем выявляются следующие общие типы номинаций в иерархическом аспекте.

- A. Исходная форма — прямая номинация.
- Б. Производные формы — косвенные номинации:
 1. По внешней форме: свернутая (конденсированная) и развернутая.
 2. По внутренней форме:
 - а) абстрактная (генерализующая);
 - б) переносная (транспонированная): метафорическая и метонимическая.
 3. В семиотическом аспекте:
 - а) упрощенная;
 - б) избыточная (десемантизированная).
- 3) В речи косвенные номинации, так же как и вторичные функции, выявляются благодаря несоответствию наименования в его первичной функции данному номинату, для обозначения которого в языке имеется другое, прямое, собственное средство обозначения. Здесь важно подчеркнуть зависимость отнесения номинации к определенному типу от конкретной ситуации. Так, если в зоопарке, увидев незнакомое зверя, мы зададим спутнику вопрос: *Вы видели когда-нибудь этого зверя?*, то слово *зверь* здесь будет употреблено в своей прямой функции, будет использована прямая номинация (или другой

вариант — *животное* — синоним слова *зверь*). Однако, если, при виде во дворе неизвестной собаки мы зададим тот же вопрос: *Вы видели когда-нибудь этого зверя?*, то в данном случае слово *зверь* используется вместо прямого обозначения *собака* и можно сказать, что мы прибегаем здесь к косвенной номинации абстрактного типа. Если же мы употребили слово *зверь* исходя из коннотаций, связанных с его вторичным значением («большое, страшное на вид животное»), то такую косвенную номинацию следует рассматривать как транспонированную (метафора).

Косвенным способом проявления вторичной функции языкового элемента и косвенной номинации является нарушение семантического согласования. Во фразах *Это животное — лиса* и *Этот человек — большой хитрец* последние слова употреблены в своих первичных функциях. В предложении *Этот человек — настоящая лиса* семантическое несогласование подлежащего и сказуемого свидетельствует о переосмыслении слова *лиса* и о его использовании как косвенной номинации для обозначения качества человека. Аналогичное явление наблюдается и в области грамматических форм. Ср. *Он придет завтра* и *Он приезжает завтра* (несобственное употребление формы настоящего времени — ее несогласованность с обстоятельством).

4) Использование языкового элемента в несобственной функции имеет тройное значение:

а) оно восполняет языковую лакуну, дает возможность обозначить то, для чего в языке нет специального номинативного средства. Это, например, ярко проявляется в случае семантической нейтрализации грамматических средств. Обладая формами для выражения противопоставленных значений, язык нередко не имеет специальной формы для выражения обобщенного значения, родового понятия. В этом случае используется одна из противопоставленных форм, обычно немаркированная, но в стилистических целях и маркированная. Так, формы единственного и множественного числа соответственно обозначают единичность и множественность предметов, но в языке нет специальной формы для выражения снятия этой оппозиции.

И в сфере лексики нередко одна и та же лексема употребляется в частном и в обобщенном значении (ср. франц. *homme*, англ. *man* *мужчина* и *человек*; франц. *femme* *жена* и *женщина*). Во французской фразе *L'homme est faillible* *Человек грешен* в обобщающей функции используются: определенный артикль, единственное число, мужской род, настоящее время глагола и лексема *homme*.

б) Оно создает стилистический эффект, служит для выражения эмоций.

в) Оно обеспечивает строевую, служебную функцию.

Итак, отклонение языкового элемента от первичной функции выполняет собственно номинативную, экспрессивную или служебную функцию.

Функция номинации. В этом параметре различаются языковые и речевые номинации. Языковые номинации являются

виртуальными, они используются как орудие для актуальных номинаций в актах речи в условиях знаковой ситуации, когда обозначение непосредственно соотносится с обозначаемым объектом.

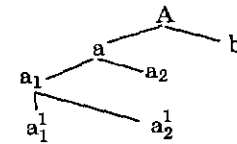
Два типа номинаций различаются прежде всего по характеру номината. Традиционный семантический треугольник различает в семантической структуре слова два аспекта: сигнификат (общее понятие, выражаемое словом) и денотат (конкретный объект, на который указывает слово). Такой же анализ можно применить и к значимым грамматическим морфемам и конструкциям. Иногда различие между сигнификатом и денотатом трактуется как различие преимущественно в объеме понятия: сигнификату приписывается значение обобщенного понятия, денотату — указание на конкретный единичный объект. Однако более правильно видеть различие сигнификата и денотата прежде всего в функциональном аспекте. Номинатом языковых элементов в языковой системе является сигнификат — мыслительный конструкт, понятие, субстратом которого являются внеморфологические объекты. Номинаты языка произвольны в том отношении, что человек в своем сознании, выделяя определенные черты в объектах, группирует их, классифицирует, давая каждому классу обозначение. Благодаря классифицирующей деятельности сознания устраняется бесконечное многообразие, свойственное реальным объектам. Поэтому всякое слово обобщает, снимая индивидуальность объектов. Закрепление понятия определенным названием четко очерчивает круг понятия. Таким образом, благодаря классификации, созданию понятий и наименованию, человек получает возможность ориентироваться в окружающем его мире. Эта необходимость редукции многообразия, «упрощения» мира оказывается для человека биологической необходимостью, ибо, как показывает современная психология и, в частности, наука о восприятии — персевоника, человек воспринимает гораздо более многочисленную, разнообразную и нецеленаправленную информацию, чем любое другое живое существо. Классификация и номинация — первый шаг человека в освоении мира, в его господстве над природой. Это образно выразил Т. Манн в романе «Иосиф и его братья»: «Звери боятся и избегают человека, потому что бог наделил его духом разума и указал ему разряды, на которые все делится... Звери тоже стыдятся нас и поджимают перед нами хвост, потому что мы знаем их и, владея их именем, лишаем силы их рычащую единичность».

Однако человеческая практика делает необходимым создание для некоторых объектов единичных имен, которые отражают не классификационные объединения данного объекта с другими, подобными ему по определенным признакам, но индивидуальные особенности этих объектов внутри данного класса. Так возникают имена собственные, которые указывают на класс предметов, состоящий из одного элемента. Между собственными именами в узком смысле слова (идионимами) и нарицательными существует целая гамма промежуточных явлений, названий групп людей (семей, родов, жителей и др.), кото-

го А. А. Белоцкий называет койнонимами (Белоцкий 1972, 159 и др.). Однако язык не мог бы состоять из небольшого числа слов наименее отвлеченного значения. Слишком редкая сеть понятий, так же как и слишком густая, одинаково бы затрудняли общение. Характерным для языка является более широкое использование слов «среднего» объема значения. Так, в русском языке глаголы *идти, ехать, бежать* используются значительно чаще, чем общий термин *передвигаться*, слова *человек, зверь, птица* — чаще, чем общий признак *фактисмо*. Мартине отмечал, что число различительных признаков в разных языках колеблется от 2 до 4. Большее число различительных черт представило бы затруднения для общения. Эта особенность свойственна и плану содержания: анализ разных лексико-семантических групп показывает, что иерархия дифференциальных признаков включает не более 4–5 ступеней, причем слова, находящиеся внизу иерархии и различающиеся сравнительно редко, или в обычной речи употребляются как синонимы, либо подвергаются генерализации (семантическому опрощению). Наиболее употребительными оказываются слова 2–3 ступеней дифференциации.

I } общий термин

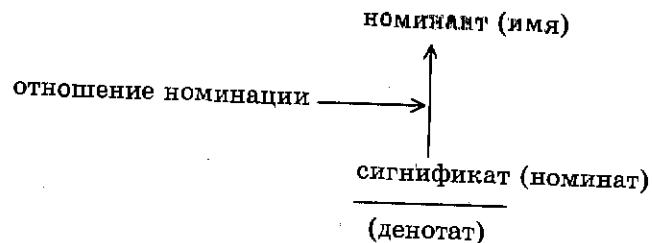
II } степени конкретизации (дополнительные семы)

} наиболее употребительные

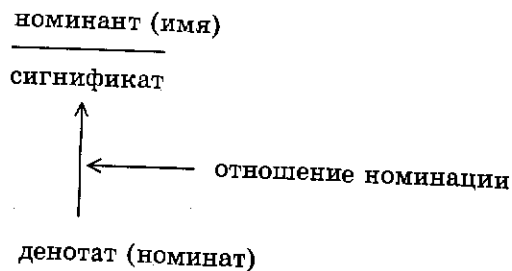
Таким образом, существуют определенные закономерности в членении поля обозначения. Число (единиц обозначения, обозначаемых объектом) у лиц одинакового культурного уровня, хотя и говорящих на разных языках, примерно одинаково. Число значений, выражаемых разными языками, находящимися на одинаковом уровне развития, также сопоставимо. Разумеется, это не значит, что качественная сторона ноэм у разноязыких субъектов или в разных языках аналогична: одно семантическое поле может быть в одном из языков разработано более детально, чем в другом (в другом же — наоборот). Это не означает также одинакового количества слов, ибо, в зависимости от устройства языка, те или иные ноэмы могут быть выражены многозначными словами или словосочетаниями, что ведет к уменьшению числа используемых разных лексем. Хотя можно предположить, что разные языки «набрасывают» на действительность сеть с ячейками в целом примерно одинаковой частоты, сами эти ячейки не совпадают в своих очертаниях, в связи с чем и имеют место различия в «видовой» мира. Кроме того, лексическая сеть не вполне идентична понятийной в силу асимметрии плана выражения и плана содержания.

Итак, на уровне языковой системы номинатом имени является сигнификат, создаваемый в человеческом сознании в результате выявления дистриктивных черт у денотатов. Схематически это может быть представлено следующим образом:

Одно и то же имя может быть соотнесено с рядом сигнификатов, связи с чем единицам языковой системы свойственна многозначность. Подлинной синонимии здесь почти нет, так как каждый сигнификат несколько отличается по фиксируемым признакам от близкого к нему.

В актуализированной речи объектом обозначения являются денотаты — прежде всего реальные предметы, лица, признаки, действия, чувства, а также продукты человеческого сознания: отвлеченные понятия, вымышленные объекты и т. п. Номинация происходит следующим образом: на основании того или иного выделяемого в денотате признака он включается в определенный класс объектов, для которого в языке имеется закрепленное наименование либо может быть сформировано наименование из существующих языковых элементов. Таким образом сигнификат оказывается промежуточным звеном, обеспечивающим сопоставление имени и внеязыкового объекта. Это закономерно, ибо сигнификат относится к сфере человеческого мышления, представляет собой продукт классификационной деятельности сознания, а наименование в речи также в любом случае связано с мыслительной деятельностью: выделением признаков и классификацией. Таким образом, в речевой номинации выделяемые свойства объекта и существующие в языке виртуальные номинации идут навстречу друг другу, причем номинант нерасторжимо связан с сигнификатом и может подвергаться лишь некоторым изменениям во внешней форме. Отношения номинации в речи могут быть изображены таким образом:

Номинаты в речи (денотаты) объективно даны, не зависят от языка и говорящего. Однако субъект номинации производит отбор признаков при наименовании, и от него зависит, какое обозначение будет дано объекту. Если пользоваться терминами Фреге, то номинатор оп-

ределяет смысл, но не значение имени в речи. В языковой системе он формирует и смысл, и значение. Можно говорить, что субъект номинации создает в речи значение, если при этом он формирует новое понятие, давая ему обозначение (явление весьма частое в деятельности ученых, техников и представителей ряда иных профессий).

Вместе с тем, поскольку денотат обладает множеством признаков и отношений к другим объектам и по любому из них он может быть подведен под разные классы объектов и, следовательно, получить различные обозначения, то именно в речи один и тот же предмет может иметь несколько разных имен, которые, не будучи синонимами на уровне сигнификатов, выступают как полные синонимы на уровне денотатов. Таким образом, ограниченное множество многозначных выводов в системе позволяет дать неограниченное множество однозначных обозначений неограниченного множества денотатов в речи. Такое устройство языка обеспечивает два его свойства, необходимые для функционирования языка как совершенного орудия общения:

а) безграничное расширение его номинативных возможностей;

б) безграничное варьирование обозначений, которое позволяет, во-первых, выразить различные эмоциональные и социально обусловленные оттенки обозначения, а, во-вторых, быстро найти наименование объекта, что очень важно для процесса общения.

Актуализация языкового знака, его переход из идеальной системы в практическую речь, сводится, следовательно, к установлению соотношения между тем, что слово значит, и тем, что оно обозначает. Здесь возникает ряд проблем, заслуживающих специального обсуждения. Первая из них — соотношение объекта денотата и сигнификата. Наиболее тривиальным случаем является сужение объема понятия при актуализации. Определение слова *книга* в словаре, отражающее тот сигнификат, который в сознании говорящего по-русски ассоциируется с данным звуковым комплексом, охватывает все члены данного класса объектов. Во фразе *Эта книга стоит не на месте* речь идет о единственном представителе класса, конкретном объекте *hic et nunc*. Но возможны и иные случаи, когда обозначение охватывает несколько данных предметов, их определенное или неопределенное количество и даже весь класс объектов, как, например, в общих суждениях типа: *Любите книгу — источник знаний*. С другой стороны, денотат и сигнификат совпадают по объему при употреблении имени собственного или *nomina propria*: *Луна выплыла из-за туч*. Объем актуализированного понятия определяется при помощи различных детерминативов, кванторных слов, артиклей либо может вытекать из контекста. Механизм языковой актуализации был подробно раскрыт Ш. Балли (в семасиологическом аспекте) и Г. Гийомом (в ономасиологическом аспекте). Если теория Балли хорошо у нас известна благодаря переводу его книги, то теория Г. Гийома заслуживает самого пристального внимания, ибо это была одна из первых обстоятельных попыток подойти к употреблению грамматических форм в психолингвистическом плане, причем в аспекте кодирования, порождения речи (Guillaume 1969). В предложении мо-

гуют сочетаться номинации различного объема: единичные, общие, всеобщие. Высказывание *Мой старший сын — студент* включает подлежащее, обозначающее единичный объект, и сказуемое всеобщего значения, обозначающее весь класс объектов, в который включается субъект. Сказуемое по объему совпадает с сигнификатом. В общем высказывании типа *Кошка — млекопитающее* оба члена имеют объем, равный сигнификату. Чем шире объем понятия, тем оно беднее содержанием, и сказуемое, выраженное словом всеобщего значения, указывает лишь на некоторые признаки субъекта. Приведенные примеры показывают, что понятия сигнификата и денотата различаются не по объему значения, но в функциональном отношении: сигнификат есть номинал слова как языка-системы, его обозначаемое, денотат — номинал слова в речи, его обозначаемое.

Второй вопрос, заслуживающий внимания, хотя и не относящийся непосредственно к номинации, — вопрос о референтности имен. В логике, особенно в семантической логике, ведутся многолетние споры о том, у каких слов в высказывании имеются референты, то есть объекты действительности, на которые указывают эти слова. Здесь в свою очередь возникает две проблемы: проблема так называемых «пустых» имен и проблема предикатных слов. Логика проводит различие между именами, указывающими на существующие объекты и такими именами как *Пегас, Русалка, Гамлет*, не относящимися к реальным объектам. Для логики, изучающей отношения форм мышления к бытию, эта проблема существенна. Однако, для лингвистики ее можно считать irrelevantной. Лингвистика изучает отношение форм языка к мышлению (а через него — к действительности). Предметом же человеческого мышления могут быть не только отображения реально существующих объектов, но и продукты деятельности самого мышления, идеальные образы и объекты. Современная психология показала, что все фантазии человека сводятся к модификации, транспозиции или перекомбинированию элементов, которые добыты его сознанием в результате отражения объективной действительности, но эта способность к перекомбинированию, к фантазии необходима для человека как для биологического вида. Фразы, содержащие такие «нереферентные» имена, правильны в тех же случаях, что и все прочие фразы. Во-первых, если они говорят о том, что вытекает из свойств, которые человек приписывает своим созданиям (например, в отношении русалки, представляющей собой комбинацию женщины и рыбы, правильной будет фраза *Русалка плышет и неясной Русалка летит*). Во-вторых, если они употреблены в соответствующих условиях, например, при изложении сказок, литературных произведений и т. п.

Более сложен и лингвистически важен вопрос о референтности слов, относящихся к существительным. Обычно в логике считают, что референтная функция имеется только у имен и именных групп, тогда как глаголы и прилагательные лишены ее (Fauconnier 1974, 7). Это логическое различие, даже если его признать правильным, мало что дает для собственно лингвистического анализа предложения. Разумеется,

логический статус имен, обозначающих реальные предметы, иной, нежели статус абстрактных имен, имен действия, прилагательных, глаголов, обозначающих процессы, качества. Различны условия их логического формирования. Понятия, охватывающие конкретные объекты, формируются по иерархии типа «быть», они отражают отношения включения. Понятия, относящиеся к качествам и действиям (предикатным словам), образуются по иерархии типа «иметь» и отражают отношения пересечения (ибо качество само по себе не существует, оно присуще определенному объекту). Но в лингвистическом плане эти различия оказываются не решающими, в частности, различия между именем и глаголом. Так же как и имя, глагол (да и прилагательное) при переходе из языка в речь претерпевает актуализацию, определяя свой объем, что нередко выражается специализированными средствами. Так, для глагола, по мнению Ш. Балли, актуализаторами выступают личные местоимения и флексии спряжения, которые выполняют функцию, подобную той, что несут артикли (детерминативы) и флексии числа у существительных. Г. Гийом, со своей стороны, показывает полный параллелизм этапов актуализации у названий объектов и названий действий.

В языковой системе глагол обозначает действие, выполняя при этом такую же обобщающую функцию, устраняя разнообразие конкретных проявлений данного действия, как и имя в отношении объекта. То же самое можно сказать о прилагательном, обозначающем признак или качество. Глагол, следовательно, соотносится с сигнификатом, который можно определить лексикографически. В высказывании, так же как и имя, он может обозначать действие в его всеобщности либо указывать на конкретный способ его осуществления определенным субъектом. Правда, с артиклями у имени следует сравнивать, пожалуй, не только наклонения глагола (как это делал Гийом), но определители, указывающие на единичность, специфичность осуществления действия.

Вот некоторые примеры:

Всеобщая референция (объем денотата равен объему сигнификата):

Любите книгу: она источник знаний.

Не следует кричать в общественных местах.

Конкретная неопределенная референция:

Он читал книгу.

На дворе кричал соседский мальчик.

Конкретная определенная референция:

Чья это книга? Эта книга принадлежит моему брату.

Кто это там так кричит? Это кричит соседский мальчик.

В последнем примере речь идет о вполне определенном, конкретном предмете (такая-то книга) и об определенном индивидуализированном действии (мальчик кричит таким-то образом).

Естественно, слова-предикаты не нуждаются в конкретной референции так часто, как слова-субстанции. Но в случае необходимости это достигается грамматическими средствами, а также дейктически-

ми словами типа *так, такой*. Прилагательные выступают в обобщающем значении (в объеме сигнификата) в функции сказуемого и в индивидуализированном значении в функции атрибута. Во фразах *Это яблоко, а не груша, Это яблоко желтое, а не красное* слова *яблоко, красное* употребляются в родовом значении (в объеме сигнификата) и обозначают признаки субъекта высказывания. Однако в предложении *Возьми это красное яблоко* может индивидуализироваться не только предмет, но и его свойство (краснота этого яблока не такова, как у другого, подобно тому как это яблоко не похоже на другое). Не случайно, быть может, во многих языках (русском, немецком) формы прилагательного в позиции предиката и атрибута различаются (в первом случае они более обобщенные). Действия или признаки могут идентифицироваться подобно предметам: *Я принес ту книгу, которую ты просил; Он прочел эту фразу точно так же, как и ты (прочел ее); Это яблоко такое же красное, как и то*. Неопределенный и определенный субъект у глаголов могут обобщать или индивидуализировать действие: ср. *Я люблю слушать, когда читают стихи и Когда он читает стихи, все слушают не отрываясь* (в последней фразе речь идет об индивидуальной манере выполнять определенное действие). Во многих случаях противопоставление обобщенности и индивидуальности снимается. Фраза *Я люблю работать, сидя на диване* может иметь значение и обобщенное (на диване, а не за столом) и вполне конкретное (на моем диване). В отношении слов акциденций такая нейтрализация проявляется еще чаще.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что все значимые слова в высказывании референтны в том смысле, что они указывают на элементы внелингвистической действительности, которые могут браться в разном объеме — от всеобщности до конкретной единичности. При этом единичность следует понимать не только в количественном, но и в качественном отношении.

В заключение еще раз обобщим различия между языковыми и речевыми номинациями.

Языковые номинации характеризуются устойчивой связью между номинантом и номинатом, у речевых эта связь неустойчива.

У языковых номинаций номинат-сигнификат, результат условного членения мира данным языковым коллективом; у речевых — номинат-денотат, объективно заданный говорящему.

Языковые номинации не всегда мотивированы; речевые номинации всегда мотивированы в том смысле, что при определенном освоении денотата мышлением он получает обязательную для данного языка форму. Так, мы не можем сказать, почему животное *canis canis* называется по-русски «собака», но мы всегда можем объяснить, почему в речи мы назвали данное животное собакой¹.

Объект номинации. В зависимости от обозначаемого объекта различаются два типа номинации: элементная и событийная (ситуативная)¹.

Элементная номинация обозначает определенный элемент действительности: предмет, качество, процесс, отношение, любой реальный или мыслимый объект. Номинантом здесь может быть слово или словосочетание (в этом случае говорят о лексической номинации), значимая морфема, синтаксема, интонаема.

Событийная номинация в качестве номината имеет микроситуацию, то есть событие, факт, объединяющий ряд элементов. Она имеет внешнюю форму предложения, в связи с чем к ней приложим термин *пропозитивная номинация*.

Соотношение элементной и событийной номинации в речи есть отношение части к целому. Конечным актом семиозиса являются пропозитивные знаки — предложения, по отношению к которым слова и морфемы, составляющие систему языка, оказываются строительным материалом. Если рассматривать предложение как знак, то именно оно является полным знаком, тогда как входящие в него значимые элементы — частичными. Разумеется эти определения не должны пониматься механистически: есть предложения, состоящие из одного слова, как есть словосочетания, не образующие предложения. «Полнота» знака заключается в завершенности семиотического акта, в процессе которого языковые формы сопоставляются с осознаваемой актуализированной внешнелингвистической действительностью, а не с отдельными концептами. Даже если отдельное слово выступает в качестве целого предложения, оно должно «дополниться» предикующими средствами, лингвистически выражающими этот семиотический акт (финитная форма глагола, интонация).

В некоторых работах высказывается мнение, что слово вне предложения не бывает знаком (Ветров 1968, 57), поскольку оно соотносится с сигнификатом (имеет смысл), а не с денотатом (то есть не имеет значения). Но выше мы говорили, что языковому элементу может противостоять в качестве номината не только реальный предмет, но и мысленный конструкт. Следовательно, соотношение между словом вне речи и выражаемым им понятием следует считать также знаковым отношением. Коммуникативная функция не является единственной функцией языка; он служит также для осознания мира. Если слова вне речи не нужны для сообщения, то они нужны для познания мира.

Элементная номинация имеет две функциональные разновидности: в языке и в речи. Различия между ними рассматривались выше, в связи с актуализацией. Употребление термина *слово* в обоих значениях составляет терминологическое неудобство, некоторые лингвисты

¹ Термины *лексическая* и *пропозитивная* номинация отражают лишь внешнюю форму обозначений. Поскольку у нас речь идет об объекте номинации, мы пользуемся определениями, отражающими характер номината. Определения *событийная, ситуативная* номинация используются как синонимы.

¹ К этому различию и сводится фактически расхождение во взгляде на произвольность знака у Соссюра и Бенвениста.

предлагали терминологически различать слово в языке и в речи (семантема и синтаксическая молекула у Ш. Балли, монема и автономная синтагма у А. Мартине, семема и слово у Г. Надя и др.).

Событийная номинация также имеет две функциональных разновидности: языковую и речевую. На уровне языка-системы предложение в своей модели соотносится с определенным классом событий (ситуаций), который формируется в человеческом сознании путем отвлечения от множества однотипных ситуаций. Определенный класс событий (ситуаций) составляет сигнификат модели предложения. Таким сигнификатом может быть указание на процесс, производимый субъектом, на его состояние, на качество или классификационную отнесенность субъекта, на отношение субъекта к другой субстанции, его воздействие на эту субстанцию, бессубъектное событие или состояние и т. п. Семантический синтаксис стремится исчислить и систематизировать сигнификаты предложений, общие выражаемые ими значения¹. Разумеется, число различных сигнификатов событийных номинаций бесконечно меньше количества сигнификатов элементарных номинаций. Но здесь имеется известная аналогия. Услышав слово *стол*, мы представляем себе определенный предмет, слово *яблоко* связывается в нашем представлении с другим предметом. Так же и модель предложения $N + V$ связывается в нашем представлении с описанием или состоянием или действия, модель $N + V_{\text{сop}} + A$ с описанием качеств такого-то предмета. В процессе говорения конкретное описываемое событие подводится под определенный класс событий. Избираемая в соответствии с ним синтаксическая модель наполняется лексическим материалом и оформляется интонационно. Так, с одной стороны, актуализируется виртуальная модель предложения, а с другой, получает наименование конкретное событие.

Использование одного термина (*предложение*) для обозначения двух функциональных разновидностей событийной номинации также оказывается неудобным, в связи с чем в языкознании используется терминологическая пара: «структурно-семантическая модель предложения» (или просто «предложение») и «высказывание».

Взаимоотношение типов номинаций в зависимости от функции и номината можно представить так:

объект (номинат)	функция	
	языковая	речевая
элементарная ²	слово в языке (лексема)	слово в речи
событийная	модель предложения	высказывание

Из этих четырех типов номинаций полярными оказываются слово в языке и высказывание. Две других номинации занимают промежу-

¹ См. опыты подобного рода в работах Алисова 1971, 35–39; Москальская 1974).

² В качестве примера взяты лексические номинации, аналогичным образом функционально «раздваиваются» и значимые грамемы.

точное положение. У двух полярных типов номинаций и противоположные функции в языке, которые можно определить формулой: человек говорит высказываниями, знает язык (и мир) через слова.

Элементарные номинации классифицируются в зависимости от характера обозначаемого элемента. В окружающей действительности человек выделяет прежде всего предметы, обладающие характеристиками пространственного порядка, связанные с ними процессы (события или состояния), характеризующиеся во временном плане, связывающие их отношения, признаки предметов и процессов. Так создается объективная основа для выделения основных классов номинаций: существительных, глаголов, прилагательных, наречий, числительных (обозначают количественные отношения), служебных слов (обозначают отношения между предметами и процессами)¹. Эти элементы ситуации выражаются в любом языке, хотя конкретные системы частей речи группируют их специфическим образом.

Сочетание двух элементов образует сложный (или квалифицированный) элемент ситуации (например, предмет + признак; действие + предмет; предмет-часть + предмет-целое и т. п.).

Событийные номинации классифицируются в зависимости от характера обозначаемой ситуации. Здесь различаются бессубъектные процессы (*Темнеет*), действия и состояния субъекта (*Мальчик бежит*; *Ребенок спит*), и другие, упомянутые выше, для которых в языке имеются специфические средства выражения. Событийные номинации кроме того могут обозначать простое событие либо два или несколько событий, находящихся в определенных отношениях, образующих сложное событие (формой прямой номинации последнего является сложное предложение).

Событие или ситуация как номинат высказывания представляет собой сложное и многоплановое образование. Р. Мишеа (*Michéa* 1967, 13–15) отмечает в ситуации три аспекта: тематический (то, о чем говорят), стилистический (отражающий взаимоотношения между собеседниками и условия, в которых осуществляется акт речи) и психологический (определяющий вербальные реакции на различные импульсы (уверенность, сомнение, предположение, восхищение и т. л.).

К ним следует добавить информативный аспект, показывающий степень знания ситуации говорящим и коммуникативную цель высказывания. Высказывание, в котором все эти аспекты получают обозначение, охватывает таким образом все внешние и субъективные стороны ситуации и отвечает на вопрос, о чем, кем, в каких условиях и с какой целью говорится. Соответственно, в высказывании выделяются четыре аспекта: денотативный (в узком смысле термина), модальный, социальный и информативный (коммуникативный). Номинативная сторона охватывает все эти четыре стороны и противопоставляется его структурной стороне. Общая семантическая структура

¹ См. анализ подклассов лексических знаков в (Уфимцева 1974).

высказывания (Е) на глубинном уровне может быть представлена так (в отвлечении от временного параметра):

В высказывании обозначаются все четыре аспекта, в связи с чем знаковую функцию предложения не следует сводить к одной лишь денотативной стороне: в предложении обозначаются и модальность, и социальный аспект, и актуальное членение. О том, что последние три аспекта могут быть предметом знаковой репрезентации, свидетельствует косвенным образом тот факт, что они могут передаваться специфическими средствами на письме (знаки препинания, подчеркивания, шрифтовое выделение, знаки ударения и т. п.) и в искусственных знаковых системах в случае необходимости (так, императивная положительная и отрицательная модальность передается особыми элементами в системе знаков уличного движения).

Компоненты ситуации обозначаются разными средствами. Например, информативная сторона (актуальное членение, вопрос и ответ, детерминация) обозначаются просодическими способами (интонация), синтаксическими (порядок слов), лексическими или морфологическими. Вежливость (социальный аспект) может обозначаться лексически (*скажите, пожалуйста, как пройти на такую-то улицу*), синтаксически — вопросительной формой предложения (*Не скажете, как пройти туда-то?*), «уменьшительной» формой слова (как в разговорно-просторечном: *Не подскажите, как пройти туда-то*). При построении целого высказывания различные средства взаимодействуют и компенсируют друг друга.

Элементарные номинации, взятые в отдельности, также отражают модальный и социальный аспекты. Первый из этих аспектов формирует экспрессивно-эмоциональную окраску номинации, второй — ее функционально-стилевую характеристику (включая выражение вежливости). Разумеется, здесь нет полного единообразия. С одной стороны, многие слова не имеют этих дополнительных компонентов значения (стилистически нейтральная лексика), с другой — в языке имеются (правда, немногочисленные) слова, основной функцией которых является обозначение рациональной или эмоциональной оценки события говорящим (модальные слова), и слова, специально обозначающие условия общения (формулы вежливости: *пожалуйста, спа-*

сибо; обращения: *товарищ, друг мой*). В отличие от событийной, отдельно взятая элементарная номинация не отражает информативного аспекта, хотя существуют слова и морфемы, которые специально обозначают этот аспект в составе высказывания (вопросительные и эмфатические частицы и др.).

Внешняя форма номинации. С точки зрения внешней формы в языке существуют два исходных способа номинации: *самостоятельный* (лексический) и *несамостоятельный* (грамматические, интонационные средства). Ими могут быть оформлены элементарные, частичные номинации. Полная ситуативная номинация комбинирует оба способа — самостоятельный и несамостоятельный.

Несамостоятельным способом могут быть обозначены только широкие классы предметов, качеств, отношений, процессов. Лексический способ позволяет обозначить объекты с какой угодно степенью подробности. Так, несамостоятельным грамматическим способом можно обозначить различие между одним предметом и множеством, однако более точное количественное определение может быть выражено только лексически; несамостоятельные словообразовательные суффиксы могут обозначать различие между незрелой и зрелой особью (*кот — котенок*), но более точное обозначение возраста достигается лексическими средствами. Хотя типология внешних форм несамостоятельных номинаций представляет большой интерес, мы остановимся на типологии внешних форм самостоятельных номинаций.

Исходными ядерными формами (прямыми номинациями) для следующих типов номинатов являются:

номинат	прямая номинация
элемент ситуации	знаменательное слово (M)
сложный элемент	словосочетание (M + MI)
ситуация (событие)	простое предложение (S)
события в их отношении	сложное предложение (S + S1)

Однако, в силу асимметрии, каждая из четырех структур может приспособливаться для обозначения других номинатов, выступая в качестве косвенной номинации, согласно таблице:

→	M	M + M ₁	S	S + S ₁
M	M → M	M → M + M ₁	M → S	—
M + M ₁	M + M ₁ → M	M + M ₁ → M + M ₁	M + M ₁ → S	M + M ₁ → S + S ₁
S	S → M	S → M + M ₁	S → S	S → S + S ₁
S + S ₁	—	S + S ₁ → M + M ₁	S + S ₁ → S	S + S ₁ → S + S ₁

На пересечении однотипных структур фиксируются *внутриклассные* транспозиции, на пересечении разных структур — *межклассные*. Внутриклассные транспозиции основываются на парадигматических отношениях внутри данного класса, межклассные транспозиции патрагивают одновременно и синтагматические отношения. Рассмотрим

кратце вначале внутриклассные транспозиции, затем — межклассные.

1. $M \leftrightarrow M$. В зависимости от того, какой элемент обозначается — субстанция, процесс, качество субстанции и процесса, — элементная номинация принимает форму существительного (N), глагола (V), прилагательного (A), наречия (D) там, где различаются эти части речи. Отношение (R) регулярно может обозначаться служебным словом. Перевод номинации в другую часть речи осуществляется обычно особыми транспозиционными формантами в пределах слова согласно формуле $M \rightarrow Ma$, где M — семантема, а a — аффикс транспозиции. Теоретически исчисляется 12 типов транспозиции для 4 основных классов (N, V, A, D), например: $N \rightarrow Na = V$ (*стекло — застеклить*), $N \rightarrow Na = A$ (*город — городской*) и т. п.

Эти типы транспозиций хорошо изучены в литературе, и мы не будем останавливаться на них. К 12 типам добавляются транспозиции связанных номинаций (междометия, служебные слова, местоимения), например: *ух!* → *ухнуть*, и др.

Асимметричные формы возникают в случае конверсии, когда знак транспозиции в слове отсутствует и, следовательно, определенный элемент плана содержания (а) остается без обозначения ($Ma \rightarrow M$), так что соотносительность номинации с определенным типом номината определяется только окружением. Например: *robe sport* ($N \rightarrow A$), *столовая* (из *столовая комната*, $A \rightarrow N$).

2. $M + M_1 \rightarrow M + M_1$. Здесь транспозиции заключаются:

а) во взаимозамене господствующего и подчиненного членов словосочетания (интерверсия, по Ш. Балли), например: *после двухнедельного отдыха — после двух недель отдыха*; *Он беспрестанно смеется — Он не перестает смеяться*; *после завершения труда — после завершения труда*;

б) в замене одного типа отношений другим; например: локальные отношения вместо определительных: *дом у дороги, шторы на окнах, вход в метро, поезд на Москву* (вместо *московский поезд*).

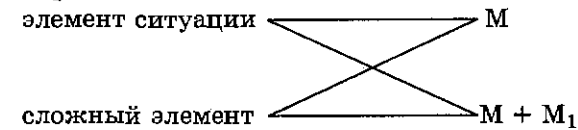
3. $S \rightarrow S_1$. Внутриклассная транспозиция ситуативных номинаций имеет место при замене одного структурно-семантического типа предложения другим, а также при изменении ориентации предложения. Основными типами предложения являются предложения с предикатом состояния $N + V$, активного действия $N + Vt + N$, отношения $N + Vt + N$, квалификации и идентификации $N + Vc + N(A)$, бессубъектным (V), локальным $N + Vi + N$. Эти типы могут взаимозаменяться при выражении одного и того же значения. Например: *Он боится* ($N + V$, состояние); *Он — трус* ($N + Vc + N$, квалификация); *Он испытывает страх* ($N + Vt + N$, отношение). Может меняться ориентация предложения (*Его охватил страх*). Различные формы ситуативной номинации образуются с помощью: а) увеличения числа актантов — развертывания предиката (*дождит* → *дождь идет*; *он съездил в N* → *он совершил поездку в N*) или введения дополнительного актанта, ясного из ситуации (*раздался шум* → *он услышал шум*); б) качественно-

го изменения актантов, заменой их функций (*он перевел эту книгу* → *им переведена эта книга*).

4. $S + S_1 \rightarrow S + S_1$. Возможна взаимозамена разных типов сложных предложений: сложносочиненных и сложноподчиненных, а внутри каждого типа — транспозиция подтипов (например, употребление определительных придаточных вместо обстоятельственных и наоборот).

Межклассные транспозиции мы будем рассматривать «попарно», в свете перекрестной асимметрии.

1. $M \rightarrow M + M_1$.

Отношения прямой номинации обозначены прямыми линиями, косвенной — наклонными. Возможны два типа косвенной номинации:

а) обозначение одного элемента ситуации словосочетанием (развернутая номинация);

б) обозначение сложного элемента ситуации, определения с его определяемым, одним словом вместо словосочетания (конденсированная номинация).

А. Развертывание номинации может принимать двоякий вид:

а) без транспозиции значимого элемента (только в синтагматическом аспекте, по формуле $M \rightarrow M + M_1$). Сюда относятся:

— аналитические грамматические формы: *самый сильный* (ср. *сильнейший*); *буду читать* (ср. *прочитаю*); фр. *ne ... pas* (ср. русск. *не*) и т. п.;

— сочетания фразеологизированного типа с семантически избыточным компонентом, который в простой структуре отсутствует совсем или репрезентируется морфемой: *повернуть голову* (ср. *повернуться*), *гром гремит* (ср. *гремит*), *détourner les yeux* (ср. *se détourner*);

б) с транспозицией значимого элемента (в синтагматическом и парадигматическом аспектах одновременно, по формуле $M \rightarrow a + Ma$).

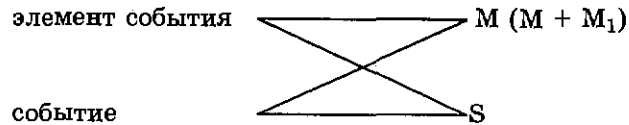
Развернуто-транспонированная форма состоит из двух элементов: служебного, выступающего в качестве транспозитора, и знаменательного, отличающегося от простого слова по своей принадлежности к другой части речи.

Б. Конденсация номинации также может принимать двоякую форму:

а) без транспозиции путем устранения специализирующих определений и сужения значения основного слова, по формуле $M + M_1 \rightarrow M$ *повышенная температура* → *температура*; *поступить в институт* → *поступить*;

б) с транспозицией значимого элемента (в синтагматическом и парадигматическом аспектах одновременно, по формуле $M + M_1 \rightarrow M_1$): *транзисторный (M₁) приемник (M)* → *транзистор (M₁)*.

2. $SM \rightarrow M (M + M_1)$.

А. Обозначение события элементарной (простой или сложной) номинацией обычно осуществляется с помощью процессных существительных, образованных от глаголов или прилагательных. *После того как Петр пришел... → После прихода Петра.* Это — обычный прямой способ транспозиции. Формами косвенной номинации являются:

а) конденсированные структуры, где указание на процесс опускается и ситуация обозначается предметным существительным: *Я не смог уйти из-за того, что ко мне пришел Петр → Я не смог уйти из-за Петра;*

б) развернутые структуры с десемантизированными словами типа *то обстоятельство, что...; тот факт, что...; тот человек, который;*

в) транспонированные структуры, без формального средства транспозиции, например, в русской разговорной речи: *Молоко привозит (= тот человек, который молоко привозит) сейчас в отпуске¹.*

3. $S \rightarrow S + S_1$. Простое предложение заменяет сложное, если один из сопряженных процессов обозначен элементарной номинацией. См. выше: *Я не смог уйти (S), так как ко мне пришел Петр (S₁) → Я не смог уйти из-за прихода Петра (S).*

Напротив, простое предложение приобретает форму сложного при употреблении некоторых типов последнего в несобственной функции. Сюда можно отнести факты типа французской выделительной конструкции *C'est Pierre qui est venu*, которая внешне имеет форму сложноподчиненного с определительным придаточным, но фактически выделяет член простого предложения.

Транспозиции $M + M_1 \rightarrow S + S_1$ теоретически возможны, но фактически реализуются редко ввиду громоздкости исходной или конечной трансформы (сложное предложение с придаточным второй степени). Транспозиции $M \rightarrow S + S_1$ теоретически невозможны ввиду большой дистанции двух форм (максимальная конденсация в M и максимальное развертывание в $S + S_1$).

Косвенная номинация иногда выступает синонимом прямой. Ср. *Они работают непрерывно → Работа их непрерывна* (Чехов). Но во многих случаях «форма существенна»: косвенная номинация привносит свой категориальный оттенок значения. Так, при описании события естественно использовать пропозициональную номинацию, однако при его идентификации более естественной оказывается субстантивная форма, ибо идентификация осуществляется легче всего по отно-

шению к объектам. Ср. — *Лед тронулся! Ребята, лед идет! — Это еще не ледоход! — говорят на мосту. — А вот будет ледоход, когда лед с верховьев пойдет!..* (Чехов).

Способ обозначения. Номинации в аспекте способа обозначения могут различаться: а) по связанности или обособленности обозначения; б) по внутренней форме (характеру признака, который берется за основу номинации); в) по связи внешней структуры и значения слова (по степени мотивированности).

А. Связанность/обособленность номинаций касается их семантических и грамматических особенностей.

1) *Расчлененные/нерасчлененные* номинации. В первом случае в пределах номинации, обозначающей более чем один элемент, можно выделить компоненты, специально их обозначающие. Во втором случае данные элементы обозначаются синкретично, совместно. Противопоставление этих типов обозначений касается как элементарных, так и ситуативных номинаций.

Элементарные расчлененные номинации: *тигр-ица, волч-иха, гусыня, свиноматка* — название животного и его пола выражается отдельными морфемами (ср. общие обозначения этих животных: *тигр, волк, гусь, свинья*). Элементарные нерасчлененные номинации: *кобыла, корова*, где пол выражается той же морфемой, что и сам биологический вид (морфема грамматического женского рода не является здесь релевантной, ибо слова женского рода могут быть общим наименованием животного, независимо от пола, ср.: *лошадь, антилопа, лягушка, змея* и т. п.).

Ситуативные расчлененные номинации имеют форму предложений; даже если предложение состоит из одного слова, то имеются специальные предикативные показатели. В ситуативных нерасчлененных номинациях невычленимы субстантивные, процессные, качественные, реляционные элементы ситуации, обозначаемые обычно соответствующими частями речи. К нерасчлененным ситуативным номинациям относятся междометия, выражающие чувства и приказания, различные «вербальные рефлексы», не обладающие расчлененной семантической структурой. Высказывания *На!* и *Держи!* обозначают одну и ту же ситуацию: собеседнику передают некоторую вещь, предлагая, чтобы он принял ее в руки. В глагольных высказываниях отдельно обозначается само действие (корневой морфемой: *держ*) и адресат и модальность высказывания — приказ, обращенный к единичному собеседнику (морфемой *-и*). В междометном слове *на!* оба значения выражены синкретично, нераздельно. Такое же различие между *ай!* и *Мне больно!*, *увы!* и *Я сожалею об этом* и т. п. Многие глагольные формы и целые фразы, обозначающие настроения, переживания, ответные реакции, подвергаются семантическому переразложению и превращаются в своего рода междометия. Например, русск. *вот те на!*, где *те* уже не указывает на собеседника, к которому обращаются на «ты», франц. *tiens!* или *Allons!*, в которых форма

¹ Пример взят из (Русская разговорная речь, 439).

императива уже не соотносится реально с единственным или множественным числом собеседника.

2) *Самостоятельные/несамостоятельные* номинации. Первые оформляются знаменательными словами, вторые — служебными словами и грамматическими элементами. Мы говорили об этой оппозиции при описании номинативных средств языка (ср. *внутри* и *в*; фр. *toi* и *je*).

3) *Непосредственные/опосредованные* номинации. В первом случае номинат обозначается непосредственно тем названием, которое для этой цели существует в языке (собственное имя, нарицательное имя и др.). Во втором случае наименование опосредовано соотносительностью с ситуацией разговора или с предшествующим обозначением того же номината. Средствами опосредованной номинации являются различные местоименные и дейктические элементы (ср. *Петя дал книгу брату* и *Он ему ее дал*). Номинация может быть одновременно и опосредованной и несамостоятельной (как служебные местоимения типа французских *je, le, leur*). Если несамостоятельные номинации являются связанными в структурном смысле, то опосредованные — в семантическом. Вне связи со своим семантическим субстратом, определяемым речевой ситуацией или контекстом, они употребляться не могут. Опосредованные номинации могут обозначать не только субстантивные номинаты, но и другие элементы, и даже ситуативные номинации могут принимать опосредованную форму. Внутреннее содержание опосредованной номинации заключается в установлении тождественности (или нетождественности) данного номината с другим, который был или будет назван или известен говорящему (входит в общую для собеседников пресуппозицию). Это позволяет при именовании ограничиваться указанием на дополнительные признаки объекта либо на грамматические признаки обозначающего его слова.

Опосредованной номинацией субстанций являются местоимения-существительные. Опосредованной номинацией качеств являются местоименные прилагательные *такой, другой, тот же самый*. Местоимения-прилагательные указательные (*этот, тот*) и притяжательные (*мой, твой*) обозначают не качества объекта, но сам объект по его отношению к участникам речи¹. Соответственно, опосредованной номинацией обстоятельств, отношений и качеств действия являются местоименные наречия (*здесь, туда, там, тогда*), наречные предлоги (*впереди, позади, кругом*), употребляемые без существительного, наречия *так, так же, по-другому, по-своему* (*он сделал это по-своему*) и другие. Во многих языках имеются способы опосредованной номинации самого действия (местоименный глагол *to do* в английском языке, *le faire* во французском). Кроме того, для опосредованной номинации во всех языках употребляются глаголы, которые обозначают

идентичность или неидентичность действия (*подражать, повторять, следовать, что сказано, послушаться*), его осуществление (*достичь, суметь, выполнить*), субъективное отношение к действию (*отказаться, согласиться*), его протекание (*начать, кончить, продолжать*). Они могут обозначать любое конкретное действие, если такое уже известно из контекста или ситуации. Благодаря им избегается повтор глагола, как благодаря местоимению — повтор существительного. Например:

Доктор разинул рот, хотел было что-то сказать, но не сказал ничего (Чехов). *Le docteur voulut dire quelque chose, mais n'y parvint pas.* В переводе во втором случае употреблен глагол (букв. «не смог этого сделать»), точный смысл которого опосредован лишь соотносительностью с предыдущим обозначением того же действия.

И, наконец, существуют способы опосредованной номинации целой ситуации, позволяющие избежать повтора всего предложения. Они включают глаголы общесобытийного значения типа *происходить, случаться, обстоять, иметь место* и т. п. Таковы в русском языке обороты: *То же случилось с...* (в.); *То же имело место с...*; *Так же обстоят дела с...*, французский *il en est de même de...* Опосредованная номинация события может осуществляться транспонированной формой — существительным: *Такой же случай произошел с...*; *c'est le cas de...*, в том числе и местоимениями, замещающими целое предложение: *это, то*; фр. *le «neutre»*.

Среди трех отмеченных оппозиций ядерными, исходными следует считать *расчлененные, самостоятельные* и *непосредственные* номинации, которые характеризуются отдельностью, несвязанностью, спонтанностью самостоятельно и отдельно обозначать номинат. Их противопоставлены в оппозициях: нерасчлененные, несамостоятельные и опосредованные номинации — являются вторичными, производными. Их общим свойством является связанность, то есть неспособность обозначать объект отдельно от другого объекта (у нерасчлененных), независимо от обозначения другого объекта (у несамостоятельных) и независимо от предыдущего знания данного объекта (у опосредованных). Формально это свойство проявляется в том, что они не могут составлять ответ на вопрос, который является простейшим и наиболее явным способом употребления языкового элемента с целью номинации:

	Приемлемый ответ	Неприемлемый
— Что с тобой?	— Мне больно.	*— Ай-ай! (нерасчлененная номинация)
— Куда это положить?	— В шкаф.	*— В. (несамостоятельная номинация)
		*— Внутрь. (опосредованная номинация)
— Кто это?	— Вася.	*— Он. (то же)

¹ Следует отметить, что указательное местоимение *этот* может выполнять обе функции: указывать на предмет (*я хочу взять эту книгу, а не ту*) и реже — на качество предмета: *эта (= такая) книга мне не нравится*.

Опосредованная номинация становится возможной, только если объект известен из ситуации. Вместе с тем отмеченные три типа оппозиции показывают постепенное ослабление связанности номинаций, которую схематически можно представить так:

1. Нерасчлененная номинация
2. Несамостоятельная номинация
3. Опосредованная номинация

АВ		
А	В	
А		В

В первом случае признак А при восприятии и обозначении вообще не отделяется от признака В. Во втором случае он имеет собственное обозначение, которое однако может употребляться только вместе с номинантом В. В последнем — его обозначение может употребляться отдельно, но соотносится с номинантом и следовательно осуществляет свою номинативную функцию через связь с номинантом В.

В. Внутренняя форма номинации определяется тем признаком, который выбирается в качестве различительного и кладется в основу наименования.

Признаки эти чрезвычайно разнообразны и определяются физическими свойствами предмета, его отношениями к другим предметам, так же как и отношением субъекта номинации к нему. Здесь различаются следующие оппозиции:

а) *Обобщенная/индивидуализирующая* номинации. Они определяются степенью индивидуализации тех признаков, которые выделяются при обозначении, а также — в речи — объемом понятия, под которое подводится именуемый объект. Языковые системы прежде всего различаются объемами формируемых номинаций, а внутри системы — обозначения, которые можно использовать по отношению к одному и тому же объекту, также различаются по объему. Здесь можно привести множество классических примеров. Русское слово *река* охватывает значение французских *fleuve* (река, впадающая в бассейн) и *rivière* (река, впадающая в другую реку), *часы* соответствуют французским *montre* (наручные), *pendule* (настенные), *horloge* (башенные); французский глагол *couper* охватывает значение русского *рубить* (топором), *резать* (ножом), *стричь* (ножницами). Эти расхождения объясняются тем, что в одном из языков не фиксируются дополнительные дифференцирующие признаки, указанные в скобках.

Различия в объеме номинаций отмечаются и внутри языка, где часто можно найти гипероним (номинация широкого значения) и гипоним (номинация узкого значения). Например, французское *cours d'eau* является гиперонимом по отношению к *fleuve* и *rivière*, русский глагол *прибыть* — по отношению к гипонимам *прийти*, *приехать*, *прилететь*, дифференцирующим способ передвижения.

Различие в объеме особенно характерно для речевых номинаций, где один и тот же объект может быть подведен под понятия разного объема. Например, о приехавшем на работу начальнике можно сказать: *Иван Петрович уже приехал* или *Начальник уже прибыл*; во

втором случае и само лицо и его действие получают более обобщенные обозначения. Соединение ряда обобщенных элементарных номинаций превращает в обобщенную и всю ситуативную номинацию в целом.

Более узкая номинация является отмеченной, более широкая — неотмеченной, так как в речи она может употребляться вместо узкой. Отмеченная номинация всегда является более сложной по семантической структуре, чем неотмеченная.

б) *Опущенная/осложненная* номинация. Эти номинации различаются по числу признаков, выделяемых при наименовании, причем в данном случае речь идет не о более дробных делениях внутри одного и того же понятия, но о сочетании разных признаков.

Глагол *наполнять* оказывается менее сложным по семантическому составу, чем глаголы *наливать* или *насыпать*, дополнительно указывающие на характер субстанции (жидкой или сыпучей), о которой идет речь. Глаголы *стоять*, *лежать*, *сидеть* более сложны по составу, чем глагол *находиться*. Глагол *прибывать* указывает только на направление движения, глагол *ехать* — только на способ передвижения, тогда как глагол *приехать* отмечает оба признака движения и выступает как более сложная номинация.

В речи также возможен выбор между упрощенной и осложненной номинацией элемента ситуации. Ср.: *стол — у окна* и *стол стоит у окна*. Более осложненной может быть и ситуационная номинация. Так, фраза *Ко мне пришли гости (друзья)* содержит дополнительные элементы сообщения по сравнению с неопределенно-личным высказыванием *Ко мне пришли*.

в) *Кваликативная/релятивная* номинация. Эта оппозиция касается не степени индивидуализации признаков или их числа, но характера самих отбираемых признаков. Разнообразие признаков, по которым могут быть названы объекты, бесконечно. Признаки эти могут быть, по отношению к сущности предмета, существенными и несущественными, собственными и несобственными, отделимыми и неотделимыми (Кондаков 1967), но эти различия нерелятивны для номинации: предмет может быть назван как по существенным, так и по несущественному своему признаку, к тому же для разных объектов существенными могут оказаться различные признаки. Определить самые общие типы реальных признаков предметов можно лишь обращаясь к самым общим условиям существования объектов. Как известно, всякий объект существует в двух координатах — времени и пространства. Различение предметов и их классов может производиться на основе этих двух координат, в связи с чем формируются два основных типа признаков: *собственные* и *относительные* (см. подробнее: Гак 1973, 359–361).

К собственным признакам относятся форма, цвет, протяженность, устройство, размер, поведение и тому подобные признаки, отличающие предмет от других предметов данного класса. Относительные признаки отражают связи данного предмета с другими, часто отно-

сящимися к иному классу (пространственные отношения, последовательность, принадлежность, функции и т. п.). В русском названии *обои* отражается относительный признак предмета, его назначение; во французском *papier peint* его собственный признак (внешний вид). Глагол *давать* указывает на отношение, глаголы *скакать*, *спать* обозначают собственные признаки (манifestации) субъекта. Оба основных признака часто сосуществуют в номинации. В глаголе *рубит* имеется относительная сема, указывающая на характер воздействия на предмет, и собственная, квалифицирующая, указывающая на способ совершения действия. В словах *вчера*, *сегодня*, *завтра* квалифицирующая сема указывает на длительность периода (24 часа), относительная — на отношение данного периода к моменту речи. В терминах родства квалифицирующая сема указывает на пол лица, относительная — на различного рода отношения родства. По выделяемому признаку номинации могут, следовательно, быть квалификативными, релятивными и смешанными. Это различие касается и речевых номинаций. Одно и то же лицо может быть обозначено квалификативной номинацией (*молодой человек*, *студент*, *высокий блондин*) и релятивной (*мой сосед*, *сын нашей знакомой*). Способность соотноситься с одним и тем же денотатом приводит к затуханию тех или иных сем и переходу квалификативной номинации в относительную. Так, слова *мальчик*, *старик* указывают на собственные признаки объекта (возраст, пол), слова же *сын*, *дедушка* сочетают собственный признак (пол) с относительным (показывает, чей родственник и по какой линии). Однако слово *мальчик* может употребляться как синоним слова *сын*, приобретая сему относительности (в обыденных фразах *Это ваш мальчик? Вон идет женщина с мальчиком* имеется в виду, что мальчик является сыном соответствующего лица). С другой стороны, слово *дедушка*, утрачивая сему относительности, становится синонимом слова *старик*. Ср. также в разговорной французской речи: *homme* — мужчина, *son homme* ее муж.

Ситуативная номинация также может основываться на выделении собственного признака и отношения. Ср. *Она болеет* и *Elle fait une grave maladie*; *Она улыбнулась* и *Elle eut un sourire*. Надо отметить, однако, что и здесь сема отношения ослаблена и все французское словосочетание выступает как расчлененное выражение состояния или манифестации субъекта.

В. Связь структуры номинации с обозначаемым номинатом. Этот аспект в типологии номинаций, обычно называемый мотивированностью языкового знака, различает типы номинаций в зависимости от того, в какой степени их структура указывает на обозначаемый номинат. Общая типология мотивированности номинации включает следующие оппозиции:

а) *Мотивированная/немотивированная* номинация. Обычно все сложные номинации являются мотивированными. Простые номинации могут быть мотивированными в двух случаях: а) при абсолютной

номинации (см. ниже); б) при переносе значения языкового элемента. Например, слово *стол* в своем прямом значении в современном языке не мотивировано, но в переносном — «еда» — мотивировано метонимической связью данного с прямым значением слова.

Речевые номинации должны рассматриваться как мотивированные выбором определенной признака у номината. Мы не можем объяснить исходя из форм современного русского языка, почему учащийся высшей школы называется *студент*. Но мы можем объяснить, почему именно данное лицо в данной ситуации было названо студентом.

Все ситуативные номинации являются мотивированными, если они однословны или не представляют собой устойчивых демотивированных формул.

Среди мотивированных номинаций различаются следующие типы:

а) *абсолютно/относительно* мотивированные номинации. В первом случае наименование непосредственно обусловлено звуковой формой (сюда относят оноματοпею и некоторые другие языковые явления). Во втором — значение связывается с формой номинации через посредство других номинаций, которые сами по себе могут быть немотивированными. Например, в слове *стол-овая* первая часть мотивируется связью со словом *стол*, вторая — отношением к элизированному слову *комната*. Оба этих мотивирующих слова сами по себе являются немотивированными;

б) *полностью/частично* мотивированные номинации. В первом случае мотивированы все части языкового элемента, во втором — нет (ср. известный пример *свин-ина* и *бужен-ина*);

в) *прямо/косвенно* мотивированные номинации. В первом случае мотивирующие элементы встречаются в языке как отдельные номинации (с учетом их грамматического оформления). Ср. *лед-о-ход*, *в-бить*; во втором — данный элемент отдельно не существует, его значение определяется через сопоставление ряда номинаций, в состав которых он входит: *вы-бить* (ср. *вы-бежать*, *вы-ставить*); *из-вергать* (ср. *с-вергать*, *в-вергать*, *от-вергать*). Отдельно элементы **вы-* и **вергать* не существуют, но из сопоставления вытекает, что *вы-* обозначает движение изнутри наружу, а *-вергать* обозначает действие близкое к тому, что обозначается глаголом *бросать*.

г) *сильно/слабо информативно* мотивированные номинации. Хотя признаки, берущиеся в основу номинации, могут быть любыми, все же они неравноценны с точки зрения информативности и практического удобства, вследствие чего закономерности и прагматические стороны внутренней формы наименования обсуждаются в таких прикладных разделах лингвистики как терминология, формирование «товарных знаков», топонимика (наименование графических объектов) и другие. Информативность номинации, то есть та информация, которую она сообщает о номинате и об общей ситуации номинации, зависит от того, какие признаки избираются при наименовании. Если с этой точки зрения рассматривать описанные выше оппозиции внутренней формы номинации, то индивидуализирующие номинации

окажутся более информативными, чем обобщающие, осложненные — более информативными, чем опрощенные. Это не значит, однако, что более информативные номинации оказываются всегда более удобными в прагматическом аспекте. Как раз в ономаσιологическом аспекте, при ясности ситуации номинации более обобщенного характера, с меньшими ограничениями использования оказываются более удобными. Поэтому в разговорной речи получают широкое употребление такие субституты номинаций как *штука*, *штуковина*, *того* (характеристика), фр. *chose*, *machin*, *bidule* и т. п. Что касается оппозиции квалификативные/релятивные номинации, то здесь можно выделить три степени в отношении информативности.

1) Наиболее слабо информативными являются номинации, при которых объекты обозначаются цифрами, буквами, даже если эти обозначения отражают порядок номинатов в хронологическом, пространственном, престижном или каком-нибудь ином отношении. Такая номинация может быть отнесена к релятивным, но мотивированным лишь внешними отношениями данного объекта среди других объектов того же класса. Такая номинация была дана, например, альфа-, бета- и гамма-лучам, где буквы греческого алфавита указывают лишь на последовательное расположение лучей слева направо, но не раскрывают их сущности, не уточняют, что первые лучи — поток ядер гелия, вторые — радиоактивных электронов, третьи — электромагнитные излучения. Таковы, например, названия грамматических форм Partizip I и II, Futurum I и II в немецком языке. Такие наименования точны и удобны, но по своей низкой информативности они приближаются к немотивированным именам собственным.

2) Более информативными являются квалификативные обозначения, основанные на внешних признаках предмета. Эти наименования удобны, поскольку внешние признаки очевидны, но они не раскрывают сущности объекта, и поэтому значение их непосредственно не вытекает из формы наименования (как и в предыдущем случае). Таковы, например, названия -ing form в английской грамматике, *простое и сложное время* во французской.

3) Наиболее информативными оказываются релятивные номинации, исходящие из функций, назначения объекта, его позиции в системе объектов (но осознаваемой содержательно, а не формально, как в пункте 1). В этом случае мотивация отражает в большей степени внутреннюю сущность объекта. Таковы наименования *единственное и множественное число* в грамматике; *Passé* и *Futur antérieur* во французской грамматике, *совершенный и несовершенный вид* в русской. Однако такое обозначение не лишено недостатков и трудностей. Во-первых, существенный признак может быть определен неправильно или не быть ясным для говорящего, в связи с чем такое обозначение может оказаться неточным или нечетким для слушающего (и говорящего). Во-вторых, в силу того, что именуемый объект может иметь много разных употреблений, существенное обозначение может в некоторых ситуациях оказаться несоответствующим новому существу

объекта и неправильно отражать эту новую сущность. В обоих случаях обозначение утрачивает свою содержательность, а следовательно, и мотивированность; в этой ситуации проявляется тенденция заменить такое обозначение более формальным (см. пп. 1 и 2), как более ясным для говорящих. Например, в прежних французских грамматиках два прошедших времени назывались по своему содержанию (функции): *passé indéfini* и *passé défini*. Однако эти обозначения (неопределенное и определенное прошедшее) оказались неясными и уступили место номинациям, мотивированным внешней формой времени *passé composé* (сложное) и *passé simple* (простое), что внесло, в свою очередь, алогичность в систему наименований прошедших времен, ибо во французском языке имеется еще одно простое прошедшее время, называемое однако, по функции (*imparfait*) и два сложных, обозначаемых также по значению (*passé antérieur*, *plus-que-parfait*). Наименование причастия прошедшего времени и настоящего времени как будто отражает содержательную сторону этих форм; но она, оказывается определена неточно: у непереходных глаголов эти формы показывают одновременность/предшествование (*venant — venu*), у переходных — активность/пассивность (*lisant — lu*). В связи с этим в некоторых грамматиках их начинают называть на немецкий лад: первое (второе) причастие. Итак, мотивация квалификативная легка для усвоения, охватывает все случаи употребления предмета, но не дает информации о его сущности (функции). Мотивация релятивная лучше отражает сущность предмета, но в силу его полифункциональности иногда может оказаться «неподходящей», демотивироваться.

В заключении раздела о мотивированности номинации подчеркнем еще раз, что и ситуативная номинация — высказывание обладает внутренней формой, которая основывается на отборе в описываемом отрезке действительности объектов и их признаков, на установлении отношения между ними и определении исходного пункта высказывания. Эти аспекты ситуации, однако, тесно взаимосвязаны, и нередко выбор объектов и их признаков уже предопределяет общий семантический тип используемой формы предложения. Вот некоторые примеры. *Петр сидел и работал. Вдруг он услышал звонок (вдруг раздался звонок)*. Воспринимающее лицо присутствует в ситуации в обоих случаях, но в первом оно обозначено в высказывании («отобрано» говорящим при построении высказывания), во втором — нет, оно подразумевается. В первом случае событие подводится под общее значение «отношение» (точное «слуховое восприятие»), во втором — под общее значение «проявление, манифестация» предмета (*звонок — прозвенел*). Фраза *Он gripпует* изображает процесс как состояние, *У него грип* — как отношение, связь субъекта с объектом, *Он болен грип* — одновременно и как состояние (*Он — болен*) и как отношение (*болен — чем?*).

В целом, однако, релятивный признак оказывается более существенным и чаще используется при номинации, чем квалификативный. Так, материалы книги «Русская разговорная речь» показывают, что

при необходимости обозначить предмет говорящий чаще апеллирует к этим признакам. Так, из 13 окказиональных наименований для валяного туза в основе одного лежит внешний вид предмета (груша), другого — материал (резинка), всех же остальных — назначение или функция (отглагольное наименование). В предложении, как мы увидим далее, слова, обозначающие собственные признаки предмета или действия, чаще подвергаются десемантизации, чем слова, обозначающие отношения. Это объясняется, возможно, тем, что отношения предметов более разнообразны и менее «запрограммированы», чем их свойства. В предпочтении релятивных номинаций отражается также и то, что пользование языком неразрывно связано с практической деятельностью человека.

Субъект номинации и адресат. Обозначение объекту дает говорящий, но выбор им формы номинации отражает не только отношение субъекта к объекту, но отношение субъекта к адресату, общие условия речевого акта, а также отношение адресата к предмету речи. Адресат непосредственно в данном акте номинации не участвует, но он — необходимый компонент акта речи, без него язык не выполняет своей коммуникативной функции, — и его отношение к объекту и к самому говорящему опосредовано говорящим. Таким образом, в параметре «участники акта речи» можно выделить три типа характеристик номинации, отражающие: а) отношения номинатора и адресата (условия речи); б) отношение номинатора к номинату; в) отношение адресата к объекту.

А. Корреляция говорящий — адресат отражает социальный аспект акта речи, его внешние условия и формирует оппозицию общеупотребительная/социально отмеченная номинация. Последняя принадлежит к определенному функциональному стилю или к определенным условиям общения. В элементарных номинациях она выражается особыми стилистическими синонимами, ср. *надеяться — уповать; лечить — врачевать*. Социально отмеченные номинации часто оказываются в то же время и экспрессивно окрашенными.

Событийные номинации социальную отмеченность передают отбором специфических слов, конструкций, а также формами вежливости. Последние формируются часто путем косвенного употребления номинативных слов. Так, во фразе *Скажите, как пройти туда-то* избыточное *скажите* выполняет фатическую функцию (установление контакта с собеседником на определенном уровне).

Б. Отношение номинатора к объекту может быть: 1) объективным; 2) оценочным, в том числе а) рациональным; б) эмоциональным.

1) Объективное отношение номинатора к номинату лежит в основе формирования релятивных номинаций, о которых шла речь выше. Так, одну и ту же женщину ребенок назовет *мама*, муж — *моя жена*.

2) Рациональная оценка формирует значения уверенности/неуверенности; определенности/возможности и т. п. В элементарных номи-

нациях она проявляется в оппозиции точная (прямая)/приблизительная номинация. Последняя используется, когда говорящий не может идентифицировать объект или не знает (либо забыл) его точное наименование. Приблизительная номинация может быть семантически опрошенной, абстрактной (вместо конкретного наименования употребляются слова типа *штуковина*, *вещь* и т. п.), либо, наоборот, избыточной, состоящей из ряда «неточных наименований», стремящихся уточнить, о чем идет речь, или же из пространного описания. Вот чеховский персонаж пытается объяснить, как действует паровоз: — *Тут, ребята, вся штука в паре... Он, стало-быть, прет под эту штуку, что около колес, а оно и тово... этого... действует* (Чехов). Вместо того, чтобы сказать «поршень» он говорит «энта штука, что около колес». Или: — *Намеднись в пруде я решето мыл и поймал такую вот, с палец гадюку с зебрами и хвостом. Спервоначалу, думал, что оно рыба, потом гляжу — лапки есть. Не то она рыбина, не то гадюка, не то чорт его разберет, что оно такое* (Чехов).

В первом примере говорящий знает предмет, но не знает, как его назвать. Во втором — он не может определить сам предмет.

В языке существуют специальные знаки приблизительности номинации, слова типа *нечто (что-то)*, *не то он вроде, пожалуй, своего рода, какой-то*¹, *такой* и другие, которые еще плохо изучены, но которые можно было бы назвать модальными словами частичных (лексических) номинаций.

В событийных номинациях рациональная оценка передается формами модальности (модальные слова, глагольные наклонения).

2б) Эмоциональная оценка проявляется в оппозиции нейтральная/экспрессивно окрашенная номинация. Последняя характеризует положительное или отрицательное отношение номинатора к объекту. В элементарных номинациях она обозначается особыми синонимами: *упасть — шлепнуться, бросить — швырнуть, служба — служение, отрезать — отхватить, оттяпать* и т. п. В событийных номинациях она выражается выбором слов и конструкций, интонацией, а также модальными словами (*к сожалению, к счастью*).

В. Корреляция адресат — номинат, опосредованная номинатором, имеет те же три проявления и часто формирует косвенные номинации, так как говорящий дает наименование не «от себя», а — путем переноса — с точки зрения собеседника или других лиц. Таким образом, отношение, выражаемое в номинации, может быть собственным и несобственным.

1) Объективное отношение адресата к объекту лежит в основе несобственных релятивных номинаций, при которых объект обозначается исходя из его отношения к адресату. Такие номинации обычны при обозначении третьих лиц. Например: *А что сказал тебе (твой) начальник?* Лицо получает обозначение с точки зрения собеседника, а

¹ Неопределенные детерминативы двузначны. Они могут обозначать неизвестный экземпляр известного класса предметов.

не самого говорящего. Когда отец спрашивает у ребенка *Где мама*, он прибегает к несобственной релятивной номинации (становясь мамой на место ребенка).

2) Рациональный аспект отношения собеседник — номинат проявляется в номинациях, отражающих информированность собеседника о предмете речи. В обоих типах номинаций — элементарных и событийных — это выражается в противопоставлении прямых номинаций избыточным или экономным (ситуативно-обусловленным).

Избыточные номинации в этом случае заключаются в повторении обозначения другими средствами, разъясняющими собеседнику, о чем идет речь.

Ситуативно-обусловленным номинациям свойственна экономия компрессия, которая может быть двух родов: семантической и структурно-семантической. В первом случае более конкретная, содержательная, семантически усложненная номинация заменяется абстрактной, родового значения, которая становится ясной собеседнику из ситуации.

И тотчас же на противоположном берегу задергал коростель. — Вот вам и соловей... — усмехнулся Савка... Дерг-дерг! — Мне нравится эта птица... — сказал я. — Ты знаешь? Во время перелета коростель не летит, а по земле бежит (Чехов).

Говорящий мог бы выразиться более точно: *Мне нравится коростель*, но он использует номинацию более широкого объема, поскольку знает, что в поющей птице его собеседник опознал коростеля.

Структурно-семантическая экономия заключается в одновременном опущении одного из компонентов словосочетания или высказывания, что ведет к переосмыслению других. Так обозначаются обычно известные собеседнику учреждения, места, предметы и т. п. Например: *Il travaille à Jules Verne (= au lycée Jules Verne), aux Lettres (= à la faculté de lettres), au Rex (= au cinéma Rex)* (Bernard 1967, 22). Возможность ситуативно-обусловленного обозначения зависит именно от информированности собеседника.

В событийной номинации с параметром *участник речи* связан и формативный аспект высказывания. Он отражает как информированность собеседника о событии, так и желание говорящего подчеркнуть (для собеседника) тот или иной элемент событий. Здесь также возможны ситуативно обусловленные формы номинации (например, опущение темы, ясной для слушающего).

Парадигматические типы номинаций. Номинации, способные обозначать один и тот же объект, образуют парадигматический ряд. Они объединяются или на основе связей, существующих между их сигнификатами, или же общностью денотата в речи.

А. На уровне сигнификатов номинации объединяются логическими отношениями между понятиями, формирующими сигнификаты обозначений. В связи с этим исчисляются следующие пять

основных типов семантических отношений между номинациями с их семантическими и структурными подтипами.

1. Равнообъемные синонимические номинации, отражающие отношения тождества. Синонимы могут быть семантическими, когда взаимозаменяются синонимические единицы (ср. *Лед пошел* и *Лед тронулся*) и структурно-семантическими, когда взаимозаменяются номинации разных структурных типов (развертывание, сжатие, транспозиция; ср. *Лед пошел* и *Начался ледоход*). Единицы низшего уровня нередко модифицируют свое значение при включении в единицы более высокого уровня. Благодаря этому закону интеграции слова, не являющиеся синонимами в языковой системе, могут синонимизироваться в составе словосочетаний (в том числе и фразеологических) и предложений.

2. Разнообъемные номинации, отражающие отношения включения, объединяют гиперонимы и гипонимы. Противопоставление гиперонимов и гипонимов идет по трем аспектам:

- а) широкие (абстрактные)/узкие (конкретные) обозначения;
- б) нейтральные/экспрессивные обозначения;
- в) общеупотребительные/социально отмеченные обозначения.

Таким образом, гипонимы образуются вследствие идеографической, эмоционально-экспрессивной и функционально-стилистической конкретизации.

Употребление гиперонима вместо гипонима — частое явление в речи, особенно при повторной номинации (см. ниже). Гипоним употребляется вместо гиперонима, когда говорящий не может сразу найти общего обозначения. Нередко в этом случае называются два соподчиненных объекта, как представители всего класса объектов. Например: *— Не боюсь я Сибири... Сибирь — такая же Россия... Все там лучше... Рыбы, дичи этой самой — видимо-невидимо!* (Чехов). Два соподчиненных гипонима *рыба, дичь* употребляются вместо гиперонима *живность*.

Частным видом употребления гиперонима вместо гипонима можно считать использование опосредованных номинаций (местоименная репрезентация).

3. Соподчиненные номинации, отражающие логические отношения внеположенности. Взаимозамена таких номинаций проявляется в семантическом смещении. В речи смещение наблюдается в составе словосочетания, где собственные денотативные значения слов ослабляются и они переходят в разряд гиперонимов. Особенно это характерно при варьировании фразеологизмов. В отдельных номинациях смещение имеет место в том случае, когда говорящий не знает точного обозначения объекта, и производит впечатление лексической ошибки или метафоры. Ср. пример из книги «Русская разговорная речь»: *спутники, соперники (по обеду) вместо трапезники*.

4. Антонимические номинации, основанные на отношениях контрадикторности, также взаимозаменяются в составе более крупной единицы (*Он там остался — Он сюда не пришел*) либо ис-

пользуются при отдельных номинациях — как выразительное средство (в частности, для создания эффекта иронии).

5. Переносные номинации, отражающие отношения переkreщивания между сигнификатами. Здесь различаются два подтипа:

а) метафорические обозначения, основанные на отношениях сходства;

б) метонимические обозначения, основанные на отношениях смежности. И в языке, и в речи особенно многочисленны метонимические обозначения.

Предмет метонимически может быть назван по своей части, по материалу, происхождению, локальным связям и другим признакам. Действие метонимически может быть обозначено через любой свой актант и сирконстант (субъект, объект, адресат, орудие, место, время, способ действия). Метонимические обозначения очень часты в разговорной речи, в художественной литературе, например: — *Нонешние времена, это которое... суцая беда! — лепечет козлиная борода в шапке с ушами... — Народу много расплодилось, — хрипит борода лопатой* (Чехов). Они обнаруживаются при синонимических заменах высказываний и переходе от одного языка к другому. Ср.: *Le public a ri* (Camus) — *В зале поднялся смех*. В русском переводе группа людей обозначена метонимически — через указание на место их нахождения. Метонимические обозначения, как отмечалось выше, часто сопровождаются опрощением в ситуативно-обусловленной номинации, а также структурными изменениями в соседних номинациях (ср. в приведенном примере *засмеялись* и *поднялся смех*: второе обозначение действия — расчлененное и среднее, тогда как первое — простое и активное).

Б. На уровне денотатов номинации объединяются их соотношенностью с одним и тем же номинатом в данной конкретной ситуации. Их общая референтность вытекает не из логических отношений между понятиями, но из общности денотата, разные признаки которого они фиксируют. Такие номинации можно назвать разноаспектными. Всякий объект обладает бесчисленным количеством признаков, свойств, связей, отношений, и он может получить разные названия в зависимости от того, какие из признаков избираются как различительный признак наименования. Здесь важную роль играет активность именуемого субъекта (номинатора), который из ряда наименований, предоставленных объектом (ситуацией) и возможностями данного языка, избирает то, которое соответствует признаку, выделяемому субъектом в объекте. Так, один и тот же человек может быть обозначен словами *пожилой мужчина* (по возрасту), *этот преподаватель* (по роду занятий), *высокий мужчина* (по внешним признакам), *наш сосед* (отношение к именуемому) и т. п. Во фразе: *Ливень размыл жилища муравьев; насекомые встревоженно сплывают по грязи и хлопочут около своих утонувших сожителей* (Чехов) в первом случае использована прямая номинация, во втором — косвенная, абстрактная, связанная с первой отношением включе-

ния. Третье обозначение логически не связано ни с понятием «муравей», ни с понятием «насекомое». Оно отражает взаимоотношения между муравьями в данной ситуации: то обстоятельство, что они оказались из одного муравейника. Итак, разные номинации отражают разные аспекты объекта: первые две — его биологические признаки, третья — признак совместного проживания (который мог бы относиться и к другим объектам)¹.

Разноаспектные номинации делятся на две большие группы, о которых говорилось выше: кваликативные и релятивные.

Выделение различных аспектов объекта может влиять и на выбор грамматических средств. Одно и то же действие может рассматриваться в процессе его осуществления и с точки зрения его результата. В первом случае употребляется форма прошедшего времени, обозначающая действие в его завершении, во втором случае — настоящее время, обозначающее состояние, как результат действия. Ср.: *Он уже пришел сюда* (действие, процесс) и *Он уже здесь* (состояние, результат). Одна и та же совокупность множества однородных предметов может восприниматься именно как совокупность, как масса или же как множество отдельных предметов, в связи с чем она может быть обозначена собирательным существительным в форме единственного числа или счисляемым существительным в форме множественного числа. Ср. *Листья на деревьях уже пожелтели* и *Листья на деревьях уже пожелтели*. В рассматриваемом случае при наименовании языковые средства используются в их прямых первичных функциях и взаимозамена их объясняется исключительно разным «видением» данного объекта.

Синтагматические типы номинаций. В речи конкретный набор номинаций зависит не только от тех парадигматических факторов, которые рассматривались выше, но и от взаимосвязи наименований. С этой точки зрения все номинации можно делить на *автономные*, не обусловленные синтагматическими отношениями, и *неавтономные*, обусловленные синтагматически.

Автономная номинация. Она не зависит от других номинаций в высказывании и может принимать любую форму под влиянием тех факторов, о которых говорилось выше. Единственное требование к автономной номинации — ее ясность для слушающего. Поэтому особое значение приобретают первичные номинации — первое обозначение данного лица или предмета. Это особенно важно для номинации лица: у предмета меньше особенностей, он менее разнообразен в своих разновидностях и проявлениях и его достаточно обозначить его видовым названием. Разнообразие лиц более существенно, и здесь выявляется ряд закономерностей. В тексте первичное обозначение может опираться на внутритекстовые или ситуативные смысло-

¹ Разноаспектные номинации можно было бы трактовать как частный случай пересечения понятий при обозначении объектов в конкретных ситуациях.

вые связи. Первичное обозначение в абсолютном начале (зачине) повествования лишено такой опоры. Поэтому при первичном обозначении лица лишь внутри текста может быть использована релятивная номинация: *В селе Райбуже... стоит двухэтажный дом... В нижнем этаже живет со своей семьей сам хозяин, Филипп Иванов Кашин* (Чехов). В зачине, как правило, используется квалификативная (классификационная) номинация, указывающая на класс лиц, входящих в пресуппозицию адресата. Так, другие рассказы Чехова начинаются обозначениями: *помещичек Трифон Семенович, мельник Алексей Вирюков, лакей при московской гостинице «Славянский базар»* и подобными, обозначающими классы людей и профессии, известные слушающему. Очень широкое обозначение сопровождается определением *один (один человек, одна женщина и т. п.)*, которое в русском языке ставится при обозначении неизвестного экземпляра известного собеседнику класса. Лицо может уточняться по другим признакам (город, откуда он прибыл, особенности внешнего вида и т. п.). Ср. Зачин из Жития Святых: *Пришел некий человек из Киева*. Релятивная номинация в абсолютном зачине может быть только в том случае, если тут же уточняется отношение к лицу, известному адресату. Имя собственное в абсолютном зачине может быть употреблено либо если речь идет об известном адресату человеке, либо как авторский прием, выполняющий определенную стилистическую задачу.

Абсолютно первичное наименование события содержит также неопределенные указатели, но временного (и реже — пространственного) характера, значения всех частичных номинаций при этом слушателю известны, неизвестным, новым оказывается сам факт, что и отмечается указателями типа: *однажды, как-то раз, как-то, где-то* и т. п. Вот, например, зачины рассказов Барона Мюнхгаузена (субъект действия всюду сам автор, денотативная сторона не содержит неясностей для слушающих): *Иду я как-то лесом, а на встречу мне волчица; Однажды утром, подойдя к окну, я заметил на пруду диких уток*.

Неавтономная номинация бывает двух подтипов:

1. Повторная номинация, при которой называется предмет или явление, уже названные ранее. Поскольку номинат уже назван, то повторная номинация может в ряде случаев не нести идентифицирующей функции, что создает условия для варьирования повторных номинаций и выражения с помощью их различных экспрессивных оттенков. Итак, при повторной номинации принимается во внимание другое наименование того же объекта в контексте. Сочетание двух (или более) номинаций создает дополнительные типы специально для повторной номинации. Среди них:

а) в отношении формы номината: идентичная (во втором случае номинат получает то же обозначение) и вариантивная (второе обозначение отличается от первого);

б) в отношении к номинатору: однофокусная (наименование дается тем же субъектом) и разнофокусная (наименования даются разными номинаторами);

в) в отношении расположения можно различать номинации дистантные (они разделяются другими высказываниями) и сопряженные (они следуют непосредственно друг за другом). Номинативная функция сопряженной номинации ослаблена (предмет только что упомянут), и в ней часто на первый план выступает эмоционально-оценочное значение.

В семантическом отношении повторная номинация дает возможность максимально варьировать способ наименования, в связи с чем в ней, помимо прямой номинации (имя собственное, имя нарицательное, конкретное), могут быть использованы все типы косвенной номинации (абстрактная, местоименная, переносная, экспрессивно-окрашенная) и все разновидности разноаспектных номинаций (в частности, релятивные номинации);

г) взаиморасположение семантических типов побуждает выделить еще одну типологическую оппозицию: репризу (косвенное обозначение следует за прямым) и антиципацию (косвенное обозначение предшествует прямому).

Например, в рассказе Чехова «Мечты» персонажи (два конвоира и конвоируемый) обозначаются последовательно таким образом: *двое сотских* (прямая номинация) — *первый... второй* (местоименная косвенная) — *Андрей Птаха, Никандр Сапожников* (прямая конкретная) — *путники* (косвенная иноаспектная) — *сотский* (косвенная абстрактная); *человек, которого они конвоируют* (прямая) — *бродяга* (иноаспектная прямая) — *жалкий человек* (косвенная оценочная) — «благородный господин», «непомнящий родства» (косвенная, цитаты самоназваний говорящего, имеющие экспрессивный характер). В одной из последних фраз: *Непомнящий родства с ужасом глядит на строгие бесстрастные лица своих зловещих спутников — спутники* — косвенная релятивная номинация с позиции этого персонажа (а не автора).

Прямой или косвенный характер обозначения определяется нередко его местом в цепи номинаций. Обозначение *сотские* в начале рассказа — прямая номинация абстрактного характера, указывающая на социальную группу, к которой принадлежит номинат, затем она сменяется конкретной и тоже прямой номинацией — именами собственными; после этой конкретной номинации употребление абстрактной является уже косвенной номинацией. При обозначении конвоируемого, после того, как выяснилась его социальная характеристика (бродяга), последующие новые номинации служат или для экспрессивной характеристики лица (оценочные) или же раскрывают взаимоотношения персонажей (спутники).

Этот пример показывает, что обычная последовательность номинаций в речи: абстрактная (гипероним: общее название человека, обозначение его по полу, возрасту, профессии и т. п.) — местоименная

— конкретная (гипоним: имя собственное или имя нарицательное более узкого значения). Употребление гиперонима после гипонима следует рассматривать как антиципацию, косвенную форму номинации. Например: *Бродяга медленно поворачивается в сторону Никандра, и блаженная улыбка исчезает с его лица. Он глядит испуганно и виновато на степенное лицо сотского* (Чехов).

Еще более яркий случай антиципации — препозиция местоимения, которая может использоваться в стилистических целях, а в некоторых языках и как грамматическое средство выражения подчиненности препозитивной придаточной части предложения. Например, во французском: *Quand il sortit du bain, Archimède cria Eureka!* (Fauconnier 1972, 16–20).

Различные типы семантических соотношений повторных номинаций характерны не только для обозначения элемента ситуации, но и для ситуации (события) в целом. Различия эти особенно становятся наглядными при сравнении реплик диалога, когда разные лица говорят об одном и том же, а также при сравнении текста и его перевода на другой язык, когда одно и то же событие описывается средствами разного языка. Здесь мы находим те же отношения, что и при сопоставлении элементарных номинаций.

Отношения тождества. Событие описывается синонимическими средствами, обычно развернутая номинация одного из элементов ситуации чередуется с простой.

— *Alors? Vous faisiez la conversation avec César?* — *Eh oui, nous parlions* (Pagnol).

Отношение включения. Сужение при переходе от первичной номинации к повторной встречается очень часто, это один из характерных элементов динамики диалога, так как в разговоре происходит прояснение, уточнение ситуации.

— *Quoi, quoi? Que se passe-t-il? Questionna la régante. — L'eau, répondit la femme. J'ai pris la bicyclette pour vous avertir... — Quoi? L'Essonnelle? demanda Louis. — Pas L'Essonnelle. L'Essonnelle est grosse, mais la Garonne davantage. Elle arrive jusqu'à la maison Vidalenc* (Gamarra).

Вначале ситуация обозначается в общей форме: *Река разлилась*. В следующих высказываниях она уточняется: диалог был бы не нужен, если бы прибывшая женщина сразу сказала: «Разлилась Гаронна и вода дошла до дома Видаленков». Но под влиянием аффекта она придает своему высказыванию самую эконодную (краткую) в грамматическом отношении и самую эконодную (общую) в семантическом отношении форму: *Вода!*..

Расширение также имеет место: сравним две реплики:

— *Аксинья!.. Я тебе давеча сказал, чтобы бросила деньги в колодец. Ты бросила? — Вот еще, добро в воду бросать! Я косарям отдала* (Чехов).

В вопросе старика описание события обобщается путем конденсации способа выражения: устраняются второстепенные члены (что и куда бросается, ясно из предыдущей фразы). Реплика Аксиньи при-

обретает еще более обобщенный характер. Это выражается лексически заменой слов-гипонимов на гиперонимы: *деньги* → *добро*; *колодец с водой* → *вода*; грамматически — устранением указания на субъект действия, которое выражается с помощью инфинитива в самой обобщенной форме. (Ср. *Стану я деньги в колодец бросать* → *добро в воду бросать*.) Ответ принимает форму афоризма, сентенции. Это весьма характерная черта диалога: для большей категоричности отвечающий обобщает ситуацию, желая показать, что не только он данный конкретный поступок, но что и вообще никто ничего подобного совершать не должен.

В структуре текста иногда проявляется такая закономерность: при вопросе информация событие обозначается в общей форме, затем следует конкретизация, после чего — когда уже ясно, о чем идет речь, — снова создается возможность для возвращения к общей форме выражения. Например:

— *Что такое, — спрашивает она. — Что это там делают? — Утоплого человека откачиваем!* — *Боже мой!* — ужасается барыня. — *Они утопленника откачивают!* Этьен, — обращается она к приквачику, — *подите скажите им, чтобы они не смели этого делать* (Чехов).

Нередко абстрактная номинация события достигается использованием упомянутых выше глагольных местоименных заместителей, как например, *en faire autant* в следующем французском переводе:

Очередь напряженно *следила* Les gens de la queue les *surveillaient* attentivement. Oubliant Serge, je me suis mis à *был* о Сергее (Аксенов) *en faire autant*.

При повторном наименовании некоторые уже известные элементы ситуации могут не обозначаться или выражаться в наиболее обобщенной форме. Так, вместо конкретного времени употребляется немаркированная форма настоящего, вместо указания на определенное лицо — коопределенно-личная или безличная форма.

Наиболее отвлеченной формой выражения действия является инфинитив и особенно — отглагольное существительное, показывающее действие в самом общем виде, без соотнесенности с субъектом и объектом. Наиболее отвлеченной формой предложения являются экзистенциальные предложения, в частности, номинативные. Не случайно при ясности повествования — при повторной или ситуативно обусловленной номинации — в русском языке используется именно эта форма организации высказывания. Ср. *Кто его знает, я не пробовал, нужды не было* (= я не нуждался) (Иванов); *забывать уж стал ведь тебя... И вдруг — встреча!* (= мы встретились) (Иванов).

Отношение пересечения. Оно объединяет высказывания, обозначающие факты, между которыми существуют отношения смежности, причинно-следственные и т. п. Например: — *Нездоров я. В голове того... туманится. Мысли мутятся* (Чехов). Первое вы-

сказывание — гипероним по отношению к следующим двум, которые уточняют, в чем заключается нездоровье. Сами эти высказывания синонимичны, но их обозначаемые находятся в отношении содержащее/содержимое, образуя метонимию. Или: — *Записал бы ты на него, на мальчишку-то, хоть землю... Вот завтра поезжай и напиши бумагу* (Чехов). Высказывания описывают соответственно действие и способ осуществления этого действия.

Разноаспектные номинации. При описании событий можно отметить два типа разноаспектных номинаций, которые можно назвать статическими и динамическими (поэтапными). Первые связаны с тем, что всякое событие может быть расчленено на ряд сосуществующих одновременно элементов (пространственная координация). Вторые — с тем, что всякое событие может быть расчленено на ряд сменяющих друг друга этапов (временная координация).

Статические разноаспектные номинации могут касаться как отдельных элементов (это рассматривалось выше), так и целых ситуаций. В последнем случае они состоят в том, что выделяются и получают специальное выражение разные стороны события. Например, рубка леса предполагает следующие компоненты: само действие (рубка), действующие лица (дровосеки), орудие (топор), объект (деревья). Действие может быть обозначено по любому из этих признаков, например: *Я слышу, как рубят лес; как работают дровосеки; стук топора; я вижу, как падают деревья*. Вот примеры переводов, показывающие реальную возможность обозначения события через разные его стороны:

Elle avait cru entendre des bûcherons.

— Il y a des bûcherons sur notre droite, pas très loin d'ici (Clavel)

— Ей почудился стук топора.

— Справа от нас, не очень далеко, рубят лес.

Во французском тексте в обоих случаях событие обозначено метонимически через действующее лицо (*bûcherons* — дровосеки), в русском первом случае через орудие (*стук топора*), во втором — через само действие с объектом (*рубят лес*). Можно отметить, что французские номинации в обоих случаях являются косвенными, конденсированными. Предмет (*дровосеки*) прежде всего воспринимается зрением (ор. *он увидел дровосека*), тогда как слуховое ощущение связано с действием или проявлением данного предмета (*Он услышал стук топора*).

Динамические разноаспектные (точнее разноэтапные) номинации связаны с тем, что отмечаются разные этапы в одном и том же процессе. Так, чтобы написать что-либо авторучкой, надо выполнить по крайней мере два действия: 1) взять ручку; 2) снять с нее колпачок. Общее действие метонимически может быть обозначено через описание любого из этих этапов:

Il faut que je trouve cette idée, se dit-elle en dévissant son stylo (Beavoir)

Я должна найти эту идею, говорит она себе, беря ручку.

Экспрессивно-оценочные номинации. В повторных номинациях нередко проявляется эксплицитно оценка говорящими соответствующего события. В диалоге оценка часто обозначается особым предложением, причем формально она выражается в выборе скажуемого: — *Juliette se marie? Demandait-on à sa mère? C'est un événement? — Un accident, rectifiait Sido* (Colette).

Отношения соподчиненности обнаруживаются между событийными номинациями, которые описывают отдельные проявления общего свойства, качества. Так, «делать что-то» значит делать А, В, В и т. д. Соотношения между процессами А—В—В и есть отношения соподчиненности, причем в данной ситуации В могло бы заменить А, В совсем отсутствовать, то есть все эти номинации проявляют себя как повторные обозначения одного и того же признака: что значит «делать то-то». Например: *И живу по писанию... Людей не забиваю, плоть содержу в чистоте и целомудрии, посты соблюдаю, кушаю во блиговремении* (Чехов). Между четырьмя последними высказываниями отношения соподчиненности, причем все они — гипонимы, по отношению к гиперониму — первой фразе.

2. Синтагматически обусловленная номинация. В этом случае номинация избирается в зависимости от наименования другого номината, синтаксически и семантически связанного с данным объектом. В выборе номинаций проявляется та синтагматическая зависимость знаков, которую Ш. Балли называл произвольным взаимным обусловливанием: форма одного из сопряженных знаков требует определенной формы и другого. Взаимное обусловливание может быть формальным или семантическим. Формальное оно является во фразеологических предложениях, где норма языка требует определенной формы номинации. Например, во французском языке можно сказать только *chercher la bagarre* («искать ссоры, драки»), тогда как по-русски — *лезть в драку*. На семантическом уровне взаимное обусловливание проявляется в семантическом согласовании в речи: слова в речи подбираются таким образом, чтобы они содержали общий семантический компонент. Семантическое согласование опирается на устойчивые предметные отношения, описываемые в высказывании, на предварительное знание говорящих о них, то есть на их пресуппозицию. У каждого объекта существует типичный, нейтральный способ поведения в определенной ситуации. Так, обычный способ передвигаться для человека — *идти*, для транспортного средства — *ехать*, для воды — *течь*, для птиц — *летать*, для змей — *ползти* и т. п. Обычный звук, издаваемый собакой, называется *лай*, коровой — *мычание*, человеком — *разговор*, движущейся листвой — *шелест*, обычное положение, занимаемое зданием — вертикальное (*стоять*), картиной — подвешенное (*висеть*), у человека у стола — сидячее, в постели — лежачее и т. п. Поскольку эти предметные отношения заранее известны говорящим, то они могут специально не обозначаться в высказывании, в связи с чем последнее может иметь двойную форму: более отвлеченную и более конкретную, причем семантической

разницы между ними нет: ср. *На краю деревни была школа — ...стояла школа; Змея доползла (добралась) до своей норы; Он перешел (пересек) улицу*. Мы видим, что здесь форма сказуемого семантически обусловлена характером подлежащего. Ср. *За столами были люди (= за столами сидели люди)*. При необходимости обозначить специфическое, нестандартное, не входящее в пресуппозицию, глагол устранен быть не может. Ср. *На краю деревни высилась школа* (подчеркивается, что она была выше окружающих зданий); *За столом сидел, развалиясь, человек; Змея бросилась на жертву*. Таким образом при обозначении устойчивых предметных отношений один компонент словосочетания оказывается семантически избыточным, так как выражаемое им значение передается «соседней» номинацией. Такая семантически избыточная номинация может быть совсем опущена или заменена служебным словом. Например: *Ты куда (идешь)? Я (иду) на почту; Дети ходили в лес собирать грибы и ягоды (= за грибами и ягодами)*. Употребление таких номинаций может быть вызвано причинами грамматического характера. Например, в настоящем времени глагол в русском языке может в определенных позициях опускаться, но в прошедшем или будущем он необходим для выражения предикативных категорий (время, вид, наклонение). И тогда используется синтагматически связанная номинация. Ср. *На поле — рожь (= на поле растет рожь), но на поле росла (= была) рожь. Ты куда ходил?*

Семантическое согласование номинации имеет и другую сторону. Если сочетаются два слова, обозначающие объекты, реально несовместимые, то это значит, что одно из них используется переносно, как косвенная номинация (*стоит тишина, время ползет*). В этом проявляется зависимость употребления языковых форм от обозначаемой действительности.

Исходя из отмеченных разновидностей номинаций, можно заметить, что их общую типологию следует представлять скорее не в виде дихотомического дерева или многомерного пространства с пересекающимися признаками, но в виде круга, в центре которого находится ядерный тип номинации (простое знаменательное слово — объект), а периферия занята производными типами, каждый из которых отличается от ядерного по одному или нескольким признакам.

ЧАСТЬ III

ВИДЫ ЯЗЫКОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

ГЛАВА I

ЯЗЫКОВАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В СВЕТЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ВАРИАТИВНОСТИ*

Вариативность — фундаментальное свойство языка, настолько существенное, что оно не может ограничиваться анализом отдельных фактов или групп фактов на различных уровнях языковой системы, но должно изучаться в рамках вариативности (вариологии). В варьировании языковых средств проявляются многие общие закономерности варьирования явлений, изучаемых другими науками. Вместе с тем языковая вариантность имеет свою специфику. При изучении языковой вариантности возникают следующие основные проблемы: онтология вариативности; ее факторы; ее формы; ее роль в развитии и функционировании языковой системы.

Вариативность — обязательная черта всего сущего. Воспроизводство явления, существующего в нескольких экземплярах, обязательно вызывает к жизни варьирование, даже у серийно производимых предметов.

Варьирование свойственно в особенности всем живым существам, и со времен Дарвина теория изменчивости составляет важную отрасль биологии. Можно найти немало аналогий между языковым варьированием и биологической изменчивостью, ибо в обоих случаях проявляются общие законы варьирования. Даже типологические классификации видов биологической изменчивости могут быть приспособлены к изучению языкового варьирования. Например, в биологии различают *индивидуальную* и *групповую* изменчивость. В измене мы также обнаруживаем индивидуальное варьирование, касающееся одного говорящего, и групповое, охватывающее целую группу говорящих и становящееся их отличительной чертой. С другой стороны теория биологической изменчивости различает *соматические* изменения, которые не передаются другим объектам, и *мутационные*, которые могут передаваться по наследству. Равным образом в языке одни изменения ограничиваются одним говорящим или группой лиц и не включаются в систему языка, тогда как другие проникают в систему и передаются новым поколениям.

* В основе — доклад с тем же наименованием. Всесоюзная конференция: Вариативность как свойство языковой системы. М., 1983.

К двум отмеченным типам варьирования можно добавить третий: *независимое* и *связанное*. В первом случае изменяется только одна черта, во втором — изменение одного признака влечет за собой изменение другого. В языке это явление нередко отмечается в сфере фонологии.

Следуя общим законам варьирования, язык проявляет все же свою специфику.

Выше перечислялись основные проблемы вариативности, вокруг которых идут научные дискуссии.

Варьирование — это процесс. И как всякий процесс, он имеет три аспекта: причину, форму движения и результат. Этим трем аспектам варьирования соответствуют три основные проблемы, связанные с ним: факторы, формы и роль варьирования.

В онтологическом плане следует отграничить собственно варьирование от смежных понятий. Здесь ставятся два вопроса:

а) различие между варьированием и эволюцией. Варьирование касается несущественных черт разных объектов во времени и в пространстве; эволюция затрагивает один объект в диахроническом плане;

б) различие между изменчивостью и изменением. Изменчивость проявляется в пределах данного основного качества, тогда как изменение приводит к приобретению нового основного качества. Эта проблема ставит важный философский вопрос о тождестве. В языке мы сталкиваемся с ней на каждом шагу: отличие аллофона от фонемы; многозначного слова от омонима; языка от диалекта (или территориального варианта) и т. п. Вся лингвистическая наука сводится к определению различия между вариантом и новой сущностью, между вариативностью и изменением.

Изменение (появление новой сущности) может выступать как вариант на другом (обычно более высоком, уровне). Изменение фонемы может образовать вариант морфемы или слова; замена слова создает вариант высказывания и т. п.

В качестве критерия, различающего эти два понятия, может служить прагматика, идентичность понимания и реакции слушающего. Так, *тво́рог* и *творо́г* — варианты, тогда как *за́мок* и *замо́к* — разные сущности.

Факторы вариативности могут быть классифицированы двойным образом.

В отношении сферы действия различаются всеобщие (универсальные) факторы (свойственные всему существу) и частные (касающиеся отдельных явлений). Всеобщие факторы обуславливают обязательную изменчивость объекта при любом воспроизведении и любой смене пространственно-временных координат. Именно в силу этих всеобщих факторов любой язык обязательно варьирует в пространстве и во времени. Общелингвистические факторы варьирования различны для одноплановых и двухплановых единиц: для последних важнейшее значение приобретает участие мышления. Кроме того, поскольку

язык — общественное явление, к двум основным координатам — пространственной и временной — в нем добавляется третья — социальная. Следовательно, выделяются три больших типа языкового варьирования: пространственное, временное и социальное. Последнее изучается социолингвистикой.

Изучая изменчивость (варьирование), Ч. Дарвин различал направленную (детерминированную) и ненаправленную (недетерминированную). Первая связана со взаимодействием организма и среды, вторая не обусловлена непосредственным влиянием среды.

В языке также выделяются две группы факторов вариантности: внеязыковые, связанные с разными условиями, со средой функционирования языка, и внутриязыковые (системно-структурные). Такой подход не дает, однако, полного представления о факторах изменчивости и, следовательно, эволюции в языке.

Язык существует в человеке, для человека и реализуется через человека, поэтому для понимания его устройства и функционирования первостепенное значение имеет учет взаимодействия трех элементов: языковых форм, самого человека с его мышлением и психологией и внеязыковой действительности. Распространенная теория внешних и внутренних факторов варьирования в языке принимает во внимание особенности языковых форм и внеязыковую действительность, но не отводит должного места самому говорящему и именуемому человеку. Между тем именно сам человек оказывается решающим фактором в варьировании и эволюции средств обозначения в целом. Как уже отмечалось, единицей функционирования языка является отношение номинации (отношение между обозначающим и обозначаемым) в каждом данном акте речи. Изменчивость этих отношений, вызванная, с одной стороны, универсальными законами варьирования при воспроизведении, а с другой — особенностью психологии и мышления человека, приводит к общезыковой вариантности. Деятельность говорящих людей составляет решающий фактор языковой эволюции. Среди особенностей мышления, стимулирующих языковую вариантность, особое значение имеют оперирование расплывчатыми понятиями и прагматическая заостренность мышления и языка, побуждающая говорящих группировать внелингвистические факты и выделять в них черты при наименовании всякий раз специфично, в соответствии с потребностями практики. Благодаря этому стабильность отношений номинации ослабляется, что усиливает асимметрию и ведет к варьированию формы или смысла.

Итак, следует различать три основных группы факторов общезыковой вариантности:

- внутренние (системно-структурные);
- внешние по отношению к языку в целом (развитие цивилизации, прекращение контактов между группами носителей данного языка и т. п.);
- внешние по отношению к системе языка, но внутренние по отношению к языку в целом и к его функционированию: логические и

психологические факторы, овязанные с общими закономерностями человеческого общения и мышления. Эти факторы во многих случаях оказываются решающими.

В свою очередь, они могут быть объективными, не зависящими от желания человека, проявляющимися как бы помимо его воли (например, скольжения смысла языковых форм) и субъективными, отражающими осознанные намерения и желания говорящего.

Частотные факторы языкового варьирования касаются отдельных аспектов и уровней языка. Например, для синтаксических единиц эти факторы будут иными, чем для морфологических, и т. п.

Что касается форм варьирования, то они зависят от уровня и структуры языка. Для каждого уровня можно разработать типологию форм вариантов и преобразований. Для лексико-грамматического уровня они будут даны в следующей главе.

Роль и результаты вариативности. Значение вариантности в развитии и функционировании языка огромно. В лингвистике обсуждается вопрос о связи вариативности с прогрессом языка. Некоторые авторы считают, что морфемная вариативность уменьшается с развитием литературного языка. Так, например, в старофранцузском языке была большая вариативность моделей словообразования: от глагола *amender* «искупать ошибку» были образованы существительные: *amende*, *amendement*, *amendage*, *amendise*, *amendaison*, *amendacion*. Впоследствии сохранились только первые два. Но при формировании нового термина в современном языке тоже образуются варианты, которые затем дифференцируются по значению, либо уходят из языка. Ср. *automation* и *automatisation*; *volumineux* и *volumateux*. Меняются конкретные приложения, но сам закон варьирования сохраняется.

В синхронном плане вариантность дает языку индивидуализацию, по особенностям речи опознаются группы людей, вплоть до отдельно человека.

Вариантность позволяет, кроме того, решить две важные задачи: коммуникативную и экспрессивную. Благодаря вариантности бесконечно разнообразятся выразительные средства языка, который получает возможность выражать тончайшие оттенки мысли. В этом экспрессивная функция вариантности. Ее коммуникативная функция заключается в том, что она позволяет выразить мысль быстро, что обеспечивает успех коммуникации. Быстрота обеспечивается использованием сокращенных форм слов и предложений, а также сдвигами в значениях слов, что позволяет обозначить объект, если даже точная номинация оказалась забытой.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Людическая функция языка как источник вариативности*

Мы говорили о том, что языковое варьирование может быть со стороны говорящих намеренным и произвольным. К намеренному варьированию часто прибегают в художественных целях. Но оно может широко использоваться и в игровой функции. Люди часто играют словами, языком. Такая игра привлекает доступностью, но вместе с тем позволяет выразить определенные эмоции.

В своем известном труде «*Homo ludens*» Й. Хейзинга отмечает ряд функций игры в человеческом обществе и сферы ее проявления. Он пишет об элементах игры в правосудии и в политической жизни, в войне и в искусстве, в философии и поэзии, он подробно разбирает выражение понятия игры в языке, но почти не касается игры с самим языком. А между тем язык — такой же объективный для отдельно взятого человека элемент культуры, как и всякие иные ее проявления, он может стать объектом игры и использоваться в игровой — людической — функции.

Хейзинга говорит, что игра в принципе носит агональный, то есть соревновательный, характер, который имеет два аспекта: это может быть соревнование с партнером (индивидуальное или групповое) либо «соревнование с материалом», когда человек проявляет свое мастерство, как бы соревнуется сам с собою, стремясь преодолеть самого себя. Однако можно выделить и третий аспект игры, о котором Хейзинга почти ничего не говорит, но который часто обнаруживается в игровом поведении людей. Это — игра ради самой игры, ради шутки, доставляемого себе и другим удовольствия, в такой игре часто имеет место переделывание привычных форм (например, карнавалы, розыгрыши и т. п.).

Языковая игра многообразна. Мы остановимся на некоторых формах этой игры, проявляющихся в варьировании слов, их форм и значений. Нередко придуманные таким образом слова входят в словарный состав языка: например, слова, полученные контаминацией с иноязычными (латиноподобными формами) в русском языке: *бумаженция*, *распеканция*, *опрокидонтом*. Этот прием широко употребляется в современном просторечии: *рашен-деревяшен*. Из других приемов можно отметить искажение грамматических форм и произношения. Так в «Отце Горио» Бальзака ради шутки произносят немой конечный согласный: *Месьерр*, *allons-nous dinaire?* Или *J'ai froit aux pieds* (неправильное связывание); квазимитация иностранной речи: *Кель накалите импостижибль! Сукахама* (имитация японской речи — о

* Первый вариант: Людическая функция во французском языке // Научные труды МГПУ. Сер. «Гуманитарные науки», ч. 2. М., 1994.

секретарше начальника); использование непривычных аффиксов и рифмы: *мастер-ломастер* и т. п.

Во французском обиходе большое место языковая игра занимает в рекламе (*Orthographe...*) Редкая реклама обходится без игры слов, без переименования орфографии. Для привлечения внимания покупателя в название товара вводятся редкие буквы: К, Х, У. Нередко товарные знаки строятся как игра слов, характеризующая обозначаемый продукт: *atoufer* (= *a tout faire*) — марка кухонной плиты; другие формируются путем телескопирования слов: *сгасотте* (*сгасе + biscotte*), *миницца* (*mini + pizza*). Рекламные формулы содержат игру слов: *Je suis bien dans mon Lee* (вместо *lit постель*; *Lee* — марка джинсов) *Мне хорошо в моей постели* (= *в моих джинсах*).

Особенно интересно проследить за игровым варьированием в замкнутой группе. Здесь она не только используется для шутки, для высмеивания кого-либо из членов группы, но и в качестве эпilingвистической функции (опознания принадлежности к данной группе — своего рода — своего рода шиболета) и просто для времяпрепровождения, от нечего делать.

В романе Бальзака «Отец Горио» небольшая группа людей живет в пансионе. Они без конца подтрунивают друг над другом, используя как одно из основных языковых средств искажение слов. Так, *Роигет* (Пуаре) называют *Роигетт* (Пуаррет), Горио — Гоуриотт, чуть не к каждому слову прибавляют — рама — модное словечко, навеянное успехом только что открытой панорамы. Интересен случай всеобщего участия в языковой игре с искажением слов. Приведем его в русском переводе, довольно удачно воспроизводящем оригинальный текст.

«— Так у вас не нос, а колба? — снова ввязался музейный чиновник.

— Кол?.. как? — спросил Бьяншон.

— Кол-о-бок

— Кол-о-кол

— Кол-о-брод... [и т. п.]

Восемь ответов прокатились по зале с быстротой беглого огня».

Папаша Горио не понимая смотрел на сотрапезников.

«— Кол?.. — спросил он Вотрена, сидевшего с ним рядом.

— Кол-пак, старина! — ответил Вотрен и, хлопнув ладонью по голове папаша Горио, нахлобучил ему шляпу по самым глазам».

Языковая шутка заканчивается грубоватой шуткой материального свойства.

В «Очерках Бурсы» языковая игра занимает большое место в жизни бурсаков. Здесь используются специфические обозначения, понятные только самим бурсакам. Например, *со щипчиками, горяченькими* и т. п. — о щипании, сопровождавшем игру в камушки (слова приобретают новое значение). Такая же манера, как и у обитателей бальзаковского пансиона, выкрикивать по очереди слова, в частности, синонимы: — *Кто взял горбушку? — стибрили, сбондили, сляпсили,*

сперли (кричат бурсаки с разных сторон). Используются ксенизмы: поевдолатинские образования: *Разопьем штофендию*, а также включение церковнославянских «словес»: — *А в ухо хочешь? — Оплетохом, беззаконовахом и неправдовахом.*

И, наконец, двое бурсаков от делать нечего «учатся иностранным лоякам». Один говорит: «по херам», включая в каждое слово «хер»: *хер-я хер-ни, хер-че, хер-го, хер-не, хер-зна, хер-ю* (к завтраму), другой отвечает по «щипцы»: *ши-чего ни-цы, ши-йся, не бо-цы* (= ничего не бойся). Любопытно, что это очень напоминает по структуре французское аргю *javanais*, когда в каждое слово вставляют слог -ва- и отчасти (второй «язык») — *verlan*, состоящий в том, что меняют местами слоги в словах, добавляя к ним другие звуки. Анализ языковых игр, связанных с варьированием слов, показывает, что несмотря на языковые различия, принципы этого варьирования и стимулы, побуждающие прибегать к нему, весьма сходны в разных языках.

1) Хейзинга Й. *Homo ludens*. М., 1992.

2) *L'orthographe en liberté*. LIDIL, № 1, Grenoble, 1989.

ГЛАВА II

ОБЩАЯ ТИПОЛОГИЯ ФОРМ
ЯЗЫКОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ*

Проблемы языковых преобразований исследовались многими учеными и в разных аспектах¹.

В связи с этим использовалась различная терминология, отражавшая различные стороны этих преобразований. Так, в отношении структуры предложения дифференцируются понятия «трансформация», «перифраза», «деривация». Основными компонентами структуры предложения являются грамматические категории (морфологические формы и синтаксическая модель) и лексическое наполнение, причем предложение (высказывание) имеет определенный смысл (то есть соотносимость с ситуацией). Поэтому указанные три термина могут дифференцироваться на основании того, что подвергается изменению при преобразовании высказывания: грамматическая модель, лексическое наполнение или смысл (знак «+» обозначает наличие изменения, знак «—» — неизменность):

	Грамматическая модель	Лексическое наполнение	Смысл
Трансформация	+	—	—
Перифраза	+	+	—
Деривация	+	+	+

При такой классификации трансформация трактуется как изменение грамматической модели при сохранении лексемного состава и смысла (значения), перифраза — изменение модели и лексического наполнения при неизменности содержательной стороны высказывания и, наконец, деривация — изменение во всех аспектах предложения, включая его смысловое содержание. Однако следует различать предложение в ситуации (высказывание) и отвлеченное от ситуации (контекста), Приведенные три типа преобразований значимы только

* Опубликовано: Pour un calcul logique des équivalents de traduction // Meta. Montréal, 1992. Vol. 37. № 1. Mars.

¹ См. Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1974; Гак В. Г. Рецензия на эту книгу // ВЯ, 1976, № 1, с. 139.

для предложения вне ситуации. В ситуации, в силу языковой избирательности, о которой речь шла выше, фраза, представляющая любой структурный дериват или компрессию исходного предложения, может выступать как полный смысловой синоним последнего. В силу этого можно в таких случаях дериват рассматривать как трансформу с сохранением смысла. Например, предложения *Это сложно* и *Я нахожу это сложным* находятся в отношении смысловой деривации, если их брать самих по себе, в отрыве от ситуации, но они могут соотноситься с одной и той же ситуацией и выступать уже как трансформы. Особенно часто это прослеживается при сопоставлении переводов. Так, русскому *Что, смешно?* Во французском языке нормально может соответствовать *Tu trouves ça drôle?* (букв. «Ты находишь это смешным?»), поскольку эксплицитно выражается модус, который в русской реплике не выводится из глубинной структуры в поверхностную.

Далее мы будем заниматься преимущественно преобразованиями, при которых сохраняется смысл высказывания в конкретной ситуации или контексте. Общая типология преобразований может быть установлена индуктивным или дедуктивным путем. В первом случае выявляются все реальные преобразования, они классифицируются в определенные типы по определенным признакам. Во втором — преобразования устанавливаются путем логического исчисления.

В любой сфере преобразование в принципе может иметь тройкий характер: качественный, количественный или пермутационный (элемент добавляется или устраняется; элемент изменяется; элементы меняются местами). Нередко эти основные типы преобразований сочетаются. Например, в паре *победить* → *одержать победу* мы имеем во втором случае количественное изменение (два слова вместо одного) и качественное (основное значение выражено глаголом в первом случае, существительным — во втором).

Количественное преобразование может объясняться двумя основными факторами:

а) устранением (или добавлением) элемента ситуации, который не выводится (или выводится) из глубинного уровня в поверхностный (пример приводился выше).

б) повторением или опущением элемента, который семантически дублирует другой элемент высказывания. Например, *Петр — умный (человек)*. Слово *человек* семантически дублирует мужское имя *Петр*. Такое использование в структуре именного сказуемого гиперонима к подлежащему или к другому компоненту сказуемого типично для организации русского предложения. Ср. также: *Он инженер по специальности*, где *специальность* — гипероним к *инженер*.

Более подробно виды и факторы количественных преобразований будут рассмотрены в специальном параграфе.

Промежуточное место между количественным и качественным преобразованием занимает явление, которое можно назвать «подкрепление» (франц. *étouffement*) — использование знаменательных слов в полуслужебной функции. Такое слово, имеющее общие семы («смыс-

лы») со словом, к которому оно относится, заменяет или «подкрепляет» морфологический формант, предлог, союз, либо заполняет нулевую позицию. Например, *письмо, написанное другу* (или *к другу*); *Речь (произнесенная) при открытии конгресса*; *На поле (растет) рожь* и т. п. Письмо существует, так как его *пишут*, равно как и речь обязательно *произносится*, а способ существования растения в русском языке выражается глаголом *расти*.

Количественные преобразования могут быть логически исчислены исходя из лексико-грамматических структур.

Предложение представляет собой упорядоченное множество слов, имеющих определенное значение, морфологическое оформление и синтаксическую функцию. Отвлекаясь от интонации и порядка слов, можно логически вычислить пять основных типов лексико-синтаксических преобразований.

1) Транспозиция грамматических категорий (числа, времени и т. п.).

2) Транспозиция частей речи (грамматических классов).

3) Трансформация средств связи между предложениями или их частями.

4) Актантные трансформации (изменение синтаксической функции слова).

б) Семантические трансформации в слове.

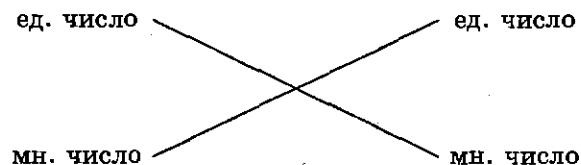
Каждый из этих типов делится на подтипы, которые в свою очередь могут быть логически исчислены и представлены в виде матрицы. Иногда в матрице обнаруживаются пустые клетки, а конкретная возможность преобразования ограничивается лексическими фильтрами.

Ниже термин *транспозиция* употребляется для обозначения замены частей речи и их категорий, *трансформация* — для обозначения перестройки предложения.

1. Транспозиция грамматических категорий

Она заключается во взаимозамене форм в пределах парадигмы. Одна из форм заменяется на какой-либо ее парадигматический противочлен.

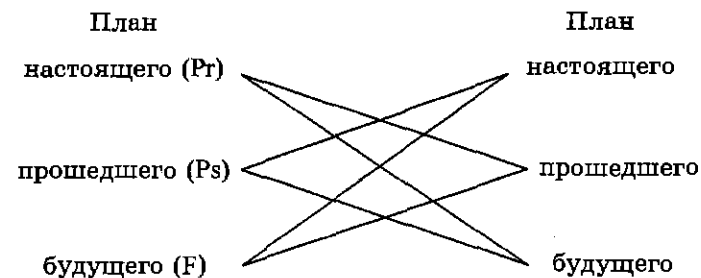
Для категории из двух субкатегорий логически исчисляются два вида вариативности. Такова, например, категория числа в русском и французском языках:

То есть, либо форма единственного числа заменяется формой множественного, либо наоборот.

Во внутриязыковой вариантности: *Работает сто человек ↔ работают сто человек*; или при межъязыковых расхождениях: *в рамках чего-л. ↔ фр. Dans le cadre de (ед. ч.)*.

Для категории из трех субкатегорий исчисляются **шесть** типов вариативности. Так, для трех временных планов глагола возможны шесть транспозиций (и три прямых, неизменных формы):

Например, при переводах (замена плана настоящего):

$Pv \rightarrow Ps$ Tu es toute pâle de fatigue (Anouil)

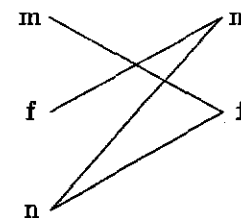
Ты *побледнела* от усталости.

$Pv \rightarrow F$ Ah! Je vous escorte, dit Homais (Flaubert)

— Ну что же, я вас *провожаю*, — сказал Омэ.

В том случае, если количество субкатегорий в обоих множествах не совпадает, то ситуация усложняется. Так, если в одном множестве три субкатегории, а в другом — две, то теоретически возможны четыре вариации.

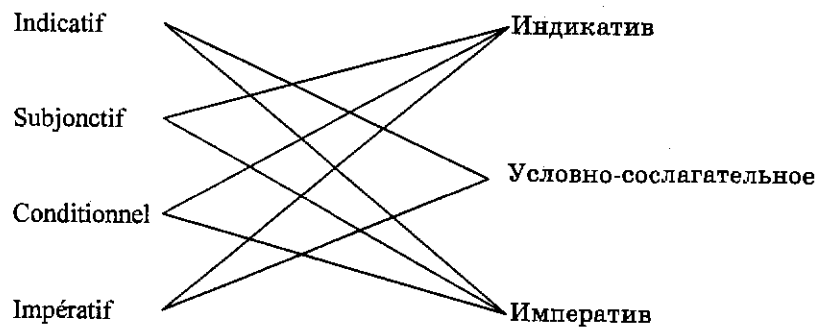
Это наблюдается при переходе от трехчленной категории рода к двухчленной при устранении среднего рода или смешении родовых форм.

Например, при переходе от латинского языка к романским слова среднего рода переходили в мужской или в женский (*lacte n* → *молоко*; *lait folium m* → *feuille f лист*). С другой стороны, в современном французском языке возможны нормативные колебания в роде (*naltère m* → *f*, *ragne m* → *f conteste f* → *m*; *oriflamme f* → *m*). Таким образом реализуются все четыре возможных транспозиции форм рода.

Если в одном множестве четыре субкатегории, а в другом три, то логически исчисляется восемь возможных транспозиций. Например, в системе наклонений французского языка грамматическая традиция

различает четыре наклонения: индикатив, сослагательное, условное, императив. В русском языке различают три наклонения: индикатив, условно-сослагательное, императив. Вариативные асимметричные соответствия могут быть представлены схемой:

Например, Indicatif ↔ условно-сослагательное наклонение: *S'il faisait beau temps...*; Если бы была хорошая погода;

Indicatif ↔ императив: *On a beau chercher, on ne trouvera rien de mieux*. Сколько ни ищи, лучше не найдешь.

В целях экономии места, мы опускаем примеры на остальные шесть возможных транспозиций.

2. Транспозиция частей речи (междуклассные транспозиции)

Эта транспозиция может быть резюмирована следующей матрицей (N — существительное, V — глагол, A — прилагательное, D — наречие, R — служебное слово (предлог, союз) либо аффикс):

→	N	V	A	D	R
N	—	N → V	N → A	N → D	N → R
V	V → N	—	V → A	V → D	V → R
A	A → N	A → V	—	A → D	A → R
D	D → N	D → V	D → A	—	D → R
R	R → N	R → V	R → A	R → D	—

В пределах отмеченных пяти классов возможны два типа транспозиции.

С точки зрения строения транспозита (результата транспозиции) и средства транспозиции выделяются четыре формальных структуры:

а) синтетическая: перевод семантемы в новый функциональный класс отмечается морфологическим средством (аффиксом, флексией) или синтаксическим окружением:

$N \rightarrow D$ *Он работает ночью* ↔ *il travaille la nuit*;

б) морфолого-аналитическая: средством транспозиции выступает служебное слово, например, предлог:

$N \rightarrow A$ *ночной* ↔ *de nuit*;

в) лексико-аналитическая: в качестве средства транспозиции используется знаменательное слово в полуслужебной функции:

$V \rightarrow N$ *город посетил президент* ↔ *la ville a reçu la visite du Président*

г) супплетивизм: элементы разных функциональных классов, объединяемые общим значением, восходят к разным лексемам:

$D \rightarrow N$ *сказав это...* при этих словах.

В аналитических структурах мы имеем сочетание качественного и количественного преобразования.

Можно отметить четыре формы транспозиции в зависимости от факторов, вызывающих ее:

а) прямая (непосредственная транспозиция);

б) зависимая транспозиция;

в) интерверсия (взаимозамена главного и зависимого членов синтагмы);

г) трансформация связи.

Подробно эти четыре типа рассматриваются в следующей главе.

3. Трансформация форм связи

Этот тип трансформации проиллюстрирован последним примером. И в этой области можно разработать логически исчисляемую типологию. Два процесса могут быть представлены следующим образом (V — личная форма глагола; [V] — неличная форма; N — параглагольное, то есть соотносящееся с глаголом существительное; et — сочинительный союз; que — подчинительный союз; pr — предлог).

V, V. — два отдельных соположенных предложения

V, V — сложное бессоюзное предложение

V et V — сложносочиненное предложение

V que V — сложноподчиненное предложение

VV — простое предложение с однородными сказуемыми

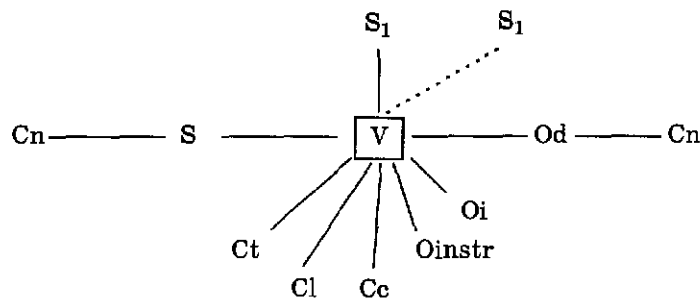
V[V] — простое осложненное предложение (включающее причастный, деепричастный, инфинитивный оборот)

V pr N — простое предложение, в котором один из процессов репрезентирован существительным, образующим предложный оборот)

VN или NV — простое предложение, в котором номинализованный член предложения выполняет функцию беспредложного дополнения или подлежащего.

4. Актантные трансформации

В число актантов включаются все именные компоненты предложения, способные коммутировать между собой, в частности, с подлежащим. Актантные трансформации могут быть представлены следующей схемой:

Вокруг глагольного узла объединяются субстантивные элементы: S — субъект; Od — прямой объект; Oi — косвенный объект; Oinstr — орудийный объект; Cc — обстоятельство причины; Cl — обстоятельство места; Ct — обстоятельство времени; Cn — именное дополнение, относящееся к субъекту или прямому объекту; S₁ — фиктивный (ложный) субъект (транспонированный), S₂ — дополнительный субъект, подсказываемый ситуацией.

При актантной трансформации изменяется синтаксическая функция слова без изменения его частеречной принадлежности.

Можно различать 4 типа актантной трансформации:

а) взаимозамена подлежащего и второстепенного члена:

S ↔ Od *Il est entré à l'université Ego* приняли в университет;

б) введение в предложение фиктивного (ложного) актанта = подлежащего, которое образуется в результате транспозиции глагола. *Он работает успешно* → *Работа у него идет успешно*. При этом сказуемое трансформированного предложения (*идет*) выражено процессуальным глаголом.

Фиктивным мы его называем потому, что он указывает не на реальный субъект, а на само действие;

в) введение в предложение дополнительного субъекта, подсказываемого ситуацией. Обычно здесь речь идет о говорящем или воспринимающем лице, которое предполагается глубинной структурой ситуации. Примеры из переводов:

J'ai entendu une voix sourde lire quelque Mose dans la salle (Camus) — *Потом в зале послышался глухой голос, он что-то читал.*

Лучше пусть он пропадет (Гоголь) — *Je préfère le perdre tout à fait.*

Tu n'est pas obligée de courir. Tu as le temps (Clavel) — *Бежать тебе не зачем, время есть.*

Характерно соответствие французского подлежащего русскому дополнению (*tu* — тебе) и отсутствие подлежащего во втором предложении в русском переводе.

Эти трансформации по-разному используются в разных языках. Французское подлежащее чаще соответствует русскому дополнению или обстоятельству, чем наоборот. Дополнительный субъект также более свойственен французской фразе, тогда как транспонированный («фиктивный») — русской.

г) второстепенный член предложения соответствует другому второстепенному члену: *Он толкнул кучера в спину* → *Il tapota le dos du cocher* (Он легонько ударил спину кучера)

Более подробно актантные трансформации с анализом типовых изменений, происходящих при этом в глагольном ядре, будут рассмотрены в следующих главах.

5. Семантические преобразования

Семантические преобразования сводятся к логическим отношениям между понятиями. Существует пять универсальных типов этих отношений:

а) отношения тождества, проявляющиеся в выборе синонимов или различных перифрастических средств;

б) отношения контрадикторности, лежащие в основе антонимии;

в) отношения включения, обуславливающие замену одного соподчиненного члена другим;

г) отношения пересечения, проявляющиеся в метафорах, метонимии и меронимии.

Существует два типа иерархических отношений, связывающих предметы и понятия: иерархия «быть» и иерархия «иметь». Первая охватывает четыре из перечисленных выше отношений между понятиями. Иерархия «иметь» включает отношения присущности, объединяющие предмет и его признаки, его отношения к другим предметам, его части. Метафора основывается на сходстве признаков у разных предметов, метонимия — на отношении смежности, меронимия — на отношениях целого и части.

Более подробно процессы транспозиции, актантных трансформаций и трансформаций семантических рассматриваются в последующих главах.

ГЛАВА III

ТРАНСПОЗИЦИИ

В этой главе рассматривается общая типология транспозиций и их реализация в области перевода (русский и французский языки).

Отдельный параграф посвящен частному, но очень частому виду транспозиции — номинализации преимущественно в связи с коммуникативной задачей — устранения субъекта в высказывании.

1. Типология контекстуальных языковых преобразований при переводе*

Как и всякая другая наука, теория перевода должна заниматься двумя типами проблем: описательными (отвечая на вопрос *что? и как?*) и объяснительными (давая ответы на вопросы *почему?, с какой целью?*). Обычно в переводоведении больше внимания обращается на второй, более сложный, вопрос: ученые стремятся проанализировать факторы, которые ведут к разнообразным переводческим заменам, обуславливают выбор дисэквивалентного варианта при переводе и т. п. Первый вопрос — о том, какие вообще преобразования в тексте могут иметь место при переводе, — отходит на второй план. Нельзя сказать, что этот вопрос совсем проходит мимо внимания специалистов: в любом пособии по переводу отмечаются разнообразные лексические замены и грамматические трансформации, с которыми переводчик сталкивается или может сталкиваться в своей работе. Но эти трансформации определяются чисто эмпирически, отсутствует попытка их общей инвентаризации и логического исчисления. Между тем такой подход позволяет не только объяснить эти трансформации, но и дать их исчерпывающее описание. В свое время Я. И. Рецкер, один из основоположников науки о переводе, выявил четыре основных закономерности при переводе (в области лексики): конкретизацию, анатомический перевод, смысловое развитие, компенсацию. В дальнейшем было показано, что эти четыре типа лексико-семантических трансформаций отражают четыре основных типа различающих логических

отношений между понятиями. Тем самым становится ясно, почему имеется только четыре типа таких преобразований, почему они носят именно такой характер и почему, наконец, они оказываются универсальными.

Общая инвентаризация и типологическая классификация всех возможных языковых преобразований может оказать несомненную пользу теории перевода. Она обеспечит осуществление трех задач: дать в руки переводчику полную гамму средств, способных выражать данное значение; оправдать существующую практику перевода, поскольку в своей работе переводчики стихийно прибегают к преобразованиям, порой весьма сложным; дать лингвистическое объяснение любому виду расхождений при переводе. Нередко исследователи отказываются классифицировать те или иные переводческие решения, объявляя их «контекстуальными». Однако общая и полная типология переводческих преобразований позволяет обнаружить цепь трансформаций, которая связывает элемент исходного текста с соответствующим элементом текста перевода, и тем самым показать закономерность данного решения.

Создание полной типологии переводческих преобразований осуществляется двумя путями: дедуктивным (логическим исчислением возможных преобразований) и индуктивным (анализом реальных переводов и обобщением их материала). В данном случае мы ограничимся рассмотрением лишь фрагмента такой полной типологии.

Любое преобразование в объективной действительности может иметь качественный или количественный характер. При количественном преобразовании устраняются либо добавляются определенные элементы структуры целого. При качественном преобразовании происходит замена одного элемента другим. Спецификой языковых преобразований является то, что в них качественное преобразование часто связано с количественным, например, слово может заменяться не только словом иной категории, но и словосочетанием, в связи с чем изменяется число формальных элементов структуры.

В текстах мы нередко сталкиваемся с прямыми добавлениями или опущениями при переводе. Например (здесь и далее все примеры взяты из опубликованных переводов, на первом месте — подлинник, затем следует его перевод): *Разрезавши хлеб на две половины, он поглядел в середину...* Le pain une fois coupé en deux parts égales, il en regarda l'intérieur; ...*Сказал он наконец, почесав рукою за ухом ...Dit-il en se grattant derrière l'oreille.* Изучение подобных фактов представляет большой интерес, так как проливает свет не только на типологию переводческого дела, но и на ряд интересных проблем сопоставительной грамматики и стилистики. Такие «прямые» добавления и опущения имеют свою классификацию, обуславливаются определенными факторами. Например, добавление местоимения во французской фразе обусловлено грамматически, избыточное существительное в русском предложении — по-видимому, стилистико-просодическими факторами. Но в данной статье мы не будем касаться прямого добавления

* Впервые опубликовано: Текст и перевод. М., 1988.

или опущения (в этом явлении большую роль играет и прагматический аспект высказывания), но рассмотрим лишь качественные и качественно-количественные преобразования, так есть такие добавления и опущения, которые связаны с преобразованием другого элемента высказывания.

Исходной единицей анализа в изучении типов преобразований при переводе в тексте является высказывание — актуализированное предложение. Всякое предложение состоит из определенного количества слов, имеющих определенную морфологическую форму, принадлежащих к определенному морфологическому классу (части речи) и связанных определенными синтаксическими отношениями; слова в предложении расположены в определенном порядке и некоторым образом интонированы. Если не касаться (в данном случае) словопорядка и интонации), то можно выделить логически четыре основных типа преобразований: 1) транспозиция грамматических категорий (числа, времени, наклонения и т. п.); 2) транспозиция частей речи; 3) лексико-синтаксические трансформации (единственной чисто синтаксической трансформацией является изменение порядка слов: все остальные преобразования в сфере синтаксиса связаны с той или иной лексической или морфологической заменой); 4) лексико-семантические преобразования (они охватывают также способы описания ситуации, вопросы прагматики).

Ниже мы остановимся, и то неизбежно лишь в общих чертах, на втором типе преобразований: транспозиции частей речи, вернее замене функциональных классов. В транспозиции следует различать три аспекта: структурный, содержательный и функциональный. Первый касается формы транспоненда и транспозита, второй — вида перехода от одного класса к другому, третий — контекстуальных условий реализации данных трансформаций.

В процессе трансформации, как это отмечали Ш. Балли и Л. Теньер, сделавшие многое в изучении этого языкового явления, следует различать три компонента (пользуемся терминологией Балли): транспоненд (исходная форма), транспозитор (средство транспозиции), транспозит (результат транспозиции). Транспоненд и транспозит могут принадлежать к любому функциональному классу. Ниже мы выделяем шесть таким классов: существительное или субстантив (N), глагол или предикат (V), прилагательное или характеристика субстанции (A), наречие или характеристика действия (D), местоимение (P), служебное слово (R). В последнюю группу мы включаем, понимая всю гетерогенность ее, различные служебные показатели транспозиции: предлоги, союзы, детерминативы.

В качестве транспозитора или средства транспозиции используется пять универсальных способов: а) изменение окружения без изменения формы слова; б) изменение морфологических категорий слова; в) использование служебных слов; г) использование десемантизированных знаменательных слов в полуслужебной функции; д) супплетивизм основ. Например, если слово *ночь*, *la nuit* (N) нужно перевести в другие

значимые классы, то это можно сделать следующим образом: V — *наступает ночь* (г), *il fait nuit* (г); A:

— *ночной* (б), *de nuit* (в), *nocturne* (б, д); D — *ночью* (а или б), *la nuit* (а), *nuitamment* (б).

Использование указанных пяти универсальных способов транспозиции приводит к формированию трех формальных типов функциональных классов, будь то транспоненд или транспозит: При способах (а), (б) и (д) образуются синтетические структуры. Способ б (в) ведет к образованию морфолого-аналитических структур, состоящих из служебного слова и знаменательного. Способ (в, г) формирует лексико-аналитические структуры, состоящие из десемантизированного знаменательного слова, определяющего нередко функциональный класс всей структуры, и другого — знаменательного — слова, выражающего основное значение всей структуры (см. примеры выше).

Содержательный тип транспозиции определяется тем, из какого класса в какой переходит языковая форма, иначе говоря, функционально-классовой принадлежностью транспозита и транспоненда. Теоретически любой класс может передавать свой элемент в любой другой класс, так что образуется 36 видов транспозиции, определяемые следующей матрицей:

—	N	V	A	D	P	R
N	N—N	N—V	N—A	N—D	N—P	N—R
V	V—N	V—V	V—A	V—D	V—P	V—R
A	A—N	A—V	A—A	A—D	A—P	A—R
D	D—N	D—V	D—A	D—D	D—P	D—R
P	P—N	P—V	P—A	P—D	P—P	P—R
R	R—N	R—V	R—A	R—D	R—P	R—R

Матрица показывает, что теоретически возможны внутрикласные и межкласные транспозиции. Семантические внутрикласные транспозиции возможны, например, в разряде субстантивов и местоимений (замена имени действия именем деятеля или места действия, что нередко встречается в переводе, замена личного местоимения указательным или относительным, что также оказывается закономерным по многих контекстуальных условиях). В сфере глаголов и прилагательных внутрикласные транспозиции касаются формы: замены глагола сочетанием личной формы глагола и инфинитива (*пригласить* — *faire venir*), замена сочиненных прилагательным одним сложным (*la base matérielle et technique* — *материально-техническая база*). Но мы проанализируем лишь межкласные транспозиции, которых, согласно данной матрице, может быть 30. Учитывая, что каждый содержательный вид транспозиции может принимать одну из трех вышеуказанных структурных форм, общее число возможных преобразований такого рода достигает 190. С целью большей компактности изложения мы будем группировать виды транспозиций попарно: N — V, охватывающий N — V и V — N и т. д., независимо от того, какая часть

речи представлена в тексте подлинника и в тексте перевода, хотя, разумеется, каждый язык проявляет здесь определенную тенденцию.

Что касается контекстуальных условий реализации транспозиций, то здесь различается четыре случая, которые мы проиллюстрируем примерами синтетических структур:

а) непосредственная транспозиция, при которой данный член предложения заменяется иным с изменением непосредственных синтаксических связей. например: *очень большая поднялась дороговизна на все припасы* — *la cherté de la vie a considérablement augmenté*. Если отвлечься от порядка слов и лексической замены (*на все припасы* — *de la vie*), то основная структурная схема предложения сохраняется при переводе; но интенсивность в русском тексте выражена прилагательным или существительным, тогда как во французском — наречием при глаголе (транспозиция A → D);

б) зависимая транспозиция, при которой замена функционального класса подчиненного члена предложения определяется заменой класса господствующего компонента: *Адвокат пугливо посмотрел на дверь* — *L'avocat jeta un regard craintif du côté de la porte*. В русском предложении действие характеризуется наречием, относящимся к глаголу, во французском — прилагательным, относящимся к существительному, которое совместно с десемантизированным глаголом обозначает действие (формулы: V + D — V + N + A);

в) интерверсия — взаимозамена господствующего и подчиненного членов словосочетания. Например, A₁ + N₂ — N₁ + A₂: *Он поспешил в собор, пробрался сквозь ряд нищих старух* — *Il s'y dirigea aussitôt et se fraya un passage à travers une file de vieilles mendiants (нищие старухи заменены на старые нищенки)*. Иногда обнаруживается при интерверсии односторонняя транспозиция: *Нужно ему прослужить еще лет пятю* — *Il lui fallait encore sept cinq ans de service (V₁ + N₂ — N₂ + N₁)*;

г) трансформация связи, определяемая заменой паратаксиста гипотаксистом и наоборот. При этом двум однородным членам предложения в одном тексте соответствует словосочетание с подчинительной связью в другом. Например: D + V — V + V. *Приподнявшись немного на кровати, он увидел, что супруга его...* — *Il se souleva à demi sur lit et vit son épouse qui...; A + N — N + N; Сопровождаемый нелегкими увещеваниями Прасковьи Осиповны...* *Poursuivi par les jurons et admonestations de Prascovie Ossipovna* (переводчик усмотрел здесь у Гоголя игру слов, связав прилагательное *нелегкими* с «нелегкой силой», на основании чего он и перевел это слово *jurons* «ругательства»).

Рассмотрим транспозиции синтетической структуры (при попарном объединении их будет 15 видов).

1. N — V. Это соответствие особенно характерно для номинативных предложений, описывающих процессы бессубъектные или с неопределенно-личным субъектом: *Дождь* — *Il pleut; On a sonné!* — *Звонок!*; *A cinq heures, retour du café* — *К пяти часам возвращаемся в кафе*. Существительное может находиться в составе зависимого комплекса: *Сама натура назначила, чтобы, наевшись, немного отдох-*

нуть — *La natura avait elle-même prescrit qu'à bon repas succédât une courte sieste; Майор Ковалев был не прочь и жениться* — *Le major Kovaliov n'était pas hostile à l'idée de mariage*. В этих случаях имени соответствует инфинитив.

2. N — A. Такое соответствие часто встречается при передаче существительного в приложении: *positions-clé* — *ключевые позиции*.

3. N — D — при выражении обстоятельства существительным без предлога: *работать ночью* — *travailler la nuit*.

4. N — P. Это соответствие возникает при расхождении норм местоименной репрезентации в разных языках. Во французском тексте существительное относительно чаще заменяется местоимением, чем в русском: *Иван Яковлевич даже усмехнулся* — *Il eut même un léger rire*. Ясный из ситуации субъект в нем нередко обозначается неопределенным местоимением: *Он était arrivé de Belfort à cinq heures* — *Из Бельфора войска ушли часам к пяти*.

5. N — R. Такое соответствие можно видеть при использовании так называемых составных предлогов, включающих существительное: *Мы узнали от старых гимназистов...* — *Nous apprîmes de la bouche d'élèves âgés...*

Прежде чем переходить к другим глагольным транспозициям, отметим, что деепричастные формы мы относим к наречиям, причастные — к функциональному классу прилагательных, но инфинитив — к глагольному, а не к именному классу.

6. V — A. Это соответствие часто обнаруживается при использовании причастных форм в позиции сказуемого при отсутствии глагола-связки: *Последние слова объяснялись появлением горничной, сгорающей от любопытства* — *Ceci expliqué par l'apparition de la bonne curieuse comme trente-six*.

7. V — D. Такое соответствие наблюдается при использовании предикативных наречий, а также в интерверсивных конструкциях: *Ясно было, что...* — *On pouvait déjà comprendre que...; Поспешно стаскивая свои перчатки* — *Tandis qu'il se hâtait d'ôter ses gants*.

8. V — P. В этом случае мы сталкиваемся с глагольной репрезентацией, при которой полнзначный глагол замещается в тексте глаголом-субститутотом типа английского *to do*, французского *(le) faire*, русского *буду* для будущего времени.

9. V — R. Функциональная идентичность глагола и предлога, связывающих существительные, давно отмечалась в лингвистике. В области перевода нередко случаи практической эксплуатации этой идентичности. Например, даже в таком ситуативном обозначении как русск. *от/к себе*, франц. *poussez, tirez* мы видим, что направление обозначается предлогом в одном случае и глаголом — в другом. Отношения, выражаемые предлогом, нередко передаются придаточным предложением с глагольным центром: *Весь дрожа, как в лихорадке...* — *Il tremblait de tous ses membres comme s'il avait la fièvre*.

10. A — D. Это соотношение особенно частотно в двух случаях: при использовании в одном из текстов обособленного прилагательного,

характеризующего обстановку: *Что вы говорите? — напряженно повторяет сановник.* — *Qu'est-ce que vous dites! reprends le dignitaire, crispé; Было тихо — Le temps était doux.* Но еще чаще соответствие прилагательное — наречие проявляется в случае зависимой транспозиции, при замене имени глаголом (см. примеры ниже).

11. А — R. Прилагательное или чаще — причастие может выражать отношение, передаваемое предлогом в условиях, аналогичных тем, где эти значения выражаются глаголом (см. выше, 9): *Бакенбарды у него были такого рода, какие и теперь еще можно видеть у губернских поветовых землемеров — Ses favoris étaient du genre de ceux que l'on peut encore voir de nos jours ornant les visages des arpenteurs de chefs-lieux de province.*

12. А — P; 13. DA — P; 14. D — R; 15. PR — R — более редкие случаи. Местоименный элемент может заменять полнозначное прилагательное или наречие при повторах (словами типа *этот, такой, там*). Поскольку в число служебных слов включаются и артикли, транспозиции типа 12. А — R, реализуется при замене неопределенных прилагательных неопределенными артиклями (некоторые — *des*), транспозиция 15. P — R — при замене местоимений типа *этот, мой* — определенным артиклем *le*.

Морфолого-аналитические структуры, используемые при функциональной транспозиции, можно представить общей формулой рМ, где р — служебное слово, а М — слово любой части речи. К служебным словам мы относим здесь союзы, предлоги, детерминативы, глаголы-связки. Не все 15 теоретически возможных видов транспозиции реализуются здесь в паре данных языков. С другой стороны, нередко в обоих сопоставляемых текстах мы имеем аналитическую структуру, либо она представлена в одном тексте, так что возможны два текстуальных вида соотношений с использованием аналитических структур: синтетическая структура — аналитическая структура; аналитическая структура — аналитическая структура с центральными знаменательными словами разных частей речи. Рассмотрим функционирование в межязыковом плане различных морфолого-аналитических структур (МАС).

МАС—1 N — pV. Чаще всего эта транспозиция реализуется при передаче придаточного предложения, вводимого союзом предложным оборотом с существительным (то есть, при соответствии рN — pV). *Что всегда он делал, когда просыпался — C'était son habitude chaque matin au réveil.* Здесь первое предложение *что* + глагол соответствует сочетанию être + существительное. Существительное с глаголом-связкой может соответствовать одному глаголу при выражении характеристики субъекта. И, наконец, глагол может соответствовать составному предлогу-существительному. Вот примеры: *Он хорошо танцует — Il est un beau danseur; Относительно несправедливых укориш со стороны вашей — En ce qui concerne les injustes reproches que vous m'adressez.*

МАС—2 pN — A. Это очень частое соответствие, проявляющееся в самых разнообразных синтаксических позициях. В качестве р при N выступает предлог или глагол-связка: *Он увидел что-то белевшееся — Il vit quelque chose de blanc; Она смотрела на него с испугом Elle le regardait effrayée.*

МАС—4 pN — D: *лениво sans entrain; Он строил в голове разные планы — Mentalement, il bâtissait des plans. Я давно подозревал его в пьянстве — Je le soupçonnais depuis longtemps d'être ivrogne; для приличия — pour ne pas être incorrect.* В последних примерах соотношение: рN — pA.

МАС—5 pN — P; реализуется при замене местоимением косвенного падежа существительного с предлогом: *ей à elle.*

МАС—6 pA — V. Это соотношение встречается довольно часто при выражении предиката: *Она очень обрадовалась — Elle a été très heureuse.*

МАС—7 pV — D. Такая транспозиция весьма часта при выражении признака действия с предлогом: *неторопливо — sans entrain.*

МАС—9 pV — R. Это соответствие имеет место при выражении отношений предлогом в одном тексте и глаголом, вводимым относительным местоимением, в другом: *Довольно ловко подвернув под нее крышку с портретом какой-то дамы в шляпке — Non sans faire assez habilement passer par dessous le couvercle qu'agrémentait le portrait d'une dame en chapeau.*

МАС—10 pA — D. Эта транспозиция характерна, в частности, при передаче предикативного наречия именным сказуемым: *Paul n'est pas content — Полю досадно.*

МАС—13 D — pR. *Двумя рядами впереди — à deux rangs devant lui.*

Остальные виды транспозиций не реализуются или реализуются настолько редко, что не отмечены в анализированных текстах.

Наибольший интерес с переводческой точки зрения представляют лексико-аналитические структуры (ЛАС), хотя они и наименее изучены. Даже Теньер в своем фундаментальном исследовании всевозможных трансформаций, подробно разбирая синтетические и морфолого-аналитические структуры, совершенно проходит мимо лексико-аналитических. А между тем они выступают как важное средство переводческих задач, возникающих в тексте. Их структурная особенность состоит в том, что в качестве транспозитора вступает не служебное слово (типа предлога, союза), но знаменательное слово, которое приобретает в данной позиции полуслужебную функцию. Общая формула ЛАС q + M, где q — компонент словосочетания, выполняющий полуслужебную функцию. Следует различать языковой и речевой десемантизированные элементы. Первый представлен в словосочетаниях и оборотах, входящих в самую языковую систему, например: *принимать участие — participer; темнело — l'obscurité tombait.* Речевые ЛАС образуются в речи, именно они особенно интересны с точки зрения теории и практики перевода. Ср.: *le discours inaugural* и *речь, произнесенная при открытии.* Одно и то же значение выражено во французском тексте прилагательным, в русском существительным, причем

причастие *произнесенная* семантически избыточно, так как его значение содержится в слове *речь* (всякая *речь* существует, поскольку она произносится), не влияет на содержание и выполняет строевую функцию, позволяя для определения имени использовать другое имя, поскольку прилагательное типа *inaugural* в русском языке не существует. Общая структура этой ЛАС: $pAq^* + N$. Аналогичным образом перевести франц. *les dîners imprudents* дословно («неосмотрительные обеды») стилистически неприемлемо, и переводчик использовал ЛАС: *обеды, которые они неосмотрительно устраивали*, где полуслужебную функцию выполняет глагол *устроить* (формула: $Vq + D$). В обоих рассмотренных случаях слово десемантизируется в силу контекстуальной своей избыточности: его введение в высказывание определяется не потребностями номинации, но необходимостью организации выражения определенной структуры.

Ниже будут рассмотрены основные типы ЛАС, используемые при функциональной транспозиции. Эти типы соответствуют в целом приведенной выше матрице транспозиций, с той оговоркой, что некоторые из предусмотренных матрицей видов по той или иной причине не реализуются, тогда как один и тот же тип транспозиции реализуется в ряде структур. Среди этих последних некоторые могут относиться к внутриклассным, так как главный семантический компонент ЛАС совпадает в них по принадлежности к части речи со словом синтетической структуры. Для ЛАС мы дадим собственную нумерацию.

$N - A$. Эта транспозиция реализуется в ЛАС двух типов: $(Nq + A)N^*$ и $(N + Aq)N^*$. В первой служебную функцию несет имя, во второй — прилагательное, в целом же в обоих случаях ЛАС транспонирует имя в класс прилагательных, образует единицу субстантивного класса. Первая структура — обеспечивает межклассную транспозицию, вторая — относится к внутриклассным.

ЛАС—1. $(Nq + A)N^*$. В этой структуре служебную роль транспозитора выполняет существительное. N — прилагательное или любая другая единица, которая может выступать в функции прилагательно-го: существительное в родительном падеже, существительное с предлогом, инфинитив и др. Семантика Nq зависит от общего категориального значения аналитической номинации. Для каждой семантической категории имен выделяется в каждом языке серия, определенный семантический разряд слов, служащих для формирования сложной номинации, если в данном языке или в данном тексте невозможно использовать синтетическую, образованную путем словопроизводства или конверсии. Например (ограничиваемся примерами из русского языка), при наименовании процесса: *проведение, создание чего-либо*; абстрактных понятий: *способность, звание, чувство, положение*; при наименовании лица: *работник, деятель, мастер, член, участник, житель*; при наименовании предмета, орудия: *машина, устройство, прибор*; для собирательных понятий: *совокупность, группа*; для единичных понятий: *кусок, голова, штука* и т. д. Этим приемом часто пользуются лексикографы для передачи значений слов, не

имеющих прямых аналогов в языке перевода: *vedettariat звание кинозвезды, scientifique научный работник, ségétiste член ВКТ, Tchadien житель Чада* и т. п. ЛАС—1 нередко используется и в текстах, вот некоторые примеры: *deux oignons две головки лука, assessorство son rang d'assesseur; Он сказал с чувством достоинства Il dit avec dignité*. Последний пример показывает, что если в языке перевода имеется синтетическая форма для соответствующей номинации, то она может быть использована вместо ЛАС подлинника.

ЛАС. $N + Aq - N$. Эта внутриклассная структура служит для выражения определенных лексико-грамматических категорий субстантивного класса, например, уменьшительности: *городок une petite ville*.

$N - V$. Для выражения предиката используется четыре развернутых аналитических глагольно-именных структуры: ЛАС—3 $N + Nq$; ЛАС—4 $Nq + V$; ЛФС—5 $V + Nq$; ЛАС—6 $Vq + N$. В ЛАС—3 и ЛАС—4 существительное выступает в функции формального подлежащего, мы назовем их субъектными развернутыми структурами, в ЛАС—5 и ЛАС—6 оно выполняет формально функцию дополнения (или восходит к обстоятельству), это — объектные развернутые структуры. ЛПС—3 и ЛАС—6 являются транспозиционными структурами, переводящими именную семантему в класс глаголов, остальные две — внутриклассные структуры. Во всех четырех видах структур N обозначает имя действия, но может также указывать и на иные субстанции, связанные с действием: субъект действия (*дождь — дождит*), орудие или орган, с помощью которого совершается действие (*взглянуть — глаза*), место действия (*учиться — школа*) и др. В ЛАС—3 и ЛАС—4 глагол выполняет служебную функцию вербализатора; в семантическом отношении это обычно глаголы движения, существования, действия, обладания, либо глаголы, не имеющие самостоятельного значения, вроде *оказать, впасть* и т. п. В ЛАС—4 и ЛАС—6 служебную функцию несут существительные, они получают ее благодаря своей семантической избыточности: они либо тавтологически повторяют глагол, либо указывают на часть субъекта, связанную реально с выполнением соответствующего действия (метонимическая или синекдохическая тавтология).

ЛАС—3. $N + Vq - V$; N — паравербальное существительное, нередко восходящее к той же лексеме, что и V . В функции Vq используются глаголы бытия, местоположения, процессуальные, фазовые, обладания и др. Нередко эти глаголы используются в переносном значении. Ср. *Они собрались — у них состоялось (или идет) собрание; Пахнет — стоит (или слышится) запах; дом построен — строительство дома окончилось* и т. п. Подобные развернутые структуры нередко применяются для обозначения бессубъектных процессов. Примеры из текстов: *Il ne pleuvait plus Дождь перестал; Mais le sommeil ne vient pas Нам не спится; On n'entendait pas la sonnerie Еще не прозвучал звонок; Aucun changement ne se fit dans sa vie В жизни его ничего не менялось; Все посмотрели на меня Tous les regards se sont braqués sur moi*. Субъектное развертывание может соответствовать объект-

ному $N + Vq - Vq + N$: Il y a donc eu des oranges? Стало быть, бури были?

ЛАС—4. $Nq + V - V$. Используемое в качестве служебного элемента Nq может находиться в отношении тавтологии с V (*гремит — гром гремит*); ср.: Il bruinait Моросил дождь (глагол относится только к понятию дождь и даже может самостоятельно выражать соответствующую ситуацию: Моросило). Он может быть в отношениях метонимии или синекдохи с V , выражая часть тела или орудия либо среду, обязательно связываемые с данным действием: Пахло новыми бочками L'air sentait les tonneaux neufs. Воздух — естественная среда, в которой распространяется запах.

ЛАС—5. $V + Nq - V$. Отношения Nq и простой структуры здесь аналогичны предыдущему случаю, с той разницей, что Nq выполняет формально функцию объекта, а не субъекта. Ср. думать — думать думу (тавтология). Он отвернулся Il détourna les yeux — отношения синекдохи между субъектом (Il) и объектом (les yeux) и метонимии между V (отвернуться) и Nq (les yeux).

Поскольку глагол может заменяться существительным путем прямой транспозиции, образуется более пространный ряд синонимов, например: словно снится (V), словно во сне снится ($V + Nq$), словно это сон (N), словно видит сон ($Vq + N$), из которых автор и переводчик могут сделать выбор: Это, верно, или во сне снится Ce ne peut être qu'un rêve.

ЛАС—6. $Vq + N - N$. Этот тип ЛАС является самым распространенным во всех языках. С помощью полуслужебных глаголов разных семантических групп выражаются различные видовые, залоговые, модальные характеристики действия. существительное с серией таких глаголов образует своеобразную фразеологизированную парадигму: попасть в, быть в, выйти из, поставить в, держать в, вывести из + затруднительное положение; приобрести, потерять, иметь, оказывать, испытать, уйти из-под + влияние. Роль вербализаторов в выражении различных дополнительных значений (действие и состояние, повторное действие и т. п.) видна из следующих примеров: Soudain Martine eut une pause Вдруг Мартина замолчала; Гребни вражеских валов угрожающе молчали La crête des tranchées ennemies gardait un silence éloquent; Il retomba dans son silence Он снова замолчал. С помощью глаголов типа иметь, испытывать, терять, находить и т. п. (все они относятся к сфере чувства или обладания) ЛАС—6 выражают нередко пассивное значение: Коллежский ассессор был совершенно обезнадёжен Notre assesseur de collège perdit ses derniers espoirs. Детерминатив, сопровождающий имя в ЛАС, может участвовать также в выражении видовых значений: Вдруг он отскочил Soudain il fit un écart.

ЛАС—7. $Vq + A - V$. Эта ЛАС выражает качественный предикат. В качестве Vq выступают глаголы бытия и становления: Его щеки покраснели Ses petites joues étaient rouges; Моя шинель почернела Ma capote devenait noire.

Поскольку ЛАС—6 и ЛАС—7 имеют общий знаменатель — простую глагольную структуру, они могут выступать как взаимные эквиваленты: Il avait du courage Он оказался храбр ($Vq + N - Vq + A$).

ЛАС—8. $Vq + D - V$. В данном случае ЛАС служит для квалификации субъекта, ее служебный элемент составляют глаголы, не способные самостоятельно выразить признак (*действовать, поступать, относиться, быть настроенным* и т. п.), сопровождаемые наречием, которое фактически и характеризует субъект. Ср. Опыт удался — опыт прошел удачно; Он сглупил — он поступил глупо, например: Он выглядел в этой толпе необыкновенно Ici, il ne ressemblait à personne.

Поскольку глагол, характеризующий субъект, в свою очередь, в качестве синонима может иметь ЛАС—7, то эти две структуры — $Vq + A$, $Vq + D$ в тексте нередко оказываются эквивалентными: Il était songeur Он был настроен мечтательно.

ЛАС—9. $V + Dq - V$. Эта трансформация носит внутриклассный характер; служебное наречие детализирует действие в отношении интенсивности, локальных и качественно-количественных характеристик, которые, например, в русском языке, нередко выражаются префиксально в способах действия. например: К чаепитию всегда приходил кто-нибудь из знакомых посидеть и поболтать A l'heure du thé, il y avait toujours quelqu'un pour passer un moment et bavarder un peu.

Если значение уменьшительно-смягчительного способа действия, выражаемое в русском тексте префиксом по-, в первом случае по-французски передается ЛАС—6, то во втором — с помощью ЛАС—9 (наречием un peu). Пример на передачу интенсивности: Он чрезвычайно любил природу Il adorait la nature.

ЛАС—10. $Aq + N - A$. N семантически соответствует A простой структуры, в качестве Aq употребляются прилагательные или причастия, выражающие с разнообразными оттенками различные общие значения предиката: наличие (полный чего-либо), отсутствие (лишенный), равенство и соответствие, величину, временные, модальные и иные отношения. Например: au arbre couvert de mousse замшелое дерево; сонные глаза les yeux encore lourd de sommeil. Нередко служебный характер A подчеркивается его семантической избыточностью вследствие семантического согласования A и N : с намыленной щекой à la joue barbouillée de savon.

В предикативной и аппозитивной функции ЛАС—10 могут функционально соответствовать глаголам и синонимичным им развернутым глагольным структурам: des onnières pleines de pluie колея, где стояла дождевая вода ($Aq + N - N + Vq$).

ЛАС—11. $Nq + A - A$. В этой структуре, в отличие от предыдущей, служебную функцию несет N , оно семантически дублирует слово, характеризующее всей развернутой ЛАС, выражая предполагаемую заранее параметрическую черту данного объекта. Сравним две структуры: край, богатый хлебом и человек, высокий ростом. В первом случае, между понятиями край и хлеб нет обязательных смысловых отношений: богатство страны могло заключаться в иных продуктах.

Сравнивая это выражение со свернутой структурой *хлебный край*, мы убеждаемся в избыточности прилагательного *богатый*, в его служебной функции в данном выражении. В высказывании *человек, высокий ростом* между понятиями *человек* и *рост* имеются отношения, определяемые пресуппозицией: *рост* — один из обязательных параметров человека. Поэтому в данном случае это слово выступает как семантически необязательное, оно может быть опущено, ср. *высокий человек*. Его назначение здесь строевое: дать возможность прилагательному занять место после существительного, к которому оно относится по смыслу, что, по-видимому, определяется потребностями смыслового выделения признака в данном случае. В русском тексте нередко с помощью такой аналитической структуры формируется выражение предикативного признака: *Ковалев был чрезвычайно обидчивый человек* Il est bon d'observer que Kovaliov étaient extrêmement susceptible.

ЛАС—12. $A + Dq - A$. Эта внутриклассная транспозиция используется для аналитического выражения характеристики прилагательного: его степени сравнения, интенсивности; ср.: *более сильный — сильнее*.

ЛАС—13. $A + Dq - D$. Эта структура встречается в текстах в преобразованном виде: $Nq + A - D$, где N путем транспозиции (с помощью предлога или падежной формы) выражает обстоятельство, относится, таким образом, к функциональному классу D .

В этих структурах A выступает основным носителем смысла, тогда как существительное, часто с предлогом, выполняет служебную функцию, служа своеобразным мостиком между глаголом и прилагательным, благодаря чему прилагательное становится способным характеризовать действие, заменяя наречие. В качестве N используются имена двух семантических разрядов: обозначающих способ действия в общем виде (*таким образом, таким манером, на военный лад*) либо находящихся в отношении метонимии и синекдохи с глаголом, поскольку они обозначают часть тела, орудие, с помощью которых выполняется данное действие либо соответствующее проявление. Например: *невероятно d'un façon prodigieuse; говорить громко parler d'une voix forte; говорить отрывисто parler d'un ton brusque; торжественно заявить annoncer d'un air solennel; упрямо молчать se taire, l'air buté; услужливо d'un geste prévenant* и т. д.

При анализе способов и видов функциональной транспозиции мы отвлекались от семантических и лексических замен, от субъектно-объектных трансформаций предложения в целом. Следующим этапом исследования может быть анализ взаимодействия функциональной транспозиции с другими основными видами переводческих преобразований. Но даже в отрыве от этих важных связей и взаимодействий функциональные транспозиции могут объяснить механизм грамматических преобразований во всех случаях отклонения от дословного перевода, поскольку к ним можно свести любое преобразование функциональных классов, замены частей речи. Возьмем наудачу ряд примеров из текстов подлинника и перевода. On nettoyait ici *Здесь неклись*

о чистоте. Соотношение $V - vq + N$ (ЛАС). *Мы везде побеждали* On était toujours vainqueurs — $V - pN$; *Вдруг ему пришла мысль* $V - N + Vq$; *Я'ai eu un vertige У меня закружилась голова* $Vq + N \rightarrow N + Vq$. *Заметен рост милитаризма* On remarque que le militarisme se répand. Здесь инверсия: господствующее и зависимое имена меняются отношениями, причем первое транспонируется в глагол: $N_1 + N_2 - N_2 + V$. *Он смотрел с трагической мрачностью* Il couvait d'un regard tragiquement sombre. Здесь мы делаем развертывание $V - Vq + N$, (nombre), которое повлекло за собой зависимую транспозицию (*с мрачностью*, которая в свою очередь вызвала зависимую транспозицию второй степени (*трагической tragiquement*). Общая формула преобразований: $V_1 + pNd^*_2 + A_3 - Vq + N_1 + A_2 + D_3$; *Les dangers du voyage Опасности, подстерегавшие нас на пути* — замена предлога причастием: $R - A$.

Приведенные примеры показывают широкий спектр средств, способных выражать одно и то же содержание, например, предикат может быть выражен структурами: V ; $Vq + N$; $V + Nq$; $Nq + V$; $NN + Vq$; $Vq + A$; $Vq + D$; $V + Dq$ и др. Тренировка в отношении этих средств, их раскрытие при обучении переводу окажет несомненную пользу в деле интенсификации и углубления изучения и преподавания перевода.

2. Номинализация сказуемого и устранение субъекта*

Номинализация процесса, то есть обозначение его существительным, а не глаголом, широко используется в разных языках, выступая, однако, в каждом из них в специфических условиях. Можно отметить следующие типологические черты номинализации:

1. Прямая и косвенная номинализация. В первом случае имеются в виду формируемые в языке процессные лексические единицы, соответствующие глаголам: *учение, болезнь* (соотв. *учиться, болеть*). Во втором при номинализации используются непроцессные слова, которые лишь в данных лексико-синтаксических условиях обозначают процесс; *После больницы он почувствовал себя лучше* (= после того, как он лечился в больнице).

2. Независимая и зависимая номинализация. В первом случае номинализации подвергается сказуемое главного или независимого предложения: *Там (идет) стрельба* (= там стреляют). Во втором номинализация используется для представления данного процесса в качестве актанта или сирконстанта другого процесса, что на синтаксическом уровне выражается заменой придаточного предложения членом предложения: *Из-за стрельбы нельзя было выйти на улицу* (= Так как стреляли).

* Впервые опубликовано: Синтаксис и стилистика. М., 1976.

3. Субъектная и объектная номинализация. В первом случае имя, обозначающее процесс, выступает в синтаксической функции подлежащего (*Стрельба не позволяла выйти на улицу*), во втором — в функции второстепенного члена предложения (дополнения, обстоятельства: *Из-за стрельбы нельзя было выйти на улицу*).

4. Непосредственная, свернутая и развернутая номинализация:

а) при непосредственной номинализации сказуемое прямо транспонируется в имя: *Он не смог пойти в кино, так как его брат был болен* → *Он не смог пойти в кино из-за болезни брата*. Хотя субъектно-объектные отношения изменяются — подлежащее исходной фразы в трансформе становится второстепенным членом, — все семантические компоненты предложения сохраняются;

б) при свернутой номинализации процесс репрезентируется метонимически — через актанта (реже сирконстант), связанный с процессом: *Он не смог пойти в кино из-за брата*. В этом случае слово *брат* репрезентирует весь процесс, точнее синтагму: субъект + действие (... 'так как брат был болен'), хотя непосредственное указание на действие опускается и предполагается ясным из контекста или ситуации. Поскольку не все семантические компоненты исходной фразы переводятся в трансформ, только контекст или ситуация позволяют восстановить подлинное сказуемое (могло бы быть и ... 'так как брат не разрешил' и т. п.). Свернутая номинализация, как правило, является косвенной;

в) при развернутой номинализации, наоборот, глагол транспонируется в словосочетание: *Он решил* → *Он принял решение*; *Дела расстроились* → *Дела пришли в расстройство*. Развернутая номинализация может быть не только объектной, как в данных примерах, но и субъектной, где процессное существительное выступает в функции подлежащего: *Он решил* → *Им было принято решение*. Как и всякая субъектная номинализация, такая транспозиция ведет к изменению субъектно-объектных отношений в предложении.

Развернутые номинализации порождают более или менее фразеологизованные словосочетания: *Отчаяться* → *прийти в отчаяние*; *Дождит* → *идет дождь*; *взглянуть* → *бросить взгляд (на)* и т. п.

Непосредственная и свернутая номинализация часто обнаруживается при транспозиции зависимого предикативного узла (придаточных предложений и т. п.): *После того, как он поработал* → *после работы*. При независимой номинализации чаще используются развернутые структуры: *Он работает* → *Он ведет работу*; *У него идет работа*.

В этих структурах отглагольное существительное занимает позицию дополнения или подлежащего, а несущий предикатные функции полуслужебный глагол может уточнять различные стороны процесса: *Работа продолжается*; *прекратить работу*; *развернуть работу* и т. п. Эти выражения конкретизируют общее понятие 'работать'.

Объектные развернутые структуры, используемые при номинализации процесса, имеют две основные формы: беспредложную (*надеяться* → *питать надежду*) и предложную (*отчаяться* → *впасть в отчаяние*). Существительное может быть результатом прямой субстантивации глагола (*решить* → *принять решение*), восходить к иной лексеме (*усилить* → *навести сон*; *погибнуть* → *найти смерть*), а также относиться к отглагольным существительным, отражающим связь действия с одним из актантов, то есть обозначать действующее лицо, место, орудие действия и т. п. (*помогать* → *быть помощником*; *учиться* → *ходить в школу*). Объектные развернутые структуры (аналитические словосочетания) в русском языке были не раз предметом рассмотрения, особенно те, в которых существительное лексически соотносится с глаголом (типа: *одержать победу*, *дать оценку*, *привести в исполнение*)¹. При этом нередко отмечается, что с развитием русского языка такие сочетания приобретают все большее распространение (это связывается с развитием элементов аналитизма в языке). Высказывается также мнение, что эти сочетания свойственны преимущественно «интеллектуальным» стилям речи: научному, деловому. Однако факты не подтверждают полностью этих суждений. Расширение употребления аналитических сочетаний связано с общим расширением номинативных задач языка, которые осуществляются прежде всего за счет словосочетаний, способных выражать оттенки значений с более тонкими нюансами, чем отдельные слова. Что же касается самой модели «глагол + отглагольное существительное» в функции сказуемого, то ее существование и функционирование не связано с какими-либо диахроническими или синхроническими ограничениями. Эта конструкция, по-видимому, универсальна: она отмечается в языках различных типов, причем и в таких, которые не имеют письменной традиции. Как показывают специальные исследования, она была весьма распространенной и в древнерусском языке². Более того, сравнения древнерусских текстов с их переводами на современный русский язык показывают, что таким выражениям в современном языке контекстуально соответствуют простые глаголы (например: *Войны много творяще — много воевал*)³.

Что касается стилового диапазона, то аналитические конструкции широко представлены в разговорной речи различных групп населения. Об этом свидетельствуют, в частности, примеры из романа А. Иванова «Вечный зов»⁴.

¹ См., например: Мордвилко А. П. Очерки по русской фразеологии. М., 1964; Прокопович Н. Н. Об устойчивых сочетаниях аналитической структуры в русском языке советской эпохи // Мысли о современном русском языке. М., 1969.

² См: Копыленко М. М. Сочетаемость лексем в русском языке. М., 1973, с. 73 и сл.

³ Примеры и переводы взяты из: «Изборник» 1073 г. М., 1969, с. 48–49, 94–95.

⁴ Москва, 1970, № 4–7 (далее при примерах указывается номер и страницы журнала).

Формирование и употребление номинализирующих конструкций связано с потребностями расширения номинативных средств языка. Известно, что словосочетание является более гибким и тонким средством создания наименований, чем словообразовательные модели. Расчленение номинации процесса на два элемента N + V, где процессное слово занимает позицию второстепенного члена предложения, а глагол предназначен выражать лишь предикативные значения (время, вид, модальность), позволяет найти грамматическую форму для решения ряда коммуникативных задач:

а) глагол, освободившись от выражения основного процесса, который обозначается именем, может брать на себя выражение дополнительных значений. Если от глагола *работать* префиксами можно образовать *заработать* (начать работу), *отработать* (прекратить работу), *наработать* (много поработать), то в словосочетаниях глагол может бесконечно уточнять фазисные, видовые, модальные и прочие характеристики действия (*продолжать*, *ускорить*, *замедлить работу*; *предлагать работу*, *отказаться от работы*, *согласиться на работу* и т. п.). Глагол может уточнять стилевой регистр выражения (ср. *творить суд* и *производить суд* = *судить*);

б) репрезентация процесса существительным позволяет оформить характеристику действия с помощью прилагательного, что расширяет номинативные возможности речи. Ср. фразы: *Проходившие и пробежавшие мимо люди бросали на них сердитые взгляды* (5, 69); — *Как? — поднял на него тяжелый взгляд Кружилин* (5, 79). В первом случае можно было бы сказать: *...сердито глядели на них*; во втором *...тяжело взглянул на него* стилистически вряд ли приемлемо;

в) глагол, входящий в выражение, передает различные залоговые значения, причем пассивные и возвратные значения выражаются на синтаксическом уровне однотипной активной конструкцией. В связи с этим говорящие не только свободно пользуются существующими выражениями, но постоянно создают окказиональные речения, не отмеченные в словарях. Так, глагол группы *иметь* (*обладать*, *носить* и др.) сообщает всему выражению значение состояния, глагол группы *давать* (*доставлять*, *наносить*, *оказывать* и др.) выражает активное каузативное действие, глагол *брать* (*приобрести*, *снискать*, *завоевать*, *овладеть*) — средневозвратное действие, глагол *получать* (*принимать*) — пассивное действие. Среди непереходных конструкций *быть* (*находиться*) выражает состояние, *держат* — активное действие, *вступить* (*впасть*, *войти*) — состояние с начинательным значением, *ввести* (*ввергнуть* и т. п.) — действие с начинательным значением. Аналитическая конструкция позволяет сформировать залоговый коррелят к непереходному глаголу. В одном из примеров словаря «Новые слова и значения» (М., 1971) некая Клава говорит: — *Я Гришке отскок дала*. Отглагольное имя *отскок* не зафиксировано, например, МАС. Однако, желая выразить произведенное ею активное действие, говорящая закономерно употребила глагол *дать* в сочетании с существительным. Так глагол в совокупности с глагольно-

именными сочетаниями формирует залоговую парадигму: средний залог *отскокнись*, активный *дать отскок*, пассивный *получить отскок*.

В романе А. Иванова мы находим множество аналитических глагольных речений с различными залоговыми значениями. — *Главное, они доверились мне... Если бы как-то с самого начала я сумел не принять их доверия* (7, 69). Аналитическое сказуемое второй фразы выступает как пассивный залог к активному сказуемому первой: *Они доверились мне* → *Я принял доверие от них*. Во фразе *Сперва он побои принимал молча* (7, 66) выражение также имеет пассивное значение (= он был избиваем, его били), но на синтаксическом уровне оно оформлено активным глаголом, что позволяет использовать деепричастие *молча*, соотносящееся с подлежащим;

г) глагольно-именная конструкция нередко имеет более обобщенное значение, чем простой глагол, и может быть употреблена, когда можно обойтись без дополнения (ввиду неопределенности или, наоборот, ситуативной ясности последнего). Глагольное выражение, где позиция дополнения занята словом, обозначающим сам процесс, образует закрытую конструкцию, не нуждающуюся в распространении. Ср.: *Отец его в Новониколаевске сильную торговлю вел* (5; 91); — *А ты, балаболка, надсмешки-то не строй* (5, 48); — *Ежели Макар оставил кому свой приговор — все равно его пристукнут*. В этих фразах аналитическая конструкция, по-видимому, уместнее простого глагола, который больше нуждается в дополнении (*торговал чем? надсмехаться над чем? приговорить кого-либо к чему?*).

Вот некоторые примеры аналитических сочетаний из романа. Беспредложные структуры: *...Не теряя интереса* (7, 66 = не переставая интересоваться); *...Об Ваське твоём слуха не имеешь?* (5, 79 = не слышал); *Дружбу свел...* (4, 8 = подружился); *Побег совершили* (5, 36 = убежали); *Устроили провокацию* (5, 53 = начали провоцировать); *Не причиняем притеснений* (6, 68 = не притесняем); *Учиняют спрос за Ваньку* (6, 136 = спрашивают); *Давал свисток* (5, 92 = слысел).

Предложные структуры: *...Пока в ум не войдет* (7, 104 = не образумится); — *На обман толкаешь?* (5, 79 = заставляешь обманывать); — *За картошку ты в ответе* (5, 95 = ты отвечаешь); *...В расчет не берет* (4, 73 = не учитывает); *В разговоры не вступали* (5, 38 = не заговаривали); — *Опять на провокацию вызываешь?* (5, 23 = провоцируешь); — *Я вне подозрения* (4, 13 = меня не подозревают).

Субъектные развернутые структуры изучались менее подробно, хотя они представляют характерную черту русской речи. Сопоставление русских текстов, например, с французскими показывает, что если во французском тексте относительно чаще используется непосредственная и свернутая номинализация, а также объектная развернутая структура, то в русском сравнительно чаще представлены субъектные развернутые структуры (типа *Работа идет*).

Особенностью субъектных структур является то, что сочетание глагола и имени, семантически равнозначное глаголу (N^с + V ↔ V),

выступает здесь в форме предложения. Быть может, это и побуждало рассматривать их в общем типе двусоставного предложения¹. Между тем существенное различие между предложениями *Мальчик идет* и *Сражение идет* (субъектная развернутая структура) заключается, при их подобии на поверхностном уровне, в различии их глубинных структур. Второе предложение может быть ретрансформировано в односоставное (*Сражается*), тогда как первое — нет. На глубинном семантическом уровне первое предложение остается двучленным, второе же оказывается одночленным.

Структуры данного типа рассматривались в связи с регулярными фазисными реализациями предложений: *Поднялся шум* ↔ *Шум стоит* ↔ *Шум прекратился*². Однако эти структуры также парадигматически соотносятся с объектными: описывая один и тот же процесс, они различаются как залого глагола. Ср. *поднять шум* → *шум поднялся*; *оказать помощь* → *помощь оказана (пришла)* и т. п. Залоговые значения выражаются не только морфологически в полуслужебном глаголе, но и лексически, причем здесь наблюдается закономерное соотношение между глаголами определенных семантических полей³. Так, развернутая структура, соответствующая непереходному одноактантному глаголу, образует две соотносительные формы с активным и средним значением с помощью глаголов *вести/идти*: *вести работу* → *работа идет (ведется)*. Развернутая структура, соответствующая переходному (двухактантному) глаголу, может иметь три формы: с активным, пассивным и средним значениями (первые два значения выражаются объектной структурой, последнее — субъектной). Ср.: *А оказал помощь В* (активное значение) → *В получил помощь от А* (пассивное) → *помощь от А пришла к В* (среднее); *Он почувствовал страх* → *Его охватил страх*; *Он испытал горе* → *На него обрушилось горе*; *Дети поднимают шум* → *От детей стоит шум*. Вот примеры из текста: *Кто-то пустил слух, что...* (5, 9 = я слышал; пассивное значение); ↔ *Слухи об этом были еще во время демонтажа* (5, 60; среднее значение). Подобные факты свидетельствуют о целесообразности анализа субъектных и объектных структур в их взаимосвязи, к чему, собственно, и приходит трансформационная грамматика.

Наиболее употребительными в субъектных структурах являются: глагол *быть* (опускаемый в настоящем времени), другие экзистенциальные глаголы (*состояться, стоять, иметь место*), процессуальные и фазисные глаголы (*начаться, продолжаться, происходить*), пересмысленные глаголы движения (*идти, прийти, падать*), а также

¹ См., например: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 549.

² См.: Золотова Г. А. О регулярных реализациях моделей предложения // ВЯ, 1969, № 1.

³ Подробнее см.: Гак В. Г. Использование лексических средств при синтаксических трансформациях // НДВШ, ФН, 1965, № 4, с. 102, 109.

глаголы обладания со всеми их семантическими разветвлениями (*брать, охватывать, овладевать* и т. п.).

Так как в субъектных конструкциях позиция подлежащего оказывается занятой обозначением процесса, создается возможность для устранения реального субъекта действия из поверхностной или глубинной структуры предложения. Здесь возможны два типа изменений:

а) слово, обозначающее реальный субъект, преобразуется во второстепенный член предложения. По аналогии с противоположной трансформацией, заключающейся в превращении второстепенного члена в подлежащее и именуемой в порождающей грамматике «возведением» (англ. *rising*, франц. *montée*), данную трансформацию можно назвать «низведением» субъекта;

б) субъект совсем устраняется из высказывания. Устранение субъекта может затрагивать или только поверхностный синтаксический уровень, или же одновременно и глубинный семантический уровень (неопределенное лицо, безличность). В связи с этим различаются два типа отсутствия субъекта: опущение и собственно устранение.

В целом можно выделить следующие формы, касающиеся выражения объекта:

1) прямое выражение субъекта (подлежащим): *Он спит*;

2) низведение субъекта; семантический субъект выражен не подлежащим: *Ему не спится*;

3) опущение субъекта; предполагаемый ситуацией субъект эксплицитно не выражен: — *Он спит?* — *Да, [он] спит.* — *Как вам здесь спится?* — *Спасибо, [мне] хорошо спится*;

4) устранение субъекта; конкретный реальный субъект не предполагается самой ситуацией: *В дождливые ночи хорошо спится. Стучат*. Опущение и устранение субъекта могут совпадать по форме.

В русском языке при трансформации низведения и устранения субъекта используются специальные морфологические средства (безличная и неопределенно-личная формы глагола). Субъектные структуры, используемые при номинализации, также выступают как средство низведения и устранения субъекта. Параллелизм глагольных и именных средств выявляется из следующего сопоставления:

	Глагольные средства	Именные средства
Исходное предположение		<i>Они не работают</i>
Низведение субъекта	<i>Им не работаетя</i>	<i>У них работа не идет</i>
Устранение субъекта	<i>[Сегодня] не работают</i>	<i>Работа не идет</i>

Аналитическая конструкция с низведенным субъектом сопоставима с двучленными безличными оборотами: в обоих случаях устранение субъекта затрагивает лишь поверхностный уровень структуры, реальный субъект представлен в высказывании в форме косвенного падежа. Конструкция с устраненным субъектом семантически сопос-

тавима с неопределенно-личными или безличными оборотами: реальный субъект устраняется не только из поверхностной, но и из глубинной структуры.

Низведение субъекта. Поскольку позиция субъекта (подлежащее) занята словом, обозначающим сам процесс, то реальный субъект при его низведении выражается следующими способами:

а) определением к процессному существительному (прилагательным, притяжательным местоимением, именем в род. падеже): *Видать, твоя правда, так оно пока лучше будет* (5, 21; = прав); *Слышался невнятный ропот, женский плач* (7, 68); = плакали женщины); *Мой вам совет — сегодня же ночью убирайтесь из города подальше* (4, 27; = я советую вам); — *Его местонахождение?* (4, 13; = где он находится?). Полуслужебный глагол обычно относится к группе *быть*;

б) метонимическим обозначением лица через часть тела, связанную с данным действием; обозначение части тела сопровождается определением (*у него, его*): *Сколько наших товарищей погибло! Теперь ясно, чьих рук дело* (4, 21; = кто это сделал); *На губах у нее плавала нехорошая усмешка* (= она нехорошо усмехалась). Полуслужебный глагол также принадлежит к группе *быть*;

в) косвенным дополнением. Полуслужебный глагол здесь входит в семантическое поле наличия (*быть*), движения (*прийти*), возникновения (*возникать, обрушиваться*): *Да и им, кажись, обоим это без надобности* (5, 77; = оба не нуждаются); *Должно быть, и тебе было персональное приглашение к Антону-то* (5, 99; = тебя пригласил... = ты был приглашен Антоном);

г) прямым дополнением. Полуслужебный глагол входит в семантическое поле *брать* (*охватывать, овладевать* и т. п.). Такая конструкция чаще используется при описании переживаний, ощущений: *Но Ивана с новой силой окатили испуг и тревога* (4, 49; = он испугался и встревожился); *В иных местах такая глухомань и жуть, что шантарских баб-ягодниц берет оторопь* (4, 41; = они пугаются).

Трансформация при выражении субъекта не остается бесследной для семантической стороны высказываний. Личная и безличная конструкции, не различаясь по числу актантов, по-разному представляют процесс. Превращение субъекта в объект отражает ослабление собственной активности действующего лица. Низведение субъекта может быть связано с различными коммуникативными задачами: говорящий использует такие обороты, чтобы не выводить субъект на первый план, чтобы представить себя не как носителя процесса, но лишь как лицо, как бы косвенно затрагиваемое этим процессом. В этом плане именная конструкция еще больше затушевывает субъект, чем пассивная конструкция. Деперсонализация способа выражения нередко передает оттенок вежливости (говорящий обращается к собеседнику не прямо, не «в лоб», но как бы описывает процесс, лишь касающийся собеседников). Вот, например, характерные примеры из речи к

вышестоящим: — *А как вы считаете, товарищ капитан, — помолчав, спросил первый, — будет нам, например, сегодня награда?* (С. 22¹; = мы будем награждены?); — *Как, будет от вас старшине приказание нам перед отбоем двойную норму давать?* (С. 22). Прямое обращение (= *Вы прикажете старшине?..*) звучало бы категорично, в данном случае — менее учтиво. Показательно, что этим русским предложениям во французском переводе соответствуют личные конструкции: *Qu'est-ce que vous croyez, camarade capitaine, est-ce que nous allons tous être comme qui dirait récompensés aujourd'hui* (S. 317; пассивная конструкция); *Est-ce que vous allez nous faire distribuer une double ration de vodka avant l'extinction des feux?* (S. 317; каузативная конструкция). В русском диалоге вообще проявляется тенденция, состоящая в том, что говорящий отводит себя и собеседника как бы на задний план, предпочитая высказывать суждения в безличных оборотах, вводных словах. Если в английском и французском диалоге будут использованы формы, непосредственно указывающие на говорящего или собеседника, такие как 'я понимаю, 'я думаю', 'ты прав' и т. п., то в русской речи им часто будет соответствовать формы с низведенным, устраненным или опущенным субъектом, такие как *Ясно, Понятно, Кажется, Наверное, Мое мнение такое, что..., Твоя правда* и т. п. Эти формы могут употребляться и по отношению к третьему лицу, например, номинализация с низведенным субъектом в русской реплике и личное глагольное предложение во французской: *Какой его ответ?* (С. 21) — *Qu'est-ce qu'il t'a répondu?* (S. 312; букв. = Что он тебе ответил?).

Субъектная номинализация, так же как и объектная, может быть вызвана потребностью в обобщенном выражении мысли, отсутствием дополнения. Вот пример окказиональной номинализации такого типа: *У меня нет от тебя утайк* (4; 71; в МАС слово *утайка* отсутствует). Глагольная фраза оказалась бы незаконченной: *Я от тебя не утайваю (ничего)*.

Опущение субъекта. Русскому языку свойственно опущение неморфологического указания на лицо действителя при ситуативной ясности последнего, в связи с чем используется более обобщенный способ выражения, будь то глагол, не различающий форм лица, или безличные глаголы. Например: — *Где Иван Андреич?* — *Вышел куда-то* (С. 31; местоимение *он* опущено). Номинативные конструкции с их обобщающим значением дают возможность описывать процесс без уточнения ясного из контекста лица. Они особенно употребительны в диалоге, где часто лишены глагола, если соотносятся с настоящим временем (ближайшим будущим, императивом). Например: — *Полком командовал?* — *Командовал.* — *Тем более дело знакомое* (С. 18). Последние реплики относятся ко второму лицу, наличие которого на семантическом уровне подтверждается, в частности

¹ Симонов К. Солдатами не рождаются // Роман-газета, 1964, № 14; французский перевод: *Simonov C. On ne naît pas soldat / Trad. par A. Robel. P., 1968* (сокращения соответственно: С и S).

оти, переводом на французский язык, где восстанавливается выражение субъекта: — *Tu as commandé un régiment? — Oui. — Donc, tu sais ce que c'est* (S. 305; букв. = ты знаешь, что это такое). В разговорных репликах из романа А. Иванова «Вечный зов» такие номинативные структуры используются по отношению ко всем трем лицам; к первому: *В Александровский централ просишься? — Мечта, ваше благородие. С малых юных лет* (4, 7; = мечтаю); ко второму: — *Если есть потребность к этому* (4, 23; = если вы нуждаетесь в этом); — *Нервы, товарищ Полипов* (4, 16; = вы нервничаете); — *И чтоб об этом больше — молчок!* (4, 59; = молчи, не говори); к третьему: — *Потому что бабье несмышленное — визгу много, а толку мало* (6, 105; = они визжат много).

Особым стилистическим условием употребления номинативных конструкций является сочинение, соположение описаний процессов. Нередко первый процесс выражается глагольными средствами, а второй, уточняющий первый, либо показывающий следствие или противоположность, обозначается путем транспозиции. Здесь проявляется общая закономерность построения речи: использование при последующих обозначениях более абстрактных средств, не отмечающих уже известные детали. Например: — *Кто его знает, я не пробовал нужды не было* (6, 7; = я не нуждался); — *Ты ешь побольше, чтоб силы прибывали* (7, 100; = чтобы ты становилась сильнее); — *Забывать уж стал тебя... И вдруг — встреча!* (5, 90; = мы встретились). Номинализация позволяет устранить указание на известный субъект.

Номинализация используется как средство варьирования при повторном обозначении одного и того же действия, чему способствует различие основ имени и глагола: *Она пыталась заснуть. Но сон не шел* (7, 106; = но заснуть не могла).

Устранение субъекта. Это явление связано с рядом коммуникативных задач:

а) номинативные конструкции могут быть равнозначными безличным предложениям, обозначающим явления природы, выражающим модальные и иные значения: *Погромы хивал где-то далекий гром* (4, 29; = где-то далеко погромы хивало); *Будет нужда, и без моей помощи тебя призовут* (5, 72; = понадобится); *Совсем клеву нет* (4, 64; = не клюет);

б) указание на субъект устраняется ввиду его неопределенности в данной ситуации. Форма 3-го лица глагола, выражающая это значение, может использоваться не во всех контекстах. Например, можно сказать: *В дверь кто-то позвонил* → *В дверь позвонили*, но нежелательно: *Кто-то позвонил* → *Позвонили* (без обстоятельства). Однако это значение может быть выражено субъектной аналитической конструкцией: *Раздался звонок*. Она выступает как синоним неопределенно-личной формы при обозначении процессов с неопределенным субъектом (*кто-то, кто-нибудь, никто*): — *Ну так что, есть какие возражения супротив Ивана?* (4, 76; = кто-нибудь возражает?).

Неопределенность субъекта подчеркивается в том случае, когда номинативная конструкция входит в сочинение с безличными глаголами¹: *Кругом гремело, урчало, раздавались крики и ругань* (5, 69). Часто конструкции с устраненным субъектом соединяются с конструкциями с низведенным субъектом: *Наверху раздались крики конвойных и беспорядочная стрельба* (4, 30). Субъект первого действия выражен несогласованным определением (крики конвойных), субъект второго следует считать опущенным, если речь идет о повторном обозначении тех же конвойных, либо устраненным, если в данной ситуации действительность неизвестна. Абсолютно неопределенный субъект действия встречается в редких случаях, когда, например, данное действие мог бы совершить любой субъект — одушевленный или неодушевленный (как во фразе *Стучит!*, разбираемой В. В. Виноградовым). Обычно неопределенный субъект ограничивается определенным классом субъектов. *В бытность Свиридова в Томске там провал следовал за провалом* (4, 40). Субъектом в данном событии является определенная категория людей (томские революционеры той эпохи), неопределенными остаются лишь точные границы данного круга лиц. Использование субъектной номинативной конструкции может быть связано с одновременной неопределенностью субъекта и объекта: *В загородном лесу за рекой Каменной день и ночь шли расстрелы* (4, 18; = ... расстреливали...);

в) указание на субъект устраняется ввиду его обобщенного характера. *Память об этом урожае держится долго* (5, 38; = такой урожай помнят или помнишь долго); — *Я, как сенокос начался, в пекарне ведь стряпаюсь* (5, 33; = как начали косить). Опыт одной семьи представлен здесь как часть опыта более широкого коллектива;

г) указание на лицо устраняется ввиду отсутствия необходимости уточнять его, при его обычности или ясности в данной ситуации. Устранение лица позволяет, подобно пассивным конструкциям, перенести акцент на само действие. Этот случай выступает как переходный между устраненным и низведенным субъектом. Выше отмечалось, что даже неопределенный субъект принадлежит к некоему классу субъектов. Этот класс субъектов может быть выражен метонимически, указанием на то место, с которым обычно или в данной ситуации связан субъект. Ср.: *Ученики, находящиеся в классе, шумят* → *В классе шумят* → *В классе шум*. Если в приведенном выше примере *В лесу шли расстрелы*, 'в лесу' — обстоятельство места и на синтаксическом, и на семантическом уровне, то в данном случае 'в классе' на глубинном семантическом уровне расшифровывается как метонимическое обозначение субъекта действия. Ср. возможность трансформации *Класс шумит* и невозможность *Лес расстреливал*. Разумеется, метонимические отношения не всегда так прозрачны,

¹ См.: Золотова Г. А. О взаимодействии лексики и грамматики в подклассах имен существительных // Памяти академика В. В. Виноградова. М., 1971, с. 88.

как в рассмотренном случае, и возведение обстоятельства в субъект не всегда можно считать репрезентантом сочетания 'люди, находящиеся в данном месте', 'люди определенного занятия'. В полуслужебной функции здесь чаще всего выступают глаголы бытия и движения. Вот некоторые примеры переходного типа: в одних случаях обстоятельство семантически сближается с неопределенным субъектом, в других — с определенным. *Над деревней стоял шум, крики, детский плач* (4, 31; = некоторые жители деревни шумели, кричали); *В кабинете стояла мертвая тишина*. (5, 23; = люди, находящиеся в кабинете, молчали); *В этот вечер никаких разговоров не было только в доме Федора* (5, 53; = только семья Федора не говорила об этом); — *У меня дома, правда, стирка* (5, 53; = стирают; например, мать стирает).

Итак, субъектная номинативная структура выступает как крайняя степень обобщенного выражения действия по отношению к лицу субъекта. Если даже неопределенно-личная и безличная конструкции допускают вопрос о субъекте: *Стучат!* — *Кто стучит?*; *Не спится.* — *Кому не спится?*, то номинативная конструкция, закрывая позицию субъекта обозначением самого действия, представляет последнее в наиболее обезличенной форме. Противопоставление глагольных и номинативных оборотов позволяет выразить семантические оттенки, на немногих из которых мы остановились выше. Однако одними семантическими особенностями нельзя объяснить то исключительно широкое распространение, которое субъектные номинативные конструкции получили в русском языке. Нередко семантические различия двух конструкций — глагольной и именной — стираются и остаются лишь стилистические разграничения. Ср.: *Если ты в чем-нибудь будешь нуждаться* → *Если тебе будет что-нибудь нужно* → *Если у тебя будет какая-нибудь нужда*. Последнее высказывание носит более разговорную окраску, чем первые. Так же как и в объектных структурах, выбор глагола или прилагательного при процессном существительном дает возможность выразить дополнительные оттенки значения. Во фразе *Нередко в кабинете разрастались вой, плач, перебранка* (5, 57) *разрастаться* аналитически выражает усиленный способ действия, обычно передаваемый префиксом *раз-* (ср. *разгораться*), который в данном случае не может быть использован (**разывались*, **расплакивались*). Или, например: *А перед утром вдруг резкий телефонный звонок* (6, 17); в глагольную фразу было бы невозможно включить характеристику действия (... резко позвонили...).

Так же, как и объектные, субъектные структуры позволяют использовать активную конструкцию глагола для выражения пассивного значения, особенно при непереходном глаголе, когда этого нельзя достичь средствами морфологии. Они выступают как синонимичное пассиву или неопределенно-личной форме средство устранения действующего лица: *И он умер, не приходя в сознание, прежде, чем ему*

была оказана первая помощь (с. 24; = ему помогли, он получил помощь, к нему подоспела помощь).

Употребительность исследуемых конструкций в русском языке связана с их структурными особенностями. Субъектным номинативным структурам свойственно расхождение плана выражения и плана содержания. На глубинном семантическом уровне это односоставные высказывания, на синтаксическом, поверхностном — это модель двусоставного предложения, господствующая модель в языке. Благодаря этим структурам односоставное предложение переводится в двусоставное. Если в некоторых других языках тенденция к двусоставности проявляется в использовании личных местоимений, даже в неопределенно-личных и безличных предложениях, то в русском языке эта тенденция отражается в номинализации процесса и употреблении служебного или тавтологического сказуемого: *Кричат* → *Стоит крик*; *Гремит* → *Гром гремит*.

Распространенности субъектных аналитических структур способствуют и особенности коммуникативного членения предложения в русском языке. Коммуникативно нерасчлененное высказывание имеет в русском языке тенденцию принимать форму двухкомпонентного предложения, где первый компонент нередко оказывается семантически избыточным: он нужен лишь как начальная опора, исходная точка высказывания. Ср.: *Он сидел и работал, вдруг в дверь позвонили*. Или: *На улице дождь; На дворе мороз*. Устранение элементов *в дверь, на улице, на дворе*, семантически избыточных, сделало бы фразы структурно неполными и, следовательно, стилистически неприемлемыми в некоторых контекстах. Замена глагола субъектной номинативной конструкцией создает формальную двучленность, делает фразу структурно законченной: Ср.: *Он сидел и работал, вдруг раздался звонок; Идет дождь*. В таких предложениях, содержащих одну рему, подлежащее обычно инвертировано¹.

В коммуникативно двучленных стилистически нейтральных предложениях подлежащее-рема инвертируется. Предложение структуры: «второстепенный член предложения + сказуемое + подлежащее» в русском языке обладает большой частотностью. Его жизненность подкрепляется совпадением семантической и синтаксической структур предложения: рема, коммуникативно наиболее важный член высказывания, выражается подлежащим, важнейшим синтаксическим членом предложения, и обозначает реального носителя действия: *Эти книги принес Петр; На собрании присутствовали все члены правления; На нем был новый костюм; Во дворе росли высокие деревья* и т. п. Субъектное развертывание позволяет использовать эту же схему для обозначения безобъектных или бессубъектных процессов, представляя процесс-рему в форме инвертированного подлежащего, так что используется модель *C — V — S* вместо *C — V* или *S — V*. Например:

¹ См.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 598.

а) $C - V \rightarrow C - V - S$: Во дворе шумели \rightarrow Во дворе стоял шум; Наверху стали стрелять \rightarrow Наверху раздалась стрельба; В этот вечер не разговаривали \rightarrow В этот вечер не было разговоров; У него болит \rightarrow Его мучает боль; В их доме убрали \rightarrow В их доме была уборка; Там заседают \rightarrow Там идет заседание; Им помогли \rightarrow К ним подошла помощь.

б) $S - V \rightarrow C - V - S$: Он сомневается \rightarrow У него есть сомнения; Он обрадовался \rightarrow Его охватила радость.

Таким образом, использование номинализации сказуемого в русском языке связано с тем, что она дает возможность решить целый ряд семантических и коммуникативных задач с сохранением типовой формы предложения. Как и всякая косвенная номинация, она является, если использовать слова В. В. Виноградова, сказанные им по другому поводу, «способом разрешения конфликта между экспрессивной (и смысловой. — В. Г.) задачей сообщения и устоявшимся грамматическими формами высказывания»¹.

¹ Виноградов В. В. Синтаксис русского языка акад. А. А. Шахматова // Вопросы синтаксиса современного русского литературного языка М., 1950, с. 92.

ГЛАВА IV

АКТАНТНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Основное внимание уделяется типологии актантных трансформаций и типологии языковых средств их осуществления. В связи с этим приобретает важное значение использование при актантных трансформациях лексических средств. Также разрабатывается типология трансформаций, обеспечивающих актуальное членение предложения.

В качестве примера приложения рассмотренных трансформаций приводится номинация действия.

1. Трансформации с актантами и соотношение между структурой высказывания и структурой ситуации*

В последние годы полностью подтвердилось значение изучения грамматических и семантических трансформаций для прикладной лингвистики (преподавание, автоматический перевод, лексикография), тем более что одновременно с углублением общей теории в этой области развиваются и конкретные исследования¹.

Следует отметить однако, что термин *трансформация* используется по отношению к разным явлениям, между которыми необходимо проводить более четко различия с точки зрения того, какие элементы фразы затрагиваются трансформациями, а также с точки зрения семантических последствий и целей этих трансформаций.

Что касается их формы, то грамматические трансформации могут различаться в зависимости от трансформируемых элементов высказывания:

а) Трансформации, касающиеся морфологической формы элемента высказывания, но не затрагивающие при этом синтаксических отношений между ними. К таким трансформациям, которые обычно называют транспозициями или трансляциями (Теньер), можно отнести номинализацию, адъективацию и т. п.

* Впервые опубликовано: Etudes de linguistique appliquée. Nouvelle série. P., 1972

¹ Rivet N. Présentation // Langages, № 14, 1969, p. 4.

а) $S - V \rightarrow C - V - S$: *Во дворе шумели* → *Во дворе стоял шум*; *Наверху стали стрелять* → *Наверху раздалась стрельба*; *В этот вечер не разговаривали* → *В этот вечер не было разговоров*; *У него болит* → *Его мучает боль*; *В их доме убрали* → *В их доме была уборка*; *Там заседают* → *Там идет заседание*; *Им помогли* → *К ним подоспела помощь*.

б) $S - V \rightarrow C - V - S$: *Он сомневается* → *У него есть сомнения*; *Он обрадовался* → *Его охватила радость*.

Таким образом, использование номинализации сказуемого в русском языке связано с тем, что она дает возможность решить целый ряд семантических и коммуникативных задач с сохранением типовой формы предложения. Как и всякая косвенная номинация, она является, если использовать слова В. В. Виноградова, сказанные им по другому поводу, «способом разрешения конфликта между экспрессивной (и смысловой. — В. Г.) задачей сообщения и устоявшимися грамматическими формами высказывания»¹.

ГЛАВА IV

АКТАНТНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Основное внимание уделяется типологии актантных трансформаций и типологии языковых средств их осуществления. В связи с этим приобретает важное значение использование при актантных трансформациях лексических средств. Также разрабатывается типология трансформаций, обеспечивающих актуальное членение предложения.

В качестве примера приложения рассмотренных трансформаций приводится номинация действия.

1. Трансформации с актантами и соотношение между структурой высказывания и структурой ситуации*

В последние годы полностью подтвердилось значение изучения грамматических и семантических трансформаций для прикладной лингвистики (преподавание, автоматический перевод, лексикография), тем более что одновременно с углублением общей теории в этой области развиваются и конкретные исследования¹.

Следует отметить однако, что термин *трансформация* используется по отношению к разным явлениям, между которыми необходимо проводить более четко различия с точки зрения того, какие элементы фразы затрагиваются трансформациями, а также с точки зрения семантических последствий и целей этих трансформаций.

Что касается их формы, то грамматические трансформации могут различаться в зависимости от трансформируемых элементов высказывания:

а) Трансформации, касающиеся морфологической формы элемента высказывания, но не затрагивающие при этом синтаксических отношений между ними. К таким трансформациям, которые обычно называют транспозициями или трансляциями (Теньер), можно отнести номинализацию, адъективацию и т. п.

¹ Виноградов В. В. Синтаксис русского языка акад. А. А. Шахматова // Вопросы синтаксиса современного русского литературного языка М., 1950, с. 92.

* Впервые опубликовано: Etudes de linguistique appliquée. Nouvelle série. P., 1972
¹ Ruwet N. Présentation // Langages, № 14, 1969, p. 4.

б) Трансформации, касающиеся синтаксических отношений в высказывании («метатаксы» Л. Тенъера). К ним относится пассивная трансформация.

Разумеется, между этими двумя разновидностями преобразований нет абсолютного различия, поскольку изменение функционального класса элемента высказывания может сопровождаться изменением синтаксических отношений.

В семантическом отношении все изучаемые трансформации могут быть подразделены на две категории:

а) Несинонимические трансформации, предполагающие изменения или добавления в смысловой стороне высказывания. Таковы вопросительные, отрицательные и иные преобразования, а также «распространение», включающее новые элементы в высказывание.

б) Синонимические трансформации, не затрагивающие общего смысла высказывания (та же пассивная трансформация, например).

Различие между этими двумя типами трансформаций не является абсолютным: в конкретном контексте несинонимические трансформации могут порождать взаимозаменяемые высказывания, в то время как синонимические высказывания способны порождать высказывания, которые не заменяют друг друга в данной ситуации.

Согласно «семантическому треугольнику», излагающему отношения между *означающим* (слово), *означаемым* (смысл) и *референтом* (называемый предмет), инвариант двух высказываний, объединяемых отношениями трансформации, может устанавливаться на уровне языковых форм (неизменность лексики и синтаксических отношений), на семантическом уровне (неизменность совокупности сем, выражаемых в данном высказывании) и, наконец, на уровне самой ситуации (тождественность ситуации, описываемой двумя сопоставляемыми высказываниями).

Трансформации могут различаться и по цели, которую преследуют при трансформировании высказывания.

а) В семасиологическом плане (декодирование) изучаются трансформационные возможности данного высказывания при условии сохранения лексем высказывания и синтаксических связей между ними. Так, отмечается, например, что пассивная трансформация неприложима к фразе *Le film a plu au public*, так как глагол *plaître* не имеет пассивного залога.

б) В ономасиологическом плане (кодирование) изучаются средства, при помощи которых достигается трансформация в западном направлении, независимо от того, какими средствами это достигается. Незаменность конкретных лексем и синтаксических связей при этом не оказывается более необходимым условием и, если вернуться к приведенному выше примеру, то, если мы задаемся целью произвести субъектно-объектную трансформацию, то есть поменять местами актанты глагола *plaître*, достичь этого можно путем замены этого глагола другим глаголом, имеющим то же общее значение, но иные валентные отношения: *Le public a aimé ce film*. Глаголы *aimer* и *plaître* могут

рассматриваться как актив и пассив одной и той же глагольной семантемы.

Ниже рассматриваются синонимические трансформации с актантами в ономасиологическом плане в случае, когда инвариант устанавливается на уровне самой ситуации.

Под ситуацией здесь понимается совокупность внелингвистических элементов, воспринимаемых и осознаваемых говорящим в момент акта коммуникации¹. Структура ситуации включает, следовательно, объекты, их действия и качества, равно как и отношения между ними. Ситуация составляет семантический субстрат высказывания, но в высказывании отражаются не все элементы и аспекты ситуации. Формируя высказывание, описывающее одну и ту же ситуацию, можно отбирать различные элементы этой ситуации, в связи с чем один и тот же отрезок внеязыковой действительности может быть обозначен при помощи высказываний, различающихся между собой в структурном и семантическом отношении. Хотя соотношение между структурой высказывания и структурой ситуации представляет собой одну из основных проблем лингвистики, оно не изучено еще достаточно подробным образом. По этому поводу высказывались самые различные мнения. Так, Н. Хомский в своих ранних работах подвергал сомнению аналогию между синтаксической структурой предложения и структурой ситуации, подчеркивая чисто формальный и структурный характер отношения между N и V. В качестве подтверждения Хомский приводил высказывания такие, как *John received a letter* или *The fighting stopped*, где грамматический субъект в самом деле обозначает не реального действителя, но адресата (*John*) или само действие (*the fighting*)².

Со своей стороны, другие лингвисты или философы подчеркивают иконический характер синтаксических форм, доходя до утверждения, что высказывание представляет собой проекцию или даже образ действительности³.

Опыты Ж. Дюбуа и Л. Иригарэ по моделированию фраз спонтанной речи убедительно показывают зависимость синтаксической функции слова, обозначающего данный объект, от функции обозначаемого этим словом предмета в описываемой ситуации. Так, с функцией подлежащего при переходном глаголе особенно часто связывалось одушевленное существительное⁴.

Если А. Сешез был, по-видимому, первым, кто сравнил фразу с маленьким действием⁵, то эта метафора приобрела известность, бла-

¹ *Linguistique, guide alphabétique* sous la direction d'A. Martinet. P., 1969, p. 65.

² *Chomsky N. Syntactic Structures*, 's-Gravenhage. 1957, 9. 1; 9. 2. 7.

³ *Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus*. L., 1961, 4. 0311; *Jakobson R. A la recherche de l'essence du langage // Problèmes du langage*. P., 1966.

⁴ *Dubois J. et Yrriagaray L. Approche expérimentale des problèmes intéressant la production de la phrase noyau et ses constituants immédiats // Langages*, 1966, № 3.

⁵ *Séchéhaye A. Essai sur la structure logique de la phrase*. P., 1950, p. 55.

годаря трудам Л. Теньера, который различал во фразе глагол, выражающий процесс, актанты (существа или предметы, участвующие в процессе) и сирконстанты (обстоятельства процесса)¹. Однако примеры и рассуждения Теньера показывают, что он был склонен интерпретировать актанты скорее как функциональные категории синтаксического плана, не связанные с экстралингвистической реальностью. Так, рассматривая два синонимических высказывания, соотносящиеся с одним и тем же отрезком действительности: *Le blé manquait à l'armée* и *L'armée manquait de blé*, он рассматривал существительное *blé* как актант в первой фразе и как сирконстант во второй только лишь из-за наличия предлога *de* во втором случае². Три актанта, выделяемые Теньером, совершенно идентичны подлежащему, прямому дополнению и косвенному дополнению традиционного синтаксиса. И хотя теория Теньера о взаимозамеке актантов была важным вкладом в современный трансформационный синтаксис, она не позволила сделать всех возможных выводов именно из-за того, что Теньер не учитывал характер отношения между структурой высказывания и структурой ситуации. Он то провозглашал полную независимость формального и материального, то их полностью отождествлял.

Для того, чтобы исчислить все возможные трансформации актантов в высказываниях, соотносящихся с идентичной ситуацией, необходимо уточнить второй член сравнения — структуру ситуации. Этой задаче посвятил значительную часть своей книги *Sémantique structurale* А. Ж. Греймас.

Ценность теории Греймаса в том, что, исходя из актантной теории Теньера, он выявляет семантический статус синтаксических актантов, что приводит его к необходимости различать фактически синтаксические и семантические (реальные) актанты. «Получает ли Мария письмо, или же его ей посылают, в обоих случаях она является адресатом действия», — отмечает А. Греймас³. Этот пример показывает, что один и тот же реальный актант («адресат») может на синтаксическом уровне получить статус грамматического подлежащего («Мария получает письмо») или косвенного дополнения («Марии посылают письмо»).

Чтобы исчислить все возможные актантные трансформации, необходимо определить число и номенклатуру актантов. Исходя из положения Теньера о том, что актант может представлять собой не только активного участника действия, но предметы, пассивно участвующие в процессе, мы включаем в число актантов любое слово, обозначающее субстанцию (существительное), которое может коммутировать с основным актантом — субъектом. С этой точки зрения актантом следует считать и имя, обозначающее место или время действия в отличие от наречия. Так, в *Il veut aller à Paris* обстоятельство *à Paris* следует счита-

тать актантом, поскольку субстанция, обозначенная этим словом, может быть взята как субъект действия (*Paris l'attire*).

Таким образом, развивая и пересматривая номенклатуру актантов, разработанную Теньером и Греймасом, мы выделяем 7 основных актантов: 1) субъект (s), он же обычно отправитель при противопоставлении отправитель/адресат; 2) объект (o); 3) адресат (D), с которым может быть связано лицо, затрагиваемое или заинтересованное действием; 4) субстанция (C), способствующая или препятствующая совершению действия: помощник, противодействователь, орудие, причина и т. п.; 5) пространственный конкретизатор (L); 6) временной конкретизатор (T); 7) субстанция (P), находящаяся в отношении к субъекту или объекту как обладатель/обладаемое; содержащее/содержимое; целое/часть¹. Реальные актанты составляют субстрат семи синтаксических актантов: подлежащего (S), прямого дополнения (O), косвенного дополнения (D), дополнения причины (орудия, актанта — C), места (L), времени (T), дополнения к имени (P).

Реальная и синтаксическая функции актантов могут совпадать, что особенно свойственно ядерным фразам, или же расходиться, что может рассматриваться как своего рода трансформация.

Используя семь перечисленных актантов, можно получить шесть трансформаций, заключающихся во взаимозамеке субъекта с другим актантом².

Актантные трансформации тесно связываются с изменениями в глагольном узле. Можно отметить пять форм таких преобразований.

Форма № 1 (Ф 1) — изменение окружения глагола без изменения морфологии самого глагола. Это — конверсия в широком смысле слова: *Le soleil (A^s) a jauni le papier (B)* — *Le papier (B^s) a jauni au soleil (A)*.

Форма № 2 (Ф 2) — морфологическое изменение глагола (аффиксация, транспозиция, словоизменение), в частности, постановка его в пассив: *Pierre (A^s) a écrit cette lettre (B)* — *Cette lettre (B^s) a été écrite par Pierre (A)*.

Форма № 3 (Ф 3) — использование служебных слов, в частности, конструкций с глаголами *faire*, *laisser*, *voir* + *infinitif*: *Le garçon (A^s) tremble de peur (B)* — *La peur (B^s) fait trembler le garçon (A)*.

Форма № 4 (Ф 4) — использование аналитического сочетания глагол-оператор + транспонированная форма глагольной лексемы (су-

¹ Специфическая роль этой субстанции в формировании ядерных фраз подтверждается опытами Дюбуа-Иригара. Следует отметить, что в морфологии народной сказки, используемой Греймасом, объект может заменяться его обладателем (См. *Greimas A.-J. Op. cit.*, p. 175). Показательно также, что на морфолого-синтаксическом уровне рассматриваемая субстанция во французском языке часто выражается приглагольным местоимением *en*.

² Заглавными буквами А, D, С отмечаются актанты, связанные с данным процессом. Их внеязыковая функция (реальный актант) помечена буквой внизу символа, их грамматическая функция (синтаксический актант) — буквой сверху символа.

¹ *Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale. P., 1959, p. 102.*

² *Tesnière L. Op. cit.*, p. 286.

³ *Greimas A.-J. Sémantique structurale. P., 1966, p. 174.*

ществительное, прилагательное): La Chambre (A⁴) a approuvé le projet de loi (B) — Le projet de loi (B³) a obtenu l'approbation de la Chambre (A).

Форма № 5 (Ф 5) — замена глагола другим глаголом с обратной валентностью. Таков пример, приводимый А. Греймасом: Eve (A³) donne une pomme (B) à Adam (C) — Adam (C³) reçoit une pomme (B) d'Eve (A).

Можно различать два типа актантных преобразований: А. Качественное преобразование — взаимозамена актантов. В. Количественное преобразование — добавление или устранение актантов.

А. Взаимозамена актантов. Шесть видов взаимозамен субъектного актанта с любым из заглагольных актантов достигаются путем использования одной из пяти упомянутых форм преобразований глагольного ядра¹.

T₁: A_s^s + V + B_o^o → B_o^s + V + A_s^o. Грамматическое подлежащее выражает реальный объект действия. Le Président (A_s^s) a visité cet édifice (B_o^o).

F 2: Cet édifice (B_o^s) a été visité par le Président (A_s^o).

T₂: A_s^s + V + B_d^d → B_d^s + V + A. Грамматическое подлежащее обозначает реального адресата.

Pierre (A_s^s) a appris cette nouvelle à Paul (B_d^d). F1: Paul (B_d^s) a appris cette nouvelle de Pierre (A_s^d).

T₃: A_s^s + V + B_c^c → B_c^s + V + A. Грамматическое подлежащее обозначает реальную причину, орудие, помеху и т. п. Les fleurs (A_s^s) s'ouvrent avec la chaleur (B_c^c).

F 3: La chaleur (B_c^s) fait ouvrir les fleurs (A_s^o).

T₄: A_s^s + V + B_l^l → B_l^s + V + A. Грамматическое подлежащее обозначает место действия. Des bêtes (A_s^s) passent par cet ouverture (B_l^l).

F 3: Cet ouverture (B_l^s) laisse passer les bêtes (A_s^o).

T₅: A_s^s + V + B_t^t → B_t^s + V + A. Грамматическое подлежащее обозначает реальное время, в которое происходит действие. Cet ouvrage (A_s^s) a paru l'année dernière (B_t^t).

F 4: L'année dernière (B_t^s) a vu la parution de cet ouvrage (A_s^p).

T₆: A_s^s + B_p^p + V → B_p^s + V + A. Грамматическое подлежащее обозначает субстанцию, находящуюся в отношении включения к субстанции — подлежащему (целое — часть и т. п.). Les premières mesures (A_s^s) du tango (B_p^p) se faisaient entendre.

F. 5: Le tango (B_p^s) était ses premières mesures (A_s^o).

Таковы трансформации при коммуникации одного из второстепенных актантов с субъектом.

В. Добавление или устранение актантов. Оно имеет двойную форму. В высказывание можно ввести существительное, получаемое в результате транспозиции глагольной семантемы (так называемый «ложный актант», символ — N). С другой стороны, в высказывание может быть введено указание на субстанцию, участвующую

¹ Некоторые примеры трансформаций взяты из книги: Legrand E. Stylistique française. P., 1963.

щую в процессе, но по тем или иным причинам не выраженную в первом высказывании (так называемый «дополнительный актант», символ — X). Включение нового актанта, «ложного» или «дополнительного», может сопровождаться изменением функции других актантов (трансформация А).

1. «Ложный актант». Глагол может быть заменен сочетанием глагола и существительного, в котором глагол выполняет полуслужебную функцию, а существительное выражает основное значение предмета: se promener (faire une promenade; regarder qch → jeter un regard sur qch).

Существительное может сопровождаться предлогом: abriter → mettre à l'abri; discuter → avoir en discussion. Существительное необязательно должно быть именной транспозицией глагола, оно может происходить от иной лексической основы: tomber → faire une chute; tuer → donner la mort. Оно, наконец, может находиться в метонимических отношениях с глаголом, обозначая орудие, действующее лицо, обычное место действия и т. п.: regarder → jeter un coup d'oeil; être pris → tomber aux mains; être vengé → trouver des vengeurs; étudier → aller à l'école.

Вводимое существительное может выполнять функцию дополнения, как в приведенных выше случаях (V → V + N^o), но оно может выступать и в роли подлежащего (V → N^s + V), например: Il travaille (V) avec succès → Son travail (N^s) se poursuit (V) avec succès.

Существительное, вводимое в предложение, выступает как ложный актант. Оно не указывает ни на какой предмет или лицо, участвующее в действии, но на само действие. Использование его представляет своеобразную метафору: позиция существительного в предложении занимается словом, обозначающим не предмет, а действие, в то время как позиция глагола занимается глаголом-оператором формального типа, показывающим процесс в самой общей форме. Этот глагол обозначает процесс (se dérouler, se tenir, avoir lieu, se poursuivre), его начало или конец (commencer, se terminer); иногда это глаголы движения, утрачившие свое собственное содержание (tomber, entrer) и т. п.

Но как бы ни был лишен своего содержания ложный актант, он синтаксически имеет статус актанта и может участвовать в трансформации. Введение ложного актанта позволяет увеличить валентность глагольного предиката и число актантных трансформаций. Так, глагол без актантов (безличный) уступает место субъектному глаголу:

Il neige (V) → La neige (N^s) tombe. Непереходное действие представлено как переходное: Pierre (A^s) se promène → Pierre (A^s) fait une promenade (N). Переходный глагол с двумя актантами заменяется глаголом с тремя актантами: Pierre (A^s) a invité Paul (B^o) → Pierre (A^s) a envoyé une invitation (N) à Paul (B^d). Наличие нового актанта увеличивает трансформационную гибкость предложения. Если высказывание Pierre a invité Paul может иметь только одну трансформацию Paul a été invité par Pierre, то второе предложение может иметь их уже три: Pierre (A^s) a envoyé une invitation de Paul; Paul (B^s) a reçu une invitation de Pierre; L'invitation (N^s) de Pierre a été reçue par Paul.

2. «Дополнительный» актант. Никакое высказывание не может отметить все элементы ситуации, на которую оно указывает, многие из них остаются подразумеваемыми. Однако в предложение могут быть введены обозначения таких подразумеваемых, ясных из ситуации (лиц). Не отражаясь на содержании высказывания, они модифицируют его активную структуру.

Дополнительный актант может принимать форму самого общего указания на неопределенный действитель, одушевленный или неодушевленный: *on, ça, les hommes, le monde* и т. п. Например:

Les prix (A^s) ont augmenté → On (или ça) a augmenté les prix (A^o).

С другой стороны, дополнительный актант может указывать на конкретное лицо, участвующее в процессе, либо воспринимающее его, а также на любую другую конкретную субстанцию, связанную с процессом. Например: *De temps en temps un bruit (A^s) singulier se faisait entendre → De temps en temps Pierre (X^s) entendait un bruit (A^o) singulier.*

Введение нового актанта увеличивает число синонимичных фраз, возможности трансформаций.

Исследование трансформаций с актантами предполагает исчисление всех возможных преобразований, исходя из заранее установленной номенклатуры, а также с учетом всех способов их осуществления. Три первых формы преобразования глагольного узла (Ф 1, Ф 2, Ф 3) всегда привлекали внимание лингвистов¹. Использование лексических средств в синтаксических трансформациях (Ф 4 и Ф 5) изучалось значительно меньше, несмотря на то, что они широко используются всеми языками. Даже первые шаги в исследовании этой проблемы показывают некоторую взаимозависимость между актантной структурой и семантическим полем глагола-оператора. Мы отмечали, что между отдельными глаголами имеются отношения, сходные с отношениями между формами актива и пассива отдельного глагола. Можно добавить, что такие отношения обнаруживаются не только между отдельными глаголами, но между целыми семантическими группами предикатов. Например, при предикате с тремя актантами (отправитель — объект — адресат), глагол избирается согласно следующей схеме:

Семантическое поле оператора	Актантная структура высказывания (подлежащее)		
	подлежащее-отправитель — A ^s	подлежащее-объект — B ^s	подлежащее-адресат — C ^s
положительное действие	давать	приходить	получать
противоположное действие	брать	уходить	терять

¹ См.: *Tesnière L. Op. cit.; Dubois J. Grammaire structurale du français: le verbe. P., 1967, p. 104-127.*

Семантическое поле «давать» включает в себя любые глаголы, означающие передачу материальных объектов, либо информации: *donner, accorder, conférer, montrer, dire* и т. п.

Семантическое поле «приходить» включает глаголы движения и появления: *arriver, venir, entrer, tomber, apparaître, parvenir, etc.*

Семантическое поле «получать» объединяет глаголы получения, восприятия: *recevoir, obtenir, voir, lire* и т. п.

Конкретный выбор глагола зависит от существительного и подчиняется различного рода ограничительным правилам, которые можно сопоставить с теми, что предопределяют отбор внешней формы морфемы в пределах определенного морфологического приема. Например:

A^s écrit une lettre (B) à C.

La lettre (B^o) de A est arrivée à C.

C_d^s a reçu une lettre (B) de A.

A_s^s a dit cette nouvelle (B) à C.

Cette nouvelle (B^o) est parvenue à C de A.

C_d^s a appris cette nouvelle (B) de A.

В каждом типе трансформаций можно определить свои законы лексических замен. Например, при T₄, где обстоятельство места превращается в подлежащее, выбор глагола зависит от предлога, согласно следующим соответствиям:

A^s + V + B^l

(B^l = обстоятельство места)

предлог

предлог dans (lieu)

à, dans (direction)

sur

derrière, sous

de

B^s + V + A

(B^s = подлежащее)

глагол

avoir, contenir, renfermer, comporter, etc.

recevoir, réunir, recueillir

porter, supporter

cachet, couvrir, recouvrir

dégager, émaner, perdre

Dans cet ouvrage (B^l) il y a cinq parties;

Cet ouvrage (B^s) comprend cinq parties.

Deux cents délégués sont arrivés à la conférence;

La conférence (B^s) a réuni deux cents délégués.

Sur le fronton (B^l) de l'édifice il y avait une inscription latine;

Le fronton (B^s) de l'édifice (B^s) portait une inscription latine.

Sous ces fictions mythologiques (B^l) il y a des vérités;

Ces fictions mythologiques (B^s) recouvrent des vérités.

De ce foyer (B^l) s'élève une fumée nauséabonde.

Ce foyer (B^s) dégage une fumée nauséabonde.

Анализ актантных трансформаций при инварианте на уровне ситуации представляет двойной интерес. С одной стороны, он может исчерпывающим образом показать все синонимические средства опи-

сания одной и той же ситуации, что имеет огромное значение для овладения и пользования языком. С другой стороны, он вскрывает соотношение между синтаксической структурой высказывания и структурой ситуации, иначе говоря, семантическую сторону высказывания. Мы отмечали, что это соотношение является разнообразным: от полного параллелизма между синтаксисом и действительностью оно доходит до полного их разрыва. Показательно, что в примерах, приводившихся Хомским в подтверждение взаимной независимости синтаксиса и семантики, разрыв между синтаксической и реальной функциями актантов особенно очевиден. Предложение *John received a letter* (*Джон получил письмо*), где подлежащее обозначает реального адресата, может быть интерпретировано как пассивная трансформация предложения *Джону отправили письмо*, где реальный адресат обозначен синтаксически с помощью косвенного дополнения. Другая фраза Хомского *The fighting stopped* (*Сражение окончилось*) является, по-видимому, трансформацией фразы типа *Кончили сражаться* о ложном актантом-подлежащим, который обозначает не реальный субъект, но само действие. Показательно, что в обоих случаях трансформация эта может объясняться отсутствием первого актанта, ввиду его неопределенности.

Исходя из изложенных фактов, можно дать семантическую интерпретацию понятию глубинных и поверхностных структур. Глубинными являются структуры, в которых синтаксическая структура аналогична структуре ситуации. Синтаксические актанты здесь параллельны реальным актантам и синтаксические функции используются в их первоначальном назначении. Поверхностные структуры создаются путем трансформации глубинных, исходный параллелизм синтаксических и семантических актантов в них нарушается. Следует отметить однако, что одна и та же ситуация может обозначаться несколькими глубинными структурами, из которых каждая может, путем трансформаций, породить несколько поверхностных структур. Но это уже предмет особого исследования.

2. Использование лексических средств при синтаксических трансформациях*

В последнее время все большее распространение получает мнение, что наиболее ценную часть трансформационного анализа составляет изучение преобразований с инвариантным содержанием. С семантической инвариантностью связывается само определение трансформации. При некоторых частных различиях в формулировках трансформация нередко определяется как инвариантное соотношение между комплексами T и T_1 , причем оба комплекса характеризуются одинаковым набором лексем, между которыми сохраняются в неизменно-

* Первый вариант опубликован: НДВШ, Филологические науки, 1965, № 4.

сти непосредственные синтаксические связи¹. Введение лексического тождества компонентов в определение инвариантности оказывается необходимым и достаточным при использовании трансформационного анализа для классификации синтаксических конструкций или разграничения семантических классов лексем.

Однако если в трансформационном анализе видеть не вспомогательное средство лингвистического исследования, а метод, который благодаря заложенной в трансформации идее инвариантности «позволяет исследовать глубинные закономерности структуры языка»², то изложенное выше определение семантической инвариантности в трансформации следует признать недостаточным, слишком узким. Принцип тождества лексем в исходной структуре и трансформации ограничивает возможность применения трансформационных моделей. Если мы хотим повысить объяснительную силу трансформационной модели, мы должны поставить вопрос не только о том, в каком направлении можно трансформировать структуру с заданным лексическим составом, но и о том, какими средствами достигается трансформация в заданном направлении.

Тождество некоторых лексических единиц при трансформации оказывается второстепенным фактором, если к преобразованиям подойти с точки зрения теории С. К. Шаумяна о двух ступенях в лингвистическом исследовании, лежащей в основе аппликативной порождающей модели³. Последняя предусматривает два типа преобразований:

а) Порождение классов слов, которое на уровне конкретного языка интерпретируется как переход слов из одной части речи в другую.

б) Порождение трансформов, которое на уровне конкретного языка интерпретируется как трансформация различных словосочетаний. Из них наиболее глубокой, затрагивающей структуру всего предложения, является трансформация актив/пассив в широком смысле, то есть взаимозамена подлежащего и приглагольных дополнений (обстоятельств). Такую трансформацию мы будем называть субъектно-объектной трансформацией.

При переходе от абстрактного генотипического (глубинного) уровня к фенотипическому (поверхностному) уровню — уровню конкретного языка — некоторая трансформация оказывается невозможной при условии сохранения лексем исходной структуры и возможной при определенных лексических заменах и добавлениях. Но последнее касается лишь средств трансформации, относится к морфонемическим

¹ См., например: Апресян Ю. Д. Метод непосредственно составляющих и трансформационный метод в структурной лингвистике // Рус. яз. в нац. шк. М., 1962, № 4, с. 82.

² Шаумян С. К. и Соболева П. А. Аппликативная порождающая модель и исчисление трансформаций в русском языке. М., 1963, с. 115.

³ См.: Шаумян С. К. Порождающая лингвистическая модель на базе принципа двухступенчатости // ВЯ, 1963, № 2.

правилам конкретного языка и не затрагивает глубокой сущности трансформационных отношений.

Так, на генотипическом уровне любое слово класса V преобразуется в класс N. В реальных языках преобразования $V \rightarrow N$ часто достигается средствами словообразования: *падать* \rightarrow *падение*. Однако от глагола *разжалобить* существительное образовано быть не может, и для преобразования $V \rightarrow N$ здесь приходится прибегать к словосочетанию типа *возбуждение жалости*. Французскому глаголу *tomber* — «падать» соответствует существительное иной основы: *chute* — «падение». Соотношение членов каждой пары совершенно идентично:

$$\frac{V}{N} : \frac{\text{падать}}{\text{падение}} = \frac{\text{разжалобить}}{\text{возбуждение жалости}} = \frac{\text{tomber}}{\text{chute}}$$

Обратимся к субъектно-объектной трансформации. На глубинном (генотипическом) уровне любой комплекс N^1VN^2 может быть преобразован в комплекс N^2VN^1 . На уровне конкретного языка такое преобразование интерпретируется чаще всего как трансформация актив/пассив: *Рабочие строят дом* \rightarrow *Дом строится рабочими*. Однако если в качестве исходных комплексов взяты, например, предложения *Пары дают на поршень* или *Петр знает эту новость*, то заданная трансформация может быть получена лишь при условии замены глагола словосочетанием: *Поршень находится под давлением паров*, либо замены данного глагола другим: *Эта новость известна Петру*.

Существо трансформации во всех случаях остается неизменным. Итак, при переходе от модели к уровню реального языка обнаруживается, что в одних и тех же целях используются различные средства: морфологические (словообразование и словоизменение), замена слова словосочетанием аналитического характера, в котором один из компонентов выступает в полуслужебной функции (такие словосочетания мы будем называть далее *развернутыми структурами* — РС), супплетивные лексические пары от разных основ (их использование мы будем называть лексическими заменами — ЛЗ). Развернутые структуры и лексические замены выступают как средства, восполняющие отсутствие необходимых форм изменения лексем.

Приведенные примеры показывают, что следует проводить различие между семантемой и лексемой, между семантической и лексической инвариантностью. Разные лексемы могут иметь общее смысловое ядро (семантему — X) и различаться лишь дополнительными значениями (y). Идентичность семантемы подтверждается данными других языков, где она реализуется в идентичных лексемах. Например:

<i>tomber</i>	= X + y ¹ (глагольность)	= русск. <i>падать</i>
<i>chute</i>	= X + y ² (субстантивность)	= русск. <i>падение</i>
<i>знать</i>	= X + y ¹ (актив)	= франц. <i>connaître</i>
<i>быть известным</i>	= X + y ²	= франц. <i>être connu</i>

У некоторых лингвистов мы находим ценные указания и наблюдения относительно использования лексических средств при трансформациях. Так, Ш. Балли отмечал супплетивизм при междуклассных транспозициях (*cheval* — «конь» \rightarrow *équiestre* — «конный»)¹. О. Есперсен указывал на глагольные пары с разнонаправленной валентностью, о помощью которых в языке передаются залоговые отношения (*А имеет это* \rightarrow *Это принадлежит А*)². Позднее подобные глагольные пары получили название глаголов-конверсивов. С. К. Шаумян и П. А. Соболева при лингвистической интерпретации трансформов включают в их состав сочетания с глаголами-связками (например, *Суд рассматривал дело* \rightarrow *Дело находилось на рассмотрении в суде*).

И все же использование в трансформациях десемантизированных лексических элементов почти не подвергалось систематическому исследованию, а между тем изучение этой проблемы позволяет вскрыть целый ряд важных морфонемических правил преобразования синтаксических структур. Эти правила дают возможность установить отношения трансформации между комплексами, инвариантными по содержанию, но различными по лексическому составу, например: *Он взглянул на картину*, *Его глаза обратились к картине*, *Картина привлекла его взор* и т. д. Исключение обязательного лексического тождества, допущение РС и ЛЗ расширяет пределы применения трансформационного метода и позволяет раздвинуть круг предложений, возводимых к ядерным.

В этой главе мы попытаемся вывести некоторые закономерности, определяющие использование лексических средств в РС и ЛЗ. В частности, будут рассмотрены закономерности построения РС класса V (операции развертывания), а также закономерности построения ЛЗ при субъектно-объектных трансформациях (операции с лексическими заменами).

В изложении наряду с символической аппликативной порождающей модели, разработанной С. К. Шаумяном, мы будем пользоваться иной символической, отражающей особенности интерпретации моделей на фенотипическом уровне.

Порождение классов слов и операция развертывания. Слово любого класса (N, V, A, D) при помощи релятора R_i, то есть формальной характеристики класса слов, может быть преобразовано в слово любого другого класса³. Например, V — глагол (*учить*), VN — отглагольное существительное (*учитель*), (VN)V — глагол, об-

¹ Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1956, с. 139.

² Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958, с. 186. Ср. также: *Schldt F. Logik der Syntax*. 1. Aufl. Berlin, 1959, S. 43-46.

³ См.: Шаумян С. К. и Соболева П. А. Указ. соч., с. 18-19. Значение символов: N — существительное, V — глагол, A — прилагательное, D — наречие, R₁ — релятор глагола, R₂ — существительного, R₃ — прилагательного, R₄ — наречия.

разованный от отглагольного существительного (*учительствовать*) и т. п. При интерпретации символов на уровне реального языка могут быть получены различные структуры. Так, символу (V^N)^V в русском языке соответствует и простая структура (*учительствовать*) и развернутая структура (словосочетание со связкой: *быть* или *работать* *учителем*). РС имеет общую формулу $M + q$, где M — основной носитель семантики РС в параметре исходного класса, а q — полуслужебный компонент, делающий возможным формирование РС. В функции M и q могут выступать слова различных классов. Рассмотрим глагольно-именные РС, в которых M и q относятся к классу V или N . Таких структур — четыре: $N Vq(РС — 1)$, $Nq V(РС — 2)$, $V Nq(РС — 3)$, $Vq N(РС — 4)$. РС — 1 и РС — 2 будем называть субъектными структурами (N выступает в функции подлежащего), РС — 3 и РС — 4 — объектными (N — послеглагольный член — дополнение или обстоятельство). РС — 1 и РС — 4 образуются при отображении класса N в класс V , РС — 2 и РС — 3 при отображении класса V на самого себя. Представим соотношение синонимичных развернутых и простых структур (ПС).

Семантические особенности M и q наглядно выявляются при сопоставлении РС с синонимичной простой структурой. В развернутых структурах N обычно обозначает имя действия (*бороться* → *борьба*), но может также указывать и на другие субстанции, связываемые с действием: субъект действия (*дождит* → *дождь*), орудие или орган, с помощью которого совершается действие (*взглянуть* → *глаза*, *схватить* → *рука*), различные проявления субъекта при совершении действия (*говорить* → *голос*, *звук*), место действия (*учиться* → *школа*), переживания, сопровождающие действие (*надеяться* → *надежда*) и т. п. Ввиду возможного расхождения (супплетивизма) корневых морфем глагола и N будем называть N не отглагольным, а паравербальным существительным (то есть соотносящимся с глаголом).

В РС — 1 и РС — 4 N находится в отношении тавтологии или метонимии с глаголом простой структуры. В РС — 2 и РС — 3 оно находится в тех же семантических связях с глаголом самой развернутой структуры. Видимо, это и обуславливает совпадение в этих случаях класса РС и класса исходной структуры. V — в РС — 2 и РС — 3 повторяет V простой структуры, а в РС — 1 и РС — 4 имеет общее значение, либо фразеологически связано с N .

РС — 1. $V \rightarrow N + Vq$. N — паравербальное существительное, лексически часто соответствует V . В функции Vq используются глаголы следующих семантических групп:

а) экзистенциальные глаголы (*иметь место*, *совершаться*, *происходить*, *стоять*, *состояться*): *Они собрались* → *У них состоялось собрание*; *Пахнет* → *Стоит запах*;

б) процессуальные глаголы (*идти*, *падать*, *продолжаться*, *развертываться*): *Они работают* → *У них работа идет*; *Они борются*

→ *Между ними идет борьба*; *Дождит* → *Идет дождь*; *Он взглянул на...* → *Его взгляд упал на...*;

в) глаголы, обозначающие начало или конец действия (*начаться*, *окончиться*): *Дом построен* → *Строительство дома окончилось*;

г) глаголы чувственного восприятия (*чувствоваться*, *слышаться*): *Пахнет* → *слышится запах*; *Кто-то заговорил* → *Зазвучал чей-то голос*.

При развертывании происходит смена субъектно-предикативных отношений. Безличная структура преобразуется в личную. Субъектный агенс личных структур превращается в агенс, выражающийся косвенным дополнением (они → у них), или формами принадлежности (кто-то → чей-то; дом → дома).

РС — 2. $V \rightarrow Nq + V$. V развернутой структуры повторяет V простой структуры. Используемое в качестве служебного элемента N должно удовлетворять одному из следующих условий:

а) N находится в отношении тавтологии с V : *Гремит* → *Гром гремит*;

б) N находится в отношении синекдохи с подлежащим ПС (оно относится к нему, как часть к целому): *Он глядит сурово* → *Его глаза глядят сурово*; *Он дотянулся до стола* → *Его руки дотянулись до стола*.

Как и в РС — 1, здесь происходит смена субъектно-предикативных отношений по сравнению с синонимичной простой структурой.

РС — 3. $V \rightarrow V + Nq$. Как и в РС — 2, здесь V повторяет V простой структуры. Полуслужебное N находится в следующих отношениях с другими элементами структуры:

а) в отношении тавтологии с V простой структуры (это отмечается при так называемом внутреннем дополнении): *думать* → *думать думу*; *спать крепко* → *спать крепким сном*;

б) в отношении синекдохи (метонимии) с субъектом РС: *потупиться* → *потупить голову*; *согнуться* → *согнуть спину*; *идти твердо* → *идти твердым шагом*.

РС — 4. $V \rightarrow Vq + N$. N — паравербальное существительное: *отчаиваться* → *власть в отчаяние*; *отомстить* → *найти мстителей*; *быть пойманным* → *попасть в руки*; *освободить* → *выпустить из тюрьмы* и т. д.

С точки зрения Vq следует различать структуры предложные и беспредложные. В предложных РС представлены глаголы движения и пребывания (*идти*, *входить*, *находиться*, *стоять*, *вести*, *вводить*, *держать*, *ставить* и т. п.): *освободиться* → *выйти на свободу*.

В беспредложных структурах представлены процессуальные глаголы (*делать*, *осуществлять*, *проводить*), атрибутивные глаголы (*давать*, *предоставлять*, *оказывать*), глаголы чувствования (*испытывать*, *подвергаться*) и др. Например: *ошибиться* → *сделать ошибку*; *доверять* → *оказывать доверие*; *рассмотреть* → *подвергнуть рассмотрению*. Многие глаголы специализировались в качестве компонентов РС (*оказывать*, *власть* в..., *осуществлять*,

подвергнуть), что подтверждает утрату ими самостоятельной номинативной функции и превращение в полуслужебный элемент.

В зависимости от принадлежности Vq к определенному лексическому классу PC могут иметь медиальное (пассивно-среднее) или активное значение (при этом действие переходит на другую субстанцию):

<i>активное действие</i>	<i>медиальное действие</i>
Он направил приглашение (= Он пригласил)	Он получил приглашение (= Он был приглашен)
Он выпустил на свободу (= Он освободил)	Он вышел на свободу (= Он освободился)

Субъектно-объектные преобразования и операции с лексическими заменами. Возможности субъектно-объектных преобразований, то есть изменения функции предглагольного и послеглагольного членов, зависят от структуры всего комплекса. На генотипическом уровне различаются одночленный, двучленный и трехчленные комплексы.

Одночленный комплекс содержит один глагольный член: V. Двучленный комплекс содержит один глагольный и один субстантивный предглагольный член, который на уровне конкретного языка интерпретируется как подлежащее: N^s + V.

Трехчленный комплекс включает, помимо глагольного, два субстантивных члена: предглагольный и послеглагольный. Последний интерпретируется как дополнение или обстоятельство (существительное с предлогом или в косвенном падеже): N^s + V + N^o.

При субъектно-объектных трансформациях могут взаимозаменяться четыре типа структур — безличная и три личные: активная, пассивная и совместная.

Безличная структура возможна в комплексах любого состава. В ней субстантивные члены несут функцию послеглагольных членов, либо отсутствуют вовсе: V imp; N^o + V; N₁^o + V + N₂^o.

Личная активная структура возможна в двучленных или трехчленных комплексах. Предглагольный член сохраняет в ней свою функцию: N^s + V; N^s + V + N^o.

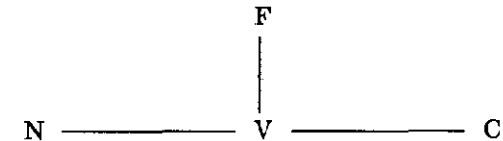
Пассивные и совместные структуры возможны только в трехчленных комплексах. В пассивной структуре субстантивные члены меняются своей функцией: N₂ + V + N₁^s. В совместной структуре оба субстантивных члена несут функцию предглагольных членов: N₁^s + V + N₂^s.

Структуры, связанные субъектно-объектными трансформациями, можно рассматривать как субъектно-объектные формы (СОФ) одного и того же комплекса.

Для характеристики тех же структур на фенотипическом уровне необходимо ввести особую символику и определения.

Обозначим символом F (factor) реального носителя действия или состояния (обычно — одушевленная субстанция). Глагольное ядро пред-

ложения может быть выражено глаголом в действительном залоге (V), глаголом в страдательном залоге (Vpassv), безличным глаголом (Vimpv), а также развернутой структурой (N + V или V + N), где N — паравербальное существительное. Кроме F и N, в предложение могут входить слова, указывающие и на другие субстанции, связанные с действием, которые мы обозначаем символом C. Таким образом, структура предложения на глубинном уровне включает глагольное ядро, сочетающееся с одной или рядом актантов-субстанций, имеющих отношение к действию.

Любая из приглагольных субстанций может нести функцию как подлежащего (s), так и дополнения (o). В зависимости от морфологической структуры V различаются следующие типы СОФ на фенотипическом уровне: подлежащая действительная (V — глагол в действительной форме), подлежащая страдательная (V — глагол в страдательной форме) и бесподлежащая (V — глагол в безличной или неопределенно-личной форме).

Рассмотрим субъектно-объектные трансформации различных комплексов с развернутыми структурами и закономерности использования глаголов определенных лексических рядов в этих структурах.

Одночленный комплекс в своем составе субстантивных членов не имеет и не может подвергаться субъектно-объектным трансформациям. Может иметь место лишь операция развертывания, в связи с чем на фенотипическом уровне бесподлежащая структура сменяется подлежащей.

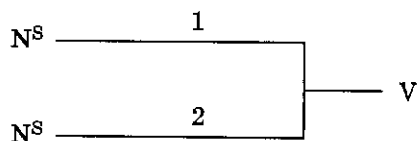
Генотипический уровень		Пример	Фенотипический уровень	
формула	характер структуры		формула	характер структуры
V	безличная (развернутая)	<i>Дождит</i> <i>Идет дождь</i>	V _{imp} NS + V	бесподлежащая подлежащая действительная

Как отмечалось выше, при развертывании используются глаголы экзистенциальные, процессуальные, глаголы движения, пребывания, чувственного восприятия и т. п.: *Пахнет* → *Стоит запах*; *Звонит* → *Слышится звон*.

Двучленный комплекс может подвергаться трансформациям согласно следующему графу¹:

¹ Графы даются согласно указ. работе С. К. Шаумяна и П. А. Соболевой. По техническим причинам их внешний вид несколько изменен.

N (Петр) ————— V (работать)

Мы имеем две соотносительные СОФ, глагольный член каждой из которых может быть представлен на фенотипическом уровне простой или развернутой структурой. Следующая таблица дает их характеристику:

Глубинная структура		Пример	Поверхностная структура	
формула	характер структуры		формула	характер структуры
F ^S + V	безличная	Петр работает (легко)	N ^S + V	бесподлежащая
	(развернутая)	Петр ведет работу (интересно)	N ^S + V + N ^O	подлежащая действительная
F ^O + V	безличная	Петру работает (легко)	N ^O + V _{imp}	бесподлежащая
	(развернутая)	У Петра работа идет (интересно)	N ^S + V + N _S	подлежащая действительная
		Петром ведется работа (интересно)	N ^O + V _{pass} + N _S	подлежащая страдательная

В развернутых структурах используются обычно глаголы следующих семантических полей: «движение», «местонахождение» и «положение в пространстве». Внутри каждого семантического поля имеются соотносительные пары глаголов, из которых один — непереходный — обозначает самостоятельное движение, положение, а другой — переходный — описывает то же движение или местоположение как результат воздействия на данную субстанцию постороннего субъекта. Ср. *идти* и *вести*, *падать* и *бросать*, *находиться* и *держаться*, *сидеть* и *сажать* и т. д. Замена глагола соотносительным с ним глаголом с иной валентностью дает возможность перейти от одной СОФ к другой.

В субъектных РС часто используется глагольная пара *вести/идти*:

(личная активная) N₁^S + V + N₂^O (подлежащая действительная)
 Школа *ведет* подготовку к празднику. Они *проводят* собрание.

(безличная) N₁^O + V + N^S (подлежащая действительная)
 В школе *идет* подготовка к празднику. У них *идет* собрание.

В объектных РС используются более разнообразные глаголы, составляющие целую систему (эти же глаголы используются нередко и при преобразованиях трехчленных комплексов).

Глубинный уровень	Поверхностный уровень	Значение структуры семантическое поле V _g	Начало действия (приближение (помещение))	Состояние местонахождение	Прекращение действия (удаление)
F ^S + V	N ₁ ^S + V _O + N ^O	самостоятельное действие	1 войти	2 находиться	3 выйти
F ^O + V	N ₁ ^O + V _O + N ^O	несамостоятельное действие	4 ввести	5 держать	6 вывести

Каждое семантическое поле включает серию глаголов, различающихся оттенками значений и фразеологическими связями.

Поле № 1: *войти, вступить, упасть, впасть, лечь, стать*.

Поле № 2: *быть, находиться, пребывать, сидеть, лежать, стоять*.

Поле № 3: *выйти, выбраться*.

Поле № 4: *ввести, впустить, бросить, кинуть, ввергнуть, подввергнуть, погрузить, посадить, поставить, положить, привести*.

Поле № 5: *держаться* (видимо, единственный глагол этого поля).

Поле № 6: *вести, выпустить*.

Глаголы полей, входящих в один вертикальный ряд, часто образуют соотносительные СОФ в случае, когда безличное предложение на конкретно-языковом уровне интерпретируются как бесподлежащее предложение с глаголом в неопределенно-личной форме.

Семантические поля	(личная активная) F ^S + V + N _O (подлежащая действительная)	→	(безличная) F ^S + V + N _O (бесподлежащая неопределенно-личная)
1 → 4	Завод <i>вступил</i> в строй. Он <i>сел</i> на диету. Он <i>находится</i> в повиновении.		Завод <i>ввели</i> в строй. Его <i>посадили</i> на диету. Его <i>держат</i> в повиновении.
2 → 5	Он <i>пребывает</i> в неизвестности.		Его <i>держат</i> в неизвестности.
3 → 6	Он <i>был</i> в курсе дела. Он <i>вышел</i> из терпения.		Его <i>держали</i> в курсе дела. Его <i>вывели</i> из терпения.

Трехчленный комплекс трансформируется согласно следующему графу:

$$N_1 \text{ ————— } V \text{ ————— } N_2$$

$$N_1^S \text{ ————— } V \text{ ————— } N_2^S$$

$$N_1^O \text{ ————— } V \text{ ————— } N_2^S$$

$$N_1^O \text{ ————— } V \text{ ————— } N_2^O$$

В этом случае мы имеем три СОФ, с простой и развернутой структурой глагольного члена (совместные структуры не учитываются):

Семантический уровень		Пример	Формальный уровень	
формула	характер структуры		формула	характер структуры
	личная активная	Дерево ушибло мальчика	$N^S + V + C^O$	подлежащая действительная
	(развернутая)	Дерево нанесло ушиб мальчику	$N^S + V + N^O + N$	подлежащая действительная
	личная пассивная	Деревом был ушиблен мальчик	$N_1^O + V_{pass} + N_2^S$	подлежащая страдательная
	(развернутая)	От дерева получил ушиб мальчик	$N^O + V + N_V + N_2^S$	подлежащая действительная
	безличная	Деревом ушибло мальчика	$N^O + V_{imp} + N_2^O$	бесподлежащая
	(развернутая)	Деревом нанесен ушиб мальчику	$N_1^O + V_{pass} + N_V + N_2^O$	подлежащая страдательная

Глаголы, используемые в развернутых структурах в разных СОФ, распределяются по соотносительным семантическим полям.

Поверхностный уровень	Значение структуры		
	действие	антонимическое действие	состояние
$N_1^S + V + N_V + N_1^O$	1 дать	2 взять	3 вызвать
$N_1^O + V + N_V + N_1^S$	4 получить	5 потерять	6 испытывать
$N_1^O + V + N_V + N_V^O$	7 прийти	8 оставить	9 охватить

В эти семантические поля входят следующие глаголы:

Поле № 1: *давать, доставлять, приносить, предоставлять, носить, выражать, оказывать, подвергать.*

Поле № 2: *брать, лишать, отнимать.*

Поле № 3: *вызывать, придавать, сообщать.*

Поле № 4: *получить, приобрести, привлечь, снискать, завоевать, добыть, иметь.*

Поле № 5: *терять, лишаться.*

Поле № 6: *испытывать, чувствовать, терпеть, иметь, обладать.*

Поле № 7: *приходить, являться, оказываться, возникать, обрушиваться, затрагивать.*

Поле № 8: *уходить, оставлять, покидать.*

Поле № 9: *охватить, овладевать, завладевать.*

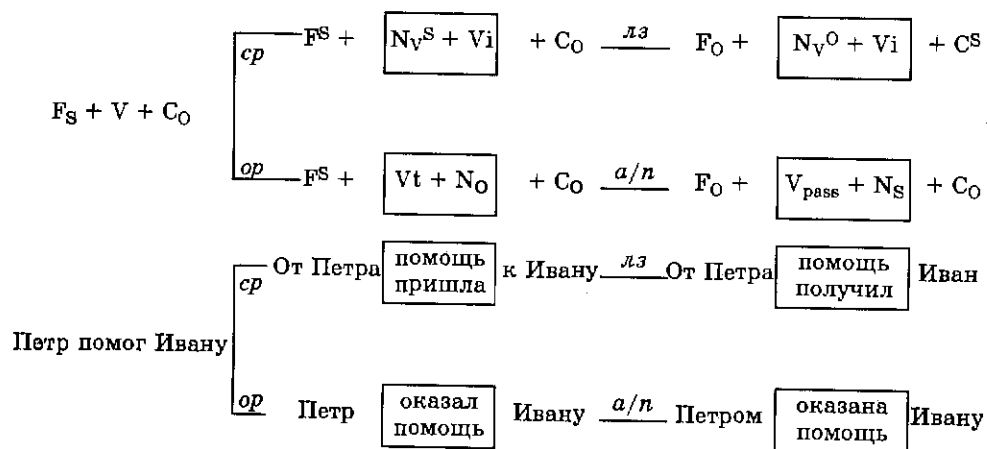
При F^S используются глаголы, имеющие на одну валентность больше, чем глаголы, используемые в структурах с C_S и N_{SV} . Напр.:

	(личная активная) $F^S + V + N_V^O + C^O$ (подлежащая действительная)	(личная пассивная) $F^O + V + N_V^O + C^O$ (подлежащая действительная)	(безличная) $F^O + V + N_V^S + C^O$ (подлежащая действительная)
1 → 4 → 7	Петр оказал помощь Ивану. Он нанес удар Павлу. Работа доставила ему трудности.	Иван получил помощь от Петра. Павел получил от него удар. Он встретил трудности в работе.	Помощь пришла от Петра к Ивану. Его удар обрушился на Павла. При работе перед ним возникли трудности.
2 → 5 → 8	Он бросил взгляд на соседа.	Сосед привлек его взгляд.	Его взгляд упал на соседа.
3 → 6 → 9	Это отняло у него надежду.	От этого он потерял надежду.	Надежда оставила его при этом.
	Работа вызвала в нем усталость.	Он почувствовал усталость от работы.	Усталость охватила его при работе.

Многие РС, в связи с лексико-фразеологической ограниченностью конкретных элементов языка, не могут претерпевать всех трансформаций. С подобными ограничениями, однако, мы встречаемся и в об-

ласти морфологии, где, например, далеко не все прямопереходные глаголы способны образовывать пассивные формы. Общая модель, определяемая на генотипическом уровне, может по-разному реализовываться в разных языках. Трансформация, невозможная в одном языке, становится регулярной в другом. Например: фразу $F^S + V + N_V^O + C_S^O$ *Вчера друзья нанесли нам визит* трансформируем в $F_O + V + N_V^O + C^S$ *Вчера мы (имели? получили?) визит друзей*. Последняя структура, правильность которой в русском языке сомнительна, совершенно закономерна во французском: Hier nous avons reçu la visite de nos amis. Интерпретация третьей СОФ: $F^O + V + N_V^S + C^O$ *Вчера (на нас обрушился?) визит наших друзей* может быть воспринята как не вполне соответствующее узусу индивидуальное словоупотребление. Подобно тому как в силу аналогии говорящий создает порой не вполне правильные морфологические формы, так и здесь он по аналогии, согласно модели, имеющейся в его языковом сознании, должен был выбрать глагол, входящий в семантическое поле № 7. Тот факт, что отсутствующие в данном языке конкретные структуры могут быть созданы по аналогии, а также обнаружены в других языках, свидетельствует о том, что соотношение семантических полей глаголов, используемых в развернутых структурах, отражает целую систему, реально существующую в языке.

Применяя операции развертывания и лексических замен, получаем цепь трансформаций (условные обозначения: *ср* — развертывание с субъектной РС; *ор* — развертывание с объектной РС; *лз* — лексическая замена: *a/n* — морфологическая замена актива пассивом).

Анализ операций развертывания и лексических замен показывает, что в языке существуют целые пласты лексики, которые подобно средствам морфологии используются в строевой функции для выполнения определенных синтаксических заданий.

Если при преобразовании комплексов с глагольным членом, выраженным простой структурой, наиболее частым средством трансформации выступает замена морфем у глаголов, то при преобразовании комплексов с развернутыми глагольными структурами таким средством трансформации является замена глаголов, выступающих в функции Vq . Эти глаголы образуют своеобразную парадигму, которую в известной мере можно сравнить с парадигмой залоговых глагольных форм. В каждом случае выбор полуслужебного глагола приводится на основании определенных морфонемических правил (сочетаемость элементов, выбор формы из ряда синонимов и т. п.), в принципе не отличающихся от тех, которыми пользуются при построении грамматических форм.

Преимущественное использование тех или иных средств в односторонних трансформациях служит показателем типологической характеристики данного языка. Употребление морфологических и лексических средств в сходных функциях свидетельствует о внутренней однородности языковых структур, об отсутствии резких граней между грамматической и лексической подсистемами языка.

Анализ одних и тех же языковых фактов на генотипическом и фенотипическом уровнях вскрывает характерные расхождения и позволяет глубже проникнуть в логическую структуру предложений. Если у структур с простыми глагольными членами имеется известный параллелизм с точки зрения обоих уровней исследования (активная — действительная, пассивная — страдательная, безличная — бесподлежащая), то в том случае, когда глагольный член выражен развернутой структурой, это соответствие нередко нарушается. Использование глаголов с противоположной валентностью (*получить* вместо *дать*) позволяет оформить пассивный генотип как активный фенотип. Фразы, тождественные на фенотипическом уровне, например, *Человек идет быстро* и *Работа идет быстро*, оказываются нетождественными на генотипическом уровне.

В предложении *Человек идет* выражены реальное действие и носитель этого действия. Это — личное предложение. В предложении *Работа идет* подлежащее обозначает не носителя действия, а само действие, сказуемое же представлено десемантизированным глаголом в переносном употреблении. *Работа идет* представляет собой единое, хотя и расчлененное, выражение процесса, субъект которого в предложении не указан. Следовательно, предложения с подлежащим, выраженным паравербальным существительным, на генотипическом уровне отражающем глубокие логические отношения в предложении, должны трактоваться как безличные. Их широкое распространение в естественных языках связано с развитием двусоставности предложения. Обнаруживаются два пути превращения односоставного глагольного предложения в двусоставное: использование служебного подлежащего (лат. *pluit* → фр. *il pleut*) и оформление в качестве подлежащего лексической единицы, обозначающей самый процесс, причем н

функции формального служебного сказуемого используется десемантизированный глагол (русск. *Дождит* → *Дождь идет*).

Анализ развернутых структур показывает, что при десемантизации играют важную роль как синтагматические, так и парадигматические связи слов. В предложении *Работа идет* глагол десемантизируется не только потому, что при данном подлежащем он приобретает ослабленное переносное значение, но и потому, что он образует парадигматический ряд с глаголом *вести*, причем взаимная замена этих глаголов обуславливается не изменением референта, а лишь изменением формальных грамматических отношений в предложении.

3. Коммуникативные трансформации и системность средств логического выделения во французском языке*

Современное языкознание различает три уровня анализа предложения:

— семантический, на котором выделяются семантические субъект, действие, объект, характеристики как отражение реальных субстанций, действий и их признаков. Семантический уровень анализа раскрывает содержательный аспект высказывания (показывает, о чем говорится в нем);

— коммуникативный (логико-грамматический), на котором выделяются логический субъект, или тема (Т), то есть то, что является предметом сообщения, и логический предикат, или рема (R), то есть то, что сообщается об этом предмете. Коммуникативный уровень раскрывает информативный аспект высказывания (показывает, для чего сообщается данное высказывание);

— синтаксический, на котором выделяются функциональные члены предложения: подлежащее, сказуемое, дополнения, обстоятельства и т. п. Синтаксический уровень анализа показывает формальную организацию предложения.

Между тремя уровнями существует глубинная аналогия и параллелизм. В простом двучленном предложении, которое представляет собой ядерную структуру синтаксиса, типа *Петр читает*, членения на всех трех уровнях совпадают: *Петр* представляет собой семантический субъект (реальный носитель действия), логический субъект (исходный, известный элемент высказывания) и одновременно синтаксическое подлежащее. Соответственно *читает* является семантическим, логическим и грамматическим предикатом.

Однако этот параллелизм не абсолютен. Общеязыковая асимметрия приводит к нарушению взаимно-однозначного соотношения как между синтаксическим и семантическим, так и между синтаксическим и коммуникативным уровнями. Так, семантический субъект может синтаксически выражаться подлежащим, дополнением (*Петру гру-*

стно), определением (*приход Петра*). В свою очередь коммуникативные единицы — тема и рема — могут не совпадать с синтаксическими ни качественно, ни количественно, иначе говоря, ни в парадигматическом, ни в синтагматическом аспектах. Одна и та же коммуникативная единица может реализоваться в разных членах предложения либо охватывать несколько членов предложения.

В полном своем виде коммуникативная структура предложения включает оба элемента — тему и ремю. Такое предложение является коммуникативно двучленным (диремой). Однако поскольку основная информативная часть высказывания содержится в реме, то она всегда присутствует в высказывании, тема же, как элемент, отражающий информацию, известную собеседникам, может опускаться, в связи с чем образуются одночленные предложения (моноремы), содержащие, как правило, одну ремю¹. Такое предложение отвечает на вопрос «Что случилось?», «Что происходит?». В каждом языке имеются специальные средства коммуникативной организации предложения, то есть формы, позволяющие отличать дирему от моноремы, а внутри первой — различать тему и ремю.

Универсальными общеязыковыми средствами выражения значений, связанных с информативной стороной предложения и касающихся его в целом (вопрос, актуальное членение), являются: 1) синтаксические средства (порядок слов); 2) просодические (интонация, ударение); 3) лексические (детерминативы, в том числе артикли, выделительные частицы, лексические повторы).

Во французском языке эти средства получают специфическое предложение вследствие некоторых структурных особенностей этого языка.

Порядок слов. Человеческая мысль следует от известного к неизвестному, при нормальном (нейтральном) порядке первые члены предложения обозначают тему, последние — ремю высказывания. В экспрессивно окрашенных высказываниях порядок обратный: рема — тема. В связи с тенденцией французского языка к фиксированному синтаксическому порядку слов нужная коммуникативная структура предложения не всегда может быть обеспечена простой синтаксической инверсией, вследствие чего используются различные средства преобразования глагольного узла предложения, связанные с изменением валентности глагола и позволяющие нужное слово-субстантив оформлять в виде дополнения и тем самым выводить его на последнее место, в качестве ремы:

а) пассив вместо актива: *Pierre a apporté ce livre* → *Ce livre a été apporté par Pierre*;

б) безличные и неопределенно-личные предложения: *Un train est arrivé* → *Il est arrivé un train*; *Le rideau se lève* → *On lève le rideau*;

¹ См.: Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, с. 62–66.

* Впервые опубликовано: НДВШ, Филологические науки, 1975, № 5.

в) инфинитивные конструкции с *faire, laisser, voir*: Les fleurs s'ouvrent de chaleur → La chaleur fait ouvrir les fleurs; Les bêtes passent par cette ouverture → Cette ouverture laisse passer les bêtes; Les salaires des ouvriers ont baissé → Les ouvriers ont vu baisser leurs salaires;

г) развертывание глагольного сказуемого (замена глагола словосочетанием): Le président a visité cette ville → Cette ville a reçu la visite du président;

д) использование глагольных пар, находящихся в отношении конвексии: Deux cents délégués sont arrivés à cette conférence → Cette conférence a réuni deux cents délégués.

Просодические средства. В отличие от русского языка во французском фразовое (в том числе и логическое) ударение является связанным и не может отмечать любое слово в предложении. Это обусловлено такими особенностями французского языка, как окситональность ударения фразы или синтагмы, при которой ударение может падать преимущественно на конец фразы или синтагмы, твердый порядок слов, стяжение синтаксических групп, не позволяющее свободное перемещение и разъединение компонентов группы. Для того чтобы расположить члены высказывания в соответствии с коммуникативным заданием, предложения приходится нередко перестраивать таким образом, чтобы нужное слово оказалось в конце фразы или синтагмы, например: C'est Pierre /qui parle; Je l'ai vu /cet homme. При этом используются элементы местоименного характера, которые, не внося новой информации в высказывание, выполняют здесь строевую функцию. Так формируются во французском языке особые выделительные синтактико-интонационные конструкции, широкое использование которых является типологической особенностью французского языка по сравнению с другими европейскими языками.

К этим конструкциям относятся:

а) эмфатические конструкции, в состав которых входят указательные элементы, называемые во французских грамматических презентативами (*présentatifs*): c'est ... qui (que, dont, où); ce qui (que, dont) ... c'est...; si ... c'est ...; c'est que ...; ce que ...; il y a ... qui; (le) voilà ... qui;

б) сегментированные предложения с репризой (cet homme, je l'ai vu) и антиципацией (je l'ai vu, cet homme);

в) так называемые отделители (*isolants*): pour moi, en ce qui me concerne, pour ce qui est de moi, pour ma part, quant à moi и др.;

г) конструкции с вводными элементами типа: dire que..., et moi qui..., quand..., faut-il..., восходящие к придаточным предложениям.

Интонационно-синтаксические средства выделения хорошо исследованы во французском языке на конкретном уровне¹, но отсутствует описание их как определенной (микро)системы внутри общей синтаксической системы этого языка, чему и посвящен настоящий раздел.

Установить систему каких-либо языковых элементов значит: а) определить набор этих элементов, отграничив их от смежных явлений («внешняя системность»); б) выявить внутренние соотношения и связи между этими элементами (в частности, исходные и производные формы), на основании которых и разработать их «внутреннюю» системность (классификацию).

Трудность выявления элементов системы объясняется общей асимметрией языковых знаков, частым несоответствием форм и функций. Целесообразно различать «общую» и «частную» асимметрию выделительных (эмфатических) конструкций. В первом случае они по содержанию или по форме сближаются с другими явлениями синтаксиса (порядок слов, обособление и т. п.). Что касается «частной» асимметрии, то она заключается в том, что каждая данная конструкция может иметь ряд значений и выполнять функции, находящиеся за пределами актуального членения предложения.

Всякое грамматическое явление можно рассматривать в аспектах его формирования и деформирования, в том числе можно говорить и об «эмфатизации», то есть возникновении эмфатических конструкций из структур иного рода и «деэмфатизации», изменении, утрате выделительных функций у этих конструкций.

Что касается эмфатизации, то многие эмфатические конструкции восходят к презентативным оборотам с *c'est, il y a, voilà*, составляющим предложение с любым последующим субстантивным членом¹. В предложении Qui a mangé la viande? C'est le chat c'est лишь презентативный оборот. Однако в ответе C'est le chat qui a mangé la viande оборот *c'est ... qui* выступает как выделительная конструкция, так как он выделяет *remu le chat* по отношению к теме. В *Le voilà voilà* также является лишь презентативом. Но в фразе *Le voilà qui part* оно служит для выделения описания всего события. В *Il y a quelqu'un ici il y a* выступает как презентатив, но в *Il y a un homme qui est venu vous demander il y a ... qui* — выделительная конструкция. Почти всякий эмфатический оборот имеет неэмфатический омоним. Например: 1) *Mme G. (entendant frapper): Ah, c'est le monsieur qui est venu ce matin (AG3)²*; 2) *C'est votre frère qui est venu*.

Эмфатизация конструкций в плане выражения проявляется в определенной интонации, связанной с перемещением логического ударения, а в плане содержания — в изменении соотношения их с ситуацией. Так, во фразе (1) часть высказывания, вводимая элементом *qui* не предполагается заранее знакомой собеседнику, она входит в *remu*, выраженную предложением в целом. Во фразе (2) часть, вводимая элементом *qui*, указывает на событие, которое заранее известно собеседникам, но не ясен лишь субъект события, вводимый презентативом.

¹ См.: *Chevalier J.-Cl. Exercices portant sur le fonctionnement des présentatifs // Langue française, № 1, 1969; Wagner R.-L. Il y a // Le français dans le monde, № 29, 1964.*

² Примеры, помеченные сокращениями, взяты из записей устной речи CREDIF.

¹ Одно из наиболее полных описаний — книга: *Müller-Hauser M.-L. La mise en relief d'une idée en français moderne. Genève; Zürich, 1943.*

тивом *c'est...* Налицо расчленение предложения на тему и ремю с позицией ремы.

При дезэмфатизации конструкция утрачивает свою выделительную функцию, выполняя иные задачи. Она широко затрагивает, например, расчленение предложения и проявляется в следующих фактах:

— сложная инверсия в вопросительных и иных конструкциях: *Pierre vient-il?*;

— лексикализация местоимения в составе фразеологических речений: *J'en ai vu de ces histoires-là*;

— использование сегмента (чаще всего местоимения *moi*) в качестве частицы, заполняющей паузы в высказывании (ср. русск. *значит, (так) вот, ну и т. п.*): *Quand je veux me détendre, moi, ce n'est pas pour une petite heure (ТЗ); Hé bien! ton prétendu Saint-Michel, je lui mettrai ma fourche dans le ventre, moi, et je te noierai de mes propres mains (Anouilh); Je vais t'apprendre, moi, à sauver la France (Anouilh).*

* * *

Рассмотрим основные трактовки выделительных конструкций во французской грамматике.

При определении места выделительных конструкций в общей системе французского языка («внешней» системности) разные авторы исходят либо из их значений, либо из формальных особенностей.

Поскольку выделительные конструкции не являются единственным способом коммуникативного членения предложения, то в ряде работ они рассматриваются в разделе о порядке слов, когда речь идет о месте или способе выделения какого-либо члена предложения. Например, в «Синтаксисе» Лебидуа¹ в главе «Место дополнений и обстоятельств» имеется особый параграф «Выделение первого объекта», где приводятся разнообразные способы выделения и перемещения объекта. Тот же подход обнаруживается и у Ф. Брюно, который, например, в параграфе «Выделение действия»² объединяет такие явления, как инверсия глагола (*Restait cette redoutable infanterie de l'Armée d'Espagne*), реприза (*il est parti, votre cousin*), безличная конструкция (*il est arrivé un train à 11 heures*), повтор глагольной основы (*Pour avoir ri, j'ai ri*), конструкция с *c'est que* (*c'est que je ne reux pas*). Но здесь нет анализа семантических различий между разными приемами, а между тем в первом примере (*restait...*) глагол входит в тему высказывания, тогда как при репризе он составляет его ремю.

Что касается формального аспекта, то многие из рассматриваемых конструкций характеризуются нарушением обычной синтаксической связи между компонентами высказывания, вследствие чего изучают-

ся в разделе обособления¹. Естественно, всякое нарушение связанности синтаксических групп приводит к акцентированию как обособленного члена предложения, так и членов, расположенных рядом. Но хотя между обособленными и выделительными конструкциями имеется формальное сходство, между ними есть и существенное смысловое различие.

Обособление оформляет дополнительные сообщения предикативного характера, их можно трансформировать в придаточное или самостоятельное предложение. Выделительные конструкции подчеркивают часть основного сообщения, выделяемый ими в качестве ремы член не может быть устранен из высказывания или выведен в другое предложение.

Относительно «внутренней» классификации и соотношений между различными выделительными конструкциями различные авторы дают разные решения.

В грамматике В. Вартбурга и Р. Цумтора различаются *présentatifs* (презентативы): *c'est ... qui, il y a ... qui, voilà ... qui*; *isolants* (отделители): *quant à, pour, pour ce qui est de, comme*, сегментация и некоторые другие приемы². Различие между презентативами и сегментацией утанавливается в стилистическом аспекте: первые выделяют член предложения в логическом плане, вторые — в аффективном. Никаких семантических различий между разными презентативами авторы не усматривают. Грамматика Ларусса (1964 г.) все интересующие нас явления относит к сегментированным конструкциям на том основании, что личное или указательное местоимение выступает в них репрезентантом отдельного слова или субстантивированного относительного придаточного предложения.

Таким образом, и «внутри» выделительные конструкции классифицируются либо на основании формальных признаков (презентативы противопоставляются расчлененным предложениям), либо на основании второстепенных смысловых признаков (логическое выделение противопоставляется аффективному выделению). Последний признак нельзя считать различительным, поскольку и презентативные конструкции и сегментация могут использоваться как со стилистически нейтральной функцией, так и в аффективных целях.

Само понятие «выделение» разные авторы связывают с разными элементами конструкций. Так, одни считают в расчлененных предложениях (*Pierre, il s'en va*) выделяемым обособленный сегмент, другие — глагол. В конструкциях типа *Ce qui est nécessaire, c'est de continuer bien ce travail* одни считают выделяемым членом сказуемое (*est nécessaire*), другие — финальный элемент высказывания.

¹ См., например: *Илья Л. И. Синтаксис современного французского языка. М., 1962, с. 262–283.*

² *Wartburg W. V., Zumthor P. Précis de syntaxe du français contemporain. Bern, 1958, p. 172–178.*

¹ *Le Bidois G. et R. Syntaxe du français moderne, t. II. P., 1968, p. 50, 52*

² *Brunot F. La pensée et la langue. P., 1965, p. 224.*

В основу системной классификации следует положить ведущий признак — функциональный, объединяющий особенности и форм и выражаемых ими значений. Поскольку выделительные конструкции выступают как средство выражения коммуникативных трансформаций, их следует различать прежде всего в зависимости от типов трансформации коммуникативной структуры предложения.

Исходная коммуникативная структура ($T_s - R_v$) *Поезд пришел* (*Le train est arrivé*), где тема выражена именем (s) и предшествует реме, выраженной глаголом (v), может подвергаться следующим трансформациям¹:

1. Коммуникативная транспозиция (превращение) — рематизация актанта или сирконстанта, при которой тема выражена глаголом, рема — существительным ($T_s - R_v \rightarrow T_v - R_s$): *Пришел поезд*. Если в русском языке такая трансформация легко достигается простым изменением порядка следования компонентов, то во французском языке тенденция не начинать предложения с «оголенного» глагола (кроме императива) приводит к употреблению безличного местоимения *il*, которое выступает как формальное подлежащее, так что существительное ремы становится дополнением. Эта синтаксическая трансформация обычна при неопределенном семантическом субъекте: *Un train est arrivé* \rightarrow *Il est arrivé un train*.

2. Коммуникативная инверсия, состоящая в том, что тема следует за ремой, тогда как соотношение между коммуникативными и грамматическими единицами остается прежним ($T_s - R_v \rightarrow R_v - T_s$): *Пришел поезд*. В русском языке эта трансформация достигается изменением порядка слов и переносом ударения. Аналогичная конструкция во французском языке *Est venu/Pierre* невозможна совсем, так как ударение на глаголе допустимо лишь при выведении его в отдельную синтагму, то есть при разрыве его синтаксических связей с подлежащим, что, однако, невозможно из-за двусоставности глагольного предложения во французском языке. Задача решается таким образом, что глагол получает свое собственное подлежащее, выраженное личным приглагольным местоимением, а существительное выводится в обособленную позицию, превращаясь в особого рода обособленный член предложения — сегмент: *Il est venu/Pierre*.

3. Коммуникативная транспозиция, осложненная инверсией ($T_s - R_v \rightarrow R_s - T_v$): *Поезд пришел*. В русском языке такая инверсия компонентов коммуникации достигается простым переносом ударения на первое существительное-рему. Такой прием *Pierre est venu* не всегда приемлем во французском языке, где логическое ударение, в связи с окситональным ритмом, падает обычно на конец предложения или синтагмы. Надо, следовательно, превратить *Pierre* в отдельную от глагола синтагму, что достигается конструкцией *c'est... qui (que)*, пре-

¹ Ср. выделяемые в русской грамматике типы коммуникативных форм (Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 598).

образующей предложение в мнимосложное предложение с определенным придаточным: *C'est Pierre/qui est venu*. В отличие от п. 1 здесь имя сохраняет функцию подлежащего.

4. Коммуникативное стяжение (монорематизация — превращение диремы в монорему): $T_s - R_v \rightarrow R (s+v)$. В русском языке и эта трансформация осуществляется интонацией и порядком слов: *Пришла весна; Очистите путь, так как поезд пришел (пришел поезд)*¹. Во французском языке и здесь может происходить синтаксическая перестройка предложения.

Мы видим, что при различных трансформациях используются разные конструкции. Основой же классификации целесообразно сделать выполняемую ими функцию.

Функция	Конструкция
I. Формирование двучленного предложения	Диремная конструкция
А. Выделение в качестве ремы глагола ($T_s - R_v$)	Расчлененные (сегментированные) предложения
В. Выделение в качестве ремы не-глагола ($T_v - R_s$)	Эмфатические конструкции
II. Формирование одночленного предложения (R)	Презентативная конструкция

Примечание: В каждом случае порядок темы и ремы может меняться.

Существующая во французской грамматике терминология не дает возможности охватить все эти разновидности выделения. Так, расчленением или сегментацией называют как любую синтактико-интонационную двучленность предложения, так и конкретный вид предложений с местоименным повтором. Презентативными или эмфатическими конструкциями именуют любую выделенную единицу — как часть предложения, так и предложение в целом. Хотя в силу грамматической многозначности одна и та же конструкция может оказаться как в п. 1, так и п. 2, все же следует различать их функции, в связи с чем мы условно закрепим термин *эмфатические конструкции* за структурами типа I. В, а *презентативные* за типом II.

I. Диремные (разъединительные) конструкции

А. Расчлененные предложения

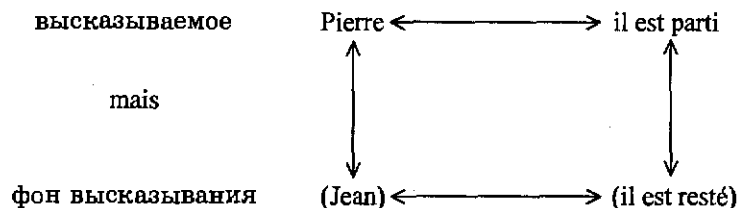
Полные расчлененные предложения (рема — сказуемое). Эти конструкции выделяют в качестве ремы глагольный центр предложения. Конструктивной особенностью расчлененных предложений является наличие местоименной репрезентации: приглаголь-

¹ Придаточное предложение внутри сложного выступает нередко как один коммуникативный член предложения (монорема), что проявляется в частой инверсии подлежащего в русском языке.

ное местоимение замещает в глагольном узле актанта, вынесенный в обособленный сегмент. Они могут иметь двойную коммуникативную структуру — с прямым следованием коммуникативных членов (Т—R, реприза) и с инвертированным (R—Т, антиципация). Известно мнение, что антиципация (*je le sais, moi*) более эмоциональна, чем реприза (*moi, je le sais*). Однако противоречиво освещается вопрос о том, что же выделяется в этих предложениях. Некоторые авторы считают, что ремой является сам обособленный сегмент. Это неверно, ибо грамматический смысл расчлененных предложений заключается именно в том, что они представляют в качестве ремы глагольную часть. Тот факт, что сегмент всегда (и при репризе и при антиципации) заменяется местоимением, показывает, что он является для говорящего психологически исходным элементом высказывания, так как местоимение может указывать лишь на нечто, уже известное из контекста или ситуации. Даже при антиципации (*L'as-tu, vu, cet homme?*), когда местоимение предшествует прямому обозначению субстанции, оно показывает, что говорящий исходит из того, что субстанция эта известна собеседнику, в связи с чем и возникает эмоционально-оценочный эффект, подкрепляемый указательными элементами (*ce, celui-là*). Сегмент является темой высказывания, что подчеркивается его связью с предшествующим высказыванием. Иногда эта связь выражается в прямом повторе: *Une plaisanterie n'a jamais été une réponse, Jeanne... Mais ta réponse à ma question, tu l'as faite avant de parler (Anouilh)*.

Нередко сегмент является синонимом (часто — аффективным или предметно-оценочным) номинации, представленной в предыдущем предложении: *Oui, j'ai commandé à des centaines de bons garçons qui me suivaient et me croyaient. — Que vous ne les avez jamais vus de près, nos trouffions! (Anouilh)*. Он может обозначать субстанцию, находящуюся в различных логических отношениях с тем, о чем идет речь в предыдущих фразах: *Chez nous, ils ont mis du fumier ce matin. — Ah! mais toujours ça. Il faut l'engraisser le terrain (engraisser le terrain и mettre du fumier в данном случае обозначает одно и то же событие)*.

При подчеркивании глагола-ремы в расчлененном предложении вместе с тем может выделяться и тема (сегмент), противопоставляемая другим возможным субстанциям. Таким образом, в расчлененных предложениях выделяются одновременно и тема и рема по отношению друг к другу и к иным субстанциям и действиям, что можно представить такой схемой:

Когда эти противопоставления выражены эксплицитно, конструкция приобретает особую выразительную силу: *Je suis l'effrayant l'Homme*

qui rit... Qu'est-ce que son rite? Votre crime, et son supplice. Ce crime il vous le jette à la face; ce supplice, il vous le crache au visage (Hugo).

В результате трансформации и аналогии на базе расчлененных предложений образуются следующие виды выделительных конструкций.

1. Усечение конструкции. Инверсия слова, выражающего тему, не сопровождается местоименной репризой. Здесь возможны два случая: а) местоимение не повторяет обособленное косвенное дополнение или обстоятельство: *A lui, on ne dira rien*, вместо: *(A) lui, on ne lui dira rien*; б) местоимение опускается вместе с глаголом-связкой при предпозиции именного сказуемого: *Elles sont finies, les vacances → Finies, les vacances*.

М. Крессо считает, что во фразе *Envolé, mon chapeau* первый член — тема, а второй — рема (он называет их логическими субъектом и предикатом), на основании их следования друг за другом¹. Однако фраза эта отвечает либо на вопрос «Что случилось со шляпой?», и тогда *envolé* — рема, либо на вопрос «Что произошло?», и в этом случае все высказывание надо считать моноремой с эмоциональной препозицией.

2. Подкрепление сегмента служебным словом. Так формируются обороты с «отделителями» (*isolants*): *moi → et moi... pour moi..., quant à moi..., en ce qui me concerne..., pour ce qui est de moi...*

Обладая различными смысловыми и стилистическими оттенками, отделители имеют то общее, что резко выделяют тему, отделяя ее от основного высказывания: *Pour ce qui est de la foi, je m'en remets à l'Eglise. Mais pour ce qui est de ce que j'ai fait, je ne m'en dédirai jamais (Anouilh)*.

Отделители могут включать и глагол-инфинитив, что подчеркивает субстантивность темы. В этом случае одна и та же лексема выступает и как тема и как рема высказывания: *Pour vendre, il a vendu, mais il n'a rien gagné*.

Глагольный сегмент может быть репрезентирован местоимением *ça* (*cela*), замещающим целую фразу: *Et il n'a pas été mordu? — Pour ça, il été mordu (Anouilh) (Pour ça = Pour être mordu...)*.

3. Замена приглагольного местоимения самостоятельным. Эту конструкцию, которая ближе к собственно обособлению, чем к сегментации, можно объявить аналогией. В ней встречаются местоимения третьего лица: *il est venu, lui → Pierre est venu, lui → Pierre, lui, est venu (= quant à Pierre, il est venu)*.

В. Эмфатические конструкции (рема — не сказуемое)

1. Коммуникативная инверсия (R — T).

Конструкция *c'est ... qui (que)* — наиболее употребительный способ рематизации подлежащего (*c'est ... qui*), других актантах или сирконстантов (*c'est ... que*). Выделяемый член обычно противопоставляется другим возможным элементам ситуации данной группы. Противопоставляемый член может быть выражен в той же фразе: *C'est pas à la vente qu'on gagne, c'est à l'achat (G 13)*.

¹ Cressot M. Le style et ses techniques. P., 1969, p. 206–207.

Гораздо чаще выделяемая рема противопоставляется не называемым, но возможным иным элементам ситуации: *C'est Patrice que j'aime* (Salacrou).

Грамматическая сущность конструкций такого типа состоит в том, что благодаря презентативу *c'est* оглаголивается неглагольный элемент, тогда как частица *qui* (*que*), восходящая к относительному местоимению, выполняет функцию субстантиватора глагольного элемента. И потому тема вновь принимает субстантивную форму, а рема — вербальную. Ср.: *Pierre* (Т — субстантив) *parle* (R — глагол) → *C'est Pierre* (R — вербализованный субстантив) *qui parle* (Т — субстантивированный глагол). Таким образом восстанавливается фундаментальный параллелизм между логико-коммуникативной и грамматической структурами высказывания.

Конструкция *c'est ... qui* (*que*) имеет следующие производные формы: а) транспортные конструкции: часть, вводимая субстантиватором *qui* (*que*), может быть замещена инфинитивом, отглагольным существительным: *C'est à toi d'y aller* = *C'est toi qui dois y aller*. *Ce n'est pas à toi à reprendre le vénérable Chanoine* (Anouilh); *Ce n'est pas encore demain, la rentrée quand même* ← *Ce n'est pas encore demain qu'on rentre*. Конструкции последнего типа приближаются к расчлененным предложениям. Их существенное отличие от расчленений типа *C'est un gars agréable, Pierre*, состоит в том, что здесь наличествует отглагольное существительное, транспонирующее предложение, тогда как в расчлененных — существительное конкретного значения. Поэтому темой является обозначение действия, а не актанта; б) усеченные конструкции, в связи с опущением вводного презентатива *C'est*: *C'est une admirable femme que maman* → *admirable femme que maman!*

Эти усечения особенно часты при выделении именного сказуемого. Эмфатическая инверсия предикатива с *que* должна рассматриваться как трансформ конструкции *c'est ... que*.

Конструкция *il y a ... qui* (*que*). Выделяет субстантив в качестве ремы особенно при отрицательной форме фразы: *En France, en ce moment, il n'y a que toi qui y vois clair* (Anouilh).

Конструкция *voilà ... qui*. В директивных конструкциях она используется сравнительно редко, преимущественно тогда, когда *voilà* заменяется *c'est*: *Voilà Pierre qui vient* (= *C'est Pierre qui vient*).

Более регулярно она используется для выделения обстоятельства времени: *Voilà deux ans qu'il est parti* (ср. отсутствие выделения: *Il est parti il y a deux ans*).

2. Коммуникативная позиция (Т — R).

В рассмотренных выше конструкциях рема предшествует теме. И хотя это не всегда свидетельствует об аффективном характере конструкций, они находятся в противоречии с общей закономерностью интонационной структуры французского предложения — его окситональным ритмом. Быть может, это обстоятельство способствует употреблению двойных эмфатических конструкций, особенно желательных при большом объеме ремы.

Двойная конструкция *ce qui* (*ce que, celui qui, ceux qui* etc)... *c'est* (*ce sont*). В отличие от простой эмфатической конструкции здесь коммуникативная транспозиция не связана с инверсией: *L'histoire* (Т) *m'intéresse* (R) → *Ce qui m'intéresse* (Т) *c'est l'histoire* (R). Но здесь также тема субстантивируется при помощи элемента *Ce qui*, тогда как рема вербализуется с помощью того же презентатива *c'est*.

Двойная эмфатическая конструкция может порождать иные формы: а) тема ретранспонируется в морфологически субстантивированную форму (инфинитив, абстрактное существительное): *Ce qui m'intéressait, ce n'est pas l'affaire du contenu* → *Le plus intéressant* (Т), *ce n'est pas l'affaire du contenu* (R); б) рема ретранспонируется в глагольную форму при помощи элемента (*c'est*) *que* или (*c'est de + инф.*): *Ce qui est impossible* (Т), *c'est de tout briser* (R) (Bernstein); *Ce qu'il y a de grave* (Т), *c'est qu'il prétend que c'est vous qui l'avez tout dit* (R) (Birabeau); в) нередко имеет место одновременная ретранспозиция темы и ремы: *Ce qui est malheureux* (Т), *c'est ma maladie* (R) → *Mais le malheur* (Т), *c'est que j'ai été malade* (R).

Транспонируемые конструкции по форме также сближаются с сегментированными предложениями, отличаясь от них тем, что обособленный элемент представляет собой процессное слово, результат транспозиции глагола или прилагательного и не обозначает семантический актанта.

Двойная мнимоусловная конструкция *si ... c'est*: *S'il n'a pas encore compris, c'est qu'il est aussi bête que méchant* (Salacrou).

Различие между конструкциями *ce qui ... c'est* (*que*) и *si ... c'est que* прослеживается как в структуре, так и в содержании. Последняя конструкция сохраняет причинно-разъяснительное значение, тогда как первая имеет определенно-разъяснительное значение.

II. Моноремные конструкции

Эти конструкции, выделяющие в качестве ремы все высказывание, образуются в результате переосмысления либо директивных конструкций, либо предложений разных типов.

При выделении всего предложения противочленом выделения оказывается предыдущее высказывание. Поэтому превращение в рему всего высказывания связано с сообщением дополнительных экспрессивных оттенков, в отдельных случаях логического характера (разъяснение), но чаще — эмоционального (неожиданность, восхищение, возмущение и т. п.).

Конструкция *c'est que... может рассматриваться этимологически как усечение мнимоусловного выделительного оборота si... c'est que... . Имеет обычно разъяснительное значение («дело в том, ведь»): Neuf chances sur dix que cette Agnès épousât un extravagant, un Dieu sait quoi, un déclassé! C'est qu'avec elle il fallait s'attendre à tout* (Hérial).

Но разъяснительное значение может уступать место чисто эмоциональному оттенку («ведь же», «ну и»): *Ah! morbleu! voilà de ces farces que*

l'on peut risquer impunément avec un marquis, mais point avec ces brutes de la campagne. Ah! jarnidieu! Mais *c'est que* j'en fus le dindon, comme on dit (Hérial).

Конструкция *se que*, передающая, по определению Ф. Брюно, высокую степень качества, обычно вводит предложение с именным сказуемым: *Ce qu'il est méchant; Ce que je suis malheureux*. При подлежащем, выраженном именем существительным, комбинируется с сегментацией (обычно — с антиципацией: *Ce qu'il est ennuyeux, ce type*). По аналогии конструкция *se que* может выделять и глагольные предложения, выражающие состояние или чувства субъекта: *Ce que j'ai soif. Ce qu'il peut souffrir, cet homme (Druon)*. Использование *se que* для выделения глагольных предложений с иным значением, что Ф. Брюно рассматривал как «*tout vulgaire*» (*Ce qu'on en a vu! Ce qu'il prend!*)¹, в настоящее время утратило стилиевые ограничения и стало свойственно разговорному стилю вообще: *Ce qu'on a ri, ce soir-là (Dubois)*.

Конструкция *Ce que c'est que de ...* вводит восклицательное предложение (с оттенком осуждения; примерно соответствует русскому «вот что значит»): *Ce que c'est que de conduire si vite, l'accident n'est pas loin!* (Dubois).

Следующие конструкции представляют собой трансформацию субстативного мнимоопределяющего предложения с одним из презентативов: *c'est, voilà, il y a*. Предложение со структурой *N + qui (que) + V* широко используется в литературной французской речи для описания событий, с их помощью достигается большая оживленность повествования². Относительное местоимение вводит фактически не определение, а предикат. Ср.: *Un bruit de croisées qui s'ouvrent, des portes qui se ferment (Vaillant-Couturier)*. Номинативный характер этих предложений подчеркивает то, что они представляют собой монорему. Введение презентатива усиливает экспрессивный характер предложения, не снимая его коммуникативной одночленности. Таким образом, создаются грамматические омонимы, например с *c'est*: эмфатическая диремная конструкция, выделяющая неглагольный член: *C'est Maurice (R) qui va être content (T)* и моноремная конструкция, выделяющая в качестве ремы все высказывание (русс. то-то): *C'est Maurice qui va être content!* (Laffitte).

Конструкция *c'est ... qui (que)*, как отмечалось, превращает в рему все предложение. Например: *Il m'a dit que comme le moteur a été pratiquement refait, elle ... elle mangeait pas d'huile et que je... Puis tout tourné! Enfin, c'est la carrosserie qui est vraiment sale à l'intérieur. Elle est sale (T. 1)*. Выделенная фраза отвечает на вопрос «В чем же недостаток машины?», а не «Что в этой машине грязного».

Иногда только контекст позволяет определить точное значение конструкции. Например: — *Silence, Frère L'Advenu! Encore une fois. Maintenant c'est moi (R) qui interroge (T) (Anouilh)*. — «Помолчите, брат Ладвеню! повторяю, сейчас веду допрос я». Здесь — характерная ди-

рема: инквизитор подчеркивает, что допрашивать Жанну будет дальше не Ладвеню, а он сам.

— *Debout Jeanne et réponds! C'est moi, maintenant qui t'interroge (R) (Anouilh)*. — «Встань, Жанна, и отвечай мне. Теперь я допрашиваю тебя». Здесь инквизитор уточняет дальнейшую фазу процесса, переход к допросу. (В тексте, естественно, эта реплика предшествует предыдущей.) Он отвечает на предлагаемый вопрос «Что будет дальше?», а не «Кто будет допрашивать?». *C'est ... qui ...* можно рассматривать как моноремную выделительную конструкцию (русский перевод отражает эти разные оттенки значений).

Конструкция *Il y a ... qui (que)* также выделяет всю фразу, сообщая ей либо причинно-разъяснительный оттенок (подобно *c'est que ...*), либо передавая оттенок неожиданности: *Il y a un soldat qui est venu (Zola)*. Первое значение менее характерно: — *Bon, ça te gêne de parler. Parce que je comprends ce que tu veux dire: il y a que tu penses toujours à lui... (Hérial)*.

Конструкция *Voilà...qui (que)* или *le voilà qui (que)* выражает оттенок неожиданности: *Enfin, au bout d'un moment, le voilà qui s'arrête et qui dit «pardon, je me suis trompée» (M 6)*.

Конструкция *et... qui...* выражает неожиданность, противопоставление, нежелательность события: — *Et leur charrette qui est restée sous la grande porte (Flaubert); Et moi qui n'avais pas songé à ça! (Zola)*.

К моноремным относятся также конструкции с *(et) dire que... faut-il que; quand...*, образовавшиеся вследствие переосмысления некоторых типов придаточных предложений.

Итак, наш образ показывает, что синтаксические средства коммуникативной организации предложения, при всей своей пестроте, образуют во французском языке довольно стройную микросистему. В диремных высказываниях наблюдается тенденция к восстановлению логико-грамматического параллелизма: с помощью синтаксических средств тема оформляется как субстантив, рема принимает вербальную форму. Системность средств выделения подчеркивается тем, что среди них можно выявить основные «ядерные конструкции», путем трансформации которых образуются производные конструкции. Такими ядерными структурами являются диремные конструкции: *c'est ... qui (que)*, с неглагольной ремой и сегментированные предложения с ремой-глаголом. Однако рассматриваемые средства не представляют собой (как, впрочем, и все другие частные системы языка) замкнутого и устойчивого единства. С одной стороны, многие конструкции связаны с другими языковыми явлениями, находящимися за пределами данной микросистемы, с другой — многие конструкции полифункциональны и представлены, следовательно, одновременно в разных частях системы.

¹ Brunot F. Op. cit., p. 114.

² Tesnière L. *Éléments de syntaxe structurale*. P., 1959, p. 177.

4. Номинация действия*

Номинация представляет собой отношение единиц плана выражения к единицам плана содержания. Всякая мотивированная номинация в языковой системе и всякая номинация в речи (в речи все номинации мотивированы, в ней нет произвольных знаков) обладают внутренней формой, которая отражает признак объекта, положенный в основу обозначения. Закономерности номинации действия выявляются только в сопоставлении средств наименования с различными аспектами — признаками самого действия, с элементами структуры действия.

Во многих языках слово *действие* этимологически связано со словом *деятельность*, имеющим более отвлеченное значение. В философии и психологии действие определяется как единица деятельности (Психология, 94), причем отмечается, что действие есть произвольная преднамеренная активность, направленная на достижение осознанной цели. В свою очередь, деятельность предполагает противопоставление субъекта и объекта; в структуру деятельности входят помимо субъекта и объекта сам процесс, цель, средство и результат (Огурцов, Юдин, 187). Как все сущее, деятельность, кроме того, определяется временной и пространственной координатами, а также качественными признаками, так что к упомянутым выше шести компонентам структуры действия следует добавить еще три. Структура действия и ситуация действия включают девять основных элементов.

Однако лингвистическое определение действия, выводимое на основании анализа языковых форм, обозначающих действие, не вполне симметрично указанным теоретическим определениям деятельности и действия. Сложные и спорные случаи возникают в связи с проблемой субъекта, объекта и цели. Так, например, несмотря на отсутствие объекта, в круг действий обычно включаются активные и контролируемые процессы, не затрагивающие объект и ограничивающиеся самим субъектом (*гулять, шуметь*).

Наибольшие сложности представляет проблема цели и связанное с ней намерение. Здесь можно отметить три случая. Во-первых, есть действия, в которых цель совпадает с действием, цель не выражается особо, поскольку ясна из ситуации (например, *Ребенок ест кашу*). Во-вторых, обсуждается вопрос о правомерности включения в круг действий изменений в объекте, осуществленных агенсом, не обладающим интеллектом и волей, а следовательно, и намерением (*Ветер гонит тучи*), а также событий, происшедших в результате непреднамеренного воздействия со стороны агенса: *Автомобилист задавил прохожего* (Searle, 129). В этом случае можно говорить об отрицательном контроле или об «антицели», о неосуществленном контроле, который должен был бы заключаться в том, чтобы избежать данного

действия или воздержаться от него. В языке существует сория глаголов, обозначающих действие с отрицательным контролем (*уронить, пропустить* и т. п.). И наконец, во многих случаях наблюдается расхождение между реальным агенсом и носителем интенции. Это имеет место в некоторых конструкциях с придаточным предложением (*Он хочет, чтобы его оставили в покое*), в каузативных структурах (*Мать заставила сына подмести комнату*), в пассивных конструкциях (*Он был приглашен на вечер*), а также в активных конструкциях с «центробежными» глаголами (*Он получил удар по спине; Он получил письмо от брата*) и др. Благодаря актантным трансформациям субъект действия, обладающий волей, грамматически оформлен как дополнение. Особый тип высказываний составляет описание действий с «делегированной» волей, в частности, действий механизмов, фактически выполняющих волю людей (например, *насос качает воду*).

Проблема акционального предиката и его ограничения от смежных категорий неоднократно обсуждалась в лингвистике (см., например, Семантические типы...); мы здесь ее обсуждать не будем, отметим только, что, подобно многим другим понятиям в лингвистике, понятие «действие» представляет собой понятие с нечеткими границами и должно интерпретироваться в виде полевой структуры. К центральному ядерному типу действия относится целенаправленное воздействие субъекта на объект, представленное обычно в предложениях трехчленной структуры. Ядерная акциональная структура включает в подлежащее, обозначающее конкретный, активный, наделенный волею субъект, конкретный объект, подвергающийся воздействию, конкретное время и место действия. Если какой-либо из этих компонентов отсутствует, то предикат может утрачивать признаки акциональности, отходить на периферию данного класса предикатов и даже переходить в иной класс, например в класс статальных или квалификативных предикатов.

Полная форма обозначения действия принимает вид распространенного предложения, иногда даже и сложного (особенно при обозначении цели, результата или характеристики действия), но чаще мы встречаемся с неполным обозначением ситуации действия. Этому способствует, в частности, то, что между элементами ситуации действия (субъект — действие, действие — объект, действие — орудие, действие — место и т. п.) нередко устанавливаются существенные смысловые отношения, а обозначающие их слова составляют синтагматическое семантическое поле в духе В. Порцига. Это позволяет один компонент ситуации обозначать через другой или же всю ситуацию действия — через один из ее компонентов. Например, если мы говорим о ножницах как об орудии действия, то предполагаем процессы «резать» или «стричь», в свою очередь действие «стричь» предполагает орудие «ножницы» и т. п.

Способы номинации действия различаются в зависимости от того, идет ли речь о языковой системе или о речи. Однако между этими двумя типами номинации действия существует большая аналогия,

* Впервые опубликовано: Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.

которая проявляется в следующем: а) в обоих случаях при обозначении действия большую роль играет обций принцип номинации: избирательность по отношению к признакам действия. Не все признаки и компоненты ситуации действия отражаются в наименовании; б) средства номинации действия образуют функциональное поле, в центре которого находится глагол; в) вторичные средства номинации создаются в значительной степени за счет существительных, обозначающих актанта и сирконстанты, тяготеющие к данному глаголу. Между глаголами и существительными возможны отношения формальной производности (отглагольные существительные: *учить* — *учитель* — *училище*) или только семантической корреляции (*учить* — *преподаватель* — *школа*). В последнем случае можно говорить о лексическом супплетивизме; оба типа существительных будем называть паравербальными.

На уровне языковой системы в функциональное поле номинации действия входят:

а) первообразные глаголы (*ходить*) и глаголы, образованные от глаголов (*выходить*);

б) глаголы, образованные от существительных и других частей речи, причем в основу глагола может быть положен любой элемент ситуации действия: *субъект* (*бригадир* — *бригадирствовать*), *объект* (*сор* — *сорить*, *группа* — *группировать*, *цель* — *целиться*), *орудие* и *средство* (*гвоздь* — *пригвоздить*, *масло* — *намаслить*), *место* (*земля* — *заземлять*), *качество объекта* (*успокаивать*);

в) отглагольные существительные, отражающие аналогичные признаки ситуации: *сам процесс* (*хождение*), *субъект* (*ходок*, *тот*, *кто ходит*), *место* (*сушилка* — *то, где сушат*), *орудие* (*резак* — *то, чем режут*), *признак действия* (*походка* — *то, как идут*). Действие может обозначаться и с помощью транспозиции глагола в прилагательное (*непереводимый*);

г) не связанные с глаголом части речи, способные выражать самостоятельно предикативность. Таким является междометие: *на!* (= *возьми!*).

Как видно, среди вторичных способов номинации действия «б» и «в» связаны с глаголом отношениями транспозиции, но направление транспозиции идет у них в противоположные стороны: от имени к глаголу и от глагола к имени.

При обозначении действия на уровне речи еще более ярко проявляется принцип неполноты и избирательности при номинации. Практически нет возможности вывести в поверхностную структуру высказывания все компоненты ситуации действия. Да в этом и нет необходимости, подобно тому, как при идентификации в речи предмета незачем перечислять все возможные его признаки: для идентификации достаточны отдельные из них. Многие элементы ситуации действия включаются в пресуппозицию, становятся ясными из ситуации, другие же не нуждаются в эксплицировании. Например, всякое индивидуальное действие имеет определенные характеристики, отличаю-

щие его от другого подобного действия. Но в большинстве случаев в высказывании это не фиксируется, за исключением той ситуации, когда характеристика действия существенна и даже выводится в ре-му. Как это ни парадоксально, но очень часто не имеет специального выражения цель, а также результат и объект. Результат часто выражен в самом глаголе; особое обозначение цели отсутствует, когда действие само превращается в цель (*Он бежит по утрам* — цель — укрепление здоровья — ясна говорящим и как бы снимается в высказывании).

Первичным ядерным средством номинации действия в речи является личная форма глагола. Как вторичные средства номинации используются перечисленные выше языковые средства, но к ним добавляются и иные способы обозначения. В речи появляются специфические факторы использования вторичных средств обозначения действия. Высказывание, обозначающее ситуацию действия, представляет собой знак и как таковой характеризуется тремя семиотическими отношениями, оказывающими влияние на его форму. В семантическом аспекте — высказывание не обязательно отображает все детали ситуации действия; в синтаксическом плане — строение данного высказывания может зависеть от окружающих высказываний, прежде всего предшествующего; в прагматическом аспекте — высказывание может выражать преимущественно оценку действия, не обозначая самого действия.

Важнейшее значение при номинации действия может иметь семантическое согласование: наличие итеративных сем в глаголе и дополнении позволяет обозначить одну и ту же ситуацию действия разными способами, причем создается типология трех структур: а) полная структура (глагол + дополнение): — *Что ты делала в субботу?* — *Белье стирала, обед готовила*; б) с эллипсисом имени: ... — *Стирала, готовила*; в) с эллипсисом глагола: ... *Да вот, белье, обед*.

Вторичные средства обозначения действия образуются в силу трансформаций. Существуют два универсальных типа трансформаций: качественные и количественные. В первом случае глагольное обозначение заменяется иным, во втором — имеет место опущение или добавление именуемых элементов ситуации. Часто оба типа выступают совместно.

К собственно качественным преобразованиям относятся:

— актантажные трансформации: *Люди не могли пройти через узкую дверь; Узкая дверь не пропускала людей*;

— транспозиция — замена глагола иной частью речи, чаще всего существительным. Параглагольное существительное может обозначать действие в позиции зависимости: *Он пошел постричься* — *Он пошел в парикмахерскую* — *Он пошел к парикмахеру* или *Они услышали, как рубят лес* — *Они услышали стук топора*. Эти замены строятся на соотношении процесса и актанта, о котором говорилось выше. Нам уже приходилось подробно рассматривать различные ли-

ды номинализации действия, и здесь мы их рассматривать не будем (см. Гак).

К качественно-количественным преобразованиям относятся случаи, когда позиция предиката в целом занята, но лексической единицей более широкого значения, так что имеет место опущение сем. Язык обладает разветвленной системой средств обобщенного выражения действия, используемых, в частности, в условиях повторной номинации:

— слова-рефлексы: *да, нет; можно, нельзя* (при замене императива) и др., ср.: — *Он пришел? — Пришел (или: Да)*. Возможен промежуточный вариант: употребление в ответе части глагольной формы или глагола-заместителя (англ. *I do*, рус. *Буду* в буд. времени), например: *Маша. Говорите с моим отцом сами, а я не стану* (Чехов) (= не стану говорить). Замена положительного императива: *Маша. Я пойду поищу его*. *Аркадина. Пожалуйста, милая* (Он же) (= поищите его). Замена отрицательного императива: *Треплев. Я всю ночь буду стоять в саду и смотреть на ваше окно*. *Нина. Нельзя, вас заметит сторож* (Он же) (= не стойте и не смотрите);

— обобщенное местоименное обозначение местоимениями и существительными: *это, то, такое дело, этот поступок* и т. п.: *Какой-то нахал врывается сюда и вдруг этакие вещи!* (Чехов). Здесь говорящий не может подыскать нужных глаголов для обозначения действий «Маски». Вместе с тем подобное обобщенное обозначение действия приобретает нередко большую категоричность, выражая негодование, изумление и прочие чувства;

— обобщенное глагольное обозначение: *делать это* (в сочетании с местоимениями): *Ему велели извиниться, но он не стал делать этого*;

— анафорические глаголы, то есть глаголы, обозначающие действие по соотнесенности с предшествующим глаголом, имеющим такое же действие. Эти глаголы выполняют в отношении номинации действия такую же функцию, что и местоимения в отношении номинации предмета. Замещающая конкретную глагольную номинацию, они добавляют к обозначению действия дополнительные значения, связанные с характером самого действия либо с речевой ситуацией. Анафорические глаголы показывают: а) свойства самого действия: его фазу [*начать, кончить*: *Ты все читаешь эту книгу? — Нет, я уже кончил* (читать ее)], его темп (*торопиться*), его успешность (*удаваться*); б) отношение субъекта к действию: желательность (*хотеть*), алетическую возможность (*уметь, мочь*), деоническую возможность (*мочь*), деоническую необходимость (*быть должным*), трудность — легкость осуществления (*затрудняться*), различные положительные и отрицательные чувства, вызываемые действием (*стремиться, опасаться*); в) отношение данного действия к другому: идентичность (*подражать, делать то же*); г) отношение другого субъекта к данному действию: соучастие (*помочь*), каузация (*заставлять*), принятие (*соглашаться, отказаться*) и др., например: *Его пригласили на концерт — Он отказался* (пойти на концерт); *Я делал перевод — Мне помогла сестра*

(делать перевод) и т. п. Нередко анафорический глагол комбинируется с местоименным или обобщенным глагольным обозначением действия: *Сорин. Когда-то я страстно хотел двух вещей: хотел жениться и хотел стать литератором, но не удалось ни то, ни другое* (Чехов).

Количественные трансформации заключаются в опущении глагола, место которого оказывается незанятым в высказывании. Семантика отсутствующего глагола восстанавливается из ситуации либо поглощается одним из компонентов высказывания, что и позволяет рассматривать этот случай как особый тип обозначения действия. Глагольное выражение действия может отсутствовать в следующих случаях:

— при ситуативной ясности (нулевое обозначение действия): *Треплев. Спирт есть? Сера есть? Когда покажутся красные глаза, нужно, чтобы пахло серой* (Чехов). Из ситуации ясно, что речь идет о том, чтобы поджечь серу. Можно, однако, считать, что здесь указана цель действия без обозначения самого действия. Подобные случаи облегаются с косвенными номинациями действия (см. ниже);

— при неопределенности номинации, когда говорящий не может найти подходящего средства выражения: *А я вот к тебе, Петрович, того...* (Гоголь). Гоголь добавляет при этом: *Нужно знать, что Акакий Акакиевич изъяснялся большей частью предложениями и наречиями и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения. Если же дело было очень затруднительно, то он даже имел обыкновение совсем не заканчивать фразы*;

— при обозначении действия через какой-либо компонент ситуации; здесь мы имеем дело с теми же самыми актантами и сирконтактами, которые могут быть основой системно-языковых номинаций действия. Нередко при этом также используются местоименные обозначения действия, упомянутые выше.

В номинации действия могут участвовать:

— субъект: *Иванов пришел, а Петров?* (= пришел?); объект: *Пусть ползет, а ты тотчас заплаточку* (Гоголь) (= поставь). Опущенный глагол выражает обычный диспозиционный предикат объекта и поэтому легко восстанавливается. Аналогичное явление наблюдается в отношении других компонентов ситуации;

— орудие: *А мы его вилами!* (заколем); место действия: *Татьяна в лес; медведь за нею*;

— бенефактор и локализатор особенно часто берут на себя функцию выражения векторного действия (*дать, сказать, пойти*). Употребление второстепенного члена предложения может сочетаться с обобщенным обозначением действия: *Аркадина. Слышите, господа, поют? — Полина Андреевна. Это на том берегу* (Чехов) (= поют);

— характеристика действия: *Шамраев. [...] В оперном театре однажды знаменитый Сильва взял нижнее до. А в это время [...] мы*

слышим с галереи: «Браво, Сильва!» — целую октаву ниже... (Чехов).

Опущение глагола возможно при описании зависимого действия, условия, причины (*Если бы не он...; Из-за него...*).

Употребление актантов без глаголов относится к косвенным обозначениям действия. Косвенные номинации действия формируются также при обозначении оценки действия вместо самого действия, здесь выступают на первый план прагматические факторы номинации. Оценочное обозначение нередко предшествует прямому: *Что ни говорите, Досифей Петрович, а вы виноваты-с [...] Да-с, неправы. Вы оскорбили моего клиента Деревяшкина* (Чехов). Оценочная номинация, подобно другим часто выступает в функции повторной номинации действия: *Шамраев. [...] В Полтаве на ярмарке она играла изумительно. Один восторг! Чудно играла!* (Чехов).

Косвенный характер носит и аргументированная номинация действия, основанная на причинно-следственных отношениях, например: *Полина Андреевна. Становится сыро. Вернитесь, наденьте калоши. Дорн. Мне жарко* (Чехов) (= не надену). Иногда прямая номинация представлена в смежном предложении: — *Я географию Смирнова учил и, извините, не отчетливо выучил [...] Как перед истинным богом, ваше высокородие [...] Даже отец протоирей могут подтвердить* (Чехов) (= что я учил).

В основе косвенной номинации действия могут лежать синтагматические отношения между действиями. Предположим, действия образуют ряд: [а] — [б] — [в]... Если вместо [б] обозначается [а], то образуется косвенная форма номинации действия [б]. Например, вместо *Он чиркнул своей зажигалкой* (Аксенов) — *Он вынул свою зажигалку*.

Система номинаций действия в речи образует расплывчатое множество. Ядерной структурой является глагол. Вторичные средства номинации образуются за счет качественных или количественных преобразований. В обоих случаях в основу номинации кладутся обозначения определенных компонентов действия. Использованию косвенных номинаций действия способствуют ситуации, синтагматические и прагматические факторы. Благодаря косвенным номинациям решается ряд коммуникативных задач: эмоциональность, аргументация, избежание повторов и др.

Гак В. Г. Номинализация сказуемого и устранение субъекта // Синтаксис и стилистика. М., 1976.

Огурцов А. П., Юдин Э. Г. Деятельность // БСЭ, 3-е изд. М., 1972, т. 8.

Психология. Словарь. М., 1980.

Семантические типы предикатов. М., 1985.

Searle J. R. L'intentionalite. P., 1985.

ГЛАВА V

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

1. К проблеме общих семантических законов*

«Хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, но именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие»¹. Эти слова К. Маркса невольно вспоминаются при взгляде на развитие лингвистики за последние годы. Введение в широкий научный оборот материала языков, до того еще недостаточно изучавшихся, показало, что сколь бы ни были своеобразны эти языки — мертвые или живые — в них нет ничего такого, что не могло бы быть принципиально сопоставлено с категориями и определениями уже известных языков. Создается впечатление, что специфика языка формируется разным набором одних и тех же оппозиций, подобно тому как через посредство различных комбинаций дифференциальных признаков языка можно, по мнению Р. Якобсона, описать фонемный строй любого языка².

Таким образом, в современном языкознании все больше укрепляется мысль о необходимости выявления языковых универсалий — законов и определений, свойственных всем языкам. Но при этом не следует забывать и о второй стороне проблемы, о том, как конкретно проявляются эти всеобщие законы в отдельных языках. С. Ульман приводит ряд универсалий описательной (синхронной) и исторической (диахронной) семантики³. К последним он относит метафорический перенос понятий, расширение или сужение значения и табу. Этот список универсальных семантических процессов следует считать неполным и случайным по составу. Прежде всего С. Ульман ставит в один ряд причины семантических сдвигов (табу) и сами формы семантических процессов (метафорический перенос, изменение объема

* Впервые опубликовано: Общее и романское языкознание. М., 1972.

¹ Маркс К. К критике политической экономии. М., 1953, с. 195.

² Якобсон Р. Значение лингвистических универсалий для языкознания. // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1965, с. 385.

³ Ullmann S. Semantic Universals // Universals of Language / Ed. by J. Greenberg. M. I. T. Cambridge (Mass.), 1963.

слышим с галереи: «Браво, Сильва!» — целую октавою ниже... (Чехов).

Опущение глагола возможно при описании зависимого действия, условия, причины (*Если бы не он...; Из-за него...*).

Употребление актантов без глаголов относится к косвенным обозначениям действия. Косвенные номинации действия формируются также при обозначении оценки действия вместо самого действия, здесь выступают на первый план прагматические факторы номинации. Оценочное обозначение нередко предшествует прямому: *Что ни говорите, Досифей Петрович, а вы виноваты-с [...]* Да-с, неправы. Вы оскорбили моего клиента Деревяшкина (Чехов). Оценочная номинация, подобно другим часто выступает в функции повторной номинации действия: Шамраев. [...]. *В Полтаве на ярмарке она играла изумительно. Один восторг! Чудно играла!* (Чехов).

Косвенный характер носит и аргументированная номинация действия, основанная на причинно-следственных отношениях, например: Полина Андреевна. *Становится сыро. Вернитесь, наденьте калоши.* Дорн. *Мне жарко (Чехов) (= не надену).* Иногда прямая номинация представлена в смежном предложении: — *Я географию Смирнова учил и, извините, не отчетливо выучил [...]* Как перед истинным богом, ваше высокородие [...] *Даже отец протоиерей могут подтвердить* (Чехов) (= что я учил).

В основе косвенной номинации действия могут лежать синтагматические отношения между действиями. Предположим, действия образуют ряд: [а] — [б] — [в]... Если вместо [б] обозначается [а], то образуется косвенная форма номинации действия [б]. Например, вместо *Он чиркнул своей зажигалкой* (Аксенов) — *Он вынул свою зажигалку.*

Система номинаций действия в речи образует расплывчатое множество. Ядерной структурой является глагол. Вторичные средства номинации образуются за счет качественных или количественных преобразований. В обоих случаях в основу номинации кладутся обозначения определенных компонентов действия. Использованию косвенных номинаций действия способствуют ситуации, синтагматические и прагматические факторы. Благодаря косвенным номинациям решается ряд коммуникативных задач: эмоциональность, аргументация, избежание повторов и др.

Гак В. Г. Номинализация сказуемого и устранение субъекта // Синтаксис и стилистика. М., 1976.

Огурцов А. П., Юдин Э. Г. Деятельность // БСЭ, 3-е изд. М., 1972, т. 8.

Психология. Словарь. М., 1980.

Семантические типы предикатов. М., 1985.

Searle J. R. L'intentionalité. P., 1985.

ГЛАВА V

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

1. К проблеме общих семантических законов*

«Хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, но именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие»¹. Эти слова К. Маркса невольно вспоминаются при взгляде на развитие лингвистики за последние годы. Введение в широкий научный оборот материала языков, до того еще недостаточно изучавшихся, показало, что сколь бы ни были своеобразны эти языки — мертвые или живые — в них нет ничего такого, что не могло бы быть принципиально сопоставлено с категориями и определениями уже известных языков. Создается впечатление, что специфика языка формируется разным набором одних и тех же оппозиций, подобно тому как через посредство различных комбинаций дифференциальных признаков языка можно, по мнению Р. Якобсона, описать фонемный строй любого языка².

Таким образом, в современном языкознании все больше укрепляется мысль о необходимости выявления языковых универсалий — законов и определений, свойственных всем языкам. Но при этом не следует забывать и о второй стороне проблемы, о том, как конкретно проявляются эти всеобщие законы в отдельных языках. С. Ульман приводит ряд универсалий описательной (синхронной) и исторической (диахронной) семантики³. К последним он относит метафорический перенос понятий, расширение или сужение значения и табу. Этот список универсальных семантических процессов следует считать неполным и случайным по составу. Прежде всего С. Ульман ставит в один ряд причины семантических сдвигов (табу) и сами формы семантических процессов (метафорический перенос, изменение объема

* Впервые опубликовано: Общее и романское языкознание. М., 1972.

¹ Маркс К. К критике политической экономии. М., 1953, с. 195.

² Якобсон Р. Значение лингвистических универсалий для языкознания. // Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1965, с. 385.

³ Ullmann S. Semantic Universals // Universals of Language / Ed. by J. Greenberg. M. I. T. Cambridge (Mass.), 1963.

слышим с галереи: «Браво, Сильва!» — целую октавою ниже... (Чехов).

Опущение глагола возможно при описании зависимого действия, условия, причины (*Если бы не он...; Из-за него...*).

Употребление актантов без глаголов относится к косвенным обозначениям действия. Косвенные номинации действия формируются также при обозначении оценки действия вместо самого действия, здесь выступают на первый план прагматические факторы номинации. Оценочное обозначение нередко предшествует прямому: *Что ни говорите, Досифей Петрович, а вы виноваты-с [...] Да-с, неправы. Вы оскорбили моего клиента Деревяшкина* (Чехов). Оценочная номинация, подобно другим часто выступает в функции повторной номинации действия: *Шамраев. [...] В Полтаве на ярмарке она играла изумительно. Один восторг! Чудно играла!* (Чехов).

Косвенный характер носит и аргументированная номинация действия, основанная на причинно-следственных отношениях, например: *Полина Андреевна. Становится сыро. Вернитесь, наденьте калоши. Дорн. Мне жарко* (Чехов) (= не надену). Иногда прямая номинация представлена в смежном предложении: — *Я географию Смирнова учил и, извините, не отчетливо выучил [...] Как перед истинным богом, ваше высокородие [...] Даже отец протоирей могут подтвердить* (Чехов) (= что я учил).

В основе косвенной номинации действия могут лежать синтагматические отношения между действиями. Предположим, действия образуют ряд: [а] — [б] — [в]... Если вместо [б] обозначается [а], то образуется косвенная форма номинации действия [б]. Например, вместо *Он чиркнул своей зажигалкой* (Аксенов) — *Он вынул свою зажигалку*.

Система номинаций действия в речи образует расплывчатое множество. Ядерной структурой является глагол. Вторичные средства номинации образуются за счет качественных или количественных преобразований. В обоих случаях в основу номинации кладутся обозначения определенных компонентов действия. Использованию косвенных номинаций действия способствуют ситуации, синтагматические и прагматические факторы. Благодаря косвенным номинациям решается ряд коммуникативных задач: эмоциональность, аргументация, избежание повторов и др.

Гак В. Г. Номинализация сказуемого и устранение субъекта // Синтаксис и стилистика. М., 1976.

Огурцов А. П., Юдин Э. Г. Деятельность // ВСЭ, 3-е изд. М., 1972, т. 8.

Психология. Словарь. М., 1980.

Семантические типы предикатов. М., 1985.

Searle J. R. L'intentionality. P., 1985.

ГЛАВА V

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

1. К проблеме общих семантических законов*

«Хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, но именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие»¹. Эти слова К. Маркса невольно вспоминаются при взгляде на развитие лингвистики за последние годы. Введение в широкий научный оборот материала языков, до того еще недостаточно изучавшихся, показало, что сколь бы ни были своеобразны эти языки — мертвые или живые — в них нет ничего такого, что не могло бы быть принципиально сопоставлено с категориями и определениями уже известных языков. Создается впечатление, что специфика языка формируется разным набором одних и тех же оппозиций, подобно тому как через посредство различных комбинаций дифференциальных признаков языка можно, по мнению Р. Якобсона, описать фонемный строй любого языка².

Таким образом, в современном языкознании все больше укрепляется мысль о необходимости выявления языковых универсалий — законов и определений, свойственных всем языкам. Но при этом не следует забывать и о второй стороне проблемы, о том, как конкретно проявляются эти всеобщие законы в отдельных языках. С. Ульман приводит ряд универсалий описательной (синхронной) и исторической (диахронной) семантики³. К последним он относит метафорический перенос понятий, расширение или сужение значения и табу. Этот список универсальных семантических процессов следует считать полным и случайным по составу. Прежде всего С. Ульман ставит в один ряд причины семантических сдвигов (табу) и сами формы семантических процессов (метафорический перенос, изменение объема

* Впервые опубликовано: Общее и романское языкознание. М., 1972.

¹ Маркс К. К критике политической экономии. М., 1953, с. 195.

² Якобсон Р. Значение лингвистических универсалий для языкознания. // Звезинцев В. А. История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1965, с. 385.

³ Ullmann S. Semantic Universals // Universals of Language / Ed. by J. Greenberg. M. I. T. Cambridge (Mass.), 1963.

значений слова). Эти два аспекта исторической семасиологии нередко смешиваются в трудах по семантике, а между тем их следует тщательно различать. Одна и та же причина (например, табу) может вызывать семантические переосмысления разных форм (метафора, метонимия, ухудшение значения слова и т. п.).

Ссылаясь на О. Есперсена, С. Ульман утверждает, что в изменении значений слов отражаются общие законы человеческого мышления. Если это так, а это, видимо, так и есть, то формы семантических процессов должны соответствовать формально-логическим отношениям между этими понятиями, которых в лингвистике насчитывается пять. Им соответствует пять основных семантических процессов: синонимическое развитие значений, смещение, энантиосемия, расширение или сужение (включая сюда ухудшение или улучшение значения), перенос (метафорический или метонимический). Такого рода семантические процессы обнаруживаются во всех языках, всюду, где имеет место смена названий или изменение значений слова.

Но тот факт, что общие семантические процессы свойственны всем языкам, не значит, что они занимают в них одинаковое положение. Специфика структуры языка определяется двумя факторами: а) особенностями в использовании языковых универсалий; б) наличием «неуниверсальных» явлений. При этом роль первого фактора оказывается значительно больше, чем это кажется на первый взгляд. Подобно тому, как специфика функционального (или индивидуального) стиля зиждется в большей степени на количественном и качественном преломлении общеязыковых явлений, свойственных всем стилям, нежели на использовании особых средств, так и специфика отдельно взятого языка заключается более в качественно-количественной специфичности универсальных законов и явлений, чем в наличии особых, только этому языку свойственных определений и категорий.

В связи с этим большой научный и практический интерес представляет сопоставительное изучение проявления одной и той же семантической универсалии в разных языках. В качестве примера возьмем метафору. Это действительно один из универсальных семантических процессов языка. В свете современной науки не раз высказывавшееся мнение о том, что метафора относится к «дологическим» стадиям мышления и свойственна «первобытной конкретной» речи, следует признать поспешным и необоснованным. Метафора представляет собой первую форму абстрактного мышления, причем первую не только в филогенетическом плане, но и в том смысле, что именно к ней прежде всего обращается сознание человека в акте номинации¹. Рассматривая языковую метафору в сопоставительном плане, необходимо учитывать методологическое замечание, высказанное Р. А. Будаговым: «Теоретические доводы убеждают в том, что соотношение между логическим и чувственно-экспрессивным элементами в слове может иметь место в самых различных языках и никакие умозри-

тельные соображения не могут выдвинуть в этом плане один язык за счет другого. Практические же доводы сводятся к тому, что сравнительная «метафоричность» языков ... почти совершенно не изучена, поэтому всякие категорические утверждения, без предварительного «сплошного» изучения соответствующей лексики, неизбежно обречены на неудачу»¹. Действительно, заключения о различной метафоричности языков, приводимые в сопоставительных стилистических, основываются на отдельных фактах, так что читатель всегда может предложить примеры противоположного характера.

Сопоставлять языковые факты можно, с одной стороны, — в системе (на уровне языка) и в реализации (на уровне речи), с другой, — в семасиологическом или в ономасиологическом плане. Количественный анализ в ономасиологическом плане текстов и словарей показал, что во французском языке метафоризация как средство формирования наименований используется чаще, чем в русском. При создании технических терминов французский язык нередко использует метафорическое обозначение там, где русский — функциональное. Это связывается с преимущественным развитием отыменного словообразования во французском языке и отглагольного — в русском. В речи французский язык часто прибегает к метафорическому обозначению (даже к полустертой метафоре) там, где русский язык использует прямое наименование². Представляет интерес анализ переносных метафорических значений у целых универсальных типов метафорических переносов.

В цитированной выше статье С. Ульман отмечает четыре универсальные тенденции в области метафорического переноса: 1) закон Шпербера; 2) антропоморфизм; 3) переход от конкретного к абстрактному; 4) синестезия. Во французском языке каждая из этих тенденций приобретает своеобразное преломление. Рассмотрим более подробно первые две.

Закон Шпербера гласит, что если в данное время какой-либо комплекс идей имеет большое значение в жизни данного общества и одно слово из этого круга идей изменило значение, то и другие слова того же семантического поля следуют за этим словом. С другой стороны, понятия этого комплекса идей постоянно притягивают к себе новые наименования.

Для французского языка закон Шпербера чрезвычайно характерен, и не случайно он был установлен Шпербером на материале французского военного арга. Эта закономерность проявляется, например, в развитии французской фразеологии.

Охота, бывшая важным занятием в средние века, оставила множество фразеологических выражений во французском языке: être aux abois, donner rendez-vous, aller sur les brisées de qn; prendre dans ses filets, lâcher prise и др.

¹ Будагов Р. А. Сравнительно-семасиологические исследования. Романские языки. Изд-во МГУ, 1963, с. 83.

² См.: Гак В. Г. Беседы о французском слове. М., 1966, с. 94–102.

¹ Ср. Vianu T. Probleme metaforiei și alte studii de stilistică. București, 1957, p. 27.

В современную эпоху огромную роль в повседневной жизни Франции играет автомобильный транспорт. Не случайно в языке появляется все больше метафорических речений, взятых из этой сферы: *changer de vitesse, faire marche arrière, donner le feu vert, tomber en panne, ça roule, ça gaze* и др. Многие глаголы, обозначающие действия, связанные с механизмами, получили метафорические значения, ставшие более употребительными, чем их прямые значения: *débrayer, démailler, stopper, renverser la vapeur* и т. д. С другой стороны, для обозначения действий механизмов, их свойств и частей используются слова из других понятийных сфер, в частности, те, что обозначают действия живых существ.

Одним из фундаментальных отношений, с которым в первую очередь сталкивается человек, воспринимающий объективную реальность, являются пространственные отношения, отражающие координацию сосуществующих объектов¹. Пространственные отношения доступны непосредственному зрительному восприятию и связаны с движениями самого отражающего существа². Пространственные отношения — постоянный фон, на котором разыгрываются действия человека. Не случайно их номинация занимает большое место в человеческом языке. Историческая семасиология показывает, что выражение пространственных отношений нередко лежит в основе выражения иных отношений: принадлежности, времени и далее — причины, противопоставления и других. И в наше время языковые элементы, обозначающие пространство, легко подвергаются переносному использованию для выражения самых разных значений. Правда, Ж. Маторе показывает, что усиление социального момента в жизни общества вызвало изменение в представлении о пространстве, которое выступает прежде всего как «место встречи», «общая зона, где может происходить обмен»³. Это, в свою очередь, стимулировало метафорическое использование слов, связанных с понятием пространства и обозначающих структуру пространства: координаты (*ligne, axe, droite, gauche, vertical, horizontal, palier, centre, cadre, polarisation, marge, surface, plan, niveau, plateforme, position, base, sommet, sphère*), движения (*approche, baisse, mouvement, passage, impasse, convergence, divergence, promotion*), восприятия пространства (*aspect, regard, tour d'horizon, point de vue, repère, perspective*), субъективные ощущения, вызываемые данным пространством (*milieu, climat, atmosphère, ambiance*). Пространственные метафоры наводняют страницы газет⁴, бытовую речь, используются при построении философских и эстетических систем. В разговорной французской речи, например, количество (цены, денежные суммы, заработная плата) обозначается при помощи переноса употребления слов и оборотов с про-

странственным значением (ср. русск. *около 100 рублей*). Например, *ça va chercher dans mille francs; Ça dépassera cent francs; Nous pouvons vous prêter un million de francs et au-delà (R)...¹; Si bien que maintenant nous sommes en dessous du coût de la vie (FF); Il fait que je compte au moins pas loin de cinq mille francs de papier (FF)*.

Проявление закона Шпербера во французском языке облегчается еще и тем, что этому языку в высшей степени свойственна метафорическая «радиация синонимов», иначе говоря, групповой перенос значений слов. Вслед за одним словом, другие слова той же лексико-семантической группы начинают приобретать аналогичное переносное значение. Так, в русском языке для обозначения «головы» в разговорной речи используются метафорические наименования посуды: *котелок* или реже *черепок*. Во французском просторечии для этого используется более длинный ряд слов того же семантического поля: *carafe, carafon, cafetière bouillotte, tirelire*. Голова может обозначаться в просторечии не только словом *poire* «груша», но названием чуть ли не любого овоща или фрукта: *chou, citron, calebasse, coloquinte, coco, ciboulot* и даже *cassis*. Слово «лапка» входит в состав некоторых ботанических названий: *кошачья лапка, гусиные лапки*. Во французской народной ботанической терминологии имеется также *pie-de-chat* и *pie-d'oie*, но кроме того, еще несколько десятков наименований, основанных на метафоризации «лап» и «лапок» различных животных (*pie-de-mouche, patte-de-loup* и т. п.² Легкость однотипного переноса слов одной и той же лексико-семантической группы свидетельствует о меньшей четкости семантических границ между членами этой группы.

Остановимся более подробно на антропоморфизме, который, как отмечает Ульман, имеет две стороны: перенос наименований, связанный с человеком, на иные предметы и явления (*ручка двери*) и перенос наименований других объектов и процессов на действия человека и части его тела (*глазное яблоко*). Первое явление наблюдается чаще, и это становится вполне понятным в свете упомянутого выше закона Шпербера. В центре внимания человека находится он сам, и отсюда его стремление описывать окружающий мир по «образу и подобию своему». Мы рассмотрим антропоморфные метафорические наименования во французском и русском языках. Поскольку нас интересует не авторская, а языковая метафора, в качестве материала исследования используются словари. Отдельные примеры приводятся из записей французской разговорной речи и из художественной литературы. Однако прежде чем приступить к анализу материала, остановимся на некоторых семантических аспектах метафорического переноса.

¹ *Философия естествознания*. М.: Политиздат, 1966, с. 139.

² *Зиновьев А. А. Основы логической теории научных знаний*. М., 1967, с. 212.

³ *Matoré G. L'espace humain*. P., 1962.

⁴ Отметим в качестве примера, что континентальная Франция все чаще именуется *hexagone*, то есть «шестиугольник».

¹ R — *Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française par Paul Robert*. P., 1966. DFC — *Dictionnaire du français contemporain par J. Dubois et autres*. P., 1966; FF — записи французской разговорной речи, произведенные научно-методическим центром КРЕДИФ для разработки *Le Français fondamental*; СРЯ — *Словарь русского языка в 4-х томах*. М., 1957–1961.

² *Guiraud P. Structures étymologiques du lexique français*. Paris, 1967, p. 164–169.

На семантическом уровне перенос наименования с предмета R_2 на предмет R_1 заключается в субституции одних семантических компонентов другими. Этот процесс может сопровождаться или не сопровождаться изменениями в лексеме. В первом случае наименование W_1 не отличается от наименования W_2 . Например *зуб* (часть тела) → *зуб* (пилы); *хвост* (часть тела) → *хвост* (очередь). Такие переносные наименования будем называть полными, к ним относятся отмеченные выше случаи (1), (2), (3). В них новое наименование целиком мотивировано исходным.

Во втором случае переход от W_1 к W_2 сопровождается изменением во внешней форме обозначения: простое слово может замениться производным и т. п. Например, *зуб* → *зубец*; *хвост* → *хвостовик*. Такие переносы можно называть частичными, так как W_2 не полностью мотивировано исходным наименованием.

Таким образом, вырисовывается общая типология метафорических номинаций:

А. Полный метафорический перенос: а) двусторонняя метафора; б) односторонняя семасиологическая метафора; в) односторонняя ономасиологическая метафора.

Б. Частичный метафорический перенос. Относительная употребительность в языке тех или иных видов метафор является его типологической характеристикой в области использования переносных наименований.

Скаличка считает, что у метафоры не может быть формального признака¹. В отношении лексических метафор это не совсем верно. Языки создают формальные средства образования переносных наименований. В области метафорических номинаций такими являются различные способы выражения уподобления и сравнения: суффиксы *-образный*, *-видный*, *-forme*, *-morphé*, конструкции со служебными словами: *en*, *de* (*tube en U*), *в виде*; уменьшительные суффиксы, используемые в технической терминологии (*ailette*, *глазок*).

Еще более существенным формальным признаком метафоры является дистрибуция языковых элементов в речи. Метафора реализуется в синтагме. Одним из общих законов построения высказывания является семантическое согласование, то есть наличие у компонентов синтагмы общих сем. Так, глагол, обозначающий специфические действия или состояния одушевленного существа (например, «спать», «кричать», «есть»), в прямом значении должен сочетаться с одушевленным подлежащим, содержащим ту же сему. Если же он сочетается с неодушевленным подлежащим, то это свидетельствует о его переносном употреблении (ср. у Ж. Ренара: *Боль уснула и храпит*).

Сема представляет собой отражение в значении слова определенной различительной черты объективной реальности. Если слово применяется для обозначения элемента действительности, не обладающего

данной различительной чертой, то соответствующая сема не реализуется, устраняется из семантической структуры данного слова, которая реорганизуется вокруг другого, потенциального, семантического компонента, в связи с чем слово переосмысливается. Например, семантическую структуру слова *лиса* можно представить как сочетание категориальной архисемы А («одушевленное существо»), родовой семы В («животное»), видовой дифференцирующей семы b_1 («животное с определенными биологическими признаками» — *vulpes*), потенциальной семы С (приписываемое лисе качество — «хитрость»). При использовании этого слова для обозначения человека, который не обладает различительными чертами В и b_1 , эти семы В и b_1 не реализуются и в качестве ведущей дифференцирующей семы выступает дополнительная С («хитрость»). Также и при переосмыслении глагола *есть* его основная сема «принимать пищу» устраняется и на первый план выходят семы, отражающие разные частные или второстепенные стороны этого процесса («кусать», «грызть», «проглатывать» и др.).

В целом в семантическом плане языковой антропоморфизм может быть определен как устранение семы «одушевленность», в связи с чем слова, обозначающие свойства и действия человека (и шире — живых существ), используются для обозначения проявлений неодушевленных предметов.

С одушевленным лицом (человеком) неразрывно связаны такие явления и понятия, как «питаться», «говорить», «жить» и «умирать», родственные отношения.

Рассмотрим переносные наименования в русском и французском языках у слов, обозначающих эти действия и свойства.

Глаголы *manger* и *есть* получают следующие метафорические употребления при устранении семы «субъект — одушевленное существо».

Переносные значения (при неодушевленном субъекте)	<i>есть</i> (примеры из СРЯ)	<i>manger</i> (примеры из R) (словарь Robert)
1. разрушать, раздражать	Кислота ест посуду. Дым ест глаза (= разъедать)	Plaque de fer mangée par la rouille. Peau mangée d'ulcères.
2. мучить, не давать покоя	Его ела грусть (= съедать, грызть)	Être mangé par la maladie (= ronger, dévorer).
3. потреблять, уничтожать	Все капиталы съела мельница (= жрать)	Ce foyer mange beaucoup de houille. La matinée a été mangée par la correspondance.
4. закрывать, делать невидимым		Visage mangé par la barbe.

Таблица позволяет сделать ряд выводов. В русском языке отмечаются частичные метафоры, то есть глаголы, отличающиеся морфоло-

¹ Скаличка В. О переносных значениях в грамматике // Езиковедски изследования в чест на академик Стефан Младенов. София, 1957, с. 515.

гически от тех, что используются в прямом значении: *Разъедать, снестать*. Во французских примерах все метафоры полные.

Основная семантическая ось русских переносных наименований — значения 1 и 2: *есть* → «грызть, причинять раздражение, разрушать». В этих значениях глагол *есть* употребляется чаще, чем *manger*.

Основной семантической осью французских переносных наименований являются значения 3 и 4: *manger* → *faire disparaître* («уничтожать, делать невидимым»).

Например, в текстах:

Il m'a dit que, comme le moteur était pratiquement refait, elle ... elle mangeait pas d'huile (FF — «L'élaboration du français fondamental»).

В значении 3 *manger* может сочетаться метонимически и с одушевленным субъектом (ср. русск. *вы потребляете, у вас уходит*):

Vous mangez beaucoup d'huile? — Moyennement, un demi-litre aux 100 (Daninos).

От значения 3 («уничтожать») глагол переходит к значению 4 («занимать место, покрывать, делать невидимым»):

Le compte rendu de la Chambre nous mange un sacré morceau de la «une» (Romains). Ça ne mange pas de la place (Romains). Les yeux lui mangent la figure. Navire mangé par les lames. La haute église mangée par le lierre (R).

Таким образом, в метафорических переносах французский глагол заходит дальше русского. Глагол *есть* даже при переносе сохраняет значение воздействия на предмет, приводящего к изменению последнего. Французский глагол *manger* в конечной точке метафорической эволюции обозначает пространственные отношения: движение извне внутрь (значение 3), исчезновение одного предмета за другим (значение 4).

Boire — *пить*. Французский глагол *boire* при неодушевленном субъекте также получает значение «поглощать, уничтожать». Le soleil boit la rosée. L'éponge boit (R). В русском языке эти значения передаются не глаголом *пить*, который согласно СРЯ, не употребляется с неодушевленным объектом, но производными глаголами *впитывать, втягивать*. Так же и в предыдущем случае, во французском языке переносные обозначения совпадают по форме с прямыми («полный перенос»), а в русском — они морфологически различаются («частичный перенос»).

Глаголы *есть* и *пить* показывают поглощение пищи. Обратимся к глаголам обратного действия, обозначающим извержение наружу.

Cracher — *плевать*. Если СРЯ не фиксирует ни одного употребления глагола *плевать* с неодушевленным субъектом, то французские словари специально отмечают значения глагола *cracher*, связанные с неодушевленным субъектом («выбрасывать», «извергать»): Ce stylo crache (R). Volcan qui crache de la lave (R). Crache des projectiles, de la fumée (DFC).

Baver — *пускать слюни*. Французский глагол имеет особое значение при неодушевленном подлежащем («растекаться»): L'encre a bavé (R).

Vomir — *вырвать* при сочетании с неодушевленным субъектом значит «извергать»: Le volcan qui vomit de la lave (R).

Глагол *dégueuler* имеет аналогичное переносное употребление: D'ailleurs, il dégueule, le gicleur (FF).

Итак, прямые русские соответствия перечисленных французских глаголов с неодушевленными субъектами не употребляются. Переносные значения французских глаголов передаются либо глаголами частичной метафоричности (*изрыгать*, либо неметафоричными глаголами (*брызгать, извергать*). Общий знаменатель переносных употреблений этой группы французских глаголов может быть определен как «выбрасывать, делать видимым, обнаруживать».

Если глаголы типа *manger* и *boire* в своем конечном метафорическом развитии обозначают движение извне внутрь, то глаголы группы *cracher, vomir, dégueuler* указывают на противоположное движение — изнутри наружу.

Vivre — *жить*. Оба глагола имеют примерно одинаковый круг переносных употреблений. Они оба сочетаются с неодушевленными подлежащими: Son souvenir vit en nous (DFC) — *Память о нем живет в наших сердцах*. Однако нередко французский глагол *vivre* употребляется в тех контекстах, где по-русски был бы использован скорее глагол *существовать*, а не *жить*. Напротив, глаголы *mourir* и *umir* различаются по своей семантической структуре. Русский глагол сочетается с неодушевленным существом: чувства, воспоминания, обычаи и др. (см. примеры в СРЯ). Французский глагол *mourir* может соединяться с неодушевленными субъектами, не имеющими отношения к неодушевленному существу, например: Le jour meurt. Une fusée (une balle) qui meurt. Les vagues viennent mourir sur la plage (DFC). Le feu, la flamme meurt. Bruit qui meurt (R). В русском языке этим употреблениям глагола *mourir* соответствуют частичные метафоры (*замирать, отмирать*), либо переносные употребления глаголов, не связанных в прямом значении с неодушевленными субъектами (*угасать* и др.). Прилагательное *мертвый* имеет целый ряд переносных значений, но все они так или иначе связаны с понятием «жизнь»: «безжизненный, лишенный движения, далекий от жизни». Французское прилагательное *mort* в своих метафорических употреблениях заходит дальше и характеризует предметы, не пригодные к дальнейшему употреблению. Ср. Les pneus sont morts (DFC); Elle est morte, hein, ta pile? (FF).

Dormir — *спать*. Глагол *спать* относится исключительно к одушевленным субъектам (*человек спит*) и субъектам, включающим в свой состав одушевленные существа (*город спит; природа спит*), или же к субъектам, составляющим часть одушевленного существа (*ум спит; спят желанья*). Все эти употребления свойственны и глаголу *dormir*, но, кроме того, он приобретает переносное значение «оставаться неподвижным или непроизводительным», сочетается при этом с подлежащими, не связанными с одушевленными существами как часть с целым, например: Le capital qui dort (DFC). Le reste du temps la bagnole dort devant chez lui (San-Antonio) («Остальное время машина стоит у его дома»).

Глаголы восприятия: regarder — смотреть. Оба глагола соотносятся с неодушевленным подлежащим в значении «быть обращенным». Cette maison regarde le Midi (DFC). Этот дом смотрит на юг. Однако французский глагол развивает переносное значение «относиться», отсутствующее у его русского аналога: Les autres soins regardaient Thérèse (Zola).

Voir — видеть. Русский глагол *видеть* во всех оттенках значения связывается с одушевленными субъектами либо с субъектами, включающими в себя одушевленные существа. Французский глагол имеет более широкую сочетаемость, соединяясь, в частности, с подлежащим, указывающим на время протекания события: Les dernières années ont vu se dérouler à travers le monde de grandes manifestations contre la guerre au Vietnam («Humanité»).

Глаголы говорения. В переносном употреблении они чаще, чем соответствующие русские глаголы, обозначают соответствие (dire), несоответствие (crier, jurer, hurler) и другие отношения. Некоторые примеры: Le jardinage ne me dit pas grand'chose (FF). La tendresse des gestes jurait avec le réalisme des propos (Lanoux). — Tes fesses t'en reparleront longtemps (Bauër).

Родственные отношения. Слова этой лексико-семантической группы метафорически обозначают различные связи и отношения, нередко локального характера. При этом сема неодушевленности заменяет сему одушевленности в объекте.

Marier — женить. Французский глагол означает метафорически «объединять, сочетать, смешивать»: Marier les couleurs. Marier la vigne à l'ormeau (R). Mariage (букв. «брак») значит «сочетание»: Heureux mariage de mots (R). Характерно, что русские слова *сочетать*, *сочетание*, происходящие от *чета*, употребляются лишь в переносном смысле и при обозначении вступления в брак требуют дополнения: *бракосочетание*, *сочетаться браком*. И в этом случае прямое и переносное обозначения морфологически различаются в русском языке и не различаются во французском.

Epouser — выходить замуж, жениться. Французский глагол метафорически обозначает присоединение к чему-либо: Epouser les idées d'un ami. Epouser une grande cause (R). Он может также значить «прилагать к»: Robe qui épouse les formes du corps. Route qui épouse les découpures de la côte (R).

S'apparenter — породниться. Французский глагол метафорически значит «быть схожим»: Ces deux teintes s'apparentent bien (R) — La plupart de ces vases, comme forme, s'apparentent tellement étroitement à ceux de Bourgogne (FF).

Mâtiné — нечистой породы. Французское слово в переносном употреблении значит «смешанный с»: Il écorche un français mâtiné d'espagnol (Lanoux).

Итак, отмеченные термины родственных отношений при устранении семы «одушевленность» переосмысляются и обозначают отношение в более общем плане: соединение, присоединение, сходство.

Лексема divorce — развод при метафоризации указывает на противоположное действие: разъединение, расхождение: Il y a divorce entre la théorie et la pratique (R).

Основные термины родства (*мать, отец, сын, дочь* и т. п.) при устранении семы «родственное отношение» в русской разговорной речи располагаются по семантической оси «возраст». Слова *отец* и *мать* прилагаются к людям старше говорящего, *сын* и *дочка* — к людям более младшего возраста, *брат* и *сестра* — к людям примерно того же возраста, что и говорящий. Но при этом переосмыслении, так или иначе, термины родства остаются в круге наименований, относящихся к одушевленным существам. Во французском языке термины родства значительно реже используются в указанном выше переносном значении, но намного чаще, чем их русские соответствия, употребляются в переносных значениях, относящихся к неодушевленным предметам. Так как термины родства обозначают отношение между двумя одушевленными субстанциями, то этот перенос на семантическом уровне выражается в устранении семы одушевленности либо в обеих, либо в одной из субстанций. Французские словари фиксируют как одно из значений слов *père* и *mère* «источник», «причина». При этом у слова *mère* это значение более употребительно. Особенно характерно переосмысление *mère* в научно-технической терминологии, где это слово обозначает главную или исходную субстанцию: maison mère, langue mère, fusée mère, l'idée mère d'un ouvrage. Слово *paternité* при устранении семы одушевленности у второго члена отношения означает не «отцовство», но «авторство»: Il revendique la paternité de ce projet (DFC). Если слова *mère* и *père* метафорически обозначают предшествование, то *filles*, *filles*, *filiales* — последовательность, следствие, *frère* и *sœur* — связь между двумя предметами, *jumeaux* — сходство двух предметов, например: Lits jumeaux. De petites maisons jumelles bordent l'avenue (DFC). Таким образом, при переосмыслении термины родства во французском языке приспособляются для выражения различных отношений (причина, следование, сходство), крайним типом которых являются отношения локального характера. Пространственно-относительный характер приобретают переносные значения слов, указывающих на части тела: *tête* (верхняя или передняя часть предмета), *piéd* (нижняя часть), *cœur de* (центральная часть), *dos* (обратная сторона) и т. п.: au coeur de l'été; la tête de l'arbre; le pied d'un mur; le dos d'une lettre. Русский язык в аналогичных случаях нередко использует частичные метафоры: *сердцевина*, *подножие* и др.

Наш краткий обзор слов одного лишь семантического поля показывает, что даже такая семасиологическая универсалия, как антропоморфизм, по-своему преломляется в каждом отдельном языке. Антропоморфные языковые метафорические переносы во французском языке характеризуются следующими чертами по сравнению с русским языком:

в структурном плане — большим удельным весом полных метафор, при которых прямое и переносное значение выражается в одном и

том же слове. В русском языке обнаруживается сравнительно большее число частичных метафор, при которых перенос значения сопровождается изменениями в форме слова;

в семантическом плане — более широким антропоморфизмом. Во французском языке более широкий круг слов, нежели в русском, развивает переносные значения такого порядка. Это свидетельствует о менее прочной связи сем в семантической структуре французского слова. В семантическом плане антропоморфизм во французском языке характеризуется также большим, чем в русском языке, смысловым расхождением между прямыми и переносными значениями слов. От описания действий и качеств живых существ французские лексемы переходят к выражению различных отношений и связей, крайним завершением которых оказываются пространственные отношения. Это обстоятельство можно рассматривать как еще одно проявление закона Шпербера: не только пространственные лексемы широко используются в переносном значении (см. выше свидетельство Ж. Маторе), но и слова других групп, в частности тех, что обозначают действия и качества одушевленных существ, метафорически привлекаются для выражения локальных отношений.

2. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания*

В последние годы советское и зарубежное языкознание все большее внимание уделяет анализу семантической структуры слова. Разрабатываются разнообразные методики анализа семантической структуры, связывающие ее с морфологическим строением слова, его синтаксическим употреблением, либо исходящие из семантического анализа всей лексико-семантической группы, в которую входит данное слово. Одни семасиологи придерживаются аналитического метода, вывода семантические компоненты на основе сравнения лексических единиц, другие используют противоположный, синтетический метод, исходя из априорно устанавливаемых семантических категорий (параметров) и их подразделений, сочетание которых и определяет семантическую структуру данного слова. В одних случаях сопоставления лексем ограничиваются рамками одного языка, в других — сравниваются лексемы двух и более языков.

Но при всем своем разнообразии применяемые методы семантического анализа слова имеют одну общую особенность: семантическая структура слова определяется как элемент лексической системы в языке, а не в речи, не в конкретной реализации.

Однако если мы хотим постичь не только структуру, но и функционирование языкового знака, мы должны принимать во внимание все три стороны известного семантического треугольника, показы-

* Впервые опубликовано: Семантическая структура слова. М., 1971.

вающего отношения между означающим (слово как совокупность фонем или графем), означаемым, или сигнификатом (понятие, выражаемое в слове), и обозначаемым, или денотатом (предмет, экстралингвистический элемент, на который указывает слово).

При анализе структуры слова как элемента языковой системы можно ограничиться лишь отношением значения, то есть отношением означающего к сигнификату. Эти отношения постоянны для данной единицы на данном синхронном срезе языка. При анализе семантики слова в реализации, в речи, на первый план выступают отношения обозначения, то есть отношения между знаком (означающее + означаемое) и денотатом. Эти отношения непостоянны, поскольку при выражении мысли в речи один и тот же денотат может быть подведен под различные понятия и, следовательно, получить различное словесное обозначение¹. Итак, языковой знак меняет свою сущность в зависимости от угла зрения: рассматриваемый в системе, он представляет собой отношение означающего в высказываниях, он уже должен рассматриваться как отношение означающего к обозначаемому, точнее отношение «означающее/сигнификат» (концепт, понятие), он вместе с тем при анализе слов в конкретных высказываниях трактовался как отношение слова к денотатам (предметам). В связи с этим вся проблема так называемой произвольности языкового знака у Соссюра получает непоследовательное, двойственное освещение, что пронизательно подметил Э. Бенвенист².

Ввиду того, что одна и та же реальность (ситуация) может быть обозначена разными языковыми средствами, нельзя говорить на языке, зная только его систему, — нужно знать нормы применения этой системы, согласно ситуациям и контекстам³. Таким образом, первостепенное значение приобретает анализ семантической структуры высказывания, описывающего данный отрезок ситуации, и слова как компонента высказывания.

В основе лексико-семантической организации высказывания лежит отбор и наименование элементов ситуации (дискретно выделяемых говорящим при восприятии ситуации предметов, процессов, их признаков). Элемент ситуации характеризуется определенными свойствами (аспектами).

Анализ психологии восприятия показывает, что среди свойств предмета наблюдатель выделяет одно или небольшое число свойств или совместимых признаков в качестве наиболее информативных.

¹ Ср. у Э. Косериу: «Конкретное обозначение (определенного объекта) есть факт "речи", тогда как значение есть факт "языка" (технических средств речи)» (Coseriu E. Structure lexicale et enseignement du vocabulaire / Les théories linguistiques et leurs applications // AIDELA, 1967, с. 43).

² Benveniste E. Nature du signe linguistique // Problèmes de linguistique générale. P., 1966, с. 54.

³ Coseriu E. Op. cit., с. 42.

Некоторые из этих свойств он превращает в оперативные единицы восприятия. Процесс выделения признаков может быть более или менее осознанным, нередко он объясняется «активной доминантой сознания», «установкой»¹. Например, при восприятии некоторого движения может быть выделен признак «способ передвижения», либо «направление движения», либо оба признака (аспекта) одновременно. Каждый аспект воспринимается по его различительной черте (например: способ передвижения — шаг или бег и т. п.; направление движения — приближение или удаление и т. п.). Различительные черты внутри данного аспекта несовместимы. Выделяемые при восприятии денотата различительные черты аспектов и кладутся в основу его наименования.

Структуре ситуации, отражаемой в высказывании, соответствует структура плана языкового содержания (семантический уровень) и структура плана языкового выражения (лексический уровень).

На семантическом уровне аспекту соответствует семантическая категория, различительной черте — семантический компонент (сема). В целом же элементу ситуации соответствует совокупность сем — семантема. На лексическом уровне семантема представлена лексемой, тогда как сема может быть репрезентирована особой морфемой. Так, в глаголе *приходить* префикс *при-* обозначает сему «приближение» (семантическая категория «направление движения»), корневая морфема *-ход-* сему «пешком» (семантическая категория «способ передвижения»), которые отражают соответствующие аспекты (признаки) данного движения.

Семантема обладает иерархической организацией, включая общие семы родового значения (*архисемы*) и дифференциальные семы видового значения.

Путем присоединения к исходной семантеме новых сем создаются новые семантемы и новые слова с иным значением. Так, объединяя семы «передвигаться» (а), «пешком» (б), «приближаться» (в), «медленно» (г) можно породить семантемы: (а · б) «идти», (а · б · в) «прийти», (а · б · в · г) «притащиться». В речи, как отмечалось выше, один и тот же элемент действительности может быть обозначен исходя из его разных аспектов и, следовательно, получить разные наименования. Например: *Он часто ходит (а · б) сюда* и *Он часто приходит (а · б · в) сюда*. Переход от наименования одной семантической структуры к наименованию другой семантической структуры может рассматриваться как семантическая трансформация, подобно тому, как переходы от одной грамматической структуры к другой также называются трансформациями. Представляет несомненный научный интерес определить теоретически все возможные виды семан-

¹ См.: Зинченко В. П. Теоретические проблемы восприятия // Инженерная психология / Под ред. А. Н. Леонтьева, В. П. Зинченко, Д. Ю. Панова. М., 1964; Фаткин Л. Ф. Статистический анализ процессов восприятия // Там же.

тических трансформаций подобно тому, как исчисляются синтаксические трансформации фраз.

В истории языкознания, особенно в исторической семасиологии, изменения наименования изучались в связи с изменением значения слов, причем отмечались десятки разновидностей этих семантических изменений. Одним из существенных недостатков многих исследований является смешение семасиологического аспекта с ономастиологическим, который нас специально здесь не интересует. Другим, еще более важным недостатком является смешение причин, результатов и самих типов (форм) смены названий. Причины семантических трансформаций могут быть логическими, психологическими, культурно-историческими и др. Особый аспект проблемы составляет результат переименования (возникновение нового значения, нового слова и т. п.). Что же касается типов семантических изменений при переименовании, то поскольку обозначаемый предмет остается прежним, изменение наименования объясняется взаимосвязью понятий, которые в сознании говорящего могут соотноситься с одним и тем же отрезком действительности. Таким образом, в основе переименования (семантических трансформаций), так же как и (в семасиологическом плане) в основе изменений значения, таких как, например, расширение, сужение, различные виды переноса, лежат формально-логические закономерности мышления, отношения между понятиями¹. И хотя эта точка зрения, выдвигавшаяся в лингвистике еще со времен Бреала и Дарместетера, находит возражение у некоторых семасиологов², чем глубже методы структурной лингвистики и понятия общей семиотики проникают в семантику, тем очевиднее становится правильность многих определений классической семантики и риторики, которые лишь следует переосмыслить в терминах структурной лингвистики³.

Так, Л. Прието, изучая связи означаемых с позиций общей семиотики, обнаруживает два типа отношений: включение (расширение и сужение) и пересечение (метафора и метонимия)⁴. Р. Якобсон метафору и метонимию (отношения сходства и смежности) связывает с парадигматическими и синтагматическими отношениями в языке, которые проявляются как в различных сторонах речевой деятельности (например, в поэтическом творчестве), так и в нарушениях ее (например, в разных видах расстройств речи)⁵. С. Ульман все типы семантических изменений сводит к отношениям сходства и смежно-

¹ См.: Будагов Р. А. К проблеме устойчивых и подвижных элементов в лексике // Изв. АН СССР, ОЛЯ 1951, вып. 2, с. 112.

² См.: Guiraud R. La sémantique. P., 1955, p. 44; Звегинцев В. А. Семасиология. М., 1957, с. 13.

³ См.: Barthes R. Rhétorique de l'image // Communications, 1964, № 4, с. 50 (note); Dubois J., etc. Rhétorique générale. P., 1970.

⁴ Prieto L. Messages et signaux. P., 1966, Ch. VII.

⁵ Jakobson R., Halle M. Grundlagen der Sprache. Berlin, 1960, S. 65.

сти¹. Т. Себеок в семантических одвигах усматривает либо фигуры субституции сем, либо фигуры добавления сем². Таким образом, расширение и сужение, метафора и метонимия предстают как общие законы языковой семантики и ономазиологии, отражающие самые общие семиотические законы.

Поскольку в основе семантических изменений наименования (семантических трансформаций) лежат формально-логические отношения между понятиями, определить (исчислить) семантические трансформации можно, исходя прежде всего из типов этих связей, отражающих ассоциации, способные возникнуть в сознании человека. В логике отмечается пять основных отношений между понятиями³: равнозначность (совпадение объемов двух понятий), внеположенность или исключение, контрадикторность, подчинение или включение, перекрещивание или пересечение. Им соответствуют пять основных семантических процессов и типов трансформации наименования⁴.

1. Отношению равнозначности соответствует лексико-семантическая синонимия. На семантическом уровне при этом имеет место сохранение всех семантических компонентов, к которым добавляется дополнительный a_1 (он относится к a как видовое понятие к родовому): $A \cdot a \rightarrow A \cdot a \cdot a_1$. Компонент a_1 расценивается как нерелевантный в данной ситуации, так что описание последней остается адекватным с точки зрения обозначаемых денотатов. На лексическом уровне в речи синонимическое преобразование может выражаться либо в синонимической замене (*учитель* → *педагог*), либо в замене слова словосочетанием (*учитель* → *школьный работник*).

2. Отношения внеположенности лежат в основе процесса смещения, то есть использования для наименования данного понятия названия смежного понятия в пределах одного родового понятия. Подобного рода смещения часты в исторической семасиологии, например: лат. *bucca* «щека» → фр. *bouche* «рот». На семантическом уровне такое изменение наименования интерпретируется как замена сем в пределах одной семантической категории, что ведет к замене членов семантической парадигмы в пределах одной лексико-семантической группы ($A \cdot a \rightarrow A \cdot b$). В речи смещение наблюдается лишь в том случае, когда данное слово соотносится с денотатом не непосредственно, а в составе словосочетания. Не случайно смещения особенно характерны для фразеологических единиц, где они являются регулярным способом формирования вариантов⁵.

¹ Ullmann S. Principles of Semantics. Glasgow, 1951.

² Цит. по: Todorov T. La description de la signification en littérature // Communications, 1964, № 4, p. 35.

³ Горский Д. П. Логика. М., 1963, с. 54 и сл.

⁴ Заглавная буква — архисема (родовое понятие), строчная — дифференциальная сема.

⁵ См.: Гак В. Г., Рецкер Я. И. О французской фразеологии и француско-русском фразеологическом словаре // Французско-русский фразеологический словарь. М., 1963, с. 12.

3. Отношения контрадикторности лежат в основе антонимии. На семантическом уровне образование антонима можно объяснить как замену семантического компонента другим семантическим компонентом противоположного значения ($A \cdot a \rightarrow A \cdot \bar{a}$). В исторической семасиологии контрадикторные отношения понятий объясняют развитие у слова противоположных значений — энантиосемию. В речи антонимы могут заменять друг друга лишь внутри более крупного целого, например: *Он остался* → *Он не ушел*.

4. Отношения подчинения понятий порождают два противоположно направленных семантических процесса: расширение или сужение. Переход от родового понятия к видовому в семантике приводит к сужению, переход от видового к родовому создает расширение. На семантическом уровне расширение предстает как устранение некоторых дифференциальных сем, выражающих в значении слова уточнения идеографического, стилистического или эмоционального характера ($A \cdot a \rightarrow A$). Сужение, напротив, сводится к включению в семантему некоторых компонентов такого же свойства ($A \rightarrow A \cdot a$).

В речи расширение сводится к замене слова узкого значения словом широкого значения, стилистически или эмоционально окрашенного слова словом нейтральным. Сужение — обратный процесс.

5. Отношение перекрещивания представляет собой логическую основу семантического процесса переноса, который существует в двух разновидностях: перенос по сходству (метафора) и перенос по смежности (метонимия).

На семантическом уровне перенос принимает форму устранения или замены архисемы при сохранении дифференциальной семы, которая становится исходной семой наименования. Метафорический перенос может быть интерпретирован как симметричное отношение двух наименований с заменой архисем¹: $A \cdot b$ *трус* (A — «человек», b — «трусость») → $B \cdot v$ *заяц* (B — «трусость», v — «заяц»). При метонимическом переносе основная сема одного слова выступает как компонент другого слова. Семантические отношения имеют асимметричный вид: $A \cdot b$ *флейтист* (A — «музыкант», b — «флейта») → B *флейта*.

Универсальность семантических трансформаций, основывающихся на операциях с понятиями, подтверждается психолингвистическими экспериментами, а также тем, что они обнаруживаются всюду, где имеет место изменение наименования. Последнее наблюдается при переходе от одного языка к другому (перевод), от одного синхронного среза языка к другому (историческая семасиология), от одного стиля

¹ Ср. описание процесса метафоризации в кн.: Greimas A.-J. Sémantique structurale. P., 1966, p. 134, а также в статье: Левин Ю. И. О некоторых чертах плана содержания в поэтических текстах // Структурная типология языков. М., 1966, с. 213–215. — Оба анализа восходят к работам Ю. Тынянова по поэтическому языку.

языка к другому (поэзия, арг, техническая терминология и т. п.); а также внутри одного языкового кода при повторном наименовании. Рассмотрим вкратце данные этих наблюдений.

Психолингвистические эксперименты. В разных странах проводились психофизиологические эксперименты с целью «объективного исследования тех смысловых связей, которые реально возбуждаются у человека тем или иным словом»¹. Несмотря на разнообразие использованных методик, эксперименты позволили объективно установить бессознательные связи между словами, а следовательно, и во многих случаях связи выражаемых этими словами понятий. Так, Вудроу и Лауэлл² выявляют 21 тип словесных ассоциаций. Если исключить рубрики «Ассонанс» (основан на звуковых сближениях, а не на связи понятий) и «Прочие», то все остальные ассоциации распределяются между теми пятью категориями, о которых говорилось выше:

1. Сходство (синонимия): *темный — черный, недомогание — болезнь, гора — холм.*

2. Соподчиненность (смещение): *стол — стул (мебель), дом — сарай (постройки).*

3. Контраст (антонимы): *темный — светлый, болезнь — здоровье, глубокий — мелкий.*

4. Расширение: *стол — мебель, дом — сооружение*, и сужение: *фрукт — яблоко.*

5. Перенос — обычно метонимический: причина — следствие (*болезнь — смерть*), часть — целое (*стол — ножка, солдат — армия*); предмет — материал (*стол — дерево, лампа — стекло*), действие — объект (*вбивать — гвозди*), действитель — объект (*паук — паутина*) и т. п.

Метафорических переносов в явной форме эксперименты не вскрывают. Однако в потенциальной форме они представлены в ассоциациях, где слово-стимул и слово-реакцию можно связать союзом как: *гора — высокая (высокий как гора); темный — ночь (темно как ночью).*

Теория и практика перевода. Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне³ отмечают в переводах изменения точки зрения, аспекта, нередко и категории мысли, которые они называют модуляциями. Они насчитывают десяток модуляций в лексике (при сравнении внутренней формы слов и устойчивых словосочетаний) и при организации высказывания. Классификация их страдает нечеткостью, одни и те же примеры относятся и к «лексике» и к «высказыванию», количество и характер модуляций не исчислены, то есть нельзя сделать вывода,

¹ Виноградова О. С., Лурия А. Р. Объективное исследование смысловых связей // Тезисы конференции по машинному переводу. М., 1958, с. 33.

² Цит. по: Miller G. A. Language and Communication. N. Y., 1951. — Для большей наглядности примеры приводим в русском переводе.

³ Vinay J.-P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. P., 1958, p. 11, 51, 88-90, 233-241.

упоминают авторы все возможные модуляции или нет. Но если проанализировать с нашей точки зрения их примеры, мы обнаружим почти все отмеченные нами типы связи между понятиями: смещение (в пределах словосочетаний, например, *Indian ink* → *encre de Chine*); контраст (*Forget it* → *N'y pensez plus*), расширение и сужение, различные типы переносов.

Обобщая переводческую практику, Я. И. Рецкер¹ отмечает следующие закономерные соответствия слов-понятий, обнаруживающиеся в переводах при невозможности использовать межъязыковые эквиваленты: 1) аналоги (выбор одного из возможных синонимов); 2) конкретизация недифференцированных и абстрактных понятий; 3) логическое развитие понятий (замена причины следствием и т. п.); 4) антонимический перевод. Эти замены точно совпадают с отмеченными нами типами логических отношений понятий: равнозначностью (синонимией), сужением, метонимическим переносом, заменой по контрасту (антонимией).

В этом перечне отсутствует лишь прием смещения, но и такого рода замены обнаруживаются в переводах, когда в пределах широкого контекста предметная отнесенность слова оказывается второстепенной и на первый план выдвигаются коннотации, заставляющие переводчика замещать данное понятие соподчиненным в пределах той же лексико-семантической группы².

Историческая семасиология. Как отмечалось выше, если проводить четкое различие между формами семантических изменений и их причинами (например «табу», «эвфемизмы» и т. п.), то формы изменений значений слов соответствуют логическим отношениям понятий: вытеснение одного синонима другим, смещение, анантиосемия, расширение или сужение, метафорический или метонимический перенос. Так называемые ухудшение или облагораживание значения могут рассматриваться как особые случаи расширения или сужения (устранение или добавление дополнительных сем).

Подсистемы языка. Между общеупотребительным нейтральным обозначением денотата и его обозначением в каком-либо функциональном стиле речи нередко обнаруживаются семантические отношения, соответствующие упомянутым отношениям между понятиями. Вот несколько примеров из французского арг³: *opérer (agir, синонимы)*, *opérer (dépouiller, в ономасиологическом плане — расширение)*; *écluser (boire, сужение)*; *aile (bras, смещение)*, *pipe (cigarette, смещение)*; *dents (crochets, метафора)*, *cri (danger, метонимия)*.

¹ Рецкер Я. И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык // Теория и методика учебного перевода. М., 1950.

² См., например, замену сосны кедром или дубом при переводе известного стихотворения Г. Гейне; Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 98. См. также анализ подобных примеров из перевода стихотворения В. Гюго «Genio libri» в кн.: Эткинд Е. Поэзия и перевод. М., 1963, с. 69-70.

³ Примеры взяты из словаря: Le Breton A. Langue verte et noirs desseins. P., 1960.

Поиски нового обозначения денотата занимают большое место в сознательном поэтическом творчестве. С точки зрения семантической поэтические приемы сводятся к тем же изменениям наименований: выбор более точного слова из синонимического ряда, конкретизация обозначения (сужение), обозначение «от противного», то есть сближение противоположных понятий (на этом приеме часто основана ирония) и, наконец, метонимические и метафорические переносы.

Изменение наименования в речи. Нередко в речи говорящий указывает на уже упомянутый предмет, давая ему, однако, иное, несобственное обозначение. Последующее обозначение можно интерпретировать как семантическую трансформацию первого. Первую ступень такого «переименования» можно видеть в тех случаях, когда говорящий подыскивает слово, так как от него «ускользает» прямое обозначение данного элемента ситуации. Это случайное наименование обычно находится в отношении метонимии с прямым обозначением предмета (действия). Вот пример из записей французской разговорной речи, осуществленных научно-исследовательским центром CREDIF¹.

— Le verre, on ne met pas ça sur un... *une chaleur* (Cs, 9). Говорящая искала слово мужского рода (un objet qui... «что-нибудь горячее»), но не найдя его, прибегла к метонимическому обозначению, заменив название предмета, обладающего определенным качеством, названием самого этого качества.

Нередко говорящий себя как бы исправляет, либо уточняет сказанное. При переходе от первого наименования ко второму происходит сужение или расширение понятия, но еще более характерны метонимические переходы. Метонимическое обозначение употребляется как более краткое, обычное в данной среде, затем, из опасения остаться непонятым, говорящий разъясняет сказанное при помощи прямого наименования. Например: — Parmi ses manifestations typiques le *filtre*, plus exactement, le *café-filtre* (DC, 223). — Ma femme, elle prépare pour le lendemain le repas, quoi, puisque je *prends une gamelle*, enfin, *j'emporte mon repas* (Cs, 107). — C'est un pays d'industrie, là-bas, on fabrique la chaise. — La chaise? — La chaise, oui, les sièges, que l'on s'assoit. Toutes les femmes *font la canne* par là, vous savez, on *canne les chaises* (Cs, 9). Дословные переводы обозначений в двух последних примерах: *Я беру котелок* (метонимия) → *Я беру с собой завтрак* (прямое обозначение); *Все женщины занимаются тростником* (метонимия) → *...делают стулья из тростника* (прямое обозначение). В других случаях, наоборот, от прямого обозначения говорящий переходит к устойчивому фразеологизму метонимического характера: — En somme, les enfants sont *de trois mariages*? — *De trois lits* comme on dit, *trois lits* (Cs, 12). Дословно: *Дети от трех браков?* — *От трех постелей, как говорят, от трех постелей.*

¹ Об этих записях см.: Gougenheim G., Michéa R., Rivenc P., Sauvageot A. L'élaboration du français fondamental. Paris, 1964. — Нами приводятся примеры из неопубликованных записей, хранящихся в центре CREDIF.

В литературно обработанной речи наименованию одного и того же денотата нередко варьируется, причем обычно при помощи тех же средств: синонимов, расширения или сужения (более широкий термин после более узкого или наоборот), различных переносных обозначений.

Итак, повсюду, где речь идет о семантических связях слов, об изменении значения слов или замене названий, выступают одни и те же закономерности преобразования, определяемые логическими отношениями понятий. Пять приемов неравномерно представлены в разных сферах. Например, отношения соподчиненности часто наблюдаются в психолингвистических тестах, обычны в исторической семасиологии, но выступают скорее как исключение в переводах и поэтическом творчестве. Метафорические переходы, редкие в практике перевода, оказываются очень распространенными в межстилевом лексическом обмене и в поэтике. Наиболее распространенным отношением является, по-видимому, метонимическое отношение по смежности (целое — часть; действие — орудие; субъект — действие; содержащее — содержимое; причина — следствие и т. п.). Метонимические отношения отражают устойчивые связи между предметами, связываемые ими элементы нередко обозначаются в пределах одного высказывания, вследствие чего метонимия играет огромную роль в структурно-семантической организации последнего.

С точки зрения обозначения денотата отмеченные трансформации неравноценны. Языковые единицы, находящиеся в отношениях исключения и контрадикторности, обозначают понятия, объемы которых не соприкасаются, вследствие чего они могут обозначить один и тот же денотат только в рамках единиц более высокого уровня. Языковые единицы, находящиеся в отношениях равнозначности, включения или пересечения с полностью или частично совпадающими объемами понятия, могут быть использованы для самостоятельного обозначения одних и тех же денотатов.

Не случайно именно эти отношения между означающими Л. Прието и считает, как отмечалось выше, типологической характеристикой языка как семиотической системы.

В речи семантика отдельного слова вступает во взаимодействие с семантической структурой всего высказывания. Семы данного слова могут присутствовать в семантеме других компонентов высказывания, а также подсказываться ситуацией и, следовательно, не проявляться совсем. В связи с этим к пяти видам семантической трансформации, рассмотренным выше, на уровне речи добавляются другие, которые мы кратко рассмотрим.

1. Перераспределение семантических компонентов ($a + b \rightarrow a \cdot b$). В психолингвистических экспериментах, проведенных Н. И. Жинкиным¹, одну и ту же воспринимаемую ситуацию испытуемые описывали в двух следующих высказываниях: *Человек,*

¹ Жинкин Н. И. Механизмы речи. М., 1958.

скачущий на лошади и Всадник, едущий галопом. В отношении семантических компонентов: (а) «человек»; (б) «передвигаться»; (в) «скачками»; (г) «не пешком» (точнее «верхом»), их семантическую структуру можно представить следующим образом:

Человек	скачет	на лошади
а	б · в	г
Всадник	едет	галопом
а · г	б · г	б · в

Одни и те же семы представлены в обоих высказываниях (это доказывает семантическую идентичность последних), но распределяются они по-разному.

Перераспределение сем наблюдается при лексическом свертывании (замена словосочетания словом, например, человек на лошади → всадник) и развертывании (замена слова словосочетанием). Перераспределение — частое явление при переводе¹. Ср. Шакалы подползали (а · б) (Паустовский) Ils s'approchaient (а) en rampant (б).

2. Сокращение или повтор семантических компонентов (а · б + б → а + б). Уже в приведенном выше примере во второй фразе наблюдается повторное выражение сем (г) и (б). Набор сем в обоих высказываниях одинаков, но некоторые семы в одном случае выражены однократно, в других многократно.

Рассмотрим компонентный состав высказывания:

Он услышал		собачий	лай
(восприятие	+ звук.	впе-	(собака) (звук + собака)
	чатл.)		
а · б	+	в	+ б · в

В высказывании дважды повторяются компоненты б (указание на звук) и в (указание на собаку). Без ущерба для содержания можно сократить повторяющиеся компоненты. Полагая неизменной первую семантему (а · б — «услышать»), определяем сокращения:

- № 1. а · б + (в) + б · в а · б + б · в Он услышал лай.
 № 2. а · б + в + б · (в) а · б + в + б Он услышал собачий крик (голос).
 № 3. а · б + в + (б · в) а · б + в Он услышал собаку².

Сокращение повторяющихся компонентов ведет к экономии средств выражения. Повтор семы — проявление избыточности на семантическом уровне.

¹ Примеры (в сокращенном виде) взяты из опубликованных переводов; (а) — направление действия (движения); (б) — способ действия (передвижения).

² Интерпретация формулы № 3 и особенно № 2 в русском языке представляется необычной. Во французском языке мы часто обнаруживаем структуру № 3 (Il a entendu un chien) и даже № 2 (ср. у Шатобриана: Un chien, dont j'entends la voix, est la seule garde du prince. — «Le Robert», т. I, с. 83).

Сокращение или избыточное выражение сем также часто обнаруживается при переводе: Je vais le porter (б) au (а) Campo-Santo (Mérimee) 'Я отнесу (а · б) ее на (а) Кампо-Санто'.

3. Опускание или добавление семантических компонентов. В отличие от предыдущего, в этом случае сема совершенно устраняется из семантической структуры высказывания, либо заново вводится в нее. Опускание семы означает опрощение семантемы, добавочная сема свидетельствует о ее осложнении. Различается три типа опущения или добавления семантических компонентов.

а) Устранение (добавление) дифференциальной семы при неизменности архисемы (А · а → А). В этом случае видовой термин уступает место родовому или наоборот. Подобное явление часто отмечается при повторном обозначении либо при переводе.

Une poule (А · а) chante. Abel s'ap- Кудачет курица (А · а). Абель
 proche de la femme crevée. OÙ est-il, cet идет на полуразрушенную фер-
 oiseau-là? (А) (Lanoux). му. Где же курица (А · а)?

При повторном обозначении одного и того же денотата во французском тексте устраняется дифференциальная сема (А · а → А). Если сравнить вторичное обозначение русского текста с его аналогом во французском, то отмечается сужение термина (А → А · а). Устранение дифференциальной семы лежит также в основе местоименной репрезентации.

б) Устранение или добавление семантической категории (а · б → а). Сравним два высказывания: Он подошел к дому и Он приблизился к дому. В первом случае действие обозначается по двум аспектам (семантическим категориям): (а) направление движения приближение и (б) способ движения, во втором — только по аспекту (а). Такая семантическая трансформация очень часто наблюдается при межъязыковых сопоставлениях: Il est arrivé (а) hier «Он приехал (а · б) вчера». Опускание семы оказывается возможным в силу ясности ситуации и устойчивости описываемых предметных отношений¹.

в) Выражение разных звеньев семантической трансформационной цепи (а · б · в → а · б или в). Сочетание сем (а) «иметь» (б) «каузация»; (в) «рефлексивность»; (г) «денежная компенсация» порождает глаголы: (а · б · в) брать; (а · б · в · г) купить, (а · б · г) оплатить². Знание ситуации, а именно того, что предмет покупается, позволяет устранить одну из сем и использовать вместо глагола купить семантически менее сложную номинацию. Например: Возьми (а · б · в) хлеба в булочной; J'ai payé (а · б · г) une robe à ma fille.

Разные такты семантической трансформации могут определять не только отдельные словесные номинации, но и семантическую струк-

¹ Подробнее см.: Гак В. Г. Обозначение устойчивых предметных отношений в русском и французском языках // Русский язык за рубежом, 1968, № 1.

² Ревзин И. И., Розенцвейг В. Ю. Основы общего и машинного перевода. М., 1964, с. 105-106.

туру целых высказываний, если одно высказывание описывает менее завершенную фазу процесса, нежели другое. Если некоторый процесс включает в себя фазы (а), (б), (в), то при ясности ситуации описание может ограничиться фазами (б) или (в), или только (а). Например, процесс закуривания может быть представлен как цепь операций: (а) доставание зажигалки (спички); (б) чирканье зажигалкой (спичкой); (в) появление огня; (г) зажигание папиросы; (д) начало курения. Вот описание процесса в оригинальных и переводных текстах на русском и французском языках.

Я зажег спичку (в) (Чехов).

Je frottai une allumette (б).

Он чиркнул своей зажигалкой (б).

Il a sorti son briquet (а). Nous avons allumé une cigarette (г).

Мы закурили (д) (Аксенов).

Во всех случаях французские высказывания обозначают менее продвинутое состояние процесса по сравнению с русским. Случайно это соотношение или нет — этот вопрос должно решить специальное исследование.

4. Замена семантических категорий (а → б). При организации высказывания один и тот же элемент действительности может быть обозначен на основании его разных аспектов, свойств, в связи с чем семантемы включают в себя семы, относящиеся к различным семантическим категориям. Можно отметить две разновидности разноаспектных обозначений.

а) Аспекты не связаны внутренней взаимозависимостью. Например, один и тот же предмет может быть обозначен по величине либо по цвету. Разумеется, всякий объект обладает этими свойствами, но они не определяют друг друга. Независимы, например, направление и способ передвижения.

В высказывании *Он идет к нам* глагол отмечает лишь способ передвижения (б), тогда как направление движения выражается предлогом. Во фразе *Он приближается к нам* глагол отмечает, напротив, только направление движения (а), в то время как способ передвижения, видимо, подсказывается ситуацией. Замена аспектов, лежащих в основе наименования, часто встречается при сопоставлении средств выражения в разных языках. Например: *Vous venez (а) du Midi? (Courtade) → Вы едете (б) с юга?*

б) Аспекты находятся в отношении взаимозависимости (причина и следствие, деятель и действие, часть и целое). Семантическая трансформация нередко в этих случаях принимает форму метонимии. Так, если в пруду вода проточная, то, значит, у него имеется водослив. Оба признака определяют друг друга и могут быть положены в основу наименования данного объекта без различия для информации. Так, во французском переводе чеховского рассказа словосочетание *проточный пруд* переведено: *étang à déversoir* (дословно «пруд с водосливом»). Аналогичный случай: *дождевые тучи* и *gros nuages* «тяжелые тучи (обычно предвещают дождь)».

б. Векторные замены. Эти преобразования связаны с тем, что один и тот же денотат (ситуация) рассматривается с противоположных сторон. Ср. *La tête en bas* (Maupassant) и *Вверх ногами*. Одно и то же положение тела описывается, исходя из положения его разных частей. Ср. также: *Assis du bout des fesses* (Lanoux) и *Присев на краешке стула*. Здесь одна и та же позиция определяется по отношению к разным объектам, находящимся в контакте.

В сравнительных стилистических текстах отмечаются векторные слова (*еще — уже*), либо векторные значения одного слова (*hôte — гость и хозяин*)¹. Однако явление это выходит за рамки отдельных слов и приобретает важную роль в структуре и особенно трансформациях предложения. Векторные переносы возникают при взаимной замене субстанций, связанных определенным отношением ($xRy \rightarrow yRx$), при этом характер отношения не изменяется, но изменяется угол зрения на него, в связи с чем взаимозаменяются слова, показывающие это отношение под разными углами зрения. Отношение может быть выражено предложными наречиями (*A впереди B → B позади A*), прилагательными (*A больше B → B меньше A*), глаголами, обозначающими двухместные предикаты отношения; *A продает это B → B покупает это у A* и т. п.²

Некоторые пары существительных также передают отношения, рассматриваемые с противоположных точек зрения. К таким словам, которые можно назвать относительными, принадлежат: *учитель — ученик, отец — сын, врач — больной, автор — читатель, начальник — подчиненный* и т. п. Одно из этих слов предполагает наличие второго члена пары (нельзя быть учителем без учеников; отцом не имея детей; врач существует постольку, поскольку есть больные; книга предполагает автора и читателя и т. п.). Замена одного члена пары другим создает изменение наименования одной и той же ситуации, подобное субъектно-объектной трансформации.

A был учителем B → A учил B

B был учеником A → B учился у A

Здесь уже противоположны семантические компоненты не только у отдельных слов, но и у высказывания в целом.

Рассмотренные виды семантических трансформаций в высказывании сводятся к основным типам отношений между понятиями: равнозначности (перераспределение сем), включению (сокращение и опущение сем), перекрещиванию (замена сем), контрадикторности (векторные замены). Особенности семантических преобразований слов в высказывании заключаются в конкретной форме этих трансформаций. Вместе с тем становится очевидным, что в законченном акте номинации значение отдельно взятого слова отходит на второй план,

¹ Vinay J.-P., Darbelnet J. Op. cit., с. 82-83, 210; Malblanc A. Stylistique comparée du français et de l'allemand. P., 1961, с. 103; Степанов Ю. С. Французская стилистика. М., 1965, с. 107-108.

² См.: Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958, с. 186; Ebeling C. On the Semantic Structure of the Russian Sentence // Lingua, 1954, № 2, с. 217.

оно подчиняется значению всего высказывания в целом. Поэтому для передачи одной и той же информации, при описании одного и того же отрезка экстралингвистической действительности могут быть использованы слова, которые, будучи взяты в отдельности, оказываются далекими и даже противоположными по значению.

Изучение разновидностей семантических трансформаций в высказывании имеет первостепенное практическое значение для исследования процесса владения речью. Поскольку при описании одной и той же действительности в основу наименования могут быть положены различные признаки денотата, возникает необходимость в изучении закономерностей этого отбора признаков говорящими на данном языке. Это позволяет объяснить семантическую структуру высказываний, формируемых в речи, и предсказывать высказывания, которые в данных условиях употребит носитель языка.

3. Метафора: универсальное и специфическое*

Из различных форм лексико-семантических трансформаций более подробно рассматривается метафора.

При исследовании языка различаются два аспекта последнего: статический аспект, показывающий устройство языка в определенном синхронном срезе, и динамический, показывающий, каким образом одно языковое явление преобразуется в другое. Преобразование может касаться как плана выражения, так и плана содержания, либо охватывать оба плана вместе. К динамике языка относятся такие явления, как изменение звуков в речевом потоке, словообразование, словоизменительные парадигмы, разнообразные синтаксические трансформации и изменения значения слов. Метафора, как результат отношения между двумя значениями слова, из которых одно выступает как исходное, а другое как производное, является ярким примером динамики в сфере лексической семантики.

Метафора — универсальное явление в языке. Ее универсальность проявляется в пространстве и во времени, в структуре языка и в функционировании. Она присуща всем языкам и во все эпохи, она охватывает разные аспекты языка и обнаруживается во всех его функциональных разновидностях. Всеобщий и частотный характер метафоры издавна привлекал к ней внимание наблюдателей и исследователей человеческой речи. Онтология метафоры не раз была предметом анализа (Телия 1977, La Metaphore 1979, Vianu 1957]. Мы отметим здесь лишь некоторые аспекты ее, существенные для дальнейшего изложения.

При изучении метафоры постоянно обращалось внимание на две ее функции: с одной стороны, она служит средством обозначения тому, чему нет названия, с другой — средством создания художественной

* Впервые опубликовано: Метафора в языке и тексте. М., 1988.

речи. Традиция, установившаяся еще в эпоху античности, подчеркивала в особенности вторую функцию метафоры. Это ярко выразил Цицерон: «Вначале одежду придумали, чтобы предохранить себя от холода, затем стали надевать, чтобы украсить и облагородить тела, так же и метафора, порожденная недостатком, получила развитие ради наслаждения» (цит. по *Molino*, 10). Таким образом укрепилась тенденция рассматривать метафору в телеологическом аспекте, в зависимости от ее цели. Но такой подход не определяет всех употреблений метафоры, Перенос значения слова имеет место и в том случае, когда в языке есть обозначение данной реалии, и в том случае, когда нет особой задачи создания художественного образа. Метафора возникает в силу глубинных особенностей человеческого мышления. Если выразить мысль несколько иначе, намеренно заостряя ее, то можно сказать, что метафора возникает не потому, что она нужна, а потому, что без нее невозможно обойтись, она присуща человеческому мышлению и языку как таковая. И поэты уже потом извлекают из нее пользу в своем творчестве, превращая «необходимость в добродетель».

В основе метафоризации лежит расплывчатость понятий, которыми оперирует человек, отражая в своем сознании вечно изменяющуюся многообразную внеязыковую деятельность. В. И. Ленин подчеркивал, что человеческие понятия постоянно изменяются. Постоянно меняется выбор тех признаков, на основании которого устанавливаются классы объектов, не связанные непосредственно один с другим. Разнородные объекты объединяются по какому-то новому признаку, исключаются на основании этого признака в класс, что позволяет использовать наименование одного из них для обозначения другого. Существует точка зрения, что в метафорах сохраняются пережитки нерасчлененного смутного первобытного мышления человека, связывают метафорические переносы с недифференцированными понятиями, с генетически ранними этапами эволюции мышления. Это не подтверждается данными языковой практики: метафоризация не уменьшается, а расширяется с развитием языка. Если какие-то первоначально метафорические обозначения утрачивают свой метафорический характер, то это не свидетельствует об общей демефоризации языка, поскольку и в художественной речи, и в научно-техническом языке, и в повседневно-разговорной речи постоянно создаются новые метафоры. Так, утверждалось, что если некогда говорилось о храбром человеке *Он лев*, то это потому, что в первобытное время действительно в сознании людей человек мог отождествляться со львом, впоследствии же это стало восприниматься как «игра», как «притворство». Но этому факту можно дать и иное объяснение. Субстанция «лев» обладает разнообразными объективными или приписываемыми ей атрибутами, в том числе храбростью. Человеческое сознание способно опредмечивать любое качество. Так возникает новое понятие «храбрость»; элементами класса, охватываемого этим понятием, становится и лев, и храбрый человек. Это создает возможность употребления одного слова вместо другого.

Метафора делает абстрактное легче воспринимаемым, не случайно поэтому один из магистральных путей метафорического переноса — от конкретного к абстрактному, от материального — к духовному. Однако возможны и обратные направления метафорического развития значений. Это подметил в свое время еще Паскаль, критиковавший философов за то, что они «смешивают» духовное и материальное. Он писал: «Мы не можем до конца познать явления однородные, только духовные или только телесные».

Поэтому почти все философы смешивают идеи и предметы и говорят о телесных предметах так, как если бы это было нечто духовное, а о вещах духовных так, как если бы это были вещи телесные. Так, они ничтоже сумняшеся говорят, что тела стремятся упасть, что они влекутся к центру, что они стараются избежать уничтожения, боятся пустоты, что у них есть склонности, симпатии, антипатии, а ведь это все свойственно только духу. А говоря о вещах духовных, они рассматривают их как бы в пространстве, приписывают им перемещение из одного места в другое, хотя это свойственно лишь материальным телам.

Вместо того, чтобы воспринимать явления в чистом виде, мы окрашиваем их собственными свойствами и наделяем двойной природой то однородное, что нам удается наблюдать» (Паскаль 1974, 126)¹. В этом постоянном переносе понятий из одной сферы в другую не только проявляется гибкость человеческого разума. Это необходимо для самого постижения действительности. Метафора является средством формирования параморфной модели, позволяющей представить данную систему с помощью системы, принадлежащей к иной сфере опыта (Molino 1979), где данный элемент представлен более очевидно. Не случайно метафора не только широко представлена в обыденной человеческой речи, но лежит в основе фундаментальных понятий многих отраслей науки. Отмечалось, что такие понятия, как «становление», «рост», «развитие», «вырождение» и т. п., — представляют собой группу метафор, основывающихся на модели живого организма. Однако заменить их нечем, если только не другими какими-нибудь метафорами. Метафора является универсальным орудием мышления и познания мира во всех сферах деятельности. Благодаря ей язык представляет систему в постоянном преобразовании, при этом обязательно подчеркивается, что использование метафор — характерное отличие языка от искусственных знаковых систем.

Изучение метафоры в сопоставительно-типологическом плане дает огромный лингвистический материал. Оно позволяет проникнуть в общие закономерности человеческого мышления, выявить типичные ассоциации и вместе с тем определить специфику каждого языка, отделяющую его от общего и всеобщего. Типологически метафору можно сопоставить, как и все другие факты языка, в плане формы, содержания и функционирования.

¹ В некоторых местах перевод приводимой цитаты уточнен.

План выражения. Формальный аспект метафоры проявляется на уровне морфологии (словообразования) и синтаксиса (словосочетаний, конструкций). В языках формируются словообразовательные средства для создания метафорических номинаций. Такими являются различные способы выражения уподобления, сравнения, например, в русском языке: *-образный, -видный, -морфный, -формный*. Некоторые надежные формы приспособляются для выражения метафорических значений (*нестись*) *стрелой, (витья) змеей*. В таком языке, как французский, возможно использование заимствованных суффиксов уподобления *-morphé, -forme*, но собственно французское словообразование подобных средств не использует, замечая их аналитическими конструкциями с предлогами *en, à la, comme, de*. Ср. рус. *Уобразная труба* и фр. *tube en U*. Метафорические номинации часто реализуются при транспозиции — переходе слова из одной части речи в другую: *каменное сердце; бычья шея; змеиться* (о дороге) и т. п. Каждый язык имеет здесь свои возможности, определяемые его словообразовательными потенциями.

С точки зрения соотношения формы и значения следует различать два типа метафоры — полную, при которой формирование переносного значения не связано ни с какими изменениями структуры слова (ср. *Он ест мясо → Дым ест глаза; Сердце бьется → в сердце Африки*) и частичную, когда образование нового значения связано с морфологическим изменением слова, с добавлением аффиксов к основе, используемой в переносном значении (*Ржавчина разъедает металл; сердцевина, сердечник, середина*).

Анализ материала показывает, что, например, русскому языку в большей степени, чем французскому, свойственны частичные метафоры, метафорическое значение нередко формально отличается в нем от прямого, тогда как во французском языке одна и та же форма слова соотносится с обоими значениями, ср. *manger ~ есть и разъедать; cœur ~ сердце и сердцевина; main ~ ручка и наручник; dent ~ зуб и зубец* и т. п. Нередко в русском языке переносное техническое значение восходит к уменьшительной форме слова, отличающейся от более употребительной общей формы. Ср. *bras ~ рука и ручка* (кресла), *piéd ~ нога и ножка* (стула), *dent ~ зуб и зубчик* (шестерни) и т. п.

В синтаксическом аспекте типология метафор определяется теми конструкциями, в которых они реализуются в речи. Нередко метафора образуется в словосочетаниях благодаря нарушению семантического огласования. Например, *Его душа поет, Сердце запрыгало от радости; пламя любви* и т. п. В этих случаях синтагмы объединяют разнофункциональные единицы (глагол и существительное, существительное в им. и в род. падеже). Если же метафора образуется однофункциональными словами, то в зависимости от языка используются различные синтаксические структуры, например, именное сказуемое с глаголом-связкой (или без): *Человек — мыслящий тростник*; приложение: *Человек, этот мыслящий тростник*, и др. Сопоставитель-

ный анализ подобных фактов представляет несомненный интерес, но мы на нем здесь останавливаться не будем.

План содержания. В плане содержания типология метафор включает по меньшей мере два аспекта: а) степень метафоричности и структурно-семантические типы единиц; б) типы метафорических переносов.

В свое время Ш. Балли изложил общую типологию языковой образности. Он различал конкретно-чувственный образ, ослабленный (эмоциональный) образ и мертвый образ (Балли 1961, 226–229). Все эти три степени образности свойственны и метафорическим переносам. Первые два типа метафор являются живыми.

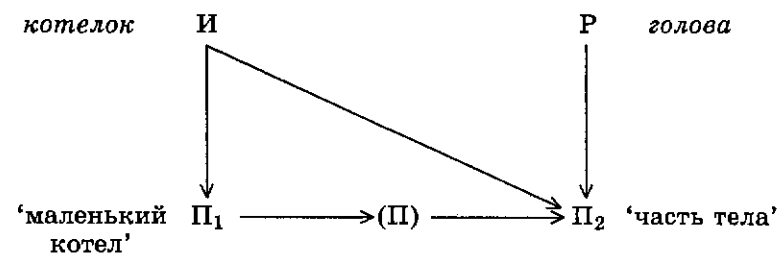
Эту общую семантическую типологию можно дополнить структурно-семантическим анализом метафор.

Обычно метафорический перенос представляют как трехчленную структуру (Delamarre 1984, 197), И — П — Р, где И — исходное слово, Р — результирующее слово, а П — промежуточное понятие, общее для И и Р. Критики справедливо упрекали авторов «Общей риторики» (Дюбуа и др. 1986) в слишком конкретном понимании промежуточного понятия (П), например, *березка* (И) → *гибкость* (П) → *девушка* (П) (Molino, etc, 1979). Здесь могут выступать в качестве связующего звена и другие свойства двух сопоставляемых объектов, например, стройность и общий вид (вспомним, что С. Есенин сравнивает березку, обдуваемую ветром, с девочкой, у которой ветер задирает юбку).

И вообще при метафоризации не следует обязательно искать общих схем, свойственных словарным определениям двух слов. Здесь речь идет скорее об общих ассоциациях, зачастую трудно определимых, ибо метафора зарождается на базе расплывчатых понятий, которыми оперирует человеческое познание. Не случайно Дж. Серль подчеркивал, что нет механических правил, алгоритма, которые позволяли бы автоматически переходить от прямого к производному (метафорическому) значению слова. По его мнению, во многих метафорических употреблениях, основанных на синестезии (*мягкий человек*, *кислое настроение*, *теплый прием*, *ледяной прием*, *горячая любовь* и т. п.), невозможно говорить о сходстве, как основе метафорического переноса, и все же мы понимаем значение этих выражений (Searle, 181–182). Зыбкое ассоциативное сближение двух предметов, двух понятий не подвергается точному компонентному анализу. И все же Дж. Серль здесь, как мы это покажем дальше, не вполне прав: можно построить вероятностную модель метафоризации, особенно если эта модель имеет экспликативное, а не операциональное назначение. К тому же в основе метафор синестетического характера также лежит сходство, но сходство особого типа.

Но вернемся к общей схеме метафоры. Она имеет существенный недостаток, заключающийся в том, что она не учитывает всех отношений, необходимых для понимания метафоры. Видный румынский философ и литературовед Т. Виану правильно отмечал, что «метафора предполагает чередование в сознании двух серий представлений:

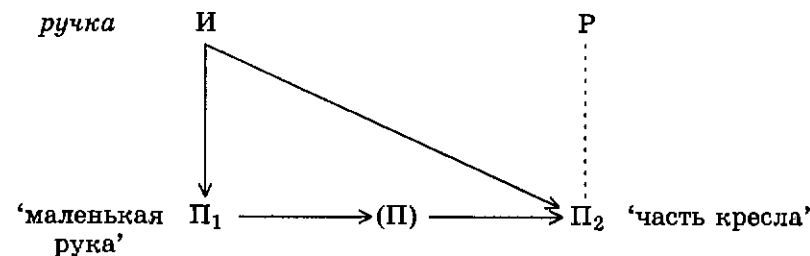
1) сходство между действительностью, обозначаемой собственным значением слова, и действительностью, обозначаемой метафорически; 2) различия между этими двумя реалиями» (Vienu 1957, 19). Для жизненности метафоры важна возможность раздельного представления объектов и значений слов. Полная структура метафоры может быть представлена следующим образом:

Здесь П₁ и П₂ соответственно предметы, с которыми соотносятся в своих прямых значениях И и Р. Они объединяются промежуточным понятием (П), что обуславливает перенос названия И на П₂. При этом возникает двойная асимметрия: многозначность И, которое обозначает П₁ и П₂, и синонимия И и Р, которые обозначают П₂. Эта двойная асимметрия поддерживает силу метафорического переноса, именно она создает ощущение метафоричности: слово *котелок* вместо предмета «маленький котел» обозначает предмет «часть тела», а в свою очередь предмет «часть тела» вместо обычного наименования *голова* получает другое наименование *котелок*, которое связано в прямом значении с понятием «маленький котел». Оба обозначения И и Р имеют соотношенность со своими прямыми значениями. Такая метафора может быть названа двусторонней.

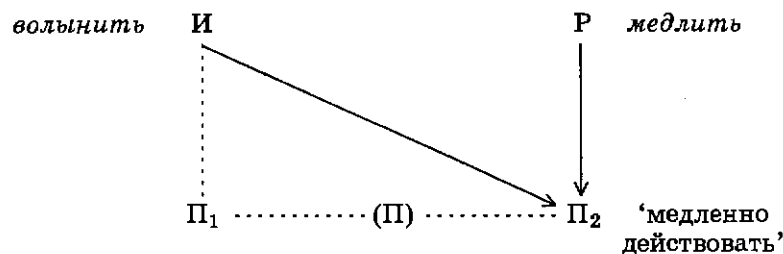
Однако один из компонентов этой структуры может отсутствовать, и в таком случае образуются иные структурно-семантические типы метафор:

— односторонняя семасиологическая метафора. В этом случае предмет П₂ не имеет собственного закрепленного обозначения в языке:

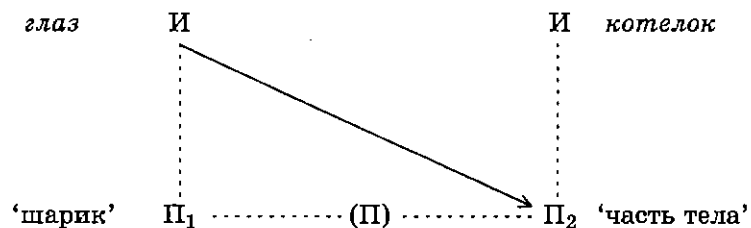
Переносное обозначение И является единственным для предмета П₂. Метафоризм поддерживается за счет многозначности И, но он не подкрепляется противопоставлением прямых и переносных обозначений для П₂, поскольку И — единственный способ обозначения П₂;

— односторонняя ономаσιологическая метафора. В этом случае оказалось забытым прямое значение И:

Здесь слово, подвергнувшееся метафоризации, не связывается с каким-либо определенным значением, от его первоначального, уже забытого значения P_1 сохраняется лишь экспрессивная окраска. Отношения полисемии отпали и сохранилось лишь отношение синонимии двух обозначений P_2 , различие между которыми и поддерживает экспрессивность слова *вольтынь*. О том, что первоначальное значение слова оказалось стертым, свидетельствует разноречивость в словарях русского языка. Словарь в 4-х тт. (М., 1981, т. 1, с. 207) отмечает у слова *вольтынь* два значения: 1. Музыкальный инструмент; 2. Затягивание дела. Это позволяет полагать, что авторы словаря производят каким-то образом второе значение из первого. Словарь С. И. Ожегова разделяет эту лексему на два омонима. Таким образом значение 'затягивание дела' уже не интерпретируется как метафора значения 'играть на вольтынке'. «Этимологический словарь» под ред. Н. М. Шанского со ссылкой на Словарь русского языка (в 17 тт.) возводит это значение к выражению *тянуть вольтынку*, которое, в свою очередь, происходит от слова *вольтынка* уже в третьем, ныне забытом значении — «безлинейное потное начертание довольно продолжительной мелодии» (М., 1968. Вып. 3, т. 1, с. 154).

И наконец, метафора может вообще не противопоставляться прямым номинациям:

Предполагается, что слово *глаз* первоначально значило 'шар', затем оно метафорически стало обозначать глаз, вытеснив слово *око*. Так образуется этимологическая метафора, которая может быть прослежена только в истории языка.

Двусторонняя метафора может сохранять образность в наибольшей степени (конкретная метафора по Балли). В односторонних метафорах образность стирается, причем ономаσιологическая нередко сохраняет общий эмоциональный образ (по Балли); семасиологическая часто становится мертвой. Этимологическая метафора утрачивает всякую образность. Однако метафора играет огромную роль в развитии средств наименования. Недаром говорят, что язык — это кладбище мертвых метафор.

Структурно-семантическая типология метафор не может лечь в основу классификации языков; все эти типы метафор неизбежно представлены во всех языках, хотя может быть и в разной пропорции. Но она полезна при сопоставительном анализе конкретных фактов разных языков: одна и та же номинация в одном языке может представлять собой одностороннюю метафору, в другом — этимологическую и т. п.

Метафора представляет собой отношение между двумя употреблениями (значениями) слова. Семантические виды метафоры определяются исходным значением и новым значением слова. Анализ видов метафорических переносов можно изучать на материале метафор любых семантических типов, как на живых, так и на этимологических метафорах. В структуре метафоры особенно ярко проявляется соотношение между всеобщим, общим и особенным в языке. При рассмотрении видов метафоры следует различать переносы общих семантических категорий и переносы отдельных слов. Переносы отражаются в этимологии слова, в многозначности слов, во фразеологических сочетаниях и в словоупотреблении.

В лингвистических и смежных исследованиях в области психологии, антропологии и др. не раз выделялись универсальные категории, порождающие метафоры. Так, С. Ульман (1970, 277–279) отмечает три универсальных типа метафоризации: антропоморфизм, перенос от конкретного к абстрактному и синестезию. Ж. Маторе исследовал пространственную метафору во французском языке (Matoré 1962). Другие исследователи выделяли метафоры географические (в том числе и пространственные), метеорологические, биоморфные (антропоморфные, зооморфные, ботанические), технические, социоморфные (например, использование в переносном значении терминов родства) и др.

Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей книге «Метафоры в повседневной жизни» (Lakoff, Johnson 1985) рассматривают ряд видов метафор, в частности метафоры ориентации. 'Верх' и 'низ' лежат в основе переносных оппозиций: 'счастье/несчастье', 'здоровье/болезнь', 'господство/подчинение', 'больше/меньше', 'избранные/масса', 'хороший/плохой' и т. п. Аналогичным образом они рассматривают и метафоризацию других пространственных оппозиций: 'вперед/позади', 'сверху/снизу', 'центр/периферия', 'близко/далеко'. Они выделяют также разновидность онтологических метафор, которые образуются на основании опыта, связанного с физическими предметами, в том числе человеческим телом. Так, например, инфляции приписываются признаки живого существа, ум сопоставляется с машиной, любовь —

с болезнью, идеи — с растениями (их сеют, они созревают, укореняются и т. п.). Универсальным переносом является также перенос: пространство → время → состояние, что в разных языках проявляется в употреблении глаголов и предлогов (*Он пришел в дом, Он пришел в пять часов, Он пришел в расстройство*).

Было бы чрезвычайно ценно для лингвистики, психологии, теории познания выявить закономерности переноса понятий из одной сферы в другую, отражающуюся в изменениях значений слов. Например, названия животных при перенесении на людей обычно обозначают их внешний вид или черту характера (*лошадь, медведь, осел, мокрая курица* и т. п.), при перенесении же в сферу материальных предметов названия животных обозначают различные несложные механизмы и приспособления (*кошка, журавль, собачка, козлы, спортивный конь* и т. п.).

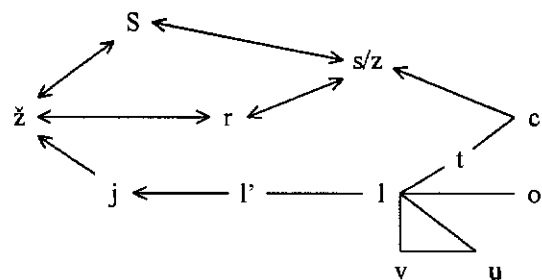
Переносы не являются однонаправленными, но все же в одном направлении они осуществляются чаще, чем в другом. В этом отношении показательны синестетические переносы, рассмотренные С. Ульманом (1970, 280). Если взять шесть чувств: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, температурные ощущения, то окажется, что переносы чаще совершаются от последних трех к первым, чем от первых трех к последним. Это не случайно: первые три чувства более сложны (Ульман называет их «верхними»), они осуществляются вне непосредственного контакта с предметом, на расстоянии. Последние три требуют непосредственного контакта с объектом. Еще Э. Кондильяк отмечал, что осязание (он не отделял от него температурных ощущений) «научает другие ощущения судить о внешних предметах» (Кондильяк 1982, 290). Здесь проявляется и еще одна общая закономерность: переходя в сферу обозначения другого ощущения, синестетические прилагательные утрачивают свои первоначальные семантические компоненты и реализуют отвлеченные количественные и качественные значения, выражая соответственно интенсивность и оценку. Это общий закон развития значений многих существительных, прилагательных, глаголов, наречий, которые при метафорическом переносе от выражения определенных признаков переходят к выражению более отвлеченных понятий — оценки качественной (приятно/неприятно) или количественной (много/мало). Например, глаголы движения *бежать, лететь, ползти* и др. при переносном употреблении утрачивают дифференциальную сему «способ движения» и выражают интенсивность движения (быстро/медленно). Поэтому Дж. Серль был не прав, говоря, что перенос синестетических прилагательных не основан на сходстве. Ощущение порождает у человека определенную оценку — приятного или неприятного — и представление об интенсивности — большой и малой, которая сопоставляется с оценкой или интенсивностью, сопровождающими иное явление. Ср.: *холодный прием* (= неприятно), *теплый прием* (= приятно), *горячая любовь* (= интенсивная), *холодные чувства* (= слабые) и т. п.

Универсальными могут быть не только переносы значений от целых семантических сфер, но и от отдельных слов. Правда, во многих случаях эти универсалии носят статистический характер, приобретают форму фреквенталий, то есть они могут иметь место, но не обязательно реализуются в каждом отдельном языке. Изучение этих частных переносов (или видов метафор) представляет большой интерес, так как они показывают общие возможности направления развития языковых фактов.

В лингвистике наибольшее внимание уделяется выявлению общих закономерностей. Так, в сфере семантики формируются и исследуются общие закономерности и пути изменения значений слов: расширение и сужение, метафора и метонимия, смешение, энантиосемия и др. Но не менее интересным было бы исследование возможных изменений значений отдельных слов-понятий; например, того, какие вторичные значения вообще может приобретать в языке слово *стол*, или слово *собака*, или слово *красный*, или *бежать*. В таких частных закономерностях, касающихся сдвигов в значениях слов, отражаются особенности общечеловеческой культуры, характерные интеллектуальные ассоциации и вместе с тем выявляются специфичные черты каждого отдельного языка и культуры, отражаемой в нем.

В сфере семантики и, в частности, метафорических переносов вопрос ставится аналогично тому, как он рассматривался в плане языкового выражения — в сфере звуков и грамматических форм.

В этом отношении основополагающее значение имеет книга В. А. Серебrenникова «Вероятностные обоснования в компаративистике» (М., 1974), где он обосновал понятие фреквенталий, которое дает основание для предсказуемости языковых процессов. В фонетике обычно описываются общие закономерности звуковых изменений — такие, как дифтонгизация и монофтонгизация, озвончение и оглушение, вокализация и консонантзация и др. Однако эти процессы проявляются в трансформациях определенных звуков. Собранные по разным языкам, можно определить, какой звук в какие другие может преобразовываться, между какими звуками может быть двусторонняя или односторонняя связь. Обобщив сведения по отдельным звукам, можно составить общую сеть звуковых изменений, которые могут реализоваться вообще в языках мира. Например, *г* в определенных позициях в некоторых языках перешло в *z* или *s*. В свою очередь, *z/s* в интервокальном положении превращается в *г* (ротацизм); *г* также в иных языках чередуется с *l*, переходит в *j* или в *ж*. В свою очередь, *l* подвергается палатализации и может перейти в *j*. С другой стороны, этот звук может подвергнуться вокализации, уступив место гласным звукам *и* или *о*. В отдельных языках наблюдался переход *l* в *v* или *v* в *d* (*t*). Отмечаются случаи чередования *t* с *s* (*z*), он нередко подвергается палатализации и дает с и т. д. Указанные переходы могут быть представлены в виде схемы:

Возможность перехода от одного звука к другому определяется их артикуляционной близостью, наличием общего дифференциального признака. Например, переход $l' \rightarrow j$ осуществлялся в истории французского языка (*fille*), переход $j \rightarrow ž$ в аргентинском варианте испанского языка ($yo \rightarrow žo$ «я») и т. п. Данная схема представляет собой примерный фрагмент возможной полной схемы, которая покажет, какие переходы возможны, а какие исключены. Разумеется, создание полной схемы связано с огромными трудностями: иногда результирующий звук трудно определить и классифицировать, это может быть какой-нибудь призыв, модификатор соседнего звука в речевой цепи и т. п.

В упомянутой книге Б. А. Серебренникова выведены многие трансформации и грамматического типа; они касаются как способа выражения грамматических категорий, так и их значений. Например, причастие может трансформироваться в личную форму глагола, возвратная форма глагола начинает выражать пассив, сочетания с глаголами «иметь», «хотеть», «быть», «идти» могут образовывать будущее время и т. п.

Аналогичные фреквенталии отмечаются и в лексике, в метафорических переносах значения слов. Давно уже было отмечено, что во многих языках, независимо друг от друга, развиваются сходные метафорические обозначения. Так, еще Р. де Гурмон (*Gourmont* 1905) писал, что одна и та же птичка в разных европейских языках получила наименование «маленький король», ср. рус. *королек*, фр. *goitelet*, ит. *gialtino*, греч. *basolicos*, нем. *Zaunkönig*, англ. *kinglet*. Предполагается, что рус. *мышца* восходит к *мышь*, подобно тому как лат. *musculus* к *mus* «мышь» (движение мускула под кожей напоминает движение мыши); приспособление для поднятия тяжести получило название по сходству с журавлем, ср. рус. *журавль*, фр. *grue*, нем. *Krahn* (сопоставимо с *Kranich* «журавль») и т. п. С. Ульман (1970, 275) обращает внимание на исследование К. Гальявини, который установил, что в самых различных языках (романских, суахили, китайском, самоанском и др.) врачок глаза получил метафорическое название по аналогии с маленькой девочкой или мальчиком — фигуркой, отражающейся в глазо. Ср. фр. *upilie*, исп. *niña de ojo* и др. Такое параллельное семантическое развитие слов свидетельствует о единстве закономерностей мышления и сходстве опыта у народов, говорящих на разных язы-

ках. На Лондонском лингвистическом конгрессе в 1952 г. была выдвинута в докладе И. Шрепфера идея составления словаря семантических параллелей. Действительно, сопоставляя многозначность или данные этимологии самых различных языков, можно обнаружить множество совпадений в метафорических переносах. Так, в очень многих языках Евразии — от английского до китайского — прилагательное *теплый* (*горячий*) приобретает метафорическое значение «активный», «страстный», «интенсивный», прилагательное же *холодный* — значение «вялый», «бесчувственный». Этот общий перенос в каждом из языков получает свое преломление: в одном языке в переносном значении подчеркивается оттенок «страстный», в другом «напряженный», в третьем «интенсивный» и т. п. К этим переносным значениям в отдельных языках могут добавиться специфические, не имеющие параллелей в других. Например, в китайском языке есть выражение «холодные иероглифы», русском — *холодный сапожник*. Этот пример показывает возможное соотношение между общим и особенным в метафорических переносах. Общее проявляется в том, что в разных языках слово А приобретает метафорическое значение В. Специфика выражается в том, что внутри общего значения В могут в разных языках акцентироваться различные «подзначения»: b_1, b_2, b_3 и т. п., а также в том, что к переносу В могут добавляться дополнительные переносы в иные сферы понятий: $A \rightarrow C, A \rightarrow D$ и т. д.

А. Греймас установил, исходя из данных французского языка, что слово *tête* «голова» порождает два типа метафорического переноса. Первый связан с понятием «оконечность», которое может осложняться понятием «вертикальность» или «горизонтальность» (*la tête de l'arbre* «верхушка дерева», «головной вагон»; «стоять во главе какого-л. дела»), с понятием «сферичность» («головка булавки»). В первом случае голова противопоставляется, как нечто более важное, ногам или хвосту, так что выявляется общая сема «превосходство» («*supériorité*») (*Greimas* 1966, 43–48). Аналогичные семы при переносе значения слова, обозначающего голову, можно обнаружить в самых различных языках. Так, например, индоевропейский корень **ghebhela* дал в греческом языке *kephalé* «голова, вершина», в готском *gibla* «конек крыши» (*Delamarre* 1984, 99, 101), другой корень **kerā-* (**kr̥s-*) отразился в словах перс. *sag* «голова», брет. *ker* «вершина». В некоторых финно-угорских языках реализовался переход голова → оконечность: фин. *rää* «голова», удм. *пум* «конец», венг. *fej* «начинать» (ОФУЯ 1974, 400). Китайское слово *tou*¹ имеет значение: 1) голова; 2) вершина, верхушка, начало, конец; 3) первый, главный; в сочетаниях оно может значить острие (карандаша), главарь и др. (КРС, 1974).

Индоевропейская основа **ois-* (**ous-t*) дала рус. *уста, устье*, лат. *os* «рот», *ostium* «вход, устье», лит. *úostas* «устье», т. е. налицо перенос от понятия «рот» к понятию «устье реки, узкий вход в какое-либо пространство» (*Гамкрелидзе, Иванов* 1984, 814). Аналогичное развитие претерпело и ф.-у. **šuwe* «рот» фин. *suu* «горло», манс. *sunt* «устье реки, отверстие сосуда», венг. *száj* «устье реки» т. п. (ОФУЯ 1974, 400).

Китайское слово *kou* имеет прямое значение «рот», переносные «устье, горловина, отверстие, дыра, жерло» (орудия), в сочетаниях «вход» или «выход». (Кстати, и финно-угорское слово, обозначающее «рот», развило значение «отверстие», например мар. *имшу* «игольное ушко».) Одни и те же образы и метафорические сдвиги постоянно воспроизводятся в языках. Например, фр. *bouche* «рот» не унаследовало внешней формы лат. *os*, означающего «рот» (оно восходит к лат. *bucca* «щека»), оно не унаследовало системы значений лат. *os*, но приобрело в процессе развития круг метафорических значений, весьма напоминающих значения кит. *kou* «рот» «устье, жерло орудия, вход» (например, «вход в метро»).

Сходство образов и параллелизм в метафорических переносах проявляется в пространстве и во времени. В пространстве это проявляется в том, что разные языки, независимо друг от друга, прибегают к одинаковым метафорическим переносам. Временной аспект состоит в том, что в пределах одной группы языков и даже одного языка на разных этапах развития воспроизводятся одни и те же переносы, от одного и того же И к одному и тому же Р. Мы видели это на примере слова, обозначающего рот. Сходные переносы в индоевропейском и во французском можно рассматривать как параллельное развитие во времени; аналогичные переносы во французском и в китайском — как параллельное развитие в пространстве. Разумеется, во многих случаях не просто установить, с каким типом параллелизма мы имеем дело. Так, приводившиеся выше фр. *goitelet* и ит. *gealtino* «королек» могут рассматриваться как параллельные метафоры, но если учесть, что эта птица носила аналогичное наименование и в латыни *regulus* «маленький король», то можно предположить, что романские народы унаследовали от латыни внутреннюю форму слова, воспроизведя ее собственными средствами.

Сочетание временного и пространственного параллелизма прослеживается в языках, имеющих общее происхождение. Например, и.-е. **aulos* «трубка» дало переносные значения греч. *aulós* «флейта», прус. *aulis* «берцовая кость», лит. *aūlas* «голеннице сапога» (*Delamarre*, 117), лат. *tibia* означало первоначально «берцовая кость», затем «флейта» (некоторые словари указывают на обратное развитие его значений — «флейта» → «кость»). Происшедшее от него фр. *tige* стало обозначать метафорически «стебель, напоминающий полую трубку», в XVII в. оно приобрело значение «голеннице». Таким образом, в разные эпохи в разных индоевропейских языках, на материале различных основ реализовались сходные метафорические переносы: «трубка» → «берцовая кость» → «флейта» → «голеннице».

Индоевропейская основа **taus-* (**tus-*) значила «успокаивать(ся), молчать» (ср. санскр. *túsyati*, лит. *tausýtis* «успокаиваться»). От нее произошел русский глагол *тушить* (свет) (*Delamarre*, 288). Исп. *apagar* «тушить свет» восходит к лат. *ad* + *pacare* «успокаивать» (от *pacis* «мир, покой»).

Материал языков одной семьи (например, индоевропейских) не всегда может быть доказательством параллельности развития метафо-

рических значений: здесь возможны взаимовлияния, воздействие общего первоисточника. Более определенные данные дает сопоставление равносистемных языков, взаимное влияние которых является маловероятным. Тем не менее, обращение, например, к словарю китайского языка обнаруживает поразительные параллели метафорического развития значений слов. Приведем некоторые примеры.

*Ming*¹ «ясный, светлый, отчетливый, явный» при переносе или в сочетаниях дает значения: «понимать, объяснять, заявлять, просвещенный» и др. Во всех этих значениях физическая ясность, светлость переносится в интеллектуальную сферу. Латинское прилагательное *clarus* «ясный, светлый» также имеет значение «отчетливый». От него произошел ряд слов с переносами, аналогичными китайскому *ming*¹, ср. лат. *declarare* «заявлять», фр. *éclairer* «разъяснять, объяснять», *éclairé* «просвещенный».

Bái «белый» образует значения: «поседеть» (ср. фр. *blanc*, англ. *white* «белый» → «седой»); «пустой, голый» (ср. фр. *un blanc* «пробел, пустое место в тексте», ит. *punto bianco* «перерыв»), «напрасно, впустую» (в английском и французском языках «белый», в переносном значении «пустой», определяет объекты, у которых недостает характерного, существенного: англ. *soup blanc* «холостой выстрел», *null blanche*, *white night* «бессонная ночь», *white war* «война без кровопролития», фр. *mariage blanc*, ит. *matrimonio bianco* «фиктивный брак», ит. *omicidio bianco* «убийство без убийцы» (например, несчастный случай). Этот перенос сопоставим со значением «пустой, напрасный, зря» в китайском языке.

*Fú*⁴ 1) кожа; 2) поверхностный, неглубокий. Фр. *épidermique* «кожный» приобрело метафорическое значение «поверхностный, неглубокий» (например, о чувстве).

*Vai*¹ самостоятельно или в производных образованиях значит «разбить, разгромить, испортить, разрушить, испорченный, протухший». Сходные переходы смысла обнаруживаются у латинского глагола *gumpere* «ломать, разрывать». Производный *corrumpere* (фр. *corrumpre*) значит «портить», англ. *corrupt* «гнить, разлагаться» (ср. *corrupt air* «испорченный воздух»).

*Ān*¹ «спокойный». Можно выделить переносы: 1) «спокойный» → «устанавливать, манкировать» «создавать, основывать»; 2) «спокойный» → «успокаивать» «безопасный». Первый перенос обнаруживается также и в русском языке («спокойный» → покой → покоиться, размещаться, основываться на чем-л.), он может быть проиллюстрирован и французским языком: *repos* «покой, отдых» *reposer sur* «основываться, покоиться на чем-л.». Второй перенос параллелен фр. *assurer* «успокаивать; обезопасить» → укреплять → *sûreté* (*sécurité*) «безопасность».

*Fēng*³ «ветер» получило следующие метафорические переносы: 1) «поветрие, нравы, обычай, мода», 2) «манера», 3) «слух, новость».

Первый вид переноса обнаруживается и в русском языке: *ветер* → *поветрие* («мода, новый обычай»), третий — во французском выражении *avoir vent de qch* «услышать слух, новость о чем-л.». Второй вид переноса «воздух» → «манера» также имел место в истории французского языка (Bloch, Wartburg 1986, 16). *Air* «воздух» (из лат. *aër*) употреблялось в выражениях типа *l'air de la cour* «атмосфера, обстановка двора» (ср. совр. *l'air du temps* «дух времени»), через *dire d'un certain air* «сказать в каком-л. духе, в какой-л. манере» приобрело значение «манера, внешний вид». С этим можно сопоставить и рус. *дух* (*воздух*) и *в том же духе* «таким же образом, в той же манере». Таким образом, даже такой, казалось бы, своеобразный переход как «воздух» «манера» проявляется в ряде языков независимо один от другого. В некоторых из рассмотренных выше случаев метафорические переносы соединялись с метонимическими. Факты такого рода можно было бы продолжить, но уже и приведенные показывают, что в сфере метафоры имеются вероятностные закономерности переносов.

Проблемы регулярной полисемии рассматривались обычно на примере метонимических или синекдохических переносов (Апресян, 187)

Они, действительно, проявляются в них более часто и определенно. Но рассмотренный материал дает основание для исследования регулярной полисемии, мотивированной и метафорическими переносами значений слов.

Таким образом, в сфере метафоры универсальное проявляется в наличии всеобщих видов переноса, особенно — в переносах, свойственных только отдельным языкам. Рассмотрим другие аспекты соотношения универсального и особенного в языковой метафоре.

В разных языках с различной интенсивностью используются в качестве исходного материала при метафорическом переносе слова одних и тех же лексико-семантических групп. Иногда это даже нельзя объяснить особенностями культуры данного народа, речь, видимо, идет о каких-то традициях в использовании тех или иных тематических групп слов.

Нам приходилось уже отмечать, например, что в русском языке относительно чаще, чем во французском, используются в качестве исходного элемента метафоры слова, обозначающие звуковые впечатления (например, *глухая вода*, *глухое место*, *глухое платье*), тогда как во французском чаще используются слова, обозначающие цвета и краски (Гак, 191).

По-разному во французском и русском используются в переносном значении термины родства. В русском языке они шире по значению, чем во французском, особенно в разговорной речи (ср. *тетя*, *дядя* в детской речи по отношению к взрослым, *отец*, *мать* — по отношению к старшим неродным людям и т. п.). Во французском языке эти слова шире употребляются в переносном значении, прилагаясь к неодушевленным предметам. Они обозначают отношение последовательности (*père*, *mère*, *fille*), сходства (*jumeaux*), технические соответствия (*prise mâle*, *prise femelle*) и т. п.

Письменность занимает большое место в жизни народов, и представляет интерес сопоставительное изучение метафор, мотивированных алфавитом и другими формами письменности в разных языках. Во французском языке шире, чем в русском, используются алфавитные метафоры, то есть наименования предметов и их свойств на основании их сходства с той или иной буквой алфавита. В русском языке такие обозначения тоже есть (*Т-образная повязка*, *Г-образная антенна* и др.). Но во французском их больше, так что при переводе на русский язык обозначения либо калькируются (*tube en U* — *U-образная труба*, *moteur en V* — *V-образный двигатель*), либо используется номинация иной внутренней формы (*fer en I* ~ *двутавр*; *fer à T* ~ *тавр*; *fer à U* ~ *швеллер*, *fer en L* ~ *уголок*). Во французском языке такие метафорические обозначения встречаются не только в технической речи, но и в спорте (*placement en WM* — вид расстановки игроков в футболе, бывший в ходу в 1932–1950 гг.), в разговорно-бытовой речи (*décollé en V*, *pull-over en V* «декольте, пуловер с угловым вырезом», *faire des S* «выписывать вензеля», например, о пьяном). Во французском языке метафорически используется даже наименование знака *accent circonflexe*: *des sourcils en accent circonflexe* «изогнутые брови», ср. также известную поговорку *mettre les points sur les i* ~ *ставит точки над i* и др.

Одни и те же слова в разных языках могут получать различные метафорические переосмысления. Так, например, слова *базар*, *вавилонское столпотворение* в русском языке обозначают переносно суматоху, беспорядок, связанный с шумом. Во французском языке *bazar*, *Babel* метафорически обозначают беспорядок, путаницу, но не обязательно сопровождаемые шумом. Например: *Babel d'escaliers et d'arcades* (Baudelaire) «путаница лестниц и аркад». Слово *danse* «танец, пляска» и названия отдельных танцев (например, *sarabande* «сарабанда») метафорически используются для обозначения мелькания, частых изменений (изменения этикеток с ценами, мелькание вывесок и т. п.).

Различия между языками могут проявляться в ономаσιологическом плане: один и тот же референт обозначается различными видами метафорических обозначений, восходящими к разным словам с прямым значением. Например, деталь сковороды по-русски называется *ручка*, по-французски *queue* «хвост». В данном случае французское обозначение более метафорично: оно представляет собой «чистую» метафору, тогда как слово *ручка* в этом случае можно трактовать как результат метонимического переноса, ср. также *brin* букв. «травинка» и «жила (провода)».

Функциональный аспект. Здесь можно отметить две стороны, связанные между собой: использование метафор в языковой системе как средства номинации и их употребление в речи в различных функциональных стилях. Как известно, существуют четыре способа номинации, создания обозначения для нового объекта: словообразование, переосмысление (в том числе и метафорическое), словосочетание и заимствование. Языки, следовательно, могут различаться по

степени использования метафорических обозначений по сравнению с другими способами формирования номинаций. Французский язык нередко прибегает к метафорическому переосмыслению там, где в русском языке используются словообразовательные и иные средства. Например, деталь в вычислительной машине получила название рисе букв. «блоха» (по-русски *кристалл* или *подложка* интегральной схемы), *champignon d'atomiseur* (букв. «гриб») и *конус распылителя*. Даже если в русском языке используется термин метафорического происхождения, он нередко имеет менее сильные ассоциации с употребительным словом, чем соответствующий французский, ср. авнационно-космические термины *chapeau* букв. «шапка, шляпа» и его русские эквиваленты *колпак*, *крышка*, *кожух*. Фр. *chapeau* одновременно является и обычным широко употребительным словом: *крышка* — прямое обозначение предмета, *колпак* и *кожух* в прямом значении обозначают менее обыденные объекты, чем *chapeau*, и, следовательно, метафорические ассоциации у них слабее, чем у французского слова. Большая легкость переноса значений размывает границы между функциональными стилями.

В речи каждый язык может использовать метафоры специфически: одни чаще прибегают к метафорическим обозначениям, другие — реже, причем это касается не только литературно-художественной речи, где у каждого языка есть свои традиции, но и других стилей речи: публицистического, научно-технического и даже административного. Так французский научный стиль более «метафоричен», чем русский.

Мы рассмотрели основные аспекты сопоставительного анализа метафоры, соотношения универсального и специфического в метафорическом переносе. В плане выражения типологические различия проявляются в использовании специальных средств метафоризации, в различии полных и частичных метафор. Семантическая типология наиболее многоаспектна. Она касается степени стертости метафор и, что заслуживает особенно подробного анализа, видов метафорических расхождений. Изучение и инвентаризация этих типов позволит выявить случаи параллельного метафорического развития слов в разных языках и, следовательно, регулярную полисемию метафорического типа, позволит составить общую «карту» метафорических связей между отдельными словами-понятиями наподобие приведенной выше схемы звуковых переходов.

При семантико-сопоставительном анализе метафор целесообразно различать 1) типы переноса, отражающие переносы между общими сферами внеязыковой действительности, например, человек → животное, животное → человек, животное → растение, артефакт → человек, животное → артефакт, синестетические переносы и т. п., типы переносов универсальны; 2) подтипы переносов, ограничивающиеся определенной лексико-семантической группой слов (ЛСГ), метафоры, образованные от глаголов движения, от терминов родства, от наименований посуды, переносы из области спорта, карточной игры, смоты, транспорта и т. п. Эти переносы менее универсальны, для ка-

ждого языка можно выявить характерные ЛСГ, поставляющие метафорические номинации, и ЛСГ, получающие таковые; 3) виды метафор, объединяющие два слова, выражающие определенные понятия (например, «ночь» — «темнота», «лететь», «быстро двигаться», «хвост» — «очередь» и т. п.). Виды метафор наименее универсальны, но здесь, как мы видели, можно обнаружить фреквенталии, регулярности, отражающие общность ассоциаций, свойственных народам, говорящим на разных языках. И, наконец, в функциональном аспекте выявляется различное использование метафор в языке и в речи.

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974.

Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.

Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.

Дюбуа Ж., Эделин Ф. и др. Общая риторика. М., 1986.

Кондильяк Э. Трактат об ощущениях // Соч. в 3 т. М., 1982, т. 2.

КРС — Китайско-русский словарь-минимум. Сост. А. В. Котов. М., 1974.

ОФУЯ — Основы финно-угорского языкознания. М., 1974.

Паскаль Б. Мысли // БВЛ. М., 1974.

Серебрянников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.

Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977.

Ульман С. Семантические универсалии // НЛ, вып. V. М., 1970.

Bloch O., Wartburg W. V. Dictionnaire étymologique de la langue française. P., 1968.

Delamarre X. Le vocabulaire indoeuropéen. Lexique étymologique thématique. P., 1984.

Greimas A.-J. Sémantique structurale. P., 1966.

Lakoff G., Johnson M. Les métaphores dans la vie quotidienne. P., 1985.

Matoré G. L'Espace humain. P., 1962.

Molino J. Métaphores, modèles et analogies dans les sciences // Langages, 1979, № 54.

Searle J. R. L'intentionnalité. P., 1985.

Vianu T. Problemele metaforiei și alte știddii de stilistică. București, 1957.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Семантические основы парафазии в нормальной речи*

Парафазией называется употребление в речи одного слова вместо другого. В клинической практике, парафазии отличают от ляпсуса¹. Ляпсус, рассматриваемый как проявление скрытого психологического конфликта, привлекал внимание многих исследователей, в том числе и Фрейда. Характерный пример ляпсуса, толкуемого в психоаналитическом плане, приводят авторы указанной статьи. На вопрос, что он пьет, алкоголик отвечает: *Je bois du lin, non du lait*. — «Я пью лен, нет, молоко». Слово *lin* [lɛ̃] «лен», семантически совершенно неуместное в этом контексте, является фонетической контаминацией слов *lait* [lɛ] «молоко», которое хотел назвать пьяница, и *vin* [vɛ̃] «вино», которое у него было в подсознании, но которое он не хотел выразить. В результате неполного вытеснения словом *vin* слова *lait* возникло нелепое *lin*.

В отличие от ляпсуса парафазия нормальной речи объясняется не психопатологическими, но чисто лингвистическими причинами: изменением наименования. Проблема номинации, особенно ее выбор в акте речи является одной из важных проблем психолингвистики. Парафазия — ошибочное наименование, которое не соответствует узусу данного коллектива и которое исправляет сам говорящий или его собеседники, — проливает свет на процесс наименования в речи.

В статье будут рассмотрены различные типы семантических нарушений при парафазии. В качестве материала используются книги французского литератора Жан-Шарля «*La foire aux sangres continue*» (1969, II) и «*La foire aux sangres*» (1962, I) и «*La foire aux sangres continue*» (1969, II), представляющие собой сборники различных оговорок, сделанных учениками французских школ. В сборниках приводятся также примеры аналогичных оговорок в речи взрослых (учителей, родителей, радиодикторов и даже известных писателей). Трудно сказать, насколько аутентичны приводимые Жан-Шарлем «изречения»: многие из его примеров обнаруживаются в различных сборниках анекдотов и вообще, по-видимому, относятся к «малому фольклору». Цитаты недостаточно документированы: не указывается возраст и социальная среда говорящего. Некоторые примеры взяты из «*S comme sottise*» (1982), сборника оговорок, неудачных выражений газетных репортеров и т. п.

Психологическая причина оговорки может быть различной: невежество говорящего, его психологическое состояние в момент речи, либо даже желание ученика подтрунить над учителем. Хотя автор книги не отмечает специально этих психологических факторов, можно предполагать, что он видит основную причину в невежестве и не-

* Впервые опубликовано: Психолингвистика и обучение иностранцев русскому языку. М., 1972.

¹ Lanteri-Laura G., Philippi J. D. Lapsus et paraphasies sémantiques: conceptions neurophysiques et psycholinguistiques // Bulletin de Psychologie, 1969–1970, № 4–5.

умении пользоваться родным языком, поскольку оба сборника призваны проиллюстрировать печальные результаты методов французской системы образования.

Однако, несмотря на эти замечания, книжки Жан-Шарля дают достаточно доказательный материал для изучения если не психологических, то семантических основ парафазии в нормальной речи. То, что используемые примеры связаны, в основном, с речью детей, позволит выявить причины ошибок в речи школьников. Для большей наглядности примеры даются в русских переводах.

Парафазия состоит в изменении обозначения, в переименовании. В речи в акте наименования различаются две стороны: именуемый экстралингвистический объект и лингвистический знак, представляющий собой соотношение между означаемым (понятие) и означающим (слово или словосочетание в их языковой оболочке). Таким образом акт наименования охватывает отношения между всеми тремя вершинами «семантического треугольника» (предмет — понятие — слово), и лингвистической причиной парафазии является нарушение правильности отношения номинации на любом из этих трех уровней вследствие замен одного элемента другим: на уровне фонетической (графической) формы слова, на уровне понятий, либо на уровне самих внелингвистических объектов.

Авторы «Общей риторики»¹ различают метаплазмы (изменение графической или фонетической формы языковой единицы), метатаксы (нарушение правильности синтаксической связи), метасемемы (изменение семантической структуры языковых единиц) и металогизмы (реинтерпретация внеязыковой действительности).

Метаплазмы и метатаксы относятся к уровню языковых форм, металогизмы — к уровню внеязыковой действительности, и только метасемемы — к интересующему нас семантическому уровню.

Мы не будем рассматривать:

а) парафазии, объясняемые контаминацией звуковой формы двух слов (метаплазмы), например: «Мария Кюри открыла радиус» (II, 63). Эта оговорка связана с фонетической субституцией («радиус» вместо «радий»);

б) метатаксы (нарушение синтаксических связей), которые часто проявляются, например, в неправильном отнесении местоимения к антецеденту: «Стучат ставни. Матери зовут своих детей, чтобы привязать их» (II, 145). Местоимение «их» контекстуально может быть отнесено к слову «детей»;

в) металогизмы, связанные с неправильной интерпретацией действительности, контаминацией самих представлений. Так, ученик слышал, что днем земля освещается солнцем, а ночью — луной. Ему также сообщили, что зима и лето различаются по положению земли при вращении вокруг солнца, но, перепутав эти два явления, он говорит: «Днем земля вращается вокруг солнца, а ночью вокруг луны»

¹ Dubois J., etc. Rhétorique générale. P., 1970

(I, 62). Ошибка может произойти вследствие того, что личный опыт говорящего замещает более отдаленные представления. Так, у человека, купающегося в ванне, нередко выскальзывает мыло, и ученик, смутно помня о том, что Архимед воскликнул «Эврика!» («Нашел!»), принимая ванну, говорит: «Архимед воскликнул “Эврика”, потому что он нашел свое мыло» (I, 145). Интересны случаи, показывающие, что в спонтанном представлении наивного человека языковые формы иконически отражают действительность, находятся в причинно-следственной связи с нею. Школьник неясно помнил, что ужа и гадюку различают по каким-то знакам на голове. И он заявляет: «У гадюки на голове нарисовано “Г”, а у ужа — “У”» (I, 114).

Мы будем рассматривать семантические основы парафазии. В этом случае в основе ошибки наименования лежит контаминация понятий вследствие неучета определенных признаков в обозначаемом денотате). По своей внутренней семиотической природе парафазия представляет собой частный случай более широкого явления — переименование (реноминации). С реноминацией мы встречаемся при обычном варьировании обозначения одного и того же денотата в речи (контексте), в исторической семасиологии, в специальных языках (терминология, арг), в поэтике. Реноминация становится возможной вследствие того, что обозначаемый предмет, обладая различными признаками, может быть наименован по любому из этих признаков и подведен под соответствующее понятие. Два разных наименования, таким образом, совпадая по обозначаемому денотату, различаются сигнификатами, то есть понятиями, которые они выражают. Различие между парафазией и другими видами реноминации заключается в различии соотношения между первым и вторым наименованием. При речевом варьировании используются номинации, общепринятые и допускаемые нормой языка. В поэтике новая номинация является индивидуальной, но не выходящей за нормы языка. В исторической семасиологии и специальных языках у обеих номинаций сигнификаты в конце концов совпадают и новое наименование, ставшее узуальным в данном коллективе, может вытеснить прежнее. Парафазия отличается тем, что образуемая индивидуальная номинация, заменяющая узуальную, противоречит норме языка, так как она указывает на черты, отсутствующие в обозначаемом денотате.

Для того, чтобы ясно представить себе, каким образом создается некорректная номинация, необходимо рассмотреть общую семантическую структуру слов. Последняя состоит из элементарных смыслов-сем, которые являются отражением в сознании говорящих различных черт именуемых объектов. Можно различать три вида сем: родовая сема (архисема), дифференцирующая (видовая) сема и дополнительная (потенциальная) сема¹. Дифференцирующие семы определяют значение слов внутри лексико-семантической группы и располагаются на одной семантической оси. Потенциальные семы отража-

ют дополнительные, побочные свойства, которые говорящие усматривают в называемом предмете, они относятся к иной семантической оси. Например, семантема «волк» содержит архисему «животное», дифференцирующие семы, биологически отличающие волка от других животных и дополнительные семы, такие как «жадность», «жестокость», «уединенный образ жизни» и т. п. Дополнительные семы отражают свойства предмета реальные или приписываемые ему данным языковым коллективом. В логике различаются два основных типа отношений между понятиями: иерархия «быть» и иерархия «иметь»¹. Отношения между архисемой и дифференциальной семой включаются в иерархию «быть» («Волк есть животное»). Переход от одной из этих сем к другой отражают отношения включения между означаемыми. Отношения между дифференциальной семой и потенциальной семой восходят к иерархии «иметь» («Волк имеет сильный аппетит, длинные зубы, серую шкуру» и т. п.) и отражают отношения пересечения понятий. Именно эти два типа отношений между означаемыми — включение и пересечение — Л. Прието считает наиболее характерными для разных обозначений одного и того же денотата в нормально организованной речи². «Слово для того, кто его произносит или воспринимает, не является глобальной единицей смысла, — пишут авторы «Общей риторики». — В действительности оно способно немедленно распадаться на семы или части, в зависимости от того, как это подсказывается контекстом. Все богатства речи, как экспрессивные, так и познавательные, в частности, риторические, основаны на этом расчленении на семы. Можно утверждать, что в коммуникации основное устанавливается на уровне сем, этих атомов смысла, даже если они никогда не называются»³.

Парафазия возникает в результате того, что нарушается общепринятая для данного языкового коллектива связь между обозначаемым предметом и выбираемым именем: имя содержит в своей семантической структуре семы, указывающие на различные признаки, которыми не обладает обозначаемый предмет. Ошибочность номинации подчеркивается синтагматическими отношениями семантем в высказывании. Основным законом правильной синтагматической организации высказывания является наличие у связанных синтаксически или по смыслу номинаций общих сем, либо отсутствие у них несовместимых сем. Правильная связь номинаций определяется реальными отношениями между объектами, действиями, признаками. Рассмотрим пример.

Глагол *ест* значит «принимать твердую пищу». Это действие реально связано с одушевленным субъектом («тот, кто ест»), объектом («то, что едят») и предполагает определенный способ действия (например, едят зубами). Эти связи находят отражение в дополнитель-

¹ Langages, № 4, 1966, p. 15.

² Prieto L. Messages et signaux. P., 1966.

³ Dubois J., etc. O. c., p. 101.

¹ См. А. J. Greimas. Sémantique structurale. P., 1966.

ных семах глагола «есть», которые пребывают в обычном высказывании (например, *Мальчик съел яблоко*) в потенциальном положении, но могут выйти на первый план, в связи с чем изменится значение слова. Так, на основе связи с субъектом возникает значение *питаться* (например, *Он ничего не может есть*) и, поскольку живое существо ест, чтобы жить, — «иметь средства к жизни» (*Кто не работает, тот не ест*, *Им нечего есть*). На основе связи с объектом возникает значение «уничтожать», поскольку подаваемый объект исчезает. Двусторонняя связь с субъектом и объектом формирует потенциальную сему «любить» (*Лошадь ест траву, Я не ем сыра*). Способ действия предполагает дополнительные семы, которые лежат в основе значений: «разрушать» (*ржавчина ест железо*), «причинять физическое или моральное страдание» (*дым ест глаза, Его съела грусть*). При ошибочном наименовании говорящий может руководствоваться архисемой, или дополнительной семой, забыв о дифференцирующих семах, еще не погасших в сознании говорящих.

Так, при употреблении слова *есть* в сознании говорящих присутствует и дополнительная сема «уничтожать». Однако, для выражения значения «уничтожать» не всегда уместно употребить глагол *есть*, о чем свидетельствует следующий пример: «Еж, жаба и ласточка помогают садовнику поедать вредных насекомых» (II, 151). В глаголе *поедать* можно выделить две семы: основную (а) «есть = употреблять в пищу» и дополнительную (в) «уничтожать». В переносном употреблении, например, *Ржавчина ест железо* сема (а) погашена и слово содержит лишь сему (в). В высказывании «Ласточка поедает насекомых» реализуются обе семы, и они не противоречат друг другу. В высказывании *Садовник поедает насекомых* сема (а), в принципе, возможная, поскольку речь идет об одушевленном существе, несовместима с объектом «насекомые», в связи с чем и возникает некорректность номинации. Говорящий должен был употребить слово, содержащее сему (в) без (а), то есть глагол «уничтожать».

* * *

Рассмотрим основные семантические типы парафазии, связанные с устранением или добавлением сем в семантической структуре слова, используемого в акте номинации. Выше отмечалось, что при семантических преобразованиях наблюдаются отношения двух типов: иерархия «быть» и «иметь». Кроме того, может иметь место полное устранение означаемого, то есть нулевое использование знака.

Иерархия «быть». Изменения значений слов в плане этой иерархии покрывают три типа логических отношений: включение, исключение, контрадикторность. Отношения «включения» связывают родовое понятие (А) с видовыми (в, с). Использование слова, обозначающего (в) или (с), для обозначения (А) составляет семантическое расширение, обратный процесс — семантическое сужение. Перенос наименования с (в) на (с), то есть с одного видового понятия на другое,

внутри общего родового понятия, дает смещение наименования. Если (и) и (с) находятся в контрадикторных отношениях, образуется антонимическая замена.

Расширение. Употребление родового обозначения вместо видового никогда не ведет к парафазии, к нарушению речевой нормы. Напротив, употребление видового названия вместо родового — частый случай парафазии. Этот случай весьма показателен в психологическом и даже этнопсихологическом плане. Термин в данном лексическом ряду, избираемый в качестве родового обозначения, указывает на предмет, имеющий наибольшую значимость в данном коллективе. Так, можно предположить, что если название какого-нибудь плода станет употребляться в значении «плод вообще», то это будет скорее «яблоко», нежели «вишня» или «абрикос». Французские школьники (и не только школьники) нередко расширительно употребляют наименование геометрических фигур. Это совершается тем более легко, что, если в русском языке слова типа «треугольник», «пятиугольник» полностью мотивированы, то французские *quadrilatère* или *hexagone*, составленные из латинско-греческих корней, не являются мотивированными в представлении простых носителей языка. Вот примеры: «Треугольник есть квадрат (*carré*) с тремя углами» (I, 73); «Восьмиугольник это квадрат (*carré*) с восемью сторонами» (I, 107); «Четырехугольник (*quadrilatère*) — это треугольник (*triangle*) с четырьмя сторонами» (II, 60); «Возьмем четырехугольник (*quadrilatère*) ABCDE с пятью сторонами» (II, 196); «Шестиугольник является четырехугольником (*quadrilatère*) шестью сторонами» (II, 185). В этих примерах слова «квадрат» (*carré*), «треугольник» (*triangle*), «четыреугольник» (*quadrilatère*), утратив дифференцирующую сему, употребляются в значении «геометрическая фигура», «многоугольник». Нетрудно заметить иерархию понятий. Наиболее представительным типом геометрической фигуры в представлении говорящего оказывается *carré* (квадрат), затем треугольник, далее — четырехугольник. Другие примеры парафазий, основанных на расширении: «Головастик это цыпленок (*petit poussin* вместо «детеныш») лягушки» (II, 45); «После победы спортсменов заиграли американскую «Марсельезу»» (вместо «гимн») (II, 152).

Письменное выражение чувств (А) посылают по поводу радостных событий (поздравление — Аb) или в связи с печальными событиями (соболезнование — Ас). В следующей фразе дифференцирующая сема снимается и частный термин употребляется вместо общего: «Люди посылают свои поздравления (*félicitations*) по случаю рождения, свадьбы или похорон» (II, 158). Ампутация — один из наиболее частых случаев хирургического вмешательства, в связи с чем у школьника вырвалась такая фраза: «Пострадавший получил много ранений в голову, но доктора считают, что ампутация не обязательна» (I, 157). Обобщение значения может принимать различные формы. Оно может быть связано с зевгмой (Аb, Ас → Аb, Аb). Например: «Генрих IV распорядился прорыть каналы и мосты». «Прорыть каналы» — правильное речение; «прорыть мосты» — парафазия, объясняемая тем,

что видовой глагол «прорыть» употреблен вместо родового «соорудить», подходящего к обоим дополнениям.

Интересны случаи обобщения, основанные на устранении основной и обобщении дополнительной семы (Ab → B).

Так, «памятник» (monument) — «архитектурное или скульптурное сооружение в память чего-либо» (A), в условиях расширяющегося туризма приобрело дополнительное значение (B) «нечто, достойное внимания», «достопримечательность». Во фразе «В мире очень много замечательных памятников. Так, в Риме есть римский папа» (II, 79) слово «памятник» лишилось основной семы «архитектурное сооружение» и выступает как обобщенное обозначение явления, достойного внимания со стороны туристов.

Значение «регулярно» (A) может передаваться словами, обозначающими частные понятия: «каждый вечер» (Ab), «каждую неделю» (Ac), «каждый год» (Ad) и т. п. Во фразе «Каждый вечер отец заводил часы на целую неделю» (II, 146) выражение «каждый вечер» утрачивает дифференцирующую сему (b), погашаемую в виду ее несовместимости с семой «на неделю» (c) и используется как общее обозначение «регулярно» (A).

Присоединительный элемент «к тому же» (A) может дифференцироваться семами «лучше», «но еще лучше» (Ab) и «хуже», «еще того хуже» (Ac). В высказывании «Этого человека сбита машина, и он был убит на месте. Хуже всего (Le pire, c'est...) то, что у него была сломана нога» (II, 150) второе предложение указывает на действие менее трагическое, чем первое. В связующем элементе «хуже всего» сема «хуже» противоречит смыслу этих двух фраз, она подлежит устранению, так как «хуже всего» (Ac) здесь употреблено вместо обобщенного «к тому же», «вдобавок» (A).

Смещение. В исторической семасиологии смещение, то есть замена видовых сем внутри родовых (Ab → Ac), без труда отличается от расширения (Ab → A). Однако, в реальной речи, с психологической точки зрения, провести это различие нелегко. В самом деле, если человек, например, говорит «квадрат» вместо «пятиугольник», то нельзя сказать в ряде случаев, говорит ли он так, потому что смешивает два наименования, либо потому, что использует слово «квадрат» в значении «геометрическая фигура», желая дать обобщенное наименование денотату. В отдельных случаях смещение и расширение дифференцируются довольно четко. Так, использование слова в классифицирующих высказываниях (ср. выше: «Треугольник есть квадрат с тремя углами») свидетельствует о семантическом расширении наименования. В следующих примерах, напротив, мы имеем случаи явного смещения. Во французской газетной речи при повторном наименовании животного, оно абстрактно обозначается с помощью классифицирующих зоологических терминов (земноводное, толстокожее и т. п.). Отсюда следующая оговорка: «Я проводил каникулы в Дордони. Там был пруд, полный лягушек, и эти ужасные китообразные (cétacés вместо batraciens — лягушки) не давали мне спать» (I, 200). Возможность

парафазии облегчается и тем, что в отличие от русских французские зоологические термины мало мотивированы (ср. *kit* — *китообразные* и *baleine* — *cétacés*).

Понятие «обнаружить, создать что-то новое» (A) имеет два соподчиненных понятия: «изобрести» (Ab) и «открыть» (Ac). Оба они нередко употребляются одно вместо другого (впрочем, здесь можно усматривать и расширение). Например: «Пастер — великий ученый, который изобрел оспу, бешенство и много других болезней» (I, 133); «Учитель: — Кислород был открыт в 1774 году. Ученик: — Но как же люди дышали до этого?» (II, 51). Здесь ученик воспринял глагол «открыть» в значении «изобрести». «Он смотрит на меня, как марсианин, приехавший с Луны» (II, 220). Говорящий спутал наименование двух взвездных существ (или светил).

Особый случай составляет смещение не самих слов, но реалий. «В 1653 году Кромвель распорядился закрыть бары и кино» (I, 75). Ученик хотел конкретизировать понятие «увеселительные заведения», но привел названия тех, что относятся к современной Франции, а не к Англии XVII века. (Во время Великой революции): «Для производства боеприпасов люди отдавали все, что у них было железного: старую автомашину, консервные банки, капсулы от Кока-Колы» (II, 112). И здесь говорящий взял неправильные видовые термины в пределах того же родового понятия. Особые типы смещения наименований внутри одного родового понятия образуют синестезия и серии интенсивности.

Вот еще пример, в котором смещение переходит в обобщение (расширение): «Г-жа Г. принимала душ. Как была, в костюме Адама, она бросилась в погоню за злоумышленником, пытавшимся угнать ее малолитражку» (S, 106). Репортер должен был бы написать «в костюме Евы», но он снял сему «пол», превратив выражение «в костюме Адама» в общее обозначение обнаженного человека.

Когда внук Людовика XIV занял испанский престол, король сказал: «Нет больше Пиренеев». Французский министр авиации, говоря о сотрудничестве французских и бельгийских авиаторов, произнес: «Сегодня мы можем сказать, что нет больше Пиренеев между Бельгией и Францией» (S, 130). «Пиренеи» здесь получают значение «разграничительные линии» вообще.

Синестезия. Синестезия основана на замене впечатлений, производимых на разные чувства человека. Разные виды синестезии могут рассматриваться как видовые понятия внутри более общей категории «чувственное восприятие», и соответствующие парафазии могут трактоваться как проявление смещения. Например: «Вода на вкус не имеет запаха» (L'eau est inodore au goût) (II, 51). Inodore «не имеющий запаха» употребляется здесь в значении «пресный», «не оказывающий воздействия на орган вкуса».

Очень часто в небрежной речи взаимозаменяются термины, обозначающие чувственное восприятие. «Слушайте (вместо смотрите), что я пишу на доске», — заявляет учитель (II, 211); «Прекратите разговоры и посмотрите лучше, что я говорю» (II, 209); «Когда я ус-

лышал это, я глазам (вместо «ушам») своим не поверил» (II, 266). Впрочем, эти случаи можно интерпретировать и как расширение (утрата дифференцирующей семы и обозначение «восприятия вообще»).

Серия интенсивности. В пределах одного понятия слова могут различаться степенью интенсивности. Так, понятие «нанести вред» может реализовываться в различных по силе действиях: «ударить», «ранить», «убить». Смещение обозначений в пределах одного ряда интенсивности — частое явление, причем обычно более сильный термин употребляется вместо менее сильного. Например: «Мертвая (mort вместо «раненая») собака еще лаяла» (II, 36); «Скорая помощь довольно большая машина для перевозки мертвых (morts — вместо «раненых») в больницу, где их будут лечить» (II, 138); «Наполеон III был разбит и Гамбетта организовал национальную оборону. Благодаря ему обезглавленная (décapitée — вместо «обессиленная») Франция вновь смогла поднять голову» (I, 53). Смех сопровождается звуком разной силы: улыбка (без звука) — хихиканье — смех — хохот. Эти термины смешиваются в следующем замечании учителя: «Я слышу, как некоторые из вас улыбаются» (II, 209). Глагол «слышать» предполагает наличие семы «звук» в глаголе следующего предложения, слово *улыбаться* этой семы не имеет, отчего и возникает парафазия.

Понятия: молчание (отсутствие речи) — тихая речь — громкая речь составляют *ряд интенсивности*. Во фразе Бальзака «Полицейский комиссар ответил молчаливо: «Она не сумасшедшая»» (I, 146) наречие семантически не соответствует глаголу *ответить* (нужно было бы сказать *тихо, вполголоса*).

Антонимия. Известно, что в обыденной речи, особенно у детей или у людей, слабо знающих язык, которым они пользуются, нередко антонимические парафазии со взаимозаменами: вчера — завтра, утро — вечер, весна — осень; показательно, что оговорка «завтра» вместо, например, «осень» невозможна, так как это не однопорядковые понятия. Вот пример использования антонима в качестве обобщенного обозначения, классифицирующего данный термин: «Проза: это стихи, у которых не одинаковое количество стоп» (II, 141).

Иерархия «иметь». Понятия, связанные этой иерархией, относятся одно к другому как предмет и его признак, целое и часть. Семантические переносы, основанные на этой иерархии значений, в классической риторике назывались метонимией, синекдохой, метафорой.

Выявление потенциальной семы. Наиболее частым семантическим видом парафазии в этой группе является такое употребление слов, при котором их основная сема погашается, вступая в противоречие с другими номинациями контекста, а в качестве носителя основного значения выдвигается дополнительная сема. «Мама вяжет на приданое, которое будет подарено первому маленькому сиротке, который родится в ночь под Рождество» (I, 163). Семантическая структура слова «сирота» (orphelin): основная сема (a) «отсутствие родителей», дополнительная сема (b) «несчастный, бедный ребенок». Говорящий

использовал слово, исходя из этой дополнительной семы, позабыв об основном значении слова, которое несовместимо с остальным контекстом (ребенок, которому еще предстоит родиться, не может считаться сиротой).

Вот распоряжение мэра одного городка: «Разрешается молодым людям бить в барабан, но при условии, что они не будут шуметь» (I, 153). Выражение *faire du bruit* означает (a) «поднимать шум, шуметь» + (b) «нарушать покой» (дополнительная сема). Мэр имел в виду лишь это дополнительное значение выражения, забыв о его основной семе, которая в отрицательной форме («не создавать шуму») противоречит основному значению фразы.

Глагол *se réchauffer* значит «согреться». В сочетании «согреться чашечкой кофе» он приобретает дополнительное значение «подкрепиться, выпить кофе». Только это дополнительное значение имел в виду говорящий во фразе: «Достигнув вершины горы, они согрелись чашечкой холодного кофе» (II, 144). Однако, основная сема «согреться» не исчезла из слова и пришла в противоречие со словом «холодный», откуда и неправильность высказывания.

Слова «муж» и «жена» определяются как «лицо, состоящее в браке (A) мужского (b) или женского (c) пола. При забвении родового понятия (a), на основании видовых сем (b) и (c) слово «муж» получает обобщенное значение (Ab → b) и значит: «то же, что и (c), но мужского пола», откуда и парафазия: «Вдовец это муж вдовы» (I, 92).

Иногда потенциальная сема, выступающая в качестве основы новой номинации, отражает не обязательные черты предмета, но наивное представление говорящего о нем. Так, перпендикуляр не имеет определенного направления. Однако обычное, но не существенное свойство перпендикулярных линий лежит в основе следующей описки Т. Готье: «Глубокие перпендикулярные морщины бороздили его щеки сверху вниз» (II, 61) (если только писатель не спутал здесь слова «перпендикулярный» и «параллельный»).

Действие «гулять», «совершать прогулку» может быть интерпретировано как сочетание сем (a) «прохаживаться» и (b) «дышать свежим воздухом, отдыхать», на основании семы (b) при забвении семы (a) образовалась парафазия: *Je me promenais assis sur un banc* «Я прогуливался, сидя на лавочке» (II, 155).

Когда водитель обгоняет другую машину, он едет быстрее, чем обгоняемая машина. Связь «обгон» — «быстрая езда» может перевернуться в сознании говорящего и «быстрее ехать» получает дополнительное значение «ехать впереди». Отсюда следующая оговорка в устах адвоката: «Я хотел бы обратить внимание членов суда на то, что мой клиент исключительно осторожный водитель: никогда он не обгоняет машину, которая едет быстрее, чем его собственная» (I, 155). На основе потенциальной семы для обозначения действия «обгонять» было выбрано выражение «ехать быстрее», которое в данной ситуации реализует и свое основное значение, вступающее в противоречие с глаголом «обогнать», связанным с другой автомашиной.

Фразеологизмы. В образном фразеологическом выражении, как и при всяком метафорическом переносе, основная сема (а) отступает на второй план и новое значение формируется на базе дополнительной семы (b). Но, ослабляясь, первоначальная сема устраняется не полностью, она, в свою очередь, приобретает статус потенциальной семы и в соответствующих условиях может снова «всплыть на поверхность», ограничивая сочетаемость фразеологической единицы, если контекст содержит номинации, имеющие противоположную сему (не-а). В выражении *aux quatre coins* — «повсюду» (букв. «во всех четырех углах») слово *coin* «угол» десемантизировалось, и это выражение может прилагаться к объектам, число углов в которых неизвестно, либо которые не имеют углов: *aux quatre coins de la ville* («в четырех уголках города»), *aux quatre coins du globe* («в четырех уголках земного шара»). Этому способствовало и то, что *quatre* во французской фразеологии обозначает небольшое неопределенное множество («несколько»)¹. Однако, погашенные семы слов *quatre coins* вновь оживают, как только выражение сочетается со словом, указывающим на предмет с определенным количеством углов. Континентальную Францию метафорически нередко называют «шестиугольником» (*hexagone*). Некий радиодиктор объявил: *Les jeunes sont venus des quatre ... pardon, des cinq coins de l'hexagone* букв. «Молодежь приехала со всех четырех углов... простите, со всех пяти углов шестиугольника». Наличие в высказывании названия многоугольной фигуры (*hexagone*) оживило стершееся значение слова *coins*, а за ним и *quatre*. Однако, диктор не очень хорошо знал, сколько углов имеет *hexagone* и заменил одну парафазию другой.

Французское выражение *les yeux fermés* имеет основное значение «закрыв глаза», «не глядя» (А). У этого выражения возникает потенциальное значение (b) «с доверием», «без проверки», на базе которого формируется фразеологическое значение, например: *accepter* или *acheter les yeux fermés* «принять или купить что-либо не глядя», то есть «с доверием, не раздумывая». Во фразе «Я хотел бы, чтобы ты мне назвал какую-нибудь книгу, которую девочка пятнадцати лет могла бы читать не глядя» (*les yeux fermés*) (I, 192), потенциальная сема снова выходит на первый план в виду соседства глагола «читать», и выражение вместо фразеологического значения «с доверием», «без опаски» обретает свое первоначальное прямое значение «не глядя», «с закрытыми глазами».

Выражение *dormir à poings fermés* (букв. «спать со сжатыми кулачками») означает «сладко, глубоко спать». Однако значение слова *poing* «кулак» потенциально сохраняется в выражении, так что фразеологизм может относиться только к человеческим существам. Отсюда и неправильность фразы: *Sur le trottoir un petit chien dormait à poings fermés* «На тротуаре какой-то щенок сладко спал» (букв. «спал, сжав кулачки») (II, 36).

¹ См. примеры: Гак В. Г. Беседы о французском слове. М., 1966, с. 252.

Выражение «обращаться как со зверьми» в переносном значении «обращаться грубо, жестоко» может относиться только к не-зверьям. Отсюда оксюморонный характер перифразы: «Нельзя обращаться с животными, как со зверьми» (II, 36).

Во всех приведенных выше случаях устранение ограничивающей потенциальной семы (а) ведет к опрощению семантической структуры номинации, к ее употреблению в обобщенном значении. Обобщенный характер парафрастически используемых выражений ясно виден из следующего примера: *La baleine s'approchait à grands pas* (II, 37) «Кит быстро приближался» (букв. «приближался большими шагами»). Фразеологизм *à grands pas* возник вследствие следующей семантической эволюции: основная сема (а) «большими шагами» + дополнительная сема (b) «быстро» → основная сема (b) + потенциальная сема (а), обуславливающая его сочетаемость с обозначением ходящих субъектов. В приведенной фразе выражение претерпевает новое семантическое изменение: говорящий «снимает» потенциальную сему (а), прилагая выражение к обозначению объекта, не обладающего соответствующей различительной чертой, но от столкновения с номинацией, содержащей противоположную сему («кит») сема (а), напротив, из потенциальной переводится снова в ранг основной.

Приведенные примеры показывают, что при парафазии фразеологизмов имеют место одновременно два семантических процесса: восстановление (восстановление прямого значения единицы, возврат от дополнительной семы к основной) и расширение (снятие дифференцирующей основной семы ввиду ее несовместимости с сопряженными номинациями).

Синекдоха. Употребление части вместо целого — частая причина парафазии. «Ничто не должно мешать умам наших детей занять свое место (букв. *s'asseoir* «садиться») на скамьях наших факультетов» (из речи депутата парламента, I, 202). Здесь обозначение части «умы» вместо целого «люди» приходит в противоречие с глаголом «садиться».

Синекдохическая парафазия так же как и расширенная может принимать вид зевгмы: обозначение целого через часть может быть уместным для описания одного события и неуместным — для описания другого события, относящегося к тому же субъекту. «Меня повзвал дедушка. Его теплая рука легла на мою голову и сказала (*dit*) ласковым голосом» (I, 165). Ошибка в обозначении облегчается тем обстоятельством, что во французском языке простые глагольные формы не различаются в роде, так что глагол *dit* в сознании говорящего, видимо, соотносился с субъектом «дедушка».

Метонимия нередко связана с сокращением семантической цели номинаций. Такой перенос наименования — частый способ нормальных обозначений в языке, например: цены на продукты → цены на сельскохозяйственные (продукты) → сельскохозяйственные цены (*les prix agricoles*) — во французском языке вполне соответствует норме. Однако, нередко такие сокращения, еще не вошедшие в общий оби-

ход либо приводящие к столкновению несовместимых понятий, образуют парафазии, например: обувь для людей → обувь (для людей) обоего пола → обувь обоего пола, как, например, в следующем письме поставщика клиенту: «Сударь, я имею для Вас обувь обоего пола, которую Вы мне заказали» (I, 200).

Метонимия встречается в оговорках очень часто: «Г-жа вдова Люси С. искренне благодарит всех тех, кто присутствовал на ее похоронах» (= на похоронах ее мужа; S, 95). На сельскохозяйственном конкурсе: «Премия в 500 франков за лучшее вымя присуждается г-ну Огюсту Френу» (= владельцу коровы с лучшим выменем; S, 102).

Субъект и действие. К нарушениям номинации метонимического характера вполне можно отнести и неправильное обозначение отношения участников действия (актантов) к действию. Вот неправильное обозначение субъекта действия.

«Общинный луг — это луг, где кто угодно может пастись» (I, 87). Здесь непереходная форма «пастись» (paître) употреблена вместо переходной «пастить коров» (faire paître les vaches). Мать пишет в записке учителю: «Извините моего сына, который не смог прийти в школу, потому что он лопнул на своем велосипеде» (il a crevé avec son vélo) (I, 184). Здесь действие велосипеда соотнесено с его хозяином, парафазия образуется ввиду несоответствия обозначенного действия реальному (лопнул не мальчик, а его велосипед). Если быть точным, то следует отметить и здесь выпадение промежуточных звеньев в номинации. У мальчика лопнула шина велосипеда → У мальчика лопнул велосипед → *Мальчик лопнул. Однако, сходные семантические перестановки отмечаются и в речи, соответствующей норме, например: «Он попал в цель» вместо «Пуля из его винтовки попала в цель» и т. п.

Неправильное обозначение объекта действия: ««Что вы желаете, сударыня?» — спросила продавщица. Мама отвечает: «Костюм для мальчика». Продавщица пошла за костюмом. Мама его осматривает и примеряет штаны и курточку» (I, 163). В этом примере не назван ясный из ситуации объект: «примеряет мне костюм», в связи с чем обозначение также не соответствует ситуации и указывает на нечто такое, что принципиально не может иметь места. Приведем еще два примера на неудачное соотнесение высказывания и субъекта: «Маленький мальчик: «Папа, правда, что глупость передается по наследству?» Отец: «Да нет, малыш». Мальчик: «Слава Богу!»» (S, 9). Макмагону, помимо других «исторических фраз», приписываются слова: «От брюшного тифа человек или умирает, или становится идиотом. Я это знаю. Я сам им болел» (S, 76).

Антонимия. Антонимические отношения при оговорках наблюдаются особенно тогда, когда говорящий произносит фразу, противоречащую предыдущей и потому данная фраза или предшествующая превращается в свою противоположность. «Десять лет тому назад наша страна была на краю пропасти. С тех пор, к счастью, мы сделали шаг вперед» (S, 133). «Сержант, можно, чтобы освободить место,

сжечь устаревшие архивы? — Прекрасная мысль. Но сначала снимите с них копию» (S, 73).

Нулевое означаемое. Выше мы разбирали случаи неверного обозначения означаемого, ненормативной связи между означаемым и означающим. Однако, как известно, всякий лингвистический знак ослужит для различения. Если знак обозначает то, что уже известно говорящим, то он оказывается ненужным, такой знак по сути дела утрачивает означаемое и становится бессмысленным, с чем связано впечатление оговорки, которое производит такое тавтологическое использование знака. Например (из записки матери к учителю): Mon fils a manqué la classe parce qu'il était absent («мой сын пропустил школу, так как он отсутствовал», I, 184). Вторая часть высказывания повторяет первую, в связи с чем причинно-разъяснительный союз «потому что» оказывается неоправданным. «Моя семья состоит из папы, мамы и меня. Я самый молодой» (I, 162). Последняя фраза могла бы иметь смысл лишь в случае ее употребления для снятия сомнения: кто моложе — сын или его родители. Поскольку сама реальность не дает основания для такого сомнения, дистинктивная функция высказывания отпадает, и оно оказывается бессмысленным. Такие высказывания, лишённые собственного семиотического содержания, говорящий, незаметно для себя самого, использует в специфической психолингвистической функции — как престижные определения, подчеркивающие достоинства объекта, о котором идет речь. Так, в глазах мальчика отец — авторитет, который все умеет понять, всему может дать объяснение. «Погас свет. «Наверное, электричество перегорело», — сказал папа» (I, 163). В этом высказывании говорящий не осознает тавтологичность обозначений: погас свет и электричество перегорело, между которыми в данной ситуации нельзя искать причинно-следственной связи, которая сама собой разумеется и поэтому приписывание обнаружения этой связи отцу выглядит комично.

Когда обслуживающий персонал (например, мастер по ремонту бытовой аппаратуры, портниха и т. п.), приходит работать на дом к клиенту, это рассматривается как дополнительное положительное качество работника. Но вот одна дама говорит другой: «Я могу тебе дать адрес замечательного полотера. Он приходит работать на дом» (I, 189). Вторая фраза могла бы быть оправдана лишь в том случае, если бы полотер мог выполнять свою задачу, не приходя на дом к заказчику, что реально невозможно. Это обстоятельство и создает эффект парафазии.

Итак, в основе парафазии — ошибок номинации — лежат различные типы семантических сдвигов и нарушений семантической синтагматики.

ГЛАВА VI

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Количественные преобразования частотны и разнообразны. Мы не будем давать здесь их подробной типологии, ограничившись показом их использования в переводе для достижения адекватности.

Семантическая экономия и избыточность
как средство преодоления интерференции при переводе*

Интерференция при переводе проявляется в воспроизведении в тексте перевода значений и структур, свойственных тексту подлинника. Всякое высказывание можно представить как сумму смыслов, облеченных в определенную языковую форму. Языковая форма может быть тройкого рода: лексической, морфологической (части речи и их категории) и синтаксической (функции слова в предложении). Отвлекаясь от морфологических явлений, простейшую фразу *Мальчик читает книгу* можно репрезентировать формулой $[a]^1 + [b]^2 + [c]^3$, где a, b, c выражают смыслы, скобки указывают на границы слова, а цифры — на синтаксические функции слов. В процессе перевода переводчик склонен устанавливать, насколько это позволяют языковые и иные факторы, структурно-семантическое уравнение между высказыванием подлинника и перевода. Так образуется симметричный не-трансформированный перевод, например, той же фразы на французский язык: $Le\ garçon\ [a]^1\ lit\ [b]^2\ un\ livre\ [c]^3$. Интерференция проявляется в том, что переводчик стремится сохранить структурно-семантическое уравнение (типа $[a]^1 + [b]^2 + [c]^3 \leftrightarrow [a]^1 + [b]^2 + [c]^3$ даже там, где это невозможно по причине языковой специфики и других условий. Преодоление интерференции становится возможным благодаря переводческим преобразованиям (трансформациям). Как и всякие трансформации, переводческие преобразования могут быть тройкого рода: они заключаются в перемещении, замене или изменении числа элементов, то есть в добавлении или опущении компонентов высказывания. Возможны, таким образом, следующие трансформации в рамках упомянутых трех аспектов (смысл, лексика, грамматика).

1. Структурная трансформация — замена слова словосочетанием, изменение порядка слов или актантной структуры высказывания и др. Например: *Мальчик [a]¹ переплыл [b.c]² реку [d]³ → le garçon [a]¹ a traversé [b]² la rivière [d]³ à la nage [c]⁴*. Здесь русская лексема *переплыть* репрезентирует два значения: направление движения [b] и способ передвижения [c], выраженные во французском высказывании раздельно, сочетанием глагола с обстоятельством.

2. Семантическая трансформация, которая состоит в том, что число слов и их функции не изменяются, но изменяется семантическая структура слова. Например, в определенной ситуации приведенная русская фраза может быть переведена на французский язык предложением *Le garçon [a] a traversé [b] la rivière [d]*, в котором отсутствует компонент [d], подсказываемый лишь ситуацией.

3. Структурно-семантическая трансформация, когда при переводе одновременно имеет место и структурное и семантическое преобразование. Так, например, если французская фраза *Le garçon [a] a traversé [b] la rivière [d] à la nage [c]* будет переведена по-русски *Мальчик [a] переплыл [b.c] реку [d] в плыв [c]*, то в русском высказывании будет отмечено и новое слово и повторное выражение смысла [c].

Структурная и структурно-семантическая трансформация связаны с явлениями экономии или избыточности, поскольку снятие семы приводит к более экономному описанию ситуации, а введение повторных сем к избыточности в описании ее.

С проблемой асимметрии (экономии/избыточности) переводчику приходится сталкиваться значительно чаще, чем это может показаться с первого взгляда; эта проблема заслуживает самого пристального внимания, тем более, что точное воспроизведение семантической структуры подлинника может привести к нежелательному буквализму. Для достижения адекватного перевода приходится решать не только задачу: что и как «переобозначить», но и задачу — что добавить или, напротив, опустить при переводе.

Асимметрия (экономия/избыточность) при переводе, как средство преодоления интерференции, может исследоваться в разных ракурсах. Ниже будут рассмотрены следующие стороны проблемы: 1) отличие асимметрии от симметрических типов трансформации при переводе; 2) соотношение структурных и семантических аспектов асимметрии; 3) причины асимметрии и ее роль в преодолении интерференции. Переводы взяты из опубликованных изданий.

Как отмечалось выше, асимметрию не следует смешивать с переводческими трансформациями, когда семантический состав высказывания остается неизменным, симметричным для обоих языков. Симметричная субституция может иметь место, например, при транспозиции частей речи, при развертывании (замены словосочетанием), при актантных и других трансформациях. Например: *Прохаживаться (Гоголь) Faire sa promenade à pied*. Три французских слова в совокупности выражают смысл, передаваемый одним русским глаголом; причем основная идея — способ передвижения — выражена в русском

* Впервые опубликовано: *Interferenz in des Translation*. Leipzig, 1989.

варианте основой глагола (-хаж-), а во французском обстоятельством, восходящим к существительному (à pied). Несмотря на значительные расхождения эти выражения симметричны, в них не обнаруживается ни экономии, ни избыточности. Аналогичный пример развертывания с транспозицией: *Ездит и ходить* (Гоголь) *Marcher sur ses pieds et rouler en voiture*. Чистая транспозиция также обычно не ведет к асимметрии: *Ряд нищих старух* (Гоголь) *Une file de vieilles mendiante*. В этом случае имеет место инверсия — взаимозамена членов подчинительного словосочетания (существительное — главный член сочетания — заменяется прилагательным и наоборот: *нищие старухи* → *старые нищенки*).

Различные метонимические замены также не обязательно связаны с асимметрией. В примере: *Он чувствовал, что едва мог стоять* (Гоголь) *Il sentit ses jambes se dérober*, значительно различающиеся структуры подлинника и перевода тем не менее передают одно и то же содержание («стоять» + «трудность»), хотя понятие стоять в одном случае выражено прямым способом — соответствующим глаголом, а в другом — наименованием части тела, связанной с данным действием (jambes «ноги»). Синекдохическая замена также не нарушает симметрии: *Шум дамского платья* (Гоголь) *le frou-frou de jupes*. Поскольку шелест платья вызывается прежде всего движением юбок, то уточнение соответствующей части платья (jupes) во французском тексте не изменяет семантической структуры высказывания.

Асимметрия (экономия/избыточность) проявляется, как отмечалось выше, в изменении глубинной семантической структуры высказывания. Следует различать собственно семантическую избыточность и структурно-семантическую избыточность.

При семантической экономии/избыточности количество элементов в предложении сохраняется, предложения в двух языках могут иметь вполне аналогичную структуру, но для обозначения одного и того же элемента действительности используются номинации разной сложности. При структурно-семантической асимметрии включение или устранение семы связано с добавлением или устранением компонента предложения (слова).

Характерным примером семантической асимметрии является употребление гиперонимов вместо гипонимов и наоборот. Гипоним, в котором архисема осложнена дополнительными дифференциальными семами, имеет более сложный семантический состав, чем гипероним, содержащий только архисему. Поэтому употребление номинации более узкого объема значения следует рассматривать как избыточность, тогда как использование номинации более широкого значения предстает как более экономический способ выражения. В каждом языке имеются свои закономерности употребления гиперонимов и гипонимов в тексте. Для французского языка характерно употребление при ситуативной ясности и в повторной номинации гиперонима, тогда как русский язык использует гипоним. В этом случае французский способ номинации оказывается более экономичным. В качестве гиперонима выступают местоимения, слова широкой семантики, тогда как в ка-

честве гипонимов используются видовые термины и имена собственные. Например: *Il s'aperçut que l'enfant, arrivé à la fin du chapitre, s'était arrêté* (Maugiac). Робер заметил, что Гийю дочитал главу и остановился. Для обозначения одних и тех же элементов ситуации французский автор использует номинации широкого значения (il, l'enfant), тогда как переводчик на русский язык — максимально специализированные обозначения (имена собственные). Здесь и действие обозначено во французском тексте более широкой номинацией, поскольку arrivé à la fin могло бы в другой ситуации обозначать, например, *дописав главу*. Аналогичный пример: *Il allait, le matin, l'attendre à l'arrivée du tram* (Rolland) *С утра Пьер поджидал Люс у остановки трамвая*. Подобные факты постоянно обнаруживаются и при переводе с русского языка на французский: *Медик покачал голову* (Гоголь) *L'homme de l'art hochait la tête*. Примеры на большую семантическую пустоту французских глаголов: *Он приказал себе подать небольшое, стоящее на столе зеркало* (Гоголь) *Il se fit donner le petit miroir qui était sur la table*. Нос не приклеивался (Гоголь) *Le nez n'adhérait pas*.

Структурно-семантическая асимметрия состоит во включении или устранении в высказывании слова, причем это слово семантически дублирует другой элемент высказывания. Виды структурно-семантической асимметрии разнообразны; она может наблюдаться при переходе от любого языка к любому другому. Например: *Перед подъездом остановилась карета; выпрыгнул ... господин в мундире и побежал вверх по лестнице* (Гоголь) *Devant l'entrée un coupé s'était rancé; ... Un homme en grand uniforme bondit ... sur le trottoir et s'élança en courant dans l'escalier*. Пример показывает, что избыточность может быть представлена в обоих языках: в первом случае — в русской фразе (из ситуации ясно, что человек побежал вверх по лестнице и тем не менее это еще раз отмечается наречием); во втором — во французской фразе избыточно указано, что человек выпрыгнул из кареты на тротуар (это и так ясно из ситуации), если только не предполагать, что это указание компенсирует русский префикс *вы-* в глаголе *выпрыгнуть* (французский *bondir* «прыгнуть» сам по себе направления действия наружу не отмечает).

Хотя относительная экономия/избыточность отмечается в разных языках, в каждом из них проявляется тенденция к употреблению избыточных слов, или, напротив, к компрессии, у определенных групп слов и в определенных структурных позициях. Так, для французского языка структурно-семантическая избыточность характерна в следующих случаях:

— Употребление приглагольных личных местоимений: — *Alors, tu y renonces?* (Maugiac) — «Значит, ты отказываешься?» Эта избыточность связана с известными особенностями грамматического строя этого языка.

— Указание на говорящего или на воспринимающее лицо (русский язык в этом случае нередко обращается к безличным или пассивным оборотам): *De temps en temps seulement, j'entendais un bruit singulier* (Camus).

«Только изредка слышался какой-то странный звук»; *Решительно ничего не известно* (Гоголь) *Nul ne sait ce qui s'ensuivit.*

— Употребление дополнений при переходных глаголах: *Ей-богу, сударь, ходил брить* (Гоголь) *Je le jure, Monsieur, j'étais allé raser des clients.*

— Выражение части от целого: *Будошник еще издали указал ему алебардою, примолвив: «Подыми, вон что-то уронил»* (Гоголь) *Un sergent de ville, de sa quérîte, le lui du bout de sa hallebarde en disant: «Ramasse, tu as fait tomber quelque chose».*

К этому случаю примыкает и характерное для французского языка избыточное указание на часть тела (или его действие) при характеристике действия: *Elle l'écoutait se plaindre d'une oreille distraite* (Mauriac). «Она рассеянно слушала сетования своего собеседника».

— Употребление прилагательных, причастий, личных форм глагола в связующей функции, семантически дублирующих другие компоненты высказывания, эти слова фактически используются как средство связи двух существительных, например: *сонные глаза* (Гоголь) *les yeux lourds de sommeil*; *Заметил ... квартального надзирателя загородной наружности с широкими бакенбардами, в треугольной шляпе, со шпагой* (Гоголь) *Il aperçut ... l'inspecteur de police de quartier, homme de noble apparence, aux épaïs favoris, coiffé d'un tricorne et ceint d'une épée*; *Крышка табакерки с портретом какой-то дамы* (Гоголь) *Le couvercle qu'agrémentait le portrait d'une dame.*

— Логические связи, отражающие концептуальные соотношения между высказываниями: *Этот почтенный гражданин находился уже на Исаакиевском мосту* (Гоголь). *Notre estimable citoyen, cependant, avait atteint le pont Saint-Isaac.*

В русских высказываниях нередко обнаруживаются следующие типы структурно-семантической избыточности:

— Локализаторы, обстоятельства места: *M. Bordas décrocha son imperméable* (Mauriac) *Господин Бордас снял с вешалки непромокаемый плащ*; *L'enfant se leva vivement* (Mauriac) *Мальчик живо вскочил со стула.*

— Слова, обозначающие части тела (но в иных позициях, чем это имеет место во французском языке): *Он строил в голове планы* (Гоголь) *Il bâtit les plans*; ... *Водку, которою вытираю после бритья себе бороду* (Гоголь) *L'alcool dont je me frotte après être rasé*; *Почесав рукою за ухом* (Гоголь) *En se grattant derrière l'oreille.*

— Повтор в ответных репликах слов, заменяющих или подкрепляющих слова-коммуникаты типа *да, нет*: — *Est-ce que l'île n'est pas attaquée par les Convicts? — Oui* (Mauriac) — *Кажется, на остров напали пираты? — Да, напали.*

— Интенсификаторы. Вот некоторые примеры из книги Мориака и ее русского перевода: *Je suis rompue. Я совсем разбита*; *Rappelez vos souvenirs. Вспомните хорошенько*; *Elle avait raison. Она была совершенно права*; *Viens, ma chérie. Приезжай скорее, дорогая.*

Другие характеристики действия, типичные в данной ситуации, также избыточно выражаются в русском тексте: *Serrée dans son manteau Зябко кутаясь*; *Léone entrouvrit la porte. Леона тихонько приоткрыла дверь.*

Асимметрия становится возможной благодаря тому, что избыточно употребляемое слово семантически дублирует другой компонент текста, так что этот избыточный элемент содержит сему, уже содержащуюся в другом элементе высказывания, либо непосредственно вытекает из ситуации. Включаемый в высказывание компонент именно потому и становится избыточным, что он не вносит никакого нового содержания в это высказывание. Такой компонент фактически утрачивает свое собственное значение ибо, как писал в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейн, «если знак не необходим, то он не имеет значения» (3.328). Именно это обстоятельство и позволяет строить одинаковые по смыслу высказывания с избыточными элементами или с компрессией. Несемантичность избыточных элементов объясняет условия их появления и цели их использования.

Избыточность элемента (а следовательно, его использование или устранение при переводе) может устанавливаться в узком контексте, в широком контексте или же по ситуации.

В большинстве приведенных выше примеров проявляется действие узкого контекста — словосочетания или предложения. Мы обнаруживаем семантическое согласование в таких случаях, как *поднялся вверх* (по лестнице); (il) *indiqua du bout de l'hallebarde*; *un homme coiffé d'une tricorne, ceint d'une épée*; *почесав рукою за ухом*; *тихонько приоткрыла, зябко кутаясь* и др., где одно слово фактически дублирует или уточняет значение другого, что, собственно, и позволяет опустить или добавить это слово в переводе.

Но в ряде случаев семантическая или структурно-семантическая асимметрия становится возможной лишь благодаря внутритекстовым связям в рамках сложного предложения или более широкого контекста. Например: *И хотя ему было совсем неподручно и трудно бриться ... однако же... он одолел все препятствия и выбрил* (Гоголь) *Et quoiqu'il lui fût très malcommode et difficile de raser, ...il vint à bout de tous les obstacles et mena son travail à bien.* Замена русского глагола *выбрить* более отвлеченным, а следовательно и более экономным в семантическом отношении способом выражения, стала возможной, благодаря соотносительности с предыдущим обозначением того же действия. Структура номинаций в русском тексте: [а «брить»] + [а «брить» + b «вы-», то есть завершить действие], во французском: a + b (компонент а «брить» при второй номинации опускается). Французское выражение *mener son travail à bien*, обозначающее завершение действия, семантически и функционально равноценно русскому префиксу *вы-*.

Асимметрия может быть обусловлена знанием ситуации, как микроситуации, так и более широких фоновых сведений. Например: *Elle rit et passa dans le cabinet de toilette sans fermer la porte* (Mauriac) *Леона рас-*

хоталась и прошла в туалетную комнату, не закрыв за собой дверь. Конкретная ситуация показывает, что Леона должна была закрыть дверь за собой, а не за каким-либо другим персонажем, ибо именно она прошла в комнату. Он не заметил... был ли у него сади какой-нибудь лакей и в какой ливрее (Гоголь) Il ne savait même pas si un valet de pied l'accompagnait et de quelle couleur était sa livrée. Фоновые знания дают возможность в данном случае установить, что определенная ливрея (ливрея) относится именно к ее цвету, а не, например, к фасону.

Мы рассмотрели условия избыточности/экономии при переводе. Остановимся теперь на значении этого явления. Почему автору или переводчику приходится включать семантически ненужные слова, которые в высказывании в другом языке могут быть без ущерба опущены? Эти элементы не имеют собственной семантической функции, и здесь проявляется общий закон функционирования языковых средств. Всякий элемент, не реализующий необходимо свою семантическую функцию, приобретает вторичную функцию: формальную или стилистическую. Таким образом, элемент, избыточный в плане семантики, становится необходимым в аспекте структуры предложения или стилистики.

К структурным факторам возникновения асимметрии при переводе можно отнести следующие явления:

— особенности грамматического строя языка; таково, например, избыточное, по сравнению с русским языком, употребление французских местоименных клитиков, необходимых для поддержания двусоставности предложения и полноты синтаксических групп;

— необходимость решения ряда частных конструктивных задач. Например, избыточное указание на часть тела во французском обороте типа écouter d'une oreille distraite позволяет использовать прилагательное для характеристики действия вместо стилистически менее приемлемого наречия (ср. écouter distraitement). Избыточное указание на говорящее или воспринимающее лицо, вполне ясное из ситуации, дает возможность использовать во французском тексте предпочтительную в этом языке прямопереходную конструкцию вместо непереходного глагола с инверсией: J'entendais un bruit. Слышался какой-то шум. В русском языке избыточные элементы, помещаемые между подлежащим и сказуемым, используются нередко для формирования предикативной паузы: Он теперь найден (Гоголь) Il est retrouvé.

— Отсутствие в одном из языков возможности употребления слова в определенной грамматической форме с соответствующими сдвигами в значении. Например, Приготовил две головки луку (Гоголь) Il prépara deux oignons. Во французском языке сегментация вещественного объекта легко передается использованием артиклей, форм числа (un sucre «кусочек сахара», un pain «хлебец»), в русском языке этот прием употребляется реже и для выражения сегментации используются суффиксы (луковица, хлебец), либо сочетания со счетным словом (кусочек сахара, головка лука), откуда и появление добавочного слова в тексте. Французские числительные также чаще выражают прои-

водные значения путем простой транспозиции (un cinq, пятерка; Il habite au cinq, он живет // в доме номер пять), тогда как русский язык опять-таки чаще прибегает к аффиксации и словосочетаниям, откуда и соответствия типа: Требовать двух вещей разом (Гоголь) Prétendre aux deux à la fois.

К стилистическим факторам относятся особенности речевой нормы (узуса). Норма сама по себе — асемантическое явление, то же относится и к речевой норме — узусу, который отражает асемантический выбор среди синонимических средств выражения. Узус — это «привычка говорения». По-видимому, к особенностям узуса относится частое употребление в русской речи обстоятельств, ясных из ситуации, типа встать со стула вместо встать, лечь в постель вместо лечь и т. п. К приведенным выше примерам такого рода можно добавить: Et elle sortit (Flaubert). И она вышла //во двор//; Литвинов вышел из дому, погулять немного (Тургенев). Litvinof ... sortit, se promena un peu. Надзиратель вышел за дверь (Гоголь) L'inspecteur sortit.

Аналогичные «прихоти» узуса, хотя и с другими словами, свойственны и французскому языку. Так, наречия haut «громко», bas «тихо» свободно употребляются с глаголом parler: parler haut, bas, но с другими глаголами речи они соединяются обычно лишь с интенсификаторами (très, assez, tout), отчего происходит избыточное употребление этих интенсификаторов в речи: Громко назвав его племянником (Тургенев) En l'appelant très haut son cher neveu.

— Потребности интерперсонального общения. Избыточные слова, увеличивая объем высказывания, придают речи менее отрывистый, резкий характер, делают ее более вежливой. Пример этого мы видели в избыточном повторении глагола в ответе: Да, напали. Помимо структурных и стилистических причин избыточные слова оказываются необходимыми для разъяснения реалий при переводе. Гоголь пишет: Он хотел его нос куда-нибудь подсунуть: или в тумбу под воротами, или так как-нибудь нечаянно выронить... Но читатель французского текста может не понять, как вообще можно что-нибудь положить в тумбу, и переводчик уточняет: Il aurait voulu glisser le nez quelque part: l'introduire dans le trou d'une borne sous quelque portail... Так уточняется, что в тумбе (la borne) могла быть пустота. В комментариях к переводу разъясняется назначение этих тумб и говорится, что они были деревянные и полые. Другой пример: Он почувствовал, как будто с него свалилось десять пуд (Гоголь) Il se sentit d'un coup comme soulagé d'un poids de dix pouds. Введенное слово poids (вес) подчеркивает, что пуд — единица веса.

У всех случаев и типов экономии/избыточности имеется одна общая сторона: все они противостоят буквализму в переводе, представляют собой яркий пример преодоления переводческой интерференции.

ЧАСТЬ IV

ФАКТОРЫ И СФЕРЫ РЕАЛИЗАЦИИ
ЯЗЫКОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Среди факторов, способствующих языковым преобразованиям, важную роль играют следующие.

1) Повторная номинация. Уже известное обозначение предмета позволяет значительно варьировать его вторичное наименование. Она широко используется в стилистических целях. Повторная номинация затрагивает не только отдельные слова, но и предложения в целом, как номинации ситуации.

2) Эмоциональные и прагматические факторы. Ниже будет рассмотрена эмоционально-экспрессивная рамка высказывания, а также прагматические факторы, вызывающие к жизни косвенные высказывания, являющиеся также особым типом номинации события.

Что касается сфер реализации преобразований, то будут рассмотрены их примеры в истории языка, в переводе и сопоставлении, в литературном творчестве — всюду, где имеет место реноминация.

ГЛАВА I

ПОВТОРНАЯ НОМИНАЦИЯ

1. Повторная номинация и ее стилистическое использование*

Повторной номинацией мы называем наименование уже ранее обозначенного в данном контексте денотата: лица, предмета, действия, качества. Повторная номинация, точнее — отношение ее к первичному наименованию — может характеризоваться со стороны парадигматической (смысловая структура наименований), синтагматической (взаимное расположение наименований) и функциональной (цель, с которой выбирается семантическая структура или расположение номинации).

1. С точки зрения парадигматической (отношение наименования к объекту) повторная номинация может быть идентичной, если во втором случае денотат получает то же наименование, что и в первом, либо вариативной в том случае, когда новое наименование в смысловом отношении отличается от предыдущего. Возможность варьирования при повторных номинациях объясняется основным свойством отношения наименования (то есть отношения между именем и денотатом), которое заключается в том, что один и тот же предмет может иметь различные имена, тогда как данное имя может быть именем только одного предмета¹.

Разные обозначения одного и того же предмета в речи различаются по своей внутренней форме (или смыслу), то есть по тому признаку, который кладется в основу наименования. Так, одно и то же лицо может быть названо не только его собственным именем, но и на основании самых различных признаков (внешность, пол, возраст, профессия и т. п.).

Изменение наименования при вторичном обозначении денотата объясняется еще одним обстоятельством. Дело в том, что отношение наименования в реальных речевых актах устанавливается не между двумя элементами (имя — предмет), как это обычно утверждается в логике и общей семиотике, но между тремя элементами: именуемый субъект — имя — предмет.

При выделении признака, который кладется в основу наименования объекта, большую роль играет установка именуемого субъекта, его субъективное отношение к данному объекту, так что наименование является — в миниатюре — субъективным образом объективного мира. Выбор номинации, в которой отражаются особенности индивидуального восприятия, отношения говорящего к объекту, выступает как важное средство художественной выразительности.

В зависимости от источника (субъекта) наименования различаются однофокусные и многофокусные номинации. В первом случае различные наименования даются разными лицами. В художественной прозе, особенно в несобственно-прямой речи, нередко наблюдаются совмещенные номинации, у которых сквозь наименование, даваемое автором, просвечивает название, отражающее отношение персонажа (или наоборот).

Таким образом, вариативность номинации обуславливается как характером объекта, так и характером субъекта наименования.

Между двумя разными наименованиями одного и того же денотата устанавливаются определенные семантические типы номинации. Поскольку при повторных номинациях один и тот же объект подводится под разные понятия, то отношения между различными наименованиями аналогичны соотношению между понятиями и могут представлять собой отношения тождества, включения, пересечения.

При отношениях тождества первое и второе наименования представляют собой синонимы (S).

При отношении включения понятия, выражаемые в наименовании, различаются по объему и относятся одно к другому как видовое к родовому. Наиболее конкретное наименование мы назовем прямым (D). Им является имя собственное или имя нарицательное для тех объектов, которые не имеют имени собственного (вообще или в данном контексте). При отвлечении более общих признаков предмета формируются абстрактные наименования (A). Крайним случаем обобщения наименования является местоименное обозначение (P).

При отношении пересечения понятий в основе двух наименований лежат различные признаки одного и того же предмета. Частым проявлением таких отношений являются метонимические обозначения, обозначение целого вместо части и наоборот, разноаспектные наименования, векторные наименования (один и тот же объект рассматривается с разных сторон, например: *Они сидели на берегу* или *Они сидели у реки*). Все эти отношения номинаций обозначим символом M.

С субъектом именованного связаны также квалификативные наименования (Q), отражающие субъективное отношение именуемого к объекту, а также относительное наименование (R), отражающее отношение денотата к говорящему, либо к другим денотатам (например, *мой отец, мой сын, его учитель, его ученик* и т. п.)¹.

* Впервые опубликовано: Вопросы французской филологии. М., 1972.

¹ Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959, с. 157.

¹ Абстрактные наименования, следующие в тексте после конкретных, относящихся к тому же денотату, а также относительные наименования имеют

2. С точки зрения синтагматической различаются дистантные и сопряженные повторные номинации. Дистантные номинации обнаруживаются в новых актах обозначения, они могут быть разделены целыми предложениями и даже абзацами. Сопряженные номинации следуют непосредственно друг за другом. Номинативная функция сопряженной номинации, как мы увидим далее, оказывается ослабленной, и в ней на первый план выступает эмоционально-оценочная функция.

Семантический тип номинации определенным образом связан с его местом в контексте — в цепи наименований. Наиболее нормативной, неотмеченной является последовательность $A(R) — D — P$, то есть абстрактное (или относительное) имя — собственное, (конкретное) имя — местоимение: *Один мальчик (A), сын этой женщины (R) — Петя (D) — он (P)*. Абстрактное или относительное обозначение предшествует конкретному. Местоимение следует за конкретным, которое по отношению к нему выступает как «смысловой источник» (термин Л. Теньера). Такое расположение D и P назовем репризой. Использование отвлеченного обозначения после имени собственного ($D — A$), так же как и препозиция местоимения лексическому обозначению ($P — D$) выступает как некоторое отклонение от нормы и нередко оказывается стилистически отмеченным. Использование местоимения до упоминания смыслового источника представляет собой антиципацию.

3. С точки зрения функции повторная номинация может быть нейтральной или экспрессивной. Как идентичные, так и вариативные номинации могут использоваться с разными целями. Так, идентичные повторные номинации образуют эффективный экспрессивно-стилистический прием повтора.

Повторная номинация, то есть обозначение уже известного собеседникам предмета, дает широкие возможности для изменения наименований. Модификация обозначения при повторном наименовании выступает как одно из важнейших стилистических средств. Можно сказать без преувеличения, что искусство художественной формы в значительной степени сводится к искусству выбора наименований.

Изменение наименования при повторном обозначении объекта не всегда имеет целью стилистическую выразительность. Нередко такое изменение способа обозначения выступает как грамматическая необходимость, и во всех языках имеются специальные разряды слов — прежде всего местоимения — служащие для обозначения уже упомянутого денотата.

то общее, что они представляют собой обозначения с переменной сигнификацией и могут быть отнесены, подобно местоимениям, к разряду тех обозначений, которые О. Есперсен называет shifters или remiders («подвижные определители, слова-заменители, реляционные слова»). См.: *Есперсен О. Философия грамматики*. М., 1958, с. 92; *Jakobson R. Shifters, verbal categories and the Russian verb*. Harvard University, 1957.

Подобно другим приемам изменения наименования объекта — метафорам, метонимиям и т. п. — варьирование номинаций может нести большую или меньшую художественную нагрузку. В текстах обнаруживаются живые индивидуальные метафоры, характеризующие речевую манеру говорящего либо стиль данного автора и представляемой им литературной школы. Такие метафоры, например, обязательно воспроизводятся при переводе на другой язык. Но бывают и стертые метафорические обозначения, характеризующие не отдельного автора, а лексическую систему или национальную стилистическую норму данного языка. Внутренняя форма таких метафор не обязательно воспроизводится в переводе. Равным образом и вариации при повторном обозначении могут быть индивидуальными и несущими художественную функцию или формальными, связанными с общими закономерностями организации речи на данном языке. Выразительные вариации обязательно воспроизводятся при переводе, формальные — далеко не всегда.

Таким образом, мы выделяем следующие типы повторной номинации:

1. ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН.

Отношение к субъекту: идентичная (a_1)/вариативная (a_2);
отношение к объекту: однофокусная (b_1) / многофокусная (b_2);
нейтрализованный тип: совмещенная (b_0).

Семантические типы.

Отношение к объекту: отношение тождества — синонимическая (S);
отношение включения — конкретная (D)/абстрактная (A) / местоименная (P);
отношение пересечения — метонимическая и пр. (M).
Отношение к объекту:
субъективное — оценочная (Q);
объективное — относительная (R).

2. СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН.

Дистантная (c_1) / сопряженная (c_2);
синтагматический план + семантические типы
реприза (d_1) / антиципация (d_2).

3. ФУНКЦИЯ.

Нейтральная (f_1)/экспрессивная (f_2).

Исходя их пяти основных типов (они обозначены малыми буквами a, b, c, d, f, причем символ «2» указывает на признаковый член оппозиции), можно исчислить формы повторной номинации. При этом, однако, следует иметь в виду, что некоторые из отмеченных типов несовместимы; так, реприза и антиципация (d_1 , d_2) возможны только при вариативной номинации и невозможны при идентичной (a_1). Идентичность (a_1), многофокусность (b_2) и сопряженность (c_2) не встречаются одновременно. Всего можно выделить 22 формы повторных номинаций:

Идентичная номинация:

a_1	b_1	c_1	f_1		a_1	b_1	c_2	f_1		a_1	b_2	c_1	f_1
a_1	b_1	c_1	f_2		a_1	b_1	c_2	f_2		a_1	b_2	c_1	f_2

($a_1 b_2 c_2 f_1$ и $a_1 b_2 c_2 f_2$ — не реализуются)

Вариативная номинация с репризой:

a_2	b_1	c_1	f_1	d_1		a_2	b_1	c_2	f_1	d_1		a_2	b_2	c_1	f_1	d_1
a_2	b_1	c_1	f_2	d_1		a_2	b_1	c_2	f_2	d_1		a_2	b_1	c_1	f_2	d_1
						a_2	b_2	c_2	f_1	d_1						
						a_2	b_2	c_2	f_2	d_1						

Вариативная номинация с антиципацией:

a_2	b_1	c_1	f_1	d_2		a_2	b_1	c_2	f_1	d_2		a_2	b_2	c_1	f_1	d_2
a_2	b_1	c_1	f_2	d_2		a_2	b_1	c_2	f_2	d_2		a_2	b_2	c_1	f_2	d_2

Примеры некоторых из этих номинаций будут даны ниже. Мы кратко рассмотрим стилистические функции следующих типов вариативных повторных наименований (a_2):

а) антиципация (d_2); б) дистантная нейтральная номинация ($a_2 c_1 f_1$), дистантная экспрессивная номинация однофокусная и многофокусная ($a_2 b_1 c_1 f_2$ и $a_2 b_2 c_1 f_2$);

в) сопряженная экспрессивная номинация однофокусная, многофокусная и совмещенная ($a_2 b_1 c_2 f_2$, $a_2 b_2 c_2 f_2$ и $a_2 b_0 c_2 f_2$).

Антиципация — нарушение нормального следования семантических типов номинаций — может быть функционально нейтральной или экспрессивной. Первый тип антиципации обнаруживается, например, в употреблении местоимения в препозитивном придаточном предложении. Этот прием, свойственный французскому языку, подчеркивает (семантическими средствами) зависимость придаточного предложения от главного: *Quand la caissière lui eut rendu la monnaie de sa pièce de cent sous, Georges Duroy sortit du restaurant (G. Maupassant. Bel-Ami)*. Антиципация выступает как структурное средство в некоторых типах расчлененных предложений (*je le vois, cet homme*). Однако нас интере-

сует экспрессивное использование антиципации, которое особенно ярко проявляется в начальных отрезках текста.

Можно было бы создать типологию зачинов с точки зрения взаиморасположения номинаций различных семантических типов.

Нормальным следованием номинаций является, как отмечалось, А (или R) — D — P. Именно такое расположение номинаций свойственно фольклорным жанрам, и оно обычно воспроизводится в сказках и новеллах, написанных в жанре сказки. Например:

Il y avait au deux — sept — six d'infanterie au adjudant (A) très bon et très doux, qui s'appelait l'adjudant Constantin (D). Il (P) aurait aimé que chaque fantassin eût un cheval pour le porter et prit son petit déjeuner au lit (M. Aymé, Conte de Noël).

Il y avait une fois une pauvre femme (A₁) qui était veuve et qui vivait seule avec son (R₂) petit Henry (D₂), elle (P₁), l' (P₂) aimait tendrement... (Comtesse de Ségur, Contes de fées). Женщина обозначена вначале отвлеченным термином (*une pauvre femme*), ее имя не указывается, оно не имеет значения для повествования и в дальнейшем она обозначается относительной номинацией («мать Анри»), затем уже следует местоимение. Мальчик вначале обозначается с помощью относительной номинации («ее сын»), связанной с женщиной, затем следует собственное имя и потом — местоимение.

Последовательность номинации A(R) — D — P (имя нарицательное — имя собственное — местоимение) оказывается неэкспрессивным, «нормальным», так как имя собственное и местоимение могут указывать только на «данное», известное собеседнику, тогда как имя нарицательное способно обозначать не только «данное», но и «новое», которое логически предшествует «данному».

Отклонение от обычного порядка следования номинаций в зачине (A/R — D — P), при котором неизвестный объект обозначается как известный, используется в качестве стилистического средства, вводящего читателя сразу в гущу событий, *in medias res*. Этот прием имеет две формы, при которых последовательно слева направо снимаются номинации: сначала обобщенная (A), и текст начинается с имени собственного, затем конкретная (D), и текст начинается с местоимения. Такие трансформированные зачины отмечаются в литературно-художественной речи, например, в новеллах Мопассана.

Большую выразительность имеет зачин — имя собственное. У читателя создается впечатление, что он знаком с персонажем, что он находится рядом с ним.

Roger de Tourneville (D), au milieu du cercle de ses amis, parlait, à cheval sur une chaise, il tenait un cigare à la main... (Maupassant, Le marquis de Fumerol).

Но наиболее экспрессивной оказывается местоименная антиципация. Местоимением обозначают обычно лицо или предмет, уже известный в данной ситуации собеседникам. Обозначение лица или предмета местоимением до его прямого словесного обозначения создает ощущение «ожидания», «припоминания». Прямое обозначение

оказывается «ключом к разгадке». Все это может производить сильный стилистический эффект, особенно, если название произведения не подсказывает, о ком (или о чем) идет речь.

Антиципация встречается в трех разновидностях: а) в пределах одного расчлененного предложения. Вот начало новеллы Мопассана «Joseph»: *Elles (P) étaient grises, tout à fait grises, a la petite baronne Andrée de Fraisières et la petite comtesse Noëmi de Gardens (AD)*;

б) в пределах абзаца. Так, рассказ Мопассана «Le vagabond» начинается фразой: *Depuis quarante jours, il (P) marchait, cherchant partout le travail, и только в конце абзаца указывается имя бродяги — Jacques Randel (D)*. Это стилистически оправдано: человек, лишенный права работать и жить, как бы обезличивается;

в) в пределах целого произведения. Глубокая антиципация является сильным стилистическим приемом. Так, известное стихотворение Э. Багрицкого «Одесса» начинается фразой: «Клыкастый месяц вылез на востоке, Над соснами и костьями скал... Здесь он стоял... Здесь рвался плац широкий, Здесь Байрона он нараспев читал...» Читатель понимает, что если поэт вместо имени героя употребляет местоимение, то этот герой должен быть хорошо знаком читателю. Местоимение подчеркивает общность ситуации и экстралингвистического знания для поэта и читателя. Последний старается припомнить знакомую ситуацию, человека, который ему должен быть хорошо известен, пока не приходит — и то в косвенной форме — решение загадки: «И с той поры, кто бродит берегами Средь низких лодок И пустых песков, — Тот слышит кровью, сердцем и глазами раскат и роспись пушкинских стихов».

Этот прием использовал Э. Потье в своем антиклерикальном сонете:

De sa rosace immense encombrant le ciel bleu,
Il est un monstre hideux, intangible et farouche
Ce cauchemar du vide affole ce qu'il touche
Et répand un venin qui met la terre en feu...

Далее следуют местоименные или образные обозначения, которые лишь увеличивают ощущение того, что речь идет о чем-то хорошо знакомом, и только в самом конце сонета автор пишет: «Ce vampire, c'est Dieu». Сопоставление этого разъяснения с собственной догадкой читателя служит усилению эмоционального воздействия всего текста.

Дистантная вариативная номинация. Как отмечалось выше, варьирование номинаций может быть нейтральным или экспрессивным. Нейтральное варьирование по-разному проявляется в русском и французском языках и связано с национальными стилистическими нормами. Мы отмечали уже в других работах, что русский язык избегает многократного местоименного обозначения одной и той же субстанции, но охотно допускает лексически идентич-

ные обозначения, тогда как французский язык, мирясь с местоименными повторами, варьирует лексические обозначения¹.

Вот некоторые примеры такого формального варьирования обозначений во французских текстах в сравнении с русскими².

Жил Шамет в лачуге на окраине города... Лачуга мусорщика приткнулась к подножию северного крепостного вала... если бы Мопассан заинтересовался жизнью обитателей этих лачуг... (К. Паустовский. Золотая роза).
Le gîte de Chaumette était une cabane à la périphérie de la ville. La mesure du balayeur s'était blottie au pied des fortifications nord. Si l'existence des habitants de ces taudis avait retenu son intérêt...

В этом случае варианты французские обозначения представляют собой синонимы (русские — D₁ — D₁ — D₁ — французские D₁ — DS₁ — DS₂). Другой пример:

Не хотите ли, господа, в купальню... Алехин с гостями пошел в купальню... «Купальня у меня, как видите, хорошая» (А. Чехов).
Voulez-vous, Messieurs, vous rendre à la cabine de bains. Alioukhine se dirigea, avec ses hôtes, vers la rivière. «Vous le voyez, j'ai une cabine bien installée».

Трем одинаковым обозначениям русского текста соответствуют три разные во французском. Первым используется самое точное обозначение (cabine le bain). Далее следует обозначение того же места, но находящееся в отношении смежности с первым (купальня стоит на берегу реки — отправиться к купальне, значит отправиться к реке). И, наконец, в условиях конкретной ситуации (на предмет обращены взоры собеседников) номинация может принимать эллиптический характер. Устранение дифференцирующего определения при этом делает номинацию более абстрактной (cabine вместо cabine de bains). Итак, трем русским обозначениям D — D — D соответствуют три французских D — M — A.

В «Повести о жизни» К. Паустовский рассказывает о том, как ему пришлось подбирать рассыпавшиеся кочаны капусты. В подлиннике и во французском переводе мы обнаруживаем следующие обозначения данного предмета:

1. Рассыпалась капуста (D ₁)	le sac le chou se renversa (MD)
2. Кочаны покатались (D ₂)	nos légumes se mirent à dévaler (A)
3. Подбирать кочаны (D ₂)	le récupérer (P)
4. Подбирать кочаны (D ₂)	ramasser ces choux (D)
5. Последние кочаны (D ₂)	les derniers choux (D)
6. Рассыпать капусту (D ₁)	renverser le sac.

¹ Гак В. Г., Ройзенблит Е. В. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М., 1965, с. 19–36; Гак В. Г. Всады о французском слове. М., 1966, с. 312–320.

² Текст перевода здесь и далее взят из изданий, опубликованных во Франции.

В русском тексте смена номинаций определяется собственным значением слов *капуста* («масса») и *кочаны* («отдельные единицы»). Пока кочаны были в мешке, они составляли единое целое и обозначались термином *капуста* (D₁), когда же единство нарушилось, вводится слово *кочан* (D₂), подчеркивающее отдельность единиц. Смена номинаций, следовательно, не связана с потребностью варьирования. В шести актах наименования используется два обозначения, причем показательное отсутствие местоимения. Французское слово *choux* означает и массу (*капуста*) и единицу (*кочан*). С точки зрения чисто номинативных задач, переводчик мог бы во всех шести случаях обойтись одним наименованием. Но он, напротив, их максимально варьирует. Для выражения «массовости» используется метонимическое обозначение *sac* (содержащее вместо содержимого). Среди шести французских номинаций нет и двух идентичных, причем используются различные средства варьирования — упомянутое метонимическое обозначение, родовое наименование (*nos légumes*), оценочные конкретизаторы (*choux de malheur*), местоименная репрезентация (*les*). Слово *choux* появляется три раза, слово *sac* — два раза, еще три наименования используются по одному разу.

И, наконец, еще один пример. В той же повести описывается некий капитан Румянцев. Каждый абзац русского текста начинается с прямого обозначения персонажа именем собственным (при первом упоминании называется и его звание), внутри абзацев имеются местоименные замены. Во французском тексте — иная система номинаций.

Русский текст	Французский текст
1. Капитан Румянцев (AD)	le capitaine Roumiantsev (AD)
2. Румянцев (D)	il (D)
3. Румянцев (D)	Roumiantsev (D)
4. Румянцев (D)	le capitaine (A)
5. Румянцев (D)	leur frère (R) (с точки зрения сестер Румянцева)
6. Румянцев (D)	le capitaine (A)

Из шести прямых обозначений русского текста во французском сохраняются только два. В четырех случаях — различные замены. Можно установить уровень вариантности, определяемой отношением числа различных обозначений к общему числу обозначений данного объекта. В нашем случае в русском тексте уровень вариантности составляет 2 : 6, во французском 5 : 6. Итак, только первичная номинация значительно расходятся. Эти закономерности относятся к общим правилам организации речи в двух языках. Стилистическая функция такой вариативной повторной номинации заключается в устранении повторений в соответствии с национальными стилистическими нормами языка.

Экспрессивная вариантность повторных номинаций носит индивидуально-авторский характер и выполняет иные — изобразительные, стилистические функции.

Исследователи стиля отмечают, что у разных писателей различен диапазон варьирования обозначения одних и тех же объектов. Функции варьирования также могут быть различными.

Так однофокусное варьирование, то есть разные обозначения, исходящие от одного и того же субъекта номинации, могут отражать объективное изменение отношения субъекта к объекту номинации: развитие познания говорящим данного предмета или лица, изменение взаимоотношений между ними. Классический пример такого варьирования обозначений дается в новелле П. Мериме «Кармен». После встречи с Хосе-Мария рассказчик его называет последовательно: *un homme* (первичное обозначение) — *un jeune gaillard de taillt moyenne* — *l'inconnu à l'espingle* — *mon homme* — *le pauvre diable* — *notre hôte* — *mon nouvel ami* — *l'étranger* — *mon compagnon* — и, наконец, после раскрытия его инкогнито — *Dom José* — *ce pauvre homme* — *le bandit*.

Персонаж получает обозначение максимально обобщенное и неопределенное (*какой-то человек*), индивидуализированное (*собственное имя*), по внешним признакам (*молодой малый среднего роста, человек с мушкетером*), по объективному отношению к субъекту (*незнакомец, наш гость, мой попутчик, мой новый приятель*), по субъективному отношению к нему именуемого (*бедный малый, несчастный*), по характеру его занятий (*бандит*).

Однофокусное варьирование наименований используется также для подчеркивания различных сторон именуемого объекта. Этим приемом широко пользовался Бальзак¹. При этом Бальзак вначале подробно описывает внешность, характер, историю жизни персонажа, его отношения с другими действующими лицами, а затем в повествовании употребляет наименования, отражающие разные стороны, отмеченные в этой экспозиции. Так, подробно описав г-на Гранде в начале повести, он затем называет его *отец, муж, хозяин* (по отношению к членам семьи), *бывший бочар, старый винодел, старый скряга* и т. п. Мастерство писателя при этом выявляется в том, чтобы уместно подбирать наименование к ситуации. (Так, Бальзак называет папашу Гранде *бывшим бочаром*, описывая, как тот отправляется за инструментом, чтобы починить лестницу и отклоняет предложенную помощь, говоря: *Дело привычное*). Наименования персонажа у Бальзака раскрывают отдельные его стороны, связаны с движением сюжета (например, *незнакомый человек опознается*), они ярко отражают чувства, взгляды самого автора, но они еще не используются как средство раскрытия глубокой психологии персонажей.

Значительно большую психологическую нагрузку несут *равнофокусные* номинации. Их использование как приема характери-

¹ См.: Матвеева Н. Г. Синонимика наименования действующих лиц у Бальзака. Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 212. Л., 1959.

стики не только объекта, но и субъекта совершенно очевидно в прямой речи. Более тонким элементом стиля оказывается их введение в авторскую речь. Последний прием возникает одновременно с несобственно-прямой речью. Он обнаруживается, например, в следующем отрывке из Флобера.

Il arriva qu'au commencement du printemps, un notaire d'Igouville, détenteur de fonds à la veuve Dubuc, s'embarqua par une belle marée, emportant avec lui tout l'argent de son étude. *Héloïse*, il est vrai, possédait encore, sa maison de la rue Saint-François... Il fallut tirer la chose au clair. La maison de Dieppe se trouva vermoulue d'hypothèques jusque dans ses pilotis... Elle avait donc menti, la bonne dame! Dans son exaspération M. Bovary père... accusa sa femme d'avoir fait le malleur de leur fils en l'attelant à une haridelle semplable, dont les harnais ne valaient pas la peau... On s'expliqua. Il y eut des scènes. *Héloïse*, en pleurs, se jetant dans les bras de son mari, le conjura de la défendre de ses parents. (G. Flaubert. Madame Bovary).

Первые и заключительные обозначения — *вдова Дюбюк, Элоиза* — принадлежат автору. Они нейтральны. Наименования *эта милая особа, эта кляча* отражают отношение к ней стариков Бовари и могли бы быть уместны в прямой речи.

Исследователи несобственно-прямой речи тщательно описывают ее грамматические и лексико-стилистические особенности. Однако если признаком несобственно-прямой речи является контаминация позиций автора и персонажа¹, то в способе номинации следует видеть яркое проявление этого стилистического приема, ибо тип наименования в авторском повествовании нередко отражает точку зрения персонажей.

Сопряженные номинации. Семантическая специфика сопряженных номинаций, часто используемых в художественной литературе, заключается в том, что, поскольку первая номинация достаточно ясно и объективно обозначила объект, вторая оказывается функционально избыточной и меняет свое назначение. Всякий семантически избыточный элемент языка начинает нести либо строевую (грамматическую), либо экспрессивную (стилистическую) функцию. Идентичная сопряженная номинация (повтор слова) породила во многих языках грамматические формы редупликации, используемые для выражения глагольного времени (древние индоевропейские языки), множественного числа, степеней сравнения прилагательных и наречий. В стилистике сопряженная идентичная номинация принимает форму повтора, выполняющего разнообразные функции.

Вариативная сопряженная номинация также широко используется в стилистике: обычно такая номинация оказывается однофокусной и принимает форму градации, амплификации, стилистической вариации либо перифразы. Однако под пером многих писателей вариативная сопряженная номинация приобретает характер разнофокусной. Этот очень тонкий стилистический прием заключается в следующем.

¹ Андреевская А. Несобственно-прямая речь в художественной прозе Луи Арагона. Киев, 1967, с. 13.

Первичная номинация неэкспрессивна; включенная в авторский текст, она дает объективное обозначение предмета с точки зрения повествователя. Следующая непосредственно за ней вторичная номинация характеризует тот же предмет уже не только с точки зрения автора, но в большей степени — персонажа, о котором идет речь.

Этот прием позволяет совмещать позиции автора и героя, вместе с тем в повторных обозначениях отражать отношение героя к объекту, вскрывая черты его характера. Исследователи отмечают, что одной из особенностей стиля Мопассана являются синонимические цепочки¹. Анализ показывает, что элементы этих цепочек нередко представляют различные типы номинации. Например, в рассказе «La rempailleuse»:

Alors, pour l'apaiser, elle lui donna son argent: *trois francs vingt, un vrai trésor*, qu'il regardait les yeux agrandis.

Первое обозначение суммы — *trois francs vingt* — точное и объективное. Второе — *un vrai trésor* — отражает отношение детей к этой сумме, которая была подлинным сокровищем в глазах мальчика и бедной плетельщицы стульев... Et la dernière fois, *cinq francs, une grosse pièce ronde*, qui le fit rire d'un rire content. Опять-таки первое обозначение *cinq francs* несет нейтральную информацию, второе *une grosse ronde* не только сообщает тот факт, что пять франков представляли собой одну монету, но и передает впечатление, которое эта монета произвела на мальчика (что и объясняет его реакцию), так же как и значительность этого подарка для самой плетельщицы.

Ne se voyant ni repoussée ni battue, elle recommença: elle l'embrassa à *plein bras, à plein coeur*. Первое обозначение характеристики действия указывает на его физическую сторону, второе уже подчеркивает чувства девушки.

И, наконец, последний пример: Des qu'il eut compris qu'il avait été aimé de *cette vagabonde, de cette rempailleuse*, Choquet bondit d'indignation, comme s'il lui avait volé sa réputation... Первые обозначения здесь могут принадлежать и персонажу и автору, так как автор в других местах называет женщину *vagabonde* и *rempailleuse*. Так происходит контаминация, овмещение авторской речи с речью персонажа. При помощи такой овмещенной номинации создается своеобразная полифония, где одновременно звучат голоса и автора, и его героев. Последняя номинация (*потаскуха*)² уже носит явно оценочный характер и могла принадлежать только Шукке. При этом добавление третьей номинации, противоречащей позиции автора, обнажает столкновение точек зрения автора и персонажа³, подчеркивает несправедливость этих слов по от-

¹ Эткинд Е. Семинарий по французской стилистике, ч. I, изд. 2-е. М.; Л., 1964, с. 228.

² В русском издании (*Ги де Мопассан*. Полн. собр. соч., т. 2, М., 1958, с. 417) *cette roleuse* ошибочно переведено «эта нищенка», тогда как словарь Le Petit Robert именно в этом примере толкует это слово как «*filie de mœurs faciles*».

³ См. анализ столкновения слова автора с чужим словом при обозначении одного и того же предмета в книге: Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963, с. 261.

пошению к покойной женщине и тем самым ярко показывает отрицательные черты самого Шуке.

Рассмотренные случаи использования повторной номинации имеют то общее, что ослабление собственной десигнативной функции у вторичного обозначения создает условие для его разнообразного стилистического использования — от формального варьирования, носящего почти грамматический характер, до выражения тонких художественных задач.

2. Повторная номинация, ее структурно-организующие и стилистические функции в тексте*

Повторная номинация — повторное обозначение в тексте уже обозначенного объекта, признака, действия, целой ситуации — связана с первичным обозначением того же денотата отношениями кореференции. Наиболее разнообразны повторные обозначения объектов (субстанций) и среди них — обозначения лиц, одушевленных существ.

Повторная номинация может быть 1) идентичной, если денотат во втором случае получает то же обозначение, что и в первом, или вариативной, когда новое наименование отличается от предыдущего; 2) смешанной, при которой в номинационной цепочке чередуются вариативные и идентичные обозначения. Промежуточное положение между идентичной и вариативной номинациями занимает идентичная номинация с транспозицией: явление обозначается словами, семантически идентичными, но различающимися по принадлежности к части речи. Например: — *При отце живешь али сам? — Нет, теперь сам живу. Отделился. В этом месяце после Петрова дня оженился. Женатый теперь!... Нынче восемнадцатый день как обзаконился* (Чехов). Здесь «гражданское состояние» персонажа обозначается дважды, причем словами, относящимися к одной и той же основе, но разным частям речи (*я женился, я — женатый*). Близкие синонимы, если они в данном контексте не различаются оттенками значения, также могут рассматриваться как промежуточное явление между идентичной и вариативной номинациями (например, возможно, в данном примере — *оженился* и *обзаконился*). В этом случае вариативность касается внешней формы номинации, но не ее семантической стороны.

Для обозначения лица могут быть использованы: имя собственное, прямое лексическое обозначение (в том числе обозначения «демографического» характера, указывающие на пол, возраст, профессию, национальность, место жительства персонажа), местоимение, абстрактное обозначение (употребление слова широкого значения после обозначения более узкого содержания), функциональное обозначение (по

выполняемому в данный момент действию), относительное обозначение (по отношению к другим персонажам повествования), оценочное (содержащее в себе эмоционально-экспрессивный оттенок). Для одушевленных объектов используются более ограниченные средства обозначения (например, ограничено использование имен собственных и относительных номинаций), для обозначения действий и событий отмеченные типы наименований употребляются еще реже (хотя в принципе существуют собственные имена, обозначающие некоторые исторические события, например *Отечественная война, Возрождение* и др.).

Возможность варьирования номинаций определяется логическими отношениями между понятиями и тем, что объект обладает множеством разнообразных свойств и аспектов, так что его можно назвать по различным признакам, избираемым в качестве основы наименования. Таким образом, между кореферентными номинациями на семантическом уровне чаще всего устанавливаются отношения равнозначности (при употреблении синонимов), включения (при переходе от более широкого обозначения к более узкому и наоборот) и пересечения (при наименовании объекта по его различным признакам).

Что касается внешней формы номинаций, то при их варьировании, кроме различных частей речи, используются словосочетания, перифразы, описания.

С функциональной точки зрения номинации можно разделить на прямые и косвенные. К прямым относятся те, что являются естественными при данном уровне знания объекта собеседниками и самодовлеющими. Косвенные обозначения опираются на предыдущие прямые обозначения или на ситуацию. К прямым обозначениям относятся имена собственные и конкретные лексические обозначения при неизвестности или отсутствии имени собственного. К косвенным номинациям относятся местоимения (в силу их грамматической природы) и оценочные обозначения. Относительные, абстрактные и функциональные номинации могут выступать в обеих функциях. В целом различие между прямым и косвенным обозначением нередко определяется самой структурой текста. В этом отношении особенно показателен зачин произведения.

При абсолютном зачине произведения, когда читателю еще ничего неизвестно о предмете повествования, последний может быть введен только путем его соотнесения с той системой понятий, которая входит в пресуппозицию носителей языка. Такими понятиями являются указания на пол и возраст человека, его профессию, известную носителям языка, его происхождение и т. п. Эта система понятий служит той сеткой, через которую «просеиваются» вводимые в повествование объекты. Абсолютный зачин опирается на зрительные восприятия, поэтому в нем обычно употребляются слова, отражающие очевидные внешние признаки объектов. Поэтому для абсолютного зачина нехарактерны относительные или оценочные обозначения. Например, возможно начало рассказа: *Вчера на улице подошла ко мне одна девочка* (прямое безотносительное обозначение), но не ... *одна дочка*

* Впервые опубликовано: Лингвистические и методические проблемы преподавания русского языка как неродного. М., 1987.

(относительное обозначение) или ... *одна капризуля* (оценочное обозначение). Оценочные, относительные обозначения, так же как имя собственное и местоимение, могут быть употреблены только в дальнейшем повествовании, по мере раскрытия данного объекта в его отношениях с другими объектами. В связи с этим классический зачин принимает форму: прямое понятийное обозначение (по полу, возрасту, профессии и т. п., если речь идет о человеке) — местоимение — имя собственное. Например, *Пришел такой-то человек. Его звали так-то*. Грамматические средства, в частности приложение, позволяют объединить понятийное обозначение с именем собственным и даже поставить собственное имя впереди понятийного обозначения. Например: *В один прекрасный вечер не менее прекрасный экзекутор Иван Дмитрич Червяков сидел во втором ряду кресел и глядел в бинокль на «Корневильские колокола». Он глядел и чувствовал себя наверху блаженства* (Чехов). Зачин выглядел бы обычным, если бы было сказано: *В один прекрасный вечер Иван Дмитрич Червяков, экзекутор, сидел...* Относительные номинации обычно следуют за понятийными, но могут и предшествовать им, если объект, с которым соотносятся эти номинации, уже назван. Например: *На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий...* Тонкий только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками... Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком — его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом — его сын (Чехов). Здесь употребление относительного обозначения *приятеля* мотивировано предшествующим словом *два* (невозможно было сказать *из вагона вышел приятель* без указания, чей это знакомый). Относительные обозначения *его жена* и *его сын* предшествуют описанию их внешних признаков, так как они соотнесены с признаком персонажа — *тонкий*. Заметим, что обозначение *высокий гимназист* (первое обозначение данного персонажа) показывает, что он был в гимназической форме.

Зачин является менее обычным, если он начинается с имени собственного, местоимения или относительного наименования. Нарушение обычного следования номинаций при зачине носит стилистический характер и всегда мотивировано содержанием или формальной организацией произведения. Например, если название произведения содержит имя собственное, то оно может стать первичным обозначением персонажа. Рассказ Л. Сейфуллиной «Таня» начинается так: *Таню обидел отчим. Девочка его любила*. Здесь, напротив, слово *девочка* может рассматриваться как косвенная номинация — употребление обобщенного наименования после конкретного. Оно в данном случае равнофункционально личному местоимению. Если произведение начинается с имени собственного и особенно с местоимения, то такой зачин вводит читателя как бы сразу в гущу событий, ибо это свидетельствует, что читатель уже заранее знает данных персонажей. Однако местоименный зачин может иметь и иное назначение. Рассказ А. Платонова «Фро» начинается фразой: *Он уехал далеко и надолго,*

почти безвозвратно. Далее говорится о женщине, провожавшей уехавшего мужа. Отсутствие имени (оно появляется лишь во второй части рассказа) подчеркивает, что для Фроси уехавший был «Он», горячо любимый человек.

Повторная номинация выполняет в языке тройную функцию: семантическую, структурную и стилистически-экспрессивную.

Семантическая функция проявляется в уточнении денотата, о котором идет речь. Семантическая функция — основная функция повторной номинации, и она становится особенно очевидной при наличии возможности выбора, то есть при описании одновременных действий различных субъектов. Например: *Выглянувши в окно, увидел он остановившуюся перед трактиром легонькую бричку, запряженную тройкой добрых лошадей. Из брички вылезли двое каких-то мужчин. Один белокурый, высокого роста; другой немного пониже, чернявый. Белокурый был в темно-синей венгерке, чернявый просто в полосатом архалуке... Белокурый тотчас же отправился по лестнице вверх; между тем как черномазый еще оставался и щупал что-то в бричке* (Гоголь). Здесь повторное обозначение персонажей обязательно, иначе смысл будет неясен, причем повторение осуществляется путем прямого повтора слов (*белокурый*) или близких синонимов (*чернявый* — *черномазый*).

Однако такое мотивированное повторение номинаций встречается сравнительно нечасто. Гораздо чаще повторная номинация оказывается избыточной семантически. Всякий семантически избыточный элемент текста десемантизируется и получает вторичную функцию: строевую или стилистическую. В самом деле, если объект уже обозначен так, что для воспринимающего речь нет сомнений в отношении того, о чем она идет, то повторное обозначение этого объекта обуславливается либо потребностями структуры предложения, либо потребностью выразить какие-либо дополнительные оттенки значения, характеристики.

Строевая функция повторной номинации проявляется в том, что нередко она необходима для синтаксического завершения фразы, согласно нормам языка. Рассмотрим отрывок: *Татьяна Борисовна — женщина лет пятидесяти, с большими серыми глазами навывкате... Лицо ее дышит приветом и лаской. Она когда-то была замужем, но скоро овдовела. Татьяна Борисовна весьма замечательная женщина. Живет она безвыездно в своем маленьком поместье... Родилась она от весьма бедных помещиков* (Тургенев). Попробуем убрать выделенные повторные обозначения. Содержание текста не изменится, так как ясно, что речь идет об одном и том же персонаже. Но сам текст превратится в какую-то анкету, перестанет быть художественным произведением. Нормы русского языка не допускают подобного опущения повторных номинаций. Большую роль играет повторная номинация и в организации коммуникативной структуры высказывания, его актуального членения. Обычно она составляет ро-

Повторная номинация — важное средство достижения стилистической правильности и выразительности речи. Как известно, одно из основополагающих правил хорошего стиля состоит в необходимости избежать монотонности, однообразия в изложении. Это достигается именно за счет варьирования обозначений при повторной номинации. В каждом языке проявляются в этом отношении свои тенденции. Например, французский язык избегает словесных повторов, но охотно мирится с повторными местоименными обозначениями. В русской речи мы сталкиваемся с обратным явлением: большая допустимость словесных повторов и нежелательность местоименных. Местоименные повторы устраняются путем идентичных или вариативных лексических повторов. Обратимся к приведенному выше примеру. Один и тот же персонаж упоминается здесь шесть раз подряд, причем в первом и четвертом случае он обозначен именем собственным, в остальных — местоимением. Перебой местоименных форм именем собственным в четвертой фразе не только не вносит разнообразия в способы обозначения, но и семантически мотивирован. Имя собственное в номинационной цепочке свидетельствует о большем, чем местоимение, смысловом расхождении соседних фраз. И в данном случае его употребление связано, по-видимому, с переходом от описания свойств героини к ее нынешнему образу жизни.

Нередко переход от местоименного повтора к повтору имени собственного или другого существительного является формальным признаком абзаца или границ сложного синтаксического целого.

Экспрессивно-стилистическое значение может иметь как идентичная, так и вариативная повторная номинация. Стилистический повтор (идентичная повторная номинация) достаточно хорошо описан. Ограничимся одним лишь примером, показывающим, что даже, казалось бы, малосущественное повторение обозначения лица может иметь существенное художественное значение, показывая отношения между персонажами, характеризуя их. В рассказе И. С. Тургенева «Хорь и Калиныч» помещик Полутыкин с гостем приходят в дом Хоря:

Мы вошли. Нас встретил молодой парень, лет двадцати, высокий и красивый.

— А, Федя! дома Хорь? — спросил его г-н Полутыкин.

— Нет. Хорь в город уехал, — отвечал парень, улыбаясь и показывая ряд белых, как снег, зубов. — Тележку заложить прикажете?

В дальнейшем говорится о том, что кругом телеги стояло человек шесть молодых великанов, очень похожих друг на друга и на Федю, который на замечание Полутыкина *Все дети Хоря!* отвечает: *Все Хорьки*. Так выясняется, что открывший дверь парень был одним из сыновей Хоря. Но почему же он, отвечая на вопрос барина, повторил имя (или кличку?) своего отца, а не заменил его местоимением, словом *отец* или не отпустил его попросту, как это требовалось бы нормами русской речи. Более того, он называет братьев *Хорьками*, а отца — *старым Хорем*. Это становится ясно дальше, когда автор отмечает,

что Федя — любимец отца, самый смышленный и единственный грамотный из братьев, что Хорь и сын *весьма любезно друг над другом подтрунивали*. Видимо, Федору доставляет удовольствие называть отца *Хорем*: в этом проявляется и «любезное подтрунивание», и вместе с тем гордость за отца и свою семью.

Значительно больший интерес, однако, при стилистическом анализе представляет варьирование повторных номинаций. В выборе отражаются все компоненты, все стороны акта номинации, акта речи: изменение самого объекта по мере развития повествования, отношение говорящего и собеседника к объекту, взаимоотношения между говорящими, авторская позиция. Нередко имеет место контаминация отношения говорящего или другого участника действия и автора. В таком случае тип избираемой номинации может выступать как одна из характерных особенностей, как один из формальных признаков несобственно-прямой речи.

Вариативные повторные номинации могут использоваться для введения объекта в действие и ситуацию. Вот пример из романа Л. Леонова «Русский лес»: *Разговор перекинулся на лошадей, а захмелевший Егор Севастьяныч похвастался выдающейся кобылой, незадолго до того приобретенной для медицинских развозов... Тут все, кто еще был в состоянии, отправились лично ознакомиться с фельдшерской покупкой... Поеживаясь спросонья, конюшонок вывел красавицу из стойла, и все принялись наперебой высказывать свое восхищение... Один лишь батюшка отзывался о покупке кислогато... За недоуздок отведя кобылу под защиту дровяной поленницы... батюшка приступил к более обстоятельной экспертизе: оттягивал своей жертве губы, ... дул в лошадиную ноздрю, после чего прикидывался ухом к подбрюшью в намерении подслушать, как сие отражается внутри испытуемого животного.*

Описание начинается с прямой понятийной номинации, *кобыла*, за которой следуют оценочные (*красавица*) и функционально-относительные, причем последовательность этих номинаций взятых отдельно, вне контекста, достаточно рельефно показывает последовательность событий, отношения персонажей, ср. *кобыла — покупка — красавица — жертва* (экспертизы) — *испытуемое животное*. Достаточно прочесть этот ряд номинаций, чтобы понять, что в данном отрывке речь идет о кобыле, которую купили, которая была красивой, но которую подвергли экспертизе. При широком варьировании номинационная цепочка выступает как костяк сюжета, как схема повествования, касающегося определенного объекта. Характерно обилие в данном случае функциональных номинаций: *покупка, жертва, испытуемое животное*.

Второе важное назначение варьирования при повторных номинациях — раскрытие объекта по мере осознания его говорящим. Нередко автор повествования, говоря о первой встрече с таким-то персонажем, называет его обобщенно *какой-то человек* и т. п., затем обозна-

чения уточняются по мере того, как он узнает его профессию, черты характера и т. п. Раскрытие объекта при помощи варьирования номинаций можно проследить на знаменитом отрывке из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя, в котором рассказывается о встрече Чичикова с Плюшкиным: *У одного из строений Чичиков скоро заметил какую-то фигуру... По висевшим у ней за поясом ключам и по тому, что она брала мужика довольно поносными словами, Чичиков заключил, что это верно ключница.* Далее Чичиков приходит к выводу, что это скорее — *ключник*, а не *ключница*, затем к своему удивлению узнает, что это *помещик*, затем, уже по отношению к крепостному Прошке Плюшкин именуется *хозяином*. Таким образом, от самого общего обозначения — *фигура* — не говорящего даже о поле и возрасте персонажа — читатель переходит — через ряд промежуточных (*ключница*, *ключник*) — к точному обозначению (*старый помещик*), а Чичиков — к идентификации разыскиваемого им Плюшкина.

Но в этом отрывке интересно и другое: Гоголь в авторском тексте употребляет для обозначения Плюшкина номинации, отражающие впечатления Чичикова. Например:

— *Послушай, матушка, — сказал он [Чичиков], выходя из брешка, — что барин?...*

— *Нет дома, — прервала ключница.*

Или, после того, как Чичиков по небритой бороде определил, что это скорее *ключник*, а не *ключница*:

— *Что ж барин? У себя, что ли?*

— *Здесь хозяин, — сказал ключник.*

Таким образом здесь имеет место слияние в одно целое авторской речи и речи персонажей, то есть прием несобственно-прямой речи. Обычно, когда описывают несобственно-прямую речь, обращают внимание на различные грамматические особенности, а из тех, что касаются непосредственно способа обозначения — на замену 3-го лица 1-м у местоимений. Мы видим, что выбор повторной номинации является также важным признаком несобственно-прямой речи, о котором, однако, в научной литературе пишут значительно меньше. А между тем это свойство — действительно яркий пример несобственно-прямой речи: в приведенных цитатах слова *ключник*, *ключница*, *фигура* формально включены в речь автора, но семантически они отражают мысль и восприятие персонажа.

В качестве третьего стилистического назначения вариативной повторной номинации следует упомянуть ее использование для передачи отношения автора или персонажа к лицу или предмету, о котором идет речь. Например:

— *Я стра-ажду, я стра-ажду, — завыл в соседней комнате племянник.*

— *Полно тебе, Андрюша.*

— *Душа изнывает в разлуке, — продолжал неутомимый певец.*

Татьяна Борисовна покачала головой.

— *Ох, уж эти мне художники!* (Тургенев).

Здесь обозначение *певец* служит не только целям свободного варьирования обозначений (вместо *племянник*), но и выражает, вместе с прилагательным *неутомимый*, впечатление, которое он производил на снисходительную тетушку и более требовательного рассказчика. Обозначение в последней фразе носит явно оценочный характер. Эти примеры показывают, что при стилистическом анализе необходимо рассматривать слово в конкретном контексте. Есть слова, которые всегда сохраняют экспрессивно-оценочный оттенок. Но тем же целям могут служить и самые обычные обозначения (в данном случае *певец*, *художник*), поставленные в определенный контекст.

И, наконец, варьирование повторных номинаций может отражать изменение отношений между персонажами, изменение их взгляда на определенный предмет и их отношение друг к другу.

В упомянутом романе Л. Леонова рассказывается о визите Вихрова к его бывшему учителю профессору Тулякову. Вот так обозначается Вихров в этой главе (мы опускаем местоименные замены, имеющие формально-строевой характер).

В начале главы он назван словами *лесничий*, *Вихров*; это неэкспрессивные обозначения, хотя можно отметить, что упоминание профессии (*лесничий*), когда уже известно его имя, носит характер косвенной номинации. Однако и здесь это обозначение мотивировано, так как в главе идет речь о работе Вихрова над книгой о лесе. Вихров натолкнулся на цитату из труда Тулякова, и ученик обратился к учителю за дозволением при случае ознакомиться с источником в подлиннике. Далее рассказывается о визите Вихрова к профессору, причем в используемых номинациях тонко отражаются воспоминания обоих персонажей, и, что особенно важно, изменение взгляда Тулякова на своего бывшего ученика.

В начале встречи Вихров обозначается словами: *молодой лесничий*, *студент*, *Вихров* (в воспоминаниях Вихрова), *профессор пожурил молодого человека*, *коллега* (в обращении Тулякова к Вихрову), *бывший ученик*. Эти номинации отражают объективные характеристики Вихрова (*молодой лесничий*) и прежние отношения между учителем и учеником, хотя и говорится, что старик не подавал вида, что узнал своего студента. Однако позже, когда разговор заходит о деле, и оказывается, что Вихров может поддерживать дискуссию «наравных» и читать труды на иностранных языках, Туляков и Вихров уже обозначаются как *хозяин* и *гость*. Так изменение форм номинаций отражает изменение отношения профессора к своему бывшему ученику: он уже для него не студент, не бывший ученик, не кухаркин сын (в воспоминаниях Тулякова проскальзывает и такое), но коллега, пришедший в гости.

Могут варьироваться номинации не только отдельного лица или предмета, но и ситуации в целом. Но ситуация представляет собой более сложное образование, чем отдельный ее элемент, так как она включает ряд предметов, отношений между ними и отношений персонажей и говорящих к этим предметам и связям между ними. Поэтому по своей внутренней форме номинации одной ситуации могут быть еще более разнообразными, чем номинации отдельного объекта.

Назначение повторной номинации на уровне целого высказывания может быть различным: необходимость внести уточнения, выразить путем повтора категоричность и тому подобное. Но особый интерес представляет сопоставление объективной и модально окрашенной номинаций на уровне предложения. Очень часто модальная номинация предшествует объективной. Это связано с общей особенностью человеческой психологии. Эмоции являются важным рычагом мобилизации всей деятельности человека, в том числе и его речевой деятельности. Воздействуя на эмоции слушающего, говорящий привлекает внимание, заставляет его выслушать, делает свою речь более убедительной. Вот отрывок из «Унтера Пришибеева» А. П. Чехова:

— ...Житья от него нету, вашескорodie! Пятнадцать лет от него терпим! Как пришел со службы, так с той поры хоть из села беги. Замучил всех!

— Именно так, вашескорodie! — говорит свидетель староста. — Всеж миром жалимся. Жить с ним никак невозможно! С образами ли ходим, свадьба ли или, положим, случай какой, везде он кричит, шумит, все порядки вводит...

В первой реплике приведенные фразы можно не считать повторными номинациями, ибо они выкрикивались, возможно одновременно, присутствующими «из разных углов камеры». Но в реплике старосты жалоба на унтера Пришибеева выражена четыре раза: в первой фразе — анафорически, путем отсылки к ранее сказанному другими, затем в двух предложениях выражены следствие и причина одного и того же явления, наконец, в последнем предложении более детально и уже «объективно» излагаются проступки Пришибеева. При этом действие его обозначается трижды.

Напротив, эмоционально-экспрессивная номинация ситуации, нередко содержащая экспрессивную лексику и метафорические обозначения, следуя за объективным описанием ситуации, выражает отношение персонажа к ней. Например:

Михаил Федорович злословит, Катя слушает и оба не замечают, в какую пропасть втягивает их мало-помалу такое, по-видимому, невинное развлечение, как осуждение ближних. Они не чувствуют, как простой разговор постепенно переходит в глумление и издевательство и как они оба начинают пускаться в ход даже клеветнически приемы.

<...> Выйдя из себя, я вспыхиваю, вскакиваю с места и кричу:

— Замолчите, наконец! Что вы сидите тут, как две жабы, и отравляете воздух своими дыханиями? Довольно! (Чехов).

Выкрик Николая Степановича резюмирует в эмоциональной форме сказанное выше. Клеветники уподобляются жабам, их слова — дыханию жаб. Вместе с тем в этой реплике дважды присутствует призыв прекратить разговор, в начале ее — в более развернутой форме, в конце — в более обобщенной. С точки зрения чисто семантической эта реплика излишняя, так как отношение слушающего к беседе было выражено в «объективном» изложении, но она необходима для полного выражения чувств. А экспрессивность как раз заключается в силе выражения, благодаря которой переживания говорящего адекватно воспринимаются слушающим.

Мы видели, что повторная номинация может принимать различную форму и выполнять в художественном тексте различные функции: семантическую (первичную) и вторичные: строевую и стилистическую. Наиболее существенной для организации специфически художественного текста является вариативная стилистическая повторная номинация. Она позволяет очень тонко выразить изменения объектов и отношения говорящих к ним, а также взаимоотношения между персонажами произведения. Однако, как и всякий стилистический прием, варьирование повторной номинации с этой целью используется неодинаково разными писателями. Очень широко им пользовались из цитированных писателей Гоголь и Леонов. Сравнительно мало прибегали к варьированию лексических номинаций Тургенев и Чехов. Однако последний очень широко и тонко использовал варьирование на уровне высказывания, особенно в речи персонажей.

3. Повторная номинация на уровне предложения*

Важным фактором, организующим смысловую структуру текста, являются логико-семантические отношения между предложениями. Всякое предложение указывает или описывает определенный факт, событие, явление и в некотором смысле его можно рассматривать как обозначение (номинацию) данного факта или явления. В зависимости от характера обозначаемого события сравниваемые предложения могут делиться на разнообъектные и однообъектные. В первом случае два (или более) предложения обозначают различные события, во втором они обозначают одно и то же событие (явление, факт, переживание и т. п.). Вполне понятно, что разнообъектные предложения в тексте гораздо многочисленнее однообъектных: именно они продвигают вперед повествование, которое переходит от описания одного события к описанию другого, связанного с первым. Сколь бы ни были разнообразны смысловые отношения разнообъектных предложений, их

* Впервые опубликовано: Синтаксис текста. М., 1979.

можно свести к двум основным типам: радиации и конкатенации¹. Отношения радиации основаны на пространственных координатах между событиями (фактами), описываемыми в предложениях, в этом случае фиксируются различные события, происходящие одновременно. Они могут касаться одного субъекта: *Верстах в пятнадцати от моего имени живет один знакомый мне человек, молодой помещик, гвардейский офицер в отставке, Аркадий Павлович Пеночкин. Дичи у него в поместье много, дом построен по плану французского архитектора... Он человек рассудительный* (Тургенев). В этих предложениях описывается один объект (лицо) под разными углами зрения. Предложения могут описывать события, соотнесенные с различными субъектами: *Выходя из сарая, увидели мы следующее зрелище: в нескольких шагах от двери, подле грязной лужи, стояло на коленках два мужика. Земский Федосейч усердно хлопотал около них* (Тургенев).

Отношения конкатенации основаны на временной координации описываемых событий: они связывают предложения, описывающие факты, находящиеся в определенной последовательности. При этих отношениях смежные предложения, как правило, соотносятся с одним субъектом, описывая его следующие одно за другим действия или переживания. Необходимо отметить, однако, что единство смыслового субъекта вовсе не требует его грамматической неизменности. Например: *Свежая струя пробежала по моему лицу. Я открыл глаза: утро еще только начиналось. Я проворно встал и подошел к тлеющему костру* (Тургенев). Все предложения отрывка описывают ощущения или действия рассказчика, но он в первом предложении обозначен косвенным образом (*по моему лицу*), во втором субъект восприятия вообще устранен (в полной форме фраза могла бы иметь форму: *Я увидел, что утро еще только начиналось*). Таким образом, смысловой субъект (лицо или предмет, о котором идет речь) может получать выражение прямое (в форме подлежащего), косвенное (в форме дополнения или обстоятельства, так называемый деми-субъект) или нулевое (быть опущенным). Здесь возможно выявление определенных типологических черт, свойственных конкретным языкам.

Разумеется, возможны объединения временных и пространственных координаций, когда речь идет о разных субъектах, совершающих действия в разное время. Но и здесь различные по смыслу предложения описывают события, входящие в состав более широкого явления как его составные части: — *Господа дома? — Никак нет-с. Барыня с детьми в гости поехали, а барин с мамзелью-гувернанткой рыбу ловят-с* (Дочь Альбиона)².

¹ Ср. понятие последовательной и параллельной связи предложений: Литвиненко С. С. Порядок слов в переводе на русский язык // Учен. зап. 1 МГПИИЯ, 1953, т. 6; см. также: Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика. М., 1973.

² В дальнейшем все примеры приводятся из произведений Чехова, так что указывается только название произведения.

Однообъектные предложения, как отмечалось выше, менее распространены в текстах, чем гетерообъектные. Но все же в тексте нередко разные предложения полностью или частично указывают на одно и то же событие. В таком случае второе предложение можно рассматривать как повторное обозначение события и анализировать его так же, как и повторную номинацию на лексическом уровне — отдельного лица или предмета. Разумеется, между повторной номинацией на уровне слова и повторной номинацией на уровне предложения существуют большие различия. Первая более обязательна, необходима, для ее выражения существуют специальные грамматические средства — местоимения, хотя она может иметь и важное стилистическое использование¹. Повторное обозначение события (повторная номинация на уровне предложения) также может иметь грамматизированные средства выражения (например, местоимения типа *это, такое*), но оно обладает определенными структурными и функциональными особенностями по сравнению с лексической повторной номинацией. Его структурной особенностью является более частая специфическая стилистическая нагрузка. Поскольку повторная номинация указывает на то, что собеседникам уже известно, и не несет, следовательно, новой информации, ее роль в повествовании часто оказывается эмфатической. Как и всякое денотативно избыточное языковое явление, она может использоваться для выражения эмоциональной оценки, экспрессивных окрасок.

Однако, несмотря на существенные различия между повторной номинацией на уровне слова и предложения, между ними имеется и глубинная аналогия, которая проявляется в идентичности логико-семантических типов отношений, которые могут связывать первичную и вторичную номинации. Эти отношения сводятся к отношениям равнозначности, включения, перекрещивания и соподчиненности. Прежде чем рассматривать каждый из этих типов, структурные особенности и стилистическую значимость каждого из них, сделаем одно уточнение.

В контексте предложение может репрезентироваться путем транспозиции глагольного ядра в существительное или местоимение. Такая транспонированная форма превращается в часть другого предложения. И в этом случае между первичной номинацией (отдельное предложение) и вторичной (транспонированная часть в другом предложении) могут быть отмечены указанные выше логико-семантические отношения. Например, отношение равнозначности: *Скоро этот лед пропадет, но с его уходом еще не оканчивается весеннее оживление реки* (На реке). Поскольку в контексте местоимение *его* непосредственно соотносится с существительным *лед*, а *уход* выступает как окказиональный субстантивный коррелят к глаголу *пропадает*, от которого не может быть образовано подходящего отглагольного существительного, можно считать вторичную номинацию (*его уход*) столь же конкретной, что и первичная (*лед пропадает*), равнообъемной с ней.

¹ См.: Гак В. Г. Повторная номинация и ее стилистическое использование // Вопросы франц. филологии. МГПИ им. В. И. Ленина, 1972.

Вот пример на отношения включения, в частности, расширение, переход от более конкретного первичного обозначения к более широкому вторичному: Действительно, на другой день пасмурно, дует холодом и сыростью. Такая резкая перемена погоды показывает, что где-то на большом пространстве идет лед (На реке). Слова такая резкая перемена погоды, резюмирующие предыдущие предложения, обозначают ситуацию в более обобщенном виде, чем замещаемые предложения, поскольку резкая перемена погоды могла бы заключаться и в потеплении. Конкретный смысл предложения становится ясным лишь из соотносительности с предыдущим, как это имеет место в отношении повторной номинации с использованием слов, выражающих родовые понятия (гиперонимов) и вообще анафорических элементов.

Случаев транспозиции мы в дальнейшем касаться не будем, (это может быть темой особого исследования), но рассмотрим преимущественно те случаи, где вторичная номинация также имеет форму предложения, а не его именного или местоименного репрезентанта.

Отношения тождества. В простейших случаях при повторной номинации предложение повторяется полностью. Это особенно характерно при ответе на вопрос: — Он ... здесь?!? — Да, он здесь, — пробормотал Стручков (На гвозде). Повтор используется как средство выражения уверенности, заверения, различных эмоционально-экспрессивных значений. Эта его функция хорошо изучена, и мы ограничимся лишь отдельными примерами. Важно подчеркнуть, что при повторной номинации возможны — при сохранении тождества общего значения — различные структурные, лексические и даже семантические трансформации, касающиеся отдельных частей предложения. Иногда расхождение между первичной и вторичной номинациями может быть минимальным и сводится к изменению расположения слов: — Ты посмотри на нос! На нос ты посмотри! (Дочь Альбиона). Более существенны транспозиции — изменение принадлежности слов к определенной части речи: ... — Не, из Глинова... Мы глиновские... (Степь). Весьма часты замены синонимического характера: — Извините, ваше-ство, я вас обрызгал... я нечаянно... — Я ведь ... я не желал! (Смерть чиновника).

Идентичность смысла первого и второго предложения обеспечивается употреблением различных перифраз, оборотов, синонимичность которых устанавливается нередко лишь на уровне речи в рамках высказываний. Например: Купцы, известно, народ хвастливый, не дай бог... Не утерпит, чтобы не показать себя перед нашим братом в лучшем виде (Степь). Вторая фраза более подробно разъясняет, как понимается быть хвастливым. Рассмотрим следующую фразу: Сел на медни со старухой чай пить и — ни боже мой, ни капельки, ни синь порох, хоть ложись да помирай... Хлебнешь чуточку и силы моей нету! (Хирургия). Здесь одна и та же мысль высказывается дважды. Мысль эта состоит в том, что пациенту чай пить — больно, причем и логический субъект высказывания, и предикат его выражаются разными средствами:

«чай пить»

чай пить

— «больно»

— ни боже мой, ни капельки, хоть ложись да помирай

— и силы моей нету.

хлебнешь чуточку

Семантическая идентичность способов выражения подтверждается тем, что они в значительной степени взаимозаменяемы. Вместе с тем такое неоднократное выражение одной и той же ситуации подчеркивает эмоциональную насыщенность речи.

При повторной номинации наблюдается тенденция употреблять более отвлеченные средства выражения: вместо личной формы глагола — отглагольные существительные или инфинитивы, не соотносящие факт с определенным лицом, при выражении результата вместо прошедшего времени — настоящее. Например: — Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, да погляди же на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был, такой же душонок и щеголь (Толстый и тонкий). — Возненавидел, брат, ее! Видеть равнодушно не могу! (Дочь Альбиона).

Иногда при повторе высказывание сокращается, так что от высказывания сохраняется только модальная рамка: — Придется лезть в воду (Дочь Альбиона).

Отношения включения. Эти отношения в тексте обнаруживаются весьма часто, и возможно, что в смысловой организации текста они играют еще более значительную роль, чем отношения тождества. Эти отношения основываются на том, что одно и то же событие (ситуация) может быть описано с помощью средств широкого или узкого значения. Например, в ответ на вопрос, имеется ли у собеседника такая-то книга, можно сказать: — У меня такой книги нет или У меня вообще таких книг нет. Второе высказывание имеет более широкое значение, оно выражает более обобщенную мысль и дает при этом ответ в более категорической форме. По аналогии со словами более широкого (родового) и узкого (видового) значения такие предложения можно условно назвать соответственно гиперонимами и гипонимами.

Отношения включения между двумя предложениями могут быть двоякого рода: сужение — переход от более широкого обозначения (гиперонима) к более узкому (гипониму) и расширение — переход от более узкого обозначения к более широкому.

Сужение является способом продвижения повествования. Событие вначале описывается в более общей форме, затем — в более конкретной, с указанием дополнительных деталей. Например: Плохо что-то сегодня ловится. Ничего не поймал ни я, ни эта кикимора. Сидим, сидим, и хоть бы один черт! Просто караул кричи (Дочь Альбиона). В построении этого абзаца проявляется одна из частных закономерностей организации текста. Абзац начинается с описания ситуации в общей форме (гипероним), затем способ описания конкретизируется, в заключение — снова более обобщенное описание (в данном случае: ...хоть бы один черт!).

Использование обобщенного обозначения вначале может быть вызвано эмоциональным состоянием говорящего: под влиянием переживания, аффекта он обозначает происшедшее самым общим образом, а затем уже вносит необходимые уточнения: *Я извинаясь, но он как-то странно... Ни одного слова путного не сказал* (Смерть чиновника). Этот же пример показывает и еще одну функцию первичного расширенного обозначения события: оно квалифицирует событие, дает ему оценку, тогда как вторичное обозначение — более конкретное — непосредственно описывает его. В самом деле, в приведенном выше примере первая фраза, описывающая поведение начальника, не столько раскрывает это поведение (это сделано во второй фразе), сколько дает оценку этому поведению с точки зрения говорящего. Анализ примеров наводит на мысль, что в паре обозначений ситуации: гипероним — гипоним функция первого заключается именно в оценке события, в подчеркивании модальности. Логически это понятно: когда событие описано в его подробностях, то тем самым дается и оценка его. Поэтому, чтобы подчеркнуть эту фразу, говорящий сначала сообщает «оценочную» фразу, затем уже излагает факт, согласно схеме: 1) Произошла большая неприятность, 2) Случилось то-то... Например: *Хозяева лихо задумали... Хотят твоего купца порешить* (Степь). Говорившие знали с самого начала, что задумали хозяева, но прежде они дали общую оценку готовившемуся событию (*лихо задумали*), затем уже рассказали, в чем дело. Нередко оценка события (гипероним) и его изложение (гипоним) распределяются между репликами диалога, принадлежащими разным его участникам: — *Сказывают, денег потом нашли мало. — Мало, — подтвердил Пантелей. — Рублей сто нашли* (Степь). Несомненно, что и первый рассказчик, более сведущий, знал, какую сумму нашли при убитом. Но ему важно подчеркнуть, что сумма была невелика, что человека убили «ни за грош». Второй собеседник дает уже объективное описание факта, получившего оценку в его предыдущих обозначениях. Другой пример: — *А ты все еще своей ерундой занимаешься! не отвык еще? — Кой черт... Весь день ловлю, с утра* (Дочь Альбиона). С точки зрения приехавшего Отцова увлечение Грябова рыбной ловлей — ерунда, и в своей реплике он дает оценку этому занятию. В ответе Грябов дает точное обозначение этого занятия. Но в отношении объема *заниматься ерундой* — более широкое понятие, чем *ловить рыбу*, ибо оно может охватывать другие действия.

В некоторых случаях конкретизация выступает как способ подтверждения сентенции: приводятся примеры, иллюстрирующие мысль, высказанную ранее в более общей форме. Например: *Чихать никому и нигде не возбраняется. Чихают и мужики, и полицейские, и иногда даже тайные советники. Все чихают* (Смерть чиновника). В этом случае обращает на себя внимание отмечавшийся выше «троичный» принцип построения абзаца: от более широкого обозначения к более конкретному и снова к более широкому (*Все чихают*). *Выврать можно. Только тут понимать надо, без понятия нельзя...*

Зубы разные бывают. Один рвешь щипцами, другой козьею ножкой, третий ключом... Кому как (Хирургия). Общее правило (*зубы разные бывают*) в следующей фразе конкретизируется, а в заключение снова делается обобщение (*кому как*).

Расширение в текстах встречается весьма часто. Последующее обобщенное выражение ситуации служит средством подчеркивания, выражения категоричности. Говорящий стремится таким образом показать, что данный факт является частным случаем более общего факта: — *Нет, это не генеральская... — глубокомысленно замечает городской. — У генерала таких нет. У него все больше лягавые* (Хамелеон). Отношение включения между двумя репликами подтверждается их лексико-грамматической структурой. Первое суждение касается единичного объекта. Второе — всего класса данных объектов. Сюжет вполне допускал употребление в самом начале второй фразы, но смысловая градация показывает нарастание уверенности в суждениях «хамелеона».

Обобщенное обозначение события при расширении позволяет, так же как и при суждении — сосредоточить внимание на оценке, на отношении говорящего к событиям, подчеркнуть императивность, обязательность. Вот, например, повторное обозначение пожара: *А Антип лез в сени, в огонь и кричал оттуда: — Качай! Потрудитесь, православные, по случаю такого несчастного происшествия!* (Мужики). Обобщенное обозначение события (несчастное происшествие) усиливает эмоциональное воздействие призыва. Другой пример: *Когда же купальня будет готова, черти? два дня как работаете, а где ваша работа?* (Налим). Говорящий мог бы сказать *А что вы построили?*, но более обобщенная форма выражения усиливает осуждение: *а что вы вообще сделали за это время?*

И, наконец, расширенное обозначение может иметь форму сентенции, афоризма, что также подчеркивает категоричность суждения, снимает возможные сомнения: — *Может быть, что-нибудь да поймает. Под вечер рыба клюет лучше* (Дочь Альбиона). Ср. два высказывания: — *Аксинья!.. Я тебе давеча сказал, чтобы бросила деньги в колодец. Ты бросила? — Вот еще добро в воду бросать! Я косарям отдала* (Мужики). Мы видим, что в реплике Аксиньи ситуация получает обобщенное обозначение по сравнению с вопросом старика. Это проявляется в ряде лексико-грамматических замен. Вместо слова *деньги, колодец* (с водой) употреблены слова, обозначающие более широкие понятия: *добро, вода*. Вместо конкретно-личной формы глагола (*ты бросила*) — неличная форма — инфинитив, обозначающий действие в наиболее общем виде. Аксинья могла бы ответить, например: *Стану я деньги в колодец бросать*. Но в более обобщенном виде ее ответ приобретает форму сентенции, которая подчеркивает категоричность ответа и правильность поступка говорящей, поскольку, обобщая ситуацию, она хочет показать, что не только она в данном случае, но никто в подобных случаях поступать таким образом не будет.

Итак, мы видим, что расхождения в объеме обозначения на уровне предложения выполняют различную смысловую функцию. При сужении вначале дается модально-оценочная рамка факта, затем излагается сам факт, расширенное же обозначение служит главным образом для подтверждения высказанного суждения путем обобщения его. Нередко два типа обозначения перемежаются, причем наиболее частая последовательность такова: широкое обозначение — конкретное обозначение — широкое обозначение. В диалоге такая последовательность служит нередко для выражения значений: вопрос (о событии) — изложение события — реакция собеседника (совет, опровержение, оценка).

Отношения перекрещивания. Уже в некоторых из приведенных выше примеров могут быть прослежены отношения не подчиненности (включения), но перекрещивания, при которых события, вернее, классы событий лишь частично перекрывают друг друга. Так можно, например, интерпретировать предпоследний пример. В самом деле, *поймать* может относиться не только к рыбной ловле. С другой стороны, *клевать* не обязательно означает *ловиться*. Разумеется, такая интерпретация возможна лишь при отделении фраз от контекста и ситуации. Более определенно отношения перекрещивания связывают предложения, обозначающие факты, между которыми имеются отношения смежности, причинно-следственные и т. п. Возьмем фразу: — *Боже мой, Митя и Коля?... Какие большие стали! Даже не узнаешь вас!* (Именины). Ситуации «стать большим» и «стать неузнаваемым» лишь частично перекрывают друг друга; можно вырасти и остаться «узнаваемым», можно стать неузнаваемым по иной причине. Но в этой реплике они связываются как причина и следствие. Второе предложение выступает как повторное обозначение больших изменений, происшедших в облике молодых людей. Любую из двух последних реплик можно было бы опустить без ущерба для информативной стороны абзаца в данной ситуации, что подтверждает их соотносительность с одним и тем же событием. Но вторая реплика, денотативно избыточная, выражает эмоциональную сторону сообщения, и в этом ее коммуникативная необходимость. — *Я вас заслушалась, — сказала она, подходя к пианино. — Я вас заслушалась. У вас удивительные способности!* (Именины). Здесь оценка игры музыканта выражена трижды: с помощью простого повтора и указанием на причину, следствие которой выражено в предыдущих фразах (*У вас удивительные способности к игре → Вы замечательно играете → Вы играете так, что вас заслушивают*). Этот пример показывает, кроме того, что нередко повторное обозначение событий достигается с помощью разноаспектных номинаций, фиксирующих у одних и тех же событий, явлений, фактов их разные черты. Всякое событие характеризуется совокупностью определенных элементов и отношений между ними, их действий или состояний. Одни из этих действий и отношений могут эксплицитно выражаться в высказывании, другие — оставаться в сфере пресуппозиции говорящих. Это создает возможность разнообразного по структуре отображения одного и того же события. Напри-

мер: *В лесу раздавался топор дровосека* (событие описано через указание на восприятие звука, производимого орудием действия — топором) и *В лесу рубили дрова* (событие описано через обозначение самого действия — рубить). Данное обстоятельство в свою очередь обуславливает возможность варьирования обозначения событий при повторной номинации.

Отношения соподчиненности. Эти отношения связывают предложения, раскрывающие отдельные проявления общего качества, свойства, события. Так, если делать нечто значит делать А, Б, В, то соотношение между фразами, обозначающими действия А, Б, В, и есть отношение соподчиненности, причем, без ущерба для общей информации, эти фразы в контексте могут быть переставлены, иногда некоторые из них опущены. Например: *Вонмигласов сидит минуту неподвижно, словно без чувств... Он ошеломлен... Глаза его тупо глядят в пространство, на бледном лице пот* (Хирургия). Первое и третье предложение семантически подчинены второму и показывают, в чем проявляется ошеломленность данного персонажа. Эти предложения можно было бы переставить (при некоторой модификации), может быть, даже и опустить. Их назначение — не столько выразить информацию (она в общем виде выражена обобщающим предложением *Вонмигласов ошеломлен*), сколько усилить эмоциональное воздействие описания на слушателя и вместе с тем подчеркнуть состояние персонажа. — *А мне, братцы, наипервейшее удовольствие — рыбку ловить. Хлебом меня не корми, а только дай посидеть с удочкой. Ловлю я и на удочку, и на жерлицу, и верши ставлю, а когда лед идет — наметкой ловлю... Страсть, сколько я на своем веку рыбы переловил!* (Мечты). Первые два предложения можно рассматривать как предложения семантического тождества (*наипервейшее удовольствие — хлебом меня не корми; рыбку ловить — посидеть с удочкой*). Во второй фразе выражение *с удочкой посидеть* может рассматриваться как обозначение рыбной ловли вообще (частый в реальной речи случай использования видового термина в родовом значении). Третья фраза содержит ряд сказуемых, соподчиненных между собой, показывающих различные виды рыбной ловли и в своей совокупности уточняющих, что значит *рыбку ловить*.

Итак, между кореферентными предложениями, соотносящимися с одним и тем же событием, могут быть выявлены логико-семантические соотношения, подобные тем, что устанавливаются между разными способами обозначения в контексте одного и того же объекта. Эти смысловые отношения — тождество, включение (расширение и сужение), перекрещивание, соподчинение — характеризуются определенным соотношением формальных сторон двух предложений. Кореферентные предложения используются в речи для выражения различных смысловых оттенков, преимущественно модально-экспрессивного характера. Повторная номинация на уровне предложения — важный фактор смысловой организации текста, углубленное изучение которого может иметь несомненный практический и научный интерес.

ГЛАВА II

ПРАГМАТИКА И ЯЗЫКОВОЕ ВАРИИРОВАНИЕ

1. Прагматика, узус и грамматика речи*

В последние годы большое внимание лингвистов и философов привлечен прагматический аспект языка. Слово *прагматика*, родственное слову *практика*, происходит от греческого *pragma* — «действие, дело». Прагматика описывает факты языка (как и вообще элементы знаковых систем) в аспекте человеческой деятельности. Она, следовательно, изучает язык в плане его употребления. Объем прагматики, ее соотношение с другими разделами языкознания окончательно не установлены¹. Одни ученые считают ее неразрывной частью лингвистики, более того, склонны сводить всю лингвистику к прагматике, другие, напротив, исходя из того, что синтаксис и семантика изучают язык «в себе», а прагматика в его употреблении, полагают, что прагматика ближе к психологии и социологии, чем к логике и лингвистике (см.: *Récanati F. Le développement de la pragmatique // Langue française, 1979, n. 42, p. 8*). Тем не менее прагматический подход к явлениям языка приобретает все большее распространение.

Интерес к прагматике, поворот к ней объясняются рядом факторов. Как известно, введший это понятие в семиотику Ч. Моррис различал в семиотике три аспекта: синтактику (формальные отношения знака к другим знакам), семантику (отношение знака к обозначаемому объекту) и прагматику (отношение знаков к людям, которые ими пользуются). Развитие лингвистики за рубежом, особенно в странах английского языка, следовало в общих чертах этим трем аспектам семиотики. Вначале структурная лингвистика, особенно в ее дистрибутивном варианте, стремилась ограничиваться исследованием лишь формальных отношений языковых единиц друг к другу, намеренно

стараясь не обращаться к смыслу, «выводить его за скобки». Однако уже в середине 60-х гг. этот метод исчерпал себя, показав свою неостоятельность для полного и всестороннего анализа языковых фактов. Через трансформационную грамматику языкознание вернулось в эти странах к семантике — вначале в общей форме, затем все более детализируя семантический анализ. Так на передний край вышли семантические исследования, причем не только в сфере лексики, но и в сфере синтаксиса. Однако и семантический компонент в той версии, какой он использовался в трансформационной порождающей грамматике, не мог удовлетворить всем потребностям исследования языка, особенно в области его функционирования. Высказывание в этих теориях связывалось с условным, «средним» носителем языка, и за пределами анализа оставались реальные, пользующиеся языком люди со всеми их чувствами, взаимоотношениями, намерениями и целями. Стало ясно, что для полного объяснения языка — как его устройства, так и особенностей употребления в речи — необходимо обратиться к фактам функционирования языковых форм. Это стимулировало обращение к прагматике, и уже на рубеже 70-х гг. термин *прагматика* связанные с ним понятия все чаще появляются в работах лингвистов разных направлений. Таким образом, если синтактика в приложении к языку объясняет, как устроено высказывание, как говорит человек (в плане внешних форм языка), если семантика показывает, что означает данное высказывание, то прагматика стремится раскрыть, в каких условиях и с какой целью в данном случае говорит человек.

Повышению интереса к прагматике в лингвистике способствовал и развитие современной логики. В течение всей своей истории обогатившая друг друга. «На наших глазах, — пишут отечественные специалисты, — в логике — этой очень древней области знания — происходят примечательные сдвиги. Наука о правилах и законах рассуждений, приводящих к раскрытию либо обоснованию истин, в течение столетий носившая весьма отвлеченный, сугубо теоретический характер, далекий от непосредственной практики, оборачивается теперь лицом к «фактической» реальности: исследует не только идеализированные схемы научных рассуждений, но и стремится учесть подлинную сложность познавательных процессов... <...> [Эти факторы] диктуют установление теснейших связей логики ... с прагматикой — той частью науки о знаковых системах, в которой непосредственно учитывается «человеческий фактор». Не будет преувеличением сказать, что центром, вокруг которого группируется логическая проблематика, поставленная кибернетикой, является проблематика *коммуникации*» (Бирюков Б. В., Горский Д. П. Определение как логическая семиотическая и операционно-прагматическая процедура // *Поиск в Теория определения*, М., 1976, с. 225). В связи с этим внимание лингвистов направилось на исследование факта коммуникации, или речевого акта. Они исследуют структуру речевого акта (которая включает

* Впервые опубликовано: *Иностранные языки в школе*, 1982, № 5.

¹ По вопросам отношения прагматики и лингвистики см.: Степанов Ю. С. В поисках прагматики // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.*, 1981, т. 40, № 4; Булыгина Т. В. О границах и содержании прагматики // Там же; ряд других статей, опубликованных в этом же издании; см. также Арутюнова Н. Д. Логические теории значения // *Принципы и методы семантических исследований*. М., 1976.

участников коммуникации, взаимоотношения между ними, роль их позиций в организации высказывания и др.), условия речевого акта (в связи с этим первостепенное значение отводится пресуппозиции — совокупности знаний, объединяющих говорящих, а также намерению говорящего), цель и назначение речевого акта (в связи с этим вскрывается соотношение между значением высказывания и ожидаемым от него эффектом), различные типы речевых актов. Многие коренные проблемы логики, такие как проблема значения или проблема истинности, рассматриваются в этом направлении логики сквозь призму речевого акта (см. подробное освещение этой проблематики в кн.: *Петров В. В. Структуры значения. Логический анализ. Новосибирск, 1979*).

В нашей стране многие аспекты, которые ныне связываются с прагматикой, разрабатываются давно и плодотворно, хотя и в рамках иных разделов лингвистики и иных терминологий. К таким разделам языкознания можно отнести общую теорию языковой деятельности, разрабатываемую, в частности, психолингвистикой; функциональный подход, исследующий факты языка и их реализация в речи; стилистику, определяющую условия и назначения речевых реализаций, отводящую первостепенную роль говорящему субъекту. Некоторые разделы стилистики и теории текста — такие как теория диалога — непосредственно сближаются с прагматикой. И наконец, нельзя не обратить внимания на то, что многие проблемы, рассматриваемые в рамках логико-лингвистической прагматики, обсуждались в литературоведении.

Разумеется, при всем сходстве многих задач и углов зрения, характерных для лингвистической и логической прагматики, между ними имеется существенное различие, и не все проблемы, интенсивно обсуждаемые в логике, релевантны в лингвистическом отношении. Так, одна из основных проблем логики — выявление условий истинности высказываний — не существенна для собственно лингвистического подхода к материалу. Лингвистика изучает прежде всего не истинностное отношение высказывания к действительности, но лингвистическое выражение, языковую оболочку мысли. Многие тонкие и глубокие наблюдения над функционированием языковых форм, которые осуществляются в современной «прагматической» логике, представляют большой интерес для раскрытия законов мышления, закономерностей психологии человека в языковом поведении, но не являются прямой необходимостью для собственно лингвистического анализа. И все же обращение к работам по лингвистической прагматике представляет несомненный интерес для лингвистов, так как во многих случаях невозможно до конца раскрыть особенности употребления языковых форм, не обращаясь к законам мышления и поведения людей в коммуникации, так же как к экстралингвистической действительности. Здесь следует сделать, однако, еще одну оговорку. Логическая прагматика развивалась в рамках прежде всего теории значения, теории референции. Она преследовала цель истолкования

семантики языковых форм. С лингвистической точки зрения она, следовательно, характеризовалась преимущественно семасиологической направленностью — от форм к содержанию. Владение языком предполагает и кодирование. Поэтому, изучая язык в аспекте прагматики, необходимо рассматривать соответствующие явления и в ономасиологическом аспекте — от выражаемого содержания к используемым формам. В этом случае большое значение приобретает сопоставительный анализ, показывающий, как реально говорят люди на данном языке. В настоящей главе мы остановимся на этих проблемах, обсуждаемых в исследованиях по прагматике и имеющих наибольшее значение для лингвистического анализа при практическом освоении языка: структуре речевого акта, типологии речевых актов и расхождении прямых и косвенных высказываний.

Структура речевого акта. Различные теории синтаксиса сходятся на том, что различают, хотя и называют по-разному, две стороны в высказывании. Высказывание описывает прежде всего определенное событие (предикативные отношения, положение дел). Это отражается в денотативном аспекте высказывания, называемом также, если пользоваться терминологией Ш. Балли, диктумом. Другая сторона высказывания — его модально-коммуникативный аспект, или модус, — отображает условия и цели общения. Сравним фразы: *Петр пришел; Пришел Петр?*; *Петр пришел; Петр, приходи!*; *Я хочу, чтобы Петр пришел* и т. п. Все они соотносятся с одним и тем же фактом — приходом Петра, что составляет их диктум или пропозицию (субъектно-предикатное отношение высказывания). Но эти фразы различаются по цели сообщения (повествование, вопрос, побуждение), степени информированности собеседника (выделение (*Это Петр пришел*), по значению позиции говорящего (*Я хочу...*)). Совокупность перечисленных значений, как бы модифицирующих основное содержание высказывания (*Петр + прийти*), и составляет его модус. Эти значения отражают особенности данного акта речи, его структуры, и прагматический подход нацелен прежде всего на изучение этих значений. Анализ структуры речевого акта, проводимый в прагматике, позволяет выявить его компоненты и соответствующие языковые категории. Общая структура речевого акта еще не разработана во всех деталях, но на основании существующих исследований в речевом акте можно выделить следующие основные компоненты: 1) говорящий; 2) адресат речи; 3) исходный материал высказывания (пресуппозиция говорящих); 4) цель сообщения; 5) развитие, внутренняя организация речевого акта; 6) контекст и ситуация общения. Эти компоненты речевого акта в структуре высказывания отображаются в ряде категорий, из которых одни ориентированы на говорящего, другие на слушающего, третьи отражают отношения между ними.

Человеческая речь эгоцентрична, поскольку именно говорящий отображает в своем сознании отношения между предметами действительности и компонентами речевого акта. Некоторые лингвисты (например, Э. Бенвенист) говорят в связи с этим о субъективности речи.

Следует подчеркнуть, что субъективность в данном случае не означает субъективизма, ибо позиция говорящего объективно детерминирована его участием в акте коммуникации. К категориям, отображающим специфическое положение говорящего (1), относятся: а) локализация (локация) речи, определяющая факты по отношению к оси *я — здесь — теперь*. Как видно, выделяются три вида локализации: персональная, пространственная, временная; б) модальность в ее двух основных разновидностях: модальность диктума, отражающая отношение сообщаемого к действительности с точки зрения говорящего, и модальность модуса, выражающая знание, волю и чувства говорящего по отношению к тому, что сообщается; в) оценка (*так/иначе*, соответствие высказываемого нормам, существующим в представлении говорящего); г) эмотивность (эмоциональность); д) дистантность (степень заинтересованности говорящего в сообщаемом).

Направленность на адресата (2) играет важную роль в организации высказывания. Э. Бенвенист отмечает, что в целом «акт высказывания характеризуется подчеркиванием устанавливаемого в речи отношения к партнеру» (Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 316). К семантическим категориям, ориентированным на адресата, относятся: а) информативность, поскольку основная цель высказывания — сообщить информацию собеседнику (с информативным аспектом связаны актуальное членение предложения, средства выделения и другие элементы речи); б) экспрессивность (она ориентирована на собеседника, так как имеет целью заинтересовать его, оказать на него воздействие, произвести впечатление); в) прозрачность (степень ясности речи для слушающего).

В высказывании отображаются и специфические межличностные отношения между участниками коммуникации, обуславливающие, в частности, социальный аспект общения, который отражается в формах вежливости и функционально-стилистических модификациях языковых средств. На собеседника ориентированы многочисленные модальные элементы, предупреждающие его возможную реакцию (например, *ведь* и др.). В рамках прагматического подхода к изучению речи особое внимание уделяется разнообразным языковым элементам, отражающим позиции участников речи, степень знания ими предмета речи и самого языка (например, средства приближенной номинации типа *что-то, вроде, какой-то* и т. п.), их представление о норме (например, *даже, еще, уже* и т. п.), их аргументацию.

Исходный материал высказывания (3), общие знания говорящих о мире, об обстоятельствах данного акта речи и о языке, которым они пользуются, определяют пресуппозицию (соответственно, общую, частную и лингвистическую пресуппозицию). Пресуппозиция предопределяет такие стороны высказывания как его структурно-семантическая избыточность или экономия.

С целью сообщения (4), неразрывно связанной с ориентацией на собеседника, соотносятся такие семантические особенности выска-

зывания как его коммуникативная установка (сообщение, вопрос, побуждение) и тип акта речи (об этом подробнее ниже).

Течение речевого акта, его внутренняя структура (5) предопределяют: а) использование элементов, обозначающих вступление в речевое действие, его продолжение или прекращение. К ним относятся обращение, глаголы речи, некоторые междометия и речевые стереотипы (*эй!*, *послушайте; скажите, пожалуйста* и т. п.); б) употребление элементов, отмечающих внутреннее членение сообщения (*во-первых; далее; в общем* и т. п.).

Связь с другими высказываниями в контексте или ситуации (6) выражается в употреблении: а) анафорических элементов, местоимений, артиклей, родовых терминов и др.; б) связующих внутрифразовых и межфразовых частиц, союзов, вводных слов.

Прагматика нацеливает на выявление и углубленное изучение разнообразных языковых элементов — «речевых слов», или индикаторов, которые выражают перечисленные речевые категории, отражающие различные аспекты акта речи. В качестве индикаторов подобного рода могут выступать определенные разряды знаменательных или служебных слов, а также некоторые грамматические формы и интонация. Имеются, например, индикаторы, выражающие степень определенности события с точки зрения говорящего (*обязательно; я полагаю, что; возможно* и т. п.), субъективно-оценочные (*приятный; обрадоваться чему-л.; к счастью* и т. п.), логико-аргументативные (*исключительно; следовательно; даже; отсюда вытекает* и т. п.), индикаторы степени точности номинации (*определенный; самый; какой-то; что-то вроде; похоже* и т. п.). Прагматический подход открывает широкие перспективы в анализе языковых средств, побуждая обращать внимание на важные явления, которым в традиционной грамматике не уделялось должного внимания. Многие из этих индикаторов, без которых не строится ни одна живая фраза, либо вообще не изучались, либо не исследовались с необходимой глубиной. Причина этого состоит в том, что они распределяются по различным частям речи и поэтому всегда рассматривались разрозненно, так что их функциональная общность и специфика оказывались невыявленными.

В научной литературе обращалось внимание на то, что прагматический подход понижает уровень лингвистического анализа. Следует заметить, однако, что этот подход делает лингвистический анализ более содержательным и углубленным. Внимательное изучение категорий речевого акта и средств их выражения позволяет вскрыть существенные закономерности употребления языковых единиц, уточнить их синонимию, углубить их семантический анализ. Например, формально-грамматический анализ обнаруживает в предложении лишь грамматический субъект — подлежащее. Семантический синтаксис выделяет еще и семантический (реальный) субъект. При прагматическом подходе, учитывающем все тонкости отношений между участниками коммуникативного акта и предметом речи, семантический субъект расщепляется по меньшей мере на три сущности, так что вы-

делается протагонист (исполнитель действия), говорящий и источник информации (автор высказывания). Во фразе *Я прочел эту книгу* все три субъекта материально совпадают, но их возможные расхождения (в других фразах) объясняют многие оттенки значения и закономерности употребления целого ряда речевых индикаторов. Приведем следующие примеры.

Модальное слово отражает позицию говорящего, если оно находится в главном или независимом предложении, и позицию протагониста (который может совпадать с источником информации), если оно стоит в придаточном. Ср.: *Петр, должно быть, придет* (должно быть отражает сомнение говорящего) и *Петр сказал, что он, должно быть, придет* (должно быть выражает неуверенность самого Петра).

Французские союзы *car* (ибо) и *puisque* (потому что) синонимичны и во многих контекстах взаимозаменяемы: *Sortons car (puisque) il fait beau temps* — *Пойдем прогуляемся, поскольку погода хорошая*. Однако в контексте *A: Ce qu'il fait beau aujourd'hui! B: Eh bien, sortons, (car, puisque) il fait beau aujourd'hui* союз *puisque* вполне приемлем, так как *car* менее допустим, по крайней мере без специфически иронической интонации (см.: *Ducrot O. Les mots du discours. P., 1980, p. 47–50*). О. Дюкро объясняет это тем, что *car* выражает совпадение говорящего и источника информации, тогда как *puisque* может выражать причинную связь и при их расхождении, что как раз имеет место во втором случае (ср. *Погода хорошая. — Что ж, пойдем прогуляемся, раз погода хорошая*). Таким образом, оба союза различаются прагматически — своей соотношенностью с участниками коммуникации.

Тот же автор правильно подчеркивает особый характер отрицания, которое почти всегда предполагает реакцию на слова собеседника, либо на свое собственное предположение, либо на общепринятую норму. Фраза *Этот дом большой* выражает непосредственное суждение говорящего. Фраза *Этот дом не маленький* предполагает ранее высказанную или невысказанную мысль «Этот дом маленький». В предложении *Он хвастается успехами, которых у него нет* отрицание показывает, что говорящий и источник информации об успехах — разные лица.

Лингвисты, исследующие прагматический аспект языка, обнаруживают в высказываниях полифонию, о которой давно уже писали литературоведы и которая состоит в одновременном в пределах одного высказывания выражении точек зрения говорящего, протагониста, источника информации, слушающего.

Изучение речевых индикаторов важно и в межъязыковом сопоставительном плане, поскольку для выражения одного и того же значения разные языки могут использовать различные средства. Кроме того возможно и отсутствие эксплицитного выражения данного значения. Например, всем языкам свойственны логико-аргументативные индикаторы, «шарниры», выражающие связь между мыслями и понятиями. Однако исследователи отмечают, что, например, английский язык использует их реже, чем французский, и многие логиче-

ские соединительные элементы французского текста не имеют аналогов в английском.

Так, при переводе с французского на английский индикаторы логической связи *en effet, cependant, alors, aussi* нередко опускаются либо заменяются указательными или связующими элементами *this, and* и др. (см.: *Vinay J.-P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. P., 1958, pp. 226–230*). Напротив, в немецком тексте некоторые пояснительные элементы типа *nachden, darum* употребляются чаще, чем во французском (см.: *Malblanc A. Stylistique comparée du français et de l'allemand P., 1961, p. 248*).

Приведем еще один пример. Логика выделяет в высказывании особые элементы — индексалы, характеризующиеся непостоянной референтной соотношенностью, которая устанавливается заново в каждом отдельном высказывании. Конкретное значение индексалов опирается на контекст или ситуацию. К ним относятся местоимения и родовые термины. Индексальные элементы присутствуют во всех языках и используются по-разному. Например, французский язык часто обращается к местоименным и родовым терминам там, где русский язык использует собственные имена или видовые термины. Ср.: *Celle-là lui avait paru jolie (Flobert) — Госпожа Бовари ему приглянулась*. Или: *Il se laissait bercer au trot pacifique sa bête (Flaubert) — И спокойная рысца лошади успокаивала его*. Это свидетельствует о большей семантической зависимости французского высказывания от контекста, чем русского (см.: *Гак В. Г. Категории процесса // В. Г. Гак, Ройзенблит Е. Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М., 1965, с. 23–28*).

Типология речевых актов. Если структура акта речи показывает, как говорят люди, то типология речевых актов показывает, зачем, с какой целью они говорят. Следует заметить, что пока еще не существует общей типологии речевых актов, а предлагаемые различными логиками и лингвистами классификации неустойчивы и быстро приходят на смену одна другой. Речевые акты могут к тому же классифицироваться на основании различных аспектов самого речевого акта. Наиболее широко обсуждаемой является классификация речевых актов по их целенаправленности. С этой точки зрения все речевые акты могут делиться на информативные и неинформативные.

Среди информативных речевых актов английский логик Дж. Остин различал два типа: констатирующие и перформативные высказывания (акты речи). Первые представляют собой сообщения о каком-либо событии, поступке, вторые равносильны самим поступкам (в этом случае, произнесенные фразы совпадают с совершением дела). К перформативным актам относятся обещание, клятва, извинение и др. Выражающие их высказывания имеют определенные языковые особенности — наличие особых, информативных глаголов в первом лице и настоящем времени (*Я клянусь; Я обещаю* и т. п.). Направленность акта речи на реализацию обозначаемого действия составляет его иллюкутивную силу. Высказывания могут иметь разную иллюкутивную

силу; в большей степени она представлена в императиве. Критикуя Дж. Остину, иную, более подробную, классификацию речевых актов разработал Дж. Серль. На основании ряда перекрещивающихся признаков он выделяет пять общих типов информативных речевых актов: репрезентативы (описывающие определенное положение дел), директивы (побуждения), акты обязательства, формулы социального этикета (благодарность, извинение и т. п.), декларации (например: *Объявляю заседание открытым*).

К неинформативным речевым актам относятся контактоустанавливающие, эмоционально-оценочные и др. В контактоустанавливающих речевых актах обмен репликами служит не для обмена информацией, а для установления контакта между собеседниками либо для обозначения того, что между ними имеются определенные социальные отношения. Таковы, например, расспросы о здоровье при встрече, замечания о погоде, «обмен» известными обоим собеседникам новостями (см.: *Бенвенист Э. Указ. соч. с. 318*). Лингвистической особенностью таких актов является использование стандартизованных речевых формул (типа *Как дела? — Ничего; Как здоровье? — Помаленьку*). В эмоционально-оценочных актах речи центр тяжести падает на выражение оценки события, а не информацию о нем. В них отображается эмоциональное состояние говорящих, которое, в свою очередь, как показывает современная психология, носит в структуре человеческой деятельности мобилизующий или компенсаторный характер. Компенсация проявляется в том, что эмоции позволяют принимать решения при недостаточности информации. Эмоционально-оценочные высказывания имеют ряд характерных языковых особенностей, среди которых выделяются эмоционально-окрашенная лексика, экспрессивный синтаксис, специфическая интонация, частое использование языковых средств в несобственном значении (например, вопрос к вошедшему *Вы уже пришли?* неинформативен (говорящий сам видит это) и выражает оценку — удивление, удовлетворение, недовольство — при соответствующей интонации).

Таким образом, анализ типов актов речи имеет важное практическое значение. В семасиологическом аспекте он показывает модификации значений языковых средств в зависимости от типа речевого акта, в ономасиологическом — выбор средств выражения в данном языке при реализации речевого акта определенного типа.

Прямые и косвенные высказывания. Весьма важным является различие между прямыми и косвенными иллокутивными речевыми актами. В прямых актах речи данный эффект не соответствует прямому значению высказывания, но обуславливается фоновыми знаниями (пресуппозицией) говорящих, условиями общения. Способность высказывания производить эффект, не вытекающий непосредственно из семантики высказывания, называют также перлокутивным эффектом. Анализ косвенных высказываний сыграл большую роль в развитии лингвистической и логической прагматики. К прагматике лингвисты и философы первоначально обратились для истол-

кования тех высказываний, в которых реальный практический смысл не вытекает непосредственно из их значений.

Различение прямых и косвенных речевых актов и соответствующих им прямых и косвенных высказываний приводит к необходимости различать собственное и прагматическое значение языковых единиц. Их собственное значение вытекает из общеязыкового значения компонентов высказывания; прагматическое значение отражается в функциональной направленности высказывания. Различая эти два значения, разные авторы дают им различные наименования. Собственное значение называется также прямым, непосредственным, семантическим, описательным (дескриптивным), прагматическое — косвенным (а иногда оно интерпретируется как «прагматическая функция» высказывания). О. Дюкро различает соответственно лингвистический и риторический компонент высказывания. В прямых речевых актах собственное значение и прагматическое значение совпадают, в косвенных речевых актах они расходятся.

Рассмотрим некоторые примеры косвенных высказываний, приводимые в работах по прагматике. Если мы говорим *Уже двенадцать часов (ночи)*, то это может значить «Пора уходить». Указание на время — собственное значение высказывания, «пора уходить» — его прагматическое значение, подсказываемое условиями общения, его функция, показывающая, для чего в данной ситуации было произнесено это высказывание. Обращаясь с просьбой к соседу *Не можете ли Вы передать соль?*, мы не осведомляемся о его физических способностях выполнить данное действие, но просим его сделать это. Смягченная просьба и будет прагматическим значением этого высказывания. Этот пример показывает, кстати, что нередко прагматическое значение вытесняет прямое семантическое и данная форма высказывания воспринимается прежде всего в прагматическом аспекте. Так, если на вопрос *Не знаете ли Вы, который час?* собеседник отвечает *Знаю*, понимая вопрос буквально, то это будет не тот ответ, которого ждал спрашивавший. Конструкция *Не знаете ли Вы* приобрела новое значение, синонимичное выражению *Скажите, пожалуйста*.

Одно и то же высказывание в разных условиях может приобретать различную прагматическую функцию. Французский лингвист П. Ларрейя приводит такой пример. Мать встречает детей, возвращающихся из школы, фразой *Телевизор испортился*. Такую же фразу она говорит и пришедшему с работы мужу. Семантика фразы неизменна, но прагматические значения ее различны. В первом случае женщина имеет в виду следующее: «Вы не будете смотреть телевизор, садитесь за уроки», во втором — «Аппарат надо починить» (см.: *Larreyя P. Enoncés performatifs. Présupposition. Eléments de sémantique et de pragmatique. P., 1979, p. 22*). Трактовка эта, однако, не совсем точна, ибо здесь игнорируется интонация, а фраза, несомненно, произносилась с различной интонацией. Интонация же больше, чем какой-либо другой компонент высказывания, передает все те обертоны, которые формируют

прагматические значения. Но вместе с тем пример наглядно показывает пути и условия порождения прагматического значения.

Речевое высказывание всегда опирается на фоновые знания говорящих, на стратегию диалога, на общие законы мышления. Особенно большую роль в организации высказывания и порождении прагматических значений играют такие отношения между объектами и явлениями действительности как род — вид, целое — часть, причина — следствие. Знание этих отношений позволяет говорящему обозначать часть вместо целого, причину вместо следствия и т. п. без риска быть непонятым. Дж. Серль приводит такой пример. *Студент х: Давай пойдём сегодня вечером в кино. Студент у: Я должен готовиться к экзаменам.* Второе высказывание является косвенным: оно выражает отказ, что вытекает, однако, не из его собственного значения (здесь опять-таки следует отвлечься от интонации), но из ситуации разговора и знания экстралингвистической действительности собеседниками: говорящим известно, что подготовка к экзаменам требует большого количества времени и не позволяет тратить его на развлечения (см.: *Путров В. В.* Указ. соч. с. 98, где дается подробное изложение анализа этого примера). Всякое несобственное употребление языковых элементов позволяет не только обозначить необходимое, но и выразить дополнительное содержание. Например, метафорическое употребление слова даёт возможность одновременно и обозначить предмет и охарактеризовать его. Так же и косвенное высказывание одновременно выражает и свой прямой смысл (в данном случае — причина отказа) и другое значение (сам отказ). Возможно, что в развернутом виде мысль говорящего должна была бы принять следующую форму: «Я отклоняю твоё предложение, так как у меня нет времени, поскольку я должен готовиться к экзаменам», но, опуская другие предложения, говорящий высказывает только последнее, которое впитывает в себя значения предыдущих, приобретая, таким образом, прагматическую функцию (выражение отказа). Причина распространенности и употребительности косвенных высказываний, по-видимому, объясняется их исключительной емкостью и экономностью.

Различие между собственным и прагматическим значением особенно важно для «речевых слов», индикаторов различных аспектов речевого акта, о которых говорилось выше. В настоящее время на материале разных языков ведутся широким фронтом исследования по выявлению прагматических значений целых серий подобных слов. Например, глагол *думаю* во фразе *Я думаю, что нужно будет сделать (что-то)* сохраняет свое прямое значение — обозначение мыслительного процесса, и придаточное раскрывает содержание этого процесса. Но во фразе *Я думаю, что он уже пришел* тот же глагол приобретает иное, прагматическое, значение, выражая предположение (= *наверное*), а не самый мыслительный процесс. Он становится равнозначен вводному слову. В конце предложения, когда сама мысль уже высказана и стала ясна собеседнику, этот глагол может выражать уверенность, даже приказ. Иллокутивная сила его повыша-

ется: *Вы придете, я думаю? (— Вы должны прийти).* Французские *oui, non*, русское *да*, стоящие в конце реплики, выражают не утверждение и отрицание, а подчеркивание, аргументацию (*же, ведь*): *Et alors? Ils sont majeurs, non? (Simenon) — Ну и что, они же взрослые.* Русское *потому что*, так же как и французское *parce que*, может выражать не причину, а отказ от объяснения или невозможность его: «*Pourquoi?*» demanda le comte surpris. «*Parce que*», répondit-elle lentement (Zola) — «*Почему же?*» — спросил граф. «*Да потому*», — ответила медленно она.

Различие между прямым и косвенным высказыванием, иначе говоря, между прямым (дескриптивным) и прагматическим смыслом, имеет первостепенное значение для аутентичного владения языком. В одной и той же прагматической функции люди, говорящие на разных языках, могут использовать высказывания разной семантической структуры, тогда как разные языковые элементы могут приобретать различное прагматическое значение. Схождения и расхождения такого рода относятся к узусу, который охватывает закономерности использования языковых форм речи. Например, в одной и той же прагматической функции — приветствия — русский, английский и французский языки используют различные по своему первоначальному значению узуальные формы. *Здравствуйте! How do you do? Bonjour!* С другой стороны, сходные по структуре формы могут выполнять различную прагматическую функцию: русское *Добрый вечер!* — всегда приветствие при встрече, французское *Bonsoir!* часто используется при расставании.

Границы между описательным и прагматическим значением нечетки. Прагматические значения, которые получают языковые элементы речи, имеют тенденцию к закреплению, поскольку людям свойственно в своей речевой мыслительной деятельности использование динамического стереотипа. Благодаря узусу прагматическое значение закрепляется как одно из значений данного языкового элемента в социуме. Это значение может быть переносным с семантической точки зрения, но прямым, не косвенным — с прагматической, так как его использование определяется уже не только конкретными условиями данного акта речи. Именно в этих случаях полезны межъязыковые сопоставления для выявления закономерностей построения речи в данном языке. Реплика о прогулке, упоминавшаяся выше, может быть выражена с ориентацией на 2-е лицо (*Давай прогуляемся*), на 1-е (*Я хотел бы прогуляться, предполагается а ты?*) и безотносительно к участникам разговора (*Хорошо бы прогуляться*). Второе и третье высказывания являются косвенными, и свое прагматическое значение (предложение) они получают в ситуации. Наблюдение над речью французов показывает, что во французском языке относительно чаще используется ориентация на 1-е лицо, тогда как в русском — неличная форма. Например: *А: Придется ждать машину. Б: Надо возвращаться назад* (П. Павленко). Во французском переводе: *А: Rien à faire, attendons l'auto B: Revenons sur nos pas.* Русская репли-

ка более отвлеченна по форме — она могла бы относиться и только к говорящему, и только к собеседнику (например: *что же мне делать? (тебе) надо возвращаться назад*), и к третьему лицу. Французская реплика более конкретно указывает на протагониста действия. Выше мы приводили пример того, как аргументация опровержение возможного возражения собеседника во французском языке выражается расчлененным вопросом (с *oui*, *non* и особенно *n'est-ce pas*), тогда как в русском языке для этой цели широко используются частицы *ведь*. Для выражения смягченной просьбы во французском языке чаще, чем в русском, используется вопросительное предложение. Глагол *vouloir* — *хотеть*, обращенный к собеседнику, используется в этом языке для выражения побуждения — как смягченного, так и категорического: *Si vous voulez entrer, il vous montrera ses marchandises* — *Если вы войдете внутрь (= войдите внутрь), он вам покажет свой товар; Tais-toi, veuX-tu!* — *Да замолчи же ты!* Известно, что потребность в научном анализе возникает прежде всего там, где наблюдается расхождение между сущностью и явлением. Расхождения собственного значения высказывания и его функции в речи заставляют обращаться к прагматике. Прагматика выступает, следовательно, как раздел лингвистики, изучающий значения и употребления форм языка в зависимости от ситуации общения, от типов речевых актов. Она нацелена прежде всего на изучение коммуникативных категорий, в которых отражены различные аспекты (компоненты) речевого акта, и способов их выражения в языке, а также сдвигов в значениях языковых форм в речевой реализации. Вместе с тем она должна изучать не конкретные индивидуальные особенности речи говорящего, а общие закономерности употребления языковых форм в речи. Исследование языковых фактов в прагматическом аспекте способствует разработке грамматики речи, определяющей закономерности организации речи на данном языке.

2. Сопоставительная прагматика*

В последние годы на авансцену языкознания вышли проблемы прагматики. Это закономерно: в исследовании предложения языкознание обошло весь круг знаковых отношений, определенный еще Ч. Моррисом, перейдя от синтактики к семантике и далее — к прагматике. Всякая наука, исследуя определенный объект, стремится дать ответ на три основных вопроса: *что?*, *как?* и *почему? (зачем?)*. Синтактика, объясняя, как устроено высказывание, отвечает на вопрос: *как сказано?* Семантика, отражая отношения знаков к обозначаемым ими объектам, отвечает на вопрос: *что сказано?* Прагматика, изучающая отношение знаков к людям, которые ими пользуются, показывает, зачем была сказана данная фраза, что должно последовать

* Впервые опубликовано: НДВШ, Филологические науки, 1992, № 3.

далее. Прагматика в целом определяется как аспект лингвистики, изучающий отношения между высказыванием, говорящими и контекстом (ситуацией) в рамках человеческой деятельности. Наряду с собственно семантическим значением, высказывание обладает прагматическим значением (или прагматической функцией). Более позднее выделение прагматики в качестве особого научного направления объясняется тем, что традиционно высказывания изучались в основном в их описательном аспекте, вне непосредственной связи с деятельностью человека. Становлению прагматики способствовало изучение двух типов высказываний: перформативных, в которых деятельностный аспект составляет их семантическое содержание, и ковенных, у которых семантическое значение не совпадает с прагматической функцией.

В настоящее время круг проблем, которыми занимается прагматика, очерчен с достаточной ясностью¹. Однако представляет несомненный теоретический и практический интерес анализ проблем прагматики в сопоставительном плане. Сопоставительный подход не только заставляет обратить внимание на многие вопросы, которые при обычном «внутриязыковом» исследовании остаются в тени, но и выводит языкознание на проблемы социолингвистики и этнолингвистики. В сопоставительном плане прагматику можно изучать так же, как и любой другой аспект языка, где речь идет о соотношении формы и функции (содержания), а именно в семасиологическом и ономасиологическом измерениях.

В семасиологическом плане изучаются различия прагматических функций и эффектов высказываний одной и той же лексикограмматической структуры в разных языках. В ономасиологическом плане сопоставляются формы языкового выражения, способные выполнять одну и ту же прагматическую функцию, производить один и тот же перлокутивный эффект.

Из всех вопросов, охватываемых прагматикой, мы остановимся в данной статье на трех, следуя в этом отношении программе прагматических исследований, разработанной Б. Ханссоном, который выделял три уровня прагматики: индексальные выражения, косвенные акты речи, речевые акты².

Индексальные выражения. К ним относятся выражения, референт которых непосредственно зависит от ситуации разговора. Это прежде всего местоимения и другие элементы дейктического характера, но в более широком плане в эту группу включают все языковые элементы, служащие для актуализации высказывания, для установления соотношенности его с действительностью. Это явление называется также локализацией; локализаторы определяют высказыва-

¹ Арутюнова Н. Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

² См.: Hansson B. A Program for Pragmatics // S. Stenland ed. Logical Theory and Semantic Analysis. Dordrecht, 1974.

ние по отношению к участникам разговора, к координатам пространства и времени. Осью локализации является соотношение: *я — здесь — теперь*. Существует, следовательно, три типа локализации: личная, выражаемая местоимениями, глагольными флексиями др., пространственная, выражаемая наречиями (типа *здесь, там*), указательными местоимениями, и временная, передаваемая глагольными формами и наречиями времени. Уже на уровне языковой системы все три типа локализации во французском языке более дифференцированы, чем в русском. Во французском языке имеется разветвленная система относительных глагольных времен, локализирующих действие по отношению к точке отсчета в прошедшем или будущем времени. Но мы остановимся здесь на личной локализации, ставящей вопрос о прагматической интерпретации формы.

И. Бар-Хиллел, давший логический анализ местоименных выражений, сформулировал правило, согласно которому коммуникативное использование обыденного языка не может обойтись без индексальных элементов, в частности местоимений 1 и 2 лица, референты которых определяются конкретной речевой ситуацией. В доказательство он предлагает такой эксперимент: воображаемый логик Том Браун решил на собственном опыте узнать, возможна ли нормальная жизнь без местоимений 1 и 2 лица. Он хочет, чтобы жена принесла ему завтрак в постель, но он запретил себе употреблять выражения *I am angry* («Я хочу есть»), *Bring me, please* («Принеси мне, пожалуйста»). Будучи в курсе эксперимента, жена интерпретирует фразы супруга в буквальном смысле, так что философ был вынужден отказаться от «безиндексальной речи», чтобы не умереть с голода¹. Надо сказать, что русский экспериментатор никогда бы не столкнулся с подобными трудностями и смог бы позавтракать, не употребив форм 1 и 2 лица. Он мог бы прибегнуть к таким выражениям, как *Есть хочется*; *Хорошо бы позавтракать в постели* и т. п., причем его интерпретировали бы совершенно правильно.

Высказывание может быть формально ориентировано на 1 лицо, на 2 лицо или на «не-лицо», то есть на третье грамматическое лицо. Кроме того, 1 лицо может быть выражено подлежащим (*я*) либо дополнением (*мне, меня...* — в этом случае говорят о «понижении» субъекта). В английском и французском языках диалогическая реплика ориентирована чаще всего на 1 лицо, реже — на 2-е, еще реже — на 3-е. В русском языке, наоборот, относительно чаще (чем в указанных языках) используются формы 3-го лица и даже безличные². Так, форма *есть хочется* имеет широкое значение, может соотноситься с любым субъектом (например, со 2 лицом: *Если есть хочется, возьми хлеба с сыром*); собеседник это знает и правильно интерпретирует высказывание.

Даже перформативные высказывания, которые, по самой своей природе должны исходить от 1 лица, в некоторых других языках строятся именно с первым лицом, а в русском — со 2 или 3-м. Например, слова председательствующего: франц. *Je donne la parole à M. X.* и русск. *Слово предоставляется г-ну N*; слова судьи, выносящего приговор: англ. *I sentence you to ten years*¹ и русск. *Вы приговариваетесь к 10 годам тюремного заключения*; известный «полицейский» перформатив во французском языке ориентирован на 1 лицо (*Je vous arrête*) — в русском — на 2-е (*Вы арестованы*). Аналогично англ. *May I see your ticket, please*, букв. «Могу я видеть ваш билет» и русск. *Покажите, пожалуйста, ваш билет или Ваш билет, пожалуйста* (в обоих случаях 1 лицо элиминировано из поверхностной структуры русского предложения). С подобным устранением указания на говорящее, воспринимающее или каким-либо иным образом затрагиваемое действием лицо в русском предложении (по сравнению, например, с французским) мы встречаемся весьма часто.

Вот некоторые примеры из французских авторов и опубликованных переводов на русский язык: *J'étais amusé et charmé aussi* (Saint-Exupéry) *Это было забавно и мило* (субъект восприятия в русской фразе определяется только из ситуации); *Elle devrait comprendre, il me semble* (Maupassant) *Можно было бы, кажется, понимать* (две безличные формы русского высказывания *можно, кажется* соответствуют двум лично ориентированным во французском). Нередко субъект при переводе устраняется вместе с глаголом восприятия или чувства: *Je découvris sur cette nappe, à quinze ou vingt mètres de moi, un caillou noir* (Saint-Exupéry) *В каких-нибудь тридцати шагах от меня мерцал камень*. Ясно, что описано может быть только то, что воспринимается чем-либо. Во французском высказывании воспринимающее лицо обычно эксплицируется, в русском оно остается «за сценой», поскольку достаточно ясно подсказывается ситуацией. В прагматическом плане можно сделать вывод, что интерпретация высказывания (в данном аспекте) в русском языке в большей степени опирается на ситуацию или контекст, чем во французском, где она прямо вытекает из самой структуры фразы.

Акты речи. Исследовать акты речи в сопоставительном плане можно тройным образом. В первом случае составляется инвентарь актов речи с целью выявления способов их выражения в сравниваемых языках. Например, определяются акты речи информативные и неинформативные, а среди первых выделяются ассертивы, директивы, интеррогативы, комиссивы и т. п., затем выявляются средства выражения этих актов в двух языках. Также могут исследоваться аргументативные функции: согласие, обоснование, возражение и т. п.², равно как и элементы дискурсивной рамки высказывания: обращение, вступление в речь, уточнения и т. п. Такой материал частично представлен в различных пособиях.

¹ Armengaud. La pragmatique. P. 1985, p. 54.

² См. Гак В. Г. Русский язык в сопоставлении с французским. М., 1988.

¹ Ван Дейк Т. А. Язык, познание, коммуникация. М., 1989. С. 18.

² См.: Stasi S. Le transphrastique. P., 1990.

С другой стороны, модно выделить общие закономерности организации высказывания, свойственные любым актам речи, независимо от их содержания. В таком случае исследование выходит на изучение общих закономерностей формирования речи на двух языках¹. И, наконец, можно изучать общую типологию актов речи и ее представленность в двух языках. Именно этот аспект сопоставительного изучения актов речи мы постараемся показать на примере неинформативных актов речи в двух языках. Напомним, что к неинформативным речевым актам относятся приветствия, формулы вежливости, различные вербальные реакции и т. п. Акт речи представляет собой знаковое образование, план выражения в котором представлен определенными речевыми формулами, тогда как план содержания образуется определенной социальной функцией, которую можно назвать *прагмемой*. В межъязыковом плане между формой и прагмемой могут устанавливаться следующие типы соотношений:

	Язык А		Язык В	
	прагмема	форма	прагмема	форма
1.	П	Ф ₁	П	Ф ₁
2.	П	Ф ₁	П	Ф ₂
3.	—	—	П	Ф

Наибольшее сходство наблюдается в случае 1, когда одна и та же прагмема (прагматическая функция) выражена при помощи аналогичных языковых средств. В случае 2 прагмема, свойственная обеим культурам, выражена с помощью различных языковых средств. И, наконец, в случае 3 прагмема представлена только в одной из культур, в другой она отсутствует. (Здесь мы имеем дело со своеобразной прагматической лакуной в одной из культур.)

Например, русская формула *Приятного аппетита!* и французская *Bon appétit!* относятся к первой категории (хотя есть некоторые различия в их употреблении, о которых мы говорить здесь не будем). Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне² отмечают, что в британском варианте английского языка аналогичной формулы нет, эта прагмема в нем отсутствует, и мы имеем дело здесь со случаем 3. В американском английском, по свидетельству тех же авторов, в аналогичной функции может звучать восклицание *Hi!* и тогда перед нами случай 2 (различные форм при общности прагмем).

Знание прагмем и способов их выражения необходимо для аутентичного владения языком и для правильного поведения в инокультурной среде. Незнание прагмемы может привести к неверной интерпретации, особенно если используется косвенное высказывание. Так

¹ См.: Гак В. Г. К проблеме сопоставительно-типологического анализа речевого акта и текста // Сопоставительная лингвистика и обучение иностранному языку. М., 1987.

² См.: Vinay J.-P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. P., 1958, p. 55.

создается особый «акцент поведения», который может характеризовать иностранца не в меньшей мере, чем чисто языковой. Таким образом, при незнании прагмем и их оформлении может возникать трудность в семасиологическом плане (неправильная интерпретация высказывания) и ономазиологическом плане (неуместное употребление высказывания или его неупотребление там, где это желательно).

В качестве иллюстрации первого случая можно привести рассказ исследователя испанской разговорной речи В. Бейнхауэра¹. Фраза *¿Quiere usted tomar café conmigo? Не желаете ли выпить кофе со мною?* сама по себе абсолютно ясна, но автор был бы очень удивлен, когда о таком вопросом к нему обратился бривший его парикмахер. Во-первых, было странно, что парикмахер делал подобное предложение клиенту, во-вторых, как мог клиент пить кофе с намыленным подбородком? Однако дело решалось очень просто: мастер хотел выпить чашечку кофе, и его вопрос был просьбой разрешить прервать работу на этот момент. Равным образом высказывание *¿Quiere usted comer con nosotros?* в устах хозяина означает желание распрощаться с гостем перед обедом. Иногда сходные прагмемы сопровождают разные моменты ситуации. Во Франции нет обычая благодарить хозяйку в конце еды, вставая из-за стола (в России при этом отвечают: *На здоровье!*), но правила вежливости требуют, чтобы, отведав блюдо, гость сказал: *C'est très bon! Это очень вкусно.*

Представляет большой интерес изучение реакций на различные действия и происшествия со стороны лиц, говорящих на разных языках. Например, при чихании русские говорят *Будьте здоровы!*, французы — *A vos souhaits!* (букв. «Во исполнение ваших желаний!»); здесь мы имеем дело с типом 2 (общая прагмема при расхождении форм). Но вот в русском языке нет особой реплики, сопровождающей рыгание. Между тем, в старину во Франции желали человеку здоровья и в этом случае. У Мольера служанка Дорина говорит о своем хозяине Оргоне, боготворившем Тартюфа: *Тартюф рыгнет, а он: «Во здравье, милый брат!»* И в современной разговорной французской речи бытует шутливая формула, используемая в данных обстоятельствах: *Rasserochez les wagons!* (букв. «Прицепите вагоны»). Также во французской разговорной речи имеется особая реплика, произносимая когда бьют посуду: *Faites chauffer la colle!* (букв. «Нагревайте клей!»). В русском языке иногда говорят при этом *К счастью!*. Если кто-нибудь роняет монету, ему могут сказать по-французски *Ça ne (re)pousse pas!* («Это само по себе не растет; Это снова не отрастает»). По-русски при нежелании дать ответ на вопрос: *Куда ты идешь?* можно ответить: *Куда? На кудыкину гору!*. Во французском языке такой прагмемы нет, но зато в разговорной речи на вопрос «Где такой-то человек?» можно шутливо ответить, чтобы скрыть свое незнание или нежелание отвечать: *Il est dans sa chemise!* (букв. «Он в своей

¹ См.: Beinhauer W. El español coloquial. Madrid, 1978, p. 142.

рубашке»). В русском обиходе такой прагмемы нет (если не считать реплики *Я ему не сторож!*).

Подобные примеры можно было бы приводить бесконечно. В заключение подчеркнем еще раз, что они отражают речевое поведение людей, пользующихся разными языками. Обращает на себя внимание тот факт, что во многих приведенных репликах используются косвенные высказывания, к анализу которых мы теперь и перейдем.

Косвенные высказывания. У этих высказываний собственный смысл не соответствует смыслу передаваемого. Классическим примером такого высказывания является вопрос *У вас есть часы?*, который задается не для того, чтобы узнать, имеет ли собеседник при себе часы, но для того, чтобы узнать, который час. Косвенные высказывания представляют собой результат семантической транспозиции, своего рода метафору на уровне целого предложения. И подобно тому, как лексические метафоры могут быть живыми или стершимися, так и косвенные высказывания могут быть неконвенциональными и конвенциональными. Последние понимаются прежде всего в их производном значении. Косвенные высказывания исключительно употребительны в речи: они позволяют делать речь более экономной, они дают возможность выразить дополнительные оттенки значения, эмоции, аргументативные функции.

Можно отметить три основных способа формирования косвенных высказываний: а) отступление от правил языкового общения; б) семантические транспозиции; в) переносное употребление некоторых грамматических категорий и разрядов слов.

Г. П. Грайс¹ сформулировал четыре правила успешности акта коммуникации: количества, качества, отношения (релевантности), способа действия. Отклонение от любого из этих правил может формировать косвенное высказывание, выражая при этом дополнительные коннотации.

Очень часто встречается отступление от правила количества (говори то и только то, что необходимо): в высказываниях можно обнаружить элементы, лишние с точки зрения чистой семантики, которые, однако, передают различные аргументативные функции, служат для выражения вежливости и т. п. Например: *Ты знаешь Иванова? Да, я работал с ним десять лет в институте.* Здесь последняя часть фразы семантически избыточна, так как утвердительная реакция уже выражена словом *Да*, но она служит для подчеркивания, объяснения и может рассматриваться как косвенное высказывание.

Нередко косвенное высказывание формируется при нарушении принципа релевантности (то что говоришь, должно относиться к делу). Понимаемое в прямом значении, такое высказывание кажется неуместным. Эти высказывания, используемые как прием стиля, составляют одну из особенностей писательской манеры А. П. Че-

хова, которая, возможно, дополнительно способствовала популярности его пьес в эпоху, когда углубился интерес к передаче внутренней жизни и переживаний человека.

Часто чеховские герои выражают свои чувства с помощью косвенных высказываний, прямой смысл которых не соответствует переживаемым чувствам; возникает своеобразный психологический настрой. Например, в «Чайке»: *Нина. Отец и его жена не пускают меня сюда /.../ А меня тянет сюда к озеру, как чайку... Мое сердце полно вами /.../ Треплев. Мы одни Нина. Кажется, кто-то там... Треплев. Никого (Поцелуй). Нина. Это какое дерево? Треплев. Вяз.* Вопрос Нины не соответствует тем чувствам, которые ее охватывают в этот момент, и представляет собой косвенное высказывание. Или в «Трех сестрах», после прощания с Вершининым, Маша, сдерживая рыдания, начинает декламировать: *У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том* и т. д. Сила ее чувств такова, что она не находит для них в данной ситуации формы выражения и говорит будто бы совершенно посторонние слова, выступающие как косвенный способ выражения переживаний. Так же можно интерпретировать и известную реплику Астрова о жарнице в Африке из «Дяди Вани».

Образующие косвенные высказывания семантически диспозиции принимают разнообразные формы. Прежде всего это опущение элемента высказываний в причинно-следственной цепи или замена его. Например: *Полина Андреевна. Становится сыро. Вернитесь, наденьте калоши.* Дорн. *Мне жарко* (Чехов). Здесь пропущен компонент, который должен был бы выражать возражение (например, *не надену...*), в связи с чем высказывание *Мне жарко* совмещает два значения: прямой смысл (причина, по которой доктор не хочет одеться теплее) и косвенный (отказ). Второй смысл не обязательно вытекает из первого: в иной ситуации *Мне жарко* могло бы косвенно означать просьбу открыть окно для проветривания или снять теплую одежду. Косвенные высказывания такого типа могут быть использованы как средство уклониться от прямого ответа: *Полина Андреевна. Вы были так увлечены разговором с Ириной Николаевной... вы не замечали холода. Признайтесь, она вам нравится... Дорн. Мне пятьдесят пять лет* (Чехов).

Другой прием формирования косвенного высказывания заключается в употреблении гиперонимического высказывания, то есть высказывания общего значения вместо частного в конкретных условиях. Когда ребенку говорят *Так не сидят, Так не делают*, то используют высказывание общего значения вместо конкретного (*Не сиди так, Не делай этого*), относящегося к конкретному субъекту и к конкретным обстоятельствам. Высказывание приобретает косвенное значение, увеличивается его иллокутивная сила, оно становится категоричным, так как данный частный случай подводится под общечеловеческое правило.

Еще одним видом семантической транспозиции является избыточное употребление высказывания. Избыточность может быть контек-

¹ См.: Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVI. М., 1985, с. 217-237.

стуальной и ситуационной. В первом случае повторяется уже сказанное раньше, семантически ненужное; оно служит для аргументации или выражения эмоций. Такая избыточность наблюдается при нарушении максимы количества. Во втором случае данный языковой элемент оказывается избыточным в определенной ситуации, приобретает в силу этого переносное значение и часто выступает как средство выражения не только информации, но и эмоциональной реакции на слова собеседника и на факты.

Так, по-видимому, к языковым универсалиям относятся многочисленные фразеологизированные реплики, речевые рефлексы, содержащие глаголы говорения, восприятия, мысли. Межъязыковые различия могут здесь состоять только в конкретной форме реплик. Фраза *Что вы говорите?*, если не выражает переспрос, сама по себе избыточна, так как говорящий слышит то, что ему говорят, и, произнесенная с определенной интонацией, выражает удивление, недоверие. Фраза *Кому ты это говоришь?* представляет собой не реальный вопрос, поскольку говорящий отлично знает, что адресат речи — он сам, но косвенное высказывание, которое показывает, что говорящий знает то, о чем идет речь, и нет необходимости ему говорить об этом. Фраза *Что ты такое говоришь?* выражает не вопрос, а недоверие или несогласие. Выражение *Как, это вы?*, обращенное к внезапно появившемуся человеку, не может быть понято в прямом значении, поскольку говорящий прекрасно видит, кто находится перед ним; оно выступает как косвенное высказывание, передающее удивление. Отметим попутно, что во всех этих примерах сама вопросительная конструкция используется в несобственной функции.

Существенным фактором, способствующим образованию косвенных высказываний, является невозможность дословной интерпретации их в условиях данного мира. Например, человек, услышавший от собеседника нечто интересное, может сказать: *Это очень интересно, я расскажу об этом жене*. И это будет высказывание с прямым значением. Но если во французской разговорной речи некто говорит собеседнику: *Merci, j'en parlerai à mon cheval (à mes lapins)* [букв. «Спасибо, я расскажу об этом моей лошади (моим кроликам)»], то эту фразу дословно понять невозможно, так как обычно люди не сообщают новостей лошадям и кроликам, и все выражение должно пониматься только в переносном смысле, и на самом деле оно означает «То, что вы говорите, мне абсолютно не интересно».

И, наконец, последний из семантических приемов заключается в использовании антифразы, то есть слова или выражения в противоположном значении. Антифраза нередко сопровождается эффектом иронии. Например, то же самое нежелание слушать неинтересного собеседника по-французски может быть передано выражением: «*Cause toujours, ça m'intéresse!* В этом случае мы уже можем констатировать расхождение между языками: антифраза относительно чаще используется во французском языке, чем в русском. Это необходимо учитывать, чтобы правильно интерпретировать высказывания. Например:

Ça promet! букв. «Это обещает!») значит «Это не обещает ничего хорошего». Напротив, реплика *Ça va faire mal* (букв. «Это произведет плохое впечатление») значит «Это будет иметь большой успех». Реплика *C'est gagné* (букв. «Вот и выиграл») выражает разочарование при неприятном событии. Иногда внутренняя форма антифразы в разных языках совпадает, например, русск. *Надо же такое!* (то есть не надо) и франц. *Il faut le faire!* (букв. «Надо же такое сделать»), означающее «Это невозможно».

Наконец, последний фактор, быть может, наиболее интересный в сопоставительном плане, заключается в несобственном употреблении и грамматических категорий предложения (вопроса, отрицания, модальных глаголов — особенно *мочь* и *хотеть*). Эти способы, выступающие как индикаторы косвенных высказываний, особенно конвенционального типа, подробно описаны Дж. Серлем¹; мы отметим лишь их специфику в разных языках.

Во многих случаях одна и та же иллокутивная сила реализуется в разных языках с помощью различных средств даже при одинаковом лексическом наполнении фразы. Например, французскому *Je vais me gêner!* или *Je me gênerais!* соответствует русское *Стану (или буду) я стесняться!* Во французском предложении индикатором косвенного характера высказывания выступает восклицание в сочетании с будущим временем или условным наклонением, тогда как в русском — наряду с восклицанием и будущим временем — инверсия (*стану я...*).

Вопросительно-отрицательная форма шире употребляется во французских косвенных высказываниях, чем в русских, где ей часто соответствует специфическая форма восклицательного предложения: *N'a-t-on pas assez de ces démarches inutiles!* *Как надоели эти бесполезные хлопоты!* Отрицательная форма с глаголом *aller* соответствует русскому отрицательному императиву (*не вздумай...*): *Tu ne vas pas répéter ces bêtises!* (букв. «Ты не будешь повторять этих глупостей») — *Не вздумай повторять эти глупости!* или *Больше не повторяй этих глупостей*. Французское отрицание используется как соответствие русского императива: *Tu ne t'es pas regardé!* (букв. «Ты на себя не посмотрел») — *Ты лучше на себя посмотри!* (в значении «сам ты не лучше»).

Сравнительно чаще во французской речи используется косвенное высказывание в положительной форме вместо императива, выражающего просьбу: *Excusez-moi, je suis désolé, je cherche l'arrêt du 28**; здесь, как и в рассмотренных выше примерах, французское повествовательное предложение используется в функции побудительного (говорящий не просто сообщает, что он ищет остановку, но просит указать ему, где она находится).

На первый взгляд может показаться, что модельные глаголы употребляются в косвенных высказываниях двух языков аналогичным образом. Однако более внимательный анализ позволяет увидеть здесь

¹ См.: Searle J. R. Sens et expression. P., 1982, p. 78.

существенные расхождения. Так, глагол *pouvoir* *мочь* во французских косвенных высказываниях употребляется в положительной вопросительной форме, тогда как в русском языке более естественной является вопросительно-отрицательная, подчеркивающая вежливость. Это видно даже из часто цитируемого примера: *Pouvez-vous me passer le sel? Не могли бы вы передать мне соль?* Даже если глагол *мочь* опускается, в русской фразе предпочтительнее отрицательно-вопросительная форма: *Peux-tu me passer le vinaigre? Не передашь мне уксус?* Но поскольку косвенные высказывания такого типа часто используются для выражения вежливости, нередко оборотам с *peux-tu, pouvez-vous* соответствует русская фраза с самым общим выражением вежливости — «пожалуйста»: *Передай, пожалуйста, мне уксус.* Как отмечалось выше, французскому высказыванию свойственна более частая направленность на 1-е лицо, тогда как русскому — на 2-е или 3-е; поэтому французскому обороту *puis-je* («могу я...») соответствуют формулы, направленные на 2-е лицо («разрешите») или безличное *можно*: *Pourrais-je vous aider Разрешите вам помочь* (это более естественно, чем *Не мог бы ли я вам помочь?*; *Puis-je entrer? Можно войти?*

Употребление глаголов *vouloir* и *хотеть* в косвенных высказываниях двух языков еще более специфично. В целом, можно сделать вывод, что в русском языке глагол *хотеть*, в отличие от *мочь*, сравнительно редко используется в высказываниях этого типа. Вот некоторые характерные случаи употребления *vouloir* во французском языке при отсутствии *хотеть* в русских параллелях.

Глагол *vouloir* употребляется после условного *si* *если* в директивных актах речи, выражающих предложение, совет, приказ и т. п.: *Si vous vouliez entrer, il vous montrera ses marchandises Войдите, он покажет вам свой товар. Veux-tu, voulez-vous* в конце фразы усиливают императив: *Tais-toi, veux-tu! Да замолчи же!*; *Oh! ne recommençons pas, voulez-vous! Не будем же мы начинать все снова.* Тот же глагол, сопровождающий вопрос, может вообще не иметь эквивалента в русском высказывании: *comment voulez-vous que je le découvre? Как я могу его отыскать? Que voulez-vous que je vous dise? Что же мне вам сказать? Voulez-vous подчеркивает интерперсональные отношения во французских фразах: вопрос эксплицитно представлен как реакция на желание собеседника. В русском предложении устраняется ориентация на 2-е лицо, представленное во французском оборотом *voulez-vous*. Разумеется, интерперсональность сохраняется на глубинном уровне: русское предложение включает в себе реакцию на запрос собеседника, но она не имеет специального выражения на поверхностном уровне, как это имеет место во французском варианте.*

Но наиболее интересной является вопросительная или вопросительно-отрицательная форма глагола *vouloir* в директивных актах речи (просьба, приказание). В русском языке подобная конструкция выглядит весьма искусственно и вместо *хотеть* используется *мочь* или общая формула вежливости *пожалуйста*. Например: *Veux-tu descendre la poubelle? (букв. «Ты хочешь вынести мусорное ведро?»); Ты*

бы не мог вынести мусор?; Voulez-vous nous laisser seuls; Не могли бы вы оставить нас одних? или Оставете, пожалуйста, нас одних.

Таким образом, во французском и русском вариантах косвенных высказываний используются модальные глаголы, но глаголы разные: во французском глагол волитивной модальности, более субъективный (желание зависит от самого человека), тогда как в русском *мочь* выражает в своем первичном значении более объективную и менее зависящую от желаний субъекта алетическую модальность. Относительно больший субъективизм свойствен и другим типам французских косвенных выражений конвенционального типа. В этих высказываниях часто употребляются слова, указывающие на психологическое или ментальное состояние говорящего или собеседника. В следующих примерах говорящий выражает непосредственно свое отношение к факту («я предпочел бы...»), в русских эквивалентах этот субъективный момент отсутствует, рекомендация ориентирована только на второе лицо и содержит деонтическую модальность, более объективную, нежели выражение желаний субъекта во французской фразе: *J'aimerais que tu partes maintenant Тебе бы лучше уехать сейчас: J'aimerais mieux que tu ne le fasses plus Тебе не следует больше этого делать.* Разумеется, и по-русски при желании можно было бы сказать: *Я бы предпочел, чтобы ты уехал сейчас*, но такая форма стилистически и эмоционально более отмечена, чем ее структурный французский аналог.

Ментальные процессы, связанные с 1-м лицом, также более явно выражаются во французских предложениях: *Cela m'étonnerait s'il réussissait* (букв. «Это меня удивило бы, если бы он добился успеха») *Вряд ли он добьется успеха*, или *Ce serait une bonne idée de quitter la ville Было бы хорошо уехать из города* (букв. «Это была бы хорошая мысль...»). «Вопрос к себе», редкий в русских контекстах, довольно часто используется во французских высказываниях: *Je me demande encore, après dix ans, si elle m'a vraiment aimé Хотел бы я знать теперь, после десяти лет, любила ли она меня по-настоящему* (букв. «Я спрашиваю себя...»).

Значительно чаще во французских косвенных высказываниях отмечается и психологическое состояние адресата: *Cela ne vous dérange-t-il pas de faire moins de bruit? Не могли бы вы шуметь поменьше?* (букв. «Не доставит ли вам неудобства шуметь поменьше»); *Cela ne vous ennuerait-il pas de me payer mercredi? Не смогли бы вы рассчитаться со мной в среду?* (букв. «Не было бы для вас неприятным...»); *Voyez-vous un inconvénient de venir mardi? Не могли бы вы прийти во вторник* (букв. «Не видите ли вы неудобства в том, чтобы...»). Мы видим, что и в этих случаях субъективная модальность заменяется алетической, выражаемой глаголом *мочь*. Если в русском языке актуализируется способность говорящего или собеседника выполнить данное действие, то во французских высказываниях с аналогичной прагматической функцией актуализируется субъективное отношение — положительное или отрицательное — говорящего или адресата к факту, о кото-

ром идет речь. Но в обоих случаях речь идет о первичных значениях используемых глаголов.

Сопоставительный анализ на уровне прагматики позволяет вскрыть ряд глубинных закономерностей и тенденций в отображении объективного мира людьми, говорящими на различных языках, и осветить ряд проблем, относящихся к сфере социолингвистики и этнопсихолингвистики.

3. Человек в языке.

Говорящий и пространство ситуации. Языковое поведение*

Обозначения человека обычно рассматриваются в статическом аспекте, в системе языка. Между тем представляет интерес проанализировать способы обозначения человека в речи, как в авторском тексте, так и в прямой речи. Речевая номинация представляет собой речевой знак, в котором функцию обозначающего выполняет соответствующая лексическая единица, а обозначаемым является сам именуемый предмет. Речевой знак заранее не дан, формируется в каждом акте речи. Внутреннюю форму речевого знака создает признак объекта, который отбирается в акте наименования. Поскольку всякий объект, а тем более человек, имеет множество признаков, сторон, аспектов, каждый из которых может актуализироваться в речи и послужить основой для речевой номинации, одно и то же лицо может получить множество речевых обозначений. Это разнообразие представлено в обыденной речи, но оно, как всякое языковое явление, может быть использовано с художественной целью. Некоторые писатели широко пользуются этой возможностью, варьируя обозначение одного и того же лица в тексте. Здесь можно отметить два основных литературно-художественных назначения такого варьирования наименований лиц.

Разнообразные наименования одного и того же лица могут принадлежать одному и тому же номинатору либо осуществляться от имени одного и того же номинатора. В таком случае варьирование отражает степень знания объекта субъектом номинации и изменение отношения к нему. Например, в «Мертвых душах» при приезде Чичикова к Плюшкину последний именуется последовательно: *фигура* — *ключница* — *ключник* — *помещик* — *хозяин*. От самого общего обозначения человека, даже вне пола — *фигура* — Чичиков переходит через ряд промежуточных номинаций к идентификации разыскиваемого им Плюшкина.

Вариативные номинации могут характеризовать различные свойства человека, его взаимоотношения с другими людьми или предметами, особенно если они делаются от имени разных лиц. Так, подробно описав в начале романа историю г-на Гранде, Бальзак называет его

затем *отец, муж, хозяин* (по отношению к членам семьи), *бывший бочар, старый винодел, старый скряга* (по деталям биографии и особенностям характера) и т. п.

Здесь можно отметить, что исследователи несобственно-прямой речи обычно видят ее специфику в грамматических приемах (употребление времен, местоимений и т. п.). Однако, если смыслом несобственно-прямой речи является контаминация позиции автора и персонажа, то в способе номинации нужно видеть яркое проявление этого приема, ибо тип наименования в авторском повествовании нередко отражает точку зрения персонажей.

Например, в романе Флобера говорится о первой жене Шарля Бовари: *Правда, у Элоизы еще оставался (...) дом на улице Святого Франциска, но собственно, на хозяйстве супругов ее сказочное богатство, о котором было столько разговоров, никак не отразилось (...). Стало быть эта милая дама все наврала!..* Номинация *эта милая дама* отражает отношение к Элоизе не со стороны автора, а со стороны родителей Шарля.

Однако нас будет интересовать не литературно-художественное варьирование наименования лица в тексте. Это — литературный прием, а не свойство языка как такового, и подобного рода наименования обычно воспроизводятся точно при переводе. Значительно больший интерес для нас в данном случае представляет выбор и варьирование номинаций, используемые вне литературно-художественных задач, в обыденной речи.

Сопоставление способов обозначения человека в речи в разных языках позволяет выявить черты, которые в первую очередь фиксируются у обозначаемого лица носителями данного языка. Вместе с тем выбор типов номинаций отражает, с одной стороны, некоторые фундаментальные особенности структуры текста, свойственные данному языку, а с другой — поведение говорящих, правила общения и общежития лиц, пользующихся данным языком.

Человек может быть обозначен в речи, исходя из разных признаков, в связи с чем выделяются следующие типы номинации человека в речи:

- имя собственное;
- гиперонимическая номинация: *человек, лицо, персона*;
- демографическая номинация (возраст, пол, профессия, происхождение, национальность): *старик, девочка, слесарь, парижанин, француз*;
- функциональная номинация, указывающая на связь лица с выполняемым или претерпеваемым им действием: *читатель, раненый*;
- относительная номинация, показывающая соотношенность родственную, профессиональную и др. данного лица с другим: *брат, пациент*;
- оценочная номинация: *молодец, негодяй, этот осел*;
- местоименная номинация: местоимения личные, указательные, относительные.

* В основе данного раздела лежит сообщение на конференции по логическому анализу языка в ИЯ РАН (1997 г.).

В зависимости от ситуации и контекста одна и та же лексика может относиться к различным типам номинации. Так, слово *учитель* может выступать как профессиональное (демографическое) обозначение или как относительное (в соотносительности: *учитель/ученик*). *Пловец* может быть функциональным обозначением или профессиональным, если речь идет о спортсмене-пловце. *Писатель* — профессиональное обозначение, *автор* — функциональное, но в предисловии к книге они могут выступать как синонимические обозначения синкретического характера: писатель-автор данного труда. *Мальчик* — демографическое обозначение, *сын* — относительное, но во фразе *Это ваш мальчик?*, обращенной к какой-то женщине, *мальчик* становится синонимом слова *сын* и, следовательно, относительной номинацией, что подчеркивается посессивом.

Перечисленные обозначения могут также классифицироваться как прямые или косвенные. К прямым относятся всегда имена собственные. Другие могут менять свою природу в зависимости от контекста. Так, если гиперонимическое или демографическое обозначение предшествует имени собственному, то оно выступает как прямая номинация: *Жила-была девочка, ее звали Красная Шапочка*. При обратной последовательности гипероним является уже косвенной номинацией, получающей свою конкретность по связи с предыдущей прямой: *Мать сказала Красной Шапочке, чтобы она не шла лесом, но девочка не послушалась ее*. Здесь гипероним фактически функционально подобен местоимению (ср. *но та не послушалась ее*). Не случайно Есперсен отмечал, что слова общего значения типа *человек* часто выполняют функцию местоимений.

Любой язык имеет тенденцию к варьированию средств номинации в тексте. Но в каждом она проявляется по-своему. Мы не будем касаться таких средств варьирования обозначения человека в тексте как синонимы, транспозиции, но рассмотрим соотношение во французском и русском языках указанных типов обозначения человека. Следует сразу сказать, что оценочные номинации слишком ситуативны и почти всегда воспроизводятся при переходе от одного языка к другому. Так, в приведенном примере из Флобера в подлиннике сказано: *Elle a menti, la bonne dame!*, то есть русский перевод достаточно точно передает французское обозначение лица. Речь может идти, следовательно, об остальных типах номинации.

Сопоставляя переводы и акты речи в идентичных ситуациях, мы обнаруживаем следующие 6 типичных расхождений между французским и русским языками в номинации лиц (имя автора указано лишь при подлиннике; переводы взяты из существующих изданий):

1. Фр. язык — местоимение — русск. — лексическое обозначение:

Le soir de chaque jeudi il écrivait une lettre à sa mère (Flaubert).

По четвергам после уроков Шарль писал матери длинные письма.

— Впрочем, прибавил Николай Петрович, потирая лоб и брови рукою (Тургенев).

— A propos, — ajouta-t-il en promenant sa main sur son front et ses sourcils.

Иногда на протяжении значительного отрезка одно и то же лицо обозначается во французском тексте местоимениями, которым в русском соответствуют имена собственные или иные лексические обозначения. Нередко в начале абзаца оно повторяется в русском и заменяется местоимениями во французском. Вот, например, характерная структура номинативной цепочки в двух языках («Нос» Гоголя, начало II главы и французский перевод):

Коллежский асессор Ковалев — Ковалев — он — Ковалев — он — коллежский асессор Ковалев.

L'assesseur de collège Kovaliov — il — il — Kovaliov — il — notre assesseur.

Четыре раза повторяется имя собственное в русском тексте и только два — во французском; местоимений — два в русском и три во французском; последняя русская номинация — контаминация демографической (профессия) и прямой (имя собственное), последняя французская — соединение демографической и относительной (*notre*).

В целом французская номинативная цепочка содержит больше косвенных номинаций — местоимений, она более разнообразна в отношении лексических обозначений. В русском тексте две пары одинаковых лексических номинаций, во французском — ни одной.

Так же ведут себя указательные и относительные местоимения. Замена вторых существительными вызывает расчленение предложения.

M. Rodolphe Boulanger avait trente-quatre ans: il était de tempérament brutal et d'intelligence perspicace, ayant d'ailleurs beaucoup fréquenté les femmes. Celle-là lui avait paru jolie. (Flaubert).

Родольфу Буланже исполнилось тридцать четыре года; у этого грубого по натуре и пронизательного человека в прошлом было много романов, и женщин знал он хорошо. Г-жа Бовари ему приглянулась.

C'était un homme de Remilly, un simple valet de ferme, qu'il avait connu enfant (Zola).

Проспер, житель Ремилли, был простым батраком; Морис знал его с детства.

2. Фр. гиперонимическая номинация — русск. гипонимическая, прямая. Проиллюстрируем ее на примере обозначения животного:

Pourquoi donc emmenez-vous ce cheval? Je remarquai alors que, pour ne pas faire de bruit en sortant du hanger, Antonio avait soigneusement enveloppé les pieds de l'animal avec les débris d'une vieille couverture. (Mérimée).

Куда это вы ведете лошадь? Тут я заметил, что Антонио, желая без шума вывести лошадь из сарая, тщательно закутал ей ноги в обрывки старой попоны.

3. Фр. демографическое обозначение — русск. имя собственное:

Маркович ушел вместе с Борей (...). Маркович надел сапоги, а студенческую куртку стянул ремнем (Паустовский).

Markovitch partit en ville en emmenant Boria. *Le Monténégrin* avait mis des bottes et serré une ceinture de cuir sur sa veste d'étudiant.

4. Франц. функциональное обозначение — русск. имя собственное:

Après quelques minutes, la voix du *lecteur* s'échauffa (Mauriac).
Но через несколько минут голос *Гийю* окреп.

5. Франц. относительное обозначение — русск. прямое (в том числе и имя собственное):

Петр глянул в сторону, куда указывал барин (Тургенев).
Le domestique tourna la tête du côté que lui indiquait son maître.

Павел Петрович строго нахмурил брови, а *Николай Петрович* смутился (Тургенев).

Paul Pétrévitch fronça sévèrement les sourcils; son frère se troubla.

По мере приближения к квартире чиновника ... (Гоголь). Здесь номинация профессиональная, но прямая, так как имени собственно-го этого чиновника упомянуто ранее не было.

A mesure qu'il approchait de l'appartement de son *hôte*... Эта номинация — относительная: чиновник является хозяином по отношению к Акакию Акакиевичу.

6. Со своей стороны русский язык обращается к косвенным обозначениям (демографическим, относительным, функциональным), с целью устранения местоименных повторов:

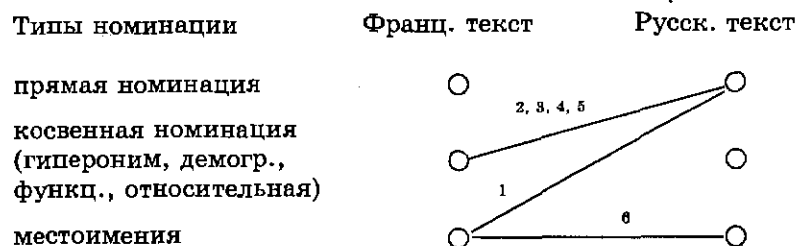
Quand Charles (...) rentra dans la salle avant de partir, il *la* (= Emma) trouva debout, le front contre la fenêtre (Flaubert).

Когда Шарль (...) вернулся в залу, девушка стояла у окна и смотрела в сад.

Aurait-il jamais de quoi l'entretenir dans les écoles de gouvernement? (Flaubert).

Разве они в состоянии отдать сына в казенную школу?

Расхождения можно резюмировать такой схемой:

Французский язык избегает повтора лексического, русский — повтора местоимений. Он пользуется косвенными средствами обозначения для того, чтобы устранить местоименный повтор.

С аналогичными явлениями мы встречаемся и в обыденных актах речи. Например, по-французски, чаще чем по-русски, человек скажет: *Привет твоей жене*, в то время как русский человек, если он знаком с женой приятеля, скажет скорее *Привет Тане*. Родственные номинации во французской семье больше в ходу, чем в русской, где относительно чаще используются имена собственные. Ср.: Comment va ta mère? *Как здоровье Марии Ивановны?*

Из проведенного небольшого анализа можно сделать выводы, касающиеся поведения в речи лиц, говорящих на разных языках. Эти особенности можно назвать интраперсональными и интерперсональными.

В первом случае следует отметить, что говорящий по-французски, формулируя свое высказывание, опирается на более широкое пространство ситуации, то есть держит в памяти больший фрагмент действительности, чем говорящий по-русски, который употребляет формы более автономные и менее зависимые от окружающего контекста. Это касается не только предшествующего пространства ситуации, но и последующего, например, при катафоре:

Когда Катя говорила, она очень мило улыбалась (Тургенев).

Quand elle parlait, Katia avait un sourire charmant.

Это не единичное явление во французском языке. В этом языке имеется целая система средств, отражающая глубокие внутритекстуальные или межсобытийные связи. К ним относится, например, употребление гиперонима вместо гипонима в кореференции при повторной номинации. Точный смысл гиперонимической номинации остается неясным вне соотнесения с ранее данной гипонимической. Одним из характерных для французского языка явлений, опирающихся на межсобытийные отношения, является использование префикса *ge-*, выражающего обратное действие. Например, если человек выходит из дому, ему могут сказать *N'oubliez pas de mettre la casquette. Не забудьте надеть фуражку*. Но вот в рассказе Паустовского задумавшийся молодой офицер снял фуражку. Через некоторое время к нему подошла женщина и сказала: *Наденьте фуражку, вы простудитесь*. Во французском переводе мы читаем: — *Remettez votre casquette, vous allez prendre froid*. Употребление префикса *ge-* со значением «обратно» соотносит данную ситуацию с предшествующим моментом, когда офицер снял фуражку. В русском тексте это специально не выражено. Другой пример:

Sans une seule parole, elle *redescendit* en hâte, décrocha dans le vestibule une pèlerine (Mauriac) *Она молча сбегала по лестнице и сорвала с вешалки накидку*. Французский глагол ясно показывает, что в сознании читателя остается представление о предшествующем действии; ясно, что раньше речь шла о том, что она (Поля) поднималась к своей свекрови для разговора. Русский глагол равен французским *descendre* и *redescendre*, он не заставляет вспомнить о предшествующем событии.

Другая характерная черта — употребление анафорических глаголов, показывающих отношение к действию (*соглашаться, отказаться*), его повтор и т. п., а не само действие. Такие глаголы значительно чаще используются во французском тексте.

Он велел, чтобы мы с тетей Надей сели на подоконник. Мы сели (Паустовский). Il exigea que l'on s'assit sur le rebord de la fenêtre. Nous obéîmes.

В русском *Мы сели* характер действия ясен из самой фразы. Чтобы понять, какое действие было совершено в *nous obéîmes*, нужно соотнести его с предыдущим французским предложением. Говорящему по-французски постоянно приходится держать в памяти более широкий участок ситуации.

Согласование времен также заставляет соотносить данное действие с предыдущим или последующим.

В плане декодирования русское слово более самостоятельно, чем французское, оно семантически меньше зависит от окружающих слов. Так, слова *переправа, переезд, перелет* сами по себе указывают на характер движения и возможный субъект действия. Французское *passage* получает эти импликации только в словосочетаниях: *le passage d'une rivière, le passage à niveau, le passage des oiseaux*. Но в плане кодирования — наоборот, русское слово более зависимо от окружения (надо делать выбор в данном случае из трех слов), тогда как французское — более независимо, поскольку одно и то же слово может употребляться во всех трех контекстах.

То же самое мы имеем и на уровне предложения. Местоименная реприза теснее связывает французское предложение с предыдущим контекстом, делает его зависимым от этого контекста. Употребление прямых номинаций в русском предложении делает его менее зависимым от предыдущего текста, от ситуации. Расширению пространства ситуации при говорении на французском языке способствуют и другие средства: согласование времен, употребление местоимений и гиперонимов при повторной номинации, префикс *re-*, глаголы-заместители и др.

В процессе организации высказывания говорящий опирается на определенный отрезок ситуации. Приведенные факты показывают, что говорящий на французском языке оперирует с более значительным *пространством ситуации*, чем говорящий по-русски, то есть ему приходится мысленно соотноситься с более широким контекстом или объемом ситуации.

Что касается использования косвенных номинаций, особенно функциональных и относительных, то это показывает, что говорящий по-французски в большей степени учитывает интерперсональные, социальные отношения и характеристики людей. Это проявляется в других зонах языка: так, в косвенных высказываниях с транспонированной модальностью говорящий по-русски опирается на алетическую модальность (*не могли бы вы...?*), которая ограничивается личностью данного человека, его физической возможностью, тогда как в основе французских формул чаще лежит волитивная или субъективная мо-

дальность, учитывающая возможное отношение собеседника к данному акту (*voulez — vous...?; ça t'ennuie de...?*). Если сравнить русскую формулу просьбы *Скажите пожалуйста, где находится библиотека* с употребительной французской *Je cherche la bibliothèque* (букв. «Я ищу библиотеку»), то можно увидеть, что говорящий по-русски прямым обращением к слушающему в большей степени вовлекает его в решение своей проблемы, в то время как французская фраза, лишенная прямого обращения, формально ориентирована на говорящего и не затрагивает слушающего. В лингвистике разрабатывается проблема проксемики — дистанции между собеседниками, говорящими на определенном языке. Можно говорить и о психологической проксемике — психологической дистанции между говорящими. Мы видим, что общение на французском языке характеризуется более дистантной психологической проксемикой.

Итак, при общении на французском языке в сознании говорящего нередко актуализируется более значительное пространство ситуации, в большей степени учитываются социальные связи человека, принимаются во внимание психологический настрой собеседника и имеет место более дистантная психологическая проксемика.

Языковое поведение является важным аспектом национальной культуры.

В аспекте поведения целесообразно различать три группы фактов: 1) невербальные элементы поведения и реакции; 2) вербальные реакции в конкретных культурных сферах и условиях; 3) общие тенденции (константы) речевого поведения, которые проявляются независимо от культурной сферы и отражают как общие закономерности построения высказывания на данном языке, так и свойственные данному социуму правила речевого поведения.

Невербальное поведение — это жесты и поступки, не сопровождающиеся обязательным высказыванием. Вербальные реакции суть фразы, реплики, произносимые в определенной ситуации.

Тенденции речевого поведения представляют особый интерес в интеллектуальном плане, так как знание их делает речь иностранца не только правильной, но и аутентичной: он ведет себя в диалоге и строит свою речь так, как это сделал бы в данной ситуации носитель языка. Правила речевого поведения формулируются не в жестких терминах, как грамматические правила, но скорее как тенденций, выявляемые с помощью приема симптоматической статистики (в терминах *больше/меньше, чаще/реже*). Они относятся к области грамматики речи. Остановимся на некоторых из этих тенденций¹.

¹ См.: Гак В. Г. Сопоставительная прагматика // ФН, 1992, № 3; *Его же*. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // ФН, 1995, № 4.

Высказывание характеризуется прежде всего предикативными категориями, к которым относятся лицо, время, наклонение. Во всех случаях французские реплики проявляют специфику по сравнению с русскими.

В отношении использования форм лица два языка существенно различаются. В разговорных репликах французского языка наблюдается такая последовательность частоты ориентации на лицо: 1—2—3, в русских наоборот: 3—2—1. Например, обычный способ спросить по-французски местонахождение чего-либо: *Excusez-moi de vous déranger, je cherche la gare* или даже короче: *Je cherche le réfectoire* (букв. «я ищу то-то»). Такой реплике, ориентированной на 1 лицо, в русском диалоге будет соответствовать обычно обращение-вопрос к собеседнику: *Скажите, пожалуйста* (или: *Вы не скажете*), *где находится вокзал (столовая)?* Исследователи диалога отмечают явление проксемики: различную дистанцию ведения разговора, свойственную носителям разных языков. В нашем случае может идти речь не о физической, но о психологической проксемике: употребляя 1 лицо, избегая 2-го, говорящий по-французски как бы дистанцируется от собеседника, берет проблему на себя, тогда как употребление вопроса, обращенного ко 2 лицу, в большей степени формально втягивает это лицо в решение проблемы. Также французским модусным глаголам, ориентированным на 1 лицо, часто соответствуют русские формы 3 лица или безличные: *Je trouve ça gênant. Это неудобно. Je crois que... Возможно, что...* Что касается модальности, то французская фраза, особенно в косвенных высказываниях, актуализирует субъективную и волитивную модальность, относящуюся к собеседнику («хотите вы...», «тебе было бы неприятно...»), тогда как русская — алетическую модальность, отражающую физическую способность собеседника («не мог бы ты...»). Например: *Veux-tu fermer la fenêtre? Не мог бы ты закрыть окно?*; *Ça t'ennuie de descendre la poubelle? (букв. «тебе неприятно вынести мусорное ведро?») Не мог бы ты вынести мусорное ведро?* Обращает на себя внимание различное использование вопросительно-отрицательной формы в косвенных французских и русских высказываниях. В отношении времени отметим лишь один факт: использование настоящего времени во французском языке для выражения просьбы (в русском диалоге обычно употребляется будущее время, нередко в отрицательной форме: *Tu me donnes le journal? Ты мне не дашь газету?*; *Dis, papa, ti m'achètes un chien? Скажи, папа, ты мне купишь собаку?* Различными способами формулируется и вежливость в репликах на двух языках. Знание правил речевого поведения позволяет легче и глубже погрузиться в живую стихию изучаемого языка.

ГЛАВА III

ВАРЬИРОВАНИЕ НОМИНАЦИЙ В ДИАХРОНИИ И СИНХРОНИИ

В этой главе рассматривается варьирование номинаций в диахронии и синхронии. В качестве основы исследования представлены переводы, поскольку они дают варьирование номинаций (ситуативных и элементных в речи). Проанализированы переводы:

- 1) с древнерусского языка на русский;
- 2) со старофранцузского на современный французский;
- 3) с французского на русский и наоборот в синхронном плане.

Нельзя не отметить, что основные формы варьирования во всех трех случаях аналогичны. Это дает дополнительный материал для обсуждения проблемы о прогрессе в языке.

1. К эволюции способов речевой номинации Древнерусский и современный русский языки*

Единицей исторического развития языка является отношение номинации, то есть соотношение между языковым фактом и элементом внеязыковой действительности. Приспособление нового языкового средства для обозначения внеязыковой реалии либо, наоборот, данного языкового средства для обозначения иной реалии ведет к появлению новых слов (или других единиц языка) либо к изменению значений этих единиц. В речи говорящие постоянно делают выбор между средствами выражения, предоставляемыми им системой языка. Этот выбор подчиняется в известной мере определенным закономерностям, в нем проявляются определенные тенденции. Тенденции эти касаются как элементов внеязыковой деятельности, отбираемых говорящими при обозначении предметов и ситуаций, так и способов обозначения этих элементов. Совокупность тенденций в использовании языковых средств, иными словами, определенных типов номинации в речи, составляет узус или норму речи (грамматику речи). Таким образом, наряду с системой/структурой и нормой узус является одним из аспектов языковой

* Впервые опубликовано: Вопросы языкознания, 1985, № 4.

Высказывание характеризуется прежде всего предикативными категориями, к которым относятся лицо, время, наклонение. Во всех случаях французские реплики проявляют специфику по сравнению с русскими.

В отношении использования форм лица два языка существенно различаются. В разговорных репликах французского языка наблюдается такая последовательность частоты ориентации на лицо: 1—2—3, в русских наоборот: 3—2—1. Например, обычный способ спросить по-французски местонахождение чего-либо: *Excusez-moi de vous déranger, je cherche la gare* или даже короче: *Je cherche le réfectoire* (букв. «я ищу то-то»). Такой реплике, ориентированной на 1 лицо, в русском диалоге будет соответствовать обычно обращение-вопрос к собеседнику: *Скажите, пожалуйста (или: Вы не скажете), где находится вокзал (столовая)?* Исследователи диалога отмечают явление проксемики: различную дистанцию ведения разговора, свойственную носителям разных языков. В нашем случае может идти речь не о физической, но о психологической проксемике: употребляя 1 лицо, избегая 2-го, говорящий по-французски как бы дистанцируется от собеседника, берет проблему на себя, тогда как употребление вопроса, обращенного ко 2 лицу, в большей степени формально втягивает это лицо в решение проблемы. Также французским модусным глаголам, ориентированным на 1 лицо, часто соответствуют русские формы 3 лица или безличные: *Je trouve ça gênant. Это неудобно. Je crois que... Возможно, что...* Что касается модальности, то французская фраза, особенно в косвенных высказываниях, актуализирует субъективную и волитивную модальность, относящуюся к собеседнику («хотите вы...», «тебе было бы неприятно...»), тогда как русская — алетическую модальность, отражающую физическую способность собеседника («не мог бы ты...»). Например: *Veux-tu fermer la fenêtre? Не мог бы ты закрыть окно? Ça t'ennuie de descendre la poubelle? (букв. «тебе неприятно вынести мусорное ведро?») Не мог бы ты вынести мусорное ведро?* Обращает на себя внимание различное использование вопросительно-отрицательной формы в косвенных французских и русских высказываниях. В отношении времени отметим лишь один факт: использование настоящего времени во французском языке для выражения просьбы (в русском диалоге обычно употребляется будущее время, нередко в отрицательной форме: *Tu me donnes le journal? Ты мне не дашь газету?; Dis, papa, ti m'achètes un chien? Скажи, папа, ты мне купишь собаку?* Различными способами формулируется и вежливость в репликах на двух языках. Знание правил речевого поведения позволяет легче и глубже погрузиться в живую стихию изучаемого языка.

ГЛАВА III

ВАРЬИРОВАНИЕ НОМИНАЦИЙ В ДИАХРОНИИ И СИНХРОНИИ

В этой главе рассматривается варьирование номинаций в диахронии и синхронии. В качестве основы исследования представлены переводы, поскольку они дают варьирование номинаций (ситуативных и элементарных в речи). Проанализированы переводы:

- 1) с древнерусского языка на русский;
- 2) со старофранцузского на современный французский;
- 3) с французского на русский и наоборот в синхронном плане.

Нельзя не отметить, что основные формы варьирования во всех трех случаях аналогичны. Это дает дополнительный материал для обсуждения проблемы о прогрессе в языке.

1. К эволюции способов речевой номинации Древнерусский и современный русский языки*

Единицей исторического развития языка является отношение номинации, то есть соотношение между языковым фактом и элементом внеязыковой действительности. Приспособление нового языкового средства для обозначения внеязыковой реалии либо, наоборот, данного языкового средства для обозначения иной реалии ведет к появлению новых слов (или других единиц языка) либо к изменению значений этих единиц. В речи говорящие постоянно делают выбор между средствами выражения, предоставляемыми им системой языка. Этот выбор подчиняется в известной мере определенным закономерностям, в нем проявляются определенные тенденции. Тенденции эти касаются как элементов внеязыковой деятельности, отбираемых говорящими при обозначении предметов и ситуаций, так и способов обозначения этих элементов. Совокупность тенденций в использовании языковых средств, иными словами, определенных типов номинации в речи, составляет узус или норму речи (грамматику речи). Таким образом, наряду с системой/структурой и нормой узус является одним из аспектов языковой

* Впервые опубликовано: Вопросы языкознания, 1985, № 4.

реализации. Система отражает реализацию общечеловеческих языковых возможностей в организации данного языка. Между элементами системы можно сделать выбор, который всегда будет значим. Норма языка касается конкретной формы реализации системных противопоставлений, она не предполагает выбора (за исключением отдельных случаев колебаний нормы). Норма речи или узус есть реализация в речи форм, предоставляемых системой и нормой, она вариативна, допускает выбор, который однако незначим, поскольку конкурирующие формы выступают в данном употреблении как синонимы. Узус отражает специфику языка не в плане его внутреннего устройства (как система и норма), но в аспекте его функционирования¹.

Узус является важной типологической чертой языка. Он находится в диалектическом соотношении с системой. С одной стороны, между нормой речи (узусом) и системой нет отношений жесткой зависимости: одна и та же языковая система может реализоваться в разных узусах, с чем связано формирование функционально-стилевых и национальных вариантов языка. С другой стороны, в закономерностях реализации проявляются многие глубинные свойства языка, что становится особенно очевидным при сопоставлении узусов разных языков. Узус — наиболее динамичный и проницаемый аспект языка, изменения в нем, закрепляясь, превращаются в изменения системы (нормы). В связи с этим представляет несомненный интерес изучение изменений узуса или, иначе говоря, средств речевой номинации в историческом плане. Данные такого анализа могут представить интерес не только для исторической стилистики, но и для выявления некоторых существенных тенденций в развитии языка. Две эпохи развития языка, разделенные достаточно большим промежутком времени, можно сопоставлять как два разных языковых образования, характеризующихся каждое своей системой и закономерностями реализации этой системы в речи.

Основным методом сопоставительного анализа на уровне речевой реализации является сравнение средств выражения двух языковых образований, используемых в одной и той же ситуации, для выражения одного и того же смыслового задания. Это лучше всего достигается анализом речи билингвов или носителей разных языков в однотипных ситуациях. Однако, если к живой речи обращаться невозможно, то надежным способом сопоставления языков в аспекте речи может быть сравнение переводов². Следует учитывать, тем не менее,

¹ Понятие нормы речи или узуса, следовательно, близко к тому, что некоторые лингвисты называли «грамматикой речи» или «общей речью» (Ф. Росси-Ланди). Показательно, что Э. Косериу, различая вначале понятия система — норма — речь, в дальнейшем пришел к необходимости различать еще один уровень реализации, находящийся между языковой нормой и индивидуальной речью (см. 1).

² Переводы как основа анализа для сопоставления речевого узуса французского и русского языков использованы нами в работах (2), старофранцузского и современного французского языка в (3, 193–219).

что с точки зрения ценности их для сопоставительного анализа переводы древних текстов на современный язык можно подразделить на три группы. Дословный перевод не может дать надежного материала для сопоставлений в аспекте узуса, так же как и слишком «вольный» литературный перевод (например, поэтических произведений). Наиболее надежным объектом исследования являются переводы прозаических текстов, для истории языка — филологические переводы, допускающие максимальное приближение к древнему тексту, но вместе с тем и те замены, которые совершенно необходимы с точки зрения структуры и нормы современного языка¹. Разумеется, и в таких переводах мы сталкиваемся с различиями, обусловленными не только объективными расхождениями структуры и нормы и узуса, но и конкретными переводческими решениями. В связи с этим при сопоставительном анализе текстов большое значение приобретает количественный анализ, фиксация частотности наблюдаемого соотношения, что позволяет отделить случайное (переводческое) от закономерного (межязыкового).

Ниже излагаются результаты сравнения древнерусских текстов и их переводов на современный русский язык, выявляющие некоторые заслуживающие внимания тенденции в эволюции средств речевой номинации в истории русского языка. В качестве объекта исследования использованы тексты и переводы, опубликованные в сборнике древнерусской литературы «Изборник» (серия БВЛ, М., 1969; сокр. И; переводы под ред. Д. С. Лихачева) и в пособии: А. Н. Кожин «Литературный язык Киевской Руси» (М.: «Русский язык», 1981; сокр. К). В примерах сохраняется орфография этих публикаций. Предметом анализа были произведения XI–XIII вв. «Повесть временных лет», «Житие Феодосия», «Поучение Владимира Мономаха» и др.

Для более ясного представления того, о чем будет идти речь, обратимся к примеру из сопоставления французского и русского языков. В повести П. Мериме «Кармен» фраза *Nous fimes un bon repas* (букв. «Мы сделали хорошую еду») переведена М. Лозинским на русский язык *Мы плотно пообедали*. Фразы функционально эквивалентны, они описывают одну и ту же ситуацию, включающую три основных компонента: субъект действия, действие, характеристику действия, которые однако обозначены в двух языках различно. В русском тексте действие обозначено одним глаголом, во французском — аналитическим сочетанием глагол + имя, которое и обозначает действие, выступая как семантико-функциональный эквивалент русского глагола. Характеристика действия соответственно обозначена по-русски наречием, по-французски — прилагательным. Можно сделать вывод, что

¹ Следует еще раз подчеркнуть, что речь идет о сравнении переводов для выявления норм речевой реализации и выбора средств номинации в речи. Переводы отдельных фраз и отрывков текста часто используются в типологических и исторических работах для иллюстрации структурных сходств и расхождений между языками.

говорящий по-французски использовал здесь аналитическую структуру, говорящий по-русски — синтетическую, в русском тексте части речи использованы в их первичных функциях (глагол обозначает действие, наречие — квалификацию действия), тогда как во французском — во вторичных, косвенных употреблениях (действие обозначается именем, его качество — прилагательным).

Грамматические расхождения сопровождаются лексико-семантическими. Во французской фразе для обозначения принятия пищи употреблено широкозначное слово *гeрас*, гипероним, обозначающий это действие независимо от времени дня, в русской — более специализированная номинация (гипоним), связывающая обычно принятие пищи с определенным моментом дня. Соответственно, и прилагательное *воп* (букв. «хороший») имеет более широкий круг сочетаемости при обозначении положительной оценки, чем русское наречие *плотно*. Эти расхождения не всегда определяются непосредственно структурой языка (по-французски тоже можно было бы сказать *dîner «пообедать»*, по-русски — напротив — «хорошо поесть»). Даже сравнение одного предложения показывает расхождения в использовании типов номинаций: аналитических/синтетических обозначений; гиперонимических/гипонимических обозначений; использование частей речи в прямой/переносной функции. Если такие расхождения не случайны, если они достаточно частотны, подтверждаются многими примерами, то мы можем говорить о специфических тенденциях в использовании номинаций в двух языках (подчеркнем, что тенденция отнюдь не значит обязательность, но лишь большую относительную частоту).

Ниже мы рассмотрим следующие типы номинаций при обозначении отдельных объектов или ситуаций: а) выбор между гиперонимами и гипонимами (объем значения слова); б) использование косвенных (переносных) лексических номинаций; в) аналитические/синтетические номинации и в связи с этим использование слов разных частей речи при обозначении одних и тех же номинатов; г) ориентация высказывания, диатеза (актив/пассив и параллельные явления)¹; д) формы связи между номинациями (паратаксис и гипотаксис); е) формы замещения номинаций (местоименная репрезентация).

Объем значения слова. При обозначении одного и того же объекта в тексте может быть употреблен, как отмечалось выше, термин более широкого значения (гипероним) или более узкого (гипоним). Соотношение между гиперонимами и гипонимами в тексте — одна из существенных типологических особенностей текста, и, например, исследователи французского языка не раз отмечали склонность этого языка использовать широкозначные слова в тех случаях, где другие языки пользуются для номинации словами более узкого значения. Рассмотр-

рим использование родовых и видовых терминов в древнерусском и современном тексте в ряде употребительных семантических групп.

Глаголы движения. Древнерусский глагол *ити* имел более широкое значение: он обозначал перемещение в пространстве в общем виде. Значение «передвигаться, переступая ногами», свое первое значение в современном языке, он приобрел позднее. Он был, следовательно, аналогом современных глаголов *двигаться*, *направляться*, что подтверждается текстами: *Пойти* в Римъ (И., 30) — *Отправиться* в Рим; *И иде* в Варяги (И., 30) — *И направился* к варягам. Поскольку древнерусский глагол *ити*, в отличие от современного *идти*, представлял собой гипероним, в данных примерах мы имеем соответствие объема номинаций. Однако нередко *ити* соответствует современным глаголам-гипонимам, дифференцирующим способ передвижения: *ехать*, *плыть*, даже *лететь* и *ползти*, хотя соответствующие глаголы были и в древнерусском языке (следовательно, эти расхождения — не структурные, но функциональные): *И прииде* на то место и ссѣде с коня (И., 38) — *И, приехав* на то место, слез с коня (ситуация четко указывает, что Олег ехал верхом, а не шел пешком); *И как* по тому морю *ити* до Рима, а от Рима *прити* ко Царюгороду (И., 30) — *И по* тому морю можно *плыть* до Рима, а от Рима... *приплыть* к Царьграду; *Ити* по Волз (И., 30) — *Плыть* по Волге; *И идуче* мимо (И., 34) — *И когда плыли* мимо. В «Александрии» читаем: Възвед же ся змий, около всехъ *ходивъ*, *въезыде* на лоно Алумпиадѣ и облобыза ю (И., 244), что переведено: *И поднялся дракон, и прополз* сквозь толпу, и *вполз* на колени к Олимпиаде и поцеловал ее. В «Слове о полку Игоревом»: Галици стады *бежать* к Дону великому (К., 125) — Галок стаи *летят* к Дону великому, что также показывает смещение номинаций внутри одного семантического поля.

Значение «идти пешком» (поскольку *ити* часто использовалось для обозначения движения независимо от способов передвижения) выражалось нередко глаголами от основы *лезть* (особенно, когда имелось в виду передвижение с преодолением препятствия или неудобства пути): *Слѣзъ* с горы сея (И., 30) — *И сошел* с горы той; *Влѣзоша* древляне (И., 42) — *Вошли* древляне (в баню); *И не бѣ* лъзѣ изъ града *вылѣсти* (И., 48) — *И нельзя было выйти* из города.

Глаголы говорения. В древнерусском тексте прямая речь часто вводится глаголом *рече*, обозначающим речевую деятельность в самой общей форме; ему в современном тексте соответствуют гипонимы, дифференцирующие направленность речи: *обратился*, *спросил*, *ответил* и т. п., а не только гипероним *сказал*. Вот один из многих примеров: *И рече* един отрок: «Аз преиду». *И реша*: «иди». (К., 115). *И сказал* один юноша: «Я проберусь», и *ответили* ему: «Иди».

Глаголы бытия. В этой группе гиперонимом является глагол *быть*, гипонимами — глаголы, обозначающие бытие определенных субъектов (*жить* о людях, *расти* о растениях, *водиться* о животных, *стоять* о сооружениях и т. д.), либо глаголы, показывающие различные фазы бытия (*наступить*, *становиться*, *сохраняться* и т. п.). В

¹ Рассмотрение ориентации высказывания обосновывается тем, что под номинацией понимается обозначение не только отдельного объекта, но и ситуации (событийная номинация).

древнерусском тексте *быти* употребляется значительно чаще, чем современное *быть*, ему в переводах нередко соответствуют гипонимы обоих разрядов.

а) Специфические глаголы бытия: И видѣ ту люди *сущая* (И., 30) — Увидел *живущих* там людей; Идѣ же *есть* двор дѣмьстиков (И., 40) — Где *стоит* сейчас двор уставщика; *Пребы* нѣколько лѣтъ (И., 38) — *Прожил* несколько лет; *Бѣ* тогда царь Константинъ (И., 46) — *царствовал* тогда царь Константин; Тако же и прочии вои его вси *бяху* (К., 114) — Так *вели себя* в походах и все его воины; *Бяще* чересь гроблю мост (И., 46) — А через ров *был перекинут* мост. В современном языке во многих из этих примеров грамматически правильно было бы употребление и глагола *быть*: *был* тогда царем Константин, чрез ров *был* мост и т. п., но это, по-видимому, меньше соответствует нормам словоупотребления современного языка, который предпочитает здесь использовать гипонимы.

б) Фазисные глаголы: Приде Киеву и *бысть* мир (И., 50) — Вернулся в Киев и *наступил* мир; Иде же послѣ же *бысть* Киев (И., 30) — Где после *возник* Киев; *Бысть* между ими ненависть (И., 56) — И *поднялась* оттого ненависть между ними; И *суть* становища еѣ (И., 48) — И *сохранились* места ее; ...И *суть* гради их до сего дне (К., 46) — И *сохранились* города их поныне. Замена *быть* другими глаголами связана с видо-временными реорганизациями в системе русского глагола: в связи с тем, что *быть* не получил форм совершенного вида, значение возникновения передается иными лексемами (*возникнуть*, *наступить*, *подняться* в переносном использовании), значение завершенной длительности — глаголом *сохраниться* (в современном языке эти значения могут выражаться и специфическими глаголами бытия: и *стоят* города их поныне, где после *был построен* Киев).

Глаголы делания. В этой группе гиперонимом является глагол *делать* (др.-русс. *творити*), гипонимами — разнообразные специфические глаголы, выбираемые в зависимости от природы объекта и характера самого действия (ср. *вить* гнездо, *печь* пироги, *строить* дом, *устраивать* собрание и т. п.). Глагол *творити* обнаруживает широкую сочетаемость (в ряде контекстов ему не может соответствовать современное *делать*), его аналогами в современных переводах выступают глаголы с более ограниченной сочетаемостью, либо конкретизирующие способ создания объекта, так что и в данном случае имеет место переход от гиперонима к гипониму: и *створиша* град во имя брата своего старейшаго (К., 43) — И *построили* городок во имя своего старшего брата; И по семь *творяху* краду велику (К., 47) — А затем *разводили* большой костер; *Творят* им новь (К., 106 — 7) — *Устраивают* им баню; Мир *створиста* (К., 107) — *Заключили* мир (К., 107); Трызну *творити* (К., 111) — *Совершить* тризну; И ина много зла *творяху* (К., 105) — И много другого зла *причинили*.

Приведенные факты позволяют сделать вывод, что нередко при переходе от древнерусского текста к современному имеет место сужение объема значения используемого при номинации слова. В истории

языкознания высказывались различные мнения касательно развития абстрактности (широкозначности) и конкретности (специализации значения) в языке. Одни лингвисты полагали, что первоначально в языках фиксируются синкретичные, недифференцированные понятия, так что совершенствование языка идет по линии дифференциации и специализации выражаемых понятий. Другие, напротив, считают, что создание широких родовых значений — результат более позднего развития языка. В современных языках использование гиперонимов и гипонимов обусловлено стилистически. В разговорной, ситуативно обусловленной речи часты случаи использования гиперонимов вместо гипонимов. Художественная выразительность создается нередко именно за счет гипонимов, употребления слов более конкретного значения; научно-техническая лексика наряду с гипонимами вынуждена формировать и гиперонимы (именно обозначения обобщающих понятий нередко недостает в терминосистемах). Изложенные нами наблюдения показывают, что употребление одного типа номинации вместо другого нельзя считать мерилем развитости языка: языковая эволюция может идти и в направлении от использования широкозначных номинаций к специализированным.

Глаголы получения и обладания. Употребление этих глаголов заслуживает особого рассмотрения. Обращает на себя внимание чрезвычайная употребительность в древних текстах глагола *имати*, который обладал широким диапазоном значений; он обозначал и «брать», и «хватать»: *Поимал* еси всю дань (И., 40) — *Забрал* уже всю дань; Си имуть *имати* дань (И., 40) — Станут они *собирать* дань и с нас; Оружье *емлет* (И., 54) — Оружие *берет*; И повелѣ Ольга всемъ своимъ *имати* а (И., 44) — И приказала Ольга воинам своимъ *хватать* их; Имаху плѣнники (И., 36) — Кого *захватили* в плен. Глагол *имѣти* выражал *обладание*, *принадлежность*, в современных текстах ему соответствует *иметь*, но нередко и *быть*: А главы не *имѣтъ* (И., 229) — А головы не *имеет*; Ни шатра *имѣше* (К., 114) — Не *было* у него и шатра. В обследованных текстах *имѣти* употребляется чаще с переносными значениями, когда его дополнением является существительное, обозначающее не физический предмет, но отвлеченное понятие (такое использование *иметь* более частотно и в современном русском языке): Мир *имеа* ко всемъ странамъ (К., 107) — Мир *имея* со всеми странами. И все же в переводах древнерусскому *имѣти* часто соответствуют иные глаголы: *Имѣше* власть свою в Полоцкѣ (И., 53) — *Держал* власть свою в Полоцке; *Имѣти* тя хочю во отца мого (И., 58) — Буду *почитать* тебе как отца; и знаменитое: Мертвыи бо срама не *имамъ*, А ще ли побѣгнемъ, срамъ *имамъ* (И., 52) — *Ибо* мертвые не *знают* позора. Если побегим, позор нам *будет*. В сочетании с инфинитивом глагол *имати* (*имѣти*) выступал как служебный глагол, выражавший целую гамму значений: от будущего времени до различных модальных оттенков (долженствование, вероятность) (3). В последнем случае он напоминает типологически глагол «иметь» в современных западноевропейских языках (ср. англ. to have (3);

фр. avoir à, исп. tener que). Современному русскому языку такое использование *иметь* почти не свойственно. Вспомогательным глаголом будущего времени теперь является только *быть*. Вот один из примеров такого рода: «Аще не подступите заутра, предатися *имама* печенегом» (К., 49). — Если не подступите утром, то *вынуждены* сдаться печенегам.

Итак, можно сделать вывод, что в древнерусском языке глагол *иметь* обладал значительно большей употребительностью, чем в современном языке, уступив свои некоторые функции глаголу *быть*. Это существенное типологическое явление. Глаголы *быть* и *иметь* определяются как два важных типа структуры узла глагольного предложения. Быть — перевернутый глагол иметь (5). *Иметь* позволяет использовать прямопереходную конструкцию, в которой субъект обладания оформлен как подлежащее, а объект — как дополнение. Конструкция с *быть* является непереходной, субъект обладания в ней представлен в форме дополнения, объект — в виде подлежащего. При прямом порядке слов обе конструкции различаются актуальным членением (6, 66), но при выражении одного и того же коммуникативного задания конструкция с *быть* требует инверсии подлежащего, что имеет место в русском языке. В целом конструкция с *иметь* более свойственна западноевропейским языкам (ср. англ. I have, нем. ich habe, фр. j'ai, исп. tengo...), с *быть* — русскому *У меня есть...* Более того, в индоевропейских языках Европы употребительность *иметь* нарастает по мере движения с востока на запад. Наименее употребителен *иметь* при выражении реальной принадлежности и в служебной функции в русском языке, уже в украинском и польском его роль заметно возрастает. Еще более употребителен этот глагол в румынском языке (7), далее в языках германской группы, особенно в английском. Но наиболее широко он используется в западнороманских языках, причем в иберийских, пожалуй, еще шире, чем во французском и итальянском. Так, если в двух последних сложные формы глагола могут строиться в ряде случаев со вспомогательным *быть* (фр. je suis venu, ит. sono venuto), то в испанском и португальском — только с «иметь». Если локализация в английском или итальянском языках выражается оборотами, восходящими к глаголу *быть* (there is, ci è), то во французском и испанском — восходящими к *иметь* (I у а, hay). Различие европейских языков в использовании *быть* и *иметь* некоторые языковеды объясняли в терминах языкового прогресса (8, 175–198; 9, 5; 10, 75; 6, 361–365). В свое время А. Мейе отметил, что глагол *иметь* в индоевропейских языках образовался позднее, чем *быть*, когда уже возникла идея собственности. До того времени принадлежность выражалась конструкциями с *быть*. Постепенно обороты с *быть* уступили место глаголу *иметь* (ср. лат. mihi est → habeo), а преобладание *быть* в русском языке (habeo — у меня есть) интерпретировалось как сохранение более архаичной формы в этом языке. Это вполне сочеталось с общим взглядом Мейе на славянские языки как на языки, обладающие «своеобразно архаи-

ческим обликом» (11, 101, 104, 424). Сопоставление древнерусских текстов с современными не подтверждает гипотезу А. Мейе и не позволяет видеть в употребительности *быть* вместо *иметь* для выражения обладания и других значений сохранение элементов более архаичного состояния языка. Мы видим, что использование *иметь* не увеличивается, но сокращается по мере развития русского литературного языка¹. В ряде случаев *быть* вытеснило *иметь*, а не наоборот. Эволюция языка, в частности, в сфере реализации, может идти не только по линии *быть* → *иметь* (как в латинском языке), но и по линии *иметь* → *быть* (как в русском). Причины преобладания *быть* в русском языке надо искать в другом месте².

Использование косвенных (переносных) номинаций. Использование метафорических и особенно метонимических обозначений — одна из типологических характеристик текста, различающая не только тексты разных функциональных стилей, но и тексты разных языков. В исследованном материале встретилось немало случаев изменения образа при переходе от древнего текста к его современному переводу. В древнем тексте свойства, качества, отношение, действие, по-видимому, чаще обозначаются через наименование определенной части тела, метонимически, чем в современном языке: «Аз буду с тобѣ в сердце» (И., 58) — Буду с тобой в любви; «Держал бых его против сердца моего» (К., 150) — Был бы он для меня самым дорогим; «А князя их яша рукама» (К., 119) — Князя же их схватили; «Мышца» (И., 148) — Сила; «Сьмя его» (И., 148) — Потомки его. Действие или состояние изображается через обозначение соответствующего орудия или средства: «Взя градъ копьемъ» (И., 56) — Взял город приступом; «Изнемогаху людье водою» (И., 48) — Изнемогали люди от жажды. Даже в соотношении: подразить нози мои (И., 226) — поставить мне подножку, указание на часть тела более явно в древнем тексте, чем в современном. Приведенные примеры (а их без труда можно умножить) свидетельствуют о большей тяге древнего языка к метонимическим или синекдохическим обозначениям. Конечно, в этом можно видеть известное влияние библейского стиля или древнегреческой риторики. Употребление слова *семя* для обозначения потомства обычно в тексте Священного Писания. Выражение Владимира Мономаха «И уста мои похвалитя тя» (И., 148) — И уста мои похвалят тебя (— я тебя похваляю) напоминает о первой строке «Песни песней»: Пусть уста его меня поцелуют (— Пусть он меня поцелует), где также часть тела изображается как бы действующей независимо от субъекта. Некоторые ученые в подобных метонимических обозначениях склонны ви-

¹ Исследователи, в частности, отмечают, что с развитием русского языка выпали многие выражения с *иметь*, существовавшие ранее (12, 112).

² Одно из объяснений этого явления — отдаленное влияние угро-финского субстрата (или адстрата), но и оно не является убедительным. Сокращению употребительности *иметь* связано с преобразованиями в глагольной системе и в синтаксисе русского языка.

деть и проявление «первобытного» синкретического мышления. Но несомненно, что нельзя это явление объяснять только иноязычным влиянием или «палеонтологией речи»: обозначение чувств и действий через часть тела, с которой они ассоциируются — обычное явление во всех языках, и здесь расхождения могут иметь лишь количественный характер (например, в современном французском языке метонимия и синекдоха в обыденной речи — даже вне художественного задания — используются несколько чаще, чем в русском) и конкретно качественный (такие-то номинации вышли из употребления, иные включились в язык).

Фиксация в наименовании разных сторон именуемого объекта. Разные языки при формировании номинации фиксируют разные признаки и свойства объекта, о котором идет речь, и через эти выделяемые признаки объект может получать различные наименования. Так, движение может быть обозначено по способу передвижения (*бежать сюда*), направлению движения (*приблизиться*) или по обоим признакам сразу (*подбегать*). Рассмотрим выражение различных способов действия на примере глагольных приставок, характеризующих действие. Сопоставление текстов выявляет три вида расхождений: а) общий префикс при разных основах; б) разные префиксы при общей основе; в) отсутствие префикса при его наличии в одном из сопоставляемых текстов.

Общий префикс при разных основах свидетельствует о сохранении собственной семантики преверба. С аналогичным явлением мы встречаемся и в современном разговорном языке, когда префикс оказывается семантически более полноценным, чем корень, который может заменяться при создании синонимических обозначений. Ср. убежать — удрать — улепетнуть (последний корень существует только в этом глаголе). Примеры на сохранение префикса: *Примышляше* (И., 40) — *Прибавил*; *Прирече* 10 тысяць (И., 46) — *Прибавил* 10 тысяч; *Пристройте* меды многи; (И., 44) — *Приготовьте* меды многи; *Отпадутъ* от мыслей своихъ (И., 50) — *Откажутся* от мыслей своих; *И оступиша* печенѣзи градъ в силѣ велицѣ (И., 48) — *Осадили* печенеги город силою великою; *Рѣчки* ради, яже *втечетъ* в Двину (И., 28) — По речке, которая *впадает* в Двину; *Свергъ* порты (И., 50) — *Скинул* одежду; *Переклюкала* ты мя еси, Ольга (И., 48) — *Перехитрила* ты меня, Ольга; *И выникнувши* змиа изо лба, и *уклюну* в ногу (И., 38) — *И выползла* из черепа змея и *ужалила* его в ногу. Большую семантическую самостоятельность проявляет преверб *съ-* (со-), обозначающий объединение: *Съдумавши* (И., 32) — *Посоветавшисьъ*; *Сънемъшемася* объма полкома (И., 42) — *Сошлись* оба войска; *Съступишася* биться (И., 48) — *Сошлись* биться; Многи варяги *совокуписта* (И., 38) — *Собрали* много варяг.

В отдельных случаях расхождение префиксов может объясняться различной интерпретацией действительности либо различием реалий. Сравним: *Съсуги* могилу (И., 42) и *Насыпать* могилу. Префикс *съ-* подчеркивает, что в древние времена могильный курган сооружали,

сыпая в одно место землю, сгребая ее. Глагол *насыпать* показывает, что землю сыплот сверху. Покидая какое-либо место, субъект начинает движение. Поэтому при обозначении движения прочь можно указать либо на удаление, либо на начало самого движения: ср. современное разговорное *Я пошел* в значении *Я уйду*. Нередко древнерусским глаголам с превербом *по-* соответствуют в современном тексте глаголы с приставками *вы-*, *у-*, обозначающими удаление: *Из* него же озера *потечеть* Волховъ (И., 28) — *Из* этого озера *вытекает* Волхов; *И смирившись* с вами, *пойду* опять (И., 44) — *Заключив* с вами мир, *уйду* прочь. Можно сделать вывод, что в древнем языке аспект «удаление» формально выражался менее обязательно, чем в современном языке. Приставки *от-* и *у-*, выражающие это значение, нередко отсутствуют в древнерусском тексте: *Несоша* на гору (И., 36) — *Отнесли* на гору; *Несоша* козари (И., 32) — *И отнесли* их козари; *Пусти* дружину домови (И., 40) — *Отпустил* дружину домой; *Камо* хочещи от мене *ити*? (И., 50) — *Куда* хочешъ *уйти* от меня?

С другой стороны, в древнерусском тексте чаще фиксируется аспект «движение вверх», вследствие чего наблюдается «избыточное» по сравнению с переводом префиксов *въ-* и *въз-*, обозначающих это направление действия. Например: *Вборзѣ* *въсѣде* на конѣ (И., 50); — *Быстро* *сел* на коней; *И повелѣ* Олег воемъ своимъ колеса издѣлати и *воставляти* на колеса корабля (И., 36) — *И повелел* Олег своим войнам сделать колеса и *поставить* на них корабли. Префикс *въс-*, заимствованный из старославянского, чаще, чем ныне, выражал начало действия, интенсивность и другие оттенки, передаваемые в современном языке другими префиксами: *Въструбиша* вельми (И., 50) — *Громко затрубили*; *И възстужиша* людье в градъ (И., 48) — *И стали тужить* люди в городе; *Възгорвшася* (И., 44) — *Загорелись*; *Восхищая* и грабя (И., 40) — *Расхищая* и грабя. Другим, относительно более употребительным, превербом в старых текстах является *из-*. Он обозначает действие, направленное изнутри наружу (ныне в этом значении чаще используется префикс *вы-*): Онъже *изиде* из града (И., 48); — Он же *вышел* из города; *Ископати* яму (И., 42) — *Выкопать* яму; удаление: *Испросистася* (И., 34) — *Отпросились* они; завершенность действия: *Измывшася* (И., 42) — *Вымывшись*; *Изгибоша* (И., 44) — *Сгнули*; *Изби* (И., 44) — *Убила*.

Отсутствие преверба в древнем тексте при его наличии в современном во многих случаях связано с выражением вида. В древнерусском языке не было категории вида, подобной современной, и превербы играли в нем преимущественно семантическую роль. В современном языке они облечены нередко грамматическим значением, выражая совершенный вид. Поэтому они появляются в переводе там, где их не было в подлиннике. Например: *Зимова* (И., 52) — *Перезимовал*. Завершенность действия, его ограниченность во времени выражены в древнерусской форме формой времени — аористом, в современной форме — совершенным видом, который маркируется префиксом *пере-*. Особенно часто отсутствие превербов у глаголов восприимчива: *Видѣши*

то печенѣзи (И., 50) — *Увидев* это, печенеги...; *Ни вижу* его более того (И., 40) — *Не увижу* его больше; *Ти, слышаще*, дивляхуся (И., 40) — *Те, услышав* об этом, удивлялись.

Из сказанного можно сделать вывод, что если такие аспекты действительности как движение действия изнутри наружу либо снизу вверх или сверху вниз более последовательно отмечались в древнерусском языке, то удаление выражается более последовательно в современном языке. Не выражаемые эксплицитно аспекты реальности подсказываются ситуацией.

Морфологическая форма номинации. Одна и та же семантика в речи может быть представлена словами, относящимися к различным частям речи (ср. *храбрый, храбро, храбрость, храбриться*), так что одно и то же явление действительности может быть обозначено словами разных частей речи. Даже при наличии одинакового инвентаря частей речи последние могут использоваться по-разному. Поэтому употребительность частей речи как средства номинации оказывается важной типологической особенностью текстов, языковой реализации. Особенно важно в этом плане соотношение между двумя основными классами слов: именем и глаголом. В истории языкознания не раз высказывалось мнение, что развитие языка связано с номинализацией, распространением существительного как основного номинативного средства. В этом видят проявление развития абстрактного мышления человека, отражение прогресса культуры (номинализация свойственна, например, научно-техническому стилю). Существуют три основные формы номинализации — замена глагольной основы именной в речи: 1) неполная номинализация — замена личной формы глагола неличными, промежуточными, сочетающимися в себе признаки глагола и имени: инфинитивом, причастиями; деепричастие тоже менее «глагольно», чем личная форма. Степень девербализации можно представить в виде следующей шкалы: личная форма глагола — деепричастие — причастие и инфинитив — отглагольное существительное (*говорит — говоря — говорящий, говорить — говорение*). 2) полная синтетическая номинализация: замена личной формы отглагольным существительным (*после того, как он ушел — после его ухода*); 3) полная аналитическая номинализация, при которой глаголу соответствует сочетание с существительным (*победить — одержать победу*). Такие сочетания тоже нередко рассматриваются как показатель развитости языка, и историческое развитие его связывают иногда с переходом от односторонней семантической системы (*Он молитвова*) к двухместной (*Он читал, творил молитвы*) (13, 26–27). Разумеется, формирование аналитических речений способствует расширению номинативных средств языка, так как позволяет более дифференцированно и тонко обозначать экстралингвистические явления. Несомненно, общая масса таких речений в языке возрастает, поскольку людям современного общества приходится выполнять гораздо более широкий круг работ и действий, чем их предкам, жившим 700–900 лет тому назад. Однако, сравнивая переводы и подлинники, мы остаемся в

пределах одного и того же поэтического поля: совокупность означаемых и переход от вербальных средств к именным здесь не связывается с потребностью расширить номинативные возможности языка. В этом и состоит интерес этих данных.

Неполная номинализация. Довольно часто причастной форме древнерусского языка соответствует в тексте личная форма глагола в переводе. Особенно это характерно при замене дательного самостоятельного придаточным предложением: *Князю Святославу взрасташю и възмужавшю*, нача вои совокупляти многи и храбры (И., 48) — *Когда Святослав вырос и возмужал*, стал он собирать многих воинов храбрых. Сказуемому придаточного в современном тексте в древнем могут нередко соответствовать менее глагольные формы: деепричастие, причастие, субстантивированное причастие: *Куда же ходящю* путем по своим землям (К., 56) — *Куда бы вы ни держали путь; Да приходячи* русь слюбное емлють, елико хотячи (К.) — *Когда приходят* русские, то пусть берут содержание для послов, сколько хотят (три личных формы в современном высказывании и только одна — в древнерусском): *И повѣдаша* ему вся бывшая (И., 54) — *И поведали* ему как было. Конечно, такие соотношения далеко не являются правилом, но они свидетельствуют о том, что номинализация средств обозначения отнюдь не является однонаправленным процессом.

Полная синтетическая номинализация. Она имеет место в разных синтаксических позициях, и мы также встречаемся здесь с фактами, свидетельствующими об отсутствии единой тенденции. Рассмотрим факты соответствия глагол/личная форма, неличные формы/имя.

а) древнерусский текст — глагол, современный текст — имя: *Идучи мимо семо* (И., 30) — *На пути своем сюда*; *Показуа побѣду* (И., 38) — *В знак победы*; *Рекуци сице* (И., 40) — *С такими словами*; *Яко гънаста* путь многъ (И., 96) — *После долгого преследования*; *И ту умыкаху* жены себе, с нею же кто *съвещашеся* (К., 46) — *Умыкали себе жен по сговору с ними*;

б) древнерусский текст — имя, современный текст — глагол: *Имянемъ* Полота (И., 28) — *Именуется* Полота; *И по приключоа...* (И., 30) — *И случилось* так, что...; *В перегибѣхъ* (И., 42) — *Избоченившись*; *Волею и неволею* стати противу (И., 52) — *Хотим* мы или не хотим, должны сражаться; *Исходити...* на игры (И., 94) — *Пойти поиграть*; *Проскурънаго ради непечения* (И., 96) — *Ибо некому печь* просфоры; *Мати убо, не тѣрпяци* сына своего въ такой *укоризнѣ* суща (И., 96) — *Мать и сама не смогла смириться* с тем, что все *укоряют* ее сына; *И срамословье* в них пред отьци и пред снохами (К., 46) — *И срамословили* при отцах и при снохах.

в) **Аналитическая номинализация.** Процесс в этом случае получает расчлененное выражение, состоящее из глагола, выражающего процесс в общей форме (*сътворити, деяти*) либо его залоговые или видовые характеристики (*дати, начати*), и имени, которое и является лексическим обозначением самого действия, причем для номинации

действия используется не только имя действия, но — метонимически — и имя деятеля, название орудия, средства, результата, места действия. Анализ текстов и переводов дает факты разного свойства.

а) древнерусский текст — глагол / современный — аналитическое сочетание. *Насилише* (И., 40) — *Творили насиллие*; *Сздумаеше* (И., 40) — *Держали совет*; *Распасли* суть деревьску землю (И., 40) — *Введи порядок* в деревенской земле; *Вы почтити* (И., 40) — *Воздать вам честь*; *Заповѣда ей* (И., 46) — *Дал ей заповѣдь*; *Любити* (И., 54) — *Выражать любовь*; *Поприяти ми* (И., 58) — *Будь мне другом*; *Поруганъ бысть* (И., 98) — *Поругания перенес*; *И поидоша* против (К., 145) — *И пошли походом* против; и др.;

б) древнерусский текст — аналитическое сочетание / современный текст — глагол. *Ту живот свой сконча* (И., 32) — *Тут и умер*; *И много убийства сотвори* около града греком (И., 36) — *И много греков убил* в окрестностях города; *Бѣ бо устроено со отравою* (И., 36) — *Так как оно (= вино) было отравлено*; *А в хрестеянехъ того несть закона* (И., 48) — *А у христиан это не разрешается*; *Войны многи творяще* (И., 48) — *Много воевал*; *Бѣ бо ловы дѣя Олег* (И., 56) — *Так как и сам он охотился там же*; *Укоризну себе... твориши* (И., 94) — *Он себя срамит*; *Облецися в одежу чисту* (И., 92) — *Одеться почище*; *Взложи на нозѣ его желѣза* (И., 96) — *Сковала ноги ему*; *Се бо токмо словенск язык в Руси* (К., 44) — *По-славянски же говорят на Руси*. Еще несколько примеров: *Ярость свою въздвиже* (К., 120) — *Разгневался*; *Дашь вино* (К., 234) — *Наставь*; *Сотворити брань* (К., 143) — *Сразиться*; *Печаль приимеши* (К., 233) — *Обозлишься*; *Скончяеше царство* (К., 237) — *Проществовал*; *Творятъ куплю* (К., 107) — *Торгуют* и т. п.

Исследователи отмечают употребительность аналитических речений в древнерусском языке (14, 73), вместе с тем приведенные примеры достаточно явно свидетельствуют о том, что переход от одностной предикативной структуры к двухместной отнюдь не может считаться ведущей тенденцией развития языка. Нет большого количественного расхождения в употреблении аналитизмов при переходе от одного этапа развития языка к другому. Обращает на себя внимание структурное разнообразие аналитических речений, в которых номинализируется глагольная семантика. Отмечаются сочетания глагол + прямое дополнение (*убийства сотворити*), предложные сочетания (*устроено со отравою* — *отравлено*). Особый интерес представляют собой предикативные сочетания типа *нѣсть закона* (= *не дозволяется*): хотя объектные конструкции и представляют собой самый распространенный тип аналитизмов, предикативные сочетания, где соотносящееся с глаголом имя выполняет функцию подлежащего, широко используются в современном русском языке (*дождит* — *дождь идет*), особенно в разговорной речи (ср. *приказ вышел ему* — *ему приказали*; *на ней стыда нет* — *она не стыдится*, и т. п.). Подобные субъектные предикативные аналитизмы могут служить способом устранения конкретного субъекта, они равнозначны безличным или

неопределенно-личным предложениям: ср. *бо словенск язык — по-славянски же говорят*. Формирование аналитических речений — общеязыковая универсалия. Их распространенность в древнерусском языке, их чрезвычайная употребительность и в современной разговорной речи, историческая замена не только глагола аналитизмами, но и аналитизмов глаголом подтверждают, что их возникновение — результат самобытного развития языка, а не иноязычных литературных влияний.

В древних текстах нередко встречаются сочетания глагол + прилагательное, соответствующее одному глаголу в современном тексте: *Искусивъ и любезниевъ ли есть злату* (И., 52) —... *любит* ли он золото; *Радъ бысть* (И., 54) — *Обрадовался*; *Вскую печална еси* (И., 146) — *Зачем печалишься*; Характерны сочетания глагола *быти* с причастием, выражающие длительное состояние: *быть лежащим* (= *лежать*), *быть сидящим* (= *сидеть*); *Бе бо тогда вода текущи въздоле горы Киевския* (И., К., 109) — *Ибо вода тогда текла* возле Киевской горы.

Именно сказуемому современного языка в древнем тексте может соответствовать глагольно-именное сочетание, что свидетельствует о более номинальном характере используемой номинации; при этом состояние выражается глаголом *иметь*, приобретение признака — глаголами *получить*, *принять*: *Поляне бо... имуть... стыденье к снохам своим* (К., 46) — *Поляне стыдливы* перед снохами своими; *А зла жена в богатстве гордой становитя* (И., 233) — *А злая жена в богатстве гордой становится*.

Разумеется, вопрос нуждается в более глубоком обследовании, но возможно, что, наряду с номинализацией, в эволюции номинативных средств русского языка имела место и вербализация — использование глаголов не только действий, но и состояний и качеств.

Ориентация высказываний и диатеза. В построении высказывания, при номинации некоторого события, важной типологической чертой является ориентация структуры предложения. При совпадении реального носителя действия с ремой обозначающее его подлежащее должно занимать место после глагола, в связи с чем образуется центростремительная ориентация высказывания, которая грамматически может осуществляться с помощью следующих трех средств: позиционного — простой перестановки слов (*Феодосия наказывала мать*), морфологического — с помощью пассива (*Феодосий был наказан матерью*), лексического — с помощью глаголов центростремительной ориентации типа *получать*, *терпеть* и т. п. (*Феодосий получил наказание от матери*). В современном русском языке основным средством переориентации предложения является изменение порядка слов. В таких языках как английский и французский относительно чаще эта цель достигается использованием пассива или центростремительных глаголов, что обычно объясняют жестким порядком слов в данных языках. В древнерусском языке порядок слов был относительно свободен, но в рассмотренном материале встретилось несколько случаев, когда древнерусский пассив или центростремительные

глаголы заменяются при переводе активными оборотами с инверсией подлежащего: а) пассив: *Быша обидимы древлями* (И., 32) — Стала притеснять (полян) древляне; *Си вси звахуться от грекъ великая Скуфь* (И., 36) — Этих всех называли греки Великая Скифь; *То все покорено было Богом поганьския страны* (К., 59) — То все покорил бы народу христианскому; б) центростремительные глаголы: *Яко велику честь приялъ от царя* (И., 32) — Великие почести воздал ему тот царь; *Он приимъ си рече в умъ* (И., 38) — Запали слова ему в душу. При изменении порядка слов только подлежащее совпадает с обозначением семантического субъекта, в двух других конструкциях оно выражает семантический объект или адресат и таким образом используется не в своей первичной функции. Следовательно, в данных примерах мы видим переход от переносного использования конструкций к прямому.

Особый случай диатезы представляет собой «демиактивность» либо «понижение субъекта», иначе говоря, оформление семантического субъекта в виде косвенного дополнения при выражении аффектов и состояний. Эту древнюю конструкцию рассматривают в исторической типологии как реликтовую структуру в индоевропейских языках (14, 208). Действительно, нередко таким конструкциям (особенно с инфинитивом) в современном тексте соответствуют активные обороты: *И самому царю возбоится* (К., 149) — И сам царь устрасился; *От чего ми есть умерети?* (И., 107) — От чего я умру? Но встречаются и обратные случаи: *А древляне живяху звериньским образом* (К., 46) — У древлян был зверинский обычай. Это показывает, что и в данном секторе эволюция не была однонаправленной.

Формы связи между номинациями — важная типологическая особенность построения речи. Наиболее явно противопоставляются два способа: паратактический и гипотактический. В сфере гипотаксиса различаются аналитические и синтетические средства. Отражая мнение ряда лингвистов, Л. Теньер пишет: «Как правило, языки вначале выражают сложные мысли в форме паратаксиса, и лишь в ходе своего развития они получают способность замечать и выражать гипотактические связи... Например, латинский язык, хотя он и достиг высокого уровня абстракции, тем не менее строит паратактически многие семантические комплексы там, где французский язык фиксирует гипотактические отношения. В этом случае латинский паратаксис приходится переводить французским гипотаксисом» (16, 315). Он пишет там же: «Германские языки, такие как английский и немецкий, или славянские, как русский, которые пришли к развитию цивилизации позднее латинского и романских языков, осмысливают еще иногда паратактически те комплексы, которые во французском языке осмысливаются гипотактически». Сплоченность синтаксических форм в «сложных семантических комплексах» имеет ряд степеней: член предложения — оборот (причастный, деепричастный) — придаточное предложение — предложение в составе сложносочиненного — отдельное предложение. Если движение ли-

тературного языка действительно идет по линии сплочения синтаксических связей — от паратаксиса к гипотаксису, как это казалось Теньеру, то мы могли бы ожидать, что сочинению в древних текстах соответствует подчинение в современных, придаточным предложениям или оборотам — члены предложения (что связано и с номинализацией номинации). Факты, однако, далеко не подтверждают этого предположения. Во-первых, в древнерусском языке были особые компактные гипотактические построения второстепенных членов, которые выпали из структуры языка и которым в современных текстах функционально соответствуют более свободные формы связи: придаточные предложения. Таковы, например, самостоятельный дательный и двойной винительный: *Пришедшу бо ему с войны хорватския* (К., 116) — *Когда же возвратился он с хорватской войны; Печенеги же мнеша князя пришедша* (К., 115) — Печенегам же показалось, что пришел сам князь.

Во-вторых, даже при возможной структурной эквивалентности мы обнаруживаем в современном тексте менее жесткие формы связи, чем в древнем: а) оборот в древнем тексте — придаточное в современном: *И едва отдохнув от великого того плача* (К., 145) — *И едва отдохнул князь от великого того плача...*; *Аще будуть родитися в мать, то, возрошьши, мене продадут* (И., 235) — *Если родились они в мать, то как подрастут, меня самого продадут*; б) оборот в древнем тексте — сочиненное предложение (или однородное сказуемое) в современном: *И пославши Ольга к древлянѹмъ, рече имъ* (И., 42) — *И послала Ольга к древлянам и сказала им...*; *Видевше печенеги, устремиша на нь, стреляюще его, и не могоша ему ничтоже створити* (К., 115) — Печенеги, видя это, бросились за ним, стреляли в него, но не смогли ему что—либо сделать. Выше, в связи с проблемой номинализации, приводились примеры соответствия древнерусскому предложному обороту причастного оборота и придаточного предложения в современном тексте. Вот характерный пример сочетания в древнерусской фразе гипотактических оборотов, которым в переводе на современный язык соответствуют придаточные и сочиненные предложения: *Доблии, мнится быти, и храборъ Александръ Македонский, яко, все сотворивъ, постъвающе ему, имея присно къ доброму делу промышление* (И., 237) — Кажется нам, что доблестным и храбрым был Александр Македонский, раз во всем сопутствовала ему удача, и всегда он стремился к славным делам.

Историки русского языка отмечают, что «расширяется употребление предложно-падежных конструкций на месте беспредложных, что способствовало уточнению синтаксических связей в предложении» (17, 343). Конечно, такая тенденция проявлялась в структуре языка в целом и в каждой данной конструкции, но в функциональном плане нередко отмечаются случаи, когда древнерусский язык реализует предложный оборот, а современный — синонимический ему беспредложный: *И живяху кождо с своим родом и на своих местах; И жили*

они родом на своих местах; И удариша в кони (К., 119) — И стегнули коней.

Репрезентация номинаций. В каждом языке имеются свои закономерности местоименной репрезентации имен или глаголов. Так, во французском языке местоимения в тексте используются для замены прямых номинаций значительно чаще, чем в русском, который предпочитает прямые обозначения (имена нарицательные или собственные). Анализ текстов и переводов показывает определенные расхождения в местоименной замене. В современном языке местоимение нередко соответствует отсутствию репрезентации в древнем тексте: — И рече ему (И., 50) — *А тот* ответил ему; Всего же паче убогих не забывайте, но елико могуще по силе кормите (К., 56) — Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, кормите *их*. С другой стороны, если актант обозначен во фразе, то местоименной репрезентации древнего текста соответствует в современном повтор прямого обозначения: *Онъ же рече* (И., 50) — *Претич же* ответил; *По сих же* придоша печенежи (К., 45) — *Вслед за обрами* пришли печенеги (К., 45). Иным параметром местоименной репрезентации является последовательность прямого и местоименного обозначения. Обычно местоимение следует за представляемым им именем, но, например, в английском или французском языках в определенных грамматических условиях (например, в препозитивном придаточном) местоимение может предшествовать прямому обозначению объекта. В древнерусском тексте последовательность имя — местоимение соблюдается менее строго, чем в современном; антиципация местоимения отмечается в препозитивных зависимых комплексах: Ольга же, поимши мало дружины, легко идущи приде къ гробу *его*, и плакася по *мужи своему* (И.) — Ольга же, взяв с собой малую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле *своего мужа* и оплакала *его*.

Сделанные наблюдения показывают существенные расхождения в организации текста на древнерусском и современном русском языке. К известным структурным особенностям двух языковых срезов, не раз подробно описывавшимся в лингвистике, можно добавить некоторые явления, относящиеся к сфере реализации, употребительности, закономерностям номинации и организации номинаций в высказывании. Более частое употребление гиперонимов, несколько более частая местоименная замена при обозначенных объектах, развитость гипотаксиса, сравнительно широкое использование номинализованных средств обозначения, обращение к центростремительным конструкциям, достаточно широкое употребление глагола *иметь*, менее широкое, но более семантическое использование глагольных превербов, — вот некоторые явления, отличающие древнерусский текст от перевода на современный язык. Как это ни представляется парадоксальным, но по отдельным параметрам древнерусский текст стоит несколько ближе к некоторым современным западноевропейским языкам, чем к современному русскому. Как можно было бы объяснить изменения в реализации номинативных средств в истории русского языка?

Можно предполагать, что, поскольку древнерусская литература складывалась под известным влиянием греческой литературы — непосредственным или через посредство древнеславянской литературы (18, 17–35), то и складывавшемуся литературному языку были свойственны некоторые особенности реализации (выбор средств номинации и конструкций), которые в дальнейшем ослабли или совсем исчезли, когда начал формироваться современный литературно-художественный стиль, опиравшийся на внутреннюю народную стихию русского языка. Но эту гипотезу нельзя принять безоговорочно. Далеко не все рассмотренные расхождения можно объяснить появлением или прекращением каких-либо внешних влияний, тем более что даже вопрос о воздействии греческого языка на славянскую грамматику остается дискуссионным (19, 165–168).

Реализация в конечном счете продолжает тенденции, заложенные в системе языка. Поэтому следует связать изменения в отборе средств выражения с изменениями в самой системе языка, в его внутренних исторических процессах. Рассмотрим, в частности, проблему перехода от использования гиперонимов к более широкому употреблению гипонимов. Душой языка, структурным центром предложения является глагол. Именно глагольная система в значительной степени предопределяет структуру предложения, типы связи, даже отбор типов номинаций, особенно глагольных. За столетия, отделяющие рассматриваемые произведения древней литературы от наших дней, в системе русского глагола произошли коренные изменения. Система времён древнерусского глагола удивительно напоминала систему времён, например, современного французского языка. В прошедшем времени аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект в общем параллельны формам простого прошедшего, имперфекта, сложного прошедшего и плюсквамперфекта в этом языке. Также и в будущем времени в обоих языковых образованиях различаются две формы, одна из которых обозначала будущее предшествующее время. Пусть морфологии этих времён была различной: они совпадали в своих основных значениях, образуя сопоставимые системы. Вида, подобного современной грамматической категории в русском языке, в древнерусском языке не было, но существенную роль играли семантические различия между перфективными и неперфективными глаголами, взаимодействовавшие со значением некоторых временных форм (в частности, аориста и имперфекта, 13, 324–325). Это соотношение значений глагольных времён и лексических значений глаголов в древнерусском языке при выражении видовых значений типологически напоминает аналогичное явление в современных западороманских языках. Однако, сколь бы ни были дифференцированы временные формы, они сравнительно мало затрагивают семантику глагола. Картина изменилась, когда ведущей категорией в русском глаголе стал вид. Вид более «семантический», чем время, он показывает не столько временные соотношения между фактами, сколько способ совершения самого действия. Видовые форманты — превербы — одновременно выступают и

как конкретизаторы лексического значения глагола. Поэтому, возможно, становление грамматической категории вида способствовало более широкому употреблению гипонимов — глаголов более конкретного значения. Глаголы-связки *быть* и *иметь*, не имея форм совершенного вида, изменили свои семантические ареалы и функции, их функциональными супплетивами стали глаголы более конкретного значения: *стоять, сидеть, стать, идти, получить, приобрести* и др. Проблема нуждается в более глубоком изучении, но несомненно, что существенная перестройка в системе русского глагола отразилась на функционировании ряда элементов языка.

Рассмотренные факты показывают, что многие явления неправомерно связывались с идеей прогресса и совершенствования строя языка: такие явления как номинализация, широкозначность (абстрактность) лексем, гипотаксис и другие были не в меньшей степени свойственны древней речи, чем современной, а иногда и в большей. Развитие средств выражения в языке не носит во многих случаях однонаправленного характера как внутри отдельного языка, так и в общетипологическом плане. Подобно тому как внутри одного языка противоположные приемы номинации могут развиваться, затрагивая круг различных лексических единиц, так и в межъязыковом плане язык А может ограничить использование определенного типа номинации, который был употребим в нем в прошлую эпоху и который продолжает широко использоваться в языке Б.

1. *Coseriu E.* Structure lexicale et enseignement du vocabulaire // *Langues vivantes en Europe*. AIDELA, 1967; *Его же.* Sistema, norma e «parola» // *Studi linguistici in onore di V. Pisani*. Brescia, 1969; *Его же.* Leistung und Grenzen der kontrastiven Grammatik // *Probleme der kontrastiven Grammatik*. Düsseldorf, 1970.

2. *Гак В. Г.* Категории процесса // *Гак В. Г., Розенблит Е. Б.* Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М., 1965; *Его же.* Беседы о французском слове. М., 1966; *Его же.* Сопоставительная лексикология. М., 1977.

3. *Бородина М. А., Гак В. Г.* К типологии и методике историко-семантических исследований. М., 1979.

4. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. I–II. М., 1958.

5. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.

6. Категория бытия и обладания в языке. М., 1977.

7. *Graur A.* Studii de lingvistică generală. A fi și a avea. București, 1960.

8. *Meillet A.* Linguistique historique et linguistique générale. P., 1926.

9. *Vendryes J.* La comparaison en linguistique // *BSLP*, t. 42, fasc. 1. P., 1946.

10. *Bally Ch.* L'expression des idées de sphère personnelle et de solidarité dans les langues indo-européennes // *Festschrift L. Gauchat*. Aarau, 1926.

11. *Мейе А.* Введение в изучение индо-европейских языков. М.—Л., 1938.

12. *Никифоров С. Д.* Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVII века. М., 1952.

13. *Ломтев Т. П.* Общее и русское языкознание. М., 1976.

14. *Копыленко М. М.* Сочетаемость лексем в русском языке. М., 1973.

15. *Гухман М. М.* Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981.

16. *Tesnière L.* *Éléments de syntaxe structurale*. P., 1959.

17. *Стеценко А. Н.* Исторический синтаксис русского языка. М., 1972.

18. *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X–XVII веков. Л., 1973.

19. *Верещагин Е. М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. М., 1971.

2. О сравнительной динамике исторического развития языков.

Старофранцузский и современный французский язык*

Диахроническая лингвистика отмечает неравномерность темпов развития языков. Так, полагают, что среди романских языков наиболее глубокие изменения претерпел строй французского языка. Среди индоевропейских языков отмечается более значительная эволюция у романских и германских языков, в то время как славянским приписывается большая архаичность структуры (Мейе).

Указанные выводы делались, в основном, на основе изучения эволюции элементов языковых систем в плане выражения (звуковой строй, морфология как совокупность способов грамматического выражения, формальные черты синтаксиса). Изменения языков в плане содержания изучены в значительно меньшей степени, и почти совсем не исследованы закономерности эволюции в использовании типов номинации. Между тем, изменение типов номинации при обозначении одних и тех же референтов, прослеживаемое в речевых образцах (текстах), подчеркивает важность изменения в плане содержания грамматических категорий, словообразовательных типов и синтаксических структур.

Сопоставление типов номинации в их эволюции в разных языках, независимо от степени их родства, примыкает к тем типам сопоставительных исследований, которые В. Ф. Шишмарев разрабатывал в области сравнительной поэтики.

* Впервые опубликовано: *Бородина М. А., Гак В. Г.* К типологии и методике историко-семантических исследований. Л., 1979.

Особый интерес может представить изучение эволюции типов номинации в сравнительном плане в таких языках, как французский и русский, из которых первый считается языком с более быстрыми темпами, а второй — с более медленными темпами эволюции строя.

В качестве материала анализа были взяты тексты, близкие по эпохе и по стилю, и сопоставлены с их филологическими (максимальными) переводами на современные языки. Для русского языка: «Повесть временных лет» (XII век), для французского — хроника Вильярдуэна (рубеж XII—XIII вв.), отличающаяся, по словам В. Ф. Шишмарева, простотой, ясностью и строгостью стиля.

Сопоставление французского текста с его переводом (временной интервал — ок. 750 лет) показало, что изменения во французском языке касаются преимущественно внешней формы номинаций (звуковая сторона слов, формы аффиксов, словоизменительных флексий). В русском языке (временной интервал ок. 800 лет) изменения в большей степени затронули внутреннюю сторону (семантический план) используемых номинаций: их семантический объем, фиксация различных черт именуемого объекта и др. В большей степени, чем во французском языке, изменилась и общая лексико-грамматическая структура высказываний. Различия в степени изменения типов номинации, выявленные из сопоставления текстов, связываются с изменениями в лексико-грамматической системе двух языков.

Во французском языке эволюция грамматического строя, в частности, морфологии свелась преимущественно к изменениям внешних способов грамматического выражения, а в плане содержания она затронула главным образом реляционные категории (падеж, согласование глагола и прилагательного и др.) Классификационные категории, связанные со способом отражения действительности, изменились сравнительно мало, что особенно важно для глагольной системы, составляющей ядро грамматической системы языка.

В русском языке грамматическая эволюция в меньшей степени затронула внешнюю форму грамматических категорий, так же как и реляционные категории, но в большей степени, чем во французском языке, содержательную сторону грамматических фактов. Особенно глубокими были перестройки в системе русского глагола (переход от разветвленной системы времен, очень напоминавшей современную систему времен во французском языке) к противопоставлениям видов. С этим можно связывать упрочение тенденции к конкретным способам выражения и другие явления в эволюции русских номинаций. Характерно, что типы используемых номинаций, как это выявляется из анализа текстов, в древнерусском языке более близки к тем, что используются в современном французском языке, чем к тем, что употребляются в современном русском языке.

Вопрос о динамизме развития языка следует решать по-разному в зависимости от рассматриваемого аспекта. В отношении внешних форм способов грамматического выражения и реляционных категорий французский язык оказался относительно более динамичным,

чем русский, в отношении же внутреннего содержания грамматических категорий русский язык проявил большие темпы развития. В свете этого вопрос об архаичности и эволюционировании языковых структур должен решаться по-новому.

Рассмотрим разные типы номинации и различие в номинациях в старофранцузском и современном французском языке в тексте. В качестве объекта исследования взят текст XII в. Жофруа де Вильярдуэна, опубликованный в хрестоматии Париса с параллельным переводом. Для выявления некоторых закономерностей сдвигов в характере номинации нами использованы подлинники и переводы некоторых других произведений XII — начала XIV в. по той же хрестоматии Париса и по хрестоматии Мари с переводами составителя. Мы будем рассматривать лексические номинации в каждом из трех отмечавшихся выше аспектах: формальном, семантическом и денотативном.

1. Внешняя форма номинаций

На уровне текста расхождения по внешней форме номинаций, не связанные с расхождением в объеме значения, могут выражаться: а) соотношением структурных типов номинации (простое слово — производное или сложное слово — словосочетание) (см. табл. 9)¹; б) функциональными транспозициями (реализация семантемы в словах разных частей речи).

Соотношение структурных типов номинаций

Типы слов	Простое слово	Производное или сложное	Словосочетание
Простое	B1	M1	M2
Производное или сложное	M1	B2	M2
Словосочетание	M2	M2	B3

Изменения в структуре внешней формы могут быть внутрисктурными (B), когда изменяются компоненты формы, но сам тип структуры остается неизменным, и межструктурными (M), когда в результате модификации один тип структуры сменяется другим.

Внутрисктурные изменения

B1. Замена корневой морфемы в простом слове без изменения объема значения слова (тип *ive* — *jumpst*, по Э. Косериу) в тексте встречается редко, ибо она в чистом виде возникает лишь тогда, когда и прежняя номинация и новая однозначны. Значительно чаще встре-

¹ О случаях промежуточных между этими структурными типами номинаций см. гл. II.

чаются модификации, при которых либо прежнее, либо новое наименование многозначно, в связи с чем в языковой системе наименования оказываются разными по объему и изучение их становится уже предметом семантики. Именно такие отношения наиболее часты. Например: *Li chevalier oissirent des uissiers* (Vh. 187). *Les chevaliers sortirent des huissiers*; *Eschargaitier* (Vh. 190) — *garder*; *Les galies furent atornées* (Vh. 187) *les galères furent équipées. Un flun qui fiert en la mer* (Vh. 192). *Un fleuve vient se jeter dans la mer* и многие другие. Но все же в акте номинации, в речи, в данном конкретном значении указанная пара слов обозначает один и тот же денотат: *oissir* и *sortir* 'вывести', *ferir* и *se jeter* 'устремляться'. Ввиду общности денотата и сигнификата эти номинации можно рассматривать как эквивалентные, и расхождения между ними относить только к внешней форме. Но не следует упускать из виду, что вследствие неоднозначности одного или обоих элементов сравниваемой пары объемы сигнификатов каждого отдельного значения могут соприкасаться, изменять свои очертания, сливаться в более широкий сигнификат, что невозможно для однозначных лексем типа *ive* — *jument*. Поэтому такие факты могут занимать промежуточное положение между изменениями внешней формы и внутреннего объема наименований.

В2. Изменения внутри структурного типа производного слова могут иметь два подтипа: а) замена корневой морфемы при сохранении аффиксальной и б) замена аффиксальной морфемы при неизменности корневой.

Первый подтип — явление более частое, чем может показаться с первого взгляда, — имеет место в случае значимости аффиксальной морфемы. Наиболее часто это касается глагола (и отглагольных существительных) с префиксами локального или иного значения. Для описания конкретной ситуации дополнительная характеристика действия (направление, повторность, завершенность) может оказаться более существенной, чем сам способ совершения действия, вытекающий из самой ситуации либо известный собеседникам. Естественно, что в истории языка могут обнаруживаться факты, когда аффикс, полностью сохраняя свое значение, перестает соединяться с данной основой. Ср.: *Enqui refu granz li estors à la porte* (Vh., 191). *Le combat recomença très vif à la porte*. Важно подчеркнуть возобновление действия (боя). Поскольку в современном языке с основой *être* префикс *re-* соединяется, используется другой глагол с тем же префиксом (*recommencer*).

Второй подтип. Многие исследования в области истории французского языка показывают конкуренцию суффиксов, их схождения и расхождения, и не случайно, что при анализе текстов обнаруживаются факты подобного рода. Ср.: *convenance* — *convention* (V. M., 40) в значении 'договоренность'. В системе префиксации во французском языке варьирование отмечается сравнительно редко.

В3. Изменения внутри словосочетаний могут быть двух видов: изменения, касающиеся связующего элемента (предлога, артикля) и

значимого (знаменательного слова). В свободных сочетаниях предлоги, особенно локальные, взаимозаменяются наиболее широко. Например: *Les glaives es mains* (Vh. 188) — *La lance à la main*. Но и в устойчивых выражениях наблюдаются аналогичные явления. Нередки замены и знаменательных слов, особенно полуслужебных глаголов в глагольно-именных выражениях. Ср.: *Prendre conseil ensemble* (Vh. 191) и *tenir conseil*. Замену компонентов (слов) в словосочетаниях можно сопоставить с заменой компонентов (морфем) в производных словах.

Межструктурные модификации

M1. Соотношение «простое — производное (или сложное) слово» может рассматриваться как изменение внешней формы номинации лишь при тождестве корневой морфемы и при общности значения простого и производного слова. В таком положении наиболее часто оказываются слова со значимыми префиксами *a-*, *en-*, *ge-*. Префиксы *a-*, *en-* имеют атрибутивное значение и показывают придание того признака, состояния, которое обозначается основой. Но и простой глагол, образованный от прилагательного или существительного, может иметь такое значение, в связи с чем возникает конкуренция между совпадающими по семантике простым и производным глаголами. Такое явление нередко обнаруживается и в современном языке, когда возникающее новое понятие обозначается одновременно и простым и производным глаголом (ср.: *кодировать* — *coder* и *encoder*) и в историческом плане. Ср.: *l'agaît* (Vh., 194) — *le guet*; *enseller* (Vh., 187) — *seller*. Атрибутивные префиксы *a-*, *en-* оказываются избыточными; например, *enseller* ничем не отличается от *seller*, и производное слово уступает место простому.

M2. Соотношение «простое (производное, сложное) слово — словосочетание» будет рассмотрено в связи с анализом транспозиции.

Функциональная транспозиция — характерная черта эволюции языка — изменение в использовании в акте речевой номинации слов различных частей речи. Общая система частей речи во французском языке за время его развития изменилась сравнительно мало, но весьма существенные сдвиги произошли в их функционировании. При использовании формы во вторичной, несвойственной ей функции часто возникает аналитическая конструкция — словосочетание, в котором один из элементов, служебный или знаменательный, но подвергающийся десемантизации, выступает в роли транспозитора — формального знака транспозиции (например, *faire la guerre* = *guerroyer*).

Общая матрица транспозиций выявляет следующие возможные смены частей речи (см. таблицу на с. 612).

Как видно из таблицы, из 12 теоретически возможных замен реализуется всего 8 (подчеркнуты), и это уже дает возможность сделать некоторые наблюдения:

а) характерна замена наречий другими частями речи; обратное явление не наблюдается; это заставляет думать, что общая коммуника-

тивная роль наречий в старофранцузском языке была более значительной, чем в современном;

Типы транспозиции частей речи

→	N	V	A	D
N	—	<u>1 N → V</u>	N → A	N → D
V	<u>1 V → N</u>	—	<u>2 V → A</u>	V → D
A	<u>3 A → N</u>	<u>2 A → V</u>	—	A → D
D	<u>4 D → N</u>	<u>4 D → V</u>	<u>4 D → A</u>	—

Примечание. Подчеркнуты типы переходов, обнаруженные в исследуемых текстах.

б) не встретилась замена существительных прилагательными;

в) в отношении существительного и глагола, прилагательного и глагола ($N \leftrightarrow V$, $A \leftrightarrow V$) изменения шли в противоположном направлении. В этих случаях представляет интерес определить условия и частотность того или иного изменения формы номинации.

1. $V \leftrightarrow N$. Историки французского языка нередко отмечают развитие субстантивности (или номинативности) во французском языке, то есть замену прилагательных, глаголов, наречий существительными как средством номинации действия или признака. Однако анализ текста показывает, что эта тенденция сталкивалась с противоположной, когда, наоборот, N уступало место глаголу. В целом транспозиция $V \rightarrow N$ встретилась нам в четыре раза чаще, чем транспозиция $N \rightarrow V$. Субстантивность была свойственна и старофранцузскому языку, встречаясь иногда в тех случаях, где она в меньшей степени свойственна современной французской речи. Существительное может взаимозаменяться с глаголом в четырех синтаксических конструкциях.

Во-первых, самый частый случай — объектное развертывание, то есть замена глагола глагольно-именным сочетанием, в котором семантическая сторона процесса выражается существительным, а полуслужебный глагол (V_c) выполняет грамматическую функцию ($V \leftrightarrow V_c + N$). Такие соответствия обнаруживаются чаще при переходе от старофранцузского языка к современному французскому. Например: *Loer Damedieu* (Vh., 191) — *Rendre grâce à Dieu*. Здесь значение 'хвала', 'благодарность' выражено самим глаголом в старофранцузском варианте и существительным *grâce* в современном переводе. Также: *Monterent sour le mer* (Vh., 197) — *En firent l'escalade*; *Il ne laissoient reposer* (Vh., 194) — *Ils ne leur laissaient aucun repos*.

Весьма частым вариантом является также развернутая предложная структура $V_c + pr\grave{e}r + N$, где отглагольное существительное выполняет функцию косвенного дополнения или обстоятельства: *Mout s'acorderent li Veniciens* (Vh., 191) — *Les Venitiens étaient unanimement d'avis*. *Chevaucha*. (Vh., 189) — *Se mit en marche*.

Развернутые структуры нередко выступают как синонимы пассивных форм: *estre armé* (Vh., 193) — *être sous les armes*. Но наряду с развертыванием отмечается и «свертывание», то есть замена словосочетания одним глаголом: *Li Grieu lor firent une assaillie* (Vh., 194) — *Les Grecs les attaquèrent*. Эти расхождения объясняются лексическими или семантическими изменениями. Так, существительное *assaillie* отсутствует в современном языке, а его синонимы *attaque* и *assaut* не включаются в структуру *faire + N + à qn*.

Во-вторых, существительное для обозначения действия используется в субъектных развернутых структурах, формально выступая в функции подлежащего (по формуле $V \leftrightarrow N_s + V$). Такое развертывание характерно для старофранцузского текста, где аналитическая структура равноценна активному или пассивному глаголу: ... *lors fu li conseuz des barons* (Vh., 192). — *Les barons décidèrent*. *Et fu mout grant mervielle* (Vh. 192). — *Ce dont ils furent fort surpris*. Разумеется, субъектное развертывание свойственно и современному языку, где оно используется для выражения действия, связываемого с неопределенным или обобщенным субъектом: *Mout en furent conforté* (Vh., 191) — *Ce fut un grand encouragement*.

В-третьих, транспозиция $V \leftrightarrow N$ без развертывания часто наблюдается в зависимых комплексах в функции второстепенных членов предложения: она отмечается чаще при переходе от старофранцузского текста к современному. *Log venaient aidier* (Vh., 198) — *Venaient à leur aidie*. Возможны и обратные случаи: — существительное в старофранцузском языке при глаголе в современном: *Et demanda commet fu avis de son bel fel* (B., 163). *Et lui demanda ce qu'il pensait de son beau fils*. Дополнительное придаточное предложение — результат номинализации глагола. В современном языке формальным средством номинализации является местоимение *se*. В старофранцузском языке оно, по видимому, не достигло еще полной грамматикализации, и номинализация придаточного комплекса осуществлялась с помощью отглагольного существительного (*avis*).

В-четвертых, интерверсия (термин Ш. Балли) — взаимозамена господствующего и подчиненного членов словосочетания. Она наблюдается в зависимых комплексах: ... *ainz que li estors parfinast* (Vh., 195) — ... *avant la fin du combat*. ... *un pou après le lever du soleil*. Мы видим, что в обоих случаях в современном языке использованы менее «глагольные» средства выражения, чем в старофранцузском.

Но все же наш небольшой анализ показывает, что номинализация высказывания свойственна и старофранцузской речи. Использование отглагольных имен для обозначения действия (состояния) отнюдь не является уделом «развитых» языков, но представляет собой общелингвистическую универсалию.

2. $A \leftrightarrow V$. Взаимозамена глагола и прилагательного возможна прежде всего в том случае, когда прилагательное выступает в функции именной части сказуемого, а глагол выражает состояние: *Mout fu dolenz* (R. le R., 166) — *Il en fut consterné*. *Clere la vit* (M. de Fr., — 162) —

En la voyant *briller*. Прилагательное в этом случае более свойственно старофранцузскому языку.

3. N ↔ A. Стремление выразить состояние в помощью прилагательного проявляется и в том, что оно взаимозаменяется с предикативными именными структурами, согласно формуле $V\hat{e} + A \leftrightarrow Vc (+ gr\acute{e}p.) + N$. Прилагательное более свойственно старофранцузскому языку. В современном языке проявляется тенденция передавать состояние, чувство, субъективное отношение с помощью абстрактного существительного. Аналитическая глагольная структура при этом содержит полуслужебный глагол-оператор: Vous *estes* mes amis et mes *bienvueillanz* (B. 163) — Vous *êtes* mon ami et vous me *voulez* du bien. Si en fu mout *liez* (Vh., 197) — Qui en *éprouva* une grande *joie*.

4. D ↔ N, V, A. Наречие уступает свои номинативные функции другим частям речи. При характеристике сказуемого оно в современном французском языке может замещаться существительным с предлогом Et mout estoient *perillousement* (Vh., 194) — On était en très grand *danger*. Molt *pitusement* (Vh. 186) — avec beaucoup d'*attendrissement*.

Наречие замещается и глаголом: ... les autres batailles *après* (Vh., 189). — les autres bataillons *suivirent*. Здесь направление действия выражено наречием в старофранцузском предложении и основой глагола в современном. В старофранцузском тексте глагол может подразумеваться (... alerent *après*).

И, наконец, чрезвычайно частой оказывается зависимая транспозиция $D \leftrightarrow A$, при которой наречие характеризует действие, выраженное глаголом, а прилагательное — действие, выраженное существительным в составе словосочетания ($V + D \leftrightarrow Vc + N + A$). Gaignierent *assez* (Vh., 189) — firent un *bon* butin.

Уже в самом изложении мы отмечали изменения в выборе частей речи: уменьшение удельного веса наречий, увеличение употребительности существительного. Однако рассмотрение синтаксических условий, функций морфологических типов номинаций вскрывает еще одно важное обстоятельство. С развитием языка проявляется тенденция к использованию частей речи во вторичной функции: действие-предикат обозначается существительным ($V \leftrightarrow N$); качество-предикат — глаголом или существительным ($A \leftrightarrow N, V$); характеристика действия или состояния — прилагательным или существительным ($D \leftrightarrow A, N$).

Во многих случаях изменение функции становится возможным благодаря употреблению словосочетания, в связи с чем функциональная транспозиция тесно связана с аналитизмом в области синтаксиса, с заменой в речи слова словосочетанием.

2. Внутренняя форма номинаций

Анализ семантических процессов связан с определенными трудностями, так как один и тот же процесс может получать различную интерпретацию в зависимости от того, анализируем ли мы сдвиги в зна-

чении используемого слова (семасиологический план) или же различие между прежней и новой номинацией (ономасиологический план). Например, в соотношении номинаций viande — pourriture (M. de Fr., 162) следует видеть смену внешней формы в равнообъемных номинациях, однако для слова viande историческая эволюция свелась к сужению значения.

А. Неизменность сигнификата и денотата (тип II: $W_2S_1D_1$). Такое изменение номинации имеет место в лексических и семантических архаизмах, лексическом неологизме.

а) Лексические архаизмы. Лексема, бывшая в употреблении в старофранцузском языке, исчезла совсем из языка, она заменена другой.

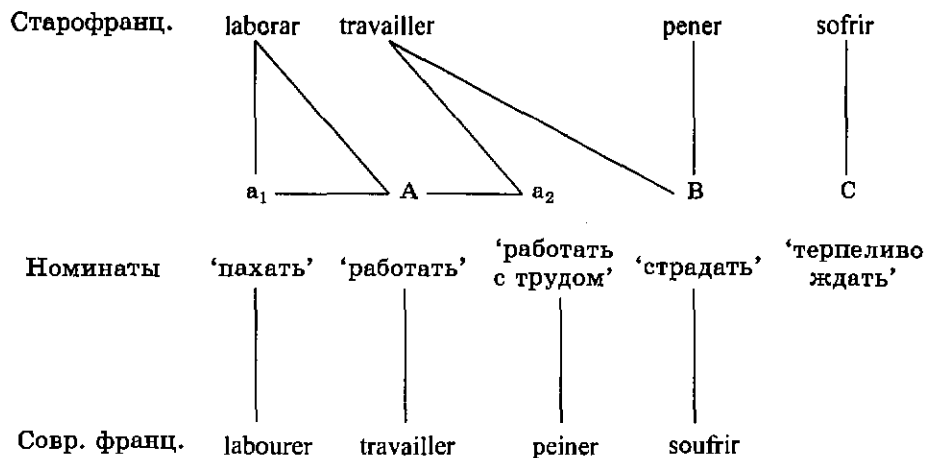
Старофранцузское li hu(i) значило 1) «кри»; 2) «huée, vacarme»; 3) «cri de guerre». Оно больше не существует. Во фразе: li *husere* si granz qu'il sembloit que terre et mer fondist (Vh., 198) оно может означать либо «военный клич» (узкое значение), либо иметь более широкое значение «крики, множество неясных криков». Во втором случае в современном языке ему соответствует vacarme или clameur; последнее слово и использовано при переводе. Таким образом, с ономасиологической точки зрения старофранц. hu и соврем. франц. clameur представляются равнообъемными номинациями. Hu выпало из словаря как лексема; но изменилась семантика слова clameur (старофранц. clamog), она расширилась: в старофранцузском слово означало «жалобный крик», «жалобу», теперь — «крик», «шум» (в более широком смысле). Таким образом, лексические архаизмы компенсируются семантической инновацией. Замену лексических архаизмов мы находим в соотношениях: ... les galies furent ... *atornees* (Vh., 128) — Les galères furent *équipées*. ... si *guerpiissent* les murs (Vh., 199) — *abandonnent* les murs и других.

б) Семантические архаизмы — отмирание одного из значений слова, сохранившегося и в современном языке. Старофранц. bataille имело значения: 1) «битва», 2) «войско», 3) «бойница». В современном языке оно утратило последние два значения¹: ... les attendoit a *grans* batailles (Vh., 187) — ... attendait ... avec de *nombreuses* troupes.

Семантические процессы в этом случае затрагивают оба сопоставляемых элемента: и слово подлинника и слово перевода, которое заменяет первое в одном из его значений, так что происходит перераспределение номинаций внутри микрополя. Мы будем рассматривать факты исходя, естественно, из слов старофранцузского языка. Сравним тексты: ... li baron firent tote jour l'ost *laborer* (Vh., 192). — ... les barons firent *travailler* l'armée toute la journée.

Система понятий, относящихся к сфере *трудиться*, включает общее понятие (A) «работать», «трудиться» и частные понятия (a₁) «обрабатывать землю», (a₂) «работать с трудом, мучиться». Это по-

¹ Старофранцузскому языку были свойственны некоторые отношения регулярной многозначности, не наблюдающиеся в современном ('группа людей' ↔ 'действия этой группы'), не только bataille значило 'войско' и 'битва', но и estoire значило 'флот' и 'действия флота'.

этическое поле распределяется так в старофранцузском и среднефранцузском языках:

Перед нами два одновременных семантических процесса: сужение значения глагола laborar (A + a₁ → a₁) и расширение глагола travailler (a₂ → A), что привело к изменению способа обозначения общего понятия (A). Глагол laborar хорошо иллюстрирует путь, который слово проходит при сужении. Он обычно имеет три этапа: 1) общее значение (A): лат. laborare 'трудиться'; 2) сосуществование общего и возникшего частного значений (A + a₁): старофранц. laborer 'трудиться', 'обрабатывать землю'; 3) сохранение частного значения (a₁) при отмирании общего: фр. labourer 'пахать'.

Расширение значения — частное и закономерное явление в исторической лексикологии. На семантическом уровне оно заключается в снятии оппозиции между двумя соподчиненными лексемами. Как правило, для выражения общего значения используется один из гипонимов. Так, в старофранцузском языке частный термин travailler стал использоваться для выражения общего значения, причем прежнее частное значение его отмерло.

Приведенная схема показывает сдвиги в системе номинаций. Значение (a₂) «работать с трудом», выражавшееся раньше глаголом travailler, стало выражаться глаголом peiner, который в старофранц. (peiner) относился к иной лексико-семантической группе (B) «страдать». В свою очередь, для выражения этого понятия его заменил глагол souffrir, который в старофранцузском (souffrir) означал (C) «терпеть, ждать, обходиться без чего-л.».

Другой пример: Il saisissent vint et cinc des tors (Vh., 199) — Il s'emparent de vingt-cinq tours. Глагол saisir в старофранцузском языке означал «овладеть» (стать хозяином); его значение сузилось, и он ныне значит прежде всего «схватить», «взять в руки решительно и быстро». Старофранцузское emparer значило «обеспечить», теперь оно означает «завладеть». Здесь наблюдается метонимический перенос —

переход от следствия к причине. Прежний оттенок saisir сохранился в юридическом термине saisir, в производных saisie, saisine. Этимология подтверждает, что абстрактное значение было первоначальным, ибо глагол восходит к франкскому sakjan «требовать права». Общую семантическую эволюцию saisir можно рассматривать как сочетание метонимического переноса с сужением — метонимия: «стать владельцем» → «взять в руки»; сужение: «взять в руки» → «схватить».

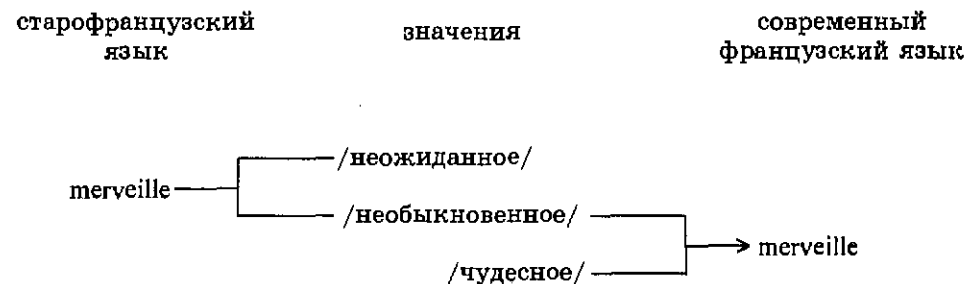
Еще более тонкие и сложные преобразования в семантических полях наблюдаются при выражении чувств и впечатлений. Слова, связанные с понятием «удивление», во французском языке группируются вокруг трех сем: (а) «неожиданность»; (б) «необыкновенность», «вызывающее восхищение» и т. п.; (в) «непонятность» (см. табл. 11). Merveille занимает промежуточное положение между étonnement (оно связано с этим словом семей (а) и miracle (связано с семей (б)). В старофранцузском языке merveille было еще ближе к значению «удивление», о чем свидетельствуют выражения: avoir merveille «удивляться», tenir à merveille «быть удивленным», а также контекстуальные соответствия: ... et fu mout grant merveille... (Vh., 192) — ... se dont ils furent fort surpris...

Семантическая структура поля «удивление»

Лексемы	Семы	/а/ неожиданное	/б/ необыкновенное	/в/ непонятное
surprise		+	—	—
étonnement		+	(+)	—
merveille		(+)	+	(+)
miracle		(+)	+	+
mystère		—	—	+

Примечание. Знак «+» обозначает наличие семы, (+) — семы, находящиеся на втором плане, не всегда реализующиеся в речи, знак «—» обозначает отсутствие семы.

Семантическая эволюция слова merveille:

В современном языке оно ближе к miracle «необъяснимое явление». Прилагательное étrange в старофранцузском языке наряду с «необыч-

ый», «странный» имело и значение «необыкновенный», что не зафиксировано, однако, в словаре Греймаса: *Or, cez estrange miracle! (Vh., 99) — Voilà un miracle extraordinaire.*

Случаев, подобных рассмотренным, в текстах отмечается довольно много. Особенностью их является переосмысление в пределах основного, первичного значения слова. Однако иногда смена номинации обусловлена тем, что изменяются производные, метафорические значения того же слова. Показательным в связи с этим является отношение *chief* — *tête*. Эта лексико-семантическая пара часто рассматривается в аспекте выражения основного значения — «голова»¹, но она представляет интерес и в аспекте производных значений.

Словарь Греймаса фиксирует пять основных значений у *chief*, которые следующим образом распределились между *chef* и *tête* в современном языке:

<i>chief</i>	<i>chef</i>	<i>tête</i>
1) 'голова'	(<i>couvre-chef</i>)	+
2) 'столица'	(<i>chef-lieu</i>)	—
3) 'глава' (о человеке)	+	(+)
4) 'конец, край'	—	+
5) 'штука', 'единица счета'	(<i>chef d'une accusation</i>)	(<i>tête de bétail</i>)

Мы видим, что основное значение от *chief* перешло к *tête*² и сохраняется у слова *chef* как архаизм либо в отдельных выражениях (*de son chef*) или сложных словах (*couvre-chef*). Второе значение сохранилось в *chef-lieu* и не свойственно слову *tête* (это значение регулярно выражается словом *capitale*, возникшим в XVI в. и восходящим к тому же корню, что и *chef* (лат. *caput*). Три последующих переносных значения также развиваются у слова *tête*, но они не достигли такой степени абстракции, какую имели в старофранцузском *chief*. Так, старофранц. *chief* означало любую единицу счета (подобно современному *pièce*). Третье значение «глава», «начальник» у слова *chef* не только сохранилось, но и развилось, став его основным современным значением. У слова *tête* также развивается такое значение, но оно еще сохраняет полностью свою метафоричность, о чем свидетельствует пояснение в словаре Малый Робер «*Personne qui conçoit et dirige (comme le cerveau fait agir le corps), V. Chef*». Четвертое значение также проявляет большую абстракцию в старофранцузском *chief*, чем в современном *tête* (у *chef* оно не сохранилось). Старофранц. *chief* метафорически обозначало «конец», «край», «оконечность» (в самом общем виде), о чем свидетельствуют выражения *au chief de la forest* «на краю леса», *mener a chief* «довести до конца» (ср. производный глагол *achever* «закончить»), *de*

¹ См., например: Будагов Р. А. Сравнительно-семасиологические исследования. М., 1963, с. 95–97.

² Эволюция не завершена. В современном языке *tête* все чаще значит «лицо» (выражение лица), значение «голова» все более выражается словом *crâne* «череп». Ср.: *avoir mal au crâne, un crâne chauve*.

chief en chief, de chief en autre «от край до край», «от одного конца до другого». В этом значении не различались «конец» и «начало», предмет мог иметь два *chief*. В современном языке у слова *tête* это значение более специализировано и теснее связано с первичным прямым значением «голова». *Tête* может означать окончечность, верхнюю или крайнюю часть предмета (*tête d'un arbre, tête d'ail, tête du fémur, tête d'épingle*, ср. рус. «головка»), переднюю часть движущегося предмета (в противоположность «хвосту»: *tête de train*), элемент, находящийся в начале (*tête de liste, tête de pont*) или впереди других (*wagon de tête*). В свете приведенных пояснений можно понять следующие соотношения номинации в текстах: ... *près del chief del port* (Vh., 192) — ... *à l'extrémité du port ... el chief de la soe galie* (Vh., 198) — ... *en tête de sa galère*.

В первом случае старофранц. *chief* не могло быть переведено ни современным *chef* (это значение у него отсутствует), ни *tête* (это значение у этого слова не столь абстрактно), и вполне закономерно использована прямая номинация — *extrémité*. Во втором примере речь идет о передней части движущегося предмета, которая может быть обозначена соврем. франц. *tête*.

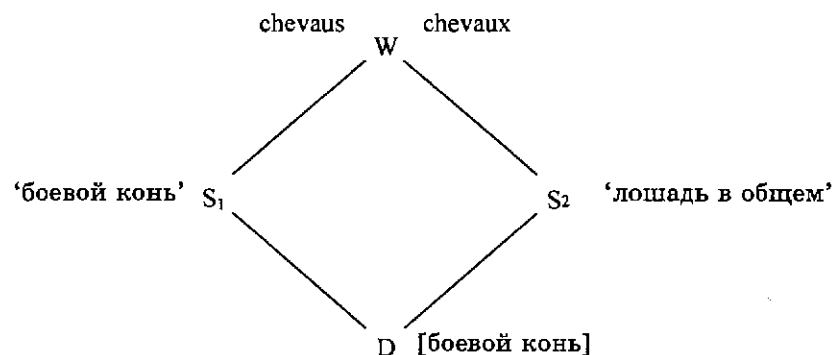
Рассмотренный пример показывает, что у слов, имеющих одно и то же прямое значение (*chief* и *tête*), развиваются разные производные значения и даже сходные производные значения имеют различную степень абстракции. Характерно, что в старофранцузском языке *chief* «край» осмыслялось в статистическом плане («край, окончечность»), тогда как в современном фр. *tête* — это «передняя часть» — очень часто в динамическом и социально-престижном аспекте (передняя часть движущегося объекта, элементы, занимающие первые места в соревновании и т. п.). Резюмируя, можно сказать, что если старофранц. *chief* в этом переносном значении реализовало сему «крайний», то в соврем. — сему «первый», «передний».

(в) лексический неологизм. Нередко смена номинации вызвана появлением нового слова, обозначающего данное понятие: *les galics n'osoient terre prendre* (Vh., 198) — *Les galères n'osaient pas aborder*.

Глагол *aborder*, засвидетельствованный в конце XIII века, значил вначале «пристать к борту корабля», и только в XIV в. он получает значение «пристать к берегу».

Б. *Расхождения на уровне сигнификатов* (семантические изменения). Как отмечалось выше, семантические сдвиги проявляются в двух типах изменения отношения номинации III. $W_1S_2D_1$; IV. $W_2S_2D_1$. Тип III сравнительно редок. В нашем тексте мы отметили всего три таких случая. Нередко Вильярдун употребляет слова *chevaus et palefroiz* одновременно (Vh., 200), которые переводятся *chevaux et palefrois*, а иногда просто *chevaux*. *Palefrois* «запасной конь», отсюда можно сделать вывод, что термином *chevaux* хроникер обозначает не любую лошадь, но боевую, отличающуюся от запасной. Следовательно, слово *chevaux* здесь употреблено в суженном значении, тогда как в современном языке это слово сохраняет общее значение. Соотношение

между номинациями в старофранцузском и современном можно представить в виде схемы.

Аналогичный пример дают обозначения кораблей. Вильардуэн часто упоминает одновременно разные типы кораблей: *nés et uissiers*, *nés, uissiers et vaisseaus*, *nés et vaisseaus*. Последнее сочетание обычно переводится единым общим термином *navires*. Появление *uissiers* препятствует такому переводу, ибо этот термин обозначает корабль особого рода: транспортное судно для перевозки лошадей, снабженное воротами (*uis*), откуда и наименование судна. Цепочка *nés, uissiers et vaisseaus* переводится *nefs, huissiers et vaisseaux*. Последнее слово в современном языке, хотя и несколько устарело, но обозначает корабль разных размеров. В старофранцузском оно обозначало корабль менее крупного размера, что видно хотя бы из приведенных перечислений (*vaisseau* всегда следует на последнем месте, после *nef* и *uissier*); в словаре Греймаса указывается, что оно могло обозначать и *barque*, а не только *navire*. Следовательно, в старофранцузском этот термин имел более узкое значение¹. Третьим примером расхождения типа $W_1S_2D_1$ может служить слово *chevalier* (Vh., 188), которое в старофранцузском языке обозначало иное понятие, чем в современном, а именно 'благородный воин, сражающийся на лошади' и даже 'всадник'.

Тип IV наиболее частотен при смене номинаций. Это вполне понятно, так как номинация достигается сопоставлением языкового знака (слово + сигнификат) и денотата. Поэтому вместе с изменением внешней формы знака часто изменяется и сигнификат, и наоборот. Наиболее характерными семантическими сдвигами являются изменения в объеме номинации — расширение и сужение. Рассмотрим некоторые примеры. **Расширение:** старофранцузское (A_2) — современное (A) ... *s'arma* tote l'ost (Vh., 192). — ... *toute l'armée s'apprêta*.

В старофранцузском глагол *s'armer* обозначает конкретный способ подготовки к бою (Aa_1), в современном переводе эта подготовка обо-

значена в самой общей форме (A). Заметим попутно, что необходимость замены глагола *s'armer* вызвана изменением его значения: значение 'взять в руки оружие' устарело; глагол используется с дополнением (*s'armer d'une pierre*) или метафорически (*s'armer de patience*).

Сужение: старофранцузское (A) → современное (Aa_1). Сужение при переходе от старофранцузского к современному встречается значительно чаще. Сравним две фразы: *Il fu en aventure de mort* (Vh., 190) — *Il fut mis en danger de mort*.

В старофранцузском тексте — слово общего значения *aventure*, значившее все, что может случиться, произойти, как хорошее, так и плохое. В современном тексте — слово более узкого значения, указывающее на неблагоприятную возможность. В современном тексте имеется семантическое согласование между словом, обозначающим возможность (*danger*), и словом, раскрывающим содержание возможности (*mort*). В старофранцузском тексте согласования нет, но информация не испытывает ущерба, так как неблагоприятная возможность выражается словом *mort*. Другой пример: ... *cil fronz duroit bien trois arbalstees* (Vh., 198) — ... *cette ligne s'étendait bien sur trois portées d'arbalète*.

В старофранцузском тексте использован глагол более широкого объема значения *durer*, который в то время обозначал протяженность не только во времени, как в современном языке, но и в пространстве. В переводе употреблен глагол *s'étendre*, который означает протяженность только в пространстве. Отсутствие семантического согласования в старофранцузском тексте не нарушает полноты информации, так как и подлежащее (*front*), и дополнение (*trois arbalstees*) ясно показывают, что речь идет о пространственных, а не о временных отношениях.

В старофранцузском тексте часто используются гиперонимы для обозначения движений: *Cil entrent enz qui mieuz mieuz* (Vh., 199) — *Les Vénitiens se précipitèrent à l'intérieur à qui mieux mieux*; *Et quareaux d'arbalste traire* (Vh., 198) — *Les flèches d'arbalète voler*. Если в старофранцузском тексте отмечается направление движения в самом общем виде, то в переводе используются глаголы более узкого значения, обозначающие характер передвижения (*se précipiter*) или его способ (*voler*). В современном тексте при этом обнаруживается семантическое согласование глагольной номинации с обстоятельством (*se précipiter — à qui mieux mieux*) или с подлежащим (*les flèches — voler*). Отношения сужения прослеживаются и в таких парах, как *disoient* (Vh., 191) — *objectaient*; *cris* (Vh., 193) — *alarme* и в других, где эти слова и в современном языке сохранили широкое значения, но переводчик предпочел использовать гипонимы.

В некоторых случаях сужение термина при переходе объясняется тем, что в старофранцузском тексте он обозначал реалию, ясную для адресата, тогда как современный читатель может связывать с данным словом представление об ином предмете, что и побуждает переводчика обратиться к слову более точного значения. Так, *li chastel* в старину могло означать и 'крепость' и 'жилище сеньора' (замок, дворец). В средние века понятие это могло быть и нерасчлененным, так как жи-

¹ См. подробный анализ наименований кораблей у Вильардуэна в кн.: *Gougenheim G. Etudes de grammaire et du vocabulaire français*, p. 311–315. См. также: *Gougenheim G. Les mots français dans l'histoire et dans la vie*. P., 1969, t. I, p. 214–216.

ище сеньора часто представляло собой крепость. Постепенно крепость, замок и дворец стали дифференцироваться: жилище сеньора перестало быть обязательно укрепленным пунктом, превратившись во дворец. С другой стороны, стали строиться крепости как специальные горные пункты, не предназначенные для проживания феодалов. Это приводит к конкретизации *chastel — palais* и *chastel — forteresse*, как в ведущем примере: *Ensin fu li chasteaus de Galatas pris... (Vh., 191) — insi fut pris la forteresse de Galata...*

В хронике Вильярдуэна нередко употребляется глагол *gaignier* в специальном «военном» значении «брать добычу»: *gagnerent assez (Vh., 89) — ils firent un bon butin*. В старофранцузском тексте использовано слово более широкого значения, чем в переводе ... *pour garder les engins : les assaillies (Vh., 193) — ... pour garder les machines de guerre et arrêter les taques*. И в данном примере объект обозначен в переводе более узким термином, чем в старофранцузском тексте. Это, возможно, объясняется тем, что с развитием техники слово *engin* приобрело слишком много значений и стало указывать на множество разнообразных машин, приспособлений. Ввиду различия ситуаций — разного оснащения армии в прошлом и в настоящее время — пришлось использовать более узкий термин *machines de guerre*. Мы имеем здесь явление сужения номинации ввиду расширения значения слова *engin*. Таким образом, современное *engin* представляет собой более широкое обозначение, чем старофранц. *engin*, которое в свою очередь шире современного *machine de guerre*.

... *il cheval [furent] covert et enselé (Vh., 187). — ... les chevaux étaient attachés et sellés*. *Covert*, как и современное французское *couvert*, значит «быть накрытым, одетым». Но в особой ситуации оно могло значить «одетый в шлем» (о воине); «с надетой сбруей» (о лошади). Это специальное ситуативное значение не сохранилось в современном языке, в связи с чем употреблен более узкий термин *harnaché*.

Как частный случай смены гиперонима гипонимом при переходе от старофранцузского языка к современному французскому можно интерпретировать замены глагола *avoit* глаголами более узкого значения. Например: ... *li cons d'Artois avroit la seconde bataille après le Temple (Jv., 16). — ... le comte d'Artois conduirait la seconde division après le Temple*.

Итак, при переходе от старофранцузского текста к современному обнаруживается не только расширение объема значения используемых терминов, но и их сужение. В языкознании выдвигалось несколько теорий, касающихся развития абстрактности (широких значений) и конкретности (узких значений) в языке. Одни лингвисты считают, что древние времена людям были свойственны синкретичные понятия, которые в дальнейшем дифференцируются, в связи с чем развитие лексических значений идет от недифференцированности их к уточнению. Другие ученые полагают, что широкие, абстрактные понятия появляются позже, так что семантическое развитие слов идет от конкретного к абстрактному. Даже те немногие факты, что были нами приведены, показывают, что на этот вопрос нельзя дать однозначного ответа. Здесь, видимо, следует различать два аспекта: формирование абст-

рактных понятий (имен качества, действий) и формированию широких (родовых) понятий. Наименования абстрактных понятий, действительно, извлекаются из наименования конкретных предметов. Однако история языка знает множество обратных случаев: обозначение конкретных объектов путем переосмысления (обычно метонимического) слова, обозначающего абстрактное понятие. Что касается слов широкого и узкого значения, то тут невозможно выявить даже самой общей, генеральной, линии развития. По мере необходимости в равной степени создаются и родовые, и видовые термины. В бытовой, ситуативно обусловленной речи нередко используются слова-гиперонимы вместо гипонимов. Литературная обработка речи часто связана с созданием гипонимов. Научно-техническая лексика в большей степени вынуждена формировать наряду с гипонимами и гиперонимы. Что касается недифференцированности понятий, то она тоже оказывается относительным явлением. Так, мы видели, что в значении *durer* старофранцузский язык объединял временные и пространственные связи. Но если они в дальнейшем дифференцировались в употреблении этого глагола, то они остаются совмещенными в современном глаголе *prolonger* (*prolonger une séance* и *prolonger une rue*) и вновь совмещаются в глаголе *s'étendre*, у которого развивается переносное темпоральное значение (*s'étendre trop sur un sujet*). Общие связи и отношения объективной реальности порождают в разные эпохи и в разных местах сходные семантические сближения. Относительная частотность гиперонимов в Хронике Вильярдуэна связана, по-видимому, с ситуативностью повествования; события и ситуации были знакомы читателю, и мысль можно было выражать ясно словами более широкого значения.

Перенос: обычно имеют место метонимические переносы. *Ensi fu la fin del conseil que... (Vh., 191 — 192) — La conclusion lu conseil fut que...* В старофранцузском тексте содержание (решение) выражается через этап («конец») совещания. В современном языке — прямое, неметонимическое обозначение. В старофранц. *fin* означало «договоренность», «соглашение», — значение, которое слово впоследствии утратило, так что современное *fin* обозначает заключительную (во времени) часть события, тогда как в старофранцузском и содержание заключительного периода.

Также отличаются расхождения номинаций в связи с изменением значения слова *conseil* (см. пример на с. 198). В старофранц. оно сохраняло этимологическое значение «размышление», на основе которого также возникло значение «решение».

Разноаспектные номинации. В этом случае фиксируются различные аспекты одного и того же явления. Например: *furent tendu li tref et li pavillon (Vh., 193) — on dressa donc les tentes et les pavillons...* При описании действия отражаются его разные аспекты. В старину установка палатки обозначалась глаголом *tendre* «растягивать в стороны» (палатку растягивали, натягивали), который этимологически связан со словом *tente*. В современном языке отмечается вертикальная направленность действия, так что используются глаголы *monter*, *planter*, *dresser une tente*.

Выше приводились примеры, где одно и то же движение обозначается по его направлению в старофранцузском тексте и по способу передвижения в современном. Но встречаются факты и обратного порядка: чаще всего это касается глагола *chevaucher*, который в современном языке, выйдя из активного употребления, приобрел архаичский, книжный оттенок. Ему в переводе соответствуют глаголы, обозначающие направление: *suivre* и др.

Наблюдаются расхождения в обозначении самого направления движения. Сравним примеры: *alerent tresque la ou li emperere Alexis avoir esté logiez*¹ (Vh., 189) — ... ils *avancèrent* jusqu' à l'endroit où l'empereur Alexis avait établi son camp. ... li naviles *vint* par dedenz le port (Vh., 192) — ... la flotte *s'avançait* dans le port.

Aler и *venir* обозначают движение по отношению к тому месту, куда двигается предмет, тогда как *s'avancer* показывает его безотносительно к цели (предмет уходит дальше от того места, где он находился ранее). Мы обнаруживаем здесь своего рода векторное расхождение в номинациях: одно и то же движение в старофранцузском и современном текстах описывается с разных точек зрения. Во фразах *Les mirent enz moult laidement* (Vh., 190) — *Les repoussèrent en leur infligeant de lourdes perfes* движение в старофранцузском языке описывается с позиции объекта (их загнали в башню), в современном — с точки зрения осаждавших (они оттолкнули врагов).

Эти примеры наводят на мысль, что в современном французском языке описание движения меньше связано с локальной конкретизацией, чем в старофранцузском.

Особый случай разноаспектности номинаций представляют собой расхождения в употреблении префиксов, указывающих на различные стороны действия. Так, наблюдения показывают, что в старофранцузском языке префикс *ge-* использовался относительно чаще, чем в современном для обозначения повторности действия: ... li Grieu *reperdirent assez* (Vh., 196) [*les Grecs*] ... *subirent* aussi de grandes pertes. Однако он использовался сравнительно реже с глаголами движения и перемещения для обозначения обратного действия, чем в современном языке. Ср.: *mirent enz* — *repoussèrent aux barques*.

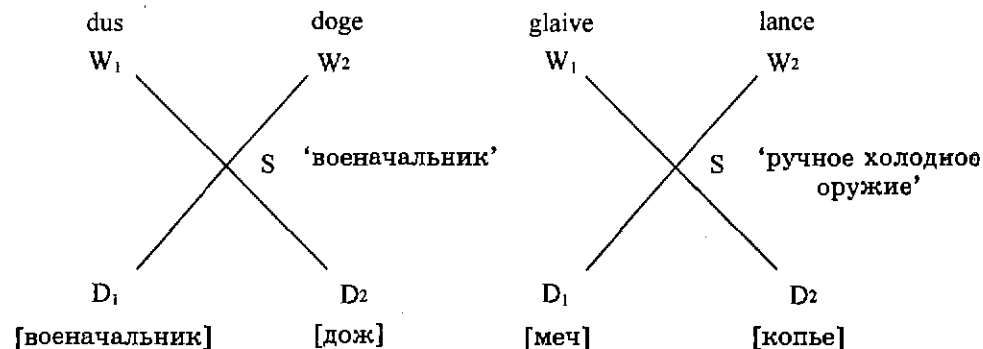
Сравним подлинник и перевод: Et nos comandèrent que nos vos en chaïssient as piez, et que nos n'en *leveïssiens* jusques à tant que vos ariez otroïé que vos ariez pitié de la Terre sainte d'outremer (V. M., 42). — Et ils nous ont commandé de tomber à vos pieds, et de ne pas nous en *relever* jusqu'à ce que vous aurez pitié de la Terre sainte d'outremer. Ситуация ясно показывает, что речь идет об обратном, противоположном действии (посланцы бросились к ногам короля, а потом должны были встать, то есть снова принять вертикальное положение). В старофранцузском языке это обратное действие можно было не обозначать особым образом, как это

¹ Отметим в этом примере еще один случай сужения номинации при переходе к современному языку (*esté logiez* — *avait établi son camp*), связанный с необходимостью обозначать реалии эпохи.

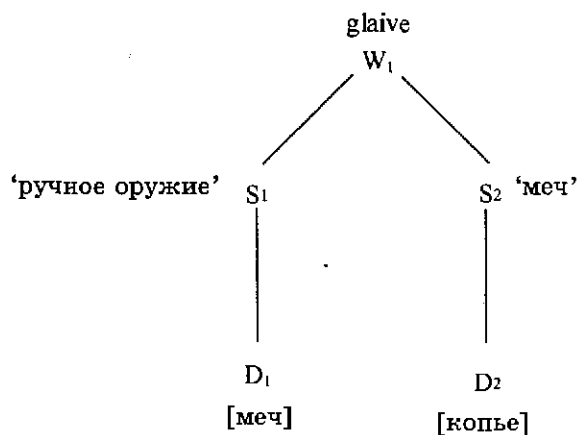
имеет место в современном русском языке, однако в современном французском оно обозначается специально (*se relever* вместо *se lever*). Эта избыточность в выражении обратного действия — характерная черта в организации высказывания на современном французском языке. Отсюда можно сделать вывод, что если префиксу *ge-* было свойственно значение повторного действия и в старофранцузском языке, то значение обратного действия есть продукт более позднего развития. В современном языке способность выражать повторное значение у этого префикса оказывается ослабленной во многих случаях и соответствующее значение передается полными словами: *de pouvais, encore une fois* и т. п. Более простое значение (повторение) уступает место более сложным (обратное действие, исправление и др.). В первом значении префикс *ge-* выражает идентичность двух действий; во втором — отношение действия к объекту. В этой тенденции можно видеть проявление общей тенденции к выражению отношений между действием и предметами, а не к собственному описанию действия.

В. *Расхождения на уровне денотатов.* Сравним два обозначения: *li dus de Venice* (Vh., 198) и *le doge de Venise*. Старофранц. *dus* (*duc*) было словом широкой семантики, в основном обозначая военачальника. Следовательно, при переводе имеет место и семантическое изменение — сужение именуемого термина. Так что этот пример можно было бы отнести к рассмотренным выше случаям семантического сдвига (тип VI). Но его можно трактовать и иначе, поскольку венецианский дож был и военачальником войск Республики, и отнести этот случай к типу V, при котором две разные лексемы — через общий сигнификат — соотносятся с разными денотатами (см. схему).

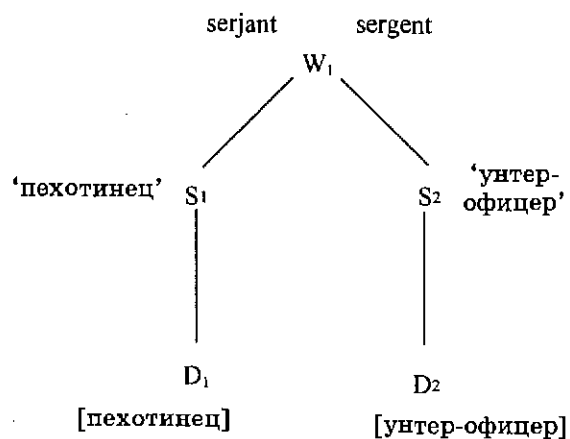
Нередко за одними и теми же терминами скрываются различные реалии. Термин *glaive* часто обозначает копье (совр. *lance*), хотя в старофранцузском он обозначал и меч. В связи с этим соотношение старофранц. *glaive* — соврем. франц. *lance*, частое в переводе хроники, может быть семантически интерпретировано таким же образом, как и приведенный выше пример:

Взятое в отдельности слово *glaive* в его эволюции может интерпретироваться как сужение:

обозначало вооруженного пехотинца. Соотношение между двумя наименованиями сводится к VII типу:

столь обычными для современного читателя, требуют дополнительно уточнения. Ситуативно обусловленная номинация всегда оказывается более экономной, тогда как в переводе те же денотаты получают более подробное, детальное обозначение. Сравним предложения: *Lors parlerent li evesque et li clergiez al puerple...* (Vh., 186) — *Aussi les évêques et le clergé sermonnèrent la foule...* Это событие произошло перед посадкой воинов, отправлявшихся в поход, на корабли. В этой ситуации «разговор» духовенства с толпой мог заключаться только в проповеди. Это было вполне ясно средневековым слушателям, в связи с чем хроникер употребляет самый широкий по значению глагол речи *parler*. Современному читателю это может быть неясно, поскольку такой обычай отошел в прошлое, и переводчик сужает семантику обозначения, используя специфический глагол *sermonner*. *Lors veissiez mangoneaus jeter*

Более сложны случаи, когда одно и то же слово, указывая на разные реалии, представлено и в подлиннике, и в переводе. Сравним: *Li bon archier et li bon sergent...* (Vh., 188) — *Les bons archers, les bons sergents...* Разумеется, старофранцузское слово *sergent* обозначает отнюдь не унтер-офицера, как современное французское *sergent*. В средневековой военной иерархии оно

ситуативные обозначения. К обозначениям, связанным с особенностями реалий, прилегают те, характер которых определяется ситуацией. Некоторые аспекты этой ситуации входят в пресуппозицию участников речи и могут не получать специального обозначения в тексте.

Многие явления, характерные для средневековой жизни, не являются

des nés et de uissiers,, (Vh., 198) — *Vous auriez pu voir alors les mangoneaux lancer leur projectiles des dessus les nefes et des huissiers...* Средневековому слушателю было ясно, *mangoneau* — род баллисты, которая бросает снаряды. Поэтому значение глагола *jeter* становилось очевидным и без дополнения. Современный читатель может не знать, что такое *mangoneau*, и смысл ситуации разъясняется с помощью дополнения: *lancer leur projectiles*.

3. Лексическая номинация и организация высказывания

Предложение не представляет собой простой суммы сочетающихся слов. Напротив, слова в предложении выступают как часть последнего, модифицируя свое значение и приспособлявая свои грамматические категории к общей структуре предложения. Особенно это касается глагола, который является строевым узлом предложения. Выбор глагола в ряде случаев обусловлен специфическими закономерностями построения фразы в старофранцузском языке по сравнению с современным. Из этих особенностей отметим: а) более частое использование непереходных конструкций в старофранцузском тексте: старофранцузскому переходному глаголу соответствует современный французский переходный: ... *ainz alerent as barges dont il erent venu...* (Vh., 190) — *[ils]... retournerent aux barques qui les avaient amenés*; б) более частое использование в старофранцузском тексте пассивных конструкций. Пассивному глаголу в современном тексте может соответствовать не только глагол в активной форме, но и глагол иного значения и конструкции с центростремительным глаголом *recevoir*: ... *furent enz el port traites les nés* (Vh., 191) — ... *on fit entrer dans le port les nefes. Il fut moult chargiez* (Vh., 196) — *Il reçut un rude assaut*.

Итак, анализ номинаций в тексте показывает ряд закономерностей в выборе слова в старофранцузском языке в отличие от современного языка, которые определяются некоторыми семантическими и структурно-грамматическими факторами. Среди семантических факторов в первую очередь выявляется тенденция к использованию более широких, семантически недифференцированных номинаций, чем в современном языке, кроме того, обнаруживается некоторая специфика в фиксации разных аспектов именуемого объекта, в особенности действия, а также ряд конкретных закономерностей в использовании отдельных слов и выражений. Текстовый анализ позволил выявить некоторые значения старофранцузских слов, не зафиксированные в словарях этого языка.

Анализ взятых подряд 100 номинаций в тексте Вильбардуэна (с. 198–200) и в переводе Г. Париса показывает, что примерно в половине случаев (50%) номинация сохраняется. Наиболее устойчивыми оказались существительные (сохранилось 22 из 39) и прилагательные (7 из 9), менее устойчивы глаголы (24 из 49) и особенно наречия (ни одно из трех наречий данного отрывка не воспроизведено при переводе). Переводы А. Мари более буквалистичны (лексема со-

храняется здесь в 70% всех номинаций), но и в этом переводе более половины из 30 замененных слов (18) приходится на глаголы, 9 — на существительные, остальные — на прилагательные и наречия. Если рассматривать лексемы данного отрывка как элементы системы, вне зависимости от их конкретного использования, то мы увидим, что из них в современном языке отсутствует 20% существительных, 10% прилагательных и всего 6% глаголов. Следовательно, и здесь при анализе как «Песни о Роланде», так и ее переводов обнаруживаются характерные расхождения между словарем и текстом. По-видимому, мы имеем дело с определенной закономерностью. Она заключается в том, что конкретное существительное, ориентирующееся на денотативное содержание, больше связано с внелингвистическими условиями и в диахронном плане меняется относительно больше, так как каждая эпоха приносит с собой новые предметы речи. Среди исчезнувших (в нашем корпусе) имен — большая часть — историзмы, обозначающие специфические реалии эпохи: *uissiers* 'судно', *arbalestée*, *quatel*, *mangoneau*, *ost*, *hu*. Собственно архаизмы, то есть прежние обозначения существующих реалий, сравнительно малочисленны (например, *message* 'посланец', вместо *messenger*). Если даже денотат изменился, то он может легко подводиться под прежний сигнификат, так что существительное в тексте может сохраняться: Ср. *sergent*, *vaisseau*, даже *cheval* в нашем отрывке обозначают не вполне те же объекты, что современные слова. Изменение номинации у существительного часто оказывается скрытым. У глаголов чаще имеет место скольжение смысла: выявляется сравнительно мало лексических архаизмов, но много семантических. Анализ текстов показывает ряд тонких сдвигов в употреблении глаголов: *durer* → *s'étendre*, *approcher* → *s'avancer*, *fondre* → *s'effondrer* и т. д. Это не случайно: у глаголов семантика направлена на сигнификат, на понятие, имеющее более зыбкие очертания, чем объект-денотат. Поэтому глаголы в речи подвергаются большим семантическим изменениям, но именно благодаря этому они, легко приспособившись к выражению новых смыслов, лучше сохраняются как лексемы в истории языка. Такова диалектика исторического развития: у существительных выражение новых значений в большей степени связано с заменой самих лексем, у глаголов — с изменением их значений.

Анализ внешней формы номинации в тексте выявил важность грамматической категории слова. Наши наблюдения показывают определенные сдвиги в этом отношении в истории французского языка: уменьшение использования наречий, прилагательных в предикативной функции и вообще более широкое использование частей речи во вторичных их функциях. Обнаруживается зависимость избираемого типа номинаций, особенно глагольных, от синтаксических факторов, таких как тип словосочетания (развитие переходных конструкций за счет непереходных), структура предложения (смена пассивных конструкций активными).

3. К проблеме сопоставительно-типологического анализа речевого акта и текста*

Среди многих классификаций, которым подвергается сопоставительное изучение языков, наиболее существенным является разделение его на структурную и функциональную типологию. Если структурная сопоставительная лингвистика исследует особенности организации сравниваемых языков, их форм, то функциональное сопоставительное изучение языков призвано раскрыть закономерности построения речи на данном языке в сравнении с другим. Это, по-видимому, и является конечной целью сопоставительного изучения языков. Функционально-сопоставительная лингвистика должна сопоставлять средства, избираемые говорящими на разных языках при реализации одних и тех же типовых коммуникативных заданий в сходных ситуациях. Речь представляет собой совокупность речевых актов, так что сопоставительная лингвистика должна в качестве объекта исследования взять и сопоставительное изучение речевых актов на данных языках. Дж. Серль отмечал, что речевой акт — не только единица коммуникации языка, но и основной объект языкознания, ибо правильное изучение языковых актов и есть правильное изучение языка.

Понятие речевого акта еще не вполне установилось в лингвистике. Различаются прежде всего общее (широкое) и частное (узкое) понимание акта речи. При широком понимании акты речи различаются по их общей интенции. Выделяемые типы при этом широки и немногочисленны. Прежде всего различаются информативные акты речи и неинформативные акты речи. Первые связаны с передачей или запросом информации. К ним относятся констатация, обещание (и другие перформативные акты), побуждение, вопрос с различными подразделениями каждого из этих основных типов. К неинформативным относятся различные «социальные» акты: приветствия, поздравления и тому подобные.

Дальнейшее дробление общих актов речи приводит к выделению частных речевых актов, при классификации которых решающее значение имеют такие параметры, как условия и сфера общения, предмет общения, направленность и цель общения. В зависимости от условий, предмета и сферы общения различаются акты речи в различных типовых условиях (собрание, транспорт, торговое учреждение, общение с врачом, общение на уроке и т. п.). При этом имеет определенное значение и характер отношений между говорящими: семейные отношения, профессиональные, групповые и т. п., а также различные социолингвистические факторы. В соответствии с направленностью и целью общения выделяются также такие акты речи, как информация о факте, повторение, выражение отношения, подчеркивание истинно-

* Впервые опубликовано: Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. М., 1987.

сти факта, различные реакции (радость, благодарность, сожаление), отношение к факту (одобрение, неодобрение), вступление в речь, выход из речи, предложение, просьба, согласие, отказ, различные социальные акты: приветствие и прощание, представление себя и другого человека, пожелание, вплоть до произнесения тоста.

Разумеется, и общие и частные речевые акты имеют большую специфику оформления в каждом языке. Однако в какой мере их сопоставительное изучение может быть предметом особого раздела сравнительной типологии?

Общие акты (констатация, побуждение, вопрос и т. п.) характеризуются определенным коммуникативным типом предложения (повествовательным, вопросительным, побудительным, оптативным), определенной интонацией и определенной семантической группой глаголов. Например, перформативы вне определенной ситуации могут быть выражены только с помощью глаголов определенной семантики («обещать», «клясться» и т. п.) в данном глагольном времени. Но сопоставление функционирования различных коммуникативных типов предложения проводится в рамках сопоставительной грамматики. Так, например, отмечается, что вопросительное и особенно вопросительно-отрицательное предложение в несобственной функции употребляется в английском и французском языках относительно чаще, чем в русском (например, высказывание типа «не можете ли вы сделать то-то» вместо «сделайте то-то»), употребление повествовательного предложения вместо побудительного при выражении приказа также обычно отмечается в грамматиках при рассмотрении функционирования предложений разных типов (например: «Вы это делаете» вместо «Сделайте это»). Глаголы, представленные в коммуникативных предложениях разных типов, фактически сопоставляются в словарях. Интонационные особенности высказываний, связанные с различными речевыми актами, также фактически анализируются в исследованиях по интонологии: интономы различаются прежде всего по коммуникативному содержанию высказывания; они передают сообщение, вопрос, приказание и т. п. Таким образом, все три основных компонента, составляющие любое предложение и вместе с тем формирующие общую и национальную специфику высказываний различных речевых актов, — лексика (глаголы прежде всего), грамматические особенности (коммуникативный тип предложения) и интонационные особенности — изучаются в общей сопоставительной грамматике.

Что касается частных актов речи, то в сопоставительном аспекте они обычно представлены в разговорниках, специальных пособиях по устной речи, речевому этикету и т. п.

Однако, если мы проанализируем высказывания, представленные в разных типах речевых актов, то обнаружим определенные национально-языковые особенности, свойственные актам речи независимо от их конкретного типа. Например, в речевых актах разного типа (констатирующих, вопросительных, побудительных и т. п.) мы обнаруживаем ориентацию на первое лицо (на говорящего) в английском

или французском языках чаще, чем в русском; по-разному, в зависимости от языка, но независимо от конкретных актов речи, представлена модальность и многие другие стороны высказывания. Следовательно, рациональное сопоставление актов речи по сути дела сводится к анализу особенностей построения высказывания в различных языках, к анализу специфики в них формирования текста, частью которого является высказывание.

Следовательно, прежде чем приступать к сопоставлению в области собственно речевых актов, необходимо и полезно выявить общие особенности организации высказывания в данных языках, на фоне которых частные особенности конкретных актов речи предстанут как проявление более широких дискурсивных закономерностей. Например, при общении во французском магазине в качестве эквивалента фразы *Этого нет* или *У нас этого нет* можно услышать от продавщицы: *Je ne l'ai pas, monsieur*, букв. «Я этого не имею, сударь». Французское высказывание предстает здесь ориентированным на говорящего, тогда как русское соотносится с 1-м лицом мн. числа или вообще ни с каким конкретным лицом не соотносится. Обратимся к другой ситуации и к акту речи иного типа. На собрании из уст председательствующего можно слышать перформативное высказывание такого рода: *Слово предоставляется такому-то*. Французский или английский председательствующий аналогичное высказывание относительно чаще сформулирует с помощью предложения типа: *Je donne la parole à Untel*, букв. «Я даю слово такому-то». Приведенные ситуации весьма различны, различны и типы актов речи (констатирующее в первом случае, перформативное во втором), но в сопоставительном аспекте их объединяет то, что в обоих случаях французское или английское высказывание ориентировано в большей степени на говорящего, чем соответствующее русское. И эта тенденция обнаруживается в высказываниях других семантических типов. Следовательно, нужно прежде всего проанализировать общие закономерности оформления языковыми средствами речевого акта в данных языках безотносительно к их содержанию. Для этого необходимо сопоставить реализацию, касающуюся каждого компонента и параметра речевого акта в целом.

Основными параметрами и компонентами речевого акта являются: говорящий, адресат, отношения между ними, отношение высказывания к пресуппозиции говорящих, соотношение высказывания и предмета речи, связь между высказываниями. В каждом из этих аспектов язык проявляет определенные тенденции, определенную избирательность. Рассмотрим вначале соотношенность высказывания с предметом речи, с описываемой данным высказыванием ситуацией (приводимые примеры взяты из книг на русском, французском и английском языках и их опубликованных переводов).

Ситуация включает определенные объекты и отношения между ними. Эти объекты (элементы ситуации) характеризуются определенными свойствами — аспектами. Они могут иметь различную инфор-

мативную ценность. Объект может идентифицироваться по различным своим признакам. Говорящие на разных языках могут производить различный отбор элементов ситуации и их признаков, в связи с чем используются различные номинации. Эти номинации могут различаться своим содержанием или своей формой. Отметим шесть явлений.

1. В основу идентификации объекта и, следовательно, его наименования кладутся разные его признаки, вследствие чего избираются слова различных семантических групп. Нередко подобные расхождения принимают форму тенденции. Так, в русском языке движение часто обозначается одновременно и по его направлению (этот аспект обозначается префиксом), и по способу передвижения (обозначается корневой морфемой); во французском тексте, в связи с редкостью префигированных глаголов движения в этом языке, — только по одному из этих признаков: *Я никогда сюда раньше не приезжал* — *J'y n'y étais jamais venu auparavant*. Русский глагол отображает направление и способ передвижения, французский — только направление движения. Нередко в тексте на двух языках представлены разные аспекты одного и того же процесса или объекта: *На лето мы всей семьей поехали в деревню* — *Nous allâmes en famille passer l'été à la campagne*; *В 1931 году я на лето поехал в город Ливны* — *En 1931, j'étais venu passer l'été à Livny*. Французские глаголы показывают здесь направление движения, причем с противоположных точек зрения, тогда как русские — только способ передвижения (с начинательным оттенком). Именно вследствие этого и обнаруживается тот парадоксальный с первого взгляда факт, что одному и тому же русскому глаголу соответствуют французские лексемы с противоположным значением.

2. По-разному реализуются метонимические отношения при обозначении объектов и событий. Так, действие может обозначаться путем указания на любой актант, связанный с этим действием, на любой связанный с ним предмет, например: *Надо было отвезти Варю в Пушкино*, — *там не было никаких налетов* — *Il fallait envoyer Varia chez la poutrice, à Pouchkino, ou il n'y a pas d'alertes aériennes*. Действие (налет) в одном случае обозначено непосредственно — отглагольным существительным, в другом — через указание на другое действие, сигнализирующее о первом (воздушная тревога). В некоторых типовых ситуациях во французском тексте обнаруживается указание на деятеля, тогда как в русском — на место действия или само действие: *Je vais chez le coiffeur* — *Я пойду в парикмахерскую*; *Я пойду постричься*.

3. Различным образом реализуются отношения включения при наименовании объектов. Отношения включения, объединяющие понятия и предметы, могут быть двух видов: они следуют либо иерархии «быть», либо иерархии «иметь». В первом случае устанавливаются родо-видовые или гипер-гипонимические отношения между объектами, во втором — отношения целого и части, содержащего и содержаемого, предмета и его признака. Гипер-гипонимические отношения в межъязыковом аспекте не раз описывались в литературе. Достаточно

привести характерный простой пример: *Le livre est sur la table*. *The book is on the table*) — *Книга лежит на столе*: гиперонимы во французском и английском предложениях и гипоним, уточняющий пространственное положение предмета, в русском. Отношения иерархии «иметь» могут быть проиллюстрированы следующим примером: *Хорошей души был человек* — *C'était un cœur d'or*. Характеристика выражена указанием на целое (человек) и на часть, считающуюся средоточием данного качества, в русском тексте и одним лишь указанием на часть тела — во французском.

4. Используются различные грамматические формы номинаций, сходных по семантике. Взаимозамена частей речи практически не знает ограничений, хотя могут быть выявлены определенные тенденции, свойственные тому или иному языку при обозначении объектов, действий, качеств. Так, в русском языке относительно чаще используются как средства номинации глаголы и наречия, во французском — прилагательные и существительные: *Варя, насупившись, недоверчиво взглянула на нее* — *Varia, mécontente, la regarde d'un air de doute*. Этот пример показывает два основных приема такой транспозиции слова, его замены словом иной части речи: непосредственную транспозицию (первый случай) и транспозицию, связанную с развертыванием номинации, то есть с использованием словосочетания вместо слова (второй случай). Вместе с тем мы видим, что первая характеристика во французском тексте выражена прилагательным, в русском — адвербиальной формой глагола (деепричастием), вторая — в русском также наречием, во французском — существительным в составе сложного определения¹.

Другие примеры подобного рода: *Класс радостно забурлил* — *La classe vourdonnait, joyeuse*; *Ей стало смутно и грустно* — *Elle se sentait troublée et inquiétée* (в русском предложении используется безличная конструкция с предикативным наречием); *За домом белела березовая роща* — *Derrière la maison, un bois de bouleaux étalait sa blancheur* (глагольная номинация в русском языке, глагольно-именная — во французском); — *Où est la maîtresse?* — *En voyage* — *Где хозяйка?* — *Она уехала* (субстантивная номинация во французском тексте, глагольная — в русском). Нередко одно и то же отношение передается служебным словом в одном языке и знаменательным, подвергшимся десемантизации в условиях семантической избыточности, — в другом: *Небольшая фигурка в разношенных валенках* — *Un petite silhouette chaussée de bottes de feutre usées*; *Она расчистила дорожку к беседке* — *Elle débaya le sentier qui menait au pavillon*. Данные примеры отражают определенную тенденцию: во французском тексте такое полуслужебное использование знаменательных слов встречается чаще, чем в русском.

5. Использование различных коммуникативных форм высказывания. Этот момент касается формы не отдельного элемента предложе-

¹ Во всех примерах, заимствованных из литературных произведений, вначале приводится подлинник, а затем перевод.

ния, но высказывания в целом. Нередко при выражении речевых актов различного содержания — вопроса, извинения, экстериоризации чувств и т. п. — в одном языке используются вопросительные предложения, тогда как в другом — повествовательные или побудительные. Это теоретически и практически важное явление, в сопоставительном плане мало изученное. Примеры: *Would you excuse me? — Извините, пожалуйста; A fellow-passenger, I think — Попутчик, да?; Неужели вы думаете, что... — You don't suppose that...; Зачем я уехала из Москвы, бросила театр, друзей! — J'ai eu tort de quitter Moscou, mon théâtre, mes amis!* Известно, что вопросительные конструкции легко превращаются в косвенные высказывания, устойчивые формулы выражения просьбы, сожаления, различных чувств. По-видимому, с подобными косвенными высказываниями мы имеем дело в вопросительных формах первого и последнего примеров.

6. Ориентация высказывания (диатеза). Это явление в целом относится также к внешней форме организации высказывания. Здесь можно различать два случая: низведение субъекта и изменение актантной конфигурации. Низведение субъекта чаще наблюдается в русском тексте, чем в английском или французском: при этом слово, обозначающее реальный субъект или носитель действия или состояния, выступает в синтаксической функции второстепенного члена (косвенное дополнение, иногда прямое), а не подлежащего. При этом предикат принимает безличную форму, например: *I can only suppose that... Мне только кажется, что...; Здесь ей лучше помалкивать — Ici, elle ferait mieux de se taire.* Трансформация конфигурации актантов представляет собой более широкое явление, чем низведение субъекта, в этом случае семантический субъект также оформлен как синтаксический второстепенный член, тогда как в функции подлежащего используется слово, обозначающее реальный объект или обстоятельство действия. Последний прием значительно шире распространен во французских текстах, чем в русских. Вследствие того, что в функции подлежащего при переходном глаголе используется имя, указывающее на неодушевленный субъект, высказывание может сопровождаться эффектом анимизма, который заключается в приравнивании неодушевленного предмета к активно действующему одушевленному, например: *La fin de nos études nous sépara — По выходе из лицея нам пришлось расстаться; Школу поставили на дороге, потому что в ней учились ребятами со всей округи — L'école avait été bâtie sur la route parce qu'elle recevait les enfants de toute la région.*

Использование пассивных конструкций, различных инфинитивных оборотов, изменяющих валентность сказуемого, представляет собой частное проявление изменения ориентации предложения и конфигурации актантов: *Il a fait jouer sa pièce par des amateurs — Его пьеса была сыграна любителями.*

Переход от конструкций с глаголом *быть* к конструкциям с *иметь*, и наоборот, также является способом изменения ориентации высказывания. Известно, что русскому языку более свойственны кон-

струкции с *быть*, тогда как английскому и особенно французскому — с глаголом *иметь*.

Высказывания могут быть организованы различно с точки зрения их соотносительности с участниками коммуникации. На глубинном уровне в каждом акте речи представлены говорящий, адресат и предмет речи. Материально эти три элемента ситуации могут совпадать: говорящий может обращаться к самому себе как к собеседнику. Но суть дела от этого не меняется: всякий акт речи является двусторонним актом и имеет свой предмет. Однако формально высказывание во многих случаях при одном и том же общем содержании может брать за точку отправления говорящего, слушающего либо не иметь конкретной направленности, соотноситься с обобщенным субъектом. Нередко в актах речи различных семантических типов, как мы это отмечали уже выше, французское или английское высказывание ориентировано на первое лицо, тогда как русское — на второе, например: *Mais je vous donne un conseil... — Послушайте моего совета...; Your pictures are not like you, sir, if I may say so — Вас нелегко узнать по фотографиям, сэр, если разрешите заметить.* В английской и французской фразе подлежащее выражено местоимением 1-го лица, в то время как в русских предложениях глагол стоит в императиве и направлен непосредственно на собеседника. В констатирующих описательных высказываниях французского языка нередко представлено местоимение неопределенного лица *on*, подчеркивающее, что данная ситуация является результатом восприятия лиц, в том числе и говорящего. В русском языке таким конструкциям может соответствовать пассив, в большей степени показывающий устранение лица: *Dans le fenêtrage, on apercevait les immeubles géants de Manhattan — В окне были видны громады Манхэттена.*

Особенно характерна тенденция, в силу которой во французском и английском высказываниях модус соотносится формально с первым лицом, тогда как в русском модус, выраженный вводными модальными словами, носит абстрактный характер, не соотносясь формально с лицами речи. Вот несколько англо-русских примеров: *I know why she doesn't like me — Известно, почему я ей не нравлюсь; I think your time is of value — Время ваше, надо полагать, дорого стоит; I may not be a very good actor — Наверное, я не очень хороший актер.*

Из сказанного можно сделать вывод, что в разных языках в актах речи по-разному проявляется субъективизм — соотношение описываемой ситуации с говорящим, эксплицитное преломление ее через мысль, чувства, восприятие, волю говорящих.

Высказывания в разных языках различно соотносятся с presuppositionally говорящих. Наличие общего фонда знаний у говорящих позволяет не выражать эксплицитно те или иные заранее известные элементы ситуации и аспекты объектов. Это, в свою очередь, обуславливает структурную и семантическую экономию или избыточность в построении высказывания. Если семантически избыточные элементы выводятся в поверхностную структуру предложения, то в

большинстве случаев это определяется структурными потребностями данного языка (семантически избыточные элементы выступают в структурно-организующей функции) либо особенностями его лексико-фразеологического состава (специфика словообразовательных средств, особенности словосочетаний). Уже в приводимых выше примерах соответствие фр. *aller, venir* — рус. *поехать* определяется отсутствием глагола типа *ехать* во французском языке. Но выражаемое им значение «перемещаться с помощью транспорта» в данной ситуации избыточно, ибо в пресуппозицию говорящих входит тот факт, что люди отдыхать летом отправляются, как правило, на транспорте.

Сравним русскую и французскую фразы: *Навстречу через поле шел человек* — *Un homme venait à sa rencontre à travers champs*. Во французской избыточно указывается воспринимающее лицо (*à sa rencontre*), ясное из ситуации. Но употребление притяжательного детерминатива здесь грамматически вынужденно: существительное в данном контексте не может употребляться без актуализатора, в качестве такого актуализатора и избирается элемент, не несущий никакого специфического семантического заряда. В отличие от русского, французское предложение имеет тенденцию к глагольности. Безглагольные предложения во французском языке гораздо более редки, чем в русском, поэтому во французском предложении обнаруживается избыточное, по сравнению с русским, глагольное сказуемое, необходимое для выражения предикативных значений. Это сказуемое семантически повторяет какой-либо иной элемент высказывания или непосредственно подсказывается ситуацией, например: *Откуда это? — С фронта* — *D'où est-ce que tu tiens ça? Ça vient du front; Когда обратный поезд? — Quant part le train de retour?*

Лексико-фразеологическими факторами объясняется асимметрия в следующих парах фраз: *Я кончаю в два* — *Je termine à deux heures; Jean Monnier se leva — Жан Моннье поднялся с кресла*. Отсутствие безличных оборотов, равнозначных распространенным русским оборотам, побуждает говорящего по-французски строить предложение с избыточным указанием на действующее лицо: *Можно? Puis-je entrer?* В русском высказывании рематизация легко осуществляется с помощью инверсии подлежащего: *Тишина наступила не сразу. Хлопали крышки парт, поскрипывали скамейки*. Во французском тексте такая инверсия стилистически, да и грамматически не всегда невозможна. Поэтому рема выражается дополнением, закономерно занимающим место в конце предложения, а пустующее место подлежащего заполняется указанием на неопределенный субъект, что влечет за собой представление факта как восприятия некоторого лица: *On entendait claquer les pupitres, grincer les bancs*.

Рассмотренные нами в сравнительном плане аспекты высказывания — соотношение высказывания и ситуации, соотношенность его с участниками речевого акта и с их пресуппозицией — не исчерпывают всех особенностей его организации. Большую специфику в языке могут иметь эмоционально-модальная и дискурсивная рамка высказывания.

Что касается модальной рамки, то она может различаться по языкам не только лексико-грамматической формой модального элемента (мы это видели выше: например, глагол модуса в английской фразе и модальное вводное слово в русской) и не только местом модального элемента (также в приведенном примере: начальное положение этого элемента в английском предложении и характерное для русского высказывания его срединное положение в предикативной паузе между подлежащим и сказуемым), но и самой степенью модальной насыщенности высказывания. Так, сравнивая английские и русские высказывания в одних и тех же ситуациях, мы нередко обнаруживаем большую частотность модально окрашенных элементов в английском тексте, например, *Don't you think it would be wise? — Вам не кажется, что так разумнее?* Здесь модальность выражена в английской фразе дважды: в модусе главного предложения и модальным глаголом в придаточном предложении. В русской фразе модальность эксплицирована только в главном предложении. Иногда отмеченной модальности в английской фразе соответствует нулевая (имплицитная) в русской: *We shall, I suppose, have a good deal to discuss — Нам предстоит кое-что обсудить*.

Большая модальная насыщенность проявляется и в относительно большей употребительности отрицательных форм, которые несут в себе обычно больший модальный заряд, чем утвердительные, соответствующие по значению. Выше приводились примеры подобного рода. Прочитайте еще один: *I don't object — Ладно, хорошо*. Многие модальные элементы во французском и английском языках десемантизируются в речи, превращаются в своего рода *silence fillers* («заполнители пауз»), особенно в конце высказывания, это такие слова, как англ. *well, you know, I think, I suppose, let me see, I say*, фр. *je crois, moi je pense, non, etc.* Подобные элементы формируют уже не столько модальную, сколько дискурсивную рамку высказывания.

Наблюдаются различия и в эмоциональной рамке высказывания. В одной и той же ситуации люди, говорящие на разных языках, могут по-разному использовать эмоционально окрашенные элементы: междометия, обращения и т. п. Во французском тексте реплика чаще, чем в русском языке, вводится эмоционально окрашенным приступом типа: *oh!, ah!* и т. п. Вот еще пример, показывающий, что во французский текст вводится дополнительно эмоционально отмеченное обращение, отсутствующее в русском: *Мама, с кем ты разговариваешь? — кричала из соседней комнаты Варя. — С роялем, — смеялась из соседней комнаты Татьяна Петровна. — ...Au piano, ma chère, reprenait en riant Tatiana Pétrouva.*

Различия в дискурсивной рамке заключаются в своеобразии использования элементов, обозначающих вступление в речь, выход из нее, членение речи, подчеркивание, уточнение, оговаривание и т. п.

И, наконец, если переходить от отдельных высказываний к тексту, то нельзя не отметить расхождения в организации сложного предло-

жения и внутритекстовых связей. Здесь два аспекта: связанность, слитность текста и кореференция.

По сравнению с русским языком французский оказывается более «связанным», слитным, поскольку связь предложений в нем эксплицируется различными союзами, местоимениями, вводными словами. Ср., например: соположение предложений в русском тексте и подчинительная связь во французском — *Cet enfant a écrit un livre que je ne crois pas plus mauvais qu'un autre* — *Этот мальчик написал роман. На мой взгляд, книга ничуть не хуже других.* Введение относительного союза в русскую фразу изменило бы ее разговорный характер, французское относительное подчинение в разговорной речи используется шире. Вот три предложения, связанные паратаксисом в русском языке, которым во французском соответствует одно сложное предложение, причем русскому сочленению во французском тексте отвечает подчинение, более жесткая связь: *Он выстроил себе прекрасный дом и разложил по столам диковинки, вывезенные из чужих земель. Среди них была персидская шаль* — *Il se fit construire une belle maison où il étala sur les tables et canapés des curiosités amenées de l'étranger, notamment, un châle de Perse.* Даже местоименная репрезентация во французском тексте чаще сочетается с подчинением, так что русскому личному местоимению соответствует французское относительное: *C'était un garçon blond, aux traits fins et charmant, qui travaillait peu, lisait beaucoup* — *Это был белокурый юноша, с тонкими приятными чертами лица. Он мало утруждал себя занятиями, зато много читал.*

Последний пример переносит нас к проблеме выражения кореференции в различных языках. Анализ текстов показывает, что, например, французский язык при кореференции избегает прямых лексических повторов, тогда как русский их допускает более свободно при вторичной номинации объекта или действия во французском тексте значительно чаще используются местоимения и гиперонимы. В целом французский язык при кореференции прибегает к большему варьированию языковых средств, чем русский. При повторной номинации во французском тексте чаще используются синонимы и грамматическая транспозиция, например: *Вы — хитрая! — Voyez la petite futée! — Qu'est-ce à dire? — Petite rusée! Конечно, балуется. Все нормальные дети балуются. — Mais bien sûr qu'il est polisson. Tous les enfants polissonnent un peu.*

При глагольной кореференции во французском тексте, во избежание повтора, нередко употребляются глагольные репрезентанты, обозначающие соотношенность данного действия с предыдущим, но не указывающие на конкретный его характер: *Вот вы рассказывали — он меня любит очень... Говорили? — Говорил. Vous me disiez qu'il m'aime beaucoup, n'est-ce pas? — Et je le répète.*

Особенно часто наблюдается повтор слова в русском тексте и местоименная анафора во французском: *Над зубчатой стенкой дальнего бора поднялось солнце, густо заслонив длинные тени на снегу. Тени сближали самые далекие предметы* — *Au-dessus du mur crénelé de la*

lointaine forêt, le soleil se leva, bleuisant fortement les ombres allongées sur la neige. Elles rapprochaient les object les plus éloignés.

В новелле К. Паустовского «Золотая роза» рассказывается, как ювелир, выковавший для мусорщика Шамета золотую розу, пришел после его смерти к нему в дом и взял розу, которую перепродал другому литератору. В русском тексте во всех следующих друг за другом восьми предложениях, в которых упоминается этот персонаж, оно обозначается одним и тем же способом: существительным нарицательным. Во французском тексте средства обозначения варьируются: *l'orfèvre — il — le visiteur — l'homme — lui — il — le marchand — l'orfèvre.* Прямые обозначения представлены в самом начале и в конце сверхфразового единства, внутри него они заменяются различными косвенными обозначениями: местоимениями (*il — lui — il*), гиперонимом (*l'homme*), функциональными номинациями (*le visiteur, le marchand*). Разнообразие номинаций требует от читателя некоторого усилия по их отождествлению, но позволяет подчеркнуть канву повествования: один лишь перечень номинаций французского текста показывает, что ювелир куда-то пришел (*le visiteur*), затем кому-то что-то продал (*le marchand*).

При повторах связанность текста обеспечивается формально — самой идентичностью номинаций. При варьировании, особенно при употреблении местоимений и гиперонимов, она формируется на семантическом уровне: широкозначные номинации получают свое точное значение лишь по корреляции с предыдущими номинациями текста.

Мы рассмотрели принципы подхода к сопоставительному анализу основных параметров высказывания и текста: соотношенность форм выражения с предметом речи, участниками речевого акта, presupпозицией, использование коммуникативного типа высказывания, формирование модальной, эмоциональной и дискурсивной рамки высказывания, формы внутритекстовых связей. Тенденции, касающиеся этих основных параметров организации высказывания и текста, проявляются в данном языке как в описательных текстах, так и в речевых актах самой разнообразной интенции. В свете этих тенденций и следует сопоставлять различные типы речевых актов в разных языках.

4. О прогрессе в языке

Изменения отношений номинации в диахронии, рассмотренные выше на материале русского и французского языков, позволяют поставить вопрос о прогрессе в языке. По этой проблеме в языкознании писалось очень много. Одна из последних обстоятельных работ — книга Р. А. Будагова (*Будагов 1977*).

Обычно в качестве примера развития и совершенствования языка приводят увеличение и усложнение словарного состава в связи с развитием цивилизации и усложнением жизни общества, пользующегося данным языком. Но это не может считаться безусловным показателем

прогресса в языке, так как, наряду с появлением огромного числа новых слов (многими из которых пользуются только специалисты), в языке постоянно происходит утрата больших пластов слов в связи с исчезновением многих элементов цивилизации (отмирание старинных форм организации общества, обрядов, ремесел и т. п.).

Например, нам уже довелось отмечать, что, если в современном французском языке постоянно возникает много неологизмов, содержащих элементы *télé-* и *radio-* и обозначающих передачу информации на расстояние, то в средние века для этой цели использовался рог и в старофранцузском языке было много слов, образованных от корня *сог(п)-* и связанных с идеей передачи сообщения на расстояние. Эти слова выпали из современного языка или сохранились в переносном значении, не связанном с указанной идеей (Гак 1986, 88).

Другой пример. Основным средством передвижения в наше время является автомобиль. Не случайно во французском языке постоянно возникают новые слова с элементом *auto-* в этом значении. В средние века таким средством была лошадь, и в старофранцузском языке употреблялся целый ряд слов, образованных от корня *cheval*, отсутствующих или изменивших свое значение в современном языке: *chevalin лошадь*; *chevalier лошадка*; совр. *козлы, опора*; *chevaleresse носилки, перевозимые парой лошадей*; *chevalchie, chevalchure посадка на лошадь*; *chevalerot всадник*; *chevaler ехать верхом*; совр. *подпирать (опорой)*; *chevaleis езда верхом*; *chevalée поклажа на лошади*; *chevaleret неумелый рыцарь*; *chevaleros рыцарственный*.

В книге Р. А. Будагова приводится интересное наблюдение А. Ф. Лосева о том, что слова *священный* или *божественный* «имели у Гомера практически столько значений, сколько могло быть возможных сочетаний слов с такого рода прилагательными» (Будагов, 41). Но и в современном языке можно обнаружить подобные явления. В древности люди полагали, что общественное устройство установлено Богом, что оно священно. Весь менталитет людей был пронизан этими понятиями, откуда и бесконечное разнообразие употреблений соответствующих прилагательных. Но после того, как люди поняли, что их жизнь определяется не божественными силами, но «общественным договором», такое же значение в их языке приобрели слова *общественный, социальный*. Во французском языке слово *social* имеет практически столько значений, сколько может с ним сочетаться существительных. Эти значения имеют неопределенные очертания и подчас далеко отстоят одно от другого. Например (приведем дословные переводы на русский язык, не давая разъяснений): *социальная жизнь, с. положение, с. науки, с. справедливость, с. республика, с. политика, с. требования, с. жилье, с. туризм, с. капитал, с. местонахождение (siège social), с. борьба, с. закон, с. меры, с. благотворительность, с. закон, с. достижения, с. право, с. год, с. работник, с. механизм, с. акт, с. давление, с. пакт, с. личность, с. терапия; с. психология, с. животные, с. лестница, с. добродетели, с. условности, с. мир, с. школа, с. партнер, с. неделя, с. служба, с. подпись* и т. п. К

этому можно было бы добавить и коллокации с близким по значению словом *public*.

Может быть, у древних людей понятия были еще более расплывчаты, чем у современных, и в целом характер многозначности несколько изменялся. Но в старом языке и современном проявлялись одинаковые тенденции, хотя применялись они зачастую к различным словам. Изучая историю одного какого-нибудь слова или группы слов, исследователи подчас не принимали во внимание тот факт, что устранимые в процессе развития языка явления (нечеткость значения, недифференцированная синонимия и аффиксация) вновь проявлялись в языке и продолжают проявляться, но в отношении иного языкового материала.

Одним из свидетельств прогресса в языке обычно считают упорядочение деривации, устранение синонимических суффиксов. В одном из разделов работы приводились примеры того, что если, действительно, аффиксы при одном корне «упорядочиваются», то появляются новые и новые неологизмы с деривационными вариантами и процесс дифференциации в целом в языке идет постоянно и бесконечно.

Исследователи средневекового французского языка отмечают, что многие синонимы и даже не-синонимы, входившие в одну лексико-семантическую группу, употреблялись безразлично и только впоследствии подвергались дифференциации. Таковы, например, слова *речь, слово, беседа, язык* (Будагов, 45). Но, по-видимому, авторы недостаточно различали язык и речь, систему и ее использование. Они сравнивали старофранцузские речевые употребления с современными системными (словарными) значениями слов. Однако исследователи современного французского языка (Дюбуа, Соважо) подчеркивают частую нейтрализацию в тексте синонимов и слов, относящихся к одному смысловому полю.

Так, например, во французской печати глаголы, вводящие речь (*dire, signaler, souligner, constater, préciser, déclarer* и др.), употребляются нередко как полные синонимы, для варьирования и могут все переводиться глаголами *говорить, писать*. Также нередко безразлично используются слова, означающие переговоры: *pourparlers, rencontre, entrevue, entretien(s), conversation* и др. Разумеется в толковых словарях они четко различаются. Таким образом, в «нечеткости» речевых употреблений в средневековом языке можно видеть не специфически архаическую черту, но общую особенность речи, свойственную и современным языкам.

Споры идут о широкочисленности слов и номинализации как о мере прогресса языка. Иногда говорят, что в старину понятия были недифференцированы и поэтому слова имели широкие значения, которые с прогрессом языка дифференцировались; другие ученые утверждают, что слова, выражающие родовые понятия, возникают с прогрессом языка. Приведенные выше речевые сопоставления разных диахронических срезов одних и тех же языков не подтверждают ни того, ни другого суждения: в одних случаях видовое значение уступа-

ет место родовому, в других — наоборот. В каждую эпоху в каждом языке имеет место определенное соотношение между родовыми и видовыми терминами. То же самое можно сказать и о номинализации: в одних случаях глагольный способ выражения уступает место именному, в других наоборот.

Перейдем к вопросам синтаксиса. Во многих трудах по истории языка в качестве яркого примера совершенствования грамматического строя указывают на переход от паратаксиса к гипотаксису. Как образец древнего синтаксиса приводится конструкция из «Ригведы» *Раздавлены ногами слонов*, где отношения части/целого выражены не подчинением (*ногами слонов*), а соположенными параллельными формами. Разумеется, при выражении инструментального значения в современных европейских языках вряд ли такое построение возможно. Но в русском языке аналогичная конструкция употребительна при обозначении локальных отношений. Например: *У нее сын учится в Москве, в университете*. Здесь элементы, выражающие целое и часть находятся в отношении паратаксиса, а не гипотаксиса. Показательно, что во французском или испанском языках подобная конструкция нежелательна, они предпочитают в этом случае гипотаксис: *Son fils fait ses études à l'université de Moscou; Tiene un hijo que estudia en la universidad de Moscú*. Но в русском языке паратактические построения обычны: *У Маши в комнате висят красивые картины; Ребенок сидел на коленях у матери* (опять-таки романские языки предпочитают: *в комнате Маши, на коленях своей матери*). Мы видим, что в принципе паратактический способ выражения отношений принадлежности, части и целого возможен и в современном языке, но применяется он к иным конкретным случаям.

Теньер утверждал, что в любом языке гипотаксис появляется после паратаксиса и что, хотя латынь достигла определенного уровня абстракции, многие семантические комплексы осмысляются в ней «паратактически», в то время как в «более развитом» французском языке они выражаются с помощью гипотаксиса, так что при переводе приходится заменять латинский паратаксис французским гипотаксисом. Он заявляет также, что германские и славянские языки «пришли к развитию цивилизации» позже латыни и романских языков и поэтому выражают паратактически идеи, которые во французском передаются гипотактически (*Tesnière, 315*). Теньер приводил, в частности, такие примеры: лат. *spectator et testis* — франц. *un témoin oculaire очный свидетель*; *orare atque obsecrare* — *prier instamment убедительно просить* и т. п. Но характерно, что в русских переводах мы находим тоже гипотаксис. Соотношение между паратаксисом и гипотаксисом не может быть критерием прогресса в языке. Эти два приема могут по-разному проявляться в различных звеньях языковой системы. Верно, что сочинение и бессоюзное соединение во французском тексте встречаются относительно реже, чем в русском: французская фраза синтаксически более компактна и предпочитает использовать формы подчинения. Но зато паратактические сочетания существительных

используются во французском языке гораздо чаще, так что на русский приходится переводить их гипотактическими синтагмами: *position-clé ключевая позиция* (букв. позиция-ключ), *espace enfants площадка (место) для детей* (букв. место дети), *robe sport спортивное платье* (букв. платье спорт) и т. п. Следовательно, два приема синтаксической связи используются различно в разных сферах языка и нет оснований видеть здесь «степень развития цивилизации».

На бессоюзие вообще нельзя смотреть, как на ущербный тип синтаксической связи, как на «недоделанное» сочинение или подчинение. Это особый тип связи, имеющий свою форму (семантическую и интонационную, не формально-грамматическую) и свое содержание, которое заключается именно в недифференцированном характере отношений между компонентами.

Третья глава «Евгения Онегина» открывается эпитафией из французского писателя Мальфилатра: *Elle était fille, elle était amoureuse* (букв. Она была девушка, она была влюблена). Пушкин в той же главе высказывает сходную мысль: *Пора пришла, она влюбилась*. В обоих случаях мы видим бессоюзный паратаксис, но какой союз можно было бы включить сюда? Временной? Причинный? Любой исказил бы форму и смысл высказывания, вся тонкость которого состоит в недифференцированности, в «размытости» отношения между его частями.

Порой даже крупные ученые ошибочно приписывают той или иной грамматической форме знак прогресса. Исходя из того, что латинская оппозиция инфектума/перфектума отпала в романских языках, которые развили много временных форм в индикативе, отсутствовавших в латыни, А. Мейе заявил, что вид — конкретная категория, тогда как время, выражающее отношение — более абстрактная. Поэтому вид сохранился, как он писал, в более архаических языках, таких, как славянские. Но здесь ученый был неправ. Древнерусская и старославянская система времен была, как мы отмечали выше, подобна современной романской, однако позже почти во всех славянских языках эта система отмерла, но зато развилась категория вида, которая является в них не архаическим пережитком, но новообразованием.

Другой пример также связан с именем Мейе. Этот ученый определил, что глагол «иметь» возник в индоевропейских языках позже чем «быть», когда уже появилась идея о собственности. Но в некоторых языках, как в архаической латыни или в русском отношении принадлежности выражаются преимущественно с помощью глагола «быть», в чем усматривается архаичный пережиток в языке. Однако, история русского языка показывает, что в древнерусских текстах глагол *иметь* употреблялся чаще, чем в современных и лишь потом для выражения прямого значения обладания он уступил место глаголу *быть* (*Гак 1977, 245–252*).

В науке справедливо критиковалась «теория круговорота» (*Будагов, 18*). Но в данном случае речь идет о том, что нередко на всех этапах развития языка, наблюдаются одни и те же процессы, определяемые особенностями человеческого мышления и социально-ком-

муникативными функциями языка, процессы, которые в разных языках и в разную эпоху затрагивают разные элементы языковой системы, отчего и создается впечатление отмирания тех или иных явлений (но процессы остаются). Кроме того, некоторым явлениям произвольно приписывается знак прогресса. И, наконец, дискурсивные факты одной эпохи сопоставляются с системными другой. Учет этих явлений может ввести некоторые коррективы в понимание прогресса в языке.

Будагов Р. А. Что такое развитие и совершенствование языка? М., 1977.

Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977.

Гак В. Г. Введение во французскую филологию. М., 1986.

Dubois J. Les notions d'unité sémantique complexe et de neutralisation dans la lexique // Cahiers de lexicologie. P., 1962.

Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale. P., 1959.

ГЛАВА IV

ЭМОЦИИ И ОЦЕНКИ В СТРУКТУРЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ТЕКСТА

1. Синтаксис эмоций и оценок*

Языковые структуры, в которых выражаются эмоции и оценки, достаточно подробно исследованы в языкознании. В связи с этим особенно следует отметить книгу Е. М. Вольф (*Вольф 1985*); в ней дается тщательный анализ оценочных номинаций и структур высказывания, в которых присутствует оценка. Однако выражение эмоций и оценок играет важную роль в организации высказывания в целом, а также сверхфразового единства и текста. Именно этот аспект является основным предметом данной статьи. Иначе говоря, нас интересует не столько способ выражения эмоций и оценок, сколько их роль в структуре высказывания и текста. Мы рассмотрим, в частности, следующие три вопроса: а) понятие эмоционально-оценочной рамки высказывания и ее формирование; б) формирование эмоционально-оценочных блоков в тексте; в) соотношение нейтральных и эмоциональных блоков в высказывании и в тексте. Мы попытаемся объяснить особенности этой рамки в свете общей роли эмоций в психической и речевой деятельности.

Следует различать прежде всего выражение эмоций и сообщение о них. Эмоции выражаются интонацией (она присутствует всегда), особыми лексическими средствами (например, междометия), некоторыми специализированными типами предложений — эмотивными предложениями. Эмотивные предложения могут иметь специфическую структуру (например, *какой + прилагательное + восклицательная интонация: Какой чудесный вечер!*), но могут также представлять собой переосмысление структур, обычно используемых при описании событий. Сообщение об эмоциях и оценках выражается обычно в предло-

* Глава написана на основе публикаций: О модально-эмоциональной рамке предложения // Новые явления и тенденции во французском языке. М., 1984; Синтаксис эмоций и оценок // Функциональная семантика. Оценка, экспрессивность, модальность. М., 1996; Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // Вестник МГУ, сер. 9. Филология. 1997, № 2.

муникативными функциями языка, процессы, которые в разных языках и в разную эпоху затрагивают разные элементы языковой системы, отчего и создается впечатление отмирания тех или иных явлений (но процессы остаются). Кроме того, некоторым явлениям произвольно приписывается знак прогресса. И, наконец, дискурсивные факты одной эпохи сопоставляются с системными другой. Учет этих явлений может ввести некоторые коррективы в понимание прогресса в языке.

Будагов Р. А. Что такое развитие и совершенствование языка? М., 1977.

Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977.

Гак В. Г. Введение во французскую филологию. М., 1986.

Dubois J. Les notions d'unité sémantique complexe et de neutralisation dans le lexique // Cahiers de lexicologie. P., 1962.

Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale. P., 1959.

ГЛАВА IV

ЭМОЦИИ И ОЦЕНКИ В СТРУКТУРЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ТЕКСТА

1. Синтаксис эмоций и оценок*

Языковые структуры, в которых выражаются эмоции и оценки, достаточно подробно исследованы в языкознании. В связи с этим особенно следует отметить книгу Е. М. Вольф (Вольф 1985); в ней дается тщательный анализ оценочных номинаций и структур высказывания, в которых присутствует оценка. Однако выражение эмоций и оценок играет важную роль в организации высказывания в целом, а также сверхфразового единства и текста. Именно этот аспект является основным предметом данной статьи. Иначе говоря, нас интересует не столько способ выражения эмоций и оценок, сколько их роль в структуре высказывания и текста. Мы рассмотрим, в частности, следующие три вопроса: а) понятие эмоционально-оценочной рамки высказывания и ее формирование; б) формирование эмоционально-оценочных блоков в тексте; в) соотношение нейтральных и эмоциональных блоков в высказывании и в тексте. Мы попытаемся объяснить особенности этой рамки в свете общей роли эмоций в психической и речевой деятельности.

Следует различать прежде всего выражение эмоций и сообщение о них. Эмоции выражаются интонацией (она присутствует всегда), особыми лексическими средствами (например, междометия), некоторыми специализированными типами предложений — эмотивными предложениями. Эмотивные предложения могут иметь специфическую структуру (например, *какой* + прилагательное + восклицательная интонация: *Какой чудесный вечер!*), но могут также представлять собой переосмысление структур, обычно используемых при описании событий. Сообщение об эмоциях и оценках выражается обычно в предло-

* Глава написана на основе публикаций: О модально-эмоциональной рамке предложения // Новые явления и тенденции во французском языке. М., 1984; Синтаксис эмоций и оценок // Функциональная семантика. Оценка, экспрессивность, модальность. М., 1996; Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // Вестник МГУ, сер. Ф. Филология. 1997, № 2.

жениях, описывающих переживания третьего лица, либо первого лица в настоящем времени. В этом случае используются специфические средства выражения; в частности, описания жестов, сопровождающих выражение чувств, относятся к изображению эмоций, а не к собственно выражению их. Например, *Он развел руками; Лицо его покрылось пятнами от негодования*. Такие описания возможны только в третьем лице (ср. **От неожиданности я развел руками* и т. д.), если только нет намеренного художественного эффекта отстраненности при рассказе о своих собственных переживаниях.

Спорным является вопрос о высказываниях, описывающих переживания в первом лице типа: *Я очень рад вашему успеху; У меня это вызывает отвращение*. Нередко в эмотивных предложениях говорящий сам описывает свои эмоции: — *Дорогая, милая моя, прекрасная!.. — бормотал он. — О как я счастлив! Я безумствую от восторга!* (Чехов). Здесь чувство одновременно выражается и описывается. Возникает вопрос, можно ли их считать особым типом перформативных эмоциональных высказываний. Э. Парре отмечает, что по этому поводу Олстон и Серль указывают, что нет большого различия между выражением чувства и сообщением о чувстве (Parret 1986, 155). Основная дихотомия проходит между «естественным» выражением чувства, проявляющимся в поведении человека (в его движениях, жестах, выражении лица и т. п.) и его языковым выражением с помощью восклицаний (междометий) и изъяснительных высказываний.

Языковые средства делятся на собственно выражающие и описывающие эмоции. К выражающим эмоции относятся междометия, эмоционально-оценочные восклицания, вербальные реакции, носящие нередко регулярный характер. Например: *Ай!; Это отвратительно!; Какой ужас!* и т. п. Описывающие высказывания могут иметь перформативный смысл (*Я вас поздравляю!* или *Мне это неприятно*), если они произносятся в качестве непосредственной реакции на событие. Если же они произносятся или могут быть произнесены в пространственно-временном отрыве от события, то они выступают как описания, а не как выражения чувств: *Мне это не нравится* (о чем-то, что происходило ранее или может произойти). Естественно, что высказывания в третьем лице суть описания чувств и оценок.

В психологии отмечается важность эмоций в организации целенаправленного поведения человека. Они создают «настройку», то есть изменение способности восприятия в зависимости от изменения условий, и имеют большое значение для активности сознания (Шингаров 1971, 18, 97). Эмоционально-экспрессивный аспект высказывания ориентирован как на говорящего, так и на слушающего. В первом случае он позволяет ярче выразить свое отношение к событию, во втором способствует убеждению, воздействию на волю слушающего. Иногда экспрессивность относят к сфере второго лица, тогда как эмоциональность — к сфере первого лица. Но во всех случаях эмоциональный аспект, наслаиваясь на объективно-коммуникативный ас-

пект высказывания (то есть на его номинативный аспект), подкрепляет его.

Мобилизующей функцией эмоций и объясняется, по-видимому, тенденция к препозиции модально-эмоционально-оценочного компонента по отношению к диктальному, раскрывающему суть события. Показательно, что междометие — специализированное языковое средство маркирования эмоций — обычно стоит в начале предложения. Многие иные эмотивные элементы — ласкательные или бранные слова, обращения, также обычно открывают высказывание. Сообщение начинается с фразы: *Случилось то-то* (ужасное или удивительное), а затем, когда внимание собеседника уже «зацепилось», описывается само событие. Например:

Те, которые сидели наверху, оглянулись, и им представилась страшная, необыкновенная картина (Чехов). Далее следует описание пожара...

Молодые супруги были счастливы... Впрочем, третья неделя их медового месяца была проведена не совсем счастливо, даже печально (Чехов). Следует рассказ о первой болезни Дымова, подхваченной в больнице.

Но у эмоций и оценок имеется и другая функция — функция компенсации информационной недостаточности. Они позволяют понять слушающему позицию или реакцию говорящего, если даже тот не дает достаточной информации, и, с другой стороны, «тратить меньше слов» самому говорящему. Не случайно среди речевых реакций существуют выражения вроде *Да что с тобой говорить! Что зря слова тратить!*, которые показывают, что всякий дальнейший разговор бесполезен. Делает бесполезным дальнейший разговор и категорическая оценка. Например:

— *Так-с... Это облако у вас кричит: оно освещено не по-вечернему. Передний план как-то сжеван, и что-то понимаете-ли, не то... А избушка у вас подавилась чем-то и жалобно пищит... Надо бы угол этот потемнее взять. А в общем недурственно... Хвалю* (Чехов).

Итак, эмоционально-оценочные элементы группируются чаще всего в начале высказывания (или сверхфразового единства), где они помогают привлечь внимание собеседника, создать определенную «настройку», либо в конце его, где они как бы завершают высказывание, подытоживают сказанное, ставят точку, делают дальнейшую речь ненужной. Нередко эти элементы охватывают речь с обеих сторон, создавая действительно нечто вроде эмоционально-оценочной рамки, порой же они включаются внутрь акта речи. Но в любом случае эмоционально-оценочную рамку следует понимать не в чисто геометрическом смысле, но как психологический кадр высказывания, который может находить свое выражение разными средствами и в разных местах высказывания или текста.

Выражение чувства должно быть определенным, ясным. «Выражение слабо или фальшиво, если оно оставляет неуверенность в выражаемом чувстве», — писал Дидро. Он же отмечал, что «слов почти

никогда не хватает для того, чтобы точно передать то, что чувствуешь» (Дидро 1936, 76, 137). В связи с этим обстоятельством, стихийно ощущаемым говорящими, возникает потребность увеличения иллюкативной силы эмоционального высказывания или, как ее называют иначе, эмотивной силы.

Эмотивная сила может быть увеличена двояким образом: либо путем использования форм интенсивности, либо путем обращения к разуму слушающего, иначе говоря апелляцией к аргументам. Оба приема — интенсификация и аргументация — широко используются в текстах при отображении эмоций и оценок.

В свою очередь интенсивность достигается двумя средствами: качеством и количеством. Качественная интенсивность заключается в выборе более сильного слова в ряду синонимов; количественная — в повторении слова, имеющего эмоциональную окраску. Однако, очень часто оба приема используются совместно: повтор эмотивных элементов сочетается с семантической градацией. Прямой повтор эмотивов весьма редок и имеет определенную стилистическую функцию. Чаще всего имеет место варьирование обозначений, создающих совместно эмотивный блок. Психолингвистический анализ речи показывает, что монотонность подавляет внимание и восприимчивость слушающего. Для поддержания внимания и обеспечения более сильного воздействия на адресата используется варьирование эмотивных средств. Однако это варьирование не должно быть чрезмерным, так как в этом случае воспринимающий не может уследить за «скачками мысли» говорящего (Zipf 1968, 164). Именно поэтому чаще, чем прямой лексический повтор, встречается при выражении эмоций варьирование эмотивов, которое может принимать самые различные формы: морфологические транспозиции, синонимические замены, синтаксические транспозиции, изменение порядка слов в эмотивных комплексах, употребление номинаций с различной образностью. Вот, например, языковые и речевые синонимы: *Я была такая невеселая, скучная* (Чехов); *Все так сухо, неприветливо* (Достоевский). Пример синонимов с транспозицией (переходом от именной номинации к глагольной): *Злая женщина была Анна Федоровна; она беспрерывно нас мучила* (Достоевский).

Эмотивная сила высказывания подчеркивается употреблением после прямого обозначения косвенной номинации — метафоры или сравнения: *Ну, Варенька, замечу вам еще мимоходом, что прегадкая женщина наша хозяйка, и к тому же суцая ведьма* (Достоевский); *Вы видели Терезу. Ну что она такое, на самом деле? Худая, как обципаный, чахлый цыпленок* (Достоевский). При выражении эмоций и оценок нередко проявляется закон триады: трехкратное повторение одного и того же состояния, указание на три особенности предмета, которому дается оценка и т. д. Эта закономерность известна из риторики: давно было замечено, что в ораторской речи для создания нужного эффекта мысль, варьируясь, повторяется трижды. То же имеет место и в обыденной речи при выражении эмоций и оценок.

При этом, естественно, возможны различные семантические отношения между компонентами высказывания. Вот, например, выражение отрицательной оценки шляпы — отмечаются три отрицательных признака ее: *Снимая свою шинельку, шляпу, которая вечно у него была измятая, дырявая, с оторванными полями* (Достоевский). Оценки могут образовывать градацию: *И вот я стала пошлой, дрянной женщиной, которую всякий может презирать* (Чехов). Последняя номинация носит обобщающий характер. Обобщенное обозначение часто занимает последнее место в ряду синонимических номинаций и оно подчеркивает тем самым категоричность суждения (Гак 1979, 98). В эмотивном блоке такая заключительная обобщенная номинация служит усилению экспрессивности.

Последний компонент триады может представлять собой сравнение: *Он какой-то чиновник без места (...)* Фамилия его Горшков; *такой седенький, маленький, ходит в таком засаленном, в таком истертом платье, что больно смотреть; куда хуже моего* (Достоевский).

Еще пример:

— *Ты у меня в неделю поправишься, — сказала бабуля, обращаясь к Саше, — только вот кушай побольше. И на что ты похож! — вздохнула она. — Страшный ты стал! Вот уж подлинно, как есть, блудный сын* (Чехов).

Три последних высказывания «бабули» образуют эмоционально-оценочный блок. Они соотносятся с одним и тем же денотатом, но экспрессивность их создается разными средствами: устойчивым оборотом фразеологического характера (первое), использованием экспрессивной лексики *страшный* (второе), сравнением, образностью (третье).

Завершающий компонент трехзвенного блока может заключать в себе иронию: *Посылаю вам вашу книжку обратно. Это пренегадная книжонка! — и в руки брать нельзя. Откуда выкопали вы такую драгоценность?* (Достоевский).

Как отмечалось выше, принцип построения эмотивного блока — его полное или частичное варьирование. Структурно-семантические отношения между компонентами триады могут принимать различную конфигурацию. Сходные элементы могут сосредотачиваться в начале блока (A1 + A2 + B), в конце блока (B + A1 + A2), либо занимать крайние позиции в блоке (A1 + B + A2). Например: A1 + A2 + B: *Какой хорошенький мальчик! — сказала дама. — Чей это? Казимир Михайлович, посмотрите, какая прелесть! Боже мой, он спит. Бу-туз мой милый...* (Чехов). Здесь два первых эмотива — синонимические определения; последний имеет форму обращения. B + A1 + A2: *Вы Федору-то благодетельствовали, родная моя! Это доброе дело вы сделали, друг мой; Это вы очень хорошо сделали. Доброе дело!* (Достоевский). Здесь можно усматривать даже четырехзвенный блок: B + A1 + A2 + A3. A1 + B + A2: *...В Полтаве на ярмарке она играла изумительно. Один восторг! Чудно играла!* (Чехов). Выше отме-

чалось, что градация может идти по линии обобщения; в таком случае она может принимать форму перехода от описания факта к описанию качеств субъекта действия. В первых эмотивно-оценочных высказываниях сообщается отношение говорящего к конкретным действиям, о которых идет речь. В конце эмотивного блока говорящий интерпретирует эти факты как проявление общих свойств деятеля. Иллокутивная сила здесь создается не за счет повторного выражения говорящим его отношения или чувств, а за счет общей квалификации субъекта действия: подчеркивается, что субъект способен всегда действовать таким образом в силу определенных своих качеств: *Стало быть, ему хотелось поучить нас, как надо писать и что нужно играть. Наконец, это становится скучно. Эти постоянные вылазки против меня и шпильки, воля ваша, надоедят хоть кому. Капризный самолюбивый мальчик!* (Чехов). *Пьеса чрезвычайно понравилась. Странная она какая-то, и конца я не слышал, и все-таки впечатление сильное. Вы талантливый человек, вам надо продолжать* (Чехов).

После заключительного суждения вряд ли имеет смысл что-либо добавлять. Любые неприятные действия человека, о котором идет речь, можно интерпретировать, как проявление этой его общей черты. Такая оценка оказывается завершающей (по принципу: «что уж тут дальше говорить!»).

Сверхфразовое единство начинается с более нейтрального высказывания; лишь глагол *поучить нас* показывает отрицательное отношение к пьесе и ее автору. Затем дается уже эксплицитная оценка пьесы, отмечаются факты отрицательного поведения критикуемого персонажа, все это завершается общей оценкой его характера, подчеркивающей закономерность отрицательных поступков, которые предстают лишь как частное проявление этих свойств. В данном случае речь идет об общих свойствах отдельного человека. Повышенной эмоционально-оценочной силой обладают и общие высказывания, апеллирующие к общей человеческой практике согласно схеме: *Ты поступил нехорошо. Так никто не поступает*. Обобщенное высказывание подчеркивает нежелательность поступка.

Кант сравнивал эмоцию с водой, прорывающей плотину (Parral 1986, 124). Нередко под влиянием аффекта говорящий пускается в длинную тираду, описывающую или изображающую его чувства. Он паникует все новые и новые детали, не будучи в состоянии остановиться. Эмотивный блок при этом может быть весьма большого объема: *Ах, как я грустно помню наши печальные сборы! Как я плакала, когда прощалась со всем, что так было мило мне. Я помню, что я бросилась на шею батюшке и со слезами умоляла остаться хоть немного в деревне* (Достоевский).

Вот как описывает Чехов чувства, испытываемые помещиком Грябовым к англичанке-гувернантке:

... *Вчера в Хапоньеве преосвященный служил, а я не поехал, здесь просидел вот с этой стерлядью ... с чертовкой этой...*

Да черт с ней, все одно, ни бельмеса по-русски не смыслит. Ты ее хоть хвали, хоть брани — ей все равно! Ты на нос посмотри! От одного носа в обморок упадешь! Сидим по целым дням вместе, и хоть бы одно слово! Стоит, как чучело, и бельмы на воду тарачит.

... *Живет дурища в России десять лет, и хоть бы одно слово по-русски!.. Ты посмотри на нос! На нос ты посмотри!*

... *О женихах, небось, мечтает, чертова кукла. И пахнет от нее какой-то гнилью ... Возненавидел, брат, ее. Видеть равнодушно не могу! Как взглянет на меня своими глазницами, так меня и покорбит всего, словно я локтем о перила ударился* (Чехов).

Фразы, выражающие отношение Грябова к англичанке (Черт с ней... и т. п.), перемежаются с предложениями, аргументирующими это отношение, описывающими отрицательные ее черты. Обращает на себя внимание трехкратная «критика» носа англичанки: все три предложения, имея идентичный лексический состав, различаются расположением слов. Такое варьирование словопорядка — частое явление при изображении эмоций в тексте.

Поток экспрессивных высказываний несомненно обладает большой эмотивной силой. Но имеется и другой прием, обладающий подчас не меньшей силой в выражении эмоций. В риторике, которая представляет собой превращенное в искусство сублимированное речевое поведение людей, отмечается выразительность фигуры умолчания (Дюбуа и др., 243). В следующем разделе мы будем говорить об умолчании как своеобразной «нулевой» номинации. На основе умолчания строятся некоторые типы эмотивных предложений с формальным или отсутствующим интенсификатором. Впечатление от красоты может быть усилено различными интенсификаторами: *Она очень красива; Она потрясающе красива; Она красоты необыкновенной*. Но не менее сильными средствами являются формальные интенсификаторы как, какой, так, такой: *Какая она красивая! Она так красива!* Формальные интенсификаторы широко употребляются в эмотивных высказываниях и выше мы видели примеры этому.

Еще большей эмотивной силой обладают предложения с опущенным интенсификатором, возможные в языках с артиклем: *Elle est d'une beauté!*.. (букв. *Она красоты!* говорящий как бы не находит слов, чтобы выразить степень красоты).

Поэтому иногда в текстах, особенно в драматических произведениях, отмечается пауза, молчание как проявление особо интенсивного чувства. Однако лишенная означенного пауза не может быть предметом лингвистического анализа; к тому же она расплывчата: авторы упомянутой «Общей риторики» отмечают, что при умолчании получателю сообщения предоставляется возможность добавлять если не знаки, то семы, выбор которых оказывается произвольным (Дюбуа и др., 243).

В связи с этим, наряду с нулевой формой для выражения вышней интенсивности чувства или оценки, используются косвенные выкла-

звания: в момент высшего накала чувства или переживаний говорящий произносит абсолютно нейтральную фразу, подчас даже энциклопедического содержания, которая не имеет никакого отношения к данной ситуации. Не желая или будучи не в силах найти адекватное выражение чувству, говорящий «разряжается», сообщая какую-нибудь банальность, задавая неуместный вопрос и т. п. Такое использование косвенного высказывания свойственно, в частности, стилистике Чехова, который вообще один из первых в мировой литературе стал широко пользоваться косвенными высказываниями для описания глубоких переживаний персонажей.

Вот пример подобного косвенного высказывания, в котором полная внешняя «академическая» бесстрастность отображает глубокие чувства, переполняющие человеческое существо: Треплев. *Мы одни*. Нина. *Кажется кто-то там...* Треплев. *Никого. Поцелуй*. Нина. *Это какое дерево?* Треплев. *Вяз*. Нина. *Отчего оно такое темное?* Треплев. *Уже вечер темнеют все предметы. Не уезжайте, умоляю вас* (Чехов).

Другой прием заключается в употреблении эмотивов отвлеченного в данной ситуации значения. Говорящий не в состоянии выразить все свои чувства, вызванные данной ситуацией, и он экстериоризирует свое эмоциональное состояние лишь с помощью междометий или обращений. Этот случай заслуживает того, чтобы остановиться на нем более подробно. В чеховском рассказе «Невеста» бабушка и мать радостно встречают приехавшую после долгого отсутствия Надю.

Бабушка, совсем уже старая, по-прежнему полная и некрасивая, схватила ее руками и долго плакала, прижавшись лицом к ее плечу, и не могла оторваться. Нина Ивановна тоже сильно постарела (...).

— Милая моя! — говорила она, дрожа всем телом, — Милая моя!

Чувства обеих женщин были настолько сильны, что бабушка не находила слов («нулевое означающее»), а мать все свои переживания вкладывала в обращение — отвлеченное в данной ситуации средство выражения переживаний. Разумеется, большую роль играет здесь интонация.

Аналогичную функцию выполняет и обращение в конце высказывания:

— Ах, боже мой, — заволновалась Надя — отчего вы не лечитесь, отчего не бережете своего здоровья? Дорогой мой милый Саша, — проговорила она и слезы брызнули у нее из глаз (Чехов).

Итак, нулевая форма и косвенные высказывания выступают как выражение крайней степени проявления чувств.

Эмотивная сила высказывания увеличивается при противопоставлении, в связи с чем эмотивный блок содержит две части: позитивную, в которой излагается оценка данного объекта или события, и негативную, в которой дается противоположная оценка предметов, сопоставляемых с первыми.

Противопоставляться могут объекты, принадлежащие к одному классу, например, южная природа и северная природа: *У нас природа*

грустнее, лиричнее, ласкательнее, здесь же она — ни то ни се, точно хорошие, звучные, но холодные стихи (Чехов).

Нередко противопоставляются объекты, принадлежащие к разным онтологическим классам, но объединяемые в одном прагматическом классе (о двух типах этих логических классов см. Гак 1988), например, погода и людское окружение: *Погода весенняя, тепло и светло, море как море, но люди в высочайшей степени нудные, мутные, тусклые. Море прекрасно. Прекрасны пароходы. Но публика некультурная, нудная* (Чехов).

И, наконец, могут противопоставляться факты внешнего мира и внутреннего психологического состояния человека: *Я в Ялте, и мне скучно, даже весьма скучно... Не потому скучно, что около меня нет моих «дам», а потому, что северная весна лучше здешней, и что ни на одну минуту меня не покидает мысль, что я должен, обязан писать. Писать, писать и писать* (Чехов).

Наряду с формированием эмотивных блоков, другим важным приемом, используемым в синтаксисе эмоций и оценок, для придания им большей силы и категоричности, является аргументация. Аргументация основана на причинных отношениях. Она усиливает обе функции аффективности в речи: с одной стороны она подчеркивает мотивацию говорящего субъекта, пробуждает аффективный заряд, способный обеспечить активное участие субъекта в действии, с другой — она дает доводы для убеждения собеседника, пробуждая его присоединиться к предлагаемой точке зрения (Oleron, 66).

В логике отмечается ряд типов аргументации, все они встречаются в эмоционально окрашенной обыденной речи. Прежде всего это *argumentum ad rem* — ссылка на обстоятельства, на факты, на прецедент, на особенности объекта, оправдывающие высказываемую оценку или выражаемые чувства. Так нередко обосновывается оценка, даваемая предметам: *К дому помещика Грябова подкатила прекрасная коляска с каучуковыми шинами, толстым кучером и бархатным сиденьем* (Чехов).

Детали коляски: каучуковые шины, бархатное сиденье и даже толстый кучер обосновывают положительную оценку предмета (прекрасная коляска). Обращает на себя внимание трехзвенная композиция, характерная, как отмечалось выше, для эмоционально-оценочных структур.

Макар Девушкин описывает с состраданием своего соседа: *Жалкий, хилый такой...; коленки у него дрожат, голова дрожит...; робкий, боится всех, ходит стороночкой... Уж я застенчив подчас, а этот еще хуже* (Достоевский).

Чувство жалости к соседу аргументируется и внешним видом его, и особенностями его характера и поведения. Типично и построение высказывания: вначале две двухзвенные структуры, затем — трехзвенная, завершающаяся сравнением. В обыденной речи, так же как и в риторике, сложное синтаксическое целое организуется, если

ользоваться выражением французских стилистов, *par masses croissantes*, то есть по линии увеличения объема компонентов.

Описание фактов, аргументирующих оценку, может включаться между собственно оценочными высказываниями: *Что за прелесть а ней цветы! Пунцовые крестиками. Где это вы достали такую орошенькую гераньку?* (Достоевский).

Сначала Варвара дает оценку цветам, затем объясняет, чем ей понравились они, потом заканчивает подтверждением своей оценки ветов. Выше мы говорили о цикличности в структуре эмотивного лока. Здесь цикличность сохраняется, с той разницей, что срединное место занимает не иное выражение эмоции, а аргумент.

Аргументирующие высказывания в свою очередь могут быть оценочными: *Впрочем, и старик был подчас пренесноснейшим существом на свете. Во-первых, он был ужасно любопытен, во-вторых, азговорами и расспросами, самыми пустыми и бестолковыми, он оминутно мешал сыну заниматься и, наконец, являлся иногда в стрезвом виде* (Достоевский).

Менее часто, чем *argumentum ad rem*, используется *argumentum ipse dixit*, то есть ссылка на мнение лица, обладающего авторитетом в глазах говорящего: *Со временем я узнала его еще лучше, короче. Он был до-рейший, достойнейший человек, наилучший их всех, которых мне стречать удавалось. Матушка его всегда уважала* (Достоевский).

В устах Вареньки ссылка на мнение ее матери безусловно подкрепляет ее собственное суждение о человеке.

Аргументация позволяет значительно усилить воздействие эмоционально-оценочного блока на слушающего. Она призвана показать объективность суждений говорящего и убедить слушающего в оценке, которую дает говорящий. Нередко эмоциональная оценка опирается на техническую, отображающую объективные положительные стороны лица (предмета), позволяющие ему выполнять соответствующую функцию:

— *И эта хороша у тебя невестка! Все значит в ней на месте, се гладенько, не громыхает, вся механизма в исправности, винтов много.* (Чехов). Эти слова принадлежат мастеру-ремонтнику, который по каждому человеку или вещи судил только со стороны прочности: не нужен ли ремонт».

Аргумент нередко предшествует эмоциональной оценке:

Всю капусту потлкли, окаянные, чтоб вам переколеть, трижды пафемы, язвы, нет на ва погибели! (Чехов).

Усиление аргументации достигается также с помощью «ораторской предосторожности» (*précaution oratoire* французских стилистов), благодаря которым говорящий выступает как объективный судья и повышается доверие к его словам. Обычно подобные оговорки формируются по схеме: *Он хороший, но... или хотя...*. Вот некоторые примеры: *Ялте познакомился я с Леонидом Оболенским. Умный человек, но производит впечатление человека, которого учили, учили и заучили,*

у него ни одна фраза не обходится без эмоции. С ним нескучно, впрочем и педантства в нем нет (Чехов).

Как видно из примера, и в данном случае возможна трехзвенная организация, причем первый компонент блока — положительная оценка, второй содержит отрицательную оценку, третий — снова положительную. Эти «колебания», с соответствующими лексическими маркерами (*но, впрочем*) не только дают более всестороннюю характеристику объекта, но и подчеркивают объективность говорящего, усиливая воздействие на воспринимающее лицо. Еще один пример: *Н. М. Медведева, простая, купчихообразная, напуганная жупелами, но милейшая старуха* (Чехов).

В такого рода аргументации проявляется «закон инверсии» аргументов (*Anscombre, Ducroi, 109*); можно было бы сказать: *«милейшая, хотя и простая, купчихообразная...»*; в рему высказывания выдвигается характеристика, которая говорящему представляется в данном случае важнейшей.

Существенной характеристикой синтаксиса эмоций и оценок является соотношение между нейтральными и эмоционально-оценочными номинациями и высказываниями в тексте. Возможны в принципе два варианта.

Нейтральная, «техническая» оценка предшествует эмоционально окрашенной: *Точно как будто плачут, да так тихо, так жалко, что у меня все сердце надорвалось* (Достоевский).

В этом предложении представлена типичная градация оценок: вначале — объективная, техническая оценка: *так тихо* (при этом интенсификатор *так* указывает на отрицательную оценку действия), затем идет субъективная эмоционально окрашенная характеристика (*так жалко*), и вся фраза завершается образным выражением, повышающим эмотивную силу всего высказывания.

Второй компонент может прояснять семантику первого, при этом в отличие от рассмотренных выше случаев, эмоционально окрашенный компонент выступает как аргумент к событию, изложенному в более нейтральном высказывании: *А меня тянет сюда к озеру, как чайку... Мое сердце полно вами* (Чехов).

Другой вариант — препозиция оценочного компонента по отношению к нейтральному, диктальному — встречается значительно чаще. Нам уже приходилось отмечать, что эмоциональный элемент, выражающий оценку или эмоциональную реакцию говорящего на сообщение, предшествует нередко диктальной части высказывания (*Гак 1984, 169–172*). Это явление подробно описывалось Е. М. Вольф (*Вольф, 179* и след.) и Н. Д. Арутюновой (*Арутюнова, 92* и след.). Оценочный, субъективный элемент имеет тенденцию предшествовать объективному, диктальному (обозначению самого события) на всех уровнях структуры речи: на уровне словосочетания, на уровне предложения и на уровне сверхфразового единства и целого текста.

На уровне словосочетания эта тенденция не сразу становится заметной в русском языке, где, например, любые прилагательные или

наречия, независимо от того, являются ли они оценочными или нет, предшествуют соответственно существительному или глаголу. Но во французском языке прилагательные обычно следуют за существительными и препозиция их в большинстве случаев связана с приобретением ими субъективно-оценочного оттенка значения, что приводит иногда к значительному изменению значения. Ср.: *des livres sacrés* «священные книги» и *un sacré menteur* «чертов враль». То же касается и наречий: наречие *sûrement* сохраняет свое объективное значение только в постпозиции, в препозиции оно приобретает модальное значение: *Qui va lentement, va sûrement* «Кто идет медленно, тот идет уверенно» и *Il va sûrement pleuvoir* «По-видимому, пойдет дождь». Эти факты подтверждают тенденцию помещать оценочные элементы высказывания до собственно диктума.

Оценочные модусы, какими бы частями речи они ни выражались, тоже обычно предшествуют диктуму: *Просто жаль, что жизнь течет так однообразно и вяло* (Чехов). *Не удивляйтесь, что я так поздно собрался благодарить вас за камни* (Чехов). *Мой идеал — быть праздным и любить полную девушку. Для меня высшее наслаждение — ходить или спать и ничего не делать; любимое мое занятие — собирать то, что не нужно ... и делать бесполезное* (Чехов).

В русском языке оценка может быть выражена вводным словом, но характерно, что это часто помещается в предикативной паузе — между подлежащим и сказуемым, — однако, все же перед сказуемым, основным выразителем диктума: *Он, к сожалению, ушел*.

И, наконец, в рамках сверхфразового единства оценочное высказывание нередко предшествует описанию самого события. Наблюдается определенная тенденция открывать повествование эмотивным элементом или целым эмоционально окрашенным высказыванием или же, напротив, заключать его эмоционально-оценочной фразой. Так формируется эмоционально-оценочная рамка высказывания (сверхфразового единства, текста).

В одних случаях представлены только инициальные звенья этой рамки: Э — Н (эмоциональное — нейтральное), в других — конечные (Н — Э), в третьих — оба элемента, так что сверхфразовое единство действительно оказывается заключенным в такую эмоционально-оценочную рамку (Э — Н — Э). Повествования повышенной эмоциональности могут прерываться эмотивными фразами, так что текст приобретает структуру: Э — Н — Э — Н — Э.

Какова психологическая основа такой организации эмоционально окрашенного текста?

Современная психология отмечает, что эмоциональное состояние, эмоции в структуре человеческой деятельности выполняют мобилизующую или компенсационную функцию. Мобилизующий характер эмоций заключается, как отмечалось выше, в подготовке нервной системы человека к деятельности, в том числе, разумеется, и к речевой деятельности. Эмоции стимулируют речевой акт, они способствуют «развязыванию», началу речевого акта, а также помогают

оказывать воздействие на слушающего, убедить его, заставить его слушать сообщение. Этим и объясняется, по-видимому, препозиция эмоционального компонента в структуре языкового целого. Показательно, что междометие — специализированное языковое средство выражения — обычно стоит в начале предложения. Многие другие эмотивные элементы (ласкательные или бранные слова, обращения) также обычно открывают высказывание. Начиная речь с фразы *Случилось то-то, произошла такая-то (страшная, удивительная) история*, говорящий привлекает внимание, а затем сообщает информацию. Например: *Хозяева лихо задумали... Хотят твоего купца порешить* (Чехов).

Эмоционально окрашенное предложение отбрасывает свет на дальнейшее изложение, способствует формированию определенной установки у собеседника. Вот характерный пример, в котором эмотивная формула приковывает внимание слушателя, заставляет его проявлять интерес к сообщению:

... Таким-то мы образом месяцев пять прожили; я бы не прочь и весь век с ней прожить, да судьба моя окаменная!... Петр Петрович остановился. — Что ж такое сделалось? — спросил я его с участием.

Он махнул рукой.

Все к черту пошло. Я же ее и погубил. ... (Тургенев).

Далее следует подробный рассказ о событиях. Эмотивный элемент может выполнять и компенсационную функцию; он используется, когда говорящему «не хватает слов», чтобы выразить свое отношение к объекту или дать ему оценку. Эту роль он нередко приобретает в конце высказывания. Эмоциональной формулой говорящий завершает речевой акт, как бы подчеркивая, что дальше говорить уже не о чем. Вот рассказчик описывает человека, поразившего его своей внешностью:

... Я не тотчас ему ответил: до того поразила меня его наружность. Вообразите себе карлика лет пятидесяти с маленьким, смуглым и сморщенным лицом, острым носиком, карими, едва заметными глазками и курчавыми, густыми черными волосами, которые, как шляпка на грибе, широко сидели на его сморщенной головке. Все тело было чрезвычайно тщедушно и худо, и решительно нельзя передать словами, до чего был необыкновенен и странен его взгляд (Тургенев).

Абзац начинается оценочным элементом (*до того поразила меня его наружность*), привлекающим внимание читателя, далее следует «техническое» описание со вкраплением оценочных номинаций (*носик, глазки, крошечная головка, тщедушное тело* — по отношению к взрослому человеку). Завершается он опять-таки оценочной формулой: *нельзя передать словами*, после чего дальнейшее становится излишним.

Эмоционально-оценочное и нейтрально-фактическое в акте речи и в тексте постоянно взаимодействуют, проникают одно в другое, подкрепляют друг друга. В одних случаях эмотивные элементы служат

амкой диктальных, являются мостиками между ними. В других — нейтральные элементы являются как бы заполнителями промежуточных, структурной опорой в эмоционально-окрашенном тексте.

В заключение приведем пример эмоционально-оценочной рамки в роостранстве целого произведения. В этом отношении показательна структура повести «Митина любовь» И. А. Бунина.

Повесть состоит из 29 небольших глав. Четырнадцать из них начинаются с квалификации (положительной или отрицательной) переживаний героя или предстоящих событий. Девятнадцать раз главы завершаются оценкой (положительной или отрицательной) чувств Мити или его мыслей, вызванных его переживаниями. Корпус глав наполнен описанием, подчас весьма нейтральным, соответствующих событий.

Вот примеры начальных блоков, содержащих эмоционально-оценочные элементы (цифры указывают на номера глав).

I. В Москве последний *счастливый* день Мити был девятого марта.

II. Потом все шло как будто *по-прежнему* [то есть, счастливо].

III. В день экзамена Кати (...) как будто особенно подтвердилась *ся правота Митиных мучений*.

VIII. В деревне жизнь началась днями *мирными, очаровательными*.

IX. Первый раз жил он теперь дома взрослым (...) *с настоящей любовью в душе*.

X. Только раз в это первое время напомнила о себе Катя *зловеще*.

XXV. Возвращались *безобразно*.

XXVI. День казался *бесконечным*.

Иногда оценка дается косвенным образом — через описание природы:

XXVIII. На этой же неделе, в субботу, дождь, начавшийся еще в среду, ливший с утра и до вечера, *лил как из ведра*. (...) И весь день Митя без устали ходил по саду и весь день так *страшно плакал*...

Описание Митиных переживаний в конце глав выступает как заключение, порой как резюме событий, излагаемых в тексте главы.

Соотношение эмотивно-оценочных и нейтральных блоков в повествовании структурировано. Эмотивные блоки являются средством членения текста, они подчеркивают семантику и усиливают психологическое воздействие всего текста на адресата.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.

Гак В. Г. Повторная номинация на уровне предложения // Синтаксис текста. М., 1979.

Гак В. Г. О модально-эмоциональной рамке предложения // Новые явления и тенденции во французском языке. М., 1984.

Гак В. Г. Онтологические и прагматические классы в тексте // Язык как коммуникативная деятельность человека. М., 1988.

Дидро Д. Об искусстве. Т. 1. М., 1936.

Дюбуа Ж., Эделин Ф., Климкенберг Ж.-М., Мэнге Ф., Пир Ф., Тринон А. Общая риторика. М., 1986.

Шингарев Г. Х. Эмоции и чувства как форма отражения действительности. М., 1971.

Anscombe J.-C., Ducrot O. L'argumentation dans la langue. Bruxelles, 1988.

Oleron P. L'argumentation. P., 1987.

Parret H. Les passions. Essai sur la mise en discours de la subjectivité. Bruxelles, 1986.

Zipf G. K. La psychologie du langage. P., 1974.

2. Нулевая степень письма

Так французский семиолог Р. Барт назвал свою книгу о семиотике. Мы используем здесь это название для обозначения особого типа семиотической асимметрии, на уровне высказывания, когда в плане содержания переживаются глубокие чувства, но форма их выражения отсутствует либо она неадекватна. Большим мастером в использовании таких средств выражения (или «невыражения») был Чехов. Чехову вообще свойственно, возможно в большей степени, чем другим писателям, использование косвенных высказываний. Именно с помощью таких высказываний он передает чувства своих персонажей, чувства невысказанные, неопределенные, и употребление косвенных высказываний придает выражению этих чувств глубину и остроту. Человек словно боится высказать прямо свои переживания, то ли от того, что у него «не хватает слов», то ли из робости перед собеседником.

Можно выделить три типа нулевой номинации.

Первый заключается в неадекватности высказывания переживаемым чувствам. В момент большого душевного напряжения человек находит разрядку в том, что произносит совершенно банальную фразу (например, о погоде), либо не относящуюся к ситуации. «Нулевой» характер обозначения заключается в том, что хотя само по себе высказывание осмысленно, но оно не соответствует ситуации, которая остается без адекватного обозначения. Произносимая фраза звучит неожиданно и даже неуместно.

В других местах книги мы приводили уже примеры подобных чеховских фраз: реплика Нины в «Чайке», знаменитая реплика дяди Вани о жаре в Африке в самый трагический момент пьесы.

Приведем еще один подобный пример, из рассказа «Серьезный шаг».

Решается судьба дочери двух старых людей. Возможно в этот момент она выслушивает предложение от жениха.

Алексей Борисыч с кряхтеньем поднимается и начинает шагать по комнате ... Старуха следит за его движениями и с замиранием сердца ждет, когда он начнет говорить.

— Какая все эти дни странная погода стоит... — выговаривает старик. — Ночью холод, днем жара нестерпимая.

Старуха с «замиранием сердца» ждет, что скажет муж. А тот, сам переполненный чувствами, ничего иного, как банальную фразу о погоде. Но это неадекватное высказывание передает переживания старика рельефнее, чем какое-нибудь эмоциональное предложение.

Не спится и старикам, которые шепчутся до самого рассвета.

— Не дают мухи спать! — ворчит Алексей Борисыч.

Но виноваты не мухи, а счастье!

Этот пример — из концовки рассказа. Все окончилось счастливо: жених сделал дочери предложение. Но свое счастье старик выражает опять-таки пустой фразой о мухах. Впрочем, сам автор в последнем предложении подчеркивает этот разрыв между ситуацией (чувствами стариков) и формой выражения.

В рассказе «В усадьбе» бестактный хозяин задел своего гостя. Происходящий разрыв, по-видимому, навсегда. Гость уезжает.

Оба стояли на крыльце в потемках и ждали, когда подадут лошадей. Было прохладно.

— Звезда упала... — проговорил Мейер, кутаясь в пальто.

— В августе их много падает.

В глубине души оба сожалеют о происшедшем недоразумении. Но чувства их обрели экстерниоризацию в самых банальных репликах.

Второй тип нулевой номинации заключается в глоссолалии: повторение бессмысленного набора слов. Если в первом случае произносилась осмысленная фраза, хотя и не адекватная ситуации, то в данном случае само речевое действие лишено смысла.

Человек, полный переживаний или раздумий, начинает говорить (вернее, произносить) бессвязные слова, объединяемые иногда только рифмой.

Художник Рябовский в «Попрыгунье» был смущен неожиданным появлением Ольги Ивановны с ее натюрмортом, в то время, когда у него в мастерской была другая женщина.

Художник взял в руки этюд и, рассматривая его, как бы машинально прошел в другую комнату.

Ольга Ивановна покорно шла за ним.

— Nature morte... первый сорт, — бормотал он, подбирая рифму, — курорт... черт... порт...

Художник признается, что он «устал» и советует Ольге Ивановне бросить живопись. За этим следует их разрыв.

Другой пример:

Ольга Ивановна проводит последнюю ночь перед смертью Дымова.

Она думает о его болезни, вспоминает фамилию врача Шрека, и — подсознательно — свою последнюю встречу с художником Рябовским:

Ольга Ивановна лежала одетая в не убранной с утра постели и дремала. (...) Очнувшись, она вспомнила (...) болезнь Дымова.

«Nature morte, порт... — думала она, опять впадая в забытие, — спорт... курорт... А как Шрек? Шрек, грек, врек... крек. А где-то теперь мои друзья? Знают ли они, что у нас горе? Господи, спаси... избави. Шрек, грек...»

И, наконец, крайняя степень «нулевого письма» состоит в молчании, которое порой красноречивей, чем любые слова, отражает чувства человека.

Шекспир писал в 23-м сонете:

Так я молчу, не зная, что сказать,
Не оттого, что сердце охладело.
Нет, на мои уста кладет печать
Моя любовь, которой нет предела.

Нулевой способ выражения оказывается сильнее всяких слов. Такое молчание от избытка чувств описывает Чехов в рассказе «О любви»:

Мы беседовали подолгу и подолгу молчали, думая каждый о своем, или же она играла, мне на рояле.

Мы подолгу говорили, молчали, но мы не признавались друг другу в нашей любви и скрывали ее долго, ревниво. Мы боялись всего, что могло бы открыть нашу тайну нам же самим.

Я и Анна Алексеевна ходили вместе в театр, всякий раз пешком; мы сидели в креслах рядом, плечи наши касались, я молча брал из ее рук бинокль и в это время чувствовал, что он близка мне, что она моя, что нам нельзя друг без друга.

Мы молчали, и все молчали, а при посторонних она испытывала какое-то странное раздражение против меня; о чем бы я ни говорил, он не соглашалась со мной...

Герои рассказа молчали, боясь признаться друг другу в своих чувствах.

Итак, существует три степени «нулевого выражения»: неадекватное высказывание, глоссолалия, молчание. Отсутствие означающего не всегда значит отсутствие означаемого, напротив, отсутствие означаемого может означать, что означаемое настолько значимо, что для него не находится адекватного означающего.

ГЛАВА V

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЯХ

В этой и последующих главах будут представлены примеры семантической эволюции номинаций преимущественно на языковом уровне, в рамках слов и словосочетаний. В данной главе рассматриваются взаимоотношения семантических полей, переходы из одного поля в другое. В качестве примера взяты слова, связанные с полем «мысль» и «речь», а также «пространство» и «время». Конечной точкой семантической эволюции слова является десемантизация, превращение в междометие, служебный элемент. Такую тенденцию проявляют речевые слова, которыми и завершается глава.

1. Пространство мысли

(опыт систематизации слов ментального поля)*

Пространство, охватываемое мыслью, безгранично. Мысль — связующее звено между действительностью и языком. Все идет от действительности через мысль в язык, и все от языка возвращается через мысль в действительность. Декарт говорил, что мысль это все, что в нас, и противопоставлена она только пространству и материи. Все лексические единицы, соотносящиеся с понятием «мыслить», образуют ментальное поле. Для определения границ поля, его внутренней структуры и соотносительности с другими семантическими полями необходимо, так же как и при исследовании любых других полей в языке, идти в двух противоположных направлениях: со стороны содержания и со стороны языковой формы.

В плане содержания (это особенно важно для установления внутренней структуры поля) следует принимать во внимание труды по философии и психологии, рассматривающие проблему мышления, его содержание, генезис и аспекты.

В плане языковой формы необходимо выявить все слова и значения слов, связанные с понятием мысли. С этой целью исследуются: 1) слова с первичным ментальным значением, со всей их многозначностью; 2) переносные значения слов иных семантических полей; 3) словообразование; 4) словосочетания со словами ментального поля; 5) этимология слов ментального поля.

Ментальное поле представляет собой нечетко очерченное поле, имеющее однако достаточно четкое ядро. Вследствие этого оно может быть представлено в плане радикальной типологии, при которой в центре поля оказывается наиболее репрезентативный элемент, которому — на основании различных признаков основного явления — противопоставлены другие элементы поля. Каждая оппозиция формирует определенный сектор поля. Находящиеся внутри секторов элементы могут подвергаться различным типовым модификациям, по которым противопоставляются элементы уже внутри секторов. Поле ментальности взаимодействует с другими полями, создавая перекрывающиеся ареалы. Эти другие поля образуют «ближнее и дальнее зарубежье» ментального поля. Взаимодействие ментального поля с другими идет в двух направлениях: слова ментального поля приобретают значения, свойственные другим полям, и слова иных полей приобретают ментальные значения. По техническим причинам мы не можем представить здесь графически структуру ментального поля и поэтому перечислим еще раз его компоненты: 1) центр поля; 2) секторы, определяемые основными параметрами мышления; 3) модификации внутри секторов; 4) ближние соседи; 5) дальние соседи.

Центр поля. В центре ментального поля в русском языке находятся глагол *думать* и существительное *мысль*, соответственно в английском *to think* и *thought, idea*, во французском *penser* и *pensée, idée*. Обращает на себя внимание лексический супплетивизм центрального элемента. Это явление, более частое, чем думается, особенно в аспекте речи, характерно для ментальных лексических единиц, у которых объем значения более зыбок и сдвиги в значениях особенно легки. Ср. формальное соответствие *думать* — *дума, мыслить* — *мысль* и реальное наиболее частое *думать* — *мысль*. В английском и французском языках мы имеем дело с частичным супплетивизмом (частичной асимметрией): одному глаголу соответствует два имени, из которых одно того же корня, что и он.

Уже в семантической структуре ядерных слов, в их различных значениях, заложены многие из тех секторов («субполей»), которые в составе всего ментального поля представлены многочисленными лексическими единицами. У глаголов *думать, to think, penser* словари выделяют следующие значения: 1) мыслить, размышлять; 2) иметь мнение; 3) полагать, считать, предполагать; 4) намереваться, собираться делать что-л., замышлять; 5) представлять себе, воображать; 6) подзревать; 7) помнить о; 8) рассчитывать; 9) заботиться.

Основные параметры и секторы поля. Рассмотрим основные параметры, определяющие оппозиции элементов ментального поля. Эти

* Впервые опубликовано: Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.

параметры и оппозиции лежат в основе выделения секторов поля. Абсолютно четкая классификация здесь невозможна ввиду того, что признаки субполей во многих случаях пересекаются. В целом можно отметить следующие параметры мыслительного процесса и их отражение в группировке лексических единиц.

1. Ситуация ментального процесса. Мышление представляет собой процесс, и как всякий процесс предполагает такие компоненты как субъект, сам процесс, объект, второй объект (бенефициент), место, орудие, характеристику процесса, временной параметр. Исходя из трех основных компонентов: Субъекта — Процесса — Объекта формируются две базовые модели:

а) Безобъектная модель. Она описывает сам процесс мысли: *мыслить* (сogito); *размышлять*; *иметь знания*; *медитация* (+ «интенсивность»); *мечтание* (+ «интенсивность» + «несоответствие действительности»).

Иногда синтаксически безобъектная структура выражает по сути дела безобъектный процесс. Это имеет место в случае так называемого внутреннего дополнения, тавтологического по своей природе: *Думаю думу свою*. Тавтологическое дополнение позволяет выразить интенсивность либо использовать для характеристики процесса прилагательное, располагающее большими возможностями, чем наречие.

б) Объектная модель. В принципе возможны четыре вида объективных конструкций, которые могут выражать: (а) создание или уничтожение объекта; (б) его изменение; (в) его перемещение; (г) его аффицирование (действие затрагивает объект). С глаголами мысли возможны только структуры (а) и (г):

— создаваемый объект (а) — результат процесса мышления. Это понятие, суждение, умозаключение, формулировки, классификации и системы, а также мысли, сентенции, афоризмы и т. п. Само ментальное понятие в этом случае как правило заключено в именном дополнении, в качестве глагола используется глагол-оператор, описывающий создание и выражение мысленного объекта: *сформулировать мысль*; *высказать суждение*; *прийти к умозаключению*; *разработать классификацию* и т. д. Глаголы нередко составляют с именем фразеологизированные словосочетания;

— затрагиваемый объект (г) — предмет мыслительного процесса. Таким может быть а) собственно объект: *думать о ком-л.*; *узнать новости*; б) качество, местоположение объекта: *считать кого-л. каким-л.*; в) ситуация: *думать, что случилось то-то*. Ментальное понятие в этих случаях заключено в самом глаголе. Разумеется, оба типа структур и соответствующие им слова могут подвергаться более подробным классификациям.

Дальнейшие секторы поля выделяются на основании анализа структуры процесса мышления, устанавливаемой психологией.

2. Познание. Этот параметр включает в себя и понятие новизны. Сюда относятся такие слова как *узнавать*, *придумать*, *выдумать* и т. п. с различными модификациями. Само слово *мысль* может

употребляться, когда речь идет именно о новизне знания: *мне в голову пришла мысль*; *у него в работе нет никаких мыслей*.

3. Сохранение познанного: *знать*, *память*.

Мыслительная деятельность ориентирована не только на поиски фактов, но и на выявление отношений между ними. Отсюда еще два параметра.

4. Соотнесенность фактов по их признакам, поиск сходств и различий: *различать*, *сравнивать*, *обобщать*, *опознавать*, *идентифицировать*, *классифицировать*.

5. Выявление причинно-следственных связей: *понимать*, *делать вывод*, *объяснять*. Объяснение всегда осуществляется через связь с другим явлением.

6. Степень адекватности действительности. Это можно рассматривать как *техническую оценку знания*. Здесь выделяются обычно три основных рубрики:

— соответствие знания действительности (объект — реален): *знать*, *истина*, *правда*;

— неопределенность: (объект — недостоверен): *сомневаться*, *верить* (признать что-л. истинным), *считать*, *полагать*, *предполагать*, *судить*, *иметь мнение*. Последние два выражения имеют также оценочный субъективный компонент. Вместе с тем следует отметить двойкий характер субъективности. Субъективность первого рода заключается в неопределенности по отношению к действительности (*полагать*, *предполагать*), субъективность второго рода выявляется по отношению к другим членам социума (субъект мыслит не так как другие): *мнение*;

— несоответствие знания действительности (объект — нереален): *придумывать*, *лгать*, *ошибаться*, *воображение*, *иллюзии* и т. п. Многочисленные лексические единицы этой группы различаются по ряду модификаций, о которых речь будет идти дальше. Отметим, однако, уже здесь, что различие ошибки и лжи есть различие между неконтролируемым и контролируемым действием с добавлением актантных преобразований: *ошибаться* значит заменить один объект другим *не нарочно для себя*, *лгать* значит создавать несуществующий объект или заменить один объект другим *умышленно для другого*. *Воображать* значит создавать несуществующий объект для себя.

7. Временной аспект. Здесь различаются:

а) направленность в прошлое, ретроспективный процесс: *вспомнить*, *узнавать* (сопоставление нового знания с прежним);

б) направленность в будущее, проспективный процесс: *предвидеть*, *предусматривать*. Первый глагол указывает на неконтролируемое действие, второй на контролируемое. Кроме того, *предвидеть* соотносится одновременно частично и с прошлым, так как предвидение есть «информационный эквивалент результата, извлекаемый на основании прошлого опыта».

К проспективному плану относится большой круг лексических единиц — *мысль* необходима для определения деятельности: *намере-*

ваться, собираться (+ деятельность, воля), план, проект, рассчитывать; замышлять (+ новизна), а также серия слов с оценочной характеристикой: надеяться, предвкушать (+ получать удовольствие), опасаться, бояться (+ неудовольствие).

8. Характеристика. Этот параметр многопланов и мог бы стать предметом специального углубленного анализа. Ограничимся некоторыми деталями. Процесс мышления может получать различные характеристики и оценки: индивидуализирующую характеристику (образ мыслей, подход), «техническую» характеристику (думать вслух; думать по-английски), качественную и субъективную оценку (здравомыслие, думать разумно). Следует заметить, однако, что этот аспект выражается в основном в оттенках значений слов, а не в особых лексемах.

Модификации. Независимо от своего конкретного содержания процессы могут подвергаться различным модификациям, которые могут касаться как модуса высказывания, так и диктума, иначе говоря, как отношения говорящего к событию, так и самого события. Эти модификации проходят через лексические единицы всех секторов поля, но не обязательно образуют оппозиции для каждой отдельной единицы. Выше, приводя примеры единиц различных секторов, мы упоминали некоторые из этих модификаций. Рассмотрим их в некоторой системе.

А. Модификации, относящиеся к диктуму, характеризующие сам процесс.

1. Фазы процесса. Модификации могут указывать на начало, продолжение или конец процесса. Продолжение процесса нередко равнозначно состоянию, например: *узнать — знать — забыть; запомнить — помнить — забыть.*

2. Временная протяженность. И. М. Сеченов говорил, что мысль это рефлекс с замедленным концом. Следовательно мышление может характеризоваться протяженностью и результативностью, подобно другим процессам. Эти аспекты мышления могут получать специальное отражение в значениях некоторых лексем. Например, протяженность — ограниченная или длительная — представлена в глаголах *размышлять, подумать немного.* Завершенность и результативность отражается в словах *додумать, догадаться, решить, прийти к правильному заключению.*

3. Интенсивность. Она отличается от временной протяженности направленностью внутрь самого процесса и представлена в словах: *продумывать, думы, мечтания, медитация.*

4. Актантные и залоговые модификации. Они играют важную роль в дифференциации слов ментального поля. В процессе мышления и особенно в процессе передачи мысли помимо 1-го лица может участвовать и 2-ое. Первое лицо может получать информацию, но оно может и передавать ее. Актантно-залоговые модификации различают глагольные пары: *помнить — напоминать; знать — сообщать; ошибиться — запутать; понимать — объяснить; думать,*

иметь мнение — наводить на мысль, убеждать. Иногда мы имеем дело с более сложными актантными отношениями. *Соглашаться* значит не просто «знать, верить», но «верить в правильность того, что исходит от другого лица», *убедить* — «заставить согласиться другого».

5. Интерперсональность. Эта модификация указывает на соучастие разных субъектов в одном процессе. Соучастие может быть солидарным или антагонистичным. Оно может быть частным (типа «помочь») или полным (типа «сотрудничать»). Так, глагол *советовать* указывает на частичное соучастие. Слова *обсуждение, обмен мнениями, совещание* указывают на полное и равноправное соучастие в мыслительном процессе. *Спор* обозначает полное, но антагонистическое соучастие в процессе достижения истины.

Б. Модификации, относящиеся к модусу и характеризующие отношение субъекта к процессу.

6. Отрицание. Эта модификация затрагивает в одних случаях модус, в других в большей степени диктум. Таковы оппозиции: *согласие — отрицание, возражение; внимание — пренебрежение; надеяться — отчаиваться.*

7. Эмоционально-оценочный компонент. С мыслью об объекте могут быть связаны положительные или отрицательные эмоции субъекта. Этот компонент лежит в основе оппозиции многих слов ментального поля, их значений: *подозревать, думать на кого-л.* (видеть плохое в объекте); *уверенность, надежда* (предполагается нечто хорошее) — *отчаяние* (будущее несомненно плохое); *вспоминать* (нейтральное) — *сожалеть* (выражается хорошее отношение к утраченному прошлому). Оценочный компонент представлен в глаголах *считать кого-л. каким-л., судить о ком-л. как-л., думать о ком-л. как-л.*

8. Отношение. Эта модификация тесно переплетается с предыдущей. Но все же ее можно выделить в отдельную сущность. Отношение может быть индивидуальным и социальным. Первое отражает позицию говорящего относительно какого-либо факта. Например: *Что вы думаете о нем?* (= как вы относитесь к нему?). Последние примеры в предыдущем параграфе по сути дела выражают такое же индивидуальное отношение. Социальное отношение указывает на положение мыслящего определенным образом индивидуума в обществе с точки зрения общепринятых норм. Этот компонент представлен в словах: *свободомыслие, инакомыслие, конформизм,* а также *оригинальность, пошлость* (об оригинальной или пошлой мысли).

Ближайшие соседи. Семантические поля, составляющие ближайшее окружение ментального поля, определяются генезисом мысли, ее положением в общей структуре деятельности человека, этапами рече-мыслительного акта. Всякий процесс имеет свою причину (субстрат) и следствие, а также сопутствующие обстоятельства. С этой точки зрения мыслительный процесс может быть представлен следующим образом:

<i>субстрат</i>	—	<i>мышление сопутствующий фон</i>	—	<i>следствие</i>
ощущение восприятие представление		чувства, оценки		говорение действие (+ воля)

Лексические единицы, относящиеся к каждому из шести элементов, окружающих процесс мышления, тесно соприкасаются с единицами ментального поля, легко переходят в зону самого мышления, а ментальные единицы, в свою очередь, приобретают вторичные значения, относящиеся к этим полям.

Так, глагол *думать* может выражать ощущение: *он подумал было, что* (= у него было такое ощущение, что...).

Слово *представление* может выражать мысль, знание в ослабленной форме: *у него нет никакого представления об этом*.

Но особенно тесны связи между глаголами мышления и глаголами восприятия. Глаголы зрительного восприятия очень часто используются для выражения мысли: *как вы смотрите на это?* (= что вы думаете об этом); *он усматривает в этом...* (= он думает, что это...); *я вижу это иначе* (= я думаю об этом по-другому) и т. п. Французское *voir* и особенно английское *to see* (*I see*) являются ходовыми аналогами глагола «думать». Слова, обозначающие слуховые ощущения, также могут переходить в ментальное поле. Русский глагол *внимать* значит «слушать», но его производное *внимание* уже целиком относится к ментальному полю, обозначая мысль, направленную на объект. Французский глагол *entendre* значит и «слышать» и «понимать». Такую же эволюцию могут претерпевать и слова, обозначающие вкусовые ощущения. Латинский глагол *sapere* «ощущать вкус чего-л.» в романских языках приобрел значение «знать» (ср. франц. *savoir*).

Мышление практически неотделимо от говорения, о чем свидетельствуют такие поговорки, как *говорить не думая; сначала подумай, потом говори*. Связь мышления с говорением проявляется в наличии значительного числа единиц, выражающих синкретично оба значения: *заявлять, уверять, уговаривать* и т. п. В употреблении многих глаголов говорения «мысль вытесняет речь». Например: *Гегель говорит, что...* значит фактически «Гегель считает (думает), что...». Выражение *по его словам* фактически значит часто «по его мнению, он думает, что...».

Наконец, поскольку мысль является «преддверием» действия, ментальные слова приобретают значение определенного действия. Так, «думать» во многих языках приобретает значение «заботиться»: *ты думаешь только о себе*. Особенно наглядно связь между мыслью и действием проявляется в проспективных лексических единицах: *решишь, намереваться* означают «подумать, чтобы сделать», такое же значение имеет и сочетание *он думает сделать*.

Наш перечень ближайших соседей ментального поля оказался бы неполным, если бы мы не отметили названия частей тела, с которыми связывается процесс мышления и которые предстают одновременно как орудия и место этого процесса. Прежде всего это касается слов *голова, мозг*. Они широко используются для обозначения процесса мышления или различных его характеристик в составе фразеологизированных речений или метонимически: *придти в голову, где была твоя голова?, блестящий ум, у него мозги набекрень, безволовый* и т. п.

Дальние соседи. Сюда относятся семантические поля, которые непосредственно с ментальным полем не связаны, но могут все же взаимообмениваться с ним.

Движение и местопребывание. Глаголы этого поля широко используются для выражения развития мысли, динамики мыслительного процесса: *пришло в голову — держать в голове — выскочило из головы*. Также: *вбить в голову — выбить из головы*. Иногда слова получают новые значения: *до него не доходит*, значит, «он не понимает».

Обладание со всеми производными значениями: *иметь, брать, хватать, схватывать* и др. Например: *откуда вы это взяли?* (= откуда вы это узнали? что вы это придумали?). Известно, что латинский глагол *comprehendere* от значения «охватывать» перешел к значению «постигать». Современный французский глагол *comprendre* совмещает эти два значения, которые, видимо, так неразрывно связаны в сознании, что французский разговорный глагол *piger*, первоначально значивший «поймать в ловушку», приобрел значение «понимать», то есть повторилось то же самое семантическое развитие: «хватать» — «понимать».

Конкретные действия также могут пересекаться с ментальным полем. В русской разговорной речи глаголы *сечь, рубить, тлнуть* приобретают значения «понимать», «иметь умственные способности», даже «кулинарные» глаголы втягиваются в орбиту мысли: *это трудно переварить; ему надо все разжевать*. С другой стороны, глаголы мышления могут обозначать действия. Например, *это хорошо продумано* (= это хорошо сделано).

К самой дальней периферии интересующей нас области слов относятся междометия и междометные речения, образованные от слов ментального поля, такие как *подумаешь!, подумать только!, а ты думал!, что ты себе думаешь?* В подобных речениях глаголы мысли употребляются семантически избыточно и служат для выражения эмоций. И наконец, поскольку мысль не есть действие, а нечто коррелятивное, на основе слов ментального поля могут образоваться наречия, обозначающие приблизительность. Ср. англ. *a thought shorter* «чуть-чуть короче», франц. *un soupçon de lait* «чуть-чуть молока».

Итак, поле ментальности не только имеет сложную внутреннюю структуру, но и пересекается с другими семантическими полями, в

чем отражается непосредственно связь мыслительных процессов с другими аспектами человеческой деятельности.

2. Пространство вне пространства*

Пространство, наряду со временем, является основным атрибутом материи, основной формой бытия. Однако пространство легче воспринимается человеком: для того, чтобы постичь пространство, достаточно открыть глаза, повернуть голову, протянуть руки и т. п. Пространство — одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком. Оно организуется вокруг человека, ставящего себя в центр макро- и микрокосмоса. Не случайно не только пространство дифференцируется подробно языковыми средствами во всех языках, но оно оказывается в основе формирования многих типов номинаций, относящихся к другим, непространственным сферам. Многие предлоги, союзы, наречия претерпевают семантическое развитие: «пространство» → «время» → «причина» (и другие логические отношения). Пространством не только начинается познание, оно им нередко и завершается. Часто ученый считает свою задачу выполненной, когда он может представить свою теорию или результаты исследования графически: в виде схемы, таблицы, дерева и т. п. Эта финальность использования пространственных представлений в актах познания свидетельствует об их первичности: идея предела и начала здесь совпадает.

Для общей теории познания и, следовательно, для когнитивной лингвистики существенное значение имеет изучение перехода номинаций из одной сферы, из одного семантического поля в другое.

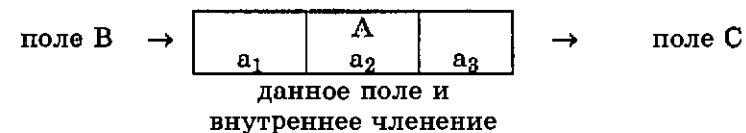
Полноценный анализ всякого семантического поля включает два основных направления исследования:

1. Исследование поля внутри него самого, выявление его членения и аспектов. Внутри поля пространства можно выделить ряд структур: 1) типы пространств (в измерениях): точка — линия — поверхность — объем; 2) организация пространства — оппозиции: центр/периферия; открытое/закрытое пространство; 3) позиции объектов, их пространственная соотношенность (относительное пространство: близко/далеко; справа/слева и т. д.); 4) направления, ориентация; координаты; 5) мера длины, расстояния, поверхности, объема и др.; 6) восприятие пространства: вид, аспект, угол, точка (зрения), подход.

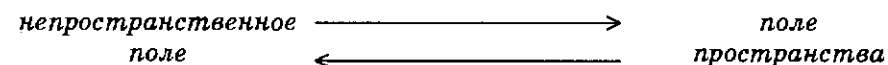
2. Исследование внешних связей и отношений данного поля с другими полями. Это направление предполагает две задачи: переход номинаций из других полей в данное поле и, наоборот, переход номинаций из данного поля в другие поля.

* Впервые опубликовано: Категоризация мира: пространство и время. М., 1997.

В целом схематически это можно представить так:

Из полей группы В берется материал для номинаций, относящихся к исследуемому полю А и находящимся в разных секторах этого поля; в свою очередь разные сектора поля А дают материал для номинаций полей группы С. Разумеется, между полем А и другими полями может происходить обмен языковым материалом, например, в нашем случае:

Таким образом, фигурально говоря, нас интересуют два процесса: вход в пространство, то есть переход из непространственных сфер понятий в пространственные, и выход из пространства, то есть переход пространственных номинаций в другие сферы бытия.

Мы рассмотрим вначале первый аспект: переход номинаций из других семантических полей в поле «пространство», иначе говоря вход в пространство.

В формировании пространственных номинаций ярко проявляется принцип, сформулированный в древности Протагором: *Nomo mensura* — «Человек — мера всех вещей». Пространственные номинации образуют четыре концентрических расширяющихся круга, происходя от понятий:

человек — дом — страна — мир

С понятием *человек* связаны понятия, касающиеся самого устройства человека и его способностей, его движений и действий, наконец, предметов (артефактов), которые он создает.

Человек ставит себя в центр мироздания. Во всех языках наименования частей тела используются для обозначения направлений или местоположения частей предметов. Например, *голова* — верх, верхняя часть предмета (исходя из положения стоящего человека) или его передняя часть (исходя, по-видимому, из положения животного): *голова колонны, поезда* и т. п. *Сердце* часто символизирует срединную позицию, что, впрочем, подтверждается и этимологией слов *середина, посреди*. *Внутри* этимологически связано со словом *утроба*. Французские выражения *à droite, à gauche* предполагают опущенное слово *рука* («по правую, левую руку»). Латинское *costa* «ребро» дало во французском языке *côté* «бок» и пространственное выражение *à côté* «сбоку, рядом». От слова *нога* произошло *подножье*.

Части тела являются мерой: *локоть, палец, стопа* → *piéd* (англ. foot), русе «большой палец» → *дюйм* и др., расстояния: *выше на голо-*

ву, глаза в глаза (близко), на полкорпуса (обогнать), ноздря в ноздю (прийти). Проявления, связанные с частями тела также используются для наименования расстояний: *в двух шагах*, а также объема: *обхват* (имеется в виду руками).

Лексемы, относящиеся к умственным способностям человека, также используются для обозначения пространственных понятий, в частности, меры. Слова *mètre, mesurer, dimension* восходят к корням, означавшим вначале «соображать, оценивать» (здесь мы имеем пример перехода от абстрактного к конкретному, хотя в системе пространственных обозначений значительно чаще встречается противоположное семантическое развитие).

Многие пространственные обозначения восходят к словам, обозначающим движения или позиции человека. Например, *расстояние* (букв. «разъединенное стояние») является калькой с фр. *distance*, восходящего к лат. *dis-stare*. *Периферия* происходит в конечном счете от греч. *peri* «вокруг» и *pherein* «нести». Из других глаголов, обозначающих действия человека и давших жизнь, путем переноса и словообразования, словам, относящимся к полю пространства, можно отметить: «хватать, брать» → *обхват, объем*; «резать» → *сектор; отрезок* (пути); «колоть» → *пункт* (то есть «укол»).

Обозначения расстояния часто связаны с действиями, осуществляемыми человеком: *в двух часах езды; в пяти минутах ходьбы; на расстоянии полета стрелы*.

Пространственные обозначения нередко восходят к наименованиям предметов, созданных человеком или замеченных им: «иглолка, ось» → *центр*; «пояс» → *зона*; фр. *espace* (от «арена») → «пространство»; фр. *volume* (от «свиток исписанных листьев») → «объем»; «льняное волокно, леска» → *линия*; фр. *frange* (букв. «бахрома») → «зона, полоса» (часто крайняя, без четких границ).

Дом указывает на замкнутое пространство, ближайшее к человеку. *Потолок* — «предел»; *окно* — «промежуток в однородной поверхности»; *в четырех стенах* — «в замкнутом пространстве»; *у порога, в преддверии* — «в начале какого-л. пространства»; *за порогом* — «вне»; понятие «домашний» может обозначать «внутренний»: фр. *le marché domestique* (букв. «домашний») — внутренний рынок; *очаг* — место возникновения чего-л., средоточие; лат. *limes* «дорога, обходившая владение» — «пределы, граница».

Страна — более широкое пространство, в котором пребывает человек. В древности пространство, занятое племенем, народом отделялось естественными границами от места поселения других народов: лесом, горами, рекой, морем. Локальные обозначения породили переносно значения «другие, не наши, не у нас, в чужих краях»: *за горами, за морями; заграничный; за бугром; внешний/внутренний враг*.

Наконец, *мир* — максимальное пространство, о котором может мыслить человек, например: *на краю света* «бесконечно далеко».

Второй аспект — выход из пространства — дает значительно больший материал, так как пространственные понятия являются, как

отмечалось выше, частым объектом переносного использования номинаций. Пространственные номинации переносятся в сферу иных семантических полей не только на уровне отдельных лексем или синтагм (словосочетаний), но и на уровне предложения. Мы остановимся вначале на лексических переносах. Еще Г. Пауль отмечал аналогично протяжения в пространстве и протяжения во времени (*длинный день*), способность пространственных отношений являться основой для выражения интенсивности (*большой холод*) — через значение величины, психических переживаний (*близко принять к сердцу*), состояний (*погруженный в мысли*) и т. п. (Пауль, 116).

Семантические преобразования в сфере лексики проявляются тройным образом: 1) в значениях самих слов; 2) в значениях производных слов; 3) в значениях фразеологизмов. Подобным процессом, следовательно, могут быть затронуты все три структурных типа лексических номинаций: простые слова, производные слова, устойчивые словосочетания. Лексическое поле пространства в русском и французском языках безгранично. В качестве объекта были взяты основные пространственные лексемы обоих языков: *пространство, место; espace, lieu, place, surface*. Иногда использовались слова-направления, иногда — слова-соотношения. При анализе обращалось внимание на то, как строятся семантические переходы — когнитивные мостики. Можно выделить следующие основные сферы, в которые переходят пространственные номинации.

Бытие. Бытие невозможно вне пространственной характеристики. Все существует где-либо, пространство — атрибут существования. Предмет А имплицитно пространственную характеристику L. Но в силу логической инверсии (оборачивания) L имплицитно F, то есть, наличие/отсутствие локальной характеристики предмета предполагает наличие/отсутствие самого предмета. Это ясно видно в выражении *иметь место* (это не должно иметь места = это не должно существовать); фр. *avoir lieu* (= exister).

Универсум. Мир. Поскольку все мыслится в пространстве, то пространство — это весь мир (здесь также имеет место логическое оборачивание). Фр. *espace* «космос», *les espaces* «небо».

Общность. Объекты, связанные между собой, находятся в одном пространстве. Со своей стороны (опять — логическая инверсия) — определенное пространство унифицирует, сближает объекты, находящиеся в нем. Отсюда такие понятия как культурное пространство, юридическое пространство и т. п.

Предмет. В образовании номинаций предметов от пространственных слов участвуют, в основном, три семантических процесса: сужение (гипер/гипонимия), сопровождаемое специализацией значения, меронимия (часть от целого), метонимия. Примеры сужения: *емкостилеще* «емкость, резервуар»; *местечко* «населенный пункт»; фр. *place* «торговый город», «крепость», «площадь» (в населенном пункте), «плац», «рыночная площадь» (и метонимически «рынок»). Примеры меронимии (их не всегда легко отличить от сужения и метони-

мии: *place* «комната в квартире» (бельг.); *кровать, место* (в гостиничном номере); *место* (в произведении); *общие места; цитата; место багажа; место в театре, на транспорте* (и метонимически — «билет»). Сюда же можно отнести широко употребительное ныне фр. *espace* с различными определениями: *espace vert* «зеленые насаждения», «сквер»; *espace fumeurs* «место для курения»; *espace enfants* «место для детей», «детская площадка». Метонимия может быть представлена словами: *шпация* (металлический брусок, закрывающий пробелы при наборе, этимон — «пространство»); русск. *поместье*; фр. *place* «гарнизонное расположение», «комендатура»; *grande surface* «супермаркет»; *place* «извозчичья стоянка»; *voiture de place* «роскошное такси».

Абстрактные значения. Они выражаются с помощью глаголов и существительных, указывающих на движение и на пространственные отношения. Таковы слова: *движение, направление* (политическое, научное), генеральная линия. Отсутствие прогресса: *стоять на месте*; фр. *faire du sur-place*; *тупик*.

Деятельность часто описывается как определенное пространство: сфера или поле деятельности; фр. *domaine; зона интересов; место работы; вакантные места* и т. д.

Время. Помимо многих локальных предлогов и наречий, которые легко переносятся в сферу выражения времени (*в, на, за два часа; от, до двух часов* и т. д.), слова, обозначающие пространство и расстояние могут использоваться для выражения длительности во времени: *на расстоянии столетий от*; фр. *en l'espace d'un an* «в течение года».

Постепенность, приблизительность, количество. Выражения для этих понятий также часто черпаются среди слов пространственного значения. Постепенность: *вехи, ступени*. Приблизительность выражается предлогами: *около, вокруг, близко к; в районе*; фр. *sur les bords* (букв. «по краям»). Количество передается целой серией пространственных прилагательных: *объемный; поместительный; вместительный*; фр. *spacieux* (иногда с оценкой).

Качество. Отсутствие необходимых качеств у человека выражается фразеологизмом: *это пустое место*.

Значимость. Это понятие близко к понятию качества: *центр, вершина* (чего-л.); *памятное место*; фр. *le haut lieu de qch*; *первое/последнее место* (в чем-л.); *впереди/позади кого-л.; занимать первое место по чему-л.*; фр. *de haut (bas) lieu* «благородный (вульгарный)».

Социальная значимость. Целый ряд пространственных слов используется в переносном значении для характеристики в социальной сфере. Таковы: *положение; верхи и низы; быть на своем месте; почетное место; местничество; заместительство*; фр. *place aux jeunes!* «место молодым!»; фр. *avoir de la surface* «иметь возможности, средоточия», «пользоваться моральным кредитом».

Общение. Большое число слов пространственной семантики используется для выражения понятий, относящихся к общению, ком-

муникации, сотрудничеству людей. Французский лингвист Ж. Маторе посвятил этому книгу «Человеческое пространство» (Matoré 1982). Вот некоторые примеры: *круглый стол*; фр. *café-for* (букв. «перекресток») «место обсуждения»; *платформа* и др.

Субъективный момент также находит выражение в словах исходно пространственного значения. Например, мнение: *угол зрения, подход, направление*; оценка: *уместный, правый/левый, высокий/низкий, глубокий/мелкий; мелко плавать; быть на высоте положения; сверхчеловек*.

Чувства. Они нередко выражаются идиомами, восходящими к локальным выражениям: *душа не на месте; большое место; не находить себе места; быть на седьмом небе; быть не в своей тарелке; выйти из себя, лезть в душу*, а также такие слова как *унижение, возвышенные чувства, высокомерие* и др.

Различные ситуации, связанные с *говорением*, могут метафорически обозначаться выражениями, касающимися положения языка и слова: *держат язык за зубами; сорваться с языка; вертеться на языке*.

Лицо. Обозначение лица от основ с локальным значением образуется аффиксально с помощью метонимии: *помещик; местные*; фр. *placier* «агент по сбыту»; *placéur* «билетер» и др. значения; *lieutenant* (букв. «держатель места») «лейтенант»; *заместитель; местоблюститель*.

В семантическом развитии языковых элементов заключительным этапом является выражение оценки, экспрессивности. Это не миновало и пространственные отношения. Строя мир по образу и подобию своему, люди оценивают его зоны, исходя из их соотносительности со своим телом. Все, что находится выше — положительно, то, что находится ниже — презираемо и недостойно, впереди — положительно, позади — имеет отрицательную коннотацию. Ср. *сверхчеловек, унижаться, возвысить, быть во главе чего-л., плестись в хвосте* и т. д. *Правый и левый* имеют также свои коннотации.

Но «входить» в пространство и «выходить» за его пределы могут не только отдельные слова и выражения, но и структурные модели. В первом случае мы встречаемся с вторичными формами выражения пространственных отношений, во втором — с вторичными функциями пространственных моделей (Гак 1996, 21–26).

В чистом виде, первичной формой, пространственное отношение выражается формулой $S(O) + VI + r + L$, где $S(O)$ — локализуемый объект, VI — глагол, в значение которого может входить пространственная сема (это прежде всего глаголы местопребывания и движения), r — конкретный тип локализации, выражаемый, например, предлогом, а L — локализатор, то есть двухмерное или трехмерное пространство, в котором способен помещаться локализуемый предмет. Существует четыре основных семантических типа локальных моделей: 1) статическая с глаголом местонахождения: *Петр находится в своей комнате*; 2) динамическая с глаголом движения: *Петр идет в комнату*; 3) каузативная статическая: *Петр держит документы в*

этом ящике; 4) каузативная динамическая: *Петр кладет документы в ящик.*

Непространственные модели могут приспособиваться для выражения пространственных отношений вследствие изменения синтаксической функции элемента, указывающего на локализатор (L) или на локализуемый объект (S (O)), и одновременно семантики глагола, которая включает в себя значение предлога. Здесь возможны три варианта:

1) Слово-локализатор выполняет функцию дополнения:

S + V_г + O_л. Глагол при этом указывает на конкретное локальное отношение. Например: *Он снова посетил (= приехал) этот город; Он навсегда оставил этот город (= уехал из этого города).*

2) Слово-локализатор несет функцию подлежащего, тогда как дополнение указывает на локализуемый предмет: S_л + V_г + O. При этом глагол нередко выражает включение: *Он часто принимает гостей (= к нему часто приходят гости).*

3) Указание на локализатор или локализуемый предмет инкорпорируется в глагол: *Самолет приземлился (= сел на землю); Вещество обезжирили (= удалили жир из вещества).*

Очень часто мы встречаемся с вторичными функциями локальных структур. Способы выражения очень многих типов ситуаций происходят от описания конкретных пространственных ситуаций. Достаточно переосмыслить один из компонентов локальной структуры, как она начинает выражать иное, непространственное значение. В этом переносе проявляется иконическое отобразительное свойство языковых сущностей по отношению к описываемым ими сущностям внеязыковой действительности. Так, если в функции L используется слово, указывающее на нечто, не представляемое в виде двух- или трехмерного объекта, то высказывание переосмысливается, его первоначальная пространственная семантическая структура совсем устраняется или сосуществует с новым значением, которое не является собственно пространственным. Ср. *Он попал в яму* (прямое пространственное значение) и *Он попал в беду* (переосмысление пространственного семантического прототипа: выражение состояния субъекта, а не его положения в пространстве). Отметим ряд общих значений, выражаемых переосмысленными обозначениями пространственных отношений.

Жить. Франц. Il est en vie «Он еще жив» (букв. «Он в жизни»); *Его нет в живых* (= среди живых). *Родиться: явиться на свет*; фр. mettre au monde (букв. «положить в мир») *произвести на свет.*

Действие; профессия. Описывается метонимически, через орудие, место действия, действователя. *Ходить в школу — учиться; сходить в парикмахерскую или к парикмахеру — постричься; Она работает в школе (= учительница), Он работает под землей (= шахтер); Сидеть над книгами (= заниматься).*

Обладание. Посессивная конструкция вышла исторически из пространственной *Я имею ← У меня (= при мне) есть.*

Отношение. *Быть в дружбе с кем-л.; Между ними — ссора.*

Состояние. В этом случае формы глагола выражения особенно разнообразны. Место локализатора занимает отвлеченное существительное. *Впасть в сомнение (= засомневаться), быть в сомнении (= сомневаться); привести, прийти в ужас (= ужаснуть, ся); поврзуться в раздумье.* Структуры подобного рода образуют в языке своеобразные парадигмы фразеологического типа. Парадигма охватывает, в принципе, шесть значений, основываясь на трех оппозициях: действие/состояние; начало/прекращение действия; активное/среднее действие. Ее спецификой является возможная неполнота, незаполненность отдельных клеток, а также то, что грамматизированное значение передается глаголами в полуслужебной функции. Вот пример такой переосмысленной локальной парадигмы с выражением *затруднительное положение*:

	среднее действие	активное действие
начало	<i>попасть в</i>	<i>поставить в</i>
пребывание	<i>находиться в</i>	<i>(держат в)</i>
прекращение	<i>выйти из</i>	<i>вывести из</i>

Чувство. Оно описывается примерно, как состояние. Однако отмечаются два разных восприятия чувства. В одном случае чувство изображается как объект, локализуемый в субъекте — носителе чувства: *У него в душе радость; В ней много зависти и злобы к людям; В нем живет уверенность.* В другом случае чувства, переживания рассматриваются как среда, в которой локализуется субъект. Эта конструкция аналогична описанной выше конструкции: *Он находится в сомнении; Он впал в отчаяние.*

Внешний вид и характеристика. Это значение также передается с помощью этимологически пространственных структур. Например, в выражении *У него все руки в масле* пространственное отношение явно ощущается: руки покрыты машинным маслом и как бы находятся внутри него. Но *У него руки в чернилах* свидетельствует уже об отступлении от этого первоначального образа. Пространственные отношения носят векторный характер, это отражается и на их использовании в описании внешнего вида предмета: *Он был в серой шляпе (шляпа — переосмысленный локализатор) и На нем была серая шляпа (здесь переосмысленный локализатор — он).*

Классификация. Примеры: *Среди романских языков — французский, испанский и другие. Португальский язык относят к романским языкам* (здесь имеет место переосмысление первично пространственного глагола *отнести что-л. к кому-л. или куда-л.*).

Пространственные значения являются первоосновой многих языковых средств обозначения как на уровне слова, так и на уровне структуры предложения. Это подтверждает, что восприятие пространства — одно из первых и элементарных проявлений познания мира человеком.

Гак В. Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб., 1996.

Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.

Matoré G. L'espace humain. P., 1962.

3. Пространство времени

Понятие времени занимает определенное поэтическое поле в семантической структуре языка. Это поле, объединяющее темпоральные слова и грамматические формы, мы называем пространством времени. Любое семантическое поле характеризуется внутренней и внешней структурой. В первом случае — во внутренней структуре — выявляются различные оппозиции, характеризующие и членящие общее понятие времени. Внешняя структура поля времени определяется его связями с иными семантическими полями. Эти связи проявляются в переходах от понятия времени к иным понятиям и в переходе от иных понятий к понятию времени. Семантические переходы проявляются в многозначности темпоральных слов, в значениях фразеологических единиц с темпоральными словами и в значении слов, производных от темпоральных слов.

Мы кратко рассмотрим внутреннюю структуру понятия времени, отражающуюся в языковых формах. Это многократно — и по-разному — описывалось на материале различных языков. Более подробно будут проанализированы элементы внешней структуры, то есть связи понятия времени с иными понятиями. В данной главе невозможно рассмотреть всю совокупность слов поля времени (*год, неделя, месяц, день, час* и др.), мы ограничимся словом «время» в разных языках, основываясь прежде всего на данных толковых или переводных словарей русского, латинского, французского, английского, испанского и итальянского языков.

Внутренняя структура поля времени, так, как она отражается в языковых формах (прежде всего в глаголах, наречиях, но также и в других частях речи) может быть описана следующим образом. Прежде всего различается внешнее и внутреннее время процесса.

Репрезентанты внешнего времени отвечают на вопрос *когда?*, (*вчера, в прошлом году*), репрезентанты внутреннего времени — на вопрос *как?* (*быстро, вдруг...*). Между ними находится группа, объединяющая оба этих аспекта и отвечающая на вопрос *сколько времени?* (они показывают длительность, повторяемость).

Внутреннее время процесса выражается не только наречиями и глаголами, но, в частности, как показал это Гийом, и категорией вида. Языковые элементы, отображающие внутреннее время, особенно

наречия, имеют тенденцию к выражению положительной или отрицательной оценки, эмоций (например, в значении «очень быстро» *полным ходом* имеет положительную оценку, *только пятки сверкают* — отрицательную, соответственно в значении «медленно» — *неторопливо* и *черепашьим шагом*). Оценочный элемент приобретают и многие способы действия (например, длительный способ нередко сопровождается отрицательной окраской: *просидеть целый час*).

Внешнее время делится на три больших разряда, которые можно определить терминами *хронография, хронометрия* и *хронология* (в разных работах эти термины наполняются различным содержанием). В каждом из разрядов различается абсолютное и относительное временное значение.

Хронография указывает на определенное время, место события во времени, дату. Это указание может быть абсолютным, то есть выраженным в принятой в данном социуме системе летоисчисления (*в 1995 году н. э.*) или относительным, определяемым по отношению к другому событию (*через 50 лет после войны*)¹. Всякая абсолютная система летоисчисления при своем зарождении была относительной.

Хронометрия определяет длительность события, которая также может быть определена абсолютно, в принятых единицах меры времени (*два часа*) или относительно (*с утра до вечера*).

Хронология устанавливает последовательность событий, которая также может быть абсолютной (по отношению к моменту речи: *сегодня, завтра, вчера*) или относительной (по соотносительности с иным моментом: *в тот день, на следующий день, накануне*).

Внешняя структура поля времени определяется, как отмечалось, его связями с другими понятиями и явлениями. Ввиду отсутствия четких разграничительных линий между явлениями объективной действительности и расплывчатости понятий, которыми оперируют люди, во многих случаях представляется невозможным провести четкие границы между «временем» и «не-временем». Но все же можно определить ближнюю и дальнюю периферию, ближайших и дальних «соседей» понятия времени. Внешние связи понятия времени реализуются в трех явлениях: в переходе от иных понятий к понятию времени, в переходе от понятия времени к иным понятиям и в синкретизме понятия времени и другого понятия, когда в определенном контексте время и другое понятие выражаются неразрывно. Самые общие тенденции в изменении значений языковых фактов (языковых выражений) образуют такую последовательность: (качество, место) → (количество, время) → (логические отношения, модальность, интенсивность, оценка, экспрессивность). Общее развитие смыслов идет от более конкретного, чувственно воспринимаемого к более отвлеченному. Выражение субъективного отношения, оценки является конечным этапом семантического развития многих слов и форм: все способы выражения субъективных значений в языке вторичны. Однако

¹ Пронштейн А. П., Кияшко В. Я. Хронология. М., 1981, с. 73.

связь между понятиями проявляется и в обратимости этих отношений: значение языковых форм может развиваться не только в направлении место → время, но и время → место. «Бытие и время взаимно определяют друг друга», — писал М. Хайдеггер¹. Время представляет собой общий кадр, в котором имеет место бытие и всякое бытие может переходить во время и время может переходить в различные формы бытия. Нет времени вне человека. В бытии особое значение имеют два аспекта: действующий субъект и окружение. Мы рассмотрим вначале переход от других понятий к понятию времени, затем от времени к другим понятиям.

А. Другие поля → время. Время определяется через элементы бытия.

Движение → время. Время становится очевидным в результате двух процессов, связанных с движением: повторяемости события и длительности протекания его. С этим связаны два способа измерения времени: измерение его на основе повторяемости движения определенного объекта (луны, солнца), колебательных движений (это принцип обычных часов) и измерение его на основе длительности процесса (это принцип песочных часов). Переход «движение» → «время» вполне закономерен: русское слово *время* восходит к корню со значением «вращать», «круговращение», лат. *anno vertente* значит «в течение года». Мы увидим ниже, что именно движение позволяет в ряде случаев различить временное и пространственное значения.

Пространство → время. Это также известный и частый во всех языках переход. Многие временные союзы и предлоги восходят к пространственным словам, нередко пространственные предлоги и наречия в качестве вторичной функции выражают временное значение, например, фр. *à, de, dans*, русск. *от, до, в, через, около, за* (ср. *за версту от* и *за день до*) и др. В современной разговорной речи можно встретить подобные явления. Фр. *d'ici en huit* (букв. «отсюда через восемь») значит «через неделю». В русской разговорной речи *где-то* выражает приблизительность не только пространственную, но и временную: *Приду где-то около восьми*. Фр. *espace* «пространство» образует выражения с временным значением: *l'espace d'un matin* «в течение одного утра».

Занятие → время. Любое занятие протекает во времени. Всякое слово, обозначающее процесс, может метонимически указывать на временной промежуток. Предлоги при таком существительном приобретают временное значение, ср.: *за столом, за стеной и за обедом, в дом и в обед*.

Человек → время. Имя человека может давать обозначение эпохи, определенного времени: *при Петре I, sous Louis XIV*.

В процессе отмеченных переходов нередко наблюдается синкретизм: так только контекст и ситуация позволяют определить, имеем ли мы дело с преимущественно временными или пространственными отношениями либо синкретизмом, при котором в равной степени вы-

¹ Хайдеггер М. *Время и бытие*. М., 1993, с. 392.

ражаются и те и иные отношения. Вот примеры с наречием *потом*: *Теперь идет сенокос, потом бабы рожь жать начнут* (МАС). Здесь несомненно выражены временные отношения. В цитате *Мы обошли кругом сада (...). Сначала идут деревья (...), потом кусты* (МАС) выражены одновременно и пространственные, и временные отношения. Во фразе (говорящий смотрит на план) *Вот Воздвиженка, потом идет Новый Арбат, потом Кутузовский проспект* речь идет только о пространственных отношениях. Время и пространство дополняют друг друга. Если субъект не двигается, но есть изменения, то фраза получает временное прочтение, если субъект двигается и имеются изменения в пространстве, то предложение носит синкретический характер, если же субъект не двигается и изменений нет, то выражаются только пространственные отношения.

Б. Время → другие поля. Элементы бытия определяются через время.

Время → становление, исчезновение. Все существует во времени. Хайдеггер говорил, что время приходит и уходит. Прошедшее и будущее — это уже не и еще не. Поэтому во многих употреблениях понятие «время» указывает на становление — существование и исчезновение. Выражения *время покажет, время работает на...* означают «еще не, но...». *Проверка временем* указывает на отсутствие изменения. Время устраняет настоящее, это звучит в выражениях: *Время врачует душу, залечивает раны*.

Становление и исчезновение теснейшим образом связаны с изменением качества объекта. Фр. *faire son temps* значит «отслужить, обещать, потерять качество». Со временем предмет портится, но бывают обратные случаи: со временем качество его улучшается.

Время → действие, деятельность. Любое действие, занятие протекает во времени. Во многих употреблениях слово *время* символизирует определенное дело, занятие, которому должно быть отведено данное время. *Надо время, времени не хватает, есть еще время, это возьмет много времени, найти время для ..., распределение времени*, — эти и многие другие выражения указывают не на само время, а на дело, на работу, которые нужно выполнить. Нередко вид занятий получает наименование по отводимому на него времени, например, во французской социологии: *temps libre* (досуг), *temps contraint* («вынужденное» время: транспорт, магазины), *temps obligé* (служебное, рабочее время). Человек не в силах изменить его, и выражения, в которых речь идет о манипулировании со временем, фактически касаются не самого времени, но тех дел, которые нужно было бы выполнить в данный отрезок времени. *Зря тратить время, убивать время* фр. *gâcher son temps* (букв. «портить время») значит не выполнить определенного дела, ничего не делать полезного. *Temps mort* обозначает момент бездействия. *Наверстать время* значит выполнить работу в задуманный срок. В афоризме Файоля *Le temps n'épargne pas ce qui est fait sans lui* (букв. «время не щадит того, что сделано без него») игра слов построена на столкновении двух отмеченных употреблений понятия

«время»: время = работа и время = порча, исчезновение. Время может заполняться любым занятием, в том числе и отдыхом, развлечениями: фр. *se donner du bon temps* значит «хорошо отдохнуть».

Время → обладание. Этот семантический сдвиг не фиксируется ни в одном из четырех просмотренных нами русских толковых словарей, но он специально отмечен во французском «Большом Робере». На философском уровне о принадлежности времени человеку высказывались противоречивые суждения. Если испанский философ Грасиан говорил «Только одна вещь принадлежит нам — это время», то француз Бюффон утверждал, что «Из всех вещей время менее всего принадлежит нам и более всего нам недостает». Но в сфере обыденного словоупотребления время несомненно рассматривается как одно из присущих свойств человека, свидетельством чего может быть свободное употребление посессивов при этом слове: *Проводить все свое время за...; Терять свое время; Быть хозяином своего времени*. Но более интересны те случаи, когда понятие времени наполняется понятием «имущество, владение». Это употребление может рассматриваться как дериват предыдущего. Работа, совершаемая человеком в определенный отрезок времени, может приносить блага, капитал. Отсюда и поговорка *Время — деньги*, сюда же можно отнести и некоторые использования выражения *Время дорого*.

Время → пора, удобный момент. Время связано с определенным действием; может акцентироваться начало этого действия, наличие условий для его совершения и окончание, завершение процесса. Инхоативный оттенок подчеркивается словом *пора*, финитный — словом *срок*. Слово *время* часто используется в значении «пора», «удобный момент»: *Есть время собирать камни и время разбрасывать камни*. Приведем более прозаические случаи подобного употребления слова: *В надлежащее время* (здесь, пожалуй, актуализируется оттенок «срок»), *Самое время идти обедать; Время подошло; Время не терпит; раньше времени*, а также *безвременно*.

Время → отрезок времени. Время может восприниматься в его бесконечной длительности и как определенный отрезок этой длительности. В латинском языке эти два аспекта времени различались лексически: *aevum* указывало на время в его континуальности, *tempus* — на определенный период времени. В народных романских языках *aevus* сохранилось только в «наращенной» форме: *aestas, aestaticum*, откуда ит. *età*, исп. *edad*, фр. *âge* в значении «возраст; век». Сохранившееся *tempus* стало употребляться в обоих значениях. Для выражения долгого времени оно использовалось во множественном числе. Ср. в Евангелии от Матфея: *долгое время multa tempora*. Значение «отрезок времени» актуализируется в употреблениях: *на время, временный*. Слово *время* приобретает в разных языках целый ряд узких значений, указывая на специализированный отрезок времени, занятый определенным процессом, действием, например, срок военной службы, срок заключения, рабочее время (англ. *full time*, фр. *à mi-temps*), в спорте — англ. *time тайм*, фр. *mi-temps*. Сужение значения обнаруживается и в

выражении *платить за время* (выступления по телевидению), а также в *времени года...*

Время → эпоха. Всякое время в жизни общества наполнено событиями, идеями. Поэтому *время* может обозначать обстановку, совокупность идей и ситуаций, свойственных определенной эпохе. Это отражается в выражениях: *дух времени, веление времени, герой нашего времени, знамение времени, смутное время*. В таком значении слово *время* нередко используется в афоризмах и максимах: *Великий человек идет впереди своего времени, умный идет рядом с ним, хитрый старается использовать его, глупый становится ему поперек дороги* (Бауэрнфельд); *Хороший историк не принадлежит ни к какому времени, ни к какой стране, хотя он любит свою родину, он ей не льстит* (Фенелон). Нередко, обозначая эпоху, слово *время* употребляется во множественном числе (эпоха — совокупность отрезков времени), причем в романских языках и латыни чаще, чем в русском: *О времена, о нравы; les temps modernes новое время*.

Время → погода. Время может быть кадром, как отмечалось, либо для субъекта с его действиями, либо для окружения, обстановки. Абсолютной обстановкой в определенный момент времени являются атмосферные условия, погода. В русском языке *время* может окказионально обозначать погоду, а в романских языках это является одним из важнейших значений слова «время»: *temps, tiempo, tempo*.

Время → возраст. При сужении понятие времени может обозначать время жизни человека, то есть возраст. В таком значении *время* используется в русском языке по отношению к маленьким детям. Аналогичное значение реализуют исп. *tiempo* и англ. *time*.

Время → ритм. Короткий отрезок времени в сочетании с определенным повторяющимся действием лежит в основе значений «темп», «ритм», «такт» в разных их ипостасях, таких как движение в фехтовании, ход поршня, икт в метрике и др. К этому значению приближается англ. *time* в смысле «раз» (однократное действие в ряду однородных или повторяющихся действий): *six times шесть раз*.

Время → скорость. Внешнее время может переходить во внутреннее время, отражая скорость осуществления процесса. Это употребление слова «время» имеет место в спорте: *плавать на время, показать отличное время* (здесь речь идет уже о результате).

Время → предмет. Понятие времени метонимически может пересекаться с предметной областью, так что слово «время» выступает как обозначение конкретных объектов. Например: англ. *time* «плата за работу», *double time* «двойная оплата за сверхурочную работу». В каждом случае предметное слово характеризуется определенной внутренней формой, оно семантически соотносится с одним из указанных выше употреблений слова «время». Фр. *deux-temps* «двухтактный двигатель» соотносится с употреблением «такт, ритм», русск. *временка* — с оттенком «отрезок времени». С более широким значением слова *время* связано слово *временник*, которое, возможно, представляет собой кальку греческого «хроника».

Время → человек. О связи этих семантических полей свидетельствуют производные слова *временщик* (← «отрезок времени»), *современник* (← «эпоха»).

Время → логические отношения. Временные отношения лежат в основе многих более отвлеченных логических отношений. Во многих языках временные предлоги и союзы приспособляются для передачи логических отношений причины, условия, уступки, противопоставления. Особенно частотен переход время → причина, по-видимому вследствие наивного правила *post hoc, ergo propter hoc*. Например: *После этого я не хочу иметь с ним никаких дел*. Здесь *после* значит «из-за». *Когда бы* в придаточных предложениях регулярно выражает условие (= если бы). Франц. *toujours* «всегда» может выражать противопоставление.

Время → оценка, экспрессивность. Время оценивается человеком, тем более, что он может быть заинтересован в протекании внутреннего времени процесса, в его быстроте или замедлении. Время получает оценку в связи с действиями субъекта и состоянием окружающей среды. Рассмотрим кратко основные оппозиции в этом аспекте.

1) Долгое/короткое время. Это понятие относительное. В русском языке одно и то же действие с помощью префиксов *по-/про-* может быть представлено как краткое и приятное или как слишком долгое и вызывающее досаду: *посидеть часок* и *просидеть час* (здесь существительное семантически согласуется с глаголом). Фр. *Cela ne dure qu'un temps* обозначает короткое время, но *prendre son temps, temporiser* значат «не торопиться, медлить». Англ. *to make time* значит «поспешить», тогда как русск. *повременить* — «помедлить». Англ. *He was gone time before you got there* значит «Он ушел задолго до того, как вы пришли». Эти примеры показывают, что время получает относительную оценку. «Дорого вовремя время, времени много и мало, долгое время не время, если оно миновало», — гласит надпись на старинных английских часах (в переводе С. Маршпака).

2) Приятное/неприятное время. Дела, обстановка могут рассматриваться субъектом, как приятные или неприятные, в связи с чем слово «время» может приобретать различную оценку и субъективную окраску. В романских языках «время» обозначает любую погоду. Но в некоторых употреблениях оно обозначает специфическую дурную погоду: исп. *un tiempo* «буря, шторм», фр. *tempête* «непогода». Фр. *passer-temps*, исп. *pasatiempos* (букв. «времяпрепровождение») означает приятное препровождение времени (досуг, развлечения). С другой стороны, отрицательная реакция на что-либо, нежелание делать что-либо могут быть выражены с помощью темпоральных слов: *У меня нет времени возиться с этим* (субъективное нежелание представлено как объективная нехватка времени). Англ. *I have no time for him* (букв. «У меня нет времени для него») значит «Я не выношу его».

Понятие времени имеет разветвленные и многообразные связи с широким кругом иных понятий и лексических полей — от логиче-

ских отношений до отдельных людей и предметов — что объясняется несомненно универсальностью и важностью самого этого понятия.

4. Речевые рефлексы с речевыми словами*

Мы называем речевыми словами лексические единицы (глаголы, существительные), обозначающие речевые действия: *говорить, спросить, слушать; речь, слово, вопрос* и т. п. В данном разделе рассматривается несобственное переносное употребление подобных лексических единиц. Последние приобретают переносное значение в двух случаях. В первом случае формируется переносное употребление самого слова, характеризующее определенной дистрибуцией его. Так глагол *говорить*, относясь к неодушевленному субъекту, может значить «свидетельствовать о чем-либо»: *Этот факт говорит о многом, либо «проявляться»: В нем говорила гордость*. Лексема *слово* может значить твердое обещание: *дать слово*. Во втором случае речевые слова могут сохранять свое собственное значение, но употребляются они в определенных структурах, которые мы называем здесь речевыми рефлексами (РР) и которые используются в речи не с номинативными целями, а для организации модально-коммуникативной рамки высказывания. Представляя собой косвенные высказывания, они выражают не собственно речевые действия, но различные обстоятельства речевого акта, выполняя речеорганизующие (дискурсивные), модальные, аргументативные функции. Они обычно выступают как реакции на высказывание собеседника, на ситуацию, о которой идет речь, либо на собственную речевую интенцию. К таким речевым рефлексам относятся, например, *Что ты такое говоришь? Кому ты это говоришь? И не говори! Кому говорят! Что за вопрос! И не спрашивай! Скажешь тоже! Вот сказал так сказал! Не то слово* и т. п. Подобные языковые образования выступают как рекуррентные речевые единицы, имеющие тенденцию к фразеологизации. Синтаксический статус их может быть весьма различен. Это могут быть вводные слова (*вообще говоря, скажем, говоря откровенно* и т. п.), занимать позицию модуса в сложном предложении (*где это слышано, что-бы...*), но очень часто они представляют собой обособленные реплики междометного характера, занимающие место в начале, середине или в конце предложения, либо образующие отдельную реплику.

Речевые рефлексы с речевыми словами являются, по-видимому, языковыми универсалиями, но они вместе с тем и национально специфичны, что является дополнительным аргументом в пользу необходимости их изучения. Так известные латинские РР *Dixi; Dixi et salvavi animam meam; Horribile dictu* не имеют точных эквивалентов в

* Впервые опубликовано: Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.

других языках и обычно приводятся в латинской форме. Фразеологизированные РР часто имеют в других языках эквиваленты, не содержащие речевых слов. Вот некоторые французские соответствия русских РР с речевыми словами: *короче говоря* bref; *строго говоря* pour être exact; *это как сказать* ça dépend; *нечего сказать!* c'est du propre!; *не скажи!* pas si sûr! Порой в эквивалентах в других языках обнаруживаются конверсивы: *Уходи, тебе говорят!* Dehors, tu entends? (дословно: ты слышишь?) *Скажите на милость* Demandez un peu (дословно: спросите-ка).

Иногда точное значение РР может вызвать сомнение и у носителей языка. Так, реплика Иисуса в ответ на вопрос Пилата: — *Ты царь иудейский?* — *Ты говоришь* (Лук., 23, 3) многими интерпретируется как «это твои слова, не мои», то есть не как вполне утвердительная, хотя она представляет собой традиционную для той эпохи формулу подтверждения, что, в частности, недвусмысленно вытекает из современного перевода Нового Завета («Слово жизни». М., 1992): — *Ты царь иудеев?* — *Да, как ты и говоришь, — ответил Иисус* (Лук., 23, 3).

Далее мы остановимся на вопросах формирования РР, их структурных особенностях и их функциях в коммуникации.

Косвенные высказывания образуются в силу различных факторов: нарушения правил языкового общения (в частности, постулатов количества и релевантности), семантических транспозиций (в частности, избыточности и невозможности дословной интерпретации высказывания), функциональной транспозиции грамматических категорий и модальных слов. Речевые рефлексы создаются главным образом вследствие избыточного употребления речевых слов, а также ввиду невозможности интерпретирования их в прямом значении. Возьмем простейший пример: — *Скажите, пожалуйста, как пройти к музею имени Пушкина?* Здесь глагол *скажите* полностью сохраняет свое значение, но он избыточен, так как тот же вопрос мог бы быть задан и без него: — *Как пройти к музею?*... Согласно общему семиотическому анализу всякий избыточно употребленный в данной ситуации элемент выполняет строевую или стилистическую функцию. В данном случае *скажите* служит средством организации дискурсивной рамки (оформляя зачин высказывания) и подчеркивания вежливости. В обычном диалоге, когда собеседники слышат и слушают друг друга, нет необходимости во фразах типа: *Я говорю тебе; Что ты мне говоришь* и т. п. Акт речи представляет собой передачу информации, и как всякий глагол «давания» глагол речи имеет нормально три актанта: говорящий, адресат и объект (разговора). Уточнение всякого из этих актантов в нормальном диалоге является избыточным, и высказывание в целом получает переносное значение, поскольку оно не может интерпретироваться в прямом значении. Например, *Кому ты это говоришь?*, сказанное собеседнику, не может быть интерпретировано в прямом значении, так как говорящий знает, что речь обращена к нему и он слышит, что ему говорят. Высказывание становится

избыточным семантически, приобретает переносное значение и служит для того, чтобы подчеркнуть, что говорящий знает и так суть того, о чем ему говорят.

Аналогично реплика *Вы с кем разговариваете?* не может восприниматься в буквальном смысле, поскольку говорящий отлично знает, кто с ним разговаривает, и данное речение, семантически избыточное, представляет уже не вопрос, но «одергивание» собеседника.

Речевые рефлексy могут содержать глаголы в любых грамматических формах: обобщенно-личной: *Ничего не скажешь!*, в инфинитиве: *Что тут говорить!*, в пассивной форме: *Этим все сказано*, в прошедшем времени: *Вот сказал так сказал*, в настоящем-будущем: *Скажите тоже!*, в императиве: *Скажите пожалуйста*.

Вместе с тем, РР, представляя нередко собой своеобразные фразеологизмы, могут обладать формальными признаками, отличающими их от свободных словосочетаний и словоупотреблений в прямом значении. Прежде всего им свойственно интонационное обособление. РР произносится всегда с иной интонацией, нежели речение в свободном употреблении. Ср.: *Что ты говоришь?* (при переспросе, когда говорящему действительно не ясно, что ему было сказано) и *Что ты говоришь!* (выражение неожиданности, недоумения, несогласия). Признаком РР может быть отсутствие дополнения при глаголе: *Спрашиваешь! Скажешь тоже!* (ср. *Ты ему скажешь тоже, чтобы он пришел!*); наличие эмоциональных частиц: *Ну это еще вопрос! Что за вопрос! Что и говорить!*; специфические видовые формы: *Не скажи!* может быть понято только в переносном смысле (выражение удивления), тогда как *Не говори!* может пониматься и в прямом значении (запрещение говорить); изменение порядка слов (ср.: *С кем вы разговариваете?* может быть истолковано как обычный вопрос и *Вы с кем разговариваете?* скорее воспринимается как осуждение за непочтительность).

Обычно модус предшествует диктуму: *Я хочу спросить тебя, придешь ли ты завтра*. Постпозиция модусного элемента, когда содержание речи уже изложено, приобретает переносное значение и служит для подчеркивания иллокутивной силы высказывания: приказа, настойчивости; ср.: *Кто разбил окно, я тебя спрашиваю; Идите сюда, я вам говорю*.

Семантические функции РР весьма разнообразны. Их в целом можно разделить на следующие группы (за недостатком места мы вынуждены отказаться от подробного семантического анализа каждого РР, что представляет, однако самостоятельный интерес, особенно для выявления параметров акта речи и речевой деятельности):

1. РР, выполняющие фатическую функцию: установление контакта, контроль связи. Говорящий сообщает сам: *Я тебе скажу, что...; Послушай-ка; Слышь...* Говорящий вызывает собеседника на разговор: *Можно у вас спросить...; Скажите, пожалуйста...; Скажи-ка*. Контроль связи: *Вы меня слышите? Ты слушаешь? Говори, говори, я*

слушаю. Как слово-паразит, использующееся с этой же целью, в разговорной речи употребляется слышь.

2. РР, вносящие уточнения в форму и содержание речи. Обычно в этой функции выступают вводные слова: *вообще (короче, иначе, честно, строго) говоря; говоря откровенно; кстати сказать, так сказать, скажем, скажу я вам, словом сказать, с позволения сказать* (выражает извинение или отрицательное отношение); *можно сказать; по правде говоря (сказать); сказать (говоря) по правде; правду сказать* (подчеркивает истинность излагаемого и признание чужой правоты), *иными словами*. Иногда вводный элемент полностью лексикализуется, о чем свидетельствует отклонение от обычных норм сочетаемости: *словом сказать, признаться сказать*.

Уточнение может выражаться путем ссылки на чужое или общепринятое мнение: *как говорят, как говорится*. Вводные элементы часто сочетают уточнение с субъективным отношением: *мало сказать* выражает недостаточность оценки, *боюсь сказать* — неуверенность.

3. Наиболее многочисленная группа РР несет иллюкутивную функцию, подчеркивая отношение — положительное или отрицательное — к излагаемому факту или к собеседнику.

Целая гамма РР передает значение согласия, уверенности: *И не говори(те)! Что и говорить! И то сказать; Не спрашивай! Спрашиваешь! Право слово! Что за вопрос! Кто говорит! Ничего не скажешь; Нечего сказать; Нечего говорить; Золотые слова! Не то слово! Вот те слово свято* (подтверждение); *Слов нет*. Согласие может сочетаться с отрицательным отношением. Таково *Нечего сказать!* (выражает недовольство). РР типа *Ничего не скажешь, Нечего сказать* и т. п. приобретают значение уверенности в силу того, что факт (или его оценка) настолько ясны и понимаются сами по себе, что их незачем и обсуждать (*Тут уж нечего сказать*). Поэтому любые вопросы и суждения избыточны, и на почве этой избыточности возникает значение уверенности. Уверенность может быть высказана и вопреки другим возможным мнениям: *Как (там) ни говори...; Что ни говори*.

Разумеется, каждый из этих РР имеет свои оттенки значения и условия употребления. Например, *Ничего не скажешь* употребляется обычно после описания качеств объекта в значении «к этому нечего добавить».

Сомнение выражают РР: *(Ну это еще) как сказать; (Ну) это еще вопрос!*

Недоумение передается выражениями: *(Да) что ты говоришь! Где (это) слыхано... Слыханное ли дело... Вот вопрос так вопрос! Спрашивается!* РР *Шутка ли сказать* выражает удивление по поводу значительности чего-либо.

Большую группу составляют РР, выражающие несогласие, возражение, отказ: *Что ты такое говоришь? Да что ты говоришь! Легко сказать* (о чем-либо сложном); *Кому ты это говоришь? Не сказать чтобы...* (смягченное возражение); *Кто сказал?* (= конечно нет); *Не*

скажи! Не скажешь! Я молчу, но...; Скажешь тоже! Спроси чего-либо полегче (отказ отвечать); *Говори сколько хочешь; Болтай, болтай! Бреешь!* Речевой рефлекс *Врешь* имеет два значения: несогласие, протест и уверенность в себе (*Врешь, от меня не уйдешь*); *Сказал! Вот сказал так сказал!* (с оттенком удивления). Выражения типа *Говори сколько хочешь* приобретает значение возражения в силу того, что говорящий настолько не согласен с тем, что ему говорят, что он не хочет и слушать доводы собеседника.

Некоторые РР выражают угрозу, обычно они связаны с запрещением собеседнику говорить: *Поговори у меня! Поговорить захотелось! Разговорчики! С кем вы разговариваете! Попробуй, скажи еще хоть что-нибудь! Молчать!*

РР могут выражать категоричность. Обычно в этой функции избыточно употребляется глагол *говорить*: *Я тебе говорю...; Говорю тебе; Я тебе русским языком говорю! Кому говорят! Я тебя спрашиваю! Слушай, что тебе говорят!* Эти РР усиливают иллюкутивность директивного речевого акта.

Некоторые РР подчеркивают определенность выражаемого содержания, непреложность самого факта. Обычно их внутренняя форма основывается на том, что о данном деле больше и говорить незачем. Таковы: *Вот и весь разговор; Больше не о чем говорить; (Вот и) весь сказ; Что долго разговаривать; Этим все сказано*.

4. Оценка и критика собеседника. Говорящий может давать оценку в процессе коммуникации своему собеседнику и самому себе. Обычно дается отрицательная оценка собеседнику: критикуется неясность его выражений, неуместность его высказываний, невозможность договориться с ним. Нередко говорящий подчеркивает, что вообще с таким человеком и разговаривать не стоит. Отметим некоторые из таких оценочных РР: *Ты у меня спрашивал это (ты мне говорил это) уже десять раз; Что ты хочешь этим сказать?; И ты мне это говоришь? Тебя не переговоришь! Ты заговариваешься; Договорились (нечего сказать)! Скажешь тоже! Вот изрек! Сказал так сказал! Что ты болтаешь? Что ты такое городишь (мелешь, плетешь)? И слышать не хочу* (то есть, отказываюсь обсуждать); *С тобой невозможно разговаривать! О чем с тобой говорить? Ну что еще ты скажешь? Странные вещи ты говоришь! Мы говорим на разных языках; Помолчал бы ты лучше*.

Напротив, себе самому говорящий склонен давать положительную оценку, подчеркивая правильность своих суждений: *Я же говорил! А что я говорил? Слушай меня; Слушай старших* (шутливо); *Слушай, что тебе говорят; Ты мне еще скажешь спасибо; Спасибо скажете*.

Многие из этих РР не основываются на ситуативной избыточности, но тем не менее представляют собой устойчивые коммуникативные речения. Детальный анализ РР может позволить охватить и систематизировать все стороны модально-дискурсивной рамки речевого действия. В заключение отметим, что в аналогичной функции нередко

выступают не только речевые слова, но и слова, относящиеся к сфере знания и восприятия (например, зачин: *Знаешь, что...* или аргументатив *Видите ли*). Восприятие, мышление (знание) и речь суть этапы единого мыслительно-речевого процесса, этапы взаимосвязанные и постоянно переходящие друг в друга.

ГЛАВА VI

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЭТИМОНОВ

1. Этимолого-семантические поля в лексике*

Системное описание словарного состава языка представляет собой одну из традиционных тем лингвистики. Выявление системных отношений необходимо как для синхронного, так и для диахронного изучения словарного состава. «История значений слова может быть воспроизведена лишь на широком фоне истории лексико-семантических систем данного языка»¹.

Слова в языке неоднородны и отсюда вытекает стремление их группировать определенным образом, чтобы выявить образуемую ими систему. Но поскольку слово многоаспектно, создается ряд различных системных описаний словарного состава и полей разного типа, основывающихся на разных аспектах слова². Всякая группировка слов, составленная по определенному принципу, образует лексическое поле. Поскольку слова обладают формой и содержанием, они могут формировать поля, исходя из формы или из значения, либо из формы и значения одновременно.

В аспекте формы слова объединяются в словообразовательные и лексические поля (гнезда слов). Исходя из значений, слова образуют семантические поля, состав которых определяется в конечном счете логическими отношениями между понятиями, с которыми соотносятся данные слова. Понятия объединяются двумя большими типами отношений: отношениями типа «быть» и типа «иметь». В первый тип входят четыре отношения: подобие (синонимия: *путь* — *дорога*); противоположность (антонимия: *холодный* — *горячий*); включение (гипер-гипонимические отношения; родовой-видовой термин: *дерево* — *сосна*); исключение или соположение (соподчиненные видовые понл-

* Впервые опубликовано: Филологический сборник. М., 1995.

¹ Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977, с. 39.

² См.: Шур Г. С. Теории поля в лингвистике. М., 1974; Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1984.

выступают не только речевые слова, но и слова, относящиеся к сфере знания и восприятия (например, зачин: *Знаешь, что...* или аргументатив *Видите ли*). Восприятие, мышление (знание) и речь суть этапы единого мыслительно-речевого процесса, этапы взаимосвязанные и постоянно переходящие друг в друга.

ГЛАВА VI

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЭТИМОНОВ

1. Этимолого-семантические поля в лексике*

Системное описание словарного состава языка представляет собой одну из традиционных тем лингвистики. Выявление системных отношений необходимо как для синхронного, так и для диахронного изучения словарного состава. «История значений слова может быть воспроизведена лишь на широком фоне истории лексико-семантических систем данного языка»¹.

Слова в языке неоднородны и отсюда вытекает стремление их группировать определенным образом, чтобы выявить образуемую ими систему. Но поскольку слово многоаспектно, создается ряд различных системных описаний словарного состава и полей разного типа, основывающихся на разных аспектах слова². Всякая группировка слов, составленная по определенному принципу, образует лексическое поле. Поскольку слова обладают формой и содержанием, они могут формировать поля, исходя из формы или из значения, либо из формы и значения одновременно.

В аспекте формы слова объединяются в словообразовательные и лексические поля (гнезда слов). Исходя из значений, слова образуют семантические поля, состав которых определяется в конечном счете логическими отношениями между понятиями, с которыми соотносятся данные слова. Понятия объединяются двумя большими типами отношений: отношениями типа «быть» и типа «иметь». В первый тип входят четыре отношения: подобие (синонимия: *путь — дорога*); противоположность (антонимия: *холодный — горячий*); включение (гипер-гипонимические отношения; родовой-видовой термин: *дерево — сосна*); исключение или соположение (соподчиненные видовые пони-

* Впервые опубликовано: Филологический сборник. М., 1995.

¹ Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977, с. 39.

² См.: Шур Г. С. Теории поля в лингвистике. М., 1974; Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1984.

тия, входящие в одно родовое: *сосна — ель*). Слова, связанные подобными семантическими отношениями, образуют парадигматическую лексико-семантическую группу или семантическое поле Трира, в котором слова объединены на основании сходства (идентичности архисемы). Логическая иерархия «иметь» лежит в основе отношений пересечения и присущности (предмет и его часть, его признак, связываемое с ним действие и т. п.: *сосна — шишка, хвоя, бор, расти, доска* и т. п.). Слова, связанные подобными отношениями смежности, образуют синтагматические семантические поля (поля Порцига). Объединение этих двух видов полей создает обширные тематические поля, отражающие целую сферу внеязыковой действительности («Транспорт», «Сельское хозяйство» и т. п.).

Нередко высказывается мнение, что принципом полевой организации лексики должна быть «сплошность», то есть охват всей лексики языка. Но это возможно далеко не всегда. Гете говорил: «Сущее не делится на разум без остатка». Это значит, в нашем случае, что какие бы классификации человек ни проводил, всегда останутся элементы, не поддающиеся — в силу своих свойств — включению ни в один из классов, и всегда границы между классами окажутся зыбкими. В лексике могут выделяться и поля, не претендующие в совокупности на сплошной охват словарного состава языка, но способные наглядно показать семантические и словообразовательные отношения и процессы, имеющие место в языке.

К таким более узким полям относятся группировки слов одновременно по форме и содержанию, когда общности значений соответствует и соотношенность форм. Примером формально-семантического поля могут быть словообразовательно-семантические группы, например, в русском языке глаголы движения, в которых основа указывает на способ передвижения, а префикс — на направление движения: *войти — въехать — вбежать — внести...*; *выйти — выехать — выбежать — вынести...*; *перейти — переехать — перебежать — перенести...* и т. д.

Особым типом формально-семантической группировки слов являются семантические поля, охватывающие все слова языка, происшедшие от слов, этимон которых связан с определенным понятием. Эти группировки являются формальными, так как они охватывают слова по принципу словообразовательного гнезда, но вместе с тем и семантическими, поскольку объединяют ряд гнезд, этимоны которых соотносятся с общим понятием. Словарный состав современных литературных языков с давней письменной традицией этимологически неоднороден и помимо исконных слов включают много лексических заимствований, этимоны которых нередко дублируют по своему значению существующие в языке коренные этимоны. В современных европейских языках широко представлены, особенно в литературной и научно-технической речи, лексемы латинского и греческого происхождения, а также заимствованные из других языков. Русский язык в этом отношении не составляет исключения: в нем не-

редко сосуществуют наряду с исконно русскими или славянскими словами, дополняя их или конкурируя с ними, слова из других языков, прежде всего из латинского (и его ответвлений: французского, итальянского), греческого, германских, тюркских.

Например, понятие «лошадь» в русском языке представлено собственно славянским словом *конь* с его многочисленными производными, давно обрусевшим словом *лошадь* тюркского происхождения, романским корнем (от народно-латинского *caballus* «лошадь»), отразившемся в ряде слов, восходящих к французскому *cheval*: *шевалье, шваль* или через французский к итальянскому *cavallo*: *кавалерия, кавалерист, кавалькада, кавалер* (первоначально «всадник»), греческим *hippos* (в двух фонетических вариантах): *ипподром* («место для конных состязаний»), *(г)иппология* («наука о лошадях»), *гиппотам*. Слова различного происхождения образуют в данном случае единое этимолого-семантическое поле, единство которого определяется семантической равнозначностью этимонов: *конь* и *лошадь*, *caballus* и *hippos* соотносятся с одним и тем же объектом. Семантическое развитие этимонов также оказывается нередко сходным: ср. *конь* и *конница*, итал. *cavallo* и *кавалерия*. Но наряду с закономерными семантическими переходами наблюдаются и нерегулярные, случайные, объяснимые устаревшими представлениями (например, *гиппотам* значит дословно «речная лошадь») или историческими случайностями (*шваль* от фр. *cheval* «лошадь»). Соотношение между словами разного происхождения внутри поля может быть разнообразным. Слова эти могут составлять синонимические пары с тонкими различиями (*конь* и *лошадь*, *конница* и *кавалерия*), они могут чрезвычайно расходиться в значениях, несмотря на сходство внутренней формы (*конник* и *кавалер*, *шевалье*), заимствованное слово может заполнять лексический вакуум — отсутствие однословного обозначения (*ипподром*, *гиппология*).

Исследование подобных группировок слов позволяет обнаружить закономерности формирования многозначности, мыслительные ассоциации, собственные человеку, но вместе с тем и асимметрию формы и содержания. Например, исконно русское слово *рукоделие*, взятое из французского языка слово *маневр* и составленное из греческих основ *хирургия*, столь различные по значению, имеют одну и ту же внутреннюю форму: «рука» + «делать», то есть «делать что-л. руками»¹.

Основная задача при анализе этимолого-семантического поля состоит в выявлении путей семантической и структурной деривации слов с общим этимоном. Слово приобретает многозначность в силу многоаспектности обозначаемого им объекта. Каждый аспект объекта может быть взят как признак при создании новой номинации.

¹ См.: Гак В. Г. Понятие «рука» и его отражение в русском языке // Русский язык в СССР, 1991, № 6; его же. Понятие «голова» и его отражение в русском языке // Русский язык в СНГ, 1992, № 10–12.

Развитие значения слова или его корня может проявляться в языке тройным образом: 1) в новых значениях самого слова; 2) в образовании производных слов; 3) в формировании фразеологических единиц, в состав которых входит данное слово. Во всех трех случаях могут символизироваться одни и те же аспекты объекта, то есть исходное слово в данном значении, его дериваты и фразеологизмы могут содержать одни и те же элементы внутренней формы. В синтагматике, как внутрисловной (словообразование), так и внесловной (словосочетание) актуализируются оттенки значения данного корня. Нередко в дериватах и фразеологизмах символизируются такие аспекты объекта, которые не фиксируются особо в значениях исходного слова. Слова, пришедшие из других языков, образованные от этимонов с аналогичным значением, или повторяют (с возможными модификациями) семантическое развитие основного этимона, или реализуют значения, отсутствующие в словах исконного этимона.

Семантическую общность слов, входящих в этимолого-семантическое поле, определяют два момента: 1) подобие значений разных этимонов, входящих в ее состав; 2) семантическая смежность исходного и производных слов, то есть непосредственная или опосредованная связь значения производных слов со значением исходного слова. Важнейшей стороной этимолого-семантического анализа является стремление вскрыть психологические, реальные и исторические факторы сдвигов в значении лексем. Под реальными факторами понимаются особенности предмета и аспекты освоения его человеческой практикой.

В качестве примера рассмотрим этимолого-семантическое поле слов, восходящих к этимону со значением «земля» в русском языке. В это поле входят слова, образованные от русской основы *земл(я)*, *зем-* и заимствованных основ: латинских *terr-*, *tellus*, *telluris* и *humus*, греческих *gē-* и *khthōn*, германского *land*. Мы оставляем в стороне этимоны, соотносящиеся с иными понятиями, хотя и тесно связанными с понятием «земля», такие как «почва», «поле» (лат. *agr-*), «грунт» и др. Поле охватывает более двухсот слов, в том числе более ста, восходящих к основе *зем(л)-*, и около сотни слов, образованных от упомянутых иноязычных корней. Подавляющее большинство заимствованных — научные термины, произведенные от греч. *geo*.

Русское слово *земля* индоевропейского происхождения. Гипотетический праиндоевропейский корень **dh(e)ghom* «земля» дал в греческом *khthōn*, в латинском — *humus* из **(dh)ghomos* (с усечением начального согласного), в славянском *zemlja* (из звукового варианта **ghemyav*)¹. Латинское *terr(a)* является нововведением по сравнению с другими индоевропейскими языками (только в кельтском отмечается

¹ Delamarre X. Le vocabulaire indo-européen. Lexique étymologique thématique. P., 1984, p. 181.

**tevr-es*, откуда валлийское *llr* «страна»), равно как и греческое *gēn, gaia*¹.

Словари русского языка² выделяют у слова *земля* несколько значений, связанных метонимическими отношениями. Их можно распределить на *четыре* основные группы: 1) земля как планета, место обитания людей; 2) земля как поверхность и объект деятельности людей; 3) земля как материал и вещество с определенными свойствами; 4) земля как определенная территория. Эти базовые значения подразделяются на более частные, все они отображают один из реально существующих аспектов земли, и почти всякое слово данного этимолого-семантического поля прямо или непосредственно связывается с ними.

1. Это базовое значение подразделяется на более частные:

а) Земля — планета в астрономическом значении: *движение Земли вокруг Солнца*; производные прилагательные: *земной (земной шар; земная кора)*; *внеземной, околоземный*. Сюда же можно отнести и переносные выражения: *пуп земли; на нем земля держится; стереть с лица земли*. В старину люди думали, что земля представляет собой плоскую поверхность, возможно с этим связано выражение *на краю земли, на край земли*. Известное библейское выражение *соль земли* (Мф., 5, 13), возможно, тоже относится к этому значению.

б) К астрономическому значению примыкают геологическое и географическое. Они широко представлены в образованиях с *geo-*, но присутствуют и в отдельных словах с корнем *земл-*: *землеведение*.

в) Земля — место обитания людей и других существ: *слухом земли полнится; блага земли*, производные слова: *земной (рай)*, *неземное существо; земляне*, устар. *землеродный* («родившийся на земле»); выражения: *как только земля носит* (возможно, здесь реализуется иное, отмечаемое дальше значение).

г) Земля — суша в противоположность небу и водной поверхности: *твердая земля; землетрясение; земля и небо; между небом и землей; упасть с неба на землю; наземный (наземные войска, в отличие от авиации и флота); земноводный*. Глагол *приземлится(ся)* выражает оппозицию по отношению и к небу и к морю (в отличие от *приводниться(ся)*). Слово *земля* этимологически связано с понятием «низ», что отражается в переносном значении слов: *приземленный* и др.

2. Земля — как поверхность земного шара и объект деятельности людей. Слово *земля* пересекается со словами *почва, грунт*. Здесь также выявляется ряд подзначений:

а) Земля — поверхность, место, на котором мы находимся, по которому мы движемся, и т. п.: *лежать на земле; ходить на земле;*

¹ Dictionnaire historique de la langue française, sous la direction de Alain Rey. P., 1992, p. 2106.

² См.: Словарь русского языка. В 4-х т. М., 1981, т. 1, с. 608; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992, с. 288-284.

упасть на землю; встать с земли. Некоторые производные слова указывают на близость к земной поверхности, на направление вниз: *оземь, поземка, приземистый, земляника* (откуда *земляничное дерево*, плоды которого вкусом похожи на землянику). По отношению к земной поверхности определяются три позиции: *на земле, под землей*, соответственно которым образуются производные слова: *наземный, надземный* (может значить «над землей» и «на земле»), *подземный, подземка, подземелье*. Немало фразеологизмов связано с этим значением: *от земли не видать; сровнять с землей; как сквозь землю провалиться; достать (найти) под землей; земля горит под ногами; терять землю под ногами; земли под собой не чуют; земля ушла из-под ног; из-под земли достать; словно из-под земли вырости*. Прилагательное *земляной* часто значит «находящийся в земле, произрастающий в земле, живущий в земле»: *земляная груша, земляной червь*.

б) Земля — место и объект деятельности человека (или животного). С землей можно производить разнообразную работу: *рыть землю, копать землю, сажать что-либо в землю* и т. п. Наиболее продуктивны здесь три предназначения:

Захоронение (в связи с обычаем европейских народов закапывать умерших в землю): *предать земле; лечь (уйти в землю); да будет земля ему пухом*.

Техническая работа с землей, особенно копание: *землекоп; землеройный*, а также: *землечерпалка; землесос; землеразрыхлитель; земснаряд; землевоз; заземлить*. Со значением «рыть, копать землю» связаны слова: *землянка* (сооружение в земле) и *землеройка* (название животного).

Сельскохозяйственные работы, обработка земли: *земледелие, землешествие, землероб; землеустройство, землепользование*; выражения *сидеть на земле, сажать на землю, быть от земли* (то есть заниматься сельским хозяйством). В этом случае слово *земля* сближается со словом *поле*.

3. Земля как материал и вещество, обладающее определенными свойствами: *жирная земля, комок земли*. Сюда примыкают слова *земляной, земляца, земелька* (в одном из значений), *землистый* (цветом подобный земле). Земля как строительный материал отражена в словах: *землелитный, ДЗОС, ДЗОТ*. Качества земли обозначаются рядом сложных слов с основой *-зем-*: *краснозем, чернозем, жирнозем, суземок* и др.

Особую группу в этом разряде составляют химические термины, обозначающие некоторые вещества. В средневековой химии различались четыре основных элемента (стихии): земля, вода, воздух и огонь. В дальнейшем термин «земля» стал обозначать некоторые окислы; в настоящее время он сохранился в сочетаниях *щелочные земли и редкие земли* и в производных: *щелочноземельные и редкоземельные* (металлы). *Глинозем* и *кремнезем* означают соответственно природные окислы алюминия и кремния. Термин «земля» использует-

ся для обозначения и других веществ: *фуллерова земля* (сукновальная глина), *итальянская земля* (род карандаша), *сиенская земля* (бурая краска на основе окислов железа).

4. Земля — определенная часть поверхности земли. В этом случае можно выделить подзначения:

а) Страна, ограниченное пространство: *родная земля, открыть новые земли*. Это значение отражается в ряде фразеологизмов и производных слов: *Святая земля; земля обетованная; за тридевять земель; большая земля; средиземный; землепроходец; землеоткрыватель*. Дополнительная сема «своя/чужая земля» присутствует в словах: *земляк, землячество, устар. единоеземец и иноземец, чужеземец*.

Слово *земля* может обозначать государственное образование или его часть: *Русская земля*. В Древней Руси *землей* назывались территориально-племенные объединения: *Новгородская земля*.

В некоторых странах *земля* обозначает административно-территориальную единицу (в Германии, в Австрии, теперь и на Украине). Прилагательное *земельный* может относиться и к этому значению слова. К подобному административному значению примыкают слова *земство, земский, земцы*.

И, наконец, это слово входит в ряд географических названий: *Северная Земля, Новая земля, Югорская Земля, Земля Гранта* и др.

б) Второе крупное подзначение — земля как участок в чем-либо владении или пользовании: *пахотная земля; национализация земли; выкуп земли; освобождение крестьян с землей*. Уменьшительные формы *земелька, земляца* употребляются и в этом значении. На основе этого значения образовалось большое число производных: *земельный (налог, фонд), поземельный, безземельный, малоземельный, многоземельный, обезземелить, землепользование, землевладелец, землевание, землемер*. В некоторых случаях это значение сближается со значением (2б).

Словари отмечают еще два значения слова *земля*: «название буквы З в славянской азбуке» и «фон ткани, по которому сделан рисунок» (последнее восходит к «поверхность, низ», ср. *грунт* в живописи).

Таковы основные семантические группировки слов, связанных с основой *земля*. Но, как отмечалось выше, в русском языке имеются и другие лексические единицы, восходящие к другим этимонам с этим же значением, но заимствованным из других языков. Анализ их представляет большой интерес для общего осмысления эволюции «праконцепта» «земля» в русском языке, поскольку эти лексические единицы нередко восполняют семантические лакуны языка и подчеркивают дополнительные оттенки в обозначаемом объекте. К тому же иногда в заимствованных словах отражаются особенности иноземных реалий или особые культурно-исторические факты.

Обратимся сначала к корням латинского происхождения. Наиболее продуктивным из них является *terr(a)*. В некоторых выражениях в русской литературе *terra* употребляется без перевода: *terra incognita* «неведомая земля». Слова латинского происхождения приходили в рус-

ский язык обычно через западные языки, но мы будем отмечать языки-посредники только тогда, когда сама форма слова отсутствует в латыни. Слова, восходящие к латино-романским корням, немногочисленны, но разбросаны по различным семантическим рубрикам.

Террариум (*террарий*) относится к значению (1г). Слово *terrarium* было создано в прошлом веке по аналогии с *aquarium* для обозначения помещения для наземных животных, преимущественно пресмыкающихся и земноводных. К этому же значению восходит геологический термин *терригенный*, относящийся к обломкам пород, снесенным с суши в океаны.

Ко второму базовому относится значение «земля как поверхность, обладающая особыми свойствами». Она нередко реализуется русским словом *местность*, тогда как в других языках может выражаться производными от этимона «земля». Таким словом во французском является *terrain* «местность», к нему восходит *терренкур*, заимствованное из немецкого (*Terrainkur* от *Terrain* «местность» и *Kur* «лечение»).

К значению (2б) восходит название породы собак *терьер*. *Terrier* (от *terre* «земля») по-французски значит «нора», то есть нечто сооруженное в земле. Таким образом, это слово имеет ту же внутреннюю форму, что и русское *землянка* «убежище в земле». Во французском языке многие существительные могут употребляться как прилагательные, и *chien terrier*, букв. «норная собака», а позже и просто «*terrier*» обозначали охотничью собаку, которая должна была выгонять зверя (лису, барсука) из норы. Слово *terrier* было усвоено английским языком. В Англии были выведены различные породы терьеров: фокстерьер (охотящийся на лису, fox — по-английски «лиса»), эрдельтерьер (по имени местности Airedale), скайтерьер (по названию острова Skye) и другие.

С тем же базовым значением (2б) связано с слово *терраса*. Под влиянием провансальского французское *terrasse* стало обозначать земляную площадку при здании, укрепленную камнями, откуда в дальнейшем развились употребления этого слова в архитектуре и геологии, и производные: *террасный*, *террасирование*.

К значению 3 («материал, вещество») примыкают слова: *террикон*, *терриконик* (из французского *terri(l)* «отвал породы на шахте» и *conique* «конусообразный»); *терракота* (от итальянского «обожженная земля» и производные *терраотовый*, *терраотчик*); *террамары* (наименование культуры бронзового века в Италии, представленной на холмах в долине По, формировавшихся за счет накопления отбросов поселений; от итал. *terramare* из *terra mala* «плохая земля»); название изобретенного в Англии лекарства *террамицин* (из *terra* и *myce* «грибок»).

К базовому значению 4 относится слово *территория* «ограниченное пространство», его производные: *территориальный*, *экстерриториальность* и другие.

Латинское *tellus, telluris*, слово неясного происхождения (некоторые авторы склонны видеть в нем вариант *terra*), было в латыни возвышенно-поэтическим вариантом последнего. Эта основа представлена в ряде научных терминов, по своей внутренней форме восходящих к базовому значению 1 (земля — планета). Прежде всего это касается термина *теллур*. Немецкий химик М. Х. Клапрот, открыв новый элемент в породе шахты, дал ему название (*теллур* — «земной») по аналогии с наименованием урана, открытым им же несколько ранее и названным по имени планеты Уран. Помимо производных от названия элемента (*теллурат*, *теллурид*, *теллуристый*), к этому же корню в том же значении (1а) относятся слова *теллурий* (прибор для демонстрации движения земли), *теллурический* (о линиях в солнечном спектре, образующихся под влиянием атмосферы Земли).

Третьим латинским этимологом является родственный русскому *земля* *humus*, который приобрел значение «почва», «земля как поверхность». Термин *гумус* обозначает перегной. Он дал производные: *гумусный*, *гумификация* (превращение в гумус). Напомним, что лат. *homo* «человек» происходит от того же корня и значит дословно «рожденный из земли» (ср. библейскую легенду о сотворении человека «из праха земного»). Латинскому *homo* соответствовало прилагательное *humanus* «человеческий», так что все производные от этих форм, существующие в русском языке: *гоминиды*, *гомункул*, *гуманоид*, *гуманный*, *гуманизм*, *гуманитарный*, *гуманитарий* и др., восходят в конечном счете к этимону «земля». В нашем материале название двух живых существ происходит от этимона «земля»: *змея* (славянское **zъmъja* — «ползающий по земле гад»¹) и «человек» (в словах от лат. *homo*).

В исследуемом этимолого-семантическом поле представлены два этимона греческого происхождения. Этимон *gē* входит в состав большого числа терминов, многие из которых весьма употребительны. Почти все они относятся к базовому значению 1, отражая землю как планету в целом или в аспекте ее строения.

Значение «вся земля», «земной шар» прослеживается в словах *апогей* и *перигей*, которые указывают на точку орбиты, наиболее удаленную от земли или наиболее приближенную к ней (*apo* «вдали», *peri* «вокруг, вблизи», *gē* «земля»), *геоид*. Сложные термины с *гео* могут указывать на землю в целом: *геоцентризм*, *геокорона*, *география*, *геотермия*, *геосферы* и другие; иные обозначают распространение явления на всю землю: *геоботаника*, *геомагнетизм*; в-третьих, *гео* — сокращение от *геология*: *геохимия*, *геохронология* или *география*: *геополитика*, в-четвертых, указывает на почву: *геогельминты*, *геокриология*, *геофиты* или на горную породу: *геомагнитофон*, *жеода* (из франц. *géode*; «вид минерального агрегата»). Из сочетания *гео* с *ergon* «работа» образовалось название стихов Вергилия «Георгики»

¹ Черных Т. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. М., 1993, т. 1, с. 326.

(«Поэма о земледелии»), а также имя Георгий (Егор, Юрий), буквально значащее «земледелец». Именем Святого Георгия Победоносца назван орден *Георгий*. В качестве исторического казуса отметим, что и наименование цветка *георгин(а)* восходит к этому же корню: он был назван в честь русского академика Георги, фамилия которого несомненно происходит от имени Георг.

Греческий этимон *khthón* представлен в двух терминах, бытующих в русском языке: *автохтон* и *хтонический*. Первый обозначает коренного жителя, аборигена (*autos* значит «сам»; *автохтонный* — «местный, не поддающийся перемещению») и, следовательно, реализует базовое значение 4а, второй же отражает значение 1г, поскольку в мифологии он значит «принадлежащий земному или подземному миру». Хтоническими богами, например, в греческой мифологии считались Гея, Деметра, Плутон, Гермес.

Германские заимствования в данном этимолого-семантическом поле невелики. Русскому *земля*, так же как, например, и французскому *terre* (здесь славянские и романские языки проявляют структурное сходство и отличие от германских), в германских языках соответствуют два слова: англ. *earth*, нем. *Erde* «земля как планета» и *land* (*Land*) «земля как страна», причем оба слова могут значить «земля как почва. В русский язык попали только слова, пришедшие от корня *land*. Некоторые из них отражают вариант базового значения 1 «местность», например, слово *ландшафт* и его производные: *ландшафтник* (специалист в области ландшафтной архитектуры), *ландшафтоведение* (отрасль физической географии), *ландшафтотерапия* (лечение общением с природой). Но наиболее широко этот корень представлен в базовом значении 4а: «страна, территория». Он входит (в разных формах) во множество географических названий. *Нидерланды* (букв. «низменная земля»), *Голландия*, *Зеландия* и *Новая Зеландия*, *Финляндия*, *Ирландия*, *Исландия*; бывшие российские губернии *Эстландия*, *Лифляндия*, *Курляндия*; *Ньюфаундленд* (букв. «новонайденная земля»), откуда и название породы собак. Сюда же можно отнести и переносное *Диснейленд*. В геологии бытует термин немецкого происхождения *хиттерланд* (тыловой массив, тыл, букв. «земля позади»). Поскольку *land* входит в название многих стран при значимой первой части (например, *Исландия* — «страна льдов»,) в западных странах возникла мода прибавлять это словечко к наименованию товара в названиях специализированных магазинов. И у нас уже можно встретить вывески типа *Компьютерленд* («страна компьютеров») на магазине, торгующем компьютерами.

В сходном значении этимон фигурирует в названиях реалий германоязычных стран: *ландскнехт*, *ландтаг*, *ландграф*, *ландвер*, *ландштурм*, *ландстинг* (орган местного самоуправления в Швеции); *лендлер* (название местного танца в Австрии).

Аспект 4б «земля как участок в чьем-либо владении» отражается в слове *лендлорд* (крупный землевладелец в Англии).

Возникшие в языке на протяжении его истории, образованные за счет внутренних средств или заимствованные из других языков, слова рассмотренной группы действительно образуют семантическое поле в том отношении, что все они непосредственно или опосредованно соотносятся с исходным понятием «земля», отражая один из реально существующих аспектов данного объекта:

Аспект		Этимоны	
1а	<i>зем(л)</i>	<i>телл</i>	<i>гео</i>
1б, в	<i>зем(л)</i>		<i>гео</i>
1г	<i>зем(л)</i>	<i>терр</i>	<i>хтон</i>
2а	<i>зем(л)</i>	<i>гумус</i>	<i>гео</i>
2б	<i>зем(л)</i>	<i>терр</i>	<i>гео</i>
«местность»		<i>терр</i>	<i>ланд</i>
3	<i>зем(л)</i>	<i>терр</i>	
4а	<i>зем(л)</i>	<i>терр</i>	<i>хтон</i> <i>ланд</i> , <i>ленд</i>
4б	<i>зем(л)</i>	<i>терр</i>	<i>ленд</i>

У слов разного происхождения обнаруживается общая внутренняя форма: *геология* и *землеведение*; *земледелец* и *Георг(ий)*, причем реальное значение их может значительно расходиться (см. *террьер* и *землянка*). Значительную часть лексического состава языка можно представить в виде совокупности подобных этимолого-семантических полей. Это может способствовать углублению и расширению исследований в области исторической и синхронной семасиологии, стать одним из видов структурирования лексики.

2. Понятие «рука» и его отражение в русском языке*

В истории слов отражается история людей, а также общие законы движения человеческой мысли, закономерности связей между понятиями. Изменения значения слов в языке проявляются как в сдвигах в значении самих слов, так и в процессе образования от них производных слов и устойчивых выражений.

Чаще всего подвергаются переносу значения слов, обозначающих наиболее важные для людей — вообще или в данную эпоху — явления и понятия. Сфера, откуда черпается материал для образования новых слов и выражений, определяется в значительной мере историей и условиями жизни общества. В прошлые века частым времяпрепровождением людей была охота, карточная игра, и поэтому во многих европейских языках сохранились слова и выражения в переносном значении, связанные с терминами карточной игры и охоты. В наши дни большое число новых слов (в переносном значении) и вы-

* Впервые опубликовано: Русский язык в СССР, 1991, № 6.

ражений восходят к понятиям, связанным со спортом, с современной техникой. Но существуют универсальные источники пополнения языков новыми словами, выражениями, значениями. Во всех языках большим семантическим и словообразовательным потенциалом обладают слова, обозначающие части тела, родственные отношения, домашних животных, орудия и предметы домашнего обихода, явления окружающего мира (*солнце, небо, вода* и т. п.). Эти слова, вернее основы их, чрезвычайно продуктивны, и это нетрудно понять. Человек эгоцентричен, он видит в себе центр вселенной и отображает мир по своему подобию. Так, названия верхних частей предметов часто восходят к понятию «голова», нижних — к понятию «нога», центральных — к понятию «сердце», стороны определяются по руке (*по правую, левую руку*). Мы рассмотрим обозначение руки — органа, играющего первостепенную роль в создании человеческой цивилизации. Но прежде необходимо сделать одно уточнение.

Когда люди называют какой-нибудь предмет, они имеют в виду либо этот предмет в целом, либо какую-то часть, свойство, назначение данного предмета, которые в данный момент представляются им наиболее важными, актуальными. Например, когда мы говорим: *В этой комнате два окна*, мы имеем в виду окно в целом. Но говоря: *Эти окна надо покрасить*, мы уже имеем в виду оконные рамы; говоря: *Окно разбито*, мы думаем о стеклах; произнося фразу: *Сядьте ближе к окну, там виднее*, мы имеем в виду, что через окно проникает свет; фраза *Вы простужены, не садитесь у окна* исходит из того, что через окно проникает воздух, ветер и т. д. При образовании нового значения слова, или производного слова, или выражения с данным словом исходное слово (корень) может указывать на предмет в целом либо на какой-нибудь его аспект или функцию. Этим объясняется разнообразие значений слов, восходящих к одному корню.

В русском языке существует не менее сотни слов — исконно русских или заимствованных, — восходящих к корню со значением «рука». Само русское слово *рука* общеславянского происхождения, и, как предполагают ученые, оно связано со славянским корнем *гекті*, что значит «собирать»¹. В ближайшем родственнике славянских языков — литовском языке мы находим такое же сближение: *genku* — собираю и *ganka* — рука. *Рука*, следовательно, значит «собирающая», этот орган назван по функции, которая в древние времена была особенно существенной. Слова и выражения, образованные от слова *рука* (корень *рук-/руч-*), либо относятся к этой части тела в целом, либо указывают на определенные действия, связанные с рукой в нашем представлении. Среди последних наиболее характерными являются: 1) труд, деятельность (*золотые руки*); 2) давание, получение, взятие (*выдать на руки; прибрать к рукам*); 3) помощь (*это ему на руку*); 4) удар (*поднять руку на кого-нибудь*); 5) почерк, подпись (*это не его*

¹ Произносится [ренкти]. У в русском слове *рука* восходит к общеславянскому носовому *о*. В польском языке и сейчас *renka* — рука.

рука); 6) рука нередко является символом владения, власти, авторитета (*перейти в чужие руки; он у меня в руках*); 7) рука участвует в жестах, символизирующих определенные взаимоотношения людей, события в их жизни (*пожать руку в знак приветствия; махнуть рукой на прощанье*). На руку как на часть тела в целом указывают прежде всего слова с уменьшительно-увеличительными суффиксами: *ручка, ручонка, рученька, ручища*. Однако нередко уменьшительные наименования частей тела используются для обозначения предметов и их частей. Поэтому слово *ручка* не только значит «маленькая рука», но и обозначает часть предмета (*ручка штурвала, ручка кресла*) либо предмет, которым выполняется действие (*ручка для письма*). От корня *рук-/руч-* образованы названия предметов, в частности деталей одежды, надеваемых на руки: *рукав, рукавчик, рукавицы, подрукавник, нарукавник, поручни* (нарукавники в облачении священника), а также *наручники*. С уходом за руками связаны слова: *рукомойник и рушник* (полотенце). В прилагательном *ручной* отражаются различные «аспекты» руки: рука в целом (*ручные часы*), рука как орудие труда (*ручная работа*), рука как символ прирученности (*ручное животное*).

Корень *рук-/руч-* входит в слова, обозначающие предметы, за которые берутся рукой: *поручни, рукоятка*. Последнее состоит из двух элементов: *рук(а)* и *ять* (древнерусское «братъ»). В старину это слово значило также «охалка» — то, что можно охватить руками.

Разумеется, во многих словах реализуется аспект «рука как орудие действия». Таковы *рукоделие, рукопись* (написанное рукой), (*не*)*руководный*. Слово *безрукий* обозначает не только человека без руки, но и неловкого, неумелого работника. Рука как орган писания представлена в слове *собственноручный* (о подписи).

Ассоциация «рука» и «давать» отразилась в значении глагола *выручить*, то есть «дать в руки». Понятие «помощь» прослеживается в таких производных словах, как *подручный* (помощник в каком-либо деле), *сподручный* («удобный, помогающий делу»), и особенно в глаголе *выручить* и его производных. Предполагается, что в основе этого глагола лежит значение «протянуть руку помощи, спасения». Поэтому он стал значить «спасти», «вызволить» (*выручить из беды*). А в выражении *выручить деньги* тот же глагол совмещает два оттенка: «спасти от убытка (часть денег)» и, более поздний, «получить от продажи». В существительном *выручка* представлены оба значения глагола: «помочь, спасти» (взаимная выручка) и «получить деньги» (выручка от продажи).

Но рука может быть орудием не только таких благородных действий, как создавать, давать, помогать. Руками пользуются и для нанесения ударов. Этот аспект отразился в словах *рукоприкладство, рукопашный* (бой). В последнем слове *-пашный* восходит к основе *пахать*, включающей и значение «размахивать» (сохранилась в слове *опахало*).

Рука у многих народов выступает как символ власти, авторитета, что отразилось в значении слов *руководить*, *руководство*, *руководитель*. В глаголе *поручить* объединяются два оттенка: «давание» и «власть, приказ», он происходит от старинного выражения *на руки дати* (отдать) и значит «приказать исполнить, доверить». Эти же смыслы представлены в словах *поручение*, *порученец*, *препоручить*. Идея передачи власти отражена в слове *поручик*, которое через польский язык восходит к чешскому *poručník* (поручник), то есть тот, которому поручено замещать командира.

Разнообразны и интересны символические значения корня *рук-/руч-* в производных словах. Образование этих слов и значений непосредственно связано с историей народа, с древними или современными обычаями. Человек может выразить свое отношение к чему-нибудь или кому-либо двояким образом: вербально (с помощью слов) или движениями, жестами (чаще всего с помощью рук). В каждом человеческом коллективе образуется система жестов, символизирующих отношения между людьми, различные важные события в их жизни. Люди ударяют по рукам в знак согласия при сделке, протягивают или пожимают руку в знак приветствия, прикладывают руку к документу, чтобы удостовериться его, прижимают руку к сердцу, заверяя в искренности своих чувств, поднимают руки вверх в знак прекращения борьбы или в знак отчаяния, хлопают рукой по плечу в знак дружеского расположения, кладут руку на плечо при посвящении в какой-либо сан, разводят руками при недоумении и т. д. Этот язык жестов отражается во многих выражениях со словом *рука*, но также и во многих словах, образованных от него.

К слову *рука* восходит целый ряд слов с юридическим значением, обозначающим «свидетельство», «гарантия», «обязательство». *Заручить*, так же как и *ручаться*, первоначально значило «засвидетельствовать своей подписью» (приложить руку к документу), следовательно, «взять на себя обязательство, обязаться». *Ручательство* — «заверение», «гарантия». От *заручить* образовался глагол *заручиться* — «получить обещание», и наоборот, *поручиться* — гарантировать, откуда — *поручительство* — «гарантия», *поручитель* — «свидетель». Но *ручаться* значило не только поставить подпись. Вот как описывает старинный обычай ручательства известный исследователь истории русских выражений С. В. Максимов: «В старину послухи, или свидетели, при поголовном безграмотстве, ручаясь в данном показании, подавали полуграмотному дьяку правую руку и тем как бы давали собственноручную (или, вернее и по-старинному, “заручную”) подпись. Во многих случаях требовалось даже наложение самой руки или обеих вместе на бумагу свитка поручной записи... (Подпись) в некоторых случаях заключалась в том, что послухам или видокам обмазывали правую ладонь черной краской и делали оттиск на свитках... Во всяком случае, человек ручался за свое показание на суде, становился порукою за другого человека» (Крылатые слова. М., 1955, с. 166). Выражение *брать на поруки* объясняется в конечном счете

этим старинным способом брать на себя обязательство. В значении других слов отразились иные символические жесты. Таково *рукобитие*, напоминающее о хлопанье по рукам в знак взаимного согласия при сделке (ср. выражение *ударить по рукам*). В старину *рукобитие* выступало как синоним слов *заручение* или *обручение*, то есть помолвка. Последнее слово связано с тем, что в знак помолвки жениху и невесте надевали на руку кольцо-обруч (современное *обруч* — «обод» результат развития значения слова). В словаре В. И. Даля упоминаются слова *обрученик*, *обрученица* — жених и невеста. Слова *рукопожатие* и *рукоплескание* также обозначают соответствующие символические жесты (знак дружеского приветствия, знак одобрения). Символическое возложение руки на посвящаемого в сан отразилось в значении слов *рукоположение*, *рукополагать* (в священники). Если животное берет пищу из рук человека, позволяет дотронуться до себя, то это значит, что животное относится к нему с доверием. Так возникли слова *приручить*, *приручение*, *ручное* животное.

Кроме слов славянского и собственно русского происхождения в русском языке имеется немало слов, восходящих к понятию «рука», но заимствованных из других языков либо образованных в русском языке на основе слов, взятых из других языков: латинского, греческого, французского, немецкого, английского, итальянского, тюркских. Нередко в их основе лежит та же образность, та же внутренняя форма, что и в разобранных выше исконно русских словах. Это подтверждает универсальность некоторых семантических процессов в языках мира. К понятию «рука» восходят такие слова, как *маникюр* и *манжета*, *манипулировать* и *манifestация*, *манускрипт* и *мануфактура*, *маневр*, *манера* и *манкировать*, *эмансипация* и *манеж*, *мандат*, *команда* и *рекомендация*, *бра*, *брас* и *браслет*, *хирургия* и *хиромантия*, *гандбол* и *гандикап* и, возможно, даже *кулак* и *колбаса*.

В латинском языке рука обозначалась словом *manus* [манус]. От него было образовано слово *manica* [маника] — рукав. Полагают, что славянское *рукав* было создано по образцу этого латинского слова. Во французском языке *manica* приобрело форму *manche* [манш] и стало обозначать не только часть одежды, но, как и его русский аналог, проток, ответвление реки. Название известного пролива Ла-Манш значит «рукав», «проток» и восходит к понятию «рука». С помощью уменьшительного суффикса *-ette* было образовано слово *manchette*, усвоенное русским языком сначала в форме *маншета*, затем — вследствие ассимиляции — *манжета*. Это слово буквально значит, следовательно, «рукавчик, нарукавник». Идея ухода за руками лежит в основе слова *маникюр* (фр. *manucure*, от лат. *manu* — рука и *curare* — заботиться).

В некоторых заимствованных словах, производных от *manus*, сохраняется идея «брать». Слово *manipulus* первоначально значило «горсть», «охапка» (от *man-* рука и *-pulus*, происхождение которого остается невыясненным). Пучок сена, укрепленный на острие копья, был знаменем подразделения римского легиона. Такое подразделение,

примерно равное роте, стало называться *манипул*. В старину европейские аптекари стали называть манипулом горсточку трав или порошков, из которых они составляли лекарства. Отсюда впоследствии возник французский глагол *manipuler* [манипуле], русск. — *манипулировать* — производить сложные действия при работе. В дальнейшем в этом глаголе развилось и отрицательное значение — «делать махинации». С глаголом *манипулировать* связаны слова *манипулирование*, *манипуляция*, *манипулятор*. Идея «брать», «вмещаться в руке» в них сменилась идеей «действовать». Латинское слово *manipulus* [манифэстус] первоначально значило «тог, который можно взять за руки, потрогать руками», «осязательный», в дальнейшем оно получило переносное значение «явный», «очевидный» (происхождение и значение второго компонента слова *-festus* остаются неясными). К этому значению восходит слово *манифест* (пришедшее к нам через немецкий язык) — «объявление», «обнародованное постановление», «воззвание». *Манифестация* буквально значит «проявление», отсюда и *манифестация* — «шествие для выражения своего отношения к чему-либо», *манифестант* — участник такого шествия.

Manus — рука в аспекте «работать» представлено в ряде сложных слов: *манускрипт* (от лат. *manu scriptum* — рукою написанное), *мануфактура* (*manu* + *factura* от *facere* — делать, то есть ручное производство), а также в слове *маневр*. Лат. *manu opera* (букв. «действие рукой») (*opera* — действие, ср. глагол *operare* — оперировать, действовать) во французском языке приобрело форму *manœuvre* [маневр], откуда русское *маневр*. Это слово употребляется как в общем значении, так и в ряде более специальных (в военном деле, на транспорте). Ср. *маневры* — «движение», «продвижение». Во французском языке до сих пор сохранилось слово *manœuvrier* [маневрие], обозначающее подсобного рабочего, чернорабочего, работающего только руками, а не у машины. Уже на русской почве от слова *маневр* образовались слова *маневрировать*, *маневренный*, *маневровый* и др. Через польский язык пришло ныне устаревшее слово *манерка* — «походная фляжка» (вместо «маневрка»).

От корня *man-* «рука» во французском языке образовалось слово *manière* [маньер], означавшее «способ действия», «умение», «ловкость». Оно было заимствовано русским языком в двух обличьях: *манер* (вот таким манером) и *манера* — «способ что-либо делать, особенность поведения». В русском языке от *манера* были образованы слова *манерный*, *манерничать*. Более близкую к исходной форму корня мы находим в термине *маньеризм* (от итал. *manierismo* — маньерничанье) — течение в западноевропейском искусстве. Если *манера* исходит из понятия умелости, правильного действия, то *манкировать* (от того же корня *manus*) восходит к понятию «неумелость». История его такова. В латинском языке от *manus* было образовано слово *mancus* — безрукий, увечный, в переносном значении — «неполный», «несовершенный». От этой основы в итальянском языке был образован глагол *manca* с разветвленной системой значений; он значит «недо-

ставать», «не выполнять чего-либо», «пренебрегать» и др. В форме *manquer* [манке] этот глагол был усвоен французским языком, откуда он был заимствован русским языком со значением «пренебрегать», «не выполнять чего-либо» (*манкировать своими обязанностями*).

Многие слова, производные от *manus* — «рука», включают в себе идею «господствовать», «владеть», «управлять», «распоряжаться». Сложное существительное *mancers* [манцепс] — от *man-* рука и *cers* — берущий, из *carere* брать — первоначально значило «берущий в руку (в знак обладания)». С помощью отделительного префикса *e-* (ср. рус. *из-*) был образован лат. глагол *emancipare* — «отказываться от собственности на что-либо», а также «освобождаться от родительской опеки». Через французский язык эта основа дошла до нас в словах *эмансипировать*, *эмансипация* — освободить, освобождение (из-под чьей-либо власти). От слова *mano* «рука» в итальянском языке образовался глагол *maneggiare* [манэджаре] — «делать что-либо руками», «манипулировать», а также — «управлять, заведовать» и, наконец, «объезжать лошадей» — и существительное *maneggio* [манэджо] с соответствующими значениями. Последнее было заимствовано французским языком в форме *manège* [манэж], откуда и произошло русское *манеж* — место для объезды лошадей, для верховой езды. В русском языке слово *манеж* приобрело еще одно значение: «переносная загородка для детей, начинающих ходить». Поскольку дрессировка лошадей требовала больших усилий и времени, то образовался глагол *манежить* — томить, мучить, заставлять долго ждать. Английский язык заимствовал итальянский глагол в форме *to manage* [мэнидж] — управлять, от которой произошло слово *менеджер* — «управляющий предприятием», «предприниматель в профессиональном спорте». В словаре иностранных слов мы находим производные от этого слова: *менеджеризм*, *менеджмент*.

Из латинского выражения *manum dare* (букв. «вложить в руку», «вручать») образовался глагол *mandare* со значением «вверять, поручать, представлять», а также «приказывать». От причастия этого глагола *mandatum* происходит слово *мандат*, означающее «поручение, полномочия, наказ», а также «документ, удостоверяющий полномочия». С этим словом связаны *мандатный* (*мандатная комиссия* — проверяющая полномочия), *мандатарий* (уполномоченное лицо), *подмандатный* (подмандатные территории). С помощью префикса *com-* от основы *mand* был образован латинский глагол *commendare* со значением «препоручать», «вверять» (по законам латинского языка при прибавлении префикса звук «а» корня мог переходить в «е»). Распространенная основа *commend-* или — в офранцузенной форме — *command-* обнаруживается в большом числе слов, объединенных общим значением «управлять», «распоряжаться», «поручать». Таковы: *командовать*, *командование*, *командир*, *командор*, *комендор* (во флоте), *команда*, *коммандос*, *командировать*, *командировка*, *комендант*, *комендатура*, *коммандация* (исторический термин), *рекомендовать* (препоручать), *рекомендация* (поручительство) и др. Одни из этих

слов были взяты непосредственно из латыни, другие пришли через французский, немецкий, английский и иные языки. Разной историей слова объясняется и особенность корня: *ком-* или *комм-*, *-ен-* или *-ан-*. О каждом из этих слов можно было бы написать целую историю. Например, слово *коммандос* пришло в русский язык из английского во время второй мировой войны: так англичане называли специальные отряды, предназначенные для ведения десантных или диверсионных операций. Но сами англичане заимствовали это слово от южноафриканских буров, с которыми они вели войну в 1899–1902 гг. Бурсы же взяли это слово от португальцев, живших по соседству в своих колониях, оно значило «команда, отряд».

В русском языке слово *рука* обозначает конечность в целом. Но в некоторых языках словесно различаются *рука* в целом и кисть руки. Ср. лат. *brac(c)hium* — *manus*, фр. *bras* — *main*, англ. *arm* — *hand*, нем. *Arm* — *Hand*. Мы обнаруживаем в русском языке заимствования, входящие не только к лат. *manus*, но и к *bracchium*. Правда, их немного и все они пришли через французский язык. Латинское *bracchium* дало на французской почве два слова — *bras* [бра] и *brasse* [брас]. Первое опознание в русском *бра* — «настенный светильник», вначале — «подобный согнутой руке». С прибавлением уменьшительного суффикса *bras* дало *braslet* [браслет], которое вначале обозначало маленькую руку, а потом *браслет*. Здесь мы снова встречаемся с отмечавшимся выше переходом: уменьшительность → обозначение предмета. Форма множ. числа *braccia* (букв. «руки») дала во французском языке слово *brasse*, которое значит «сажень» (расстояние размаха рук; показательно, что и русское слово *сажень* восходит к древнему глаголу *сягати* — протягивать руку, ср. *посвягать*, *досягаемость*). *Brasse* обозначает также и вид плавания с размахом рук, именно в этом значении оно заимствовано русским языком (*брас*).

В греческом языке понятие «рука» обозначалось корнем *cheir-* (в современном произношении [хир]-). Этот корень представлен в словах *хирург* (*cheir+ourgos* — «действитель», букв. «работающий рукой») и *хирургия* (*cheir+ourgia* — «действие», «работа», это тот же индоевропейский корень, что и в английском *Work* «работа»). *Хирургия*, следовательно, значит «работа рукой». Так определял эту отрасль медицины еще Гиппократ. Любопытно, что три разных по происхождению слова: славянское *руко-делие*, французское *маневр* и греческое *хирургия* — имеют общий смысловой состав, общую внутреннюю форму: они значат «работа рукой». Корень *хир-* представлен в словах *хиромантия* (букв. «гадание по руке», *мантия* — греч. гадание), *хиромант*, а также в ряде менее известных научных терминов: *хирология* (*хир* + *логос* — слово) — язык глухонемых, разговор руками, *хиропрактика* — лечение прикосновением рук.

Заимствований с корнем «рука» из германских языков (англ. *hand* [хэнд], нем. *Hand*) в русском языке совсем немного, причем большинство из них относится к спорту. Таково пришедшее из английского языка *гандбол* (букв. «ручной мяч», ср. *футбол* — «ножной мяч»).

Термин *гандикап* (уравнивание шансов состязающихся, предоставление форы) происходит от английского выражения *hand in (the) cap* — букв. «(класть) руку в фуражку» (имеется в виду жеребьевка). Из немецкого языка заимствовано слово *гантель* — ручной гимнастический снаряд. Германский корень обнаруживается в некоторых малоупотребительных словах — *гандшпуг* (из голландского языка, название рычага для подъема тяжестей на корабле), *хэнд* (английская мера длины — ладонь, 4 дюйма).

Благодаря многовековым контактам с тюркскими народностями в русском языке появилось немало слов тюркского происхождения. Предполагают (но не все ученые согласны с этим), что к тюркскому корню *кул/кол* «рука» восходит слово *кулак*. Переносное значение этого слова («деревенский эксплуататор, скряга») возникло в XIX в., как полагают, на основе выражения *держатъ в кулаке*. Некоторые исследователи к корню *кол* «рука» возводят и слово *колбаса* (от *кол* «рука» и *басу* «давать»).

Мы видим большое разнообразие слов, происшедших от слова *рука* или связанных исторически с понятием «рука». Во многих случаях (например, *ручной*, *рукоделие*) для нас очевидны и формальные, и смысловые связи между словами. В других случаях мы чувствуем формальную связь между словами, но не можем без специального исследования определить, какие смысловые переходы привели к созданию значения данных слов. Например, мы чувствуем, что слова *поручать*, *заручиться*, *выручка* связаны со словом *рука*, но каким образом сформировалась эта связь, мы спонтанно сказать не можем. В отношении заимствованных слов без специального анализа мы нередко не можем определить и формальное родство слов. Так, без соответствующего объяснения мы не можем осознать, что такие различные по значению слова, как *манеж*, *манифест* и *командировка*, восходят к одному и тому же корню *ман* «рука». И наконец, при расхождении и формы и значений еще труднее определять, что, например, такие слова, как *хирургия*, *команда* и *колбаса*, объединяются одним и тем же исходным понятием «рука». Разнообразие значений определяется разнообразием ассоциаций, которых особенно много у такого полифункционального органа тела, как рука. Вместе с тем наблюдаются и некоторые общие тенденции в развитии значений слов в разных языках. Иногда это объясняется заимствованиями. Например, глагол *вручить* является дословным переводом греческого глагола *egcheiriscin* — вручать, поручать, где *eg(en)* — в, *cheir* — рука. Но чаще имеет место параллельное развитие значений. Например, латинское прилагательное *mansuetus* — прирученный (о животном) буквально значит «привыкший к руке». Это свидетельствует об универсальности закономерностей человеческого мышления.

3. Понятие «голова» и его отражение в русском языке*

Слово *голова* — всем словам голова. В русском языке имеется около 256 слов, производных от слова *голова* (*глава*), да еще более сотни заимствованных слов, корни которых также восходят к понятию «голова». Это объясняется несомненно той ролью, которую голова играет среди других частей тела.

Развитие значений слова объясняется нередко многоаспектностью самого предмета, обозначаемого данным словом. Каждый аспект, каждая сторона предмета может символизироваться и лечь в основу нового обозначения. Новые значения слова или его корня проявляются в языке трояким способом: в новых значениях самого слова, приобретающего таким образом многозначность, в формировании фразеологических единиц, включающих данное слово, в образовании производных слов. Ниже будут рассматриваться производные слова.

В современном русском языке слово *голова* не мотивировано: мы ничего не можем сказать о его внутренней форме. Существуют две гипотезы о его происхождении, оно связывается со словами, обозначающими «утолщение, желвак», «черепашка», либо с корнем, означавшим «лысый, голый».

Слово голова имеет разветвленную систему значений. Новые значения формируются на основе универсальных логических отношений между понятиями. Среди пяти типов понятий (тождество, включение, соположение, контрадикторность, пересечение) важнейшее место занимает отношение пересечения понятий, которое выступает в двух формах: в форме метафоры, основывающейся на отношениях по сходству, и метонимии, основывающейся на отношениях по смежности. Общая система значений слова *голова* (*глава*) может быть представлена в виде следующей схемы:

(1) «голова» (прямое значение)

Отмеченные переносные значения носят универсальный характер, они могут обнаружиться в самых разных языках. Наряду с этим

встречаются и индивидуальные непредсказуемые переносы значений, которые определяются особыми историческими обстоятельствами.

В своем первичном значении (1) голова обозначает известную часть тела, однако в разных свободных или фразеологических словосочетаниях отражаются разные аспекты, характеризующие голову, например, форма и внешний вид (*крупная голова, красивая голова*), ее принадлежность (*голова ребенка*), ее внутреннее состояния (*голова болит, шум в голове*), положение головы по отношению к другим частям тела (*с головы до пят, ходить на голове*), действия, связанные с ней (*сесть на голову*).

В лингвистических работах отмечалось, что переносные значения метафорического характера слова *голова* связаны с актуализацией двух основных сем: «округленность» и «оконечность». Первое понятие отражается в значении «пищевой продукт в виде шара, конуса» (2): *голова сыра, сахарная голова*.

Ввиду того, что голова — верхняя часть тела человека и передняя часть тела у животных, значение «оконечность» может быть связано со значениями «верх» и «перед». Если первое в семантике слова *голова* не представлено, то второе обнаруживается в сочетании *голова колонны*.

Оба аспекта «верх» и «перед» с оттенком «самая важная часть целого» порождает переносное значение «начальник, руководитель»: *городской голова, сам себе голова*.

Метонимические переносы, к которым мы относим и синекдоху — отношение части и целого, проявляются в следующих значениях слова *голова*: «место для головы»: *в головах*, но в особенности в замене частью целого. Голова — самая характерная часть тела; когда мы смотрим на человека, то прежде всего видим его голову, поэтому во многих языках слово «голова» заменяет обозначение человека в целом. Например, в русском: *на мою голову* — «во вред мне», *через его голову* — «через него». Представляя существо в целом, голова употребляется как единица счета: *сто голов скота, с головы* — «с каждого».

Голова — важнейшая часть тела, без которой невозможна сама жизнь. Не случайно голова используется в выражениях, где речь идет о самом ценном, о жизни или смерти: *голову прозакладывать, давать голову на отсечение, отвечать головой, не сносить головы*.

Другое важнейшее метонимическое отношение устанавливается между содержащим и содержимым. Голова — вместилище мозга и символизирует ум, рассудок: *прийти, забрать в голову, выскочить, выбить из головы, вертеться в голове, каша в голове, тяжелая голова* («плохо соображать»), *на свежую голову*. Существует много сочетаний с прилагательными, характеризующих умственные способности человека: *умная, ясная, хорошая, пустая, баранья, дурья голова, дырявая голова* (о памяти) и т. п. С головой связываются некоторые психические состояния человека, особенности его характера: *ветренная, горячая голова, кровь бросилась в голову* и т. д.

* Впервые опубликовано: Русский язык в СНГ, 1992, № 10–12.

Наконец, с головой связаны некоторые действия, символизирующие определенные переживания людей, их реакции на происходящее: *кивнуть головой* (в знак согласия), *повесить голову* (в унынии), *поднять голову* (начать действовать), *преклонить голову*, *посыпать голову пеплом*. Иногда такие действия имеют переносный смысл: *намылить голову кому-либо*.

В русском языке понятие «голова» отражено в двух словах: исконно собственно русском *голова* и заимствованном из старославянского языка *глава*. Как это обычно бывает, между двумя этимологическими дублетами происходит дифференциация. В прямом значении эта дифференциация носит стилистический характер: *глава* — архаизированный синоним слова *голова*, например, у Лермонтова: *Главу опустивши на грудь...* В переносных значениях проявляется семантическое различие: *глава* используется в некоторых, преимущественно переносных значениях, причем в тех, что отсутствуют или менее развиты у слова *голова*. *Глава* обозначает вершину предмета (4): верхушку дерева, купол церкви. Особенно часто *глава* употребляется в значении «руководство» (6): *во главе*, *глава семьи*. Только *глава* значит «раздел текста» (полагают, что это — калька с греческого языка).

Рассмотрев значения простого слова *голова/глава*, мы можем перейти теперь к анализу производных слов.

К прямому значению слова *голова/глава* восходят производные и сложные слова, отражающие различные аспекты объекта: количество: *двуглавый*, *стоглавый*, *тысячеглавый*; форму: *большеголовый*, *длинноголовый*, *короткоголовый*, *змееголов* (рыба), *собакоголовые*; окраску волос: *русоголовый*, *седоголовый*, или цвет головы у животных: *красноголовка* (птица), связь головы с другими частями тела: *головоногие*, *плечеголовной*, *гологорудь* (в анатомии человека и животных). По внешнему виду головы называли иногда различные группы людей: *круглоголовые* — сторонники парламента в Англии XVII в. (по форме стрижки), *бритоголовые* — участники уличных банд в Европе в 1960–70 гг., *черноголовые* — члены купеческих обществ в Прибалтике (по изображению черной головы на гербе святого Маврикия, которого они считали своим патроном).

К прямому значению корня *голова* относятся уменьшительно-ласкательные формы: *головушка*, *головица*, *головка*, прилагательное *головной* (*головной мозг*, *головная боль*). Представление о большой голове отражается в словах *головастый*, *голован*, *головастик* (в обоих значениях этого слова: «человек с большой головой» и «личинка лягушки»), в названии рыбы *голавль*. Любопытно, что и в некоторых других языках (немецком, французском) это название восходит к понятию «большая голова».

В ряде производных представлены отношения смежности, которые менее характерны для семантики самого слова *голова*. Они касаются места для головы: *изголовье*, *подголовник*, части одежды или конской сбруи, относящейся к голове: *наголовник*, *оголовье*; *простоголовый* «без головного убора». Слово *головица* обозначает голову и часть

хребта рыбы, идущие в пищу. В некоторых сложных словах отражены действия и состояния, связанные с головой: *головокружение*, *головоломка*, *вертиголовка* (птица).

Сочетание двух семантических компонентов «округленность» и «оконечность» дает общее значение «округленный конец предмета», (3), которое отмечается в словах, восходящих к *главе* «купол церковного здания»: *главка* «маленькая глава», *пятиглавый* (*семиглавый* и т.п.), *златоглавый*, *надглавие* — «украшение на куполе церкви», в словах *головка* (сапога, лука и т.п.), *богеловка*, *льноголовка*. Это значение может сопровождаться дополнительной семой «верх» или «перед». Оно же обнаруживается в словах *головешка*, *головня* (первоначально «верхняя часть горящего полена»), в *головня* «болезнь злаков», образованном метафорически от предыдущего слова.

Понятие «голова» заменяет человека в целом, например, в слове *головушка* (*бедная моя головушка*, то есть «бедный я»), некоторые производные указывают на единицу счета: *поголовье*, *поголовно*. Значение «жизнь/смерть» (8) отражается в словах *обезглавить* «убить» и *головорез*.

Голова как вместилище разума (10) представлена в словах *головастый*, *головастик* — «умный человек», *головной* в его устаревшем значении «идущий от рассудка»: *головная* (то есть умственная) *работа*, а также во многих сложных словах: *головиломка*, *головиляп*, *дубиноголовый*, *пустоголовый* и др. В газетах можно встретить слово *яйцеголовый*: эта калька с западноевропейских языков обозначает умного человека (в связи с расхожим мнением, что длиноголовые люди обладают большим умом).

Значение «впереди» (5) лежит в основе семантики прилагательного *головной* (*головной отряд*, *головное сооружение*). Как отмечалось выше, на основе значений «впереди» и «выше» возникает более отвлеченное значение «руководство». Оно проявляется во многих производных от основы *глав-*: *главный врач*, *главк* «главный комитет», *голова* «руководящая группа», *главарь*, *главенство*, *возглавить*, *обезглавить* (организацию), *главнокомандующий*. И, наконец, «верх тела», «верх», «перед» приводит к появлению значения «важнейший», «основной» у прилагательного *главный* (*главный вопрос*).

Особняком стоит слово *уголовный* (*уголовник*). Согласно одной версии оно происходит от древнерусского *голова* в значении «убитый», *головзный* «убивающий», согласно другой — оно восходит к выражению типа *уголовное преступление* (ср. нем. Hauptverbrechen, фр. crime capitale), где в свою очередь оно может трактоваться двояко: «главное, важнейшее преступление» или «преступление, которое карается смертной казнью, то есть за которое преступник отвечает головой». В любом случае, слово происходит от основы *голов(а)*.

В современном русском языке бытует немало слов, образованных от слов со значением «голова», взятых из других языков. Подавляющее большинство этих слов относится к специальной терминологии. Особенно много слов восходит к латинскому *caput*, *capitis* «голова»,

слова эти пришли в русский язык через западно-европейские, чаще всего через французский и немецкий языки.

К первичному прямому значению слова *caput* восходит термин *декапитация* «обезглавливание», имеющий два значения: «обезглавливание животного при исследовании» и более отдаленное от первичного значения «голова» «удаление точки роста у растения».

Значение «расширенная конечная часть предмета» (3) прослеживается в слове *капитель* — «верхняя часть колонны». В сложных словах, согласно законам латинского языка корневое *a* могло переходить в *e* или *i*, причем *s* получает произношение [ц], и тот же корень мы обнаруживаем в медицинских терминах *бицепс* и *трицепс* «двуглавая, трехглавая мышца». Тот же корень представлен в латинском глаголе *precipitare* (преципитаре) «бросаться головой вперед», «устремляться», который при некотором сдвиге значения дал существительное — биохимический термин *преципитация* «осаждение» и *преципитат* «продукт, получаемый путем осаждения, в частности — удобрение».

Но большинство слов, происходящих от латинского *caput*, содержат производное значение «главный, основной» или «руководство». Прежде всего это *капитальный* — «основной» (ср. *капитальный ремонт* — ремонт основных частей здания, *капитальная стена* — основная стена, *капитальное строительство* — направленное на расширение основных фондов предприятия), а также «важный, значительный». Слово *капитал* — *capital* — означало вначале основную сумму долга, без процентов, затем — основные деньги, приносящие их владельцу доход при включении их в оборот, а затем наконец стало обозначать крупные деньги вообще. В переносном значении *капитал* означает большую ценность: *научный капитал*, *человеческий капитал*. Слово *капитал* дало большую семью производных: *капиталовложение*, *капиталоемкий*, *капитализм*, *капиталистический*. Последние слова связаны уже с определенным общественным устройством.

Корень *cap* — «голова» — представлен в ряде слов, содержащих сему «начальник, руководство». Прежде всего это — *капитан*; слово восходит к итальянскому *capitano* и значит буквально «глава, начальник». Не следует удивляться итальянскому происхождению слова: в XVI веке Италия в культурном отношении была передовой страной Европы, и многие слова в европейских языках, относящиеся к военному делу, искусству, одежде, были заимствованы из итальянского языка. Слово *капитан* дало производные: *капитанство*, *капитанка*, *капитанский*, а также ряд сложных военных званий: *капитан-лейтенант*, *инженер-капитан*, *флаг-капитан*, *штабс-капитан*. Во французском языке *капитан* *capitaine* звучит «капитэн», от *capitaine d'armes* — буквально «капитан, ведающие оружием» — происходит термин *каптенармус* (в петровские времена писалось еще *каптенармес*) — лицо, ведающее в армии хранением и раздачей продовольст-

вия, обмундирования, оружия. От *каптенармус* и происходит, по видимому, *каптерка* — «склад в воинской части».

У приведенных слов связь с понятием «голова» более или менее ясна, менее она очевидна у таких слов, как *капитулировать*, *капотировать*, *каботаж*, *шедевр*.

Другой военный термин *капрал* через французский язык восходит к итальянскому *caporale*, также образованному от *capo* «голова». Таким образом, два весьма различных звания — *капитан* (офицер) и *капрал* (унтер-офицер) имеют одну и ту же внутреннюю форму, обозначают этимологически одно и то же — «главный», «начальник».

Мы отмечали, что *глава* в значении «раздел текста» является калькой с греческого слова, значившего «голова». Таким же образом и латинское *capitulum* буквально «маленькая голова» стало обозначать главу, позднее пункт в официальном документе, а также главу священного писания. Отсюда и происходит исторический термин *капитуляри* — законы франкских королей IX–X веков. До начала XVIII века все международные договоры в Европе составлялись на латинском языке. Латинский глагол *capitulare* значил «составлять договор, расписывая условия по главам». К тому глаголу и восходит в конечном счете *капитулировать*, «вести переговоры о сдаче», а также существительные — *капитуляция*, *капитулянт*. Более раннее значение слова *капитуляция*, «заключение договора», представлено в историческом термине *капитуляции* — договора с султанской Турцией, предоставлявшие привилегии европейцам в этой стране. Существующий в русском языке термин *рекапитуляция* первоначально значил «краткое повторение по пунктам», теперь же в биологии — быстрое воспроизведение этапов развития предковых форм у зародышей организмов. В средние века был обычай начинать собрания духовных лиц с чтения главы из священного писания. Поэтому слово *капитул* (лат. *capitulum*) стало применяться к самому собранию, затем к коллегии духовных лиц, а позднее к руководящему органу религиозного ордена. Таким образом, слово совершило путь от одного из производных значений слова *голова* — «раздел текста» до другого производного значения — «руководство».

На испанской почве *caput* дало *сабо*, которое закрепилось в значении «оконечность», приобретя также значение «мыс». К этому слову — через французский язык — восходит слово *каботаж* — первоначально — «плавание вокруг мыса», позднее «прибрежное плавание». Во французском языке мыс называется *сар* (из провансальского языка), в английском *сар* (из французского). Среди всех географических мысов один сыграл особую роль в истории мореплавания — Мыс Доброй Надежды, который в европейских языках назывался просто «Мыс», *le Cap*, *the Cape*. Город у этого мыса носит название *Кейптаун*, то есть дословно «Город Мыса», прилегающая область — *Капская провинция* или *Капланд*, *Капская земля*.

От латинского *caput* произошло старопровансальское слово *сабо* или *сарот* «голова». Выражение *faire sarot* «приветствовать», «делать

приветственный знак) головой» получило шутливое значение «перевернуться» (говоря о судне). От него в конце концов образовался автомобильный и авиационный термин *капотировать*, также *капотирование*, *капот* «опрокидываться, опрокидывание через носовую часть при аварии».

Еще два слова самым неожиданным образом восходят к провансальскому *сабо* «голова». Слово *сабестан* «веревка, канат», а затем и тебедка, на которую наматывается канат, откуда и русский термин *сабестан*. Второе слово — это *кадет*, «воспитанник военного училища». Латинское *capitellum* «головка» в провансальском языке дало *abdel* (или *cabdet*), получившее значение «глава», «начальник». В гасконских дворянских семьях имение наследовалось старшим сыном, и младшим сыновьям ничего не оставалось делать, как идти служить капитанами в королевскую гвардию (в XV–XVI вв.). Их называли «кадетами» (от провансальского *cadet*), затем так стали называть молодых дворян, учившихся военному делу, а затем учеников военных училищ, откуда и русское *кадет*. Интересно, что во французском языке *cadet* стало значить «младший ребенок в семье».

Во французском языке латинские слова *caput* «голова» и *capitellum* «головка» закономерно дали *chef* и *chapiteau*. Второе слово (произносится «шапито») является французским вариантом слова *капитель*, обозначающая верхнюю часть колонны, а также конусообразную надстройку над зданием, палатку цирка в виде конуса. Впоследствии и весь цирк с брезентовой палаткой стал называться *шапито*. Что касается первого слова *chef* (произносится «шеф»), то у него более сложная история. Из своего первоначального значения «голова» оно было постепенно вытеснено словом *tête*, которое сначала означало «черепок» и использовалось в разговорной речи (ср. русские *черепок*, *котелок*, просторечные синонимы слова *голова*). В дальнейшем оно утратило просторечный характер и стало основным названием головы во французском языке. Слово же *chef* сохранилось преимущественно в переносных употреблениях, главным образом, в значении «глава», «руководитель», с которым оно и было заимствовано в русский язык: *шеф* — «начальник», в XVIII–XIX вв. это слово обозначало в России и командира полка, оно представлено в ряде сложных слов, выражая значение «главный»: *шеф-повара*, *шеф-пилота* и т. д., в *генерал-аншеф*, а также в производных *шефство*, *шефствовать*.

В средние века, чтобы получить звание мастера, ремесленник должен был представить на суд особой комиссии свое «зачетное» произведение, которое по-французски называлось *chef-d'œuvre* (произносится [шедевр], то есть «главный труд») *œuvre* «труд, произведение» (от того же корня, что и музыкальные термины *opus*, *опера*, глагол *оперировать* и др.). Впоследствии шедевр стало обозначать вообще лучшее произведение автора и с этим значением оно и употребляется в современном русском языке.

Что касается французского *tête*, вытеснившего слово в значении «голова», то оно обнаруживается в русских заимствованиях *тет-а-*

тет «разговор наедине» (букв. «голова к голове»), *тет-де-поинт* — «предметное укрепление».

Предполагается, что латинское слово *capillum* «волос на голове» (в отличие от *pilum* «волос на теле») этимологически связано с *caput* «голова». Если это так, то термины *капиллярный* «тонкий как волосок», *капилляр* также восходят к понятию «голова». Во французском языке *capillum* закономерно дало *cheveu* [шевё] «волос», откуда и происходит слово *шевелюра* «волосы на голове».

Полагают также, что с *caput* связано и народно-латинское слово *сарра* «головной убор» (в народной речи имело место иногда эффатическое удвоение согласных). В таком случае, к гнезду *caput* «голова» должен быть подключен еще ряд заимствованных слов. Прежде всего — это название некоторых головных уборов, накидок и — шире — одежды: *капор*, *капот* (по-видимому, первоначально это слово обозначало платье с накидкой), *капюшон*, *кепка* (французское *képi* происходит от швейцарско-немецкого *Käppi*, потомка того же народно-латинского).

Во французском языке *сарра* дало *шапе*, так что русское *шапка* и его производные: *шапочный*, *шапокляк*, *шапказакидательство* и другие, — относятся к тому же гнезду. К тому же корню восходит наименование монашеского ордена *капуцинов* (они носили *капюшон*), *жуков-капюшонников* (у них передняя часть спинки нависает над головой в виде капюшона), а также технический термин *декапировать* «удалять окалину с поверхности металлических изделий», в котором корень *кап-* обозначает не одежду, но выражает более широкое понятие — «покрытие».

От названия накидки — *капота* — происходит термин *капот* (автомобиля), а, следовательно, и *капотировать*, *капотирование* — «закрывать капотом часть автомобиля, самолета».

Историческая случайность связывает с корнем *сар-* (франц. *шапе*) «плащ с капюшоном», «головной убор» слово *капелла*, которое значит «хор, ансамбль». В молельне меровингских королей (VI–VIII вв.) хранился в качестве реликвии плащ святого Мартина Галлии. Плащ этот назывался *cherelle* — уменьшительное от *шапе*. Позднее словом *шапелле* стала обозначаться часовня вообще, место хранения реликвий. В итальянском языке ему соответствовало слово *сапелла* — *капелла*, тоже означавшее часовню; ср., например, *Сикстинская капелла*. *Капеллой* стал называться хор, который собирался в часовне, а впоследствии и нецерковный хор, ансамбль. От слова *капелла* были образованы *капеллан* (первоначально «священник при часовне»), *капельмейстер* — «дирижер военного оркестра», *капельдинер* — «театральный служащий».

Особое место в ряду рассматриваемых слов занимает слово *капут*, заимствованное из немецкого языка. Оно похоже на латинское *капут* «голова» (правда, с другим ударением), но непосредственной связи между этими словами нет. Немецкое *капут* было заимствовано из французского языка в XVII веке, когда во время Тридцатилетней

войны французские солдаты наводняли Германию. В основе его лежит французское выражение *être sarot* «не взять ни одной взятки» (в карточной игре), проиграть, в переносном смысле — потерпеть неудачу, пропасть. В немецком языке слово *sarot* стало звучать «капут». Любопытно, что в словаре Даля мы находим выражение *Ему пришел капут* с пояснением: «Он не взял ни одной взятки». Само же французское *sarot* в этом выражении объясняется двойным образом. Одни ученые возводят его к *sarot* «капюшон, накидка»; *être sarot* — попасть в затруднительное положение как человек, которому набросили капюшон на голову, в этом случае *капут* восходит в конечном счете к *сарра*, которое этимологически сближается с *sarut* «голова». Другие выводят это слово из выражения *faire sarot* «перевернуться (о лодке)», упоминавшегося нами выше. При такой трактовке *капут* восходит к *sarut* более непосредственным образом.

В древнегреческом языке голова обозначалась словом *kerhalé*. Этот корень представлен в названии рыбы *кефаль* (ср. русские *голавль* и *голова*), а также в ряде научных терминов: *брахицефал* и *долихоцефал* (длинноголовый и короткоголовый), *лептоцефалида* — «личинка угря». «Содержимым» головы является мозг, который по-гречески назывался вполне естественно *egkerphalos*, где *eg(en)* — «в», а *kerphalos* «голова». Это слово дало жизнь терминам *энцефалит* «воспаление головного мозга», *энцефалограмма* и др.

Заемствования из германских языков в русский со словом «голова» немногочисленны. Едва ли не единственный пример — *гауптвахта*, что по-немецки означает «главное сторожевое помещение, главный караул». *Haupt* — общего происхождения с латинским *sarut*, значит «главный». В старину это слово звучало *гобвахта*, *губвахта*, откуда и появилось в русском военном аргословечко *губа (сидеть на губе — на гауптвахте)*.

Однако в русском языке есть ряд интересных заимствований из тюркских языков со словом *баш* «голова». Прежде всего это *башка*, получившее русский суффикс *-ка*. Стилистически нейтральное в тюркских языках, *баш* получило пренебрежительный оттенок в русском. Такой стилистический сдвиг нередко происходит при переходе слов из одного языка в другой (ср. нейтральное французское *voyage* «поездка» и русское *воляж*). Подобно тому, как слово *голова* дало *головастый* «умный», так и слово *башка* дало *башковитый* с тем же значением (без отрицательного оттенка). Снова мы сталкиваемся с параллельным развитием значений у разных основ с одинаковой семантикой.

Тюркское *баш* «голова» присутствует в выражении *баш на баш* «столько же», «так на так». Значение «вид одежды, относящийся к голове» представлено в слове *башлык* «вид капюшона». Значение «руководитель» обнаруживается в областном слове *башлык* (омоним предыдущего) «староста рыбаков» (слово приводится в словаре М. Фасмера). И, наконец, в некоторых словах с корнем *баш* «голова», взятых из тюркских языков, отражается значение «свойство челове-

ка». Это *башбузук*, дословно «башенная голова» и *делибаш* «безрасудный смельчак». Всем памятен стих Пушкина: «*Перестрелка за холмами; // Смотрит лагерь их и наш; На холме пред казаками // Вьется красный делибаш*». *Делибаш* звучит буквально «отчаянная голова». Можно сделать некоторые общие выводы. Показательно, что в разных языках имеет место параллельное развитие слов и их значений. Возникают дублиеты, связанные с понятием «голова»: *голова* и *глава* в русском, *chef* и *tête* — во французском, *Haupt* и *Kopf* — в немецком, причем более старое слово (*глава*, *chef*, *Haupt*) сохраняется преимущественно в переносном значении «главный, начальник». В словах из разных языков реализуются переносные значения в соответствии с общей схемой, приведенной выше, исключения единичны: *капелла*, *капут*, они определяются историческими случайностями. Это все подчеркивает еще раз общность закономерностей человеческого мышления, несмотря на различие языков.

ГЛАВА VII

ОБЩАЯ РЕАЛИЯ И РАЗНЫЕ ЯЗЫКИ

Одна и та же реалия может получаться как внутри одного языка, так в разных языках номинации различной внешней и внутренней ормы. Это показано на примере понятия «сноха» в разносистемных языках Европы.

Номинация всегда связана с отбором признаков. Эта избирательность касается любого объекта. Разные народы, исповедующие христианство, отобрали в свой языковой фонд различные ситуации, представленные в Библии. Это рассматривается во втором параграфе.

1. Сноха

(по материалам Atlas Linguarum Europae)*

Всякая номинация (наименование) характеризуется тремя сторонами: объемом значения, внешней формой наименования и внутренней формой наименования.

А. Объем значения номинации определяется тем местом, которое она занимает в ряду номинативных единиц одного и того же класса. Значение представляет собой совокупность семантических компонентов — сем, соответствующих различительным чертам обозначаемого объекта. СНОХА занимает определенное место среди других терминов родства; обозначая жену сына, она содержит четыре компонента (эмы):

- [а] «родство по браку» — «жена» — в отличие от термина *дочь*;
- [б] «прямая линия» — «жена сына» в отличие от *жена племянника*;
- [в] «первое последующее поколение» — в отличие от *жена брата*;
- [г] «женский пол» — в отличие от *зять*.

Б. По внешней форме номинация может представлять собой простое слово, производное слово, сложное слово, словосочетание. В анализируемом материале представлены все четыре структурных типа. Первые два относятся к синтетическим номинациям, вторые — к аналитическим. Синтетические номинации менее громоздки, но они не-

редко лишены прямой мотивированности, значение в них может быть затуманенным, они легче подвергаются переосмыслениям и смешениям с соседними терминами. Аналитические номинации более громоздки, но они обладают очевидной мотивированностью, в семантическом отношении манипулировать с ними легче, хотя в структурном труднее (в силу их многокомпонентности). В синтетических номинациях весь комплекс различительных сем представлен совокупно одной корневой морфемой: *сноха* [а.б.в.г]. В аналитических семы распределяются между компонентами номинации *жена* [а.г] *сына* [б.в]. Во многих языках наблюдается переход от немотивированных синтетических терминов родства к мотивированным аналитическим (например, в русском языке и др.). Этот переход связан с известными преобразованиями в структуре семьи, все менее значительной ролью в обществе большой семьи и широких родственных отношений, вследствие чего многие термины, обозначающие виды родства по браку, становятся менее употребительными. С другой стороны, обнаруживается и тенденция к универбации — замене словосочетания словом, что приводит к восстановлению семантической сложности наименования.

В рассмотренном материале немало случаев заимствования из одного языка в другой. Выявляются оба основных способа заимствования: материальное заимствование (например, *невестка* из русского языка было взято в ряд финских диалектов) и семантическое — калька (например, по семантической модели французского *belle-fille* «прекрасная дочь» были созданы обозначения невестки в бретонском, нидерландском, в итальянских диалектах, по английскому образцу *daughter-in-law* — обозначения невестки в кельтских языках Великобритании).

Иногда имеет место смешанное заимствование: один элемент сложного обозначения заимствован, другой скалькирован (например, название невестки в нижнелужицком по отношению к немецкому прототипу). Наиболее активными источниками заимствований оказались языки русский, немецкий, английский, французский.

Отмечаются два типа распространения заимствований: иррадиация и конкатенация. В первом случае наименование заимствуется из данного языка несколькими языками независимо друг от друга. Примером могут служить заимствования славянского *невеста* в ряд не общающихся между собой финно-угорских языков, в румынский и другие, приведенный выше пример перехода французской модели «*belle-fille*» в некоторые соседние с французским языки. Во втором случае заимствование «по цепочке» передается из одного языка в другой, например, французский — нидерландский — фризский; немецкий — датский — норвежский; немецкий — нидерландский — фризский.

В. Внутренняя форма номинации определяется признаком объекта, который был взят за основу при номинации. Можно выделить два основных типа таких признаков: относительные и описательные (соб-

* Впервые опубликовано: Диалектологический сборник. М., 1997.

ственные). Оба они представлены в обозначениях снохи. Относительные признаки отражают связи данного объекта с другими объектами соответствующей группы или ситуации. Они указывают на связь объекта с другими объектами, на его назначение, на его движение к иному объекту и т. п. Собственные признаки отличают данный объект от других объектов данного класса: это может быть форма, цвет, размеры, у одушевленных объектов — возраст, пол и т. д.

К относительным признакам, которые в разных языках были взяты за основу при обозначении снохи, можно отметить: 1) общее значение связи (с новой семьей); 2) отношение к сыну; 3) приход в дом молодого мужа. К собственным признакам можно отнести «новизну» (неизвестность ее для членов мужней семьи) и ее возраст (молодость). Собственный признак может иметь оценочный характер.

Внутрисистемные отношения терминов. Термин *сноха* входит в систему терминов родства, он может подвергаться внутрисистемным отношениям, в силу которых происходят семантические сдвиги: этот термин начинает употребляться в соответствующем значении. Наиболее часто на подобные сдвиги значения оказывают влияние отношения смежности, соположенности и включения. В первом случае наименование переходит на объект, соседний с данным; это могут быть, например, этапы одного процесса. В интересующей нас области к такому сдвигу по смежности может быть отнесен переход «невеста» — «сноха» (первое предшествует второму). При отношениях соположенности происходит замена одного термина другим в рамках более общего понятия. Например, сноха квалифицируется как дочь, но неродная. Однако существует и другая разновидность неродной дочери — падчерица. Оба понятия объединяются гиперонимом «неродная дочь», в рамках которого видовые наименования «сноха» и «падчерица» могут употребляться одно вместо другого. Термин *сognata* в итальянском языке обозначает родственницу по браку в поколении его: невестку, золовку, свояченицу. В рамках гиперонимического понятия «родственница по браку» различительная черта «поколение» может нейтрализоваться, и *сognata* приспособливается для обозначения иной родственницы по браку — снохи (отношение включения).

И, наконец, внутри системы родства некоторые семантические компоненты могут получить специальное формальное выражение, что создает специфику номинации как на семантическом, так и на формальном уровне.

В связи с этим различаются две системы наименований отношений родства: индивидуализирующая и классификационная. В первом случае все дифференциальные компоненты репрезентированы совокупно одной семантемой (например, *сноха* [а, б, в, г]), во втором один из компонентов выделяется в особую морфему, которая предстает как классема (например, *daughter* [б, в, г] -in-law [а]). -in-law классифицирует целый ряд родственников как родственников по браку.

Наименования снохи в языках Европы обнаруживают большое разнообразие в отношении внутренней и внешней формы номинации.

А. Относительный признак

1. Родственные отношения в самом общем виде отразились в индоевропейском термине **snuso* — «невестка», «сноха». Его этимология не вполне ясна, но имеются основания полагать, что он связан с и.-е. спец. «вязать», откуда и русское *сновать* «набирать основу ткани» (Трубачев, 131; Фасмер, 700). О. Трубачев отмечает также в связи с этим совпадение в нем *Schnug* «сноха» и «бечевка». Т. Гамкрелидзе и В. Иванов, уточняя, что термин **snuso* мог относиться не только к жене сына, но и к жене брата, сближают его с древней основой *(s)neub[h], лат. *nubo* «брать в жены», греч. *νύμφη* «невеста» (Гамкрелидзе, Иванов, 761–763) Корень **snuso* дал во многих и.-е. языках производные со значение «жена сына»: др.-инд. *snusā*, арм. *pu*, греч. *nyōs*, лат. *nugus*, двн. *snug*, слав. *snūcha*. В европейском ареале он представлен в следующих формах со значением «жена сына» (мы не будем учитывать здесь всех диалектных вариантов):

Романские языки: фр. диалекты *por*, фр.-пров. *puga*; оксит. *proa*, кат. *pora*, ит. *pora*, *puora*, исп. *puera*, рум. *poră*.

Албанский язык: *nusef*

Германские языки: нем. *Schnur*, нидерл. *snaar*. С прибавлением уменьшительного суффикса *-chen* образовались нем. диал. формы: *Schnehrich*, *Schnerch*.

Славянские языки: рус. *сноха*, болг. *snuha*, мак. *сноа*, словен. *snāha*, с.-х. *snāha*, *snaja*. С прибавлением уменьшительного суффикса: рус. диал. *сношка*, польск. *snieszka*, с.-х. *снашка*, *снажка*. Возможно путем регрессивного образования от уменьшительной формы возникло луж. *Schniäsch*.

Имеются серьезные основания полагать, что и.-е. обозначение снохи проникло в кавказские языки¹, ср. адыг., каб. *nəsa*, чеч., инг., бацб. *nus*, авар. *nus*, *nusa(j)*, анд., багв. *nuša*, арч. *nustur*. Тот же корень обнаруживается и в картвельских языках: мегр. *posa-*, *nisa-*, лаз. *nusa-*, *nisa-*. По мнению некоторых кавказоведов к этому же источнику могут восходить и формы типа цахур. *sos*, табас., агул., рут. *sus*, лезг. *svas*, образованные путем утраты *n*. Любопытно, что в некоторых кавказских языках данная форма может порождать слово со значением «зять» или обозначать вообще жену родственника. С аналогичным семантическим развитием мы встречаемся, как это будет показано ниже, и в ареале индоевропейских языков (лексема «сноха» используется для обозначения парадигматического противочлена — «зятя» либо абстрагируется, обозначая любой вид родственницы по браку).

2. «Жена (женщина) сына». Это самая частая перифраза, используемая для обозначения снохи. Она может принимать различные структурные формы. Во-первых, в соответствии с общими граммати-

¹ Подробные сведения о судьбе *snuso-* в кавказских языках сообщены автору Г. А. Климовым.

ческими тенденциями соответствующего языка, определение может предшествовать определяемому («сына жена») или следовать за ним («жена сына»). Во-вторых, номинация может представлять собой сложное слово или словосочетание. При препозиции определения обычно формируется сложное слово. Определение может принимать форму компонента сложного слова, родительного падежа или прилагательного.

а) «Сына жена». Подобная форма характерна для германских языков: нем. Sohnsfrau, Sohnsweib; дат. sonnekvine; швед. sonkona, sonakvina; ферн. sonarkona; норв. sonarkvan.

Сходная семантическая структура номинации отмечается и в латышском *delams sieva*, где *delams* — дательный падеж со значением принадлежности от *dels* «сын» (ср. рус. «она — моему сыну жена»), *delasieva* — композит с тем же значением (здесь *sieva* — «жена», от того же и.-е. корня, что *weib*, *wife*), в ливском *puoganai* (пуога «сын», *pai* «жена», «женщина»), в чешском (с прилагательным): *sýnova žena* «сыновья жена»; в ряде кавказских языков, например, в бежтинском *ozdis akho* «сына жена».

Своеобразные формы представлены в нидерл. и англ. диалектах *mijn zoon zijn vrow* «мой сын его жена», *our Jack's wife* «нашего Джека жена».

б) «Жена сына». Такой порядок компонентов обнаруживается в аналитических обозначениях: итал. диал. *la fomana de mio fi* «жена моего сына», кат. *la dona del fill* «жена сына», норв. *kjerringa (i) åt son min* «жена сына моего», шотл. *abhean aig mo nhas* «жена моего сына».

в) Транспонированные усеченные формы. Словосочетание «сыновья жена» может подвергаться универбации путем опущения определяемого слова. Определение («сыновья») при этом субстантивируется, впитывая в себя и значение «жена». Любопытно, что этот прием используется в четырех языках, образующих территориальный континуум: польском — *synowa*, белорусском — *synavaja*, литовском — *syniene*, латышском — *delene*.

3. Относительный признак «пришедшая», «приведенная». Для европейских народов всех этнолингвистических групп была характерна патрилокальная семья, то есть такая, при которой молодая жена приходит жить в дом мужа. У разных народов — от древних римлян до современных кавказских народов — приход (привоз, проезд) невесты в дом жениха составляет важнейший элемент свадебного ритуала¹. Если более ранние формы брака (умыкание, похищение, обмен) не оставили следов в наименовании невесты, то ее прибытие в семью будущего мужа составляет этимологическую основу наименований невесты во многих языках. Прибытие может вообще описываться как самостоятельное движение субъекта («приходить»), либо как пассивное движение, инициатива которого принадлежит другому

¹ См. например: Винничук 1988, 148, 168; Меретуков 1987, 228 и сл., 279 и сл.

(«приводить, привозить»). Соответственно этому сноха может быть названа «пришедшая» или «приведенная», так что данный тип мотивации подразделяется на два подтипа.

а) «Пришедшая». В наиболее ярком виде эта мотивация представлена в аналитическом обозначении снохи в верхнелужицком языке: *přichodna džowka* «пришлая дочь», где *džowka* (<*dze[i]) значит не «дева», но «дочь».

Тюркские формы *kelin/gelin* «сноха» образованы от глагольной основы *kel-/gel-* «приходить» и суффикса *-n* и дословно значат «вновь прибывший, пришедший» (безотносительно к полу) (Севортян, 127). К этому этимону восходят обозначения снохи в следующих языках: карач.-балк., ног. *kelin*; тат., башк. *kilen*; кум., гагауз. *gelin*; чув. *ken*, а также заимствования из тюркских языков: удм. *ken* (из чувашского), *kelyn* (из татарского). С диминутивным суффиксом: *šek*: ног. *kelinšek*.

Аналогичную внутреннюю форму имеют и многие обозначения снохи в финно-угорских, восходящие к финно-угорскому *meny + e* (посессивный суффикс), которое соотносится с протоуральским **menä*. Имеются основания полагать, что **menä* представляет собой отглагольное имя, образованное от **men(i)* — «идти», так что **men-ya* должно было значить «идуший (в чужую семью)» (без различия пола).

К этому этимону относятся обозначения снохи в следующих языках: фин. *miniä*; эст. *minja(s)*; ижор. *minia*; кар. *minpa*; лив. *minä*; вепс. *mind', mil'l'*; вод. *mind'a*; саам. *mánnje, meja*; коми-з. *mon', mon'a*; коми-п. *mon'*; венг. *menye*.

С диминутивными суффиксами:

— с финно-угорским суффиксом **kk* (например, мансийск. *map* «сноха» > *maniket* «моя сношенька») (Основы..., 342): фин. *minikko, minikki*;

— с уменьшительным префиксом *ič* (ср. удм. *iči* «мало», мар. *izi* «маленький»): коми-з., коми-п. *ič'mon'* «сноха».

— с уменьшительным префиксом и суффиксом: коми-п. *ič'mon'ka*, коми-з. *ič'mun'ka*.

б) «Приведенная». Эта внутренняя форма встречается реже; единственный несомненный случай — латыш. *vedekla, vedene*, образованные от глагола *vest* «вести» (невесту в свой дом) и суффиксов женск. рода — *ekla(-ekle), -ene*.

Б. Выделительный (собственный) признак

Эти признаки выделяют сноху среди других членов семьи не по ее отношению к мужу и его семье, но по ее собственным признакам, среди которых наиболее часто актуализируются признаки «новая», «неизвестная», «молодая». Следует отметить, что эти признаки нередко реализуются синкретично в одном слове, поскольку неизвестное — это новое, а молодое — тоже новое по сравнению со старым. Слово, обозначающее «новый», нередко приобретает два других значения, что затрудняет этимологический анализ.

а) «Новая». Этот признак лежит в основе алб. *ge(ja)* «сноха» и входит в название невестки в мордовском-мокша языке: *odig'va*, где *od* «новый» (< финноуг. **ude*) + *ig'va* (см. ниже).

б) «Неизвестная». Такая этимология широко представлена в славянских языках: *невеста*, *невестка*. *Nevěsta* происходит от *ne* + *věstu* (ср. *ведать*). Полагают, что такое название снохи нашло табуистический характер, предохраняя ее от злых духов при приходе в чужой дом (*Фасмер*, 55). В основе *невеста* заключены два значения «невеста» и «сноха (невестка)». Сочетание этих значений, как будет показано дальше, характерно для многих языков, но во многих славянских они стали различаться при помощи суффикса *-ка*, так что возникло два варианта для обозначения снохи:

— *nevesta*: словац. *nevesta*; чеш. *nevěsta*; бел. *njvesta*; укр. *nevista*; польск. *niewiasta*; словен. *nevěsta*; с.-х. *nějesta*, *nevesta*; болг. *neviasta*; в.-луж. *ńewěsta*. Эта форма заимствована в румынском: *nevestă*;

— *nevestka*: русск. *nevestka*; бел. *niavestka*; укр. *nevistka*.

Эта форма заимствована из русского рядом финно-угорских языков (в том числе и диалектные формы): фин. *neveskä*; кар. *neveska*; вепс. *nevesk*; саам. *nevesk*; удм. *n'evestk'a*; коми-п. *n'evestka*.

в) «Молодая». Молодость — не дифференциальный признак снохи: в семье есть дочери, которые могут быть моложе ее. Но этот потенциальный признак может лечь в основу наименования снохи. Возможно, на такое переосмысление повлиял и потенциальный признак молодости — «новизна»: молодая хозяйка есть новая хозяйка. Во многих языках слово *молодая* приобретает значение «сноха». В плане выражения новая номинация образуется с помощью конверсии, суффиксации или словосочетания:

— прямая конверсия прилагательного: исп. *joven*, кат. *jove*, латыш. *jaunava*, *jaunave* (все эти слова восходят к и.-е. *juwen* «молодой»); чеш. *mladá*; словен. *mlada*; рус. диал. *молодая*;

— суффиксация: рус. диал. *molodka*, *moloduha* (в литературном языке оба слова обозначают молодую замужнюю женщину вообще); коми-з. (заимствования из русского языка): *moloŋka*, *mólōjčča*;

— аналитическое обозначение (словосочетание): нем. диал. *de gunge Frah* «молодая женщина».

В. Семантические сдвиги (переносы с других наименований родства)

Эти сдвиги могут быть двоякого рода: между этапами матримониального процесса и внутри группы родственников.

а) Вступление в брак во многих обществах представляет собой процесс, состоящий из ряда этапов, важнейшими из которых являются сватовство, обручение, свадьба. В языке нередко изменение значения слова объясняется переносом его на иной этап того же процесса. Например, к одному корню в русском языке восходят слова *сватовство* (поиск супруга) и *свадьба* (закключительный этап процесса). Девушка, давшая обещание стать женой определенного человека (невеста, обру-

ченная), обычно становится его женой и снохой его родителей, которые, активно участвуя в подборе невесты, смотрели на нее как на будущую сноху. Все это способствовало размыванию границ между понятиями «невеста», «обрученная», «новобрачная», «сноха» и сдвигу в значениях соответствующих слов. Связь слов *невеста* и *невестка* в русском языке в этом отношении весьма показательна.

Во многих языках европейского ареала обнаруживается подобное скольжение смысла: слово «сноха» восходит к слову, значившему «невеста», то есть к более раннему этапу процесса: франц. *bru* (< лат. *brutis* < герм. **brūdi*, ср. готск. **bruths* «новобрачная», «невеста»); также ретором. *brut*; греч. *n'ifi* (< *pnyphē* «новобрачная, невеста»); карельск. *morzim* (первоначальное значение «невеста», «молодая женщина до рождения первого ребенка»); итал. диал. *sproza* (< лат. *sponsa* «невеста» от *spondere* «брать обязательство»); романи (цыг.) *bori* (< санскр. *varogū* «невеста», «новобрачная»).

б) Границы понятий родства характеризуются известной размытостью. Понятие «сноха» входит в группу «родственников по браку», возможны переносы значений внутри этой группы, при которых нейтрализуются определенные различительные признаки, свойственные понятию «сноха». Здесь отмечается два основных случая.

— Нейтрализация семы [б] — «прямая линия», «жена сына». Сноха через брак с сыном становится как бы новой — но не родной — дочерью, но поскольку сема [б] нейтрализуется, она уподобляется другой неродной дочери, приобретенной в браке, — «падчерице».

Во французском языке *belle-fille* выражает оба эти значения. В нидерландском *aangetrouwde dochter* «дочь, полученная через вступление в брак» означает сноху, при том, что *aangetrouwde kinderen* — неродных детей — пасынка и падчерицу.

В некоторых романских языках значение «сноха» заменило значение «падчерица»: оксит. *filhastra*, итал. диал. *filhastra* из лат. *filiastra* «падчерица». Поскольку суффикс *-astra* стал восприниматься как пейоративный, он был заменен суффиксом *-ada*: оксит. *filhado*.

— Нейтрализация семы [в] — «последующее поколение». При этом сноха уподобляется другим родственникам по браку (жене брата и т. п.). После разрушения римской системы родства термин *cognatus*, *-a* стал применяться для обозначения родственников по браку. Итал. *cognata*, исп. *cuñada* стали обозначать неродную сестру — жену брата, сестру мужа или жены. Греч. *kun'ada*, взятое из венецианского диалекта, получило значение «сноха».

Лит. *marti* «сноха» (уменьшит. *martele*) сопоставляется с *marša* «жена брата» (оба слова восходят к **mar*, отразившемуся в *meriga* «девица»).

Особый случай представляет морд.-эрзя *ig'va* «сноха». Предполагается, что оно восходит к заимствованному из и.-е. **orbh-* сирота, которое дано в финском *ограпа* «кузина, замужняя сестра или дочь». Здесь имеет место не только скольжение от одного вида неблизкого родственника к другому, но и деривация оценочного значения (неблизкая родственница уподобляется сироте в чужом доме). Мокш. *g'van'a*, эрз.

ug'ven'e «сноха» содержат уменьшительный суффикс, мокш. odir'v — префикс со значением «новый» (см. выше).

С этой номинацией оценочного происхождения можно сопоставить и бел. pjaboga «сноха» (от «бедная, несчастная»).

Г. Классификационные системы

Выше отмечалось, что в индивидуализированных обозначениях (ср. рус. *сноха*, *зять*, *шурин*, *деверь* и т. п.) системные связи терминов и объектов не отражаются. В классификационных системах обозначения некоторые различительные компоненты значений получают собственное обозначение, повторяясь в ряде терминов родства, так что форма номинации отражает в известной степени системные отношения между членами лексического (и понятийного) поля.

В европейских системах терминов родства можно выделить два типа классификационных обозначений.

а) Системы с семами, специально выражающими родство по браку [а] + [б, в, г]. Существует три таких модели: немецкая, английская и французская.

— В немецкой модели родство по браку выражается морфемой Schwieger: Schwiegertochter «сноха», ~sohn «зять», ~vater «тесть, свекр» и т. п. Эта морфема восходит к тому же корню, что и лат. socer, слав. *svekru. Восстанавливаемый и.-е. корень *swekru включает sve «свой» и kug «глава семьи», swekurog значит «хозяин» (*Гамкрелидзе, Иванов, 760*). По отношению к нему и определяются все родственники, так что Schwiegertochter исторически интерпретируется как «дочь свекра». Однако в современном языке Schwieger приобрело абстрактное значение «родственник по браку», образуя даже Schwiegereltern «родители мужа, жены». Аналогичные обозначения представлены в других германских языках: дат. svigerdatter (калька с немецкого); норв. svigerdatter (из датского), svigerdotter (калька с датского); фриз. svigerdochter (перевод с нидерландского); фернейск. svigardottir. Н.-луж. šwigeržowka представляет интересный случай контаминации заимствования (šwiger — из немецкого) и перевода (žowka «дочь» — перевод нем. tochter).

Сложное обозначение может подвергаться усечению. В нем. диал. schwiegr, schwigri «сноха» элемент обозначает лишь одного родственника из микросистемы и из классификационной системы перешел в индивидуализирующую.

— Английская модель. Классификационный элемент немецкой модели (schwieger) в современном языке сам по себе не мотивирован, он получает мотивацию только в комплексе образуемых им терминов. В отличие от немецкой, английская и французская системы используют классификаторы, обладающие известной мотивированностью в современном языке: англ. -in-law (*букв.* «в законе»), франц. beau- (*belle-*) (*букв.* «прекрасный», «милый»). Э. Бенвенист считает, что каждый из этих двух классификаторов исторически мотивирован: английский является «юридическим», французский восходит к выражению веж-

ливости (beau-père: отец супруга приравнивается к собственному отцу) (*Benveniste, 245–246*).

Английское обозначение снохи: daughter-in-law породило кальку в валлийском: merch yng nghyfraith и шотландском (с противоположным порядком слов): gnyd dochter.

— Французская система для обозначения родственников по браку использует морфему beau- (*belle-*), которая может, подобно ее немецкому и английскому аналогу, присоединяться к разнообразным терминам родства, например: belle-petite-fille «внучатая племянница», belle-famille «семья супруга» и т. п.

Фр. belle-fille «сноха» (*букв.* «прекрасная дочь») породила кальку в окситанском языке, в итальянских диалектах (*bella filia*), в бретонском (с обратным порядком слов): mehr kaer, в нидерландском: schoondochter, откуда во фризском schoandochter.

б) Системы с семами, выражающими пол [а, б, в] + [г]. В индивидуализирующей системе родства значение «пол» неразрывно связано со значением «тип родства», оба значения выражаются единой лексемой: сын «ребенок мужского пола», дочь «ребенок женского пола». Но нередки случаи, когда основа указывает на тип родства, а пол передается особой морфемой, как, например, в паре *внук/внучка*: основа *внук(ч)* представляется здесь как обозначение родственника второго нисходящего поколения по прямой линии, тогда как пол выражен чередованием морфем *Ø/-ка*. В некоторых языках такой прием используется и для обозначения снохи: наименование снохи образуется от термина «зять», с прибавлением показателя женского рода последний может иметь двоякую форму: суффикса женского рода или грамматической морфемы женского рода. Оба приема используются в романских языках:

— Суффиксация представлена суффиксом -esse: фр. диал. gendresse «сноха» от gendre «зять» (ср. prince — princesse); фр.-пров. gendressa.

— Грамматические формы имеют большое распространение (это соответствует способности романских языков различать род одушевленных существительных с помощью грамматических форм -о/-а и их вариантов): оксит. gendro «сноха» (ср. gendre «зять»), катал. gendra; порт. genra; исп. yerna (м. р. yerno).

Особенного распространения этот прием достиг в испанском языке, где многим супплетивным парам индоевропейских языков соответствуют термины родства, различающиеся грамматическими показателями. Ср. дед/бабка abuelo/abuela; брат/сестра hermano/hermana; дядя/тетка tio/tia. Пара yerno/nuera «зять/сноха» выпадала из этой общей системы, и по аналогии образовалась пара yerno/yerna. Но в этом случае основа yern- (от лат. geneg «зять») больше уже не значит «зять, муж дочери», она значит «родственник первого нисходящего поколения по браку», а идет ли речь о зяте или снохе, — уточняет грамматическое окончание рода. Таким образом значение основы обобщается и отделяется от значения пола. В некоторых испанских диалектах наблюдается обратный процесс: от nuera «сноха» образуется nuero

«зять». В таком случае основы пиег- и уегп- выступают как полные синонимы.

В аналитических обозначениях в качестве классифицирующей семьи может выступать совокупность [а, г] «жена»; ср. *жена сына* (сноха), *жена брата* (невестка).

Проведенный анализ показывает, что несмотря на разнообразие языковых семей, наименование снохи в языках Европы восходит к определенным типам внутренней формы, которые обусловлены объективными признаками самого объекта.

Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М., 1988.

Гамкрелидзе Т., Иванов В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984, т. II.

Меретуков М. А. Семья и брак у адыгских народов. Майкоп, 1987. Основы финно-угорского языкознания. М., 1974.

Севортян Э. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1980, т. 3.

Трубачев О. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987, т. III.

Benveniste E. Le vocabulaire des institutions indo-européennes. P., 1969, v. 2.

2. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами)*

Фразеологические единицы (ФЕ) библейского происхождения не раз были в последние годы предметом исследования (см. Бирх, Матешич 1994, к статье прилагается небольшая библиография по вопросу, Гак 1993). Здесь мы остановимся на двух аспектах проблемы: на соотношении между библейскими фразеологизмами (БФ) и самим текстом Библии и на принципах сравнения БФ в двух языках. Второй аспект позволит выявить определенный алгоритм сопоставления фразеологических единиц (ФЕ) двух языков вообще.

Библия — общий элемент культуры разноязычных обществ — по-разному отражена во фразеологии разных языков. Для выявления специфики библейских фразеологизмов в русском языке целесообразно сопоставить русскую библейскую фразеологию с текстом Библии и с аналогичной по происхождению фразеологией других языков. Мы будем сравнивать русские БФ с французскими. Всякий язык прояв-

ляет избирательность по отношению к объективному внеязыковому миру и по-своему отображает его. В данном случае таким фрагментом объективной действительности, отображающимся в фразеологии, является сам текст Библии.

Существует два основных фактора расхождений между ФЕ в разных языках: объективный и субъективный.

Объективный фактор — это природные и культурные реальности, свойственные одной стране и отсутствующие в другой. Например, выражения *avoir un cœur d'artichaut*; *se fermer comme une huître* содержат наименования реальностей (артишок, устрицы), которые более типичны для Франции, чем для России. К объективным факторам следует отнести также структурные особенности языка, в силу которых данная номинация принимает форму слова в одном языке и ФЕ — в другом.

Субъективный фактор заключается в самой произвольной избирательности, когда одни и те же реальности, равно свойственные двум цивилизациям, трактуются по-разному во фразеологии двух языков. Например, дрозд (франц. *merle*) живет и во Франции и в России, но во французском языке имеются ФЕ с названием этой птицы *merle blanc*, *siffler comme un merle*, *faute de grives*, *on mange des merles*, тогда как русской фразеологии эта птица неизвестна.

Оба отмеченных фактора оказывают существенное влияние на специфику библейской фразеологии в каждом данном языке.

А. Соотношение между БФ и текстом Библии

В каждом языке проявляется своеобразное соотношение между фразеологией и текстом Библии. В этом плане можно отметить пять оппозиций. Отдельные БФ могут быть предметом одновременно нескольких оппозиций.

1. Контекстуальные/ситуативные БФ. С точки зрения соотношения с текстом Библии БФ делятся прежде всего на две группы: *цитатные* (контекстуальные) и *ситуативные*. В первом случае ФЕ представляет собой элемент текста, иной раз несколько измененный. Так, *Камень преткновения* *La pierre d'achoppement* встречается дважды в тексте Библии (Ис 8, 14; Рим 9, 32¹). Во втором случае выражение в соответствующей форме в Библии отсутствует, но оно репрезентирует определенную ситуацию, описание которой в Библии может занимать даже несколько глав. Например, общеизвестное выражение *Ноев ковчег* *L'arche de Noé* не встречается в Библии, однако оно резюмирует ситуацию, рассказанную в Быт 6–7.

Вместе с тем следует отметить, что между этими типами БФ нет жесткой разграничительной линии. Контекстуальные БФ могут подвергаться различным трансформациям количественного порядка

¹ Указания на места в Библии даются на русском языке в принятых сокращениях. БФ начинаются с прописной буквы.

* Впервые опубликовано: ВЯ, 1997, № 5.

(усечения и добавления) или качественного (замена слов и грамматических форм), так что БФ из контекстуального превращается в ситуативный, выступая как символ определенной ситуации, описываемой в Библии. Например, русский БФ *Сучок в чужом глазу замечать* представляет собой усечение евангельской цитаты *Что ты смотришь на сучок в глазу брата твоего, а бревно в твоём глазу не чувствуешь?* (Мф 7, 5) с одновременными лексическими заменами: *смотреть на* — *замечать*, *глаз брата твоего* — *чужой глаз*; нередко сучок заменяется *соломинкой*. Во французском языке этому БФ соответствует *Voir une paille dans l'œil du prochain et ne pas voir la poutre dans le sien*. Однако чаще эта ситуация обозначается более кратким выражением: *C'est la paille et la poutre* (букв. «Это соломинка и бревно»), что можно рассматривать уже как ситуативный БФ. Тем не менее различие между двумя типами БФ существенно. Во-первых, в силу причин, о которых будет сказано ниже, в русском языке значительно больше цитатных БФ, чем во французском. Во-вторых, ситуативным БФ больше, чем контекстуальным, свойственны расхождения во внутренней форме.

2. Наличие / отсутствие конкретного БФ в языке. Существуют десятки БФ, аналогичных в двух языках: *Le fruit défendu* *Запретный плод* (Быт 2, 12); *Le colosse aux pieds d'argile* *Колосс на глиняных ногах* (Дан 2, 31–35); *Ne pas laisser pierre sur pierre. Ne laisser pierre sur pierre* *Не оставить камня на камне* (Мк 13, 22), *Jeter la pierre à qn* *Бросать камень в кого-л.* (Ин 8, 7) и многие другие.

Однако имеется немало случаев, когда данная библейская ситуация отобразилась в виде ФЕ в одном языке и не закрепились в другом. Как отмечалось выше, подобные различия объясняются двумя причинами: общей избирательностью и историко-культурными факторами.

Избирательность может быть проиллюстрирована следующими примерами. В русском языке есть БФ *Содом и Гоморра*, резюмирующий ситуацию, описанную в Быт 19, 24–25, и имеющий два значения «шум, беспорядок» (более частое) и «разврат, распущенность» (менее употребительное). Во французском языке эти слова в качестве ФЕ не закрепились, и их использование в названии романа М. Пруста «*Sodome et Gomorhe*» является индивидуальным авторским употреблением (писатель связал эти слова с понятием «содомский грех»). Русское *Содом и Гоморра!* (иногда в усеченной форме: *Содом!*) может обозначать интенсивность чего-либо нежелательного. Здесь подтверждается семантический закон, согласно которому завершением семантического развития слова становится выражение чувства или интенсивности. Например: — *Ну и мух у вас, Прокофий! Он оживленно подхватывает: — Мух! Содом! Я их с утра до вечера мну, великие тысячи помял* (Бунин. «Мухи»). Французская синтагма *Tout don excellent* не является ФЕ, в то время как его русский аналог *Всякое даяние благо* (Иак 1, 17) представляет собой весьма употребительный фразеологизм.

С другой стороны, известная евангельская притча о хозяине и работниках закрепились во французском языке в ситуативной ФЕ *Les ouvriers de la onzième heure* (Мф 20, 6), букв. «работники одиннадцатого часа», обозначающей тех, кто приходит, когда работа почти уже сделана. В русской фразеологии эта притча не получила отражения.

Вот характерный пример избирательности при формировании БФ. В Евангелии говорится: *Никто не может служить двум господам (...). Не можете служить богу и маммоне* (Мф 6, 24). Из двух синонимичных фраз стиха во французскую фразеологию перешла первая. *On ne peut servir deux maîtres à la fois*, в русскую — вторая (в несколько измененном виде). Можно привести еще ряд фразеологизмов библейского происхождения, представленных во французском языке и отсутствующих в русском: *Traversée du désert*, букв. «переход через пустыню» — реминисценция известной ситуации, описанной в «Исходе», — означает период трудностей и забвения, предшествующий триумфу; *Pleurer comme une Madeleine* (Лк 7, 37–47), букв. «плакать как Магдалина» — *заливаться горючими слезами*; *On ne meurt qu'une fois* (Евр 9, 27), букв. «Умирают только один раз», ср. *Двум смертям не бывать, а одной не миновать*; *Pêche miraculeuse* (Лк 5–11), букв. «Чудесная рыбная ловля» в значении «неожиданная удача»; *Monter sur la brèche* (Иез 13, 8), букв. «входить в пролом» в значении «быть на посту; сражаться в самом опасном месте» и другие. Можно заметить, что многие из этих выражений представляют собой ситуативные БФ, хотя возможны и контекстуальные, например *Semer la zizanie* (Мф 13, 25) «сеять плевелы», то есть «сеять раздор», *Sortir par le nez* (Чис 11, 20), букв. «выходить через ноздри», то есть «вызывать отвращение».

Наряду с субъективной избирательностью, в асимметричном отборе БФ в разных языках могут проявляться чисто языковые и, как отмечалось выше, культурные факторы.

К первым относится прежде всего то, что фразеологизму в одном языке может соответствовать в другом одно слово, которое формально не может быть отнесено к фразеологическим единицам. Например, французскому и русскому БФ *Козел отпущения* *Le bouc émissaire* (Лев 16, 21–22) в немецком соответствует сложное слово *Der Sündenbock*.

Можно выделить три причины культурного порядка, способствующие тому, что тот или иной БФ существует в русском языке и отсутствует во французском.

1) Наличие единственного общепринятого перевода Библии. Существование во Франции нескольких конкурирующих вариантов Библии явилось помехой для фиксации формы выражения. Может быть, с этим связано относительно большее тяготение французского языка к ситуативным, а не контекстуальным БФ. Даже во французских сборниках крылатых слов пользуются разными переводами. Например, Болонь (*Bologne* 1994) основывается на Экуменической Библии (1971) с привлечением вариантов из других современных переводов, тогда как Герлак (*Guerlac* 1961) использует переводы Леметра де Саси (XVII век) и в отдельных случаях — Сегона (начало

XX века). В русских же текстах все ссылки даются по Синодальному изданию (1876 г.).

2) Закрепление выражений в качестве ритуальных формул. Таково выражение *Тайна сия велика есть* (Еф 5, 32), которое произносится во время православного обряда бракосочетания. Соответствующая французская фраза *Ce mystère est de grande portée* не является фразеологизмом.

3) Язык богослужения. Это — важнейший историко-культурный фактор в фиксации БФ. Во Франции богослужение велось в течение многих веков на латинском языке, в России — на церковнославянском, на этих языках были вначале и составлены переводы Священного Писания. Но французский язык был уже структурно далек от латинского, из него могли быть усвоены лишь отдельные слова и речения. Уже на Турском соборе 813 г. было постановлено читать проповеди на «простонародной романской речи», так как латынь стала непонятна верующим. Иная языковая ситуация была в России. «Церковнославянский язык был гораздо более понятен массам России, чем латынь — массам Европы» (Винокур 1990, 91) Е. М. Верещагин уточняет эту ситуацию в приложении к переводам Библии: «Что касается Библии на русском языке, то, откровенно говоря, в ней длительное время не было надобности. Церковнославянский язык и сейчас, при условии минимальной начитанности, достаточно понятен» (Верещагин 1993, 70). Близкий к русскому языку, церковнославянский язык легко взаимодействовал с ним. К тому же он играл большую роль в обучении грамоте. М. Горький пишет в «Детстве» (а он воспитывался у деда в обычной мещанской семье), что его обучение началось с заучивания молитв на церковнославянском языке; не понимая слов, он переиначивал их, стараясь найти в них скрытый смысл (*Яко же — Яков же, я в коже*). Затем дед учил его славянской азбуке. Первая прочитанная им книга была псалтырь. И только позже его стали обучать гражданской азбуке. обороты из церковнославянского языка были постоянно в памяти русского человека: он видел их в книгах, он слышал их во время литургии. Тот же Горький рассказывает, что служивший конюхом у его деда дядя Петр «тоже был грамотен и весьма начитан от писания» (М. Горький. «Детство»), между ним и дедом возникали споры даже грамматического характера, надо ли говорить *согрешихом*, *беззаконовахом* или *согрешиша*, *беззаконоваша*. Фактически в те времена в русском обществе имели место элементы церковнославянско-русского двуязычия: люди охотно вкрапливали славянизмы в свою речь, переводили с одного языка на другой. Так, Чехов в «Рассказе неизвестного» пишет, что некий действительный статский советник, «карьерист из молодых» Кукушкин имел «неприятную претензию цеголять церковнославянскими текстами». Неприятной эта манера казалась, видимо, потому, что этот персонаж вставлял возвышенные слова в пошлый разговор. Яркий пример «переключения кода» (code-switching), перехода от одного языка к другому приводит Л. Толстой в «Отце Сергии». Какой-то купец

просит отца Сергия вылечить его дочь: — *Слабости она особой не имеет и корпусна, а только перастёниха. Если бы ныне отец Сергий приказал привести ее, я бы духом слетал. Отец святой, оживите сердце родителя, восстановите род его, — молитвами своими спасите болящую дочь его.* Характерно, что Толстой дает к этой сцене такой комментарий: *Он (купец) это сделал и сказал так, (...) как нечто ясно и твердо определенное законом и обычаем, как будто именно так, (...) надо и должно просить об исцелении (...).* И о Сергию показалось, что все это именно так и должно говорить и делать (там же). Мы видим, с какой естественностью купец от просторечных форм переходит к церковнославянским и что у церковнославянских форм была понятная для говорящих коммуникативная функция.

Многие библейские славянизмы включались в русскую речь не только в силу выражаемого ими значения, но и из-за их своеобразной языковой формы. Это были своего рода церковнославянские цитаты в русской речи, и они остались в ней в качестве фразеологизмов. Именно из библейских славянизмов вербовались в русском языке многие контекстуальные фразеологизмы. Соответствующие французские обороты образовывали ФЕ, поскольку они не представляли интереса ни с содержательной, ни с формальной стороны. Показательно, что в русских переводах Библии мы находим более современные варианты, которые не воспринимаются как ФЕ. Например, известное выражение, фигурирующее во всех словарях русского языка, *ничто же сумняшеся* (Иак 1,6) представляет собой подобный фразеологизм формы, цитату из церковнославянского текста. Его французский библейский эквивалент *sans hésitation*, так же как и вариант в русском Синодальном переводе *ни мало не сомневаясь*, не является ФЕ. То же обнаруживается и в следующих триадах (церковно-славянское выражение — фразеологизм, русский и французский переводы — не ФЕ):

Яко тать в нощи (1 Фес 5,2) — *Как тать ночью* — *Comme un voleur en pleine nuit*;

Власти предержащие (Рим 13,1) — *Существующие власти* — *Autorités en charge*;

Французская фраза *Vous serez la fable de tous les peuples* и русская *И будешь ты ужасом, притчей и посмешищем среди всех народов* (Втор 28, 37) не является идиоматическим выражением, тогда как вариант *Быть притчей во языцех* — ФЕ (слова *языцех* имеет старославянские форму и значение «народы»).

Разумеется, во французском языке имеются ФЕ, употребляющиеся в латинской форме, которым в русском языке могут соответствовать славянизмы: *Esse homo Се человек* (Ин 19, 5); *Nunc dimittis Ныне отпускаеши* (Лк 2, 29); *Non possumus* (Деян 4, 20) «мы не можем» (в русском языке это не отложилось в качестве ФЕ) и другие, но в целом их гораздо меньше, чем церковнославянских цитат среди русских БФ.

Таким образом, вследствие особой роли церковнославянского языка в русской культуре, в русском языке относительно больше цитатных БФ.

3. Первичные / вторичные БФ. Первичные БФ непосредственно отражают библейский текст или ситуацию. К ним относятся подавляющее большинство БФ, в том числе все те, что упоминались выше. Вторичные БФ лишь отдаленно связываются с текстом Библии. Возьмем, например, выражения, включающие слова *Адам* и *Ева*. Об Адаме и Еве в Библии говорится, что это были первые люди, что они не носили одежды. Они символизируют также мужчину и женщину вообще. Поэтому выражения типа *Со времен Адама и Евы, В костюме Адама (Евы); Дочь Евы; Адамово яблоко* могут быть характеризованы как первичные, соотносящиеся с определенными ситуациями Библии. Но вот французские БФ, обозначающие руку, «пятерню», отсутствие нужного орудия *Le peigne d'Adam, la fourchette d'Adam, le mouchoir d'Adam* (букв «гребешок, вилка, носовой платок Адама»), являются вторичными, они развивают идею «в костюме Адама», хотя в тексте книги не говорится, что Адам и Ева или их причесывались руками. Также и ФЕ *Etre frère du côté d'Adam*, букв. «быть братом со стороны Адама», то есть десятой водой на киселе. *N'avoir pas péché en Adam*, букв. «не грешить как Адам» то есть «быть верхом добродетели». Среди русских БФ подобных единиц меньше, чем среди французских.

4. Непосредственные / опосредованные БФ. Первые восходят непосредственно к Библии, на других лежит печать заимствования из другого языка или творчества отдельных авторов. Так, БФ *В костюме Адама* вошло в русский язык, видимо, через французский, как об этом свидетельствует слово *костюм*. По-видимому, и БФ *Люди доброй воли* представляет собой перевод французского *Hommes de bonne volonté*, которое является в свою очередь воспроизведением латинского текста знаменитого пения ангелов, славящих рождение Иисуса (Лк 2,147): *Gloria in excelsis Deo et in terra pax hominibus bonis voluntatis*. В Синодальном тексте этому соответствует «и на земле мир, в человеках благоволение». Библейское выражение *А ты кто, который судишь другого?* (Рим 14,4) укрепилось в русском языке в форме *А судьи кто?* — цитаты из «Горя от ума» А. Грибоедова. В подобном случае библеизм сближается с писательской реминисценцией.

5. Прямые / переосмысленные БФ. В последнем приведенном примере преобразование библейской цитаты касалось только ее формы, но не содержания. Однако нередко при сохранении (в целом) формы изменяется значение библейского выражения. Семантическая трансформация способствует фразеологизации библейского словосочетания. Например, упомянутые выше два французских БФ изменили свое значение в процессе фразеологизации. В притче о работниках в винограднике (Мф 20) хозяин заплатил по динарию и работникам, которых он нанял с утра, и тем, которых он нанял в одиннадцать часов, поскольку он так договаривался с теми и другими. При расчете

пришедшие раньше стали роптать, поскольку они проработали больше, хотя и получили обещанное. Притча направлена против зависти и вместе с тем указывает, на более высоком философском уровне, что всякий, примкнувший к вере Христа, получает равную благодать, независимо от времени обращения. Однако во французском языке выражение приобрело иное значение: «работник одиннадцатого часа» обозначает человека, примкнувшего к делу, когда оно почти уже завершилось (ср. русск. *прийти к шапочному разбору*). Здесь в основе сдвига значения лежит метонимия. Евангельская притча направлена против зависти, современное выражение — против лени и устранения от общего дела. Выражение *Traversée du désert* появилось в 1960-е годы для обозначения периода 1952–58 гг., когда де Голль оставил руководство страной, отошел от политической жизни, а затем вернулся к власти. Здесь выражение претерпело метафоризацию.

В русском языке переосмыслению может способствовать наличие в БФ церковнославянизмов, первоначальное значение которых забывается. Так произошло с выражением *Тьма крошечная* (Мф 22,13), которое поначалу указывало на «внешнюю тьму», куда ввергали грешников, а теперь обозначает беспросветную темноту. Соответствующее место во французском тексте (*les ténèbres extérieures*) не имеет статуса ФЕ. В русском языке *крошечный* стало показателем крайней интенсивности (*ад крошечный* и др.). Иногда переосмысление при фразеологизации менее явно. Например, известный БФ *Глас вопиющего в пустыне* (Ис 40,3) в Библии обозначает предупреждение, обращение внимания на важное явление, а в современном фразеологическом употреблении значит «напрасный призыв; призыв, остающийся без ответа».

Давно замечено, что сакральное имеет тенденцию к десакрализации. Многие священные формулы, цитаты из священных книг, названия предметов культа в различных языках превращаются в иронические речения и даже в бранные слова. Такова судьба франц. *sacré* («священный» → «проклятый»), русск. *блаженный*. Такая же судьба бывает и у библейских цитат. Во французском варианте псалма 22, 2 говорится: *Le Seigneur m'a établi dans un lieu abondant en pâturages*. В русском переводе мы читаем: *Он (Бог) покоит меня на златных пажитках*. Слово *златный* в сочетании *златное место* приобрело иронический оттенок; выражение значит «место разврата».

Переосмысление библеизма может быть результатом писательской деятельности. Яркий пример этому дает ФЕ *Башня из слоновой кости*. В «Песне песней» шея возлюбленной сравнивается со столпом из слоновой кости (Песн 7,5), во французском переводе с башней из слоновой кости (*la tour d'ivoire*). Французский критик Сент-Бен использовал это выражение (в 1837 г.) при характеристике поэта А. де Виньи, отошедшего от активной деятельности. Метафоризации выражения во французском языке способствовало, возможно, то, что в средние века башни замков нередко были убежищем для затворников. Понятие «столп», используемое в русском переводе, не подходило бы для по-

добной метафоры. Французское выражение было усвоено в новой форме и с новым значением.

Б. Сопоставление БФ в разных языках

Это сопоставление целесообразно проводить в семиотическом плане, различая расхождения в плане содержания, в плане выражения и в плане функционирования. Что же касается плана выражения, то анализируется три его аспекта, его внешняя форма, внутренняя форма и его соотношение с планом содержания. Таким образом, можно предложить алгоритм сопоставительного анализа БФ, который может быть распространен на другие ФЕ. Этот алгоритм включает пять этапов или шагов анализа.

На первом этапе ФЕ рассматриваются в аспекте содержания, значения. Выявляется, имеются ли ФЕ с данным значением в обоих языках. На дальнейшем этапе исследуются только ФЕ одинакового значения, представленные в обоих сравниваемых языках.

На втором этапе анализируются расхождения и схождения аналогичных ФЕ в их **внешней форме**. Различия могут касаться лексической и грамматической структуры фразеологизмов.

На третьем этапе ФЕ сопоставляются с точки зрения их **внутренней формы**.

Четвертый этап посвящен анализу соотношения между **формой и содержанием** аналогичных ФЕ в двух языках.

Наконец, пятый этап касается **функционирования** аналогичных ФЕ. Функционирование охватывает в свою очередь два аспекта: **частотность**, употребительность данных ФЕ и структурно-семантическую **деривацию** — образование новых форм или новых значений от данного БФ.

1. Сопоставление в аспекте содержания было представлено выше, когда рассматривались случаи отсутствия БФ в одном из сравниваемых языков вследствие того, что данное выражение по той или иной причине подверглось фразеологизации только в одном из них или же данное значение не нашло отражения в языке в виде БФ.

2. Сопоставление БФ в плане их **внешней формы** касается единиц, представленных в обоих языках. Расхождения во внешней форме могут иметь количественный или качественный характер.

В первом случае лексико-грамматические расхождения проявляются в добавлении или опущении слова и в связанных с этим трансформациях в структуре предложения: Pays de lait et de miel (букв. «земля молока и меда») *Земля, где течет молоко и мед*; Земля, киплящая молоком и медом (Исх. 3, 8); Marque au front de Caïn (букв. «печать на лбу Каина») *Каинова печать* (Быт 4). Слова могут быть опущены или добавлены без ущерба для общего смысла высказывания в силу их семантической избыточности в данном случае.

Расхождения качественного характера проявляются в использовании различных грамматических форм и слов.

Что касается грамматики, то наиболее часто отмечаются различия временных планов. Например: Qui sème le vent récolte (или: moissonne) la tempête и *Кто сеет ветер, пожнет бурю* (Ос 8, 7) — во французской ФЕ глагол в настоящем времени, в русской — в будущем. Это объясняется тем, что в силу известных особенностей русского глагола, в синтаксических высказываниях общего значения в русском языке часто используется будущее время.

Большой интерес представляют лексические расхождения. Логические отношения между номинациями при лексических расхождениях могут принимать форму равнозначности (синонимии), смещения, включения.

а) Синонимия проявляется прежде всего в использовании разных стилистических синонимов.

И русский, и французский слог Библии представляется торжественным, приподнятым, но формируется этот слог различно. В русском языке это происходит в значительной степени за счет архаизмов и единиц стилистически повышенной лексики, которые вошли в русский язык именно благодаря переводам Библии. Во французском языке таких пластов лексики практически нет. Библия содержит обыденные нейтральные слова. «Высокий стиль» во французском языке зависит не столько от употребления высоких слов, сколько от неупотребления слов и конструкций разговорных, снижающих. В этом смысле французский «высокий слог» понятие, в основном, негативное» (Эткинд 1963: 204). Поэтому нередко в БФ французскому нейтральному слову, которое можно встретить в любом стиле, в русском варианте БФ соответствует архаическое слово, либо синоним, относящийся к поэтическому стилю. Нередко эти слова по своему происхождению являются заимствованиями из церковнославянского текста Библии. Например Il n'est pas de ce monde *Он не от мира сего* (Ин 18, 36); Cherchez et vous trouverez *Ищите и обряцете* (Мф 7, 7); Le buisson ardent *Неопалимая купина* (Исх 3, 2); La Terre promise *Обетованная земля* (Евр. 11, 12), La droite de Dieu *Десница божья* (Исх 15, 6); Comme la grunelle de ses yeux (Беречь) *как зеницу ока* (Втор 32,10); Une brebis égarée *Заблудшая овца* (Мф 18,12). Французское слово égaré может быть употреблено и в прямом смысле (например, des touristes égarés), в русском же языке имеет место дифференциация: в прямом значении употребляется *заблудившийся*: *заблудившиеся туристы*, *заблудший* — только в переносном (например, *заблудшие души*).

Иногда целые предложения в русском языке употребляются в церковнославянской форме, тогда как их французские аналоги — в формах современного языка. Ср. A chaque jour suffit sa peine и *Довлеет дневи злоба его* (Мф 6, 34), Donne-nous notre pain quotidien и *Хлеб наш насущный даждь нам днесь* (Мф 6, 11). В русском языке возможны два стилистических варианта: *Строить на песке* или *на песце* (Мф 7, 26); *Глас* или *голос вопиющего в пустыне* (Ис 40, 3). Во французских

БФ возможны синонимы, объясняющиеся различными переводами, но принадлежащие к одному стилю, например, L'enfant (le fils) prodigue (Лк 15, 11–32), для русских БФ более характерна стилистическая синонимия.

Возможность иметь два варианта — возвышенный и нейтральный — может быть использована в русском языке в стилистических целях. Французскому выражению Le veau d'or (Ех 32) может соответствовать и библеизм *Златой (золотой) телец* (Исх 32, 1–35) и нейтральное *Золотой теленок*, употребленное иронически в заглавии романа Ильфа и Петрова (во французском переводе смысловое столкновение этих вариантов остается неотраженным).

б) Смещение заключается в том, что в разных вариантах БФ используются слова, обозначающие соподчиненные понятия. Например L'obole de la veuve и *Лепта вдовицы* (Лк 21, 1–4) (обол и лепта — названия разных монет); Rien de nouveau sous le soleil и *Ничто не ново под луною* (Еккл 1, 9–10); солнце и луна — названия двух светил; в русском варианте луна закрепилась благодаря стихотворению Н. М. Карамзина «Выбранные места из Екклезиаста» (1797 г.) (*Ашукин, Ашукина* 1960: 417) Своеобразный случай смещения наблюдается в БФ. *Посылать от Понтия к Пилату* по сравнению с Etre renvoyé de Pilate à Hérode (Лк 23, 7–11) (замена одного имени человека другим).

в) Логические отношения включения могут иметь две разновидности: гипер-гипонимические (родовой термин — видовой термин, согласно иерархии «быть») и меронимическое (целое — часть, соответственно иерархии «иметь»). Первый тип отношения может быть проиллюстрирован примером Vendre contre un plat de lentilles и *Продать за чечевичную похлебку* (Быт 25, 34) Во французском варианте использован гипероним plat — «блюдо вообще», без уточнения его характера, в русском — гипоним *похлебка* (разновидность блюда). Меронимия (часть — целое) представлена в БФ *В поте лица своего* (Быт 3, 19) и A la sueur de son front (букв. «своего лба»; лоб — «часть лица»). Можно отметить, что эти два примера соответствуют общим тенденциям номинации в русском и французском языках. Во французском тексте относительно больше гиперонимов, в русском — слов, указывающих на целое (*Гак* 1977: 97, 137).

3. Многие БФ характеризуются расхождениями во внутренней форме. Внутренняя форма есть признак предмета, положенный в основу наименования. Этот вид межъязыковых расхождений свойствен прежде всего ситуативным ФЕ В разных языках в качестве основы номинации могут быть избраны различные черты одной и той же ситуации, в силу чего и образуются разные по внутренней и внешней форме БФ. Ужин Христа с учениками был их последним и тайным свиданием. В английском и испанском обозначениях этого события актуализируется первая черта The last supper; La última cena, в русском — вторая: *Тайная вечеря*. Младший сын из притчи (Лук 15, 11–32) оставил отчий дом, отправился бродяжничать, промотал свое состояние. В русском языке он назван по первому признаку: *Блудный сын*,

во французском по второму: le fils prodigue, букв. «сын-расточитель». Во внутренней форме немецкого эквивалента отражено отношение к этому сыну со стороны отца: Der verlorene Sohn (сын был потерян для отца). Пожалуй, из трех обозначений наиболее близко к глубинной сути притчи немецкое, ибо главным персонажем истории является не сын, а отец, и основная моральная проблема заключается в том, как следует относиться к упешдшему и вновь обретенному сыну и, в философском плане, к отпавшим и возвратившимся адептам веры. Также внутренней формой различаются БФ: Jusqu'au jugement dernier и *До страшного суда* (Мф 10, 15). Христос шел на Голгофу, неся свой крест. Разные аспекты этой ситуации отразились в синонимичных БФ Monter (graver) son Calvaire, букв. «подниматься на Голгофу» и *Нести свой крест* Porter sa croix (Ин 19, 7).

4. Расхождение в соотношении формы и содержания проявляется в их асимметрии одно и то же выражение приобретает в разных языках различные значения (многозначность) и, напротив, одна и та же ситуация описывается выражениями, различными по своему составу (синонимия).

В первом случае мы можем столкнуться с «ложными друзьями переводчика»: аналогичный по форме БФ имеет семантические различия в двух языках. Таковы l'abomination de la désolation (Мф 24, 15) и *Мерзость запустения*. Если русская ФЕ обозначает прежде всего «вапустение, разорение», то французский аналог может обозначать «великий грех, скандальное явление» (иногда с оттенком иронии).

Второй случай (синонимия) проявляется в разных ФЕ, имеющих общее значение. Например, неожиданное изменение убеждений обозначается по-французски Le chemin de Damas (Деян 9); букв. «дорога в Дамаск» и по-русски *Превращение Савла в Павла* (По дороге в Дамаск будущий ап. Павел имел видение и резко изменил свою веру). Это различие в БФ двух языков может быть интерпретировано как отражение различных аспектов одного и того же события.

5. Различия в функционировании БФ проявляются прежде всего в частотности употребления их в речи на разных языках. Можно отметить общую частотность употребления БФ: наблюдения позволяют сделать вывод, что в русской классической литературе БФ в целом употреблялись чаще, чем во французской. Частично это может быть объяснено наличием многих фразеологизмов формы, о которых говорилось выше. Однако в современной журналистике французские авторы сравнительно чаще прибегают к образам и формулам Священного Писания. Выше приводились примеры БФ, которые французские авторы «пустили в оборот» в последнее время (Traversée du désert и др.). Можно отметить также различную частотность отдельных БФ. Так, французское La saint des saints не имеет такой частотности, диапазона употреблений и смысловых оттенков, как русское *Святая святых* (Исх 26, 34). См. многочисленные примеры в (*Бабкин* 1970: 151–157).

Другой аспект функционирования БФ — их структурные и семантические дериваты. Структурный дериват — это производная от первоначальной формы выражения структура, которая получает самостоятельную жизнь в языке. См. выше пример с французским БФ *La paille et la poutre*.

При семантической деривации отделившийся от БФ элемент приобретает новое значение, отсутствующее в другом языке. Русское *Вавилонское столпотворение* (Быт 11, 1–9) и французское *La tour de Babel* — аналогичные ситуационные ФЕ. Но в русском выражении ведущим оказалось слово *столпотворение*, прилагательное *вавилонское* нередко опускается. В современном языке *столп* — архаизм, слово *столпотворение* ассоциируется скорее со словами *столпиться*, *толпа*. Основное значение ФЕ — «суматоха, беспорядок». Во французском выражении ведущий компонент — *Babel*, слово *tour* часто опускается, *une babel* может обозначать не только шумное собрание или языковое непонимание, но и путаницу, без участия шума: *une babel de couloirs* «путаница коридоров». Таким образом, два выражения, восходящие к одному источнику, претерпели в разных языках различные структурные и семантические трансформации.

В обоих языках есть выражение Египетские казни (Исх 7–12) *Les dix plaies d'Egypte*. Во французском языке оно породило метафору: *Quelle plaie!* Чистое наказание (о чем-либо или о ком-либо неприятном), в русском ряд БФ: *Тьма египетская*, *Египетский труд* (со значением интенсивности).

В процессе функционирования БФ могут приобретать более широкое значение, либо более специфическое, нередко шутливое, ироническое. Например, в русском языке БФ *Великий охотник перед господом* (о Немвроде, Быт 10,9) применяется обычно по отношению к охотникам. Французский производный фразеологизм *Grand ... devant l'Eternel* может употребляться иронически или с симпатией о любом человеке, выдающемся в своей области. *Travailler dans la vigne du Seigneur* (Ис 5, 1–7) *Трудиться в вертограде Господнем* значит «трудиться в лоне церкви». Однако во французском языке на базе этого выражения возникла шутливая ФЕ *Tomber dans la vigne du Seigneur* «сильно напиться» (букв. «попасть в виноградник господень»). Здесь слово *vigne* («виноградник») употреблено в своем прямом значении.

В заключение остановимся еще на одном аспекте ФЕ библейского происхождения. Носители языка не всегда четко производят атрибуцию употребляемого выражения. Здесь возможны ошибки двоякого плана: либо БФ приписывают иному источнику, либо в число БФ включаются выражения, не имеющие отношения к Библии. В России это объясняется, по-видимому, тем, что в течение десятилетий у говорящих не было контакта с библейскими текстами.

Ошибку первого рода допустил в своем выступлении один советский писатель на Съезде Народных депутатов, который сказал: «Как гласит французская пословица, “Отцы ели кислый виноград, а у де-

тей на зубах оскомила...». Но это — не французская пословица, а известное место из Библии (Иез 18, 2).

Неточность противоположного свойства содержится в слове крылатых слов (*Ашукин, Ашукина* 1960, 354). Здесь утверждается, что выражение *Мертвая буква* взято из 2 Кор 3, 6. Оно иллюстрируется двумя примерами, в одном из которых представлена ФЕ *Дух, а не буква*, в другом — *Мертвая буква* (в административном документе). В послании ап. Павла (2 Кор) говорится: *Он дал нам способность быть слушателями Нового Завета, не буквы, а духа: потому что буква убивает, а дух животворит*. Однако выражение *Мертвая буква, Стать мертвой буквой* происходят не от этой библейской цитаты, а являются переводом французского выражения *Lettre morte*, восходящего к XVI веку и употреблявшегося в юридических текстах для обозначения недействительного, потерявшего силу положения. Приведем еще один пример. В «Независимой газете» (июнь 1997 г.) один ведущий научный сотрудник Института философии НАН Украины сказал: *Мне кажется, что ныне, в условиях возникновения двух новых государств, старая библейская истина — мертвый хватает живого — как нельзя более актуальна*. В Библии можно найти изречения, призывающие к перемене, к обновлению взглядов, например, *Совлечь с себя ветхого Адама (человека)* (Еф 4,22), но выражение *Мертвый хватает живого* не имеет к ней отношения: оно восходит к французской юридической максиме, сформулированной юристом де л'Оммо (в 1614 г.) и означавшей, что с момента смерти какого-либо лица его наследник автоматически становится владельцем его имущества (*Rey, Chantreau* 1993, 528).

Конечно, тот факт, что Библии приписывают высказывания, которых в ней нет, свидетельствует о ее великом престиже. Но еще больше говорит о значении этой книги для развития духа народа и его языка то, что огромное число библеизмов утратили связь с текстом и настолько вошли в плоть русского и других языков, что уже не ощущаются как библеизмы.

Например, *Проливать потоки слез* (Пс 118,136); *Сидеть сложа руки* (Еккл 4,5); *За кусок хлеба* (Притч 28,2); *Тринадцать за столом* (Мф 26); *(Ему) ни тепло ни холодно* (Откр 3,16); *Каменное сердце* (Иез 36,26); *Направо и налево* (Зах 12,6); *Попасть в собственную ловушку* (Притч 11,6); *Капля в море* (Сир 18,10), *Как один человек* (Суд 20,1); *Будь человеком* (1 Цар 2,2); *С неба упасть* (Исх 16,15); *(На нем одна) кожа да кости* (Пс 101,6) и многие, многие другие.

В сравнении с французским языком в русском больше цитатных БФ, сами БФ менее вариативны и дают меньше производных, но они употребительны во всех стилях речи.

- Бирх А., Матейшич Й. Из истории русских библейских выражений // Русский язык за рубежом. 1994. № 5-6.
- Верещагин Е. М. Почему Библия называется Библией и сколько в ней книг // Азия и Африка сегодня. 1993. № 7.
- Винокур Г. О. Филологические исследования. М., 1990.
- Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977.
- Гак В. Г. Вопросы сопоставительной фразеологии (библейзмы в русском и французском языках) // Научные труды МГПУ им. В. И. Ленина. Сер. Гуманитарные науки. М., 1994.
- Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод. М.-Л., 1963.
- Bologne J.-Cl. Les Allusions bibliques. Dictionnaire commenté des allusions d'origine biblique. P., 1994.
- Rey A., Chantreau S. 1993 — Dictionnaire des expressions et locutions. P., 1993.

ГЛАВА VIII

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СВЕТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Особый тип языковых преобразований составляет индивидуальное творчество авторов. Однако в большинстве случаев это творчество сводится к специфическому индивидуальному использованию общих типов языкового варьирования. Это мы пытались показать на примере творчества Б. Пильняка.

Более глубоким преобразованием является не перевод, а переложение текста, которое приводит нередко к изменению образной структуры подлинника. Характерным примером такого преобразования является переложение басен Лафонтена И. А. Крыловым.

1. Новаторство, заимствование, совпадение*

В своих работах о языке художественной литературы Г. О. Винокур большое внимание уделял языковому новаторству писателей. Его книга — «Маяковский — новатор языка» (Винокур, 317-407) излагает разработанную им общую теорию литературного новаторства, иллюстрируемую тонким анализом речи конкретного автора — Маяковского. В настоящей статье мы остановимся на некоторых вопросах, связанных с этой проблематикой.

Г. О. Винокур различает новаторство собственно языковое и стилистическое. Что касается языкового новаторства — образования новых слов, грамматических форм и конструкций, то он отмечает три процесса: создание абсолютно новых элементов, образование по существующим в языке моделям и оживление старых форм.

Очень интересным является замечание Винокура, что некоторые новшества писателей представляют собой возврат к прежним, но забытым формам языка. По аналогии с биологией здесь можно сказать, что онтогенез — развитие отдельной особи, есть краткое повторение филогенеза — развития вида в целом. Отдельный писатель, создавая

* В основе данного раздела лежит доклад, прочитанный на конференции, посвященной 100-летию Г. О. Винокура (ИРЯ, 1997).

слово или форму, повторяет тот же эволюционный путь, который в свое время был пройден языком — носителями языка — в целом. Это иллюстрирует идею Гумбольдта, что каждый язык обладает определенной внутренней формой, которая способна у разных носителей языка и даже в разное время порождать однотипные внутренние и внешние языковые формы.

К трем источникам новаторства, о которых говорилось выше, можно добавить заимствование, которое играло вообще большую роль как в истории всех языков, так и в творчестве многих писателей. Заимствование можно разделить в свою очередь на три категории: прямое заимствование; калька (с сохранением смысла); формирование по модели другого языка (берется только модель).

Например, калька имеет место в том случае, когда автор дословно воспроизводит иноязычный фразеологизм с целью оживления стиля. Исследователи стиля французских писателей русского происхождения отмечали у них случаи дословного перевода стандартного русского фразеологизма, который во французском тексте звучал живо и оригинально.

Непросто отличить заимствование от собственного творчества, даже когда речь идет об отдельном слове. Как пример выдуманных слов в книге Г. О. Винокура приводятся *кубоаа*, созданное Гамсуном, а также *сикамбр* и *умбракул* у Горького. Норвежское слово действительно создано искусственно, как это отмечается в самом романе Гамсуна (*Винокур*, 326), но два «горьковских» слова искусственными не являются. Многие персонажи Горького — полуобразованные или необразованные, но ценящие образованность люди — питают страсть к ученым словам. Таков и Сатин, бывший телеграфист, который прямо говорит: «Люблю непонятные, редкие слова». Он проносит ряд таких слов: *органон*, *макробиотика*, *трансцендентальный*, среди которых и *сикамбр*. Сикамбры — германское племя, принявшее участие в завоевании Галлии. Когда франкский король Хлодвиг крестился в Реймсе, епископ Ремигий сказал ему: «Склони голову, гордый сикамбр, сожги то, чему поклонялся, поклонись тому, кто сжигал». Эта фраза стала крылатым изречением, популярным и в России, ее мог слышать Сатин. Слово *умбракул* упоминается в мистической книге, которую по требованию повара Смурого читает вслух Алексей Пешков («В людях»). Это русский вариант латинского *umbra culum*, от *umbra* тень, что значит «сень, покрытое пространство, помещение». Таким образом оба слова являются заимствованными.

Еще сложнее отличить заимствование, когда речь идет о словосочетаниях и синтаксических моделях. Л. В. Щерба писал, что в русской литературной стилистике «народные элементы образуют обыкновенную речь, уточненную зачастую совершенно незаметным для вооруженного глаза французским влиянием» (*Щерба* 1954, 125). Действительно, трудно подчас отличить кальки от собственных образований. Например, что такое *имею честь* — образование внутри русского языка или же калька с французского *j'ai l'honneur*.

Нередко одно и то же явление в одном языке может быть более распространенным, узуальным и следовательно менее отмеченным стилистически, тогда как в другом выступает как яркое стилистическое средство, свойственное идиостилю данного автора. Если известно, что автор владел этим языком, частотность явления в нем может быть одним из свидетельств того, что рассматриваемый стилистический прием был сформирован под влиянием этого языка.

Г. О. Винокур разбирает один из таких фактов (375). Встречающиеся у Пушкина конструкции с абсолютным существительным типа:

Когда с угрозами и, слезы на глазах,
Мой проклиная век...

(Пушкин. «Андрей Шенье»)

авторитетные исследователи (Корш, Жирмуновский, Виноградов) считают галлицизмом, хотя синтаксическое обособление может наблюдаться и в русской разговорной речи. И тем не менее, для обсуждения вопроса существенно не только то, что этот оборот у Пушкина лексически соответствует французскому употребительному *les jambes aux uex*, но то, что данная конструкция вообще весьма распространена в этом языке при описании позы или переживаний персонажа, составляя 5% всех обстоятельств образа действия в тексте (*Гак*, 142–145, 150). При переводе на русский язык она не воспроизводится, но заменяется деепричастным оборотом, (добавляется глагол по смыслу), конструкцией с предлогом *с* и др. Например, *Il marchait les bras ballants* (букв. «он шел, руки болтающиеся») *Он шел, размахивая руками*; *Elle était assise les coudes sur la table* (букв. «она сидела, локти на столе») *Она сидела, положив локти на стол*. Есть основания причислить упомянутый выше пушкинский оборот к «незаметным галлицизмам».

Другой пример. В *Песне о Вещем Олеге* Пушкин пишет: *И друга он гладит прощальной рукой*. Во французском языке нет прилагательного *прощальный*; соответствующее значение передается существительным с предлогом. И тем не менее этот оборот тоже можно считать «незаметным галлицизмом». Французские наречия, образуемые обычно от прилагательных суффиксом *-(e)ment*, громоздки, мало поэтичны. Поэтому действие характеризуется часто не наречием, а прилагательным, относящимся к слову, обозначающему часть тела, которая участвует в данном действии. Например, *écouter d'une oreille attentive* (букв. «слушать внимательным ухом») *слушать внимательно*; *écrire d'une main hâtive* (букв. «писать торопливой рукой») *торопливо писать*; *donner à pleines mains* (букв. «раздавать полными руками») *щедро давать, не считая* и т. п. Французские руководства по стилистике рекомендуют подобными оборотами заменять наречия. Быть может, Пушкин, привыкший к такой синекдохе во французских текстах, использовал эту модель, что прозвучало очень свежо в его стихе.

Примеры из Пушкина подтверждают, что наряду с заимствованием модели вместе с лексико-семантическим наполнением возможно заимствование модели, принципа организации высказывания или его

части, с оригинальным лексическим наполнением. Надо сказать, что синтаксическая конструкция используется и в русском языке, хотя далеко не так активно, как во французском. Например, у Б. Пильняка мы читаем: *Глазами знатока и руками мастера погладил (он) пучку дивана*. Выражение *руками мастера* возможно является калькой с французского *de main de maître*. Или у современного писателя: *Триходила мама, садилась на край кушетки, (...) пугливой рукой пробегала по плечу или спине Меркадьева* (М. Смоляницкий. «Осведомленный», «Знамя», 1993, 3).

Итак, авторское новшество в его отношении к сходным фактам другого языка может представлять собой заимствование, быть вдохновленным этим языком, либо совпадение, вне влияния норм другого языка. Если писатель использует в качестве стилистических приемов грамматические формы и конструкции, которые являются более распространенными и нейтральными в другом известном ему языке, то можно предполагать нарочитое или неосознанное заимствование из этого языка. И то, что в другом языке обычно и банально, в родном становится необычным и стилистически отмеченным, особенно с новым лексико-семантическим наполнением. При этом некоторые новшества и находки, осуществленные независимо, могут оказаться подобны фактам, существующим в других языках.

Рассмотрим некоторые примеры из повестей Бориса Пильняка (Пильняк 1989), стремившегося писать в своеобразной, порой экстраординарной, манере. Писатель знал французский и немецкий языки. Некоторые приемы его письма воспроизводят структуры, выступающие как обычные явления в этих языках.

Французскому языку в большой степени свойственно отыменное образование глаголов, тогда как в русском значительно шире развито аффиксальное образование новых глаголов. С помощью простой конверсии, либо конверсии в сочетании с префиксацией, во французском языке может быть образован глагол чуть ли не от каждого существительного, даже таких как «пол», «потолок», «стена», «стол», «кровать» и т. п. Б. Пильняк широко пользуется приемом отыменного образования глаголов, правда чаще от отвлеченных имен или с суффиксом *-ств(о)*: *одиночествовать*; *заводствовать*; *строительствовать*; *слокочиться* (о баках на лице); *инженеры скважили недра московских земель*; *скулы его славянствовали*; *скулы его землели* (то есть, были бледными) и др. По-видимому, этот прием был вообще свойствен речи писателя. Так, в одном из своих писем он пишет: *(Суд) представительствует мои права за пределами СССР; ...Когда в Берлине был Ладыжников, представлятельствовавший «Знание»* (19). Современная языковая норма предпочла бы в этих контекстах глагол *представлять*, а глагол *представлятельствовать* употреблять как переключенный (где-л.).

Во французском языке связь между граммемой числа и значением существительного в целом менее жесткая, чем в русском, вследствие чего многие существительные абстрактные, несчисляемые, единич-

ные легко получают морфему множественного числа. Г. О. Винокур приводит целый ряд существительных, которым Маяковский придал форму множественного числа вопреки существующей норме: *любви* (*из любвей и соловьев какое-то вариво*), *наших* *золот*, *железа шипящие*, *дух жариваемых* *мяс*, *еды* и др. Любопытно, что большинство из них имеют нормативное множественное во французском языке: *amours*, *ors*, *vianades*, (*les*) *geras*. Встречающиеся у писателей XIX века ненормативные ныне формы множественного числа, например, у Гончарова *фаршированные* *мяса*, быть может, были навеяны французским языком. Аналогичные примеры мы находим у Пильняка: *Тогда покупались икры и осетрины*; *военные обменивались частями*; *это искусство имело свои памяти*; *реввы автобусов*; *люди одинаковых волей*; *преуспевания*; *светы фонарей*; *расставлялись фарфоры*; *сотни тысяч калечеств и гололедиц* (ср. фр. *se rendre les saluts, volontés, lumières de la ville, porcelaines, vrombissements des moteurs*).

Во французском языке определение к подлежащему нередко выносится за глагол, превращаясь в характеристику действия: *Les enfants dormait tranquilles Дети спали спокойно* (букв. «спокойные»). Пильняк пишет *Сумерки наступали тихи и ясны*.

Автор часто использует составное именное сказуемое, которое также в некоторых европейских языках употребляется шире, чем в русском: *Он пришел пасмурным, деловым, усталым*; *Они проживали племянниками великих мастеров*. Творительный падеж используется автором в тавтологических конструкциях, где дополнение семантически повторяет подлежащее, характеризуя подлежащее или глагол: *Жизнь Федора Ивановича проходила жизнью солдата и рабочего*; *Он шел по жизни человеком крепкой воли*; *Она поздоровалась с Полетикой, руку подав очень надежной женщиной*; *Жена пришла чистой женщиной, тихой женщиной* (= когда он женился его жена была...); ср. тавтология: *он — человеком*; *она (жена) — женщиной*.

Вместе с тем употребление творительного падежа позволяет найти в русском языке оригинальные способы выражения. Этот падеж занимает особое место в системе русских падежей. Будучи периферийным по своей семантике, он позволяет передать дополнительные характеристики действия, присоединить дополнительное действие, создать компактную форму выражения. Р. Якобсон отмечал его роль в организации художественной речи (Якобсон 1985, 153–157; Якобсон 1987: 190–195; 29). Пильняк использует этот падеж вместо предложных оборотов: *Жена задергалась судорогами истерики* (= в судорогах); *Этой командой [из Москвы] возникали строительства*; *двигались сотни тысяч людей, ... просыпался на рассвете Федор Иванович* (= по этой команде). Творительный падеж в его ограничительной функции дает возможность автору необычным образом выразить обстоятельство действия, его характеристику: *Служилое сословие... спортивными трусиками* (= в спортивных трусиках), *рысцой бежало по мостовым около тротуаров, змеями очередей вставало в хвосты магазинов за хлебом* (= вставало в подобные змеям очереди у магази-

ов; очереди и хвосты образуют тавтологию); Оркестр благозвучал фокстротами.

Последний пример подводит нас к проблеме грамматических трансформаций в процессе литературной обработки текста. «Писатель — это тот, кто обрабатывает свое слово» (Барт, 134). Эта обработка часто заключается в лексико-синтаксических трансформациях.

В условиях прямой номинации структура словосочетания и предложения изоморфна структуре описываемой ими ситуации: в словосочетании существительное обозначает предмет, прилагательное — его признак; в предложении подлежащее обозначает реальный субъект действия, дополнение — реальный объект и т. п. Но между смысловыми и синтаксическими категориями нет жестко детерминированной связи и образуются вторичные, косвенные номинации на уровне предложения, когда члены словосочетания и предложения не изоморфны компонентам глубинной структуры.

Исследования речи русских и французских детей показывают, что они используют части речи и члены предложения почти исключительно в их первичных значениях: существительное обозначает предмет, подлежащее указывает на реальный субъект действия и т. п. В речи взрослых и тем более при литературной обработке языка нарастает использование членов предложения в их вторичной, переносной функции, подобно тому, как в области лексики литературная обработка часто проявляется в переносном употреблении слов. В каждом языке существует определенная степень этого расхождения, этой метафоры на уровне предложения. Если русский язык, благодаря богатой морфологии и удивительно гибкому синтаксису, может сохранять параллелизм форм и значений, то французский с его жестким синтаксисом часто вынужден решать коммуникативные задачи изменением синтаксической функции номинаций. Поэтому лексико-синтаксические трансформации более частотны и стилистически менее отмечены во французском языке, чем в русском.

Мы рассмотрим два типа преобразований: интерверсию и актантную трансформацию.

Интерверсия заключается в том, что в словосочетании нарушается параллелизм синтаксических и семантических отношений: главный член выражает определение, а подчиненный компонент — определяемое. Многие интерверсии стали банальными в языке и не воспринимаются как стилистическое средство, например, *две недели отпуска* вместо *двухнедельный отпуск*.

Однако еще античные авторы использовали интерверсию как стилистический прием, который стал широко применяться и во французской литературе. В свое время Мопассан критиковал авторов, злоупотреблявших интерверсией, которая особенно была необычна при использовании в качестве главного члена абстрактного существительного. Мопассан иронизировал: «Эти писатели заставляют падать град или дождь на чистоту стекла» (вместо «на чистое стекло») [Cressot, 50].

Приемом интерверсии широко пользуется Пильняк. Последнюю цитированную фразу можно интерпретировать так: *Оркестр играл благозвучную музыку — это были фокстроты* или *Оркестр играл благозвучные фокстроты*. В обоих вариантах семантика «благозвучность», обозначающая признак музыки, принимает форму прилагательного, которое выступает в своей прямой функции, характеризуя существительное: родовое понятие *музыка* или видовое *фокстрот*. В трансформированной фразе Пильняка признак инкорпорирован в глагол, образованный от имени, а существительное (*фокстроты*) выступает как компонент, зависимый от слова, содержащего его характеристику. Аналогичным образом, глубинная структура *Они прошли в улицу где росла целебная ромашка*, где *ромашка* — признак *улицы*, преобразуется в *Они прошли в целебную ромашку улицы*, где *улица* формально оказывается признаком *ромашки*. Еще яснее интерверсия во фразе: *Улица пребывала в безмолвии ласточек* (вместо *Над улицей летали безмолвные ласточки*).

Во французском языке распространены актантные трансформации высказывания, когда синтаксическое подлежащее (в том числе и при переходном глаголе) выражает не реальный агент — производитель действия, но любой другой актант или сирконстант (место, причину, орудие и т. п.). Образуется своего рода метафора, при которой неодушевленное подлежащее приравнивается к одушевленному производителю действия. В грамматиках и стилистиках это называют синтаксическим анимизмом. Анимизм глубоко проник в национальную стилистику французского языка. Как и в лексической метафоре, здесь может наблюдаться разная степень метафоричности: от совершенно стертой до стилистически значимой. Вот, например, дословные переводы типичных *стертых* синтаксических метафор французского языка: *Конгресс собрал 1000 делегатов* (вместо: *На конгресс прибыло 1000 делегатов*); *Дождь помешал мне выйти* (= *Из-за дождя я не смог выйти*); *Вино делает его больным* (= *От вина он заболевает*); *Катастрофа убила пять человек* (= *В катастрофе погибло пять человек*); *Октябрь видел повышение цен на нефть* (= *В октябре повысились цены на нефть*). Синтаксический анимизм дополняется лексическим: при неодушевленном подлежащем используется активный антропоморфный глагол.

Разумеется, изменение актантной структуры высказывания в связи с иным представлением действительности наблюдается и в русском языке. Особенно это характерно при описании движения, когда впечатление описывается не как следствие движения воспринимающего субъекта (*Я проезжаю мимо...*), но как следствие перемещения наблюдаемых предметов (*Мимо меня проносятся...*). Классический пример такой инверсии угла зрения на ситуацию движения дал Пушкин:

Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари... (Евгений Онегин)

Все, что говорят люди, содержит на глубинном уровне соотносительность с воспринимающим лицом, которое может (или могло бы) слышать, видеть, знать то, о чем идет речь. Однако эта соотносительность может быть эксплицитной или имплицитной. Глагол *мелькать* содержит ее в своей семантической структуре. Согласно словарю Ожегова-Шведовой, он значит «являться, показываться на короткое время». В свою очередь *показываться* значит «становиться доступным зору». Но указанная семантическая инверсия может описываться глаголом, который не содержит эксплицитной семы восприятия. Например, у Булгакова: *Под Маргаритой плыли крыши троллейбусов, автобусов и легковых машин, а по тротуару, как казалось сверху Маргарите, плыли реки кепок*. Глагол *плыть* показывает движение как бы независимо от впечатления того, кто передвигается. Воспринимающее лицо указывается особо (как в данном случае) или выводится из контекста и ситуации. Аналогичные фразы мы находим у Пильняка: *Летели назад улицы, дома, фонари... Воздух, время, земля свистели, прыгали, мчались* (о движении автомашины). Во фразе *Архангельск уехал за Соломбалу* (речь идет о пароходе, отходящем от пристани) инверсия в изображении движения также придает оттенок душевленности подлежащему.

Пильняк часто прибегает к «анимистическим» оборотам, употребляя предложения с неодушевленным грамматическим субъектом: *Жодь за окнами утверждал осеннюю ночь; Мораль тех лет благоловила профессора; Столик иностранцев говорил по-французски; Лапоги указывали на многие свои труды; Полторак с Надеждою и Антоновной уехали в темноту, лаявшую средневековыми собаками* (то есть «темнота лаяла собаками» вместо «собаки лаяли в темноте»). С фразам с неодушевленным подлежащим при переходном глаголе Пильняк прибегал и вне своих художественных произведений; например, в том же письме: *«Список приведенных авторов не родил во мне мысли, что я попал в «контакт с организацией, злобно-раждебной Стране Советов»»* (19).

Во фразе: *Комната была велика и пуста. Посредине ее расставился стол в белой клеенке*. Глагол *расставился* (созданный по образцу *расселся, разлегся*) придает подлежащему сему одушевленности.

Пильняк доводит анимизм до крайности при изображении движения автомашины и изменения времени дня. Используются оба приема: неодушевленное существительное в функции подлежащего при переходных глаголах и антропоморфные глаголы в функции сказуемого: *Машина заторопила ветер, время, деревни, заставила туманы и ветры плясать; Воздух, время, земля, свистели, прыгали, мчались* (ветер — признак быстрой езды). Вместо *машина остановилась* и пишет: *Стоп! — и машина сломала скорости, оставив ненужным время и ветер*. Вместо *машина замедлила ход* — *На опушке леса машина потеряла свои скорости, обессилела, отпустила на покой ветер*.

Вот примеры изображения изменения времени дня и описания окружающей обстановки: *Рассвет лез в щели ставень; Из тумана выползли кремлевские башни; Свет вытаскивал из мрака колокольни церквей; Тишина вселилась в вагон (= в вагоне стало тихо). В гостиной застряла еще ночь. В салон залезло серое в измороси осеннее утро. Поля легли первобытностью и тишиной. Улицы пребывали в предрассветном лае собак (= на предрассветных улицах лаяли собаки). В этом доме улеглась бесшумная тишина (стало тихо)*.

Изменение актантной структуры предложения и метафорические предикаты встречаются и в современной литературе как средство оживления повествования, хотя может быть с меньшими ухищрениями, чем в примерах из Пильняка. Вот фраза из романа Б. Окуджавы «Упраздненный театр» («Знамя» 9/93): *Но тревога и растерянность вдруг приоткрыли ей немую тайну*.

Сравним два предложения из упомянутого романа М. Смоляницкого: *Небольшой платяной шкаф в другом конце комнаты уютно поблескивал полированными дверцами и На тумбочке располагался портативный магнитофон — его металлические части поблескивали так же*. Если во второй фразе поблескивание представлено как естественное проявление металлических частей, то в первой — словно результат воздействия шкафа на его дверцы. Фраза представляется более выразительной, хотя и несколько искусственной.

Самая сложная задача при актантных трансформациях — найти глагол, поскольку глагол — структурный центр предложения, и взаимозамена подлежащего с другим членом предложения отражается на выборе глагола: его грамматической формы (например, актив/пассив) или его лексемы — нередко используются глаголы-конверсивы. В языках существуют многие пары таких глаголов: *А находится в В ↔ В содержит в себе А; А находится за В ↔ В закрывает А* и т. п. Вместо *Буфет и гардероб закрывали алтарь* Б. Пильняк пишет: *Алтарь исчезал под буфетом и гардеробом*.

Вот примеры того, как автор решает проблему нахождения глагола. Останавливается поезд. Одни пассажиры входят, другие выходят. Автор желает превратить слово *поезд* в подлежащее, *пассажиры*, следовательно, — в дополнение. Пильняк находит такое решение: *К перрону, толкая перед собой ветер, примчал поезд, разменял людей и ушел в темную трубу [метро]*. «Входить/выходить» получает в качестве конверсива глагол «разменять». Другой случай, — из того же романа М. Смоляницкого: на станцию прибыл поезд, из него вышел человек (Меркадьев). Автор хочет построить актантную инверсию (вместо «из поезда вышел человек» — «поезд ... человека»), превратить обстоятельство в подлежащее, а подлежащее в дополнение. Конверсивом к глаголу *выйти* здесь может быть глагол типа «извергнуть». Именно такой глагол и употребляет автор: *Электричка выплюнула Меркадьева в индустриальный пейзаж*. Любопытно, что французский язык использует в аналогичных случаях глагол из того же семантического поля — «плевать» *spacher*, причем это употребле-

ние узואально и отмечается в словарях: Le volcan crache de la lave (букв. «вулкан выплевывает лаву») *Из вулкана льется лава*; Une plume usée crache l'encre *Из старой ручки льются чернила*.

Одним из проявлений новаторства автора является трансформация структуры предложения, синтаксических связей, словосочетаний, грамматических форм. Они могут быть свойственны только одному из сравниваемых языков (как, например, многие приведенные конструкции с творительным падежом в русском языке), но могут иметь сходный вид в разных языках. В этом случае они могут заимствоваться из одного языка в другой или развиваться в одном языке под влиянием другого, либо возникать и развиваться параллельно, но в одном иметь более широкое распространение, чем в другом. Среди стилистических приемов можно найти как внутриязыковые, так и те, что напоминают более частотные и узואальные явления в других языках.

Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.

Винокур Г. О. О языке художественной литературы. М., 1991.

Гак В. Г. Категории процесса // В. Г. Гак, Е. Б. Ройзенблит. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М., 1965.

Пильняк Б. Повесть непогащенной луны. Заволочье. Волга впадает в Каспийское море. М., 1989.

Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985.

Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987.

Cressot M. Le style et ses techniques. P., 1969.

2. Литературные варианты и особенности национальной культуры (Лафонтен и Крылов)*

В жизни человечества существует особый род деятельности, смыслом которой является отображение разнообразных ситуаций, в каких могут оказаться люди. Это — литературное творчество. Во всех формах литературной деятельности людей — от басен, сказок, анекдотов до творений величайших писателей мира — описываются положения, в которых оказываются люди, их действия, их чувства и мысли, окружающий их мир. Не случайно поэтому в литературе разных народов и разных эпох обнаруживаются многие аналогичные сюжеты, проблемы, герои. Испанский драматург А. Касона сказал, что в осно-

ве литературы лежит небольшое число сюжетов. Один немецкий литературовед подсчитал, что таких сюжетов — тридцать три. Можно выражать сомнения по поводу конкретного числа, но сходство проблем, сюжетов, характеров, хотя и рассматриваемых на различных общественных уровнях, подтверждается такими названиями художественных произведений, как «Леди Макбет Мценского уезда», «Гамлет Цигровского уезда», «Новая Элоиза» и т. п. Известные работы В. Проппа о морфологии сказки показывают общность литературных протосюжетов. К аналогичным выводам пришел и французский филолог Э. Сурьо (E. Souriau), исследовавший 200 000 драматических ситуаций¹.

Сходство сюжетов образуется в результате как заимствований, так и независимого отображения в различных литературных произведениях, аналогичных человеческих ситуаций. Однако не только при параллельном развитии, но и в случаях заимствования, подражания, переделок в произведениях, разрабатывающих один и тот же глубокий сюжет, часто отражаются временные, национально-культурные и социальные черты соответствующего общества. В свете проблемы национально-культурной специфики в трактовке сходных сюжетов и характеров большой интерес представляет жанр басни. С одной стороны, лапидарная по стилю басня отображает самые общие ситуации и отношения, имеющие место между людьми. С другой стороны, она более многих других жанров приближается к истокам народного творчества, отражая жизнь и характеры простых людей, что способствует фиксации в ней элементов национально-культурной специфики общества. В качестве примера будет рассмотрена первая басня из лафонтеновских книг — «La Cigale et la Fourmi» в сравнении с русским вариантом — басней И. А. Крылова «Стрекоза и Муравей» и прототипом — соответствующей басней Эзопа.

Приписываемые Эзопу басни переходили из одного сборника в другой, от греков к римлянам, затем к европейским народам, обрастая все новыми деталями, подвергаясь изменениям. В старейшей редакции эзоповских басен оппонентом муравья выступает не цикада и тем более не стрекоза, а жук. Вот текст этой басни в переводе М. Л. Гаспарова²:

Басня 112. *Муравей и жук*. В летнюю пору гулял муравей по папине и собирал по зернышку пшеницу и ячмень, чтобы запастись кормом на зиму. Увидел его жук и посочувствовал, что ему приходится так трудиться даже в такое время года, когда все остальные животные отдыхают от тягот и предаются праздности. Промолчал тогда муравей, но когда пришла зима и навоз дождями размыло, остался жук голодным, и пришел он попросить у муравья корму. Сказал муравей:

¹ См.: Greimas A.-J. Sémantique structurale. P., 1966, p. 175.

² Басни Эзопа. Перевод, статья и комментарий М. Л. Гаспарова. М., 1993, с. 96-97.

* Впервые опубликовано: НДВШ, Филологические науки, 1996, № 3.

«Эх, жук, кабы ты тогда работал, когда меня трудом попрекал, не тришлось бы тебе теперь сидеть без корму».

Так люди в достатке не задумываются о будущем, а при перемене обстоятельств терпят жестокие бедствия.

В более поздней младшей редакции басен вместо жука появляется цикада. Этот вариант перешел в средневековые школьные сборники басен и был заимствован Лафонтеном. Замена жука цикадой объясняется, возможно, наблюдательностью простых людей, заметивших особенности жизни этих насекомых. Жук оказался непредусмотрительным, но вообще-то он далеко не бездельник: люди видели, с каким упорством жуки-навозники скатывали свои шары. Но люди не видели, как цикада добывает себе пищу (ниже станет ясно, почему). Они замечали лишь, что в летнюю жару это насекомое весь день сидит на ветке, стрекочет, так что создавалось впечатление, что оно ничего не делает, даже не ищет пропитания, тогда как поиски пищи — основное занятие всякого животного. Цикада оказалась «удобным» объектом для персонификации непредусмотрительности, беззаботности. Вот второй вариант басни¹:

Муравей и цикада. Стужа стояла, и ненастье сошло с Олимпа. Но муравей еще в пору жатвы собрал в своем жилье богатые запасы. А цикада забила в щель и едва дышала, изнемогая от голода, жажды и сильной стужи. И попросила она у муравья поесть; довольно пшеничного зернышка — и она будет спасена. «Где же ты была летом? — спросил муравей. — Почему ты не запасала корму в жатву?» Ответила цикада: «А я пела и веселила прохожих». С громким смехом сказал муравей: «Ну так попляши зимой». — Учит нас басня, что самое главное — заботиться о насущной пище, а не тратить время на забавы и гулянья.

Вторая редакция более пространна и литературно разработана: она начинается с художественного описания зимы и страданий цикады. Но наибольший интерес представляет изменение отношения к персонажам. В первом варианте жук — абсолютно отрицательный тип: мало того, что он легкомыслен, он еще смеется над тружеником-муравьем. Муравей представлен как тип целиком положительный. В более поздней редакции муравей лишается «ореола святости». Если в первом варианте он лишь пожурил жука, то во втором он издевается над бедной цикадой, которая «едва дышала», изнемогая от голода и холода. Именно здесь и появляется знаменитое: «теперь попляши». В свою очередь цикада вызывает некоторое сочувствие описанием тех страданий, которые она терпит; к тому же сообщается, что она не вполне бездельница — она своим пением веселила прохожих (в некоторых странах пение цикады считается красивым). Согласно древнегреческой легенде, отразившейся в одной из эзоповых басен, за любовь к пению музы даровали цикадам способность жить, не нуждаясь в корме, и петь без еды и питья до самой смерти. Во втором варианте

¹ Там же, с. 286.

у муравья к предусмотрительности присоединяется презрение к тем, кто не заботится о себе; он издевательски отказывает в помощи творению, которое бескорыстно доставляло людям удовольствие своим пением, ради которого оно забывало о хлебе насущном.

Басня Эзопа стала источником басни Лафонтена, которая послужила основой для басни Крылова. Приведем басню Лафонтена в подлиннике и подстрочном переводе.

La Cigale et la Fourmi
(1668)

La cigale ayant
Tout l'été
Se trouva fort dépourvue
Quand la bise fut venue:
Pas un seul petit morceau
De mouche ou de vermisseau.
Elle alla crier famine
Chez la fourmi sa voisine,
La priant de lui prêter
Quelque grain pour subsister
Jusqu'à la saison nouvelle.
Je vous paierai, lui dit-elle,
Avant l'août, foi d'animal,
Intérêt et principal.
La fourmi n'est pas prêteuse,
C'est là son moindre défaut.
Que faisiez-vous au temps chaud?
Dit-elle à cette emprunteuse.
Nuit et jour à tout venant
Je chantais, ne vous déplaît.
Vous chantiez! J'en suis fort aise,
Hé bien, dansez maintenant.

Цикада и Муравей (Муравьях)

Цикада пропев
все лето,
оказалась лишенной всего,
когда пришел холодный ветер:
ни одного кусочка
мухи или червячка.
Она пошла жаловаться на голод
к муравьях, своей соседке,
прося ее ей одолжить
несколько зерен, чтоб прожить
до весны.
— Я заплачу вам, — говорит она ей, —
до августа, даю слово животного,
процент и основной долг.
Муравьях не любит давать в долг,
такого недостатка у нее нет¹
— Что делали вы летом? —
Спрашивает она просительницу займа.
Ночь и день, для каждого прохожего
я пела, с вашего позволения.
— Вы пели! Я очень рада.
Что ж, танцуйте теперь.

А теперь басня Крылова:

Стрекоза и Муравей
(1808)

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,

¹ Французский комментатор делает по этому поводу такое замечание: «Лафонтен здесь говорит, как могла бы сказать скупая муравьях, в глазах которой давать в долг — недостаток. Она менее всего может упрекнуть себя в этом недостатке». См.: *La Fontaine. Fables. Nouvelle édition par R. Radouant. P., 1929, p. 14.*

Как зима катит в глаза.
 Помертвело чисто поле,
 Нет уж дней тех светлых боле,
 Как под каждым ей листком
 Был готов и стол и дом.
 Все прошло: с зимой холодной
 Нужда, голод настает;
 Стрекоза уж не поет;
 И кому же в ум пойдет
 На желудок петь голодный!
 Злой тоской удручена,
 К Муравью ползет она:
 «Не оставь меня, кум милый!
 Дай ты мне собраться с силой,
 И до вешних только дней
 Прокорми и обогрей!»
 — «Кумушка, мне странно это:
 Да работала ль ты в лето?»
 Говорит ей Муравей.
 — «До того ль, голубчик, было!
 В мягких муравах у нас
 Песни, резвость всякий час,
 Так что голову вскружило».
 — «А, так ты...» — «Я без души
 Лето целое все пела».
 — «Ты все пела? Это дело:
 Так поди же, попляши!»

Оба варианта более пространны, чем источник, что позволило авторам обогатить сюжет, ввести ряд дополнительных черт в характеристику персонажей. Можно отметить три общих их отличия от прототипа: выбор животного, приписывание определенного общественного статуса персонажам, уточнение их рассуждений и взаимоотношений. Сквозь все эти моменты просвечивает национально-культурная специфика, хотя глубинный сюжет басни касается одной и той же элементарной общечеловеческой ситуации, ясно обозначенной в заключительной формуле эзоповой басни.

Культура каждого народа существует и развивается в определенном внешнем кадре, в определенных природных условиях. В рассматриваемых баснях различие этого кадра сказывается прежде всего в выборе персонажей-животных. Лафонтен упоминает только цикаду. И. А. Крылов заменил экзотическую для русского читателя цикаду более привычной стрекозой.

В литературно обработанных баснях животные больше «очеловечены», им приписываются нередко черты, не свойственные реальным животным-прототипам. Разумеется, животные в баснях — условные персонажи и они не должны описываться с биологической точностью, но все же, как отмечает Л. С. Выготский, «каждое животное пред-

ставляет заранее известный способ действия, поступка в силу общих свойств своей жизни»¹. Поэтому представляет интерес сопоставить действия, приписываемые животным, с их реальным поведением. В этом отношении древние басни были более адекватны действительности. О жуке из старшей редакции басен Эзопа говорится, что он пострадал от того, что зимой дождями размыло навоз. В самом деле, популярный жук-навозник питается навозом. В младшей редакции басни сказано, что цикада попросила у муравьев еды: пшеничного зернышка. Но цикада не ест зерна. У Лафонтена она превращается в плотоядное насекомое: ей недостает мушки или червячка, которых она не ест. «Биологическая» неточность наблюдается и в басне Крылова. Стрекозы не прыгают, не поют, тогда как цикада «поет» (то есть стрекочет) и может прыгать².

Знаменитый французский энтомолог Ж. Фабр посвятил статью биологическому аспекту басни Лафонтена «Цикада и муравей»³. Он считает, что эту басню, пришедшую во Францию из Греции, вряд ли сочинили греки: в Греции много цикад, и греческие крестьяне знали, что зимой цикад не бывает, они умирают до прихода зимы, оставляя земле личинки. По-видимому, басня пришла в Грецию из Индии, и там говорилось о другом насекомом, которое греческий баснописец заменил более знакомым. Такое заимствование возможно, ибо «многие сюжеты индийских джатак стали известными и в Европе, в частности из басен Эзопа и Бабрия, Лафонтена и И. А. Крылова»⁴. Ж. Фабр указывает, что в паре «муравей — цикада» подлинным паразитом и грабителем является муравей. Цикада питается соком, который она высасывает, просверлив тонким хоботком ветку дерева. При этом она стрекочет, «поет». Обнаружив цикаду, муравьи стараются оттеснить ее от источника сладкого сока и в конце концов сгоняют ее с места. Таким образом, как пишет Фабр, «похищение, готовый даже на открытый грабеж, — это муравей. Труженик, которому не жаль поделиться с голодным, — это цикада»⁵. Более того, муравьи питаются останками мертвых цикад. Пение цикад — обязательный компонент окружающей природы в Южной Франции. Цикада занимает важное место в южнофранцузском бестиарии. Она символизирует летнюю жару, время каникул⁶. La Cigale — название провансальского литературного общества, основанного в 1876 г.; члены этого общества именуются cigaliers. Серебряная цикада — La Cigala d'argent — знак отличия, даваемый за заслуги в пропаганде провансальской культуры и языка.

¹ Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1968, с. 138.

² Жизнь животных. М., 1969, т. 3, с. 266.

³ Фабр Ж. Жизнь насекомых. М.-Л., 1936, с. 333-336.

⁴ История всемирной литературы. М., 1983, т. 1, с. 234.

⁵ Фабр Ж. Указ. соч., с. 334.

⁶ Lou Sourgetin (La Petite source), 61, mars-avril. Nice, 1984, p. 41.

И. А. Крылов, как отмечалось выше, также неточно отобразил свойства своей героини — стрекозы, назвав ее попрыгуньей, хотя она прыгать не может, но лишь порхает, перелетая с места на место. Однако образ попрыгуньи-стрекозы прочно вошел в сознание русского читателя. На основании смыслового параллелизма басен Крылова и Лафонтена возникло представление о параллелизме персонажей, и цикада, проводящая большую часть своей жизни, сидя на ветке дерева, стала ассоциироваться с попрыгуньей-стрекозой, непрерывно летающей в жаркие часы дня. Быть может, этим руководствовался переводчик, передавая название известного рассказа А. П. Чехова «Попрыгунья» французским словом *La Cigale*¹, хотя это не вполне адекватно, так как французское слово символизирует непредусмотрительность, а русское *попрыгун*, *-ья* обозначает человека, не сидящего на месте. Но может быть, в заглавии рассказа контаминируются два значения: прямое (героиня рассказа не сидела на месте, развивая все время бурную, но пустую деятельность) и переносное, навеянное басней Крылова (она оказалась непредусмотрительной, утратив в погоне за пустой славой и реальное счастье, которым обладала).

Различия внешнего кадра двух культур проявляются и в описании природы. О приближении зимы Лафонтен говорит «когда пришел холодный ветер», Крылов — «помертвело чисто поле». Холодный ветер, дождь — главный признак наступления зимы во Франции, в России — увядание природы, снег (во Франции и зимой сохраняется зеленый травяной покров на полях, листва на кустарниках).

Второй культурологический фактор может быть связан с самим языком. В баснях большое значение приобретает грамматический род названия животного; при олицетворении образуются наименования лиц мужского или женского пола: формальный род переходит в семантический. Л. В. Щерба, анализируя лермонтовский вариант стихотворения Гейне «Ein Fichtenbaum stecht einsam», показал, как замена рода при олицетворении может изменить всю тональность произведения. С аналогичным явлением мы встречаемся при переходе от французского варианта басни к русскому.

Русские педагоги отмечали, что, несмотря на простоту и прозрачность мысли, заложенной в басне, при разборе стихотворения сочувствие школьников часто бывает на стороне «непутевой» стрекозы, а не хозяйственного и предусмотрительного муравья². Возможно, здесь сыграл свою роль и грамматический род имен персонажей. Во французском языке *la cigale* и *la fourmi* — слова женского рода, они олицетворяют двух женщин. Французские художники, иллюстрируя басню, нередко изображают двух беседующих женщин: муравью, аккуратно одетую хозяйку в чепце и фартуке, и цикаду — молодую особу с гитарой и в шали. Русское слово *муравей* — мужского рода и при персонификации выходит, что жадный и недобрый мужик отка-

зывает в помощи бедной, беззащитной, по-своему симпатичной жемчужине. Это не может не вызвать подспудно отрицательного отношения к муравью.

Заметим мимоходом, что это не единственный случай, когда изменение грамматического рода в басне влечет за собой изменение в восприятии ее содержания. В басне Лафонтена «Le Corbeau et le Renard» («Ворона и Лисица») имена обоих персонажей — мужского рода. В тексте они называются *Maître Corbeau* и *Maître Renard*. В XVII в. титул *Maître* давался уважаемым людям: адвокатам, ученым, магистратам; так обращались и к мастерам, сдавшим экзамен по своему ремеслу, его добавляли шутки ради к именам животных¹. В басне Лафонтена в этом титуле реализуется игра слов: он употреблен одновременно и в уважительном смысле, и в ироническом. Но он показывает все же, что лафонтеновские ворона и лисица (лучше: Ворон и Лис) символизируют людей уважаемых. На иллюстрациях к французским изданиям басен Ворон нередко изображается в виде ученого мужа: в шапочке, в очках и во фраке; также и Лис: в руке у него цилиндр, в кармане — свиток с текстом. Басню, видимо, можно трактовать как иронию в адрес прежде всего ученых мужей, которые особенно падки на похвалы. А через них автор уже метит в общечеловеческую слабость. В крыловском варианте промежуточные социальный и профессиональный элементы сняты: ворона и лисица (оба слова женского рода) не ассоциируются ни с какой социо-профессиональной группой. В басне, как и других художественных произведениях, следует порой различать два уровня абстракции: низший уровень — изображение людских характеров на примере представителей определенной социо-профессиональной или демографической группы, и высший — общечеловеческий. При переводе в собственном смысле слова должен сохраниться и низший уровень, при переделке он может отсутствовать.

Но вернемся к цикаде и стрекозе. Оба варианта басни настроены на разговорную речь. Но в русском варианте народность речи чувствуется больше, чем во французском. Это объясняется особенностями формирования национальных литературных языков во Франции XVII в. и в России на рубеже XVIII–XIX вв. Французский литературный язык классического периода избегал широкого обращения к простонародной речи. Но все же можно отметить в басне некоторые традиционные выражения: *la saison nouvelle* (о весне, букв. «новое время года»), *foi d'animal* (букв. «честное слово животного») — шутливая переделка выражения *foi d'honnête homme* «слово честного человека». Русский литературный язык был более открыт для народной речи, и в тексте крыловской басни представлены фольклорные словосочетания: *лето красное, злая тоска, чисто поле, мягкая мурава*.

Другие особенности басен обусловлены уже собственно историко-культурными факторами. Отношения между лафонтеновскими персонажами более официальные и дистантные, чем между крыловскими.

¹ Tchekhov A. Œuvres choisies, t. 2. Nouvelles et récits. M., 1988, p. 7.

² Выготский Л. С. Указ. соч., с. 161.

¹ La Fontaine. Op. cit., p. 556.

Цикада и муравьях разговаривают на «вы», тогда как их крыловские коллеги — на «ты». Конечно, французские «вы» и «ты» не вполне соответствуют функционально русским. Иногда, особенно в текстах прежнего времени, французское «вы» равнофункционально русскому «ты». (В романе «Война и мир» Л. Н. Толстого супруги порой говорят между собой по-французски на «вы», а в русском переводе, сделанном самим Толстым, — на «ты»). Но все же текст двух басен не оставляет сомнения: социальные отношения между персонажами во французском варианте более формальны, чем в русском. Цикада и муравьях — не более как соседки. Цикада просит у муравьях извинения за то, что побеспокоила ее своей просьбой. В словах муравьях чувствуется глубинное жесткое и неприязненное отношение к просительнице, раздражение, вызванное цикадой: *Vous chantiez! J'en suis fort aise!* Она не понимает и презирает тех, кто не накапливает запасов. Сам автор говорит о ней без симпатии, подчеркивая, что она не любит давать в долг. Брать деньги в долг она считает недостатком и гордится тем, что у нее такого недостатка нет. Жесткость и отсутствие милосердия делают муравьях малопривлекательной, несмотря на то, что она должна репрезентировать мораль басни.

Отношения между стрекозой и муравьем в русской басне менее формальны. Они не только соседи, но и кумовья, обращающиеся друг к другу со словами, принятыми среди близких людей: *кум милой; кумушка; голубчик*. В словах муравья слышится не столько раздражение против просительницы, сколько то «веселое лукавство ума» и насмешливость, которые Пушкин считал характерной чертой народных крыловских персонажей¹.

Но наиболее показательным расхождением между двумя вариантами басни является содержание просьбы цикады и стрекозы.

Цикада просит муравьях дать ей зерна в долг, до нового урожая (до августа), обещая вернуть ей и основной долг и процент. Просьба крыловской стрекозы совершенно иная: она не ведет речи ни о займе, ни о процентах, она говорит только о гуманитарной помощи. Она просит муравья «прокормить и обогреть» ее, то есть взять к себе в дом до весны, ведь они — кумовья, близкие люди. Во всем этом отражается большее чувство взаимопомощи у русских персонажей, а также, быть может, и менее развитый уровень товарно-денежных отношений в российской среде того времени: речь идет не о займе, а о безвозмездной помощи. По-разному выглядят сами просительницы. Цикада летом занималась в известной мере полезным трудом: она пела, развлекая прохожих, но не подумала о своем будущем: ей свойственна непредусмотрительность. Стрекоза же отличается полной беззаботностью: все лето она пела и резвилась, ни о чем не думая («без души»), не совершая никакой полезной работы. Она могла рассчитывать только на участие и взаимопомощь, свойственные русской общине того времени. Если попытаться продолжить историю, то скорее

¹ См.: А. С. Пушкин. Поля. собр. соч. В 10 т. М.; Л., 1949, т. VII, с. 32.

всего цикада ничего не получит от муравьях. Русский вариант басни производит иное впечатление: пожалуй, муравей все же сжалится над стрекозой. Именно такую концовку басни дал в своем варианте поэт А. Е. Измайлов, современник Крылова: муравей заявляет, что все, что он сказал, было в поучение стрекозе, а потом оказал ей помощь. Это больше соответствовало миропониманию простых русских людей того времени.

Л. С. Выготский отмечал двойственность восприятия, которое часто получает читатель при чтении басни, возможность противоречия между основной моралью басни и редакцией читателя. Из одной басни может быть выведено несколько моральных установок¹. В баснях Лафонтена и Крылова отражаются национально-культурные особенности соответствующего общества определенной эпохи. Но вместе с тем они в равной степени ставят вопрос и об общечеловеческих ценностях. Мы говорили о том, что крыловский муравей не вызывает особой симпатии у русского читателя. То же касается и французской муравьях, которую читатели склонны осуждать за суровость и нежелание помочь ближнему². Оба варианта басни, осуждая непредусмотрительность или безделье, вместе с тем осуждают и отсутствие милосердия.

Разбирая роман «Дон Кихот», Гейне сказал, что перо гения сильнее, чем он сам: Сервантес хотел осудить рыцарские романы, но написал величайшую сатиру на человеческую восторженность. То же можно сказать и об обоих великих баснописцах: они имели в виду осудить человеческую беззаботность, но вместе с тем рабоблачили жесткость, отсутствие человеколюбия и нежелание помочь ближнему.

¹ См.: Л. С. Выготский. Указ. соч., с. 143–144, 156.

² См.: J. C. Bologne. Les Allusions littéraires. P., 1989, p. 90.

Владимир Григорьевич Гак

ЯЗЫКОВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Издатель А. Кошелев

Корректоры М. Н. Григорян, Т. А. Михайлова
Оригинал-макет изготовлен В. М. Гусевым

Подписано в печать 15.04.98. Формат 70x100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура «Школьная».
Усл. печ. л. 61,92. Заказ № 3579 Тираж 1500.

Издательство Школа «Языки русской культуры».
129345, Москва, Оборонная, 6-105; ЛР № 071105 от 02.12.94.
Тел. 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).
E-mail: mik@sch-lrc.msk.ru

С апреля 1998 г. каталог в ИНТЕРНЕТ
<http://postman.ru/~lrc-mik>

Отпечатано с оригинал-макета во 2-й типографии РАН.
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 17 ч.).
Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.
(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order the above titles
by E-mail: Lrc@koshelev.msk.su
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

В 1995 — начало 1998 года вышли книги:

- С.С. АВЕРИНЦЕВ.** ПОЭТЫ. Переплет, формат 70x90/16, 368 с.
С.С. АВЕРИНЦЕВ. РИТОРИКА И ИСТОКИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ. Сб. ст. Переплет, формат 70x90/16, 448 с.
В.М. АЛПАТОВ. ИСТОРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ. Уч. пособ. Переплет, ф-т 70x100/16, 368 с.
Ю.Д. АПРЕСЯН. ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ, тома 1, 2.
Том I. «Лексическая семантика. Синонимические средства языка», изд. 2-е, исп., с указателями. Переплет, формат 70x90/16, 480 с.
Том II. «Интегральное описание языка и системная лексикография». Переплет, ф-т 70x90/16, 768 с.
БАСКАКОВСКИЙ СБОРНИК (90 ЛЕТ Н. А. БАСКАКОВУ).
Переплет, ф-т 60x90/16, 248 с.
МАРК БЛОК. КОРОЛИ-ЧУДОТВОРЦЫ. Переплет, ф-т 70x100/16, 712 с. 6 ил.
И.М. БОГУСЛАВСКИЙ. СФЕРА ДЕЙСТВИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ. Переплет, ф-т 60x90/16, 464 с.
Т.В. БУЛЫГИНА, А.Д. ШМЕЛЕВ. ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МИРА (на материале русской грамматики). Переплет, ф-т 70x100/16, 476 с.
ВЫСКУЮЩИЕ ГРАДА. Переписка русских религиозных философов начала XX века. Переплет, ф-т 70x100/16, 752 с. 21 ил.
Л.И. ВОЛЬПЕРТ. ПУШКИН В РОЛИ ПУШКИНА. Творческая игра по моделям французской литературы. Пушкин и Стендаль. Переплет, ф-т 70x100/16, 328 с.
ИВАН ГАГАРИН. ДНЕВНИК. ЗАПИСКИ О МОЕЙ ЖИЗНИ. ПЕРЕПИСКА. Переплет, ф-т 70x100/16, 352 с.
В.Г. ГАК. ТЕОРИЯ ЯЗЫКОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ. 768 с.
М.Л. ГАСПАРОВ. ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ. Переплет, ф-т 70x100/16.
Том I. «О поэтах». 664 с.
Том II. «О стихах». 504 с.
Том III. «О стихе». 608 с.
А.В. ДЫБО. СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ В АЛТАЙСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ. Обложка, ф-т 70x100/16, 384 с.
ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ НА СЛЕДСТВИИ. Сб. документов и материалов. Переплет, ф-т 84x108/32, 464 с.
В.М. ЖИВОВ. ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В РОССИИ XVIII века. Переплет, ф-т 70x100/16, 592 с.
А.А. ЗАЛИЗНЯК. ДРЕВНЕНОВГОРОДСКИЙ ДИАЛЕКТ. Переплет, ф-т 70x100/16, 720 с.
Н.А. ЗАМЯТИНА. ТЕРМИНОЛОГИЯ РУССКОЙ ИКОНОПИСИ. Переплет, ф-т 60x90/16, 272 с.
ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. Т. 3 (XVII — начало XVIII века). Переплет, ф-т 70x100/16, 624 с.
ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. Т. 4 (XVIII — начало XIX века). Переплет, ф-т 70x100/16, 832 с.
ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. Т. 5 (XIX век). Переплет, ф-т 70x100/16, 848 с.
ИЗ РАБОТ МОСКОВСКОГО СЕМИОТИЧЕСКОГО КРУГА. Сб. статей (А.А. Зализняк, В.В. Иванов, Т.М. Николаева,

- В.Н. Топоров и др.). Переплет, ф-т 70x100/16, 848 с.
КЕРСКИЙ СБОРНИК № 4: Лингвистика (ред. С.А. Старостин). Переплет, ф-т 60x90/16, 920 с.
Ю.И. ЛЕВИН. ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ. ПОЭТИКА. СЕМИОТИКА. Переплет, ф-т 70x100/16, 824 с.
Ю.М. ЛОТМАН. ПИСЬМА. Переплет, ф-т 70x100/16, 800 с.
С.И. ЛУБЕНСКАЯ. РУССКО-АНГЛИЙСКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ. Переплет, ф-т 84x108/16, 1058 с.
Б.Н. ЛЮБИМОВ. ДЕЙСТВА И ДЕЙСТВИЯ. Переплет, ф-т 70x100/16, 520 с.
М.К. МАМАРДАШВИЛИ, А.М. ПЯТИГОРСКИЙ. СИМВОЛ И СОЗНАНИЕ. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. Переплет, ф-т 70x100/16, 224 с.
М.К. МАМАРДАШВИЛИ. СТРЕЛА ПОЗНАНИЯ (набросок естественноисторической гносеологии). Переплет, ф-т 70x100/16, 320 с.
И.А. МЕЛЬЧУК. КУРС ОБЩЕЙ МОРФОЛОГИИ (в 4-х томах).
Том I. Слово. Переплет, ф-т 70x100/16, 416 с.
Том II. Морфологические значения. Переплет, ф-т 70x100/16, 544 с.
И.А. МЕЛЬЧУК. РУССКИЙ ЯЗЫК В МОДЕЛИ «СМЫСЛ—ТЕКСТ». Переплет, ф-т 70x90/16, 684 с.
А.В. МИХАЙЛОВ. ЯЗЫКИ КУЛЬТУРЫ. Уч. пособие по культурологии. Переплет, ф-т 70x100/16, 912 с. 7 ил.
МОСКОВСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ, вып. 1. Обложка, ф-т 70x100/16, 248 с.
МОСКОВСКО-ТАРТУСКАЯ СЕМИОТИЧЕСКАЯ ШКОЛА. История. Воспоминания. Размышления. Переплет, ф-т 70x100/16, 384 с.
К.Ф. НИКОЛЬСКАЯ-БЕРЕГОВСКАЯ. РУССКО-ВОКАЛЬНО-ХОРОВАЯ ШКОЛА IX-XX в-в. Обложка, ф-т 70x100/16, 192 с.
НОВЫЙ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ СИНОНИМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА. Первый выпуск. Под ред. акад. Ю.Д. Апресяна. Переплет, ф-т 84x108/16, 552 с.
ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ. Под ред. Т.Ф. Кузнецовой. Переплет, ф-т 70x100/16, 496 с.
В.Я. ПЕТРУХИН, Д.С. РАЕВСКИЙ. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ НАРОДОВ РОССИИ В ДРЕВНОСТИ И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. Переплет, ф-т 70x100/16, 384 с. 45 ил.
Е.В. ПАДУЧЕВА. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. Семантика времени и вида. Семантика нарратива. Переплет, ф-т 70x100/16, 464 с.
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ. Переплет, ф-т 84x108/16.
Том I. Лаврентьевская летопись. 496 с.
Том II. Ипатьевская летопись. 684 с.
А.М. ПЯТИГОРСКИЙ. ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ. Переплет, ф-т 70x100/16, 592 с.
А.М. ПЯТИГОРСКИЙ. МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ. Переплет, ф-т 70x100/16, 280 с.
И.М. САВЕЛЬЕВА, А.В. ПОЛЕТАЕВ. ИСТОРИЯ И ВРЕМЯ. В поисках утраченного. Переплет, ф-т 70x90/16, 800 с.
СЕМИОТИКА И ИНФОРМАТИКА, выпуск 35. Переплет, ф-т 60x90/16, 400 с.
СЕМИОТИКА И ИНФОРМАТИКА, выпуск 36. Переплет, ф-т 60x90/16, 416 с.

Ю.С. СТЕПАНОВ. КОНСТАНТЫ. СЛОВАРЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Переплет, ф-т 70x100 1/16, 824 с., 70 ил.

Ю.С. СТЕПАНОВ. ЯЗЫК И МЕТОД. Переплет, ф-т 70x100/16, 784 с.

В.Н. ТЕЛИЯ. РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Переплет, ф-т 70x100/16, 288 с.

Н.И. ТОЛСТОЙ. ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ. Переплет, ф-т 70x100/16.

Том I. «Славянская лексикология и семасиология». 520 с.

Том II. «Славянская литературно-языковая ситуация». 544 с.

В.Н. ТОПОРОВ. СВЯТОСТЬ И СВЯТЫЕ

В РУССКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ. Переплет, ф-т 70x90/16.

Том I. «Первый век христианства на Руси». 876 с.

Том II. «Славянская литературно-языковая ситуация». 864 с.

Т.В. ТОПОРОВА. КУЛЬТУРА В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА:

ДРЕВНЕГЕРМАНСКИЕ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ.

Обложка, ф-т 70x100/16, 256 с.

Б.А. УСПЕНСКИЙ. СЕМИОТИКА ИСКУССТВА.

Поэтика композиции. Семиотика иконы. Статьи об искусстве.

Переплет, ф-т 70x90/16, 480 с., 76 ил.

Б.А. УСПЕНСКИЙ. ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ (в трех томах).

Переплет, ф-т 70x100/16. изд. 2-е, исправленное, перераб. и дополн.

Том I. «Семиотика истории. Семиотика культуры». 608 с.

Том II. «Язык и культура». 780 с.

Том III. «Общее и славянское языкознание». 800 с.

И.Б. ШАТУНОВСКИЙ. СЕМАНТИКА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

И НЕРЕФЕРЕНТНЫЕ СЛОВА. Переплет, ф-т 70x100/16, 400 с.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ.

Переплет, ф-т 70x108/16, 368 с.

Е.Г. ЭТКИНД. «ВНУТРЕННИЙ ЧЕЛОВЕК» И ВНЕШНЯЯ РЕЧЬ.

Переплет, ф-т 70x100/16, 448 с.

В.Л. ЯНИН. Я ПОСЛАЛ ТЕБЕ БЕРЕСТУ...

Переплет, ф-т 70x100/16, 464 с. 84 ил.

В ближайшее время выйдут следующие книги:

Н.Д. АРУТЮНОВА. ЯЗЫК И МИР ЧЕЛОВЕКА. 50 печ.л.

АННА ВЕЖИЦКАЯ. ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ. 50 печ.л.

Вяч. Вс. ИВАНОВ. ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ (в двух томах).

Том I. ТРУДЫ ПО СЕМИОТИКЕ И ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ. 55 печ.л.

В.М. КЛОСС. ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ (в трех томах).

Том I. (Сергий Радонежский). 60 печ.л.

И.А. МЕЛЬЧУК. ОПЫТ ТЕОРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

«СМЫСЛ-ТЕКСТ». 40 печ.л.

В.И. НОВОДВОРСКАЯ. МОЙ КАРФАГЕН ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН.

Лекции по идеологии русской истории. 15 печ.л.

Н.И. ТОЛСТОЙ. ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ (в трех томах).

Том III. «Очерки по славянскому языкознанию». 35 печ.л.

Б.А. УСПЕНСКИЙ. ЦАРЬ И ПАТРИАРХ. 40 печ.л.

ОГТЕ ХАНСЕН-ЛЕВЕ. РУССКИЙ ФОРМАЛИЗМ. 45 печ.л.